

Защитник

Данный опус является сиквелом к [Ловцу](#) и повествует о приключениях Гарри Поттера и всей честной компании на 6 году обучения в Хогвартсе.

...как всегда — насовала цитат, натаскала отовсюду приглянувшихся идей (спасибо большое авторам, список которых — как обычно — воспоследует по окончании публикации).

Автор: **Stasy**, stasy@honeyduke.com

Анастасия Старынина

Защитник. — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2005. — 268с.
Версия 0.2. 23.05.2005

ISBN not allocated

© **Анастасия Старынина** aka **Stasy**, stasy@honeyduke.com, 2004-2005.

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2005.

Впервые опубликовано онлайн в 2004-2005 году.

Бета-читатель: Сохатый

Редактор: Free Spirit

Компьютерная вёрстка и корректура: Б. Нейтрон

Народный перевод Гарри Поттера

www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)

Электронная почта: mail@yarik.com

Глава первая, в которой от писем случаются неприятности, а на далёком острове отмечают Праздник Урожая.

Такого сырого лета обитатели Литтл Уингинга не помнили: дождь лил и лил несколько недель подряд, превратив ухоженные ровные лужайки — объекты гордости и хвастовства — в чавкающие под ногами болота, а художественно высаженные на клумбах бегонии — в кисель. И без того не особенно радующая глаз разнообразием палитры, Приват-Драйв стала для Гарри олицетворением безысходности и уныния: день за днём, — одинаковое серое небо, одинаковые тёмные от воды заборы, одинаковые дома с намертво приколоченными флюгерами на крышах — ветер обречённо дул в указанном направлении, с трудом волоча распухшие от влаги тучи.

Лишившись даже такой малости, как прогулки — кому охота таскаться по улицам в дождь! — Гарри целыми днями сидел в своей комнате, делая заданные на лето уроки или читая книги.

Вернее, книгу.

Он никому не рассказал о «Моей борьбе», пре-красно понимая, как Рон и Гермиона отнесутся к её возвращению: Рон вытаращит глаза, начнёт ахать и ужасаться, а Гермиона, из памяти которой вряд ли стёрлась попытка познакомиться с произведением Гриндевальда поближе, едва не закончившаяся самым трагическим образом, наверняка потребует немедленно передать книгу Дамблдору.

Ну уж нет.

Запершись в комнате, Гарри вытащил из тайника в полу драконоустойчивые перчатки, завёрнутый в старую наволочку фолиант и включил настольную лампу — хотя шёл только четвертый час пополудни, в комнате было довольно сумрачно, в окно хмуро смотрело облепленное тучами небо. Тихо щёлкнула золотёная застёжка, и книга раскрылась. По тусклым буквам, едва заметным на гладких желтоватых страницах (мысль о происхождении которых до сих пор вызывала у Гарри тошноту и ужас), он понял, что она дремлет. Юноша давно уже воспринимал её как живое существо — коим она, собственно, и являлась. Ещё со второго курса, столкнувшись с дневником Тома Риддла, он с опаской относился к магическим предметам, обладающим собственным разумом.

С опаской.

И неудержимым любопытством.

Вот чем-чем, а разумом «Моя борьба» обладала. Равно как и характером: иногда она откровенно издевалась над Гарри — в один из таких дней ему пришлось ознакомиться с концепцией Гриндевальда по вопросам реформирования магического сельского хозяйства в предгорьях Альп, потому что, как ни старался, открыть том на другой странице ему так и не удалось. Иногда она шутила — правда, юмор был подстать автору, и Гарри от представавших перед его глазами картинок кидало то в жар, то в холод. Однажды, и вовсе забросив чтение на несколько дней из-за летнего эссе по Зельям, он узнал, насколько опасен её гнев: как только он вытащил книгу из наволочки, симплицизм дохнул в лицо огнём, опалив брови, и из-под обложки раздался такой нечеловеческий вопль, что прибежавшие снизу Дурсли едва не вынесли дверь вместе с косяком. Гарри пришлось тогда соврать, что он стукнулся ногой об шкаф. С подозрением обшарив взглядом комнату, дядя ретировался, пригрозив впредь за подобные штучки оставлять племянника без обеда.

— Как я погляжу, у тебя лишку сил, коль ты так орёшь, — прошипел он, злобно шевеля усами.

— Жаль, ты себе шею не свернул, — процедил сквозь зубы Дадли и, встретившись глазами с Гарри, поспешил следом за отцом к телевизору — судя по доносящимся из гостиной звукам, началась тридцатая серия «Монстров в Городе Ужаса». Пол под его но-

гами упруго прогнулся.

...Сейчас же книга явно дремала — иначе как можно было объяснить тусклые строки, представшие у Гарри перед глазами:

«...Стенал народ: доколе? Доколе будем терпеть сие? В те грозные дни, перед лицом Предначальной Опасности и сотворила Великая Дюжина Заклинание Защитника. Тотчас вызванный, Защитник бросал огонь, дабы истребить сущее на земле Зло. И, воззрев на небеса, увидели все, что очистились они, и земля затихла, насытившись кровью. И чрезвычайно дивились все вокруг. Воцарились над землёй великая тишина и добрый мир, но недолго длилось сие. Когда поделили Заклинание на четыре части, и каждая Троица надёжно сокрыла свою, удумали ученики Слизерина сосредоточить в руках своих мощь великую, дабы единолично владеть тайной сей и миром...» — Гарри кинуло в пот, но, словно пробудившись ото сна, «Моя борьба» злобно щёлкнула переплётом — как он ни пытался, найти ту же страницу не удалось.

Поупражнявшись с полчаса («Проблема профессиональных союзов „Чёрных мантий“», «Мысли о значении и организационном построении штурмовых отрядов») — книга очнулась и больше не собиралась делиться сокрытыми в ней тайнами — Гарри разочарованно бросил пустое занятие и призадумался.

Великая Дюжина... Троицы... Ученики Основателей... Заклинание Защитника... Наверняка Вольдеморт знает об этом, ведь последним владельцем книги был именно он... А Дамблдор? Не с помощью ли таинственного заклинания и победили Гриндевальда? Или же оно утеряно навсегда? Что же там дальше? — он сердито покопился на кровать. Симплицизм с переплёта помахал хвостом с издевательской приветливостью.

Из гостиной послышались звуки рекламной отбивки, и в тон им желудок Гарри жалобно заурчал — до ужина оставалась ещё уйма времени, а мысли о еде становились всё более навязчивыми. Этим летом Дурсли не морили племянника голодом, но растущий организм словно взбесился: Гарри постоянно хотелось есть. Обычно он выживал за счёт посылок друзей — волшебные сладости, печенье и торты миссис Уизли... Гермиона не изменила традиции и нынешним летом, а вот Рон...

Мысли приняли печальную направленность, и Гарри помрачнел. Не то, что посылки, но даже письма от Рона приходили редко и выглядели очень странно: за строками чувствовались нарастающее напряжение и раздражение. Друг упрекал его в забывчивости, намекал, что Гермионе-де Гарри пишет, а вот его, Рона, совсем забросил, причём звучало это так, будто Гарри и вовсе не написал ему за лето ни одного письма! Ну, да — Гермионе он, действительно, писал чаще и больше, но ведь он писал и Рону! Нечасто. Можно даже сказать редко. Вернее, всего раза три. А о чём, собственно, писать? Что главным событием вечера стало явление Дадли в состоянии подпития — от того разило за милую? И при этом тот плёл своим родителям, что миссис Полкисс дала ему настойки «от нервов» — а те поверили? Или что на свой день рождения кузен учинил дебош: ему не понравился подарок родителей — новейшая модель мобильного телефона (дисплей, видите ли, не цветной!), в результате чего тот был безжалостно растоптан? Или про то, что у Гарри кончились чернила и эссе по Трансфигурации он дописал простой шариковой ручкой?

Гарри грустно усмехнулся: он уезжал из Хогвартса с предчувствием, что напряжение и безумный темп учебного года не покинут его и летом, но... Тихое, топкое болото Приват-драйв остановило время: проведённый здесь летний месяц впитал в себя всю скуку Исто-

рии Магии, невыносимость Зельеварения и количества работы, сравнимой с полугодовым взысканием у Филча.

Может, просто совы из-за дождей запаздывают?

Словно в ответ на эти мысли в стекло забарабанила почтовая сова. Гарри принял у неё Ежедневный пророк (из-за нелётной погоды утренняя почта неприлично запаздывала и приходила глубоко за полночь), сунул кнат в кожаный кошелек на лапе и зашуршал страницами.

Наученный горьким опытом прошлого года, теперь он просматривал газету от корки до корки, пропуская разве что рекламные объявления да приглашения на распродажи.

Первую полосу занимала огромная колдография и отчёт о матчах Кубка Европы по квиддичу — хоть сборная Англии опять не вошла в финальную пульку, шотландцы не подкачали: третье место считалось большим успехом. На колдографии ловец — худой белокрысый юноша, чем-то напоминавший Гарри Драко Малфоя, в каком-то невероятном прыжке ухитрился схватить снитч раньше соперника — тёмноволосой итальянки, тут же начавшей осыпать его, судя по выражению лица, самыми нелестными выражениями.

Гарри вспомнил финальные матчи, на которых ему доводилось бывать — Кубок Мира... кубок Болгарии...

Крум...

Гермиона писала о своей попытке навестить его в госпитале Святого Мунго — пользуясь заведёнными знакомствами, она даже ухитрилась пробиться сквозь заставы дежурных колдомедиков. Но Виктор сам отказался встречаться с ней — что и не удивительно: предстать перед любимой девушкой в виде жалкого обрубка...

Гарри помрачнел, ему не хотелось вспоминать о последних событиях года. Они и так оставались неиссякаемым источником мрачных размышлений и ночных кошмаров.

Гермиона...

Мысли о ней не покидали Гарри: после всего, что между ними было и что они вместе пережили, разлука казалась вечностью. И письма не могли спасти от тоски, печали и томления во всём теле. Гермиона обстоятельно и подробно рассказывала о своей жизни под родительским кровом: о домашних заданиях — «Гарри, когда будешь писать сочинение по Трансфигурации, непременно загляни в последний выпуск „Трансфигурации сегодня“ — там любопытное исследование о влиянии произношения на процесс превращения», визите отцовских родственников — «они смотрели на меня так, будто вот-вот свистну и вылету на метле в окно, мне даже захотелось нарушить все правила и превратить их чашки во что-нибудь кусачее», планах на ближайшее время — «родителям пришло приглашение на стоматологическую конференцию, они решили совместить отдых и работу: мы на неделю отправляемся на континент. Удивительно: я только сейчас поняла, что ничего не знаю о магическом мире Италии, кроме того, что оттуда был наш первый прошлогодний учитель по защите — профессор Гатто!..»

Тугие рулончики, перевязанные бордовыми ленточками, Гарри тоже хранил в тайнике — за исключением одного, с которым не мог расстаться ни на минуту и которое перечитывал каждый вечер перед сном, хотя уже давно знал наизусть. Ответ Гермионы на его отчаянное, захлёбывающееся любовью и желанием послание.

Вздыхнув, Гарри вернулся к Пророку и перевёрнул страницу. Информация о расследовании деятельности Пожирателей переехала на пятую страницу — явный признак, что дело застопорилось. Из тех, кого не удалось захватить во время штурма подземелья, так никто и не был задержан: самые одиозные личности, вроде Люциуса Малфоя, Таддеуша Нотта, Чарльза Трэверса и Беллатрикс Лестрандж по-прежнему находились на свободе, причём, судя по отчётам и результатам розыскных мероприятий, благополучно покинули Англию, отбыв в неизвестном направлении. Но Гарри мог бы поклясться: Вольдеморт и его слуги не оставили своих

замыслов: иначе как тогда можно объяснить странно-сти, происходящие этим летом в обоих мирах, и магическом, и маггловском? Таинственные исчезновения людей, странные ограбления, акты вандализма в экваториальных странах, о которых с возмущением сообщала маггловская пресса (какие-то беснующиеся подорожки осквернили несколько старинных кладбищ); что характерно, именно там волшебными наблюдательными органами отмечалось увеличение и магической активности — эти разрозненные факты, на которые раньше Гарри вряд бы обратил внимание, теперь настораживали и норовили связаться в единый узор.

А может, у меня начинается паранойя? В стиле Шизоглаза Хмури?

Изучив газету от корки до корки, Гарри бегло просмотрел последнюю страницу: сообщение о поступлении в продажу новых квиддичных принадлежностей заставило его печально вздохнуть: Всполох уже больше месяца пылится в чулане под замком. Дай дядя Вернону волю, он бы оттянул дверь колючей проволокой и пустил по ней ток.

...Погода на магических курортах... По сообщению Департамента Магических Перемещений, в связи с небывалыми дождями на курортах Европы, этим летом наметился небывалый всплеск трансконтинентальных путешествий: те, кто может себе это позволить, предпочитают не жить на Карибских островах или в жаркой Африке...

Снизу потянуло чем-то вкусным, и желудок снова завёл свою унылую песню. Примерно через четверть часа донеслось долгожданное «Поттер! Ужинать!», и Гарри мигом полетел в кухню.

...Утро встретило привычной серостью за окном и тугими струями дождя. Сидя в ожидании завтрака над «Летним чтением по Истории Магического Сообщества», Гарри не понимал ни единой строчки: в голове крутились строки легенды о Великой Дюжине и таинственном Защитнике, из-за которой, он, собственно, и поднялся в такую рань: спалось ему этой ночью плохо. Ему снилось нострадамусовское «Близ замка сражались и падали люди, И тех, и других мучат раны и кровь», перед глазами мелькали картинки ужасных видений, посланных на него Ликом, и тусклые строки о Великой Опасности и Защитнике. Немного поразмыслив, юноша снова запер дверь и вытащил книгу Гриндевальда из тайника, но уже спустя несколько минут в сердцах отшвырнул её на кровать. Собственно, надеяться на успех было глупо...

— Поттер, завтрак! — скомандовала тётя, проходя мимо его комнаты. Судя по шагам и скрипу двери, она отправилась будить Дадли. — Мальчик мой!.. Дадлюнчик-тыквунчик! Открой-ка глазки... Смотри, что принесла твоя мамочка... Открой же ротик... ам!

Когда через четверть часа Гарри вошёл на кухню, Дурсли даже не повернули в его сторону голов: они напряжённо тарасились в телевизор, где диктор лучезарно вещал:

— ...эпидемия кладбищенского вандализма докатилась и до Соединённого Королевства: наши корреспонденты сообщают о том, что этой ночью было осквернено одно из старинных кладбищ на севере Шотландии. Оно появилось во время эпидемии чумы, свирепствовавшей в начале...

— Фу, Вернон, выключи эту гадость! — перекосилась тетя Петунья. — Это же совершенно не к столу! У Дадлика пропадёт аппетит, а ему надо за лето набрать хорошую физическую форму, иначе... — на её лице появилась сладчайшая улыбка, словно под Дадликом подразумевалось нечто нежное и деликатное, а не шестифутовый по всем направлениям детина, которого уже не выдерживал ни один табурет.

— Одиноким бегемотик ищет заботы, ласки, понижения... и чего-нибудь пожрать! — буркнул себе под нос Гарри, наблюдая, как Дадли, жадно глядя на мелькающие на экране кадры с разбитыми надгробьями и раскиданными каменными ангелами, отправляет себе

в пасть ломти бекона. В этот момент панорама сменилась, и ту же местность показали уже с вертолётта. Гарри поднял глаза к телевизору и похолодел: направляясь на втором курсе в Хогвартс на фордике, они с Роном пролетали эти места незадолго до отнюдь не «мягкой посадки». Хогсמיד? — Стойте, не переключайте!

Но поздно: дядя Вернон уже щёлкнул пультом, и на экране запищала безвестная голосистая певичка. Дадли, обожавший всякие страсти-мордасти, тоже хотел было запротестовать, но её выдающиеся во всех отношениях достоинства, а так же вечное желание делать всё наперекор Поттеру, заставили его промолчать и заесть проглоченные слова двумя кусками бекона.

— Естественно, — прошипел дядя Вернон, звонко размешивая сахар в кофе, — что ещё может интересовать таких, как ты — только кладбища... могилы... — он понизил голос, словно опасался, что сам себя услышит, — я не удивлюсь, если это окажется ваших рук дело...

Маленькие глазки Дадли восторженно распахнулись, тётя Петунья уронила пакет с молоком (к счастью, нераскупоренный) и обвиняюще уставилась на племянника.

— Не говорите ерунды, — огрызнулся тот, — наверняка это какие-нибудь тупоголовые бездельники, которым нечем заняться. Им надоело громить детские площадки и бить стёкла в магазинах, вот они и принялись за кладбища, — Гарри сделал многозначительную паузу и с удовольствием услышал, как кузен поперхнулся.

Так тебе.

Дядя и тётя оказались в довольно затруднительном положении: до них доходили известия о поведении Дадли, но они категорически отказывались в них верить и отменяли, даже не дослушав. Усы дяди Вернона возмущённо встопорчились, но в этот момент тихая семейная трапеза оказалась прерванной звонком в дверь. И, едва дядя, что-то держа в руках, вернулся обратно в комнату как Гарри понял: повод для скандала благополучно найден.

— Ты... — зашипел мистер Дурсль, обретая опасный оттенок спелого помидора, — и твои поганые друзья... вы опять хотите выставить нас всеобщим дурачком?! Чтобы соседи тыкали в нас пальцем?! ЧТО ЭТО ТАКОЕ?! — он швырнул Гарри конверт, сплошь заклеенный марками. Бросив взгляд на адрес, Гарри узнал почерк Рона и мысленно застонал.

Дурсли не любили встречаться с магическим миром. Очень не любили. И если с племянником они худо-бедно мирились — хотя вряд ли отношения можно было назвать мирными в буквальном смысле этого слова — то, едва в поле их зрения появлялось что-то волшебное (вернее, по их словам, «ненормальное»), они теряли над собой всякий контроль.

— Я же запретил твоим ненормальным друзьям писать на наш адрес! Почему я снова должен оправдываться перед почтальоном?! Марш к себе в комнату и до вечера и носа оттуда не высовывай! Про обед можешь не вспоминать! И заberi отсюда эту гадость!!!

Успев украдкой смести со стола в карман пару булочек и кусок сыра, Гарри поднялся к себе и, немало раздосадованный, распечатал Роновое письмо.

Гарри, привет!

И с наступающим тебя днём рождения. Удачи, счастья, всего-всего.

Вот, подумал, может, ты писем моих не получаешь, и решил воспользоваться маггловской почтой — мама рассказала мне, как это делается.

У нас всё хорошо: Перси стал третьим помощником второго ассистента в Отделе Магического Взаимодействия и задрал нос так, что, того и гляди, потолок поцарапает. Фред с Джорджем открывают магазин приколов — «Уморительные Удивлялки Уизли». Предварительных заказов навалом, похоже, дело у них пойдёт. Джинни укатила

в Египет. Она ухитрилась выпросить у Бинса какую-то летнюю работу по магии фараонов, а Билл пробил ей это командировкой.

Словом, я сижу один в Норе с родителями и Перси.

Правда, Перси с папой появляются дома довольно поздно — не знаю, что уж там творится, они как всегда, ничего не рассказывают и, едва я пытаюсь подслушать, сразу начинают говорить о всякой ерунде — но, мне кажется, их что-то тревожит. Ты, часом, не в курсе? Вчера ночью папу опять вызвали по каминной сети, и он вернулся только поздно вечером, с ног до головы в земле, словно они всем отделом картошку окучивали. Короче, мы с мамой всё время проводим вдвоём — ещё пару недель, и я тоже примусь шить лоскутные одеяла и вязать крючком. Первый свитер — твой.

Кстати, мама передаёт тебе привет и всё такое.

Знаешь, у меня тут было много времени, чтобы подумывать. Насчёт нашей дружбы, вас с Гермионой — ну, ты в курсе. Я не знаю, поймёшь ли ты меня правильно, надеюсь, да. Короче, мне бы очень не хотелось, чтобы ваши отношения раскололи нашу компанию. Ну, то есть, я конечно, понимаю, что теперь ты будешь проводить больше времени с ней — не подумай, я тебя не осуждаю, так и должно быть, ведь это она твоя подруга, а не я — но ведь это не значит, что она заменит тебе всех друзей, верно?

Ты прости, что я пишу тебе всю эту ерунду — наверное, я просто озверел от одиночества. От тебя писем нет, от Гермионы за все лето пришло только три — кстати, ей-то ты, поди, строчишь чуть не через день! Мог бы уж черкнуть и старому другу пару строк. Она тут сказала, что уезжает куда-то — то ли во Францию, то ли в Италию — ну да ты, наверное, в курсе.

Что ещё писать, не знаю. У нас постоянные дожди, всё раскисло, на улицу не выйдешь. Крыша протекла, и я переехал в комнату Джинни. Она вернётся к самому началу учебного года. Если сможешь, приезжай к нам. Или увидимся в Дырявом котле?

Пиши, не забывай.

Рон.

От каждой строчки письма друга веяло такой тоской, таким одиночеством, что раздражение Гарри рассеялось. Он вытащил пергамент и, подумав, начал:

Привет, Рон!..

* * *

Мистер Грейнджер зашуршал страницами и пошарил по столу в поисках своего кофе. Правда, при этом немного не рассчитал и сначала сунул пальцы в маслёнку, а затем макнул их в обжигающее содержимое чашки, взыв от боли и неожиданности. Он выглянул из-за газеты и, встретившись с осуждающим взглядом жены, насыпающей Косолапсусу диетический корм, тут же соорудил самое невинное выражение лица.

— В чём дело, дорогая?

— Дорогой, я тебе тысячу раз говорила — не читай за едой! Что за привычка! Какой пример ты подаёшь дочери! Неудивительно, что к обеду она выходит с целой стопкой учебников. Сам же за это её ругаешь. Вынь галстук из тарелки. И прекрати быть таким рассеянным, это однажды закончится самым печальным образом. Ты не обварился?

— Нет, пустяки, пустяки, — мистер Грейнджер поправил галстук и, воровато спрятав ошпаренную руку под стол, продолжил завтрак. — А где, кстати, Гермиона?

— Когда полчаса назад я пыталась её разбудить, она простонала сквозь сон «профессор, мне осталось всего два ярда, умоляю — ещё пять минут». Думаю, ей стоит как следует поспать хотя бы дома: спешить некуда, а она, похоже, опять вчера засиделась с летними

заданиями заполночь, — вздохнула миссис Грейнджер, хотя в её голосе промелькнула плохо скрываемая гордость. Она налила себе кофе и села за стол. — Такими темпами она вполне может сдать половину экзаменов экстерном и вплотную заняться карьерой...

— Да?.. — без энтузиазма откликнулся отец Гермiona, искоса поглядывая в отложенную газету и бултыхая ложкой в кофе. Несколько коричневых пятен расплылись на белоснежных манжетах, и миссис Грейнджер вздохнула: муж неисправимый растяпа. — А зачем? Пусть себе учится... получает удовольствие... Учёба, студенческие посиделки, зубрёжка накануне экзаменов, сумасшедшие вечеринки после...

— Какие посиделки? Какие вечеринки? — миссис Грейнджер замерла с не донесённым до рта бутербродом. — Ты знаешь, какая у них там конкуренция? К тому же — не забывай: она из обычной семьи... эти магические предрассудки... Ей надо быть на голову выше всех, чтобы добиться того, чего она, без сомнений, достойна.

— Экстерном? — мистер Грейнджер наконец-то бросил попытки читать лежащую на соседнем стуле газету, поднял взгляд на жену и нахмурился. — Но это такая нагрузка... Она же глаза испортит: столько учить при свечах! И потом, тогда ей придётся оставить свой курс, своих друзей. И Гарри в том числе. А он очень славный мальчик, и, мне кажется, у них роман.

— Да ну! — миссис Грейнджер театрально всплеснула руками. — Тебе кажется... Патрик, неужели ты это заметил? Кто бы мог подумать! После того, как они целовались у нас на глазах, после того, как каждый день строчат друг другу письма, после того, как Гермiona полторы недели уговаривала меня пригласить его к нам на лето — тебе это только кажется?

— Мэгги, я не понимаю, откуда у тебя такой недвольный тон. Помнится, в прошлом году тебе Гарри очень нравился, и ты, по-моему, вовсе даже не отказывалась от мысли, что у них с Гермioniой вполне может что-то...

— Да! Именно «что-то». Но, дорогой, суди сам: если они не стесняются целоваться у нас на глазах, что же тогда происходит, когда рядом никого нет?!

— Право, не понимаю — ты видишь в этом проблему? Им уж шестнадцать лет...

— ...Гермионе пятнадцать!

— ...через месяц ей будет шестнадцать и, к тому же, я не думаю, что всё зашло так далеко! — в голосе отца отнюдь не звучала непоколебимая убеждённость.

— А я думаю! — в тоне миссис Грейнджер вспыхнуло раздражение и даже какое-то отчаяние. — Ты не видел, что он ей пишет! — поняв, что в запале сболтнула лишнего, она осеклась и тут же уткнулась в свою тарелку, но поздно: мистер Грейнджер отодвинул плеснувший на скатерть кофе, снял очки и потёр переносицу, снова их надел и молча уставился на жену. Насколько она его знала, это не сулило ничего хорошего. В тишине было слышно, как с аппетитом хрустит сухим кормом Косолапус.

— А ты, как я понимаю, видела? — тихо спросил он. — Тебе Гермiona показала его письмо?

— Ну... оно лежало на самом виду... я специально не читала... — смущённо забормотала миссис Грейнджер, покусывая губу и нервно теребя упрямый каштановый локон.

— Гермiona никогда ничего не разбрасывает. Особо письма. Особенно от Гарри. Ты ведь искала их, верно?

— Да, искала! — на глазах матери блеснули слёзы, она упрямо вскинула подбородок — точь-в-точь, как это делала и сама Гермiona. — Она моя дочь! А я ничего про неё не знаю: она словно из другой вселенной, я не вижу её, не понимаю, не знаю, что ждёт её! Она почти со мной не разговаривает, она рядом, но её будто нет! Всё это волшебство: магия... особый мир, иная жизнь — я чувствую себя вычеркнутой из её жизни, а ведь я её мать! У неё не существует человека ближе

меня!..

Мистер Грейнджер со вздохом поднялся и положил жене руку на плечо:

— Мэгги, милая... Я понимаю тебя, но наша Гермiona давно выросла, давно повзрослела, и всё, что нам остаётся, — смириться с тем, что мы в её жизни уже давно не занимаем первое место. У неё есть огромный мир, неведомый и неподвластный нам, она способна на вещи, которые мы считаем чудесами, у неё есть друзья, мечты, желания... Нам нужно просто доверять ей, ведь мы же сами воспитали её такой: самостоятельной, упорной, пылливой, упрямой; ведь ты всегда гордилась её умением идти к намеченной цели, её самостоятельностью в принятии решений — так позовь ей...

— Не позволю! — миссис Грейнджер хлопнула по столу ладонью и тут же замахала в воздухе ушибленной рукой.

— ...осторожней, дорогая!..

— ...она моя дочь — несовершеннолетняя дочь, я имею на неё права! Я считаю, что ей надо думать о будущем, а не влюбляться! И я сделаю всё, чтобы она перестала заниматься этими глупостями — послезавтра мы уезжаем на конгресс, и, надеюсь, там она забросит мысли об этом мальчике...

Мистер Грейнджер покачал головой:

— Мне так не кажется. А может, ты имеешь что-то против Гарри?

— Гарри, не Гарри — да кто угодно! Ей ещё только пятнадцать...

— ...шестнадцать...

— ...хорошо, шестнадцать!

— ...это брачный возраст у волшебников, — мягко заметил мистер Грейнджер и чуть заметно улыбнулся. — Они ведь совсем другие: они раньше взрослеют, умеют куда больше нас и благодаря этому несут на своих плечах куда большую ответственность; неужели ты думаешь, что Гермiona или Гарри — а ему не раз приходилось принимать решения, перед которыми почтительно склоняю голову даже я, взрослый человек, едва ли не втрое его старше — так вот, неужели ты думаешь, что они могут ошибиться в своих чувствах?

— Какие чувства? — застонала миссис Грейнджер и схватилась за голову. — Патрик, я тебя умоляю: и ты туда же! С каких это пор ты проповедуешь свободу нравов? Ты что же — своими руками толкаешь нашу дочь в пропасть? И что будет дальше? В шестнадцать она влюбится, в семнадцать выйдет замуж, в восемнадцать родит ребёнка — и хорошо, если не раньше, а в девятнадцать её Гарри наконец-то повзрослеет и поймёт, что ему нужна другая? Слово ты не знаешь, как это бывает! И что будет с нашей дочерью? Она останется недоучкой с ребёнком на руках? В том мире? Или же в нашем? Чем мы сможем помочь ей? Тыстроишь её на медицинские курсы, и она всю оставшуюся жизнь будет заполнять карточки, сортировать лекарства и отвечать на телефонные звонки? Ведь по нашим меркам у неё не будет образования!

Мистер Грейнджер оторопело молчал. Наконец он собрался с мыслями:

— Мэгги, милая, но ведь мы с тобой познакомились, когда нам тоже едва исполнилось семнадцать, и ты, кстати, получила диплом врача уже после рождения Гермiona...

— Мы с тобой — это совсем другое дело!

Мистер Грейнджер протестующе всплеснул руками и снес со стола хлебницу. Воспользовавшись его замешательством, миссис Грейнджер тоном, не терпящим возражений, продолжила:

— Она должна встать на ноги. Должна выучиться, найти работу, обеспечить себя, уверенно смотреть в будущее. И только после этого...

— Но, дорогая, понятие «встать на ноги» весьма относительно — боюсь, мы с тобой понимаем под этим разные вещи! Мне кажется, наша дочь очень крепко стоит на ногах и вполне имеет право решать свою

судьбу...

— Слышать ничего не желаю! Гермиона ещё ребёнок. В таком возрасте глупо и смешно говорить о любви! Если они с Гарри и правда дорожат друг другом, они сумеют подождать — год, два, пять лет, если нужно! Пусть проверят свои чувства. Сейчас она должна учиться и думать о будущем. И если ради её будущего нужно будет разлучить её с Гарри — а видит Бог, мне нравится этот мальчик — клянусь: я это сделаю!

Миссис Грейнджер резко отодвинулась от стола и вышла из кухни, громко хлопнув дверью. Мистер Грейнджер проводил её оторопелым взглядом и печально вздохнул. Воспользовавшись тем, что на него никто не обращает внимания, Косолапсус запрыгнул на стол и принялся жадно лакать прямо из молочника, добирая недоданные диетическим кормом калории.

Если бы Гермиона случайно очутилась поблизости и услышала заявление матери, она оказалась бы весьма разочарована и раздосадована — если не сказать большего. А вот если бы эти слова, перелетев океан, донеслись до высокого светловолосого волшебника, он бы радостно заулыбался: хотя цели у них с миссис Грейнджер были разные, зато ближайшие планы совпадали.

* * *

Изнемогая от духоты и жары, Драко не сводил глаз с разложенных на алтаре колосьев пшеницы и выпеченного в виде солнца хлеба. Верховный жрец — хунган — по часовой стрелке зажёл алтарь, встав к нему лицом, поднял над собой колосья и начал:

*Эст венту темпс ду премьер
реколет, куандо натуралеза
девольвер тодо мио дон...*

Он говорил на непонятном языке довольно долго, и Драко заскучал. Тропическая жаркая ночь переполнялась стрекотом цикад и собачьим лаем, доносящимся из ближайшей деревни. Сейчас все её обитатели собрались на праздник, после которого и должно было состояться самое главное — то, ради чего они с отцом уже которую неделю избегают от отвратительного климата и палящего солнца...

Хунган рывкнул так громко, что Драко подскочил от неожиданности:

— Замби, Рэй и все духи Лоа, да помогут нам в этом!

— Чёртовы туземцы, чтоб им всем охрипнуть, — буркнул себе под нос слизеринец, но тут же замолчал, встретившись с предостерегающим взглядом отца, который, не смотря на шум, ухитрился услышать последнюю фразу.

— Забыл, для чего мы здесь? — прошипел Люциус сквозь зубы, продолжая радостно улыбаться и кивать в такт барабанам, от мерного ритма которых почему-то начинала кружиться голова, а в груди сам собой зарождался странный подъём. — Выполний всё, что тебе велят и делай вид, что ты от этого в восторге! Если требуется танцевать голым на побережье — пойдёшь первым, ясно?..

— То-то радости, — Драко изобразил на лице ликование и посмотрел на отплясывающих туземцев, тёмные тела которых были не видны в ночи — лишь вспыхивали белоснежные улыбки и сверкали белки глаз. Всё это напоминало ему хорошо срежиссированный сумасшедший дом и, воспользовавшись тем, что впавшие в экстаз участники праздника перестали обращать внимание на окружающее, отошёл в сторонку и привалился к колючему стволу пальмы.

— Как-как он сказал? «Сила в вашей дружбе, преданности, чистой любви»? — усмехнулся отец, слушая Драко. Едва прибыв на один из затерянных в Карибском море островов, тот сразу кинулся рассказывать Люциусу о происходящем в Англии. Малфой-старший,

чьи серебристо-белые волосы смотрелись ещё более дико и неестественно на фоне загорелого лица, во время вынужденной эмиграции тоже не терял время даром: под мудрым и умелым руководством местных бокоров он постигал премудрости магии вуду. — Дамблдор в своём репертуаре: пустые слова, многочисленные намёки и глубокомысленные вздохи. Что ж, думаю, в этом году нам удастся выбить из старого маразматика пыль и опилки. Обратим против него же самого его хваленое оружие. Хогвартс будет наш.

И вот теперь, ради воплощения этих великих планов, Драко — аристократ Мерлин-знает-в-каком-поколении, наследник Поместья в Уитлшире, по праву считающегося самым древним и богатым во всей волшебной Англии, — вынужден умирать от жары и влажности, есть какую-то ужасную дрянь, мучаясь потом от болей в животе, страдать от укусов мерзких насекомых... Драко взмахнул рукой и одним махом рассёк туловище проползавшей мимо гусеницы, по размеру напоминавшей длинный товарный поезд. Две части гусеницы расплозились в разные стороны и зажили там самостоятельно.

Тонкий и длинный, как игла, звук неожиданно проткнул пространство, и, словно по команде, смолкли барабаны и потухли факелы. В тишине раздались шорохи и удаляющийся тугой топот босых ног — праздник Бли подошёл к концу. Драко тихонько вернулся и как раз вовремя: отец, подняв над головой мерцающую в темноте волшебную палочку, ждал.

— Пойдём.

Старинное кладбище было именно таким, каким ему и полагалось быть: покосившиеся кресты, едва угадываемые могильные холмы, разбитые мраморные плиты. Из-за тучи вышла огромная кроваво-красная луна, заливая мрачным светом валяющееся на земле надгробие с полустёршейся-полусбитой надписью. Сейчас на нём лежало несколько сушёных рыб и... Драко пристроился и брезгливо поморщился... жаб. Неужели опять придётся возиться с какой-то дрянью? Будто мало ему этого зельеварения... Рядом в темноте суеились люди весьма мрачной наружности и жутковатого обличья.

— Что это? — шёпотом спросил слизеринец, не в силах справиться с внутренней дрожью.

Прозвучало заклинание на неизвестном языке, и разом вспыхнули стоящие на могилах и между ними свечи — их было, наверное, несколько дюжин. Они осветили всё того же хунгана и его молчаливых помощников, похожих на заматанные в цветастые полотнища сгустки ночной темноты.

— Это рыба иглобрюх и жаба буфо маринус, — отчётливо произнёс по-английски верховный жрец. — Её держали ночь в банке с морским червём, который её кусал, а наутро убили. Потом сушили на солнце. Сейчас мы проведём заключительный этап приготовления Колдовского порошка. Вы должны всё выучить и запомнить, англичане, — в своей стране вам придётся это делать самостоятельно. Приступим...

Стоящий рядом с бокором помощник, повинувшись невидимому знаку, раздал всем присутствующим какие-то платки. Драко, лоб у которого взмок от жары и волнения, хотел было утереться и в этот момент увидел, что остальные повязывают их вокруг лица, закрывая рот и нос. Брезгливо сморщившись и стараясь не внюхиваться, Драко сделал то же самое. Малфой-старший принял тряпку двумя пальцами и, тут же отшвырнув её в сторону, вытащил из нагрудного кармана батистовый платок, который и приложил к лицу.

— Порошок ни в коем случае нельзя вдыхать, если не хотите отравиться, — продолжал хунган чуть приглушённым повязкой голосом. — Эти вещества очень токсичны, — слизеринец инстинктивно сделал шаг назад, но тут же взял себя в руки и, затаив дыхание, следом за другими протянул руку к ступке и пестику. — Яд можно подсыпать в какое-либо питьё, нанести на шип или острый прут и уколоть им жертву, у кото-

рой тут же блокируется сердцебиение, дыхание, кровообращение, но остаётся нетронутым сознание. Человек находится некоторое время в состоянии, похожем на смертельное, его могут даже похоронить. В дальнейшем колдун извлекает мнимого мертвеца из могилы и, распевая над ним заклинания, наносит на его тело знаки чёрной магии и окропляет их своей кровью. Ритуал длится около трёх часов, и в конце труп оживает, открывает глаза и поднимается, готовый выслушать и исполнить приказания своего хозяина. Но главное, сам он говорить не может. У «воскресшего» человека полностью исчезают какие-либо чувства, эмоции, индивидуальность и память: он помнит свою прошлую жизнь частично либо не помнит таковой вообще. В момент «воскрешения» зомби обретает невероятную силу...

— А как можно его уничтожить? И как их обычно транспортируют? — поинтересовался Люциус Малфой, по-прежнему стоя в стороне и не делая ни малейших попыток принять участие в происходящем. Он внимательно наблюдал за процессом, и Драко был уверен: в рукаве у него спрятано Самопишущее перо, подробно фиксирующее каждый этап приготовления порошка. Драко ни секунды не сомневался, что в Англии отец переложит эту процедуру на плечи своих ближайших сподвижников.

— Зомби может умереть только в случае, если его тело разрублено на части. А чтобы перенести их с места на место, достаточно захватить с собой горсть земли с того кладбища, где происходил ритуал. Бросьте щепоть на могилу, и созданный вами зомби окажется в ней.

— Весьма практично, — кивнул головой Малфой-старший, в то время, как младший, стараясь лишней раз не вздохнуть, продолжал растирать в порошок сушёного иглобрюха. Безмолвные помощники верховного жреца, поплёскивая в темноте белками глаз, делали то же самое. — И ещё... — Драко оцепенел: в голосе отца ему померещилась нерешительность. — Как насчёт двойников?..

Бокор сделал еле уловимое движение головой, и помощники, оставив свою работу, отступили в ночь, почтительно склонив голову.

— Это возможно, — кивнул он, глядя на Люциуса с неподдельным интересом. — Вам или вашему сыну, — он метнул быстрый, как отравленная стрела, взгляд в сторону Драко, в свете свечей глаза неестественно вспыхнули на чёрном лице, — можно создать любое количество копий и поочерёдно переселять в них душу. Остальные при этом будут действовать, повинувшись воле хозяина, отыскать которого среди двойников просто невозможно. Но... — колдун умолк и, неправильно истолковав его колебания, Люциус вклинился в образовавшуюся паузу:

— Если вы имеете в виду деньги...

— Какие деньги! — бокор презрительно махнул чёрной рукой с неожиданно розовой ладонью. — Меня интересует душа.

— Сколько угодно, — с облегчением вздохнул Люциус. Похоже, он улыбался под прикрывающим рот и нос платком.

— Не ваша — она давно вам не принадлежит. Меня интересует душа этого мальчика, — и тёмный колдун указал пальцем на сидящего у надгробия Драко. От неожиданности тот резко вскинул голову, и повязка сползла с носа.

— Но как же тогда мы будем переселять его душу, если он её лишится? А в свете грядущих событий двойники будут и ему, и мне весьма полезны.

— Мы можем заключить контракт на будущее. Я готов принять плату после того, как вы выполните задуманное.

— О, ну раз так — конечно, — улыбка Малфоя стала ещё шире, — поступайте, как считаете нужным.

— Отец! — протестующе ахнул Драко, и из ступки, что он держал в руках, в воздух взмыло едва заметное облачко порошка.

Колдун предостерегающе вскинул руку, брови отца

приподнялись...

Драко почувствовал, как в носу защипало, свечи перед глазами слизеринца зашатались, неожиданно их стало больше — вдвое, втрое...

Дышать... не могу... Дайте мне воздуха! — хотел закричать Драко, но лицо будто окаменело. Взмахнув руками, юноша рухнул ничком на холодный могильный камень.

* * *

За окном всюду хлюпал дождь, небо совсем раскисло, но в душе Гарри поселилось тепло, будто он не просто поводил пером по бумаге, а поговорил с лучшим другом. Он ещё раз перечитал письмо Рону и улыбнулся..

Надеюсь, после этого он выбросит всякие глупости из головы, — юноша подошёл к клетке с дремавшей Хедвиг.

— Хей, проснись, есть дело!

Сова с видом «не хочу есть дело, хочу есть мыш» приоткрыла янтарный глаз, покосилась на Гарри, потом на окно и передёрнулась от отвращения: за стеклом стояла непрозрачная стена дождя.

— Ладно тебе, всего-то одно письмо... — Гарри тряхнул коробочку с кормом и протянул сове на ладони несколько костно-витаминных шариков. Хедвиг демонстративно отвернулась, а когда хозяин попытался настоять на своём, пребольно клюнула его в палец. — Ах ты, бестолковая птица! Ой! Я пошутил-пошутил! Отпусти руку, кому говорю! Слушай, это нечестно: в конце концов, у меня завтра день рождения, может ты сделать для меня подарок или нет? Всего-то нужно отнести письмо Рону, — Гарри посмотрел на оставшийся на столе кусок пергамента и чернильницу, и закончил, — и Гермионе. Погоди-ка, я сейчас его напишу... Ой! Чёртова птица! Между прочим, носить письма — твоя прямая обязанность, ясно? Будешь клеваться, напишу записки всему курсу и выкину тебя за окно, хочешь ты этого или нет! Ну же, будь умницей, ты у меня — самая быстрая, самая красивая...

Хедвиг с сомнением посмотрела на Гарри, но, похожа, его угроза о посланиях всем однокурсникам подействовала, и она наконец-то милостиво приняла угощение.

Гарри вернулся к столу и склонился над пергаментом:

Гермиона, любимая!

Завтра мой день рождения — значит, до нашей встречи осталось совсем немного. Надеюсь, ты хорошо отдохнёшь в Италии — желаю хорошей погоды, а то у нас по-прежнему льёт, как из ведра: сыро, тепло и хочется квакать. Или выть от тоски. Скучаю ужасно.

Быстрее бы август! Если можешь, приезжай в Котёл — у нас будет целых три дня, которые мы сможем провести вместе. Если бы ты знала, как я соскучился! Ну, узнаешь при встрече...

У меня к тебе есть одна просьба: ты нигде не сталкивалась с информацией о Великой Дюжине и Защитнике — может быть, в Истории Хогвартса или в какой-нибудь дополнительной литературе по Истории Магии? Мне кажется, это какая-то важная вещь. Пока больше ничего рассказать не могу, подробности при встрече.

Я получил письмо от Рона — он совсем заикс в своей Норе, считает, что мы собираемся бросить его в одиночестве. Надо бы как-то поднять его дух. Я ему написал, может, ты могла бы отправить ему открытку-другую из Италии?

Целую тебя крепко и мечтаю сделать это наяву.

Скучаю.

Гарри

— Иди-ка сюда, — Хедвиг неохотно переступила на подставленную руку, — отнесёшь эти письма Рону и

Гермионе, ясно? И сделай что-нибудь для Рона — что-нибудь хорошее, чтобы он совсем не расклеился, хорошо? — сова с сомнением склонила голову и внимательно воззрилась на Гарри. — Ну, сама придумай. Вот только не надо приносить ему дохлых крыс — он их не ест и они совсем его не развеселят. И не торчи долго в гостях, возвращайся скорее!

Гарри раскрыл окно, впустив в комнату влажный воздух и унылый шум дождя, и Хедвиг, с силой оттолкнувшись от его руки и распластав широкие белоснежные крылья, взмыла в воздух. Проводив её взглядом, Гарри вернулся к столу. Съел последний бутерброд с сыром. Посмотрел на часы. До ужина оставалась ещё прорва времени. Вдохнув, он подтянул к себе пергамент с набросками летней работы по Трансфигурации и начал переписывать её набело.

Дождь за окном то припускал сильнее, то затихал, но не прекращался. Где-то в отдалении громыхнул гром. Через пару часов с Трансфигурацией было покончено. С чувством хорошо выполненного долга Гарри свернул пергамент в плотный рулон, крепче перевязал бечёвкой и открыл тайник, чтобы припрятать до начала учебного года. Он уже собрался опустить половицу, когда рука задела тяжёлый том, завернутый в старую, закапанную чернилами наволочку.

Не в силах удержаться, Гарри вытащил «Мою борьбу» и, положив на стол, задумчиво уставился на переплёт. Медленно натянул перчатки и, помедлив, щёлкнул застёжкой.

Перед ним раскрылась чистая страница.

Что она показывает? Что она рассказывает? Сначала я увидел там чудовищ, пытающихся убить Гермиону... ну, или похожую на неё девушку. Сама Гермиона что-то углядела про Покорное сердце. Потом меня усердно пичкали идеологией и прочим гриндевальдовым бредом. А потом — Великая дюжина и Защитник. Похоже, это действительно что-то стоящее... Но по какому принципу книга выбирает, что и кому показывать?

И вдруг перед ним проступили буквы. Они на глазах складывались в слова, прочитав которые Гарри оторопел:

Гарри Поттер, натянув перчатки, раскрыл Книгу и склонился над ней.

— Ч-что?! — он захлопнул переплёт и шарахнулся от стола, словно на нём свернулась ядовитая змея. — Это ещё что за чертовщина?! Почему она... я что — стал героем книги?

Сердце стучало так, что изнутри на грудной клетке должны были остаться синяки, по спине с громким топотом пробежало стадо мурашек. Помедлив, Гарри вернулся к книге и решительно открыл её снова.

...В тот самый миг Тёмный маг, укрывшийся в своём тайном убежище, слушал рассказ верного слуги:

— Мы всё сделали, Лорд. Дайте нам немного времени, и непобедимая армия, покорная и могучая, предстанет перед вами, чтобы ужаснуть мир и положить его к вашим ногам... — буквы бежали по странице, они заполнили её целиком. Чувствуя, что волосы встали дыбом, Гарри перевернул страницу.

То есть сейчас неизвестно где Вольдемогт снова готовится?.. И я могу это видеть и знать, что происходит? Но ведь это... это просто чудо!

Строки, будто выводимые невидимой рукой, бежали всё быстрее и быстрее. Блёклые поначалу, буквы на глазах темнели, намертво впечатываясь в нежную кожу страниц. Гарри продолжил читать.

— Меня волнует одна вещь: есть ли возможность остановить эту могущественную армию?

— Существует древняя легенда — мой Лорд, вы понимаете, что это только легенда: будто в миг смертельной опасности в мир придёт могучий волшебник, способный призвать Защитника, — колдун улыбнулся.

Но на лице Тёмного Лорда не появилось даже тени улыбки.

— Я слышал об этой легенде. Говорят, заклинание считается навеки утерянным. Многие пытались найти его, некоторые даже ступали на этот путь, но никому и никогда не удалось пройти его, не удалось сделать даже первый шаг...

— Именно так, Господин...

— Значит, Вольдемогт знает о заклинании! — Гарри сам не заметил, как заговорил вслух. Звук собственного голоса отрезвил его. — И оно способно остановить то, что он затевает! Я должен, непременно должен найти его!..

Не закрыв книгу, Гарри скинул толстые перчатки, схватил перо и чистый лист пергамент, но тут же раздосадовано застонал: Хедвиг только что улетела и теперь вряд ли вернётся раньше утра...

Он перелистнул страницу.

Узнав об великой тайне, юный волшебник решил непременно отыскать утерянное заклинание, чтобы спасти мир от нависшей угрозы порабощения.

— Ого! Что-то мне это совсем не нравится! — проворчал себе под нос Гарри. — Чего это ты записываешь мои мысли? Уж не шпионишь ли ты за мной?

Однако соблазн узнать ещё хоть что-нибудь о замыслах Вольдеморта оказался сильнее, и гриффиндорец битых полчаса просидел над «Моей борьбой», видя, как на её страницах воплощаются не только рассуждения Вольдеморта о мировом господстве, но и собственные мысли и планы: написать Дамблдору... связаться с Роном, попросить Гермиону порыться в библиотеках...

Стук в дверь заставил Гарри вздрогнуть, словно ему выстрелили в спину:

— Ужинать!

Он торопливо захлопнул книгу; убедившись, что тётя Петунья ушла, открыл свой тайник, спрятал туда перья, свитки, учебники и завернутый в наволочку том и отправился вниз. От того, что он только что узнал, голова шла кругом: Вольдемогт создаёт свою армию, которую ничто не в силах остановить — ничто, кроме... И об этом никому неизвестно! Надо немедленно оповестить Дамблдора!

— Поттер! — рык дядя Вернона вернул Гарри на до блеска вылизанную и сияющую кухню. Бубнил телевизор, чавкал Дадли. Щёлкнул и отключился электрический чайник. — Быстро доедай и марш в подвал: там все стены в плесени от сырости. Чтобы всё отчистил и привёл в порядок, ясно?

— Ясно, — кивнул Гарри. С куда большим удовольствием он бы вернулся в свою комнату, чтобы ещё полистать удивительную, странную, смертельно опасную книгу Гриндевальда. Но разве можно ожидать от Дурслей чего-нибудь хорошего? Особенно накануне шестнадцатилетия...

* * *

Перепрыгивая через ступеньки, Рон прогрохотал по лестнице и ворвался на кухню:

— Мам, почты не было?

— Ронни, деточка, ты меня уже в седьмой раз спрашиваешь! — миссис Уизли, чьи рыжие волосы были упрятаны под припорошенную мукой пёструю косынку, повернулась к сыну и улыбнулась. Несмотря на отвратительное уже который день настроение, Рон не удержался и улыбнулся в ответ. Он любил кухню в старой Норе — место, где вся большая семья Уизли, собираясь в полном составе (что, к сожалению, случалось всё реже) проводила большую часть времени; место, где вкусно пахло корицей и ванилью, где всегда можно было рассчитывать на пирожок, тёплую булочку

и приветливый взгляд. Хотя, положив руку на сердце, надо заметить — с такой же вероятностью можно было схлопотать поварёшкой по лбу. В новой Норе пустое и гулкое поначалу помещение очень быстро прокоптилось, напиталось вкусными запахами, обросло своей историей и милыми пустяковинами, став таким же любимым для всей семьи. Вот и сейчас на плите булькали и распедали кастрюльки, в духовке под противнем мерцал огонь. Над самодельным креслом в углу негромко стучали деревянные спицы: мистер Уизли из-за всех этих неотложных вызовов и рейдов подхватил простуду и попросил жену связать свитер потеплее.

— Просто мне показалось, что хлопнуло окно...

— Нет, почты не было, это ветер задувал дождь, я прикрыла раму поплотней, — миссис Уизли ласково потрепала сына по волосам выпачканной в муке рукой и вздохнула: она ужасно жалела своего младшенького — совсем задёргался и измучился в ожидании вестей. В этом не было вины ни Гарри, ни Гермионы — там, где начинается любовь, трудно отыскать место для дружбы. Во всяком случае, в первое время. А у них, похоже, всё только-только началось, и Рону, не мыслящему себя без друзей, в ближайшее время придётся ох как нелегко... — Милый, включи-ка мне радио да подай кулинарную книжку.

Рон повернул ручку приёмника, и поверх бульканья кастрюлек понеслась разудалая песня «Чёртовых сестричек». Он тут же потянулся, чтобы приглушить звук: мать на дух не переносила современную музыку, но, к его удивлению, миссис Уизли протестующе помотала головой и даже начала пританцовывать.

— Мам, что с тобой? Ты же...

— А что — очень даже ничего, — она готова была пойти на всё, чтобы хоть чуть-чуть отвлечь сына от печальных мыслей. — Сейчас молодежь слушает такую музыку, да? А как под это танцуют? Не покажешь мне, а то я, наверное, уже совсем отстала от жизни: помнится, в последний раз я танцевала... — миссис Уизли нахмурилась и потёрла рукой лоб, перепачкав его мукой, — да, кажется на нашей с отцом свадьбе, правда, — она смущённо хихикнула и махнула палочкой в сторону ножей, которые тут же с остервенением накинудились на ожидающих в раковине картошку и морковь, — мне пришлось тяжело, ведь Билл должен был вот-вот родиться... Ой, нет! Однажды на какое-то Рождество Артур пригласил Шизогла... то есть мистера Хмури — тот никогда не был женат и Рождество проводил в одиночестве, не слишком-то весело, верно? Руки и ноги Аластора тогда ещё находились при нём — вот он и решил со мной потанцевать... Я тогда как раз ждала Перси. Так как сейчас танцуют? Так? — она сделала несколько весьма разудалых телодвижений, заставив Рона прыснуть.

— Мам, где ты набралась такой пошлости? — и в тот же миг его осенило. — Не надо. Со мной всё в порядке. Я не болен, у меня нет депрессии. Я просто очень жду писем. Может, сегодня Гарри соизволит вспомнить о моём существовании и снизойдёт, чтобы черкнуть пару строк...

— Ронни, дружок! — миссис Уизли смущённо отвернулась и осторожно продолжила: — Думаю, тебе не стоит всё так воспринимать. Пойми — у всех нас с возрастом меняется жизнь, что-то уходит, что-то появляется — новые друзья, семьи, дети... Времени и сил не хватает на всех и всё...

— Ага! — негодуяще фыркнул Рон. — Вот только почему-то я бегу к нему по первому зову и готов ради него сунуть голову в петлю! А он ради меня ленится даже за перо взяться! — в его голосе прозвучало такое перемешанное со злостью отчаяние, что мать оторопело замерла посреди кухни со сковородником в руках.

В кухне грохотали сменившие «Сестричек» «Безумные гоблины», от которых даже уши Рона временно сворачивались. Он выключил радио, крутнув ручку громкости с такой силой, что едва не сорвал приёмник со стенки. В кухне воцарилась относительная тишина, в которой стрелка Перси на диковинных часах натужно

заскрипела и передвинулась с «На работе» на «В дороге».

— Ой-ой, Персик уже возвращается домой, а у меня жаркое не готово! И пирог вот-вот сгорит! — мать суетливо заметалась по кухне. Через мгновение духовка приняла в свои жаркие объятия тяжёлую сковороду, а дымящийся противень с пирогом, который распостранял упоительнейший запах, завис в воздухе, подерживаемый миссис Уизли при помощи волшебной палочки.

— Рон, убери со стола кастрюлю и расстели чистое полотенце: мне нужно его переложить.

Рон с интересом потянул носом.

— А в честь чего это у нас сегодня пирог?

— Это не у нас. Это подарок Гарри — у него же день рождения. Сходи-ка за совой...

Договорить она не успела — Рон снова взорвался:

— Для Гарри! Снова для Гарри! Интересно, существует ли в мире человек, который был не знал, КТО такой Гарри Поттер, который бы не пытался сделать «что-нибудь для Гарри»?! Ах, бедный и несчастный Гарри, все носятся вокруг него, думают только о нём! Пирожок несчастному сиротке на день рождения! Письма, поздравительные открытки! А он задрал нос и плюёт на вас всех!

— Рон, что ты городишь? — противень с пирогом покачивался в воздухе: от потрясения миссис Уизли так и не донесла его до стола.

— То, что думаю! — рубанул Рон. — Мне надоело! Куда ни плюнь, везде этот Гарри. Все с ним носятся, все над ним кудахчут, даже ты — ведь мне на день рождения ты не прислала пирог! А твои рождественские свитера?..

— Но Рон... — волшебная палочка в руке миссис Уизли задрожала, и противень опасно закачался. — Я ведь и тебе тоже каждый год вяжу свитер...

— Я ненавижу бордовый цвет! — в полный голос заорал Рон. — Я сто раз тебе это говорил!

— Ох, прости, дорогой, я просто забываю — ведь вас у меня семеро...

— Именно! Я всего лишь сто-тридцать-какой-то там сын! Зачем помнить мои просьбы, зачем учитывать желания, зачем обращать на меня внимание?! Удивительно, что ты вообще со мной разговариваешь! Надоело! Мне надоело быть чьей-то бессловесной и бесплотной тенью, надоело выпрашивать знаки внимания, надоело навязываться! Что я должен делать, чтобы меня замечали? Не меня — друга Гарри Поттера, не-помню-какого-по-имени! А меня — Рона Уизли, который тоже кое-что может и умеет! Что, скажи! Плясать голым на столе? Выкраситься в зелёный цвет? Зачем... зачем я вообще появился на свет — я никому не нужен, ни собственным родственникам, ни друзьям, ни девчонкам! Да пошло всё к чёрту!

Рон выскочил на улицу, шараясь дверью так, что миссис Уизли выронила палочку. Поднос с пирогом грохнулся на пол.

— Рон, — одними губами прошептала она, — да что с тобой случилось?

* * *

В огромном камине горел яркий огонь, и пылающие головни с громким треском обваливались на вызолоченную решётку. Свет очага падал сзади на великолепное одеяние задумавшегося над клочком пергамента человека, а лицо его освещало пламя свечей, зажжённых в канделябрах. Словно приняв какое-то решение, волшебник резко поднялся и, подойдя к полкам, занимавшим всё свободное пространство комнаты, задумчиво уставился на книги. Его губы шевелились, словно он что-то бормотал себе под нос. Что-то вроде: «Лес... Лес... где же у меня лес?..»

Его глаза посветлели, он коснулся рукой нужной книги и, будто передумав, быстро направился к двери, походив сунув в карман пергамент, вызвавший у него тяжёлые и непростые раздумья. Толкнул створ-

ку, та распахнулась — за ней находилась не самодвижущаяся винтовая лестница, ведущая в коридоры Хогвартса, а залитая жидким вечерним светом ровная, срезанная макушка холма, покрытого короткой и жёсткой, будто щетина, травой. Услышав за спиной шаги, топтавшийся у своего телескопа Норт вздрогнул и обернулся, готовый к любым неожиданностям.

— Альбус, — он склонил голову в знак приветствия и метнул в гостя взгляд — скорее острый, нежели грубокий. — Плохо выглядишь.

— Хорошо ещё, что вообще живу, — седовласый волшебник вежливо кивнул, приложив руку к груди. — Ты всё здесь — но ведь чистого неба не было почти неделю...

Кентавр упрямо оттопырил губу и, нахмурившись, принялся за любимое дело — полировку металлических частей телескопа, и без того сияющих: похоже, в последнее время ему приходилось заниматься исключительно этим.

— Восточный ветер, — неожиданно произнёс он, словно это могло всё объяснить, и снова умолк, недовольно изучая одному ему видимую царапину на длинной латунной трубе.

— Я пришёл к тебе...

— ...сегодня придёт восточный ветер, он унесёт тучи, — перебил кентавр, не дослушав. — Я знаю, зачем ты здесь. Звёзды поведали мне обо всём: Великая Тьма затягивает созвездия — покровителей нашей земли. Хогвартс в большой опасности. Если сейчас ничего не делать, всё рухнет. Правда, если сопротивляться, — добавил он глухо, шурша астрономическими таблицами, — мир тоже ждёт страшные потрясения...

— Мы живём в переломный момент. Сделает мир шаг к свету или же рухнет в бездну — потрясений не миновать, — возразил Дамблдор.

— *Вы* живете в переломный момент. *Мы* — лишь наблюдатели...

— Если рухнет мир, не уцелеет никто.

— *Если* рухнет...

— Это тебе тоже поведали звёзды? — глаза директора вспыхнули, как у почуявшей дичь гончей. — Или?..

— ...книги? О, нет! — кентавр усмехнулся и небрежно махнул в сторону книг и пергаментов, шуршащих и покачивающихся под дуновением всё усиливающегося ветра. — Книги, слова — всё суета и асимметричный дуализм языкового знака. Мне рассказали об этом они — единственные, кому стоит доверять. Они, способные поведать великие тайны тем, кто умеет слушать и смотреть... — кентавр поднял лицо к расчислившемуся лоскуту неба, на котором пронзительно серебрилась первая звезда. Он улыбнулся ей — почти нежно. — Думаю, он появился.

— Способный вызвать *его*?

Кентавр ликующее смотрел на проясняющееся буквально на глазах небо — неожиданно светлое после многодневных свинцовых туч.

— Альбус, мне кажется, ты не хуже меня знаешь его имя...

Дамблдор прикрыл глаза, словно почувствовал внезапную боль, и покачал головой.

— Но эта легенда... Даже упоминания о ней единичны. Никто и никогда не видел её, не читал, не знает — кроме тех, кто написал тот свиток много веков назад. Если он вообще был написан.

— Написан или нет — он канул в вечность бесследно, как те облака, что носились в то время над землёй, — с видимым удовольствием заметил кентавр, прикивая к телескопу и крутя какие-то колёсики и рычажки.

— Я сам искал его следы, но безуспешно, я потратил на это несколько лет.

— Ты невнимательно меня слушал, — кентавр усмехнулся уголком крупного чувственного рта и, оторвавшись от телескопа, сверился с рукописными таблицами, сплошь покрытыми неразборчивыми закорючками. — Звёзды открыли мне это совсем *недавно* — после известных тебе событий начала лета.

— Вот как, — Дамблдор отвернулся, и кентавр не мог разглядеть его лица. Однако голос мага звучал мрачно и сухо. — Но он ребёнок.

— Ребёнок? О нет, ты заблуждаешься. Ребёнок не устоял бы перед демонами. Да что ребёнок — перед ними не устоял бы и взрослый маг. Ребёнку не под силу прикосновение к Внутреннему Сердцу. Ребёнку не под силу Стена. Ребёнку не под силу ничего из того, что совершил этот мальчик за эти годы. Никто не справился бы с этим. Никто.

— Я знаю это, но, — в голове Дамблдора зазвучала мука, — в единственном источнике, полусказке-полумифе, попавшем мне в руки, промелькнула странная фраза: будто в результате Защитник оказался не так-то добр к тому, кто призвал его.

Кентавр равнодушно пожал плечами:

— Ты не узнаешь этого, пока Защитник не будет вызван. Если он будет вызван.

— Но имею ли я право своими руками ставить мальчика на путь, который способен стать для него смертным?

— Он встал на этот путь, едва родившись, — кентавр рассмеялся собственной шутке и тут же посерьёзnel. — Станные вы, люди: ваша жизнь коротка, вы даже сами не представляете, как тонок волосок, на котором она висит, не видите чудовищ, ежесекундно кидających на вас... Но стоит вам в руки заполнить чуть-чуть могущества, власти, и вы либо пытаетесь употребить её на уничтожение себе подобных, либо самоустраняетесь, не в силах ответить на вопрос: имеете ли вы право рисковать одной жизнью, чтобы спасти многие. Ты боишься открыть мальчику правду? Ты боишься, что он бросится спасать мир и сложит голову, оставив тебе вечную тоску и угрызения совести?

Старый волшебник вздохнул. Голова его поникла. Внезапно он сунул руку в карман и, вытащив клочок пергамента, подал Норту.

Прищурившись, тот пробежал глазами письмо Гарри: *армия Вольдеморта... легенда о Защитнике... Великая Дюжина... утерянное заклинание...*

Кентавр поднял голову, встретившись с пронзительным и усталым взглядом голубых глаз.

— И ты ещё сомневаешься? Это ли не лучшее доказательство?

Глава вторая, в которой Драко возвращается из мира мёртвых, Невилл едва туда не отправляется, а у Рона и Гермионы возникают трения с родителями.

Заунывное бубнение над головой звучало всё громче и отчётливей, хотя понятней от этого не становилось. Драко открыл глаза — веки были такими тяжёлыми, словно их налили свинцом. Над головой и сбоку — кромешная тьма, снизу что-то жёсткое, руки и ноги не слушались, он вообще едва чувствовал их...

Похоронили! Живой! — понял Малфой и окаменел от ужаса. Но прежде чем слизеринец успел заорать, перед лицом возникла огромная птичья голова с распахнутым клювом и оскаленными зубами.

Дьявол пришёл забрать мою душу, — мелькнуло в голове и...

— Помогите! — истошно взвыл Драко. — Спасите! Выпустите меня! — он вцепился в страшное чудовище двумя руками и изо всех сил наподдал ногой во что-то мягкое. — Вресь, не возмёмь! Малфои так не сдаются!

Чудовище жалобно взвыло и отпрянуло, оставив в его руке пучок перьев. Не тут-то было: потеряв голову от страха, Драко оказался способен на поистине

безрассудный поступок — он рванулся следом за чудовищем и, схватив его двумя руками за голову, шмякнул её об своё колено. Послышался хруст, сдавленный вопль, какое-то восклицание, и слизеринца отбросило назад, с силой приложив спиной об какой-то угол. В голове загудело, дыхание перехватило, но он был готов продолжать битву, как вдруг...

— Спасибо, Драко, достаточно, — в негромком голосе отца прозвучали едва заметные весёлые нотки. — Очень впечатляюще.

Повинуясь невидимому взмаху руки, разом вспыхнули свечи. Всё то же кладбище. Та же тёмная беспробавная ночь, только теперь небо затянуло тучи, скрыв и румяную луну, и острые звёзды. — Ч-ч-ч-то п-п-происх... — Драко всхрюкнул и пришлёпнул дрожащие губы ладонью. Колени подогнулись, словно из них разом удалили все кости, и он кулём плюхнулся на землю.

— Не далее, как пару минут назад ты пытался порвать на части нашего уважаемого бокора, — пояснил отец таким тоном, словно вёл на светском рауте беседу о погоде. Малфой-младший, сделав над собой титаническое усилие, оторвал взгляд от Люциуса и увидел двух чернокожих колдунов — тех самых, с которыми он недавно трудился над изготовлением Колдовского порошка. Они хлопотали над подвывающим на земле человеком, голову которого венчала огромная украшенная перьями маска, представляющая собой жуткую полуптичью-полузвериную морду.

— Я д-д-думал... я ре-решил... — ужас сменился мучительным стыдом.

— О да, я понимаю, — кивнул отец и, просяще сложив руки на груди, подошёл и склонился перед наконечником избавившимся от своего головного убора верховным жрецом, который размазывал тёмную блестящую кровь по тёмному же лицу. — Чем я могу искупить поведение моего неразумного отпрыска, уважаемый Макуле?

Бокор поднял голову, и отсветы свечей заиграли на его белоснежных зубах — он улыбался.

— Мальчик сильнее, чем я думал. После одного вдоха порошка иглобрюха обычного человека уже нельзя вернуть в мир живых. Но и в мир мёртвых он не уходит, так и оставаясь посередине. В этом мальчике таится большая сила, — он указал рукой на Драко и произнёс несколько отрывистых слов. Юноша почувствовал, как невидимая рука поднимает его над землёй — через мгновение он уже стоял на ногах. — Подойди.

Метнув быстрый взгляд на отца — тот чуть заметно кивнул — Драко послушно двинулся вперёд и нерешительно замер в паре шагов от сидящего на земле колдуна.

— Ближе.

Колебание и ещё один шаг.

— Наклонись.

Широкое тёмнокожее лицо с толстыми, будто вывернутыми губами — и без того вызывающее у него отвращение, сейчас оно было покрыто кровавыми разводами, из приплюснутого разбитого носа на подбородок сочилась кровь. Драко замутило.

— Ешь, — колдун протянул что-то на раскрытой ладони.

Не буду! — захотелось заорать юноше, но он послушно взял и отправил в рот нечто, на ощупь, запах и вкус напоминающее сушёную рыбу.

— Тот, кто стоял на пороге мира мёртвых и вернулся в мир живых, не закрывает за собой дверь. Теперь ты можешь обращаться к тем, кто ушёл. Повелевать мёртвыми. Они будут слушаться тебя. Когда ты этому научишься. Не сразу, — толстые губы бокора разъехались в крупнозубой улыбке, — но ты начнёшь узнавать их голоса, управлять ими, заставляя выполнять свои желания. Я научу тебя.

Снова выглянула ослепительно-красная огромная луна. Старое кладбище — покосившиеся кресты, разбитые памятники, едва заметные могильные холмы.

Драко обвёл его глазами. Передёрнулся. И улыбнулся.

...повелевать мёртвыми... — второй день эти слова не шли у него из головы. Меж тем, время пребывания на острове подходило к концу, и Драко предстояло вернуться в Англию. — Смогу ли я постичь эту науку?.. — уроки бокора совсем не походили на уроки в буквальном смысле этого слова: тот обращался к Драко «филью-ди-санту», выполнял странные ритуалы и плёл что-то про тринадцать ступеней обучения вуду, тринадцать пантеонов духов Лоа и экзамен, на котором филью-ди-санту — то есть Драко — будет обязан разыскать в темноте и доставить своему гуру тринадцать спрятанных в радиусе тринадцати миль вещей.

Не было печали...

Малфой-младший всё порывался спросить, как там насчёт команд, при помощи которых можно руководить войском мертвецов, но при взгляде на физиономию жреца охота перебивать и встревать со своими вопросами тут же пропадала.

Не скормил бы он меня этим Лоа — и то хорошо...

— Отец! — он шагнул в крытую пальмовыми листьями бамбуковую хижину, тут же попав в привычную обстановку поместья: отцовский кабинет с огромным столом, столь же огромным креслом, книжными полками и пылающим камином. Внутри было сумрачно и неожиданно прохладно, тогда как снаружи нещадно пекло солнце, и за пять минут в тени пальмы с Драко уже семь потов сошло. — Могу ли я задать...

Но Люциус Малфой не дал ему закончить: он послал в сторону сына столь убийственный взгляд, что тот замер на пороге, не зная, чего и ожидать. Жестом приказав ему выйти, Малфой-старший снова откинулся в кресле. Уже прикрывая плетёную бамбуковую дверь, Драко увидел — Знак Мрака на предплечье отца пульсирует, и в тот же миг его собственная метка отозвалась лёгкой ноющей болью. Поняв, что прервал важный разговор, Драко притаился за дверью и, припав к щели между прутьями, наострил уши.

— Существует древняя легенда — мой Лорд, вы понимаете, это только легенда: будто в миг смертельной опасности в мир придёт могучий волшебник, способный призвать Защитника, — негромко произнёс Люциус Малфой и улыбнулся. Драко приходилось напрягать все силы — и слух, и зрение — чтобы понять, о чём идёт речь; он наполовину читал слова по губам.

Повисла пауза, во время которой улыбка исчезла с лица Малфоя-старшего, словно сдутая ветром: он слушал ответ. Драко воровато приложил к уху Знак Мрака на своей руке и едва не застонал от разочарования — тишина. У него появилось ощущение, будто самые интересные страницы книги оказались написаны на древнекитайском. Или другом — таком же непонятном ему языке.

— Именно так, мой господин, оно считается утраченным, — Люциус выговорил слово «считается» с лёгким нажимом, и Драко, плохо понимающий, в чём дело, напрягся, поняв, что сейчас происходит нечто невероятно важное, — но ведь не даром Один из Дюжины... — отец осёкся, словно ему заткнули рот. — Конечно, мой Господин. Ведь Защитник слушается того, кто его вызвал, и истребляет врагов, на которых ему укажут, — с его помощью мир безмолвно распространяется бы перед вами. Но прежде надо собрать недостающие ключи, и, боюсь, вы правы: ни мне, ни моему сыну, ни другим вашим преданным слугам это не под силу. Все знаки указывают в сторону одного человека.

У Драко пробежали мурашки по спине. Оторвав ухо от щели, он прильнул к ней глазом: отец меланхолично изничтожал выполненный на заказ письменный набор — умопомрачительно красивый и столь же дорогой — инкрустированные драгоценными камнями и золотом перья райской птицы один за другим хрустели в его пальцах и летели в огонь.

Вредная привычка Люциуса Малфоя. Приznak

крайней досады.

— Увы — древние пророчества и последние наблюдения — вряд ли они ошибочны. Впервые за тысячу лет мы стоим на пороге этой тайны, но, похоже, провидение решило вручить ключи не тому, на кого мы так рассчитывали.

Драко вздрогнул: не тому? Как не тому? Но он же так ждал... Получается, пророчество, гревшее душу последнее время, врёт, и не ему суждено возглавить великую армию, а кому-то другому? Неужели... Поттеру? Неужели снова это чёртов гриффиндорец перебежал ему дорогу?! — неутолённая жажда мести за все прошлые унижения заставила заскрипеть зубами.

Но отец отнюдь не проявил такого же разочарования, напротив — что-то, сказанное Тёмным Лордом, вернуло на его губы улыбку и заставило почтительно склонить голову:

— Вы так мудры и предусмотрительны, мой господин... В нашем семейном предании сказано, что едва будут собраны ключи Троицы, откроется последняя часть заклинания. Главное сейчас — направить мальчишку именно в это русло. Пусть трудится, не покладая рук и ног, не отвлекаясь на посторонние вещи. — Вопрос с его приятелем уже почти решён. Это оказалось несложно — мы аккуратно изымали письма, написанные Поттером, кроме того, наш маленький друг неплохо справляется. Внутреннее Сердце Уизли уже плотно затянута тьмой. Признаться, мы сами не ожидали, что это получится так легко, — он снова замолчал.

Что?!

— Слушаюсь. А что насчёт грязнокровки? Девчонка слишком смыслена, чтобы допускать её до книги — боюсь, она догадается о секрете. Нам нужно... — Люциус пошевелил пальцами, словно что-то то ли разрывал, то ли ломал, — как-то изолировать её от Поттера.

Драко показалось, что сердце в груди остановилось, он боялся поверить своим ушам.

Неужели?..

— Зеркалом? — недоумевающе переспросил Люциус, и юноша, обуреваемый желанием не пропустить ни слова, прильнул к двери уже не только ухом, но и всем телом, едва не ввалившись внутрь. — Каким именно?.. Зеркало Анамбо! — Люциус благоговейно перевёл дух. — Гениально! О, эта мысль могла осенить только вас, мой Лорд! Я преклоняюсь перед вашей...

Драко ещё никогда в жизни не испытывал такого счастья, как в этот миг.

Сам Тёмный Лорд... сам Тёмный Лорд взял в свои руки судьбы этих гриффиндорских вырожденцев! Что может быть слаще мести? Месть руками Тёмного Лорда... Это просто праздник какой-то...

— Порошок уже у меня, секрет его изготовления — тоже, — продолжал Малфой-старший. — А значит, армия — это вопрос техники и времени. Ближайшего времени, — тут же поправился он. — Мы перенесём её в нужное место, откуда она сможет выступить по первому вашему указанию. ...Вы имеете в виду — беречь Драко? — услышав своё имя, Малфой-младший вернулся из сладких грёз и снова затаил дыхание. — О, мой Лорд... — голос Люциуса задрожал, и даже сквоззь узкий просвет в двери слизеринец увидел, как побледнел отец. — Я думал, если я буду строг с ним... Да, мой господин. Это целиком и полностью мой недосмотр, — отец склонился над столом, прижав руки к груди в умоляющем жесте. — Если вы считаете, что я провинился — накажите меня.

А я-то думал, что лучше уже и быть не может...

Люциус выгнулся и задохнулся от боли, но уже через миг затих и обмяк в кресле. На лбу при свете камня блеснули крупные капли пота.

— Я понял господин. Впредь буду аккуратнее, — он промокнул лоб батистовым платком. В кабинете воцарилась тишина. — Драко! Перестань подслушивать и войди, — юноша нерешительно тронул дверь и замер на пороге с самым невыразительным выражением лица. Отец окинул его цепким взглядом, взмахнул палочкой,

и угол лежащего на полу ковра отогнулся. — *Alohomora!*

Надо же, отец и тайник сюда приспособил!

— *Accio!* — в руки колдуна влетела небольшая серебряная шкатулка, откуда он с величайшей осторожностью достал нечто, завернутое в скотч ткани. — Ты должен вложить это в карман или сумку Грейнджер, главное — успеть до её встречи с Поттером, — он задумчиво покачал головой. — Боюсь, правда, что это невыполнимо, коли они, как ты считаешь, любовники... Впрочем, всё равно. До, после их встречи — оно сделает всё, как надо.

— Что это, отец? — с любопытством спросил Драко, принимая вещь в руки.

— Зеркало Анамбо.

— Зеркало ...чего?

— Зеркало Анамбо, — с усмешкой повторил Люциус. — Премилая вещица. Только не вздумай смотреть в него! — предостерегающе воскликнул он, увидев заинтересованный взгляд сына. — Это может оказаться последним, что ты сделаешь в этом мире. Ты должен подсунуть его Грейнджер, ясно? Больше от тебя ничего не требуется.

— Да, отец, — кивнул Драко. — Я понял.

Он умирал от желания задать вопрос, что же случится с ненавистной грязнокровкой, когда она возьмёт сей загадочный артефакт в руки, и, словно почувствовав это, Люциус улыбнулся:

— Не волнуйся, остальное оно сделает само. Думаю, тебе понравится.

* * *

Невиллу не везло по жизни всегда. Принцип бутерброда — суть принцип Лонгботтома — преследовал его денно и ночно. Ножки стульев, на которых восседал наш герой, непременно подламывались, бокалы с тыквенным соком так и норовили окропить его новые мантии прекрасным оранжевым потоком, а бифштекс просто проживал жизнь зря, если не оказывался у Невилла за пазухой. Да, что там говорить, если даже одинокий орёл, кружа как-то над Запретным лесом, из всех студентов избрал именно его своим помазанником и помазал Невилла со всей своей царской щедростью. И коли и было суждено кому-то провалиться экзамен на С.О.В. у Снейпа, то не надо ходить к Трелани, чтобы узнать, кто это оказался.

Мысль о переэкзаменовке лишила бедного Лонгботтома радостей каникул — к слову сказать, радостей весьма сомнительных с учётом того, что бабушка не выразила восхищения провалом любимого внука по такому жизненно важному предмету, как Зельеварение, а прибывший погостить на лето дядюшка Эдджерон традиционным для себя способом приобщал племянника к изучению действий различных зелий. Только в течение первой половины июля Лонгботтом-младший дважды травился, по ошибке выпивая «объект исследований» вместо тыквенного сока (таким хитроумным способом дядя Эдджи хотел посвятить Невилла в таинство изготовления противоядий), три раза уменьшался так, что его с трудом находили на заросшем травой заднем дворе, один раз целиком покрывался русской шелковистой шерстью и ещё один раз, выпив Снотворное Зелье, беспробудно заснул на пять дней. За которые окружающие — кроме дядюшки, рвущегося испытать на Невилле Пробуждающий Состав собственного изобретения, — впервые вздохнули спокойно. Посыпавшее тело осторожно перенесли в чуланчик и повесили на двери замки, способные остановить кипучий энтузиазм представителя среднего поколения Лонгботтомов.

Спустя еще пару недель поняв, что жизнь единственного внука висит на тонком волоске, ежесекундно подтачиваемом педагогическим талантом и неутомимой жаждой деятельности младшего сына, миссис Лонгботтом взяла бразды правления в свои суровые руки и от-

была с Невиллом в Лондон, дабы в тиши библиотек и уюте Дырявого котла юный отпрыск благородного семейства мог набираться знаний и усердно готовиться к переэкзаменовке.

Чем тот и занимался уже вторую неделю подряд. Первые дни — после домашних безумств дядюшки — ему казалось, будто он очутился в раю. Наконец-то можно было спокойно есть и пить, не боясь, что секунду спустя будешь корчиться в предсмертных судорогах; спокойно ложиться спать, не опасаясь проснуться посреди ночи от подозрительных шорохов, не сулящих ничего хорошего; не впадать в ужас от очередного «Невилл, давай-ка проверим, как ты усвоил эту тему!»

Потом ощущение покоя начало притупляться и надоедать, а от обилия занятий и бабушкиных проверок (та строго следила за выполнением внуком учебного плана, собственноручно ею составленного) за горло и душу всё крепче брала зелёная тоска.

Однажды на лестнице, шествуя к себе в комнату, Невилл оторвал взгляд от ступенек и поднял его вверх, с потрясением открыв для себя существование отвлекающих объектов, которые по случаю лета (хотя и отвратительно-дождливого) значительно укоротили длину мант, юбок и рукавов.

Да, Невилл впервые обратил пристальное внимание на противоположный пол и оказался настолько не готов к этому, что весь следующий день находился в молчаливом шоке. Нет, не надо считать Лонгботтом отстающим в развитии — девушки уже заставляли его и волноваться, и краснеть. Если открывать сердечные тайны, то на первых двух курсах ему ужасно нравилась Гермиона (особенно после того, как недрогнувшей рукой отравила его в глубокий нокаут. Её пылающие решимостью глаза потом снились ему всё лето). На четвёртом курсе Невилл первым заметил, что Джинни из худенькой веснушчатой кнопки превратилась в огненноволосую девушку с пикантно вздёрнутым (не в пример длинноносым братьям) носиком и яркими глазами, от света которых даже меркло сияние веснушек. Весь пятый курс Невилл украдкой наблюдал за Дином с Парвати, милующимися у всех на глазах, и за Гарри с Гермионой, делающими это тайком, — и испытывал при этом приступы тихой светлой зависти. Но Джинни, Гермиона, Парвати (а так же Падма, Лавендер, Чоу, слизеринка Блез Забини и хаффлпафка Сьюзен Боунс) — все они были ему знакомы, сейчас же сердце начинало вздрагивать и учащённо биться при виде совершенно посторонних особ, о которых он толком ничегошеньки не знал, — вот что странно!

К вечеру смятение достигло апогея: выходя из дверей библиотеки, он не смог разминуться в дверях с миловидной девушкой. Из-за уха у неё торчало перо, и она куда-то очень спешила, заметавшись из стороны в сторону в узких дверях. Невилл, пытаясь дать ей дорогу, тоже задёргался, но результатом этой ритуальной пляски стало то, что и его, и её книги с письменными принадлежностями взлетели в воздух, а их обладатели звучно столкнулись. Да так и замерли.

— Как ты думаешь, за что ты держишься? — через некоторое время свистящим шёпотом поинтересовалась девушка, исподлобья глядя на затаившего дыхание и зажмурившегося Невилла. Тот пошевелил пальцами. Не поверив своим ощущениям, пошарил руками, потом открыл глаза и онемел. — Извращенец! — возмущённо взвизгнула она, примерившись, отвесила звонкую затрещину и отцепила от себя его руки. Пряча вспыхнувший на щеках румянец, присела и начала сгребать с полу пергаменты и книги.

— Мисс... простите, мисс, — забормотал Невилл, рухая на корточки и пытаясь ей помочь, — я сейчас всё соберу, простите, я не хотел... Это... это недоразумение! — результатом стало то, что он снова выбил у неё из пальцев только что собранные перья и свитки. — О, простите! — заалев и чувствуя, что покрывается потом от стыда и неловкости, он вскочил и коршуном ринулся на разлетевшиеся пергаменты, неловким движением снеся незнакомку с ног, споткнувшись и распластав-

шись на ней.

— Извращенец! — задыхаясь, заверещала она уже в полный голос. — Помогите! Он пытается забраться мне под юбку! Ой!!! Убери руки, негодяй!

— Я не трогал вашу юбку! — Невиллу наконец-то удалось подняться. — Простите, мисс! — он умоляюще сложил руки и пугливо заоглядывался по сторонам: грохот падающих томов и звонкий голос привлёкли к ним внимание благодарной публики. — Я вас умоляю, — почти зашептал он, — говорите потише...

— Если ты сделаешь ко мне ещё один шаг, я тебя так прокляну, что ты имя своё забудешь! — бушевала девица, но мир вокруг гриффиндорца уже исчез: всё, что он видел сейчас, были огромные, просто невероятного размера выпученные глаза, взиравшие на него из-под старой шляпы с чучелом грифа.

— Ба... бабушка? — пробормотал Лонгботтом.

— Невилл?..

— Бабушка... Это... это недоразумение! — умоляюще всплеснул руками Невилл, походя задев рукой что-то упругое и мягкое. Поскольку это снова оказалось вызывающе торчащей грудью незнакомки, последовал еще один возмущенный вопль и звонкий шлепок по рукам.

— Говорю же — извращенец! Он снова меня хватает!

— Ба!!!

— Я всё видела, — ледяным тоном отрезала миссис Лонгботтом и, мёртвой хваткой взяв внука за запястье, выдернула его на улицу, едва дав собрать книги. — Марш в гостиницу, эротоман!

Весь вечер Невилл провёл в наполненной запахами успокоительного комнате, чувствуя затылком буравящий взгляд бабушки. Время от времени до него доносились вздохи и обрывочные «какой позор...», «что скажут люди!», «кто бы мог подумать...», «...и это мой внук...» и прочие способствующие душевному подъёму сентенции. От каждой фразы Невилл всё ниже склонялся над горой учебников, и, в конце концов, из-за них выглядывали только острые лопатки.

Наконец, он не вынес:

— Что-то я совсем не приспособлен думать, ба, можно я спущусь выпить чашку чая?.. Честное слово, я даже разговаривать ни с кем не буду!

Ответом ему стал суровый взгляд, но Невилл решил не дожидаться, когда бабушка откроет рот, и резво скакнул за дверь, едва не сбив с ног девушку, чьё лицо показалось ему знакомым, — кажется, это одна из Крумовых племянниц. Она что-то сказала, но сегоднешний печальный опыт общения с противоположным полом привёл к тому, что Невилл шарахнулся от неё, как от прокажённой, и бочком заторопился к лестнице.

В Котле было тепло и вкусно пахло сдобой. Невилл заказал чашку чая с пирожным и грустно съёжился над ней.

Я неудачник. Неудачник во всём, за что берусь: не могу сдать экзамен — забываю, что хотел сказать, едва встречаясь взглядом со Снейпом. Уже пять лет не могу запомнить все проваливающиеся ступеньки по дороге в Гриффиндорскую башню и вечно торчу посреди какой-нибудь лестницы, как три вяза на Диагон-аллее. Не могу пройти по коридору, чтобы не споткнуться об развязавшийся шнурок. Надо мной все смеются, даже собственные одноклассники, девушки не обращают на меня внимания. И никогда не обратят — им нужны мужественные герои, а не растяпы вроде меня... — Невилл вздохнул и начал меланхолично размешивать сахар, не замечая, что чай выплёскивается прямо на брюки. — Настоящие герои или красавчики...

Он снова вздохнул и обвёл взглядом уютный обшитый деревом бар. Том тосковал за стойкой — из-за дождей клиентов заметно поубавилось — в эти хмурые сырые дни волшебники, как и магглы, предпочитали сидеть по домам. Словно в опровержение последней мысли, Невилл увидел в противоположном углу явно скушающую над чашкой шоколада девушку, от одного

взгляда на которую сердце зашлось, что и не удивительно: струящиеся по плечам серебристые волосы безошибочно указывали на её происхождение. Будто почувствовав взгляд, посетительница, чьё лицо в негромком сумраке бара показалось Невиллу смутно знакомым, резко встряхнула головой, отбрасывая волосы на спину, — будто плеснул серебряный водопад, и уже через миг стало понятно, кому адресовался этот жест: у барной стойки вальяжно прислонился только что вошедший стройный красавчик с тонкими ухоженными усиками, придающими ему сходство с поджарым беглым тараканом. На чёрных, как уголь, волосах поблёскивали капли воды: на улице опять лило. Увидев в углу одинокую незнакомку, красавчик задержал на ней взгляд чуть дольше дозволенного, вызываясь распахнул мантию и принял ещё более вальяжную позу, заложив пальцы за ремень. В ответ она подняла к волосам руку, продемонстрировав тонкое запястье с золотым браслетом и, чуть опустив веки, стрельнула в его сторону глазами.

Невиллу померещилось, будто над головой просвистел сногсшибатель, угодив прямо в парня у стойки. Да что говорить о «жертве», коли у него самого в ушах гулко запульсировала кровь.

Точно вейла, — он понял, что не ошибся и забулытал в чашке ложкой с такой скоростью, что остатки остывшего чая щедро оросили его брюки.

Меж тем Том подал заказ — над высоким стаканом клубился зеленоватый пар, «таракан» метнул на стойку деньги и замер, меряя вейлу вопросительным взглядом. Та задумчиво водила тонким пальцем с серебристым ноготком по краю своей чашки — парень взрыл копытом землю и, залпом осушив стакан, пустил дым из ноздрей.

— Вы десять кнатов не посмотрите? — спросил рожющийся в поисках сдачи Том.

— Показывайте!

Девушка (Невилл наконец понял, почему её лицо показалось ему знакомым: она была участницей Трёмудрого Турнира два года назад) рассмеялась серебристым, как и её волосы, смехом, и, истолковав это правильно, красавец резвой рысцой направился прямо к её столику.

— Вы позволите?

Через минуту он уже по-трубадурски месил себя копытом в грудь, рассказывал бородатые анекдоты и плёл невероятные истории из своей героической, полной опасностей жизни, а красавица благосклонно кивала головой и улыбалась.

Вот, как всё просто, — Невилл внезапно понял, что всё время безмолвного диалога, в котором тела и руки сказали куда больше, чем вместили бы слова, не сводил с этой парочки глаз, и снова уткнулся в свою опустевшую чашку, — *один взгляд, одна шуточка — и дело на мази. А если бы это был я?*

Против собственной воли перед глазами предстала картина, как, вальяжно приваливаясь к стойке, он сначала сносит на пол все стаканы, потом обнаруживает, что у него расстегнулись штаны, потом давится выпитым залпом коктейлем, вместо шутки кашляет и — как финал — направляясь к ней, спотыкается о развязавшийся шнурок и опрокидывает столик и всё на нём стоящее ей в колени.

Засунув в рот остатки пирожного, Невилл поднялся и без всякого удивления обнаружил мокрое пятно у себя на штанах.

Надеюсь, это чай, — ядовито подумал он. Полный грустных мыслей о тщете всего сущего, он отправился к себе в комнату — вверх по лестнице и дальше по коридору, мимо рядов одинаковых дубовых дверей. Внутри было темно — видимо, перенервничавшая бабушка легла пораньше. Не зажигая света, Невилл разделся и юркнул под одеяло. К его удивлению, там уже кто-то находился.

— *Вот чёрт*, — пробормотал он себе под нос, — *опять ба на мою кровать легла — от окна ей, види-*

те ли, дует.. — и покорно прошлёпал ко второй кровати. В которой при обследовании тоже кто-то обнаружился. Раздалась возня, заклинание, и в свете вспыхнувшей палочки Невилл увидел сидящую на кровати давешнюю девушку, которую часом раньше едва не снёс в коридоре. Только сейчас на ней не было ничего, кроме простыни. Лицо девушки смотрело в сторону Лонгботтома, но уловимого выражения не имело.

В следующий миг одновременно произошло сразу три события: простыня с её плеч упала вниз, глаза Невилла — равно как и Станы (это оказалась она) вылезли на лоб, её рот широко открылся, и она издала такой оглушающий визг, что спящая на соседней постели Боряна подскочила и, не разобрав спросонок в чём дело, присоединилась к крику. Правда, разобравшись, что к чему, она заорала ещё громче:

— Спасите! Извращенец!

Миссис Лонгботтом, неспешно шевеля боками, шествовала по коридору, когда до неё донёсся истошный вопль. Бока миссис Лонгботтом зашевелились порезвей, в этот миг одна из дверей распахнулась, и оттуда выскочил её внук. Был он, мягко говоря, не одет и вслед ему неслись перемешанные с крепкими болгарскими словами английские ругательства и различные пожелания. Потом наступила кратковременная пауза, после которой ругательства полетели с новой силой. Компанию им составили брюки.

— Невилл... — миссис Лонгботтом схватилась за бюст и обессилена прислонилась к стене.

— Б-ба! — взвыл Невилл, в ужасе стаскивая с головы вылетевшую из приоткрытой двери следом за штанами майку. — Это не то, что ты подумала!

— Извращенец! Похититель трусов! Он залез в кровать даже к моей сестре! Ей только двенадцать лет!

— Бабушка! — Невилл умоляюще сложил на груди руки.

Захлопали двери, в коридор начали высовываться головы постояльцев, и миссис Лонгботтом коротким закливанием отправила Невилла напрямик в их комнату.

— Я всё поняла! — громыхнула она, едва за ней захлопнулась дверь. Слегка оглушённый, внук сидел на полу и тряс головой. — Бедный мой мальчик, я всё поняла! На тебя напустили демона! Демона похоти! Ничего — мы справимся с этим!

— Ба... это... это недоразумение...

— Я понимаю, — трагически кивнула миссис Лонгботтом и вытерла нос платком, извлечённым из красного ридикюля. — Мой бедный мальчик... Пожалуй, на ночь тебя стоит привязать к кровати.

* * *

Невилл, меланхолично глядя в потолок, лежал и слушал, как бабушка шуршит газетами и что-то бормочет себе под нос. Серое кислое утро лилось в комнату сквозь открытое окно.

— Нет, не то... Хм... это слишком дорого... Так-так... О! Вот это, кажется, именно то, что нужно! — она звучно прокашлялась и прочитала: — *«Индивидуальный приём ведёт целительница и прорицательница Веста. В её арсенале пятнадцать видов карт, в том числе таро Уэйта, таро Папюса, карты госпожи Ленорман, карты доктора Моро и древнеиндийские карты...»* Звучит впечатляюще, верно? — Невилл издал нечленораздельное мычание, и миссис Лонгботтом, посчитав его за согласие, продолжила: — *«Изменяю неблагоприятную жизненную ситуацию, устанавливаю защиту от любых видов порчи путём выкачивания на яйцо, отливки в воск, прожигания свечи, сбрасывания на соль, снимаю родовые проклятья, изгоняю и усмиряю злых духов...»* — изумительно: то, что нам и нужно! *«Сорок видов гаданий — на рунах и круге Оракул, на старинных дощечках и маятниках...»* Ну, это уже неважно. Собирайся, дружок, мы отправляемся к ней немедленно!

— Тогда развяжи мне руки, — мрачно пробурчал

Невилл. — И ноги. И отвяжи меня, пожалуйста. Я буду хорошо себя вести — честное слово!

Спустя час они входили в сумрачный салон, наполненный удушливым ароматом благовоний и странными магическими артефактами и амулетами — от драгоценных камней до сушёных крысиных хвостов и связок чеснока. Вдоль увешанных тканями и какими-то пергаментами стен стояли протёртые бархатные стулья, на которых расположились несколько пожилых ведьм с постными лицами и заплаканная девушка, комкающая в руках носовой платок и колдографию с изображением молодого колдуна приятной наружности. Бабушка тут же пристроилась в хвост очереди и о чём-то зашушукалась с другими посетительницами, а Невилл, чтобы хоть как-то скоротать время, углубился в чтение одного из пергаментов, оказавшегося благодарным откликом целительнице:

«Веста мне выкатала яйцом испуг — я всегда боялась общаться с людьми и из-за этого не могла найти работу. Теперь я легко нахожу общий язык и темы разговора даже с вурдалаками и троллями, перестала бояться темноты, громких звуков, резких запахов...»

Несмотря на почтительную атмосферу, Невилл не удержался от нервного смеха и, покосившись на вздрогнувшую ведьму с брюзгливо поджатыми губами, отошёл подальше, погрузившись в изучение следующей благодарности:

«Ко мне из космоса прилетал зловредный вампир и по ночам мучил меня, пил жизненную силу, просто издевался, нанося физические увечья. Но Веста сразу распознала, какой именно дух атакует меня, и дала мне сорок один защитный амулет, научив, как расположить их в доме...»

Невилл хихикнул чуть громче, тут же заслужив крайне осуждающие взгляды присутствующих. Виногато попятившись, он налетел на какой-то столик и с ужасом услышал звон бьющегося стекла — мгновение назад стоящий на нём хрусталь засыпал пол осколками. Оцепенев от неожиданности, Лонгботтом торопливо потянулся за палочкой:

— Rereparo... — вместо хрустального шара перед ним предстало нечто, больше напоминающее плохо слепленный трёхлетним ребёнком песочный пирожок.

— О, Мерлин! — откинув шитую золотыми иероглифами и шумерской клинописью бархатную портьеру, в тёмном проёме со свечой в руках замерла предсказательница. Голову её венчала шёлковая чалма, в правой руке дрожала свеча, тогда как левая покоилась на пышном бюсте где-то в области сердца. — Я так и знала — карты предсказали мне печальную судьбу моего любимого Ока... И не только, — она резко вскинула руку в сторону начавшего виновато пятиться Невилла. — Осторожно!

Тот вздрогнул от неожиданности, отпрянул и, наступив на завалившийся осколок, подвернул ногу; потеряв равновесие и уцепившись за ближайшую портьеру, услышал тяжёлый шорох — обстановка в помещении разительно переменилась: на голых стенах красовались картинки и надписи, свидетельствующие, что совсем недавно оно имело другое предназначение. Старые ведьмы из очереди возмущённо замахали руками.

— Я... Я сейчас всё поправлю, — Невилл в отчаянии вскинул палочку, но вместо того, чтобы вернуться на стены, портьеры, или безумные, зашелестели по комнате, замотав старух — включая и миссис Лонгботтом — в один задушенно-воюющий кокон.

Прорицательница молча взирала на разгром, всё так же не двигаясь с места. Судя по высоко вздымающемуся и опадающему бюсту, она находилась в состоянии глубокого душевного волнения.

— Ну?! — решительно спросила она.

— Что? — несчастным голосом спросил Невилл, стараясь не думать о возможных последствиях и карах, грозящих ему после высвобождения бабушки из матерчатого плена.

— А где пожар, я вас спрашиваю?! После того, что

мне рассказало магическое око и гадание по персту указующему, я застраховала это помещение от пожара, а не от разгрома! Так что, будь любезен... — взглянув на недоумённо хлопающего глазами юнца, она поморщилась и решительно поднесла свечу к одной из портьер, закрывающих вход непосредственно в кабинет. Та радостно занялась, и уже через пару минут повсюду весело потрескивало пламя.

— Прекрасно, — шепнула прорицательница Невиллу, когда они на улице распутывали клубок из тряпок и визжащих старух, — страховка теперь у меня в кармане. Я давно хотела с этим делом завязать — мне до смерти надоели старые ведьмы, пытающиеся навесить порчу на соседей, и брошенные девицы, так что к тебе лично я никаких претензий не имею... Только держи язык за зубами, а то прокляну, — добавила она, кровожадно усмехнувшись.

— Да-да, — гриффиндорец слегка попятился. — Но как же! Ведь я... Мы пришли, чтобы...

— Невилл! — громыхнула вырвавшаяся на свободу миссис Лонгботтом.

— Ба!.. — Невилл торопливо затеребил портьеры, нащупав там ещё одно трепыхающееся тело и с энтузиазмом приступил к спасательным работам. Которые прервались самым неожиданным образом: под пальцами ощутилось нечто на редкость тёплое и живое, потом раздался звонкий визг и оплеуха, от которой искры брызнули у Лонгботтома из глаз:

— Перестань меня хватать, негодяй! — плакавшая в приёмной девица возмущённо сверкала глазами. В своём рвении освободить её от портьер, Невилл походя избавил её так же от мантии и блузки. С ужасом ознакомившись с округлыми плодами рук своих, он сделал шаг назад, потом ещё один — и со всех ног припустил по Диагон-аллее, сшибая зазевавшихся и не обращая никакого внимания на постепенно затихающие вдалеке вопли бабушки. Мелькали витрины, вслед летели ругательства, а один раз даже какое-то неприятное проклятье; наконец, в груди заболело, и, будто разом потеряв все силы, юноша остановился.

В двух шагах от него находился вход в магазин «Всё для квиддича», прямо напротив витрины которого, покусывая ноготь и сосредоточенно изучая выставленные там аксессуары из последней коллекции «Мечта твоей метлы», стоял сокурсник Невилла — Гарри Поттер. Он перевёл взгляд на задыхающегося Невилла, упершегося ладонями в колени, и постепенно вернулся из каких-то заоблачных высот:

— О... привет, Невилл. Рад тебя видеть. А... что ты тут делаешь? От кого ты бежал?

— Я... тут... гуляю...

— Понятно, — Гарри с сомнением посмотрел на с трудом переводящего дух Лонгботтома и собрался что-то спросить, но тот опередил:

— А где Рон и Гермиона?

Гарри чуть помрачнел, Невиллу показалось, что даже поморщился, будто почувствовал боль:

— Рон в Норе, а Гермиона уехала с родителями на материк...

— А почему...

— Слушай, Невилл, я вот тут думаю насчёт квиддича в этом году, — торопливо сменил тему Гарри, снова отворачиваясь к витрине, — от всей команды остались только мы с Роном. Нам нужны три охотника, пара отбивал — и, кстати, неплохо бы подумать о запасных, чтобы не получилось, как в прошлом году. Я тут пораскинул мозгами насчёт состава... только не подумай, будто я решил возложить на себя обязанности капитана, — спохватившись, чуть покраснел он, — но что скажешь насчёт Джинни в качестве охотника? Ещё неплохо бы предложить Стане Братковой... Что с тобой такое?

— Ничего-ничего, — махнул рукой Невилл, которого одно упоминание этого имени заставило передёрнуться. — Думаю, Стана подойдёт. У неё... хорошая реакция, — неожиданно для самого себя добавил он, не сумев сдержать улыбки.

— Вот и я так думаю, — воодушевлённо кивнул Гарри. — А остальных надо смотреть в деле: как приедем в школу, сразу же объявлю о наборе игроков в новую команду. Устроим конкурс, посмотрим, кто на что способен... На позиции отбивающих надо бы подобрать кого-нибудь помощнее, — глаза Гарри снова обрели отсутствующее выражение, словно он обращался сам к себе, но тут же прояснились: — Кстати, может, кого предложишь — ведь ты, пока был старостой, поди, всех гриффиндорцев выучил?

Невилл задумался, изучая сквозь витрину подарочный набор щётчек для метлы — ручная работа, красное дерево, серебро, шерсть единорога, цена договорная. После утренних событий мысли собирались с трудом.

— Знаешь, жаль, что Колин Криви угодил в больницу — мне кажется, они с Деннисом стали бы неплохой парой охотников, они друг друга с полуслова понимают, да и, судя по словам Джинни, летают неплохо. А в качестве отбивал я бы предложил семикурсников Эндрю Кирка с Джеффом Хупером — они довольно крепкие ребята...

— О, спасибо! — присял Гарри. — Здорово, что я тебя встретил — а то всю голову уже себе сломал! Насчёт Криви, честно говоря, я тоже думал — они лёгкие и юркие, к тому же, Колин просто бредит квиддичем... А как насчёт кого-нибудь на роль ловца?

— Кого-нибудь, кто ближайšie два года согласился бы просидеть на скамейке запасных? — хмыкнул Невилл. — Тогда бери любого — пока ты в команде, вряд ли кто-то рискнёт с тобой состязаться, — он заметил, что Гарри чуть покраснел, то ли от смущения, то ли от удовольствия. — Так почему Рон не здесь?

Гарри молча пожал плечами и отвёл взгляд: после ответа на памятное письмо от Рона больше не пришло ни единой весточки. Следующее письмо тоже осталось безответным. Сейчас в пакете под мышкой лежали свежкупленные пергамент, перья и чернила: он собрался снова отправить послание другу и написать ответ на открытку Гермионы, полную вздохов восхищения по поводу архитектуры Милана и неопределённых намёков на темперамент итальянцев, от чего у Гарри тут же испортилось настроение, и зачесались кулаки.

— Я уже думаю, может, случилось чего? — неожиданно для себя самого поделился он своими опасениями: — Просто письма от Рона — они были какими-то... странными. Вроде бы его и — не его... — Гарри умолк. Ему вдруг показалось, что рассказывая об этом Невиллу — человеку, с которым он хоть и делил спальню все годы обучения, однако не предпринял ни единой попытки по-настоящему сблизиться и сдружиться, он предаёт Рона.

Правильно истолковав причины этой оборванной фразы, Невилл молча кивнул и не стал вдаваться в подробности, за свою жизнь он привык находиться в одиночестве: Рон и Гарри, Дин и Симус — они всегда были вместе. Ему же — в недавнем прошлом неуклюжему толстяку, изросшемуся в худого, но такого же нескладного и неловкого парня — на роду было написано одиночество. Плечом к плечу однокурсники двинулись в направлении Дырявого котла — мимо магазинчиков, лотшников и кафе, на одном из которых красовалось объявление «Мусор мимо урн не кидать. ПРОКЛЯНУ!!!»

— Эй! — голос был незнаком ни тому, ни другому, поэтому гриффиндорцы, и ухом не поведя, пробрались сквозь поток колдунов и колдуний — всегда плотный на центральной улице магического Лондона. — Эй! — настойчиво повторил голос чуть громче. — Да стой же! Эй... извращенец, как-там-тебя!

Внутри у Невилла всё оборвалось — не веря своим ушам, он остановился, как вкопанный, и обернулся: к нему торопилась вчерашняя девушка, которую он снёс в дверях библиотеки.

— Вот, держи, — она протянула книгу. — Это твоё, я чудом её не выкинула, — мстительно добавила она и инстинктивно качнулась назад, едва Невилл двинулся

к ней. — Не вздумай ко мне приближаться!

Гарри удивлённо таращился на эту сценку, и девушка перевела взгляд на него:

— О, а ты ведь Гарри Поттер, верно? — она взглянула на его лоб, и Гарри, как всегда, захотелось прикрыть шрам ладонью. Он утвердительно кивнул. — Я Маризтта Эджикомб. Мы с Чоу однокурсницы, — добавила она с лёгким нажимом, и гриффиндорец слегка покраснел, поняв намёк.

Значит, подружки Чоу были в курсе. То-то они хихикали и тыкали пальцами, когда видели меня!

— Вот, возьми, — она ткнула ему в руки книгу, которую Невилл так и не решился взять, боясь праведного гнева или очередного неловкого движения: после событий последних двух дней он уже ни за что не мог поручиться. — А то к книге он что-то не тянет руки, не то что... — она фыркнула и, резко развернувшись, отчего её длинная русая коса взмыла в воздух, скрылась в толпе.

— О чём это она? — поинтересовался Гарри, передавая книгу красному, как рак, Невиллу.

— Понятия не имею. Ты сейчас куда?

— Я — в Котёл, — сообщил Гарри, и Невилл передёрнулся, представив встречу с бабушкой. Ему тут же снова захотелось уснуть суток на пять — до той поры, пока гнев миссис Лонгботтом не затихнет. *Нет, пожалуйста, пяти не хватит...* — ...я только утром приехал, надо вещи разобрать, а ты?

— А я... пожалуй, я пройдусь — мне надо кое-куда заглянуть, — соврал Невилл, натужно улыбнулся и, махнув Гарри рукой, зашагал в противоположную Котлу сторону.

* * *

— Мам, может, всё-таки вернёмся пораньше? — жалобно спросила Гермиона. — Мне нужно ещё купить учебники, перья... Подогнать школьную форму, собрать вещи...

— Книги и все принадлежности ты можешь заказать по почте, их пришлют прямо домой. А мантии я тебе сама подроблю, — тоном, не терпящим никаких возражений, ответила миссис Грейнджер, сопроводив это самой милой улыбкой.

— Но, мама...

— Я уже заказала билеты — это очень странно, но на конец августа всё оказалось забронировано... Зато мы успеем посетить Венецию! Папа всегда мечтал прокатиться в гондоле!

— Да? — растерянно оторвался от утреннего кофе мистер Грейнджер и, встретившись с выразительным взглядом жены, вздохнул и кивнул головой. — Д-да-да, конечно. Всегда мечтал.

Поджав губы, Гермиона резко отодвинула свой стул и поднялась:

— Если не возражаете, я останусь в номере — у меня от вчерашних прогулок до сих пор ноги болят.

— Но как же? — растерянно захлопала глазами миссис Грейнджер. — Мы собирались сегодня...

— Вы прекрасно можете погулять и без меня. А я немного отдохну от этого активного отдыха, — на губах Гермионы играла улыбка, а тон по жёсткости не уступал тону матери. Вызывающе тряхнув головой, она с нажимом добавила: — К тому же, мне надо написать Гарри. И Рону. И закончить, наконец, эссе по Истории Магии. Вот.

Она резко развернулась и вышла из кафе, где семья Грейнджер завтракала.

— Ну и чего ты добились? — спросил мистер Грейнджер, тут же оторвавшись от своей газеты. — Чем больше ты на неё нажимаешь, тем она больше упрямится. Зачем тебе эта отсрочка? Ну, появимся мы в Лондоне на два дня позже...

— Патрик, не начинай, — миссис Грейнджер одним глотком допила крепчайший кофе и принялась с остервенением чистить апельсин, не замечая, рас-

плывающего на белоснежной скатерти сока.

— Нет уж, позволю, — мистер Грейнджер снял и снова надел очки, — я больше не могу слушать эту ложь и делать вид, будто всё в порядке. Зачем я вообще только на это согласился! Мне больно видеть, как Гермiona мучается, я не хочу кивать, как безмолвный китайский болванчик! Эта конференция, Милан... Венеция!.. Надоело! Мы немедленно возвращаемся!

Он решительно поднялся.

— Знаешь, что самое забавное? — пытаюсь держать себя в руках, миссис Грейнджер, явно не ожидавшая, что муж решительно переметнется на сторону дочери, растерянно улыбнулась. — Билетов действительно не было. Я взяла ближайšie...

Забывший апельсин, подкатившись к краю стола, сорвался и сочно хлопнул об мозаичный пол.

В это же самое время на уютной кухне Норы, наполненной аппетитными ароматами и треском огня, происходил похожий разговор.

— Ну-с, сынок, как насчёт того, чтобы устроить налёт на Диагон-аллею? — с напускной бодростью мистер Уизли хлопнул ладонью по столу. Рон, меланхолично глядя за окно, щипал кусок хлеба и скатывал шарики, которые торопливо заглатывал Свин. Судя по всему, он не услышал вопроса отца, потому что движения остались такими же размеренными, а выражение лица — отрешённым. Мистер и миссис Уизли обменялись тревожными взглядами.

Ну, что я тебе!.. — сказал взгляд миссис Уизли.

И не говори, — ответил взгляд мистера Уизли.

Ты его отец — сделай что-нибудь!

А ты — его мать!.. Почему всегда я?! Ладно-ладно, я попробую...

— Кхм. Ронни! — отец никогда так не называл младшего Уизли, и Рон, оторвавшись от созерцания раскисшего от дождей огорода, капусту и салат на котором не спасли даже советы из «Сельхозмагии», перевёл на него тусклый взгляд.

— А? Что? Простите, я задумался...

— Говорю, почему бы нам не совершить сейчас налёт на Диагон-аллею, — мистер Уизли снова взял жизнерадостный тон. — Зайдём в Гриннготтс, потом купим вам с Джинни учебники и всё, что нужно для школы...

Глаза Рона прояснились, но тут мистер Уизли совершил непростительную ошибку:

— ...заглянем в Дыривый котёл — кстати, Гарри уже давно приехал, и ты сможешь остаться там до школы. Вы, наверное, соскучились — не виделись всё лето...

В повисшей тишине Свин, подавившийся очередным хлебным шариком, издал похожий на писклявое хрюканье звук.

— С чего ты это взял — я ни по кому не соскучился! И никуда я не поеду! — Рон вскочил из-за стола, схватил в кулак Свина и пулей вылетел из кухни. — Была охота под дождём таскаться! Отстаньте от меня! Мне и тут хорошо, — донеслось уже сверху, после чего гулко хлопнула дверь.

— Ну, Артур! Зачем ты вспомнил про Гарри?! Я же тебе говорила!..

— Молли, прости, дорогая, — мистер Уизли не сводил ошеломлённого взгляда с распахнутой кухонной двери, — я хотел его как-то взбодрить... Я не ожидал, что...

— Тебе это удалось! — укоризненно покачала головой миссис Уизли. — Теперь, боюсь, его до завтрашнего дня из комнаты не выманишь! Говорила же — ни слова о Гарри! Сейчас привели бы Рона в Котёл, устроили случайную встречу — глядишь, все эти недоумения сами собой и разрешились бы, — но колебание в её голосе не могло обмануть мужа.

— Молли, думаешь, всё так серьёзно?

— Серьёзно, несерьёзно... — миссис Уизли присела на краешек табурета и начала машинально оттирать стол уголком передника. — Сам смотри: последние две недели от имени Гарри Рон просто в бешенство впадает. Ума не приложу, что между ними стряслось: вро-

де бы расстались они вполне мирно.

— Может, что в письмах? Какие-нибудь трения...

Миссис Уизли покачала головой:

— Вот и мне так кажется... У меня ощущение, будто Гарри не написал Рону за лето ни единого письма. А Рон так ждал — даже отправлял одно маггловской почтой.

— Ни единого?

Миссис Уизли перешла к следующему пятну на столе.

— Ах, Артур, всё меняется — и мальчики тоже выросли. Сам подумай, Гарри — такая известная личность, к тому же, у них с Гермियोной, кажется, серьёзный роман. Ему столько пришлось пережить за последнее время — столько потерь, столько потрясений — не мудрено, что он повзрослел раньше времени. А наш Рон по сути ещё совсем ребёнок, я не удивлюсь, если он по ночам до сих пор листаёт комиксы про Ларри — Победителя Вампиров или играет с тем паровозиком, то ты подарил ему на десятилетие...

— Ну уж с паровозиком, — невольно улыбнулся мистер Уизли.

— ...боюсь, детской дружбе пришёл конец, а для взрослой они ещё не готовы, — миссис Уизли вздохнула и кочергой пошевелила дрова в камине, где на закопчённом крюке висел пузатый чайник. — Рон из-за этого очень переживает. Даже слишком, меня это просто пугает: он так болезненно реагирует на любое упоминание о Гарри, что... Ох, не перешла бы эта дружба в яростную ненависть, — выдохнула миссис Уизли и умоляюще, будто прося о поддержке, взглянула на мужа.

Но тот молчал, безотрывно глядя в огонь.

— Артур?

— В таком случае, ему действительно не стоит сейчас видеть Гарри. В школе у них будет много отвлекающих моментов — учёба, квиддич... Может, постепенно они позабудут о разногласиях, и всё уладится само собой. Или же Рон найдёт себе новых друзей, — каким-то незнакомым, напряжённым тоном ответил мистер Уизли.

— Артур... Да, я понимаю, о чём ты — но неужели... неужели ты до сих пор помнишь и не можешь...

— Молли, налей-ка мне чаю, — он достал с деревянной полки пузатую глиняную кружку со смеющейся мордочкой. — В любом случае, нам стоит поторопиться. У меня не так много времени, сегодня предстоит ещё плановый рейд в пятый квартал: оттуда начали поступать жалобы на прыгающие и кусающиеся плюшевые игрушки, — так что, если ты хочешь, чтобы я тебе помог...

— Да, дорогой, — миссис Уизли отвела полный сочувствия взгляд от мужа.

...Прошло почти тридцать лет, а он не забыл. Ох, Рон, мальчик мой, как же тебе сейчас тяжело...

— Твой чай, дорогая, — она повесила на крюк клетчатый передник, накинула на плечи мантию и вдруг, повинувшись внезапному порыву, решительно направилась к ведущей в комнаты лестнице. — Ещё минутку...

Дверь в комнату Джинни, в которой временно обитал Рон, была плотно захлопнута, из-за неё не доносилось ни звука.

— Рон... — осторожно постучала согнутым пальцем миссис Уизли. — Сыночек, открой мне.

— Что такое? — отозвался недовольный голос, и через некоторое время дверь приоткрылась. Хмурое веснушчатое лицо, сдвинутые брови. Смятое покрывало кровати и... — миссис Уизли мысленно вздохнула, — валяющиеся на полу комиксы.

Бедный мой мальчик...

— Мы с папой отправляемся на Диагон-аллею — ты уверен, что не пойдёшь с нами? Хорошо-хорошо, — торопливо закивала она, не дожидаясь взрыва, который, судя по начавшей краснеть физиономии сына, должен был последовать незамедлительно, — может, тебе что-нибудь привезти? Сливочной тянучки? Перечных чёр-

тиков, а?

— Мам, что ты хочешь от меня услышать? «Ах-ах, принеси мне сладенького, и я забуду все свои печали»? — внезапно запищал он тоненьким голоском, заставив её вздрогнуть. — Да, меня предал единственный друг, и не надо меня утешать, это... это ужасно унизительно. Я справлюсь. Я уже справился. В конце концов, не сошёл же клином свет на этом парне, верно? Счастливы вам съездить, — Рон захлопнул дверь. — Мне нужны новые перья и школьная сумка, — добавил он. Миссис Уизли услышала удаляющиеся шаги, скрип кровати и шелест страниц.

Вздыхнув она двинулась вниз

«Не сошёл же клином свет на этом парне, верно?» Ох, Рон, Рон... боюсь, ты заблуждаешься. Но, в любом случае, справиться — или не справиться с этим — только в твоих силах. И никто — даже мы с папой — не в силах тебе тут помочь...

* * *

Переполняясь трепетом и предвкушением, Гермиона невнимательно чмокнула родителей и, подгадав момент, когда ближайший вокзальный служащий отвернётся, решительно толкнула свою тележку на каменную стену. Миссис Грейнджер по привычке зажмурилась: каждый раз ей казалось, будто сейчас раздастся грохот, и дочь разобьёт себе лоб. Легкий скрип колёс, быстрые шаги — и всё, только гулкие голоса прибывающих и отправляющихся, гудки поездов...

Она тревожно вздохнула.

— Что ж, по всяком случае, я сделала всё, что могла.

Стоящий рядом мистер Грейнджер улыбнулся.

— Думаю, мы все рады, что каникулы закончились, верно, Мэгги?

— Патрик, зачем ты это говоришь? Ты хочешь меня рассердить? У меня и так сердце не на месте...

— Успокойся, ты же сама говоришь, Гермиона — на редкость умная девочка. Мне кажется — нет, я просто уверен — у неё всё теперь будет хорошо: ты поделилась с ней нашими опасениями, донесла до неё свои пожелания... Думаю, она сделает выводы и поступит правильно. В любом случае — я рад её улыбке. И счастлив, что больше никому никого не надо обманывать.

Миссис Грейнджер чуть порозовела и встряхнула головой, отбросив на спину тяжёлые упругие локоны.

— Дай-то Бог...

Меж тем возвращение в волшебный мир не прошло для Гермионы без приключений: едва вынырнув из каменной стены, разделяющей миры и платформы, она налетела на Драко Малфоя. Тот стоял и, задрвав голову, считал ворон в хмуром сером небе. Слизеринец едва успел шарахнуться в сторону от тяжёлой тележки, но, не удержавшись на ногах, уцепился за Гермиону и вместе с ней рухнул на землю.

Как-то неудачно начинается учебный год¹...

— Грейнджер! Где твои глаза, что тебя мантикора порвала! Куда тебя несёт! — он поднялся на ноги, даже не подумав подать ей руку, и теперь стоял, тщательно отряхивая свою мантию и чертыхаясь. — У тебя что — приступ брачной лихорадки? Несёшься к своему Поттеру? Лета не хватило, чтоб натискаться?

— А у тебя за каникулы, похоже, разжижение мозгов не прошло. Неужели так и не сумел сочинить ничего нового? — огрызнулась Гермиона и подняла съехавшую на землю клетку с возмущённо завывающим Косолапсом.

— Не твоё дело, грязнокровка.

— Слизеринский полосатик.

Малфой отвернулся и неторопливо пошёл к Хогвартс-экспрессу.

Гермиона, мысленно желая ему чего-нибудь болезненного и заковыристого, собрала свои пожитки, сложила их на тележку и направилась туда же.

— Кстати, Грейнджер, у тебя грязь на носу, — не повернув к ней головы, заметил Малфой, когда они поравнялись.

Гермиона нахмурилась, но всё же полезла в карман куртки за платком. Неожиданно рука наткнулась на что-то круглое и холодное.

Зеркало? Отлично!

Она взглянула на своё отражение — недовольное, с поджатыми губами, но тут же перевела глаза на само зеркало: какое-то незнакомое, небольшое — размером с ладонь; его обрамляла серебряная рамочка с мелкими буквами. Гермиона поднесла его поближе к глазам и близоруко прищурилась:

Зеркало Анамбо. Что это?

Неожиданно мир перед глазами качнулся и поплыл, словно она находилась в трогаящемся вагоне. Зеркало распахнулось перед ней, задрожав живым серебром. Гермиона замотала головой, зажмурилась — когда она открыла глаза, радужная дымка исчезла, и всё стало по-прежнему. Вытащив платок из кармана, гриффиндорка аккуратно стёрла с носа невесть откуда взявшуюся сажу и снова взглянула на замысловатую рамку.

Теперь надпись выглядела иначе:

— Зеркало Обмана, — вслух прочитала Гермиона. — Ничего не понимаю...

Её отражение ответило холодной улыбкой.

— Добро пожаловать в Зазеркалье, Гермиона!

Платформа девять и три четверти, Хогвартс-экспресс, студенты, здание вокзала и часы, стрелка на которых приближалась к 11 часам — всё исчезло. Гермиона стояла в пустоте, не имеющей ни верха, ни низа, и с ужасом взирала на улыбающееся ей из ладоней лицо — её собственное и, в то же время, не имеющее ничего общего.

— Кто ты? — неожиданно хриплым голосом прошептала она.

Зеркало взлетело в воздух, увеличиваясь на глазах. Теперь Гермиона видела «себя» во весь рост. Беззвучно шумящие деревья, выпускающий пары Хогвартс-экспресс, толчею на перроне...

— Я? Твоё отражение. Я — это ты. А ты — это я.

— Нет! Я — это я!

— О, какая скука — все эти споры с тобой, — устало закатила глаза «та» Гермиона. — Думаю, за все эти долгие годы, проведённые за стеклом, я заслужила свободу, верно? Быть отражением занудной девчонки — это так утомительно! Нет, я намерена в корне изменить свою жизнь! — отражение уменьшилось, словно удаляясь.

— Эй, куда ты! — Гермиона кинулась вперёд, но налетела на невидимую стену. — Стой!

— Вот ещё! Мне пора, ведь поезд вот-вот уйдёт, а меня ждёт новый учебный год в Хогвартсе, — злобно улыбнулось отражение, и Гермиона содрогнулась: так странно было видеть на своём лице это чужое выражение. — Кроме того, мне нужно сказать пару слов Гарри Поттеру. Напоследок. Он мне до смерти надоел. Кстати, по совету мамочки мне стоит задуматься о будущем, верно? — добавила лже-Гермиона и подмигнула.

— Что ты такое говоришь? Не смей приплетать сюда мою маму! Не вздумай... Гарри... А ну, выпусти меня отсюда!

— Чёрта с два. Я не намерена возвращаться в свой мир, я собираюсь остаться тут. А ты можешь как следует расслабиться — ты столько трудилась в последнее время... думаешь, отдых тебе не помешает.

Она исчезла.

— Стой! — истошно взвизгнула Гермиона и, разбежавшись, всем телом кинулась на барьер — ещё, ещё раз, зашарила по карманам в поисках палочки. Пустота.

Конечно. Никакой палочки. Теперь я просто отра-

¹ Ох, знала бы она, НАСКОЛЬКО неудачно... — Здесь и далее примечания автора.

жение...

Гермиона съехала вниз и обессилена ткнулась

лбом в колени.

Зазеркалье.

Глава третья, в которой всё встаёт с ног на голову, а Шляпа поёт длинную и нудную песню, проливающую, тем не менее, некий свет на былое и грядущее.

Гарри нервно топтался у вагона, пристально — до рези в глазах — вглядываясь в толпу и сгорая от нетерпения. Последние недели каникул, проведённые в магическом мире, отнюдь не уменьшили количество размышлений, которыми ему хотелось немедленно поделиться с друзьями. Даже наоборот — те так и роились в голове, расталкивая и наступая на хвосты друг другу.

«Моя борьба», чтение которой в последнее время стало для Гарри чем-то вроде ежедневного ритуала, нагнетала атмосферу мрачными предсказаниями о грядущих потрясениях, рисовала милые картинки из повседневной жизни Тёмного Властелина — разговоры с загадочными безымянными личностями, называемыми «верными слугами» и «преданными последователями», какие-то обрывочные размышления о всемирном господстве и первоочередных мерах, которые необходимо предпринять... У Гарри от прочитанного вставали дыбом волосы, и желание выяснить все подробности о таинственном Защитнике полностью завладело мыслями, лишь изредка уступая место таким насущным вопросам, как формирование новой факультетской команды по квиддичу и отсутствию — несмотря на все письма — вестей от Рона. Гермиона в очередной открытке, посланной из Рима, с прискорбием сообщила, что у неё практически нет времени на хождение по библиотекам; кроме того, большинство материалов в них, по понятным причинам, написаны на итальянском (в котором — при всей его близости к латыни — она за три недели так и не достигла совершенства), и потому приходится тратить ужасно много времени на абсолютно бесполезные вещи вроде разбора и изучения каталогов и списков литературы, которые «у этих безалаберных и болтливых итальянцев находятся в кошмарном беспорядке». После некоторого колебания Гарри написал Дамблдору и отправил запрос в Библиотеку Министерства Магии.

Ответное послание директора оставило больше вопросов, нежели дало ответов. Впервые в жизни у гриффиндорца появилось даже не подозрение, а чёткое ощущение, что директор или о чём-то не договаривает, или же действительно не знает. Как ни странно, это не вызывало у юноши разочарования, которое непременно бы накрыло его, случись нечто подобное годом-двумя раньше.

«Великая Дюжина — лучшие ученики Основателей, собственноручно отобранные ими. Те, кому они передали свои знания, свои силы, самую квинтэссенцию магии... Защитник — некое легендарное заклинание, с помощью которого когда-то был якобы защищён Хогвартс...» Это всё я уже знаю! Есть ли в этой легенде зерно истины? Где искать это заклинание? Что это за Защитник и можно ли вызвать его, чтобы защититься от Вольдеморта, — вот что меня интересует!

Ответ из Библиотеки и вовсе разозлил: сначала ему прислали длинный список каталогов с расценками на пересылку. Потратив два дня на изучение и заработав головную боль, Гарри выписал два из них и принялся ждать. Спустя три дня официальная сова поступала в его окно.

Но юноше не суждено было увидеть выбранные книги — ни «Сборника легенд и преданий магического мира под редакцией Л. Оле», ни «Этапы становления Тьмы и борьбы с оной», ни «Древние оборонительные заклинания»: ответ гласил, что «Документ был перемещён и в последние триста лет временно недоступен». А книга, от одного названия которой у Гарри радостно забило сердце («Тайны Защитника»), и вовсе оказалась пособием по квиддичу.

Справедливости ради, нельзя не заметить, что если

разочарование и имело место, оно быстро прошло: рассеяно пролистнув первую пару страниц, Гарри так увлёкся, что даже исписал двухфутовый пергамент советами и замечаниями.

Вот Рон порадует! Такие приёмы, такие хитрости — кубок точно будет нашим и в этом году! — улыбался он себе под нос, перечитывая перечень и технические особенности обманных движений при пробитии штрафного.

К концу каникул напряжение достигло апогея, и Гарри не терпелось вернуться в Хогвартс, чтобы вместе с Гермионой закопаться в библиотечных развалах: кто-то, а она знает ключи к сердцу мадам Пинс и, кроме того, является старостой — значит, имеет доступ к закрытым разделам. Гарри очень живо представил Гермиону, стоящую на стремянке и с сосредоточенным видом ведущую пальцем по пыльным корешкам книг. Правда, избранный им для этой картинке ракурс немедленно перенёс его мысли в совершенно иную сферу...

В груди стало тесно, и рука сама собой потянулась к вороту майки, будто тот начал душить. Лето оказалось для Гарри трудным. Очень трудным — куда труднее, чем он того ожидал. Иногда ему снилось, будто сейчас только второй день каникул, и впереди предстоят недели разлуки и ожидания — телефонных звонков (которые так и не нарушили покой семейства Дурслей), писем (которые регулярно оный покой нарушали), приглашения погостить (которого так и не последовало). Просыпаясь, Гарри с облегчением убеждался, что на пороге наконец-то август, и, значит, уже совсем скоро... Тогда он улыбался, глядя в темноту... Но чаще по ночам он снова и снова видел сжавшуюся за прозрачной стеной полуобнажённую девушку, слышал её хриплое «Что ты делаешь! Остановись»... Снова вспыхивали и гасли красные искры в глазах Крума, снова огненные письмена жгли спину. Гарри запрещал себе думать об этом днём, но ночью подсознание брало своё — от подобных кошмаров он просыпался весь в поту, с колотящимся в горле сердцем. День ото дня необъяснимая тревога за Гермиону нарастала; всё, чего ему сейчас хотелось, — чтобы она была рядом. Слышать звук её голоса, видеть её глаза, чувствовать её тепло... запах... Но встреча снова откладывалась: в серое утро, отличавшееся от предыдущего только тем, что дождь не просто «шёл», а «лил, как из ведра», с мхурой мокрой сипухой прилетело полное отчаяния письмо, похоронившее все надежды на несколько дней, которые он мечтал провести с Гермионой наедине. И теперь, — по давней детской привычке — Гарри снова принялся вычёркивать в настенном календаре оставшиеся до первого сентября числа.

Неделя.

Очередная прогулка по Диагон-аллее, изучение квиддичных товаров. «Советы начинающему тренеру». Эссе по Прорицанию, с которым уже нельзя было дальше тянуть. «Гадания по имени и дате рождения, по вибрации звука и голоса, по засушенным и перетёртым в порошок насекомым». Бе.

Четыре дня.

Встреча с однокурсниками — в преддверии учебного года студенты начали подтягиваться в Лондон, и Диагон-аллея вскипела, как горная река: суета, толчея, гомон... Никуда не спеша — для учёбы всё давно уже было куплено, Гарри вглядывался в незнакомые лица и с чувством доброй зависти вспоминал своё ошалевшее состояние, когда при помощи Хагрида впервые перешагнул границу между мирами. Вот и сегодня он увидел знакомое выражение глаз: сияющее и недоверчивое счастье прикосновения к сказке.

Мне тогда тоже казалось, будто я с минуты на минуту проснусь...

Два дня.

Рон так и не объявился, хотя, по слухам находился в добром здравии. Вестей от него с того самого дня, когда почтально поступал к Дурслям, не приходило, на письмо Гарри он так и не ответил... Нехорошее тревожное чувство, не отпускавшее Гарри все каникулы, росло, но усилием воли гриффиндорец заставил его замолчать:

Что толку гадать и выдумывать всякие ужасы? В любом случае, совсем скоро я всё узнаю. И всё расскажу.

Последнюю ночь юноша буквально не сомкнул глаз: осознание того, что беспросветное, серое, нескончаемое тысячелетие ожидания завершается, и уже завтра рядом будут лучший друг и любимая девушка; что всё вернётся на круги своя, и снова можно будет вместе погрузиться в изучение очередной загадки (деликатно умолчим о его мыслях в отношении встречи с Гермионой), рождало в груди радостную щекотку и отгоняло сон в неведомые дали.

Итак — с тёмными кругами под глазами, но полный сил и противоречивых предчувствий, Гарри нетерпеливо топтался на платформе, вертя головой и поминутно привставая на цыпочки (что, учитывая его рост, было даже излишним) в поисках долговзлой фигуры с огненной шевелюрой и пышноволосой девушки. Стрелка перронных часов неуклонно ползла к одиннадцати, платформу переполнял гул и гвалт — но ни Рон, ни Гермиона пока не появились. Начиная не на шутку нервничать, Гарри пошёл вдоль Хогвартс-экспресса, расталкивая студентов и заглядывая в окна купе. Его упорство увенчалось успехом, хотя и вовсе не так, как он ожидал.

— О, Драко, где ты так восхитительно загорел! — прозвенел слева полный обожания голос Пенси Паркинсон. — Тебе это безу-умно идёт...

Гарри обернулся: чуть в стороне, насмешливо изучая гриффиндорца с ног до головы, стоял его извечный враг, Драко Малфой, на которого, как голодная кошка на сметану, пялилась Пенси. Скользя подчёркнуто равнодушным взглядом по не по-здешнему загорелой физиономии слизеринского старосты, Гарри собрался было продолжить свой путь, но замер, издав победный клич: прямо к нему, пыхтя под тяжестью здорового чемодана с буквами Р.У. на крышке, двигался Рон.

— Отдыхал на островах. Не всем же киснуть под дождём среди грядок с гнилыми кабачками! — громко произнёс Драко, даже не повернувшись к однокурснице, а продолжая есть глазами гриффиндорцев. При виде Уизли на губах появилась улыбка, а лицо буквально засияло от предвкушения удовольствия.

Рон вздрогнул, замер, словно ему дали пощёчину, и поднял взгляд, встретившись с глазами Гарри. Его оттопыренные уши начали медленно пунцоветь. Вцепившиеся в тележку с чемоданом пальцы, напротив, побелели.

— Уж лучше быть нищим или сиротой, чем сыном Пожирателя Смерти! — мгновенно развернулся к слизеринцу Гарри. Честно говоря, не будь он так возбуждён от предвкушения встречи с друзьями, не переполняй его радость, волнение, нетерпение и тревога, он бы, в лучшем случае, просто отмахнулся, ну, или же просто послал Малфоя, куда Хагрид фестралов не гонял. Но слова сорвались с языка раньше, чем он успел сообразить, как болезненно Рон реагирует на слово «нищий». И действительно — по лицу друга пошли красные пятна, пальцы разжались, и чемодан с грохотом рухнул на перрон. Гарри тут же прикусил язык, но было уже поздно.

— Я не просил за меня заступаться, Поттер! Сам как-нибудь справлюсь — без всяких там защитников! — Гарри произвольно вздрогнул. — Придержи свой язык...

— О, наконец-то Уизли указали его истинное ме-

сто, — слизеринцев поблизости оказалось куда больше, чем студентов других факультетов, и слова Гарри о Пожирателях Смерти не произвели должного эффекта, тогда как случайно соскочившее «нищий» вызвало хихиканье и насмешливые улыбки. Рон разом приобрёл ровный свекольный оттенок. У Гарри от чувства вины и неловкости аж пальцы на ногах свело.

— Рон, прости, я не хотел... Я не имел в виду... Я... ну, то есть я в том смысле...

— Я и не сомневался! — наплевав на то, что на них вытаращились десятки пар глаз, Рон и не думал понизить голос или взять себя в руки. — Ты у нас вообще ничего не хочешь! Какое тебе дело до того, кто вечно телепается рядом, — у тебя же только одна цель: спасение мира. Куда там — снисходить с заоблачных высот борца со вселенским злом до нас, простых смертных! Да, я нищий — зато порядочный человек, не то, что некоторые...

— Уизли проводит обманное движение и бьёт Поттера прямо по... — пародируя манеру Ли Джордана, принялся комментировать однокурсник Малфоя Дэвид Нотт. Все вокруг грохнули.

— Рон, что ты несёшь! — Гарри не мог поверить своим ушам. Мир вокруг будто остекленел, дрогнул и спустя мгновение рассыпался мириадами осколков. Гарри показалось, словно он стоит в конце длинного и тёмного туннеля, на другой стороне которого вполоборота замер Рон. Он смотрел в тёмные от гнева глаза друга, не видя и не слыша ничего вокруг. — Рон?..

Тот резко развернулся и захлопнул за собой неведь откуда появившуюся дверь. В крошечной темноте тихонько рассмеялся тонкий злой голосок, и в туннеле воцарилась тишина.

...Рон, где ты?..

— ...хук справа — Поттер в ауте...

Снова раздалось жеребячье ржание: к толпе присоединились Кребб и Гойл. Им вторили радостным потякиванием Дерек Ли и Джордж Кент — второкурсники из свиты Драко Малфоя. Хогвартс-экспресс предупреждающе загудел: до отправления оставалось десять минут.

— Рон!.. — Гарри всё казалось, что это какое-то недоразумение.

— ...не снизошел, чтобы за всё лето черкнуть хотя бы строчку — конечно, ты у нас теперь герой! Да мне только со стихами пришло целых десять писем. А от тебя...

— Я писал! Честно — писал! — Гарри осознал, как неуместно и глупо звучит его оправдывающийся тон, и замолчал, чувствуя, как вспыхивают щёки. Слизеринцы затаили дыхание.

— Ой, — восторженно взвизгнула Пенси Паркинсон, — народ, да это, никак, сцена ревности... Мальчики поссорились, ой, я не могу! Слушайте, а может, они... — окончание фразы потонуло в приступе смеха, больше похожем на рыдание.

Почернев от бешенства — теперь веснушки на его лице казались бледными пятнами — Рон ответил коротко, но сильно. Завязалась интересная беседа, вся из различных пожеланий.

Тем временем, к шумящей и хохочущей группе, явно рассчитывая на что-то интересное, начал подтягиваться народ. Гриффиндорцы, слизеринцы — конфликт не заставил себя ждать: первые толчки, первые недобровольные взгляды, ядовитые реплики, и вот уже зазвучали похожие на неприличные скороговорки заклинания, а особо нетерпеливые находились на грани рукопашной — за лето впечатления от возвращения из школы отнюдь не ослабли, все были готовы к реваншу.

В центре пыхтящего и возящегося круга, как на арене, по-прежнему стояли бывшие лучшие друзья. Три-четыре фута обычной платформы между ними стремительно превращались в растущую на глазах чёрную бездонную пропасть. Рон подхватил свой чемодан и, растолкав зевак, быстро пошёл вперёд, даже не взглянув в сторону Гарри. Тот, спохватившись, рва-

нулся следом, забегая то с одной стороны, то с другой.

— Рон, прекрати! Ведь это просто глупо!.. Рон, давай поговорим и всё выясним!..

Друг молчал и не сбавлял темпа, упрямо глядя вперёд. Хогвартс-экспресс снова свистнул, выпустив струю белого пара.

— Рон! Я писал тебе, честное слово!

— Да-да, только вот я почему-то ни одного твоего письма в глаза не видел!

— Но как же... Что ты так взорвался из-за пустяка?.. Это же просто недоразумение. Давай ты успокоишься, и мы во всём разберёмся...

— А я спокоен! — Рон остановился и, развернувшись к Гарри лицом, перехватил чемодан другой рукой. — И не собираюсь ничего выяснять, была охота! Меня вообще эта дружба достала. За лето мне хватило времени для размышлений...

— Что?! Рон, что с тобой? Почему ты устраиваешь дурацкий скандал из-за ерунды?! Ведь мы же друзья, и...

Конечно. Наверняка Фред и Джордж с утра сунули ему какую-нибудь гадость.

— Рон, приятель, какая муха тебя укусила...

— Вот только не надо, не надо этой патетики и не делай такие глаза — ты не ребёнок, и я у тебя никакую конфету не отнимаю. Ой-ой, обидели сиротку! Настоящим героям требуется ореол мужественности и одиночество? Ну так и получай его! Думаю, ты будешь только рад — ведь признайся, тебе же самому наплевать на всех! Теперь, когда у тебя есть и слава, и подружка, тебе никакие друзья и даром не нужны — вот и отвали от меня, Поттер! Мне надоело за тобой таскаться!

Бамс!

Терпение Гарри лопнуло.

— Что ты несёшь, Уизли! — загрохотал он и схватил Рона за отвороты куртки, доставшейся тому от Фреда (ну, или Джорджа). — У тебя за лето мозги отсырели, и череп стал тесноват? Совсем, что ли, обалдел от одиночества? Может, близнецы на дорожку накормили тебя какими-нибудь Истеричными Ирисками? Или это просто очередной припадок зависти?

— Заткнись! — чемодан отлетел в сторону, а в руке Рона появилась волшебная палочка. — А то я тебе сейчас ещё один шрам нарисую — пусть Гермиона порадует, говорят, девчонкам это нравится...

Хрясь! Хлоп! — Гарри рванул его так, что куртка затрещала по швам, продемонстрировав залоснившуюся клетчатую подкладку, а толчок в грудь оказался на столько сильным, что Уизли очутился на земле.

— О... Я люблю этот мир! — подоспевший Малфой в восхищении развёл руками, словно собираясь обнять окружающих. — Порадуйте ещё, гриффиндорские львы! Ну, Уизли, теперь твоя очередь! Давай, смелее! Вмажь Поттеру! Пни его по самому дорогому, чтобы Грейнджер жизнь мёдом не казалась!

Но Рон, скрипнув зубами, уже поднялся с земли, схватил чемодан и запрыгнул в ближайший вагон.

— Ах, какая жалость. Вот так всегда — на самом интересном месте! Что ж, надеюсь, встреча с подружкой пройдёт удачнее, — и Малфой шмыгнул в толпу раньше, чем пылающий от ярости Гарри успел обернуться, в тот же миг оказавшись лицом к лицу с Гермионой, взирающей на него с большим неудовольствием.

— Честное слово, поверить не могу, просто не могу поверить! — тихо произнесла она, укоризненно покачав головой, но её слова прозвучали для Гарри предгрозовыми раскатами. Внутри всё оборвалось. Сердце кувыркнулось в пустоте и остановилось. — Честное слово, даже страшно с тобой разговаривать — а вдруг ты меня тоже ударишь, а, Гарри?

— Ч-что?

— И тебе тоже здравствуй. Пожалуй, стоит перенести беседу на то время, когда ты будешь в более вменяемом состоянии, — Гермиона сосредоточенно нахмурила брови и таким до боли знакомым ему жестом от-

кинула за спину волосы.

— Постой, Гермиона! Здравствуй... Я так скучал по тебе. Понимаешь... я... с Роном... Ну, это просто недоразумение...

— Недоразумение? О да, я вижу, — Гермиона пристально посмотрела Гарри в глаза и настороженно отклонилась от перегородившей ей путь руки. — Честное слово, ты вообще — одно сплошное недоразумение. И, по зрелому размышлению, всё взвесив и разобравшись в своих чувствах, я решила... я решила расстаться с тобой. Ты, конечно, меня извини за это... — она улыбнулась — как-то очень странно: насмешливо, зло и виновато одновременно. — Мне и самой это не просто, но... Кроме того, мои родители категорически против и наших отношений, и тебя лично, а я их слишком люблю и не могу им перечить.

Гарри показалось, будто ему по голове дали чем-то очень тяжёлым.

По ночам надо спать, тогда не будет мерещиться всякая ерунда...

— Но почему?.. — беспомощно спросил он. — Гермиона, а как же твои письма и открытки?.. — в груди сразу потеплело: конечно же, она шутит, ведь все эти слова...

— А что я должна была тебе написать? Правду? Чтобы ты примчался и испортил мне летние каникулы, устроив выяснение отношений на глазах у папы с мамой? Поверь, у них и без тебя хватает забот. Они потому и увезли меня в Европу, чтобы дать мне возможность всё взвесить и принять единственно верное решение, — Гермиона вызывающе тряхнула волосами, и тяжёлые пряди снова упали ей на лицо. — Признаюсь, сначала мне было очень тяжело — ведь я так привыкла к тебе, что даже думала, будто действительно тебя люблю, — Гарри почувствовал, как у него подгибаются колени и, как рыба на берегу, судорожно хватанул ртом воздух. — К счастью, я разобралась в себе и под конец просто не могла дожидаться первого сентября, дабы закрыть этот вопрос. И очень хорошо, что это происходит на глазах у всех, — продолжила она, повышая голос, хотя в этом не было необходимости: затаив дыхание, вокруг столпились вытаращившие глаза студенты. — Это избавит меня от необходимости объяснять всем и каждому, что произошло. Мы расстаёмся, Гарри Поттер! Надеюсь, ты избавишь меня от домогательств и мелодраматичных сцен.

— Оба-на! — встрял Симус Финниган, позабыв о приличиях. — Ребят, вы что-то репетируете? Это что за представление?

— Не видишь что ли — Поттера бенефис, — гоготнул Малфой. Подтянувшаяся свита закивала и захихикала.

— Вторая часть Марлезонского балета, — высунулась из-за плеча Драко Пенси.

— Привет, Симус, — не удостоив слизеринцев даже взглядом, Гермиона дружелюбно повернулась к Финнигану и любезно добавила: — Видишь ли, всё в этой жизни меняется — мы взрослеем и умнеем... Я только что сообщила Гарри о разрыве наших с ним отношений.

Симус открыл было рот, чтобы что-то спросить, но, покосившись на Гарри, подавился словами.

— Прости, Гарри. Мне было приятно провести с тобой время, хотя, честно говоря, немного однообразно. Нет, не спорю — балансировать между жизнью и смертью весьма увлекательное занятие, — Гермиона толкнула свою тележку, собравшись продолжить путь к свободному купе, — но я больше так не могу. Надеюсь, мы — как воспитанные взрослые люди — сумеем сохранить добрые отношения.

— Ничего подобного! — очнувшись, Гарри схватил её за плечи, втолкнул в ближайшую раскрытую дверь. Тележка, жалобно заскрипев, опрокинулась, чемоданы связка книг и клетка с шипящим Косолапсусом полетели на землю. Перрон огласили истерические взмавы явно нецензурной направленности. — Гермиона, очнись, что с тобой случилось? — Гарри прижал её

к спинке сиденья, крепко схватив за плечи. — Что с Роном? Что с вами обоими? Вас опоили чем-то? Вам угрожали?

Взгляд девушки потемнел.

— Не много ли ты на себя берёшь? Ты ещё скажи, что к нам применили Принуждающее проклятье! Вот уж действительно — каждая пипетка мечтает стать кллизмой! Разве ты до сих пор не понял? Просто всё закончилось: сколько можно играть нашими жизнями так, словно у нас их девять, как у Косолапсуса! Хватит — теперь каждый идёт своей дорогой. У всех свои интересы, свои планы — и мне больше не по пути с тобой! Хочешь ломать себе шею, хочешь продолжать спасать миры — сколько угодно! Но только перестань втягивать в это меня! Я устала от этого и не желаю, чтобы опять началось это безумие! Я хочу учиться, хочу найти хорошую работу... хочу быть счастливой и жить спокойно. Понимаешь — СПОКОЙНО! Разве ты сам не твердил мне об этом всю весну? Что не хочешь меня втягивать в свою войну, что хочешь, чтобы я была счастлива, чтобы не рисковала своей жизнью?.. И... убери от меня руки или получишь в лоб... заклятьем!

— Гермиона... но... Ведь я люблю тебя! — в отчаянии воскликнул Гарри, понимая, что это не тот аргумент, которым можно повлиять на её решение.

— И кто тебе мешает продолжать это делать? Любовь делает человека лучше, а страдание развивает душу, — оттолкнув его, она распахнула двери купе, от которых тут же шарахнулась целая толпа шестикурсников. — О, Терри, как же я рада тебя видеть! — шестикурсник из Равенкло, пойманный врасплох, покраснел и замялся. — Не сможешь мне собрать вещи, а то кое-кто расшвырял их по всей платформе...

— Конечно...

— Кстати, я слышала, твой отец теперь начальник отдела в Институте Нумерологии?.. Мои поздравления...

— Дрянь! Дрянь! Мерзкая дрянь! Не смей так говорить! Не смей так обращаться с ним! — Гермиона билась плечом о невидимую преграду. — Гарри, заметь меня, пожалуйста! Гарри, умоляю! Я тут! Услышь меня!

Откуда-то из пространства раздался лёгкий смех.

— Ты возмущена? Интересно, чем?.. Ведь это — тоже ты, Гермиона. Другая твоя часть — та, которую ты прячешь от всех. Разве ты не думала, как было бы здорово после Хогвартса получить работу в какой-нибудь престижной лаборатории? Разве тебе не приходило в голову, что ваши взаимоотношения с Гарри могут помешать твоей грядущей карьере?

— Неправда! Гарри тоже собирается учиться дальше! Что такого в том, что я...

— А разве у тебя не было мысли, что, будь ты подружкой Терри Бута, договориться с его отцом и попасть в Отдел Прикладной Нумерологии стало бы куда проще?

— Но... я никогда не думала об этом всерьёз, я люблю Гарри и хочу быть с ним! Это была глупость... Шутка! Дурацкая шутка...

— Шутка? Это дело... так поди же, попляши!.. А я так считаю, что роман с Терри очень поспособствует моей карьере. Коль скоро ты так бездарно упустила шанс с Крумом...

— Не смей говорить о Викторе!

— Я и не собираюсь. Что толку от еле живого инвалида? Терри меня сейчас интересуется куда больше.

— Роман с Бутом?! Но он же... он же... Он мне совсем не нравится!

— Зато нравится мне. Ты ещё будешь мной гордиться, дурочка! Я выполню всё то, о чём ты так мечтала в глубине души!

Серебристый смех раздался вновь, постепенно удаляясь и растворяясь.

— Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу себя!!!

* * *

За окном мелькали деревья, равнину сменили хол-

мы, дождь начался, но почти сразу закончился, едва намочив окна мчащегося на всех парах Хогвартс-экспресса. Правда, Гарри вряд ли заметил что-либо из этого, хотя и не отрывал глаз от окна. Он сидел в своём купе, прижавшись лбом к стеклу, будто прохладная поверхность могла охладить идущую кругом голову, и, не двигаясь, смотрел в одну точку. Искажённое гневом лицо Рона, сердито сдвинутые брови Гермионы стояли перед глазами так же явственно, словно это произошло минуту назад, а гневные слова гудели в голове:

Мы расстаёмся, Гарри Поттер!

Отвали от меня, Поттер! Мне надоело за тобой таскаться!

Послышались чьи-то торопливые шаги, замок купе щёлкнул, но Гарри этого не заметил.

— Гарри! Наконец-то я тебя нашёл! Я весь поезд обегал! Привет! Давно не виделась! Я так рад вернуться в школу — ты не представляешь! Гарри?.. Гарри... — Колин Криви затеребил его за плечо.

Отвали от меня, Поттер! Мне надоело за тобой таскаться!

— Эй, да что с тобой? Спишь, что ли?.. Слушай, Невилл мне тут сказал насчёт квиддича — о, я просто в восторге! Правда, за год, что я провалялся в клинике, я наверняка подрастерял все навыки... Но если ты меня возьмёшь, буду тренироваться день и ночь — клянусь! Мадам Хуч говорила, у меня неплохие данные, — думаю, за месяц-другой я сумею восстановиться! Гарри, ты слышишь меня?

Мы расстаёмся, Гарри Поттер!

— Почему?

— Что «почему»? — опешил Колин, осёкшись на полуслове. — Эй, Гарри, что с тобой случилось?

— Что случилось?.. — эхом откликнулся Гарри, по-прежнему не реагируя на однокурсника.

— Эй, — чуть опешил Колин, — ты вообще меня слышал?

Гарри перевёл на него невидящие глаза.

— Мне нужно с ними поговорить. Ещё раз.

— Я тебе толкую насчёт команды в этом году, — начал Криви уже с меньшим энтузиазмом.

Оставьте меня в покое.

Гарри показалось, что, начни он сейчас думать ещё о чём-нибудь, голова просто лопнет; в груди стало тесно и больно...

— Мы с Деннисом летом не могли потренироваться — сам понимаешь, среди многоэтажек особо не разлетаешься, но уже завтра...

— Оставьте меня в покое...

— Что? Что ты шепчешь?

— Я сказал — оставьте меня в покое!!! — заорал Гарри так, что в глазах потемнело и середь бела дня блеснули звёзды. Когда пространство снова обрело чёткость, свет и цвет, Колин, вытаращив глаза и открыв рот, по-прежнему сидел напротив. Его лицо, волосы и брови были покрыты копотью, а в воздухе отчетливо пахло палатиной. — Э-э, Колин...

— Мог бы просто попросить меня выйти, — слабым голосом заметил Криви и, словно намыленный, выскользнул из купе, что-то бормоча себе под нос.

— Это ещё что за богатырский попуск? Ух ты, класс какой! Криви, это кто тебя так разукрасил?

Дверь снова отъехала и в купе заглянула подрастающая гроза Филча — третьекурсница Джейн Бантинг. Едва увидев белое от гнева лицо Гарри, она шарахнулась прочь. Замок щёлкнул, и теперь тишину купе снова нарушал только перестук колёс.

— Нет, ну какого Снейпа тебя туда понесло, а? — донеслось из коридора. — Ты что, не в курсе, что произошло?

Колин что-то слабо вякнул в ответ.

— Я сама не видела, но мне шепнула Трейси, а ей рассказала Дженнифер: дескать, Роберт Камминг стал свидетелем, как прямо перед отправкой Хогвартс-экспресса Поттер разругался и с Уизли, и с Грейнджер.

Говорят, что они даже подрались. То ли кто-то кому-то не писал, то ли кто-то кому-то писал, то ли писал что-то не то... — короче, я не знаю, за что купила, за то и продаю. И вроде как его подружка Гермиона Грейнджер нашла себе нового парня — то ли Уизли, то ли Бута, то ли Малфоя...

— Чья подружка? — дрожащим голосом переспросил Колин. — Разве она подружка Гарри?

— Привет, прилетели! Ещё какая! Тут весной такое было... Ах, ты же не в курсе!.. Пойдём к нам, я расскажу... Кстати, тебе не помешало бы умыться...

Гарри откинулся на спинку и устало зажмурился, обнаружив, что от этого картинка не поменялась: всё продолжало рябить и покачиваться, мелькали какие-то разноцветные полосы, между которых опять появились лица Гермионы и Рона.

Замок купе щёлкнул ещё раз.

Оставьте меня в покое...

Не открывая глаз, Гарри полез в карман за палочкой. Колдовать на каникулах (а официально учебный год ещё не начался) запрещалось, но сейчас ему было совершенно наплевать на последствия.

Раздалось осторожное покашливание.

— Гарри...

— Оставьте меня в покое...

— Я на несколько, можно?

— Нет!

Воцарилась тишина, хотя, судя по всему, Невилл всё же остался стоять в дверях.

— Ты можешь потом наложить на меня проклятье, но позволь мне всё же сказать десяток слов, — решительно произнёс он.

Как назло, палочка не находилась — Гарри забыл, что, едва войдя в своё купе после ссоры с друзьями, он в сердцах зашвырнул её куда-то на багажную полку. Неожиданно стало на всё наплевать.

— Валяй.

— Воспрянь, всё может оказаться не так плохо, — произнес Невилл с мрачным сочувствием.

— Семь, — ровным голосом сообщил Гарри.

— Хотя, возможно, всё гораздо хуже: ты уверен, что это **ВООБЩЕ** Рон и Гермиона? — на одном дыхании выпалил Лонгботтом.

Гарри показалось, будто из лёгких разом выпустили весь воздух. Такая очевидная мысль в голову почему-то не пришла. Многосущное зелье? Но кто? Как? **ЗАЧЕМ?!**

Перед глазами запущенной в обратном направлении киноплёнкой замелькали картинки. Сердитое движение, каким Гермиона откинула с лица волосы... Переминающийся с ноги на ногу Рон, сжимающий и разжимающий кулаки... Это их жесты, их движения.

— Невилл, не лезь не в своё дело!

Лонгботтом понимающе вздохнул и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сомнения тут же закопошились в душе Гарри.

Рон всё лето просидел в Норе с родителями — будь с ним что-то не так, они бы сразу это заметили... Может, его похитили по дороге на вокзал? Надо всё выяснять у Джинни. И осторожно, чтобы Рон... ну, или не Рон ничего не заподозрил... А Гермиона? На её доме нет Защитных Чар... Или есть? С кем же мне поговорить? С Дамблдором? А может, со Снейпом — ведь, если речь идёт о зелье, рано или поздно придётся иметь дело с ним?

Гарри представил эту беседу:

— Профессор Снейп, мне кажется, что Рона Уизли и Гермиону Грейнджер подменили при помощи Многосущного зелья — как это когда-то сделали с профессором Хмури.

— Так-так. Интересно, с чего вы взяли, что мистера Уизли и мисс Грейнджер подменили?

— Понимаете, профессор, они... Рон отказался дружить со мной, а Гермиона... то есть мисс Грейнджер сказала, что больше не будет со мной встречаться...

Даже в мысленном разговоре повисла многозначительная пауза.

— Кому понадобилось это делать? Ради чего? Потер, у вас осеннее обострение? — вкрадчиво продолжил воображаемый Снейп, на лице которого начала расплываться знакомая язвительная ухмылка. — Припадки подозрительности и паники? Всплеск мании величия? На основании чего вы сделали вывод, что к ним применили какие-то чары или зелье — на основании того, что вашим однокурсникам удалось, наконец-то, понять, что вы из себя представляете?

Гарри передёрнулся.

А может, всё просто? Я ведь, и правда, нечасто писал Рону... Из-за меня он столько раз нарывался на неприятности... И Гермиона... Она вполне могла найти себе кого-то на каникулах... Не могла! — тут же взбунтовалось всё внутри. — Но что же тогда? Неужели... Неужели...

В груди снова стало тесно. Впервые за все годы Гарри, глядя в окно на мелькающий пейзаж, снова по-мрачному в преддверии дождя, не испытал никакого подъёма при мыслях о возвращении в Хогвартс, давно заменивший ему родной дом. В окно ударили первые капли, и через мгновение по стеклу уже журчали целые водопады. В купе резко потемнело. Ещё какое-то время юноша таращился в окно, пытаясь осознать произошедшее и хоть как-то в нём разобраться. Но полумрак, тихое постукивание колёс, мерное покачивание, и — главным образом — бессонная ночь сделали своё дело: глаза сами собой начали слипаться, и успев подумать: «Неужели я действительно такая бесчувственная скотина? Меня только что бросил друг, Гермиона ушла от меня, а я дрыхну», Гарри отключился.

В Хогсмиде дождь стал проливным. Он уныло шуршал листьями деревьев и барабанил по металлическому корпусу паровоза. Под ногами хлюпали лужи и чавкала грязь; в свете фонарей Гарри увидел маслянистое поблескивание кожистых крыльев впряжённых в экипажи фестралов.

— Первокурсники! Давайте-ка ко мне, скорее, скорее! Не отстаём! — рокотом разнёсся громовой голос Хагрида. — Гарри! Здравствуй! Рад тебя видеть! Ух, как ты вымахал за лето, скоро меня догонишь! — Хагрид, расплывшись в искренней улыбке, стиснул Гарри в объятия так, что у того хрустнули кости.

— Хагрид, я тоже так соскучился... — мокрая кротовая накидка лесника знакомо пахла чуть кисловатым дымом, Клык — и Гарри неожиданно почувствовал себя дома. Даже боль от ссоры с друзьями на миг ослабла — правда, чтобы тут же волной вернуться снова.

— А где Рон, где Гермиона? — юноша замаялся, но Хагрид не заметил его смятения. Хлопнув Гарри напоследок по спине — тот едва удержался на ногах, — он поднял фонарь повыше. — Ну, увидимся в школе — дела. Первокурсники! Не теряйтесь! Ступайте за мной, к озеру! Бегом, бегом! Держитесь парами...

Гарри, поскальзываясь в темноте, вместе с остальными студентами двинулся в сторону экипажей. Закреплённые на них фонарики тускло, словно болотные огоньки, светились сквозь сплошную пелену дождя — и он, взглянув на очертания карет, внезапно подумал, что нескончаемая чёрная кавалькада, которую несут сквозь ночь зловещего вида крылатые лошади, здорово напоминает похоронную процессию.

Как знать, — шепнул невесть откуда взявшийся внутренний голос, — может, для кого-то этот год действительно станет последним...

Встав на подножку кареты, где уже устроились Невилл, Дин и Симус, Гарри, против собственной воли, помедлил и всмотрелся в полумрак. Рона поблизости видно не было, зато ему удалось заметить, как Терри Бут, с лица которого ещё не сошло выражение глубочайшего недоумения и потрясения, провожал к экипажу Гермиону, раскинув над ней свою мантию. Отсвет фонаря упал на её лицо, и Гарри увидел улыбку — такую знакомую, полную благодарной лукавой нежности. Прежде подобные улыбки (кстати, не такие уже и частые) доставались только Гарри.

В сердцах хлопнув дверью, гриффиндорец плюхнулся на свободное место, и карета, резко сорвавшись с места, понеслась в Хогвартс. Все настороженно молчали: Гарри — погружённый в мрачные раздумья, остальные — боясь попасть ему под горячую руку. История с Криви-старшим, уверявшего всех, будто Поттеру удалось наложить на него проклятье без помощи палочки, мгновенно облетела весь поезд, и рисковать не хотел никто: уж больно впечатляюще выглядела закопчённая физиономия Колина и хмурое лицо Гарри.

Хогвартс встретил студентов теплом и тишиной, мгновенно разорванной многоголосым ропотом и многоногим топотом. Портреты взволнованно заохали, откуда-то из-под потолка понёсся приветственный гимн. Наученные горьким опытом, старшекурсники настороженно замедлили шаг, подозревая очередную каверзу в исполнении Пивза, но полтергейст не показывался².

— Я рада приветствовать вас в родных стенах, — в дверях неловко перетаптывалась профессор Спраут. Ей в новинку было исполнять роль гостеприимной хозяйки — она чуть растерянно улыбалась и не знала, куда спрятать руки с обрамлёнными траурной каёмкой ногтями. — Проходите, проходите, рассаживайтесь...

Двери в Большой Зал распахнулись; едва сделав шаг внутрь, Гарри с изумлением обнаружил, что одежда на нём немедленно высохла, и, чувствуя затылком заинтересованные взгляды, вместе со всеми он направился к факультетскому столу.

— Ничто не вечно под луной, — проходя мимо, глобокомысленно изрёк в пространство игрок Хаффлпафа Захария Смит³.

Неожиданно кто-то тронул гриффиндорца за локоть. Сердце ёкнуло, но, обернувшись, Гарри с разочарованием увидел туманно улыбающуюся Луну Лавгуд. На шее у неё висела настоящая подкова. Немного ржавая. Брови Гарри сами собой полезла вверх и, проследив за его взглядом, она кивнула:

— Это на счастье... Не горюй, утро вечера мудренее — как знать, быть может, за следующим жизненным поворотом тебя уже подстерегает...

Невежливо отвернувшись, Гарри не дал ей закончить фразу и отправился на своё место, краем глаза отметив, что Гермиона, как всегда, заняла место старосты, а Рон устроился между Колином Криви и Симусом Финниганом, тут же закидавших его вопросами. По счастью, ожидание не затянулось, и мантия Гарри так и не вспыхнула от буравящих его со всех сторон взглядов: распахнулась дверь, и друг за другом в Зал вошли преподаватели. Завершал процессию неизменно одетый во всё чёрное Снейп и Дамблдор в фиолетовой мантии с переливающимися звёздами.

— Что-то нет ни одного незнакомого лица, — вполголоса заметила сидящая рядом Джинни. В отличие от брата, её отношение к Гарри не изменилось, за что он был безмерно признателен и дал себе слово после торжественного пира непременно поговорить с ней по поводу Рона и его более чем странного поведения. — Интересно, кого в этом году Дамблдор обрадует должностью преподавателя Защиты от Тёмных искусств? Не завидую я этому счастливицу. Но, надеюсь, это будет симпатичный парень, — чуть повысив голос, произнесла она.

— Не сомневаюсь, это окажется юная красotka, — немедленноотреагировал проходивший мимо хаффлпафлец Майкл Корнер.

Покраснев, Джинни ответила ему задиристым взглядом, а сидящая рядом с ней подружка яростно захихикала.

Когда шепотки в Зале затихли, Дамблдор встал с места и обвёл глазами с нетерпением взвизгивающих

на него студентов, изрядно проголодавшихся за время путешествия.

— Итак, друзья, вот мы и снова вместе. С возвращением домой — надеюсь, вы считаете Хогвартс своим вторым домом, равно как факультет — родной семьёй. Все вы для нас — родные дети, ваши тревоги, ваши волнения и радости небезразличны нам; мы ждали встречи так же нетерпеливо, как, надеюсь, и вы, — директор лукаво улыбнулся. Гарри посмотрел на мрачную физиономию Снейпа и с сомнением хмыкнул. — Прежде, чем приступить к торжественной процедуре распределения и пиру, я по традиции, хочу представить нового преподавателя по защите от Тёмных искусств. В этом году — и, хотелось бы надеяться, не только в этом — вас будет обучать наша гостья из Франции, которую, думаю, прекрасно помнят старшекурсники, — Дамблдор снова сделал паузу. Тишина в зале стояла такая, что, казалось, её можно резать ножом. — Мадемуазель Флёр Делакур!

По залу пронёсся негромкий вздох — что характерно, преимущественно мужской. Откуда-то плеснули робкие аплодисменты. В тот же миг дверь снова распахнулась, и, цокая каблучками, к столу преподавателей прошествовала высокая девушка с подёрнутыми поволокой синими глазами и струящимися по спине серебристыми волосами. К мужскому — восхищённому — стону присоединился женский, полный ревнивой зависти. Сидящая рядом с Гарри Джинни звучно скрипнула зубами и принялась раздёргивать на ниточки льняную салфетку с гербом Хогвартса. Флёр взошла на возвышение и обвела Зал взором, полным томной неги. Тот откликнулся единым порывом: Гарри и сам очнулся от того, что Джинни дёрнула его за руку. Невесть каким образом он оказался уже в проходе между столами (справедливости ради надо заметить, что там же находилась вся половозрелая мужская часть Хогвартса, включая и Филча, на ноге которого висела шкворчащая, как котлета на раскалённой сковородке, Миссис Норрис, а в руках красовался букетик каких-то чахлых сорняков).

— Добрый вечер, — чуть картавя, грудным голосом произнесла Флёр, с удовлетворённой улыбкой взирая на произведённое впечатление. — Я очень рада видеть всех...

В ответ по залу пронёсся стон, навеявший ассоциации с лесом во время лосиного гона (а Джинни даже показалось, что кое у кого из ушей повалил пар), после чего в тишине раздались странные звуки — будто группа королевских гвардейцев занималась оскорблением друг друга действием.

— Ну и проваливай! — прозвенел раздражённый голосок.

— Я рад вашему энтузиазму, — жизнерадостно произнёс Дамблдор, тогда как Снейп мученически закатил глаза к потолку, всем своим видом выражая глубочайшее неудовольствие. — Надеюсь, на уроках по защите вы будете столь же энергичны. Особенно это касается студентов пятого и седьмого курсов, коим в этом учебном году предстоят экзамены.

Флёр скромно потупила глаза и прошествовала к своему месту за столом. Оказавшийся рядом профессор Флитвик тут же наколдовал себе ещё одну подушечку, чтоб стать повыше, Снейп демонстративно отодвинулся, а мадам Пинс недовольно нахмурилась. Очнувшиеся студенты, заливаясь краской и бурча себе что-то под нос, расселись по местам.

— Ну, что ж, а теперь пришло время торжественной части: Хогвартс принимает в своё лоно новое поколение волшебников!

Директор хлопнул в ладоши, двустворчатые двери большого Зала распахнулись, и, восхищенно вертя головами, в зал под руководством Хагрида и в сопровождении профессора Макгонагалл вступили будущие первоклассники.

— Ох... — раздался полный скрытой страсти вздох откуда-то из середины гриффиндорского стола. Ото-

² Он как раз трудолюбиво подпиливал ножки Сортировочного табурета.

³ В этот миг Гарри отчётливо осознал, что этот парень ему категорически не нравится.

рвавшись от пристального изучения Рона (в попытке обнаружить в его поведении и повадках что-нибудь необычное и нетипичное) — сейчас тот был полностью в своём репертуаре: как и два года назад, он, раскрыв рот, во все глаза таращился на Флёр — Гарри увидел просочившегося сквозь столешницу Почти-Безголового-Ника. Гриффиндорский призрак уставился на преподавательский стол с выражением влюбленного восхищения. — Она восхитительна! Небесная красота, ах, какая женщина... Мерлин, скинуть бы мне лет пятьсот...

— Сэр Николас, вот от кого, а от вас я этого не ожидала, — гневно фыркнула Джинни, которую всё ещё трясло при воспоминании о слюнявом идиотизме, написанном на лице Майкла Корнера. — Неужели при вашем статусе и опыте вы не можете противостоять чарам вейл?

— Любви все статусы покорны, — вздохнул Почти-Безголовый-Ник и кокетливо поправил плоёный воротник, не сводя глаз с нового преподавателя по защите. — Вы не представляете, что у нас творится. Портреты и призраки в смятии. Три дуэли за последние два дня. Годрик Гриффиндор со своей картины перебежал жить к Салазару Слизерину — можете себе представить? А всё потому, что тот обосновался двумя коридорами ближе к её комнате... Теперь они на два голоса распевают серенады дни и ночи напролёт. А этого *нахала* Кровавый Барон пообещал на неделю опрозрачить, ежели ещё раз сунется... И я его — в кои-то веки, мисс Уизли, — поддерживаю. Тоже мне, блюститель нравственности выискался! Клянусь своей головой! — гриффиндорское привидение явно не оценило силу кивка: голова беспомощно свесилась набок.

— Какой позор, верно, Гарри? — гневно нахмурилась Джинни. — Какое падение нравов!..

Гарри вяло кивнул.

— ...после своего традиционного приветствия определит Сортировочная Шляпа, — закончила Макгонагалл.

Шляпа немного покачалась, словно устраиваясь поудобнее, и раскрыла матерчатый рот. Гарри, с трудом выносивший ежегодные опусы, обречённо подпёр щёку рукой и украдкой посмотрел в сторону Гермионы. Та сидела на месте старосты и улыбалась испуганно жмущимся в кучку первоклашкам. Так же, как обычно, — приветливо и ободряюще. Юноше снова показалось, будто грудь сжали железные скобы.

Это она...

В этот момент Гермиона повернулась и, встретившись с ним взглядом, равнодушно отвела глаза.

Это не она...

Он глубоко вздохнул и отвернулся.

Всё равно — я должен ещё раз с ней поговорить...

Чихнув, Шляпа по-оперному попробовала голос и начала:

Вознесся замок на горе,

Бегут, летят года —

Волшебники со всех краёв

Стекаются сюда...

Гарри помимо своей воли опять взглянул на бывшую подругу.

Может, действительно побеседовать со Снейпом? Многосушное зелье... Ведь его же надо принимать каждый час: Барту Краучу пришлось держать Шизоглаза под рукой целый год...

Перед глазами Гарри возник чемодан Рона... поклажа Гермионы...

Нет, ни Рон, ни Гермиона туда бы не поместились. А как насчёт Расширяющих Чар? Я так с ума сойду, — понял Гарри и вздрогнул: оказывается, погрузившись в эти мысли, он уже в упор таращился на Снейпа, и тот взирал на него с выражением глубочайшего отвращения. Гриффиндорец тут же опустил глаза. И тут...

Сначала он решил, что ему просто померещилось. Затаив дыхание, он весь обратился в слух, и:

Великой Дюжиной недаром

Маги те звались:

Разверзлась твердь, и лёд вскипел:

Защитник взвился ввысь.

Он жёг огнём, он ветром выл,

И небеса с землёй

Менялись трижды, прежде чем

Вновь наступил покой.

Защитник тут же скован был

И скрыт на века,

Вернётся он, коль снова Тьма

Придёт издалека.

Тогда найдётся человек

С отважным сердцем льва,

Чтоб всё при нем: упорство, хитрость,

Ну, и голова,

Коль сквозь пламя он пройдёт,

Растопит сердцем лёд,

Коль знаки тайные прочтёт,

То мир земле вернёт.

Гарри показалось, что он спит наяву.

Возможно ли... Возможно ли это? Что же такое происходит?

Он уставился на директора и не поверил собственным глазам: тот, равно как и остальные профессора, замер. Такого удивления в этих искристо-голубых глазах Гарри ещё не приходилось видеть. Остальные, за исключением, разве что, Флёр, выглядели примерно так же: вся палитра удивления — от чуть приподнятых бровей профессора Вектор до непроизвольно открывшегося рта профессора Флитвика. Но лицо директора, сквозь морщины которого внезапно снова проглянула отнюдь не старческая мощь — Гарри с трудом оторвал от него замороженный взгляд и снова уставился на Шляпу.

Та самозабвенно заливалась:

Всё гуще и всё злее Тьма,

Вновь мир волшебный ждёт —

Когда же тот, кто всех спасёт —

Защитник наш придёт?

Вот с кем мне нужно поговорить!..

Гарри обвёл глазами студентов, поразившись тому, что те никак не откликнулись на громом среди ясного неба прозвучавшее откровение: Джинни шушукалась с подружкой, сердито косясь на стол Хаффлпаффа, Дин Томас на салфетке делал наброски Флёр, большинство юношей продолжали блаженно таращиться на неё, развесив слюни до колен, а девушки обсуждали причёску и откровенный покрой мантии... Лишь в глазах одного человека горел огонёк сосредоточенного понимания.

Малфоя.

Выпрямившись, будто проглотив свою волшебную палочку, Драко потрясённо смотрел на Шляпу, и губы его чуть шевелились, как будто он пытался заучить слова наизусть. Почувствовав на себе взгляд, он повернулся и тут же взял себя в руки.

Он тоже знает, — понял Гарри. — *Откуда?*

Холодные глаза Драко обожгли гриффиндорца ненавистью; приподняв бровь, слизеринский староста выразительно покосился на Гермиону, гнусно усмехнулся и изобразил пальцами рога. Гарри вспыхнул и отвернулся.

Ты в своё сердце загляни,

Спроси: быть может, я?

Ну что ж — вперёд, скорей вперёд,

Смелей вперёд, друзья!

Шляпа умолкла, на её тряпочной физиономии появилось гордое выражение.

— Ну, прямо скажем, не Шекспир, — резюмировал Драко. — Хотя эпическое повествование, определённо, удалось лучше, чем ежегодная бубнилка про факультеты.

Шляпа захлопала матерчатой пастью и возмущённо выдохнула клуб пыли:

— Можно подумать, вы, мистер Малфой, много читали Шекспира! — в этот момент профессор Макгонагалл, собравшись с мыслями, дрожащей рукой развернула свиток с именами первокурсников.

— Блэйк, Эдвард, — крепкий веснушчатый паренёк завозился на высоком табурете, устраиваясь поудобнее, и в этот момент одна из ножек с хрустом подломилась, и он шлёпнулся на пол. Смешки, пронёсшиеся по залу, заглушило триумфальное хихиканье: дую в свою любимую дудку, которая издавала не очень приличествующие трапезной звуки, над головами студентов пронёсся Пивз.

— С новым учебным годом! — полтергейст швырнул под потолок водяную бомбу и раньше, чем кто-либо успел отреагировать на его выходку, выпорхнул в дверь.

Торжественность процедуры оказалась сведена на нет. Филч, чертыхаясь сквозь зубы и глядя на первоклашек так, будто сломанное школьное имущество было их персональной провинностью, принёс новый табурет. Но снова промокшие до нитки новички устраивались на нём с выражением такого глубокого ужаса на лицах, что под конец усмешку с трудом сдерживала даже Макгонагалл.

И вот, Дэниэл Уоллес отправился к столу Слизерина, и Шляпа (к большому сожалению Гарри) покинула Большой Зал — пришло время праздничного пира. Столы вспыхнули кулинарным многоцветьем, но гриффиндорцы едва лез в горло кусок: мысль о том, что разгадка тайны находится совсем рядом, напрочь лишила аппетита. Дамблдор обменялся с профессором Макгонагалл несколькими фразами и, даже не притронувшись к своей тарелке, двинулся к выходу.

О, Гарри бы сейчас отдал бы всё золото, хранящееся в его сейфе Гринготтса, за возможность отправиться следом... С трудом доёрзав до конца пира, по дороге к факультетскому общежитию гриффиндорец сделал всё, чтобы незаметно отстать. Убедившись, что шаги однокурсников стихли, он развернулся и помчался в сторону кабинета Дамблдора. Переход, поворот, лестница, ещё коридор — Гарри бежал так быстро, что не успел вовремя затормозить, на полной скорости промчавшись сквозь покачивающееся в воздухе полупрозрачное тело. Ему показалось, будто на него вылили пару ведёр ледяной воды. Охнув, он остановился и вытаращил глаза:

— Профессор Гатто?! — его охватил некий суеверный ужас: одно дело общаться с привычными и знакомыми привидениями, которых всегда лицезрел исключительно в бестелесном варианте, и совсем другое — встречать в обличье призрака того, с кем не так давно общался, так сказать, во плоти... Перед глазами Гарри вспыхнула и погасла картинка: тёмный ночной коридор, мрачная процессия, обезображенное смертью лицо профессора по Защите от Тёмных Искусств... Бр-р.

— O tempora, o mores — да, милостивый государь, как я погляжу, этот год не прибавил вам ни такта, ни воспитанности: мало того, что вы, мистер Поттер, несётесь сломя голову... Или же вы думаете, что я — mortis cause — то есть по причине смерти — обязан спокойно сносить подобные оскорбления?

— О, простите, простите, — забормотал Гарри, бочком двигаясь дальше и мысленно посылая разговорчивого итальянца подальше.

— Мало того, что вам сейчас положено находиться в вашей факультетской спальне...

— Мне нужно срочно увидеть Дамблдора, — возразил Гарри, начиная раздражаться. Гатто, меж тем, вовсе не собирался оставлять его в покое: он плыл рядом, и с каждой фразой голос звучал всё громче и громче. Портреты с интересом начали прислушиваться.

— Так вы ещё сочиняете несуществующие предлоги, чтобы добраться до комнаты мадемуазель Делакур! Или же вы думаете — si quaeritis reperietis — *если ищите, найдёте?* Нет! Я, её верный рыцарь и хранитель, уберегу юную деву от посягательств живых и мёртвых... — внезапно лицо профессора Гатто раздулось, и он что есть сил закричал: — Нарушитель! Ещё один нарушитель! Мистер Филч, скорее сюда!

— Да чтоб тебя, — на сегодняшний день Гарри вполне хватало впечатлений, и встреча с Филчем отнюдь не входила в планы. Развернувшись, он со всех ног помчался из преподавательского крыла.

В гриффиндорской гостиной было немногочисленно: третьекурсники устроили турнир по подрывному дураку в честь начала учебного года, и время от времени от сдвинутых в кружок кресел доносились негромкие взрывы и смех. Ни Рона, ни Джинни, ни Гермиону Гарри не обнаружил. Поколебавшись, он поднялся на девичью половину, подошёл к её комнате... Поднял руку, чтобы постучать...

Надеюсь, ты избавишь меня от домогательств и мелодраматических сцен.

Внезапно дверь распахнулась, и в проёме, держа в руках завывающего и извивающегося Косолапсуса, возникла сердитая Гермиона.

— Мерзкое животное! Зачем ты нагадил в мою постель?! Ой, а ты что тут делаешь?

— Я... я пришёл поговорить.

— Честное слово, Гарри, я так сегодня устала, — Гермиона придала коту стартовую скорость и тот с шипением исчез в темноте. — К тому же, я тебе всё сказала, давай не будем переливать из пустого в порожнее...

— Ответь только на один вопрос: почему? — он успел всунуть ногу в закрывающуюся дверь.

Окинув его раздражённым взглядом с головы до ног, Гермиона коротко бросила:

— Потому! — и изо всех сил дёрнула ручку на себя. Но через миг вышла в коридор. — Ну, хорошо. Давай расставим все точки над «и». Конец прошлого года — ты понимаешь, о чём я... Я никогда не забуду этого ужаса — Виктор... заклинания, эти ужасные стрелы... этот кошмар преследовал меня день и ночь. Нет, Гарри... Я поняла, это не для меня — прости. Мне очень жаль, — она сделала шаг вперёд, и коснулась его руки. Гарри вздрогнул.

Не трогай его, не трогай его! Как ты смеешь его касаться! — Гермиона замолотила кулаками по барьеру. — *Гарри, Гарри это не я! Спаси меня, помоги мне!*

Да не кричи — уже в ушах звенит... О... как он на меня реагирует — даже после всего того, что я ему сказала...

— Гермиона...

— Прости меня, но так будет лучше для нас обоих: ведь ты всегда так боялся за тех, кто рядом. А я хочу покоя, — она придвинулась ближе и чуть запрокинула голову. Едва ли понимая, что он делает, Гарри обхватил её за плечи и потянул к себе.

— Гермиона, я...

Гарри, спаси меня...

— Нет, Гарри, не надо. Я больше не люблю тебя — прости. Спокойной ночи, — на губах мелькнула странная улыбка — насмешливая и виноватая, и дверь снова захлопнулась. На этот раз окончательно.

Это Гермиона, настоящая Гермиона... Иначе откуда бы она могла всё знать...

Гарри показалось, будто тело налило свинцом. Руки, ноги, даже мысли стали тяжёлыми и неповоротливыми. Он стоял, тупо глядя на закрытую дверь, не в силах сообразить, что же ему теперь делать. Из-за

поворота донесли голоса возвращающихся из ванной комнаты студенток, и юноша, сделав над собой усилие, заторопился к себе.

Неужели это всё? И больше никогда?..

В прошлом году они крепко рассорились с Гермионой, и Гарри до сих пор помнил переполнявший его тогда гнев, неудержимое желание говорить глупости и гадости. Сейчас этого не было — только пустота. Ему показалось, будто из тела изъяли какую-то важную часть, и теперь, спускаясь по лестнице, он боялся сделать резкое движение и рассыпаться на кусочки, как задетый неловкой рукой картонный домик. То, во что он так верил, рухнуло. Из-под ног выдернули опору. Ему хотелось держаться за воздух, чтобы не упасть, — настолько неуверенно и беспомощно он сейчас себя чувствовал.

Войдя в спальню, Гарри направился напрямик к своей кровати, игнорируя вопросительные взгляды Дина с Симусом и тревожный — Невилла. Полог вокруг кровати Рона был уже задёрнут. То ли тот спал, то ли просто не хотел никого видеть — Гарри не стал задаваться этим вопросом, он молча прошёл к своей кровати, разделся, натянул пижаму и залез под одеяло. Сон не шёл, даже мысли о нём казались кошмаром. Дин и Симус, поняв, что ничего экстраординарного не предвидится, снова склонились над листом пергамента, Невилл отправился в ванную, и Гарри, уловив момент, вытащил из своего чемодана завернутую в наволочку книгу.

Затеpliant в полумраке огонёк, он открыл её на последней странице.

«День, когда перед надеждой всего колдовского мира — Гарри Поттером — приоткрылась завеса древней тайны, принёс много горестей и печалей: в одночасье лишился он двух своих лучших друзей. Но не только над юным волшебником сгустились тучи: Тёмный маг собирал под свои знамена приспешников, и постигал премудрости самого тёмного и сильного колдовства, способного дать ему власть над миром. Склонившийся перед ним верный слуга внимательно выслушивал приказы Господина. Близилось время, тьма неотвратимо приближалась.»

На этом текст заканчивался. Гарри снова невыносимо захотелось помчаться к Дамблдору — предупредить директора о приближающейся опасности, расспросить Шляпу о Защитнике, поделиться случившимся — но незаметно выскользнуть из спальни было уже невозможно, кроме того, время отбоя миновало, а где искать директора во внеучебное время, Гарри не знал. Засунув «Мою борьбу» назад в наволочку, он тщательно запахал свёрток под матрас и уткнулся лицом в подушку.

А на соседней кровати, невидящим взором изучая прореху в пологе, лежал Рон. Сам не зная, почему, он мучительно прислушивался — то ли с надеждой ожидая приближающихся шагов, то ли боясь их услышать.

Стоящая по соседству кровать Гарри закричала, послышался звук задвигающегося полога...

— Ну и чёрт с тобой, — зло прошептал Рон себе под нос и повернулся на бок.

Точно, — с радостной готовностью хихикнул внутренний голос.

* * *

— Итак, Люциус?

— Мой Лорд, пока всё развивается именно так, как мы и рассчитывали: Колдовской порошок у меня в руках, мы создаём для вас армию, которая не будет знать ни страха, ни боли, которая будет повиноваться любым приказам и обладать невероятной силой. Мы мгновенно перебросим её в то время и место, какое вы укажете...

Малфой стоял на коленях перед пылающим каминном, откуда на него взирало плоское мертвенно-бледное лицо хозяина.

— Это, конечно, замечательно, но меня сейчас ин-

тересует несколько иное, Люциус... — Вольдеморту говорил негромко, и Малфой поймал себя на том, что, желая не пропустить ни единого слова, всё ближе и ближе подползает к решётке. Кажется, Тёмного Лорда это забавляло: он говорил всё тише и тише, и временами треск пламени заглушал его шипящий голос.

— Понимаю. Собственно, я и хотел сообщить вам о полученном срочной соевой письме от Драко. Он пишет, что на Церемонии Распределения Шляпа поведала весьма занимательную историю...

Люциус подобострастно склонился перед каминном и подал Вольдеморту свиток, исписанный торопливым, но всё равно предельно аккуратным почерком сына.

— Так-так... Значит, время действительно пришло, коли даже старая рухлядь заговорила. И, похоже, пока всё указывает на Поттера...

— ...если это только не очередной бред этой битой молью тряпки.

— Вот это нам и предстоит узнать.

— Но, если ей верить, то не каждому это дано...

— Думаю, что Поттер сейчас достаточно освобождён, чтобы задуматься исключительно о судьбах мира, — рот Вольдеморта растянулся в усмешке, от которой у Люциуса зашевелились волосы на затылке. — Ты неплохо сработал. Теперь нам надо лишь следить, чтобы он не отвлекался от своей главной задачи. В любом случае, всю информацию мы получим из первых рук. Главное, чтобы...

— Главное, чтобы? — напрягся Малфой, ещё придвинувшись и уже едва не перевешиваясь через каминную решётку.

— Ничего. Это моя забота. Поттер всегда любил разгадывать загадки самостоятельно, я убедился в этом на собственном опыте. Уверен, он не проболтается. Почти уверен. Так что... Надеюсь, ты готовишь сына к предстоящей роли?

— О, да, Господин...

— А как наши демоны? Вам удалось вернуть их?

Люциус заметно сник и чуть попятился от камина.

— К сожалению... Но мы прикладываем все усилия...

— То есть никаких изменений? — пронизательно прищурился Вольдеморту, и в глазах мелькнули красные искры. — Один недоумок, случайно задержавшийся на развалинах Церемониального Зала — весь ваш улов почти за полгода? Вам стоит поторопиться, Люциус...

— Я передам Линтону...

— Меня не интересует, кто этим занимается, Люциус, — перебил Вольдеморту. — Это по твоей милости Поттеру удалось бежать — хотя, в свете последних событий это мне только на руку, и взрыв катакомб, насколько мне известно, твоих рук дело...

— ...нельзя же было всё оставлять этой дамблдоровой своре... — успел вставить Малфой в едва заметную паузу.

— ...конечно, — кивнул Вольдеморту, но кожа тут же натянулась, начав ещё плотнее облегать череп. — Их просто не стоило туда допускать. А поскольку именно по твоей милости утрачено всё то, что создавалось такое долгое время и таким трудом... Одно только демоны... Так что и спрошу я тоже с тебя. И не посмотри, что ты — мой любимчик... — Малфой даже не знал, чего он больше боится: гнева или же прозвучавшего после этих слов смеха Вольдеморта. По спине пробежали мурашки, дрогнувшей рукой он невзначай коснулся лба, чтобы стереть выступившую испарину.

— Я понял, Господин. И...

— Что-то ещё?

— Да. Насчёт двойников: вы приняли решение, кому будет дозволено обзавестись своими копиями? Ведь, наверное, не самый удачный вариант, если в ответственный момент армия останется без командующего или вы лишитесь кого-либо из своих приближённых?..

— Я понимаю, куда ты клонишь, мой друг, — всё пытаешься убедить меня, что вам с сыном тоже не помешало бы парочка-другая запасных тел. Видишь ли, применяя Непростительные Заклятья... да и

вообще — просто беседа с тобой, вот так, как сейчас, — мне хочется быть уверенным, что мои слова, внушения и — особенно — наказания достигают поставленной цели, — словно чтобы проиллюстрировать свои слова, Вольдеморту поднял свою паучью руку с зажатой в ней волшебной палочкой. Люциус инстинктивно отшатнулся прочь. Из камина послышался шипящий смехок: Вольдеморту оказался доволен произведённым эффектом. — И, думаю, я окажусь сильно разочарован, узнав, что провинившийся в момент экзекуции улизнул в запасное тело. Даже не думай об этом, Люциус! Двойники будут только у меня. И создам я их себе сам. Только я — и больше никто! И если я узнаю, что ты посмел послушаться...

— Я понял, Господин! Упаси Мерлин — у меня и в голове не было мысли обмануть вас, я просто хотел обратить ваше высочайшее внимание на этот аспект...

— Благодарю тебя, друг мой. И вот ещё что. Стоит

проверить действие Колдовского порошка в местных условиях — как знать, возможно, эти экваториальные зелья в Англии не действуют.

— Вы хотите, чтобы я...

— ...чтобы ты проверил, так ли это, — с нажимом повторил Вольдеморту. — Ты сегодня какой-то непонятливый, Люциус. Меня это настораживает. И огорчает.

— Я лишь хочу понять ваши желания и в точности выполнить указания.

— В таком случае, ты знаешь, что нужно делать, — ведь не даром тебя учили все эти гаитянские бокоры, верно? Потом его можно сразу уничтожить. И вот ещё что — не стоит так сильно прятать все концы: я хочу, чтобы они взбодрились.

Люциус чуть побледнел.

— Я понял, Лорд. Я возвращаюсь и немедленно приступаю к процедуре.

Глава четвертая, в которой вовсю разгуливают демоны и привидения, Шляпа дискутирует, а Невилл, к собственному удивлению, обзаводится массой поклонниц.

— Ну, и чёрт с тобой, — Рон повернулся на бок и закрыл глаза.

— ...точно, — с радостной готовностью хихикнул маленький демон.

...Входная дверь с треском захлопнулась. Начало смеркаться, и пустой дом наполнили чуть покачивающиеся и как будто даже перешёптывающиеся тени.

Хозяин будет доволен... Наверное, он наконец-то меня накормит... Разрешит мне порвать его... — демон голодно взглянул на запертого в огромном доме мальчика. Тот вздрогнул, и демон облизнулся. — *А может, меня даже выпустят на свободу? И тогда я смогу выбрать себе добычу — сам, как и остальные...*

Ребёнок всхлипнул и беззвучно заплакал — от страха и жалости к самому себе. Демон приблизился к нему и сочувственно погладил по ярко-рыжим даже в этом сгустившемся полумраке вихрам. Малыш поднял полные слёз и надежды глаза.

— Тебе страшно, малыш?

— Мне плохо — меня все бросили — мама, папа... все-все ушли, я один, совсем один, я заперт здесь...

— Ты сам закрыл эту дверь, — словно невзначай заметил демон, придвигаясь поближе и жадно принюхиваясь к тёплому, сладкому запаху, — и правильно сделал: так тебя никто не потревожит, никто не побеспокоит... — он заговорщически подмигнул, но мальчик в ответ лишь шмыгнул носом и сморщился, готовясь разреветься в голос.

— Но теперь я один, совсем один...

— Ты не один, — теперь голосок звучал почти ласково. — Я рядом. Не бойся, я не дам тебя в обиду. Пойдём со мной — пойдём во тьму...

— Я боюсь темноты, — захныкал мальчик и чуть попятился.

— Дурачок. Это не та темнота, которой стоит бояться, здесь сейчас будет гораздо темнее. И страшнее, — для убедительности добавил демон, и, словно в подтверждение его слов, мрак ожил и почти осязаемой стеной воздвигся над ними. Мальчик, сидящий на полу в блёклом круге света, с сомнением покосился на окно, за которым угадывались смутные очертания угрюмых деревьев и огромного знакомого замка, и снова повернулся к светящимся глазам, полным тепла и сострадания. — Не бойся, я всегда буду рядом, я помогу, научу... Там будет хорошо и просто, там ты сможешь исполнить все свои желания, добиться всего, чего хочешь. Вот скажи мне, чего ты хочешь?

— Я хочу... — губы ребёнка задрожали, словно он едва сдерживал рыдания. — Я хочу, чтобы про меня помнили — всегда помнили...

— О, это проще простого, — в глазах демона вспыхнуло и погасло фиолетовое пламя.

— Хочу быть большим и сильным — самым-самым,

хочу, чтобы обо мне говорили.

— Я выполню твоё желание, — в нехорошим подострастием тут же кивнул демон. — О тебе будут говорить все, будь уверен. Давай же руку, нам надо поторопиться...

— Хочу, чтобы меня все любили... — глаза мальчика потемнели от внутренней боли.

— Любили? — острые когти на многопалой лапе демона появились и вновь исчезли. — Зачем тебе эта глупость? Разве ты не убедился, что любовь приносит только горести, боль и разочарование? Разве предательство — не следствие любви? Есть чувство, куда более приятное, полное... Чувство, приносящее только удовлетворение. Я покажу тебе.

— Какое? — в глазах ребёнка вспыхнул интерес, крохотная ручка потянулась к демону, но тут же зависла в воздухе. — Я боюсь уходить. А что скажут мама и папа? А вдруг за мной вернутся?

— Не бойся, мы только на минуточку: посмотрим одним глазком — и сразу назад, — в голосе зазвучали интригующие нотки сказочника. — Не бойся, никто и не заметит, что ты ушёл, а там ты будешь не один — там столько людей! И я буду с тобой, ведь я — твой истинный друг, я никогда не покину тебя. Давай же мне руку! — не выдержав, взвизгнул демон, и ребёнок тут же испуганно отшатнулся.

— Я тебя боюсь!

— Ну же, — в голоске снова зазвучала медовая сладость, — пойдём, я научу тебя, как ему насолить! Ведь ты же хочешь насолить, верно? Хочешь, чтобы ему было больно, — так же, как тебе всё это время. Если бы не он, всё внимание, слава, любовь — всё досталось бы тебе. Уж поверь мне.

— Точно, — ребёнок обиженно надул губы.

— Он ведь такой хороший, такой правильный... Из-за этого ты всегда казался себе плохим, верно?

— Верно, — бровки малыша недовольно сошлись на переносице.

— Ты всегда пытался ему соответствовать, а он, тем временем, играл твоей жизнью, как своей собственной. Но теперь ты не должен будешь скрывать свои чувства и сможешь делать всё, что хочешь! И никто тебя не накажет. Пойдём же, я научу, как отомстить. Пойдём, ломаем все его игрушки!

Поколебавшись, ребёнок подал руку, и в неё тут же беспощадно вонзились призрачные когти.

— Что ты делаешь, мне больно, больно!

— Не бойся, это пройдёт... Смотри — уже легче, верно? Пойдём. Я послан к тебе, чтобы научить, раскрыть таящуюся в тебе силу. Не бойся, ты не один такой, взгляни...

Демон распахнул призрачную клыкастую пасть и дохнул малышу в лицо. Глаза ребёнка остекленели.

Он увидел людей — сотни, тысячи охваченных тёмным облаками человек двигались в разных направлениях. Улицы, прозрачные дома, в которых ели, пили, спали, кричали и молчали — а над ними плыл тёмный туман.

— Что это? Кто это?

— Это твои новые друзья. Они выпустили темноту из своих сердец, и им больше не больно, не стыдно, не обидно — они теперь счастливы.

— Правда? — с надеждой спросил мальчик. — А я? Я тоже буду счастлив?

— Конечно — просто ступай к ним. Распахни своё сердце тьме, отпусти на волю всё, что тебя мучит, — и твои страхи и печали уйдут. Они уже ждут тебя... — люди на улицах запрокинули лица вверх. К мальчику и демону рядом с ним потянулись сотни, тысячи рук, растягиваясь, будто были резиновыми. — Видишь, как они рады тебе? Вождеделение, зависть, упрямство, ревность... — теперь это и твоя обитель, ступай к ним.

— Я не хочу, я не хочу! — заплакал малыш, но безжалостные когти пронзили и вторую ладонь.

— Ступай!

— Гарри, помоги мне! — десятки цепких рук стиснули его и рванули вниз.

— Гарри? — демон расхохотался вслед. — Гарри?! Так ведь именно он и отправил тебя сюда, дурачок. Пойдём же... — он нырнул и помчался к земле, увлекая мальчика следом.

— Я... не хочу! Мама! Папа! Гарри! Ты... ты бросил меня! Я никогда тебе этого не прощу!

— Верно... Не надо прощать. Пойдём же. Я научу тебя ненавидеть.

* * *

— Это возмутительно, просто возмутительно! — Почти-Безголового-Ника занесло на повороте, и, не удержавшись, его голова снова упала на подпирающий подбородок воротник. — Вы имеете в виду, что этот выскочка, этот... с позволения сказать, макаронник теперь будет диктовать нам условия?! С каких пор мы — уважаемые привидения, имеющие за плечами не один десяток лет жизни и не одну сотню — смерти, должны подчиняться какому-то вихляющемуся новичку? Нет, я немедленно лечу к Дамблдору...

— Боюсь, сэр Николас, вы не достигнете желаемого, — Серая Леди, призрак Равенкло, замерла у окна, царственно вскинув голову. Сквозь неё тускло светила луна, проглянувшая из-за низких дождевых облаков. — У Альбуса сейчас проблемы куда серьёзнее, чем споры между призраками. Ему хватает живых... Все наши вопросы находятся в компетенции Филча, — с отвращением добавила она.

— Но ведь именно он-то во всём и виноват! — взволнованно заколыхался Толстый Монах. — Эта лживая скотина, этот похотливый греховодник — прости меня господь, — тут же набожно перекрестился он, — пообещал Филчу следить за студентами и всё немедленно доносить!

— Какая мерзость, — с отвращением наморщила носик Серая Леди, что отнюдь не обезобразило её очаровательного лица. — Для Филча это всегда было мечтой всей жизни: наводнить замок шпионами и доносчиками.

Прочие призраки, с благоговейным вниманием прислушивающиеся к беседе факультетских Глав, при этих словах возмущённо закивали.

— Вот-вот, — не выдержав, пискнуло привидение Астрономической башни (любимым развлечением которого было выныривать из стены в самый неподходящий момент, пугая влюблённых парочки), — мне, например, велено вести учёт студентов и подробнейшим образом фиксировать всё то, чем они занимаются! А ведь временами... — оно смущённо кашлянуло. — Словом, у меня рука не поднимется.

Призраки помолже заинтересованно зашушукались.

— А мне — раз в месяц проводить негласный дос-

мотр личных вещей учащихся, — тощая старуха с выпирающими зубами — одно из привидений Хаффлпаффа, возмущённо застучала по воздуху своей полупрозрачной клюкой. — Будто я мало этим при жизни занималась! Вот дежурство на Астрономической башне — это мне больше по душе...

— Пока я — Глава призраков факультета, не бывать этому! — Толстый Монах воспарил под потолок.

— Как омерзительно! Да просто аморально! Это могло прийти в голову только развратнику и сластолюбцу! Аморальный, безнравственный тип! — наперебой загалдели привидения.

— Мог ли, мог ли я — ужас, летящий на крыльях ночи, одно имя которого повергало в трепет двух директоров и семь поколений студентов, подумать, что окажусь в распоряжении кого?! — кладовщика, не способного выполнить даже простейшее закливание?! — рывкнул угрюмо притулившийся в тёмном углу Кровавый Барон и гневно засеребрился, на миг став почти непрозрачным. — И мне придётся подчиняться неведомому выскочке! Нет, надо немедленно писать в Конфедерацию — пусть этот новоприбывший мерзвец катится отсюда ко всем чертям собачьим! Прошу прощения, сударыня, — чуть снизив тон, тут же добавил он и галантно поклонился в сторону Серой Леди. Она милостиво кивнула, принимая его извинения.

— Но, пока Конфедерация рассмотрит наш запрос, пройдёт не один десяток лет. Они откуда не торопятся — помнится, утверждение меня в качестве призрака Хаффлпаффа длилось лет восемьдесят — и это, заметьте, уже после избрания! — Толстый Монах от возмущения взмахнул руками слишком резко и снова взмыл под потолок, наполовину просочившись сквозь него.

— Коль скоро всё обстоит так печально, нам стоит решить, как не доводить дело до открытой конфронтации, — с напускной кротостью вздохнула Серая Леди. — Ведь это не пойдёт никому на пользу.

— Смириться? Чёрта-с-два! Пардон, сударыня. Я завтра же вызову его на дуэль и опрозрачню на пару дней...

Девушка-в-Цепях, призрак подземелья⁴ восхищённо приложила руку к сердцу, а устроившиеся в непосредственной близости к главе слизеринских привидений на всякий случай отодвинулись подальше: крутой нрав и соответствие дел и слов Кровавого Барона были притчей во языцех.

— Ах, Барон, помилуйте, и чего вы этим добьётесь, — вздохнул Почти-Безголовый-Ник и уныло подпёр ладонью подбородок. Разговор с Гатто произвёл на него неизгладимое впечатление: зная веселый нрав гриффиндорцев и их наплевательское отношение к правилам и ограничениям, Гатто заявил, что еженедельная подача списков провинившихся и подробное перечисление их проступков теперь входит в прямые обязанности главы гриффиндорских привидений. Сэр Николас этого пережить не мог и начал всерьёз подумывать об отставке. — Этот итальяшка лишь обозлится — а с его нынешними полномочиями он вполне способен устроить всем нам неприятности. Два дня опрозрачивания ничего не изменят.

— А, так вы просто боитесь, сэр Николас?

— Ничего подобного, — на щеках Ника вспыхнули серебристые пятна. — Я вообще мало чего боюсь после своей кончины, знаете ли! Но надо подумать и о дамах.

— А что вы скажете, юная леди? — Барон обвиняюще ткнул крючковатым пальцем с крупным перстнем в притулившуюся на груди пыльных портьер Плаксу Миртл. Та вздрогнула и сжалась в комок: рядом с такими легендарными и благородными особами она чувствовала себя той, кем, по сути, и являлась: маленьким, уродливым и недалёким туалетным привиде-

⁴ Поговаривали, что это привидение студентки, в своё время запертой в карцере, да так там и позабытой.

нием.

— Да, что ты, юное дитя, думаешь об этом Гатто? — более дружелюбным тоном поинтересовался Толстый Монах.

— Я... м-мне... — с перепугу начала заикаться Миртл. Призраки Хогвартса заинтересованно замолчали. — Этот Гатто просто ужасен. Он велел мне записывать секреты и тайны, о которых шушукуются студентки, и докладывать ему. Уж лучше бы Крума убили, он бы никогда не опустился до такой низости, — внезапно бухнула она и сама перепугалась.

Повисла вежливая пауза.

— Право слово, не уверена, что мы можем так легко об этом говорить — особенно о человеке, чья жизнь сейчас еле теплится, — Серая Леди попробовала тактично сгладить неловкость, — но, думаю, Крум бы в любом случае не вернулся сюда. Он бы вообще не вернулся.

Из-за стены донеслось жизнерадостное посвистывание: профессор Гатто, мурлыча себе под нос очередную песенку, проплывал по коридору. Привидения настороженно замерли.

— Ах, вот вы где, друзья мои, — просунулась сквозь стену полупрозрачная голова. — Ну-с, *dic mihi, quid egeris* — скажите мне, что вы делали: всё ли тихо в гостиных? Не затеяла ли молодежь после отбоя чего-либо непопуганного? И почему это, интересно, здесь, можно сказать, митинг, тогда как по школе так и шмыгают студенты, коим положено находиться в спальнях? Где дежурные? Почему оставили свои посты? Я собственноручно только что изловил Поттера в коридоре, везущем к преподавательскому крылу. А десятью минутами ранее рядом с комнатой мадемуазель Делакур, — на лице Гатто появилась сладчайшая улыбка, — был задержан и ваш подопечный, господин Барон. Вам стоило бы вести себя повнимательнее и тщательнее относиться к своим прямым обязанностям...

— Чтобы я, Кровавый Барон, гроза морей, — чтобы я выслеживал и наушничал?! Да я собственными руками прикончил полсотни человек — и после этого я должен превратиться в соглядата и доносчика?! Чтобы я отчитывался перед... — слизеринское привидение выхватило шпагу и, возмущённо потрясая ею и изрыгая не предназначенные для дамских ушей ругательства, вылетело вон.

— Ах, какая несдержанность, — покачал головой Гатто и радостно взглянул на оставшихся призраков. — *Властвовать собой — высшая власть. Sibi imperare maximum imperum est.* Ну-с, мои дорогие друзья, насколько я понимаю, тут зреет заговор? Мистер Филч будет очень опечален и, полагаю, примет необходимые меры, чтобы ничего подобного впредь не происходило. Вам же я советую покончить с этой порочной практикой, ведь *qui seminat mala, metet mala. Кто сеет плохое, пожнёт плохое.*

Переглянувшись, привидения молча начали просачиваться сквозь стены и пол.

— Душа моя, — торопливо подлетев к Серой Леди, шепнул Гатто, — могу ли я надеяться на ваш ответ сегодня?

— Милостивый государь, мой ответ дан вам уже неоднократно — нет, нет и...

— ...да... — не дал ей закончить Гатто. — *Там победа, где согласие. Ibi victoria, ubi concordia.* Давайте же не будем воевать. Я осадил вашу крепость и предлагаю сдаться на милость победителя...И, кстати, что там плёл про грозу морей этот невоспитанный слизеринец?

— В своё время господин Барон был пиратом, — Серая Леди брезгливо стряхнула руку Гатто с плеча. — На его свести кровь сорока восьмью невинных жертв, не считая повешенных по его приказу на реях...

— Звучит впечатляюще, — неугомонная рука Гатто обвила её за талию. — ...значит, да? Сегодня в три полночи...

— ...нет, — Серая Леди нырнула в потолок.

— Так-так, — запустил пальцы в пышную шевелю-

ру итальянец, задумчиво обводя взглядом опустевшую заброшенную кладовку. — Бунт на корабле. *Ut salutas, ita salutaberis* — как аукнется, так и откликнется... Каррамба.

* * *

Невилл, перекинув полотенце через плечо, направился в ванную комнату. Из головы никак не шли странные и пугающие события сегодняшнего дня, а потому он едва-едва успел перескочить через проваливающуюся ступеньку, о которой каким-то чудом вспомнил в самый последний момент. Ссора трёх закадычных друзей — странная, даже абсурдная — совершенно выбила из колеи бедного Лонгботтома: Рон, Гарри и Гермиона, несмотря на временами возникающие между ними разногласия и даже перепалки (а у кого их не бывает?), всегда казались ему просто образцом дружбы, взаимопонимания и — в последнее время — любви. То же, что произошло на платформе девять и три четверти, напоминало какой-то дурной сон.

Попытка утешить Гарри ничего не дала; судя по всему, тот сейчас вообще не в силах что-либо сообщать. Что и неудивительно. У Невилла никогда не было друзей, но, тем не менее, он мог себе представить чувства человека, которого в течение пяти минут бросили и лучший друг, и любимая девушка. И не просто бросили, а буквально втоптали в грязь. Причём публично.

Весь вечер Невилл не сводил глаз с Рона и Гермионы, но не заметил ничего странного — разве что первый весь пир подчёркнуто веселился, а последняя была чересчур приветлива и непривычно улыбчива. Попытка поговорить с Роном тоже ничего хорошего не дала — сверкнув глазами, тот буркнул, что сегодня слишком устал, и тут же задёрнул полог.

Пожалуй, стоит попробовать поговорить с Гермионой...

Машинально развернувшись, Невилл направился в противоположную сторону, снова едва успев перепрыгнуть, когда под ним разверзлась лестница.

Не может же она, в самом деле, просто бросить Гарри после всего вместе пережитого? Наверняка есть какая-то причина... Может, что-то ещё можно изменить? Как-нибудь помирить их?

Теребя полотенце и глядя в пол, Невилл плёлся по коридору девичьей половины, не замечая удивлённых взглядов попадающихся на встречу гриффиндорков.

Всё это как-то неправильно...

С мысли его сбил донёсшийся шум воды.

Кстати, я же хотел принять душ — надо как следует согреться, а то завтра точно простыну. А на переэкзаменовку по зельям мне нужна свежая голова. Правда, она всё равно вряд ли меня спасёт...

Невилл прибавил шагу и решительно распахнул дверь душевой. Мысли о Снейпе тут же напрочь вышибли из головы всё остальное — захотелось немедленно куда-нибудь спрятаться. Пар ударил в лицо. Пробравшись в этом горячем тумане к свободной вешалке и продолжая размышлять о переэкзаменовке (от чего, несмотря на стоящий в душевой жар, на лбу выступил холодный пот), Лонгботтом начал неторопливо разоблачаться.

— Эй, кто-нибудь! Киньте мне полотенце, пожалуйста! — перебил его скорбные думы звонкий голос.

Машинально сняв полотенце с соседнего крючка, Невилл, нимало не обратив внимание, что прозвучавший голос был женским, сделал шаг в клубящийся пар. Откуда шагнула розовая распаренная фигурка.

Немая сцена длилась недолго, после чего женскую половину гриффиндорской башни разрезал истошный визг.

— Помогите!!! Опять он! Спасите меня от этого извращенца!!!

— Па-па-па... — зашлёпал губами Невилл, — пара-

стите, па-пжалуйста!

Но Стана не слушала: кое-как прикрывшись полотенцем, она схватила свою палочку и решительно указала на Невилла:

— *Stupefy!* — того со всего маху шмякнуло об стену, по которой он стёк на пол.

— Что случилось, что произошло? — на крик сбегались студентки, да так и замерли в дверях, открыв рты: в клубах пара над бездыханным телом античной богиней возмездия высилась завёрнутая в полотенце, как в тогу, девушка с пылающим от ярости лицом.

— Я его сейчас убью... — выдохнула она и, судя по решимости в её глазах, Невиллу, действительно, светило окончить свои дни на кафельном полу женской ванной комнаты, но в этот миг, растолкав оцепеневших студенток, в душевую ворвалась староста.

— Стана, опусти палочку! *Expelliarmus!* Пять очков с Гриффиндора за колдовство в общежитии! А теперь поясни мне, что здесь произошло, — на одном дыхании выпалила она, пряча палочку четверокурсницы в карман халата.

— Он... он преследует меня!

— Кто — Лонгботтом?! — захихикала Парвати. — Ты это всерьёз?

— Он однажды уже залез ко мне в постель! — возмущённо сверкнула глазами болгарка.

Ответом ей послужил восхищённо-возмущённый вздох. Толпа придвинулась поближе. Лавендер оценивающе взглянула на распростёртого на полу бесчувственного Невилла:

— Ну, надо же... Кто бы мог подумать...

— Мало того — он пытался залезть в постель к Боряне, а ей только двенадцать!

— С ума сойти... — Лавендер присела на корточки и задумчиво проверила пульс на шее Невилла. — Живо, — сообщила она, не спеша отнимать руку.

— Этого извращения надо судить!

— Так, все разошлись по спальням, — командовала Гермиона, окинув взглядом всё прибывающую толпу. — Быстро! За каждую секунду промедления с нашего факультета будет снято пять баллов. Время пошло!

Душевая тут же опустела, теперь в ней остались только разгневанная Стана, Гермиона, Лавендер и собственно виновник переполоха.

— Лавендер, а ты?..

— Должен же кто-то привести его в порядок, пока вы выясняете обстоятельства случившегося, — невозмутимо откликнулась гриффиндорская красotka, застывшая пуговицы на рубашке Невилла, даже не пытающегося прийти в сознание. — И потом, надо же транспортировать его в спальню мальчишек, верно? Не будет же он спать здесь — глядишь, опять залезет кому-нибудь в кровать, — метнула она ядовитый взгляд в сторону Станы. Та дёрнулась.

— Тихо! — пресекала Гермиона не успевшую начаться склоку.

— *Mobilicorpus!* — Лонгботтом воспарил в футе над полом, и, помахая палочкой, словно прекрасная пастушка, Лавендер двинулась к выходу.

— Ну, что тут случилось? — услышала она голос Гермионы, уже прикрывая дверь, за которой столпились остальные девушки.

— Ну, что там случилось? — немедленно накинулись на неё. — Неужели...

Лавендер многозначительно приподняла брови:

— В тихом омуте черти водятся, — нравоучительно заметила она, сопроводив это задумчивой улыбкой. Вокруг заахали. — Ну, полетели баиньки... зротоман.

* * *

Сортировочная Шляпа нимало не сомневалась, что сегодняшней вечер ей не суждено закончить в тишине и одиночестве на верхней полке стеллажа, где она проводила большую часть времени, сочиняя очередной опус, беседуя с ближайшими портретами или подрёмыва-

вая. Вопрос был только в том, как скоро в кабинете появится Дамблдор. Насчёт его настроения она почему-то тоже не сомневалась и испытывала даже нечто вроде боевого задора.

— Я выполнила свой долг, — бодрилась она, возясь на директорском столе, куда была препровождена профессором Макгонагалл, — каждому пророчеству — свой срок. Срок пришёл — и я сделала, как мне велели. Все знаки совпали — впервые за тысячу лет.

— Хе, готов поспорить, Дамблдор будет здорово недоволен, — хихикнул нижний из висящих над столом портретов. — Помнится, когда я был ещё преподавателем Истории Магии, а Альбус — сопливым пятикурсником, он не раз дёргал меня вопросами о судьбоносных деяниях Великой Дюжины.

— А ты, Софрониус?

— А что — я? Старался загрузить его такой гиблой работой, чтоб он пропал и на глаза не появлялся. Все студенты одинаковы — начинают каких-нибудь сказочек, а потом так и норовят лекции сорвать, — ворчливо фыркнул портрет. — Ну-с, я готов поставить двойную порцию миндаля в шоколаде...

Но поспорить ему ни с кем не удалось: открылась дверь, и в кабинет, торопливо шурша мантией, вошёл — вернее, почти вбежал — Дамблдор. Шляпа против собственной воли съехала, но тут же⁵... сделала самое независимое выражение тульи и демонстративно замурлыкала себе под нос начало «Баллады о Защитнике».

Ни малейших признаков недовольства или раздражения на лице директора, тем не менее, не наблюдалось, лишь какое-то детское удивление и интерес. Быстрым взмахом палочкой в сторону заинтересованно приоткрытых портретов — «*Dormio confestim!*» — и те погрузились в сон, не успев даже охнуть от разочарования. Кабинет тут же наполнил бормотание и сладкое причмокивание. Повинуясь взгляду, вспыхнул камин, и из кабинета тут же ушла сырость, наполнившая замок за лето. Дамблдор всё так же молча подошёл к столу, опустился в кресло и подпёр ладонью подбородок, задумчиво уставившись в пространство. Длинная белая борода вольготно раскинулась на столе. Кончик её пощекотал «нос» Шляпы, добравшейся, тем временем до четвёртого куплета. Та чихнула и бесстрашно продолжала:

— *Великой Дюжине вручили
К тайнам всем ключи —
Чтоб слушались отныне их
Дережья и ручьи.*

*Чтоб ветер пел, чтоб лился дождь,
Чтоб процветал народ,
Чтоб магия несла добро,
А не наоборот.*

Шляпа сделала паузу и, приподняв тряпичную бровь, покосилась на директора. Тот молчал. Вздохнув, она продолжила — уже менее решительно:

*Но Тьма Предвечная пришла,
Накрыла мир, и вот —
Не дождь питает землю, нет,
Но слёзы, кровь и пот...*

*Но встал стеною на пути
У Тьмы — Добра оплот
Двенадцать жезлов как один —
Защитник в бой идёт.*

Снова пауза и снова тишина.

— Ну, — наконец не выдержала Шляпа, у которой

⁵ Хотела сказать «взяла себя в руки», но вот рук-то у неё как раз и не было.

от волнения и нетерпения уже начал дрожать голос и путаться слова, — ты так ни о чём меня и не спросишь?

— Я не уверен, что ты дашь ответы на мои вопросы, поэтому просто пытаюсь понять и осознать, что же происходит в мире и что такое особенное случилось именно сегодня.

— А я-то не сомневалась, что ты будешь в ярости — ведь когда-то ты сам искал ключ к этой загадке.

Дамблдор качнул головой — настолько незаметно, что Шляпа даже не поняла, был ли это кивок или же просто игра теней. Приободрившись, она чуть приблизилась к нему и продолжила, обретая свой привычный сварливый тон:

— Все знаки совпали, все предсказания сбылись — и ты знаешь это не хуже меня, недаром же зачастил в Запретный Лес. Поди, пытаешься разобраться, что к чему? Да, мне было кое-что известно — но совсем немного. Да и то я должна была хранить в глубочайшей тайне, чтобы однажды передать...

— Значит, это всё же не легенда. Я подозревал... Но почему... Зачем ты сделала это публично? Зачем ты открыла это всем, ведь ты же не хуже меня понимаешь — в ближайшие часы Вольдеморт всё узнает: дети его приспешников учатся в Хогвартсе, я видел понимание и блеск не в одной паре глаз... Могла бы просто сообщить мне имя — я бы вызвал его сюда, откуда информация никуда бы не ушла!.. А теперь весь Хогвартс становится главной мишенью Вольдеморта... — Дамблдор задумчиво смотрел на пламя свечи. В спокойном голосе не звучал упрёк — мысли об этом никогда не покидали директора, он успел с ними свыкнуться.

— Ты не хуже меня знаешь, что точно так же всё обстояло и раньше. Именно эти дети — цель Вольдеморта. И среди них растёт и мужает тот, кому суждено остановить Тома, — буркнула Шляпа. — И тебе не хуже меня известно его имя!

— Но тем самым ты ставишь его под удар... под страшный удар. А так мы могли бы выгадать время — пусть немного, но мы бы успели предупредить ответные шаги Вольдеморта, подготовиться к ним...

— Ах, Альбус! Годы идут, а ты совершенно не меняешься! Скажи мне, откуда в тебе такая склонность к рефлексии? Откуда это желание всё предупредить? Всё держать под контролем, ни во что активно не вмешиваясь?!

Дамблдор протестующе взмахнул рукой, но возражать не стал и устало откинулся на спинку кресла.

— Мерлин тебе судья, — чуть нахмурилась Шляпа. — Но это только его путь — его и больше ничей. И только преодолевая себя, борясь с собой и всем миром, пройдя сквозь воду и огонь, закалив и отточив свои качества, он сумеет открыть тайну, неведомую даже мне. Тайну, запечатанную Дюжиной много веков назад. Знай ты хоть что-то, ты бы не сумел справиться с испытанием помочь ему. Однажды ты бы не выдержал. И тем самым погубил бы его.

— Но он же так юн... Что, если он не сможет пройти этот путь? Ведь, коли верить единственному смутному упоминанию, какие-то попытки всё же предпринимались — и имена называются легендарные. Роберт Рыжебородый. Теодорус Торопливый. Они сгнули, а ведь — если верить преданиям — отличались невероятной силой и изрядным мужеством.

— Кто? — фыркнула Шляпа. — Боб и Тедди? Первый всегда был изрядным горлопаном. А второй...

— ...а тут — подросток, не слишком-то верящий в свои силы, — не отреагировав на реплику Шляпы, покачал головой Дамблдор.

— Альбус, не ты ли сам готовил его к этой роли? Не ты ли отдал его в среду, где он мог расти и развиваться не благодаря чему-то, а исключительно вопреки? Не ты ли твердил, что, коли этому мальчику суждено стать спасителем магического мира, то отныне каждую минуту своей жизни он должен учиться борьбе — чтобы, встав однажды лицом к лицу со своим главным противником, бесстрашно взглянуть ему в глаза? Не припом-

нишь ли, что на это тебе сказали члены Попечительского Совета?

Яркие глаза Дамблдора чуть потускнели, словно воспоминания причиняли ему боль.

— Ну так я напомним тебе: «А не кажется ли вам, что ваша так называемая забота о будущем ни что иное, как доведённая до крайности жестокость? Вы хотите отнять у ребёнка, только что лишившегося родителей, весь его мир, заплатив за тысячи спасённых жизней годами унижений и лишений...» Почему же тогда ты не твердил, что это «только слабый ребёнок»?.. Или же таким образом ты пытаешься просто разжалобить меня? Пустая трата времени: в любом случае, я знаю очень немного, и это немного я открою только ему. Он не просто должен взять в руки меч, — Дамблдор вздрогнул, брови его удивлённо приподнялись, и Шляпа тут же умиротворяюще замаяла полями, — нет, я не с том смысле, что он должен сделать это снова, это просто фигуральное выражение, хотя... всякое может случиться... Так вот — он должен этот меч под себя заточить. Что же до предстоящего ему пути — история жестока, кому, как не мне этого не знать. Если, встав на этот путь, он не сможет пройти его до конца — испугается, сломается, оступится на полдороги — он погибнет, и следом за ним рухнет во тьму и мир. А это страшная Тьма, Альбус, я чувствую это. Да и не только я: портреты беспокоятся, старые книги сами собой падают, распаиваясь на страницах древних пророчеств. И Тьма эта совсем рядом, она окружает замок снаружи, она густеет внутри, прорастая в сердцах этих детей... Ты не хуже меня знаешь ближайшее будущее, верно?

Шляпа кашлянула и замогильным голосом продекламировала:

— Близ замка сражались и падали люди,

И тех, и других мучат раны и кровь...

Вождь гибнет, но всё же его не забудут:

Четвёрка дорвалась до вражеских рядов.

Ты ведь догадываешься, кто эти четверо? Или нет? Ведь их испытания уже начались. Выдержат ли они? Появится ли Защитник? В противном случае погибнут все...

— А если появится? — быстро подхватил Дамблдор, цепко ухватившись за предпоследнюю фразу, являющуюся, по-видимому, средоточием всех его тревог.

Шляпа помолчала некоторое время, словно размышляя о чём-то.

— ...ведь если Защитник не появится, то пройдут века, прежде чем снова в мир придёт тот, кто будет в силах это сделать.

— Так мне позвать его? — поднялся со своего места Дамблдор.

— Нет, — решительно остановила Шляпа. — Кажется, ты что-то сказал о том, будто он не очень-то верит в свои силы? Так вот — он должен сам захотеть этого. Должен сам прийти и поговорить со мной. Должен сам сделать первый шаг. После этого пути обратно не будет.

* * *

Поутру Невилл не помнил, как и когда очутился в своей постели, а потому предпринял робкие попытки восстановить последовательность событий минувшего вечера. Уж лучше бы он этого не делал. От всплесков памяти ему тут же захотелось лишиться оной, впасть в кому, просто умереть⁶. Взглянув на сияющую физиономию Дина Томаса, с нетерпением поджидавшего его пробуждения, Невилл застонал. Сведения со стороны подтвердили самые худшие опасения.

— Ну, колишь, чем ты там вчера занимался? — тут же накинудся на него одноклассник, не утруждая

⁶ Как говорится, нужно подчеркнуть.

себя даже формальным пожеланием доброго утра⁷. — Судя по тому, что рассказала Лавендер, ты полуголым бегал по девчачьей половине, кидался на всё, что движется...

— Она так сказала?! Прямо так?! — Невилл схватился за голову и рухнул лицом в подушку. — Кошмар!..

— ...врывался в спальни, круша всё на своём пути, устроил дебош в женской ванной, где и пал от иссушения сил...

— От чего — от чего пал? — севшим голосом переспросил Невилл, больше всего мечтая превратиться в Тревора, чтобы незаметно выскользнуть из Хогвартса и навеки упрыгать в заоблачные дали.

— От иссушения сил, — повторил Симус Финниган, повязывающий у зеркала галстук, и расхохотался.

— Да прекращайте над человеком издеваться, — не выдержав, фыркнул Гарри, который в этот момент как раз прыгал по спальне на одной ноге, натягивая форменные брюки. Вид у него был бледноватый, но губы дрогнули в слабой улыбке. — Ничего такого она не говорила. Ну, ты, конечно, пришёл на половину девочек...

— ...ох... — простонал Невилл.

— ...зашёл в женскую ванну...

— ...о-о... — Невилл попытался натянуть подушку на голову.

— ...разделся...

— ...что?!.. — Невилл вцепился зубами в простыню и зажмурился так, что перед глазами запрыгали весёлые разноцветные лягушки.

— ...и получил по голове от одной из моющих студенток.

— Мо...моющих? Кошмар. И почему она меня там прямо и не прикончила? Это было бы гуманнее, чем оставлять мне жизнь!.. — возопил Лонгботтом и затих. — Уж лучше смерть... — перед его внутренним взором появился тёмный коридор, свет в конце которого исходил от гостеприимной таблички с надписью «Морг».

— Она хотела, ей Гермиона не дала.

— Так там была ещё и Гермиона?

— ...а также остальные студентки нашего доблестного факультета. Твоё поведение произвело фурор.

— И все они находились в ванной? — в шоке переспросил Невилл.

— Угу, — жизнерадостно кивнул Дин. — А Лавендер тебя потом одевала...

— Что?!

— Счастливчик, — завистливо вздохнул Симус.

Невилл снова принялся глухо стелать в подушку:

— Ну почему, почему со мной постоянно происходят такие гадости?! Почему я такой... такой...

— Ладно тебе, не убивайся: фестрал о четырёх ногах и то спотыкается, — не на шутку перепугался его реакции Дин, понявший, что немного переборщил со сгущением красок. — На самом деле, всё было не так и страшно — вовсе ты ни на кого не кидался...

— ...лучше бы я расплавил десять котлов у Снейпа...

— ...да и снять успел только рубашку...

— Кстати, о Снейпе. Сегодня у тебя переэкзаменовка, — хлопнул себя по лбу Симус. — Вчера, пока ты упражнялся в ванной, — Невилл снова застонал, а Гарри и Дин сделали большие глаза, — Снейп прислал расписание переэкзаменовок. У тебя пересдача сегодня в семь вечера. Похоже, ты у него в любимчиках: остальным он назначил на следующую неделю.

— С-сегодня?! — Невилл приподнялся, обвёл безумными глазами спальню шестикурсников и рухнул обратно в постель. — Почему, почему я не умер вчера? Почему она меня не убила?! Где, где этот хваленый гу-

манизм? Кто оказался так жесток?

— Стана Браткова, эта болгарка, — с готовностью откликнулся Симус и, присев на краешек кровати Невилла, утешающе хлопнул того по спине.

— Кто?! — тот взвился, словно его укусила смертельно ядовитая змея. — Опять?! Лучше бы она меня убила на месте...

Когда Гарри спустился в Большой Зал, завтрак был в самом разгаре. Гермиона сидела на месте старосты и сосредоточенно строчила какое-то письмо, невнимательно откусывая бутерброд и прихлёбывая тыквенный сок то из своего стакана, то из стакана сидящей рядом Лавендер. Та шушукалась с Парвати, время от времени что-то отвечая через стол не сводящим с неё глаз пятикурсницам. Рона нигде видно не было.

Гарри положил себе овсянки и углубился в изучение расписания, прикладывая все усилия, чтобы не смотреть в её сторону.

Так-так... Гербология... История Магии. Трансфигурация после обеда и в полночь — Астрономия. Ну, могло быть и хуже.

— О... а у нас сегодня Защита от Тёмных Искусств, — Роберт Камминг, уже закончивший трапезу, прошёл мимо, сияя от восторга.

— Счастливчик, — выдохнул хаффлапфец Майкл Корнер, — у нас только в конце недели. Наверное, я не доживу.

Глаза Гарри против его собственной воли метнулись к Джинни Уизли, которая подавилась куском яичницы, но тут же взяла себя в руки и, потрянув волосами, чтобы скрыть выразительно вспыхнувшие уши, склонилась над тарелкой.

— Если б у нас эта красotka ещё и Зелья вела, я бы точно стал первым учеником по этим предметам. Не отказался бы и от дополнительных занятий, — громко вещал Майкл — судя по всему, он был не прочь побеседовать.

— Дурак! — Джинни не выдержала: так и не закончив завтрак, она вскочила и, пытаясь не бежать, заторопилась к выходу из Большого Зала.

— Эй, Джин, твоё расписание! — махнула ей вслед сидевшая рядом Джейн Бантинг, но пятикурсница, если и слышала, не обратила на это ни малейшего внимания.

— Я ей передам, — Майкл Корнер, проводив девушку озадаченным взглядом, схватил листок и бросился следом. Гарри увидел, как, догнав Джинни у дверей, он что-то горячо заговорил, попытался схватить её за руку — та отмахнулась, тогда он решительно обхватил её за плечи и аккуратно вытолкнул в коридор, тут же выскочив следом.

Через мгновение двери снова распахнулись, и к столу Гриффиндора направился Рон. Гарри почувствовал, как толстая игла, сидящая в сердце, снова заволашевалась. Походка... движение, каким друг поправил волосы... то, с каким лицом он погрузился в изучение расписания, как наощупь потянулся к кувшину с молоком... — несомненно, это были движения и жесты Рона. Или же человека, полностью вжившегося в эту роль.

Неужели? Неужели это всё-таки он? Тогда что же с ним произошло?

Спустя миг над гриффиндорским столом пролетел шепоток, подхваченный, словно ветром, студентками других факультетов, и в Большом Зале воцарилась гробовая тишина. В которой Невилл, с ужасом прислушиваясь к собственному топоту и на глазах начав багроветь, следом за Роном проплёлся на своё место. Он втянул голову в плечи и уставился в пол, боясь поднять взгляд, — в противном случае на обращённых к нему лицах большей части женского сообщества Хогвартса он увидел бы отнюдь не отвращение и презрение (как ему думалось), а искренний интерес.

— Сексуальные маньяки среди нас! — с подчеркнутым ужасом тихонько хихикнула Парвати и тут же подвинулась, освобождая Лонгботтому место рядом с собой. — Присаживайся, Невилл! Нет, не туда,

⁷ Впрочем, с учётом состояния Лонгботтома, назвать это утро «добрым» можно было только в качестве очень злой издёвки.

это стол Хаффлпаффа.

— Или мы для тебя уже недостаточно хороши? — поинтересовалась Дафна Гринграсс. Окинув взглядом стоящие на столе блюда и закуски, она решительно скомандовала: — Так, передайте мне яичницу, зелень... Ну же, бекона клади побольше. Ещё кусочек. Что ты жадничаешь, Лиза? Не видишь — человеку надо силы восстановить...

К счастью, Стана, покрасневшая от гнева и ярости в тот самый миг, когда Невилл вошёл в Зал, не услышала этих слов — в противном случае, добром бы этот завтрак для него не кончился. Она быстро затолкала в себя остатки каши, перебросила сумку через плечо и шмыгнула ко входу. Лавендер туманно улыбнулась и выразительно взмахнула ресницами.

— Как спалось? — вкрадчиво поинтересовалась она. Подперев подбородок ладонью, шестикурсница навалилась грудью на стол и, словно невзначай, наклонилась так, чтобы продемонстрировать лишнюю расстёгнутую пуговку на блузке.

— Фпафибо, — затравленно кивнул Невилл, силясь проглотить целиком кусок бекона. — В пижаме, без обуви и в темноте, — он поднял глаза, тут же налетев на нечаянное декольте однокурсницы, потом растерянно взглянул ей в лицо... Обвёл взглядом столы... Ото всюду на него томно взирали девушки, ещё вчера вечером вряд ли подозревавшие о его существовании. Со слизеринского стола подмигнула симпатичная курносая старшеклассница; Падма, сестра Парвати, послала воздушный поцелуй... Бекон застрял у Невилла в горле. В затылок что-то больно ткнуло: подняв глаза, он увидел меланхолично кружащиеся над головой запясочки.

— Никак, от сырости в Хогвартсе завелась новая достопримечательность? — раздался звонкий тенор Драко Малфоя. Слизеринец сложил руки на груди и искренне наслаждался замешательством и ужасом, написанным на лице Лонгботтома. — «Сексуальный маньяк Лонгботом». Пожалуй, это звучит покруче, чем «Мальчик-Который-Выжил»! О! Придумал! Я буду звать тебя Мальчик-Который...

— Пять очков со Слизерина, — вполголоса сообщила Гермиона, не отрываясь от письма. Малфой метнул в неё странный взгляд, презрительно фыркнул, но, тем не менее, развернулся к своему столу.

От звука этого голоса и таких знакомых слов, которые Гарри приходилось слышать от неё не раз и не два, он этой строгой интонации под ложечкой у гриффиндорца отчаянно засосало, и аппетит совсем пропал. Чтобы скрыть смятение, Гарри начал торопливо пихать расписание в сумку, не замечая, что комкает и рвёт его.

— Кстати, команда! — продолжил Малфой. Он старался говорить как можно громче, чтобы его слова хорошо расслышали и за гриффиндорским столом. — Я назначаю организационное собрание сборной Слизерина по квиддичу на эту пятницу. Новички — ты, ты и ты, — изящный малфоевский палец с ухоженным ногтем поочередно ткнул в Дэвида Нотта, Патрицию Стимсон и Блез Забини, — не опаздывать! И вы тоже, болваны, — толкнул в плечо Гойла, приканчивающего уже пятую булочку с изюмом. — Нам нужно хорошенько сыгратся, чтобы поставить на место зарвавшихся выскочек. И прекращай столько жрать, иначе тебя ни одна метла не поднимет!

Гойл хрюкнул и, воровато втянув голову в плечи, затолкал в рот остатки.

— Эй, Поттер, а ты уже собрал новую команду? Или будете отдуваться вдвоём с Уизли? — поинтересовалась сияющая всем своим мопсоподобным лицом Пенси.

— «Мы с приятелем вдвоём вам куплеты пропоём»? Не думаю, что Щит Львов согласится снова прикрывать его задницу, — фыркнул Драко.

— Заткнись, Малфой, — прошипел Гарри, а Рон, покраснев, сделал вид, что не расслышал, и уткнулся

в тарелку с вареной картошкой.

— И вечный бой, покой нам только снится, — Малфой и поправил свою и без того безукоризненную причёску и поднялся. — Пожалуй, Защита от Тёмных Искусств меня немного взбодрит. Крэбб, подбери слюни — вряд ли этой французской цыпе понравится твоя тупая и мокрая морда...

Слизеринцы ушли. Постепенно на выход потянулись и другие студенты — близился час начала занятий, и Гарри тоже следовало поспешить: первым уроком стояла Гербология, проходящая в самой дальней, восьмой теплице — это сулило нечто неожиданное и опасное. Но слова Драко о команде и квиддиче выбили гриффиндорца из колеи. Он покосился на Рона — тот залпом допивал свой тыквенный сок, уже торопливо шаря по скамье рукой в поисках сумки. Вот он поставил стакан на стол и почти бегом направился к дверям. Мимо прошла, вполголоса беседуя о чём-то с Падмой Патил, студенткой Равенкло, Гермиона. Из кармана мантии у неё торчало письмо, адресованное, как совершенно случайно заметил Гарри, родителям. Падма стрельнула в сторону Гарри взглядом и что-то прошептала Гермионе на ухо. Та усмехнувшись, кивнула. Схватившись, юноша тоже поднялся и, держась позади Гермионы шагах в десяти, двинулся на Гербологию.

— Грейнджер, стой, — Малфой вынырнул перед ней ниоткуда, заставив ойкнуть от неожиданности. Такие номера всегда ему удавались. — Надо поговорить.

Настоящая Гермиона, уткнувшись лицом в собственные колени, встrepенулась и настороженно прислушалась. Пространство вокруг чуть просветлело, и, словно сквозь многослойный туман, она увидела смутную картинку: величественную парадную лестницу Хогвартса — с её статуями, факелами, резными каменными перилами — и загородившего дорогу Малфоя.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — гриффиндорка попыталась обойти Драко, но он сделал шаг в том же направлении, перекрыв ей дорогу. — И некогда. Через десять минут у меня Гербология.

Гербология? Уже? Значит, прошли сутки? Или даже больше? И у нас уже началась учёба? — Гермиона взглянула на наручные часы: если верить им, она попала в этот зеркальный капкан всего несколько часов назад. Впрочем, в любом случае это время показалось бы ей вечностью — или речь даже о минутах. — *Гарри... Как там Гарри? Что с ним — после всего того, что наговорила ему эта стерва? Неужели он не догадался, не понял, что это не я?.. Неужели не догадался?.. Но ведь... ведь это я...* — за всё проведённое взаперти время эта мысль оказалась самой страшной. Она лишала сил и желания жить. — *Я сама выкормила и вырастила в себе её. Я отмахивалась от неё, вместо того, чтобы уничтожить...*

— У тебя? Да ну? — Драко понизил голос и стрельнул глазами туда-сюда, чтобы убедиться, что их никто не слышит. — Ты что — забыла, как сюда попала? Так ведь нет проблем — можно отправить обратно. Если будешь много себе воображать...

Гермиона вздрогнула, словно её ударило током: значит, это он?! Её бросило сначала в холод, потом в жар: значит, это Малфой подкинул зеркало, он отправил её сюда?! И, значит... сердце затрепыхалось от надежды, тут же сменившейся беспросветным, захлестнувшим до самых краёв ужасом, и — значит, только он может вытащить её отсюда? Ведь если ту Гермиону вернуть обратно, то... наверное... она вернётся в свой мир, так? Так?! Но... если это дело рук Малфоя... тогда... ей суждено остаться тут навсегда.

И тут же — словно острое, сильное чувство, охватившее её с ног до головы, оказалось в состоянии разорвать туман, — окружающее утратило смазанные очертания, а лицо Малфоя придвинулось, словно он пытался заглянуть в её туманное Нигде.

Гриффиндорская староста на миг нахмурилась, но почти сразу же хмыкнула:

— Не рискнешь. Представляешь, что тогда вылезет наружу? Да она тебя просто уьёт для начала.

Нет... я его не просто уьью... Я его уьью медленно... со вкусом... после этого даже Кастрирующее проклятье покажется подобием детской игры в плюй-камни... — Гермиона тиснула кулаки и скрипнула зубами. Ярость придала ей сил: она снова разбежалась и изо всех сил плечом врзалась в барьер — раз, другой, третий. Перед глазами было бело от ослепляющей ярости отчаяния. Но попытки — как и прежде — оказались абсолютно безрезультатны. Разве что от боли непрозрачная пелена ярости окрасилась разноцветными искрами: похоже, она что-то себе повредила.

— У меня есть к тебе предложение, от которого ты будешь не в силах отказаться, — на лице Драко появились красные пятна. Он репетировал эту фразу полночи, и всё равно выговорил её с трудом.

— Вот как? Не могу поверить своим ушам: никак, Малфой протягивает руку дружбы грязнокровке? — в голосе девушки зазвучала неприкрытая насмешка.

— Я не предлагаю тебе дружбу, идиотка! Речь идёт о взаимовыгодном сотрудничестве, — от раздражения Малфой даже потерял свое хвалёное самообладание и притопнул ногой.

Гермионе ещё никогда не приходилось испытывать такое испепеляющей ненависти: они торговались! Она торговалась! Она и — её злейший враг, цель всей жизни которого состояла в том, чтобы растоптать её саму и того, кого она любила! И, получается, теперь эта мерзкая дрянь — её отражение — с ним заодно!

Как же я тебя ненавижу!

— Гермиона, всё в порядке? — растолкав неторопливо шагающих хаффлапфцев, к ним подскочил Гарри. — Что тебе от неё нужно?! А ну, проваливай, Малфой! Оставь её в покое!

— Гарри! — забыв обо всём на свете, настоящая Гермиона кинулась на невидимую стену, отрезавшую её от мира. Но та снова безжалостно отшвырнула её назад. Боль в плече стала невыносимой.

Всё это уже было: барьер и юноша за ним. Она сжала кулаки и закричала, запрокинув голову:

— ГАРРИ! Услышь меня, Гарри! Пожалуйста...

На миг туман чуть разошёлся, она увидела его глаза — глаза, каким он смотрел на неё: Встревоженные, полные боли, любви и обиды...

— ГАРРИ! — голос сорвался, и Гермиона зарыдала: отчаянно, громко, захлёбываясь слезами и криком.

Всё бесполезно. Всё бессмысленно. Всё кончено...

— Не припомню, чтобы я взывала о помощи, — чуть нахмурилась «Гермиона». — Или ты уже настолько вжился в роль всеобщего спасителя, что без этого чувствуешь себя некомфортно? Поверь, если что — я сама справлюсь.

Ненавижу!!! Как же я её ненавижу!!! Её? Себя?... Я сейчас с ума сойду!

Гарри ничего не ответил, его лицо почти не изменилось — просто окаменело. Развернувшись, он размашистым шагом направился к выходу из замка. Малфой проводил его задумчивым взглядом. По губам слизеринца скользнула довольная улыбка.

«Остальное оно делает само. Думаю, тебе понравится.» Да, отец. Мне это уже нравится.

— И что я буду иметь взамен? — деловито спросила девушка, чуть склонив набок голову и окидывая Малфоя таким взглядом, будто в качестве платы за услугу он предлагал себя.

— Скажем, интересную работу в Институте Нумерологии, — наобум предложил Драко.

— Сейчас? Это смешно — кто возьмёт туда шестикурсницу? К тому же, я и сама смогу туда пробраться — у меня есть голова на плечах, а полезные знакомства я заведу, — гриффиндорка фыркнула, нетерпеливо дёрнув плечом и собралась снова обойти Малфоя. Тот опять загородил ей дорогу.

— Не лъсти себе этой надеждой — тебе не поможет даже близкое знакомство с Бутом, — сделав акцент на слове «близкое», возразил он. — Мой отец — один

из спонсоров их исследований, а потому обладает решающим голосом по всем вопросам.

— Твой отец — преступник, находящийся в розыске, — в тон ему возразила Гермиона, но Драко и ухом не повёл.

— Однако те деньги, что он продолжает выделять на магическую науку, — они-то не в розыске, верно? Могу вдобавок предложить интересную работу на базе отдела прикладной нумерологии и пару-тройку публикаций, — вдохновенно плёл Драко.

«Обещай ей всё, что угодно. Если не знаешь её слабое место — найди и долби туда, пока не получишь то, что мне нужно. С женщинами и дверьми надо действовать нежно. В конце концов, насилие мы всегда успеем применить, но для начала можно поработать головой. К тому же, совсем скоро нам не понадобятся даже уговоры — зеркало само закончит начатое им же... Чуть-чуть терпения и выдержи, сын мой.»

— А если я скажу «нет»? — поинтересовалась Гермиона. Она ухитрилась-таки обойти Малфоя и теперь неспешно шла к выходу, накидывая на голову капюшон: на улице снова моросило.

— Знаешь самую страшную примету? — усмехнулся Драко, не двигаясь с места. Она отошла уже довольно далеко, и потому следующую фразу он произнёс уже в полный голос. — Если чёрный кот разобьёт зеркало пустым ведром, Грейнджер! Разобьёт зеркало, — повторил он и в руках что-то блеснуло, отразив пламя факелов на стенах.

— *Значит... значит, и на тебя есть управа!* — слёзы мгновенно высохли на глазах Гермионы, от внезапно вспыхнувшей в сердце надежды перехватило дыхание, и даже волосы на затылке встали дыбом. — *Если она разобьёт это зеркало...*

— Дура, в таком случае ты тоже можешь уметь, — недовольно процедило отражение.

— *Значит... получается, мы обе — и ты, и я — полнотью во власти этого... этого...* — тут Гермиона употребила слово, которое отнюдь не должно слетать с губ девушки из приличной семьи. — *Так сделай же что-нибудь! Ну же, пошевели мозгами! Ведь ты — это я! Может, я бывала стервой, но уж дурой не была никогда!*

— Я забыла тебе сказать одну вещь, — в голосе отражения снова зазвучали нотки какой-то жуткой, потусторонней радости. — Да, я — просто отражение. Вернее, была им, пока находилась по ту сторону зеркала. Теперь же я в настоящем мире, я живу и развиваюсь — а значит, развивается и растёт всё то, что внутри меня. Всё худшее, что в тебе было. Всё худшее, что есть. Всё худшее, что будет. И чем лучше становишься ты, тем хуже — я. Я всегда была заперта на самом дне твоей души, ты давила и душила меня, не давая приподнять голову. Но я оказалась упрямей. Живучей. Хитрей... Хватит! Надоело жить взаперти! Теперь — настоящая, полная жизнь, и я сделаю ради этого всё — всё, что угодно, слышишь? Я не вернусь обратно! Думаю, мы с Малфоем можем оказаться друг другу полезны. Публикации... место в Институте по окончании — не об этом ли ты так вздыхала? Смотри — сегодня только второе сентября, а это уже почти у меня в кармане!

— *Идиотка! Ты что — поверила Малфоя? Да он же врёт, как дышит! Как только ты ему будешь не нужна, он раздавит это зеркало... или что там у него... и прикончит нас!*

— Значит, мне надо позаботиться о том, чтобы стать для него незаменимой, — невозмутимо возразило отражение. — У меня уже есть кое-какие идеи. Ты права: кем-кем, а уж дурой меня назвать никак нельзя. А теперь — извини: профессор Спраут просит нашего полного внимания.

* * *

Невилл спускался в подземелья, и каждый шаг, сделанный вниз по лестнице, убавлял ему год жизни. Ноги словно опутали кандалы, бремя прожитых лет со-

гнуло спину — он чувствовал себя то глубоким стариком, плетущимся к разверстой могиле, где его и должны похоронить. Живьём. Потом ему показалось, будто он шагает к огромной окровавленной плахе, а из прорезей маски палача на него с удовлетворением взирают злые глаза профессора Зельеварения. В голове было пусто и уныло, на душе — совершенно беспросветно. Он брёл по лестнице целую вечность. Вечность ковылял по коридору, успев за это время сто раз умереть, — причём, по мере приближения к кабинету Снейпа, смерть становилась всё длиннее и мучительнее... И всё равно этого времени не хватало, чтобы собраться, настроиться и смириться с собственной кончиной. У двери в кабинет профессора Зелий Лонгботтом замер и глубоко вздохнул.

Главное — не смотреть ему в глаза. Ни при каких условиях...

Собственно, именно поэтому Лонгботтому и не удалось вместе со всеми сдать экзамен на С.О.В. в летнюю сессию: Снейп действовал на него, как удав на кролика, — Невилл сразу терял мысль и осекался на полуслове, забывая, и что он хотел сказать, и что только что говорил. Снейпу, разумеется, только того и надо было. Он начинал язвительно улыбаться и желчно остеречь по поводу умственного развития — вернее, недоразвития — студентов Гриффиндора.

«Держи себя в руках и не сдавайся!» Ха! Джинни легко говорить — ей-то сейчас не сидеть с ним один на один...

Набравшись храбрости и смирившись с неизбежным, Невилл робко стукнул в дверь кабинета (впрочем, может, у него просто дрогнула от страха рука) и вошёл.

Снейп сидел за столом, уткнувшись длинным крючковатым носом в какой-то свиток. Рядом на тихом фиолетовом пламени музыкально булькал котёл. Если профессор и заметил появление студента, то никак этого не показал. Невилл потоптался в дверях. Потом робко кашлянул. Никакой реакции.

— Профессор, — попытался произнести он, но голос сорвался и из горла вылетел какой-то писк. Однако желаемый результат был достигнут: Снейп поднял удивлённый взгляд и всмотрелся в замершую у дверей долговязую фигуру.

— Лонгботтом? Впрочем, я должен был догадаться — кому ещё хватит ума кукарекать... Что вам нужно?

— Я... пришёл... — забубнил Невилл, не поднимая глаз от пола, — п-пришёл, чтобы я... чтобы сдать... чтобы что... — он с ужасом понял, что его охватила трясучка: губы не слушались, и слова срывались с них сами собой. — Чтобы я... чтобы вы...

— Чтобы что — чтобы я — чтобы вы? Тьфу, чёрт вас побери, с вами по-человечески разговаривать разучились! Ну-с, в чём дело? — громко переспросил Снейп, заметно раздражаясь. — Что вы там кудахчете, мистер Лонгботтом? Извольте говорить по-человечески!

— Я пришёл, чтобы сдать экзамен! — выпалил Невилл, вздрогнув.

— Вот как? Так-таки и сдать? Какая самонадеянность, мистер Лонгботтом... Ну-ну... Что ж, закончим сей день на оптимистической ноте, избавив эти древние стены от ещё одного бесперспективного лентяя, — Снейп наклонился к ящику стола и зашуршал какими-то свитками.

Сердце в груди Невилла упало, но — к его собственному удивлению — тут же вернулось на место, словно вниз, в башмаках, куда оно и бултыхнулось, находился батут. Похоже, сегодняшние приключения — кошмарное утро, мучительный завтрак, шепотки за спиной, записочки, тычки в спину, первые три балла, потерянные Гриффиндором из-за того, что Невилл опоздал на Трансфигурацию⁸ и вообще — вся эта чер-

товщина, довела Невилла до такого состояния, когда ему стало вдруг решительно наплевать на то, выгонит его Снейп или нет. И даже на то, что по данному поводу скажет бабушка. Надгробный камень из груди исчез, и Невилл осторожно перевёл дух. Взгляд, тем не менее, он поднимать не рискнул и сделал несколько робких шагов к столу, всё также пристально изучая массивные каменные плиты, покрытие разноцветными пятнами пролитых в течение тысячи лет⁹ зелий.

— Итак... «Исключительно» мой предмет знает Господь Бог, «блестяще» — знаю я сам, а вот имеются ли у вас, мистер Лонгботтом, хоть какие-либо невразумительные знания, мы сейчас и выясним.

Как ни странно, эта фраза не заставила Невилла удариться в панику: в груди стало пусто и спокойно. Недели дядюшкиных тренировок... часы, проведённые в библиотеке... ежевечерние бабушкины проверки...

Не может быть, чтобы я уж совсем ни на что не годился! — упрямо подумал Невилл. В ушах снова зазвенели смешки и шепотки, спина зачесалась от насмешливо-заинтересованных взглядов, не дававших ему прохода целый день. Снейп шуршал пергаментом, изучая какие-то ведомости. Невилл ждал. Решимость начала сходить на нет, когда профессор, наконец-то разобравшись с полуторафутковым списком тех, кому светила пересдача Зелий, сообщил:

— Что ж, насколько я вижу, с практической частью вы с грехом пополам справились... Не сомневаюсь, тут не обошлось без помощи неугомонной мисс Грейнджер... — гриффиндорец засопел: профессор наверняка должен помнить — первое, что он сделал, раздав задания, — отсадил Невилла за свой стол, лицом ко всему курсу. Такого унижения тому испытывать ещё не приходилось: мало того, что и без того всё валилось из рук, так ещё и Малфой полэкзамена корчил ему страшные рожи, хихикал и тыкал пальцем.

Он специально хочет меня унижить. Он специально надо мной издевается. Ну уж нет — на сегодня с меня хватит, — засунув руки в карманы, Невилл отчаянно сжал кулаки. — *Я не поддамся! Не поддамся!*

— ...а вот в теории вы просто поразили меня полным отсутствием малейших представлений о том предмете, который пришли сдавать, — ядовито продолжил мастер Зелий. — Что и не удивительно: странно, что вы вообще попали в Хогвартс и дотянули до пятого курса...

— Я пришел сдавать экзамен, а не слушать ваши издевки, — прошептал Невилл, тут же помертвев от собственной наглости.

— Так-так, — недослышав, Снейп подал Невиллу пергамент и перо. — Напишите мне двенадцать способов использования драконьей крови, последовательность засыпания компонентов при изготовлении Суперотчищающего зелья, затем сделайте расчёт по количеству желчи для приготовления одного галлона Универсального противоядия. Вам все понятно, мистер Лонгботтом?

— Да, — тихо ответил Невилл, чуть приободрившись от того, что случайный выпад в адрес профессора сошёл ему с рук.

— Что? — снова рявкнул Снейп. — Что вы бубните себе под нос? Если вы собираетесь мямлить, отвечая на поставленные вопросы, лучше не тяните время и сразу ступайте паковать вещи!

— А вы п-прекратите на меня к-кричать! — Невилл хотел это произнести как можно вежливее, но предатель-голос вдруг сорвался на крик. От ужаса гриффиндорец уставился Снейпу прямо в глаза. Ему никогда не приходилось видеть у профессора Зельеварения такого потрясённого выражения лица: рот чуть приоткрылся, маленькие глазки вытаращились, а брови исчезли где-то под свесившимися на лоб сальными пат-

⁸ У дверей в класс его подкараулили хихикающие пятикурсницы из Равенкло, категорически отказывая-

щия пускать его внутрь, пока он всех по очереди не перецелует.

⁹ Или сколько на этом месте находилась лаборатория?

лами. У него самого вид был не лучше. — Пожалуйста. М-меня это сбивает с толку, — закончил он и замер.

Перед мысленным взором возникла каменная плита.

Покойся с миром...

— Ч-что вы сказали, мистер Лонгботтом? — звенящим шёпотом переспросил Снейп.

Тихо скрипнула дверь, но звук этот показался Невиллу выстрелом (вернее, показался бы, если б Невилл имел представление об огнестрельном оружии).

— Я сказал, чтобы вы на меня не кричали, — едва ворочая языком, обречённо повторил он.

— Пять очков с Гриффиндора. Завтра вы придёте сюда в семь пополудни и собственноручно приготовите мне две колбы очищенной лягушачьей слюны. А теперь, коль скоро время на подготовку вам, судя по всему не требуется, прошу — начинайте отвечать, — Снейп сопроводил свои слова издевательски-приглашающим жестом.

Глубоко вздохнув, Невилл на миг зажмурился.

Я не поддамся! Не поддамся!

— Основные способы применения драконьей крови были открыты и систематизированы в семнадцатом веке Николасом Фламельем. В исследованиях принимал участие так же и профессор Дамблдор...

Гриффиндорец говорил и говорил, не отрывая глаз от поверхности стола и по-прежнему сжимая данные ему пергамент и перо. Пальцы свело судорогой, но он этого не замечал. Если бы он рискнул посмотреть на профессора зельеделая, то увидел бы в глазах того неподдельное удивление и недоумение: Снейп сейчас утратил всю свою язвительность и внимательно изучал сидящего перед ним юношу с красным от волнения лицом и побелевшими дрожащими пальцами. Голос едва слышался — то срываясь на шёпот, то снова почти на крик — и всё же Лонгботтом говорил. Отвечал. Причём — как ни странно — правильно.

— ...и последним добавляется пятнадцать капель вытяжки злыхыхалок, после чего зелье готовится на медленном огне при постоянном помешивании медной ложкой.

— Достаточно, мистер Лонгботтом, — остановил его Снейп.

Невилл вздрогнул и послушно умолк.

— В какой фазе луны должно готовиться Успокоительное зелье?

— Оно готовится на убывающей луне, что связано с...

— Что ж, похоже, лето не прошло для вас бесследно, — перебил его профессор и поднялся из-за стола. В задумчивости обойдя за спиной сжавшегося на высоком табурете Невилла (тому показалось, что над ним в поисках добычи вьётся чёрный ворон), он внезапно развернулся к высокому книжному шкафу, пробежался длинными пальцами по корешкам книг и, вытащив одну, торопливо зашуршал страницами. — Так-так... Вот, решите мне это... и это... — острый ноготь отчеркнул две

задачи.

С трудом справившись с пером (онемевшие пальцы никак не могли его удержать), Невилл углубился в изучение условий. Через полчаса, изведя весь данный Снейпом пергамент, облившись чернилами и потом и позеленев от усилий, Невилл уныло опустил голову.

— Ну-с? Что тут у вас? — Снейп брезгливо выдернул двумя пальцами лист прямо у Невилла из-под пера и пробежал его взглядом. — Так-так... Угу. Ага. Вы допустили ошибки здесь, здесь и здесь. А тут вы неправильно рассчитали концентрацию. Что ж, несмотря на то, что вы продемонстрировали полную неспособность мыслить оригинально и искать нестандартные решения, я, тем не менее, ставлю вам «Приемлимо», — он захлопнул учебник, на обложке которого Невилл успел заметить «Зельеварение: задачи третьего уровня. Т.Р.И.Т.О.Н.» — Придётся помучиться с вами ещё год, — процедил он сквозь зубы. — Ступайте.

Еле передвигая ватные ноги, Невилл поплёлся к выходу, даже не попрощавшись и, тем более, не поблагодарив. Снейп проводил его взглядом, полным удивления и... удовлетворения. Впрочем, сейчас Невилл вряд ли мог испытывать те же эмоции — он чувствовал себя раздавленной канарейкой.

— Ну, поздравляем, герой! — услышал Лонгботтом, едва поднявшись из подземелий. — А теперь не отставай — на Астрономическую башню лучше не опаздывать... Никогда, — хихикнув, добавил Дин Томас и хлопнул Невилла по плечу. Ну, не ожидал, не ожидал... Наорал на самого Снейпа!

— Герой, — в тон ему поддакнул Рон и чувствительно хлопнул Невилла по другому плечу.

— Мы тебя уважаем, — Лавендер потрепала однокурсника по щеке, заставив покраснеть.

— Бери выше: мы тобой гордимся, — Парвати взмахом руки взлохматила его взмокшую от напряжения шевелюру.

— А... а откуда вы знаете? — с недоумением робко поинтересовался Невилл.

— О... земля слухом полнится, — туманно хмыкнул Дин Томас. — Ну, думаю, теперь перед твоим мужественным обаянием, самоубийственным бесстрашием и сексуальной одержимостью не устоит ни одна местная красотка...

По возвращении в спальню худшие опасения Невилла подтвердились: на кровати высилась гора записочек...

— Давай, наслаждайся, герой, — пробормотал Рон, натягивая пижаму. — Огрызнулся на Снейпа сегодня, устроил дебош вчера — и весь мир у твоих ног.

Невилл хотел возразить, но не успел: угрюмо пожелав всем спокойной ночи, одноклассник нырнул под одеяло и одним движением задёрнул полог.

— Но ведь я... — Лонгботтом растерянно огляделся и встретился глазами с Гарри. Таким же недоумевающим, как и он сам.

Глава пятая, в которой боггарт многократно меняет обличья, Шляпе снова не дают покоя, а студенты знакомятся с холодным оружием.

Гарри мучительно пытался сосредоточиться на лекции Макгонагалл о частичной и полной невидимости, однако слушать, писать и — одновременно — сидеть ровно, держа глаза открытыми и имея при этом соответствующее обстановке выражение лица (то есть вдумчивое, без налёта лёгкой дебильности) оказалось невероятно трудно. Как он ни старался, ничего не выходило. Через полчаса после начала урока Трансфигурации вообще все силы пришлось мобилизовать на борьбу с дремотой: накануне он с трудом заснул, а потом всю ночь промаялся из-за собственных дурных снов и доносящихся со стороны кровати Рона глухих вздохов и бормотанья.

Ну, с полной невидимостью всё понятно. Но вот, интересно, кому может понадобиться частичная невидимость? — вяло плеснулось любопытство, и перед

внутренним взором возникла висящая посреди улицы, скажем¹⁰... голова. Или наоборот — тело без головы. Воображение тут же разрезвилось, живописуя варианты, способные впечатлить даже не лишённых здорового цинизма Фреда с Джорджем. Внимание Гарри окончательно рассеялось, и, воспользовавшись этим, глаза нахально закрылись.

Поднимите мне веки...

Пообещав себе, что это только «на секундочку», он продолжил мужественно водить пером по пергаменту.

Ровный голос профессора Трансфигурации не удержимо убаюкивал:

— Как вам хорошо известно, с повышением уровня организации объекта волшебных манипуляций для

¹⁰ Гарри широко зевнул.

проведения оных от мага требуется большее количество практических навыков и степень концентрации... — последние слова донесли русалочьей песней сквозь воду: с каким-то подвиганием и почему-то несвойственным Макгонагалл басом. — У-у-у... сте-епень кон-центра-а-ации... — разудало подхватил рефрен невесте откуда взявшийся многоголосый хор. Рука ещё судорожно дёргалась, силясь что-то написать, но сам Гарри уже спал.

— ...мистер Поттер, я просила фиксировать основные пункты при выполнении данного заклинания на беспозвоночных и низших позвоночных — параграфы 1 и 2, а не вырисовывать диаграмму сна! — выдернул его из мира грёз строгий голос. — Два балла с Гриффиндора и, будьте любезны, ведите себя прилично!

Покраснев, Гарри оторвал голову от стола, к которому, как выяснилось, успел нежно припасть щекой, и протёр глаза. Сидящая рядом сестра-близняшка Парвати, Падма Патил, заинтересованно покосилась в его пергамент, где относительно ровные поначалу строчки постепенно разъезжались, слова утрачивали привычные очертания, превращаясь в неведомых многоногих насекомых, расползающихся в разные стороны.

— И что же тебе пригрезилось, Гарри? — её губы дрогнули в кокетливой улыбке.

— Не помню, — коротко ответил тот, усилием воли приводя себя в чувство. Но Падму это не удовлетворило: она подперла щеку рукой и разглядывала Гарри в упор — так, что того бросила в жар. — Что такое? Я что — чернилами испачкался?

— А правду говорят, будто вы с Гермионой...

— Кто говорит?

— Мистер Поттер! — нотки недовольства в голосе профессора Макгонагалл зазвучали куда явственней. — Соболаговолите заниматься делом!

— Простите, — виновато буркнул Гарри, вытащил из сумки новый лист и раскрыл учебник.

Краем глаза он заметил возмущённый взгляд Гермионы, вонзившейся в него при словах «два балла с Гриффиндора»: староста, второй год неуклонно пекущаяся о чести и достоинстве факультета, взялась за однокурсников с первого же дня: для отстающих были выделены часы консультаций, по каждому курсу назначены ответственные, следящие за подготовкой домашних заданий и успеваемостью, на лучших по предметам возложили обязанность подтягивать отстающих¹¹. Нововведения особого энтузиазма не вызвали, впрочем, как заявила сама Гермиона, «вот начнутся бесконечные контрольные и сочинения, вы мне ещё спасибо скажете!»

«Будем надеяться», — пробормотала Джинни, которой посчастливилось следить за делами пятикурсников.

«Такую бы энергию — да в мирных целях», — двусмысленно покосившись на Гарри, резюмировал семикурсник Вики Фробишер.

Закончив испепелять Гарри взглядом, Гермиона снова развернулась к доске и что-то спросила у сидящего рядом с ней Терри Бута. В этом году почти все основные предметы, за исключением, разве что, спецкурсов, шли в сдвоенных классах. Зелья и Уход за Магическими существами гриффиндорцам предстояло традиционно постигать вместе со Слизеринем, Гербологию и, как ни странно, Защиту от Тёмных Искусств — с хаффлаффцами, а уроки Трансфигурации и Астрономии делить со студентами Равенкло. Последнее Гарри не слишком радовало: во-первых, рядом по-хозяйски уселась подозрительно улыбающаяся Падма Патил (продолжающая рассматривать его в упор), а во-вторых, сейчас, страхнув с себя остатки сна и глядя в спины Гермионы и Бута, он чувствовал, что долга такого

зрелища не вынесет. И что при подобном положении вещей сосредоточиться на «Побочных явлениях спонтанного наложения невидимости» будет весьма непросто. В голову лезли всякие риторические вопросы типа «как она могла так поступить?!», «неужели мне это не снится?» и «что же такого с ней произошло летом?» Да, ещё — нечто вроде заметки на полях — трепыхалось многообещающее «...и ему я тоже голову оторву».

— Слушай, на мне узоров нет и цветы не растут!... Вот смотрит! Ты на мне дыру протрешь! — раздражённо буркнул Гарри сияющей Падме и уставился в окно: серое небо сегодня не сочилось мелким противным дождиком, хотя хмуро намекало, что в любой момент может и передумать. В стороне, на широком лугу перовклашки приступали к знакомству с наукой управления метлой: кто-то висел в воздухе, дёргая ногами, кто-то медленно — дюйм за дюймом — набирал высоту. Мадам Хуч возилась с валяющимся на земле бедолагой (Гарри сразу припомнился первый урок полётов, закончившийся для него сборной по квиддичу, а для Лонгботтома — лазаретом). Над всем этим, высоко в небе, лихо закладывали пируэты две крохотные фигурки.

Хотел бы я знать, какой это факультет? — с профессиональным интересом прищурился Гарри. — *У малышей отличные данные, надо бы не спускать с них глаз, коль это наши, а может быть, с учётом обстоятельств, даже удастся уговорить...* — почувствовав устремлённый на него взгляд профессора Макгонагалл, дружелюбия в котором сейчас было столько же, сколько нежности — в улыбке Снейпа, он торопливо заводил пером по бумаге:

«...костистые рыбы требуют от мага большей степени сосредоточенности, нежели хрящевые, в противном случае воздействия будет недостаточно, чтобы сделать невидимым костный скелет: в отличие от хрящевого в его состав входит...»

Малфой уже завтра собирает команду. Надо тоже начинать тренировки, набирать новеньких — а то, действительно, вся сборная — только я да Рон, — глаза Гарри против его собственной воли поднялись, упёршись в хвирастый рыжий затылок сидящего впереди Рона, и рука снова зависла над пергаментом.

— Гарри, не отвлекайся, — Падма пощекотала его за ухом павлиньим пером, которым переписывала главу о взаимопревращении друг в друга животных разных видов. — Не то Гриффиндор лишится ещё баллов, а ты — головы, — добавила она, снова кокетливо улыбнулась и для убедительности ещё раз провела пером Гарри по шее.

Сидящая сзади Лавендер хихикнула.

— Головы? — на всякий случай отодвинувшись подальше, переспросил Гарри.

— Головы, — подчёркнуто серьёзно кивнула Падма, указала пером в сторону Гермионы и, конфиденциально понизив голос, чуть качнулась к Гарри. Он инстинктивно шарахнулся назад, едва не свалившись в проход между столами. — Она тебе её вмиг оторвёт. Она может...

— Мистер Поттер! Мисс Патил!

До конца урока Гарри досидел с трудом, положив все силы на то, чтобы больше ничем не вызвать гнев декана. Он трудолюбиво переписал заданное, ухитрился влопад ответить (к своему собственному удивлению), справился с заданием, сделав невидимым мизинец на левой руке, и, с чувством выполненного долга, провёл конец урока, размышляя о квиддичном будущем Гриффиндора. По дороге на обед решимость немедленно озвучить данный вопрос в нём окрепла, а потому, едва дождавшись, когда однокурсники займут места за столом, он поднялся:

— Гм... Ребята! Словом, нам нужно набрать новую команду. Желаящие, поднимите руки... — Гарри оторопело обвёл глазами лес взметнувшихся рук. — Я имел в виду студентов от третьего курса и старше... — лес слегка поредел. К радости Гарри, те, кого он хотел ви-

¹¹ Надо ли говорить, что Гермиона изъявила готовность подтягивать всех желающих по любой преподающейся в школе науке.

деть в команде, сами горели желанием. — Криви — Колин и Дэнис, Джинни Уизли, Стана Браткова, Эндрю Кирк и Джефф Хупер: вам бы я был очень рад...

— Я, конечно, понимаю, ты — звезда квиддича и всё такое, но мог бы и со мной посоветоваться: вдруг бы у меня случайно завалылась горсточка мозгов, и я бы тоже что-нибудь дельное присоветовал, — язвительно заметил Рон. — Хотя, конечно, — ты капитан, тебе и карты в руки...

— Я не капитан! — сердито возразил Гарри, почувствовав внезапный приступ раздражения. Терпение подходило к концу: дурацкое поведение Уизли-младшего хоть кого бы достало, и если Гарри до сих пор и держал себя в руках, то только потому, что недоумение было сильнее. Сейчас оно начало сдавать позиции. — Вот будет собрание, там и проголосуем...

Рон хмыкнул, всем своим видом продемонстрировав, что ничуть не сомневается в исходе выборов, и пошёл дальше, демонстративно обойдя Гарри стороной. Не в силах удержаться, тот сделал шаг наперерез, и Рон напрягся — то ли собираясь ударить, то ли желая увернуться от ожидаемого удара.

— Вот что, Уизли, прекрати себя вести как законченный...

— Гарри, что это у тебя выпало? — незаметно подошедшая Луна Лавгуд загадочно улыбалась, изучая выпорхнувший из сумки листок с «сонными» каракулями.

— Это... неважно — я задремал на лекции, — Гарри выхватил из её рук пергамент и снова обернулся к Рону. Но тот успел ретироваться.

— Знаешь, — Луна снова выдернула листок из его пальцев, — я могу по этим линиям попробовать истолковать твой сон, вычислить биоритмы, а так же подобрать режим питания и оптимальную пару... — Гарри уставился на неё слегка мутным взглядом. Если бы они сейчас видели себя со стороны, то удивились бы сходству выражений на лицах. — Я имею в виду — девушку, ведь это правда, что вы с Гермионой...

— Далось оно вам! Тебе не кажется, что это моё личное...

— А когда состоится собрание?

Гарри осёкся и резко развернулся: позади него, серьёзно глядя снизу вверх круглыми тёмными глазами-вишнями, стояла Стана.

— Ну... мне надо поговорить с мадам Хуч, зарезервировать стадион и взять разрешение у Макгонагалл. Хотелось бы уже в эти выходные.

— Я могла бы играть на месте... как это у вас называется... охотника. Дома я всегда играла на левом фланге — бросок левой у меня сильнее, чем правой. У меня получалось... как это по-вашему... «обалдеть», даже Виктор говорил, — с воодушевлением сообщила она, старательно и как-то слишком правильно выговаривая английские слова. Но едва с губ сорвалось имя Крума, как она замерла.

— Хорошо, — кивнул Гарри и, помедлив, добавил почти шёпотом: — Как он?

— Плохо, — Стана опустила глаза и быстро отошла, будто эта тема причиняла ей невыносимую боль.

Впрочем, её место тут же заняли другие — братья Криви захлёбывались от восторга, Эндрю Кирк, рослый семикурсник говорил что-то о своём брате, через которого он в ближайшее время добудет себе новую метлу, возможно, даже Нимбус — хотя бы подержанный. Гарри кивал всем, едва разбирая в этом гаме отдельные слова. В конце концов, после третьего замечания Макгонагалл и последовавшей за ним угрозы снять с факультета баллы все слегка угомонились и с воодушевлением приступили к трапезе.

— Гарри, я что-то не пойму, зачем тебе в команде я, — потеснив Трейси, рядом с ним на скамью присела Джинни. — Стана и Криви, насколько я знаю, — охотники, Кирк и Хупер, судя по комплекции — отбивалы,

ты — ловец, Рон — защитник¹², а я?..

— Думаю, в этом году нам стоит подумать и о запасных. Я бы хотел попробовать тебя в качестве ловца — помнится, Фред хвалил твою реакцию. Но и на другие позиции надо тоже присматривать смену, чтобы, когда мы закончим Хогвартс, не получилось, как в этом году, — пояснил Гарри, придвигая к себе жаркое и стараясь не смотреть в ту сторону, откуда доносился подчёркнуто развесёлый смех Рона.

— Ясно. Понимаешь... — Джинни замялась. — У меня сейчас старая «Комета» Рона — вряд ли я на ней буду полезна команде: ты видел, что это за рухлядь. Может, для летних игр с братьями она и годилась, но для школьного турнира... А покупать новую метлу, чтобы сидеть на скамейке запасных... не думаю, что при нашей финансовой ситуации это возможно, сам знаешь.

Гарри обожгло изнутри: ему самому это в голову не приходило. Новая метла семейству Уизли была явно не по карману, даже с учётом карьерного роста Перси и идущего в гору бизнеса близнецов¹³. Зная, как болезненно реагировал на подобные темы Рон, он виновато пробормотал:

— Прости, я не хотел... я не подумал...

— Ерунда, — спокойно пожала плечами Джинни, берясь за ложку, — я не вижу в этом проблемы, в отличие от Рона. Комплексовать из-за отсутствия денег — что может быть глупее... Впрочем, может, удастся купить что-нибудь попроще и в рассрочку — я так хочу играть... Ведь на позиции охотника у меня тоже неплохо получалось.

— Джинни, я всё хочу тебя спросить — что случилось с Роном? — решился Гарри после секундного колебания: уж больно неподходящим для серьёзной беседы было время и место. — Какая муха его укусила, почему он так злится на меня? За что?

Не отрывая глаз от тарелки, Джинни снова пожала плечами.

— Меня же всё лето не было, а когда я вернулась из Египта, он уже на всех огрызался. Хотя ты — да... У него просто какой-то пунктик возник за каникулы. Я пыталась с ним поговорить... — бесполезно, он только чертыхался и хлопал дверью у меня прямо перед носом. Мама говорит, это гормоны и переходный возраст...

— То есть ты хочешь сказать, будто то, что ему гормон в голову ударил, даёт ему право так себя вести со мной? — шёпот Гарри стал опасно звенящим, Джинни испуганно замотала головой.

— Я не гово...

Но Гарри уже несло: всё вместе — и претензии, которыми были наполнены письма Рона, и отвратительная сцена на вокзале, и эти два дня, что он провёл, сходя с ума от непонимания и обиды, и эти дурацкие подколки и выпады — переполнили и без того не самую вместительную чашу терпения.

— Передай своему братцу, что я к его переходному возрасту не имею никакого отношения! — зашипел он, шлёпнув в тарелку вилкой. Куски картошки и зелёный горошек брызнули в разные стороны. — Так что пусть прочистит мозги и впредь держит себя в руках, иначе я... И если ему нужна нянька, чтобы подтирать сопли и...

— А что ты на меня-то орёшь! — так же шёпотом возмутилась Джинни, вытряхивая горошек из волос. Чтобы не привлечь внимания, оба склонились над тарелками, делая вид, что полностью поглощены их содержимым. — Я-то тут причём!

— Прости, — опомнившись, буркнул Гарри.

До конца обеда они больше не проронили ни слова. Гарри показалось, будто Джинни на него здорово обиделась: как иначе объяснить, что она начала есть так, словно хотела поставить рекорд по скоростному

¹² Гарри произвольно вздрогнул.

¹³ Впрочем, те всю прибыль вкладывали, опять же, в дело.

заглатыванию паштета?

— Вот только ему очень плохо, Гарри, — уже поднимаясь, неожиданно заметила она вполголоса. — Рон любит тебя... — он неожиданности Гарри поперхнулся и мучительно закашлял. — Любит сильнее, чем ты думаешь. Он даже сам этого не осознает. Любит так сильно, что даже начал ненавидеть. Именно поэтому ты должен помочь ему... — Джинни с состраданием похлопала задыхающегося Гарри по спине.

— Я?! — прохрипел тот, наконец-то обретя дар речи. — Ты с ума сошла! — но Джинни уже ушла. — Вот ещё!.. Что за бред?! И как? — он посмоотрел в сторону бывшего друга: тот уплетал за обе щёки, ухитряясь попутно о чём-то разговаривать с Невиллом и Дином. Каким-каким, а несчастным и удручённым его назвать было нельзя: троица непрестанно хихикала с риском подавиться. — Вот ещё — была охота возиться...

Однако после разговора с Джинни и, особенно, её последних слов, на сердце у Гарри стало совсем неспокойно. Мысль о предстоящих зельях у Снейпа бодрости духа тоже не способствовала. Спускаясь в подземелья, он попытался отвлечься от мрачных раздумий чем-нибудь приятным — например, планированием первых тренировок. Но слова Джинни, Рон и шушукующаяся с Бумом Гермиона не шли из головы, потеснив на дальний план и это, и даже загадку Сортировочной Шляпы.

Почему два человека, которых я больше всего любил и которые любили меня, внезапно...

В этот миг из чулана, мимо которого он как раз проходил, донёсся какой-то подозрительный грохот. Поколебавшись и вытащив из кармана палочку (Пивз, конечно, не решался хулиганить во владениях Кровавого Барона, но мало ли что...), Гарри распахнул дверь — да так и замер с вытаращенными глазами и открытым ртом. Он сам не знал, сколько так простоял, даже не чувствуя, что покрывается холодным потом, как вдруг позади раздались торопливые шаги и из-за поворота появилась Гермиона, следом за которой на Зелья спешили и остальные. Гарри перевёл полубезумный взгляд на неё, потом снова уставился в чулан, затем снова на Гермиону... Недоумённо нахмутив брови, она заглянула ему через плечо и вспыхнула до корней волос.

— *Ridiculus!* А ты — извращенец, — под низкими сводами прозвучала звонкая затрещина.

— Ч-что?.. Так это был... боггарт? — теперь Гарри приобрёл тот же пунцовый увет, что и Гермиона, хотя на его лице явственно читалось глубокое облегчение. Колени вдруг стали слишком податливыми, он сделал шаг назад и прислонился к стене. Тем временем из чулана навстречу Гермионе выплыло зеркало. Небольшое круглое зеркальце в рамочке с замысловатым узором.

— Боггарт... боггарт, — пробежал шепоток, и студенты потянулись за палочками.

— Что, Грейнджер, это и есть твой самый большой кошмар? — Пенси Паркинсон рассмеялась, призывно оглядывая подтянувшихся однокурсников. — Что ж, достаточно на тебя взглянуть, чтобы согласиться: ты так подурнела, что смотреть приятно.

Но Гермиона никак не отреагировала ни на этот выпад, ни на с готовностью засмеявшихся слизеринцев. Её лицо резко побледнело — и тем страннее это было с учётом того, что ещё мгновение назад она пламенела, как маков цвет. Девушка вскинула палочку:

— *Ridiculus!* — но зеркало продолжало приближаться, и все увидели, что Гермиона в нём отражается, — только почему-то растрёпанная и заплаканная. Хохот слизеринцев становился всё громче, этого Гарри вынести не мог.

— *Ridi...* — начал он, но Гермиона, побагровев, хлопнула ладонью по его поднятой палочке:

— Не смей соваться! *R-ridiculus!*.. — зеркало начало расти и угрожающе раскачиваться. Она вскрикнула и зажмурила глаза.

Неожиданно Невилл оттолкнул старосту и, раски-

нув руки, закрыл её от боггарта, распухшего до таких размеров, что проход в подземелья оказался полностью перекрыт. В тот же миг с лёгким щелчком зеркало обернулось профессором Снейпом.

— *Ridiculus!* — увидев своего декана в уже знакомой всем гриффиндорцам зелёном платье, шляпе с побитым молью грифом, красным ридикулем в руках и на каблуках, слизеринцы онемели.

— Кр-расотень! — с энтузиазмом прокомментировал Дин Томас, засучивая рукава. — Ну-с, давненько не брал я в руки шашек...

— Пустика! — вперёд своего друга перед Невиллом скользнула Парвати.

Хлоп! Профессор обернулся отвратительной мумией в бинтах.

— *Ridiculus!* — руки и ноги у мумии отвалились, она беспомощно завращала глазами. Дин Томас шагнул вперёд, и — хлоп! — на месте мумии извивалась полу-женщина-полузмея с окровавленными клыками.

— *Ridiculus!* — хвост и голова у неё завязались в узел, и чудовище зашуршало по полу, не в силах сдвинуться с места.

— Что за чертовщиной вы тут занимаетесь? — расталкивая всех, вперёд пробрался Драко Малfoy. — Это что ещё за...

Хлоп!

— МАМА! — истошно взвыл слизеринец.

— Тогда уж, скорее, «папа», — фыркнул Рон, делая шаг вперёд. Бледный от бешенства, Люциус Малfoy развернулся к нему, тут же рассыпавшись сотней огромных пауков. Взвизгнув, девушки (и, как ни странно, Гойл), шарахнулись назад.

— *Ridiculus!* — пауки обернулись мохнатыми мячиками, весело запрыгавшими по полу.

— Ну, Невилл, по традиции — прикончи его! — скомандовал Дин Томас, и Невилл с воодушевлением вскинул палочку в сторону снова материализовавшегося в воздухе разъярённого профессора Зелия.

— Так-так... — раздался за спинами негромкий голос, вызвавший, тем не менее, настоящий прилив ужаса: повернувшись, все обнаружили, что стоят между двух Снейпов, причём на лицах обоих было совершенно одинаковое выражение. Крайнее бешенство. — Десять очков с Гриффиндора. А вы, Лонгботтом, проведёте два ближайших вечера в моей лаборатории.

Снейп сделал ещё шаг вперёд и боггарт, щёлкнув, снова изменил обличье. Под сводами пронёсся вздох ужаса.

— *Ridiculus!*

Раздался громкий хлопок — и всё исчезло.

— Попрошу всех на урок, в противном случае, с каждого факультета будет немедленно снято по полсотни баллов, — прорычал Снейп и первым влетел в класс. Безмолвствующие студенты проводили слизеринского декана потрясёнными взглядами и молча двинулись следом.

Вот, значит, чего больше всего боится профессор Снейп... А почему при виде Гермионы боггарт стал зеркалом? Кажется, в последний раз он обернулся профессором Макгонагалл?.. Как всё это странно...

...о Сортировочной Шляпе в тот день Гарри больше не вспоминал до самого вечера.

* * *

Гарри шёл по коридорам в сторону гриффиндорской башни, сжимая в руках драгоценность — разрешение Макгонагалл на начало тренировок, первая из которых должна состояться уже в ближайшие выходные: он зарезервировал стадион на девять утра в субботу. Но, тем не менее, голову занимал отнюдь не один квиддич: Рон и Гермиона, странная фраза Джинни, «Моя борьба» и Сортировочная Шляпа, профессор Снейп... — скажи кто Гарри, о скольких вещах он будет думать одновременно, он бы заявил, что это невозможно и что голова нормального человека непре-

менно бы взорвалась. Однако, похоже, кто-то наложил на череп Расширяющие Чары — и вот, проходя мимо статуи Бернарда Обезглавленного¹⁴ Гарри снова задумался о Снейпе, во второй раз в жизни испытал по отношению к нему нечто вроде... сострадания. Хотя, возможно, причиной являлось то, что хмурое лицо вышеназванного Бернарда (каменная голова которого покоилась у ног статуи) чем-то неуловимо напоминало кислую физиономию профессора зельделая.

— Гарри Поттер! — от неожиданности гриффиндорец подскочил. Сначала ему показалось, что монумент ожил и заговорил странным скрипучим голосом, но он тут же сообразил, что и этот голос, и круглые зелёные глаза, до самых краёв наполненные восторгом и счастьем, могут принадлежать только одному существу в замке. — Наконец-то Добби может выразить переполняющую его благодарность!

Домовый эльф одним прыжком оказался перед Гарри и, прижав правую руку к сердцу, склонился в глубоком поклоне.

— О, великий маг всех времён и народов... — он припадал к земле с ещё большим, чем обычно, усердием — судя по всему, отвык от Гарри за лето, да и тот немного изменился, повзрослев и возмужав.

— Добби, а ну, прекрати нести чушь, ведь ты же знаешь, как я этого не люблю! — Гарри взял эльфа за шкуру и, встряхнув, попробовал поставить на ноги — тот в последний момент ловко подогнул колени и снова бухнулся на пол, выводя на одном дыхании, будто молитву:

— ...только благодаря мужеству и самоотверженности Гарри Поттера и его благородных друзей Добби сегодня снова может жить в Хогвартсе...

— Добби! — ещё одна попытка поставить домовика на ноги не увенчалась успехом.

— ...обретая после долгих мытарств мир и семейное счастье со своей возлюбленной Терри...

— Я кому сказал! — Гарри поднял Добби за шиворот и взглянул прямо в огромные глаза, в которых в данный момент плескались слёзы благодарности. — Встань на ноги, а то я сейчас же уйду! — пригрозил он. Это подействовало: Добби прекратил припадать к полу и замер в низком поклоне. — Я тоже ужасно рад тебя видеть. Только у меня сейчас масса проблем, а потому настроение не очень, — добавил гриффиндорец, придавая домовику при помощи рук строго вертикальное положение.

— Добби знает, — вздохнул эльф, и его приветливо встопорченные уши поникли, а в глазах появилось печальное выражение скорбящего бассета. — Друзья покинули Гарри Поттера... Возлюбленная оставила его...

Гарри только кивнул — ему ужасно не хотелось ни с кем говорить на эту тему, будто от этого реальность могла стать ещё горше. Судя по всему, Добби разделял это желание, хотя и по другой причине:

— Гарри Поттер — великий и снисходительный — ещё на нашей с Терри помолвке обещал стать крёстным отцом нашего первенца... — заподозрив неладное, юноша похолодел и попятился. Не тут-то было: цепкие длинные пальцы эльфа впились ему в брючину, и вырваться из них не представлялось никакой возможности.

— Я... мне... — заблеял Гарри, дёргая ногой и касаясь в сторону тёмного коридора.

— ...мы ожидаем прибавления со дня на день — и великодушный Гарри Поттер не забудет своего обещания, — с нажимом продолжал Добби.

Ни о каком обещании, если таковое и было, Гарри не помнил, но, взглянув на ликующее выражение зелёного личика, покорно вздохнул:

— Но только при одном условии: ты не назовёшь своего первенца в мою честь.

Бровки домовика приняли трагический изгиб.

— Добби... — гриффиндорец предупреждающе прищурился, прекрасно помня его ушлость и способность ловко обходить все существующие правила.

— Добби понял, понял.

— Кстати, может, ты окажешь мне одну услугу? — внезапно спохватился Гарри. — Мне... понимаешь, нужно поговорить кое с кем.

— И что Добби может для этого сделать?

— Мне нужен пароль от одной комнаты. Ведь ты же знаешь все пароли?

— Конечно, — домовик с гордостью выпятил грудь — в неярком свете факелов стало видно слово «звеньевой», вышитое аккуратно под гербом Хогвартса. — Добби теперь знает всё о замке и окрестностях. Великий Дамблдор доверяет Добби.

— Вот! Именно туда мне и надо попасть! В кабинет Дамблдора.

Глаза эльфа полезли на лоб. Гарри даже испугался, что они лопнут.

— ...может быть, я тогда разрешу тебе назвать сына моим именем, — тут же предложил он, усилием воли заставляя умолкнуть тонкий голос совести и вознося к небесам мольбу, чтобы Терри разрешилась дочкой.

Судя по всему, внутри Добби закипела нешуточная борьба — треугольные уши то вздымались, то опали; домовик, будто безумный, вращал глазами и скрипел зубами, стонал и хватался за голову, попытался даже сломать себе палец на левой руке.

— Добби не может сказать... Дамблдор доверил Добби все тайны... Но Гарри Поттер — лучший друг и спаситель всех домовых эльфов... Но Дамблдор... Но Гарри... Но Добби не может... может...

— Как хочешь, — Гарри медленно развернулся и поднял ногу, чтобы шагнуть прочь: он чувствовал, что для окончательного прорыва не хватает всего одного движения. И точно — Добби тут же повис на мантии:

— Согласен-согласен! Ради того, чтобы первенец носил имя великого волшебника, Добби готов на любой подвиг. И преступление, — домовик хитро прищурился, но тут же тревожно закрутил головой, оглядываясь. — Пароль... — он замолчал и поманил юношу пальцем, тот наклонился, и домовик выдохнул ему в самое ухо. — Пароль «Кабачок». О, плохой Добби, ужасный Добби! — тут же заголосил он.

— Что?! А как же сладости?

— Великий Дамблдор сказал, что всё это слишком очевидно, — спокойно пояснил эльф и тут же перешёл на совершенно деловой тон. — О крестинах Гарри Поттер будет уведомлен загодя: по нашим правилам это происходит...

— Так-так-так... — раздался сладчайший вздох за спинами. — Судя по лицам, здесь снова зреет заговор. А как же *studium honeste vivendi* — *стремление жить честно*? — профессор Гатто навис над ними полупрозрачной тенью.

Гарри сделал самое невинное лицо, отчаянно надеясь, что призрак не успел услышать ничего лишнего: если ему самому это вряд ли грозило чем-то большим, нежели моральное порицание, то для Добби могло обернуться серьёзными неприятностями. И, словно в подтверждение этих слов, с той стороны, где стоял домашний эльф, раздался грохот: Добби самозабвенно бился головой об каменный лоб Бернарда Обезглавленного. Когда домовик остановился, посчитав, по видимому, наказание достаточным, его глаза нежно смотрели друг на друга.

— Так о чём же вы шушукались с домовым эльфом, мистер Поттер? *Sede et narra!* *Сиди и рассказывай!*

— Не ваше дело, — невежливо отвечивал Гарри.

— Это Добби... — послышался нетвёрдый голос домовика. — Добби попросил великого Гарри... быть крёстным отцом...

— Что ж, в этом не ничего противозаконного, — с сожалением признал Гатто. — Ступайте к себе, мистер Поттер и впредь будьте повежливее. А ты, мой зелёный друг...

¹⁴ Обретшего своё прозвище уже после смерти на плахе, при жизни же за глупость именовавшегося Бернардом Безголовым.

Если честно, то Гарри не узнал, чем встреча в тёмном коридоре закончилась для Добби: едва завернув за угол, он сломя голову помчался по лестницам, ведущим в кабинет Дамблдора. Задержись он секундой дольше, то увидел бы, как мановением руки отправив эльфа восвояси, бывший профессор по Защите от Тёмных Искусств покачал головой:

— Меня терзают смутные сомнения... — и нырнул в стену, помчавшись в том же направлении, куда только что побежал и он сам. А спустя несколько минут вышеозначенный призрак, из стены задумчиво созерцая закрывающуюся за гриффиндорцем горгулью, пробормотал себе под нос:

— Так-так... Думаю, мистеру Филчу будет любопытно узнать, что закон, оказывается, писан не для всех. И, кстати, — глаза Гатто вспыхнули и триумфально засияли, — думаю, существует ещё одна персона, которая заинтересуется, ради чего же этот шустрый гриффиндорец влез в директорский кабинет, — привидение ухнуло в пол и, пронзая перекрытия и выныривая из стен, заскользило в сторону слизеринских подземелий.

* * *

В кабинете Дамблдора было сумрачно, но едва Гарри осторожно ступил на порог, на столе вспыхнула одинокая свеча. Он вздрогнул, однако тишину нарушали лишь всхрапы да негромкое сонное бормотание. Двигаясь в полумраке почти наощупь, он пересёк кабинет и, прищурившись, напряжённо уставился в темноту: где-то там, наверху должна находиться...

— Явился-таки, — Сортировочная Шляпа задумчиво констатировала факт откуда-то из-под потолка. — Признаться, я тебя ждала раньше — думала, примишься сразу же, в первую же ночь...

— Я паролу не знал, — уклончиво ответил Гарри, встав на табурет, снял Шляпу со стеллажа и подошёл с ней к столу. — Пожалуйста, расскажи мне всё, что знаешь: о Защитнике, о Дюжине... Что это вообще за заклинание, как его отыскать? И кто этим должен заниматься...

— Думаю, на последний вопрос ты уже знаешь ответ — недаром задал его под самый конец, — Шляпа кашлянула и с явным удовольствием продекламировала нараспев: — «Тогда найдётся человек С отважным сердцем льва, Чтоб всё при нем: упорство, хитрость, Ну, и голова». Ты смыслён, ловок, умеешь обходить правила, а уж смелости в тебе на десятилетия хватит: кому, как не мне это знать! Ты пришёл сюда, чтобы всё узнать и принять решение... — Гарри кивнул. Слова не шли из горла: всё место занимало отчаянно бьющееся сердце. В любую минуту сюда мог прийти Дамблдор... да мало ли — кто угодно из учителей! Но не в этом состояла причина его сумасшедшего волнения: просто через миг туманная легенда превратится в реальность, и — как знать! — возможно, окажется, что она имеет весьма непосредственное отношение к делам, творящимся сейчас в мире... — А теперь подумай хорошенько: ты должен определиться до того, как я заговорю, ведь, едва я закончу рассказ, уже ничего нельзя будет изменить, и отступить не получится — тебе в любом случае придётся пройти этот путь до самого конца. И либо спасти мир, либо сложить голову.

— То есть? — оторопел Гарри, непроизвольно делая шаг от стола.

— То есть, начав искать и собирать ключи, при помощи которых можно отомкнуть древнюю тайну, тебе придётся довести это дело до логического завершения, — любезно пояснила Шляпа и понизив голос, продолжила: — В твоих руках окажется судьба мира. И ты сам вызовешься защитить его от тьмы и мрака. А они сгущаются, они неотвратимо наступают. И тьма это непростая, чувствуешь?

Гарри кивнул и, с трудом справившись с охрипшим голосом, зачем-то спросил:

— А, скажи, многие ли пытались?.. Кто ещё знает об этом заклинании?

Шляпа чуть склонилась вперёд, и тени залегли у неё под «глазами», сделав её ещё на одно тысячелетие старше.

— О, да, это случалось и прежде, почти сразу же после того, как оно было создано. Одно время соискатели появлялись потому, что страна не знала своего пути, её раздирали войны... И не было различия между избранными и безумцами. Но... скажу сразу, чтобы ты знал, на что идёшь: ещё никому не удавалось пройти этот путь. Тайна постепенно потонула в пучине веков, сначала став легендой, а потом и вовсе оказавшись похороненной вместе с немногими посвящёнными. И сейчас я — единственная, кому хоть что-то ведомо, — от торжествующего вздоха пламя свечи снова дёрнулось, и тень Шляпы на стене угрожающе распухла.

Гарри раскрыл, было, рот, собравшись возразить, что ещё летом Вольдеморт знал и о существовании таинственного заклинания, и о его безграничной мощи, но вовремя прикусил язык: тогда слишком многое пришлось бы рассказывать и объяснять.

— ...даже Дамблдор до недавнего времени не был уверен, не очередной ли это древний миф.

Даже Дамблдор... — по спине пробежал холодок. — Сам вызовешься защитить мир... — стало трудно дышать, будто грудь и плечи сдавил невидимый груз.

— Но если даже великие маги древности... То что могу я?..

— Ты снова и снова не устаёшь задавать себе этот вопрос, верно? И сам же отвечаешь на него — не словами, а делами: разве не ты многократно спасал всех нас? Разве не ты многократно останавливал Вольдеморта? Разве не ты побеждал чудовищ? Разве не тебе удалось совладать с демонами — наяву и в собственной душе? Разве не ты, — Шляпа понизила голос, — можешь читать во Внутренних Сердцах?

— Постой-постой, — Гарри замолотил головой. — Откуда ты всё это знаешь? Какие Внутренние Сердца? Что?.. — он осёкся: точно, именно эти странные слова он, кажется, слышал от Норта... И Вольдеморта — тогда, в ту страшную ночь... Перед глазами снова вспыхнула странные картинки, появившиеся в миг, когда он отчаянно пытался достучаться до душ Крума и Рона. — Погоди... Так это были...

Замок Крума на берегу Янтры — обугленный и оплывший, будто неведомый дракон пытался испепелить его и оплавил стены. Зелёный склон, обрывающийся горой склизкой грязи...

— Внутренние Сердца?.. А что это?..

— Это персональный реальный мир каждого человека.

Рон резко развернулся и захлопнул за собой невесть откуда появившуюся в тоннеле дверь. В крошечной темноте тихонько рассмеялся тонкий злой голосок, и воцарилась тишина.

— Мир? Значит, мир Рона... — Гарри невольно попятился к двери. — Я должен поговорить с ним! Но как... Что я могу сделать сейчас — ведь он даже не разговаривает со мной. А Г-гермиона? — голос дрогнул вопреки всем усилиям произнести её имя спокойно. — Как я могу всё исправить, вернуть всё, что было?!

— Возможно, сейчас ты не можешь ничего изменить в отношениях со своими друзьями. Возможно, всё это неспроста...

— Неспроста? — былые сомнения и подозрения, стократно усилившись, всколыхнулись в душе. — Значит, всё-таки... И то, что происходит сейчас...

— Все случится так, как начертано, — подхватила Шляпа, снова завозившись и опасно приблизившись к самому пламени свечи. — В нашей жизни случаются беды, и мы не в силах их предотвратить. Но они случаются по какой-то причине.

— По какой же причине?

— Это вопрос, на который мы не можем ответить ни до, ни во время невзгод. Только преодолев их, мы

понимаем, зачем они были нужны.

— Хочешь сказать — то, что происходит сейчас тоже зачем-то нужно? И эта тьма, и то, что случилось с Гермионой, Роном и со мной?

— Конечно, — Шляпа удивлённо пожала плечами, не в силах уразуметь, как можно не понимать таких очевидных вещей. — И может быть, дало даже не в тебе, и не в твоих друзьях, а в ком-то, ещё не вовлечённом в круговорот судьбы. А может быть — это висящий на волоске мир играет вашими судьбами. Рассуди сам: все слышали слова древнего пророчества, но УСЛЫШАЛ и пришёл ко мне ты один — пришёл, чтобы я указала тебе дорогу, верно? Ты ХОЧЕШЬ по ней идти, но это даже не самое главное. Самое главное, ты — единственный, кто МОЖЕТ это сделать: проложить путь к свету — для себя и для нас всех. Проторить его — собой. Пережитые тобой испытания и потери, возможно, лишь подготовка к тому главному, что ты ДОЛЖЕН сделать в своей жизни. К тому, для чего ты был рождён. И ты единственный, кто, возможно, сумеет пройти его до конца, — вот только где он, конец этого пути? Чем закончится для нас всех? Готов ли ты принять свою судьбу? Готов ли ты взять ответственность на себя?

— Но я...

Гарри замолчал. Нет, он не думал, не колебался. Он просто сидел, глядя на подрагивающий огонёк, слушая потрескивания и шепотки пустого тёмного кабинета. Он оцепенело ждал.

— Каждый человек вправе сомневаться в своём предназначении и время от времени отступать от него. Единственное, чего нельзя делать, — это забывать о нём. Тот, кто не сомневается в себе, — недостойный человек, ибо он слепо верит в свои силы и грешит гордыней. Хвала тому, кто испытывает минуты смятения, — Шляпа пожевала тряпичными губами, не спеша продолжать. — Ты должен сказать, готов ли ты встать и закрыть всех нас от тьмы, — повторила она. — Сам.

Гарри поднял голову, и в его глазах отразилось пламя свечи. С трудом сглотнув комок в горле, он шевельнулся, и с этим движением оцепенение покинуло его: кровь, удивительно горячая, загудела в теле, зашумела в ушах, сердце вернулось в грудь, а плечи сами собой расправились; он поймал себя на желании встать и... покаяться в чём-то? Гарри вдруг понял — решение принято давным-давно, когда впервые увидел таинственные строки. Он просто кивнул.

— Что ж... — Шляпа удовлетворённо вздохнула и даже чуть осела, будто только-только смогла, наконец-то, расслабиться. — Я рада, что это именно ты, Гарри, — как знать, можете быть, тебе удастся остановить надвигающийся на мир мрак...

— А тысячу лет назад?..

— ...Великая Дюжина создала Защитника. О, это было так непросто: они накладывали на себя многочисленные обеты, очищали души и тела... Тому, кто пойдёт следом, не будет легче: лишь достойный сможет повторить их путь. И не спрашивай, достоин ли ты, — предупредила Шляпа витающий в воздухе вопрос. — Достойными не рождаются, ими становятся. И, когда ты пройдёшь этот путь — ЕСЛИ ты пройдёшь его — ты сможешь сам дать ответы на все вопросы.

— А кто он — этот Защитник? Или — что он? — после паузы спросил юноша.

— Я не знаю... — вздохнула Шляпа. — Знаю лишь, что благодаря ему тьма оказалась поверженной, хотя двоим из Дюжины и пришлось поплатиться за это жизнью.

— Жизнью?.. — эхом откликнулся Гарри, вздрогнув. В сопящей и похрапывающей темноте кабинета перед ним распахнулась бездна веков. Сотни, тысячи людей, давно утративших и лица, и имена, — незнакомые маги, противостоящие наступлению неведомой тьмы. Великая Дюжина внезапно обрела лица — серьёзные, суровые, отрешённые. — Но почему? Если он так всемогущ, почему не спас всех?

— Это тоже скрыто от меня, — призналась Шляпа, и в её голосе зазвучали нотки досады. — Да и кто обещал, что в великой битве не будет жертв? Сейчас дела

обстоят не так, как пару лет назад: тогда вас было двое — ты и Вольдеморт. Теперь же в движение пришли силы — Тёмные и Светлые. А вы — их олицетворение. Он и ты — коль скоро ты принял на себя это бремя. И столкновение неизбежно. Как неизбежны и жертвы. Если у тебя всё получится, Защитник поможет тебе остановить первую волну. Во всяком случае, я так думаю.

— А этот Защитник... Он может дать власть над миром?.. — чуть слышно, будто сам боясь своего вопроса, произнёс Гарри. — Я имею в виду — безграничную власть?

Шляпа вопросительно приподняла матерчатые брови.

— Смотрю, тебе тоже кое-что известно. Ты не так прост, как кажешься, Гарри Поттер... Тем лучше. Об этом ты узнаешь, лишь вызвав его. Итак, слушай: существуют четыре ключа, которые ты должен собрать. Они скрыты где-то здесь, совсем рядом с тобой, они вобрали в себя суть стихий и исконную мудрость, они хранятся в нетронутых с той давней поры местах, и сама история охраняет их...

* * *

Гарри шагал по коридору, не видя ничего вокруг. Пустынные коридоры со вспыхивающими и гаснущими факелами, гулкие переходы и лестницы — они лишь краем касались его сознания: он весь сосредоточился на том, что собрался сделать.

Он вошёл в наполненную треском камина и тихими голосами гриффиндорскую гостиную и, не обращая внимания на вопросительные взгляды немногочисленных одноклассников, решительно направился на женскую половину — словно боялся, что, остановись он, слова пропадут.

У окна шептались две второклашки, изумлённо замершие при его приближении; Парвати с полотенцем через плечо распахнула дверь спальни шестикурсниц.

— Гарри, ты куда?..

Не ответив, он решительно подошёл к двери, ведущей в комнату Гермионы, и постучал. Никто не ответил. Мгновение поколебавшись, он положил ладонь на дверную ручку и почему-то совсем не удивился, когда та подалась. Сердце затрепетало, когда он шагнул внутрь: знакомые книжные стопки на всех горизонтальных поверхностях, переброшенный через спинку стула форменный галстук, кипа пергамента на столе... Только запах — сладкий запах каких-то духов — он показался Гарри незнакомым: Гермиона прежде не пользовалась духами. Во всяком случае, не такими пряными.

Внезапно пергаменты завозились, приподнялись, появившийся из-под них Косолапсус с выражением глубокого удовлетворения на плоской рыжей морде принял что-то старательно закапывать.

Дверь тихонько скрипнула.

— Гарри? Что ты тут делаешь? Ах ты, мерзкая тварь! — Гермиона кинулась к столу, вытаскивая из кармана легкомысленного халатика волшебную палочку, но кот рыжей молнией метнулся к выходу, успев, тем не менее, больно куснуть её в щиколотку. — Ума не приложу, что с ним поделаться! Усыпить его надо. Шучу, — мрачно поправила она, увидев выражение лица Гарри. — Верну обратно в магазин. Он ровно с ума сошёл, честное слово: испакостил мне уже несколько учебников и свиток с летним заданием по Истории Магии. И вот опять — расчёт по Нумерологии! Убью проклятую тварь! А, собственно, что ты тут делаешь? — внезапно спохватилась она.

— Мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

— Кажется, мы уже делали это?..

— Гермиона...

— Гарри, честное слово! Сколько раз мне повторять... — она потрясённо умолкла: стиснув плечи, он прижал её к стене с такой силой, что она едва могла шевельнуться.

— Гермиона, скажи мне честно: что случилось летом? Кто заставил тебя... вас с Роном бросить меня?

Скажи — это всё ради того, чтобы вынудить меня искать заклинание — я прав? Чтобы я сделал это один, сам и как можно скорее? Кто это — Дамблдор? Кто-то другой? Скажи мне, не бойся!

Он почувствовал, как она вздрогнула и обмякла. В обращённых к нему глазах появилась усталость и какая-то странная покорность.

— Гарри...

Её руки сомкнулись за его шеей, и в миг, когда её горячее дыхание коснулось его губ, ему показалось, что сердце вот-вот остановится. Но уже через миг маленькая, но крепкая ладонь упёрлась в грудь и оттолкнула с такой силой, что он едва устоял на ногах.

— Я не могу тебе ничего рассказать до тех пор, пока ты не сделаешь, что должен... Ты ведь уже знаешь, да?

— Кто? Кто заставил вас?

Она грустно улыбнулась и покачала головой:

— Я не могу ничего рассказать.

— Гермiona... — он снова потянулся к ней, уткнулся в пахнущие чем-то сладким волосы. — Значит, всё это... Господи, как же ты меня напугала... Значит, всё как прежде? Да?

В её глазах мелькнул странный огонёк.

— Нет, Гарри.

— Но, Гермiona...

— Сначала ты должен выполнить своё предназначение. До тех пор...

— Кто заставил тебя?

— Я не могу...

— Хорошо же! Я узнаю это сам, и я клянусь, ему не поздоровится, — Гарри взмахнул кулаком, угрожая неведомому противнику. — А... Рон? С ним то же самое, да?

Она снова вздохнула и отвела глаза.

— Сейчас ничего нельзя изменить, и мы не можем быть вместе — до тех пор, пока...

...пока ты не сделаешь то, чего от тебя хотят. Впрочем, и дальше тоже. И, думается мне, я могу влиять на процесс — верно, Драко Малфой? Я ещё пригожусь тебе, мой невольный избавитель. А ты взамен навсегда оставишь меня в этом мире.

* * *

Волею судеб (в лице профессора Макгонагалл) гриффиндорские и хаффлпаффские шестикурсники оказались последними, кому предстояло принять на себя удар вейловского обаяния мадемуазель Делакур. К пятнице они уже совершенно истомились и задёргали остальных вопросом «ну, как?!», ответом на который у юношей обычно являлось многозначительное выражение лица и выразительное «о, да...», после чего на разомлевшей физиономии расплывалась таинственная улыбка. Девушки-студентки по сути дела тоже ничего не рассказывали, отделяваясь ядовитыми комментариями по поводу непроходимой тупости, внезапно одолевшей одноклассников и метким ответам «этой»:

— И тут Роджер ей говорит: «Я хочу полностью отдать себя вам». А эта ему: «Мне не нужны дешёвые подношения», — злобно хихикала после урока подружка Чу Чанг, Марьетта Эджикомб.

— Ой, а у нас отличился Гойл, — вторила слизеринка Пенси Паркинсон. — Ему задают вопрос, а он не реагирует. Тогда эта наклонилась и спросила: «О чём вы так задумались, мистер Гойл?» А он как бухнет: «Если бы я увидел вас обнажённой, я бы умер от счастья», — «Боюсь, что, увидев я обнажённым вас, я умерла бы от смеха». Что тут началось!..

— Так им и надо, дуракам!

Напряжение нарастало день за днём. Накануне урока Парвати перестала разговаривать с Дином Томасом (чего с ними прежде не случалось), а Сьюзан Боунс снова захлёбывалась слезами, глядя на отрешённое лицо Джастина Финч-Флетчли — юноши полностью ушли в приготовления ко встрече с новым преподавателем по Защите от Тёмных Искусств, мечтая произвести неизгладимое впечатление. Девушки, кстати, не от-

ставали, ими двигала ревность. Признанная красавица Гриффиндора (да и, пожалуй, до недавнего времени и всей школы) мисс Лавендер Браун весь вечер четверга не выходила из спальни, решившись — чего бы ей это ни стоило — ни в чём не уступить «этой».

Утренняя суэта в спальнях впечатляла ещё больше: Лавендер, наконец-то удовлетворившись своим внешним видом, приводила в чувство Парвати, бившуюся в истерику после обнаружения микроскопического прыщика на носу, и помогала Гермione привести волосы в порядок (блондинка с роскошными локонами до пояса, Лавендер знала толк в парикмахерских заклипаниях). Среди шестикурсниц Хаффлпаффа царило уныние: ни блёклая Сьюзан Боунс, ни Ханна Эббот, состригшая, наконец-то, свои крысиные хвостики, которые она гордо именовала «косами», ни, тем более, Сара Хилл не могли похвастаться яркой внешностью, а потому, мрачно изучив результаты косметических ухищрений в зеркале, они гуськом отправились в ванную умываться¹⁵.

Однако кутерьма в спальнях девушек ни в коей мере не могла сравниться с суматохой, царившей в это пятничное утро в комнатах их одноклассников. Захария Смит уже в восьмой раз повязывал перед зеркалом галстук (пятый по счёту), пытаясь добиться идеального результата, Брайан Дрим, мечтательно глядя в потолок, не замечал, что уже опустошил на себя флакон с одеколоном, а Рон, памятуя рассказ Драко Малфоя о том, каким милостивым взглядом отметила «профессор Делакур» его аккуратную причёску, мокрой щёткой и позаимствованным у сестры гелем укладывал рыжие вихры... Но пальму первенства крепко удерживал Симус Финниган, перестаравшийся в стремлении достичь белоснежной улыбки.

Вернувшись из ванной после долгой, но безуспешной войны со своими упрямыми патлами¹⁶, Гарри буквально остолбенел на пороге спальни.

— Симус, что с твоими зубами?

— Я их отбелил...

— Он думает, мадемуазель Делакур слепая, — хихикнул Дин Томас, репетируя заклинание, в результате которого из его палочки вылетал букет.

— Ну, сегодня точно ослепнет, — заметил Рон, придирчиво изучающий своё отражение в украденном у Джинни же зеркале¹⁷. Симус поник и попробовал ещё раз улыбнуться — не так лучезарно.

— Не надо! — жмурясь, хором воскликнули Гарри, Рон и Дин.

Открылась дверь и, преследуемый, как обычно, парочкой четверокурсниц, в комнату вбежал Невилл (все последние дни ему приходилось довольно резво перемещаться по замку, в противном случае его медленно окружала толпа девушек, относительно дружелюбности намерений которых у него были серьёзные сомнения. Да и Пивз не упускал возможности выразить своё отношение к новой гриффиндорской достопримечательности). Задвинув защёлку, Невилл усталю привалился к двери спиной.

— Невилл, ты не заметил... — робко начал Симус.

— Твои зубы? Ещё из коридора. Кто-нибудь идёт на завтрак?

Начало урока по Защите превзошло самые смелые ожидания и разнузданные фантазии: мадемуазель Делакур появилась в чем-то полупрозрачно-облегающем

¹⁵ Зеркало деликатно молчало, чувствуя, что любое сказанное слово может выйти ему боком. Правда, едва за студентками закрылась дверь, оно с чувством провозгласило: «Клиника пластической хирургии ждёт вас, уродки» и мерзко захихикало.

¹⁶ После очередной полубессонной ночи, во время которой он весь искрутился.

¹⁷ Что характерно: зеркало тоже помалкивало, не рискуя давать советы.

и, усевшись не ЗА, а НА преподавательский стол, начала поигрывать туфелькой, то сбрасывая её, то снова цепляя на кончики пальцев точёной ножки. Пробравшийся в пустующую раму на стене дуэт из Салазара Слизерина и Годрика Гриффиндора тут же слаженно завёл какую-то серенаду — взмахом палочки заставив их умолкнуть, профессор по защите начала лекцию. Очаровательная картавость вкупе с нежным грудным голосом вносили в сказанное дополнительную долю эротизма — словом, что бы там она ни вещала о Тёмной Магии, о какой-то там обороне, вряд ли кто-либо вообще понимал, о чём, собственно, идёт речь. Сопение, шепотки, нервные смешки и не менее нервные покашливания неслись со всех сторон, а когда спустя четверть часа Флёр попросила достать свои волшебные палочки, сомлевшие старшекурсники не сразу сообразили, что конкретно она имела в виду.

— Eh bien¹⁸, кто-нибудь готов мне проассистировать?

— Я! — единым порывом поднялась мужская часть класса и почему-то покрасневшая Сюзан Боунс.

— Я попрошу... — синие глаза мадемуазель Делакур скользнули по студентам, вызывая негромкие вздохи и стоны. Симус Финниган с надеждой блеснул своей сногшибательной улыбкой, на миг ослепив полкласса. Флёр недовольно зажмурилась и указала на Дина Томаса, — ...мсье...

— Томас. Дин Томас, — хрипло представился тот и нетвёрдой походкой двинулся к кафедре, суетливо одёргивая мантию. Парвати гневно нахмурилась и побыстренькому наколдвала ему пару аккуратных козлиных рогов.

— Очень приятно, мсье Томас... Надеюсь, вы покажете мне всё, на что способны...

Дин что-то промычал, а Парвати, меж тем, мстительно приделала ему ещё и ослиный хвост, вызывающе подрагивающий под мантией.

— Насколько я знаю, вы уже владеете простейшими оборонительными и атакующими заклинаниями, — продолжила мурлыкать Флёр, чуть поглаживая длинными изящными пальцами свою волшебную палочку. Дин, вытянув шею и не моргая, следил за её движениями (равно, как и все остальные юноши). Его хвост нервно застучал по полу. Сидящей на первой парте Гермионе очень хорошо были видны выступившие у него на лбу крупные капли пота. — Представьте, что я ваш противник...

— О... — выдохнул Дин и облизнул пересохшие губы. Эрни Мак-Миллан застонал и дрожащими пальцами ослабил узел галстука. Рон свой и вовсе снял и теперь машинально утирал им взмокший загривок. Гарри поймал себя на том, что ему хочется сделать то же.

Голос мадемуазель Делакур упал почти до шёпота.

— ...tres bien¹⁹... Я вижу, вы представили... А сейчас я буду нападать на вас...

— Ах-х...

Парвати, бледная от гнева, махнула палочкой, и шнурки на ботинках её легкомысленного друга связались в тугой узел, а к рогам и хвосту добавилась пара ослиных ушей.

— Вы помните, как блокируются заклинания? — с таинственной улыбкой поинтересовалась Флёр. Дин слабо кивнул — говорить он уже не мог. — Тогда... — в ту же секунду на её лице появилось совершенно бесстрастное выражение, а палочка, описав в воздухе какое-то сложное движение, указала прямо на гриффиндорца: — *Tinctum!*

Едва разноцветная вспышка коснулась его одежды и волос, как те окрасились во все цвета радуги. Особенно эффектно теперь смотрелись длинные нежно-салатовые уши вкупе с апельсиновой шевелюрой.

— *Orhideus...* — едва слышно пробормотал юноша, и из палочки выскочил букет орхидей.

— Что за jeux D'enfants²⁰?! Минус пять очков с Гриффиндора. Ступайте на место, — ледяным голосом скомандовала Флёр. Теперь перед классом стояла красавица с холодными глазами и насмешливой улыбкой. Дин, совершенно ошеломлённый и пунцовый, будто его сунули в чан с кипятком, попытался сделать шаг, но, благодаря завязанным шнуркам, растянулся на полу. Девушки мстительно захихикали. Парни, очнувшись, обнаружили себя лежащими, стоящими и сидящими — кто в проходе между столами, кто на стуле, а кто и вовсе на столе. Съёжившись от неловкости и боясь поднять глаза, они поползли на свои места. Гарри и припомнить не мог, когда ему в последний раз было так стыдно.

Это всё животный магнетизм, — попробовал он оправдаться перед собой и робко покосился в сторону Гермионы. Та сидела, не сводя глаз со своего пергамента, и Гарри оставалось только надеяться, что она не видела его позора.

— Итак, думаю, все поняли, как НЕ стоит себя вести на моих уроках, — дождавшись, когда студенты рассядутся, ледяным тоном начала мадемуазель Делакур. — Всё то, что не имеет отношения к предмету нашего изучения, я попрошу оставлять за этими дверями. Здесь мы занимаемся Защитой от Тёмных Искусств, и я хочу научить вас всегда держать ситуацию под контролем, быть готовым к столкновению с любым противником. Мсье Томас — окажись на моём месте тёмный маг — был бы к этому моменту уже трижды мёртв. И при этом совсем не обязательно быть вейлой: думаю, некоторые из вас знают о существовании метаморфмагов? — Гермиона тут же закивала головой. — Прошу, мадемуазель Грейнджер!

— Способность к метаморфмагии — то есть, другими словами, умение по собственному желанию менять свою внешность, как правило, врождённая, — чеканным голосом начала Гермиона, будто читая по учебнику. — При этом волшебник может совершать как косметические превращения — например, менять цвет глаз или волос, так и — при полном развитии этих способностей — принимать заданный облик, как под воздействием Многогосущного зелья.

— Прекрасно, mon amie²¹. Пять очков Гриффиндору, — кивнула Флёр. — Итак, возвращаясь к нашему первому заданию. Все видели первую попытку, но теперь, когда точка отсчёта задана, желает ли кто-нибудь попробовать ещё раз?

В классе царил гробовая тишина. Глаза мадемуазель Делакур снова подёрнулись поволокой, а губы тронула улыбка, рядом с которой улыбка Джоконды показалась бы злобным оскалом.

— Ну? — чуть слышно выдохнула она, и Гарри против собственной воли почувствовал, как его отрывает от стула и ноги сами собой шагают к кафедре. Впрочем, он оказался не единственным, но Флёр призывно махнула именно ему. — Dieu merci²², мсье Поттер... Я признательна... Итак...

Всё вокруг качалось, как в жарком мареве — Гарри видел только полные тайны глаза, манящую улыбку... Хотелось петь, нести чушь, хотелось сделать что-то настолько, например, выпрыгнуть из окна или взлететь под потолок...

Что...ты... делаешь?! — натужно проскрипел внутри недовольный голос. — Какой... позор! Возьми себя... в руки!

Гарри зажмурился, стряхивая наваждение, и в этот миг...

— *Stupefy!*

Закрытые глаза и спасли его: не видя перед собой вейловской красоты Флёр, он автоматически вскинул палочку и с трудом, но смог отразить пущенный её рукой Сногшибатель. Правда, тот отрикошетил от стены

¹⁸ Ну, как? (фр.)

¹⁹ Очень хорошо (фр.)

²⁰ Детские игры (фр.)

²¹ Мой друг (фр.)

²² Слава богу (фр.)

и разнёс парту, за которой сидел Майкл Корнер. Досталось хаффлапфцу изрядно: глаза расфокусировались, щепки расцарапали всё лицо. Гарри виновато подумал, что Джинни, наверное, будет сильно недовольна.

— Он в меня попал! — возмущённо воскликнул Майкл, приходя в себя. — Эрни, посмотри: кровь идёт, не идет?

— Тебе, вообще-то, кровь идёт... — не сводя торжественного взгляда с Флёр, рассеяно согласился сидящий рядом Эрни Мак-Миллан.

— Tres bien. А вам, мсье...

— ...Корнер, — угодливо подсказала Ханна Эббот.

— ...Корнер, стоило тоже быть начеку. Ну, мсье Поттер, tout de meme²³, это уже кое-что, — милостиво кивнула Гарри Флёр. — Три очка Гриффиндору. Правда, будь это в бою, подобной обороной вы наверняка положили бы половину собственных союзников. Ступайте на место. Итак, вторая моя задача — довести ваши движения до фехтовальной точности и лаконичности. Нельзя же, в самом деле, размахивать палочкой, словно тролль — дубиной, движения должны быть точны, быстры и, конечно же, изящны. А потому, — Флёр произнесла какое-то заклинание, и на преподавательском столе материализовались... — по классу пронёсся потрясённый вздох — шпаги? рапиры? — думаю, вам не помешает несколько уроков фехтования. Нет-нет, мы не будем заниматься этим долго и всерьёз, — улыбка, ещё одно заклинание, и рапиры, веером взмыв в воздух, бесшумно легли на столы перед каждым учеником, — хотя, судя по вашему владению волшебными палочками, вам бы это пошло только на пользу. Ведь общеизвестно, что фехтование именно на рапирах приучает к мелким и быстрым движениям, хорошо дисциплинирует руку, развивает физически²⁴, вырабатывает смелость, решимость, находчивость и презрение к физической боли, — глаза Флёр горели, но на этот раз в них не было ни капли вейловского огня — лишь одержимость любимой темой. Волшебная палочка перепорхнула в левую руку, а в правой засиял клинок. — Думаю, эти качества не помешают ни будущим аврорам, коиими, уверена, мнит себя половина присутствующих, ни мирным волшебникам, ибо фехтование есть искусство наносить удары, не получая их. Необходимо задеть противника, избегая его ударов, делает искусство фехтования чрезвычайно сложным и трудным: к глазу, который видит и предупреждает, к рассудку, который обсуждает и решает, к руке, которая выполняет, необходимо прибавить точность и быстроту, чтобы дать надлежащую жизнь оружию, — рапира в такт её словам со свистом рассекала воздух, выписывая неведомые узоры и слова. — Итак...

По мановению её волшебной палочки столы исчезли. Опасливо держа оружие в руках, студенты потрясённо топтались в пустом классе, растерянно переглядываясь и пожимая плечами.

— Рапира держится так, что большой палец находится на обороте рукоятки, остальные пальцы, сомкнутые, но не сжатые, поддерживают рукоять и управляют ею, — Флёр заскользила между студентами, поправляя и показывая правильный захват, — рука имеет только три положения: ногти кверху — quarte, ногти вниз — tierce, ногти вбок — troisenne. Мсье Финниган, закройте рот и прекратите пускать солнечных зайчиков. Делайте, что вам говорят. Прекрасно! — одобрительный кивок Лавендер. — Обратите внимание, мисс Браун встала en-garde: правая рука согнута в локте, чтобы кисть приходилась на высоте плеча... ноги согнуты в коленях... О, quelle bonne imagination!²⁵ Мсье Лонгботтом, что это вы пытаетесь изобразить?

— Я пытаюсь встать, как вы сказали, только у... у меня что-то с ногами плохо, — пробормотал Невилл,

пытаясь занять правильную позицию, но в результате едва не выбив своей рапирой глаз стоящему рядом Дину Томасу. Тот раздражённо щёлкнул хвостом и шархнул в сторону.

— Заблуждаетесь: с ногами хорошо, это без ног плохо. Соберитесь. Итак... Каблуки под прямым углом, вес корпуса перенесён на левую ногу, левая рука поднята и согнута в локте так, чтобы ладонь приходилась несколько выше головы...

— Зачем мы занимаемся такой ерундой? — перекрыл гул шагов и возно звонкий голос Гермиона. Она стояла в центре класса, двумя пальцами брезгливо держа свою рапиру за кончик, словно крысу — за хвост, и всем видом демонстрируя недовольство происходящим. — Что-то я сомневаюсь, чтобы нам пришлось с кем-то сражаться на этом, — она приподняла оружие. — А что касается умения держать себя в руках и точности движений, то я вполне довольна своими навыками!

— Pardon? Вы называете это ерундой? Вот как? — на губах мадемуазель Делакур появилась лёгкая улыбка. — Вы нам продемонстрируете свои умения, мадемуазель Грейнджер?

— Сколько угодно! — Гермиона бросила на пол рапиру и вытащила свою волшебную палочку.

— Прекрасно! Прошу! — Флёр жестом пригласила гриффиндорку к кафедре. Девушка окинула однокурсников снисходительным взглядом и решительно тряхнула головой. — Итак... — вейла на миг склонила голову, а когда снова её подняла и посмотрела на Гермиону, та вдруг с ужасом ощутила, что ноги подгибаются, а щеки заливаются краской. — Обороняйтесь...

— Ч-что... вы... — палочка выпала из ослабевших пальцев и, сама не зная, почему, Гермиона опустилась на пол, — ...себе позволяете... — дрожащим шёпотом закончила она, не в силах оторвать глаз от сияющего неземной красотой лица Флёр. — Я... я...

— Гермиона, что с тобой? — рванулся вперёд Гарри, но загнулся о собственную рапиру и растянулся на полу. — Чёрт!

— Чарам вейл невозможно сопротивляться без подготовки — как невозможно не бояться дементоров, устоять перед дриадами, не пойти за блуждающими огоньками или не заслушаться волшебной свирели... Вам многому предстоит научиться. У кого-нибудь ещё есть сомнения? — сомнений ни у кого не наблюдалось. — Тогда — к бою!

* * *

К вечеру у Гарри ломило всё тело, а правое плечо отчаянно ныло. Последний раз нечто подобное с ним случилось минувшей весной, когда, оттачивая боевые навыки, он переусердствовал и на следующий день поднимал волшебную палочку с таким трудом, будто это гиря. Признаться, то, что мадемуазель Делакур именовала «недолго и невсерьёз» для студентов оказалось чересчур: из класса все выползали, едва держась на ногах, а подозрения по поводу того, какое отношение фехтование это имеет к защите от Тёмных Сил, никуда не делись. Хотя профессор и пообещала, что через пару уроков они перейдут от рапир к волшебным палочкам и искусству концентрации.

С другой стороны, — Гарри хмыкнул и прижался лбом к оконному стеклу, за которым сумерки быстро пожирали просторы Хогвартсовских земель, — надо сказать, что к концу занятия даже Невиллу удалось изобразить что-то типа... как это она называла... «парада».

Сам Гарри ухитрялся сочетать в себе несочетаемое: реакцию и координацию в воздухе — и неуклюжесть на земле, а потому хоть и удачно справился с отражением простейших выпадов, продемонстрированных на нём профессором по защите от Тёмных Искусств, но сделал это так, что она закатила глаза от ужаса, а затаившиеся на портрете Салазар Слизерин и Годрик Гриффиндор заахали: первый — захлёбыва-

²³ Тем не менее (фр.)

²⁴ Сочувственный взгляд в сторону Невилла.

²⁵ Какое богатое воображение! (фр.)

ясь ехидством, а второй — ужасом. С другой стороны, у некоторых не получилось и этого... Ловчее всех sprawились юркий, как уж, Захария Смит и Лавендер, чья кошачья грация и гибкость произвели кое на кого неизгладимое впечатление (Гарри криво усмехнулся). Сам он, если честно, был не слишком внимателен и каждые пару минут косился на Гермиону: хотя было совершенно ясно, что ничего серьёзнее столового ножа (если говорить о холодном оружии) она в руках не держала, зато взятые в детстве уроки танцев сказывались — двигалась она довольно ловко и схватывала всё на лету. И от каждого брошенного на неё взгляда юноше казалось, будто в его собственное тело — прямо в сердце — впиваются десятки, если не сотни остро заточенных клинков.

Кто? Кто это сделал? Что им сказали?! Почему?

Перед ассо — вольным боем — в шеренге рядом с ним оказался Рон, и Гарри снова почувствовал плечо друга. *Бывшего* друга. Наверное, стенка вела бы себя куда дружелюбней, чем Рон, ни взглядом, ни вздохом, ни движением не показавший, что вообще замечает Гарри.

«En-garde! Вперёд, назад и выпад!» — снова зазвенело в ушах. Гарри тряхнул головой, чтобы избавиться от назойливого голоса Флёр, забыв, что всё ещё прижимается к стеклу, и, в результате, едва не выбив окно. Видимо, вместе со звоном в ушах лишние мысли отправились восвояси. Гриффиндорец снова устоял вдалеке. Теперь там простиралась почти непроглядная тьма, но свет и не был нужен — он и без того знал, что справа, за крепостной стеной, находится квиддичный стадион, где в воскресенье пройдёт первая тренировка²⁶, прямо вдоль стены тянулись теплицы, в которых профессор Спраут выращивала самые безопасные и необходимые растения, от ворот направо тропинка спускалась к озеру, а слева, на опушке Запретного леса, приютилась сторожка Хагрида. Глаза невольно метнулись в ту сторону: в непроглядной темноте мерцал тусклый огонёк: лесничий был дома.

Внезапно невнятные намёки и многословные объяснения Шляпы спрессовались в голове, и ответ на мучивший второй день вопрос пришёл сам собой: нетронутые с той поры места, древние существа... А что может быть древнее самого Хогвартса, если не Запретный Лес? И кто знает Запретный Лес и его обитателей лучше...

— Хагрид! Ну, конечно! — ахнул Гарри и, сломя голову кинулся вниз, не замечая, что высоко, под самым потолком, за ним следует полупрозрачная тень.

Так-так, мистер Поттер, и куда же вас понесло?

После встречи на платформе Хогсмида и распределения первокурсников Гарри видел Хагрида только раз — вечером, на ужине — то ли во вторник, то ли в среду. Мрачный и какой-то нездоровый по виду, лесничий едва замечал что-либо вокруг и ушёл, не дав дождаться окончания трапезы. В связи с последними событиями Гарри тоже вряд ли был расположен к дружеским беседам — а потому всю первую неделю, видя мерцающее на опушке окошко, он даже не думал о том, чтобы заглянуть к старому другу. Уроков по Уходу за Магическими Существами в расписании тоже почему-то не стояло — к огромной радости Малфоя и плохо скрываемому облегчению остальных.

Меж тем, и этот потерянный вид, и отмена уроков по Уходу имело своё объяснение и, притом, пренебрежительное. А дело состояло в следующем: униженный и отлучённый в середине учебного года Люциусом Малфоем от своего любимого дела, Хагрид пристроился к горячительным напиткам. И ежели раньше максимум, что он себе позволял, — тыквенное вино, то с лёгкой руки сатира гиппогрифовая настойка прочно обосновалась на его столе. Самое печальное, что возвращение в школу Дамблдора ничего не изменило: ежели раньше Хагрид пил с горя, то теперь — на радостях, и за лето

достиг в деле приручения зелёного змия таких потрясающих успехов, что тот уже не только ел с рук, но и спал на его подушке, и на прогулках в Запретный Лес сопровождал. Все попытки привести лесничего в чувство давали лишь кратковременные результаты — выдержав от силы день-два, тот снова погружался в хмельное марево, ввергая в отчаяние мадам Помфри. Разумеется, ни о каких уроках и речи не шло — в таком состоянии, да ещё с учётом любви Хагрида к зверушкам, норовящим оттяпать руки-ноги, для многих обучение Уходу могло стать последним предметом в жизни. Поэтому приходилось дожидаться возвращения из Стоунхенджского Заповедника профессора Груборс. Сам же Хагрид воспринял это как личную обиду и снова погрузился в запой.

Вот и сейчас он сидел, держа в руке стакан ёмкостью с добрую кадучку и задумчиво меряя взглядом бутылку с мутной жидкостью. Стук в дверь заставил его вздрогнуть. Чуть покачиваясь, лесничий добрёл до двери — на пороге, вальяжно привалившись к косяку, стоял Диофан.

— Заходи, а то выпить не с кем, — радостно проорочал Хагрид, давая дорогу.

— Что, уже и зеркало не хочет? — сатиры зацокали копытами по дощатому полу и окинул царящий в сторожке хаос критическим взглядом. По полу в беспорядке валялся инструмент. Клык храпел поперёк хозяйской кровати, пуская слюни на засаленную подушку. Гора грязной посуды громоздилась в кресле. У порога, распространяя запах свежего навоза, стояли новые башмаки. Старые башмаки стояли у камина и воздуха тоже не озонировали. — Ты бы хоть прибрался, что ли... — не поворачиваясь, Хагрид вытащил из-за пояса розовый зонтик и махнул им в сторону комнаты, разгром в которой только усилился. — Однако, друг мой...

Их прервал стук в дверь и, не дожидаясь, пока ему откроют или хотя бы пригласят войти, на пороге появился запыхавшийся Гарри.

— Хагрид, — начал он и, присмотревшись, остолбенел. — Хагрид... — повторил он слабым голосом.

— Ну-с, — бодро подхватил Диофан, заполняя образовавшуюся неловкую паузу, — а не хлопнуть ли нам по рюмашке? Так сказать, за встречу?

— Заметь, не я это предложил! — Хагрид потянулся, было, к бутылке, но Гарри оказался проворней:

— *Explosio!* — по сторожке распространился сногшибательный аромат гиппогрифовой настойки. — Хагрид, что ты делаешь?! На кого ты похож?!

— Гарри! — великан рванулся вперёд, вытаскивая из-за пояса свой розовый зонтик, но урок Флёр не прошёл для Гарри даром.

— *Petrificus totalus!* — избушку потряс дикий грохот, со стен посыпались какие-то железки, а с потолка — труха, когда огромное тело рухнуло на пол. Задыхаясь от гнева, Гарри развернулся к сатиру, в руках которого невеста откуда возникла свирель. — Это всё твоя работа, да?! Это ты его спаиваешь?!

— Спокойней, спокойней, — тихим, но полным угрозой голосом ответил тот, раздувая тонкие ноздри и поднося свирель к губам. В воздухе полилась негромкая мелодия, от которой ярость в груди Гарри сама собой утихла, и юноша опустил на ближайший табурет. — Для начала — добрый вечер.

— Здравствуй, Диофан, — Гарри механически протянул сатиру руку — тот осторожно взял его ладонь и тотчас с лёгким содроганием отпустил, словно представил себе вместо руки собеседника слабую и большую лягушку, которую очень боялся раздавить то ли из гуманизма, то ли из брезгливости.

— Думаю, сейчас Хагрид не в состоянии ответить на твой вопрос, каким бы он ни был. Я слушаю тебя, мой юный друг.

— Ты? Что ж, пожалуй... Пожалуй, именно ты мне и нужен.

²⁶ Снова в голову полезли мысли о Роне, но он их отпихнул.

* * *

Драко Малфой перечитывал письмо отца, пытаюсь понять, почему же оно вызывает такое желание сделать всё наперекор, когда почувствовал за спиной лёгкое холодное дуновение. Быстро свернув свиток, он резко обернулся, столкнувшись лицом к лицу с призраком профессора Гатто, на лице которого было написано глубокое равнодушие. Хотя Малфой мог бы поклясться, что мгновение назад тот, заглядывая ему через плечо, пытался разобрать готический почерк Малфоя-старшего.

— Ну? — без предисловий невежливо поинтересо-

вался слизеринец.

— Я к вам, можно сказать, *от всей души* — *ex toto animo*... Не знаю, интересно ли вам это, но мгновение назад мистер Поттер сорвался с места и со всех ног помчался в сторону Запретного Леса.

Глаза Драко вспыхнули и тут же погасли.

— Зачем мне это знать?

— Я подумал, это может быть вам интересно... — призрак хитро улыбнулся и скользнул в стену. — Сами понимаете: Запретный Лес...

— Это может быть мне интересно, — полувопросительно-полуутвердительно повторил Драко и взялся за перо.

Глава шестая, в которой мы знакомимся с несколькими примечательными образчиками эпистолярного жанра и газетной заметкой, гриффиндорцы выходят на первую тренировку, а погода наконец-то налаживается.

Драко, сын мой!

Рад слышать, что ты усердно занимаешься, постигая колдовские науки, и не сомневаюсь — *впредь все твои силы и усердие окажутся по-прежнему направленными на то, чтобы не уронить и не запятнать гордого имени Малфоев, навечно вписанного в скрижали истории. Волею провидения, я не могу принимать сейчас более действенного участия в твоей судьбе, однако это отнюдь не означает, будто она не волнует меня или же не существует способа проверить, так ли блестящи твои успехи, как ты об этом пишешь.*

Пока же прими моё отчее наставление: будь внимателен и аккуратен, учись понимать знаки судьбы и правильно откликаться на них, развивай заложенные и новообретённые таланты — и тогда добьёшься того, чего достоин, того, что тебе суждено. Помни: если ты не являешься частью решения, ты являешься частью проблемы.

Не спеши с выводами и не делай резких движений, умей держать себя в руках, не мешая продвигаться вперёд даже тем, к кому испытываешь антипатию, — помни о знаках судьбы, Руке Божьей и Всевидящем Оке, всегда ведающем, что и где происходит. Как знать, может, Того-Кто-Над-Нами вполне это устраивает. Делай, что должен, — и оставь заботу об остальном тем, в чьих это руках и власти. Не забывай — пути провидения неисповедимы, и ниточка, оборвавшись в одном месте, непременно совьётся в другом. А потому старайся быть примерным учеником, особенно в начале ближайшей недели — до меня дошли слухи о неких проверочных тестах... Не забудь зажечь свечи, ожидая гостя, и Барон поможет тебе. Будь наготове — имеющие уши да услышат тебя. Не забывай про полученное зеркало, оно может пригодиться — например, что-нибудь посоветовать в трудную минуту, не говоря уж о более решительных действиях.

Помни, Малфои всегда должны подавать пример во всём, и потому тщательно исполняй возложенные на тебя обязанности старосты — не спускай с глаз с нарушителей, старайся всегда быть в курсе их планов и намерений, оставаясь невидимым и незаметным: трижды, четырежды подумай, стоит ли вмешиваться!

Надеюсь, ты окажешься достойным и примерным сыном, и однажды я смогу пожать твою руку, испытав гордость за своего наследника.

Будешь писать матери, передай ей от меня поклон.

Твой отец

Льюис Малфой
/личная печать/

Отец!

Я принимаю все твои наставления с величайшей благодарностью и почтением. Они услышаны и поняты. Я рад, что и в далёких краях, куда тебя забросила рука жестокой судьбы, ты не забываешь обо мне, не оставляешь меня без

отеческого попечения и присмотра, находишь минуту на столь необходимый совет.

Одно я хочу уточнить: разве не проще предотвратить нарушение, нежели пытаться что-то поправить уже после того, как оно совершено? Видя, как некто, попирая установленные нормы, втихаря пытается решить свои дела, не должен ли я вмешаться и указать ему на неправомерность и недопустимость одного поступка? Разве не входит в мои обязанности — я имею в виду обязанности старосты — строгое следование букве установленных правил? Скажем, ежели кто-либо отправится в Запретный Лес, должен ли я воспрепятствовать этому? Или же мне стоит прежде тщательно изучить и отследить все мотивы нарушителя, чтобы бороться не со следствием, а с причиной?

Зеркало всегда при мне. Думаю, мы нашли с ним общий язык и сумеем, в случае непредвиденных обстоятельств, поладить и найти совместный выход из сложной ситуации. Ещё раз благодарю тебя за такой щедрый подарок. Я использую его с умом.

Матушка шлёт тебе сердечный привет.

Твой преданный сын

Драко Малфой

— Получается, я должен просто наблюдать, как Поттер удачно обстригает свои делишки? Как — шаг за шагом — он продвигается к разгадке, собирая ключи?! Ведь наверняка — о, я просто уверен! — он помчался к хранителю местного вивария; и одному Мерлину ведомо, что может завалиться в пустой башке этого тупоголового пьянчуги... — Драко намотал на кулак поддерживающий полог витой серебряный шнур и с силой дёрнул. Тот устоял, а на ладони появилась глубокая кровотокающая ссадина. — Как бы не так... Что бы ни было — я глаз с него не спущу и всем докажу, что я, именно я — тот избранник судьбы, о котором говорится в пророчестве! И кое-кто мне в этом поможет...

* * *

Гарри в очередной раз прокашлялся и обвёл глазами собравшихся гриффиндорцев. Братья Криви ёрзали напротив и ели его глазами, будто собирались по первому знаку вскочить и — с боевым кличем и мётлами наперевес — ринуться в бой не на жизнь, а на смерть. Их лица так сияли, будто в глаза кто-то вставил лампочки, и Гарри, вопреки бессонной ночи и не дававшим покоя тревожным мыслям, улыбнулся. Те тут же в ответ счастливо расплылись улыбками от уха до уха.

— О, Гарри, сегодня — самый... — по десятому разу начал Колин, но Гарри знаком попросил его умолкнуть. Семикурсники Эндрю Кирк и Джефф Хупер перешёптывались, поглядывая на Джинни. Та, склонив голову,

меланхолично отскабливала ногтём какую-то грязь с дрезка своей допотопной метлы. Эндрю что-то спросил у Джеффа, тот в ответ пожал плечами. Гарри готов был поклясться, что они обсуждают причины отсутствия Рона (которые и ему не давали покоя). Пожалуй, у одной только Станы был по-настоящему серьёзный спортивный настрой: во-первых, она единственная пришла на тренировку в спортивной форме (и ещё какой — все с завистью оценили её фирменные кожаные протекторы и перчатки), во-вторых, её ухоженная метла сияла и буквально просилась в небо. Гарри покоился на захватанное потускневшее древко своего Всполоха и украдкой протёр его краем спортивной мантии.

Вернусь в спальню и отполирую. Честное слово.

Девять, четверть десятого — Рон так и не появился. Утром его не оказалось в спальне: когда Гарри собрался напомнить о назначенной тренировке, кровать за тяжёлым пологом была уже пуста. И на завтраке, кстати, он тоже отсутствовал.

— Ну, начнём, пожалуй, — Гарри снова кашлянул, поднялся, и взгляды всех собравшихся в гриффиндорской раздевалке тут же устремились на него²⁷. — В общем, сегодня надо попробовать новеньких... то есть — всех вас. Думаю, мы немного разомнёмся, потом посмотрим, как вы себя чувствуете на позициях. Надеюсь, все уже поняли, кто где играет: Эндрю и Джефф — отбивалы, Стана, Денис и Колин — охотники...

— Кстати, я левша — думаю, что на левом фланге мог бы быть особенно полезен... — с ликованием в глазах подскочил Колин.

— Ты сначала в воздух поднимись, — процедила Стана и повернулась к Гарри. — А кто будет на кольцах? Где Рон Уизли?

— Я... гм... думаю, он скоро подойдёт, — соврал тот и торопливо наклонился к ящику с мячами, уворачиваясь от пронзительного взгляда Джинни. Зачем-то вытащил из кармана свиток с законспектированным летом пособием для защитников и затолкал его в щель между лавками. — В любом случае, мы для начала разомнёмся. Кто-нибудь, помогите мне донести сундук с мячами до поля... Да, кажется, где-то здесь лежала спортивная форма — подберите себе по размеру...

Гарри суетливо захопал дверцами шкафов. Взгляд Джинни по-прежнему буравил его — судя по ощущениям, где-то между лопаток.

— Вот, взгляните...

Честно говоря, как раз насчёт экипировки его терзали серьёзные опасения: положим, Денису и Колину — худощавым и невысоким — подошли бы свитера и штаны Кэти и Алисии. Но вот в том, что широкоплечим, рослым Эндрю с Джеффом окажется мала форма близнецов Уизли, он не сомневался. Так и получилось: свитера буквально трещали на них, а запястья смешно торчали из рукавов. Вдобавок на Джеффе категорически не желали застёгиваться штаны. Джинни же, напротив, пришлось проткнуть в ремне дополнительную дырку — едва достающая Гарри до плеча и хрупкая, как стебелёк, она болталась в штанах Анджелины, словно пестик в ступке.

— Послушайте, это же невозможно! — ахнула она, окинув команду критическим взглядом, ужасно напомнив Гарри миссис Уизли. — Давайте-ка я подгоню форму по-человечески: мы похожи не на команду, а на шайку оборванцев! — она потянулась за палочкой. Гарри посмотрел на часы и вздохнул. — Гарри, я сто раз это делала, это не займёт много времени!

Он в ответ покорно кивнул, мысленно давая Рону ещё один шанс успеть на тренировку, и Джинни начала сосредоточенно колдовать. Результаты, правда, не слыш-

ком утешили: форма оказалась довольно старой, многократно чиненной и перешитой, а потому полосатый свитер, хоть и прикрыл живот Эндрю, тут же разъехался на боку. Попытка залатать дыру привела к тому, что растянулся ворот и резко укоротились рукава.

— Нет-нет, я лучше как-нибудь так, — замахал руками Джефф Хупер, пытаясь увернуться от решительной нацеленной на его куцые штаны волшебной палочки. — И вообще, тебе никто не говорил, что подгонять штаны на живом человеке — дурная примета? Не говоря о том, что вообще возможны, — с палочки Джинни сорвалось заклинание, и семикурсник резво, будто перескакивая через «козла», подпрыгнул, — НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ! УБЕРИТЕ ЕЁ ОТ МЕНЯ, Я БОЮСЬ!!!

Джинни обиженно фыркнула.

— Ну и пожалуйста, ходите так.

— Да уж, лучше так, чем никак, — под нос пробурчал Джефф, отходя подальше.

— Ладно, форма сейчас не главное, — с сомнением окинув взглядом команду, больше напоминавшую цыганский табор, Гарри попытался придать своему лицу самое воодушевлённое выражение. — Ну, вперёд, гриффиндорские львы!

Едва они вышли на поле, он понял, что испытания только начинаются. Стадион отнюдь не пустовал. Слизеринская команда во главе с Драко Малфоем засела на боевых позициях, заняв самые верхние места на одной из трибун, — чтобы лучше видеть, слышать и как следует подоставать гриффиндорцев. Едва увидев соперников в форме не в размер и с разномастными мётлами, они засвистели и заулюлюкали:

— Внимание — на центральной улице начинается народное гуляние гоблинов! — Пенси Паркинсон сложила ладони рупором и, перекивая по-разбойничьи свистящего в два пальца Дэвида Нотта, начала артподготовку.

— О... вы только посмотрите! — подхватила Патриция Стимсон, слизеринский охотник. — Это же просто... Ой, я не могу! Хупер! Не боишься простудить своё брюхо? Ты бы штаны-то застегнул: сейчас так не носят!

— На своих отбивал посмотрите, — огрызнулся тот, одёргивая свитер.

— Утро у Уизли: кто первый встал, тот красивее всех оделся! — веселился Драко Малфой, а Крэбб и Гойл, год от года становящиеся всё больше похожими друг на друга, согласно закивали и снова приложили к губам разноцветные дудочки, издающие громкие неприличные звуки.

Джинни покраснела, но промолчала.

— Эй, конопатая! — не унимался Малфой. — А где твой братец, где ваш супер-пупер-вратарь, а? Поди, послал весь этот квиддич во главе с Поттером к такой-то мантикоре? Или он за лето вообще разучился играть? На грядках с кабачками особо не разлетаешься, верно?

— Помолчал бы, Малфой, — внезапно откликнулся звонкий голосок с той же трибуны, где устроились слизеринцы. Гарри близоруко прищурился: вздёрнутая головка, каштановые волосы, яркий чёрно-жёлтый шарф поверх форменной мантии... *А она-то что тут делает?!* — Говорят, ваш отбивала вообще оторвался от земли только со второй попытки.

— Вот-вот, — крикнул Колин, чьё радостное возбуждение обернулось праведным гневом, — не ты ли сам велел заказать Гойлу транспортную метлу с усиленной тягой? Да уберите эти дудки! Мы и без них знаем, что вы оба изрядные задницы!

Слизеринцы на миг поутихли, но тут же снова взорвались улюлюканьем и бранью.

— Все, собрались, — командовал Гарри. — Стана, доставай кваффл. Мы пришли на тренировку. На «три» — взлетаем. Не отвлекаться! Раз, два...

На счёт «три» гриффиндорская команда синхронно оттолкнулась от вязкой, раскисшей от бесконечной сырости земли и взмыла в воздух. Едва ветер засвистел в ушах и осенняя влажная прохлада ударила в лицо,

²⁷ Кстати, у Гарри довольно странная привычка: когда он собирается сказать более-менее публичную речь, то долго мнётся, кашляет и собирается с мыслями. Видимо со времён Дурслей обращённые к нему взгляды вызывают у него дурные ассоциации.

Гарри тут же забыл и про веселящихся слизеринцев, и про отсутствие Рона — с груди слетели стягивающие её оковы, и упоительное чувство полёта вытеснило печаль и тревоги. Серое небо распахнулось, раскинуло безбрежные крылья... Сейчас ему казалось, будто не существует ничего невозможного, и он запросто может свернуть горы. Колин, не удержавшись, издал индейский вопль и сделал кульбит. Стана запрокинула голову и зажмурилась, подставила лицо свежему ветру. Впервые за очень долгое время — если не с момента их с Гермионой визита в Болгарию — Гарри увидел на её лице улыбку. Только Джинни внимательно обводила взглядом пространство внизу, и Гарри мог поклясться, он знает, что именно, вернее, — *кого* именно она ищет. Заложив вираж, он завис перед командой и поднял руку, призывая к вниманию:

— Разлетелись! В круг! Начали!

С перепасовкой мяча все справились весьма удачно, правда, Колин, слишком суетящийся от гнева на слизеринцев и восторга полёта, один раз запустил кваффл с такой силой, что едва не сшиб с метлы собственного брата, а Стана всё делала настолько споро и быстро, что немного неуклюжий Эндрю успевал среагировать буквально в последний момент. Наконец, Гарри приступил непосредственно к работе на позициях. Рон так и не появился, и к кольцам отправилась Джинни; охотники начали демонстрировать, на что они способны. К глубокому облегчению Гарри, всё обстояло куда лучше, чем он мог даже мечтать: бросок левой у Колина действительно оказался сильным и точным, а понимали они друг друга с Денисом с полуслова, полузвезда и, можно сказать, полужеста, чем-то напомнив ему этим Фреда и Джорджа: один всегда оказывался аккурат в том месте, куда летел запущенный другим мяч. В навыках Станы вообще чувствовался профессионализм, что, собственно, вовсе никого не удивило: быть племянницей игрока мирового уровня, имевшего собственное поле, и при этом плохо играть в квиддич?.. Но самое удивительное было даже не в этом: как ни странно, Джинни неплохо справилась с ролью защитника; недаром близнецы хвалили её реакцию, — она прекрасно видела поле и умела не только выбрать правильную позицию для защиты колец, но и быстро её поменять в случае необходимости. Правда, ей не хватало физической силы, и она быстро уставала; но это, как разумно рассудил Гарри, — дело наживное. Несколько силовых тренировок или (он усмехнулся) неделя экзерсисов с рапирой у мадемуазель Делакур — и всё пойдёт на лад.

Лиюющие вопли слизеринцев поутихли, но, едва в воздух взмыли бладджеры и, сменив подуставших охотников, за биты взялись отбивалы, как трибуны снова взорвались хохотом: по мячам Джефф и Эндрю, конечно, попадали в двух случаях из трёх, вот только, видимо, настолько волновались, что отправляли их сами не ведая, куда: один просвистел над самой головой Гарри, весьма живо напомнив ему затею Добби на втором курсе, — когда только скорость и ловкость спасли его от чего-то более серьёзного, нежели перелом руки. Второй бладджер пробил западную трибуну — хорошо, там никого не было.

— Однако... — пробормотал Гарри. — Вот это удар. Не хотел бы я под него попасть...

И словно сглазил — очередной взмах битой, и Эндрю, не успев увернуться от пущенного напарником тяжёлого мяча, камнем рухнул на поле с пятнадцатифутовой высоты, угодив, по счастью, в жирную грязь.

Команда тут же приземлилась, и Гарри бросился к пострадавшему:

— Ты как?

Эндрю ошалело хлопал глазами; левая рука, в которую угодил бладджер, не слушалась.

— Это может быть перелом, — заметила Джинни, — его надо немедленно отправить в лазарет. Дай-ка взглянуть... Ну-ну, потерпишь, я ещё ничего не делаю!

Да, выглядит неважно. Ну ты и болван! Смотри, куда бьёшь! А если б там была голова?

— А что я мог сделать! — принялся оправдываться Джефф, с ужасом глядя на дело рук своих. — Вы мне сами сказали — бить со всей силы, вот я и... Прости, приятель, я не нарочно...

— Джефф и Джинни, проводите его к мадам Помфри, а мы ещё немного поработаем, — скомандовал Гарри. — Сами знаете, на матчах и не такое случается. Охотники, в воздух! Я побуду на кольцах.

— О, да ты у нас на все руки мастер! — раздался знакомый голос. Гриффиндорцы разом замолчали и медленно повернулись. Футак в десяти, скрестив руки на груди, стоял Рон. На его плечи была наброшена обычная школьная мантия. — И боец, и ловец, и на кольцах игрец...

— Зачем ты пришёл? — ледяным тоном спросил Гарри. — Если на тренировку, то ты опоздал. Если решил бросить играть, то тебе и подавно тут делать нечего.

...Сломай его игрушки...

— Не твоё дело, что я решил, ясно? Ты пока ещё не капитан, чтобы распорядиться, кто будет в команде, а кто — нет.

Гарри поднялся на ноги. Рон не шелохнулся. Остальные молчали, переводя глаза с одного юноши на другого. Тишина становилась всё более и более угрожающей.

— Рон, — наконец тихо сказала Джинни, — если ты будешь тренироваться — переоденься. Если нет — уходи.

— Я не... — начал Гарри и тут же осёкся под её взглядом:

Рон любит тебя так сильно, что даже начал ненавидеть...

— Пойдите, раз все здесь, давайте выберем капитана! — предложил Колин Криви, сердито косясь на Рона. Денис тут же закивал. — По-моему, тут двух мнений быть не может: капитаном должен стать Гарри.

— Точно, — кивнул Джефф. Стана согласно тряхнула головой, Эндрю, скривившись и, по-прежнему держась за руку, промычал что-то не слишком членораздельное, но, судя по всему, утвердительное. Рон заметно побледнел и переступил с ноги на ногу, словно принимающий более устойчивую позицию боксёр. Он мотнул рыжей головой, откидывая с глаз волосы, и повернулся к Джинни. Она не отвела взгляда.

— Я согласна: капитаном должен быть Гарри, — её голос прозвучал тихо и спокойно.

— Так вот: теперь я спрашиваю тебя как капитан — ты будешь играть, Рон? — Гарри смотрел бывшему другу прямо в лицо, чувствуя, что вскипевший в груди гнев вот-вот выплеснется наружу. В этом гневе не было ни капли детского желания треснуть приятеля по вихрастой рыжей голове, заорав, что пора заканчивать валять дурака и стоит вести себя по-человечески — о, нет. В этот раз всё было по-другому...

— Я... я...

...Сломай его игрушки, сломай! Плюнь на них и уходи! Посмотрим, как они все запрыгают, когда тебя не будет!

Маленький мальчик поднял кулачки и, плача от обиды и злости, смешно затряс ими, угрожая невидимому врагу.

— Я... — Рон был бледен так сильно, что казалось, будто он вот-вот упадёт в обморок.

— Твоя форма на лавке в раздевалке, иди переодевайся, — тихо сказала Джинни. Она слегка улыбалась, будто не происходило ничего особенного, но пальцы стиснули метлу так сильно, что ногти даже начали синеть. Впрочем, может быть, она просто устала и замёрзла — воздух наполнился сыростью, и похоже, снова собирался дождь.

Рон резко развернулся — мантия хлопнула на ветру — и шагал прочь. Гарри и все остальные, оцепенев, смотрели вслед: куда он свернёт — под трибуну, к раздевалке, или же к выходу со стадиона. Шаг, ещё

один — Рон шёл всё медленнее, пока совсем не остановился.

В этот момент на слизеринской трибуне раздался громкий взрыв хохота. Наверное, смех и вопли не умолкали всё это время, просто никто не обращал на них внимания. Сейчас же воздух будто взорвался. Рон вздрогнул и почти бегом, будто за ним кто-то гнался, направился к раздевалке.

Ну и дурак, — обиженно вздохнул демон. — *Всё испортил.*

Эшли стояла в дверях раздевалки, меланхолично барабаня пальцами по косяку — вторя дождю, из-за которого и пришлось прервать тренировку. Впрочем, она всё равно близилась к завершению: Гарри загонял охотников и вратаря так, что те взмокли на сыром ветру и покраснелись — их лица вполне могли заменить собой позабывшее про землю солнце. Сам он в паре с вернувшимся из лазарета Джеффом (сообщившим, что у Эндрю просто сильный ушиб, и к обеду тот будет совершенно здоров) выполнял роль отбивалы, направляя бладджеры в сторону игроков, что заставляло тех внимательно следить за полем и быстро менять траекторию. Это выходило всё лучше, и при мыслях о предстоящем матче Гарри уже не испытывал панического ужаса: теперь у Гриффиндора была команда и неплохие шансы. Рон тоже был весьма доволен собой: ему удалось продемонстрировать, что он не лыком шит и за лето не утратил право именоваться Щитом Львов. Он — сам не зная зачем — задержался в раздевалке, но Гарри, приняв душ и схватив в охапку свой Всполох и кучу каких-то бумаг, сразу же умчался, не сказав ему ни слова.

Хотя при чём тут вообще Гарри?

— Ро-он...

Рон, зашнуровавший ботинок, поднял голову, да так и замер: однажды это уже было... Да-да, именно так: она опять стояла у косяка, грызла травинку... Переброшенный через плечо шарф, накинутая мантия, чёрный свитер, туго обтягивающий округлую, мягкую грудь — пальцы Рона дрогнули, и воспоминание о горячем тепле её тела обожгло так, что кулаки сами собой сжались. Он шумно сглотнул.

— Ты хорошо играл...

— Спасибо, — он так и сидел, наклонившись и стиснув шнурок в разом отказавшихся слушаться пальцах. Он хотел посмотреть ей в глаза — и не смог: её грудь, едва заметно вздымающаяся от вдохов и выдохов, заворожила настолько, что он не мог отвести взгляда, чувствуя себя последним болваном, дураком, кретином, озабоченным придурком и конченным ослом.

...Какое красноречие, какая самокритика! — хихикнул демон. — *Будь проще, не вини себя из-за пустяков!*

— Если ты будешь так же хорош на матче, боюсь, Корнеру и Смиту придётся изрядно попотеть, чтобы добраться до колец...

Она улыбнулась — он скорее почувствовал это, нежели увидел. Сердце ёкнуло в груди, мигом разросшись до таких размеров, что лёгким стало тесно — он не мог вздохнуть.

— *Неужели опять? Ненавижу. Ненавижу себя! Не хочу...*

— *Не хочешь? Ой ли? Разве тебя не учили, что обманывать не хорошо, а?*

— *Я не... что со мной?*

— *Это называется «животный магнетизм», — с готовностью сообщил демон и мерзко хихикнул. — На твоём месте я бы не стал отказываться. Помнишь, что я тебе говорил, — теперь можно делать всё, что угодно. Тебе же хочется, верно? Ну, признайся, хочешь?.. Я могу сделать тебе маленький подарок...*

— А знаешь, я, оказывается, соскучилась за лето, — чуть удивлённым голосом произнесла Эшли и сделала шаг в раздевалку, заставив Рона содрогнуться то ли от желания, то ли от ужаса. — Всю неделю хотела тебе об этом сказать, да вот случая не представлялось...

— Мне? За-зачем? Что тебе от меня надо? — хрипло спросил он, делая над собой неимоверное усилие, чтобы не вскочить и не повалить её на пол прямо здесь, в дверях.

— *Маленький подарок... Знак дружеского расположения... Ведь мы теперь друзья, верно?*

— *Да, мы теперь друзья... Ты мой лучший друг. Мой единственный друг...*

Рон поднялся. Его рука медленно потянулась к вороту рубашки, начала проталкивать обратно в петли непослушные пуговицы... Теперь манжеты. Тихий шорох — и рубашка упала на пол. Проводив её взглядом, Эшли снисходительно улыбнулась и быстрым движением облизнула пересохшие губы, но не успела ни сказать что-нибудь, ни сделать: раздался грохот, и в дверь, споткнувшись, ввалилась Стана с сумкой под мышкой и тремя мётлами в руках — одна из них больно ткнула Эшли промеж лопаток.

— Ой, прости! Рон, ты не сможешь донести? Джинни и Эндрю забыли свои... — она обвела взглядом Рона, то ли наполовину снявшего, то ли наполовину надевшего футболку, валяющиеся на полу рубашку, полосатый хаффлпафский шарф и вспыхнула до корней волос, осознав по гробовой тишине, что вторглась не в самый подходящий — точнее говоря, в самый неподходящий момент. — Простите... — девушка попятилась, но метла встала поперёк двери, не пуская её назад. Стана попыталась её развернуть, но выронила другую. — Простите, — повторила она, краснея ещё гуще, сгребла мётлы в охапку и выскочила за дверь.

— *Дура неуклюжая,* — неожиданно зло прошипела Эшли себе под нос.

— *Дура неуклюжая,* — с готовностью закивал демон. Рону показалось, будто ему дали пощёчину.

— Поймай, Стана, я помогу, — очнувшись, он схватил свою мантию и сорвался с места, бросившись за гриффиндоркой. Так и не завязанный шнурок захлопал по полу. — Прости, как-нибудь в другой раз, Эшли. Та проводила его взглядом и пожалала плечами.

— Ну и дурак.

— *Дурак!*

— Извини ещё раз, — всё ещё розовая от смущения, Стана робко покосилась на шагающего рядом Рона. — Я не хотела вам помешать.

— Да ты и не помешала, — не поднимая глаз от земли, хмуро ответил тот и раздражённо перехватил мётлы, так и норовящие выскользнуть из рук. — С чего бы ты могла помешать?

— *Тише, тише, мальчик, а то у меня вся спина будет в занозах... — и смешок между двумя столами.*

Рон отчаянно замотал головой, отгоняя настырное видение и вытряхивая из ушей все эти сводящие с ума звуки — вздохи, становящиеся всё чаще и громче, слова, каждое из которых обжигало страстью и сводило с ума своей непристойностью... Брызги полетели в разные стороны с его мокрых волос. Стана покосилась — как и все младшекурсницы, она была осведомлена о делах и сердечных тайнах старшекласников²⁸ — но промолчала.

— Просто достало меня всё, — обращаясь куда-то в пространство, выпалил Рон, сам себе удивившись. Он поднял лицо к небу: ливень закончился, из низкой серой тучи сыпал мелкий, едва заметный дождичек — холодный, усталый и унылый, как его собственная душа. — Сколько можно! Как меня всё достало! Я устал от одиночества, я устал от... Хотя... тебе не понять... — он попытался махнуть рукой, но едва не выронил мётлы и, снова перехватив их, сердито прибавил шагу.

— Ты так думаешь? — переспросила Стана, глядя ему в спину. — Конечно, куда уж...

С сумкой и метлой наперевес, она стояла под дож-

²⁸ А Рон был не самым незаметным гриффиндорцем, чтобы оставаться вне женского внимания. Кстати: уже на следующий день после приезда в школу он получил первое письмо со стихами.

дём посреди луга и сквозь упавшую на глаза мокрую чёлку смотрела, как он быстро идёт в сторону замка. Как в очередной раз спотыкается, наступив на так и не завязанный шнурок. В её глазах не было гнева — только сострадание и мягкий укор.

А от дверей раздевалки за ними наблюдала ещё одна пара глаз. И чего-чего, а сострадания в них не было ни капли.

— Ты ещё об этом пожалеешь.

* * *

Ни в субботу, ни в воскресенье Гарри так и не удалось выбраться из замка: помешал очередной проливной дождь, превративший Хогвартс в подобие островка суши, воздвигшегося посреди морей разливаемых и топей непроходимых. Кое-кто в понедельник утром даже клялся, что видел сужающееся вокруг замка кольцо блуждающих огоньков. Правда, Гермиона авторитетно заявила, что «всё это чепуха и ерунда, и ближайшие блуждающие огоньки водятся только в Печорской Трясине, в глубине Запретного Леса: неужели забыли, что на третьем курсе рассказывал профессор Люпин?» А с понедельника и вовсе началось нечто странное: куда бы Гарри ни шёл, он везде наткнулся на Драко Малфоя. Сперва эти встречи показались просто неприятным совпадением, но, когда, собравшись выбраться из замка после обеда, он открыл входную дверь, нос к носу столкнувшись со слизеринцем, подозрения окрепли и обратились в уверенность.

Он знает. Знает, что я куда-то собрался. Но кто ему донёс? Или же он меня выследил?..

— Что ты тут ошиваешься, Малфой? — довольно невежливо поинтересовался Гарри. Тот не шелохнулся, словно не слышал ни единого слова, а по-прежнему стоял, загораживая дорогу. — Ты, часом, не оглох?

— Моё дело — следить за соблюдением правил, а у тебя на лице написано, что ты собрался их нарушить, — лениво постукивая волшебной палочкой по затянутой в перчатку — а-ля Малфой-старший — ладони, наконец сообщил Драко и победно улыбнулся. — Разве ты не знаешь новое указание Филча? В связи с проливными дождями и тем, что кто-то из студентов вывозил грязью главную лестницу, замок теперь можно покидать только на учёбу и тренировки.

Голову даю на отсечение — ты это только что сочинил...

— И что тогда ты делаешь тут? — стараясь говорить как можно ленивей — в тон Малфоя поинтересовался Гарри. Узкая полоска Запретного Леса, видневшаяся за спиной слизеринца, словно магнит, притягивала взор. Будто почувствовав это, Драко усмехнулся:

— Я ведь староста, верно? Слежу за порядком. Поскольку учёба на сегодня закончена, а в субботу у Гриффиндора состоялось то, что тренировкой может называть только очень большой оптимист, то... возвращайся обратно и носа наружу не высовывай, ясно?

— Моё дело — куда я хожу и чем занимаюсь в свободное время. Или тебе не живётся без дополнительной пары ушей и глаз, чтобы лучше слышать и лучше видеть? Так только намекни...

— Ты бы помолчал, Поттер, — лицо Малфоя внезапно исказилось злобой, и, понизив голос, он резко качнулся вперёд, выдыхая эти слова буквально Гарри в лицо, — думаешь, я ничего не знаю, да? Думаешь, я позволю тебе это сделать? Да я с тебя глаз не спущу, ясно?

— Глаз не хватит, — тихо ответил Гарри, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна гнева и машинально нащупывая в кармане волшебную палочку.

— Ничего, мир не без добрых людей — помогут. А пока — пять очков с Гриффиндора за пререкания и попытку нарушить школьные правила.

Только появление профессора Спраут, возвращавшейся — судя по заляпанной землёй мантии и охалке

какого-то сена под мышкой — из теплиц, предотвратило неминуемое столкновение. Правильно оценив обстановку, она вручила траву Гарри и велела немедленно отнести её мадам Помфри в больничное крыло.

Вторник же принёс такие события, которые поставили под вопрос даже попытку незаметно выйти из замка. Всё началось, как всегда, с утренней почты: на первой полосе Пророка, рядом с программной статьёй Министерства Магии по поводу дальнейшего развития магического сообщества (подходил к концу пятилетний срок правления нынешнего кабинета — министры подводили итоги проделанной работы и строили планы на будущее), была помещена статья под броским заголовком «Надругательство над мёртвыми — новая волна?»

Сегодня ночью смотритель кладбища Скорбящих Младенцев колдовского поселения Хогсמיד обнаружил, что одна из свежих могил осквернена. В ней был похоронен скончавшийся на прошлой неделе Стюарт Крэгг, чья смерть — скоропостижная и, притом, без всяких признаков магического или физического воздействия — показалась органам правопорядка настолько подозрительной, что Гильдия Авроров открыла расследование, которое до сих пор ведётся в строжайшей тайне (мы пытались разузнать подробности у скорбящих родственников и друзей покойного, но, как выяснилось, власти не считают нужным информировать даже их).

Примерно около часа пополудни сторож наткнулся на разрытую могилу и валяющийся рядом пустой гроб, вскрытый, как конфиденциально сообщила нам персона, пожелавшая остаться неизвестной, изнутри. Впрочем, как вы понимаете, у нас масса причин сомневаться в подобном заявлении: известно, что освидетельствование тела и констатация смерти была проведена по всем правилам — видимо, нас снова хотели намеренно ввести в заблуждение.

Итак, вместе с напарником сторож обыскал кладбище и у самой ограды увидел тело: к вящему ужасу, оно было разрублено на куски. Немедленно вызванное подкрепление обыскало всё кладбище, но никаких других следов вандализма, равно как и самих вандалов, не обнаружило.

Гильдией Авроров инициировано расследование — как и следовало ожидать, немедленно засекреченное. Кладбище тут же оцепили, проверке подверглись несколько прилегающих к нему домов в Хогсмиде, пассажиры Хогсמידского экспресса и Ночного Рыцаря. Нам запретили снимать на месте происшествий, отказали в беседе со вдовой, под страхом Заклатья Памяти запретили разговаривать со свидетелями.

Сколько может длиться этот возмутительный произвол властей? Доколе магическое сообщество будет лишено возможности увидеть и понять картину происходящего во всей полноте? Идёт ли речь о некромантии, слухи о которой уже блуждают в кулуарах, или же это просто возмутительнейшее хулиганство и вызов властям? А может, всё проще, и это хорошо спланированная провокация — нечестный способ увеличить тираж (как нам стало известно, некоторые бульварные журналы в настоящий момент, пользуясь случаем, пытаются поправить свои дела)?

После летних всплесков кладбищенского вандализма, когда власти так же отказали в праве на достоверную информацию, нас убеждали, что подобного больше не повторится. И что мы видим?

Очередную ложь или же очередную демонстрацию слабости властей, неспособности держать ситуацию под контролем. Так дальше продолжаться не может! Мы — глас общественности — проведём собственное расследование, в курсе которого будем держать уважаемых читателей и всё колдовское сообщество.

*Следите за нашими выпусками!
спежкорреспондент Том Уотсон.*

Всё, о чём мечтал Гарри, прочитав эту статью, —

немедленно кинуться в спальню и, спрятавшись за плотное занавешенным пологом, открыть последние страницы «Моей борьбы». Вот уже несколько дней те переполнялись туманными намёками на некий рубеж, близкий «час зет», после которого неисчислимы силы потянутся к «незыблемой цитадели». Эти намёки напояли Гарри тревогой и нарастающим отчаянием. Казалось, будто ему связали руки и накрепко завязали глаза, и всё, что теперь оставалось, — мучительно прислушиваться к тёмному пространству вокруг, пытаясь угадать в неясных шорохах и звуках, откуда нанесёт удар неведомый враг. Но теперь, после этой статьи... Не хватало какой-то крошечной детали, чтобы всё разом сложилось в единую чёткую картину, — как знать, быть может, ежели перечесть последние страницы, он всё поймёт?

Некромантия или же возмутительнейшее хулиганство...

Как назло, первым уроком стояли сдвоенные зелья со слизеринцами, так что ни о каком возвращении в Гриффиндорскую башню и думать не стоило. Во всяком, случае, до обеда.

Едва войдя в кабинет Зельеварения, студенты обнаружили, что количество столов заметно сократилось, а у оставшихся такой вид, будто накануне тут бушевал изрядный пожар. Стены покрывал лёгкий налёт копоти, стёкла в книжных шкафах отсутствовали, а количество колб и реторт убавилось, по крайней мере, вдвое. Особенно Гарри порадовало, что мутных бутылей со всякой глазастой шевелящейся пакостью не осталось совсем — они здорово сбивали с толку во время контрольных работ. Профессорская кафедра, из-за которой Снейп обычно хищно наблюдал за классом, перемежая лекцию колкими замечаниями и ехидными комментариями, также отсутствовала, а у стенки, за столом, заваленным полуобгорелыми свитками, склонилась Стана. Заслышав шаги вошедших в класс шестикурсников, она не подняла головы, а, напротив, съёжилась — из-за пергаментов виднелся только затылок со стянутым аптечной резинкой хвостиком.

Более шустрые слизеринцы, переговариваясь и многозначительно хмыкая, быстро заняли уцелевшие столы. Гриффиндорцы перетапывались посреди класса.

— Ага, наконец-то я до тебя добралась! Значит, вот что ты натворила! — растолкав всех, Гермиона подлетела к Стане и обвиняюще ткнула в неё пальцем. Та сжалась в комок и втянула голову в плечи. Хвостик на затылке умоляюще затрепетал. — Это из-за тебя Гриффиндор лишился двадцати баллов! Год ещё только начался, а мы теряем их вдвое быстрее, чем набираем! Как можно быть такой безответственной и невнимательной! Ты посмотри, во что превратился кабинет! Это просто чудо, что никто не пострадал!

— А что случилось-то? — шёпотом спросил Гарри у оказавшегося рядом Дина Томаса.

— Как, ты не в курсе? Вчера ж только и разговоров было — эта девчонка что-то не разобрала в рецепте зелья и всё тут разнесла. Снейп отделался лёгким испугом, — с сожалением прибавил он.

Гарри, весь предыдущий день проведший за пределами гриффиндорской гостиной и вернувшийся туда только к отбою, а потому оказавшийся абсолютно не в курсе произошедшего, оценил масштабы разрушений и уважительно присвистнул.

— Даже Невиллу такое не снилось, верно? — нервно хихикнул Симуус Финниган и направился в дальний конец класса — к закопчённому столу, за который слизеринцы сесть побрезговали.

— ...простите, видимо, я ещё не очень хорошо понимаю английский язык, — Стана подняла обедённые синими кругами глаза. Судя по всему, она не спала всю ночь. — А мне досталась очень потрепанная методичка...

— Это твои проблемы! Жаль, ты на полном социальном обеспечении — было бы неплохо, если б твоим родителям это влетело в круглую сумму, — бушевала Гермиона, — тогда бы у тебя сразу появился стимул позаниматься английской грамматикой!

— Гермиона, прекрати, — не выдержала Парвати, вставая между старостой и едва сдерживающей слёзы болгаркой. — Снейп и так её заставил всю ночь переписывать все повреждённые свитки и пергаменты...

— Так ей и надо! Честное слово, почему за её промахи должен расплачиваться целый факультет, а?

— О да, за свои промахи ты всегда отвечаешь сама, верно? — Стана отшвырнула в сторону перо и вскочила. Парвати оценивающе взглянула ей в глаза и предусмотрительно отошла подальше. — И по твоей вине ни с кем ничего не происходило, правда?

Все вокруг затаили дыхание, переводя взгляды с одной девушки на другую. Щёки Гермионы чуть покраснели.

— А вот это не твоё дело, понятно?

— Очень даже моё. Он мой родственник — или ты забыла?

— Он сам во всём виноват.

— Вот как?.. — губы Станы задрожали. Она говорила тихо, чтобы её слышала только Гермиона. — А ты хоть знаешь, во что он превратился, а? Ты знаешь, что он умирает? — голос сорвался на рыдание, и последнее слово разорвало тишину: все тут же зашумелись, беззащитно подтягиваясь поближе.

Но Гермиона повернулась к Стане спиной, подошла к свободному месту за первой партой и звонко хлопнула сумкой об стол.

— Малфой, подвинься!

В кабинете снова установилась гробовая тишина. Настолько гробовая, что потрескивание факелов на стенах заставляло вздрагивать от неожиданности. Пенси Паркинсон уставилась на Гермиону, захлопала глазами, ротом, встала, села, снова встала и опять села — на этот раз мимо стула: Дин Томас не смог отказать себе в маленьком удовольствии. Скорчив брезгливую мину, Малфой отодвинулся от гриффиндорки как можно дальше, и Гермиона с победным видом разложила свои пергаменты и перья. Гарри и Невилл, не сговариваясь, сели рядом со Станой. Она, не поднимая головы, упрямо водила пером по пергаменту, но её плечи предательски вздрагивали.

— Ты что — действительно всю ночь переписывала снейповские бумажки? — шёпотом спросил Гарри. Стана коротко кивнула. — Вот ведь гад!..

Невилл, чьи отношения с Зельеварением опять балансировали на грани катастрофы, сочувственно вздохнул, но сказать ничего не успел: в кабинет с видом учявшего жертву маньяка-убийцы ворвался Снейп. Не поздоровавшись со студентами, он первым делом подошёл к Стане и прямо из-под пера выхватил у неё только что начатый очередной свиток.

— Отвратительно! — рявкнул он, пробегая текст глазами. — Грамматическая ошибка... ещё одна... А вот здесь вы перепутали компоненты: не *Penis polustris*, а *Pinus silvestris*! Сосна серебристая, мисс Браткова, а не то, что вы подумали! Переписывайте! — он швырнул свиток Стане в лицо и повернулся к остальным, не замечая, что Невилл, задыхаясь от волнения и возмущения, поднимается со своего места.

— Не смейте... — начал юноша и закашлялся.

— Вы что-то сказали, мистер Лонгботтом? Или вам надо выйти? Пора бы привыкнуть ходить в туалет до начала урока.

— Не смейте так разговаривать с девушкой! — Невилл встал и расправил плечи, и Гарри вдруг увидел, что он едва ли уступает в росте профессору Снейпу. Видимо, тот тоже это оценил, потому что зачем-то сделал шаг назад.

— Три балла с Гриффиндора за прерывание урока, — профессор заметно сбавил тон, хотя его маленькие чёрные глазки так и норовили прожечь в Невилле дырку. — Сядьте на место, мистер Лонгботтом.

Чуть помедлив, Невилл опустил на место и осторожно потянул из рук Станы свиток.

— Давай помогу...

Спрятав залитое беззвучными слезами лицо за торпливо распущенными волосами, она покорно выпус-

тила пергамент из рук и тихонько поблагодарила.

Наверное, это был худший урок Зельеварения за все годы обучения Гарри в Хогвартсе: таким раздражённым, резким и необъективным декана Слизерина ещё никто не видел. Он снимал баллы направо и налево, обозвал Симуса тугоголовым идиотом только за то, что тот чуть дольше положенного собирался с мыслями, чтобы ответить; досталось даже любимчику Малфой — за довольное хихиканье ему велено было остаться после урока в классе и навести там порядок.

— Да, похоже Снейп решил устранить разгром в кабинете руками дежурных, — чуть слышно прошептал Невилл: Драко оказался седьмым, оставленным после уроков. Ранее это чести удостоились Дин, Парвати, Симус, Крэбб, Лавендер и Пенси (последняя — за то, что смешивала зелье с недостаточным, на взгляд профессора, усердием). — Лень, поди, самому возиться...

— Совершенно верно, мистер Лонгботтом, — может быть, голову Снейп мыл и не слишком часто, зато вот уши — регулярно, и со слухом у него был полный порядок. — И думаю, вы тоже примете в этом участие.

Стана смерила профессора полным неприкрытой ненависти взглядом и что-то буркнула себе под нос по-болгарски (Гарри мог поклясться — наверняка, будь это заклинание, ничего хорошего оно бы тому не сулило), тяжёлый пергамент выскользнул из-под её пера и с шуршанием соскользнул на пол со стороны Невилла. Тот — как истинный английский джентльмен — дёрнулся, чтобы его поднять, но Стана в этот момент тоже собралась предпринять попытку вернуть его на место. Решив, что это сделает другой, оба замерли, меряя друг друга взглядами. Поняв, что, похоже, сотоварищ поднимать свиток не собирается, они синхронно и весьма решительно наклонились...

Негромкое бульканье котлов перекрыл вопль боли: держась за лбы, на которых вспухали шишки, и Стана, и Невилл вскопили на ноги — причём последний не заметил, что торчащая из его кармана волшебная палочка зацепила кончик юбки девушки, продемонстрировав всему классу трогательные трусики в цветочек.

— В чём дело, Лонгботтом, Браткова? Вы всё закончили? — холодно произнёс Снейп, даже не повернувшись в сторону шума. Ответом ему был сдавленный стон первого и громкие чертыхания последних.

— Я бы сказал, они, судя по всему, только начали, — хихикнул Малфой.

— Как я должен расценивать... — профессор повернулся и недоумённо замолчал.

— А парень-то не промах! — восхищённо присвистнул слизеринец Дэвид Нотт.

— Совсем крышей тронулся... — прошипела Пенси и Лавендер ошеломлённо кивнула в знак согласия.

— Маньяк — он и в Африке маньяк... Лонгботтом, как тебе не стыдно!

— Вот это фасончик... — захихикала сидящая за спиной Рона Блез Забини. — Если она хочет нравиться парням, ей стоит носить нечто более сексуальное...

Рон оторвался от своего котла, в который он как раз добавлял «через равные промежутки времени, непрерывно помешивая» толчёную печень чёрной курицы, и онемел от представшей перед глазами панорамы. Стана же, тем временем, ничего не замечая, вытирала с глаз слёзы боли. Негромкое хихиканье пронеслось по классу, грозя перерасти в истерический смех, только три человека в классе не понимали, что именно произошло: виновники случившегося и Гарри, недоумённо обводящий глазами зажимающих себе рты и ухмыляющихся слизеринцев и слизеринков. Вдруг — будто рывкая молния рассклала пространство — Рон метнулся, отпихнул Невилла с такой силой, что тот рухнул, не удержавшись на ногах и опрокинув при этом стул, и одёрнул девушке юбку. Она обвела глазами класс, взглянула на Рона, на Невилла, лежащего на полу вверх тормашками, и вылетела из класса, закрыв руками лицо.

— Ты, придурок! — наплевав на всё, в том числе и

на угрожающее лицо преподавателя, взревел Рон, занося увесистый кулак. — Совсем, что ли, ничего не соображаешь...

— Десять баллов с Гриффиндора и по пять баллов за каждую последующую секунду, пока мистер Уизли находится не на своём месте! — в бешенстве рявкнул Снейп, и Рон, возмущённо топоча, вернулся на место, откуда продолжил есть глазами онемевшего, бледного, как мел, Лонгботтома.

— Ещё раз подойдешь к ней — прибью, — вполголоса пообещал Рон и яростно забултыхал ложкой в своём зелье.

— Но я... но я... — одними губами беззвучно произнёс Невилл, с отчаянием глядя в потолок, — это случайность...

До конца урока Снейп снял с Гриффиндора ещё пятнадцать баллов, окончательно загнав факультет в глубокий минус, и задал домашнее задание, на приготовление которого вряд ли бы хватило всех летних каникул, закончив урок на этой оптимистической ноте. Не веря в своё счастье — что оказался одним из немногих, чудом увернувшихся от карающей длани зельевара — Гарри помчался в спальню. В голове крутились отрывки прочитанной утром статьи, случайно увиденные ещё летом кадры маггловского телевидения — раскуроченные могилы, разбитые памятники — и в груди росло странное, неприятное чувство, какое бывает, когда внезапно обнаруживаешь, что позабыл нечто важное. Постепенно Гарри перешёл с бега на шаг, который становился всё медленнее и медленнее. Наконец, он остановился. Развернулся и решительно направился в сторону кабинета Дамблдора.

Я не имею право скрывать, что в моих руках оказался ключ к мыслям и действиям Вольдеморта. Мне нужно всё рассказать. Надо посоветоваться... Но о чём? — тут же остановил он себя. — Дамблдор не знает о Защитнике ничего связанного, да и сама Шляпа недвусмысленно дала понять, что это только моё дело, и действовать я должен самостоятельно... А если я отдам книгу... если я даже расскажу о ней — мне придётся её немедленно отдать, и я больше ничего не узнаю! — но в голове тут же всплыли слова мистера Уизли: «нет ничего опасней магического предмета, наделённого собственным разумом...» — А если там сокрыт ключ к тому, что мне предстоит сделать...

Гарри снова остановился и, обхватив голову руками, будто боясь за её целостность, уселся в изножию высеченного в небольшой нише герба Хогвартса. Видимо, в целях экономии топлива Филч снял окружавшие его факелы — и теперь лев, змея, барсук и ворон сиротливо выглядывали из темноты.

Я обязан отдать книгу Дамблдору... Но ведь против Вольдеморта должен выступить именно я — получается, мне она нужнее?.. — Гарри изо всех сил пытался найти оправдание своему нежеланию отдавать попавший ему в руки странный и таинственный, безумно опасный и такой манящий фолиант. — Если бы можно было рассказать и не отдавать книгу... Что-то придумать... Упросить Дамблдора оставить мне её... Нет — он никогда не согласится. Раз поиск Защитника — моё дело и только я могу его совершить, значит, и книга должна оставаться у меня... Я с рождения связан с Вольдемортом — одной ниточкой больше... это никому не повредит, а я... я буду знать, что он затевает... Чёрт, да что мне делать?

В коридоре раздался звук шагов, и юноша качнулся назад: ему сейчас совершенно не хотелось ни с кем разговаривать. Шаги, меж тем, приближались. Через некоторое время стали слышны и негромкие голоса — Дамблдора и Снейпа. Теперь Гарри не только попытался слиться со стеной — он затаил дыхание и буквально окаменел, боясь лишней раз моргнуть и тем самым выдать своё присутствие.

— ...второго не дано: я провёл тесты, сравнил летние образцы с тем, что мне доставили сейчас. Боюсь,

у нас серьёзнейший повод для тревог — теперь нет никаких сомнений.

— Значит, зомби... Да, Северус, я согласен с тобой: всё это не случайно — похоже, недостаток живой силы Вольдеморту решил компенсировать силами мёртвых...

Шаги директора и профессора Зельеварения давно стихли, а Гарри всё сидел, не моргая и затаив дыхание. Наконец он закашлялся и судорожно захватал воздухом: оказывается, от волнения он забыл, что нужно дышать.

...неисчислимы силы, не ведающие страха, не знающие поражений... Воины, которых можно остановить, лишь разрубив на куски... Армия зомби...

— Я должен идти. Немедленно.

* * *

Любезнейший сын мой!

Тест ты прошёл прекрасно: всё получилось именно так, как и задумывалось, — призыв оказался услышанным (впрочем, думаю, ты и сам это знаешь). Однако я пишу тебе не только и не столько ради этого. Твои способности — это не всё, в чём мы заинтересованы. Не меньшую, ежели не большую часть, составляет так же твоё послушание, умение подчиняться приказам и внимать отчим советам. И, судя по всему, последнего тебе как раз не достаёт.

Ты огорчил меня, сын. И не просто огорчил — разочаровал. Если бы не твоё упрямство и смехотворная детская ревность, то, вероятно, ещё на прошлой неделе нам удалось бы получить искомым компонент изучаемого нами объекта. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я, — следовательно, понимаешь, насколько серьёзны последствия твоего необдуманного шага. Не сомневайся, ты будешь за это наказан, дабы впредь не совершать подобных ошибок. Это ради твоего же блага. Рассуди сам: разве можно доверить серьёзное дело человеку, в поступках которого сомневаешься?

Не стой на пути providения — и не будешь раздавлен. Поразмысливай на досуге над моими словами.

Твой отец

*Люциус Малфой
/личная печать/*

Едва Драко дочитал эти строки, как письмо вспыхнуло, больно опалив ему пальцы даже сквозь перчатки, и рассыпалось невесомым пеплом. Юноша с опаской отошёл, не зная, чего ожидать, и уже подозревая, что ничем хорошим его инициатива следить за Поттером, любыми силами помешав тому добиться желаемого, не обернётся. И точно — не успел пепел коснуться пола, как слизеринец уже корчился на полу, стиснув одной рукой другую — в том месте, где адским огнём пылал Знак Мрака. Это было стократ больнее, чем во время Инициации — теперь мучительная боль не несла сквозь пространство к неведомым высотам, а навалилась могильной плитой, выдавливая остатки жизни, норовя уничтожить, растоптать, закружить в безумной агонии. Когда она отпустила и сквозь крошечную тьму снова слабым рассветом забрезжила комната, Малфой ощутил, что рот полон крови, даже вкуса которой он сейчас не чувствовал — как вообще едва ли понимал, есть ли у него сейчас тело.

— Я... я понял... отец, — выплюнув багровый сгусток на каменные плиты, слабым голосом произнёс Драко, пытаясь подняться, держась за стену и скребя по ней непослушными пальцами. Неловким движением он привёл в действие потайной механизм²⁹. С тихим

шорохом в комнату выдвинулся алтарный камень — поставленный свечами, привезёнными с другого конца земли амулетами, ритуальными погремушками и прочими священными атрибутами. Из пустоты под алтарём выглянула и, недовольно зашипев, снова спряталась символизирующая Данбалу змея. Драко смотрел на пламя вспыхнувших по волшебству свечей невидящим взглядом, чувствуя, как постепенно — мгновение за мгновением — тело снова начинает слушаться своего хозяина. Оно снова принесло боль, вернувшуюся из запредельных высот в рамки, где её можно было ощущать, и юноша сквозь зубы застонал. Последним возвратился вкус — и Драко снова с отвращением сплунул, уже зная, что этот мерзкое ощущение железа во рту теперь будет преследовать его несколько дней кряду, и не спасут ни мятные леденцы, ни прожигающие язык насквозь кислотные конфетки. Чертыхнувшись, он снова привёл в действие механизм, проворачивая взглядом гаснущие свечи и белобородого старика в длинном пальто и высокой шляпе с неизменными атрибутами Барона Самеди — черепом, гробом, крестом и костылем.

— О да, отец... Я всё понял. Но хотел бы я знать, как ты об этом узнал? Кто донёс тебе? Не сам же Поттер?

Он даже не знал, насколько близок к истине...

* * *

Позже Гарри вспоминал это время, удивляясь, как же ему удалось выдержать безумное внутреннее напряжение этой недели, которую ему — отчаянно рвущемуся из замка — пришлось провести в каменных стенах Хогвартса: дождь зарядил с дикой силой, нелзя было и помыслить выбраться наружу, а уж тем более — идти в Запретный лес. Правда, много позже, спустя месяцы, вспоминая осень, он лишь усмехался, с трудом веря, что ему удалось пройти через всё и остаться в живых. Впрочем, в живых ли...

А сейчас ощущение, будто неотвратимой лавиной надвигается что-то страшное, что-то, чему он должен противостоять, но — силой обстоятельств — пока не может, наполняло отчаянием и не давало уснуть; едва он смеживал веки и погружался в дремоту, ему снились то какие-то окровавленные трупы, то — протыгивающая руки, смеющаяся Гермиона, то — снова и снова — к его ногам падал разорванный в кровавые клочья Крум, то каменная стена хохотала, плюясь огнём... Шептались и хихикали демоны, заглядывая прямо в глаза, — что-то предлагали, угрожали... Блеск стали и предсмертный хрип, рассыпающиеся под ногами ступени лестницы... Просыпаясь в поту — то горячем, то холодном, Гарри мучительно прислушивался и вглядывался в темноту и, успокоенный мерным дыханием и похрапыванием, несущимся с соседних кроватей, рано или поздно совал руку под матрас, нащупывая там увесистый свёрток...

И до тех пор, пока глаза сами собой не начинали смыкаться, принося тяжёлый, усталый, лишённый сновидений сон, Гарри, забившись в угол кровати и поплотнее задвинув полог, при свете волшебной палочки листал взятые в библиотеке книги, читая о зомби, способах их создания и уничтожения, и от рисующихся в воображении образов волосы шевелились на голове. Впрочем, способы не дать из уже умершего человека сделать зомби, пугали едва ли не больше: «Чтобы этого избежать, родственники иногда „убивают“ любимого покойника вторично, протыкая ему грудь, трупы стреляют в сердце, отрезают или протыкают прутком голову, душат удавкой. Ему зашивают рот и кладут в гроб лицом вниз — чтобы не мог вступить в контакт с боком». — От таких живописных подробностей и красочных рисунков даже весьма уравновешенный человек потерял бы желание есть и спать. Гарри же сейчас можно было назвать уравновешенным с очень большими натяжками и оговорками. Зато его сочинение по Истории Магии оказалось лучшим на курсе — Биннс, правда, попенял ему на длину: оно оказалось на три

²⁹ О котором, к слову сказать, было ведомо только Малфоям. Дело в том, что прадед Драко Малфоя, Барнабас Малфой сделал этот тайник для своих секретных нужд — каких именно, история не сохранила. И теперь из поколения в поколение Малфои — каждый из которых непременно становился старостой своего слизеринского курса — передавали друг другу секрет третьего снизу камня, расположенного справа от камина.

фута больше положенного.

«Моя борьба» трудолюбиво подливала масла в огонь — теперь, когда ему уже было известно, что к чему, и мозаика из туманных намёков и обрывков разговоров наконец-то сложилась; но пока он мог лишь в бессилии твердить про себя о смертельной опасности, медленно, но неотвратно надвигающейся на Хогвартс. И не только на Хогвартс — на весь волшебный мир: неумолимая, не знающая страха, жалости и боли армия, уничтожить которую было практически невозможно; армия, которую молниеносно можно перевернуть с одного места на другое, для которой не нужны месяцы тренировок и отработки боевых заклинаний, — она уже создана. Опробована. И теперь лишь ждёт своего часа. И даже Дамблдор в смятении — каждое утро Гарри взглядывался в лицо директора, и ему казалось, что каждая ночь добавляла тому морщин.

...Лишь Защитник способен остановить меня.

Но им это не по силам, — узкий рот Тёмного Мага растянулся в улыбке, и раздвоенный чёрный язык обмахнул губы, придав ему одновременно сходство и с хищным зверем, и со смертельно ядовитой змеей.

Из-за недосыпа и нервного напряжения дни пролетали, как на крыльях: вроде бы только-только поднялся, а уже обед... и вот — задёрнув полог и затеплив волшебную палочку, он снова тихонько шуршит страницами... Неделя миновала мучительно-незаметно; Гарри, мало отзываясь на окружающий мир, полностью погрузился в свои мысли и терзающие душу опасения, но старался ничем это не проявить, держась из последних сил. Впрочем, получалось у него это не очень — лицедеем Гарри был неважным. Однако друга, способного понять, посочувствовать и помочь, всё равно рядом не существовало. Тех же трёх человек, что не спускали с Гарри глаз и внимательно подмечали все происходящие с ним перемены, уж никак нельзя было назвать друзьями. Ни Малфоя, ни Рона, ни Гермиону.

Гермиона... Он запретил себе думать о ней, потому что тогда земля вылетала из под ног, и он переставал понимать, где верх и где низ, во что и кому теперь верить, что он делает в Хогвартсе и ради кого он теперь живёт. Что движет этим миром, и к каким чертям он катится, если та, которая совсем недавно говорила одно, спустя некоторое время заявила другое, а совсем недавно — третье? И все три вещи оказались взаимоисключающими друг друга. С кем говорить, куда бежать, если губы, ещё буквально вчера улыбавшиеся только ему, теперь расточают улыбки совсем другому парню, если глаза, всегда смотревшие с вниманием и любовью, теперь равнодушно скользили мимо³⁰.

Пространство вокруг обрело некую звенящую прозрачность: *ещё пара таких дней, и я опять начну слышать голоса*, — равнодушно посетовал он, стараясь в пятницу повторить продемонстрированную мадемуазель Делакур фланконаду — боковое нападение под руку противника.

— *Tres bien, mon ami*, неплохо... для начала, — с улыбкой кивнула ему Флёр и тут же кинулась к Невиллу: судя по всему, тот при помощи своей рапиры пытался покончить с собой каким-то весьма трудоёмким и небезопасным для окружающих способом. Едва она повернулась спиной, как Гарри опустил рапиру.

— Я устал, — просто ответил он на вопросительный взгляд стоящей с ним в паре Ханны Эббот и, не дожидаясь её возражений или ответа, отошёл к окну, снова уставившись с тоской на Запретный Лес, затянутый

тусклой пеленой дождя.

Почему, почему всё против меня! Ты, бестолковое небо! Неужели не понимаешь, что из-за этого весь мир может рухнуть в тартарары! — нахмурившись, Гарри с надеждой обшарил взглядом свинцовые тучи, и сердце в груди замерло: с одного конца неба наметилось явное просветление. Или показалось?.. Нет, действительно! — *Неужели?..*

Словно в ответ на его слова резкий порыв ветра ударил в окно, стекло напряжённо застонало; и уже спустя несколько минут мохнатые серые тучи суетливо мчались прочь, а яростный ветер безжалостно драл их в исчезающие на глазах клочья. Лоскуток синего неба — лазурно синего, непривычно яркого после месяцев притупляющей все чувства серости, — он рос, рос...

Звон рапиры стих — и вот уже весь класс столпился за спиной Гарри, в восхищении задрал головы.

— Какое... чудо! — выдохнула Лавендер, ткнув пальцем в сторону бронзовато-смуглеющего осеннего леса, внезапно вспыхнувшего под солнцем.

— Точно, — согласился с ней Гарри, чувствуя, что губы сами собой растягиваются в широкой, счастливой улыбке. — Настоящее чудо. Настоящее!

— Мистер Малфой находится у себя в комнате.

От звука знакомого голоса Гарри подскочил на месте и не слишком прилично выругался, тут же смутившись. Самое смешное, что выглянувший из стены профессор Гатто совершенно правильно угадал причины, по которым, направляясь по коридору в сторону Главного входа, Гарри старался производить как можно меньше шума и, прежде чем повернуть за угол, осторожно из-за него выглядывал. Со стороны это выглядело ужасно забавно — можно сказать, у Гарри буквально на лице было написано, что он собрался совершить нечто противозаконное, но, на его счастье, коридоры пустовали — практически все студенты покинули замок и в этот миг, подставив лучам осеннего солнца свои бледные физиономии, наслаждались нечаянной радостью.

— Ч-что? — оторопела переспросил Гарри, решив, что ему послышалось и уставившись на ближайший пустующий портрет.

— Говорю же — мистер Малфой сейчас у себя в спальне, так что путь свободен, — угодливо хихикнуло привидение.

Гарри судорожно сглотнул комок в горле.

— А... с чего вы вообще взяли, что... что меня интересует его местонахождение?

— *Temporì parce! Береги время!* — Гатто назидательно приподнял палец. Гарри с подозрением нахмурился. — Признаться, мне этот противный мальчишка всегда был несимпатичен, так что в этом мы с вами, мистер Поттер, союзники. Знаете, — призрак спикировал вниз, заставив Гарри поёжиться — будто совсем рядом кто-то распахнул холодильник, — в последнее время в его комнате происходит что-то очень подозрительное и загадочное... Эти странные самовоспламеняющиеся письма, бесконечное бормотание по ночам...

— Зачем вы мне всё это говорите? — настороженно поинтересовался Гарри, как только профессор многозначительно умолк.

— *Я даю, чтобы ты дал — do, ut des*: видите ли, мистером Филчем на вашего покорного слугу возложены некие обязанности, — Гатто горделиво выпятил грудь. — Я слежу за порядком в школе, возглавляя живущие здесь привидения — сами понимаете, это накладывает на меня кое-какую ответственность. Но они вызывающе манкируют своими обязанностями, особенно, к моему прискорбию, привидения Дома Гриффиндор: сэр Николас ведёт себя просто недопустимо! Определённо, надо будет подумать о его преемнике... Да-с... А потому мне нужна ваша помощь. И это отнюдь небезвозмездно: ведь я кое-что знаю о некоем фолианте, на поиски которого когда-то потратил столько времени

³⁰ Хорошо, что Гарри не знал, что у Гермионы с Бутом отношения уже значительно продвинулись от улыбок и взглядов: она решительно и настойчиво мостила себе дорогу к будущим карьерным высотам.

и который — ах, вот усмешка судьбы-злодейки! — даровал мне мучительную и весьма несвоевременную кончину.

Моя борьба.

У Гарри захватило дух.

Врёт или не врёт?

— Секреты этой книги, спрятанные в ней ловушки — многое из этого мне было ведомо при жизни, ещё больше открылось после смерти. Вот как много значат приобретенные смолоду знания — *adeo in teneris consuescere multum est*, — с тонкой улыбочкой сообщило привидение и кокетливо провело рукой по густым курчавым волосам, напоминавшими сейчас клубы густого дыма. — А вы мне поможете со студентами и привидениями, идёт? Ведь вы, мистер Поттер, не последний человек на факультете: к вашему мнению прислушиваются, вам приписывают некие подвиги в прошлом и грядущем... Можно сказать, вы — местная достопримечательность... в самом хорошем смысле этого слова, — тут же добавил призрак и стёр ухмылочку, увидев, как изменилось лицо Гарри.

— То есть мне нужно будет шпионить и доносить.

— Ну, зачем такие слова, наполненные негативным смыслом? — Гатто укоризненно вздохнул и зацокал языком. — Ведь все мы заботимся о процветании и благоденствии школы — так внесите и вы свой вклад, мистер Поттер. Чем меньше студенты будут заниматься посторонними вещами, тем быстрее они достигнут высот в колдовских науках. Чем меньше будут нарушать правила и распорядок, тем больше сил и времени останется на полезные обществу дела. Чем меньше преподаватели будут заниматься административными вопросами, тем быстрее и полнее они раскроют перед вами, студентами, тайные и удивительные грани магии. Вы же взрослый человек, сами должны это понимать. И вам за это воздастся, — Гатто подлетел ещё ближе к Гарри, настороженно покосился на пустую раму рядом, даже заглянул внутрь неё — убедиться, что никто их не подслушивает. — Например, знаете ли вы, что на книгу можно наложить особые тёмные чары, не позволяющие коснуться её магглорожждённым магам?

Не врёт.

— Благодарю. Предпочитаю умереть в неведении, не становясь доносчиком! И вообще — я не понимаю, о какой-то такой книге вы говорите, — Гарри нахально уставился призраку прямо в лицо.

Чёрт, придётся переждать! Донесёт...

— Так-так, милый мой друг. Читай, читай эту книжицу — открывай свою душу и разум Тёмному Лорду. А ведь я мог бы помочь тебе. Предостережь, — профессор проводил взглядом удаляющегося по коридору гриффиндорца, равнодушно пожал плечами и, замурлыкав себе под нос арию Герцога, нырнул в стену и отправился по своим делам.

Обитательница портрета, у которого они беседовали, осторожно выглянула из-за рамы. Убедившись, что и привидение, и юноша уже ушли, она задумчиво почесала кончик носа.

— Вот ведь незадача...

* * *

С каждой минутой, часом, днём пространство сужалось. Хотя «день, час, минута» — более абстрактных понятий сейчас не существовало: конечно, часы исправно тикали на руке, отмеряя время (сама не зная, зачем, Гермиона периодически подкручивала их, заводя снова и снова, словно в этом сейчас состоял весь смысл её жизни), но...

Молочно-белая пелена вокруг сгущалась, более не являя ярких картинок реальной жизни, видимо отражение отдалялось, отделялось, начиная жить самостоятельно — и чем полнее она жила, тем тусклее и медленнее становилось существование настоящей Гермионы. Будто её жизнь медленно переливалась в отражение, как капельки воды в клепсидре. Руки и ноги наливались тяжестью, в ушах звенело, болело повреж-

дённое — когда? вчера? сегодня? — плечо. Она сидела, привалившись спиной к невидимой преграде. Период первичного отчаяния сменился приливом сил и ярости. За ним последовали новые волны — сначала отчаяния, потом — ярости, и с каждым разом эти всплески становились всё ниже, всё тише, пока не сменились полным штилем — то ли покорности, то ли усталости, то ли полного безразличия.

Странно — но совершенно не хотелось ни есть, ни спать: впрочем, как она рассудила, наверное, так и должно быть: ведь отражение, в которое она превратилась, не нуждается ни в пище, ни в отдыхе. Скорее по привычке или же из желания скоротать время, коего у неё впереди была целая вечность, Гермиона время от времени закрывала глаза, в полудрёме мысленно обращая призыв к тому, чьё имя и образ составляли тонкую ниточку, в которую она и вцепилась, стараясь не сойти с ума. Любовь и ненависть, ненависть и любовь — всё, что осталось у неё, всё, что принадлежало ей, всё, что пока не сумели у неё отнять.

— Гарри... Гарри... — почти беззвучно шевельнулись её губы. Она почувствовала солёный вкус и слизнула скатившуюся слезинку, подивившись, что, оказывается, ещё может плакать. Подняв руку, разжала кулак. Смятая, влажная бордовая ленточка — ей было перевязано одно из его писем (Хедвиг нашла Гермиону на залитой жарким южным солнцем улице. Полярная сова недовольно жмурилась и, пока девушка отвязывала от лапы пергамент, норовила больно клянуть, на её физиономии было написано всё, что она думает про своего влюблённого хозяина и его пассию). Гермиона взглянула на ленточку, тут же почувствовав, как свело грудь и горло; но рыданий не осталось: всё, на что были способны её глаза, — ещё одна слезинка, повисшая на кончике носа.

— Гарри...

И вдруг... Знакомый запах книг и пергаментов, пыльного полога над кроватью, шум ветра за окном, потрескивание камина — после белого безмолвия звуки и запахи оглушили, закружили голову, заставили задохнуться. Воздух казался настолько густым, что она начала дышать ртом, боясь подавиться. Когда глаза привыкли к полумраку комнаты, Гермиона обнаружила, что лежит на кровати, и прислушалась к упоительному прикосновению к коже фланелевой пижамы и простыней, накрахмаленных трудолюбивыми руками домашних эльфов.

Свободна? Неужели чары рассеялись?!

Она осторожно повернула голову, будто боясь, что та взорвётся. Сомнений не было: это её комната, комната старосты — горы книг, пергаменты, связка неочищенных перьев на столе рядом с серебристым значком, пустой флакончик от чернил... Висящая на стуле сумка, переброшенная через спинку школьная форма.

А может, я просто сошла с ума? И разум сжалился надо мной, подсовывая знакомую картинку?.. Может, это мираж? Тем лучше...

И вдруг сердце ёкнуло: некоторое вещи показались незнакомыми, чужими. Флакончики с духами на тумбочке у кровати, валяющиеся у кровати рядом с пушистыми тапочками туфли на каблуках — но ведь она никогда не носила каблуки... Гермиона подняла руку и с недоумением уставилась на накрашенные ногти.

Это же мои руки, да? Или нет? Я сплю? Это вообще я или не я?.. Есть только один способ проверить...

Гермиона решительно ущипнула себя, вскрикнув от резкой боли. Но к её голосу примешался ещё один — её же, и в тот же миг будто невидимая рука с размаху нанесла удар — и вот, согнувшись пополам и задыхаясь, она корчилась от боли в своём молочном белом Нигде.

— Ах ты, дрянь! Решила прокрасться обратно, пока я сплю? Так тебе это не поможет! — туман чуть рассеялся, и она увидела злое и сонное лицо собственного отражения с отпечатком подушки на щеке и заплетёнными в тугую косу волосами. — Думаешь, всё так просто, да? Я не для того ждала столько времени, что-

бы... — голос затих, запутавшись в клубах окружившего Гермияну тумана, словно в вате.

— Гарри! — сознание сузилось, ей показалось, что туман свивается в тугую, липкую сеть, и она бьётся в этой сети, как пойманная рыба. — Гарри!!!

* * *

Гарри подскочил на кровати, проснувшись так резко, что не сразу сообразил, где он и кто он. Ему снилось, будто он стоит, удерживая руками огромную стену чёрной воды, вознёсшуюся под самые небеса и грозящую смести с лица земли всё живое.

Кто-то позвал меня? Кто-то... Гермияна?..

— Кто здесь? Гермияна? — неуверенным шёпотом спросил он. Поправил очки и, глубоко вздохнув, неуверенным движением отодвинул полог. Он бы совсем не удивился, увидев её, — полный мольбы и боли, её голос всё ещё отдавался в ушах. Скажем больше — он отчаянно надеялся, что она действительно стоит у его кровати. Если бы это было так... Если бы... О, он бы сейчас сделал для неё невозможное — чтобы всё вернуть, чтобы сделать всё, как прежде! Но в спальне, освещённой только неестественно ярким светом луны, заглянувшей в окно одним краешком, никого не было. Только спящие однокурсники.

Книга, над которой Гарри задремал, соскользнула с одеяла и звонко шлёпнулась на пол. Доносящийся со стороны кровати Рона храп на мгновение затих, но тут же возобновился — вдвое громче. Завозился и что-то пробормотал Невилл. Гарри свесил ноги с кровати, нашарил тапочки и подошёл к окну, чтобы налить воды. Луна отражалась в боку серебряного кувшина — словно тот был живым существом, испытующе смотрящим на юношу круглым сияющим глазом.

Тихо плеснула вода. Он сделал глоток, ещё один — холодная, она разом смела остатки сна, взбодрила, наполнила тело силами, а душу — тревогами и надеждами.

Он посмотрел на часы, потом бросил взгляд в ночь за окном — почти полная луна, чуть подпрызавшая позавчерашним полнолунием, — решительным жестом взъерошил волосы и начал осторожно, чтобы никого не разбудить, одеваться. Вытащив из-под кровати школьную сумку, в которую ещё днём было сложено всё необходимое, сунул в карман куртки волшебную палочку, взял в руку ботинки, чтобы обуться снаружи, и на цыпочках прокрался к выходу, осторожным, почти ласковым движением повернул ручку, толкнул дверь, умоляя, чтобы та не скрипнула — *уф... обошлось...* — и вышел в коридор. Пустая и тёмная гостиная — пламя в камине уже не горело, а домашние эльфы ещё не начали еженощную уборку, так что повсюду валялись фантики от конфет, сломанные перья, скомканные клочки пергамента... Под ногой что-то чвакнуло, Гарри принялся и сморщился — нет сомнений, Ароматная Лепёшка из магазина Зонко.

Похоже, дело близнецов живёт и процветает...

Он допрыгал на одной ноге до ближайшего ковра и, мысленно попросив прощения у домашних эльфов и стоящей за них горой Гермияны, тщательно вытер перепачканный ботинок.

Полная Леди в этот глухой полночный час смотрела десятый сон, сочно похрапывая где-то за пределами видимости, и Гарри, осторожно прикрыв за собой портрет, быстро зашагал к выходу.

...Запретный Лес встретил его чуть слышным шелестом начавшей уже редеть листвы над головой и мягким, влажным мхом под ногами. Полная луна освещала путь, но при этом странные и злобещие тени протянулись от камней и обвитых плющом деревьев. Не оставившаяся и не оборачиваясь, он шагал и шагал вперёд, к запрятанному в глубине леса ручью. Всё было совсем не так, как весной, когда они пробирались этой тропинкой вместе с Гермияной; ослепительное солнце, птичий щебет, запахи прелой листвы и сочной земли — это осталось в прошлом. Сейчас его окружили дышащая влагой осенняя тишина и темнота, а сквозь кроны

высоких деревьев укоризненно проглядывал ослепительно-белый диск луны. Гарри поёжился: до сих пор в ночном Запретном Лесу он бывал всего пару раз, но эти визиты во всех своих устрашающих подробностях запечатлелись в памяти и оставили весьма неприятные ощущения. Он шёл, мысленно перебирая указанные Хагридом приметы: вот огромное поваленное дерево, родничок, стекающий по каменной круче — нога соскользнула, и неожиданно холодная вода противно захлюпала в ботинке. Теперь сквозь молодой осинник... А вот и огромная старая ель — колючая ветка ударила в лицо раньше, чем он успел уклониться или защититься рукой.

— Чёрт! — лицо словно обожгло, хорошо ещё, очки спасли глаза. Гарри отвёл ветку и вышел на полянку, на которой состоялась его незабвенная встреча с тремя нимфами. Сейчас на прибитом к берегу топляке, задумчиво взирая на покачивающееся в журчащем ручье отражение луны, сидел только Диофан. Не останавливаясь, гриффиндорец решительно подошёл и опустился рядом.

— Ранней пташке — первый скучечервь, — сатир поднёс к губам свирель. Негромкий, заунывный мотив полился в такт мыслям и сомнениям, и Гарри ощутил, как из груди исчезает тревога, в душе рождается умиротворение и покой. Сатир играл и играл, не собираясь ни о чём расспрашивать. Да и так всё было понятно: если Гарри пришёл, а значит, настало время действовать, а не разговаривать.

Растворившись в мелодии, ни один из них не заметил, как еловая лапа снова качнулась, и неподалёку снова кто-то чуть слышно зачертыхался, схватившись за лицо.

* * *

— Итак?

— Всё идёт по плану, мой господин, — Люциус стоял на коленях перед камином. По-другому беседовать с тем, кто взирал на него из пламени, не представлялось возможным, и Малфой прекрасно это знал, однако коленапреклонённая, рабская поза невыносимо унижала. Ему казалось, будто он стоит на раскалённом горохе.

— Я доволен тобой, мой друг, — красные глаза Вольдеморта напоминали пылающие в пламени угли. — Прекрасно. А как продвигаются дела по созданию двойников?

— К сожалению, не так споро, как мне бы того хотелось, господин, — склонив голову так, что серебряные волосы пролились на каменный пол, признался Малфой. Это было сущей правдой: работа над двойниками Тёмного Лорда действительно застопорилась — просто у Люциуса имелись некоторые собственные планы, которые — в целях самосохранения — он намеревался хранить в глубоком секрете. — Но я делаю и сделаю всё возможное...

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Вольдеморт. — Это в твоих же интересах. Твоих и твоего сына. Кстати, о сыне. Он с честью вынес наказание. В этом, — Тёмный Лорд усмехнулся, — он похож на тебя, Люциус. Надеюсь, впредь он не позволит себе никакой неразумной инициативы?

Голова Люциуса склонилась ещё ниже — будто в порыве раскаяния он собрался биться лбом об пол.

— Не сомневайтесь, мой господин. Мальчик усвоил урок. Больше такого не повторится.

— Очень хорошо. Ему ещё многое предстоит сделать, и коль скоро на него возложена эта миссия, я должен быть уверен в нём. Полностью.

Люциус что-то забормотал. Сквозь гул огня и треск камина угадывалось «такая честь... премного благодарен... такая честь...»

— Проследи за его обучением, времени осталось не так много, мы должны быть готовы выступить в любой момент: мы ведь всегда на полшага впереди Поттера, верно?..

Глава седьмая, в которой экспедиция в Запретный Лес оказывается смертельно опасной, читателям предстоит расширить знания по Гербологии, а таинственный спаситель совершает роковую ошибку.

Сатир опустил свирель. Мелодия стихла, и ночное пространство затопила тишина — ни свиста одинокой птицы, ни плеска воды, ни шороха ветвей — вообще ничего. Мир замер, в задумчивости внимая полной покоя и умиротворения песне, что растворялась в ночи. Хрупкую тишину бессовестно нарушил сатир — хоркнул, хрюкнул; завозился, зашарил по карманам, бормоча себе под нос то ли ругательства, то ли извинения. Тусклая вспышка — и он запыхал своей коротенькой трубочкой, распространяя вокруг горьковатый запах дыма. Гарри закашлялся.

— Ничего-ничего, потерпишь. От тебя самого разит так, будто по дороге ты извалялся в куче драконьего дерьма.

Недобрым словом помянув шутников, раскидавших в гостиной Гриффиндора Ароматные Лепёшки, Гарри вытер слёзы, выступившие на глаза от едкого дыма, и повернулся к Диофану: длинноносый профилей сатира казался выкованным из света и тьмы; от него вдруг повеяло такой древностью, что Гарри поёжился.

— Так где они?

Сатир приподнял веки, и в темноте вспыхнули светящиеся странным фиолетовым светом глаза. Юноше показалось, что сама вечность бесстрастно воззрилась на него. Диофан понял его с полуслова, но не спешил с ответом. Затянулся, выпустив дым из ноздрей. Ещё раз — медленно, словно смакуя вкус и запах травок и кореньев.

— Ступай вверх по течению. Прямо по берегу. Если очень поторопишься, поспеешь к рассвету.

Словно поняв, что речь идёт о ней, речушка тихо плеснула, лизнув песок у их ног. Или, может, какая-то рыбёшка спросонья выпрыгнула взглянуть на луну?

— Спасибо. Держи.

Яркой вспышкой блеснул металл, и на ладонь сатира лёг нож. Гарри показалось, что плечи Диофана чуть дрогнули. Подняв взгляд, он снова встретился с его светящимися глазами. Сейчас в них был вопрос.

— Разве тебе он больше не нужен? Почему ты решил вдруг мне его отдать?

Гарри пожал плечами.

— Честно говоря, я сам не знаю, что мне теперь нужно, а что нет... — он говорил тихо-тихо. В принципе, сейчас было совершенно неважно — слушает ли его Диофан, слушает ли его вообще кто-нибудь: напряжённые нервы не выдерживали, ему хотелось просто произнести это, чтобы... как знать — может, тогда удалось бы избавиться от внутренней боли? — Я сам не понимаю, что и ради чего делаю. Зачем?.. Понимаешь, я уже ни в чём не уверен. Смогу ли я победить?

— А кто сказал, что ты обязательно должен победить? Сражения в жизни ведутся не ради победы — они нужны для того, чтобы чему-то нас научить. Даже те, которые мы проигрываем. Особенно — те, которые проигрываем.

— Но если я проиграю, тогда все... Мне страшно.

— Это лишь доказывает, что ты любишь жизнь. Это естественно — иногда испытывать страх. И чем больше ты любишь жизнь и тех, кто рядом, тем сильнее страх. Верно? И тогда страх опутывает тебя, начинает мешать двигаться вперёд, но стоит ли его побеждать?.. Ливившись страха, ты лишишься любви. И жизни, — сатир коротко хохотнул, но в хриплом смехе не было ни капли обычного веселья. — Любить жизнь настолько, чтобы самому отказаться от неё. Ведь тогда теряет смысл самого движения, самой жизни, верно? — Гарри озадаченно кивнул: он впервые видел Диофана таким серьёзным и не знал, как на это реагировать. — Так почему ты решил отдать мне его? — в тишине раздался звонкий щелчок, и нож распахнулся веером, явив любопытному лунному свету всевозможные лезвия, отвёртки, шипы — одним словом, заветную мечту

начинающего сади́ста. — Значит, память о крёстном больше не дорога тебе? И подарок его тоже уже не нужен?

Гарри перевёл взгляд на нож, прислушался к себе — в груди что-то больно сжалось, но тут же отпустило.

— Дело не в этом. Просто я внезапно понял — вещи лгут. Мы думаем, что предметы, слова — всё, что мы получаем от других людей, — все они хранят чьё-то тепло, частичку души, любви. Нет. Слова врут. А вещи — лишь то, что мы им приписываем. Возможно, мне не суждено выжить в этой битве. Или даже дожить до неё... — Гарри почти не пришлось делать над собой усилия, чтобы голос прозвучал ровно, — а туда я не смогу его забрать. Чем меньше вещей привяжет меня к этому миру, тем лучше. Тем свободней я буду. Я уже лишился почти всего, чем так дорожил. Оказывается, всё можно потерять, сохраняется только то, что впечатано в сердце. Подарок — это не предмет, не вещь. Это сама память о Сириусе — ведь только там он никогда не потеряется, не исчезнет, не умрёт. И не солжёт мне, как лгут наяву те, кого я считал частью себя.

Гарри замолчал, уставясь на траву под ногами. Диофан молчал — хотя, если бы Гарри даже ждал слова сочувствия или сострадания, он бы всё равно их не получил: сатиру были чужды эти чувства, как чужды они природе или вечности.

— Вот, возьми нож — ты всегда хотел его — и скажи, что мне делать.

— Да что хочешь, — сатир пожал плечами и залюбовался сиянием лезвий. Он качал нож то так, то эдак, подставляя его потоку стекающего с небес света и пуская лунных зайчиков на тёмную листву ближайших угрюмых кустов. Потом, проверяя остроту, срубил на пробу веточку и в мгновение ока вырезал из неё что-то вроде свистка. Звук заставил его недовольно поморщиться. — Тон жестковат...

— Но я думал, ты мне поможешь... — растерянно захопал глазами Гарри. — Я думал...

— С чего бы это? То, что суждено тебе, ты должен сделать сам. И на пути у тебя будет много проводников и попутчиков — ежели повезёт, конечно, но каждому предстоит пройти вместе с тобой ровно столько, сколько предначертано судьбой. Кто-то поможет тебе, кто-то будет чинить препятствия. И вовсе не обязательно первыми будут твои друзья, а вторыми — враги, ведь не всякий, кто благостно улыбается, добр и не всякий, кто говорит желчные вещи, злой, верно? — голос сатира снова чуть изменился, теперь Гарри был уверен, что тот улыбается. И точно: чуть прищуренные хитрые глаза, тронувшая губы ухмылка. Неожиданно Диофан дёрнулся и судорожно зачесался. — Блохи, чёрт бы их... С тебя, что ли? — он торопливо отодвинулся, продолжая с остервенением скрести бок. От этого шерстистого звука Гарри передёрнуло. — Тут наши с тобой пути расходятся. Я живу здесь; всё, что мне нужно, — моя свирель да стопочка-другая гиппогрифовой настойки. Твоя же участь — спасти мир. А это вверх по ручью и в полшестого утра повернуть направо.

Гарри оторопело попытался осмыслить услышанное. По чёрному небосводу прокатилась яркая звезда и ухнула за горизонт.

— Постой. Но ты же столько можешь, столько знаешь — эта твоя дудка...

— ...свирель!

— ...хорошо, свирель — твоя свирель, твои знания, все знания вашего племени — ведь это же зачем-то нужно! Как ты можешь просто взять и устраниться от борьбы со злом! Разве ты не понимаешь, что он не пощадит никого и ничего! Диофан!

— Да что ты знаешь о моём племени... Я же — как и каждый из нас — проживу столько, сколько предначер-

тано мне судьбой, — он равнодушно пожал плечами и попробовал на звук второй вырезанный свисток. На этот раз результат его удовлетворил, хотя уши Гарри не ощутили ни малейшей разницы. — Вот, возьми. Как знать, может тебе это когда-нибудь пригодится.

— Так кто же ты такой? — не предприняв ни малейшей попытки взять подарок из протянутой ладони, Гарри снова уставился тому в глаза.

— Но-но-но! Есть такой принцип: познай себя. А такого принципа, как познай меня, — нету. Держи, тебе говорят. И ступай. В полшестого повернёшь направо. Иди, никуда не сворачивая. К восьми будешь на месте.

— А я не собьюсь с дороги?

— Ориентируйся по звёздам, — хихикнул сатир, снова обретая знакомый ехидный тон.

— Это как?

— Очень просто. Где звёзды — там и небо.

— Какие звёзды, какое небо?! Прекрати издеваться!

— Ступай, тебе говорят, — не собираясь продолжать разговор, Диофан поднялся и, охнув, замер, схватившись за поясницу. — Чёртов радикулит... Погоди. Спину мне не разотрёшь?

— Этого мне не суждено судьбой. Моя участь — спасти мир, — ядовито заметил Гарри. Прощально взмахнув рукой, он отправился вдоль ручья, раздвигая кусты и выбирая местечко посуше, прежде чем поставить ногу. Впрочем, через пару метров в ботинках снова противно зачвакало и, смирившись со своей участью, Гарри пошёл напролом.

— Ступай, мальчик. Возможно, ты идёшь навстречу своей смерти. А может — бессмертию. Впрочем, это одно и то же. Лучше не знать, что тебя ждёт этим утром... Помолись по дороге. Эх-хе-хе, грехи наши тяжкие, — в голосе Диофана отчётливо прозвучали хагридовские интонации. — И где тут моя бутылочка?

Он, постанывая от боли в простреленной радикулитом спине, извлёк из-под коряги ёмкость с мутной, опалесцирующей в темноте жидкостью, плеснул чуть-чуть в ладонь и с видимым удовольствием понюхал. Потом попробовал на язык, звонко причмокнув. Удручённо вздохнул, растёр себе поясницу, побряхтел и частично разогнулся, тут же поднес бутылку к губам. Острый кадык заходил вверх-вниз под задранный к небу курчавой бородой — сейчас лунный свет заливал его щедрым серебром, делая каким-то подобием парковой скульптуры: то ли трубящим Страшный Суд ангелом, у которого хулиганы отломали крылья, то ли иллюстрацией на тему «Пьянству — бой!». Осушив бутылку наполовину и заметно покачиваясь, сатир убрёл в темноту. Через какое-то время в отдалении вздохнула свирель, тут же умолкнув и сменившись залившимся храпом.

Едва стало понятно, что обратно он не вернётся, из-за ели выскользнула тень и торопливо направилась в сторону, где скрылся Гарри.

...Забрезжил рассвет. Гарри сделал несколько проверочных бросков в разные стороны и обнаружил, что ветви деревьев со всех сторон сплелись мертвым. Но хуже всего было другое: он давно уже не понимал, что такое «вперёд» и что такое «назад». Чувство пространства исчезло полностью. Да и чувство времени — тоже. Он посмотрел на часы, пытаясь сообразить, сколько ему ещё предстоит пройти вглубь леса, как вдруг услышал сзади хруст ломающихся ветвей — судя по всему, кто-то довольно крупный по размеру ломился сквозь чащу. И насчёт дружелюбности его намерений у Гарри были очень большие подозрения, а потому, решив на всякий случай не связываться, он рванулся вперёд, продираясь сквозь хлещущие по лицу и телу ветви.

Бурелом кончился так внезапно, что гриффиндорец не успел затормозить: ноги заскользили по высокому и скользкому от бесконечных дождей глинистому обрыву, и с пятнадцатифутовой высоты он рухнул вниз, ударившись по дороге головой об какую-то корягу и

ещё в полёте потеряв сознание. Мягкая высокая трава раздвинулась, принимая его тело, и снова сомкнулась.

* * *

И снился Невиллу сон. Можно даже сказать, весьма приятный поначалу: медленный полёт над раскинувшимся внизу мягким зелёным лугом. Солнце светило, птицы пели, узкая лента реки поблёскивала где-то вдаль. Куда, откуда и зачем он летел, Невилл не знал, впрочем, это не имело ни малейшего значения. Но вдруг, очередной раз опустив глаза вниз, дабы полюбоваться расстилающимся внизу пейзажем, он вдруг обнаружил, что метла из-под него исчезла. Открытие оказалось несвоевременным и неприятным: Невилл пошарил в воздухе руками — как знать, может, та просто стала невидимой? В этот миг, будто спохватившись, притяжение схватило его за ноги и резко дёрнуло вниз — чтоб со всего маху не брякнуться обземь, пришлось замахать руками, как птице — крыльями. Самое неприятное, что бархатная долина внизу тут же сменилась каменистыми утёсами и глубокими ущельями, от одного вида которых сразу захотелось зарыдать.

— Маньяк — он и в Африке маньяк, — грудной голос Лавендер раздался за спиной и, обернувшись, Невилл увидел её, причём именно так, как она предстала перед ним на Рождество, когда его угораздило отвратить эксклюзивных Всевкусных Орешков. Одета только в кружевной пояс и чулки, Лавендер восседала на метле, кокетливо болтая в воздухе ногами. Впрочем, с учётом трагичности ситуации, её внешний вид взволновал как-то до обидного мало.

— Помоги мне, — Невилл попытался умоляюще сложить руки, но тут же провалился вниз на добрых два десятка футов. Пришлось замахать руками с удвоенной скоростью, чтобы медленно подняться на исходную высоту — Лавендер, помоги мне приземлиться, а?

— А зачем? Тебе незачем приземляться — лети себе... ВОИ ИЗ ХОГВАРТА! — на последних словах голос вдруг изменился, став голосом профессора Снейпа, и Невилл в ужасе зажмурился, подумав, что сейчас и сам Снейп предстанет перед ним, причём в том же наряде, что и Лавендер. — Я пошутила, пошутила, — она звонко захихикала. — Вот, съешь — сразу полегчает, — и кинула ему прямо в рот какую-то конфету. Невилл послушно проглотил и тут же почувствовал, что покрывается перьями — неоднократно испытанное им по воле близнецов Уизли ощущение. В руках-крыльях появилась приятная лёгкость, тело стало невесомым; он заложил вираж вокруг хохочущей одноклассницы, благодарно щечка, но она вдруг снова что-то подбросила в воздух — и это что-то обернулось тигром. Нет, точнее, это был кот, ещё точнее — гермионин Косолапсус, но — Мерлин меня храни! — каких он был размеров!

В глазах зверя полыхало самое настоящее пламя, искры полетели в разные стороны, когда с голодным урчанием он погнался за Невиллом, — как бедолага ни старался, как ни выбивался из сил, расстояние всё сокращалось... Последний бросок, и трепещущее птичье сердце с грохотом разорвалось...

Не понимая, орал он от ужаса или нет, Невилл лежал на своей кровати, держась за грудь. Грохот таким настоящим, что он сам удивился, обнаружив, что сердце по-прежнему бьётся. В спальне послышалась какая-то возня, и Лонгботтом осторожно выглянул из-за полога, обнаружив, что не спит не ему одному: Гарри Поттер в пижаме и тапках на босу ногу стоял у кровати с какой-то книгой в руках.

Это только сон. Фу-у-у...

Сердцебиение постепенно выравнивалось, дыхание тоже приходило в норму, Невилл лежал на кровати, следя сквозь неплотно задвинутый полог за происходящим в спальне. Вот Гарри подошёл к окну, вот медленно, цедя сквозь зубы, выпил стакан воды, вот замер,

глядя куда-то вдаль. И вдруг — будто приняв какое-то решение, быстро вернулся к своей кровати и начал паковать сумку.

За время учёбы Лонгботтом неплохо изучил Гарри Поттера. Куда лучше многих других одноклассников (за исключением, конечно, Рона и Гермионы). Просто у самого Невилла никогда не было друзей, и всё, что ему оставалось в свободное от уроков время, — наблюдать за чужой дружбой и любовью, чужими переживаниями и чужим весельем. И сейчас одного взгляда на однокурсника было достаточно, чтобы понять, — тот собирается отнюдь не на увеселительную прогулку.

Сначала Невилл хотел обнаружить своё присутствие и попробовать уговорить не делать глупостей, но, как уже говорилось, он хорошо знал Гарри и отдавал себе отчёт — это ни к чему не приведёт. И тогда, дождавшись чуть слышного скрипа двери — и тишину теперь нарушал только надрывный храп Рона — Невилл быстро оделся и отправился следом, благо, устойчивый и неповторимый аромат не давал сбиться с верного курса.

А дорога оказалась непростой и полной неожиданностей — Невилл не раз и не два пожалел, что вылез из тёплой постели и за каким-то чёртом потащился в темноту в поисках приключений на собственную голову. Ему уже приходилось бывать в ночном Запретном Лесу. Бр-р. Но тогда рядом хотя бы была Гермиона, в чьём всемогуществе он не сомневался довольно долгое время. И Хагрид. Сейчас же он шёл один, прекрасно понимая, что, едва опушка скрылась с глаз, и высокие деревья сомкнулись со всех сторон, путь назад оказался отрезанным: теперь, если он потеряет в лесу Гарри, то ни за что не найдёт обратную дорогу.

Когда Невилл наконец-то нагнал его, то едва не прыгал от радости, невзирая даже на боль от впившейся в лицо еловой хвои. Сначала ему захотелось выскочить на поляну, но, подумав, что, ежели Гарри ради какой-то встречи тащился в такую рискованную даль и глушь, прерывать беседу будет, по крайней мере, невежливо, Невилл замер, согнувшись в три погибели под широкой еловой лапой. Но Гарри, просидев битых полчаса рядом со странным получеловеком-полукозлом, отнюдь не отправился обратно, а решительным шагом двинулся дальше вдоль ручья.

Поняв, что ничего другого не остаётся, Невилл покорным бычком отправился следом — почти бегом, надеясь нагнать и упротить вернуться. Он давно уже не обращал внимания на осторожность и звонко шлёпал прямо по воде, продираясь сквозь густой ивняк и камыши. Наверное, прошёл час или, может быть, даже два — Невилл перешёл на бег, но быстро устал и снова поплёлся, с каждым шагом впадая в отчаяние: несмотря на все усилия, догнать Гарри не получалось, а кричать он бы не стал даже под страхом смерти. Не факт, что в ответ на вопль помощи пришёл бы именно тот, кого звали.

И вдруг... — *ага!* — он, услышав в чащобе возню, негромкие чертыханья и, возликовав, ринулся напролом, наплевав на затрепавшую по швам куртку, оставляя на шипах клочки ткани, расцарапывая себе руки и лицо... и заорал от неожиданности, едва не сорвавшись с крутого глинистого склона, с которого несколькими мгновениями раньше упал Гарри.

Он сам не знал, сколько метался в ужасе, ища подходящий спуск, сколько потом бродил в этой высокой траве — не по-осеннему зелёной, крепкой, сочной. Время от времени ему попадались обвившие невысокие деревца какие-то странные лианы, яркие цветы на которых почему-то не радовали, а, напротив, вызывали неосознанное беспокойство. Впрочем, сейчас Невиллу было не до гербариев — он едва не сорвал голос, зовя Гарри по имени, и всё больше и больше переполнялся отчаянием: если тот не откликается, значит, случилось что-то серьёзное... И вдруг... Раздвинув источающие сладкий запах цветы, увидел вывоженные в глине знаковые ботинки, гордо взирающие в небо.

— Гарри!

Он опустился рядом на корточки, тут же поняв, что радость оказалась преждевременной, и всё обстоит куда хуже, чем можно было предположить, — и дело даже не в том, что Гарри расшибся...

Эти цветы, ведь это...

Он отчаянно замотал головой. Последняя мелькнувшая у Невилла мысль была о том, что странные растения не зря так сразу ему не понравились...

* * *

— Гарри! Гарри!!!

Гарри подскочил, проснувшись так резко, что не сразу сообразил, где он и кто он. Он спал, и ему снилось... ему явно что-то снилось, но что?..

Кто-то позвал меня? Кто-то...

— Кто здесь?

— И вы, мистер Поттер, ещё смеете хлопать глазами и задавать вопросы, заснув прямо посередине урока? — профессор Гринт наклонился так близко, что, увидев спросонья прямо перед собой вытянутую физиономию химика — раздувшиеся ноздри, полный бешенства взгляд, Гарри не сдержался:

— Мама! — это довело профессора до белого каления. Класс грохнул.

— Я вам покажу сейчас и маму, и папу! Я снимаю пять баллов с вашего колледжа! А ещё одно замечание по поводу моего лица — и вы лишите свой факультет ещё десятка очков! А теперь — вон из класса! И придётся отрабатывать это занятие после уроков, ясно?

Мрачно кивнул, Гарри поплёлся к выходу.

— Гад-гад-гад, — он беззлобно стукнул кулаком о подоконник в коридоре и завозился, устраиваясь поудобнее. Сквозь пиджак пробирал холодок от оконного стекла. — Сейчас вот ещё на мистера Пратта налечу. Или, не дай бог — на миссис Шоу...

Будто в ответ на его опасения, раздалися шаги, и из-за угла действительно показалась профессор Шоу — как всегда, в длинном тёмно-зелёном платье, сколотом на горле крупной брошью, и с высокой, напоминающей остроконечную башню, причёской. Гарри сжался на подоконнике — что при его габаритах было совсем не просто, и пожалел стать невидимым и незаметным. Не тут-то было: декан направилась напрямик к нему, и её поджатые губы и строго сдвинутые брови не сулили ничего хорошего.

— Так-так, мистер Поттер... Ступайте за мной.

В учительской — всё с тем же старинным шкафом в углу, в котором наверняка по-прежнему пылились древние плакаты, химические халаты и покрытые плесенью клеёнчатые фартуки, — Гарри опустился на краешек ветхого кожаного дивана, тут же впившегося ему пружиной в весьма уязвимое место. Юноша тихо ойкнул и подвинулся, но вредная пружина, похоже, была не одна, а с целой группой поддержки.

— У меня к вам серьёзный разговор по поводу вашей учёбы и вашего будущего, мистер Поттер.

— Ум-гум, — невразумительно пробормотал Гарри и осторожно переполз в сторону ещё на пару дюймов. Пружины не отставали, каждый раз выбирая всё более и более нежное место для атаки. Гарри мог думать только о том, куда они воткнутся в следующий раз.

Наверное, это и называется — сидеть на шиле.

— Ваша учёба в последнее время... бла-бла-бла... — пять дюймов влево и ещё один чувствительный укол.

— О!..

— Уровень домашний заданий не может не... — бросок вправо. Бесплезно.

— А!..

— По отзывам профессоров Хонесса и Уотсон, ваши ответы на уроке... — Гарри подсунул под себя ладонь, но коварная пружина ухитрилась миновать её, снова чувствительно воткнувшись в седалище.

— М-м!..

— А профессор Гринт сказал, что вы его лучший ученик за последние несколько лет. Да прекратите же елозить, мистер Поттер!

— Что? Гринт считает меня лучшим учеником?! — от неожиданности Гарри замер, забыв об уязвимых тылах, и пружина, разогнувшись с триумфальным щелчком, достигла своей цели. — ВАУ!!!

— Понимаю ваше ликование, — кивнула миссис Шоу и позволила себе чуть-чуть улыбнуться, — признать, профессор Гринт в последние несколько лет ни об одном из студентов не отзывался в таких превосходных степенях. Тем серьезнее, видимо, ваш проступок, коли он выставил вас из класса, — она строго сверкнула глазами. — Но сейчас речь не об этом. С Высших Курсов Службы Безопасности Её Величества поступил запрос на подготовку молодых специалистов. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь...

— Нет-нет, спасибо, я постою, постою.

Пружины разочарованно покачивались, выглядывая из прорех в обшивке дивана.

Надеюсь, мои штаны имеют более презентабельный вид...

Гарри осторожно провёл рукой по зудящим тылам и с прискорбием убедился, что брюки больше напоминают дуршлаг. Что напоминает находящееся ПОД ними, ему даже думать не хотелось.

— Ну, как угодно. Так вот — речь идёт, в первую очередь о вас, мистер Поттер. Не хотели бы вы послужить безопасности нашей родины?

— Я? — слёзы текли по щекам, он был готов буквально прыгать на месте — правда, не совсем уверенный, что всё это только проявление радости. — Конечно!!!

Неправильно истолковав причину столь бурной реакции, профессор Шоу улыбнулась куда теплее, подала Гарри официальный конверт и украдкой коснулась глаз вытасненным из кармана платком — несмотря на внешнюю суровость, она была до смешного сентиментальна.

— Никогда в вас не сомневалась. Вы весь в отца — несомненно, уже в ближайшее время он будет вами гордиться, как гордимся им все мы. В таком случае, изучите ваше индивидуальное расписание и приступайте с завтрашнего же дня.

— ...Ну, что, получил взбучку? — Дэниэл Моррис, известный на всю школу задира и давний противник Гарри — в учёбе, футболе и ухаживании за девушками, явно поджидал: мечтал исполнить радостную чётку, как следует утрамбовав свежую могилу врага. За спиной ворчащими громадинами топтались его приятели и, по совместительству, телохранители³¹.

— И не мечтай, — Гарри развернул пергамент и ткнул им в лицо своему недругу. В нём чёрным по белому сообщалось: «Ввиду исключительных успехов в теоретических и практических науках, а также высокого уровня физической подготовки, студента 6 курса естественнонаучного факультета Поттера, Гарри зачислить на подготовительное отделение Высших Курсов Службы Безопасности Её Величества с дальнейшим зачислением в штат». — Что, съел?

Такого удара Моррис пережить не мог, а ликующая физиономия Гарри находилась так близко и была настолько соблазнительной, что он изо всех сил размахнулся, и... и через миг уже сползал на пол, нечленораздельно булькая и вращая глазами. У противоположной стены коридора, держась за щёку (удар Морриса достиг-таки своей цели) сидел Гарри, а посередине, со всё ещё высоко вскинутым в воздух крепким кулаком, стояла девушка. Из-под сурово сдвинутых бровей глаза — удивительного ярко-зелёного цвета — метали

гневные искры.

— Опять за своё?! Моррис, я тебя два раза предупредила — всё, моё терпение лопнуло. Сам напросился. Где там наш мастер пыток?

— О... если это будет миссис Шоу, я согласен, — сипло пропептал Дуглас.

— Идиот! — к Дэниэлу Моррису вернулся голос, хотя сейчас он звучал почти на целую октаву выше. — Я не собираюсь умирать из-за твоих дурацких фантазий!

Ближайшая дверь распахнулась, из кабинета вышла однокурница Гарри, красавица-блондинка Хизер Купер (известная своей взбалмошностью и экстравагантными выходками) — в кожаном бикини и полумаске, закрывающей лицо. Малин пискнул и закрыл глаза. Хизер извлекла из-за пояса нечто, напоминающее хлыст, и звонко щёлкнула им об пол. Посыпались искры.

Ого! Запахло жареным.

Благодарно улыбнувшись спасительнице и подав ей знак, понятный лишь им двоим, Гарри почёл за не-обходимое срочно ретироваться. Пятясь задом, чтобы не терять из вида поле битвы и напоследок насладиться мгновениями триумфа одноклассниц, он добрался до угла и припустил по коридору и вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки. Лестницы отнюдь не платили добром за подобный неуважительный к этим древним стенам темп: и вот, споткнувшись и потеряв ботинок, он кубарем полетел вниз, сбив с ног неторопливо шествующего с книгами в руках высокого румяного паренька примерно одного с ним возраста.

— Прости! — потирая ушибленные места (правда, сейчас легче было потерять места неушибленные: от кульбитов на ступенях и жёсткого приземления болело почти всё), Гарри ждал, когда мир прекратит своё безумное вращение. — Давай я тебе помогу!

Но тот сидел, не двигаясь и не высказывая ни малейшего возмущения из-за раскиданных вокруг томов-томиков-томищ, и сосредоточенно, будто сился вспомнить что-то важное, смотрел на Гарри. Последнему даже подумалось, что, вероятно, он ударил незнакомца куда сильнее, чем это могло показаться.

— Эй, как тебя зовут?

— Невилл, — с удивлением ответил незнакомый парень. — Меня зовут Невилл Лонгботтом.

Какое-то странное имя...

— Что-то я тебя ни разу не видел в школе. Ты что — новенький?

— Наверное, — растерянно кивнул тот, чем вызвал у Гарри большие подозрения по поводу умственной состоятельности. — А ты кто?

— Я — Гарри Поттер.

— А... ясно, я так и знал, — неожиданно юноша приложил ладони к вискам и зажмурился.

— Эй, Невилл! Сильно ушибся, да? Ну-ка, посмотри на меня! Сколько у меня голов?

— Как положено — две, — тот улыбнулся, хотя огонёк задумчивости из его глаз не исчез.

— Ты куда шёл? Может, тебя проводить?

— Да вот... — Невилл, не сводя глаз с Гарри, принялся сгребать с пола книги, продолжая сосредоточенно размышлять о чём-то своём. — Надо сдать книги в библиотеку.

— Помочь? — Гарри бросил взгляд на обложки: «Р. Х. Роббинс. Энциклопедия колдовства и демонологии», «Д. Кавендин. Магия Запада». От этих названий опять что-то трепыхнулось в груди, но, как Гарри ни силился, вспомнить не мог. — Ух ты, пишешь доклад по истории средневековья?

— История? Наверное... Да, что-то типа того...

Гарри принялся собирать книги с пола, бегом проглядывая названия. «Папюс. Практическая магия», «Книга Еноха: Апокрифы», — чёткое ощущение, будто где-то и когда-то он всё это уже видел, назойливым ночным комаром запищало внутри.

Но где? Может, мне это приснилось?.. Или случай-но видел в библиотеке?

³¹ Моррис изрядно всех достал и не рисковал в одиночку ходить по школе, предпочитая отпугивать недоброжелателей увесистыми кулаками Дэвида Дугласа и Мартина Малина. И дело было даже не в том, что он не мог дать сдачи, просто его папочка, известный меценат и аристократ с тёмным прошлым, вбил ему в голову, что «марать кулаки о чернь Моррисы позволить себе не могут».

«Редкие и опасные представители английской флоры».

Сзади раздалась торопливые лёгкие шаги:

— Гарри?.. — давешняя девушка, только что вступившая за него в коридоре, улыбаясь, стояла на ступеньках. — Можно тебя на минутку?

— Конечно. Кстати, познакомьтесь: это Невилл Лонгботтом. А это Флора...

— Можно просто Флора, — с неудовольствием взглянув на сидящего на полу Невилла, перебила Гарри девушка.

— Я вас где-то уже видел, — тихо заметил Невилл, задумчиво морщась.

— Да-да, именно поэтому я туда больше не хожу. Гарри?.. — она легонько потянула его за руку.

— Мне пора. Невилл, прости, — чуть покраснев и машинально сунув методичку по ботанике в карман пиджака, Гарри приобнял подругу за плечо. Она улыбнулась, чуть склонив голову.

— Что ты с ним разговариваешь? Разве ты не знаешь, что он чокнутый? Пойдём... — тихонько шевельнулись её губы, и он улыбнулся в ответ. Ему показалось, будто от неё идёт сияние, будто лёгкие, тёплые лучи, исходящие из её глаз, рук, от её улыбки, обвивают его коконом света.

Оставив Невилла сидеть у лестницы среди раскиданных книг, они, взявшись за руки, побежали по ближайшему коридору. Потом по узенькой винтовой лестнице, крадясь на цыпочках, — чтобы не выдали громыханьем гулкие чугунные ступени — вверх, в место, ведомое только им двоим... Узкий коридор, тусклая пыльная лампочка, кабинеты, кабинеты... За влюблёнными захлопнулась дверь, и уже мгновение спустя, полужёла на ближайшей парте, они самозабвенно целовались.

— Почему ты не пришла ночью? — от захвативших его ощущений у Гарри внезапно закружилась голова, и он сполз на пол у ног Флоры, прижавшись лицом к коленям. От её одежды пахло свежескошенной травой и ветром.

— Я не могла... — над его головой раздалась возня, и её форменный зелёный пиджачок и галстук-бабочка оказались на полу. — Пэт просидела с учебником всю ночь, я не могла выскользнуть из комнаты незамеченной. Прости. Но ведь мы можем наверстать упущенное... — она лукаво улыбнулась, провела пальцем по его шее вдоль линии волос и начала расстёгивать блузку. Он поднял взгляд, наслаждаясь её движениями и зная, что счастливее, чем он сейчас, в мире человека нет. На её указательном пальце темнело крошечное чернильное пятнышко, взглянув на которое Гарри внезапно ощутил укол в сердце.

Что со мной? — ему показалось, будто над головой прошелестел порыв ветра. Она вздрогнула и вопросительно взглянула ему в лицо.

— Что... это? — не в силах удержаться, он взял её руку в свою и поднёс к глазам. Крошечное чернильное пятнышко. Странное чувство. Он был уверен, что видел нечто подобное. Но у кого? Где?

— Пустяки, я просто испачкалась, когда писала сочинение, — её мягкая и тёплая рука прикоснулась к его лицу, осторожно сняла очки.

Писала сочинение.

«Я испачкалась, когда писала эссе по зельям», — произнёс в голове чей-то звонкий незнакомый голос.

Чей? Гарри не мог вспомнить. Он попытался снова отнять её руку от своего лица, взглянуть на это странное пятнышко.

— Что с тобой? — Флора подняла его голову за подбородок. Ярко-зелёные, как молодая листва, глаза, заглянули ему в самое сердце — у Гарри снова сладко-сладко защемило сердце. Сомнения и тревоги мигмом испарились, когда её узкая ладошка нырнула ему под рубашку между пуговиц. — Ты не хочешь быть со мной?

— Хочу, конечно хочу!

— Ты ведь хочешь этого так же, как и я, да?

— Да, да... — встав, он сбросил с себя пиджак и, мягко отведя её руку, сам занялся её пуговицами.

— Чем докажешь? — она с игривым любопытством заглянула ему в глаза.

— А вот этим, — он внезапно припал к нежному изгибу её шеи.

— Дурачок! Пусти! — мягко смеясь, она забилась в его руках. — Мне щекотно! И потом останется след!

— Конечно, — улыбнулся он. — Непременно останется. Это — моё доказательство.

Гарри вернулся к её пуговицам. Она, откинув голову назад, неотрывно смотрела на него. Вдруг её ноги обхватили его за бедра, притянули, потом оттолкнули. Она рассмеялась и обняла руками поперёк талии — так крепко, сильно, что Гарри вскрикнул от боли.

— Флора!

— Я сделала тебе больно? Ой, прости. Не ты ли мне всегда твердил, что хотел бы, чтоб я задушила тебя в объятиях?..

— Конечно, — он улыбнулся и прикрыл глаза. Пальцы работали сами по себе — её тело, чуть прохладное, гибкое, стройное, как молодое деревце, — оно всегда сводило его с ума. — Я и сейчас этого хочу.

— Я тоже... Иди ко мне...

— Сейчас... — он торопливо завозился с заклинившей, как назло, пряжкой ремня. — Надо же — в самый неподходящий момент!..

— Гарри! Гарри! — из коридора донеслось чугунное громыханье лестницы и шаги. — Га-арри! Где ты?

— Его только не хватало! — сердито нахмурилась Флора.

— Точно тебе говорю — они поднимались сюда, — раздался чей-то голос. — Ладно, я пошёл, сам ищи.

— Га-арри! — снова заголосил Невилл, начав, судя по шуму и грохоту, открывать все двери подряд. Грохот неотвратимо приближался.

— Чёрт, — простонал Гарри. — Вот так всегда: на самом интересном месте!

Хлопнула соседняя дверь. Раздалась шаги. Дверь дёрнулась, но не подалась — сквозь ручку была продёрнута швабра.

— Гарри, Гарри, ты тут? Гарри! Отзовись!

— Давай сделаем вид, будто тут никого нет, — её мягкая ладонь легла ему на щёку и с неожиданной силой развернула лицо Гарри к себе. Губы снова прикоснулись к подбородку, губам...

— Гарри! Где ты?

— Слушай, я так не могу, — он вывернулся из её рук и встал. — Я его по-быстренькому спроважу, ладно? Никуда не уходи...

— Угу, ты ещё скажи — я сейчас, начинай без меня, — хихикнула она вслед, глядя на его нетвёрдую походку. — Возвращайся поскорее...

Испытывая странную слабость во всём теле, Гарри накиннул на плечи пиджак, выскочил в коридор, прикрыв поплотнее дверь, и яростно вытарачился на бледного и задыхающегося от волнения и беготни по этажам Невилла:

— Чего тебе надо?!

— Ты не видел... такая тонкая книжка, по ботанике? Когда ты меня сшиб... Книжка, понимаешь? Мне она срочно нужна, мадам Лавье дала мне её всего на три часа...

— Невилл, ты действительно дурак, как про тебя говорят, или прикидываешься?! — почувствовав прилив ярости при мысли о том, что их прервали ради такой ерунды, Гарри ощутимо потрянул Лонгботтома — голова у того дёрнулась, грозя оторваться. — Какая, к манतिकоре, книжка?! — это странное слово само собой соскочило с губ, и юноши оторопело уставились друг на друга. — Так какая книжка? — сбавив тон, спросил Гарри, лихорадочно соображая, насколько неприлично прозвучало ругательство.

— «Редкие и опасные представители английской флоры», — пролепетал Невилл.

— Знаешь, что я тебе скажу? Я тебя самого сейчас превращу во флору... и фауну! — вдруг из кармана вы-

пала небольшая брошюрка, при виде которой Невилл просиял.

— Ну, вот же она!

Они присели на корточки, причём Гарри был близок к тому, чтобы разорвать книжку в клочья. Жёлтые от времени страницы, покрытые убогим текстом с рисунками.

Что-то снова кольнуло в груди при виде иллюстрации.

— Что это? — вмиг забыв, что за дверью его ждёт любимая девушка, Гарри медленно протянул руку и кончиками пальцев осторожно коснулся рисунка, изображающего странный цветок.

— Это... — Невилл наморщился, будто слова причиняли ему боль. — Вроде бы что-то знакомое... Нет, не помню. А подписи нет? Постой... Ведь я это точно уже где-то видел...

— Я тоже... Погоди...

Дверь позади Гарри с грохотом распахнулась и в проёме возникла Флора.

— Гарри, куда ты подевался? Что вы тут делаете? — она перегнулась через головы ребят и побледнела от гнева. В её голосе зазвучали командные нотки. — Невилл, ты куда-то шёл? Вот и иди! Гарри!..

Но Гарри словно не слышал. В голове гудело, перед глазами мелькали странные, обрывочные образы, которые он никак не мог уловить, в ушах звучали голоса, произносящие странные слова...

— Постой, Флора. Мне нужно... Нужно что-то вспомнить... — одними губами произнёс он — голос не слушался, ему казалось, что голова сейчас лопнет от напряжения.

— Ничего не надо! — она потянула его вверх, но Невилл крепко схватил Гарри за руку. — Отпусти его, ты, псих! Гарри, пойдём! Ну же!

— Подождите! Этот цветок... Сейчас... Это должно быть здесь, — Невилл дрожащей рукой, жмурясь от напряжения, перелистнул страницу, но в тот же миг перед его лицом мелькнула зелёная ветка, и книжка исчезла прямо из-под носа.

Юноши вытаращили глаза: Флора стояла, прижимая брошюрку к груди.

— Как тебе это удалось? Кто ты?! — их вопросы прозвучали в унисон, в ответ она рассмеялась, и Гарри пронзила боль, источника которой он, как ни искал, обнаружить не смог. Всё тело заломило, словно опутанное десятками тугих канатов, дышать стало тяжело. Он поднял умоляющий взгляд на Невилла. Красный от натуги, тот пытался открыть рот, борясь изо всех сил с невидимым врагом. На лбу выступили крупные капли пота, он скрипел зубами, хватался за шею, грудь, безуспешно пытаясь что-то сказать.

А Флора всё смеялась и смеялась — тихо, будто шелестела трава. Буквально на глазах её волосы изменили цвет и стали зелёными — такими же, как и глаза. Невилл с остервенением вцепился в губу, взыв от боли и словно обретая от этого силы: рванувшись, он закричал:

— Гарри, это... Это растение!!!! Смертоносный Цветок Иллюзий, — в тот же миг его лицо и тело вздулось, как будто стянутое невидимыми путами — он взвыл от боли. Кожа на руках треснула, во все стороны брызнула кровь. — Гарри, мы попали в иллюзию, всё кругом ненастоящее! Борись, нам надо вырваться из-под его власти!

— Слишком поздно, — прошелестела Флора. — Слишком поздно... Для вас уже всё кончено... — в волосах её появились почки, тут же проклюнувшиеся листьями, а пальцы начали удлиняться, обращаясь цепкими усиками. Извиваясь в воздухе, они жадно потянулись к корчащимся на полу Гарри и Невиллу. Узкий коридор заполнился шелестом луга, запахом леса. Оплетённая выюнами тусклая лампа погасла, но темнота не наступила — теперь свет шёл от самой Флоры: лёгкий, зеленоватый свет просвечивающей против солнца листвы.

— Флора... — простонал Гарри.

— Гарри!!! Вспомни — кто ты! Кто я! Вспомни своих друзей, Гарри, иначе!.. — воззвал Невилл, но в этот момент что-то неприятно хрупнуло, и он умолк, обвиснув в воздухе.

— Флора... — Гарри никак не мог понять, что случилось, в какую фантазмагорию он попал. Это же его девушка, его давняя подруга... — Что это?.. — Гарри смотрел на неё, на Невилла, чувствуя, как слабость нарастает с каждой секундой, и сил на сопротивление остаётся всё меньше. Флора протянула к нему что-то — сначала Гарри показалось, будто это какие-то куски дёрна, но внезапно он понял — это её ладони — вернее, то, что когда-то ими было. Из них проросла трава, зашекетавшая Гарри лицо. Как приятно... и боль почти ушла, начало неудержимо клонить в сон. — Что это?..

— Усни... усни навеки. Если бы не он, всё могло бы быть приятнее — ты бы тихо умер, обнимая любимую, — прошуршала она.

— О чём ты, Флора?! Ведь это я, Гарри! Ведь мы с тобой!..

Внезапно затянута плющом стена покачнулась, и он увидел над собой потолок, а в уголке попавшего в поле зрения узкого окна — продравшиеся сквозь пыль и копоть яркие звёзды.

Ночь? Уже ночь?... Пора спать...

Усни... усни навеки.

Звёзды...

И вдруг в голове прозвучал звонкий детский голосок: «Я знаю — этот потолок так заколдован, что всегда показывает небо. Это написано в моей любимой книге — Хогвартс, история».

Яркой вспышкой они появились перед ним на фоне просвечивающего сквозь всё густеющую листву неба — смеющееся лицо кареглазой девочки, рыжие вихры мальчика, каменные ворота старинного замка, искры, слетающие с поднятых волшебных палочек... Дальше картинки полетели с такой скоростью, что у Гарри всё поплыло перед глазами, он едва не задохнулся, попав в этот круговорот: запрокинувшая голову Гермиона, вкус её слёз — «Мы не расстанемся, я буду писать, звонить каждый день — я обещаю»... Сдвинутые брови Рона — «...отвали от меня, Поттер! Мне надоело за тобой таскаться!». Острые, как голубые льдинки, глаза Дамблдора. Книга... Да, точно — ещё одна книга.

«Меа гиха» — Защитник — Запретный лес!

Странные слова Невилла вдруг обрели смысл.

— Я в Запретном Лесу! — собрав силы, заорал Гарри и задёргался. — А это просто иллюзия!

Свет факелов вокруг померк, листья разом опали, бурея и исчезая на глазах. Иллюзия рассеялась: спелёнутые, будто мумии, обвитые с ног до головы тугими лианами, они с Невиллом находились под высоким обрывом, а над их головами, засты звёздное небо, склонились ставшие огромными цветы — теперь Гарри их узнал. Гербология. Т.Р.И.Т.О.Н. Flora fantasia. Запах, сладкий запах — потеряв сознание при падении, он надыхался ядом, свалившись в самую гущу молодой поросли. Он попробовал подвигаться, но в тот же миг боль свела тело, пронзив сотнями острых игл. С трудом опустив голову, Гарри понял, в чём дело, — острые колючки и присоски проникли под одежду, покрывали буквально каждый дюйм его тела, медленно, но неотвратимо подбираясь к горлу и лицу. А сверху, напиваясь его кровью, набухал огромный цветок, клонясь всё ниже и ниже.

— Невилл! Невилл, ты меня слышишь? — Гарри задёргался в высокой траве. Невилл обвис на толстой лиане. Он был без сознания — как и в той нереальной реальности, из которой они только что вынырнули. Тонкий усик, медленно извиваясь, обвил голову одноклассника и присосался к виску, начав на глазах разбухать. Другой всё туже и туже стягивал шею. Невилл побледнел, глаза запали, под ними появились тёмные круги. Гарри закричал от ужаса — но Лонгботтом даже не двинулся, словно жизнь уже оставила его тело. Из-

под воротника Гарри выползла веточка, легко касаясь лица, скользнула за ухо и тоже больно впилась в шею.

Сколько он мог сопротивляться? Как?

Гарри отчаянно замотал головой, пытаясь вернуться от всё глубже и глубже вгрызающегося в его тело растения. Звёзды заболтались перед глазами, голова закружилась, затошнило. Он знал, что если сейчас сдастся, если покорно закроет глаза, если перестанет сопротивляться — и пусть даже он осознаёт, что это сопротивление совершенно бессмысленно, — поступи так, он откажется от всех, чьи образы только что вернули его к реальности — хотя теперь их улыбки и тепло существовали лишь в его памяти, от того, ради чего он пришёл сюда.

Ты — единственный, кто МОЖЕТ это сделать: проложить путь к свету — для себя и для нас всех. Проторить его — собой.

И Гарри снова отчаянно закричал, вложив в этот первобытный истошный вопль всю жажду жизни, и рванул из всех сил; растение хрустнуло — сочно, противно, и путы ослабли, но, спустя миг, накиннулись на него с новой силой, однако этого мгновения свободы хватило, чтобы Гарри нашарил в траве свою волшебную палочку и, коснувшись её кончиками пальцев, крикнул:

— Incendio!

Полыхнул яростный огонь, и уже спустя миг они с Невиллом находились в круге вставшего стеной пламени. Гарри судорожно задёргался, выворачиваясь из умирающих в огне, но не сдающихся ветвей и лиан. Всеми шипами, иглами, ветвями те их последних сил впилась в свои жертвы, не давая шелохнуться и вздохнуть. Жадно чавкая, цветок потянулся к лицу и сделал прицельный бросок — Гарри едва увернулся, успев в последний момент высвободить руку и резким ударом переломить стебель. Напоминая сломанную шею, истекающий кровью, тот упал рядом с плечом, забрызгав лицо и грудь. Пламя гудело ближе и ближе, жарче и жарче; дым ел глаза, заставляя давиться и кашлять. Рядом застал Невилл — значит, он ещё жив.

— Гарри...

— Держись, Невилл! Я сейчас! — выкрикая контр-заклинания, останавливающие огонь, он второй рукой попытался разорвать обвинивший одноклассника кокон — бесполезно. Рука сама собой потянулась к заднему карману брюк, где всегда лежал нож Сириуса. Гарри в отчаянии заскрипел зубами: он же сам отдал его Диофану! Метнувшийся в их сторону язык пламени лизнул волосы, и те затрещали и заискрили. Налицо будто натянули плотную, тесную маску, запахло палёным — куртка на плече начинала тлеть. Куда ни повернись, вокруг стеной стоял огонь — и сил не хватало, чтобы остановить его: вложенная в заклинание истовая жажда жизни сделала пламя непобедимым, и теперь, едва прижавшись к земле, оно снова яростно вздымалось над головами. Жар становился нестерпимым.

Клуб ядовитого дыма вырвался прямо в лицо, и Гарри закашлялся, едва слыша сквозь гул и треск собственный голос.

— Я не сдамся! Не сдамся! Seco! — Режущее Заклятье освободило Невилла, хотя теперь он весь покрылся мелкими порезами; подхватив одноклассника под мышки, Гарри подтащил его в самый центр круга и сунул в руки палочку. — Идти можешь? — сделал пару неудачных попыток приподняться, Невилл виновато мотнул головой: ноги не слушались. И, похоже, пара рёбер была сломана. — Я потащу тебя, а ты расчищай нам дорогу, ясно?

— Я попробую. Aspergo! — и голос, и пальцы Невилла дрожали, а потому струйка воды, вырвавшаяся из его волшебной палочки, вскипела в пламени, обернувшись в бесполезный пар. — Aspergo! Aspergo!

Шаг за шагом, глотая дым и обжигаясь, они двигались сквозь огонь. Гарри волок Невилла, держа под мышки, — прямо по ещё горячим углям, на которых шипела, испаряясь, вода. Едва они делали шаг вперёд,

позади снова поднимался огонь. Глаза щипало, лёгкие страшно болели — приходилось заставлять себя делать очередной вздох; голова кружилась, ноги подкашивались, болели обожжённые руки, лица, тлеющая одежда жгла тело... И не было конца-края огненному полю. Силы оставили внезапно: Гарри вдруг почувствовал — ничто на свете не заставит его сделать ещё один шаг. Он покачнулся, пытаясь устоять на ногах и не уронить Невилла, голос которого звучал всё тише, а заклипания выходили всё слабее и слабее.

Жалко — нам почти удалось, — с неожиданной печалью подумал Гарри, как вдруг увидел, что оранжевое марево будто поредело, и впереди маячит спасительная темнота.

— Невилл, ещё разок! — но тот, обвиснув на руках, молчал. Гарри опустил глаза: чёрное закопчённое лицо, опалённые волосы и брови, закрытые глаза... Пальцы безвольно разжались, и палочки в них не было. Под ногами её не было тоже. — Ну же, Невилл, очнись!

Огонь за спиной загудел, наступая на пятки, и Гарри понял, что времени на поиски своей палочки нет, и спастись придётся без помощи магии. Полой тлеющей куртки прикрыв лицо Лонгботтома и отвернув лицо от адского жара, он, крича от боли в горящих руках, рванул вперёд и через несколько шагов рухнул на колени в лесной ручей.

— Получилось...

Боль была неимоверной. Глотая смешанные с копотью чёрные слёзы, он из последних сил затащил в воду Невилла, одежда на котором зашипела, и упал на спину, уставясь в звёздное, подкрашенное оранжевыми всполохами небо. Силы оставили его. Скопив глаза, он посмотрел на одноклассника: покрытая запёкшейся кровью и ожогами кожа. Разорванная обугленная одежда. Опалённые волосы и брови. Кровавые подтеки на лице. Наверняка сам он выглядел так же. Вода дала облегчение только на миг — раны снова заболели, и Гарри застонал.

Выбрались? Но что дальше? Просто продлили агонию. Умрём здесь? — ему сейчас было совершенно всё равно, сил на то, чтобы продолжать борьбу, не осталось. Гарри глубоко вздохнул и закрыл глаза, пытаясь найти ответ и силы внутри себя.

И вдруг... Раздалось странное шлёпанье, и над юношей, закрыв лохматой головой звёздное, подёрнутое дымом пожара небо, склонился огромный белый волк.

* * *

Когда Гарри очнулся, то первое, что он услышал, — развесёлый какой-то голос. Голос пел песню. Слова в ней были такие:

— Вжик-вжик-вжик, уноси готовенького!

Вжик-вжик-вжик, кто на новенького...

Вздвигнув от нехорошего предчувствия, Гарри открыл глаза. Его ждало два открытия. Как водится, одно из них было приятным — боль канула в небытие, причём, когда Гарри поднёс руки к глазам, то в полумраке убедился, что шрамов от ожогов и порезов не осталось, будто их никогда и не существовало. С руками было связано и второе — неприятное — открытие: его кто-то заковал. Длинная, тонкая, но чрезвычайно прочная цепь вела ко вбитому в каменную стену кольцу. А это кольцо вместе с цепью, наручниками и, собственно, Гарри находились в сухой пещере, вход в которую закрывала травяная циновка. В жаровне у противоположной стены горел огонь, а почти под самым потолком, негромко потрескивая, коптил факел.

— Кто на новенького? — разудало подхватил рефрен ещё один голос, и Гарри вдруг понял, что певицы ему знакомы.

Нимфы.

Осознав, что — волей-неволей — попал именно туда, куда и шёл, преодолевая опасности и чудом по дороге не погибнув, он едва с ликованием не присоединился к дуэту. Остановило лишь врождённое от-

сутствие слуха и голоса. Правда, следующие мысли слегка охладили его радость.

Почему я прикован? И где, кстати, Невилл? — пошарив руками по циновке, на которой лежал, он обнаружил выложенное аккуратной горкой содержимое карманов — за исключением, разве что, волшебной палочки и прихваченных в качестве подарков украшений. Торопливо надев очки, он изучил пещеру вооружённым глазом: кроме него, тут действительно никого не было. Неприятный холодок от наручников распространился по всему телу. Конечно, он прекрасно помнил плотоядные взгляды нимф, бесстыжие намёки, смешки, не говоря о недвусмысленных действиях и, собственно, — навеки впечатавшемся в его память их внешнем виде; однако цепь — это уж как-то чересчур... Внезапно перед глазами встала картинка из журнала для *ну очень взрослых мальчиков и девочек* на который он случайно наткнулся в своей комнате минувшим летом. Тогда, роясь на книжной полке в поисках чего бы почитать в тоскливый дождливый день, он обнаружил его — засунутый на самую верхнюю полку шкафа, журнал, видимо, был припрятан Дадли от родителей. С удовольствием пойдя на поводу у своего тинейджерского любопытства, Гарри листнул и — *ого-го!* — плохо спал несколько следующих ночей. Там тоже были цепи, наручники, а ещё — хлысты и воинственного вида девицы, одетые едва ли пристойней, чем разудалые лесные обитательницы.

Бр-р-р, ужас какой.

Гриффиндорец снова осторожно подёргал цепь. Та не подалась. Тогда он намотал её на кулак и рванул изо всех сил — но лишь ссадил себе руку. Звеня звонко бряцнули, песня снаружи стихла — Гарри понял, что его пробуждение заметили, и точно: травяная циновка бесшумно отодвинулась. В проёме — точёными песочными часиками на фоне пылающего снаружи костра — возникли три стройные фигурки, увенчанные гордо вскинутыми головами. Огненная шевелюра Миа. Белокурые, спадающие до самого пояса, локоны Лиэ. Озорные глаза Фелли из-под пышного зелёного венка, перевитого травой и свежесорванными лилиями.

Нимфы улыбались, но от этих улыбок мороз пробежал у Гарри по спине.

...Спустя полчаса две из них вернулись к почти угасшему костру. Лиэ подбросила хворосту, и пламя, на миг затаившись под ним, весело прорвалось и запрыгало под котелком. Вареву в нём тут же забулькало, и ноздри защекотал аппетитный запах. Переполняясь предвкушением, Фелли нервно теребила кулончик на шее и разве что не облизывалась. Через несколько минут появилась, о чём-то сосредоточенно размышляя, Миа. Не дойдя до костра, она остановилась, сумрачно глядя в пламя. Рассеянно погладила кроваво посверкивающий перстень на большом пальце. Неяркие отблески вскидывающихся в ночь языков огня плясали на её рыжих волосах — будто бы во тьме горел ещё один костёр.

Вдруг Фелли прыснула и приглашающе взглянула на подруг:

— Какой милый мальчик... «Я вам не позволю! Вы меня не заставите — я не девчонка!» Какие смелые заявления! Настоящий боец!

Товарки её не поддержали: Лиэ, словно не услышав, всё продолжала пристально изучать содержимое

котла. Миа же, вместо того, чтобы рассмеяться, ещё больше сдвинула брови. Сейчас в её лице не было ни капли приветливой и озорной игривости — лишь сосредоточенность. Решительность.

Безжалостность.

Неумолимость.

— Думаю, в этот раз нам повезло: к нам так давно не попадал мужчина. Верно, Лиэ? — она в упор уставилась на грустную белокурую нимфу — и та, очнувшись, торопливо закивала, пухлые губы изогнулись в улыбку, а в глазах её снова зарыбились хулиганские искорки, но Миа лишь хмыкнула — в последнее время напускная весёлость подруги, чередующаяся с приступами задумчивости, казалась ей весьма подозрительной.

Похоже, причина ясна.

Миа вытащила из плетёной камышовой корзины какой-то тускло блеснувший предмет — то ли изогнутый нож, то ли диковинного вида ложку — и исподлобья внимательно посмотрела на подругу. Улыбка с лица Лиэ испарилась, едва та решила, что на неё никто не смотрит, она с нескрываемым ужасом уставилась на предмет в руках Миа. Фелли же продолжала смаковать подробности только что случившегося и предвкушала то, что должно произойти в ближайшее время. Она помахивала над пламенем сосновой веткой — хвоя весело трещала. Над поляной поплыл горячий смолистый запах.

— Заставлять — надо же! Можно подумать, кто-то собирается его принуждать, — она кинула полуобгоревшую веточку в костёр. Хвоя затрещала, плюясь золотистыми искрами. Нимфа потрянула волосами и медленно повела плечом. В полумраке её кожа светилась мягким светом. — Он нас явно недооценивает.

— Явно, — задумчиво согласилась Миа. — Иначе бы ни за что не пришёл сюда без охраны. Зачем же они явились? Лиэ! — окликнула она подругу, повысив голос. Та вздрогнула и подняла затравленный взгляд. — Отойди от огня — на тебе сейчас одежда вспыхнет. Ступай первой — он прикован, но слишком возбуждён...

— Вот как? — не выдержав, глумливо хихикнула Фелли. Она прилегла у костра, блаженно вытянувшись и шевеля пальчиками ног. — Так ведь это за-ме-ча-тель-но...

— О... я не в этом смысле, — одёрнула её Миа, категорически не желающая поддерживать игривое настроение. — Он буйствует... кричит... Если будет упрямиться и сопротивляться — надену на него это, — она кинула железное кольцо, размером вполне подходящее для человеческой шеи. Лиэ не шевельнулась, чтобы подставить руки, и ошейник глухо звякнул о землю. — И не слишком увлекайся — не забудь, ты не одна.

— Да-да, оставь самое сладкое для нас. Ладно, я пока пойду убью того, — Фелли поднялась и двинулась к ещё одной расщелине.

— Зачем? Может, этот нам не понравится. Тот, конечно, тоже обессилен и ранен, но сможет протянуть месяц-полтора.

— Не знаю, как вам, а МНЕ уже нравится этот. Хорошо, давай подождём. Жаль, что его всё равно придётся ослепить — у него такие звонкие, сияющие глаза, — Фелли вздохнула и хихикнула. — Были.

— Выхода нет: либо ослепить, либо убить...

— Разводи огонь пожарче.

Глава восьмая, в которой мы узнаём секрет Лиэ, мечты Фелли и тайну Миа, и вместе с Гарри переживаем кошмарную ночь, встречая утро в склепе.

Лиэ решительно направилась в сторону пещеры — трава и кусты почтительно склонялись перед ней, раздвигались, давая дорогу. Но, едва выйдя из круга отбрасываемого костром золотистого света, она остановилась и в отчаянии покачала головой:

— Что мне делать?! Я не могу... не могу! — она как-

то совершенно по-девчачьи хлюпнула носом и опустилась на землю, размазывая кулаком слёзы. Длинные светлые волосы упали в высокую траву, которая тут же перевила их зелёными лентами. — Я... не могу! Где ты? Помогите! Подскажите, что мне делать! Ведь это ты, ты принёс их сюда!.. — она умоляюще простёрла ладони

в темноту, но ночь безучастно смотрела на её отчаяние.

А отчаиваться было из-за чего: сейчас, согласно древней традиции, Лиэ предстояло первой из трёх подруг использовать попавшего им в руки мужчину по его прямому назначению. В этом не было ничего личного, в этом не было любви или желания — просто закон природы: век за веком, тысячелетие за тысячелетием, чтобы продлить свой род, русалки силой или обманом затаскивали приглянувшихся им юношей под воду, нимфы — увлекали в лес. Дабы пленник не сбежал, его заковывали, ослепляли, вешали на шею тяжёлый камень³² — или же убивали, коль он приходился не по вкусу либо не мог с должным рвением и усердием выполнять свои функции. Впрочем, так или иначе, смерть всё равно настигала беднягу в самое ближайшее время: безудержного напора лесных и водных обитателей мало кто выдерживал, и даже самые сильные и крепкие мужчины умирали от истощения в течение нескольких недель, от силы, пары-тройки месяцев. Что же говорить о двух шестнадцатилетних мальчишках, которых теперь ждала эта неприглядная участь.

И Лиэ — самая юная из подруг — до недавнего времени не видела в совокуплении и безжалостном убийстве представителя рода человеческого ничего зорного: от неведомого мужчины появилась на свет она, и именно так предстояло поступить ей самой, дав жизнь очередным лесным обитателям — прекрасным и жестоким, истинным душам Леса.

Всё изменилось весной, в тот миг, когда она, блуждая по лесу с песней на устах и со сладким томлением в сердце, наткнулась у болота на израненного, истощённого белого пса. Жизнь в бедном животном едва теплилась, и сперва Лиэ даже подумала, не убить ли его — из чистого гуманизма, естественно, — просто чтобы положить конец мукам. Но в этот миг, будто в ответ на её мысли, веки пса чуть приподнялись, и в мутных, подёрнутых пеленой боли глазах мелькнуло что-то... что-то такое странное... Просьба о помощи? Мольба? Уже занесённая для удара рука опустилась. Она не смогла. В конце концов, он же не был человеком, верно?..

Переносить его в Обитель Лиэ не рискнула, а потому просто уложила поудобнее, отогнала облепивших его насекомых, напоила водой из ближайшего ручья и, набрав лечебных кореньев, приготовила целебный отвар. Пёс будто понимал, что она делает: не пытался укусить, когда она промывала обсиженные мухами раны, смиренно лежал, когда накладывала шины на переломанные и раздробленные кости, когда распутывала колтуны из шерсти и спёкшейся крови, хотя — она это понимала по судорожно вздымающимся бокам — едва выносил мучительную боль, временами теряя сознание, но так и не издав ни звука.

В любом случае, даже если он не выживет, я сделала всё, что смогла, — думала она, возвращаясь в Обитель. Каково же оказалось её удивление, когда, вернувшись на следующий день, она обнаружила, что пациент не просто пережил эту ночь, но, похоже, пошёл на поправку: увидев свою спасительницу, он слабо шевельнул хвостом, будто пытаясь поприветствовать.

Так — день за днём — она целую неделю тайком бегала сюда, придумывая то один, то другой повод. Она сама не знала, почему не рассказала о странном белом псе ни Миа, ни Фелли. Наверное, потому что первая бы строго отчитала её за глупость — «Собака в Лесу? А ты знаешь, откуда она взялась? А может, они снова занялись поисками!» (кто эти таинственные «они» и какую тайну так свято хранила Миа — этого Лиэ не знала, да и знать не хотела). А Фелли бы просто отмахнулась: вся поглощённая недавней встречей с юным Гарри Поттером, она целыми днями нежилась на отмели, жмурясь от яркого солнца и плотоядных

грёз. Да что греха таить, ещё невинный, но уже полный скрытого огня³³ юноша пришёл по вкусу и самой Лиэ, но мысли о нём недолго занимали увенчанную густым венком из папоротника и лилий белокурую головку. Новая тайна — её личная тайна! Обзаведясь ею, она почувствовала себя равной старшим подругам и с удовольствием ловила на себе их вопросительные задумчивые взгляды.

Да-да, я такая! Я теперь совсем большая, и у меня тоже есть свой секрет, — открытым текстом было написано на её сияющем лице.

Наконец-то малышка нашла себе хоть какое-то занятие, — читалось в снисходительных улыбках её подруг.

А секрет, меж тем, день ото дня становился всё удивительнее, всё чудеснее... Игра в догонялки — Лиэ нравилось укрываться от погони на дереве, и тогда он, здрав голову, негромким басом облаивал её, словно укоряя за нечестную игру. Катание верхом — сильный и быстрый, он нёсся по мелководью, а она держалась, запустив обе руки в его шелковистую густую шерсть; её волосы струились по ветру, и радуга вспыхивала в тончайшей, почти невидимой завесе хрустальных брызг за спиной...

Однажды, придя к пещере, где поселила Эллио, — так она назвала пса — она поняла: он был тут. Человек. Запах человека — мужчины — был повсюду. Её сладкая тайна, её маленькая сказка, чудесный мир — он вмиг истлел, как прошлогодняя листва, потерял разом солнечные краски. Закрыв глаза, Лиэ вскинула вверх ладонь и повела ей вправо-влево. Нет. Никого поблизости. *Он ушёл.* Но — теперь она точно знала — был здесь совсем недавно. И тогда она обратила весь свой страх и гнев на Эллио:

— Скажи, кто приходил? Кто-то искал и нашёл тебя?

Но пёс лишь молотил хвостом по земле и лизал ей руки.

Не в этот раз.

Она схватила его за загривок и запрокинула морду, чтобы видеть глаза:

— А ну, отвечай! Кто сюда приходил?! Кого ты сюда привёл, глупая тварь?! Это был твой хозяин, да?! Что ему нужно? Кто это?! — она кричала громче и громче, она колотила руками по спине, по голове пса — тот лишь уворачивался, не пытаясь огрызнуться. Она почувствовала себя преданной. Значит, у её друга есть хозяин, значит, он заберёт его — после всего того, что она сделала — просто придёт и заберёт! — Ах ты, гадкое животное! Получай!

Кулак со свистом рассёк воздух, но не встретил на своём пути мягкий и пушистый бок. Со звонким шлепком он был остановлен крепкой рукой. Мужской рукой. Мёртвой хваткой держа нимфу за запястья, перед ней стоял мужчина — тот самый мужчина.

— Остановись.

От неожиданности силы оставили её, гнев мгновенно испарился; она опустилась на зелёный мох у входа в пещеру и просто смотрела и смотрела в его лицо — молодое, но усталое лицо много страдавшего человека, обрамлённое длинными снежно-белыми волосами.

— Т-ты... т-ты...

Его глаза вспыхнули, он наклонился, и нимфа внутренне подготовилась к схватке — тело напряглось, как сжатая пружина, она выбирала уязвимое место, чтобы одним ударом повергнуть врага. И вдруг...

Нимало не заботясь о самозащите, он склонился перед ней — она могла одним движением сломать ему шею — и... коснулся губами кончиков её пальцев.

— Спасибо. Спасибо тебе.

Зачем я вру себе? Ведь я с самого начала знала, что это не просто пёс...

³² Нужное подчеркнуть.

³³ У кого — у кого, а у нимф на это дело нюх!

Свет за деревьями стал ярче — видимо, подруги снова подкинули хвоста в костёр. Лиэ очнулась. Поднялась. Цепочка от ошейника глухо звякнула. Покачиваясь, она ритмично бряцала в такт шагам, когда нимфа шла ко входу в пещеру. Взмах руки, и цинковка откинулась в сторону, давая дорогу. Лиэ решительно шагнула внутрь. Она делает то, что должна. Слепить? Убить? Изменить? Она готова. Ради *него*. Ради их любви и их тайны.

Распятый на цепях юноша замер, когда она вошла, — похоже, он не терял времени и с достойным уважением упрямством (а также — достойной умиления глупостью) пытался высвободиться. Лиэ с первого взгляда поняла, что имела в виду Миа под словом «возбуждён» — пожалуй, ошейник действительно не помешает, в противном случае...

Она подошла к нему, но он, извернувшись каким-то невероятным образом, ухитрился дотянуться до неё кончиком ботинка. Удар не причинил боли, только разозлил. Она наконец-то получила право тоже сделать ему больно — так же, как больно было сейчас ей самой. Звонкий шлепок — и на щеке Гарри появился красный отпечаток, а разбитая губа тут же вспухла.

— Не стоит так волноваться, малыш, — насмешливо пропела Лиэ, проводя указательным пальцем по его лицу — лоб, нос, губы... *оп-с! намордник бы тоже не помешал!* Палец чуть задержался на подбородке и двинулся вниз по шее и груди. — Не то ты всё испортишь.

— Руки убери! — прошипел Гарри, безрезультатно пытаясь уклониться. — Кому говорю — убери лапы! Ай, щекотно!.. — и он зашёлся в приступе истерического смеха, перемежая его ругательствами.

— То ли ещё будет, — пообещала нимфа. Её изящный пальчик с длинным зелёным ногтём остановился на его животе. Она вздохнула, сделала над собой усилие...

Я должна, должна... Иначе что я скажу подругам?

Палец двинулся вниз.

Но как потом я посмотрю в глаза ему?..

Рука замерла на пряжке ремня. Гарри тяжело дышал, чертыхаясь сквозь зубы и продолжая судорожно дёргаться.

Все они одинаковые...

И тут...

Она спиной ощутила этот взгляд, хотя... нет — наоборот, она сначала почувствовала его присутствие, а потом уже повернулась, скрестив взоры с огромным белым псом, смотрящим на неё от входа в пещеру. Пёс перевёл взор горящих, полных бешенства глаз на прикованного к стене юношу. Потом на ошейник с длинной цепью, что Лиэ держала в другой руке и... Свирепо оскалится и глухо зарычал — словно откуда-то издали донёсся раскат грома, предвещающего страшную грозу, готовую всё смести на своём пути. Лиэ впервые видела его таким — огромные белоснежные клыки, вздыбленная холка, пружинная собранность перед прыжком. Она знала — он преодолет разделяющее их расстояние одним рывком. И вдруг поняла, что, сделав это, он безжалостно впечется ей в горло.

Нимфа метнулась в сторону. И тут... из-за её спины донёсся полный изумления вздох:

— Ты?! Это ты?! — Гарри не сводил взгляд с пса. — Сириус... Сириус! Сириус!!! Скажи, скажи, что это ты! — губы юноши тряслись, по щекам текли слёзы — пытаясь спрятать их, он жмурился и тряс головой, захлёбываясь, снова и снова повторяя: — Я знаю! Я знаю — это ты... Значит... значит, мне не показалось — это ты нас спас!.. Сириус!!!

Лиэ поняла, что сейчас произойдёт, и предостерегающе вскинула руку:

— Не смей! Тебе нельзя здесь превращаться! Иначе они учуют тебя! И тогда убьют вас обоих, — пёс не сводил с неё умных глаз, и по плеснувшему в них недоверию нимфа поняла, что слова её не показались ему убедительными. — Если они решат, что кто-то приходил сюда, они убьют его, и даже я, их подруга,

не смогу этому воспрепятствовать. Не делай этого — ради него, если он тебе так дорог... — она метнула полный неприязни взгляд на прикованного к стене черноволосого юношу в расстёгнутой рубашке. Пёс довольно заворчал и устался на Лиэ. Она прикусила губу и кивнула. — Хорошо. Обещаю — я сделаю всё от меня зависящее. Не ради него. Ради тебя, — пёс снова глухо зарычал, и губы девушки чуть дёрнулись, будто она силилась улыбнуться. — Хорошо — ради нас. Только уйди!.. Ты сейчас не сможешь защитить его.

Пёс упрямо наклонил голову и сделал шаг к Гарри.

— Уходи же!!! — вскрикнула Лиэ.

Пёс предостерегающе зарычал. Его губы снова приподнялись, и отблески факелов блеснули на кинжально-острых клыках.

— Сириус!

— Заткнись! — рявкнула нимфа висящему на стене Гарри и снова обернулась к псу. — Умоляю, не заставляй меня делать это! — на глазах всплели слёзы. Она знала, что будет именно так — знала, что он не уйдёт, что до последнего будет защищать этого юношу, которого принёс сюда обгоревшим, израненным, едва дышащим... Но закон, который она уже неоднократно нарушала, сейчас был превыше всего. И она обречённо подняла руку.

Не было ни вспышки, ни заклинания, но пёс, как подкошенный, рухнул на утрамбованную землю.

— Сириус!!! — истошно закричал Гарри и снова рванулся на своих цепях — так что вбитые в камень скобы захрустели, и на землю посыпалась каменная крошка. На миг вокруг его рук мелькнула огненная вспышка, но тут же исчезла — Лиэ даже не успела понять, было ли что-то на самом деле или же ей просто померещилось. Она склонила голову и сделала шаг к выходу. — СИРИУС!!! Ты, тварь! Что ты с ним сделала?!

— Спасла ему жизнь, — не поворачивая головы, ответила Лиэ. Ещё одно быстрое движение пальцами — и белоснежное тело исчезло, будто просто растворилось в темноте. — Я выполню его просьбу: не трону тебя. Это всё, что я могу сделать — освободить и вывести тебя отсюда не в моих силах. Но, поверь — даже это немало. Впрочем, можешь не верить — мне всё равно. Я нарушила закон моего племени. Впрочем, я уже нарушила его, полюбив этого человека. Наказанием за это должно стать изгнание или даже смерть. Я возвращаюсь. Но следом за мной сюда придут мои подруги. Удачи тебе, Гарри Поттер.

* * *

Говоря по-простому, Хогвартс стоял на ушах — миновало уже два дня, как посреди ночи из спальни гриффиндорских шестикурсников таинственным образом исчезли два студента, и, несмотря на все усилия, найти их до сих пор так и не удалось. Уже неоднократно прочесали замок и окрестности, опросили студентов и портреты в коридорах, даже проверили злачные места в Хогсмиде; профессор Гатто, пронзая стены с выражением напускного сожаления на лице, которое маскировало — кстати, плохо — глубочайшую радость (это представляло такую отвратительную смесь, что даже Рону хотелось дать ему промеж глаз), трудолюбиво допрашивал привидения — всё бесполезно. Поттер и Лонгботтом как в воду канули. Полная Леда, счастливо проспавшая их ночной побег из гриффиндорской башни, стенала и аккуратно била себя кулаком в пыльное декольте, заливаясь слезами. Филч пообещал навеки расловить её в сырые подвалы, что для картины звучало равносильно смертному приговору, — она прорыдала весь день и всю ночь, не давая гриффиндорцам спать.

Наконец, жестоко страдающий от подагры, как при жизни, так и после смерти, Людовик Любострастный Младший припомнил, что, вроде как, видел крадущегося по коридору за полночь студента. В другое время ему бы вряд ли поверили: оный портрет плохо слышал

и видел (причём, как часто оказывалось, то, что и во все в природе не существовало), да и вообще — временами впадал в детство. Но сейчас другого свидетеля не было, и пришлось довольствоваться имеющимся. После предъявления ему двух колдографий, Людовик решительно опознал в нарушителе Невилла.

— Ну, естественно, — процедил не спавший уже две ночи подряд (он участвовал в рейдах по окрестностям) Снейп, с отвращением глядя в пол и машинально общипывая рукава своей рабочей мантии, — этот болван потащился за Поттером — а всем известно, что у того есть мантия-невидимка, потому-то никто его и не видел... Хотел бы я знать, куда их понесло! Не сомневаюсь, что в какое-нибудь запрещённое место. Ежели Лонгботтома и Поттера найдут живыми — в чём я, зная их везучесть и сообразительность, сильно сомневаюсь, — с плохо скрытым удовольствием в голосе добавил он, — их надо немедленно вышвырнуть из школы: думаю, даже вы, господин директор, не будете возражать, что это — достаточно серьёзная провинность. Сколько можно спускать Поттеру все нарушения и смотреть сквозь пальцы на его вопиющее поведение? А Лонгботтом? Он и вовсе начал отбиваться от рук — уверен, тут не обошлось без тлетворного влияния Поттера...

Ноздри профессора Макгонагалл раздулись, но она удержалась от замечания, помня лицо профессора в тот момент, когда стало известно, что Гарри Поттер исчез из замка и пропал в неизвестном направлении.

— Я давно говорил вам, господин директор — все беды в нашей школе от Поттера! Ни один студент не принёс столько хлопот, как эта гриффиндорская звезда...

Профессор Макгонагалл поджала губы, но промолчала, хотя лицо Снейпа перед её внутренним взором — взволнованное и по-настоящему встревоженное, когда он переспросил «Что?! Гарри исчез из Хогвартса? И Лонгботтом тоже?» — слегка поблекло.

— Он вбил себе в голову эту сумасшедшую идею о спасении мира и утратил способность адекватно реагировать на окружающее. Возможно, стоит проконсультировать его в Отделении Мозговых Патологий госпиталя Св. Мунго — разумеется, если мы найдём их. Хотя, признаться, я временами вообще сомневаюсь, что у Поттера есть мозг, не говоря уж про Лонгботтома...

Профессор Макгонагалл покраснела от гнева и зачем-то внимательно уставилась на ножку стула, на котором восседал Снейп.

— Да, думаю, первым делом их надо исключить... — ножка хрупнула и надломилась, и, разом потеряв самовлюбленную важность, Снейп замахал руками и плюхнулся на пол.

Профессор Макгонагалл сделала самое невинное выражение лица, хотя Дамблдор заметил промелькнувшую по её губам довольную усмешку. Директор покачал головой — что делать, подобных ЧП в школе не случалось уже много десятилетий, все просто вне себя от отчаяния и беспокойства.

— ...но сначала их надо публично высечь! — подав профессору Зельделю руку, которую тот вроде бы не заметил, с горящими глазами подхватил речь зельевара Филч. Профессор Гатто (привидения тоже пригласили на экстренное собрание) тонко улыбнулся и согласен кивнул — ему было всё равно, кого и как наказывать, он просто обожал сам процесс³⁴; вдохновлённый неожиданной поддержкой, Филч торопливо продолжил: — И подвесить на ночь в подвале — я как раз там недавно всё прибрал и подготовил — начистил, проверил, смазал...

— Думаю, в ваших словах есть доля истины, Северус, — словно не услышав страстного бормотания завхоза, задумчиво кивнул Дамблдор.

— Насчёт исключения из школы? Или госпиталя

Святого Мунго? — радостно встрепенулся Снейп, прератив отряхиваться. Макгонагалл оцепенела.

— Нет и нет. Но я совершенно с вами согласен, что Невилл Лонгботтом сейчас находится там же, где и Гарри Поттер. И у меня есть некоторые подозрения, которые, надеюсь, разрешатся в ближайшее время. И хотелось бы, чтоб они разрешились в лучшую... О, а вот и он! Думаю, сейчас мы всё узнаем.

Распространяя вокруг себя стойкий аромат навоза и гиппогрифовой настойки в учительскую, грохоча башмачищами, вошёл Хагрид. У всех немедленно защищало глаза. Трелани нервно пискнула, принялась и, похоронно зазвенев браслетами, хлопнулась в обморок. Остальные дамы судорожно завопили, а Флёр на скорую руку наколдовала себе нечто, в чём любой маг без труда узнал бы прототип противогаса. Да что дамы — ежели даже Флитвик задёргался и завращал глазами. Увидев произведённый эффект, лесничий замер на пороге и смущённо скомкал в кулаке окладистую бороду.

— Ну, что же вы, многоуважаемый? — окинув Хагрида полным отвращения взглядом, Снейп прикрыл нос рукавом мантии и повернулся к профессору Заклинаний. — Займитесь-ка. Дано: запах перегага, интенсивность шестнадцать микропоров, кубатура... — он оглядел комнату. — Ну, сами сообразите, Сатурн в созвездии Весов... Удаляйте — это по вашей части.

— Сатурн... Что вы мне про Сатурн... А вектор магистратум какой? — вытирая слезящиеся глаза, слабым голосом пробормотал Флитвик. Откуда-то сбоку раздался грохот падающего тела: к лежащей на полу Трелани присоединилась профессор Синистра.

— Ну, коллега, — сдавленно произнёс Снейп, тоже начиная бледнеть, — это вы сами должны...

Пока Флитвик прикидывал в уме вектор, действие в свои решительные руки приняла профессор Груборс.

Она взмахнула палочкой и произнесла заклинание. На этот раз носы зажали все, включая Дамблдора, а бесчувственные тела пополнил ведущий Магическую Защиту профессор Слинхард.

— Поляризуйте вектор, Вильгельмина, — предбормочным голосом пробормотала Макгонагалл, зеледея.

Запах опять усилился.

— побыстрее, я вас умоляю, — забыв о приличиях, попросил Снейп, тогда как профессор Спраут удивлённо обводила взглядом присутствующих, не в силах взять в толк, почему все так странно себя ведут: ей приходилось удобрять магические растения такими ароматными составами, рядом с которыми идущее от Хагрида амбре казалось веянием свежего ветерка.

В это время Флитвик учёл дивергенцию и ротор, решил в уме уравнение Стокса, принялся, пробормотал заклинание Ауэрсса, и тут обнаружилось, что учительская проветрилась естественным путем, поскольку Хагрид не закрыл за собой дверь, продолжая смущённо топтаться на пороге.

— Да, будьте так любезны, — Дамблдор улыбнулся, взмахнул палочкой, и кабинет наполнил аромат цветущего луга, — начинайте, Хагрид, дружище. Какие у вас известия?

— О-о, борода моя многогрешная... Даже и не знаю, с чего начать, — голос лесничего подозрительно дрожал. — Словом, я тут поспрошал в Запретном лесу, походил туда-сюда... Ну, существ всяких потербил, обитателей тамошних — кентавров, сатиров, леших, опять же... Короче, вроде как кентавры знать ничего не знают — но кто ж их разберёт, они ж народ тёмный — может, и правда ничего не видели, а может, говорить не хотят, дескать, звёзды так велели. Зато один из леших видел обоих беглецов у Королевского Моста — причём, похоже, один крался за вторым, и направлялись они, кажись, к сатирам... Ну, то есть к Диофану, — Хагрид смущённо кашлянул. — И я пошёл к нему.

— Боже... — скривился Снейп, — просто паноптикум какой-то: Поттер с Лонгботтомом нашли себе брата

³⁴ Как, впрочем, вообще обожал ссоры, интриги, скандалы и сумятицу.

по разуму.

— Северус, — Дамблдор чуть заметно качнул головой, и мастер зелий умолк, хотя и продолжил недовольно кривиться. — Так что сообщил сатир?

— Ну... — Хагрид затоптался в дверях, пряча глаза и смущённо вздыхая, — он... Он сейчас немного болен.

— Ясно. Болен, — Филч криво ухмыльнулся щербатым ртом. — Знаем мы эти болезни. Не может «мама» сказать. Закусывать надо!

Хагрид опустил голову и продолжил шёпотом.

— Но, кажись, Диофан-таки говорил с Гарри... он что-то лопотал про нож — и я нашёл у него в кармане аккурат тот самый ножик, что когда-то подарил Гарри э-э... Сириус Блэк, его крёстный — Гарри никогда с ним не расставался. Потом было ещё что-то про дорогу жизни, про выбор — я плохо разобрал... Но, если я правильно всё понял...

— ...в чём я сомневаюсь!.. — не удержался от язвительного комментария Снейп.

— ...то Диофан направил его... направил его... — Хагрид замаялся, поднял полные слёз глаза и шёпотом закончил: — В Обитель.

На миг в кабинете воцарилась гробовая тишина. Потом раздался грохот — приподнявшиеся было на сквознячке Синистра и Трелани снова бухнулись в обморок, а Макгонагалл побледнела, как смерть.

— Вы хотите сказать... Что Поттер и Лонгботтом... они пошли в Обитель?! — деревянным голосом переспросила она и, обернувшись к Дамблдору, умоляюще воззрилась на него. — Альбус... Ведь тогда... Они же не знают... Или знают? Значит... О, Мерлин, — она схватилась за грудь и откинулась на спинку своего стула, шаря в воздухе руками, будто пыталась что-то выхватить из пустоты. — Мальчики... бедные мальчики...

Флитвик торопливо призвал ей стакан с водой. А заодно — и всем остальным. Снейп принял свой стакан дрожащей рукой и вылил его себе на голову.

Один профессор Гатто недоумённо обводил взглядом ошеломлённых преподавателей и замерших в ужасе привидений.

— А в чём, собственно, дело? — жизнерадостно спросил он у Филча, который тоже заметно помрачнел и, вроде бы, даже вздрогнул, услышав окончание рассказа Хагрида.

— Думаю, они предпочли бы публичную порку и недельный, нет, месячный карцер. На хлебе и воде, — оперируя близкими ему категориями, сообщил Филч. — Потому что, даже если мы их и найдём, что вряд ли, пороть и подвешивать будет, скорее всего, нечего.

Профессор Макгонагалл обратила умоляющий взгляд на завхоза, но сказать ничего не смогла. Стакан выпал из её разжавшихся пальцев, и, закатив глаза, она сползла с кресла.

— Минерва!.. — Дамблдор поднялся со своего места и вдруг покачнулся. Чтобы удержаться на ногах, ему пришлось вцепиться в спинку ближайшего стула. Взмахом палочки он наколдовал носилки, те сами собой подхватили с полу бесчувственные тела и направились к выходу. Директор окинул взглядом взирающих на него с надеждой, ужасом и мольбой учителей. — Северус... Да, пожалуй, именно вы... пойдёте со мной.

Медленно и осторожно, будто боясь потерять равновесие, Дамблдор двинулся к выходу. Снейп догнал его и подставил локоть — старый маг с благодарностью принял помощь, и, похожие на старого дядюшку и заботливого племянника, они покинули учительскую. Все, оцепенев, смотрели им вслед — эта внезапно проступившая старческая немощ директора лучше всяких слов показала отчаянность сложившегося положения.

* * *

Отец!

Позволь мне в очередной раз склониться перед твоей мудростью и пронизательностью — всё случилось именно

так, как ты и предсказал. Переполох стоит невероятный, рейды и поиски не прекращаются.

Думаю, в ближайшее время искомый компонент уже будет в твоих руках. Со своей стороны, я готов использовать все доступные средства, чтобы, в случае необходимости, добыть его силой — разумеется, не открывая себя. Правда, пока я не знаю, как это сделать — думаю, вряд ли у меня появится возможность личной беседы, однако персона, способная донести мои слова и просьбы, всегда под рукой.

Сообщи, ежели это потребуется.

Твой преданный и покорный сын

Драко

Любезнейший сын мой!

Я рад, что ты со всей ответственностью подходишь к возложенному на тебя поручению. И в самом деле, существует некая вероятность, что твоя помощь окажется весьма уместной — согласен насчёт посредника и рад, что вы с ним пришли к пониманию некоторых вопросов. Позволю себе сделать ещё одно предсказание — дабы ты оказался готовым к встречной просьбе вышеозначенной персоны. Думаю, она захочет обрести твёрдую почву под ногами и остаться с нами, раз и навсегда покончив со своим прошлым. Это вполне возможно и, более того, даже желательно. Ежели подобной просьбы не последует (в чём я сомневаюсь), можешь выступить с данным предложением сам. Единственный нюанс: сама процедура может осуществиться только в тот миг, когда то, что мы ищем, окажется у нас в руках. И ни секундой раньше.

Нашего маленького приятеля необходимо будет лишь уговорить заглянуть в одну известную ему книгу — ту самую, которую он регулярно читал по ночам. Хотелось бы надеяться, что осложнений не возникнет, и он вернётся к своей привычке по возвращении, и, тем не менее... Тебе стоит подготовиться.

Мы рассчитываем на тебя, сын мой. Умение приказывать и повелевать — то, что тебе стоит освоить в самое ближайшее время. Ты рождён для этого.

Твой отец

Люциус Малfoy

— Значит, Грейнджер... — задумчиво прошептал Драко и как следует помешал кочергой в камине, куда только что отправил оставшийся от самовозгоревшегося письма пепел. — Она поможет мне, если пообещать навеки оставить её в реальном мире. Так-так... Интересно, та, другая, настоящая — она навсегда сгинет? — Драко слегка улыбнулся. — Иногда я по ней даже скучаю. Жаль, не увижу её лица, когда всё это случится. Маленькая гриффиндорская стерва. Грязнокровка. Хочу посмотреть, как ты будешь накладывать на Поттера Непростительные Заклятья, — слизеринец зевнул и потянулся, — мисс Грейнджер...

* * *

— Что-то ты быстро. Надеюсь, не замучила его до полусмерти? — плотоядно облизываясь и от нетерпения чуть пританцовывая, поинтересовалась Фелли. Едва услышав лёгкие шаги возвращающейся Лиэ, она подскочила и кинулась навстречу, хихикая, заглядывая в глаза и приноживаясь.

Лиэ подняла на подругу огромные — в пол-лица — глазищи, наполненные равнодушием, смешанным с сытым спокойствием.

— Не замучила. Просто... аппетита не было.

— О, аппетит приходит во время еды, — Фелли демонстративно облизнулась и причмокнула губами.

— Бог в помощь, — усмехнулась Лиэ, коснулась её плеча и, пройдя на поляну, присела у костра.

Фелли бесшумно скрылась во мгле.

— Мальчик подкачал? — даже не взглянув на Лиэ,

ровным голосом спросила Миа, запрокидывая лицо к усыпанному крупными осенними звёздами небу. Если бы Лиэ не была так озабочена тем, чтобы не дать открыться только что случившемуся в пещере, она бы непременно услышала в голосе тщательно скрываемое напряжение.

— Да нет, — как можно ленивей отозвалась она и растянулась на мягкой травяной подстилке. — Мальчик как мальчик...

— Угу, — Миа опустила голову, чтобы подруга не видела её лица. Тёплые отблески пламени плясали на её теле — стройном и гибком обнажённом теле, полным грации и нечеловеческой мощи. — *Мальчик как мальчик, говоришь... Э, нет... Ты меня не проведёшь, малышка...* — она чуть нахмурилась и снова машинально тронула перстень на правой руке. И вздрогнула: ей почудилось, будто холодный камень, много веков назад закованный неведомым мастером в замысловатую оправу, в которой сплетались ветви, листья и буквы, внезапно обжёг её палец.

Что это?!

Она поднесла руку к глазам — и в неверном свете костра ей почудилось, будто в глубине камня мелькнула, тут же исчезнув, красная искра. Хотя, возможно, это просто выстрелил снопом огня в ночное небо костёр или же отразилась скатившаяся по небосводу и умершая за горизонтом звезда.

— Отстань, отстань, поганка! — Гарри чуть не рыдал от унижения и бессилия, а Фелли залиристо хохотала, играя с ним, как кошка с мышью, — за миг до того, как перегрызть последней горло. — Вы тут совсем с ума посходили! Отвяжись, говорю! Я же пришёл к вам по делу!

— Верю-верю, — нимфа изловчилась и каким-то неведомым способом ухитрилась сдёрнуть с него брюки, не снимая крепко обхвативших лодыжки кандалов. — Тогда давай ближе к делу, — она махнула рукой, и Гарри почувствовал, как тело немеет.

— Постой! Дай мне... дай мне сказать! — взмолился гриффиндорец, но язык слушался его всё хуже и хуже. — Т-ты... п-прекрати! Это... м-моё тело, не смей!..

— Потом... всё потом... — нимфа щёлкнула пальцами, и факел на стене, громко треснув, погас. Теперь пещеру едва освещали пылающие в жаровне угли, и летучие мыши в дальнем углу тут же оживились. Нимфа перешла на шёпот, от которого Гарри словно в кипятке сунули — даже волосы на голове встали дыбом. — Ближе к делу, ближе к телу...

— Неужели тебе не противно? — еле шевеля губами, спросил юноша. — Брать силой то, что обычно дают по любви?

— Значит, по любви... О... это уже интересно... — с лица нимфы исчезло игривое выражение, она указала пальцем на губы Гарри, и он почувствовал, как те снова начали слушаться. — По любви, говоришь? Что можешь ты, сопливый мальчишка, младенец, знать о любви? Что можешь ты говорить об этом мне? — её верхняя губа приподнялась в хищной усмешке, обнажив острые зубы, и во тьме пещеры она стала диким зверем, готовым к битве не на жизнь, а на смерть. Именно так совсем недавно смотрел на Лиэ Сириус. — О, сколько я знала человеческих самцов — поверь, все они одинаковые, ничуть не лучше бессловесных лесных тварей, способных лишь охотиться, пожирать добычу и совокулаться. Люди... Вы считаете себя вершиной мироздания. Глупцы! Самовлюблённые глупцы! Вслепую соединяя свои тела и жизни, вы оправдываете словом «любовь» свою лень и нежелание думать о будущем. И с такой же лёгкостью, с каким мгновение назад падали в объятия друг к другу, вы предаёте и изменяете, снова и снова оправдываясь словом, смысл которого утратили тысячелетия назад. Да и был ли вам ведом смысл любви, когда соединяются не столько тела, сколько души... Признайте же: ваша единственная движущая сила — инстинкт. Поиск самки. Слепая страсть. Зов плоти... — её голос снова обрёл грозно-

мурлыкающие нотки, и она сделала шаг вперёд, собираясь на деле продемонстрировать Гарри, зов какой именно плоти она имела в виду. — Хочешь понять, что это?

Не успел Гарри сказать «нет», как всё, что осталось в этом мире, — её расширившиеся зрачки, поблёскивающие во мраке и пьянящий, сводящий с ума запах.

Сейчас он был готов на всё — быть растерзанным ради неё... умереть за неё...

Нет... Она... просто... нимфа...

— Любовь... Ты должен быть счастлив — ведь ты избран для того, чтобы продолжить род куда более древний и прекрасный, нежели род людской. И продолжить не самым худшим способом, — нимфа повела плечом и снова усмехнулась. — Немногим выпадала такая участь, а потому ты должен гордиться собой... напоследок. Мужчины... женщины... Вы ненавидите друг друга, уничтожаете друг друга и даёте жизнь потомству, которое живёт в ненависти и бесконечной войне... Слабость... Бессилие — вот они, источники ненависти и черноты, которые постепенно наполняют людские сердца.

— Нет людей, не носящих черноту в сердце, — вскинул голову Гарри, — главное — бороться с ней.

— Бороться? Ты говоришь о людях, я не ослышалась?! — нимфа звонко расхохоталась, запрокинув голову. — Какой же ты наивный!

— Я... я хочу бороться! Я буду бороться!..

— О, это звучит... И ради чего? Ради кого? Ради толпы, что всё равно не оценит твоей жертвы? Ты исчезнешь, не оставив даже памяти о себе, — так не лучше ли забыть о людях и поучаствовать в продлении нашего рода?..

Он отчаянно замотал головой, уклоняясь от стремительно приближающихся губ.

— Нет!

— Да... — прошептала она, поднимая руки и позволяя упасть на землю остаткам своего скудного наряда. Гарри зажмурился. Но в тот миг, когда она коснулась его тела, с её губ сорвался вскрик боли, а Гарри трянуло, словно он получил разряд электрического тока.

Когда он открыл глаза, Фелли сидела на земляном полу пещеры с выражением глубочайшего недоумения на лице.

— Что... это было? — она поднялась (Гарри с трудом отвёл от неё глаза), нахмурилась и медленно провела ладонью над распростёртым перед ней юношей. Странное чувство — пространство отталкивало её, создавая вокруг него нечто вроде невидимой защитной плёнки. — Что это?.. Неужели...

На её лице отразилась глубочайшая скорбь. Еще раз окинув юношу плотоядным взглядом и обиженно оттопырив губу, она неожиданно улеглась на землю у его ног, не потрудившись даже прикрыться.

— Неужели ты ко мне не испытываешь никаких чувств?

— Разве что чувство юмора, — нервно брякнул Гарри и, испугавшись появившегося на лице нимфы угрожающего выражения, торопливо добавил: — А ещё я тебя боюсь.

— Скажи, а как ты сделал это?.. — Фелли снова попробовала коснуться его, и снова вскрикнула.

— Что — «это»? Я не знаю, — внезапно почувствовав что-то вроде угрызений совести, признался Гарри. — Ты уж извини...

— Ничего-ничего, с кем не бывает, — рассеянно кивнула нимфа, о чём-то размышляя. — Значит, «аппетита не было»? Ну-ну...

В мгновение ока оказавшись на ногах, она подхватила с земли своё травяное одеяние и, на миг застыв на входе — стройное золотистое тело на фоне бархата опустившейся на мир ночи — хитро прищурилась: — Говоришь, ты по делу пришёл — что ж, посмотрим, что ответит тебе Миа.

...Заслышав торопливую дробь босых пяток, Миа

оторвалась от созерцания рассыпающихся в огне угольев, а Лиэ от волнения выронила вырезанную из коры чашу. Вода зашипела, и на какой-то миг костёр испуганно прижался к земле, но тут же воспрял и снова вскинулся вверх. С игривой улыбкой на устах и чертенятами, пляшущими в сияющих серых глазах, Фелли выскочила из темноты, с лёгкостью перепрыгнула через приветственно вскинувшееся ей навстречу пламя и сладко, с грацией дикой кошки растянулась на мягком мху.

Нимфы молчали, не сводя с неё напряжённо-вопросительных глаз. Лиэ затаила дыхание и, на всякий случай, попятилась в ночь, чтобы, ежели что, тут же задать стрекача. Но Фелли, замерев лишь на мгновение, неожиданно подскочила и, едва касаясь земли лёгкими ногами, снова умчалась. Через миг ночную сонную тишину разрезала развесёлая песнь и плеск ручья.

— Я так понимаю, наш малыш не подкачал? — строгий голос Миа заставил нимфу замереть и умолкнуть. Фелли медленно повернулась: похожая на статую какой-то древней богини (прекрасной и безжалостной), подруга взирала на неё с берега, скрестив руки на груди. За спиной Миа неясным светлым пятном во мраке маячила Лиэ.

— Тьфу на вас, напугали, — Фелли захихикала и, зачерпнув пригоршню воды, брызнула в сторону подруг. Миа чуть нахмурила брови, и капли, не долетев до неё, с тихим шорохом упали на землю. — Бледный... испуганный... в трусы свои вцепился, словно это последний бастион... и глаза такие... несчастные-несчастные... Головой мотает и твердит, как заклинание «нет, нет, только не это», — Фелли снова захихикала и утёрла невидимую невооружённым глазом слезинку. — Слушайте, может у него какие проблемы? Я старый больной человек, меня девушки не любят, — проскрипела она, прыснула, и её смех на берегу с готовностью подхватила Лиэ:

— Признаться, меня посетили те же подозрения. А может, — она понизила голос, в котором зазвучали нотки мистического ужаса, — ему нравятся мальчики?

— Гадость какая, прости господи! — Фелли сплюнула, и кулончик, который она, входя в воду, по обыкновению сунула в рот, блеснул в темноте. — А как же тогда его подруга?

— Что — эта замурышка? — захихикала Лиэ, перед глазами которой снова встал образ темноволосой девушки в кофте шиворот-навыворот и красным от холода носом. — О, если ЭТО — его подруга, то неудивительно, что после неё он шарахается от женщин, — такая кого угодно напугает... В этом случае мальчик безнадёжен, тут даже наши чары не помогут. Придётся его... — она чиркнула пальцем по своему горлу, смачно прицокнув языком. — Ничего, у нас есть ещё один. Он уже пришёл в себя?

— Не знаю, я к нему не заглядывала, — не сводя глаз с замершей по бёдра в воде Фелли, холодным тоном откликнулась Миа. — Так, значит, тебе не...

— Ну, вы меня недооцениваете, — та туманно улыбнулась, снова забросила кулончик в рот и со звонким плеском нырнула.

Плечи Миа поникли. Она развернулась и направилась обратно к костру. Наполнив жаровню раскалёнными углями, спрятала остро наточенный нож меж цветов и листьев, составляющих её одеяние, и на миг замерла, потерянно глядя на огонь, с хрустом пожирающий ветви.

— С другой стороны... у нас ведь есть ещё один... Возможно, именно он...

Из темноты бесшумно выскользнули две стройных фигурки. Подрагивая всем телом, Фелли вбежала в круг золотистого света и протянула к огню руки. Мельчайшие капельки воды вспыхнули драгоценными камнями. Миа решительно поднялась, подхватила жаровню и улыбнулась вскинувшему на неё глаза подругам:

— Остатки — сладки.

* * *

Судя по всему, сознание вернулось почти сразу — во всяком случае, с неба по-прежнему колочье щерились звёзды, а чуткий нос уловил запах дымка. Хотя с другой стороны, зная свою подругу, он тут же усомнился — с таким же успехом за время его забытья могли миновать не одни сутки. Едва он попытался двинуться, как тут же ощутил, что тело категорически отказывалось подчиняться своему владельцу.

Впрочем, было ли это настолько плохо? Он сам не знал, хочет он двигаться или нет. Он сам не знал, хочет ли он... Хочет ли он жить. Всё вернулось. Снова. Та дверь, которую он, как казалось, наглухо заколотил, снова распахнулась — прямо перед ним. Впрочем, в любом случае, сейчас сама судьба избавила от необходимости снова немедленно кидаться в бой, принимать решение, выбирать.

Чудом избежав смерти в объятиях дементоров полгода назад, он, вместе с угольной чернотой волос, едва тронутых к тому времени ранней сединой, лишился чего-то важного, быть может, даже самого главного: того, благодаря чему мог с упрямством смотреть в будущее и, стискивая зубы — до боли, до хруста — шагать вперёд. Или, когда шагать уже не было сил, ползти — на коленях, на брюхе. Да, он привык бороться с судьбой, привык выживать и подниматься на ноги — назло, вопреки. И судьба, словно распаяясь от такой живучести, становилась всё коварнее, изобретая новые пытки, подстраивая новые ловушки и неустанно испытывая душу и тело. Он выучил её урок назубок — иногда нужно бороться даже с богом. С каждым может случиться несчастье: гибель города, смерть близкого человека, несправедливое обвинение, неизлечимая болезнь. В это время бог испытывает человека, чтобы тот ответил на вопрос: «Зачем ты так цепляешься за жизнь, ведь она коротка и полна страданий? Какой смысл в твоей борьбе?» Тот, кто не может ответить на этот вопрос, смиряется. А тот, кто ищет смысл жизни, решает, что бог поступил несправедливо. Такой человек всегда идёт против своей судьбы. И в этот миг с небес снисходит другой огонь — не тот, что убивает, а тот, что разрушает старые стены и открывает каждому его истинный дар. Трусливые никогда не допустят, чтобы этот огонь зажгёт их сердца. Всё, что им нужно, — чтобы новое в жизни как можно скорее стало привычным. Тогда они смогут жить дальше и думать так, как прежде. А храбрые предают огню всё старое и, даже ценой огромного душевного страдания, оставляют всё, в том числе и бога, и идут вперёд.

Храбрые всегда упрямы.

Сириус был и храбр, и невероятно упрям; он никогда не смирялся — и если для движения вперёд не хватало любви, то в помощь призывалась ненависть. Но и у него настал момент, когда, заглянув себе в душу в поиске сил, пытаюсь — в очередной раз уклониться от неизбежной смерти — он не сумел ответить на закономерный вопрос: «Ради чего?» Он обнаружил лишь пустоту и усталость.

Смутные воспоминания о боли и ледяном холоде, разъедающем душу и тело, о последнем всплеске сознания, когда он обернулся псом, и дементор, опешив, отпустил его, не почувствовав знакомых человеческих эмоций — ужаса, страха, боли... Что было потом — Сириус едва помнил. Огонь... Потом, наверное, улицы... Сырые подвалы с крысами, воспринимавшими его не как врага, а как добычу. Мокнувшие раны. Боль в раздробленных костях. Утратив свою человеческую сущность, утоляя голод насекомыми и гусеницами — *скользко, но питательно* — он, теряя остаток сил, брёл, полз, сам не зная куда, — наверное, просто хотел умереть рядом с местами, где прошли лучшие годы жизни, где был счастлив — безмятежно и просто, как возможно быть счастливым только в детстве.

Но, видимо, его время ещё не пришло, коли таин-

стенная спасительница появилась в тот момент, когда мир утратил чёткость линий и ясность звуков, и вокруг уже витали туманные образы навеки оставивших этот мир друзей, — Джеймс и Лили приветственно махали руками, по-прежнему юные, едва перешагнувшие порог двадцатилетия, а сам он смущённо улыбался, стесняясь своих ранних морщин и седины:

— Сириус, дружище! А ты ведь старше нас: нам-то уже не суждено повзрослеть...

Когда он очнулся, то почувствовал себя другим человеком. Вот только человеком ли? Он не хотел ни умирать, ни жить дальше. Он ничего не хотел: в нём не осталось ни любви, ни ненависти, ни веры.

Счастье — это когда думаешь, что тебя убило, а тебе всего лишь оторвало ноги.

Шли дни, и постепенно к нему вернулось если не желание жить, то желание существовать, чтобы, открывая глаза, снова видеть свет. Чтобы острым собачьим чутьём обонять резкие и пьянящие запахи дикого леса и — её сладкий, головокружительный аромат. И он решил остаться с ней, умерев для всех остальных.

Было ли это малодушием? Возможно. Он не думал об этом. Он слишком устал от этих бесконечных лет борьбы. Устал от усилия жить.

Но...

Пожар. Крик. Плеск воды. Стон. И — Гарри.

Он спас их, мечтая остаться неузнанным и благодаря судьбу, давшую ему ещё раз — как знать, не последний ли — увидеть того, кто всегда был дорог и для кого он так и не сумел стать родным человеком, заменив отца.

Но вместо спасения...

Тогда, замерев на входе в пещеру и переводя взгляд с распростёртого на стене Гарри на ту, в которой сейчас был весь смысл его жизни, Сириус понял: всё, что случилось раньше, — просто бегство. Он бежал от сомнений. От неудач. От нерешительности. Но судьба оказалась великодушна, она привела его к неизбежному, чтобы показать: человек должен выбирать, а не принимать свою судьбу. И Сириус выбрал.

Гарри.

* * *

Миа ликовала.

Неужели... Тысячелетнее пророчество — неужели звёзды выбрали её?!

Фелли, Лиз, трепетавшие у костра в предвкушении взбучки, — какое там, она и думать про них забыла.

Неужели этот мальчик... «Мальчик как мальчик»?.. Э, нет...

Глубоко вздохнув, она сложила ладони и что-то шепнула себе под нос.

За краткий период относительного покоя и одиночества Гарри успел окончательно расшатать вбитое в каменную стену кольцо. Ещё одно усилие — перед глазами от натуги вспыхнули яркие искры, и... он едва не взвыл от отчаяния: одна свободная рука — это, конечно, хорошо, но что от неё толку, если вторая рука и обе ноги по-прежнему прикованы?..

— Если б тут только была моя волшебная палочка, я б вам показал, дряни лесные, как над людьми измываться... — прошипел он под нос, продолжая отчаянно дёргаться. И в этот миг... Цинковка снова откинута в сторону (юноша в отчаянии застонал), и перед его глазами предстала... задыхающаяся от бега, испуганная и заплаканная Гермиона.

— Гарри! Гарри!..

Раньше, чем он успел хоть что-то сообразить или хотя бы удивиться (впрочем, за последние двое суток он, похоже, утратил способность удивляться), она кинулась к нему, ткнувшись носом в распахнутый ворот рубашки — её мокрое, горячее лицо прильнуло к его груди, руки закинулись за шею — такое забытое чувство, такое сладкое, такое... неуместное.

— Гермиона, что ты тут делаешь?! — он неловко

приобнял её свободной рукой и прижался щекой к густым волосам, машинально отметил, что на ней знакомая вязаная кофта, причём — вывернутая наизнанку.

— Как что?! спасаю тебя, конечно! — быстро отстранившись, она присела на корточки: Гарри так и не понял, что конкретно произошло, но, громыхнув, кандалы упали на землю, а он взвыл, внезапно оказавшись подвешенным на стене за одну левую руку.

— Чё-о-орт! Надо был начать с руки!

— Прости!

— Чёрт! — Гарри больно приложился затылком о камень, едва успев сгруппироваться в самый последний момент. Тело ныло и болело. Ноги категорически отказывались слушаться.

— Прости! — по её губам промелькнула виноватая улыбка. — Скорее, пока сюда никто не пришёл...

— Откуда ты... — начал Гарри и осёкся, увидев предостерегающе вскинутую руку. Гермиона выглянула из пещеры, замерла на миг и, вцепившись ему в ладонь, внезапно сорвалась с места и с силой, которую трудно было заподозрить в хрупком девичьем теле, потащила за собой в ночной лес — в сторону, противоположную той, где сквозь деревья и кусты тускло маячил костёр. То ползком, то крадучись на цыпочках, то несясь со всех ног; то продираясь сквозь кусты, то перелезая через горы валежника, они оставили опасное место с коварными нимфами далеко за спиной. Наконец, тяжело дыша, Гермиона привалилась спиной к дереву.

— Кажется, обошлось, — едва слышно выдохнула она и сползла по стволу. — Гарри...

— Гермиона, я... — он запыхался, в горле противно щипало, а сердце норовило выскочить из груди от волнения и красса по очень пересечённой местности, — даже не знаю, как тебя... поблагодарить... Как... тышла?..

— Мне, — она с трудом справилась с голосом и шумно сглотнула, — Диофан сказал.

— Но... — однако Гарри так и не успел закончить: Гермиона поднялась и, запустив пальцы ему в волосы, заткнула рот поцелуем. Если у него и были мысли об оставшемся в плену лесных обитательниц Лонгботтоме, о том, как Гермионе удалось ночью найти в Запретном Лесу Диофана, и почему она догадалась отправиться именно к сатиру, то они тут же упорхнули.

— Гермиона... Ты чего?.. — ошалело спросил Гарри, когда она наконец-то отстранилась. Он смотрел на её бледное лицо, чувствуя, как только что пережитый страх и стресс берут своё: руки задрожали, голова закружилась. Неожиданно для самого себя он опустился на землю.

— Гарри, — чуть удивлённо шепнула она, опускаясь рядом и проводя рукой по его щеке.

— Но... м-м-м... — он задохнулся: действие начало развиваться слишком уж стремительно. — Постой, не надо... ты что... Гермиона... Мы не можем... Не сейчас... Сначала нужно...

— Я так ждала этого, — в её голосе зазвучали странные, ожесточённые нотки. — Почему ты не...

— Больно! — вскрикнул он, когда она внезапно стиснула его запястья, стёртые наручниками. Перед глазами Гарри снова мелькнула картина освобождения: склонившаяся над кандалами Гермиона, напряжённые плечи и торчащие наружу швы вязаной кофты. Внезапно холодок пробежал между лопаток. — Постой, а... где твоя волшебная палочка?

— Где-то здесь... Зачем тебе она сейчас? — она хихикнула.

Я могу поклясться — она освободила меня голыми руками. Что-то здесь не так... Неужели...

Её ладонь нырнула ему под рубашку.

— Мне надо вернуться, — Гарри решительно поднялся и, взяв её за плечи, отстранил от себя, не отрывая взгляда от её лица — такого знакомого и такого странного в призрачном свете невидимой из-за деревьев луны. — Там остался Невилл. Я должен вытащить его — эти нимфы настоящие чудовища. Они его убьют. И потом, мне нужно с ними поговорить...

— Гарри!.. — Гермиона сделала шаг к нему, и, движимый каким-то предчувствием, юноша отпрянул и, развернувшись, пошёл обратно, прекрасно понимая, что вряд ли сейчас найдёт дорогу к костру и пещере, откуда только что оказался таинственным образом спасён. Но теперь он точно знал: от неё надо бежать. — Зачем он тебе? — крикнула она ему вслед. — Ведь его уже не спасти... Поторопись, и тогда хотя бы мы с тобой сумеем...

Крак.

Ветка хрустнула под ногой, юноша пошатнулся, с трудом удержав равновесие. Сзади раздался тихий переливчатый смешок.

Я так и знал.

Он слышал приближающиеся лёгкие шаги, и, собрав все силы, ждал.

— Значит, ты считаешь нас чудовищами... Забавно.

От гнева у Гарри перехватило дыхание. Он резко обернулся.

— Как ты посмела... её облик... Ты... ты просто... — кусая губы, он пытался найти слово пооскорбительнее, — просто животное! Ты — не человек!

— Конечно, я не человек, — задумчиво кивнула нимфа. — Но и животными я бы называть нас не стала — не потому, что это унижительно, нет. Мы — лесные существа, куда более древние, чем вы. Мы живём по своим законам, и не вам эти законы менять. Люди нужны нам, чтобы продолжать наш род — поэтому мы похищаем мужчин или ловим тех, кто по собственной глупости и неосмотрительности забрёл сюда... Ну, или же как ты — слишком положился на свои силы.

— Но почему вы отпустили меня тогда, в первый раз? Ведь однажды мы... я...

— Так пожелал Диофан: он запретил нам трогать друга Хагрида. Но теперь его тут нет, верно?. И никто не узнает... Не узнал бы... — нимфа не сводила с юноши задумчивого и чуть удивлённого взгляда. — Значит, они всё придумали... Вот вруньи... Значит, ты... Ты... — она подошла и снова протянула к нему руку, но Гарри, развернувшись, звонко ударил по ней.

— Не касайся меня!

Сейчас ему было всё равно — растерзает ли она его, убьёт ли; он стоял, сжав кулаки и не сводя напряжённого взгляда с лица Миа, едва различимого в ночи. Во мраке её глаза светились странным светом: будто на дне глубокого зелёного озера переливался таинственный огонь.

— Ты ведь хотел поговорить, верно? Ступай за мной. Я тебя не трону.

Развернувшись, она легко заскользила по одной ей ведомой тропке сквозь заросшую орляком поляну. Гарри, колеблясь, смотрел ей вслед. Несколько шагов — и тонкая фигурка растворилась среди деревьев, остался лишь лёгкий, как дуновение ветерка, шелест шагов. Но вот и он затих. Гарри не шелохнулся.

— Ну же! Ведь ты за этим пришёл, верно? — донеслось до него, и в этот раз гриффиндорец решительно двинулся следом.

...Замерев перед отвесной скалой, оплетённой плющом и поросшей мхом, Миа воздела к небу руки и произнесла что-то на непонятном языке, полным шипящих и свистящих звуков. Если это и был язык нимф, то основу ему положило пение ветра и шорох листьев,

тихий плеск лесного ручейка и вздохи напоённой влагой земли. Лунный свет упал на воздетые ладони — и те вдруг вспыхнули живым светом. Гарри не сразу сообразил, что это засияли камни в её перстнях.

Опустившись на колени, нимфа прикоснулась ими к одной ей ведомым углублениям в скале, и... Послышался треск рвущихся плетей плюща, натужный скрип и хруст камня, и прямо перед ней разверзся проход.

— Ч-что это?.. — не в силах побороть любопытство, пересилившее недоверие, Гарри приблизился и заглянул в открывшуюся пещеру. К его удивлению, она была освещена тусклым светом, хотя ни факелов, ни свечей, ни какого другого источника освещения не наблюдалось. Посредине, на возвышении, грубо высеченном из цельного куска породы, стоял... определённо: это был каменный гроб.

С трудом справившись с волнением и дрожью, Гарри сделал ещё один шаг.

— Тут покоятся двое из Великой дюжины. Те, кто отдали свои жизни, спасая остальных, кто пожертвовали собой, — голос Миа переполнялся мистическим торжеством. — Из века в век передавалась эта тайна вместе с кольцами. Мои неведомые предки, моя бабушка, моя мать — все они верили, что именно к ним придёт однажды благородный рыцарь, что трижды сумеет устоять перед соблазном, и которому суждено защитить мир... Я тоже верила в это. И ты пришёл. Ступай же, — она царственным жестом указала на пещеру, и Гарри шагнул под каменный свод, с ужасом ожидая запаха тлена, но тут же сообразив, что за тысячу лет всё в любом случае рассыпалось в прах.

К его удивлению в пещере оказалось сухо и удивительно холодно — много холоднее, чем снаружи: он тут же покрылся гусиной кожей и поёжился, машинально втягивая голову в плечи.

Древнее надгробие покрывали письмена, грубо вырезанные на слегка обтёсанных боках. Гарри узнал руны и мысленно застонал — в отличие от Гермионы он не посещал уроков по их изучению. Но отчаяние оказалось недолгим: на противоположной стенке обнаружилась надпись на латыни.

Протянув руку, гриффиндорец коснулся кончиками пальцев букв, и те ярко вспыхнули, заставив его отшатнуться от неожиданности и зажмуриться: пещеру залил яркий свет.

— *Так слово погибших пророков цените, чтоб вырвалось солнце из древних гробов,* — нараспев произнесла оставшаяся снаружи нимфа, не спускающая с него сияющих во мраке глаз.

— «Пробудись ото сна», — шёпотом перевёл Гарри странную надпись, прочитав её сквозь полуприкрытые ресницы — идущий от гроба свет жёг глаза, — эй, тут написано «пробудись ото сна». Что это?

— Это ключ, — эхом откликнулась нимфа, с тихой полуулыбкой глядя куда-то в пространство.

— Ключ? Ты имеешь в виду — заклинание?

— Думаю, часть его... — голос Миа звучал всё тише.

— Какая часть?

Нимфа пожала плечами и устало опустила в траву.

— Это тебе и предстоит узнать, — её глаза закрылись. — А моя миссия закончена...

Глава девятая, в которой Гатто опять берётся за старое, портреты разговаривают, а над Гермионой заносят дамоклов меч.

— Как думаешь, нас сразу отчислят или сначала отдадут на растерзание Филчу — на недельку-другую, чтоб проверить исправность оборудования в карцере, — и только потом отправят по домам? — размышлял вслух Невилл. Он лежал в унылом сумраке лазарета, едва нарушаемом тусклым ночником над входной дверью, и задумчиво смотрел в потолок.

С соседней кровати послышалась возня и вздохи. Гарри тоже не спалось, что и неудивительно — возвращение, приступ всеобщего ликования, последовавшая за ним жуткая выволочка от профессоров³⁵, и, на-

³⁵ Кто сказал, что словом нельзя высечь?

конец, спасение в виде маленькой доброй феи, удачно замаскированной под взволнованную и сердитую мадам Помфри: трясая седыми кудельками, фельдшерница заявила, что проведших несколько дней в лесу мальчиков необходимо немедленно осмотреть и подлечить, а уж потом решать с ними по всей строгости школьного закона. И она и близко никого к ним не подпустит до тех пор, пока не убедится, что здоровью и жизни детей ничего не угрожает.

Ха-ха. Не угрожает.

— Как там... «казнить нельзя помиловать»?.. — Невилл грустно улыбнулся.

— Не знаю, — наконец, признался Гарри, с трудом отрываясь от своих мыслей. — Если честно, я как-то не думал об этом, когда...

— Я тоже... — вздохнул Невилл и повернулся на бок. Теперь он различал в полумраке и кровать одноклассника, и его самого: закинув руки за голову, Гарри тоже лежал с открытыми глазами, сосредоточенно уставясь в одну точку. — Представляю, что мне устроит бабушка... Точнее, даже представлять не хочу.

— Ты прости, Невилл, что так получилось... — Гарри мрачно подумал, как обрадуются Дурсли, когда он свалится им на голову среди осени.

— Да нет, ничего, меня ж никто силком за тобой не волок, я не в обиде. Хорошо, что обошлось, — вздохнул Невилл. — С другой стороны, это мне стоит извиниться: как знать, может, не будь меня рядом, у тебя всё бы вышло куда успешней — я ведь известный неудачник... Воистину: кто рождается безруким и безголовым, тот в дальнейшем только развивает оба этих качества.

— Не говори так, — поморщившись, тихо, но решительно остановил его Гарри. — Во-первых, не будь тебя, от меня бы те цветочки и мокрого места не оставили. Ты меня спас, и я у тебя в долгу...

— Ну, положим, потом меня спас ты, так что мы — квиты...

— ...а во-вторых, ни слов поддержки, ни слов возращения у меня сейчас всё равно нет... Всё обошлось. И ладно. Теперь бы ещё не выпихнули из школы... *Иначе, как и где я буду искать оставшиеся части заклинания? Не у Дурслей же в палисаднике, среди прокисших бегоний...* — перед глазами мелькнули картины из жизни на Приват-Драйв... пышные усы дяди Вернона... лошадиная физиономия тётушки... Дадли... Гарри передёрнуло, и он вернулся к своим размышлениям. — *Значит, «Пробудись ото сна»... Как там пела Шляпа: «Защитник тут же скован был и спрятан на века»... Интересно, куда же всё-таки его засунули?.. Или это в переносном смысле, и он просто запечатан заклинанием? Или же он сам и есть заклинание, дающее некие особые возможности? Чёрт... Четыре ключа, четыре... Теперь осталось три, и единственная ниточка ведёт к древним существам. Так их тут полно — кентавры, сатиры, нимфы, русалки. Кальмар этот в озере, опять же. Домашние эльфы. Привидения. Хотя нет, привидения — всё же не существа, а люди... Хм. Как насчёт картин?.. Интересно, а Арагога и его родню можно считать древним существом? Нет, наверное, древность считается по времени проживания здесь... Пожалуй, стоит ещё раз переговорить со Шляпой, рассказать ей всё — может, она чего дельного присоветует, — внезапно осознав, что, кроме как с новообретённым фетровым другом, больше ему поделиться и обсудить создавшуюся ситуацию не с кем, Гарри почувствовал боль в груди — да ещё такую сильную и неожиданную... Он даже закашлялся. — *Рон... Гермиона... Они бы поняли, помогли, поддержали... Почему?! Почему всё так?!**

Лица друзей появились перед внутренним взором. Смеющиеся и грустные, задумчивые и озадаченные. Зазвучали их голоса — так явственно, так отчётливо... Потом лицо Рона потускнело, осталось только её лицо...

Гермиона...

Гарри стало совсем плохо и, глухо застонав, он свирепо вцепился пальцами в край одеяла. Боль на-

крыла его, он почти физически чувствовал навалившуюся, душную тяжесть...

Нет. Я не хочу... не могу сейчас об этом думать. На чём я остановился? Да, три ключа... Поговорить со Шляпой...

Невилл снова вздохнул и завозился, заставив Гарри вернуться к реальности:

— Слушай... я ведь так тебя и не спросил... Хотя, наверное, ты всё равно не ответишь, — тихо, будто разговаривая сам с собой, продолжал он. — А зачем ты вообще пошёл туда? Посреди ночи, в Лес, к нимфам, через всё это... — хоть Невилл и старался держать себя в руках, задрожавший голос выдал ужас, охвативший его при одном воспоминании о плотоядном цветке, кошмарном пожаре, странном спасении и двух страшных днях, последовавших за ним: когда каждую минуту он ждал смерти... или ещё чего похуже. — Ведь ты же знал?.. Или не знал?.. Ради чего? — Гарри молчал. В тишине лазарета послышался долгий мучительный стон: изображённый на одной из картин умирающий наконец-то испустил дух. — Я понимаю... Прости. Спокойной ночи, — раздался скрип пружин и, покосившись, Гарри увидел, как Невилл поворачивается к нему спиной и натягивает одеяло на плечи.

А ведь он пережил то же, что и я. Вот только, в отличие от меня, прошёл через всё это не ради чего-то... он имеет право знать. С другой стороны, действительно никто силком его не волок... Но ведь... ведь от этого жуткого цветка спас меня именно Невилл, и, не окажись его рядом, меня б сожрали, как запутавшуюся в паутине муху...

— Нет, постой. Я... понимаешь, так надо, Невилл. Я... я не могу тебе всего рассказать, — и вдруг Гарри понял, что больше всего на свете ему именно этого и хочется: рассказать другу обо всех переживаниях, о том, насколько ему больно и одиноко; о том, как страшно и как странно пытаться спасти мир, где не осталось сейчас ни единого человека, готового протянуть ему, Гарри, руку помощи... Человека, для которого он бы что-нибудь значил... Конечно, были учителя, Дамблдор — они всегда бы помогли, поддержали, подсказали — однако сейчас Гарри нуждался не в них: он отчаянно хотел, чтоб рядом оказался друг — просто друг, готовый молча выслушать, хлопнуть по плечу, сочувственно улыбнуться. Но увы. Рон... Гермиона... Сириус — а ведь всё это время крёстный был жив, находился совсем рядом, и даже не подал знака, — эйфория от этого открытия постепенно уступала место обиде.

Эх, случись всё полгода назад — когда рядом были Рон и Гермиона — о, ради них он бы кинулся напролом — он бы, не задумываясь... Но сейчас, когда от дружбы и любви оставались только подёрнутые раскалённой золой руины, над которыми он шёл по ветхому, крошащемуся прямо под ногами мостику, — открытый всем ветрам и ненастьям.

Один. Всегда один... Все меня оставили. Но я не впаду в отчаяние. Я обязан идти вперёд и делать, что должен, — ради тех, кого продолжаю любить, хотя они и... — кулаки Гарри сжались сами собой.

— Я понимаю. И не прошу. Спасибо, что спас меня. Спокойной ночи.

— Угу, — помедлив, кивнул Гарри.

Странный он всё же парень... Ни друзей, ни подружки, ни братьев-сестёр... Снейп всё время притыкает, в школе дразнят... И родителей, можно сказать, почти нет... Почти... Видеть их такими — наверное, это ещё страшней, чем потерять совсем... Да ведь... да ведь он — такой же, как я. Точно такой же.

— Невилл, вот ещё что... — порыв оказался настолько внезапным, что Гарри не успел даже подумать, как слова сами полились с губ. — Понимаешь, всё дело в Защитнике — помнишь, Шляпа пела на Церемонии? Вот я и решил — ну, словом... попробовать найти эти ключи.

— Отчего же — я хорошо помню, — Гарри показало, будто Невилл под одеялом съёжился ещё силь-

нее. — Там ещё что-то было про гриффиндорскую смелость, слизеринскую хитрость, ум Равенкло и упрямство Хаффлпафф...

— Ты думаешь? — оторопел Гарри. — А ведь точно...

Тогда найдётся человек

С отважным сердцем льва,

Чтоб всё при нём: упорство, хитрость,

Ну, и голова...

— Нет, ты не думай, будто я так в себе уверен, будто я считаю себя избранным или призванным...

— Я не думаю. Так оно и есть, — безо всякой издёвки, спокойно, будто говоря о чём-то само собой разумеющемся, отозвался Невилл, и Гарри раздражённо фыркнул: от кого бы ни исходили подобные фразы, он терпеть их не мог. — Ты действительно единственный, кому удавалось каждый раз спастись от верной смерти. И не просто спастись, но и спастись других.

— Не каждый раз, — тихо возразил Гарри. — Ведь Седрика я всё же...

— И если и суждено кому-то разгадать тайну Защитника — то именно тебе.

— Ну, ладно, тут есть о чём поспорить: Шляпа мне сказала — дескать, не каждый может пройти этот путь, потом взялась пугать всякими ужасами. Однако, смотри сам: мы ведь всё сделали вместе с тобой — вместе чуть не погибли в огне, вместе спаслись, вместе... — «гостили у нимф» Гарри успел проглотить, сделал вид, будто поперхнулся, — кхе... прискакали обратно...

Невилл под одеялом кивнул и нервно поёжился, и у Гарри тоже вступило в копчик: кого угодно доконала бы гонка сквозь самое сердце Запретного леса на келпи, которая сначала категорически не желала признавать Невилла, а потом неслась, взбрыкивая так, что её острая хребтина норвила перепилить парней пополам...

— Словом... — продолжил Гарри, машинально понижая голос, хотя в лазарете всё равно не было ни одной живой души. И мёртвой тоже: дежурное привидение отсутствовало, а картины мирно посапывали, утомившись от вечерней суеты и толчеи. — Понимаешь, всё это не легенда. Четыре части заклинания Защитника попрыганы неизвестно где, но только оно может сейчас помочь нам устоять перед Вольдемортом. И одна из частей — я всё ломал голову над подсказками и вдруг меня осенило — и точно: она хранилась как раз у нимф, потому-то я и...

Когда Гарри снова повернулся к Невиллу, тот, вытаращив глаза, сидел на кровати.

— То есть... Так тебе удалось его добыть?!

Задремавшая над корпией сестра милосердия с ближайшей картины выронила свою работу, и юноши тут же шлёпнулись в кровати, натянув одеяла до самых бровей.

— Гарри... — осторожным шёпотом повторил Невилл... — Тебе удалось?..

Но тот не ответил.

Кто меня потянул за язык?! Какого чёрта я ему всё выложил?! — проклинал себя Гарри за минутный порыв. — А вдруг он... Да что я несу! Боже мой! Ну неужели я никому, никому больше не могу доверять?!

— Гарри... — ещё раз шёпотом позвал Невилл и, так и не дождавшись ответа, тоже замолчал. Через некоторое время возня на его кровати прекратилась, дыхание стало ровнее — он уснул. Сам Гарри никак не мог последовать его примеру: от всего пережитого сердце в груди отчаянно колотилось, голова — разрывалась от мыслей и подозрений, а душа переполнялась отчаянием и решимостью.

В окно сквозь покачивающиеся ладошки клёнов заглянула луна. Ночь вздыхала и пела заблудившимся в ветвях ветерком. Наконец усталость взяла верх над возбуждением, и Гарри провалился в беспокойный, мучительный сон — он мчался по бесконечному серому

туннелю, шлясь оторваться от преследователей, и с каждым шагом понимал, что на самом деле бежит им навстречу.

* * *

— Итак, мой полупрозрачный дружок, — медовым голосом пропел Гатто, — что-то я не вижу вашего подробного отчёта по лазарету.

Привидение понуро смотрело в сторону.

— Я всё написал.

— Да-да, вижу скорбный плод ваших усилий: nulla dies sine linea — *ни дня без строчки*, — Гатто внезапно смял свиток, который держал в руках, и отшвырнул в сторону. Медленно планируя, тот опустился на пол и тихонько закачался на сквозняке. — Не хотел бы вас огорчать, но в таком виде он никуда не годится... Понимаете ли, достопочтимый сэра Анабел, по странному стечению обстоятельств ваше бытописание жизни лазарета, в коем нынче находятся столь долгожданные персоны, как мистер Поттер и мистер Лонгботтом, обрывается на том душеспитательном моменте, когда в сопровождении мадам Помфри наших дражайших пациентов покинула профессор Макгонагалл. Меня же интересует, что было дальше.

— Ничего, — тихо пробурчало привидение, теребя и обрывая кружева на рукавах. — Они уснули.

— Сразу же? Не сказав друг другу ни слова? Не поделившись впечатлениями о пережитом, не возликовав о чудесном спасении, не посмеявшись, не пошептавшись, не посетовав на грядущее? Ведь, ежели я не ошибаюсь, тут написано, что профессор Снейп в приступе гнева обозвал обоих пустоголовыми кретинами и законченными идиотами. А так же сказал, что, коли профессор Дамблдор в очередной раз посмотрит на гриффиндорские выходки сквозь пальцы, то он собственноручно зарежет обоих на экзамене. Причём, если не ошибаюсь, вы сами заметили на полях, что не можете достоверно утверждать, что оное обещание было лишь экспрессивным выражением и его не стоит понимать буквально. Хотите сказать, что после такого Лонгботтом спокойно уснул?

— Именно.

— Так-так... Свежо предание, а верится с трудом. А может, всё дело в том, что аккурат в четверть одиннадцатого закончилось дежурство по Восточной башне некой особы, проходящей в списках школьных привидений как Меланхолия Кэрл, однако в неофициальной обстановке называемая... — Гатто вытащил из внутреннего кармана и развернул полупрозрачную записку, — так-так... «птичка серебристая» — три раза, «кружевное облачко» — один раз... ага, а вот это просто делает честь вашей фантазии: «моя лучистая...»

— Прекратите! — призрак сжал кулаки и возмущённо (хотя, естественно, совершенно бесшумно) топнул ногой. — Как вы смеете следить, шпионить?! Я... я вызываю вас!

Его щёки засеребрились, и рука сама собой потянулась к эфесу шпаги.

— Sidera sunt lumina noctium — *звёзды светят ночью*, как трогательно. Нет, мой милый друг, обращаю этот вопрос к вам: как Вы смеете так себя вести при мёртвом-то муже?! Ведь у этой особы есть законный, хотя и... хе-хе... покойный — впрочем, как и все мы — супруг. И он, насколько мне известно... а мне, поверьте известно, ведь весь этот ваш хваленый Хогвартс у меня вот где, — Гатто сжал кулак, — даже Дамблдор меня слушается! — итальянец горделиво расправил плечи и слушал и без того курчавые волосы. — Так о чём же я... ах да: оный муж тоже один из обитателей этого замка. Не думаю, что бы ему понравился факт существования у жены любовника — впрочем, с учётом его силы и размеров, думаю, он сумеет самостоятельно и без особых усилий решить эту проблему. Единственное, в чём я сомневаюсь, — понравится ли это вам, не говоря уж о вашей возлюбленной даме.

За многозначительным замечанием Гатто последовала длинная пауза.

— Что вам нужно? — наконец тусклым голосом нарушило её привидение. Узкие плечи поникли, полупрозрачные волосы закрыли лицо, плещущее отчаянием.

— Так-так. Надеюсь, вопрос о поединке отпал сам собой, верно? Так вот: мне нужно знать, о чём Поттер и Лонгботтом говорили после того, как все ушли, — ледяным тоном отчеканил Гатто. — Пока же — не из любви к искусству, а исключительно в назидание другим — мне придётся сделать гадость. Как ни печально. *Пример учит, exemplum docet*, — с плотоядной улыбкой вздохнул он. — С завтрашнего дня вы, мой юный не в меру резвый друг, будете опрозраченны. Полагаю, лет на пять. Думаю, найдёте, чем заняться. Повоеете в коридорах, повздыхаете в подземелье... Первокурсниц поугааете...

— Но...

— Или, может, на десять? — словно размышляя, перебил Гатто — призрак сжался и будто бы даже уменьшился в размерах. — А ну, марш в лазарет! — бывший профессор внезапно перешёл на злобное шипение. — Если нужно, разбери стены, камня на камня там не оставь, вынь душу из картин, но я хочу знать, где их носило и зачем! ...Ведь и мне надо как-то развлекаться, верно? — закончил он, провожая взглядом скользящего в воздухе сэра Анабела. — И если мне удастся всё выяснить... О, думаю, тогда мы изрядно повеселимся, мистер Поттер... А также мистер Малfoy и... конечно же вы, мисс Грейнджер... Моя маленькая неуступчивая мисс Грейнджер. *Или теперь, или никогда...* *Aut nunc, aut nunquam*, — замурлыкав себе под нос какую-то песенку, профессор Гатто довольно потёр руки.

— Вот ведь дурак, — Гермиона рассерженно изучала себя в зеркале ванной старост: на шее красовалась маленькое красное пятнышко. Потом она опустила глаза: — Господи! И здесь... А вот ещё... И... кошмар! Даже ЗДЕСЬ!!! Терри, я тебя убью!

Сердито сведя брови — те превратились в одну линию (очень тоненькую и изящную: нынешняя Гермиона регулярно их выщипывала и вообще с большим вниманием относилась к своему новообретённому телу), староста раздражённо стряхнула с ног тапочки и плюхнулась в ванну, сознательно разбрызгивая пену. Разноцветные тугие пузырьки взлетели в воздух, лопааясь с мелодичным звуком, напоминающим перезвон крохотных колокольчиков, но сегодня Гермиону это совсем не забавляло. Она подняла руку и взмахом палочки призвала к себе книгу. В чём обе Гермионы совпадали — так это в страсти к учёбе³⁶: вот и теперь рядом с аккуратно сложенным на лавочке бельём (разумеется, кружевным) красовалась целая стопка учебников. Раскрыв наугад Энциклопедию колдовства — прошлогодний подарок Крума, она погрузилась в чтение. Однако уединению не суждено было продлиться долго. В ванной раздалось деликатное и весьма мелодичное покашливание, и кто-то заговорил на разные голоса:

— Тук-тук. Кто там? Не подскажите, могу ли я видеть мисс Грейнджер? Нет ли её случайно здесь и не соблаговолит ли она перекинуться парой-другой слов по вопросу, который наверняка не оставит её равнодушной?

Охнув и едва не выронив тяжёлый том прямо в воду, Гермиона сползла в ванну поглубже — теперь из пушистой пены виднелось только лицо.

— Кто? Что? — ахнула она и, взяв себя в руки, довольно кивнула: — Хорошо, мисс Грейнджер соблаговолит. Прекратите ваши шуточки, входите.

— Вот и славно, вот и хорошо... — из-за висящего на крючке шёлкового халата (столь любимый и Гарри, и «той» Гермионой розовый пушистый халатик оказался беспощадно выброшенным в первый же день) явился призрак профессора Гатто и, многозначительно

улыбаясь, завис в воздухе неподалёку, ханжески прикрывая полупрозрачной ладонью глаза. — Прошу извинить за вторжение, но некоторые факты, волею случая достигшие моих ушей, вынудили поступиться всеми существующими правилами. Исключительно из-за глубокой симпатии, что я питаю к вам... — Гатто приложил руку к сердцу и поклонился.

— Ничего-ничего, — нетерпеливо кивнула девушка, — продолжайте.

— Благодарю вас, — бывший профессор чинно склонил голову, украдкой метнув в укрытую пеной студентку полный сожаления плотоядный взгляд. — Не верите — лечу я сейчас по коридору, как вдруг ко мне кидается один призрак... ну, вы всё равно его не знаете... и по непонятной причине сообщает в подробностях о том, чем Поттер и Лонгботтом занимались в Запретном Лесу... Я, признаться, подумал, что вам как старосте Гриффиндора надо быть в курсе происходящего, верно?

С громким бульканьем книга пошла ко дну.

— Мерлин... Что же они делали?! — в ужасе вытаращила глаза Гермиона. — На что вы намекаете?!

Удивлённый столь бурной реакцией, профессор на миг недоумённо умолк и тут же рассыпался дробным смешком, стыдливо прикрывая рот рукой.

— *У каждого свои недостатки* — *sua cuique sunt vitia*. Хи-хи-хи... О... мисс... Я, конечно, всегда знал — девушка вы просвещённая и весьма продвинутая, однако мне и в голову не приходило, что ваши познания простираются настолько далеко.

— Я не это имела в виду, — чтобы скрыть смущение, Гермиона набрала в ладонь воды и умылась. Когда она коснулась пышущих жаром ушей, то совершенно искренне удивилась, почему не услышала шипения.

— Я о том, зачем туда отправился Поттер... Но, видите ли, существует один нюанс... — профессор приглашающе умолк.

— Кстати... вы... вы пока никому ничего не сказали? — тихим голосом, от которого у Гатто волосы на голове встали дыбом, спросила Гермиона.

— Нет. Пока, — сделав уловимую паузу между словами, улыбнулся Гатто. — Хотя... не думаю, что вы — единственная персона в этом замке, которой было бы интересно сие узнать.

— Не сомневаюсь... И?..

— И?..

— Так зачем же?..

— *Suis quaeque temporibus*. *Всё в свое время*, — Гатто не переставал улыбаться, однако чуть дрожащая рука, которую он запустил в пышную шевелюру, выдавала его волнение.

Плеснула вода: Гермиона оперлась о край ванной и встала. Пена медленно сползала, открывая её тело — ладное, гибкое — настоящее тело, которого она была лишена всё это время и ради сохранения которого не остановилась бы ни перед чем.

Думаю, мы поняли друг друга...

Она медленно вышла и замерла, спокойно глядя прямо в разом вспыхнувшие глазки призрака.

— Думаю, если бы я попросила подать мне полотенце, вы бы восприняли это как шутку?

Итальянец затрясся в дробном смешке. Гермиона пересекла ванную и накинула халатик, не вытираясь, — тот тут же облепил её.

— Так зачем же они туда ходили? — повторила она.

— Мнэ-э-э... — голос Гатто дал петуха, но, откашлявшись, он торопливо заговорил.

* * *

Гарри мчался — *быстрее, быстрее!* — в гриффиндорскую башню. Эхо громких шагов разлеталось по длинным коридорам, нарушая величественную полуполуденную тишину. Большинство студентов находились на занятиях, другие торчали в библиотеке или же трудились над уроками в гостиных. Лишь не-

³⁶ Правда, справедливости ради, надо заметить, мотивы у них существенно различались.

сколько счастливых резвились на просторах хогвартских лугов, с каждым днём утрачивающих радостно-зелёные оттенки.

Осень брала своё, взбрызнув Запретный Лес своей громадной разноцветной кисточкой, — и суровая однотонность расцвятилась легкомысленным багрянцем и золотом. По-осеннему звонкое, синее небо, разогнав нескончаемые тучи, стало высоким и плотным, почти осязаемым: наверное, если как следует разогнаться и направить метлу вертикально вверх, можно было разбиться вдребезги об эту холодную сияющую лазурь. Но Гарри сейчас было не до красот: едва вписываясь в повороты, перепрыгивая через ступени, он мчался из лазарета в сторону общежитий — самой короткой дорогой³⁷, думая только об одном: о спрятанной под матрасом книге и о том, что он увидит, раскрыв её последние страницы, — сколько их прибавилось за время моего отсутствия? Правда, в учебных башнях скорость пришлось сбросить, дабы не нарушать топотом строгую тишину. Гарри прокрался на цыпочках мимо бесконечно длинного ряда дверей — «...отдельные стадии процесса... ..и в 1420 году они вероломно напали на... ..движение палочкой строго по указанной мной траектории!.. ..пять очков Райвенкло, а теперь попрошу вас...» — и, едва завернув за угол, тут же кинулся со всех ног, однако сразу же — *О-о-ой!!!* — налетел на что-то. Вернее, на кого-то. На полу, словно его собственное отражение, — точно так же держась за лоб и с мученическим выражением на лице — сидел Рон Уизли.

— Чё-о-орт... Смотри, куда идёшь, — промаргиваясь, чтобы разогнать брызнувшие из глаз вперемешку со слезами разноцветные искры, простонал Гарри, хотя, надо сказать, подобный упрёк стоило обратить, в первую очередь, к нему самому.

— Не говори, что мне не следует делать, — и я не скажу, куда тебе следует пойти, — огрызнулся тот, и Гарри, уже поднывавшийся собравшийся продолжить свой путь, остановился.

Он сам не понял, что его дёрнуло за язык, — может быть, резанула злость в голосе, а может, сказались последствия приключения, пережитого вместе с Невиллом (который, кстати, повёл себя именно как настоящий друг), но Гарри, обычно не идущий на открытый конфликт и сознательное нагнетание обстановки, не удержался:

— Слушай, ты беситься не устал? Тебя от себя самого ещё не тошнит, нет?

— Меня от тебя тошнит! — во мгновение ока Рон уже был на ногах, и в глазах его вспыхнул недобрый огонёк, а на губах появилась... Гарри не поверил своим глазам — улыбка. Злобная и радостная улыбка, полная предвкушения драки, какую он прежде видел только у Малфоя. — Ну, что уставился? — хрустнули костяшки разминаемых пальцев.

Рон.

Друг, разделивший с ним за предыдущие пять лет самые тяжёлые и весёлые дни. Готовый в любую минуту прийти на помощь. Умеющий вовремя пошутить. Способный на всё ради него — равно как и он сам. Лучший друг. Единственный друг. Глядя в эти пустые глаза, Гарри вдруг понял: его больше нет. Он больше не существует.

Что случилось, Рон?! Куда ты исчез?!

— Да вот думаю, из-за чего ты превратился в такого придурка, — Гарри схватил Рона за плечи и отчаянно потряхнул, словно это могло вернуть того в чувство. Уизли настолько опешил, что даже не сразу отреагировал. Зато потом... — Рон, что с тобой...

— На себя посмотри, герой! — хорошая реакция спасла Гарри от удара в челюсть, однако кулак по касательной задел плечо, и гриффиндорец едва удержался на ногах. — И убери от меня руки, понял?

Гнев ударил Гарри в голову, и раньше, чем он успел подумать, что Рон и сильнее, и крупнее, недаром именно он всегда брал верх в дружеских потасовках, — словно это могло бы вернуть его настоящего — Гарри кинулся на него. Рон вскинул кулаки — Гарри успел увернуться от одного удара, дать бывшему другу по шее, получить локтем в бок... ещё одно обманное движение и...

...Нелепый покосившийся дом, в котором безошибочно угадывалась старая Нора. Но... В ней не было ни капли солнечного гостеприимства и приветливости: заколоченные крест-накрест окна, оторванная ставня, болтающаяся на одной ржавой петле, — странный, тонкий, надрывный скрип, словно сам дом с трудом сдерживал рыдания. Лишённое ступеней крыльцо с проросшим сквозь выбитые доски бурьяном. Наглухо забытая дверь, вырванная «с мясом» ручка. Будто несомый ветром, Гарри вмиг оказался на пороге, поднял руку к измочаленным жучками-точильщиками доскам и...

Искры вновь посыпались из глаз — он на миг оглох и ослеп, а когда пришёл в себя (судя по всему, спустя какое-то время), то почему-то уже полулежал, привалившись к стене. Затылок ныл, в ушах гудело, лицо было в чём-то мокро, а всё вокруг размазалось в неясные пятна и чуть-чуть плыло — *у меня слетели очки...* Он пошарил вокруг руками — *ага!* — мир обрел отчётливость, обнаружив свою неожиданную многолюдность: двери в коридор были распахнуты, и из-за них высовывались любопытствующие физиономии студентов. А непосредственно над Гарри стояли учителя. Причём, как он не без удивления обнаружил, — все в двойном экземпляре. Гарри потрянул головой, и количество профессоров, коридоров и дверей тут же сократилось до нормального.

— Я вас спрашиваю, мистер Уизли, что здесь произошло? — судя по недовольному тону, профессор Вектор задавала этот вопрос не в первый раз. Рон — растрёпанный и покрасневший — молчал.

Гарри вытер подбородок. Кровь. Он тронул языком губу — разбита. Заметив, как он поморщился, Рон воровато сунул в карман мантии кулак, костяшки на котором были выпачканы в чём-то багровом, и отвлёк глаза.

— Мистер Поттер, мистер Уизли! Мы ждём ваших объяснений, — прозвучал холодный голос профессора Макгонагалл. — Почему вы не на уроках — во-первых, и почему в таком виде — во-вторых.

— Э... мы... просто мы... всё дело в том, что я и... — начал Гарри, и Рон, брезгливо фыркнув, уставился в потолок. Весь его вид говорил: «ну-ну, отведи душу, заложи меня». — Это моя вина, я выскочил из-за угла и налетел прямо на него. Мы столкнулись, — старательно избегая как имени бывшего друга, так и его фамилии, после паузы отчётливо сказал Гарри.

— А вы, мистер Уизли?..

— А я бежал — опаздывал на Защиту от Тёмных Сил, и тут он выскочил прямо из-за угла, — пробурчал Рон, уставясь в пол.

— Вы уже на неё опоздали. А вам, мистер Поттер, наверное, стоит вернуться в лазарет — вы ещё недостаточно окрепли, — недовольно покачав головой, заметил профессор Флитвик.

Из-за дверей донеслись шепотки и хихиканье. Падма Патил, приложив ладонь к губам, с ужасом смотрела на Гарри, за её спиной довольно улыбался Малфой. Из соседнего коридора высыпали второклашки — неразлучная троица в лице Трейси Алесины, Кевина Сторма и Дженнифер Грин. Последняя, едва взглянув на Рона, тут же покраснела и спряталась обратно за дверь.

— Нет-нет, со мной всё нормально, я просто торопился в гриффиндорскую башню. Всё хорошо, — для убедительности повторил Гарри и встал, прикладывая все усилия, чтобы не покачнуться — мир предательски дрыгнулся под ногами. — Простите.

— Ну, в таком случае... — кивнув, профессор Век-

³⁷ Если, конечно, в Хогвартсе вообще существовали короткие дороги.

тор и следом за ней остальные вернулись к своим студентам. Только профессор Макгонагалл остался в коридоре, не сводя глаз с бывших друзей. Гарри постарался сделать самое невинное лицо, Рон тоже принял независимый вид. Ничего не сказав, декан Гриффиндора, наконец, развернулась и оставила их наедине. Повисла томительная пауза, после которой, так и не взглянув на бывшего друга и не оборачиваясь, Гарри продолжил свой путь в гриффиндорскую башню — куда медленнее и осторожнее, стараясь идти вдоль стены.

Опешивший и ошеломлённый, готовый к чему угодно, но только не к этому, Рон всё так же стоял посреди школьного коридора и, мучительно прислушиваясь, смотрел в одну точку. Шаги удалились и затихли, теперь из-за дверей снова доносились отдельные фразы — высокий голосок Флитвика, повествующий о Призывающих заклятиях, лекция Макгонагалл и сонное бубнение Биннса. Медленно, будто боясь того, что увидит, Рон вытащил из кармана кулак и тупо уставился на вывоженные в крови костяшки пальцев, немедленно почувствовав странный приступ тошноты.

— *Кровь Гарри... как я мог... что я сделал...* — внутри поселилась болезненная пустота, куда его начало неудержимо засасывать.

— *Ух, как ты его! Поставил на место, молодец,* — тут же довольно шепнул знакомый голосок. — *Так ему и надо, пусть не зарывается...*

— *Заткнись!* — зло рявкнул Рон. — *Я... я не хотел его бить, это произошло само по себе, будто помимо моей воли...*

— *Просто ты стал сильнее и больше ничего и никого не боишься. И не надо ни в чём себя винить, ведь он первый на тебя кинулся: сначала с ног сбил, потом оскорблять начал, руки распускать... Сам нарвался! И вдобавок ещё решил перед учителями в благородного поиграть — пожалел, не иначе...*

— *Мне... мне не нужна его жалость!* — кулаки Рона снова сжались и, не в силах найти себе объект, чтобы отвести душу, он с силой ударил ими друг об друга.

— *Да-с, мистер Уизли, странные вещи творятся в Хогвартсе в последнее время, не находите?* — раздался со стены холодный, чуть насмешливый голос. Рон вздрогнул и повернулся: с портрета на него взирал Либби Парвс, декан Слизерина с 1690 по 1712 год. — *Драка двух закадычных друзей — это само по себе удивительно. Но, что уж самое невероятное, пострадавший покрыл своего обидчика и ничего не попросил взамен. Я решительно отказываюсь понимать мотивацию ваших поступков, уважаемые гриффиндорцы. Мистер Поттер либо действительно на редкость благородный человек, либо неисправимый идиот. Хотя, по мне, это близкие понятия...*

— *Заткнись!* — рявкнул во весь голос Рон и выхватил из кармана палочку. — *Или же я... или я...*

— *Пять очков с Гриффиндора, мистер Уизли. И медленно отправляйтесь на урок, — в распахнутых дверях вновь возникла профессор Макгонагалл. Сейчас её выражение больше подошло бы Медузе Горгоне: во всяком случае, от убийственного по своей холодности взгляда внутри у Рона всё сразу оцепенело. Через миг, правда, он уже со всех ног бежал по коридору. Но отнюдь не на урок — к ближайшей туалетной комнате, где следующие полчаса с остервенением тёр руки, пока на них снова не появилась кровь — на этот раз его собственная.*

— *...Мистер Поттер, мистер Поттер...* — погружённый в свои мысли и нарастающие отрицательные ощущения в разбитой губе, Гарри остановился не сразу. Оглянувшись в коридоре никого не было. Пожав плечами и помянув тихим незлым словом приятеля, с лёгкой руки которого ему опять начали мерещиться голоса, он снова зашагал — до гриффиндорской башни оставалось всего ничего, но запыхавшийся голос послышался снова, на этот раз несколько ближе: — *Мистер Поттер!* — на ближайшей картине, задыхаясь и держась

за сердце, появилась очень старая волшебница с тёмно-коричневым лицом. Из сплошной массы морщин выдавался вперёд и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами. Ей, наверное, перевалило за сто. Она шла медленно, опираясь на суковатую палку. На голове колдунья поверх чёрного пухового платка, завязанного под подбородком, красовалась веселенькая ярко-голубая остроконечная шляпа с чучелом сипухи на тулье и лентой с надписью «Международный конгресс в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одетая была старушка в ватную безрукавку поверх чёрной суконной мантлии. — *Ох-ох... Пойдите же... Ножки мои, ножки... Мне за вами не угнаться — годы не те... Ну, вот и я. Здравствуйте-здоровствуйте, мистер Поттер,* — произнесла она неожиданно звучным для её комплекции басом.

Гарри поклонился, интуитивно понимая, что нужно помалкивать, и вежливо ждал, когда странная бабулька закончит причитать и охать. В голове крутились картинки только что случившегося и предположения, какие же ещё удивительные и неповторимые сюрпризы готовит ему едва переваливший за полдень день, а потому, не меняя выражения лица (в любом случае, ему это доставляло некоторые неудобства: губа хоть и перестала кровоточить, но зато распухла, а скулу изрядно саднило), гриффиндорец молча смотрел на незнакомую ведьму. Воровато оглядевшись по сторонам и понизив голос до гулко-го шёпота, та внезапно затараторила:

— *Сейчас ведь вы её хозяин? Так вот — я слышала, как он говорил, после того, как вы с ним говорили, будто она шпионит за вами, открывая все ваши помыслы ему, — понимаете, о ком я? Словом, если она ещё у вас, — выбросите её немедленно! А то он так ликовал, так злорадствовал у вас за спиной!.. — колдунья укоризненно зацыкала зубом. — Недаром она мне говорила — ох, не к добру он поставил его над нами главным: наплачемся мы с ним, ой, наплачемся... И ведь как в воду глядела... Это ж надо: знать ТАКОЕ и молчать!!! Я бы, конечно, всё ему рассказала, но — увы — мне запрещено покидать свою картину, а столь серьёзные вещи нельзя передавать через третьих лиц, верно? Правда, можно было сказать ей, но у нас неважные отношения. Надеюсь, встречу вас и всё расскажу. Словом, поверьте опытному человеку — не вздумайте снова с ней...*

— *О чём вы?!* — от обилия местоимений у Гарри закружилась голова: складывалось впечатление, что старушка бредила, вспоминая сразу кучу народа и перескакивая с одной мысли на другую. Он попытался прорваться паутину её быстрого шёпота... И тут пришёл ответ — с такой ясностью, что Гарри сразу стало дурно.

— *Ох ты, Мерлин ты мой, какой же вы непонятный!* — говорю же вам — не открывайте её, не трагите: он проговорился, что она даёт ему возможность читать ваш разум!

— *Или вы сейчас же объясняете мне все эти «он» и «она», или я спалю эту картину к...* — Гарри в отчаянии потянулся за волшебной палочкой, и ведьма, басовито закудахтав, испуганно присела.

— *Так-так... Непорядочек, — укоризненно цокая языком, профессор Гатто висел прямо за спиной, как всегда — вынырнув ниоткуда и неизвестно когда. — Почему вы не на уроках, мистер Поттер? Ваше возвращение, конечно, событие недели, однако же, что вы делаете в такое время здесь, тогда как — насколько мне известно — все ваши одноклассники размахивают шагами, пытаясь произвести впечатление на мадемуазель Делакур?*

— *Я приступаю к занятиям завтра, я только что из лазарета... — скрипнув зубами от досады, ответил Гарри.*

— *Вижу-вижу... Ну-с, vive et vale! Живи и будь здоров. Что это у вас с лицом?*

— *С лестницы упал, — традиционно отмахнулся Гарри, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Ведь-*

ма на картине за его спиной взволнованно вздыхала, спрятавшись за раму. Профессор Гатто не торопился. Он сделал пару кругов над головой Гарри и снова за-вис, задумчиво шевеля пальцами.

— Вы ступайте, ступайте.

— Уже иду, — Гарри присел и начал неторопливо завязывать шнурок. Итальянец внимательно следил. Один узел. Два узла. Три. *Когда его черти отсюда унесут???*

— Виолетта, душа моя, — пропел вдруг Гатто. — Не надо прятаться, я прекрасно знаю, что вы здесь вопреки запрету покидать вашу обитель. И я, и сам мистер Филч — сколько раз мы предупреждали, что распространяемые вами сплетни и слухи вносят дезорганизацию в жизнь школы? И, тем не менее, насколько я понимаю, глядя на лицо мистера Поттера, широко известного в узких кругах сорвиголовы, вы опять взялись за старое... У меня буквально сердце кровью обливается от того, что мне придётся сейчас сделать. Как говорить, если ищите, найдёте: *si quaeritis reperietis*. Ну, мистер Поттер, вы уже закончили с вашей обувью?

Гарри, который к тому времени находился в процессе завязывания очередного узла на втором ботинке, хмуро поднялся: похоже, Гатто собрался стоять на смерть, и больше ничего узнать не удастся. Впрочем, больше ничего и не требовалось. Уходя по коридору, гриффиндорец слышал тихий диалог, потом истеричное кудахтанье старой волшебницы стало громче и вдруг резко стихло.

Открывает все помыслы ему. Получается, стоило сейчас взять её в руки, и ключ...

Мир почернел, когда он осознал, на краю какой пропасти стоял.

Дурак... Какой же я дурак!!! Самонадеянный крестин, посчитавший себя способным перехитрить кого угодно... Меня использовали, как ребёнка, водили за нос, прикармливали, подсовывали наживку пожирнее, чтобы я не сорвался с крючка... Идиот, идиот, ИДИОТ!!! Я должен немедленно вернуть её Дамблдору! Как знать, может, не укради мы тогда книгу из его кабинета, ничего бы этого не произошло!

* * *

Драко с отвращением смотрел на свои руки: как ни старался, едва он отрывал их от стола, пальцы начинали чуть заметно дрожать, а перо цеплялось за пергамент, мерзко скрипя и разбрызгивая чернила. Он пытался убедить себя, что волноваться не из-за чего, что впереди его ждут куда более серьёзные разговоры и поступки, однако недосып — с одной стороны — и — с другой — мысль, что сейчас отец и сам Тёмный Лорд зависят от его ловкости и сообразительности, заставляла сердце стучать чаще, сбивала дыхание, бросала в дрожь. Нет, не от страха. От волнения и предвкушения.

Какого чёрта со мной творится такая ерунда? Ничего нового: в конце концов, всё последнее время я только и занимаюсь этими нудными ритуалами — мне даже по ночам снится какой-то бред... А тут и делать-то ничего не придётся. Войнство, воинство... Сколько им ещё нужно? Тысяча, две, три? Положим, через пару месяцев так и будет, но что-то незаметно, чтобы они готовились к немедленному наступлению. Чего ж они так меня гонят — сами-то совсем не спешат... И с этим Поттером... Наверняка опять перемудрят. Хотя... это не моё дело. Сейчас нужно сосредоточиться на главном... — Драко заметил, что на него уже начали коситься: он сидел, выпрямившись и глядя в никуда, тогда как остальные — скажем, сидящие по соседству братцы Криви (одинаково белёдые и бесцветные, словно две моли) усердно корпели над толстенными фолиантами и свитками. Малфой взял верхнюю книгу из стопки перед ним и открыл её наугад, чихнув от взметнувшейся в воздух пыли. Решительно обмакнув перо в чернильницу, поднёс его к листу, но тут скрипнула дверь, и рука невольно дрогнула: на желтоватой гладкой по-

верхности расплылась клякса. Чертыхнувшись сквозь зубы, слизеринец поднял глаза к двери (он специально сел так, чтобы видеть входящих) — придерживая подбородком высокую стопку книг, в дверь бочком вползла черная крумова племянница.

Однако гриффиндорцы сегодня что-то доминируют, — подумал Малфой и улыбнулся пришедшей на ум идее. Невзначай смахнув на колени волшебную палочку, он под столом нацелил её в сторону Станы... гриффиндорка споткнулась, шлёпнулась на ровном месте, и учебники с грохотом разлетелись в разные стороны. Мадам Пинс недовольно взвилась за своей конторкой и коршуном налетела на хлопающую глазами болгарку. Шёпотом отчитывая её и угрожая лишить — при подобном отношении к книгам — права пользования школьным фондом, библиотечарша начала собирать книги с пола, с тревогой проверяя их целостность и сохранность, а также наличие загнутых уголков страниц. В тишине раздался скрип отодвинутого стула: Уизли подобрал отлетевшие к его столу тома и — что вызвало весьма живой интерес Драко — протянул руку, помог болгарке подняться.

Так-так... Надо же — улыбается... Похоже, наша рыжая прилипла, расплевавшись с Поттером, решила примазаться к другой заметной фигуре. Или же у них роман, и хаффлпафская стервоза получила от ворот поворот? Нет, скорее, она сама его послала... Примем к сведению: это можно использовать...

Стана отправилась к конторке бормотать оправдания, Уизли не сел на своё место, а углубился в бесконечные библиотечные ряды шкафов, и Драко вернулся к своему испорченному листу: пусть он только изображает, будто усердно занимается, — всё должно быть предельно правдоподобно и безупречно. Он скомкал пергамент и вытащил чистый лист. Вздохнув, снова взялся за перо, и снова оно чуть заметно затрепетало в его длинных тонких пальцах с идеально ухоженными и ровными ногтями.

Имело ли значение, кого он ждал для разговора? Драко, не задумываясь, проклял бы каждого, кто сказал, что это так, и всё же... Он сейчас испытывал странное чувство, встречаясь с той, кого совсем недавно считал своим злейшим врагом, и которой суждено было в ближайшее время стать даже не просто союзницей, а действенной помощницей.

— А не проще ли заклятье *Imperio*? — поинтересовался он у отца во время встречи накануне ночью.

— Проще, — кивнул тот и чуть удивлённо, будто не ожидая разговора о столь очевидных вещах, посмотрел на наследника рода Малфоев сквозь языки пламени. — Только, видишь ли, сын мой, как любое насилие, это метод разовый. Или весьма кратковременный. Мы же сейчас заинтересованы в длительном сотрудничестве, а она может оказаться весьма полезна в качестве лишней пары глаз, приглядывающих за интересующей нас персоной. И, что самое ценное, готова сотрудничать на почти добровольных началах — во всяком случае, пока — ведь она заинтересована в нас не меньше, а куда больше, чем мы в ней: только мы способны выполнить заветное желание этой мисс Грейнджер. Причём, нам сие не будет стоить ровным счётом ничего — разве что мне придётся кое-что сделать, дабы провести ритуал, в результате которого мы просто закрепим реально существующее положение вещей, ведь всё равно мисс Грейнджер возвращать обратно нецелесообразно...

Драко испытал странное чувство, узнав, что та, стоящая Грейнджер, возможно, больше никогда не вернётся. Однако не надо делать неверные выводы: это не было любовью, желанием или чем-то, имеющим положительную окраску. Отнюдь. Это были доведённые до своего высшего пика ненависть и презрение, наполненные такой глубокой страстью и переливающиеся такими оттенками, что редкая любовь могла с ними посоперничать.

Скрипнула дверь библиотеки, раздалась прибли-

жающиеся шаги, и Драко вздрогнул: даже не поднимая глаз, он знал — это пришла она. Не замедляя шага, Гермиона прошествовала мимо длинного ряда столов (за одним из которых сидел он) и направилась прямо к мадам Пинс. Тихий разговор, шорох протянутого пергамента, и библиотечарша махнула рукой в сторону дальних стеллажей, куда после благодарного кивка гриффиндорка и прошла. Покосившись на безумно дорогие в своей лаконичной неброскости часы на запястье, Малфой выждал ровно семь минут, после чего поднялся и медленно — переходя от шкафа к шкафу, вдумчиво перебирая книги, время от времени даже снимая их с полок и листая, — начал перемещаться в том же направлении.

Наконец, он достиг полутёмного закутка: три пыльных высоких полки с потускневшими томами по истории магических войн раннего средневековья. Он мысленно похвалил Грейнджер: им наверняка никто не помешает, сюда уж точно никто не сунется.

— Ну? — вместо приветствия произнёс Малфой.

Гермиона, сидящая на корточках у одного из шкафов, рассеянно перебирала пальцами разномастные корешки. Не вставая, она повернулась и посмотрела на Драко. Почему-то от этого взгляда — снизу вверх и, в то же время, настолько снисходительно-насмешливого, что ему показалось, будто это он сидит на полу, а она возвышается над ним — у него перехватило дыхание. Или же вся причина была в голых колёнках, выглядывающих из-под юбки? Хотя — нет, конечно же, это всего лишь злость, привычная злость и раздражение на эту грязнокровку.

— Добрый день, — с улыбкой тихо произнесла она. — Как продвигается учёба?.. Уже написал обзор литературы для исследования ядов животного происхождения?

Он молчал, чувствуя, что гнев захлёстывает всё сильнее и сильнее. Будь на её месте кто-нибудь из его однокурсников или однокурсниц, он, возможно, и буркнул бы в ответ что-то уклончивое, но заводить светские беседы... здесь... с ней... сейчас?!

— Ты узнала, что обещала?

— Конечно же, нет, — улыбнулась она ещё шире и, наконец-то встала, перестав его сбивать с толку своими неуместными в свете серьёзности темы ногами. — Иначе бы ты тут же применил ко мне Зелье правды или подобную пакость и получил бы, что тебе нужно, даром. Я не настолько глупа. Всё случится точно в тот миг, когда ты меня освободишь.

— А где гарантия, что он тебе всё расскажет?

— Ну-у... — она склонила голову и снова улыбнулась, отчего у него внутри опять плеснула горячая волна раздражения. — Ты явно меня недооцениваешь.

— Отчего же... Но-но-но, ты что это делаешь? — встревожился он, когда она сделала шаг в его сторону. Она подняла руку, глядя на него, и Малфой почувствовал, что разрывается между двумя противоречивыми чувствами: желанием шархнуть прочь от её беспородных лап и любопытством, от которого даже защемило в носу. Кончики её пальцев коснулись его груди и что-то сняли с мантии: пух от сломанного им во время ожидания пера.

— Держи, — усмехнувшись, она сунула его слизеринцу в ладонь и отошла, пряча торжествующую улыбку. Малфой почувствовал себя идиотом. Конченым идиотом. И от этого окончательно взбесился.

— Ты, грязнокровка липовая!.. Прекращай все эти свои штучки, и слушай меня внимательно: если хочешь остаться в этом мире, ты сегодня же добудешь необходимую мне информацию. Как — меня это не касается. Пораскинь своими хваленными мозгами, если они у тебя действительно имеются. Хочешь — попроси или заставь его почитать ту книгу, хочешь — вынуди проговориться, хочешь — вытряхивай ответ из него силой и стирай потом память, главное, чтобы он...

— Главное, чтобы он продолжил поиски, не догадываясь, что на самом деле работает на вас, верно?.. Не волнуйся, сила мне не понадобится. Я всё сделаю,

как надо, — она тряхнула головой, улыбка с её губ исчезла, и лицо приняло знакомое всем старшекласникам Хогвартса серьёзное выражение. — Но я хочу, чтобы к тому моменту, как необходимая тебе вещь окажется у меня... или у тебя, я считалась в этом мире не временной гостьей, ясно? Мне тут слишком понравилось. И потом, наличие тела, оказывается, даёт массу преимуществ, — она снова улыбнулась, и Драко, чтобы скрыть своё смятение, зашарил по карманам.

— Вот, держи, — он подал ей завернутое в пергамент Зеркало Анамбо. — Тут написано, что и как нужно делать. Выполняй всё четко: разбить его нужно в ту секунду, когда на нём появится кровь. И ни мгновением раньше, иначе...

— Иначе?

— Иначе тебе не позавидуешь, — взглянув на её встревоженное лицо, он снова почувствовал себя на коне и злорадно улыбнулся. — Здорово не позавидуешь, Грейнджер...

— Тебе тоже, — усмехнулась она. — Ведь теперь мы с тобой заодно, не так ли?

Ответить Драко не успел — неподалёку раздался шаг, приглушённые голоса; выскользнув из закутка, он короткими перебежками пересёк открытое пространство, снова нырнул в бесконечные ряды шкафов и через пару минут уже меланхолично сгребал со стола учебники и письменные принадлежности. Гермиона же чуть задержалась, чтобы их синхронный выход с главным слизеринцем школы из тёмного (весьма тёмного) угла не стал сенсацией года. Она бережнейшим образом завернула Зеркало в свой носовой платок и положила в карман. Однако это место показалось недостаточно безопасным, поэтому, чуть поразмышляв, она расстегнула блузку и сунула драгоценность за пазуху. Ещё пару минут поперебирала книги, она, наконец, вышла и неторопливо направилась в сторону читального зала, приглядываясь по дороге к названиям и пытаясь унять выпрыгивающее из груди сердце.

Сегодня. Сегодня. СЕГОДНЯ!!!

Против её собственной воли губы растянулись в счастливой улыбке; она шла, ощущая кожей прижатый к груди свёрток, — пропуск в настоящий мир.

Пропуск в мир... — она остановилась и ещё раз коснулась груди ладонью, не сразу заметив, что совсем рядом с ней сконфуженно замерли две фигуры. Придя в себя от неловкого покашливания, Гермиона, которой случалось видеть в дальних углах библиотеки самые занятные сценки, на всякий случай прикрыла глаза ладонью:

— Не смотрю-не смотрю, я мимо... Ой! А что это вы тут делаете? — опешила она, увидев сквозь пальцы сидящего на стремянке Рона и стоящую перед ним — руки в боки — Стану.

— Мы разговариваем, — бросив в неё сердитый взгляд, отрезала болгарка таким тоном, что охота расспрашивать тут же пропала. Кляня себя за проявленное любопытство, Гермиона быстро прошла дальше. Драко в зале уже не было. Она тоже направилась к дверям: вечер предстоял насыщенный, стоило как следует подготовиться.

— ...Значит, ты считаешь, что поступаешь правильно? — Стана ткнула в сторону Рона пальцем с таким энтузиазмом, что, не шархнувшись он назад, наверняка бы остался без глаза.

— Слушай, ты вообще зачем меня сюда позвала? — проворчал он, хотя сейчас в голосе больше звучало недоумение, нежели раздражение. — Ты мне кто — сестра? Мать? Подружка? Чего ты ко мне пристала?

— Зачем так говоришь? — укоризненно покачала головой Стана и, в своих лучших традициях, перешла в решительное наступление: — Я знаю, это не моё дело, но с твоими друзьями что-то происходит, а ты пальцем не шевельнул, чтобы им помочь. Кто мне говорил, будто Гермиона — самая честная на свете девчонка? А что с ней сейчас? Её как будто подменили! И дело даже не в том, что она наговорила мне... А что ты сделал, чтобы выяснить, почему они с Гарри... ну,

ты понимаешь... Ведь это же твои друзья! А вы с Гарри почему поссорились?.. Ведь раньше... — Стана говорила и говорила, старательно подбирая и выговаривая английские слова: за время жизни здесь ей удалось сделать почти невозможное, и она научилась не просто вполне прилично объясняться на чужом языке, но уже хорошо в нём ориентировалась — сказывалось её упорство и нежелание выглядеть душой в глазах однокурсников. В закутке, где они с Роном находились, было довольно сумрачно: ближайший фонарь (факелов в библиотеке, по понятным причинам, не держали) находился в соседнем отсеке, а потому девушка не видела, какое опасное выражение приняло лицо Рона, когда она начала говорить ему о Гарри, о квиддиче и о сегодняшней драке, свидетелем которой вместе с остальными студентами стала и она³⁸. — ...Настоящий друг, Рон, давно бы протянул руку помощи, а не полез бы в драку, что бы там ни случилось!

Хлоп!

Рон сам не понял, как это произошло: взбесившись от этих бредовых нравоучений, он только хотел оттолкнуть назойливую девчонку и уйти, однако — то ли не рассчитал силу удара, то ли ещё что — Стана отлетела к противоположному шкафу и, ударившись затылком об деревянный угол, медленно съехала на пол. На её лице застыло недоумевающее выражение.

— Рон... — прошептала она, и, словно это вернуло его к реальности, Рон, лепеча извинения, чертыхаясь и ахая, кинулся к ней и упал рядом на колени.

— Стана! Господи... Что со мной... прости, Стана! Тебе не больно?! О, боже... Крови нет? Стана, умоляю — я сам не знаю, как... Мерлин, да как же это случилось... Где ты ушиблась, покажи!.. Дай подую!

— Рон... — её глаза становились всё больше и больше, пока не начали напоминать в полумраке два огромных чёрных блюда, наполненных ужасом и болью. — Почему?! Что с тобой?!

— Прости! прости!.. Я... я сам не понимаю, что со мной... — вдруг зашептал он, наклоняясь к самому её уху. — Эти голоса... Я... я не знаю, что происходит. Я сам себя боюсь. Стана, как же мне страшно! — диким по своему отчаянию шёпотом взвыл он и ткнулся лицом ей в плечо. От ужаса содеянного, от осознания того, что, толкну он её сильнее, неизвестно, чем бы всё кончилось, от невозможности контролировать себя он почувствовал, как разом волосы встали дыбом, как вспотели руки, которые он машинально вытер о край её мантии.

Стана... А сегодня днём Гарри...

— Пусть не сует нос, куда не следует. Нечего нотации читать — выискалась тут наставница, — фыркнул в голове знакомый голосок.

— Да кто ты?! — ещё сильнее вжавшись Стане в плечо и едва не ломая ей ключицу, заорал Рон. — Отпусти меня, слышишь!!!

— Я... я тебя не держу!.. — она была придавлена им к книжной полке и не могла даже шевельнуться. — Рон, что с тобой! Мне больно! Пусти, слышишь!

Но он не слышал. Зажмурившись, он уткнулся лицом в её плечо и, отчаянно вцепившись во всклокоченную рыжую шевелюру, что-то бормотал, с кем-то ругался; от этих бессвязных фраз и волн дрожи, пробежавших по его телу, ей стало по-настоящему страшно. Однако голос становился всё тише; наконец, Рон умолк. Она подняла руку, робко коснулась его спины — сама не понимая, хочет погладить или же похлопать, но в этот миг он — резко, так что Стана едва снова не стукнулась затылком об полку — отстранил её от себя, встал и ушёл, не проронив больше ни слова. Девушка осталась сидеть на полу с поднятой рукой, недоумённо хлопая глазами: ничего подобного ей прежде переживать не доводилось. Потом, словно не веря

в только что случившееся, она кончиками пальцев коснулась мантии на плече и оцепенела: та была мокрая.

От его слёз?..

— Рон?..

* * *

Гермиона сонно покачивалась в туманном пространстве. Тяжёлые веки не поднимались, полупрозрачная оболочка, в которую превратилось её (вернее, уже не её) тело, отказывалось слушаться; всё, чего ей хотелось, — уснуть. Это не удавалось: она плавала в полудрёме, дальним краем сознания понимая, где именно находится и как сюда попала, однако же, утратив всякую способность к сопротивлению. Ей не было холодно, не было жарко; спросите её, что она сейчас чувствует, она бы едва слышно шепнула «ничего», спросите её, чего она хочет, ответ оказался бы таким же. И это было сущей правдой: утратив внешние раздражители, тело ослепло и оглохло, а осиротевшее сознание свернулось клубком, отказавшись приспособиться к новой реальности. Силы кончились, спалённые предыдущими минутами (часами? днями? вечностью?) борьбы. Время от времени Гермионе казалось, будто она уже умерла, — но даже эта мысль теперь не вызывала ни отчаяния, ни желания бороться — только равнодушное смирение и желания окончательного покоя. Обхватив колени руками, она сидела в плывущем вокруг молочном мареве — не думая, не чувствуя, не видя. И вдруг...

Невидимая рука сорвала мгlistый занавес, выставив её напоказ, одним движением выкинув на залитую огнями рампы сцену: всё вокруг обрело ясность и яркость; пространство раздвинулось и наполнилось... нет, не людьми, у людей просто не могло быть таких лиц — жуткие маски, будто олицетворяющие человеческие страхи, пороки, грехи — самые чёрные чувства. Выкаченные глаза и разорванный рот Гнева, оскаленные клыки Ярости, длинные окровавленные когти Ненависти, слюнявый подбородок и дрожащие скрюченные пальцы Похоти... Дикие, невообразимые лики других, идентифицировать которых ей не удалось. Звуки, свет, забытое ощущение прикосновений оглушили; она была послушной тряпичной куклой в этих не сулящих ничего хорошего руках и, потеряв всякое понятие о реальности, даже не смогла (да и хотела ли?) сопротивляться, когда жилистые лапы схватили её и понесли... куда меня понесли? — она сама не знала. Мысли превратились в огромные хлопья ваты — громоздкие, вязкие и неповоротливые, сознание снова хотело уютно свернуться — ничего не видеть, не слышать.

Покою... оставьте меня в покое...

Пространство вокруг, меж тем, выглядело весьма занятно: находись Гермиона в другом, более осмысленном состоянии, её бы непременно озадачили его бесконечность и бездонность, некая, если так можно выразиться, «внепространственность»: они определённо перемещались, однако какого-то внешнего признака движения — остающихся за спиной предметов, дороги под ногами, тряски от шагов, овеивающего лицо воздуха — ничего этого не было. Какие-то блики, яркие вспышки то сверху, то снизу, то по бокам, происхождение которых оставалось для неё тайной (она полностью лишилась способности думать, воспринимать и адекватно реагировать на окружающее), некие полупрозрачные формы, то появляющиеся, то исчезающие...

Может, я наконец-то умерла? — однако боль в запястьях и щиколотках, за которые её крепко держали жуткие руки, недвусмысленно давала понять, что она жива. Пока жива. Вопрос в том, сколько ей осталось жить...

Прикрытое то ли тканью, то ли сгустившимся сумраком нечто появилось перед ней из ниоткуда: после некоторого мыслительного оцепенения Гермиона с трудом поняла, что перед ней тело. Ну, или что-то, сильно его напоминающее. У неё не возникло вопросов, что и

³⁸ В отличие от преподавателей, учащих не обманули ни слова Гарри, ни оправдания Рона.

зачем она должна сейчас сделать: она покорно приняла вложенный в руку холодный — видимо, металлический — предмет, едва осознавая, как он называется, и покорно занесла руку, выполняя молчаливые приказы окруживших её плотным кольцом чудовищ. Ей было всё равно, что сейчас случится: единственным её желанием являлся покой. Настоящий — без покачивающейся дымки, без затихших на руке часов, без тяжёлых век, которые она не могла ни сомкнуть, ни поднять...

Всё?.. Всё... — Гермиона мысленно улыбнулась. Губы не слушались, будто на лицо ей налепили тяжёлую резиновую маску — *Прощай... прощай... Гарри...*

Кап.

Странный звук, совсем не вяжущийся у неё с этим пространством, — звонкий, тугой звук разбившейся о твёрдую поверхность капли заставил её вздрогнуть. Она растерянно огляделась по сторонам — ничего, лишь монстры, выражения которых находились настолько за гранью добра и зла, что она была не в состоянии их воспринять. Что-то горячее скатилось по лицу.

Кап!

Я... я плачу?.. Гарри... — упругий, радостный звук оказался крохотным ключиком, вновь распахнувшим дверь, за которой оказались запёртыми все её чувства и желания. — *Гарри!* — крикнула она, сама испугавшись своего голоса — хриплого, какого-то шершавого.

— О... так ты заговорила... Самое время, — откликнулся её собственный голос; мелодичный, звонкий, он показался ей чужим настолько, что она даже не сразу его признала. — Самое время попрощаться — через несколько мгновений, когда твой ненаглядный Гарри даст мне то, что мне от него нужно... — раздался мелодичный, куда мелодичней, чем это получалось у настоящей Гермионы, смех, — думаю, ты понимаешь меня правильно: как мужчина он меня совсем не интересует, зато... Он сам не знает, какая чудесная игрушка из него получится. Мальчик-Который Выжил — приложив немного усилий, я смогу с его помощью сделать весь этот

мир своим!

Проекцией на огромном экране, Гермиона увидела сдвинутые брови, недоверчивый взгляд, каким он смотрел на её отражение: как знать, не в эту ли самую секунду? У неё подкосились ноги, занесённая рука дрогнула и, набирая скорость, помчалась к запелёнатому во мрак свёртку — она с ужасом осознала, что ею управляет неведомая сила, контролировать которую она не в состоянии. Одно из чудовищ сдёрнуло мглу с раскинувшегося перед ней тела, и Гермиона окаменела: крепко сжатый в её пальцах кинжал с узким и острым, как вся ненависть мира, лезвием, мчался к обнажённой груди... стоящего перед ней Гарри.

— Если ты так любишь его, сделай же что-нибудь! — рассмеялось отражение. — Попробуй! Впрочем, изменить уже ничего не возможно: через мгновение тебя не будет, и я останусь в этом мире! Навсегда! И никто не заметит подмены, ведь я — это ты...

Я... я сойду с ума...

Она смотрела, как узкая серебристая молния рассекает воздух, неуклонно приближаясь к груди Гарри, Гермиона шевельнула губами:

— Ты — это я... Я — это ты... Я — это ты. А значит...

В глазах потемнело от нечеловеческого усилия, когда она сумела отвернуть мчащуюся сталь, направив её на себя.

Кап. Кап-кап...

Она осторожно скосила глаза: у её ног радостно барабанила кровавая капель. И потом пришла боль, однако это не имело никакого значения: сцепив зубы и зажмурившись, Гермиона сильнее надавила на рукоять, ещё глубже вонзая кинжал себе в грудь. Наверное, она закричала, однако не услышала своего крика: всё заглушил истошный, предсмертный вопль — её собственный вопль, несущийся отсюда...

Всё правильно. Я — это ты. Ты — это я. Так умри же...

Пространство вокруг раскололось и беззвучно рассыпалось мириадами осколков. Всё исчезло.

Глава десятая, в которой мадам Помфри пытается спасти Гермиону, Рон — Стану, а Люциус — Драко.

— Спасибо, что пришёл, — Гермиона немного смущённо улыбалась. Гарри молча смотрел на неё, ощущая тугой комок в горле. За всё время с начала учёбы они разговаривали от силы раз, ну, не считая дежурных фраз, которыми обменялись во время занятий, как-то попав в пару по приготовлению чего-то сиреневого и вонючего на Зельях — Гарри, разумеется, не запомнил названия, ему вообще тогда было не до того. Обрастающие с каждым днём всё более красочными подробностями слухи о разрыве самой заметной влюблённой парочки в школе донеслись и до Снейпа, и профессор не мог себя не потешить, любящую, довольно поджатыми губами и постной физиономией гриффиндорской всезнайки и несчастным — несмотря на все прилагаемые усилия — лицом Поттера. Для Малфоя тот урок также стал источником неиссякаемого удовольствия и бесконечных издевательств:

— Что, Поттер, чувствуешь себя вошью в парикмахерской? Легкий дискомфорт, да? ...О, вы только посмотрите на его лицо цвета сочной жабы... Эй, Поттер, у меня огонь под котлом погас, можно от твоей щеки разжечь?

Попытка Драко пройти заодно и по поводу Гермионы наткнулась на её настолько выразительный взгляд, что Малфой больше не экспериментировал, полностью сосредоточившись на своём нежно обожаемом гриффиндорском персонаже. В конце концов, не выдержал даже Снейп и снял с любимого Слизерина целых пять очков (повергнув всех в состояние благоговейного ступора). Правда, с нелюбимого Гриффиндора он потом снял пятнадцать — за неприличное слово, отчётливо произнесённое Динотом Томасом в адрес Малфоя, и за подсыпанные тому же Малфоя на стул тривиальные самонаводящиеся кнопки из неиссякаемых

запасов Симуса Финнигана. Сам Гарри даже не взглянул в адрес обидчика, поставив своей единственной целью не прибить его ни во время урока, ни после.

Кроме тех достопамятных Зелий мелькнула ещё пара фраз из серии «Финниган, Алесини, Браткова и Поттер — ваши задания для учебных исследовательских работ у меня».

И был ещё тот странный разговор, спутавший все мысли и перевернувший всё... нет, не с ног на голову — потому что всё и так стояло на голове — а в ещё более замысловатую позицию. Он не шёл у Гарри из головы, но, как гриффиндорец ни силится сложить два и два — слова Гермионы, сказанные ему наедине, и её улыбку, когда она рука об руку шествовала мимо с Бутом, — каждый раз у него выходило то пять, то шесть, но никак не четыре. Другими словами, концы с концами не сходились и сходились в принципе не собирались. Улыбающаяся Гермиона рядом с недоумевающей-счастливым Бутом, которого Гарри теперь ненавидел всеми фибрами души (в чём категорически не желал отдавать себе отчёт) — стала одним из самых невыносимых зрелищ, которые ему когда-либо приходилось видеть. Хотя гордость не разрешала ему в этом признаться даже самому себе.

— ...Заходи, Гарри, — её «домашняя» одежда напомнила о тех временах, когда... Когда... Он сделал над собой усилие и судорожно сглотнул. Однако заговорить не решился, чувствуя, что голос может задрожать или — ещё хуже — сорваться. Он сам не знал, почему всё-таки пришёл: сжимая во взмокшем кулаке смятую записку, он выходил из спальни шестикурсников и, потоптавшись или походив по коридору, снова возвращался — Дин Томас даже заподозрил у него расстройство желудка, о чём и спросил Гарри со свойственной

ему прямолинейностью.

Покраснев до корней волос и послав Дина куда подальше, Гарри выскочил из спальни — на этот раз окончательно, помотался по гостиной, в лучших традициях Лонгботтома спотыкаясь и наступая всем на ноги, попытался поизучать механику музыкальной шкатулки — подарка Джинни от Майкла Корнера — и разобрал её об пол. Словом, так и не осознав, что же послужило последней каплей, он улучил момент, проскользнул на девичью половину и постучал в её дверь³⁹. Стараясь ни о чём не думать, он коснулся ладонью прохладного металла дверной ручки на её приглашающее «входи».

— Я... я хотела... — начала Гермioniа, давая дорогу, но тут в коридоре послышались шаги и звонкий смех; порывисто схватив Гарри за руки, она втащила его в комнату и захлопнула дверь. Он резко стряхнул её ладонь (внешне это смотрелось грубо, но на деле такое родное когда-то и такое чужое сейчас касание безмерно тяготило) и замер у дверей, в упор глядя на неё. Прикосновение её бестрепетной руки, изрядно ущипнувшей его сквозь свитер, вернуло к действительности, и внутри поселилось странное чувство: он ощутил себя то ли охотником, то ли жертвой... понять оказалось сложно, однако юноша весь подобрался и насторожился, словно перед решающей игрой (а может, даже боем?).

...Уф, как всё запущено, придётся поработать, — раздражённо подумала Гермioniа, глядя на его сведённые брови и залёгшую между ними строгую складочку. Улыбнувшись как можно пленительней, она плавно качнулась в его сторону.

Признаться, она ждала хоть какой-то реакции — рванулся бы он к ней, шарахнулся бы прочь — она одинаково подготовилась и к одной, и к другой ситуации, продумав слова и действия, которыми можно направить его в нужное русло. Однако он не шелохнулся.

Выражение его лица не изменилось — и когда она прошептала «Гарри», и когда взъерошила его без того торчащие в разные стороны волосы, и когда нежно пробежала кончиками пальцев вдоль скулы к подбородку и губам. Ей даже показалось, будто она погладила статую, настолько он был отстранён и напряжён. Вот только это было совсем не то напряжение, которое ей хотелось увидеть. Спрятанное в кармане зеркальце, что дал Малфой, внезапно превратилось в огромный и очень тяжёлый булыжник; перепугавшись, она машинально коснулась его пальцем, даже сквозь одежду ощутив идущее от него тепло: значит, ритуал начался — времени осталось не так уж и много.

...Хм-хм... Однако, мне не по себе: я что-то упустила? Или с ним что не так? Ну же, думай!

— Гарри... я... — она запрокинула лицо и медленно прикрыла глаза. По её представлениям, он не мог устоять перед этим — ни при каких условиях: ведь он же до сих пор любит, до сих пор украдкой смотрит на неё на уроках — и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы прочесть его мысли в этот момент. У лица колыхнулся воздух, и у Гермioniы чуть дрогнули губы — однако долгожданного поцелуя не последовало. Разочарованно-удивлённая, она открыла глаза и обомлела: Гарри — всё с тем же каменным выражением лица — смотрел на неё в упор. И между их лицами находилась... его волшебная палочка. — Ты что? — обиженно поинтересовалась она.

— Ты — не Гермioniа, — в голосе его прозвучала такая отчаянная убеждённость, что она на миг смешалась и испуганно захлопала глазами. — Что с тобой случилось? Что случилось с вами обоими?

— Что ты несёшь? Гарри, честное слово! Ты... не-

важно себя чувствуешь? Или в Запретном Лесу произошло что-то... что-то...

— Произошло, — кивнул он и снова замолчал.

От этих рубленых фраз, от этого подозрения... вернее, нет — даже не подозрения, а уверенности в его глазах ей стало совсем не по себе: с Малфоем, решая собственную участь и верша судьбу Гарри, она чувствовала себя куда комфортней и спокойней. Сейчас же... Времени оставалось всё меньше, в смятении она вытащила из кармана и переложила на тумбочку зеркальце — поверхность уже затуманилась, а значит...

Скоро, совсем скоро!

На её лице промелькнуло смятение и страх, и то, что она посчитала проявлением слабости, — хотя именно это секундное выражение выглядело удивительно настоящим, — сбило юношу с толку, заставив усомниться в обоснованности подозрений.

— Зачем ты меня позвала? — спросил он, медленно, словно всё ещё сомневаясь в правильности своего решения, опуская палочку.

Она обиженно шмыгнула носом.

— Зачем ты так со мной... Я беспокоилась. Вас не было несколько дней — мы с ума сходили... куда ты пропал... зачем... Гарри... В лазарет меня не пустили... Я так ждала... так боялась, — она молитвенно прижала руки к груди. — Я... прости меня...

Он смотрел на неё, но видел совсем другую Гермioniу — фальшивку, лесное наваждение, в которое обернулась решившая испытать силу его духа нимфа. Тряхнул головой, пытаясь выбросить из памяти и полную неги улыбку, и протянутые к нему руки... почему-то так напоминающие происходящее сейчас... Очки соскользнули на самый кончик носа, чем не преминула воспользоваться Гермioniа: нежным, осторожным жестом она поправила их, невзначай погладив по щеке.

— Я скучаю по тебе, — на этот раз его лицо на ощупь показалось куда мягче, хотя он и не ответил, однако чуть шевельнул губами, когда их коснулись её пальцы, — и это сказало ей куда больше, чем любые слова. *...ага, он расслабился... Это хорошо...* — она бросила тревожный взгляд на зеркальце, от которого шло чуть заметное свечение. — Гарри... — взяла его руку в ладони, ощутив немного шершавую тяжесть повзрослелой крупной кисти. — Прости меня — я так виновата... всё так ужасно, так неправильно, так несправедливо... Я вижу, как тебе тяжело, как плохо... я помогу тебе — сделаю всё, что ты попросишь. Давай поговорим и всё обсудим... Мы обязательно найдём выход — я тебе обещаю.

Он смотрел на неё с недоверием и недоумением, не в силах найти какое-то логическое объяснение происходящему сейчас и тому, что было совсем недавно: презрительные слова, внезапный разрыв и холодность на людях и полные скрытого трепета глаза, когда они остались наедине.

— Мне не нужна твоя помощь! И сочувствие — тоже! — гордо отказался он и вышел, хлопнув дверью перед самым её носом... Ну, то есть у него мелькнула мысль, что именно так и надо поступить, однако, сам не зная, почему, вместо этого...

— Ты же сама, совсем недавно... — он окончательно потерял ориентацию в происходящем: разум, тело, интуиция — три кита, на которых обычно и строится у нормального человека контакт с окружающим миром, резвенько расплылись в разные стороны, оставив его посреди бушующего океана, в котором он не знал, куда плыть. — Гермioniа, но ведь ты же... — его брови чуть приподнялись «домиком», лицо сразу обрело детскую трогательность и забавность, и Гермioniа мысленно улыбнулась: похоже, она не ошиблась с выбором тона — Гарри сразу «повёлся». — Скажи, тебя кто-то заставил, верно? Гермioniа, умоляю, скажи мне, кто, и я...

Она приложила палец к его губам, заставляя умолкнуть.

— Всё делалось ради твоей же пользы... Чтобы закрыть им дорогу к тебе — через меня... Но я больше так

³⁹ Гарри, может, и не осознал, но мне-то точно известно: с мыслью «получается, я от неё теперь буду всё время шарахаться?!», он решительно взбежал по лестнице, перешагивая через две ступеньки враз, словно за ним кто-то гнался.

не могу, — горячий шёпот, ещё один шаг вперёд — и вот её ладони уже скользнули ему на плечи. — Пони-маешь — я не могу смотреть спокойно на то, что с тобой происходит... — слеза в голосе... прикушенная губа. — Гори всё синим пламенем, честное слово! Я... я сделаю всё, что смогу, я справлюсь со всем. Только... чтобы тебе было хорошо... — теперь она уже подобралась к нему вплотную, и прильнула головой к груди, с удовлетворением отметив, что сердце у него колотится с таким грохотом — Хогвартс-экспресс посинел бы от зависти. Скопив глаза, увидела отчаянно стиснутые кулаки.

— Значит... — Гарри зажмурился.

Она обняла его — изо всех сил — и почувствовала, что его трясет, всё сильнее, сильнее...

— Я помогу тебе, мы обязательно справимся... Я по-прежнему люблю тебя... Давай всё обсудим... три... два... один... — довольно усмехнулась она. — Пуск!

И действительно — в этот миг он не выдержал и сдался: что-то невнятно простонав, припал к её губам с такой голодной страстью, что она не на шутку перепугалась.

...Ох ты, честное слово, кажется, я чего-то не понимаю... Похоже, я его недооценила, — у Гермионы глаза полезли на лоб. — А как, собственно, иначе? Не стоило проявлять такую настойчивость, можно было обойтись словами...

Вообще-то ею планировалась трогательное воссоединение и пара нежных поцелуев с многозначительными обещаниями, а потом — непосредственно то, ради чего всё и затевалось: надо сказать, нечто совсем иное по сравнению с тем, куда их уносило сейчас. С Бутом этот номер проходил безотказно: он никогда так не хрипел во время поцелуев, не задыхался, не дрожал — ей всегда удавалось держать его под контролем. Да и себя тоже: сейчас же происходило нечто странное — это уже почти ставшее её собственностью тело внезапно откликнулось на его тепло, на его прикосновения: голова у Гермионы отчаянно закружилась, и хорошо продуманный, как ей казалось, план вдруг рассыпался бумажной мозаикой.

— П-постой, — она ужом завертелась в кольце его рук, уворачиваясь от губ и тщетно пытаясь вырваться. — Ну же, Гарри, подожди — у нас весь вечер впереди... м-м-м-м... мне надо запереть дверь, — обнятия чуть ослабли, и она, тяжело дыша и придерживая руками расстёгнутую на груди рубашку, повернула ключ в двери и прижалась к ней спиной.

Сияние, идущее от зеркала, становилось всё ярче и ярче, но Гарри стоял к нему спиной, да и она, заготовив пару внятных и убедительных объяснений, была готова к любым вопросам, если таковые возникнут, — в чём она, глядя на него, уже сильно сомневалась.

— Я... я так скучал... — он сдёрнул через голову майку и отшвырнул её в сторону. — Я так лю...

— Г-гарри... но ты же... был ранен... — эти нимфы... — она следила за его действиями, лихорадочно соображая, как его сейчас остановить. С таким же успехом можно было рискнуть остановить летящий на всех парах локомотив. Разве что лечь на рельсы. Посмотрев на Гарри, Гермиона подумала, что в теперешней ситуации ложиться, хоть и на рельсы — не самая лучшая идея. — Ведь они же... — и роковая фраза сорвалась с её губ прежде, чем она успела в ужасе захлопнуть рот.

Гарри окаменел, но уже спустя мгновение устался на Гермиону с таким лицом... вот тут-то она поняла, что значит испугаться по-настоящему. Сунув руку в задний карман брюк — единственного оставшегося на нём предмета одежды, Гарри выхватил волшебную палочку (игнорируя все предупреждения однажды остаться «без кормы», он по маггловской привычки частенько таскал её именно там) и указал ею на Гермиону:

— А ну, быстро отвечай: откуда ты узнала? Эта информация совершенно секретная: куда и зачем я ходил, знают только учителя. И Невилл, — тут же доба-

вил он мысленно, в очередной раз прокляв себя за не во время развязавшийся язык.

— Я... мне...

Чёрт! Отступать некуда, — теперь уже светилось не только само зеркальце, но и рамка. Заботливо подготовленная Зелье правды лежало в выдвинутом ящичке, ожидая своего часа. — Не хочешь по-хорошему...

— Petri...

И вдруг... Гарри не понял, что именно случилось: поток горячего воздуха, такого плотного, словно это твёрдый предмет, ударил его по груди, лицу, по барабанным перепонкам; отозвался в лёгких, в носу и в голове, и только потом до него докатился сухой звук, что-то вроде «крах-бам». В комнате резко потемнело (хотя, не факт, что именно в комнате: возможно, от удара свет просто померк перед глазами), потом стало нестерпимо светло — Гарри прищурился, и ему показалося...

...Нет... не может быть... — он закричал: яркое сияние лилось в комнату — осязаемое, плотное; вдруг Гермиона, схватившись за грудь, отчаянно закричала, почти завывала — так воет от бессильной боли и ярости смертельно раненное животное, и из под её пальцев потекла... нет, не кровь, а такой же отчаянный, режущий глаза свет... Будто кто-то разорвал закрывавшую солнце тонкую фольгу. И поток этого света из её груди становился всё шире, больше, безжалостнее — и вдруг она взорвалась, разлетевшись по комнате бумажными обрывками, что исчезали, не успев даже коснуться пола. Гарри кинулся к ней, протянул руки, но в лицо ударил странный жар... потом холод... его отшвырнуло к стене, руки и ноги на миг отнялись... вокруг сгустилось и рассеялось молочное-белое марево — истошный крик стих, унёсшись в бесконечность, сменившись слабым, едва слышным стоном.

Комната обрела прежние очертания, но Гарри, ошеломлённый и даже напуганный только что произошедшим, некоторое время сидел, съёжившись у двери и пряча в коленях лицо с почти выжженными слепящим потоком глазами, прежде чем рискнул подать признаки жизни, а именно шевельнуться и осторожно оглядеться.

У кровати на полу, засыпанном осколками зеркала, в луже вытекающей из-под неё крови ничком лежала девушка — тонкая шея, разметавшиеся каштановые волосы, незнакомая яркая курточка.

Гарри показалось, будто в голове со звоном лопнула струна. Медленно, словно от резкого движения он мог немедленно сойти с ума, он поднялся и осторожно перевернул её лицом вверх.

Гермиона.

* * *

Три дня, пока мадам Помфри, сжалившись, не шепнула Гарри, что самое страшное, похоже, уже позади, он провёл будто в мутной жиже, взбитой со дна заболоченной реки. Осознание произошедшего подкосило его так же, как когда-то — смерть Седрика и известие о гибели Сириуса. Хотя нет, не так же, многократно сильнее; а после прогулки с Дамблдором Гарри почувствовал себя и вовсе раздавленным, хотя профессор и приложил все усилия, чтобы, напротив, вернуть юношу к реальности и вселить желание жить и бороться дальше.

— Видишь ли, Гарри, мы установили, что найденные в комнате мисс Грейнджер осколки — не от простого зеркала. Давным-давно, задолго и до Гриндевальда, и, тем более, до Вольдеморта, один маг-умелец создал серию зеркал. Было среди них и Зеркало Джедан, и Зеркало Анс, и Зеркало Анамбо, и много-много других, наделённых самыми разными свойствами, причём не обязательно положительными — подчас такими, о каких лучше и не знать человеку с воображением. Сколько-то маг уничтожил сразу же, испугавшись творения рук своих, сколько-то разбились в первые годы, какие-то канули в веках и не вернулись, другие же ис-

чезли, чтобы возникнуть вновь... Помнится, на первом курсе ты познакомился с Зеркалом Джедан. Так вот: судя по всему, мисс Грейнджер... — директор осёкся и поправился, звуча куда менее официально, — Гермению стала жертвой Зеркала Анамбо.

— Зеркала... Обмана?.. — эхом откликнулся Гарри, и Дамблдор утвердительно кивнул.

— Именно. Оно меняет настоящего человека из нашего мира на его зазеркального двойника, — пояснил он после паузы, так и не дождавшись закономерного вопроса, — но это полбеды: оно также подменяет чувства, эмоции, саму душу, суть человека на полную его противоположность. И если я прав в своих подозрениях, то двойник Гермению должен был оказаться... — директор замолчал, устремив на Гарри полувопросительный-полуутвердительный взгляд.

Юноша молчал, опустив голову. Ему нечего было ответить, да, собственно, он и не пытался найти слова, целиком и полностью погрузившись в пучину самобичевания.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, — словно боясь случайно встретиться с ним взглядом, профессор поднялся и теперь перебирал громоздящиеся на каминной полке волшебные штуки, штучки и штуквинки. Украдкой покосившись на Гарри, он, стараясь действовать бесшумно, развернул и быстро сунул в рот лимонный леденец. Висящий над камином портрет Саймона Вэбстера ехидно хихикнул, буркнул что-то вроде «потянуло старичка на сладенькое», но тут же прикинулся спящим и старательно захрапел.

— Нет, — с трудом выговаривая слова, возразил Гарри, машинально выдёргивая нити золотого шитья из обшивки стула. — Вы не понимаете, не можете понять. Всё это... Я, только я во всём виноват — я, не задумываясь, поверил в те лживые слова, поверил, что после всего... всего, что между нами и с нами было, — гриффиндорец взмахнул рукой, будто это могло подогнать под водопад мыслей едва шевелящийся язык, — она предала меня, а я поверил... Обиделся, как дурак, и ни на мгновение не усомнился... Как же это... Как-кой же я...

Пожилая директриса над столом Дамблдора вытасила из объёмного ридикюля кружевной платочек размером с добрую наволочку, промокнула слёзы и трубно высморкалась. Старичок с соседнего портрета шикнул на неё и сделал страшные глаза.

— Прекрати, Гарри, — остановил разгоняющееся самоуничтожение Дамблдор, тоже бросая на портреты предупреждающие взгляды. — Маги и постарше, и поумнее тебя становились жертвами куда менее хитроумных штук, так что...

— ...и они без колебаний верили в измену любимых, да? — Гарри, всегда уклонявшийся от разговоров на личные темы, неожиданно почувствовал лёгкость — нервное напряжение вынесло его на такой уровень, где слово «стеснение» не существовало. Пожилая директриса приложила руки к груди и снова пустила слезу. В этот раз старичок-сосед уже не сдвинул строго брови: он смотрел на Гарри, сочувственно качая головой, а его седая бородёнка по-козлиному подрагивала.

— Они верили и в худшие вещи, — Дамблдор резко развернулся и жестом остановил почти сорвавшиеся с губ юноши возражения. — Но сейчас я хочу поговорить с тобой не об этом. Дело в том, Гарри, что Зеркала, о которых я начал тебе рассказывать, созданы сотни лет назад, и секрет их изготовления утрачен или же скрывается настолько тщательно, что неведом даже мне... Создать нечто подобное под силу только весьма искусному магу, и тем не менее, то Зеркало Анамбо, что похитило Гермению, изготовлено совсем недавно. В связи с этим у меня к тебе есть два вопроса, вернее, даже три. Первый: нет ли у тебя каких подозрений или предположений, как именно оно могло очутиться у Гермению? — Гарри расстроено прикусил губу и помотал головой. — Так-так... — похоже, хоть Дамблдор и ожидал такого ответа, но всё равно огорчился. —

И никаких соображений, когда это могло произойти?

— Ну, не знаю... — Гарри сосредоточено нахмурился, с остервенением потянул за упрямую золотую ниточку, никак не желающую выдёргиваться, и добился своего: обшивка стула поползла по шву, явив взору тривиальное сено. И тут же лежащая на поверхности догадка явилась к нему во всей своей очевидности. — Пойдите. Ну, конечно... Ещё накануне нового учебного года у нас всё было нормально — её письма... А уже первого сентября... конечно. Как же я раньше не догадался, — он хлопнул себя по лбу с таким остервенением, что очки соскочили на самый кончик носа. — Это же...

— Вот как?.. Ясно, — что-то прикидывая, кивнул Дамблдор и вдруг развернулся, облокотившись руками на стол и заглядывая гриффиндорцу прямо в глаза. — Что ж, разберёмся... И вот ещё что. Ты ничего не хочешь рассказать мне?

— Да, профессор, хочу, — ответил Гарри решительным взглядом. Они смотрели друг на друга, разделённые столом и почти полутора веками. — Я должен был сразу рассказать вам. Словом, тогда, в прошлом году, это я... я унёс из вашего кабинета книгу Гриндевальда — ту самую, — глаза Дамблдора вспыхнули, однако ярко выраженного удивления или потрясения в них не обозначилось. — А потом... потом она пропала и снова вернулась ко мне уже в катакомбах под Лондоном. И я ни с кем этим не поделился, — предупредил он вопрос директора. — Летом, читая её... в драконьих перчатках, конечно, — я знал, что она отравлена... и про заклятья тоже — словом, я обнаружил странную вещь: эта книга... она будто...

— ...пишет сама по себе, — закончил Дамблдор.

— Вы знаете?!

— Ох, Гарри, Гарри... — Дамблдор опустился на свой высокий стул и задумался. — Хотя, наверное, всё это неизбежно. И когда же ты понял, что она не только рассказывает тебе о Тёмном Лорде, но и раскрывает ему всего тебя?

— Совсем недавно, — покраснел Гарри, чувствуя себя последним идиотом. — Мне об этом рассказали. А вы?

— Согласись, в таком аспекте твой вопрос звучит несколько незачётно, — лукаво прищурился Дамблдор, — однако признаюсь честно — я тоже понял это не так давно. Хотя, решишь ты открыть мне свой секрет раньше, думаю, многих проблем нам удалось бы избежать... Видишь ли, она слишком недолго была в моих руках, чтобы я мог разобраться со всеми сокровищами в ней тайнами, — Гарри почувствовал, как запылали его уши. — Подозреваю, Вольдеморт подкинул её тебе не без умысла: древнее пророчество стало каким-то образом ведомо и ему, так что таким способом он решил контролировать единственного человека, способного, с его точки зрения, решить задачу заклинания. Следить, как далеко ты продвинулся в поисках ключей. И узнавать их.

— Я не открывал её после возвращения! — горячо воскликнул Гарри.

— Именно поэтому в игру включилась мисс Грейнджер, вернее, её двойник, — спокойно, будто излагая нечто само собой разумеющееся, продолжил Дамблдор, и Гарри почувствовал прилив гнева: этот мерзавец решил сделать Гермению, его Гермению — умную, честную, бесстрашную — отвратительной и лживой марионеткой в бесчеловечной игре? И почему директор рассуждает об этом так, словно она не живой человек, только-только с трудом перешагнувший грань между миром живых и царством мёртвых, а картонная куклолка, у которой по недосмотру оторвалась картонная ручка или картонная ножка... Глаза Гарри вспыхнули, он вскочил, но сухая и морщинистая рука, предупредительно вскинутая в воздух, заставила его снова промолчать. Обострённый гневом разум направился в другом направлении.

— Получается, в школе есть человек, связанный

с Вольдемортом, — ведь не для себя же она старалась, верно? А значит... — память подкинула давнюю сценку: Гермиона и Малфой. *Неужели?! — Я... его убью!* — Гарри вскочил и, забыв о приличиях, рванулся к дверям. Однако Дамблдор опередил его: неведомо, откуда взялась в его руках эта распахнутая книга, но, пинком открыв дверь, Гарри очутился отнюдь не на ведущей в коридоры Хогвартса лестнице. В лицо ударил свежий осенний ветер, яркие лучи предзакатного солнца заставили зажмуриться...

— ...И ещё, профессор, — по-прежнему жмурясь на лучи уже коснувшегося горизонта солнца, Гарри, наконец, преодолел колебания: — Всё-таки, как быть с Роном? Что мне делать?

— Ты же сам только что рассказал, — директор улыбнулся, увидев искреннее удивление на лице шестикурсника. — Если ты можешь заглянуть в его Внутреннее сердце, тебе по силам исцелить его.

— А вам, профессор?

— Увы, Гарри, — он развёл руками и чуть склонил голову, признаваясь в своём несовершенстве, — я могу читать мысли... иногда, могу исцелять тела, но врачевание душ... Это дано немногим — счастье, что тебе вручен этот драгоценный дар: ты можешь помогать своим друзьям. И не только друзьям.

Гарри кивнул и задумался. В тишине старик и юноша вершили путь, наслаждаясь последним багрянцем уходящего осеннего дня.

— И ещё... Профессор, мой крёстный — Сириус — жив.

Дамблдор долго молчал, и Гарри не рискнул первым нарушить тишину. К тому же, он сам никак не мог определиться со своим отношением к поступку Блэка. Налетел лёгкий ветерок, пахнуло дымком, словно где-то далеко жгли листву, и Гарри вдохнул этот томительный, светлый и тоскливый запах полной грудью. Дамблдор шёл медленно, его посох умиротворяюще шуршал в опавшей листве.

— Никто не вправе силой бросать человека в битву. Я дождусь, когда он сам захочет вернуться в мир. И придёт. Или — не захочет и не придёт. Блэк всегда жил вопреки — преодолевал что-то — себя, внешние обстоятельства... смерть ближайших друзей, война, арест... бесконечная битва, игра в прятки со смертью, с врагами... он устал — и должен отдохнуть... Никто не вправе судить его сейчас.

— Значит, вот как? — Гарри зажёб листву ногой и вскинул в воздух: мёртвые листья послушно взлетели вверх и снова улеглись. — То есть, по-вашему, получается, меня никто в битву не толкает, да?

Старый маг вздохнул, замедлил шаг. Гарри тоже остановился, не сводя глаз с наставника: мгновение они смотрели в глаза друг другу, читая там вопросы и находя ответы на них.

— Гарри, всё, что ты выбрал, ты выбрал сам.

— Я знаю! Однако не кажется ли вам, что существуют ситуации, когда самый добровольный выбор как-то слишком напоминает насилие?

— Гораздо хуже, когда выбора вовсе нет. Или же приходится выбирать из вещей, в принципе несопоставимых. Спасение мира и всех живущих в нём — против жизни. Что тут выбрать? — Дамблдор отвернулся и снова пошёл вперёд, оставив юношу стоять на тропе, глядя вслед.

— Я бы... не знаю. Глупо и смешно, наверное, об этом говорить, но я бы... — поняв, как по-дурацки патетично прозвучит его фраза, Гарри сконфуженно замолчал и сорвался с места, догоняя директора.

— Не сомневайся, ты бы без раздумий пожертвовал собой. Однако как бы ты поступил, если бы брошенная на другую чашу весов жизнь принадлежала самому дорогому тебе человеку — отцу, другу, возлюбленной? Поднялась бы у тебя рука, чтобы решительно указать, кому жить, а кому умереть?

Гарри подумал о Роне, Гермионе, о Сириусе — ради них он бы, не раздумывая, рискнул бы собой, но при-

нести в жертву их, чтобы уцелеть самому? Пусть даже вместе со всем остальным миром...

— Вот именно — со всем остальным миром, — слово читая (а может, действительно читая) его мысли, кивнул Дамблдор. — Ты пока слишком юн, чтобы отдавать себе отчёт, как мир велик. И беззащитен... — Внезапно Дамблдор остановился, протянул руку вверх ладонью, и из воздуха к нему опустилась голубоватая сфера. Он чуть коснулся её своим посохом — та сначала помутнела, как будто внутри сгустился молочно-белый туман, а потом разом прояснилась. — Взгляни-ка.

Гарри послушно приблизился и тут же ахнул от удивления: весь магический мир развернулся перед ним: там и тут ходили, разговаривали, улыбались волшебники всех возрастов; играли дети — малыш сорвался с игрушечной метлы... мать кинулась его утешать... в незнакомом парке на лавочке дремал старичок в полосатой мантии, из-под которой виднелись кончики остроносых тапочек... Мимо прошла парочка, и парень, лукавым взглядом напомнивший Фреда (или Джорджа), превратил тапочки в крыс с золотыми ушками... девушка ткнулась в грудь разом покрасневшему юноше...

— Так-так, — чуть смутился Дамблдор, — думаю, это дело двоих, не так ли? — он провёл ладонью по висящей в воздухе сфере, и картинки начали сменяться быстрее: играющие дети, города, женщины, мужчины — лица замельтешили, слились в один нескончаемый поток.

«...вы слышали известие? Говорят, сторонники Сами-Знаете-Кого снова мелькают то тут, то там... ..о, да, но ведь и Мальчик-Который-Выжил теперь тоже уже не мальчишка... Он силён и бесстрашен... Если он сумел победить Того-Кого-Нельзя-Называть в младенчестве... Уверен, нам ничего не грозит... Он так великодушен... Он смел... Он умён... Мы надеемся на него. Надеемся на него...»

Гарри покраснел и отодвинулся от сферы. Звуки тотчас же смолкли.

— Я совсем не силен и не бесстрашен. И уж точно не умён. Да и в великодушии своём отнюдь не уверен, — хмуро возразил он, пряча глаза от неловкости и раздражённо пиная листья под ногами. — И вообще, к чему вы?..

— Наверное, в какой-то степени жестоко показывать это, говорить о мере ответственности — особенно сейчас, когда тебе и без того несладко. Однако я хочу, чтобы ты знал: ты уже достаточно повзрослел, Гарри, и должен осознавать последствия своих поступков. И понимать: мир не заканчивается на тебе и твоих друзьях. И врагах.

Моих врагах... моих друзьях...

Юноша молчал, опустив голову, но видел сейчас под ногами не жухлую траву и листья, а смертельно-бледную Гермиону, вытянувшуюся на белоснежных простынях лазарета: узкие бледные плечи, тугая повязка поперёк груди, чёрные круги под глазами...

— ...Она удивительно сильная девушка — провести столько времени в Зазеркалье и не раствориться... Всё, что я сейчас могу, — попробовать исцелить её тело, но не душу... Поправится ли она, вернее, *когда* она поправится, — уточнила мадам Помфри, увидев, как вмиг позеленел Гарри, — зависит только от её внутренней силы...

— Она... она справится, — Гарри прикусил губу, жмурясь от выступивших на глазах слёз. — Она поправится... Простите... — как он ни старался, по щекам полились неукротимые потоки, — простите... я ничего не могу сделать... Они просто текут... и всё...

Мир перед глазами поплыл, словно за залитым ливнем окном, Гарри сдёрнул очки и отчаянно начал тереть глаза тыльной стороной ладони. Сзади послышался шелест занавески и удаляющиеся шаги — мадам Помфри деликатно оставила его наедине с бесчувственной Гермионой. Впервые за долгое время Гарри плакал — плакал, отчаянно всхлипывая, захлёбываясь слезами, болью, осознанием собственной вины...

Ты поправишься, ты обязательно, обязательно поправишься...

— ...ты слышишь меня? — Дамблдор легонько коснулся плеча снова погрузившегося в протрацию Гарри.

— Что, профессор?

— Поверь мне — с ней всё будет хорошо, — директор взял Гарри за руку и чуть пожал её. — Наша Поппи настоящая кудесница... Кстати, пора возвращаться, сегодня на ужин эльфы обещали нечто совершенно удивительное — думаю, ты уже успокоился и нагулял аппетит?

Юноша кивнул и вяло улыбнулся, хотя ему было совсем невесело.

* * *

Из уголка рта Люциуса стекла тонкая струйка крови, а на бледной щеке начало медленно проступать красное пятно. Вольдеморту задумчиво посмотрел на свою ладонь, и вдруг — короткий замах... Низкие своды подземелья огласил звук ещё одной пощёчины.

От боли у Люциуса снова потемнело перед глазами, и мир на мгновение стих и исчез; чтобы удержаться в вертикальном положении, он расставил ноги пошире — но, не угадав момента, закачался, взмахнул руками, тряпичной куклой завалился назад. Лишь вовремя возникшая за спиной стена предотвратила неизбежное падение.

— Люциус, друг мой, — шипение Вольдеморта звучало на редкость вкрадчиво, будто он не грозил только что своему приспешнику всеми казнями египетскими, — подводя итог вышесказанному: твой сын ухитрился провалить доверенную ему миссию, и на настоящий момент, по каким-то неведомым причинам, мы лишены всех подходов к Поттеру... Кстати, друг мой Люциус... почему мне они до сих пор неизвестны? Он ведь так и не открыл книгу — конечно, счастливое воссоединение со своей мисс, — Вольдеморту произнёс это как мисс-с-с-с, и от змеино го шипения у Люциуса мурашки пробежали между лопаток, — однако же, подозреваю, он её так и не откроет. Но что это я всё о Поттере, да о Поттере, — змеиный рот растянулся в улыбке, и в груди Малфоя-старшего родился арктический холод. — В настоящий момент Поттер — это лишь следствие. Пусть случившееся неприятно, я бы даже сказал — крайне неприятно, однако же оно вторично. Меня больше волнует причина, а именно твой сын. Мальчик оплошал, — с притворной скорбью заметил Тёмный Лорд, и это просторечное словцо произвело куда большее впечатление, чем недавняя экзекуция, от которой всё ещё шумело в ушах.

В голове зародились страшные мысли: неужели ему велят собственной рукой убить единственного наследника?.. Бледная, длиннопалая рука Тёмного Лорда сделала неуловимое движение, и в ладони возникла волшебная палочка. Как замороженный, Люциус следил за её рассеянным покачиванием.

Не может быть... — шевельнулась предобморочная мысль, и он поднял затравленный взгляд на господина. Вольдеморту уже вернулся на своё обычное место и, запахнувшись в чёрную мантию с кровавым подбоем, взирал на собеседника с нескрываемым удовольствием. Красные глаза раскалёнными угольками светились в полумраке, с палочки время от времени срывались разноцветные искорки, и каждый раз у Люциуса всё сжималось внутри. Он опять подумал о бессмысленности оправданий, о своём бестолковом отпрыске, об упрямой грязнокровке, из-за которой победа уплыла у них из буквально уже сомкнувшихся пальцев, об этом чёртовом Поттере, которого — словно он заговорён — ничего не берёт, и злость встряхнула его с ног до головы, заставила решительно вскинуть голову и встретиться взглядом с этими змеиными глазами.

— Да, мой Господин. Это всецело моя и его вина. Мы готовы понести заслуженное наказание.

— Без сомнения, твой же понесёте, — удовлетворённо кивнул Лорд. — Если я не ошибаюсь, Поттер

удостоил своим посещением неких существ в Запретном Лесу... Нимф. А так как он вернулся оттуда живым и здоровым, то, видимо, ему удалось-таки добыть хранимую ими часть заклинания. И коль скоро по вине твоего сына я лишился его, то пусть он и отправляется.

— Кх... кхх... к нимфам? — захрипел Люциус, от неожиданности подавившись собственной слюной. В тот же миг неведомая сила отшвырнула его назад, сбила с ног. Подметая полой бархатной мантии пол, Малфой поднялся и снова преклонил колени перед тронном Тёмного Лорда, дрожащей рукой убирая со лба налипшие серебряные пряди.

— Не надо заставлять меня повторять дважды, — заметил Вольдеморту всё тем же вкрадчивым тоном. — Тем самым ты наводишь меня на неприятные мысли: получается, либо я настолько близорук, что сделал своим ближайшим соратником непроходимого тупицу, либо у меня проблемы с дикцией. Согласись, это одинаково неприятно. Хотя нет — второе неприятней: соратников можно поменять. Легко поменять, — с палочки снова сорвались разноцветные искорки и весёлым хороводом закружились вокруг Люциуса. Он сидел мирно, не двигаясь, ему была введома эта шутка: за день его хотя бы одна из них, ближайšie несколько минут он бы провёл, корчась и завывая от боли.

— Я понял, мой Лорд, — осторожно склонил голову Малфой. — Могу ли я задать вам один вопрос. Только один.

— Отчего же нет? Задавай.

— Должен ли мой сын вернуться оттуда живым?

Повисла пауза, показавшаяся Малфоем вечностью. Будь его волосы другого цвета, наверное, в них бы прибавилось седых прядей.

— Хороший вопрос. Мне нравится твой подход к делу, — кивнул Вольдеморту и взмахом руки убрал от Люциуса искрящееся кольцо. — Не просто живым, а с заклинанием в руках. А уж как вы ухитритесь сохранить ему жизнь — дело ваше. Мальчик мне нужен. ОЧЕНЬ нужен.

— ...это такая честь для меня, — привычно откликнулся Люциус, снова склоняясь до земли.

— ...а потому ты отвечаешь за каждый волосок, упавший с его головы.

— Слушаюсь, Господин, — метя мантией каменный пол, на плитах которого, как Люциус только что заметил, изображались всевозможные способы магических пыток, Малфой-старший склонился в поклоне и попятился к дверям.

Лязгнув замок, и, наконец-то оставшись в одиночестве, он припал влажным от выступившего пота лбом к металлической обшивке.

— Отправил на верную гибель и велел вернуться целым и невредимым... — от собственного обмота по спине пробежали мурашки. — Что ж — если шёпан и предательство приносят пользу, то лучше быть предателем, чем жертвой, которую гонят на убой. Похоже, мне не оставили выбора.

— Конечно, нет, — улыбнулся по ту сторону дверей Вольдеморту. — И ты непременно ими воспользуешься, верно? И тем самым ты спасёшь шкуру своего наследника, а мне позволишь убить сразу двух зайцев: дашь ещё один повод прижать тебя к ногтю и... опробовать твою технику создания двойников. Сначала на собачках. Вернее, на Малфоях.

* * *

Люциус Малфой покосился на часы: действие Многосущного Зелья должно было вот-вот закончиться, и тогда можно будет наконец-то снова взглянуть на себя в зеркало без отвращения. Зайдя за ширму, он, стараясь не смотреть на собственные пальцы — жирные, как сардельки, с неровными ногтями и заусенцами — растегнул пуговицы и сбросил с себя эту отвратительную кустую одежду, тут же вздохнув с облегчением. Спустя несколько мгновений началось превращение: тело

из коротконового и обрюзгшего снова стало стройным, гибким; осознание этого даже скрасило обычные неприятные ощущения от самого процесса. Через четверть часа он вернулся в библиотеку, на ходу откидывая волосы и поправляя узкую полоску безумно дорогих кружев, сплетённых умелыми русалочьими пальцами. Повернулся к зеркалу и не без удовольствия окинул взглядом своё отражение: холёный аристократ в самом расцвете сил, только-только перешагнувший порог истинной мужской зрелости. Настоящий охотник. Безжалостный матёрый хищник.

— Ты прекрасен, спору нет, — благоговейно вздохнуло зеркало и заискрилась от восторга.

— Сам знаю, — раздражённо бросил Малфой, недовольный столь бесцеремонным нарушением уединения, подошёл к столу и, с удовольствием опустившись в приглашающе выдвинутое кресло, опустил голову на сцепленные руки. Изгнанник, вынужденный даже в собственное уютлирское поместье пробираться, яко тать в ночи — тайком, окольными тропами, в чужом обличье — он сейчас обернул свою ненависть и ярость на того, по чьей вине всё это произошло. Нет, не на Поттера — этому недобитку ещё предстоит ответить за все причинённые неприятности и неудобства, включая прелестный шрам на левой ягодице, полученный в достопамятной битве во глубине лондонских катакомб, — но счёт будет предъявлен, когда необходимость в его существовании отпадёт. Сейчас же волна малфоевского гнева обрушилась на собственного отпрыска.

— Думаю, сын мой, ещё один урок тебе не повредит. В любом случае, пора многому научиться: и терпеть боль, и не терять контроль над происходящим — скоро всё это тебе понадобится. А то пока весь твой багаж — куча амбиций и гонору, а опыта — капля, — процедил он сквозь зубы, пододвинул к себе пергамент и размашисто начертил несколько слов. Потом, подумав, скомкал едва начатое письмо и снова задумался, — ...значит, к нимфам... В Обитель... А если...

Он поднялся и, трижды коснувшись палочкой одной из факельных скоб, выполненных в виде драконьих голов, открыл панель в стене, скрывающую тайник. Шкатулка, ценные бумаги, старые пергаменты, странные предметы, в которых с первого взгляда угадывались атрибуты тёмного мага — какие-то засушенные конечности и другие части волшебных животных; Люциус нетерпеливо сдвинул их в сторону и нажал на одному ему ведомый выступ. Задняя стенка отодвинулась, и бережно, как величайшую драгоценность, он вынул семейную реликвию: ветхий пергамент, стянутый посередине узким серебряным кольцом, позеленевшим от времени. Пальцы чуть-чуть дрожали, однако то, что он всегда считал проявлением недопустимой слабости, не вызвало никакого раздражения и не обескуражило: сейчас, сейчас всё решится... И если написанное действительно имеет отношение к происходящему в мире...

Малфой осторожно положил свиток на стол и опасно коснулся кольца кончиками пальцев. Ему показалось, будто металл сразу потеплел. Тогда он наугад ткнул в него волшебной палочкой, прикидывая, при помощи какого заклинания его удастся снять. Однако этого не потребовалось: обруч буквально на глазах стал шире и легко соскользнул.

Люциусу потребовалось некоторое время, прежде чем он сумел взять себя в руки настолько, чтобы развернуть слежавшийся, хрустящий от времени пергамент. Больше всего он сейчас боялся, что тот рассыплется под пальцами. Но всё обошлось, и его глазам предстали тусклые угловатые буквы, выведенные рукой его далёкого предка, одного из Великой Дюжины — и сразу повеяло такой невообразимой древностью, что он вздрогнул, испытал нечто вроде благоговейного ужаса. На миг показалось, будто он провалился сквозь толщу веков, очутившись в том времени, когда Первый-Из-Малфоев решил скрыть тайну Защитника, дабы передать своим потомкам власть над «силой

невообразимой, что таится в тверди земной и сокрыта под покровом вод...»

Прищуриваясь и пропуская неразборчивые или незнакомые слова — кое-где чернила⁴⁰ стёрлись, кое-где расплылись, в некоторых местах пергамент не пощадило время. Люциус погрузился в чтение: он читал про Великую Дюжину, потом — про относительность приятной добра и зла, потом про каких-то неведомых магов, к которым у предшественника явно было что-то личное, про то, что «Истина и счастье за руку не ходят» — эти рассуждения казались ему одинаковыми, как неотличимы друг от друга горящие дома, а все убитые на одно лицо. И первых, и вторых Люциус Малфой за свои полвека повидал предостаточно, равно как и наслушался словесной эквилибристики — куда более занимательной, чем эта. Он уже начинал сердиться на витиеватую многословность, бесконечные рефрены и неумение (или нежелание?) перейти непосредственно к делу.

И, наконец-то... «Коли в Смутное Время соединить Три Ключа с тем, что отныне и вовеки веков будет храниться родом Малфоев, передаваясь от отца к единственному сыну без ведома первого и знания последнего — ибо благодаря Заклинанию Наследования будут рождаться у Малфоев младенцы только мужского пола — то явится сила, именуемая Защитником. Лишь стойкий духом и сильным телом сумеет призвать его и повелевать им, подчинив себе весь мир подлунный. Однако за пользование оной мощью плата назначена непомерная, ибо...»

Люциус торопливо перевернул оборванный понизу свиток и похолодел: на оборотной стороне ничего не было, только какие-то бурные разводы. Он снова перевернул пергамент, перечитал, посмотрел его на свет в поисках хоть каких-нибудь тайных знаков...

— *Aparecium!* — без всякой надежды на успех он взмахнул палочкой. Как и думал, ничего. Малфой тупо уставился на последние слова, всё еще не в силах поверить, что те действительно последние: оборванный неровный край крошился под скрючившимися дрожащими пальцами...

В отчаянии Люциус вцепился в роскошную серебристую шевелюру: конечно, было верхом оптимизма надеяться найти чётко изложенную инструкцию, не говоря уж о последней части заклинания (на что он втайне всё-таки надеялся), однако заполосная мысль, что этот бестолковый пергамент, передающийся из поколения в поколение, мог поведать, передать, вложить прямо в руки оружие, при помощи которого он, Люциус Ксавьер Малфой, вознёсся бы над миром, по праву заняв трон Тёмного Властелина... Эта мысль прожгла насквозь, заставив взвыть от бессильной ярости, и аристократический кулак с размаху опустился на полированную поверхность монументального стола. Морёный дуб застонал и словно бы даже просел, а пламя стоящей на нём свечи истерически задёргалось, пытаясь оторваться от фитилька и сбежать от хозяйского гнева.

— Какого чёрта?! — с губ Малфоя посыпались отборнейшие ругательства, после которых не возникало ни малейших вопросов о происхождении богатого словарного запаса Драко: в непростые для себя моменты Малфой-младший заставлял краснеть не только слабонервных младшекурсниц, но и Крэбба с Гойлом.

Вплывнув первую ярость, Люциус перевёл дух и попробовал взглянуть на ситуацию с другой стороны: *всё не так уж и плохо — и у нас, и у Поттера имеется по ключу, причём, в отличие от это гриффиндорского недобитка, я могу его ключ добыть. Пусть не сам, и тем не менее...*

Мысли снова обратились к сыну. Бережно отложив свиток, он поднялся и углубился в дебри библиотеки.

...Несгораемая свеча затрепетала от радости, когда спустя почти час он, наконец, вернулся, неся под мыш-

⁴⁰ Хотя, может быть, вовсе даже не чернила, — кто их знает, этих Малфоев.

кой какой-то старинный фолиант — настолько древний, что позолота осыпалась, и тиснённое на чёрной коже название в полумраке библиотеки разобрать было совершенно невозможно. Следующие полчаса тишину нарушали только сосредоточенные вздохи, шорох страниц да тиканье часов на каминной полке. Сам камин не горел: размышлять о делах и работать Люциус предпочитал на холодке, говоря, что «тепло расслабляет мысли и тело».

Наконец, он перевернул последнюю страницу и призадумался, прикрыв глаза и откинувшись на спинку кресла. Тихонько потрескивал факел у входа, отсчитывали минуты часы на каминной полке. Резкое движение — и выражение глубочайшей сосредоточенности сменилось решительностью. Губы тронула недобрая улыбка.

— Это будет тебе хорошим уроком, мальчик. Однако Лорд прав: за тобой придётся действительно присматривать. А значит... — он с омерзением посмотрел на ширму. Там скрывались отвратительные обноски, в которых ему пришлось пробираться в свой собственный дом. — Хотя нет: прежде мне нужно вдохнуть жизнь в твоё тело...

* * *

Впервые в жизни Гарри не мчался на тренировку, переполняясь воодушевлением, а плёлся нога за ногу, изобретая всевозможные предлоги, чтобы не пойти, и тут же решительно отменяя их. Причина этого нежелания была предельно проста: во-первых, он отвратительно себя чувствовал после очередной полубессонной ночи, причём его разбудила тупая боль в шраме: это ощущение он ни с чем не мог спутать. Ни при каких условиях. Понятно, заснуть после такого удалось далеко не сразу, и сейчас Гарри чувствовал усталость и противную ломоту во всём теле.

Во-вторых, шёл он на квиддичное поле непосредственно из лазарета, где проводил сейчас (с молчаливого попустительства мадам Помфри) почти всё свободное время. Дай ему волю, он бы и вовсе туда переехал со всем своим скарбом. И именно сегодня фельдшерича неуверенно намекнула, что Гермиона может очнуться в любой момент — ясное дело, Гарри хотел оказаться рядом в миг, когда она откроет глаза.

Ну, помимо этого его также угнетали мысли о мрачной физиономии Рона — совет директора не шёл из головы, однако Гарри пока плохо себе представлял его воплощение в жизнь: ещё ни разу у него не получилось войти в чьё-то Внутреннее Сердце по собственному желанию, это всегда происходило на пике эмоционального возбуждения. Сейчас же чувства Гарри были настолько притуплены, а сил оставалось так немного, что доводить до белого каления Рона, беситься самому, ругаться — о, нет, увольте.

Ещё грызла мысль об ожидающей своего часа домашней работе по Трансфигурации: они начали сложнейшую тему превращения неживого в живое, и в сумке лежала сухая яблоневая веточка, из которой ему к завтрашнему дню предстояло изобразить (надо же, пакость какая!) змею.

— Сразу предупреждаю, — усталым тоном сообщила Макгонагалл, — даже не пытайтесь создать ядовитых змей: во-первых, ваших знаний на синтез ядовитых желёз не хватит, а во-вторых, из яблоны и тиса ничего ядовитого всё равно не выйдет. Надеюсь, что не увижу ничего серьёзнее ужа.

Впрочем, мысли о Трансфигурации и Роне сейчас отнюдь не доминировали: Гарри наконец-то добрался до поля. Команда была уже в сборе — игроки сидели в раздевалке, вяло переговариваясь и теребя мётлы.

— А почему вы не в форме? — с порога спросил Гарри. — Всем привет.

Лица Колина и Денниса разом просияли; охотники тут же кинулись лихорадочно переодеваться.

— Тьфу, извращенцы бесстыжие! — возмущённо

фыркнула Джинни, отворачиваясь от стягивающего штаны Колина. — Тут же женщины и дети, — она махнула рукой в сторону разом уткнувшейся взглядом в пол Станы.

— Джин, ты тоже отвернись! — рявкнул, вскакивая, Рон (кстати, единственный облачённый в квиддичную униформу), доселе безмолвно сидевший в дальнем углу на ящике с мячами. — А вы совсем обалдели, да? А ну, марш в раздевалку и не прелюбодействуйте мне на нервы!

— Рон, прелюбодействовать — это немного другое, — театральным шёпотом произнесла Джинни, — хотя ход твоих мыслей мне понятен.

Одной ногой в штанине, Колин поскакал к дверям, Деннис поторопился следом, замыкали процессию Эндрю Кирк и Джефф Хупер: высоко подняв на мётлах — будто хоругви — форменные алые мантии, они протопали в комнату для мальчиков и захлопнули дверь. Девчонки юркнули в соседнюю раздевалку, и Гарри остался наедине с Роном.

Повисла томительная и крайне неловкая пауза, во время которой Гарри шуршал бумажками — он наспех набросал схемы сегодняшней тренировки⁴¹. Рон сутулился в углу, внимательно изучая свои мосластые кисти. Гарри украдкой покосился на него.

Тоже Зеркало? Может, зелье? Или какое-нибудь заклинание?.. Что же?.. Как же мне вернуть тебя... — он робко потянулся к душе друга, но наткнулся на глухую тёмную стену. Словно почувствовав что-то, Рон насторожено вскинул глаза, но Гарри уже снова сосредоточенно шуршал бумажками, рисуя на доске схемы. Хлопнула дверь. Увидев остальных членов команды, оба гриффиндорца вздохнули с облегчением. Гарри откашлялся и начал:

— Ближайшая игра через неделю, времени осталось всего ничего, так что тренировки теперь будут каждый день: завтра и послезавтра — с утра, до завтрака, в выходные — перед обедом, а во все остальные дни — перед ужином. Я зарезервировал стадион... — Джинни демонстративно кашлянула, и он, покраснев, поправился, — то есть спасибо Джинни — она подписала разрешение у Макгонагалл и мадам Хуч. Так, теперь насчёт команды Равенкло. Отбивалы у них поменялись, однако основной состав остался прежним и очень сильным: их охотники на редкость сыграны, причём умеют работать не только по горизонтали, но и по вертикали... Дэвис так вообще настоящий ас. Да и ловец у них отменный. Поэтому для разрушения их атак вам, — кивнул он в сторону Эндрю и Джеффа, — придётся изрядно потрудиться. И всем остальным — тоже. Я тут нашёл интересные варианты блокировок, — он повернулся к доске, взмахнул палочкой: точки и стрелки ожили и поползли по белой поверхности.

— Ух ты! — одобрительно кивнула Стана, глаза у которой вспыхнули, едва только Гарри перешёл к делу. — Я видела что-то подобное во время одной кубковой игры. Кстати, а что, если попробовать так... Э... Можно? — она вопросительно посмотрела на Гарри, вытаскивая из кармана свою волшебную палочку, и тот пригласающе замахал руками:

— Конечно-конечно!

Команда с любопытством уставилась на Стану, даже молчавший в своём углу Рон встрепенулся и с интересом, смешанным со смущением, — он до сих пор испытывал неловкость из-за той дурацкой сцены в библиотеке — посмотрел на девушку, которая, сосредоточенно сдвинув брови, временами зажмуриваясь — видимо, что-то припоминая, — стирала одни стрелки и рисовала другие.

⁴¹ Ему пришлось сделать над собой нечеловеческое усилие, чтобы сосредоточиться и начать, но любовь к квиддичу победила: через четверть часа он уже с упоением набрасывал замечания по стратегии и тактике с учётом особенностей команды Равенкло.

— Ну, вроде так... — она взмахнула палочкой. — Словом, если перекрыть им центральную зону, простреливая её бладждерами, то охотники смогут поделить вертикальное пространство: один вверху, другой — внизу, а третий окажется свободным, будет работать на подхвате... Вот так... Или так...

— Толково, — кивнул Колин, — но для этого нам нужно как следует сыгратья: поле-то будет поболее этой доски.

— Вот и нечего торчать в раздевалке, пошли, — Гарри перебросил метлу через плечо и шагнул навстречу холодному осеннему ветру.

Оттолкнувшись от земли, команда разом взмыла в небо, и Гарри мысленно похвалил себя за то, что всё-таки не отменил тренировку: в очередной раз полёт унёс все тревоги и невзгоды; плечи сами собой расправились, и юноша впервые за последнюю неделю вздохнул легко.

Гермиона пошла на поправку. Первая часть заклинания найдена. Выход где-то есть, а значит, его можно найти. Внизу — багрянец осени, рядом — раздумывавшиеся от холода и радостного возбуждения физиономии друзей и соратников. Гарри посмотрел на Рона: тот в этот момент заложил лихой вираж, увернувшись от пущенной рукой Джеффа бладждера, но потерял контроль над полем. Воспользовавшись его замешательством, Стана ловко поднырнула и вышибла кулаком квафл у него из-под мышки. Покраснев от негодования — *вот уж не собираюсь проигрывать какой-то соплячке!* — Рон тут же выровнял метлу и погнался следом. Резво петляя и уворачиваясь от столкновения, она набирала высоту. Он не отставал.

— Эй, мяч-то верните! — крикнул им вслед растерянный Колин, но они уже не слышали — превратились в две точки высоко вверху.

Азарт гнал Стану вперёд, а Рону не позволяло сдаться ущемлённое мужское самолюбие. Расстояние между ними медленно, но всё же сокращалось. Бросок — и он вышиб у неё мяч, однако снова промахнулся с силой удара: Стану резко дёрнуло вперёд, она кувыркнулась через голову и сорвалась с метлы. Какое-то время ей ещё удалось удержаться на кончиках пальцев — но вот рука соскользнула, и она камнем полетела вниз. Рон ахнул и, направив метлу вертикально, устремился к земле на максимальной скорости, настигнув девушку почти сразу. По счастью, Стана оказалась довольно лёгкой и весьма ловкой: приземлившись на подставленную юношей спину (он только крикнул), она тут же крепко обхватила его за шею и наконец-то перестала орать. Рон выровнял метлу и завис в воздухе, пытаясь прийти в себя. Неожиданно голова у него закружилась, а в горле пересохло: посмотрев вниз, он увидел квиддичное поле — размером не больше носового платка. Игроков видно не было: или же это те самые крошечные мушки, летающие туда-сюда? Крепкие руки Станы держали Рона за горло — вернее, непосредственно за бьющееся в горле сердце.

— Ну ты и debil, — с чувством произнесла она и добавила несколько крепких болгарских выражений. Рон промолчал: он думал, что бы произошло, ляпнись Стана с такой высоты на землю, и от этих мыслей в груди широко распахнулось окошко, выходящее аккуратно на Северный полюс.

— Держись крепче, — буркнул он и тут же захрипел: Стана исполнила пожелание с большим энтузиазмом. — Кх... горло... задушишь, дура!

Девушка послушно перехватила его поперёк груди и всем телом прильнула к спине.

— Так?

— Типа того, — Рон чуть наклонил метлу, и они начали плавно снижаться.

Мельтешавшие внизу точки становились всё крупнее, медленно приближаясь. Одна взяла резко вверх, и через миг Гарри уже летел рядом.

— Что у вас произошло?! Стана, ты цела? Вы как?..

— Твоя метла... Рон, что случилось? — следом за Гарри рядом оказалась Джинни и вся остальная ко-

манда. Все наперебой загалдели. Услышав от младшей сестры «говори, что случилось, только честно», Рон с грустью подумал, что сейчас придётся много врать.

— Я сорвалась с метлы, а он меня поймал, — не дав ему и рта раскрыть, ответила распластавшаяся по его широкой спине Стана, а сам Рон густо покраснел.

— Вот как? — с подозрением приподняла бровь Джинни и окинула взглядом съёжившуюся на метле парочку. — В таком случае, братец, — она сделала пируэт, вынырнув у Рона прямо над ухом, — впрочем, всё равно Стана прекрасно слышала каждое слово, — после таких объятий ты — как честный человек — просто обязан на ней жениться.

— Готовы продолжать? — спросил Гарри.

— Да. Нет, — хором ответили Рон и Стана.

— Что?

— Нет. Да.

— Ладно. Десять минут вам, чтобы прийти в себя, а мы пока займёмся отработкой... — последние слова отнёс ветер: Гарри взмыл вверх.

Рон коснулся ногами земли, и колени у него тут же подогнулись — он даже не сел, а плюхнулся в траву. Стана встать даже не пыталась: с трудом оторвав от Рона скрюченные пальцы, она просто съехала по деревку.

— Ты извини, а? — жалобно проблеял он, покосившись на её бледный профиль.

— Нет, это я сама виновата: надо было крепче держаться, — Стана упрямо трянула чёрными косицами. — В игре всякое может случиться, так что ты это... не терзайся. Хотя... дала бы я тебе по шее, если честно! — она мстительно пихнула Рона острым локтем под рёбра.

— А ты дай, может полегчает, — Рон склонил голову и, чуть подумав, Стана с размаху врезала по веснушчатой шее ребром ладони — он аж крикнул. — Эй ты, полегче — ты меня так угробишь!

— А сам-то? Вот тебе, вот! Получай! — град туманов обрушился на голову, плечи и спину; какое-то время он стоически терпел, но Стана, похоже, вошла в раж, и, получив по уху, он извернулся и схватил её за запястья, повалив в траву и придавив корпусом. Теперь она только возмущённо пищала: — Ты!... Ах ты... пусти! — заизвивалась, но это привело к тому, что он ещё сильнее вжал её в землю. — Да я тебя... я тебя... — девушка дёрнулась вверх и цапнула его за щёку.

Рон взвыл, выпустил её, тут же снова получил в лоб — и опять навалился на разбуянившуюся болгарку.

— О-бал-деть, — послышался голос сверху, — ну, теперь ты точно должен на ней жениться, братец, — поглощённые потасовкой, они не заметили спирировавшую к ним Джинни. В руках она держала метлу Станы.

Рон подскочил, будто ошпаренный, оседлал метлу и с тихим незлым словом, сильно напомнившим Джинни слово «дура», взмыл в голубое небо, подставляя покрасневшую физиономию и горящую от укуса щёку целительному ветру.

— Вратарь готов? — донеслось до него сквозь свист в ушах. — Тогда начинаем отработывать штрафные. Колин, Деннис, на позицию!

* * *

Едва закончив чтение отцовского письма, Драко предусмотрительно отбросил его подальше. И тут же мысленно похвалил себя за пронизательность, поняв, что не ошибся: едва коснувшись пола, оно с тихим хлопком воспламенилось, сразу став крошечным раскалённым угольком.

Содержание же самого письма оказалось куда как серьёзно: сегодня под покровом ночи ему предстояло исправить свою ошибку, отправившись в Запретный лес.

Во время ужина кусок в горло не лез, Малфой не видел ничего и никого вокруг; Большой Зал смазлся, будто нёсся на карусели. Временным просветлени-

ем стал Пивз, ухитрившийся украденной у кого-то из раззяв-младшекурсников палочкой заколдовать стол Равенкло. В результате, едва студенты расселись, тот взбрыкнул, засыпав их картошкой, ростбифом, тушёными овощами и щедро оросив тыквенным соком. Однако радость от лицемерия всеобщей суматохи быстро прошла: проводив взглядом Падму Патил в облепившей её мантии и с изумрудами зелёного горошка в волосах Малфой снова посмурнел. Он не заметил ни протопавшую мимо гриффиндорскую сборную с улыбками от уха до уха и румянцем во все щёки (причём у Уизли одна щека выглядела заметно румяней другой), ни Поттера, влетевшего в Зал, сгрэбшего со стола то, до чего смог дотянуться, и тут же метнувшегося обратно к дверям, — нет, все мысли слизеринца были полностью поглощены предстоящим путешествием, нимфами (они вызывали у него отнюдь не радужные предчувствия) и двойником, тело которого ему предстояло сегодня примерить.

Сославшись на головную боль и велев под страхом Задоголового Проклятья не беспокоить его до утра, Драко отправился в свою спальню, не дожидаясь конца ужина.

Алтарь-пе бесшумно выехал из стены, свечи сами собой вспыхнули, залив трепещущим светом тёмную келью без окон, с кроватью, завешенной чёрным пологом с кистями. Драко отбарабанил молитву на тарабарском языке, принёс положенную в данном случае жертву и принялся ждать.

А ждать пришлось долго: вот уже первичное возбуждение и страх прошли, сменившись сначала раздражением, потом тупой апатией и, наконец, усталостью. Всё тело затекло, но Драко по-прежнему сидел, молитвенно сложив руки и продолжая бормотать непонятные слова.

И вдруг...

Ощущение ломоты пропало, в теле появилась странная лёгкость. Драко попробовал шевельнуть рукой, ногой... и не почувствовал их; опустив глаза, он увидел внизу самого себя: светловолосый юноша, склонив голову сидел на полу перед алтарём с зажжёнными свечами. Ни удивления, ни, тем более, страха он испытать не успел: пронзая стены и перекрытия, слизеринец помчался куда-то вверх, потом вбок — петляя, ныряя... И вот — словно масло, расступилась последняя стена, и он оказался на свежем воздухе, однако же не почувствовал ни дуновения ветра, ни осенней ночной прохлады, лишь по мерцанию звёзд сообразив, что находится уже за пределами замка.

Издали вдруг резко придвинулась и налетела стена Запретного Леса; Драко понёсся между деревьями, машинально зажмуривая глаза и затаивая дыхание, когда из темноты прямо перед носом выныривал очередной огромный, бородастый от мха ствол. Он пытался управлять собственным полётом, но ничего не выходило: словно скользя по натянутой кем-то струне, он мчался вперёд к неведомой цели.

И вдруг всё кончилось: бросок вниз, и пространство вокруг прекратило безумный полёт и вращение. Драко навзничь лежал на земле и широко распахнутыми глазами смотрел на улетающие в звёздное небо макушки деревьев. Почувствовав холодок между лопаток, он понял, что снова обладает телом. Осторожно пошевелил руками, ногами... отличный от знакомых ощущений не было никаких, и всё же его не оставляло чувство, будто он надел на себя новую одежду, хоть и скроенную по старой, знакомой выкройке.

Слизеринец медленно поднялся. Глубоко вздохнул. Осмотрелся, внезапно осознав, что не имеет ни малейшего представления, куда идти. И тут же ответ будто вспыхнул в голове. Малфой пошарил в карманах, вытащил заботливо положенную туда кем-то волшебную палочку и, осторожно ступая по мягкому мху, быстро зашагал, куда вело его чутьё, — пригибаясь под низко свисающими над едва заметной тропкой ветками и ловко уворачиваясь от выныривающих из темноты кус-

тов и деревьев.

Идти пришлось недолго, однако же дорога лёгкой не показалась: обрыв, болотце с блуждающими огоньками, непроходимые заросли чего-то колючего... вдруг откуда-то потянуло сладковатым дымком, послышался едва уловимый даже в ночной осенней тишине плеск невидимого ручья. Драко вышел к упирающейся в высокую скалу поляне, в центре которой дымился уснувший костерок. На мгновение замерев на опушке, он на цыпочках направился к пещере, отодвинул закрывающую вход циновку и вошёл внутрь: в мрачном красноватом свете тлеющих в жаровне углей увидел спящую на ложе из цветов и трав полуобнажённую деву. Хоть письмо отца и подготовило Драко к внешности и повадкам нимф, она оказалась настолько хороша, что он замешкался и, не в силах справиться с любопытством, подошёл поближе. Неожиданно ноздри нимфы дрогнули, она открыла сомкнутые негой зоры и соблазнительно выгнулась, протягивая к нему руки.

— Иди ко мне, — шепнула она, поведя плечами. Золотой кулон тускло блеснул на шее. У Драко разом подогнулись колени. Загипнотизированный нездешним фиолетовым блеском её глаз, он покорно качнулся вперёд и опустился на мягкое ложе — его встретила упругая прохлада её груди, жар губ, головокружительная бесстыжестъ объятий. Горло тут же пересохло. Поцелуи обжигали, как капли ядовитого дождя; её сладкое, пахнущее свежей травой дыхание, смешивалось с его, яростный огонь сжигал внутренности.

— Я... я не могу дышать, — простонал он, торопливо освобождаясь от неуместной сейчас одежды.

— Так не дыши... — она прикусила зубами его нижнюю губу и, откинувшись назад, увлекла за собой.

Глухо стукнула о земляной пол волшебная палочка, в последний раз вспыхнули и погасли в мозгу слова отцовского письма. Древняя сила влекла Драко вперёд, не давала остановиться — впрочем, он и не сопротивлялся. Сплетались пальцы, плавилась тела, сладкая горечь струилась в венах.

Наконец, задыхаясь, он вытянулся рядом с ней. При всей расслабленности и переполнившей тело истоме, от него не укрылась хищная усмешка, скользнувшая по её губам; даже не увидев, а лишь предчувствуя — по напряжению прильнувшего тела — её движение, он рывком схватил валяющуюся рядом волшебную палочку:

— *Petrificus totalus!* — нимфа замерла.

Торопливо одевшись, Драко коснулся палочкой её губ:

— Где Хранительница? Отвечай! — она в ответ только дерзко улыбнулась. — Ты, тварь!.. А ну, говори, где Хранительница! — Драко наклонился к самому её лицу, для убедительности легонько ткнул палочкой в горло. — Я тебя сейчас так располосую... — жарко выдохнул он ей в самое ухо и, не удержавшись, лизнул покрытую мелкими бисеринками пота шею, ухватил зубами цепочку и резко дернул — на шее нимфы появилась тёмная полоска. — Говори, где она!

Она молчала, улыбаясь, и тогда он размахнулся, собираясь наотмашь ударить её по лицу.

— Я смотрю, у нас гость?.. — раздался голос у Драко за спиной. Он резко обернулся и увидел белеющую в темноте фигурку — тонкая талия, высокая грудь, которую прикрывали перевитые травой и водорослями светлые волосы. Слизеринец резко вскочил, развернулся, но... нимфа вскинула лёгкую руку, указала на него пальцем: невидимые пути обвили его тело, разум, и юноша лишился сознания.

— А ты, оказывается, доверчива, подруга. Кто бы мог подумать! — скрестив руки на груди, Лиз покачала головой. — Позволить смертному...

— Вот ещё, — фыркнула Фелли, как ни в чём не бывало поднимаясь на ноги, — просто хотела с ним чуть-чуть поиграть, порадовать в благодарность за доставленное удовольствие. Ну-с, а теперь за дело. Коль скоро я отныне за старшую...

— ...то и делай это сама, — демонстративно спрятала руки за спину Лиэ.

Фелли прошла в тёмный угол пещеры. Громыкнули цепи и сами собой, словно металлические змеи, подползли к распластавшемуся юноше. Щелчок, рывок — и вот он уже взмыл в воздух и глухо стукнулся спиной о каменную стену.

— Где же они, где... — бормотала Фелли, шурша

Глава одиннадцатая, в которой мы выясняем, в какое животное умеет превращаться Люциус Малфой, узнаём о некой Страшной Тайне и проигрываем матч вместе с Гриффиндором.

Гермиона пришла в себя от боли — нудной боли в груди, от которой не хотелось дышать. Её окружала крошечная тьма. Через миг она осознала, что просто лежит с закрытыми глазами, и попробовала их открыть. К её удивлению, это вышло с большим трудом: веки были сделаны даже не из свинца, а из чего-то более тяжёлого. Наконец, после нескольких попыток ей таки это удалось, хотя тут же навалилась невероятная усталость, будто бы она не глаза открыла, а побегала наперегонки со стадом взбесившихся гиппогрифов во круг Запретного леса.

Перед глазами оказался потолок. Сумрачный потолок. Знакомый сумрачный потолок. Гермиона попыталась повернуть голову и тут же сморщилась от всплеска боли. Чуть слышный собственный вздох вернул ощущение реальности. Она увидела белоснежную занавеску сбоку, почувствовала приятную крахмальную упругость простыней, мягкость укрывающего её пледа... Рядом кто-то тихонько всхрипнул, Гермиона покосилась и...

Привалившись к тумбочке и уронив голову на скрещённые руки — одна из которых держала надкусанный пирожок — рядом спал Гарри. Похоже, он прибежал сюда прямо с тренировки: знакомый полосатый квиддичный свитер, переброшенная через спинку стула ярко-красная мантия... Он сладко сопел, уткнувшись носом в сгиб локтя; Гермиона не видела лица — только встрёпанный затылок, ухо и чуть повлажневшую шею: в лазарете было удивительно тепло, наверное, даже жарко. Или, возможно, всё дело в её собственной лихорадке?

Прошло какое-то время, пока она поняла, что хочет позвать его, и даже шевельнула губами — тоже непослушными, будто каменными, но не сумела издать ни звука: тело не хотело повиноваться, как будто стало чужим. Почему-то от этого ощущения её охватила дикая паника.

Почему я здесь? Что со мной? Меня парализовало?

Словно в ответ на её безмолвный вопрос Гарри вдруг шевельнулся, поднял голову и сонно заморгал, встретившись с ней глазами. В тот же миг стул, на котором он только что сидел, полетел в одну сторону, пирожок — в другую, и, запутавшись в валяющейся на полу мантии, юноша плюхнулся на колени у кровати, накрыв её руку своей.

— Гермиона... Гермиона... ты... ты слышишь меня?

Не в состоянии ответить, она лишь медленно открыла и открыла глаза.

— Гермиона!.. — улыбаясь, всхлипнул он, потянувшись, чтобы обнять, и тут же качнулся назад, вспомнив о её состоянии. — Как я счастлив... С возвращением...

Она с трудом сглотнула комок в горле и, преодолевая боль, прошептала:

— Я?... Что со...?

— Ты же... — начал он и вдруг потрясённо осёкся. — Как?! Ты... разве ты ничего не помнишь?!

Она молчала, не сводя с него глаз: как он изменился, осунулся, повзрослел за лето — просто невероятно, всего за каких-то пару месяцев... Это был и её, и не её Гарри в одно и то же время...

— Гарри...

— Гермиона... — он ткнулся в её руку лицом — она почувствовала дыхание, прикосновение губ. — Госпо-

травой и побрякивая во тьме чем-то металлическим. — Ага, нашла, — она развернулась и победно вскинула в воздух руку с каким-то странным инструментом — то ли ножом, то ли ложкой. — Вот!

...Драко бы сильно удивился, если бы узнал, что, следя за приготовлениями к ослеплению собственного сына, Люциус Малфой улыбался.

ди, Гермиона...

— Что тут за грохот, мистер Поттер? — занавеска отъехала в сторону, и у кровати появилась мадам Помфри. Едва сцена предстала перед ней во всей своей трогательности, как строгое выражение тут же исчезло с её лица. — Деточка, ну наконец-то! Как ты себя чувствуешь?

— Не очень... Грудь бо...лит... — морщась, едва слышно призналась Гермиона. — И... голова кружится.

— Не мудрено, не мудрено, — кивнула фельдшерница, призывая взмахом палочки какие-то инструменты и бинты, — почти неделю без сознания... такая кровопотеря...

— Неделю? — в ужасе распахнула глаза девушка. — Значит, учебный год... уже начался, а я... тут... — Гарри и мадам Помфри обменялись понимающими взглядами, но ничего не сказали. — Вы что-то... от меня скрываете? — с подозрением спросила она. — Гарри?..

— Пойдите-ка, принесите мне воды, мистер Поттер, — скомандовала фельдшерница, избавляя Гарри от необходимости ответа. — Мне нужно осмотреть мисс Грейнджер и перевязать.

Испытывая облегчение — ему не придётся сейчас объяснять Гермионе то, что он и сам плохо понимал, и — в то же время — досаду за столь бесцеремонную отсылку, Гарри послушно кивнул. За спиной клацнули металлические кольца занавески.

— Так-так... мисс Грейнджер... Давайте-ка посмотрим, что у нас тут...

Послышался шорох ткани, какая-то возня, потом раздался наполненный такой болью стон Гермионы, что Гарри, не удержавшись, кинулся назад и отдёргнул полог.

Одеяло было откинута, бинты убраны, Гермиона отчаянно морщилась, а мадам Помфри осматривала рану на её груди, сосредоточенно качая головой. Увидев Гарри, она повернулась к нему с самым возмущённым видом:

— Мистер Поттер!..

— Дайте... дайте ей обезболивающее! — рявкнул Гарри, в отчаянии переводя взгляд с белого лица, покрытого бисеринками пота, на тёмную полосу запёкшейся крови под левой грудью. — Вы что — не видите? Ей же больно!

— Мистер Поттер! — в голосе фельдшерницы появились угрожающие нотки. — Я — вижу. И вы — тоже, причём нечто для ваших глаз не предназначенное! Немедленно задвиньте занавеску! — Гарри подчинился. — Я имела в виду — с ТОЙ стороны!

Встретившись взглядом с Гермионой — та чуть покраснела и непослушными пальцами шарилась в районе пояса в поисках одеяла, чтобы прикрыться, — Гарри упрямо нахмурился, но всё же попятился.

— Всё... в порядке, — шепнула она. — Спасибо...

— Я просила кувшин тёплой воды, — напомнила мадам Помфри. — И поторопитесь.

Гарри рысью проскакал к столу, потом кинулся к крану, потом тупо смотрел на ледяную воду, пока не сообразил, что может нагреть её при помощи простейшего заклинания. Из-за занавески высунулась рука, приняла кувшин и снова исчезла. Юноша топтался снаружи, прислушиваясь к плеску, вздохам, негромко-

му «подвинь руку... согни колено... хорошо... ну, вот и всё...» и умирал от волнения. Один раз он и вовсе чуть не впрыгнул внутрь, услышав голос Гермионы, — слабый, едва слышимый — кажется, она снова что-то спрашивала о случившемся, но строгая фельдшерница велела не перенапрягаться и сказала, что ответы на все вопросы придут в своё время. Наконец, когда он уже совершенно извёлся, кольца лязгнули и занавеска отъехала в сторону — появилась мадам Помфри с кувшином и мокрым полотенцем в руках. Гарри тут же рванулся к кровати — и каково же оказалось его разочарование, когда он увидел, что Гермиона крепко спит.

— Мистер Поттер... — тесня гриффиндорца, мадам Помфри всунула ему в руки кувшин, — мисс Грейнджер нужно отдохнуть. Теперь с ней всё в порядке — обещаю, через неделю она уже будет на ногах, рядом с вами...

— Но... — не сводя глаз с девушки, Гарри привстал на цыпочки.

— Вы лучше продумайте, как рассказать ей о случившемся, — аккуратно выщипанные брови фельдшерницы сдвинулись, и она покачала головой. — Видимо, результатом ранения и шока — в том числе и психологического — стала амнезия. Конечно, существует некоторая вероятность самопроизвольного возвращения памяти, вот только нужно ли это? Если мисс Грейнджер пережила такой стресс — даже пыталась совершить самоубийство, я не уверена, что восстановление памяти положительно скажется на её душевном здоровье.

— Но... тогда мы узнаем, кто виноват в произошедшем!

— Какой ценой, мистер Поттер, какой ценой! Заставить её всё вспомнить, всё снова пережить — новое потрясение, новый стресс, от которого она может уже не оправиться... — кольца снова звякнули, занавеска задвинулась, скрыв бледное лицо в ореоле пышных каштановых волос. — Ступайте. Я погрузила её в сон — теперь до утра она точно не проснётся. Приходите завтра... Только не надо прибегать, ни свет, ни заря! — предупреждая добавила мадам Помфри, памятуя, как Гарри пару дней назад явился в лазарет в пять утра, убеждённый, что на самом деле уже гораздо позже, просто во всём Хогвартсе разом испортились часы. — Приходите после завтрака. И передайте, что через пару дней мисс Грейнджер уже можно навесить — думаю, это её взбодрит. Вот ваша мантия. Ступайте, вам говорят!

Провожаемый пристальным взглядом, Гарри дошёл до дверей. Повернулся, убедившись, что мадам Помфри всё так же стоит в проходе между рядами кроватей, вышел в коридор. Но, вместо того, чтобы вернуться в гриффиндорскую башню, присел у стенки, рядом с прислонённой к ней метлой.

* * *

— А он неплохо сложен, — заметила Лиз, лениво качая ногой. Она раскинулась на ложе из цветов и трав — аккуратно там, где не так давно почивала Фелли. И не только Фелли. И не только почивала.

Закинув руки за голову, Лиз завозилась и покосилась на подругу. Та молчала, делая вид, будто не слышит насмешки в голосе, и продолжала шуршать в темноте.

— Не находишь? — не унималась она, видя, что Фелли не собирается поддерживать разговор.

— Я это уже оценила, — она даже не повернулась ни к собеседнице, ни к предмету обсуждения: всё ещё без сознания, Драко Малfoy, безвольно свесив голову на грудь, висел, прикованный к стене. — В общем, я так решила: пора тебе тоже чему-нибудь научиться, а потому сегодня ты всё впервые сделаешь сама, — торжественно развернулась Фелли к подруге и протянула ей инструменты.

— Вот ещё! Ты теперь за старшую, значит, это твоя обязанность! К тому же, тебе ведь как-то уже приходи-

лось это исполнять, верно?

Фелли передёрнулась: именно из-за той истории, когда у неё от криков и жуткого вида ослепляемого человека сдали нервы, ей и пришлось покинуть Тайное Урочище на северо-западе от этих мест и искать себе новое пристанище. Она долго скиталась вдоль лесных рек, пока не вышла сюда — к весёлому ручейку, у которого жили две подруги, согласившиеся приютить её... Покорно вздохнув, Фелли медленно подошла к жаровне и положила инструменты на решётку, под которой тревожно пламенели угли, и время от времени, просыпаясь, вскидывалось синеватое пламя. Наблюдая за ней, Лиз сейчас испытывала нечто вроде торжества: вот, пусть хоть отдалённо почувствует, что пришлось испытать ей, обнаружив, что её Эллио — её верный пёс — на самом деле... — в груди кольнуло, и она прерывисто вздохнула, почувствовав прилив печали и боли — чувств, обычно нимфам неведомых.

Где ты, Сириус?.. Почему ты оставил меня? Куда ты... — Лиз мысленно потянулась к нему, окликнула... А чтобы стоящая над головой Фелли не увидела выражения её лица, она перевернулась на живот, выразив тем самым своё отношение к происходящему.

— Знаешь, я тоже что-то не могу, — прошептала Фелли, глядя несчастными глазами подруге куда-то в район поясицы. — Я... сама не знаю...

— Но и отпустить его мы теперь не можем...

— Не можем...

— Или можем?.. Вот Гарри... Ведь он знал, где мы живём и не...

— Гарри? Гарри честный, а ты видела рожу этого? Да он у кентавра коня украдёт! Совесть. Ха. Свят-свят, нечистая! — Фелли присела рядом с подругой и обхватила колени руками.

Теперь, когда Миа оставила их навсегда, они чувствовали себя несчастными и осиротевшими, хотя изо всех сил делали вид, будто ничего такого и не произошло: ведь Миа с самого начала предупреждала об этом...

«Наступит день, и я уйду, чтобы никогда не прийти обратно, чтобы, выполнив своё предназначение, вернуться туда, откуда все мы вышли, — в лес, в траву, в цветы и деревья... И каждому когда-то суждено последовать за мной — выполнив свою миссию, мы потом все встретимся Там...»

Они кивали, едва ли веря в её слова, однако же — день этот пришёл. И пришёл куда быстрее, чем они ожидали...

— Значит, деваться некуда?.. А может, тогда мы его лучше сразу... того?.. — Лиз резко чиркнула пальцем по своему горлу. — Раз и...

— Ну, нет! Я не согласна — в кои-то веки сюда забрёл мужчина, и мы должны пустить его в расход?

— Не могу согласиться: по сравнению с тем, что было совсем недавно, мужчины сюда что-то зачастили...

— Тем более... Ох, нечего делать... — Фелли обречённо поднялась. — Ну, нагрелось, что ли...

Драко слабо пошевелился и открыл глаза. И первое, что он увидел и почувствовал, — жар, исходящий от какой-то докрасна раскалённой штуки непосредственно под носом. И штука эта нацелилась ему прямо в лицо.

— Чёрт... — рука Фелли дрогнула. — Как тогда... и этот тоже очнулся...

— Что ты делаешь?! — воспользовавшись паузой, истошно заорал Драко, тщетно пытаясь высвободиться. — Ах ты, тварь!

Фелли скорбно смотрела на него, но никаких действий не предпринимала — лишь умоляюще покосилась на подругу, но та настороженно к чему-то прислушивалась и приноживалась:

— Не может быть... — брови Лиз дрогнули, она повернулась ко входу и вопросительно уставилась на цинковку. — Сириус... или... кто там? — рука начала подниматься, и замерший снаружи серебристый лис припал к земле, готовясь к прыжку.

...Думаю, многоуважаемые дамы, на этом мы оста-
новимся...

Бросок, укус, ещё один бросок — на этот раз под но-
ги, сшибая на землю, превращение, взмах палочкой...

Драко, вытаращив глаза, смотрел на отца:

— Н-не может... не может...

— Дражайший сын мой, — спокойно, будто ведя
беседу в собственном кабинете, Люциус поправил во-
лосы и манжеты. Ещё одно движение палочкой, и уже
бесчувственных, нимф с ног до головы опутали тугие
верёвки, взявшиеся непосредственно из воздуха. —
Конечно, мне лестно думать, что ты представил для
этих существ определённый интерес, однако же, согла-
сись, цель твоего визита была несколько иной.

Малфой-старший сложил руки на груди и вопро-
сительно посмотрел на Малфоя-младшего. Судя по виду,
Драко освободить он не собирался.

— Отец... — юноша покраснел и опустил глаза.

— Признаться, я подумывал, не позволить ли этим
тварям в наказание ослепить тебя...

— Отец!..

— Конечно, вернувшись в своё истинное тело, ты
снова обрёл бы зрение, однако сам процесс отнюдь
не потерял бы от этого неприятных ощущений...

Люциус двумя пальцами осторожно поднял всё ещё
дышащую жаром железяку, при помощи которой Драко
едва не лишился глаз и поднёс к лицу сына. Тот за-
жмурился, не совсем уверенный в намерениях отца, —
с него *станется*...

— Отец...

— И, тем не менее, нам нужно сделать то, зачем
мы сюда пришли, и немедленно возвращаться — скоро
рассвет, — Люциус развернулся и направился
к выходу, замерев в проёме. — Ну, что ты там копа-
ешься?

— Я... отец... — Драко подёргался и для убедитель-
ности побрыкал цепями.

— А, ты об этом, — не глядя взмахнув палочкой,
Люциус освободил сына. — Так ты узнал, где хранится
заклинание?

— Нет, я не успел, — разминая затёкшие запястья,
признался тот. От стыда он не смел смотреть отцу
в лицо и весь подобрался в ожидании наказания. —
Я только начал, и тут...

— Ясно. Пожалуй, я поторопился с появлением...
Всё придётся делать мне... Ну, что ж... *Enervate!* — Лиэ
открыла глаза и непонимающе уставилась на склонив-
шегося к ней незнакомого человека.

*Белые волосы... но это... это не он... Запах...
Враг!..* — однако, как она ни пыталась, путы не разор-
вались. — *Он знает?.. Чем он связал меня?*

— Даже не пытайся. А теперь ты мне скажешь, кто
из вас Хранительница, и где находится ваше святилище.

Нимфа молчала, поджав губы.

— Что ж, — пожал плечами Люциус, — ты сама это
выбрала. Я дважды не прошу. *Crucio!*

Лиэ, как, собственно, и все нимфы, была куда
сильнее обычного человека, однако же, и у её возмож-
ностей имелся предел. Во время очередной паузы, ко-
торую дал ей Малфой, дабы убедиться в её готовности
к сотрудничеству, в кровь искуанные губы слабо ше-
вельнулись, выдохнув:

— По ручью и потом... от поваленной сосны в лес...
Вдоль оврага — до скалы... Там... в пещере... — голос
оборвался, голова запрокинулась. Глаза закрылись.

— Вот и славно, — кивнул Малфой-старший, под-
нимаясь на ноги. — Пойдём же, Драко.

Юноша откликнулся не сразу: он сидел на корточ-
ках, привалившись к стене и зажмурившись; в ушах
ещё звенел протяжный полувоющий-полувижг нимфы —
жуткий своим сочетанием человеческого сознания и
яростного звериного отчаяния. Чуть пошатываясь
от увиденного, он последовал за отцом и, выйдя из пе-
щеры, едва не ткнулся ему лицом между лопаток.

— Кстати, вернись и убей вторую, — не поворачи-
ваясь, командовал Малфой. — Я пока пойду умоюсь —
эта тварь меня всего кровью заплевала...

Драко развернулся, будто робот, и снова шагнул
в пещеру. Стараясь не смотреть на напоминающую
сейчас скомканный лист бумаги Лиэ, которая лежала
в намокшей от крови траве, он подошёл к бесчувствен-
ной Фелли. Поднял палочку и зажмурился.

— *Avada...*

Голос сорвался, Драко кашлянул в кулак, поймав
себя на мысли, что делает это предельно деликатно,
будто боясь потревожить её сон.

Глупость какая, всё равно я её сейчас...

Он осторожно приоткрыл один глаз, и тут же осоз-
нал, что сделал это зря: опять увидеть эту нежную ко-
жу, это восхитительное, совершенное тело, вспомнить
только что случившееся...

Он отшатнулся.

*Я не могу... Но эта дрянь хотела выжечь мне гла-
за!* — он снова поднял палочку и в отчаянии топнул
ногой. — *Нет! Всё равно не могу! Неужели я такой сла-
бак! Надо всего лишь сказать заклинание и сконцен-
трироваться на желании убить. Убить. Я хочу её убить!
Я хочу её убить?..* — он снова посмотрел на нимфу. —
*Чёрт! Если бы она не была без сознания... Хотя ведь
мы сейчас уйдём отсюда и больше не вернёмся — отец
не узнает... А она... всё равно она не выживет — эти ве-
рёвки даже взбесившейся мантигоре не порвать...
Пусть лучше она сама...*

С этой успокоительной мыслью он решительно су-
нул палочку в карман и вышел. В лицо сразу ударил
ночной холод, голова прояснилась, и только теперь
Драко почувствовал, что от запаха крови и трав его
тошнит. Какое-то мгновение он колебался, потом, по-
няв, что справиться с этим не удастся, оперся о камень
и наклонился — его вырвало горькой желчью.

— Ничего страшного, сын, в первый раз всегда так
бывает, — кивнул подошедший отец. — Ну, пора.

Они шли в молчании, Люциус следил за приметам
сначала тревожно, но едва земляные стены оврага
сменились камнем, он довольно заулыбался, поняв, что
нимфа не обманула (впрочем, хотел бы он увидеть то-
го, кто смог бы врать под Пыточным проклятием его
собственного изобретения...)

Вход в пещеру уже наполовину засыпал обвал. Ос-
торожно, боясь тронуть рукой лишний камень и ока-
заться навеки замурованным в скале, Драко перелез
через завал, очутившись в тёмном и, судя по ощуце-
ниям, довольно просторном и чрезвычайно холодном
помещении. Он засветил палочку, шепнув заклинание:
какой-то полуразвалившийся гроб, оплетённый плю-
щом...

Да нет же, не оплетённый! ОПЛЕТАЕМЫЙ!!! — ах-
нул Драко. Действительно, тонкие веточки на глазах
поднимались вверх, цепляясь за трещины в камне,
раздирая и кроша его, уничтожая... — *Точно! Буквы!
Ах вы...*

— *Лех!* — искромсанные, плети разлетелись в раз-
ные стороны, но на их место приползли новые — вдвое
больше. — Вот чёрт... ну же... ну...

Время от времени взмахивая палочкой — он мог
либо светить себе, либо очищать от растений поверх-
ность, Драко шевелил губами, разбирая руны; будто
почувствовал это, плющ тут же переполз именно на эту
стену, и каменная труха с шорохом посыпалась вниз.

Другая стенка — фраза на латыни, такой знакомой,
но и сюда добралось проклятое растение...

— «пр...дис... от сна»... «Пробудись от сна»? Угу... —
Драко убедился, что, в любом случае, большего узнать
ему не удастся, поднял палочку повыше, обследуя сте-
ны, но пещеру, похоже, вытесали прямо в скале — гру-
бый камень без всякого намёка на какие-то знаки, и
развернулся к выходу, собираясь вернуться к ожидаю-
щему снаружи отцу.

Не тут-то было: он даже не сразу понял, где рань-
ше находился проём: вся стена позади зеленела.

— Ах, ты... *Incendio!* — тьму разорвала яркая
вспышка, плющ почернел и обуглился, рассыпался пеп-
лом, а оттуда, не коснулось волшебное пламя,
донёсся звук, напоминающий негромкое яростное вор-

чание. — То-то...

Однако едва Драко шагнул на завал, как сзади его обхватили тугие ползучие ветви. Руки, ноги, горло... Он захрипел, но успел чиркнуть палочкой, и удавка сразу ослабла.

— *Incendio!* — снова темноту разорвала огненная вспышка, пути резко ослабли, Драко отступился, споткнулся, уцепился за скалу — камни вокруг него немедленно пришли в движение. Он едва успел отскочить — кусок скалы над его головой рухнул, окончательно завалив вход в пещеру. Несколько особо шустрых плетей плюща, рванувшихся следом за юношей, затрепыхались под камнями, но быстро затихли.

— Ну? — спокойно поинтересовался Люциус. — Получилось?

Скрестив руки на груди, он привалился к скале у входа и о чём-то сосредоточенно размышлял, не обращая внимания на вспышки и заклинания, доносящиеся из пещеры.

— Да. «Пробудись от сна», — взглянув отцу прямо в глаза, кивнул Драко и оторопело замер, поразившись внезапной перемене в лице Малfoя-старшего:

— «Пробудись от сна», вот как? Отлично, отлично... Теперь многое понятно, — тот, просияв, радостно хлопнул в ладоши. — Что ж, на этом месте мы с тобой простимся. Лорду я доложу сам. Молодец, мальчик. Ты справился...

Драко не успел ничего сказать — отец взмахнул палочкой, выполняя какое-то сложное движение, его накрыло знакомое ощущение бестелесной свободы... и вот уже сереброголовая фигурка затерялась между деревьев где-то далеко позади, а сам он нёсся обратно — стволы, кусты, звёзды, светящиеся на востоке небо, налетевший и охвативший его со всех сторон замок... И почти сразу — удар и резкая боль от ожога: не успев сгруппироваться, он покачнулся и задел щекой одну из свечей на алтаре.

Комната? Моя комната?.. — слизеринец недоверчиво обвёл глазами пространство, будто подозревая какой-то обман: слишком быстр и резок оказался переход из животного кошмара Запретного Леса к мирной ночной тишине школы.

Он посмотрел на часы.

...Только-то?

Ему показалось, прошла целая вечность.

...Забавно, — Люциус Малfoy ещё раз пнул ногой что-то в траве. — *Значит, именно она и была Хранительницей... и ухитрилась защищать это место даже после смерти? Забавно...* — он задумчиво окинул взглядом поляну, уже полностью заросшую плющом скалу, возвёл глаза к небу... — *Ну что ж, а теперь мне тоже пора.*

Через мгновение белоснежный лис шмыгнул в кусты — и был таков.

* * *

Гарри разбудило какое-то странное квохтанье. Он пошевелился и тут же застонал: от сна в неудобной позе (а он так и задремал — на корточках, привалившись к стене) тело затекло настолько, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой — просто не мог понять, где у него руки, где ноги и — главное — как обычно это делается. В конце концов, он просто плюхнулся на пятую точку и с хрустом разогнул колени. Лишь после этого к нему вернулась способность воспринимать мир, а неразборчивое квохтанье вдруг обрело форму человеческой речи:

— Гарри Поттер... Что с великим Гарри Поттером?! Ах, какая беда — Гарри Поттеру плохо, Гарри Поттер умирает! Но верный Добби не оставит своего друга, верный Добби немедленно...

— ...немедленно накликает беду, — проскрипел Гарри, убедившись, что за время сна голос тоже изрядно затёк. — И сюда сбежит вся Хогвартс. То-то Пивзу и Филчу радости будет...

— О, так великий Гарри Поттер жив! — просиял

Добби, и его ликующий вопль с готовностью подхватили стены соседнего коридора. Реакция ловца сработала раньше, чем Гарри успел что-либо осознать: спустя мгновение он уже крепко держал домовика за горло, а тот хрипел и постепенно менял свой жизнерадостный зёлтый цвет на нежный оттенок бледной поганки. — Д...добби... уже молчит... — прошипел он и тут же, едва гриффиндорец ослабил захват, продолжил: — А что в такой неурочный час здесь делает Гарри Поттер? Неужели... — глаза домовика увлажнились сентиментальными слезами, — он пришёл навестить свою подругу?

— Угу. Только Гермиона пришла в себя, как мадам Помфри меня сразу выставила, — наябедничал Гарри, с трудом, по стеночке поднимаясь на ноги. Казалось, он явственно слышит хруст и скрип затёкших суставов. Разогнувшись, он подхватил Всполох и — на всякий случай — ещё раз тронул дверь в лазарет: *так и думал, заперта.* Волшебная палочка тоже оказалась бесполезной. — Ладно, я пошёл...

— Добби может помочь Гарри Поттеру увидаться с возлюбленной, — каким-то подозрительно смиренным голосом заметил Добби у него за спиной.

Юноша развернулся настолько резко, что метла с грохотом врезалась в стену, доспехи за углом окончательно проснулись и недовольно заворчали. Гарри присел от неожиданности, прижал метлу к груди, но увы — послышалось сонное бормотание и говорки портретов и, словно этого было мало: опустив глаза, гриффиндорец заметил под ногами невесть откуда взявшуюся Миссис Норрис. Окинув шляющегося в неурочный час по школе студента своими фонарями-глазницами, она резвенько направилась куда-то (куда — к Трелани не ходи — собралась за своим хозяином). Гарри, изловчившись, успел ухватить её за хребтину, убедившись, что с годами кощёнка Филча становится только хуже и облезлей — ему показалось, будто он схватил сушёную рыбину. Однако животина возмущённо взмякнула и, тяпнув его за палец, вырвалась и помчалась по коридору.

...Чёрт... вот Филча-то мне здесь и не хватало, — Гарри не нужно было смотреть на часы — вокруг стояла такая гробовая тишина, что сразу становилось ясно: время отбоя давно миновало.

— Добби!

Домовик задумчиво изучал собственные руки.

— Ну же, открой дверь! Сейчас сюда Филч прибежит!..

— ...если Гарри Поттер готов выполнить своё обещание и... — Добби сделал торжественную паузу и, набрав в грудь побольше воздуха, выпалил, — стать крёстным отцом новорожденной дочери Добби и Терри!

Пригласи он сейчас Гарри кормить драконов или принимать роды у мантикоры — тот бы, возможно, ещё подумал, но крестины у домовика — *ха! Счастье!* — Гарри с риском получить сотрясение мозга закивал головой, и уже через миг они с Добби стояли по ту сторону лазаретной стены, причём как они за неё попали, гриффиндорец так и не понял: не исключено, Добби каким-то образом провёл его прямо сквозь камень.

В лазарете было довольно темно, однако белые кровати (напоминавшие сейчас заснеженные могилы) служили прекрасным ориентиром, и вот уже юноша осторожно отогнул край занавески и скользнул за ширму, где лежала Гермиона.

В темноте её лица видно не было, он наклонился пониже — и встретился с полным ужаса взглядом.

— Тс-с... это я! — замахал он руками, вытащил палочку и на мгновение зажгёт её, направив лучик света на своё лицо. — Это я, Гермиона...

— Гарри... — выдохнула она с облегчением.

— Да ты спи, спи, — сказал он первое, что пришло на ум, — я просто рядом посижу... — он взял её руку в свои и, присев на корточки, прижался к ней щекой.

Какое-то время они молчали. Он впитывал тепло её руки, она — мучительно пыталась осознать, почему это ощущение близости кажется ей таким позабытым...

словно бы они не виделись не несколько дней, а тысячу лет?..

— Гарри... — раздался в ночи её бесцветный и бесплотный шёпот, — Гарри... — Гермиона прерывисто вздохнула, — скажи мне, Гарри...

— Ты молчи, молчи, тебе нельзя говорить...

— Скажи мне, Гарри... какое сегодня число?..

Гарри похолодел и машинально сжал её руку — она шёпотом вскрикнула, и он виновато прикоснулся губами к дрожащим пальцам.

— Почему ты молчишь, Гарри... Скажи мне...

— Гермиона, мадам Помфри запретила тебе разговаривать... Ты поправишься, и мы всё уладим, — малодушно заюлил он, с трудом представляя, что и как сумеет сейчас объяснить — в её-то состоянии!

Неожиданно дверь в лазарет дёрнулась, и Гарри моментально плюхнулся на пол, словно под обстрелом.

— Моя милая... где, вот тут? — раздался из-за дверей хриплый дребезжащий голос Филча. — Так-так... — дверь снова задёргалась. — Нет, моя малышка, тут всё заперто... Пойдём-ка, посмотрим, куда он подевался... Вряд ли успел далеко уйти... Нюхай-нюхай-нюхай...

Где-то вдалеке гулко громыкнули доспехи, и всё затихло.

Гарри снова поднял голову, встретившись с тёмным и взволнованным взглядом Гермионы — девушка по-прежнему ждала ответа. В груди что-то обречённо оборвалось.

— Скажи мне... сейчас ведь сентябрь, да? — он увидел на губах тень улыбки: похоже, она ждала утвердительного ответа, приправленного чем-то вроде «что ты несёшь, дурочка, сегодня только второе сентября...» — Да, Гарри?... Почему ты... молчишь?..

— Гермиона, тебе нельзя говорить, — как попугай, повторил он, мрачно глядя ей в глаза, и она всё поняла.

— Нет?... Значит, я снова... — её шёпот задрожал, пальцы судорожно сжали его руку — Гермиона безмолвно заплакала. — Скажи мне, сколько я тут?..

— Гермиона, — он тут же метнулся к изголовью её кровати и робко коснулся губами мокрого виска. Сердце зашлось от боли и счастья — этот коктейль оказался настолько мучительным, что горло немедленно свело. — Т-ты... вот... съешь шоколада... — выпалил он первое, что пришло в голову, и поднёс к её губам предусмотрительно оставленное мадам Помфри лекарство.

— Скажи, сколько меня не было? — спросила она, уклонившись от его руки.

— Почти полтора месяца, — наконец решился он. — С первого сентября и... Ты что-нибудь помнишь — как... почему, что случилось?..

— Нет... Только вокзал... родителей... и... всё... — в отчаянии наморщила лоб Гермиона. — Я всё пытаюсь вспомнить но... как ни стараюсь, ничего не выходит!..

«Если мисс Грейнджер пережила такой стресс — даже пыталась совершить самоубийство, я не уверена, что восстановление памяти положительно скажется на её душевном здоровье».

— Ну и... и ладно, — ободряюще улыбнулся Гарри. — Самое главное — ты здесь, со мной...

— А ты — здесь... наверное, ты так устал бегать в лазарет все эти полтора месяца...

И тут Гарри похолодел вторично: конечно... Когда она вернётся в школу, когда узнает про своего двойника... про ссоры и ругань, про того же Бута...

Её нужно подготовить, но как?

— Ваше время истекло... Кончайте разговор, — проскрипел за ширмой Добби.

— Гермиона... мне пора... Я завтра приду, хорошо? — она кивнула и, наклонившись, он чуть коснулся её губ — это даже нельзя было назвать поцелуем, настолько целомудренно-мимолётно всё произошло. — Вернее, уже сегодня...

— Не хотелось бы прерывать, но сюда идёт мадам Помфри, — сообщил Добби, всунув за занавеску длинный нос. — И она будет тут с минуты на минуту, — он с умилением уставился на коленопреклонённого у постели Гермионы Гарри.

— Сейчас... — Гарри снова потянулся к Гермионе, — эй, выйди отсюда, Добби!

— Конечно-конечно! — кивнул тот, и не думая подчиняться.

Клюнув её куда-то в щёку, Гарри смущённо поднялся и, выскользнув из-за ширмы, следом за домовиком побежал к выходу (испытывая непреодолимое желание поддать ему под зад за начальное подглядывание), снова рывок (*Ага, значит всё-таки сквозь стену!*) — и они очутились в коридоре.

— Спасибо, Добби, ты настоящий друг! Ну, я пошёл!

— Куда?! — цепкая зелёная рука ухватила Гарри за штанину так резко, что тот едва не упал. — А теперь о главном: крестины состоятся на Хеллоуин... вот, тут всё написано — форма одежды, время, место... — домовик деловито сунул ему в руку клочок бумаги, — надеюсь, мисс Грейнджер поправится и тоже почтит торжество своим присутствием.

— Надеюсь, — с сомнением согласился Гарри. — А почему всё так серьёзно?.. Что за форма одежды? Разве это не тихое семейное торжество?

— О, нет... — уши домовика встrepенулись — как всегда, когда его переполняло ликование, — по стечению обстоятельств праздник Добби и Терри совпадает с Великим Днём для всего нашего народа: Днём Передачи.

— Днём Передачи? — недоумевающе повторил Гарри. Почему-то перед глазами сразу возник телевизор и лучезарно улыбающийся диктор: «Начинаем передачу...» — Что за передача? И при чём тут мы?

— Старейшина стал совсем слаб, в этот день он выберет себе преемника... Ну, вы тут ни причём, — кивнул Добби, — вас-то Великая Страшная Тайна не касается... — он хлопнул себя ладонью по губам с таким звуком, что Гарри вздрогнул и поморщился. — Плохой Добби... Добби сегодня отрежет этот гадкий язык... провыл домовик, лупцую себя кулаками по голове. — Плохой, плохой!

Судя по энтузиазму, эзеквудия грозила затянуться.

Великая Страшная Тайна. Так-так...

— Ну, я пошёл? Мне ещё надо как-то ухитриться незамеченным добраться до гриффиндорской башни.

— Это проще простого, — пожал плечами эльф, на мгновение отрываясь от своего увлекательного занятия. — Сейчас Гарри Поттер выйдет из больничного крыла, поднимется на второй этаж, а там — по Западному коридору, через Исчезающий переход — раз-раз и на месте. В этот час дорога свободна, патрулей нет... — он замер, будто прислушиваясь к чему-то глубоко внутри себя, Гарри даже показалось, будто Добби наконец-то накрыло сотрясение мозга, но тот вдруг улыбнулся и решительно кивнул, — да-да, точно, патрулей нет. Торопитесь, Гарри Поттер!

— Спасибо! — и, на ходу размышляя над тем, как, не шокируя Гермиону, поведать ей, какую жизнь эти полтора месяца вёл её двойник, Гарри побежал в гриффиндорское общежитие. Вслед ему неслись звуки ударов и сдавленные завывания.

* * *

Следующие дни Гарри жил, разрываясь между уроками, лазаретом и квиддичным полем, — в результате в конце недели (а значит, непосредственно перед матчем с Равенкло) он чувствовал такую усталость, что всерьёз начал сомневаться, сможет ли достойно проявить себя в игре. С учёбой дело шло ни шатко, ни валко — каким-то чудом ухитрившись написать контрольную по Зельям на столь редкое для Снейпа «Приемливо», следующий день он начал с конфуза на уроке Защиты от Тёмных Сил.

Флёр продолжала в качестве обучающего элемента использовать фехтование и в этот день осваивала с ними технику контрударов: «Секрет фехтования состоит в чувстве шпаги, — вещала она, постукивая волшебной палочкой по ладони и равнодушно игнорируя непре-

кращающиеся второй месяц охи, вздохи, тихие подвывания, а также многочисленные записочки и прочие вещественные знаки внимания со стороны студентов обоих полов, — то есть в умении предугадывать движения противника, умении обмануть его и своевременно нанести ответный удар. На обман противника отвечают немедленно, чтобы не дать ему возможности нанести настоящий удар. Отбивать надо, подаваясь вперёд, чтобы контрудар был верен», — она пригласила для демонстрации Гарри и Лавендер, в результате чего юноша оказался повержен, как последний сопяк: не успел он и глазом моргнуть — шпага однокурсницы трижды коснулась его груди и один раз — лба. Слово это показалось кому-то мало, на следующем уроке он схлопотал «Невразумительно» за эссе по Трансфигурации (да Гарри и не спорил — он сам прекрасно знал, что схалтурил, а потому принял заслуженное с покорной опущенной головой) и получил в качестве дополнительного задания иллюстрированный доклад по истории искусства превращения XVII-XIX веков. Слово «иллюстрированный» изрядно его смутило: рисовал Гарри плохо, вернее, просто ужасно — а потому и решил привлечь в качестве помощника кого-нибудь из одноклассников. Но Симус Финниган хорошо изображал только технику, а Дин Томас в последнее время чересчур увлёкся обнажённой натурой. В результате последнего спальня шестикурсников всё больше и больше напоминала некое совершенно не относящееся к школе заведение: Рон уже которое утро жаловался, что плохо спит и сны ему снятся совсем не те (то есть как раз те самые), а бедный Невилл и вовсе пробирался к своей кровати с зажмуренными глазами, дабы не видеть соблазнительно улыбающуюся в разных позах и ракурсах Парвати⁴². В качестве второй натурщицы Дину удалось уговорить Лавендер; правда, в тот же день Парвати, застав их мирно пьющими чай с пирожными, причем, что самое ужасное — СОВЕРШЕННО ОДЕТЫМИ! — закатила приятелю скандал. И теперь Дину приходилось постоянно быть начеку и, слышав приближающиеся знакомые шаги, тут же орать тревожным шёпотом: «Парвати идёт! Быстро раздевайся!»

В общем, ознакомившись с образцами графических работ своих сокурсников, Гарри с тоской понял, что придётся развивать собственные художественные способности. На это занятие он угробил целый день, но видимых успехов не добился. Однако сжалившаяся над его мучениями Гермиона проявила инициативу и сделала все наброски колдунов, колдуний, старинных замков и всеобразных процессов превращений сама (художником она тоже была от слова «худо», однако же её рисунки рядом с каракулями друга смотрелись весьма впечатляюще) — Гарри осталось только обвести их пером.

Что его несказанно радовало и придавало — вопреки усталости и нагрузке — сил, так это то, что Гермиона наконец-то пошла на поправку. Молодость, и желание жить брали своё: она уже улыбалась, с удовольствием общалась с посетителями, всё больше вставала и, конечно же — делала уроки. Как мадам Помфри ни возмущалась, как ни запрещала, а Гермиона всё равно просиживала свободное время (то есть постоянно) с учебниками, обнаружив, к своему огромному изумлению, что почти всё написанное в книгах ей откуда-то известно, а руки сами собой делают движения, необходимые для выполнения того или иного заклятья.

Приятное и такое привычное занятие оказалось отличным лекарством и умиротворило её куда лучше лю-

бого шоколада. Она даже довольно спокойно перенесла разговор с Гарри, во время которого тот, предельно осторожно подбирая слова, поведал ей о странном заклятье, по-видимому, наложенном на неё в самом начале учебного года, — в результате которого она стала полной противоположностью той Гермионы, которую все знали (хотя и отнюдь не все любили). Не было ни истерики, ни крика, ни обморока — девушка лишь молча слушала, кивая и бледнея на глазах, и перебила на том моменте, когда он собрался осторожно перейти к её взаимоотношениям с Терри Бутом: она попросила оставить её одну, дабы как следует всё обдумать. Что Гарри и сделал.

Судьба, правда, не преминула над ним зло похихикать: вернувшись в лазарет вечером, после тренировки, он застал у постели Гермионы никого иного, как Бута собственной персоной. Тот, теребя в руках букетик цветов, молча сидел на стуле рядом с постелью. Судя по виду, оба сильно недоумевали и чувствовали себя очень неловко. Взяв инициативу в свои решительные руки (тренировка удалась как никогда, и Гарри чувствовал себя на подъёме), гриффиндорец подхватил Терри под руку, попрощался от его имени с Гермионой и от её имени — с ним и деликатно, но решительно пихая его в спину, вывел в коридор, где в коротких и ёмких выражениях попросил больше её не беспокоить.

— ...короче, это было заклятье, приведшее к временному помрачению рассудка, так что не отсвечивай больше и не бери ей душу, ясно? Как говорится, любовь зла, и козлы этим пользуются...

От перехода к борьбе в партере Терри — парня обычно на слова и действия — удержало только то, что он в глубине души испытал изрядное облегчение и даже некую благодарность. И, кроме того, прекрасно понимал, что кто-кто, а уж Гарри имеет большие и увесистые основания быть сильно недовольным недавней ситуацией.

Пятничным вечером мадам Помфри торжественно сообщила, что причин задерживать Гермиону в лазарете больше не видит, и та, не веря в своё счастье, оставила эти стерильные стены, чтобы вернуться в кипящую и бурлящую атмосферу гриффиндорской гостиной. Едва староста ступила на порог, как воцарилась гробовая тишина, и десятки пар глаз воззрились на неё с интересом, любопытством, подозрением, опасением, радостью — словом, в них было всё, что угодно, кроме равнодушия. Гермиона замерла на пороге, впервые в жизни не зная, что сказать и как себя вести.

— Что же ты стоишь, Гермиона! — нарушил тишину дружелюбный голос Джинни. — Заходи скорей да прикрой портрет — дует!

Кивнув, Гермиона послушно сделала, как ей велели и, снова обернувшись к одноклассникам, застыла, разинув рот: через всю гостиную в воздухе висел переливающийся разными цветами транспарант «С возвращением!!!», а едва она удивлённо ахнула, как под потолком хлопнул фейерверк, рассыпавшийся леденцами и желатиновыми червячками.

— Старосте — гип-гип, урра! — грянул нестройных хор, раздался смех, засипел раритетный приёмник, «Магия музыки» рывкнула «Балладу смертофалда», заставив всех присесть. Роберт Камминг пригласил Лизу Джейн и на пару они начали выписывать ногами такие кренделя, что остальные не смели присоединяться к танцу, а лишь хлопали в ладоши.

...Я дома... — Гермиона привалилась к косяку и почувствовала, как от радости и облегчения вот-вот разрыдается.

— С возвращением, держи-держи! — второклассницы Трейси Алесини и Дженнифер Грин наперегонки совали ей в руки шоколадное печенье и конфеты. — Давай вещи, мы отнесём!.. Держи печенье — эльфы напекли его специально для тебя!

— По какому поводу веселье?..

— Ну, во-первых, ты снова с нами, — Джинни опу-

⁴² Один из рисунков Дин сделал стоящими целое состояние волшебными карандашами из Зонко: так что Парвати на этом листе пергамента не только призывно улыбалась, но и двигалась — что с учётом и без того бьющих белым ключом гормонов шестикурсников было совершенно излишне.

тила руку ей на плечо, — и потом — у Лизы Джейн сегодня день рождения...

День рождения... — вздохнула Гермиона, подумав, что в очередной раз не отпраздновала его вместе с друзьями. Или отпраздновала?..

— Да ты проходи, не бойся! И не волнуйся — Гарри нам всё рассказал и объяснил, так что никто на тебя обиды не держит. И не будет доставать вопросами, — добавила Джинни, хотя в глазах стояло неудержимое любопытство.

Гермиона ещё раз мысленно поблагодарила Гарри: действительно, ни один из навещавших её гриффиндорцев ни словом не обмолвился о былом. Ей натаскали сладостей и фруктов, рассказывали последние сплетни и события, но никто и ни разу не упомянул о её поведении в последние полтора месяца и ни в чём её не упрекнул.

— Кстати, а где он сам?

— На тренировке, — Джинни поправила волосы, уложенные вокруг головы роскошной золотой короной и потянулась к портрету, намереваясь выйти.

— А разве ты не в команде? Вроде бы мне Гарри говорил...

— Я запасной ловец, а завтра играет он, так что у меня выходной... — Джинни покосилась на часы. — Ладно, я побежала... Астрономическая башня ждать не будет, — добавила она страшным шёпотом и, расхотавшись при виде потрясения на лице Гермионы, выскочила из гостиной.

Гермиона пошла в сторону ведущей к спальням лестницы — её похлопывали по плечу, говорили какие-то добрые слова... внезапно она почувствовала чей-то цепкий взгляд и, обернувшись, встретилась глазами с Роном. Тот, выткнув к огню ноги, сидел в кресле у камина, жевал очередную шоколадную лягушку (у его ног валялось уже несколько пустых коробочек) и участия в общем веселье не принимал.

...Странно, а почему он не на тренировке? — Гермиона приветственно махнула ему рукой — он ответил вялым кивком и снова отвернулся с таким кислым видом, что она тут же передумала к нему подходить. — *Может, я его тоже чем-нибудь обидела?.. Надо будет потом поговорить. И извиниться на всякий случай...*

— Ребята... — робко начала она, вклинившись в паузу между музыкальными композициями, — спасибо большое за встречу и добрые слова... Я тоже ужасно рада всех вас видеть. Знаете, у меня в лазарете было время, и я тут немного подумала насчёт наших факультетских дел, — перешла она к сути, и в глазах её зажглись так хорошо всем знакомые огоньки — как и всегда, когда она говорила о факультетском соревновании и учёбе. — Почему бы нам для помощи отстающим не назначить ответственных по предметам и не выделить день, когда успевающие по предметам будут подтягивать отстающих?..

Воцарилась гробовая тишина, даже радио поперхнулось и умолкло.

— Гермиона?.. — робко подал голос Невилл.

— Опять?.. — ахнул кто-то из младшекурсников.

— Шутка-шутка! — Гермиона торопливо замахала руками и быстро побежала наверх.

...Кажется, идея им не понравилась. Но почему — я так здорово всё придумала... — озадаченно почесала она затылок, подходя к дверям своей комнаты, и замерла, положив руку на дверную ручку. Сама не зная, почему, она жутко волновалась, будто за дверями её ждало... Она сама не могла определить, что именно, но страшно этого боялась.

Тихо скрипнули петли, Гермиона вошла, взмахом палочки зажгла лампу на столе и обвела комнату пристальным и испуганным взглядом. Всё то же и всё совсем не так — незнакомые вещи, незнакомые предметы... большое зеркало на стене... Она опасливо обошла спальню и вдруг взвизгнула: валяющееся на полу шёлковое нечто неожиданно зашевелилось и...

...из-под него выполз Косолапсус, тут же принявшись старательно что-то закапывать. После чего, гордо

задрав похожий на ёршик для чистки бутылок хвост, прошествовал к хозяйке и боднул её ногу, требуя ласки за всё время, — да так темпераментно, что едва не снёс её с ног.

— Ах ты, дурак рыжий! — прошептала она, присаживаясь на корточки. — Иди сюда...

Кот довольно тарател на руках, внезапно внеся в показываемую незнакомой комнатой такой уют, что Гермиона сразу же расслабилась. Решительно окинула всё вокруг хозяйственным взглядом и выволокла из-под кровати одну из больших коробок для книг.

— Ну-с, начнём. Так... это... это... и это... — вещи, вызвавшие у неё неприязнь с первого взгляда, недругнувшей рукой отправлялись на выброс. Войдя в раж, едва не вытряхнула туда целый ящик кружевного белья, но... подумав, осторожно положила всё на место. И почему-то сильно покраснела.

Спустя полчаса комната начала приобретать знакомые черты: вещи вернулись на свои места, незнакомая одежда была выброшена или отправлена на дно чемодана в ожидании лучших времён, осталось только...

— ...и вот это, — указала Гермиона палочкой на зеркало, но то не шелохнулось. — Что такое?..

Она подошла поближе, заглянула за него, пытаясь понять, как именно его прикрепили к стене — и не поняла.

— Нет трагедии, есть только неизбежное. Все в жизни имеет смысл, тебе нужно лишь научиться различать, что преходяще, а что вечно, — неожиданно сообщило зеркало ей прямо в ухо.

Хотя Гермиона давно привыкла к волшебным предметам, примерно половина из которых умела разговаривать, а вторая половина так вообще отличалась крайней болтливостью, она всё равно вздрогнула. Косолапсус ошетинился, зашипел и метнулся под кровать.

— И что преходяще? — поинтересовалась Гермиона, пристально изучая в нём своё чуть запылившееся отражение.

...Какая-то я бледная. И худая.

— Неизбежное.

— А что вечно?

— Уроки неизбежного.

— Очень умно. И что мне теперь с этим делать? — она поискала глазами тряпку, которой можно было бы стереть пыль и, не найдя, начала протирать его прямо руками.

— А что хочешь, — неожиданно зло улыбнулось ей отражение, и Гермиона с ужасом почувствовала, что ладони намертво прилипли к стеклу. — Пусть сейчас ты меня победила, но я вернусь, вернусь, чтобы стереть тебя из того мира навсегда, чтобы отнять и уничтожить всё то, что тебе дорого. Чтобы растоптать тех, кого ты любишь. Я отомщу!

— По...почему?.. — дрожащим от ужаса голосом спросила Гермиона и тут же вскрикнула: ей показалось, будто отражение с силой дёрнуло её вперёд, и она звучно ударилась лбом. — Кто... кто ты?

— Я — это ты, а ты — это я!.. Или ты всё забыла? Ну так, я тебе напомним! Иди сюда...

— Размечталась! — всё внутри обожгло невесть откуда взявшимся гневом. Зажмурившись, Гермиона собрала все силы. — Я — это я, и я никому не позволю... Вот значит, в чём дело!.. Ах ты, дрянь! Я — никому — не позволю — ни меня... ни моих друзей... и пальцем... — тронуть! — она рванулась изо всех сил, ладони обожгло, будто с них перчатками сдёрнули кожу; но ей удалось — Гермиона отлетела назад, споткнувшись о выдвинутый из-под кровати чемодан. По зеркалу пробежала тонкая сеточка трещин, оно потускнело, изображение в нём дрогнуло — лицо отражения исказилось ужасом... И всё рассыпалось стеклянней крошкой.

— Однако... — только и смогла побормотать Гермиона, переводя взгляд с засыпавшего пол искрящегося стеклянней снега на собственные руки и всё ещё не веря, что они целы, — если я всё правильно понимаю, то... кажется, я была не очень приятной особой эти полтора месяца...

* * *

Октябрьское утро встретило Гарри хмурым серым небом — таким низким, что, казалось, оно вот-вот плюхнет прямо на землю и задует всех рыхлыми, серыми, пропитанными влагой облаками. Но сейчас гриффиндорского капитана не могла смутить такая малость: забросив метлу на плечо, он маршировал в сторону поля, а в груди всё пело и едва ли не плясало. Ему казалось, выйди он сейчас один против полного состава Равенкло — от них бы мокрого места не осталось. И у Гарри были причины для такого восхитительного настроения. Он улыбнулся и натянул повыше ворот свитера, снова потрогав шею в том месте, где... Впрочем, неважно. Он вдохнул полной грудью влажный холодный воздух и расправил плечи.

Гарри всегда любил приходить на поле заранее — во-первых, потому что это помогало ему собраться, а во-вторых, потому что всё равно ничего не мог делать в преддверии матча, и не важно, каким по счёту этот матч был: первым или двадцать первым⁴³ — он всегда волновался и прокручивал в голове куски тренировок, вычитанные в книгах рекомендации, технические особенности проведения того или иного приёма. К тому же, сегодняшний матч был особенным: Гарри впервые не просто выходил (вернее, вылетал) на поле — он выводил команду в качестве капитана.

Как ни странно, в раздевалке он оказался отнюдь не первым: когда он открыл дверь, Деннис Криви аккуратно заканчивал выводить своё имя и дату — 29 октября 1996 года — на «Стене Славы», а Колин, маясь от безделья, обводил в рамочку обнаруженное им после долгих поисков имя Гарри Поттера.

— Не спеши ты меня хоронить, — буркнул Гарри. — Давай, убирай это безобразие, а то тебя, чего доброго, неправильно поймут.

— Вот-вот, — поддакнул Деннис, предусмотрительно отодвигаясь от брата подальше, — и я то же говорю, но что делать: хвост у человека отпал, а необходимость им вилить осталась, — и тут же схлопотал от Криви-старшего по себе.

— Дурак! — судя по улыбке, Колин совсем не обиделся. — Я ж в хорошем смысле этого слова!

— Я тоже!..

Братья сошлись в фехтовальном поединке, глухо сшибаясь мётлами — судя по всему, благодаря Флёр они преизящно продвинулись в мастерстве, а Гарри прошёл к доске, принявшись набрасывать схемы атак. Наконец сзади донёсся триумфальный вопль «В здоровом теле — здоровый нож!» и грохот рухнувшего тела.

— Так-то! Не связывайся со старшим братом! — Деннис лежал на спине, а раскрасневшийся Колин с налипшими на лоб белёсыми волосами попирали его ногой и — для верности — приставил ко лбу помело.

— Спасите-помогите! — в притворном ужасе запищал низвергнутый соперник, дрыгая руками и ногами и сляясь дотянуться до выбитой из рук собственной метлы.

— У нас что — излишек игроков? — приподняла бровь замершая в распахнутых дверях Стана. За громом и канонадой битвы никто и не заметил, как она появилась. Из-за плеча у неё выглядывали отбивалы Эндру Кирк и Джефф Хупер.

— Действительно, кончайте резвиться, покажите свой энтузиазм на поле, — развернулся к ним Гарри. Он окинул взглядом собравшихся — сияющие глаза, наполненные волнением и предвкушением... Рона не было. — Ну... давайте переодевайтесь и кое-что вспомним, — он намеренно тянул время, проверив и перепроверив свою и чужую экипировку раза по три — в порядке ли мётлы, хорошо ли застёгнуты протекторы, не скользят ли биты в руках Джеффа и Эндру (преце-

дент был: давным-давно кто-то применил Масляное Заклятье к игрокам противоположной команды, в результате отбивалы не могли даже поднять своих бит — те, словно мокрое мыло, вылетали из пальцев). Время шло, вот уже все новички не только успели по традиции вписать свои имена на стену и — соответственно — в анналы факультетской истории, но и даже разрисовать их завитушками — тянуть дальше было уже некуда: судя по усиливающемуся с каждой минутой гулу, стадион наполнился зрителями.

...Наверное, Гермиона тоже там... — мелькнула у Гарри мысль, тут же, впрочем, испарившись. В этот момент дверь наконец-то распахнулась и вошёл Рон — готовый к игре и с метлой под мышкой. Не взглянув на Гарри, он поздоровался сразу со всеми и присел рядом со Станой, тут же принявшейся о чём-то его спрашивать.

— Итак, начнём... — Гарри разумно рассудил, что предметную речь и установку на игру лучше не начинать с упреков, а потому подошёл к доске и взмахнул палочкой. Следующие четверть часа прерывались только междометиями и короткими указаниями: все прекрасно помнили расклад на сегодняшний матч, поэтому лишних вопросов не задавали. — Думаю, всё понятно. Ну, и пару слов вообще: ребят, команда у нас молодая, но очень перспективная — поверьте моему хоть небольшому, но всё-таки опыту. Все мы друзья, все мы чувствуем друг друга на поле. Что бы ни случилось — играйте так, чтобы получать от этого удовольствие, но, — Гарри хитро усмехнулся, — не забудьте доставить удовольствие и другим, — он мотнул головой вверх, где на трибунах сидели предвкушающие игру гриффиндорцы. — У нас всё непременно получится. Вперёд, гриффиндорские львы!

Едва команда вышла на поле, они разом оглохли и чуть не ослепли: на фоне серого неба трибуны так и рябили цветами Равенкло и Гриффиндора. Хаффлпафцы разделились: кто-то размахивал флагом с изображением золотого льва, а рядом в воздух взвивались сине-жёлтые шарфы факультета-соперника. Только серо-зелёная трибуна Слизерина безмолствовала — впрочем, как всегда, когда на поле не выходила их команда.

— Капитаны, пожмите друг другу руки... По мё-от-лам! — рявкнула мадам Хуч и, распахнув сундук, выпустила на волю радостно загудевшие бладджеры и крохотный снитч. — Три, два, один...

Свисток, рёв, взвившийся в небо квафл, разом взмывшие в воздух игроки...

— Итак, мы открываем очередной турнир на кубок школы по квиддичу, — забывая гвалт на трибунах, начал незнакомый звонкий голос⁴⁴. — На поле обновлённая команда Гриффиндора и — новая, сильная и неподбидимая — команда РА-ВЕН-КЛО!!!

Сине-жёлтая трибуна взвыла, в воздух взлетели ракеты, рассыпавшись таким же сине-жёлтым конфетти.

— Итак, игра начинается атаками красно-жёлтых на кольца доблестной команды Равенкло: о, не тут-то было — такого вратаря, как семикурсник и опора команды Роджер Дэйвис так просто не пробьёшь...

...Да уж, теперь гриффиндорцы оценили, как выглядели для окружающих весьма тенденциозные комментарии Ли Джордана: создавалось ощущение, будто кроме команды Равенкло на поле не было никого — а если кто-то и забредал случайно — то разве что безликая и безымянная тень, и на настроении игроков это не могло не сказаться. Гриффиндорцы начали раздра-

⁴⁴ Новым комментатором стал третьекурсник Равенкло Айзек Джексон, победивший в открытом школьном конкурсе на замещение вакантной после ухода Ли Джордана должности, а потому теперь рядом с микрофоном восседала не профессор Макгонагалл, а профессор Вектор — не меньшая, если не большая поклонница школьного квиддича.

⁴³ Хотя нет, Гарри пока ещё не провёл за команду Гриффиндора такое количество игр.

жаться, и вот Джефф пару раз прицельно направил бладджер в сторону не владеющего мячом игрока — только за то, что Робби Хейман позволил себе нелестное высказывание в адрес Гриффиндора вообще и его квиддичной команды в частности. И если на первое нарушение мадам Хуч посмотрела сквозь пальцы, то после второго назначила штрафной, и — о ужас! — Рон метнулся к левому кольцу, тогда как кваффл полетел в правое.

Стадион взвыл, даже слизеринцы ликовали — по большому счёту, им было всё равно, кому забили, но пропущенный ненавистным соперником мяч — это ведь пустячок, который всегда приятен, верно? Открылённые успехом, игроки Равенкло, тут же увеличили разрыв ещё на десять очков: всё тот же Робби Хейман проскочил по правому флангу, увернулся от пущенного в него бладджера — Стана бросилась наперерез, но тот совершенно не по-джентельменски оттолкнул её ногой. Увидевший это Рон зачем-то дёрнулся вперёд и не успел вовремя вернуться к кольцам.

— Двадцать — ноль! — зазвенел над стадионом ликующий голос. — Да, похоже, новому капитану Гриффиндора пока не удалось сделать из набора неплохих, в общем-то, игроков слаженную команду...

— Я сейчас кому-то язык вырву, — сообщил Гарри подлетевший к нему Колин Криви. Лицо его так и полыhalo от гнева.

— Держите себя в руках! Игра только началась, а вы уже беситесь! Прекратите нервничать! И не слушайте, что он говорит — ваше дело играть!

Однако сам он чувствовал, как росточки паники уже закрадываются в душу — как же так: команда, ещё вчера так сыграно действовавшая на тренировке, сейчас выглядела каким-то разбредшимся в разные стороны табором. И вот, словно в подтверждение этих слов охотники и отбивалы опять запутались, кто какой сектор поля опекает: Деннис, подрезая охотника Равенкло и почти уже дотянувшись до мяча, едва не получил бладджером от Эндрю — в результате ему пришлось резко отвернуть.

— Тридцать — ноль!

...Когда неудержимо увеличивающийся разрыв составил сто очков, Гарри взял тайм-аут. Команда опустилась на поле, в то время как игроки Равенкло, напротив, взмыли вверх и сделали круг почёта вокруг стадиона, скандировавшего их имена. На красно-жёлтой трибуне царило уныние и тишина — только один флаг по-прежнему полоскался в чьих-то упрямых руках.

Хмурые и мрачные, гриффиндорцы окружили своего обескураженного капитана.

— Ребят, это не дело. Надо взять себя в руки, — строго сказал Гарри, — в противном случае на игру со Слизерином лучше и вовсе не выходить. Я всё понимаю — волнение, первая настоящая игра... но так всё равно нельзя. Джефф, где твоя основная позиция?

— Западный сектор.

— Так почему ты очутился в восточном? А ты, Стана — не спеши, ты всё равно не сможешь оказаться везде и сразу... Хотя ты молодец, — торопливо добавил Гарри, ведь из пяти заброшенных в кольца Равенкло мячей три принадлежали ей. — Теперь вы, — обратился он к понуро ковыряющим метлами землю братьям Криви. — Перестаньте рисоваться: эти финты и перепасовки хороши, когда ладится всё остальное. Ясно? А то рано или поздно кваффл у вас отбирают... И ещё... — Гарри глубоко вздохнул и повернулся к стоящему на отшибе Рону. — Что с тобой сегодня? Положим, три мяча были действительно неберущимися, но два последних ты пропустил исключительно из-за ошибки в выборе позиции. А что это был за номер с выходом вперёд? Ты не полевой игрок, твоё место у колец!

— Занимайся снитчем, а это оставь мне, — огрызнулся Рон, заливаясь краской. — А если не нравится — становись на кольца сам.

— Рон, прекрати, — покачала головой Стана, тогда

как остальные игроки просто выразительно переглянулись⁴⁵, — Гарри прав: не стоит так реагировать на происходящее...

Она чуть покраснела: кому, как не ей, было понятно — тот злополучный мяч Рон пропустил, потому что увидел, как Хейман врезал ей ногой... Рон тоже покраснел и, что-то бурча себе под нос, отвернулся.

— Ребята, — умоляюще закончил Гарри, глядя на растерянные и раздражённые лица однокурсников, — словом, соберитесь! И тогда всё получится!

Мадам Хуч дунула в свисток, и команды снова сошлись в воздухе. И снова Гарри, зависнув над полем и обшаривая пространство в поисках снитча — он прекрасно знал, что Чоу не даст спуску: дважды ему удавалось обыгрывать её, и в свой последний год в Хогвартсе она мечтает поквитаться — с ужасом видел, что игра команды разваливается на глазах. Снова Деннис и Колин мельтешили, не в силах решить, кто же пойдёт на добивание, снова Стана пыталась успеть заблокировать зону игроку противоположной команды, хотя это запросто можно было сделать при помощи точно пущенного бладджера...

Сто десять очков... Сто — молодец, Деннис! Но почти сразу же — снова сто десять, сто двадцать! Джефф, назад! На каждый заброшенный гриффиндорцами мяч Равенкло отвечало двумя, и Гарри подумал, что, похоже, эта игра станет для Рона последней. Сто сорок!

— Да что у тебя — руки или решето! — пролетев над головой горе-вратаря, заорал он, потеряв над собой контроль.

— Иди к чёрту! — ответил Рон в запале. Уши у него горели, а глаза сейчас казались не голубыми, а белыми на фоне пунцового лица. Трибуна Слизерина завела своё коронное «Гриффиндорцы — лохи!», студенты Равенкло распевали гимн факультета, а в красно-жёлтом секторе зрителей становилось всё меньше: не в силах пережить позор любимой команды, гриффиндорцы, пряча глаза и флаги, тянулись к выходу. И вот на стадионе остались лишь самые стойкие — в том числе, искушавшая себе все губы Гермиона, белая, как полотно Джинни, несколько младшекласников и храпящий в самом низу Хагрид, занявший целую лавку.

Гарри снова взмыл вверх. В груди рождалось какое-то отчаяние — кто бы ему сказал, что ещё совсем недавно его переполняло ликование и предвкушение встречи с любимым делом. Теперь всё зависело только от него: поймай он снитч, победа бы осталась за его командой, хотя удовлетворения от игры это бы не принесло...

И снитч словно услышал его молитвы, выпорхнув — впервые за всю игру — откуда-то снизу и дразняще зависнув футом в пятидесяти, аккурат посредине между ним и Чоу. Оба ловца рванулись навстречу друг другу на полной скорости, сворачивать и отступать никто не собирался — если бы они оторвали свои взгляды от снитча, они бы прочитали готовность идти до самого конца в глазах друг друга. Вот до снитча оставалось десять футов... Гарри прибавил скорости, Чоу тоже — но, на свою беду, она на миг вскинула взгляд и... тут же в ужасе направила метлу вверх. И как раз вовремя: мгновением позже Гарри, вскинув руку с зажатым в кулаке снитчем, пулей просвистел вниз — столкнулись они на такой скорости, оба бы надолго загремели в больничное крыло.

Всё-таки выиграли... — юноша сжал снитч так, что тот уже даже не трепыхался. Впервые в жизни победа не принесла никакого удовольствия — команда выиграла и... провалилась одновременно. Да и он как капитан — тоже... Он сбросил скорость, ветер сразу перестал свистеть в ушах. И в тот же миг донёсшиеся до Гарри слова мадам Хуч заставили его подумать, не сошёл ли он с ума:

— Снитч поймал ловец Гриффиндора Гарри Поттер.

⁴⁵ А Колин так вообще пробурчал под нос что-то насчёт нового вратаря.

Счёт 210 — 210. А теперь команда Равенкло пробьёт штрафной за нападение на игрока, не владеющего мячом...

Что это за бред? — Гарри недоумённо обвёл глазами представшую его глазам картину: на траве далеко внизу съехал кто-то из команды Равенкло; Роджер Дейвис, размахивая руками, орал на Рона, остальные гриффиндорцы сгрудились вокруг держащейся за плечо Станы...

— Что произошло?!

— Марчбэнкс запустил в неё бладжером, — кивнул в сторону болгарки Колин Криви, лицо которого было белым-бело, — и тогда Рон выхватил у Джеффа биты и ударил его по плечу...

Глава двенадцатая, в которой мы присутствуем при странных битвах с неожиданными исходами, а также с надеждой и ужасом ждём восхода первой звезды.

К концу матча на красно-жёлтой трибуне почти никого не осталось: тихо, будто с похорон, гриффиндорцы потянулись на выход, не разговаривая и не глядя друг на друга, — среди немногих упрямец (а также мазохистов и клинических оптимистов) осталась второклассница Дженнифер Грин. Девочка сидела, не ощущая промозглости осеннего дня, не чувствуя, как по щекам текут слёзы, не замечая, что едва не ломает себе пальцы⁴⁶. Омниокль упал в колени: она больше не могла видеть этого странного выражения на лице единственного в мире, кто служил источником неиссякаемого поэтического вдохновения, чьё имя она выписывала днём в конце тетрадей и шептала во сне (к счастью, достаточно тихо, чтобы о её секрете никто, кроме закадычной подруги Трейси Алесини, не знал). А выражение лица Рона Уизли было весьма примечательным: он постоянно хмурился, потерянно смотрел по сторонам, словно едва понимал, где находится, и... опять шевелил губами, разговаривая сам с собой! А поскольку Дженнифер не сводила с него глаз с самого начала учебного года, то она, как никто другой, знала: эта странная привычка в последнее время проявлялась всё чаще и чаще. Более того, когда его никто не видел, Рон начинал бубнить себе под нос на разные голоса да, впридачу, размахивать руками.

В первый раз Дженнифер заметила это ещё месяц назад, в библиотеке: она дописывала летнее эссе по Истории Магии (понятное дело, самое скучное и неинтересное откладывалось «на потом» — как вдруг выяснилось, что учебный год уже начался, а она так ничего и не сделала), когда за соседний стол плюхнулся Рон, вытряхнул из сумки учебники и зашуршал страницами.

Разумеется, после этого Биннс со своими гоблинами к этим самым гоблинам и отправился — впервые в этом году Дженнифер видела объект своих воздыханий так близко, а потому просто сидела, не сводя с него глаз и чувствуя, как до краёв наполняется приятным кипятком. В голове роились строчки, «розы» рифмовались с «грозами», «любовь» — как водится — с «кровью»... И вдруг...

— Оставь, оставь меня... Но ты ведь ненавидишь его, правда? Тогда зачем тянуть время? Я... я не могу... У меня не получится... Не бойся — я научу тебя.

Что это? Какая-то роль? — глупо подумала Дженнифер, хлопая глазами, и перо выпорхнуло из дрогнувших пальцев, скользнув аккуратно Рону под стол. Точнее — под ноги, строго между ботинок.

Она с ужасом уставилась на пол: самостоятельно извлечь перо не представлялось возможным, а фраза «Эй, Рон Уизли, у тебя перо между ног!» как-то странно царапала слух и не казалась приемлемой для завязывания беседы с первой любовью. Наконец, собравшись с мыслями и силами, девочка захлопала непослушными губами:

— На позицию! — скомандовала мадам Хуч.

Игроки покорно разлетелись, на удар, перебрасывая кваффл из руки в руку, вышел капитан — Дэйвис, и Гарри стоской подумал, что, скорее всего, участь матча решена. Дейвис нахмурился, что-то прикидывая, отвёл руку для замаха...

Рон, ну же... давай! — Гарри стиснул зубы, не сводя глаз с бывшего друга. Словно услышав, тот перевёл взгляд... Гарри показалось, что в глазах Рона что-то блеснуло... лишь на миг... но этого хватило: мяч проскользнул между дрогнувшими пальцами и влетел в кольцо.

— Эй, Ро-ро-ро-рон У-у-уи-зли-зли! У те-те-те-бя-бя-бя пе-пе-пе...тьфу ты... пе-пе-пе... — и тут же с ужасом поняла, что зациклилась и соскочить с этого дурацкого «пе-пе-пе» уже не сможет. Гриффиндорка прихлопнула рот ладонью, но поздно — Рон уставился на неё, заинтересовавшись столь странным поведением.

— Перевожу, — насмешливо приподняв бровь, сообщила сидящая прямо за Роном Лиза Джейн. — Тебе под ноги упало её перо.

Рон недоумённо посмотрел под парту и, наклонившись, передал перышко в дрожащие пальчики второкласски. На миг их руки соприкоснулись — Дженнифер показалось, будто её ударило током, а Рон, едва ли что-либо заметив и тут же позабыв об инциденте, снова уткнулся в учебники.

Девочка сидела, с трепетом глядя на перо, только что побывавшее в его руках, когда до неё снова донеслось едва слышное странное бормотание:

— Ты ведь хочешь верно?... Да, хочу. Я научу тебя, как и договаривались. Спасибо тебе, друг...

Поймав на себе пристальный взгляд, Рон дёрнулся, замолчал, ещё какое-то время посидел — как она подозревала, только для вида, потому что больше не прочитал и не написал ни строчки — и, смахнув всё в сумку, заторопился прочь.

После этого случая она стала пристально наблюдать за ним, с каждым днём всё больше и больше теряясь в догадках и предположениях.

Ума не приложу, почему никто не обращает внимания, — он либо сходит с ума... либо уже тронулся... — Дженнифер поделилась своими опасениями с Трейси, но та лишь равнодушно пожала плечами:

— Ой, да ладно тебе — мальчишки все с прибабахом. Ты бы видела моего старшего брата, когда он готовился поступать на Высшие Курсы при Академии Волшебства: он заучился до такой степени, что начал заговариваться и даже как-то поспорил с чайником, в каком году были внесены поправки в Декларацию Прав и Обязанностей Колдунов Третьего Уровня! И потом, они вообще этой осенью какие-то странные, — Трейси бросила мрачный взгляд в сторону своего кумира — Гермионы Грейнджер, все попытки сблизиться с которой в этом году заканчивались провалом: староста просто игнорировала её, словно пустое место. — Может, это возрастное?

— Тогда я не хочу взрослеть, — подытожила Дженнифер. — А то стану такой же чокнутой.

Вечеру переживания выплеснулись очередной поэмой, которую Рон обнаружил между страниц случайно забытого в гостиную учебника. Выглядывая из-за высокой спинки кресла, Дженнифер убедилась, что послание принято и прочитано; правда, мгновенное просветление на лице объекта страсти сменилось знакомым хмурым выражением, и Рон снова что-то уныло забубнил себе под нос.

...Дженнифер ахнула вместе со всем стадионом: в ответ на нечестную игру одного из игроков Равенкло,

⁴⁶ Да притом так, что сам Лациус Малfoy бы уважительно передёрнулся.

запустившего блэдджер в не владеющего мячом охотника гриффиндорцев, Рон вдруг выхватил из рук Джеффа биты и с размаху опустил её на плечо Стива Марчбэнкса... падение, казалось, длилось целую вечность — наконец, в гробовой тишине игрок в синей жёлтой форме с глухим стуком упал на землю, а Рон...

Дженнифер снова взялась за омниокль и судорожно закрутила колёсико, наводя резкость, — злобные искры в глазах гриффиндорского вратаря внезапно сменились ужасом от осознания совершённого...

Гарри схватил снитч, мадам Хуч что-то закричала, стадион, очнувшись, заорал: синей-жёлтая трибуна взорвалась негодованием, слизеринцы заулюлюкали, игроки команд разделились — половина приземлилась к распластанному телу, к которому уже бежала мадам Помфри, другая половина готовилась сойтись для выяснения отношений в воздухе...

— ...штрафной! — рявкнул прямо в уши порыв ветра.

Дженнифер снова надела омниокль на Рона — сосредоточенно сдвинутые брови, собранный взгляд. И вдруг... лицо дёрнулось, перекошенное судорогой, губы снова зашевелились. Рон замотал головой, будто отгонял наваждение. Капитан команды Равенкло — Дэйвис — размахнулся... Дженнифер сжала омниокль так, что ногти даже не побелели — посинели, опять закрутила колёсико настройки — теперь лицо Рона занимало всё поле зрения: вратарь не сводил глаз с соперника. Мадам Хуч свистнула... И вдруг взгляд Рона метнулся куда-то в сторону и в нём вспыхнула такая ненависть, что она даже обожгла сидящую от него в сотне футов Дженнифер — девочка покачнулась, едва не свалившись с сиденья.

Бросок.

Мяч влетел в кольцо.

Всё было кончено.

Не дослушав объявление о победе команды Равенкло и не выполнив положенного ритуала — когда игроки прощались друг с другом, благодаря за игру, — Рон Уизли почти камнем упал вниз и бегом бросился с поля под улюлюканье и свист счастливых слизеринцев. Даже не думая, что она делает, Дженнифер тут же сорвалась с места и побежала с трибуны — вниз по лестнице, потом переходами... Влетев в гриффиндорскую раздевалку, она заметалась по комнатам, распахивая двери, — Рона нигде не было. Решив, что он отправился напрямик в замок, она собралась выбежать, как до неё донеслись чертыхания, становящиеся по мере приближения всё более громкими и всё более несдержанными: разобрав слова, Дженнифер пискнула от ужаса и забилась в какой-то чулан, справедливо предположив, что, коли человек говорит ТАКОЕ, на глаза ему сейчас — от греха подальше — лучше не попадаться.

...Сбежал попугай. Детям до шестнадцати ловить не рекомендуется.

Пинком распахнув дверь, Рон влетел в раздевалку, в сердцах швырнул метлу — от грохота у девочки чуть не случился разрыв сердца: та попала аккуратно в хлипкую стенку чуланчика за которой она затаилась, — потом в ярости что-то пнул... что-то твёрдое, судя по новому взрыву ругательства, заставивших её зажмуриться. И вдруг дверца содрогнулась, и знакомый голос выдохнул ей едва ли не в ухо:

— Что ты наделал?! Что?! Ты же обещал — я буду лучше всех!!! Ну, не совсем так — я обещал, что ты станешь самым известным и все о тебе будут говорить. И, согласись, разве я обманул? Конечно!!!

В повисшую паузу Дженнифер осторожно прильнула к узенькой щелочке между разошедшимися досками и едва не заорала от неожиданности: Рон, зажмурившись и вцепившись руками во взъерошенные рыжие вихры, припал лбом к дверце. Она слышала его дыхание, видела капли пота на лбу, при желании могла пересчитать веснушки на правой ноздре и под правым глазом.

— Зато подумай, как ты ему насолил!

Кошмар! Опять... он опять это делает!.. А может, он одержим демонами?..

Додумать эту многообещающую мысль гриффиндорка не успела — дверь снова с грохотом распахнулась, в раздевалку ввалилась почти вся остальная команда; братья Криви, не вдаваясь в комментарии и разговоры, налетели и тут же сбили Рона с ног.

— Что ж ты... гад... сделал... — доносилось сквозь звуки ударов, пытение, грохот катающихся и сшибающих всё на своём пути тел.

— Прекратите! — визжала Стана, но её никто не слушал. Более того, судя по засученным рукавам и угрюмым физиономиям отбивал, Джефф и Эндрю с готовностью заняли бы сейчас место охотников.

— Стойте! — в раздевалку, задыхаясь от бега, ввалился Гарри. — А ну, разойдите! Я кому сказал!!! Иначе распушу команду к ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ!!! — никто не обратил внимания на его слова, более того — потасовка становилась всё серьезней: Рон, придя в себя, с лёгкостью раскидал придавивших его братьев Криви — тем стоило бы выступать в другой весовой категории — и теперь сошёл с врукопашную (и ногопашную) с кипящим гневом Джеффом.

— Я кому сказал! — Гарри выхватил палочку. — Считаю до двух. Раз, два... *Impedimenta!*

— Ты обалдел, — выдохнула Стана, глядя на результаты применённого Барьерного Проклятья.

— Да... что-то я того... погорячился...

...Не то слово! — в ужасе вытаращила глаза сидящая мышкой в своём чулане Дженнифер.

— Значит, так: разбор полётов и вынесение с занесением оставим на потом, когда все придут в себя, — хмуро скомандовал Гарри способным воспринимать его слова сотоварищам. — А сейчас — расходимся. И держите себя в руках: ещё одна драка, и я распушу команду.

— До новых встреч в эфире! — смерив напоследок полным отвращения взглядом хлопающего в углу глазами Рона, буркнул Колин и захромал к выходу. Следом потянулись остальные — безмятежно улыбающегося Джеффа выволокли под руки. Через пять минут в раздевалке остались только Гарри, Рон и затаившаяся в чулане второклассница Дженнифер Грин.

— Иди к чёрту, Поттер, мне не нужны твои утешения и сожаления — проваливай! — задыхаясь, пробурчал Рон, всё ещё не в силах подняться, но уже судорожно сжимая-разжимая кулаки.

— Какие утешения и сожаления? С какой радости? Зачем ты это сделал? — ледяным тоном спросил Гарри.

— Твоё какое дело? Кстати, обойдусь и без промывания мозгов.

— Такое. Мне наплевать — с собой можешь выделывать что угодно, хоть голым по школе бегать, но когда ты выступаешь за команду...

— Будь ты проклят — все вы, вместе с вашим чёртовым квиддичем! Я даже рад, что разочаровал!

— Рон! Очнись! Что с тобой сделали?!

— Заткни...

Голос Рона оборвался и, трясась всем телом, Дженнифер снова припала к щёлке — да так и замерла, открыв рот.

* * *

Снова будто крылья несли Гарри к Норе — тёмной, мрачной, с забытыми крест-накрест окнами и дверями. Голые обугленные ветви сада — чёрное кружево на фоне набрякшего серого неба, высокий — по пояс — бурьян на месте огорода, раскисшие дорожки; ступеньки, обрывающиеся в воздухе надломленной доской... крыльца не было, вместо него зиял провал...

Где-то за горизонтом полыхнула молния, на миг подсветив безжизненное небо. Через некоторое время донёсся раскат грома — тихий, утробный, похожий на предупреждающее рычание огромной собаки.

У Гарри было ощущение, будто он знает, что нужно делать.

— *Alohomora!* — дом содрогнулся, словно не гвозди вылетели из трухлявых досок, а разжало сомкнутые

зубы чудовище. В лицо пахнуло затхлостью и холодом.

Перепрыгнув на порог с обломка лестницы — через чёрный провал, ни земли, ни травы в котором не было видно, — он безуспешно попробовал что-то разглядеть в беспросветной темноте: хоть окна и были заколочены, снаружи дом казался разошедшимся и щелястым. Тем не менее, внутрь не пробивалось ни лучика.

— *Lumos!*

Разом оживший, качнувшийся назад и тут же вернувшийся мрак задушил огонёк волшебной палочки — но Гарри упрямо вскинул её повыше и, внимательно глядя по сторонам и себе под ноги, медленно двинулся вперёд. Пространство жило по своим законам: оно дышало и шевелилось; прогнившие доски пола пружинили под ногами — пару раз Гарри в последний момент успевал перескочить через невесть откуда взявшиеся ямы; стены вздымались и опадали — слышалось хриплое дыхание старого дома. Гарри чувствовал: Рон где-то здесь, рядом. И его нужно найти.

Но где?..

К счастью, при всей теперешней странности и непонятности, Нора изнутри всё же оставалась Норой — пусть жутким, страшным, живым существом — но всё же домом Рона, который Гарри знал; а потому он двигался по памяти: вот пересёк кухню, споткнувшись об пыльный разбитый горшок и вовремя шархнувшись от огромного камина... Кирпичи посыпались, странным образом рухнув именно туда, где Гарри находился мгновение назад, — взрыв пыли, каменной крошки, очередной всплеск затхлого, нежилого запаха.

Вот чёрт... Добраться бы живым...

Он снова обо что-то споткнулся.

Нет, так дело не пойдёт...

— *Alohomora!* — Гарри махнул палочкой в сторону, где в реальной Норе находилось окно. Заколоченные ставни натужно заскрипели, но подались не сразу — и вот, напрягшись и захрустев ржавыми гвоздями, с хлестким звуком вылетевшей из бутылки пробки всё же открылись, чтобы впустить в дом тусклый лучик серого дня и тут же захлопнуться вновь.

Ах, вот ты, значит, как... Ну уж нет... Мы поглядим, кто кого...

С каждым разом сопротивление дома становилось всё активней, и тогда Гарри выкрикнул заклинание в полный голос, целиком сосредоточившись только на этом, — с хрустом сломанной кости ставня сорвалась с петель. Сразу стало светлее.

Издали снова донёсся ворчливый раскат грома — судя по всему, гроза приближалась.

Гарри обвёл глазами кухню и в ужасе попятился: битая посуда, сорванная с креплений раковина, какие-то объедки на полу и плотоядно взирающая крыса, похозяйски рассевавшаяся на буфете с выбитыми дверцами.

Гарри обуял всплеск ужаса — на миг ему показалось, будто он попал в один из самых страшных своих детских кошмаров.

Может ли так быть, что...

— Рон!.. — неуверенно позвал Гарри. — Рон! Ты здесь? Где ты?

Тишина. Удар ветра в стену. Гром — ещё ближе.

И...

Сначала он решил, что ему показалось, но нет — без сомнений, откуда-то доносился плач.

Тонкий девчачий плач.

Джинни?

— Джинни, это ты? Ты где? — Гарри бросился к ведущей в спальню лестнице без перил и побежал вверх. — Джинни! Рон! — отчаянно кричал он, перескакивая через ступеньки, — лестница оказалась какой-то бесконечной: он мчался и мчался, а она всё не кончалась и не кончалась, будто издеваясь над ним. Сзади послышался грохот. Гарри обернулся — и похолодел: ступени позади рассыпались в прах, а внизу, под ними, не было ничего — чёрная, бездонная, дышащая холодом и ужасом пропасть. Гарри рванулся изо всех сил — но волна пустоты нагоняла, неотвратимо

приближаясь... Лестничная площадка выскочила из ниоткуда — Гарри прыгнул на неё в тот миг, когда последняя ступенька развалилась в буквальном смысле у него под ногами.

Теперь пути назад нет.

— Рон!!! Где ты! Отзовись! Я пришёл за тобой! Джинни!

Длинный тёмный коридор с неожиданно бесконечным рядом дверей — с трудом переводя дух, борясь с колотьём в боку, юноша сначала пошёл — быстрее... быстрее — наконец, побежал, распахивая их одну за одной: тёмные комнаты, окна в которых, натужно скрипя, треща деревом и железом, всё же открывались по мановению его упрямой волшебной палочки.

Пыль, запустение, старые игрушки... Ни Рона, ни Джинни так нигде и не нашёл — хотя мог поклясться: они рядом — плач теперь слышался отчётливо, и он не был галлюцинацией.

— Рон! Джинни! Кто тут?

Стены вздохнули, дом покачнулся, перекидывая его в пространстве, словно куклу, — и перед Гарри вновь появилась лестница. Бесконечная, рассыпающаяся под ногами лестница и очередной забег наперегонки с неведомой рукой, рушащий то, что могло бы соединить их, — двух когда-то самых близких друзей.

И вот — чердак, комната Рона, дверь, крест-накрест забитая досками.

Давай, открывайся...

Гарри взмахнул палочкой...

Бесполезно. Снова и снова — и в конце концов, сунув её в карман, он начал руками срывать упирающиеся доски, всаживая в ладони занозы и срывая ногти. Он точно знал — там кто-то есть: плач доносился именно оттуда. Наконец, путь оказался свободен — разбежавшись, Гарри плечом врубился в дверь, потом ещё раз — и ввалился внутрь.

Пустота. Даже не голая комната — просто пустота: серое пространство с угадывающимися, словно стёртыми очертаниями окон, дверей, мебели. Как будто меловой набросок на обёрточной бумаге.

И новый взрыв рыданий.

— Рон?

Точно... Здесь — маленький чуланчик, куда друг обычно сваливал ненужное барахло. Гарри дёрнул ручку — за дверцей, поджав коленки к подбородку, на куче старых комиксов и рваных газет сидел... Гарри на всякий случай протёр глаза. Определённо, это был Рон, но только тот Рон, какого он не знал: маленький мальчик, хлюпя носом, размазывал слёзы по замурзанному лицу.

— Рон?..

— Кто ты? — ребёнок вжался спиной в стенку и, судя по наморщенному веснушчатому носу, снова собрался заплакать.

— Я Гарри... я... друг, — Гарри протянул израненную, всю в ссадинах и занозах, руку. — Пойдём. Здесь опасно. Нам надо уходить.

— Ты мне вовсе не друг! — мальчишка вжался спиной в стенку и подсунул под себя ладошку, будто боясь, что её схватят силком. — У меня уже есть друг! — рыжие бровки сдвинулись, он снова сердито хлюпнул носом. — А тебя я... боюсь! Тут мой дом... Я... я не хочу уходить!

Рон... Это же я... Но этот Рон меня ещё не знает...

— А где... где твои родители, твои братья?.. — Гарри присел на корточки в дверях чуланчика и постарался говорить как можно дружелюбней, хотя между лопаток бегали мурашки при мысли о том, что может сейчас происходить за спиной.

Не факт, что стулья там не превращаются в кенгуру. И хорошо ещё, если в кенгуру...

— Они бросили, бросили меня! — мальчик опять начал хватать ртом воздух, в глазах блеснули слёзы. — Они уехали, а меня просто забыли!

— Неправда! Они прислали за тобой меня! Пойдём! — Гарри решительно ухватил Рона за руку и осто-

рожно потянул за собой. — Не бойся, я — твой друг, честное слово. Пойдём... — мальчик приподнялся, хотя сомнение в его глазах не затихало, а, напротив, только возрастало. — Пойдём... к ним, ко всем нам. Мы так беспокоились о тебе... Все тебя так любят — и братья, и родители, и Джинни — они ждут тебя, они хотят, чтобы ты пришёл к ним, чтобы вернулся, чтобы стал... стал прежним.

— Неправда! Я никому не нужен! Я не хочу! Я вообще ничего не хочу — и жить тоже! Мама и папа... они забыли про меня... Фред и Джордж — они накормили меня кислотными карамельками!.. Вот! — Рон высунул язык, и Гарри собственными глазами увидел в нём свежую дырку. — Мне было так больно, а они смеялись...

— Это не потому, что они тебя ненавидят... — мысленно грозя близнецам кулаком, Гарри замотал головой, — просто они два обалдуя. Но на самом деле они тебя очень любят. Все тебя любят, — повторил он, не зная, что добавить.

— Тогда почему... почему меня забыли?.. Говоришь, ты мой друг — почему тогда ты не пришёл раньше, когда было лето и всё вокруг зеленело, а не сейчас, когда мир раскис от дождей и слёз, и дороги отсюда нет?

Возможные варианты ответа представлялись чем-то наподобие варёных макарон — бесцветными, аморфными, бессмысленными... Гарри открыл рот, чтобы сказать нечто успокоительно-лживое, но, взглянув в пронзительные, по-детски бескомпромиссные глаза Рона, понял: тем самым он подпишет их дружбе смертный приговор. И приведёт его в исполнение. Сам.

— Я виноват. Прости меня. Я пришёл извиниться.

— Мне не нужны извинения. Ты опоздал.

Гарри опустил голову.

— Ты прав. И всё же — прошу у тебя прощения. Даже если не простишь — всё равно пойдём отсюда.

Пауза показалась вечной, но влажная от волнения и слёз детская ладошка всё же легла в протянутую руку. Гарри почувствовал резкую боль — цепкие детские пальчики с силой нажали на занозы, загоняя их ещё глубже под кожу, — однако ободряюще улыбнулся. Он лихорадочно соображал, как им теперь выбраться отсюда, — но, вопреки опасениям, Нора вдруг перестала изменяться, вот только успокоения это отнюдь не принесло: казалось, дом просто затаился.

Лестница миролюбиво позволила спуститься вниз, хотя каждый миг Гарри был готов к тому, чтобы рухнуть в бездну. И вот они снова на кухне — такой же грязной и заброшенной, только теперь крыса с буфета переместилась на стол у окна, внезапно оказавшись куда крупнее, чем думалось Гарри вначале. Серый тусклый день лился сквозь серое от пыли стекло за сорванной ставней, серый свет заливал серую шкуру — крыса казалась воплощением всей серости и мерзости мира. Снова блеснула молния — в этот раз куда ярче, гром прозвучал почти сразу же. Гроза подошла вплотную, порыв ветра ударил в стену, один раз стукнул ставней — строго, похоронно, будто на гроб уронили крышку.

Гарри вздрогнул и потянул Рона к выходу; тот не сопротивлялся, но и ходу не прибавлял, шёл, словно механическая кукла. Внезапно и вовсе встал, словно вкопанный.

— А как же ты? — голос шелестнул пеплом в продаваемой ветром трубе.

— Что — я? — полностью погружённый в лихорадочные размышления, что делать дальше и откуда ждать опасности, Гарри развернулся и взглянул мальчику в глаза — ярко-синие глаза. Единственное цветное пятно в этом сером, пыльном, тусклом мире.

— Ты ни разу не написал мне...

— Ч-что?..

Гарри вздрогнул, и стены вздрогнули вместе с ним, сделав и без того узкий коридор ещё более узким. Синие глаза распахнулись, став почти чёрными. Голос шуршал опавшей листвой:

— Ты ни разу...

— Н-но... Клянусь — самым дорогим, что у меня есть: я писал тебе. Я... я потому и пришёл сюда — за тобой. Ведь ты — мой друг.

— Самым дорогим?.. Вот как?.. И чем же? Нашей с тобой дружбой?.. Или вашей с Гермионой любовью?

Гарри показалось, будто в лицо ему плеснули ледяной водой — аж зубы свело.

— Ч-что такое ты говоришь?.. Это же... причём тут... Это же разные вещи!..

Ведущая наружу дверь заскрипела и начала медленно закрываться. Послышался писк: очередная крыса размером с хорошо откормленную кошку пробиралась вдоль стены следом.

— Я так и думал, — не спуская с Гарри глаз, Рон медленно потянул свою руку из его ладони, загоняя занозы глубже под кожу. Скрипнув зубами от боли, Гарри, тем не менее, руку не разжал.

— Нет, Рон. Дороже тебя у меня никого нет.

— А как же Гермиона?

— Она — моя девушка, моя любимая, моя женщина. Я отдам за неё жизнь. Но — клянусь! — ты не стал мне от этого менее дорог. Ты — мой лучший, мой единственный друг, я ради тебя на всё готов — клянусь, КЛЯНУСЬ ТЕБЕ!!! Вы одинаково дороги мне! Потому я и пришёл сюда!

— Да... ты пришёл сюда, — чернота в глазах отступила, и сквозь разделявшие их сейчас года на Гарри взглянул Рон — настоящий Рон: искренний, честный, преданный. — Гарри...

— Рон... Наконец-то...

— Гарри!.. Берегись!

Огромная — уже с собаку — крыса внезапно прицельно скакнула, метя Гарри в горло, и тот с кристальной ясностью вдруг осознал, что не успевает поднять палочку, не успевает защититься, — длинные резцы цвета спелой кукурузы мелькнули перед глазами, когда...

Ребёнок отпихнул его и, зажмурясь, выставил вперёд свой кулачок. Брызнула кровь.

— РОН!!!

Пространство вокруг похухло и прояснилось, словно спали кем-то наведённые чары: Гарри и Рон сидели друг против друга в раздевалке. Рон сжимал в руке обломок волшебной палочки, и из кулака на пол медленно капала кровь.

— Рон?..

Тот медленно перевёл взгляд на Гарри, потом обратно. Разжал руку: расщепившееся дерево вошло глубоко в ладонь.

— Рон!..

— Вот чёрт... — силясь улыбнуться, откликнулся тот. — Родители меня урюют... Вторая палочка... Гарри... — Гарри поднялся сам и протянул другу руку — Рон ухватился и встал. — Ты, типа... это... Извини...

— Проехали.

— Как скажешь.

— Пойдём, я провожу тебя в лазарет.

Раздевалка опустела. И только тогда распахнулась дверь маленького чуланчика — оттуда даже не вышла, а, скорее, вывалилась белая, как мел, Дженнифер. Не в силах держаться на ногах, она привалилась к стенке.

— Г-г-господи... Р-р-рон... Г-г-гарри...

* * *

Осенний лес шумел, осенний лес дышал — его переполняли томительно сжимающие сердце запахи грядущей зимней смерти и сладкого тления, и белоснежный пёс, пробирающийся сквозь чащу, чуял это, как никто другой. Потому что на душе у него сейчас тоже вздыхал и умирал листопад, шурша в памяти последними словами любви и нежности, — словами, которые ему так давно никто не говорил и вряд ли снова кто-либо скажет. Он шёл навстречу расставанию, шёл после многодневных раздумий и колебаний, до последнего разрываясь между усталостью и пустотой, выжегшей

его душу, казалось бы, дотла, и неожиданно зелёными ростками, внезапно пробившимися на пепелище.

...Лиз, — мысленно произнёс он, пробуя на вкус имя той, кто пробудила в нём желание жить. Но пробудила только ради расставания: как ни старался Сириус убедить себя, что мир для него больше не существует, что он больше не вернется туда, — мир сам пришёл к нему, заглянул в душу отчаянно-зелёными глазами, позвал по имени — так, как давным-давно его никто уже не звал.

— Сириус!!!

Пёс опять вздрогнул: голос Гарри отозвался в ушах многоголосым эхом — к нему примешивались другие голоса, зовущие его... Совсем недавно и много лет назад...

— ...Сириус, быстрее, торопись — Дамблдор уже спрашивал о тебе, экзамен вот-вот начнётся!

Милая тревога в глазах веснушчатой девочки, которую он с тех пор не называл в мыслях по имени. Только «она». Хохотушка, мгновение спустя становящаяся строгой; простушка, ни с того ни с сего изрекающая странные и настоящие — до мурашек по спине — истины, чтобы через миг, краснея и прикрывая ладошкой рот, хохотать над сомнительной шуткой Джеймса и — тут же — поучать его на правах старшей по возрасту. Почему он сейчас вспомнил о ней?

Как там она говорила? «Никто никого не может потерять, потому что никто никому не принадлежит. Вот она, истинная свобода, — обладать тем, что тебе дороже всего, но не владеть этим». Обладать, но не владеть... — пёс резко прыгнул в сторону — клацнули челюсти, и выбравшаяся подышать свежим воздухом полёвка не успела даже понять, почему день для неё закончился так внезапно. — Я вот всё гадаю, был ли я свободен эти полгода. Владеть ею... Это невозможно — как невозможно считать себя хозяином травы или ветров. «Самые важные встречи устраивают души, ещё прежде, чем встретятся телесные оболочки. Эти встречи происходят тогда, когда мы доходим до предела, когда испытываем потребность умереть и возродиться». В который же раз я умер? Но вот возродился ли...

Пёс с легкостью перемахнул через поваленное дерево, сбив в полёте продырявленный улиткой грибок-переросток, задел ветку — та хрупнула, и дятел, затерявшийся где-то высоко в полупрозрачной кроне старого дерева, настороженно затих.

...Сириус, быстрее, торопись!..

Пёс оцепенел. Голос казался таким реальным, что он даже закрутил головой, потом потянул носом воздух — но ничего серьёзнее недавно пересёкшего эту тропу фестрала не обнаружил. Странное чувство охватило его: такое знакомое и такое забытое — чувство, с каким, наверное, солдат трогает верный меч — не ради того, чтобы с гордой улыбкой вспомнить былые подвиги и подвиги, а дабы вновь обнажить его в поисках чьей-то крови. Шерсть на загривке встала дыбом, и он со всех лап помчался туда — этот зовущий его голос нельзя было перепутать ни с каким другим: в нём смешались шелест травы и плеск ручья, птичий щебет и шорох запутавшегося в листья ветра.

Никогда не гаснущий костёр на поляне давно умер, слепые чёрные угли остыли и напитались осенней сыростью, и это сказало Блэку всё. Насильственно заставив себя успокоиться — будто на отчаянно колотящееся сердце накинули смирительную рубашку — он одним прыжком оказался у пещеры и скользнул под травяную занавесь, подсознательно отметив, что ползущий по камням вечнозелёный плющ, по словам Лиз, не умирающий даже зимой, обвис и пожелтел. То ли внезапно охватившего его холода, то ли от страдания он перестал чувствовать своё тело, впал в состояние, где нет ни желаний, ни страхов, и вообще ничего, кроме таинственного... да... таинственного умиротворения.

Представшая картина потом преследовала его, вставая перед глазами, вспыхивая на внутренней поверхности века, — заставляя без колебаний скидывать руку с зажатой в ней волшебной палочкой или же вце-

пляться врагам в горло, равнодушно прислушиваясь ко вкусу тёплой, плёвкой крови, наполняющей пасть. Связанная по рукам и ногам, Фелли лежала навзничь на высохших цветах и травах, послуживших ей ложем любви и призванных стать смертным одром. Судя по едва заметной вздымающейся груди, она была жива — просто спала или же лишилась чувств. Впрочем, едва взглянув на неё, Сириус тотчас же забыл о её существовании: прямо перед ним, в луже крови, с запрокинутой головой и выломанными под неестественным углом руками, распростёрлась Лиз — отсутствующий взгляд, резко выдающиеся скулы, чёрная полоска сомкнутых губ, глаза, ввалившиеся так, что глазницы казались круглыми чёрными очками. Она погрузилась в тёмные воды своего прошлого, для неё уже не существовало ни добра, ни зла.

— Девочка... девочка моя! — взмахом головы стряхнув с себя собачье обличье, Сириус упал на колени рядом: она была жива, ещё жива. Хотя — какого чёрта это «ещё»?! — тут же с яростью подумал он, — она жива, просто — жива, чутьё никогда не обманывает!..

Нимфа медленно перевела глаза на некий объект, невесть откуда появившийся в поле зрения. Сириус затрепетал от надежды, но тут же обрушился на самое дно пропасти отчаяния: скользнув по нему невидящим взглядом, она снова замерла, тускло уставясь в пространство.

...Конечно... конечно... — он осторожно осмотрел её. Сомнений не было: и подобные травмы, и последствия ему приходилось видеть многократно — на полях битв, в разорённых домах, в Безнадёжном отделении госпиталя Св. Мунго. Оставалась одна надежда: коли ей удалось протянуть так долго, значит, она сильнее многих людей, и, возможно... Он вытащил из кармана волшебную палочку — её подарок, об источнике которого ему думать не хотелось: видимо, она осталась от какого-то бедолаги, чья жизнь оборвалась под упругими ненасытными телами лесных жительниц, — и взмахнул ею. Раз, другой, третий — вспыхнула жаровня, осветив пещеру тёплым светом, забулькала в котелке вода, едва слышно застонала освобождённая от пут Фелли. Заключинине, ещё, ещё одно — курс Экстренной Колдомедицины не давался ему во время учёбы, зато оказался неплохо отработан на практике, и вот проклятья сняты, раны на теле закрылись, а саму Лиз он перенёс с земляного пола на шуршащую траву. Правда, для этого пришлось обрезать её локоны — когда-то прекрасные, сейчас же превратившиеся в сухие кровавые сосульки.

— Зачем ты... — тихий шёпот заставил Сириуса вздрогнуть, — зачем ты убил её?.. — Фелли, опираясь на стену, пыталась приподняться — на её запястьях и лодыжках синели рубцы, а под глазами залегли густые, как ночь, синяки.

— Что?.. — Сириус на миг оцепенел, но, списав всё на помутнение рассудка, тут же отмахнулся от мысли, назойливо постучавшейся в подсознание. — У вас же есть это, верно? Она мне говорила — где Лист Жизни?

Нимфа молчала, оглядывая его со смесью ненависти, настороженности и усталого смирения. Потом потянула носом, и настороженность в глазах стала отчётливее:

— Ты... ты не он... Ты другой... Она мертва?

— Нет. Но умрёт, если ты мне не поможешь.

— Кто ты? Почему ты здесь?

— Потом, всё потом, — Сириус чувствовал, как отчаяние и гнев от неуместных сейчас расспросов вот-вот выплеснутся наружу, и тогда он... ударит её... или... вообще — Мерлин знает, что с ней сделает, — где Лист Жизни?

— Откуда ты знаешь о нём?..

— Т-ты... — зарычал он, крепко взяв её за горло и глядя прямо в глаза, — она может умереть в любой момент, и тогда я... Говори, быстро — где?

— Человек... люди... все вы одинаковы... Насилие — лучший способ убеждения... Ты ничем не отличаешься

от него... Будьте вы все прокляты. Возьми.

Фелли подняла тонкую руку, и из темноты дальнего угла пещеры к ней выплыла связка странных ветвей — то ли высохших, то ли обгоревших, но Сириус знал — на самом деле они нежные и живые, и, если он успел — *а он успел, как же иначе, иначе и быть не может, правда, девочка?* — шептал он, отщипывая под удивлённым взглядом Фелли положенное количество листьев и кидая их в горячую воду, — если он успел, то совсем скоро... *Совсем скоро...*

— Девочка... девочка моя. Ну же, осталось немного... Потерпи ещё чуть-чуть...

Словно понимая, о чём идёт речь, Лиэ покорно ждала, глядя в никуда; клочьями выстриженные волосы топорщились в разные стороны, как и служившая ей изголовьем сухая трава.

— Постой, — внезапно остановила его Фелли в тот миг, когда он собрался перелить содержимое котелка в вырезанную из коры чашу. — Вот ещё... — её рука приподнялась к похужшему венку в волосах: нимфа выплела из него веточку с неведомыми Сириусу ягодами и бросила три штуки в варево. — Дай ей. И жди. Если ей не поможет и это — не поможет уже ничто, и она не вернётся в этот мир. Никогда.

— Сколько ждать?

— До первой звезды, — коротко откликнулась она, тут же отвернувшись и занявшись своими ранами.

Впрочем, что бы она сейчас ни делала, — Блэка это больше не занимало: подсунув одну руку под спину Лиэ, безмятежно хлопающей глазами, похожими на затянутое тучами ночное небо — ни звезды, ни просвета, он переложил её к себе на колени и прижал к груди. Время остановилось — не зная, хочет ли он поторопить его или же, напротив, задержать, оттянуть страшный «час икс», Сириус сначала поминутно косился в сторону выхода из пещеры, где постепенно гас неяркий осенний день, пока, наконец, не впал в близкое к ступору состояние, не реагируя ни на что, — ни на Фелли, с трудом подымающуюся и куда-то исчезающую, ни на запах костра, через какое-то время просочившийся снаружи, ни на плеск воды, ни на странные песнопения... Всё, что сейчас существовало, — сгущающиеся сумерки и тихое дыхание лежащей на коленях девушки. Та утомлённо смежила веки — и ему где-то даже стало легче: так, не видя бессмысленный, пустой взгляд, можно было убедить себя, что она просто спит...

...Я не успел уйти от тебя... ничего не успел. Даже извиниться за свой уход. Я так виноват... Когда ты... тут... я малодушно придумывал слова, чтобы объяснить, почему мне придётся оставить тебя...

Кажется, снова подошла Фелли, что-то вложила Лиэ в рот, коснулась лба между бровей, пристально взглянула сначала на неё, потом на Сириуса — с каким-то настолько нечеловеческим отчаянием, что ему вдруг захотелось взвыть по-собачьи — и снова исчезла.

— Лиэ... девочка моя... уже сумерки... просыпайся... слышишь!.. Открой глаза, взгляни на меня!..

Тихое дыхание было ему ответом. Сириус осторожно поднёс к губам её тонкие безжизненные пальцы — руки, когда-то вернувшие ему жизнь.

Лиэ...

Заставившая его снова поверить в существование давно забытых слов — ласка... нежность... любовь...

— ...Я знала... я всегда знала это... Я знала — ты человек, — неужели ты думаешь, что мог бы обмануть меня, — смеясь, она наматывала на эти пальцы его отросшие белоснежные волосы...

— ...потому что я люблю тебя... Сириус, ради тебя я готова пойти против них, против закона...

— ...почему, почему ты не отвечаешь мне?! Неужели тебе так сложно расставить все точки над «и»?!

...Точки... Кто-то решил расставить точки за нас... И — клянусь: я найду и порву его — кто бы он ни был, бог ли, дьявол ли...

Плетёная циновка вновь откинулась — на фоне тёмного неба, куполом опрокинувшегося над лесом,

стояла Фелли. Стояла и молча смотрела на сжавшегося на ворохе сена седого человека, стиснувшего в объятиях безжизненное, хотя ещё живое тело. Над её головой, высоко в небе пронзительно сияли звёзды, разбросанные щедрой ночной рукой. Почувствовав чьё-то присутствие, человек медленно поднял голову и посмотрел на нимфу слепыми от слёз глазами:

— Первая звезда... Она уже вошла?..

Она быстро шагнула назад и опустила полог:

— Нет... Ещё нет... Ещё есть время... немного времени...

— Это хорошо, — хрипло выдохнул он, снова утыкаясь лицом в ёжик светлых волос. Боль заполонила душу и ослабила её, вся вселенная состояла из колючей травы и топорщащихся светлых волос, слабо пахнувших ветром, травой и сильно — кровью и болью.

...Слышишь меня, Лиэ?.. Я сделаю всё, чтобы ты поняла меня... Чтобы ты была счастливой... Слышишь, Лиэ... Открой глаза... Пожалуйста... ПОЖАЛУЙСТА, ЛИЭ, ОТКРОЙ ГЛАЗА!!!

Фелли, разбрызгивающая на траву у входа в пещеру странное варево, вздрогнула, когда до её чутких ушей донёсся страшный, сдавленный рёв, будто у кого-то живьём вырвали из груди сердце.

— Ли...э...

...Си...риус...

Он вздрогнул, словно от удара, отдёргнулся назад, с надеждой уставился ей в лицо — на первый взгляд, оно не изменилось, но... какое-то животное чутьё подсказало: что-то произошло.

— Лиэ... Лиэ, ты меня слышишь? Открой, открой глаза, — взмолился он, чуть покачивая её, словно больного ребёнка, — прошу тебя...

— Си...риус...

Чёрные губы шевельнулись, глаза снова открылись — усталые, тёмные, но — ЖИВЫЕ.

— Лиэ!..

— Сириус... ты... вернулся ко мне...

* * *

Он ловил их взгляды. Затылком, спиной — любопытные, ехидные, вопросительные, испуганные. Молча уселся в своё кресло, рассеянно поправил перстень и обвёл всех присутствующих тяжёлым, невыносимо тяжёлым, ненавидящим взглядом, тут же, впрочем, сменившимся обычной холодной приветливостью и лёгкой аристократической брезгливостью, которую Люциус Малfoy испытывал даже к себе подобным.

Итак...

Он кивнул, и Макнейр замахал палочкой, поджигая факелы на стенах: подземелье сейчас освещали лишь те, что горели у входа.

— Одной палочкой больше трёх факелов не зажигают — плохая примета, — сообщил Малfoy. — Удивительно, как много неожиданных знаний может дать хорошее путешествие... Эбатнот, не сможешь ли?

Эбатнот Маклайбер — его вечный соперник, со следами желчной улыбки в уголках рта.

Что морщишься? Не хочешь и руки поднять по моему приказу?

Не так давно из Восточной Европы. Пожалуй, стоит снова его усласть куда-нибудь подальше. Налаживать связь со... скажем, с шаманами где-нибудь на Аляске... Люциус прикинул, как Маклайбер бы выглядел в лохматой дохе и с бубном в руках. Получилось хорошо.

Нервный Фрэнсис Паркинсон — выкормыш и сподвижник, не знающий, куда девать глаза. Вечно мысленно подсчитывающий убытки и выгоду. И вечно шуршащий бумажками, словно силась найти в них ответы на все вопросы.

Джон Клиз — с неприкрытым упрёком в глазах: ах, я служил тебе верой и правдой, а тут такие слухи...

Чарльз Трэверс — немисливо грузный; дряблое тело, вмещающее острый, как шлага, норов. Изготовившийся к броску. Не знающий ни страха, ни пощады.

Пожалуй, ты мне понадобишься.

Таддеуш Нотт — в близко посаженных глазах искра интереса и готовность идти до конца. За сильнейшим. Ответственный за связи с общественностью.

Так-так... И для тебя есть срочная работа...

Мэрилин Гойл — «усатая змеюка», хотя, нет... пожалуй, всё же бегемотиха... Усатая бегемотиха. Люциус окинул взглядом миссис Гойл: равнодушные, ничего не выражающие глаза. И ей, и её мужу, о чём-то переговаривающемуся с соседом — худым волшебником, о чей профиль, казалось, можно порезаться, — было совершенно наплевать на то, что думают и говорят о Люциусе другие. Верные слуги. Прекрасные исполнители. Если, конечно, речь не шла ни о чём более серьёзном, чем убийство парочки оказавшихся невольными свидетелями магглов...

Макнейр, на лице которого крупным шрифтом было написано: «давить, ловить, уничтожать, изводить под корень»...

Мой пёс.

У двери сидела Элефтерия Парпис — такая же загорелая, как и сам Люциус.

Что и не удивительно, — он усмехнулся и нашёл глазами ещё несколько загорелых лиц — Найджел Лестрандж, Майкл Крэбб — ловкий и увёртливый, не в пример племяннику, однокласснику и телохранителю Драко, Винсенту, чьим основным достоинством являлись тупая рожа и крепкие кулаки... — *Так, с ними стоит переговорить отдельно...*

Люциус вздохнул и приступил к делу.

— Господа Пожиратели, надеюсь, вы понимаете: моё появление здесь вызвано необычайными обстоятельствами. Нет, Тёмный Лорд пока не выказывает недовольства нашей работой, — тут же добавил он, невольно откликнувшись не столько на вздох ужаса, скользнувший над чёрными капюшонами собравшихся в тайном подземелье людей, сколько на всплеск ликования в глазах Маклайбера. *Плясать тебе, друг мой, с бубном...* Малфой усмехнулся и, напорившись на эту усмешку, Маклайбер отшатнулся. — Пока. Однако, как все мы прекрасно понимаем, отсутствие руководящей руки в нашем деле всегда приводит к плачевным последствиям, а потому хотелось бы подвести некий промежуточный итог и наметить основные этапы дальнейшей работы.

Паркинсон снова зашуршал бумажками, обратив на себя взгляд пронзительных и холодных глаз:

— Итак, по поводу мер устрашения. Френсис, друг мой... — Люциус повернулся и увидел, как Паркинсон на всякий случай втянул голову в плечи и словно бы даже усох на своём стуле. — Ты превзошёл самого себя. Твои предложения весьма впечатляющи. Лично мне понравилась идея со зреющими на виноградных лозах человеческими глазами. Посмотрим, как удастся это воплотить. Хотя... Мои поздравления: когда на полях Уэльса во время жатвы разом поднялись из-под земли все когда-то зарытые кости, Господин оказался доволен произведённым эффектом.

Паркинсон, не веря своим ушам, осторожно покивал втянутой в плечи головой, словно произошёл «Служу Тёмному Лорду!»

— Угу. Вот только Уильямсу после этого пришлось спешно бежать: ребята из Гильдии Авроров оказались куда пронырливее, чем мы думали, и прибыли на место довольно быстро, — буркнул уже пришедший в себя Маклайбер.

Люциус прекрасно об этом знал: доклад, который больше подходил под определение «донос», лёг на стол Вольдеморта раньше, чем успели собрать этот костяной урожай.

Бубен. Однозначно.

— Ничего страшного, иногда приходится чем-то рисковать ради великой цели. Без сомнения, все мы оценили и риск, и эту жертву, — равнодушно склонил голову Люциус. — Что же касается огласки...

Ему даже не понадобилось завершать фразу: по-

нимая, что речь идёт о нём, поднялся Трэверс.

— Как и просили, ничего особенного, только обильная подкормка для слухов, кхе, — закашлялся он. Похоже, вынужденная прогулка в северные края не пошла ему на пользу. — Помимо всего прочего, пара слов о зомби, — он поднёс к глазам завтрашний выпуск Пророка, открыл его где-то ближе к середине и, снова откашлявшись, прочёл:

— *«Гаитяне, жутко боясь превращения в зомби, стараются обезопасить своих мертвецов — трупы стреляют в сердце, отрезают или протыкают прутот голову, душат удавкой. Ему зашивают рот и кладут в гроб лицом вниз — чтобы не мог вступить в контакт с боком...»* Том Уотсон оказался смыслённым малым: пара намёков, и он ухватился за ниточку, как голодная собака — за кость. Даже если здорово пороятся, выход на нас пока не найдут, — Трэверс довольно хмыкнул, и его грузное тело заколыхалось, словно желе. — Он не рискует прямо указывать на летние события и эпизод на кладбище Скорбящих Младенцев, однако же, имеющий уши — да услышит...

— Прекрасно. Именно то, что нужно, — они забегают, как тараканы на сковородке, — Люциус не к месту вспомнил изыски тропической кухни и передёрнулся. — Да, полагаю, это придаст Дамблдору и его своре бодрости. А нашему мальчику резвости... *Пора...* — Люциус выдержал приветливую паузу и развернулся к меряющему его недоброжелательным взглядом Маклайберу: — Эбатнот, дружище, чем ты нас порадуешь?

Тот поднялся — нарочито неспешно, степенно, задумчиво обвёл глазами почтенное собрание и обратился даже не к самому Люциусу, а к застёжке на его мантии, беседуя с ней скорбно и где-то даже сочувственно:

— В свете последних событий — ужесточения таможенных и пограничных правил, проверок на дорогах, учашения аврорских рейдов — вербовка и налаживание агентурной сети идёт с большим трудом. И очень медленно — ибо, прежде чем выходить непосредственно на потенциального Пожирателя Смерти, приходится многократно его проверять: повторения истории с засланным дамблдорским казачком никто не хочет. Кроме того, цифры, которые ты, Люциус, мне указал, — на этом месте их взгляды впервые встретились — будто звонко лязгнула сталь: показное сочувствие в глазах Люциуса сменилось злорадным торжеством, а рабочее равнодушие в глазах Маклайбера — страстной ненавистью, — эти цифры совершенно невыполнимы. Я понимаю, Лорду нужна армия в самое же ближайшее время — но, в любом случае, мы не успеем набрать такое количество людей. Но — положим — даже наберём! На обучение потребуется никак не меньше... Майкл? — он обернулся к Крэббу, и тот согласно кивнул:

— ...да, ежели подходить к этому вопросу серьёзно — за полгода мы не сможем подготовить ребят, способных в открытую противостоять парням из Гильдии. Можно, конечно, устроить экспресс-подготовку, но... Пушечное мясо, — виновато развёл он руками, словно признавая собственную ошибку.

— Я изложил Лорду наши с мистером Крэббом соображения по данному вопросу, буду рад вручить тебе копию, — победно взглянув Малфоем прямо в глаза, Маклайбер взмахом палочки отправил в сторону председателяствующего перетянутой чёрным кожаным шнурком свиток.

Люциус развернул и сделал вид, будто читает: ему не хуже Эбатнота было известно содержание — изящно закамуфлированное сообщение о его, Малфоя, профнепригодности, попытке сведения личных счётов и — страшно подумать — даже саботаже!

...Так-так. Значит, идёшь вперёд, откинув капюшон. Похвально. Удача сначала улыбается смелым, а потом долго хохочет над ними, — Люциус кивал, водя глазами по чётким строчкам, выведенными рукой строптивого подчинённого. Буквы казались ему таки-

ми же уродливыми и раздражающими, как и написавший их человек. — Но Крэбб-средний? Куда он полез? Дурачок — одним словом загубил всю карьеру. А я, было, решил пристроить его к настоящему делу...

— Кроме того, я бы хотел ещё кое-что добавить, — обедев всех взглядом в поисках поддержки и, к пригорюнию Малфоя, кое у кого её даже получив, Маклайбер откашлялся, собираясь, судя по всему, приступить к хорошо продуманной и подготовленной речи.

Слушая поток обвинений в свой адрес, Люциус внутренне ликовал: коль скоро даже ближайшим соратникам не удалось постичь всю глубину и многообразие комбинации... Опять же — опыт с двойниками, результаты которого вдвойне порадовали Лорда... Найденные три отличных алхимика, начавшие под угрозой смерти захваченных в заложники родственников изготовление Колдовского порошка в необходимом количестве... Конечно, этим бедолагам далеко до Снейпа — не только в плане скорости, но и точности тоже... — Люциус досадливо поморщился — как всегда, когда вспоминал этого отступника, в очередной раз ухитрившегося вывернуться из уже почти защёлкнувшегося капкана, измудрившегося опять сбежать, не заплатив по счетам...

Впрочем, друг мой Северус... Мы ещё побеседуем с тобой по душам. Если к тому времени она у тебя сохраняется...

Маклайбер, неправильно истолковав сосредоточенно-хмурое выражение на лице Малфоя, вдохновенно вещал, и Люциус прислушался. Так-так... Они почти неприкрыто готовили его низвержение. Они уже почти поделили роли: напуганные неудачными событиями весны и развёрнутым Гильдией Авроров фронтом борьбы с любыми проявлениями Тёмной магии, они всё равно не забывали делить кресла. И на звание правой руки Господина теперь претендовал... ну конечно же — сам Маклайбер: он-то лучше других знал, что делать, ухватившись за ещё тёплые от чужих рук бразды правления...

Какой светильник разума коптит!

Чуть повернув голову, Люциус взглянул в сторону:

— Прекрасно, Эбатнот — ценю глубину твоих изысканий и вдумчивость предложений.

Так, шепоток среди собравшихся. Назвать почти открытые требования о низвержении «изысканиями и предложениями» можно было либо с перепоем, либо с бо-о-ольшим подтекстом.

— Собственно, так и должны идти дела в связи с последними событиями — временным отступлением на заранее подготовленные позиции и рассеянием наших рядов. Рассеянием — в хорошем смысле этого слова: ибо именно благодаря разбросу по всему миру способны мы собирать и разносить необходимую информацию и вершить свои деяния, мостя дорогу грядущим свершениям.

И снова шепоток и переглядки за чужими спинами.

— Не так давно имел я по этому поводу беседу с Тёмным Лордом, и Господин полностью одобрил мой план действий. О чём и была написана вот эта замечательная бумага...

Он извлёк пергамент жестом фокусника. Копию: подлинник давно заперт в тайнике — уже знакомом нам тайнике библиотеки Имения Малфоев. Мало ли что — вдруг кто-то из темпераментных приспешников вздумает разыграть сцену из старинной мелодрамы с последующим разрыванием ценных бумаг. Или сжиганием. Эффектно. Хотя и бесполезно.

— Я прочту, если не возражаете... «Мы, Тёмный Лорд — Правитель Теней, Повелитель Ночи, Властитель Мёртвых — полностью одобряем план, представленный нам Люциусом Малфоем из рода Малфоев... И потому скрепляем собственноручной подписью мораторий на кадровые перестановки в высшем эшелоне Пожирателей Смерти, конкретно — на смещение со своей должности...» Словом, друг мой Эбатнот, взгляни сам, — небрежным жестом, подчёркнуто не пожелав использовать магию, Малфой-старший запустил свиток по медовой полированной поверхности стола.

Он помедлил. Даже не стал смотреть: дал возможность слушателям овладеть собой. Не стал даже пользоваться правом сильного и разглядывать их потрясение. Их замешательство и возмущение, их слабость и страх. Взглянул на Френсиса Паркинсона, потом на Макнейра — верных соратников. Те преданно смотрели в рот, разве что не вливая хвостами. Тонко улыбнулся Найджел Лестрандж — один из немногих, имеющих кое-какое представление кое о чём...

Люциус повернулся.

Маклайбер был лилов — такого нездорового цвета, что Малфой даже забеспокоился, не хватит ли его удар. Люди такой комплекции очень подвержены. Нет, естественно, он беспокоился не за самого Маклайбера — но... вся эта возня с трупом...

— Кстати, о расширении влияния Господина и подготовке почвы для его воцарения на всемирном престоле, — глядя на хватающего ртом воздух Маклайбера, Люциус понял, что удержаться всё же не сможет — и пусть даже придётся потом выносить отсюда мёртвое тело — не в первый раз, в конце концов... — Решено доверить тебе миссию: изучение национальной магии и применение её в полевых условиях. В районе островов Королевы Елизаветы. Аппарируешь в двадцать четыре часа: миссия срочная и весьма ответственная...

...и с бубном...

— Благодарю всех, — мягко — если может быть мягким завернутый в бархат отравленный кинжал — улыбнулся Люциус, прислушавшись к сдавленному вздоху, грохоту падающего тела и последовавшей за этим возне: подобные казусы случались на заседаниях — не сказать, чтобы регулярно, однако же довольно часто, а потому домашние эльфы реагировали быстро. Живых — направо, на выход. Мёртвых — налево, на вынос...

— А чем это так вдруг запахло? — тревожно завозилась миссис Гойл, рассеянно изучавшая подёрнутый белой плесенью древний гобелен, посланный сюда из замка по причине ветхости и невзрачности, а потому уловившая из доклада Маклайбера только пару фраз.

— Это от него удача отвернулась, — фыркнул Макнейр.

Люциус позволил себе — нет, даже не улыбнуться, но просто шевельнуть бровями в знак одобрения, и подземные своды огласило нестройное хихиканье: дробно тряся Паркинсон, грузно колыхался Треверс, Элефтерия одобрительно улыбалась от дверей, чета Гойлов старательно гоготала.

Довольно.

— Итак, — хлёсткий, как плётка со вшитым кусочком свинца, голос снова обрёл стальные ноты, глаза блеснули двумя несущими смерть клинками, и собравшиеся в гостиной замерли, почувствовав, как мурашки бегут по спине, — мне наплевать на ваши амбиции, будьте добры работать и притом проворно. Все — по рабочим местам. Кто ослушается малейшего приказа... — продолжать не потребовалось: тёмный поток почти беззвучно пролился через широкие двустворчатые двери, остались лишь Парпис и Лестрандж. Впрочем, тоже ненадолго: короткий разговор, несколько указаний — и Люциус, мысленно вычеркнув из необходимых дел ещё одно, приступил к последнему по списку. Однако отнюдь не последнему по значимости.

Он покинул подземелье, вернувшись в кабинет, где занялся чрезвычайно важным и ответственным делом: надев перчатки и прикрыв лицо батистовым платком, сначала пропитал неким составом пергамент, потом высушил при помощи заклинания, а потом, расстелив его на столе и взяв перо и чернила, слегка задумался.

...Наш мальчик расслабился. Стоит его взбодрить, чтобы не отвлекался от своей задачи.

Да и второму тоже надо готовиться и думать о главном — ни минуты покоя.

Дразнить и жалить, дразнить и жалить. И потом нанести удар.

Снова обмакнув позолоченный кончик пера в золотую же чернильницу, Люциус вывел:

Драко, любезный сын мой!

Мы рады твоим успехам — и не только я, что мне особенно приятно тебе сообщить. Надеюсь, ты не останешься на достигнутом и продолжишь изыскания, в которых тебе поможет это письмо, содержащее квинтэссенцию моих пожеланий и указаний...

* * *

— Спокойной ночи, Рон!

— Спокойной ночи...

Гарри с трудом припоминал, когда испытывал в последний раз такое всепоглощающее, всеобъемлющее счастье: Гермиона, Рон — теперь все они снова вместе, друзья смогли, они вернулись...

А квиддич — дело поправимое, что бы там ни говорили Криви...

Он заворочался под одеялом, как будто мог этим движением отогнать воспоминания о состоявшейся днём крайне неприятной, хотя и неизбежной, беседе, когда они с Роном рука об руку появились в гриффиндорской гостиной. Неприязненные взгляды, гробовая тишина, сменившаяся шепотками, потом неуверенным свистом и, наконец, протестующим топотом ног.

Ничего. Переживём. Зато сейчас...

Впервые за последнее время Гарри засыпал, не думая ни о пророчестве, ни о Защитнике, ни о заклинании, ни о... — словом ни о чём, что не давало ему покоя всё последнее время. Перед закрытыми глазами прыгали картинки из прошлого и ближайшего будущего — вот они вместе сидят у камина в гостиной... они втроём в сторожке Хагрида... надо бы к нему зайти-и-уа-ха-ха, — даже сама мысль, казалось, зевнула, — зелёные луга и сидящая рядом Гермиона... они с Роном, фехтующие под партой фальшивыми волшебными палочками... Кстати, о фехтовании — послезавтра урок по защите от Тёмных Искусств... — не додумав этой мысли, Гарри провалился в сон.

К слову сказать, в гриффиндорской спальне он не был единственным, кого занимали мысли о грядущем уроке, на котором обещали показать практическую область приобретённых знаний. Вернее, не столько о самом уроке, сколько о преподавателе.

— Слушай, Дин, как думаешь, если я её приглашу на Хэллоуин в чайную мадам Паддифут, она согласится?

— Дурак ты, — лениво отозвался Дин Томас, заканчивающий по памяти очередной портрет Парвати. Он снова рисовал волшебными карандашами Зонко, а потому Парвати на листе грациозно изогнулась, внимательно следя за накладываемыми ей на обнажённый живот тенями, дабы тот не показался слишком уж выпуклым или же, напротив, впалым, — во-первых, она не согласится, во-вторых, её уже приглашали Блетчли, Дэйвис, Хупер и Маккелар. И она всем отказала. Больно ей нужна эта чайная... Она-то уже давно совершеннолетняя, ей нет никакого интереса сидеть, прихлёбывая чаёк и слушая всякие бредни, что вы ей будете нести...

— Ой, вот не надо, не надо! — раздражённо развернулся к приятелю Финниган. — Ты лучше вспомни, что ты ей брякнул в последний раз. Хорошо ещё, что Парвати оказалась рядом, — мстительно добавил он, — а то неизвестно, чем бы всё закончилось.

Рука Томаса машинально дёрнулась к макушке: следуя заведённому однажды правилу, подруга теперь регулярно награждала не в меру резвого в присутствии вейлы бойфренда парой ослиных ушей.

— Но не могу же я её позвать в «Глаз дракона», верно? Меня туда не пустят. Не в Кабанью же Башку её вести... Там, конечно, наливают, не спрашивая возраст, но для дамы это не самое подходящее...

— Ну, ты сказал, — рука Дина дёрнулась от смеха, и на животе Парвати появилась уродливая тень. Она возмущённо округлила глаза и топнула ножкой. — Сей-

час-сейчас, всё исправлю... Ты бы, приятель, выbral бы себе подружку попроще, — продолжил он, осторожно работая ластиком. Парвати на пергаменте извивалась и хихикала. — Вот, скажем, чем тебе плоха Лиза Джейн с пятого курса? Или Стана Браткова — видел, какова она в воздухе? А говорят — какова девчонка на метле, такова она и в...

— Уймитесь уж, — простонал Невилл, у которого от этого имени в буквальном смысле начиналась крапивница: он сразу же шёл пятнами и начинал чесаться. — И вообще, давайте спать, а?

— Кстати, насчёт Станы придержите коней, — глухо добавил со своей кровати Рон.

Однокурсники затихли: конечно, Гарри всё объяснил, и Рон тоже многократно извинился, однако же воспоминания о сегодняшней игре были ещё слишком свежи. И всё-таки здоровое мужское любопытство взяло верх.

— Колись, ты положил на неё глаз? — хмыкнул Симус.

— Какой глаз, бери выше... В смысле — наложил на неё руку, — Дин с интересом вытянул шею. — Ну, и далеко вы зашли, а? Уже бегали на Астрономическую башню или пока обошлись подоконниками на четвёртом этаже?

— Ну тебя к чёрту, — покраснел Рон и завернулся в одеяло по самые уши.

— Что — хочешь сказать, всё только-только начинается? О... тогда в твоих руках сделать грядущий Хэллоуин и поход в Хогсмид для неё совершенно незабываемым! Если, конечно, она вообще будет с тобой разговаривать после сегодняшнего. «Три метлы» и праздничное меню: тыква-тыква-тыква... а так же: десерт «Крылья летучей мыши», мороженое «Поцелуй покойника» с дольками клубники, коктейль «Смерть вампира», — начал вещать Дин Томас хорошо поставленным рекламным голосом. — Открыты двадцать четыре часа в сутки! Заходи — палочки оближешь! И, кстати, — добавил он, понизив голос, — на заднем дворе есть чудная лавочка: если совсем не повезёт, и она окажется недотрогой, можно хотя бы полюбоваться луной... Если, конечно, повезёт, и в этот вечер будет луна.

— Я подумаю, — буркнул Рон, задёргивая полог вокруг кровати.

— Хм... А я-то считал, он сохнет по этой... из Хаффлапфа... — удивлённо приподнял брови Финниган.

— Так, значит, Браткову вычёркиваем, — не понижая голоса, продолжил Дин, окидывая рисунок прищуренным взглядом. Парвати, приподняв руки, медленно повернулась вокруг своей оси, с гордостью демонстрируя точёную фигурку — вдвойне точёную, потому что из любви к подруге он все же её чуть-чуть приукрасил. — Что скажешь тогда насчёт Джейн?

— Я её боюсь. Мне иногда кажется, что в неё вселился взбесившийся дух близнецов Уизли. Нет никакой гарантии, что из Хогсмида меня не принесут в спичечном коробке. Ты забыл, что она сделала с Фробишером за то, что он подsunул ей в сумку лягушку?

— Сам дурак: кто же так ухаживает за девушками? Ну... Тогда, может, Мерилин Вэнс из Равенкло?

— Хм... она ничего, — согласился Симус.

— К тому же, Падма сказала Парвати, будто она только что разошлась со своим парнем и не прочь немного расслабиться. Кстати, видел, какой финт она сегодня заложила, когда забила нам десятый мяч? — полог вокруг кровати Рона нервно дёрнулся. — А говорят: какова девчонка на метле, такова она и в...

— Да уймётесь вы или нет?! — взвыл со своей кровати Невилл. — Или я сейчас вспомню какое-нибудь заклинание.

— Нет, только не это! — с комическим ужасом сжался на кровати Симус. — Карающая длань Лонгботтома... Ужас, летящий на крыльях ночи... А насчёт Вэнс я подумаю.

...Сначала сон был совершенно безмятежным: Гарри летал высоко-высоко в небе, почти касаясь похожих

на пушистые клубки белоснежной шерсти облаков. Внизу, приветственно размахивая руками и смеясь, ждали Рон и Гермиона... Потом вдруг Гермиона оказалась рядом с ним — она сидела на метле сзади, крепко обхватив Гарри поперёк тела и прижавшись к нему; он чувствовал мягкую упругость её упирающейся в спину груди; тёплое дыхание касалось нежных волосков на его затылке, поднимая их дыбом. Это было упоительно-приятно — Гарри во сне улыбнулся и вздохнул.

Рядом появился Рон — он летел, периодически закладывая виражи, что-то крича, — Гарри помнил, как что-то отвечал, как они смеялись и переговаривались, как жмурились от ярких и тёплых лучей совсем не поосеннему греющего солнца...

Сколько они летели? Наверное, долго, потому что небо начало меркнуть — то ли от приближающейся непогоды, то ли из-за того, что день подкатился к вечеру вместе с солнцем: став неприятно-красным, оно обморочно свалилось за горизонт буквально в мгновение ока. Сразу же стемнело и похолодало, но Гарри с Гермионой и Рон всё неслись и неслись вперёд, входя сквозь звёздные врата в ночь. Почему-то Гарри твёрдо знал: они не могут приземлиться — то ли потому что спешат куда-то, а может, потому что никакой земли под ними уже и в помине не было. Ветер протяжно зашвистел в ушах. Наверное, он свистел и раньше — конечно, на такой-то скорости! — но Гарри обратил на него внимание только сейчас, когда привычный бесформенный шум обернулся странным завывающим голоском.

— Си-и-и-ильный... Глу-у-у-упый... Мальчи-и-иска...

Гарри закрутил головой, но кроме зажмурившейся, замершей за спиной Гермионы рядом никого не было: Рон отстал, и теперь виделся каким-то нечётким силуэтом на фоне сгущающейся ночи. Звёзды постепенно меркли, их жадно поглощала наползающая туча, догоняющая гриффиндорцев, несмотря на огромную скорость, с которой они неслись.

Голос, меж тем, был отнюдь не гермионин:

— Думаешь, победи-и-и-ил? Погляди-и-и-им... Он оказался таким хи-и-и-ильным... Я шептал ему день за днём, что ты предал его, что отказался от него. Он сопротивлялся, возражал — но сомнения крепили в его душе. Крепи-и-и... — голос унёсся прочь, теперь Гарри слышал лишь вой ветра, всё усиливающегося, не-

сущего бурю.

— Кто ты? Где ты? — крикнул Гарри, сам не услышав своего голоса — будто холодная рука сорвала слова с губ раньше, чем он успел их закончить.

— ...и однажды он повери-и-ил мне. И выбрал меня, — голос вернулся, только теперь в нём звучали торжествующие нотки. — Я пророс в нём, сли-и-и-ился с ни-и-и-им... Я не отдам свою добычу так просто!..

— Рон! — Гарри заложил вираж, разворачиваясь, и в этот миг увидел друга: бледный, с вытаращенными от ужаса глазами, словно только что узрел нечто совершенно кошмарное, Рон, почти распластавшись по древку, гнал изо всех сил, а сзади, настигая, неслась туча — казалось, она имела тело: во всяком случае, нечто, сильно напоминающее пасть, сейчас распахнулось почти над самой головой Рона.

— Рон! — вскрикнула Гермиона, сидящая за спиной Гарри. — Ну же — быстрее!

Гарри помчался наперерез, чтобы отсечь от друга наползающую тьму, и в этот миг Гермиона, вскрикнув, дёрнулась и отпустила руки. Он видел её стремительно удаляющееся в чёрную бездну лицо, слышал вопль Рона: увернувшись от челюстей мрака, сомкнувшихся с громовым раскатом, тот рухнул следом за ней, что-то крича и протягивая руку; Гарри тоже направил метлу вертикально вниз... Ветер выхлёстывал слёзы из глаз, лоб вспыхнул болью, на миг ослепив, Гарри вскрикнул и... проснулся.

Он лежал на полу у кровати. Из рассечённого при падении об угол тумбочки лба текла кровь. Сердце стучало так, что Гарри даже подумал, не разбудит ли оно однокурсников. Видимо, это опасение было не лишено оснований, потому что полог Невилла шелохнулся.

— Гарри, что случилось?

— Ни-ничего. Просто... свалился с кровати, — силась держать свой голос под контролем, ответил Гарри, вставая. Не удержавшись, подошёл к постели Рона и, отодвинув полог, заглянул. Не то, чтобы он не верил в случившееся сегодня, — просто ему вдруг захотелось убедиться, что друг действительно тут, действительно рядом.

— Хорошо, что всё закончилось? — неожиданно тихо спросил Невилл.

Гарри вздрогнул.

— Закончилось? О нет... Всё только начинается.

Глава тринадцатая, в которой мы знакомимся с очередным Тёмным созданием, Рон неоднократно получает по физиономии, а Фред и Джордж открывают молодежный клуб.

Дженнифер Грин не спала всю ночь, а потому утром в понедельник вышла из спальни второкурсниц на дрожащих ногах, с нежно-фиолетовыми кругами под красными, как у кролика, глазами, с напутствием Трейси «в твоих силах сделать мечту реальностью!» и железной решимостью немедленно всё рассказать ему.

...Главное — не сбиться на стихи... — когда она сильно нервничала и переживала, то невольно начинала говорить в рифму. Даже на уроках. Первое время профессора вздрагивали, а Снейп даже как-то снял с Гриффиндора двадцать баллов, решив, что нахальная первоклашка над ним просто издевается, однако постепенно все привыкли или же смирились, так что её ответы из серии «...пять шерстинок чёрной кошки, а потом мешаем ложкой» или «если же в хрустальном шаре зришь огонь, как на пожаре...» воспринимались словно нечто самой собой разумеющееся. Однако сейчас Дженнифер казалось, что изложение своих чувств к такому серьёзному, взрослому, такому несчастному и — главное — несправедливо обиженному миром и судьбой Рону Уизли в стихотворной форме...

Нет, определёнno — это не лучшая идея.

Особенно после увиденного вчера... По спине пробежали мурашки, и Дженнифер мысленно замахала руками, отгоняя назойливые и на редкость яркие воспоминания о странной сцене в гриффиндорской разде-

валке: эти выражения на лицах оцепеневших юношей, напряжение, хриплое дыхание, остекленевшие глаза — Поттер и Уизли замерли в нескольких футах друг от друга, но ей казалось, будто они сошлись в рукопашном поединке не на жизнь, а на смерть.

Бр... нет, никаких стихов, — она трянула головой. — Он примет меня за идиотку и больше никогда даже не посмотрит в мою сторону.

Путь до ванной по серому коридору со светлыми пятнами по стенам — следами от когда-то висевших, но давно снятых портретов⁴⁷ — показался ей бесконечным, однако холодная вода слегка привела в чувство, и когда Дженнифер решительно направилась по лестнице вниз, в гриффиндорскую гостиную (вернее, «решительно» — это она так думала, на деле шла девочка на подгибающихся ногах, цепляясь за перила, как за соломинку), в голове уже выстроилось нечто вполне связанное.

...Сначала надо сказать, что я не сержусь из-за проигрыша... Все на него так накинулись — какие бесчувственные, бессердечные!.. Думают только о голах и

⁴⁷ Ибо изображённые на них маги рано или поздно начинали неадекватно реагировать на спящих туда-сюда по женскому общежитию полуодетых девушек, а колдуньи становились настоящими **ведьмами**.

очках! Нет, я его ни в чём не виню... Я скажу, что знаю про его тайну, предложу помощь, поддержку, дружбу... А потом скажу, что... что я его... Я должна это сказать — не могу больше терпеть!

Ей показалось, будто кожа на щеках вот-вот лопнет — так немилосердно прилила к ним кровь.

Девочка решительно сжала кулаки и обвела взглядом гриффиндорскую гостиную, едва не застонав от разочарования: в тот момент портрет медленно закрывался за направляющейся на завтрак троицей, вслед которой нёсся крик угнетённого домашнего животного: решительным жестом Косолапсуса водворили обратно в гостиную. С другой стороны, правда, пилюля оказалась чуть подслащённой тем, что рядом с Роном снова шагали, улыбаясь, друзья — а значит, его боль и горечь одиночества, воспринимаемые ею как свои собственные, уже в прошлом...

Дженнифер потопталась на месте. Задор как-то спал, она малодушно развернулась, размышляя, не вернуться ли обратно в спальню, но наверху, грозно скрестив руки на груди и сдвинув брови с грозным видом Командора стояла Трейси Алесини. И неприступности её позы обзавидовалась бы любая из гаргулий у дамблдордовского кабинета.

Сжавшись, мисс Грин покорно развернулась к выходу и глубоко вздохнула.

Не стой на месте, иди, ищи новые тупики... Ну, что ж... Решила — значит решила! За своё счастье надо бороться! — сжав кулачки, она заторопилась следом за старшекурсниками. Однако, пробежав по коридору в сторону Большого Зала, увидела только Гарри и Гермиону — Рона с ними уже не наблюдалось.

Что такое? Куда он девался? Где же он?

Дженнифер забежала вперёд, потом вернулась, маневрируя в потоке идущих на завтрак однокурсников, потом снова медленно пошла в сторону Большого Зала, заглядывая в боковые коридорчики. И ей повезло⁴⁸: из третьего по счёту доносились раздражённые голоса, один из которых... да, несомненно — принадлежал Рону. А второй... Сердце кувыркнулось в груди, а ноги снова задрожали: второй голос был женским.

С... с кем это он там ругается? И... и почему?! Кто... кто посмел снова обижать его?!

Дженнифер на цыпочках пошла вперёд, стараясь, чтобы шаги не подхватило гулкое эхо. Полумрак обхватил её со всех сторон, когда она приблизилась и выглянула из-за угла, сразу же едва не оглохнув от крика и шарахнувшись назад. Впрочем, сейчас она могла топтать, кричать, могла даже что-нибудь сплестать: на неё вряд ли бы обратили внимание.

— ...а навоз за драконами убирать: сожрут — не жалко! Я ещё вчера хотела тебе всё сказать, кабы ты не прятался, как последний трус!

— Я не трус! И я не прятался!

— Теперь тебя ничего не спасёт, только уколы — каждые четыре часа.

— Что ты несёшь? Какие уколы?

— Совести!

— Уколы?! Да ну их в задницу!

— Ха-ха, очень смешно — шуточка вполне в твоём стиле. Ты и играешь так же тупо и плоско!..

— Чёрт, сколько можно повторять — я уже перед всеми извинился! Да, да, ДА!!! Я виноват, я — дурак, если хотите — гоните меня прочь из команды, только заканчивайте из меня душу вынимать, мне и так жить не хочется...

— Что, выходит, облажался — и в кусты? А кто будет всё исправлять?! Значит, нам теперь отдуваться за твои выходки? Ну уж нет! Я всё знаю — ты умеешь играть, ты можешь!!! Следующая игра — со Слизерином, хочешь бросить команду в такой момент?! Нет, теперь ты просто обязан...

Звонкий голос, акцент... сомнений нет, — Дженнифер ещё раз осторожно выглянула, убедившись в своей правоте: Рон и Стана стояли в узком коридорчике под тускло светящимся факелом, крича и размахивая руками перед лицами, будто собиралась выбить друг другу глаза. Почему-то эта картина отнюдь не обрадовала второклашку: несмотря на ярость в голосе Станы и бешенство на лице Рона было в их фигурах нечто... нечто...

— И какого чёрта ты кинулся на Марчбэнкса?! Если бы не твоё дурь, мы всё равно могли бы выиграть — даже с учётом твоих косых глаз...

— ...ничего подобного!

— ...и дырявых рук!

— А ты не понимаешь?..

— Не понимаю!

— Он нарушил правила, запустив в тебя бладджером! — рявкнул Рон, покраснев ещё сильнее: теперь даже Дженнифер из засады это видела.

— Ну и что?! А в результате проиграли именно мы! Ты — глупый болван, не способный держать себя в руках!!! Тебя вообще к полю подпускать нельзя!

— А ты... ты... бестолковая дура! Прекрати на меня орать!

— Ах ты!.. — не найдя подходящего аргумента, Стана вскинула кулачки и отчаянно замолотила Рона по плечам и груди, подсакивая и целясь в голову. Сначала он пытался защититься руками, но болгарка, пылая гневом, не унималась — тогда он схватил её за запястья. — Пусти! Псих! Чокнутый!

— Прекрати немедленно!

— Дурак! Идиот! Горе-вратарь! Ноль без палочки! Криворукий иди-м-м-м-м... — доведённый до ручки, Рон заткнул Стане рот единственно возможным способом. Он даже сам не понял, как это случилось, наверное, от растерянности: он просто наклонился и накрыл её губы своим ртом.

Стана онемела. Вытаращила глаза. Охнула. Обмякла. Запрокинула голову. И тут же снова очнулась и забилась в его руках с удвоенной силой. Но не тут-то было: подозревая, что ничего хорошего его за столь нестандартный подход к решению задачи не ждёт, Рон держал её крепко, при всей своей силе и ловкости девушка оказалась нечего противопоставить железной хватке на запястьях.

Стана зажмурилась и изо всех сил пнула его коленом... Похоже, попала: Рон взвыл и сложился пополам.

— Извращенец! Животное! Дурак! — влипнув напоследок звонкую пощёчину, она — красная, как рак, — пулей вылетела из-за угла, сбив с ног ошеломлённую Дженнифер. — А ты ещё что тут делаешь?! — неуголённая ярость клокотала в Стане так, что Дженнифер зажмурилась. — Эй, ты! Что — интересно, да?! — от волнения её слова едва ли можно было разобрать из-за усилившегося акцента. — Дураки!!! Какие же вы все тут... — она в отчаянии махнула рукой, перешла на болгарский и умчалась. Эхо напоследок донесло ещё один всплеск красноречия, и всё стихло.

Потирая одной рукой щёку, а другой держась за живот, Рон с трудом разогнулся. Судя по его лицу, он едва осознавал, где находится и что только что произошло, — он сам ещё плохо понимал, оказалось ли большим потрясением, её острое колено, влипвшее ему... ну, словом, несколько дюймов ниже и всё было бы куда неприятней, или же её удивительно мягкие и тёплые губы.

— Вот чёрт...

Слегка придя в себя, Рон вышел из бокового коридорчика и сбормася было продолжить прерванный Станой путь в Большой Зал на завтрак и учёбу, когда, пылая яростью и гневом, Дженнифер загородила ему дорогу. Он даже не моргнув, посчитав едва доходящую ему до подмышки пигалицу каким-то неодушевлённым препятствием. Попробовал обойти её с одной стороны — та сделала шаг в ту же сторону — не удалось, с другой... Глаза Рона наконец-то прояснились и он во-

⁴⁸ Если, конечно, это следует назвать везением с учётом того, что последовало потом.

просительно уставился на красную, распираемую ревностью, любовью и отчаянием второклашку.

— Тебе чего?

— Ты... ты... — задохнулась Дженнифер, — о, негодяй! Как ты посмел! Как мог ты поступить так с ней! — она с ужасом поняла, что снова переходит на стихи и умолкла, судорожно хватая ртом воздух.

Рон с недоумением уставил на залитое слезами круглое личико, на трясущиеся косички...

Ещё одна ненормальная...

— Так чего тебе?

— Вот чего! — решив быть предельно лаконичной, она взмахнула рукой, и Рон, ахнув, схватился за вторую щёку. — Дурак! — размазывая по лицу слёзы, Дженнифер рванула по коридору — только пятки засверкали.

— А поцеловать? Могла бы для начала поцеловать... — растерянно крикнул он вслед, тут же, впрочем, снова забыв о её существовании. Замерев, робко коснулся пальцами губ, словно удостоверясь, что случившееся пять минут назад ему не примерещилось... И вдруг широко улыбнулся — так, как не улыбался уже очень давно.

...О, малыш... Ты думаешь, всё уже кончено? Ну-ну... — почти бесшумно вздохнул знакомый злой голосок. Но Рон, к несчастью, его не услышал.

* * *

К невероятному удивлению студентов профессор Делакур появилась в классе отнюдь не в костюме для фехтования, а в самом, что ни на есть, тривиальном наряде (ежели, конечно, можно назвать тривиальным нечто струящееся, облегающее, сексуальное... — словом, было где разыграться и воображению, и инстинктам).

— Последний писк квазимоды, — ревниво прошипела Лавендер.

Флёр приветственно кивнула и прошла к кафедре, равнодушно прислушиваясь к привычному беспорядку в классе. Симус Финниган рванулся вперёд, но оказался остановлен железной рукой и подножкой Захарии Смита — тот норовил преподнести свой букет первым. Впрочем сам Смит пал в неравной схватке с куда более тренированным и ловким Майклом Корнером.

Увидев, как восторженно засучил ногами Дин Томас, Парвати возмущённо поджала губы и взмахнула палочкой, однако Дин, развивший в последнее время отличную реакцию, успел вовремя пригнуться. В результате пара ослиных ушей жизнерадостно встопорчилась на голове Гарри, который, несмотря на все прилагаемые усилия держать себя в руках, уже чувствовал, как напрягается вышедшее из повиновения тело.

Гермиона, сверкнув глазами и погрозив кулаком смущённой однокласснице, убрала с головы Гарри сей артефакт. А сам Гарри получил чувствительный тычок в бок. Он вздрогнул, взглянул на вопросительно приподнятую бровь подруги и смущённо прижух.

— Да она просто издевается над нашими парнями, — проскрипела зубами Ханна Эббот, — кукла французская... дрянь фарфоровая...

Будто услышав эти слова, Флёр, взошедшая на кафедру, как-то неуловимо повела бровями, и наваждение спало, будто резко захлопнули книгу. Привычно краснея под возмущёнными взглядами девушек, парни расселись по своим местам.

— Я вот всё расскажу Джинни, — мстительно шепнула сидящему перед ней Майклу Корнеру Лавендер, ткнув его в спину волшебной палочкой, — она тебе устроит...

— ...Варфоломеевскую ночь, — хихикнул сидящий рядом Рон. Он с гордостью развалился на своём стуле и снисходительно поглядывал на остальных: на этот раз ему удалось оказаться среди немногих устоявших перед неукротимыми чарами Флёр.

— Ты бы вообще не высовывался, сидел бы да помалкивал — скромность укрощает человека, — фыркнул в его сторону Захария. — Монстр квиддича.

Рон осёкся, покраснел и съёжился за партой, тут же став раза в полтора меньше: да, одноклассники, с коими Гарри побеседовал по поводу случившегося, держали эмоции при себе, а языки за зубами. Зато представители остальных факультетов не могли спокойно пройти мимо, чтобы не подпустить какую-нибудь шпильку. Разумеется, отличались слизеринцы, заранее празднующие победу в грядущем матче.

— Итак, сегодня мы переходим к практическому применению полученных вами навыков, — едва Флёр заговорила, как в классе воцарилась гробовая тишина. — Полагаю, вы достаточно готовы не только физически, но и ментально, *n'est-ce pas*⁴⁹? Ну-с, о ментальной готовности мы поговорим позже. Итак... попрошу всех открыть учебники на странице двенадцать.

Зашуршали страницы.

— О... Вот это я понимаю, — восхищённо присвистнул Джастин Финч-Флетчли. — Вот это зверушки... Неужели мы будем учиться бороться с ними?

— Ух ты... — Дин Томас в восторге листал страницу за страницей, изучая изображения монстров. — А названия-то, названия какие! Огнезмеи... Мороки... Стражи... Лики Страха...

— Да, это тебе не красных колпаков давить и богарта тюкать, это — настоящее дело! — Захария попробовал преданно заглянуть в глаза Флёр.

— Не могу с вами согласиться, мсье... мсье... — Флёр чуть нахмурилась, будто не в состоянии вспомнить, как его зовут.

— Смит, — с нажимом подсказал тот. Это случилось не в первый раз: отчего-то так сложилось, что она никак не могла запомнить его простую фамилию. Хотя — может, потому и не могла, что та была слишком простой.

— Да, именно, — даже не глядя в его сторону, кивнула Флёр. — Боггарт — прекрасный образчик того, что настоящий маг должен всегда держать под контролем собственные страхи и эмоции. И не только. Вот об этом мы сегодня и поговорим...

...Собственные страхи... — перед мысленным взором Гарри снова возникла странная картина: разъярённый профессор Снейп и застывший перед ним... ещё один профессор Снейп. Руки и лицо которого — Гарри готов был присягнуть, хотя и продлилось это видение пару мгновений, — были по локоть обгарены кровью...

— Что?! — ахнула Лавендер, недоверчиво уставясь с книгу. Сидящая рядом с ней Парвати перегнулась и заглянула, тут же покраснев. — Вы хотите сказать, чтобы убить Стража, нужно сломать ему... сломать ему...

— ...палец! — сверившись со своим учебником, возмущённо фыркнула Парвати, проверила формуляр подруги и пожалала плечами: — Конечно — чего ещё ждать от Фреда Уизли! Наверняка он весь учебник испакостил своими пометками. Вот уж действительно — большое воображение!.. Все мысли только об одном!

В классе начался лёгкий переполох: разумеется, всем немедленно захотелось узнать, насколько далеко увело Фреда нездоровое воображение. Парни глумливо хихикали и желали Лавендер удачи, девушки краснели но — в большинстве своём — тоже хихикали.

Не до улыбок было только Гарри, Рону и Гермионе, знавшие многие названия отнюдь не понаслышке. Невилл тоже не принимал участия во всеобщем веселье: на его лице расплывалось выражение с трудом сдерживаемого ужаса.

Как там?.. — Гермиона постаралась припомнить письмо, полученное ею от миссис Лонгботтом. — *Лишился руки, ноги и носа?.. Или уха? Впрочем, неважно: в любом случае, у Лонгботтома большие перспективы...*

— И что — мы всё это будем отрабатывать на уроках?! — с ужасом листая страницу за страницей, вопросила Парвати. — Но ведь это... смертельно опасно!

⁴⁹ Не правда ли (фр.)

— Гораздо опаснее встретиться с этим, не будучи готовым, — возразила Флёр. — Нет, мы не сможем отработать способы обороны и уничтожения всех представленных Тёмных Созданий — многие из них уже стёрты с лица земли, — раздался сокрушённый мужской вздох, — другие же настолько опасны, что к встрече с ними готовы лишь хорошо тренированные авроры, а уж никак не вы и не я. Однако кое с чем мы с вами поработаем не только теоретически. Страница двадцать три.

— Наявы, — страшным шёпотом прочла вслух хаффлаффка Сара Хилл.

— Совершенно верно, мадемуазель Хилл. Этот материал прежде не относился к изучаемым в школе, однако... в преддверии грядущих событий, — Флёр вздохнула, и ткань на её груди туго натянулась, заставив юношей гулко сглотнуть, — непросто событий... профессор Дамблдор рекомендовал мне коснуться этой темы. Итак... Дабы не мучить ваши уши моим ужасным акцентом, — вейла легко встряхнула головой, и серебро её волос всколыхнулось, вторя серебру, зазвеневшему в голосе, — прочтите параграфы три и четыре...

По рядам пронёсся гул, все углубились в книги, но через несколько минут тишина снова сменилась смешками и вознёй.

— Ясно, Парвати? — хихикнул Дин Томас. — Даже если я паду смертью храбрых, ты от меня так просто не отвяжешься: буду во плоти являться к тебе каждую...

— Хватит! — не выдержала Гермиона. — Сколько можно паясничать! Мы тут чем вообще занимаемся...

— Мадемуазель Грейнджер, благодарю вас, — ледяным тоном остановила её Флёр, — полагаю, я сама способна справиться с дисциплиной в классе. Веселье мсье Томаса связано с тем, что, по-видимому, он не слишком внимательно изучил представленный материал, n'est-ce pas? Впрочем, и не удивительно: судя по записям, вам действительно пока не приходилось сталкиваться с чем-либо серьёзней, чем гриндилоу или красные колпаки. Не в моих правилах комментировать методику преподавания других педагогов, однако... — Флёр гордо трянула головой, и в её голосе отчётливо прозвучали спесивые нотки, — в нашей школе всё это изучали на втором курсе.

— Нам не очень везло с преподавателями...

— Понимаю... Однако вы уже старшекурсники, а потому должны быть готовы не только к детским играм — *jeu d'enfant*⁵⁰, верно? И так, наявы. Оболочка у них человеческая, причём, как вы уже прочли не просто человеческая... однако внутри они наполнены тёмной силой, цель которой — уничтожение, мсье Томас, а отнюдь не то, о чём вы подумали. Да — наявы могут ходить, разговаривать, они ведут себя, словно люди, — потому-то поднять волшебную палочку и уничтожить их так трудно... Особенно тому, кто привёл наяву в мир. Но если этого не сделать, они уничтожат вас: существа, пришедшие из потустороннего мира всегда будут стремиться уравнивать свои шансы, утянуть вас следом за собой в бездну.

— Но... Простите, можно? — вскинул руку Невилл.

— Прошу, мсье Лонгботтом.

— Если я правильно понял... эти существа имеют облик дорогих тебе людей. Умерших людей.

— ...сложно не понять, если там открытым текстом это написано... — прошипел сидящий у него за спиной Брайан Дрим, и Невилл покраснел.

— Именно. Облик, голос, манеру поведения. И пусть даже ты понимаешь — внутри они наполнены злом и тьмой, от этого какая-то часть души и сердца не перестаёт призывать их в наш мир и удерживать здесь, вопреки всем доводам разума. Она становится их цепью. И якорем.

— А почему мы начали изучение Тёмных Созданий

именно с них? — удивлённо пожал плечами староста Хаффлаффка Эрни Мак-Миллан. — Вон, впереди ещё столько интересного: мороки, Лики Страха... И — опять же, это ж не оружие массового поражения...

Сам Гарри сидел, не поднимая головы от книжки: догадка, столь же очевидная, сколь и ужасная, пронзила его после равнодушных строк краткого описания и основных способов уничтожения. А уж иллюстрация... Судя по бледному лицу сидящей рядом Гермионы, она тоже была весьма впечатлена. Метнув в Гарри испуганный взгляд, староста снова подняла руку:

— Вы хотите сказать, в ближайшее время мы можем вплотную столкнуться с этой проблемой?

— Бр... — какая гадость... — сморщилась дочитавшая до конца Ханна Эббот.

— ...какой ужас...

— Нам придётся это делать?!

— Профессор?..

— ...профессор...

— Да, профессор?

Но обычно не лазающая в карман за словом Флёр молчала — видимо, подбирала слова. Всплески вопросов зазвучали чаще, а потом прекратились — будто прошёл испуганный летний дождь, сменившийся предгрозовой темнотой. Тишина росла, обретала форму, вес, начинала давить: грядущие потрясения, о которых неустанно повторяли всё последнее время, вдруг утратили абстрактную аморфность, обернувшись...

Лавендер попыталась глубоко вздохнуть, но только нервно пискнула — и этим словно выдернула чеку: тишина лопнула, треснула по швам резко отодвинутым стулом, оброненной на пол волшебной палочкой, чьим-то вздохом ужаса. Дин Томас снова усталился на Парвати, только теперь его взгляд был испуганным.

— Mais oui⁵¹. Да, Тёмная магия способна обернуть против человека даже такие чувства, как горе и скорбь. Навеки ушедший отец или брат, погибшая возлюбленная или друг, — сейчас голос Флёр отнюдь не напоминал её обычное серебристое журчание, он рассекал воздух резкой и острой рапирой, жаля в самое сердце, — невозможно устоять, невозможно не скорбеть, не звать их обратно. И они приходят — в виде наяв, сводящих с ума, лишающих воли, увлекающих вас к той черте, из-за которой вы своей рукой и выдернули их в наш мир. Близится война — утраты и потери неизбежны. Вы должны быть готовы. Мы должны быть готовы. И если скорбь и горе обернулось против вас — сумейте остановиться и уничтожить их плоды. В противном случае они уничтожат вас.

— Что-то я не пойму, откуда столько пафоса, — фыркнул Захария Смит. — Ну, вроде всё ясно: тёмные существа, надо уничтожать... Давайте к делу перейдём, что ли!

На него покосились, будто он публично испортил воздух, даже Флёр на миг потеряла свою обычную невозмутимость и чуть приоткрыла рот.

— Pardon⁵²?..

Гарри же едва удержался от того, чтобы стукнуть Захарию по голове чем-нибудь тяжёлым: помимо всего прочего, он ещё не забыл колкие замечания по поводу «разбитого сердца Поттера».

— Бесчувственное животное, — буркнула Гермиона и повернулась к Гарри. Он тоже посмотрел на неё и на миг попробовал вообразить...

...До чего это страшно... до чего бесчеловечно...

Гермиона, тронувшая его за руку, почувствовала, как мышцы каменеют под рукавом.

— Именно здесь вам и пригодятся фехтовальные навыки, ибо способ уничтожения этой нечисти очень схож с фехтовальным поединком: укол... — Флёр сделала выпад, используя свою волшебную палочку, как рапиру, — и, едва целостность оболочки нарушена,

⁵¹ Ну, конечно (фр.)

⁵² Простите (фр.)

⁵⁰ Детские игры (фр.)

тёмная сила начинает выходить наружу: вы увидите это по тёмным сгусткам в воздухе — вам надо разрушить их специальным заклинанием. Снова выпад, снова укол... и так до тех пор, пока от наявы не останется только пустая оболочка.

Гарри опустил глаза к книге, и морозный холодок опять пробежал вдоль позвоночника: пустая кожа. Как чулок. С первого взгляда тонкий, искусно сшитый комбинезон. С пластинками ногтей. С белыми шарами глаз. С волосами на плоской голове, плоской, как сдувшийся мячик, и оттого неестественно огромной.

— Итак, заклинание: *Fusum!* — профессор Делакур резко двинула рукой чуть вниз и сразу — вбок, и с кончика её палочки сорвалась яркая белая искра, заставив всех зажмуриться. — Для начала мы сегодня отработаем заклинание, а потом, когда вы достаточно его освоите...

— Хотите сказать, что нам нужно будет практиковаться на настоящей наяве? — в ужасе ахнула Сьюзан Боунс, затрепетав всем телом — так, что даже перо на её парте затряслось.

— А вы предпочитаете изучать Защиту от Тёмных Искусств исключительно в теории? — Флёр презрительно приподняла брови. — *Mais oui!*... Итак, следите за моей рукой: *Fusum!* Все поняли? *Repetez!*⁵³

* * *

Из класса все выходили молча, всё ещё находясь под тягостным впечатлением от услышанного, но... За окном вздыхал тихий осенний денёк, уроки на сегодня закончились, и предстояла сулившая многочисленные удовольствия и развлечения прогулка в Хогсмид, потом хеллоуинский пир... Жажда жизни и здоровый юношеский цинизм (в хорошем смысле этого слова) брали верх в поединке с мрачными пророчествами: картинки с каждым шагом становились всё бледнее, постепенно выветривались из головы... И вот уже раздалась первая смешки и шуточки, Дин Томас снова изобразил набрасывающегося на Парвати монстра — та только рассмеялась: в привычных и безопасных коридорах Хогвартса, рядом с друзьями и учителями всё становилось совсем-совсем нестрашным. Ну, хорошо, не «совсем-совсем»... — ...разве что слегка пугающим.

— Я забегу в библиотеку, сдам «Магию Запада», — кашлянув, дабы привлечь к себе внимание, сообщила Гермиона приумолкнувшему Рону и Гарри. — Увидимся в Большом Зале.

Те разом вздрогнули, словно очнувшись.

— Только не задерживайся, — Гарри одной рукой притянул её к себе и как-то очень по-братски чмокнул куда-то в район уха, едва не оглушив.

— Что ты меня всё в щёку да в щёку? Будто и поцеловать больше некуда! — фыркнула Гермиона, надеясь хоть чуть-чуть разрядить обстановку. Однако нельзя сказать, чтобы это сильно помогло: и Рон, и Гарри как-то странно на неё посмотрели, потом Гарри натянуто улыбнулся. Она смущённо кашлянула. — Ну... я в библиотеку.

— Постой, Гермиона, я с тобой, — вдруг дёрнулся, будто кто-то ткнул его пальцем под рёбра, Рон. — Мне надо... да... мне надо кое-что посмотреть.

— Ну, тогда и я с вами, — Гарри закинул сумку за спину. — За компанию.

Однако компания получилась несколько странная: Гермиона, всё ещё смущаясь своих дурацких слов, шагала чуть впереди. А Рон, напротив, отстал и нога за ногу плёлся сзади. Гарри шёл между ними, напряжённо размышляя о вероятности прихода в мире в виде наяв давно умерших людей: он даже хотел после урока подойти с этим вопросом к Флёр, но как-то не собрался, словно, озвучив его, разрешил бы себе снова думать о родителях... Вернее, не просто о родителях (он не переставал это делать, хотя, конечно, уже не так часто, как в детстве), а о возможности вернуть их,

встретиться с ними...

Встретиться с ними.

Бр... Ужас какой! — Гарри передёрнулся и прибавил шагу: — Гермиона, стой!

Он сам не заметил, как остался в одиночестве — Гермиона умчалась вперёд, а Рон отстал. Надо сказать, что в отношениях друзей после примирения всё же осталась некая напряжённая недоговорённость. Так невозможно бесследно склеить разбитую чашку — как ни крути, трещины всё равно останутся. Вот и Рон не спешил выкладывать Гарри всю подноготную случившегося, а тот не нажимал, не лез в душу, считая это неприличным. Хотя — как знать — временами полезней оказаться бесчувственной скотиной и бестактно выпросить все подробности, вскрыв таким образом нарыв на душе... Но Гарри оказался не в состоянии переступить через свою природную деликатность, а Рон... А Рон пока не мог понять, что мешает ему — как раньше — честно рассказать обо всём другу. Сколько он ни собирался в эти последние дни — всё время что-то останавливало в самый последний момент.

Когда перед Гарри распахнулась тяжёлая дверь библиотеки, Гермиона уже заканчивала беседу с мадам Пинс, однако он знал: отродясь такого не было, чтобы она не прошла вдоль стеллажей и не просмотрела каталог новейших поступлений. А потому он присел за ближайший стол, подпёр подбородок рукой и, уставившись на неё, снова задумался — на этот раз о куда более приятных вещах: Три метлы, традиционное сливочное пиво...

...потом можно в Зонко зайти... А вечером... после пира... — он с трудом сглотнул, и мысли, подстёгнутые фразой Гермионы насчёт поцелуя «куда-нибудь ещё», приняли традиционное для последнего времени направление. Стечением жутких обстоятельств разлучённые на такой долгий срок, они никак не могли вернуться к прежним отношениям — Гермиона снова краснела, лоя на себе его пристальный взгляд, и делала вид, будто ни о чём не догадывается. На самом же деле она буквально сходила с ума от мысли о том, что могла позволить себе в «свое отсутствие» (а судя по всплескам памяти и отзывам со стороны она очень даже «позволяла») Гарри же пока кроме как на взгляды и неуклюжие поцелуи то в висок, то в лоб не решался, все попытки подобрать правильные слова оказывались тоже безрезультатными: он мычал и мялся, умирая от неловкости и гадая, не будет ли принят ею за озабоченного извращенца, у которого только одно на уме. Однако же не мог он подойти и заявить в лоб: «я приду к тебе сегодня ночью», верно? Или всё же мог? Или стоило дожидаться от неё какого-то знака... жеста... Подтверждения их прежней любви?.. — изнемогая от этого вопроса, становящегося всё более жизненно важным для здорового шестнадцатилетнего подростка, Гарри не услышал, как снова едва слышно скрипнула дверь, и в библиотеку вошёл Рон, прямоиком направившись ко всё ещё стоящей у дальней полки Гермионе. Если б Гарри не был так увлечён поиском подходящего эвфемизма для точного и ненавязчивого выражения своих желаний⁵⁴, он бы заметил странную тень, лежащую на лице друга. И на то, что, проходя мимо Гарри, тот отвернулся, пряча глаза.

...Ты думаешь, легко от меня отделался... — окрикнувший на один глаз демон сжимал и разжимал многопальные кулаки. — *Сейчас я тебе отплачу — разом и за всё... Решил, что ты сумел со мной справиться... Вышвырнул меня из своей души...*

— Гермиона, ты не знаешь, где я могу посмотреть материалы для обзора по истории Магии?

— Ой, Рон, это дальше, там, — мотнула головой Гермиона, не отрываясь от оглавления последнего выпуска «Трансфигурации сегодня».

⁵³ Повторите (фр.)

⁵⁴ В голову почему-то лезла всякая глупость в стиле Дина Томаса: «Мы примем ванну вместе. Так что вода нам не нужна».

— Ты не покажешь?.. А то тут сам чёрт ногу... — тускло усмехнулся он.

...Точно-точно... Подальше... потемнее — веди её... Только не очень далеко — а то Поттер крика не услышит и останется без такого восхитительного зрелища!.. Я одним махом и навеки лишу тебя всего!.. Никто тебе больше не поверит, ничто тебя не спасёт!..

— Так, — Гермиона приглашающе взмахнула рукой в сторону поросших не просто пылью — мхом — фолиантов, — по-моему, где-то здесь.

— Спасибо... — стоящий у неё за спиной Рон не двинулся с места, руки его затряслись.

— Не за что, — Гермиона пожала плечами и собралась уйти, но тут даже в окутавшем эту часть библиотеки полумраке заметила, что с ним что-то не так.

— Рон?.. Что с тобой?..

...Ну... ты ведь тоже мужчина, верно?.. Она никогда не обращала на тебя внимания — есть шанс доказать, что ты тоже кое-что умеешь и стоишь... Нет ни друзей, ни подруг, есть только мужчина и женщина... Есть только соперники. Смелее — руки ей за спину и вперёд... А уж Поттер-то как порадуетесь... Ты у меня потом вовек не отмоешься... Сам ко мне вернёшься, сам прибежишь... Ну!..

— Гермиона... отойди от меня... пожалуйста... — скрипнул зубами Рон, с усилием делая шаг назад.

— Рон?.. Тебе плохо? — она, напротив, кинулась к нему, думая, что это головокружение или нечто в том же духе. — Присядь, опусти голову между колен...

— Не приближайся! Отойди... скорее... слышишь! — лицо Рона потемнело, он взмахнул рукой, отпихивая Гермиону от себя, — она ахнула, отлетела в сторону, едва удержавшись на ногах.

...Врешь... Не пушу...

— Я... не... предам... своих... друзей... — Рон запрокинул голову, судорожно стиснул кулаки, зажмурился, захрипел и... сполз по стеллажу, свозя рукой книги и вздымая клубы вековой пыли. Чихая, как заводная, и недоумённо протирая глаза, Гермиона увидела — лицо его побелело, потом покраснело — волосы встали вдруг дыбом, его окружило странное сияние, что-то вспыхнуло, громыхнуло...

— Что вы тут взрываете?! — мадам Пинс возмущённо сдвинула брови. — Мисс Грейнджер! От вас я хулиганства в библиотеке никак не ожидала!..

— Гермиона, Рон, что произошло?! — невежливо толкнув библиотекаря, Гарри подлетел и упал рядом на колени. — Что у вас тут грохнуло? Эй, вы целы? Гермиона?.. Рон?..

Все закопчённые — даже торчащие в разные стороны волосы у них стали одинаковыми, пепельно-серыми — Рон и Гермиона потрясённо переглянулись. Потом Рон заморгал и перевёл взгляд на себя. Замер, будто прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, и... захохотал.

Мадам Пинс с Гарри оцепенели, с испугом переглянулись.

— Р-рон? — подала дрожащий голос Гермиона. — Это... это...

— Рон, Гермиона! Что случилось?

— Мистер Уизли? Мисс Грейнджер! Я требую объяснений!..

— Вы целы?!

— ...Гермиона... какой же я дурак...

— ...да, Рон... ты — ужасный дурак... — не обращая ни малейшего внимания на теребящего её Гарри, Гермиона улыбнулась и хлопнула носом, потёрла тыльной стороной ладони глаза, превратив ровный серый оттенок, который приобрело её лицо, в полосатые разводы.

— А почему у вас тут серой пахнет? — внезапно спохватилась мадам Пинс. — Мисс Грейнджер! Мистер Уизли! — она не на шутку испугалась и тоже присела рядом, затеребив Рона за отвороты школьной мантии. — Вы тут что-то жгли или... или...

— Мадам Пинс? — он перевёл на неё ошавевший,

удивительно счастливый взгляд и вдруг схватил суровую библиотекаря за плечи и прижал к груди. — Как же я рад! Господи, как же я...

— Мистер Уизли! — пискнула та, трепыхаясь в его руках. — Поставьте меня на место!..

Впрочем, уже через миг Рон забыл о её существовании: вскочив (мадам Пинс не удержалась на ногах и теперь сидела на полу, потрясённо хлопая глазами и ртом), он кинулся к Гермионе с Гарри и обрушился на друзей:

— Какой же я дурак!.. Гарри!.. Гермиона!.. Как я рад!.. Как же я скучал... Сколько же мне надо вам...

* * *

— Ой, Ро-о-он! — с театральным страданием простонала Гермиона, держась за голову, чтобы несильный, но на редкость неприятный, пронзительный октябрьский ветер не набил ей рот её же собственными волосами. — Я сейчас уже с ума сойду! Прекрати мельтешить, остановись хотя бы на миг! Гарри!

— Ничего не понимаешь! Я должен компенсировать все прошлые недели! — Рон скакал и прыгал вокруг, как счастливый щенок: то принимался подначивать Гарри, и они с хохотом фехтовали сломанными ветками, то уносился вперёд, пиная листья, то начинал что-то фальшиво насвистывать — и при этом ухитрялся не умолкать ни на минуту и быть везде и сразу. — Вот тебе за это, зануда! — он сгрёб охапку листьев и осыпал ими Гермиону с ног до головы.

— Ах, ты!.. Я тебя... — попытка догнать друга успехом не увенчалась, Гермиона вытряхнула из волос щепочки, веточки и дохлого жука, задумчиво почесала кончик носа и, прикинув заклинение и расстояние до показывающего ей язык Рона, потянулась в карман за палочкой.

— Эй, так не пойдёт, не жульничай! — Гарри шутиво погрозил пальцем и провокационно понизил голос: — Давай лучше двое на одного — мы с ним справимся простой физической силой, сейчас увидишь...

Он припустил за Роном, тот — с подчёркнутым ужасом — рванул прочь, закладывая вокруг деревьев петли, как путающий следы заяц.

Никаких чудес не надо: вот оно, настоящее чудо... — Гермиона смотрела вслед друзьям, не помня, когда была так счастлива в последний раз, — да и вообще, была ли она так счастлива когда-либо: снова видеть их рядом, знать, что весь этот кошмар позади...

Позади ли? Может, всех вас ждёт такое, рядом с чем Зазеркалье покажется тебе... — скрипнуло что-то внутри, но она злобно цыкнула зубом, и внутренний голос тут же заткнулся.

— ...давай же! Ну, Гермиона, я его держу!!! — оторвавшись от внутреннего поединка, она подбежала к распростёртому на земле Рону, на котором, не давая ему вырваться, сидел верхом Гарри...

— Гарри, ну ты и га-ад! — завывал тот, извиваясь. — Свободу попугаям! Сво-бо-ду!!!

...и взмахом палочки погребла их обоих под грудой золотых листьев.

— А меня за что?!

— За компанию!

Они хохотали и барахтались в листьях, снова став лет на пять младше, они успели рассказать друг другу столько, сколько, наверно, не рассказывали никогда, они захлёбывались от всеобъемлющего счастья, дурачась и вспоминая все смешные случаи, которые когда-либо происходили на самом деле или же в воображении. Они были счастливы. Словно позади было тоже только безоблачное счастье, а впереди не ждали страшные испытания, потрясения и потери...

Не сегодня. Не сейчас.

— В таком виде в Хогсמיד идти нельзя, — окинув друзей критическим взглядом, резюмировал Гарри на окраине деревушки. — Нас примут за пьяных. Или за жертв маньяка. Надо хотя бы чуть-чуть привести се-

бя в порядок. Рон, ты вообще похож на чучело — тебя бы сейчас даже Хагрид напугался... Неужели я такой же?

— Хуже, — показала ему язык Гермиона. — Мало того, что ты весь словно в курятнике валялся, так ещё и мантию порвал, когда залезал на дерево. — Ну, стойте смироно, я сделаю из вас нормальных людей...

Через четверть часа они чинно вошли в гудящий бар мадам Розмерты. Одного взгляда хватило, чтобы понять: старшекурсники сегодня отправились в какое-то другое место, хотя менее многолюдно от этого не стало — весёлые студенты потеснили завсегдатаев и галдели, как птичья стая по весне. Завидев знаменитую гриффиндорскую компанию полным составом, некоторые замолчали, другие же — напротив — зашумели. Не обращая внимания на пристальные взгляды и кивки в свою сторону, Гарри, Рон и Гермиона, высоко подняв головы, прошли к свободному столику.

— Ну, сливочное пиво, как всегда? — ответа Гермиона не получила: юноши многозначительно смотрели друг на друга. — Только не говорите, будто вы собираетесь... — мигом обретая вид подозревающей что-то неладное фурии, она приподнялась со своего места.

— Нет-нет, — фальшиво улыбнулся Гарри и махнул рукой, а взгляд Рона обрёл ещё большую многозначительность.

— А, я всё поняла: вы уже спелись!

— Хорошо-хорошо, если ты так хочешь пива, мы можем тут немного посидеть... — Рон сверился с часами, — потом пробежаться по магазинам, а в шесть кое-куда зайти... Отметить... типа — взбрызнуть. И всё такое.

— Ты вообще понял, что он сказал? И куда он хочет нас отвести? — шёпотом спросила Гермиона у Гарри, но тот пожал плечами и пошёл к стойке:

— Сам не знаю: Рон что-то темнит...

Гермиона проводила Гарри взглядом — *какой он высокий, какой взрослый среди этих малышей, едва доходящих ему до подмышек... Гарри... Мой Гарри... Или же?..* — беспокойные мысли снова полезли в голову. С каждым разом они делали это всё настойчивей и бесцеремонней, и аргумент «она бы никогда не навредила моему телу — только потому, что считала его своей собственностью навсегда» уже не помогал. Гермиона вспомнила многозначительные хмыканья, затравленное лицо шарахающегося от неё Терри Бута; покрывив головой, снова напоролась на чей-то пристальный взгляд.

Неужели она... Неужели моё тело...

Грудь сдавило, веселье тут же испарилось, словно его и не было, но Гермиона мысленно топнула ногой и привычно забубнила:

В любом случае — нечего уже переживать: что сделано — того не вернуть, но зато теперь мы снова вместе... И можем всё исправить... Но, если я.. то есть она... делала что-то недозволенное, — прости ли он меня?.. Нет, не меня — её. Но она тоже была мной... Или не мной? Ой, я опять запуталась. Не поэтому ли он меня избегает, может он что-то видел или знает и просто мне не говорит? Только делает вид, будто всё хорошо, а на самом деле он больше не хочет быть со мной?.. Или же он ждёт чего-то от меня? Должна ли я первая дать ему знак или он воспримет это как испорченность?..

Гермиона даже не сразу поняла, что Рон уже давно умолк, и над столом висит долгая и отнюдь не умиротворяющая пауза, а сам Рон, практически не моргая, смотрит куда-то за неё.

Повернувшись, Гермиона увидела большую и довольно разношёрстную компанию: основу её составляли студенты Равенкло, но, кроме того, затесалась несколько хаффлпафцев и двое гриффиндорцев. Вернее, гриффиндорок: недалеко от стойки, переговариваясь и хохоча, стояли Джинни Уизли и Стана Браткова. Вокруг них вились парни — кое-кого Гермиона знала, а кого-то видела в первый раз. Удивительно, насколько контрастными выглядели девушки, — огнен-

но-рыжая Джинни, по случаю выхода из школы расплетшая свои косы и превратившаяся в воплощение осени, а рядом с ней смуглая, темноглазая и черноволосая Стана — как всегда чуть зажатая и напряжённая, похожая на прямую тоненькую веточку. И, тем не менее, от обеих шли сходные волны радости и энергии, делая до странности похожими. И необыкновенно приятательными. Судя по толчее вокруг девушек, это чувствовала не только Гермиона. Зная Рона и его ревнивое отношение к Джинни и её ухажёрам (вернее, ухажёру), можно было себе представить, какого он мнения о происходящем.

К Джинни подошёл Майкл Корнер, шуганул заигрывающего с ней неустановленного блондина и подал подруге чашку, над которой вился розоватый дымок. Джинни в ответ благодарно улыбнулась. Гермиона покосилась на Рона и поняла, что не ошиблась в своих опасениях: рыжие брови ревнивого брата почти сошлись на переносице, голубые глаза потемнели, и Рон начал неудержимо краснеть и раздуваться.

— Рон?..

— Нет, ничего, — он тут же взял себя в руки — сдулся, тряхнул головой и демонстративно отвернулся, однако же, как заметила не спускающая теперь с него глаз Гермиона, постоянно косился в ту же сторону, хотя Джинни с Майклом уже прошли в зал и сидели через столик. У стойки из знакомых Гермионе студентов осталась Стана в сопровождении... как его... — Гермиона не очень хорошо знала студентов других факультетов (своих она могла перечислить, даже если её разбудить посреди ночи — причём вдобавок сообщить о каждом последнем сводки с полёй сражений против бастонов науки).

— Рон, а кто там говорит с Братковой? — не выдержала она, увидев, как Рон, делая вид, будто смотрит в другую сторону, на деле с риском окриветь следит за происходящим.

— Где? — с готовностью развернулся он, и в глазах под деланным равнодушием вспыхнул какой-то недобрый огонёк. — А... Это Стивен Глоув с четвёртого курса Равенкло. Шпион чёртов...

— Почему шпион?!

— А зачем он таскается на все наши тренировки — даже по утрам? И постоянно толчётся около раздевалки — не иначе, хочет..

Что хочет таинственный недоброжелатель Стивен Глоув, Гермиона не узнала: позвякивая бутылками со сливочным пивом, вернулся Гарри.

Они просидели от силы четверть часа: пиво было выпито, с приходом новой ватаги третьекурсников шум в Мётлах стал совершенно невыносимым — теперь, чтобы сидящий рядом Гарри её услышал, Гермионе приходилось кричать ему чуть не в самое ухо. Рон, присосавшись к бутылке, молча зыркал глазами по сторонам — словом, все почувствовали большое облегчение, когда, сдавшись, Гермиона предложила отправиться по магазинам и куда-там-Рон-приглашал. Друзья пошли к выходу, но у самой стойки Рон замешкался, споткнулся, случайно толкнул Стану в спину... и бутылка со сливочным пивом дёрнулась в её руке, окатив собеседника — всё того же Глоува — с ног до головы.

— Чёрт! — демонстративно не заметив Стану, Рон лучезарно улыбнулся Глоуву, от чего у того едва не случился приступ нервной икоты. — Приношу свои извинения...

Покраснев и буркнув что-то про косолапого представителя средневропейской фауны, Стана полезла в карман и протянула Стивену, с волос которого теперь стекали густые сладкие капли, носовой платок. Но едва тот вытерся, как Рон, по-видимому, забывший что-то в зале, снова прошёл мимо и, ненароком опять толкнув болгарку под локоть, устроил незадачливому кавалеру повторный душ.

— Уизли! — рывкнула девушка, мигом переходя от инноватых улыбок, адресованных Глоуву, к разъярённому оскалу.

— Что такое? — Рон развернулся и устался

на неё в упор. Чтобы пронзить его взглядом, Стане пришлось изрядно задрать голову. — Ах, точно: кажется, я тебя задел?..

— Рон!.. Ты где застрял? — окликнул его от дверей Гарри.

— Уже иду!.. — крикнул Рон, не поворачиваясь. — Извини меня, Браткова. По-жа-луй-ста. Я не-спе-ци-ально.

— Д...дурак... Неуклюжий... — Стана покраснела и, чтобы спрятать своё смущение, вдруг выхватила из рук бурчащего себе под нос проклятья Стивена платок, принявшись вытираться его самостоятельно.

В глазах Рона запрыгали недобрые чёртики.

— Я так виноват, так виноват... Я сейчас всё исправлю, — он вытащил из кармана мантии огромный клетчатый носовой платок — явно не первой свежести, и принялся вытирать оцепеневшего Глоува с такой настойчивостью, словно собирался вовсе стереть его с лица земли. — Постой-постой, ещё тут осталось немного, — он едва не свёз равенкловцу нос, — и вот тут, — ощутимая затрещина, — ой, я не заметил — вот тут ещё чуть-чуть... — Рон прицелился Глоуву под глаз и, придя в себя, Стана отпихнула безмолвно принимающего все эти издевательства четверокурсника. В глазах её стояли слёзы возмущения и негодования:

— Ты чего, Уизли?!

— Какая гадость... Какая гадость это ваше сливочное пиво... Владей! — Рон нахлобучил мятый платок на голову четверокурснику и вышел вон.

— Уизли! Стой! — Стана кинулась следом, схватила Рона за рукав. — Ты что? Чокнулся?

Ответом ей стал взгляд в упор, после чего Рон, стряхнув её руку с рукава, молча шагнул за дверь, оставив её тупо хлопать глазами.

— Ну, по магазинам?

Уступив просьбам Гермионы, первый заход был сделан в писчебумажную лавку, откуда они вышли с количеством перьев, какого бы с лихвой хватило на пару индейских головных уборов. А чистыми свитками пергамента можно было запросто устлать весь путь от Большого Зала до Гриффиндорской башни. В конце концов, увидев знакомый блеск в глазах и услышав фразу «сейчас-сейчас, ещё одну минуточку» раз в восьмой, Гарри с Роном буквально вынесли подругу из магазина. Гермиона упиралась и кричала, что ей нужна ещё бумага для записей и карандаши «Я-Не-Рафаэль», при помощи которого самый криворукий неумеха мог создавать если и не шедевры графики, то вполне приличные почеркушки. Пользоваться ими считалось дурным тоном (хотя многие делали это тайно, иллюстрируя эссе и рефераты по Истории Магии и Трансфигурации) — совсем ещё недавно Гермиона бы в жизни не купила ничего подобного в открытую, однако...

— Я не могу быть примером для подражания и совершенством во всём, верно? — спокойно пожала она плечами. — И не вижу смысла к этому стремиться любым способом.

В Зонко, как всегда, было не протолкнуться. По сравнению со всеми предыдущими годами ассортимент значительно расширился — не без участия Фреда и Джорджа, ставших официальными поставщиками. Шуточки от них — тоже как обычно — балансировали на грани бесшабашности и смертельной опасности: подарком на всех товарах с их инициалами красовались бирочки «Только для достигших 18 лет».

— Ух ты, — фыркнул Гарри, — у меня прямо нездоровые ассоциации возникают...

— Ещё бы они у тебя — и были здоровыми, — стоящий рядом высокий парень в капюшоне повернулся, оказавшись Драко Малфоем.

Гарри мысленно застонал:

Как он меня достал...

— Тебе, Поттер, давно надо к доктору, — продолжил он и вдруг, резко изменив голос, пропищал: — Ну и какими сексуальными извращениями вы страдаете?

— Что ты, Малфой, — он ими наслаждается, —

не успел Гарри открыть рот, в разговор встал Рон, оторвавшись от созерцания «Пролётного Половичка», который, если верить аннотации, позволял совершать «многократное перемещение между несколькими точками, расположенными друг от друга на расстоянии до десяти миль».

— Уизли?.. И Поттер?.. — глаза Драко потемнели от удивления.

— Именно, — Гермиона протиснулась между друзьями и положила руки им на плечи, попытавшись придать себе как можно более грозный и триумфальный вид.

— Грейнджер...

Малфой невольно попятился назад, оступился и удержался на ногах только благодаря тому, что они стояли в довольно плотной толпе. Причём в толпе, уже начинавшей присматриваться и прислушиваться к происходящему: всем было хорошо известно — где встречаются нос к носу Поттер и Малфой, скучно не бывает.

— А ты, как я погляжу, уже на ногах не держишься? Похоже, это тебе не мешает подлечиться, — фыркнул Гарри.

— И чтоб лечили тебя только уриротерапией!!! — со смаком закончил Рон.

— Именно! — воинственно повторила Гермиона.

Взгляд Малфоя скользнул с одного гриффиндорца на другого: Гарри досталась изрядная порция ледяной ненависти, Рону — презрения, а Гермиону обожгло невероятным жаром, который она даже не сумела полностью осознать.

Гнев? Ярость? Ненависть? Презрение?.. Всё сразу? И ещё: в серебристо-серых, как осенний дождь, глазах мелькнула, тут же исчезнув, решимость. Впрочем, может, ей это просто показалось с перепугу — разве можно столько увидеть и понять за какой-то миг, ибо она почти сразу же зажмурилась и пригнулась, словно уворачиваясь от заклятья. Мысленно кляня себя за слабость, Гермиона тут же развернулась к витрине, уставясь невидящим взглядом на выложенные там вещи — судя по всему, никому не нужные, давным-давно уценённые.

Обменявшись с гриффиндорцами ещё парой яростных взглядов и выдержав паузу, дабы его отступление не оказалось принятым за постыдное бегство с поля сражения, Малфой неспешно ретировался.

Гарри и Рон, триумфально хлопнув ладонью о ладонь, отметили победу покупкой ещё одной упаковки Щекотного порошка, нескольких фальшивых волшебных палочек (одна из которых превращалась в нечто весьма неприличное — Гарри мечтал подсунуть её Малфоем на Зельях, дабы насладиться выражением лица Снейпа, когда он увидит это в руках своего любимчика...), туфтометра, позволяющего определить насколько самозабвенно врёт тебе собеседник. Гарри подумал, не купить ли — в качестве подарка Дурслям — дверной глазок, выполненного в виде моргающего и вращающегося стеклянного глаза (судя по аннотации, лучший способ для отпугивания воров), но не решился.

Кажется, они рассматривали и покупали ещё что-то — Гермиона отвлеклась, погрузившись в изучение содержимого пыльной витрины. Вещи совершенно непонятного происхождения и предназначения. Хотя...

О! Вот это мне пригодится...

— Скажите, а это у вас что такое? — ткнула она пальцем в стопку бумаги, перетянутую лентой с потускневшей серебристой надписью «Бумага для записей. Исполнение желаний» и каким-то потускневшим рисунком — то ли перья, то ли крылья, то ли падающие листья.

— Понятия не имею — нашёл, когда разбирал склад, — на бегу откликнулся измученный и взмыленный продавец, мечась от одного покупателя к другому. — Я проверил на скорую руку, но никаких заклятий не обнаружил. Судя по всему, это просто бумага.

— Я беру! — Гермиона отсчитала несколько кнатов.

— Зачем тебе этот мусор?

— А кто утащил меня из магазина канцтоваров? И вообще — какая разница, на чём делать расчёты... Куда мы сейчас?

Рон засиял.

— А сейчас мы пойдём... — его голос обрёл торжествующе-мистические нотки, — к «Безумным Братьям»!

* * *

Люциус восседал в своём кабинете, украшенном домашними эльфами по случаю праздника: приветливо мерцали гирлянды в виде черепов (при ближайшем рассмотрении оказывающихся настоящими), роль канцелябров и подсвечников исполняли скелеты — целые или же части; аккуратные декоративные тыковки висели в воздухе, таинственно перемаргиваясь, а под толком бесшумно реяли летучие мыши, игриво поблёскивая красными, словно маленькие помидорчики, глазками. Каждые полчаса огромные напольные часы замогильно отбивали один удар, а по истечении часа створки открывались и выезжающий из недр скелет в истлевших одеждах соответствующее количество раз хлопал крышкой гроба. Словом, всё вокруг настраивало на праздничный лад. Вот только Люциусу Малфойу, изучающему полученные совиной почтой сведения, было совсем невесело.

— Негодяи... безмозглые идиоты... — шептал он, невидящим взором уставясь на череп, в пустых глазницах которого покачивалось пламя стоящей внутри свечи. — Ненавижу... — в глазах Люциуса полыхал огонь ненависти, неумовимо родня его с этим декоративным светильником. Причём, по части огня в глазах Малфой явно выигрывал: во всяком случае, череп внезапно зашуршал к краю стола... Брык! — треск расколовшейся кости, шорох, лёгкий топот ножек домашних эльфов, примчавшихся устранять беспорядок. Люциус не мог упустить возможности хотя бы чуть-чуть облегчить душу — он, не глядя, махнул палочкой и буркнул под нос пыточное проклятье.

Истошные визги и стоны показались небесной музыкой, хотя значительной радости не принесли.

— *Finite*... — снова лёгкий топоток, шорох утаскиваемого тельца. Люциус занялся перечитыванием только что полученных писем, будто за пару минут их содержание могло измениться.

...тестирование полученного Колдовского порошка... в десятки раз ниже по сравнению с контрольным образцом... методы физического воздействия не дали желаемого эффекта... попытка суицида... после полного устранения всех членов семьи... потерял рассудок и впал в детство...

— Идиоты... — простонал Люциус опять и начал лихорадочно подсчитывать: поиски новых исполнителей, похищение — открытое или с подменой, захват заложников — всё это потребует, как минимум, ещё неделю-две. А то и больше, если подойти ко всему тщательнейшим образом — *а подходить надо именно так*, — вспомнив красные угли глаз Вольдеморта, передёрнулся он. — И не факт, что новые исполнители окажутся лучше прежних. А если они снова не добьются результата и лишь изведут драгоценные компоненты?! Тогда придётся кого-то отправлять на Гаити... снова морока с контрабандой, не говоря о том, что всё затянется на неопределённый срок, за время которого Тёмный Лорд из меня... ня...ня... — Люциус в ужасе вытарачил остекленевшие глаза: пламя в камине поменяло оттенок, и меж языков огня материализовался знакомый мертвенно-бледный лик.

— Судя по выражению твоего лица, друг мой Люциус, тебе нечем меня порадовать...

— О, господин, приветствую тебя... и с праздничком, — чуть не добавил Люциус, но вовремя прикусил язык. — Все идёт по заранее намеченному плану, — неимоверным усилием он заставил себя улыбнуться. Одним броском перелетев из кресла к камину, почти тельно упал у решётки на колени. Кстати говоря, сегодня эта подобострастная поза далась ему, как никогда, легко — возможно, потому что ноги категорически от-

казывались его держать. — Часть заклинания у нас в руках, часть откроется, едва придёт время, кроме того, я продолжаю вести исторические исследования...

— ...совершенно безрезультатные...

— ...Драко не спускает с Поттера глаз...

— ...а тот почему-то никуда не спешит...

— ...мы вовсю ведём вербовку сторонников...

— ...в большинстве своём недалёких соглядатаев...

— ...наши алхимики трудятся над Колдовским порошком... — с каждым словом голос Люциуса становился тише и невнятной, так что последнюю фразу он буквально прожевал себе под нос, надеясь, что Вольде-морт вовсе пропустит её мимо ушей. Не тут-то было.

— Вот отсюда — и поподробней. Ибо земля слухом полнится, а слухи эти свидетельствуют отнюдь не в твою пользу, Люциус.

Положим, душой Малфой не обладал — а потому в пятки уходить было нечему, однако сердце-то у него имелося, что было установлено эмпирическим путём. Ибо за то время, пока Тёмный Лорд медленно поднимал руку... — вот она, белая, длиннопалая, показалась меж полупрозрачных языков пламени, вот пальцы указали на Люциуса... тот почувствовал, как предмет его гордости — серебристая шевелюра — становится дыбом во всю немаленькую длину... но, передумав, Вольде-морт задумчиво почесал подбородок и чуть улыбнулся, довольный произведённым эффектом... Словом, за это время трепещущее сердце Люциуса Ксавьера Малфоя трижды попыталось разорваться и дважды — остановиться. В голове запели трагические голоса:

...И сия пучина поглотила ея в один момент...

— Итак, что имеется, — в руках Вольдеморта показался клочок убористо испанного пергамента, однако Люциус, как ни старался, не смог определить автора доноса: то ли действительно почерк был ему незнаком, то ли от страха он стал плохо соображать. — Почти все привезённые с неимоверным трудом компоненты для изготовления Колдовского порошка растрочены впустую, ибо после испытания его в полевых условиях ни один из трупов — да позволит ли мне такой каламбур — не подал признаков жизни, — Вольде-морт снова усмехнулся, а по спине Люциуса потёк холодный пот. — Надсмотрщики, приставленные тобой к алхимикам, поняли приказ «добиться результата любым способом» слишком буквально. В результате чего семьи исполнителей были истреблены, а к ним самим применены Непростительные Заклятья. Как следствие — попытка суицида, сумасшествие и частичная или полная утрата трудоспособности. Друг мой Люциус, — вкрадчивым тоном продолжил Тёмный Лорд, и Малфой судорожно сглотнул комок в горле, — мне нужна армия зомби, а не тихое сельское кладбище. В противном случае, мне придётся отправить туда тебя... Хотя... Нет... пожалуй, коль скоро ты не в состоянии обеспечить бесперебойную работу для других, тебе придётся самому встать к котлу: слышал я, ты в школьные годы был весьма успешен по Зельям, не так ли?..

— Мой Лорд... Мой господин... Эта проблема не должна вас волновать — в любом случае, замена этих бездельникам уже на подходе... *Какая сволочь донесла?! Узнаю — порву в клочья! Руками!!!* — Дело в том, что наши зельевары никогда не работали с подобными...

— Меня это не интересует. Только результат. У меня и без ваших склок и проблем есть чем заняться: изготовление двойников оказалось делом не из лёгких — тебе ли не знать, Люциус, сколько в нём занятых тонкостей...

— О да, — машинально кивнул тот и заледенел от ужаса. Однако Вольде-морт, взглянув на него, лишь довольно хмыкнул.

— Словом, советую тебе поторопиться. Что ж, время уже позднее... Спокойной ночи, Люциус... И, кстати, с праздником тебя. А вот и подарочек... — что-то вылетело из огня, ударило Люциуса в грудь. Тот машинально подставил руки, взглянул и едва не заорал от неожиданности: на него тусклыми глазами смотрела голо-

ва Филюса Уолтерса. Одного из тех, кто был приставлен в качестве ассистента и тюремщика к зельеварам. Причём, судя по лохмотьям кожи и мяса на том месте, где должна была находиться шея, голова сия была отделена от тела особо жестоким образом.

Прежде чем Малфой успел промямлить в ответ нечто соответствующее обстановке, Вольдеморт исчез, а пламя в камине снова стало оранжевым и горячим — он едва успел шарахнуть от каминной решетки прочь.

— Спокойной ночи?! Какая, к гоблинам, спокойная ночь...

Мёртвая голова полетела в угол (снова раздался лёгкий топоток невидимых ножек). Сгребая заплетающимися ногами ковёр и цепляясь, словно глубокий старик, за спинки кресел и книжные полки, Люциус вернулся к столу и плюхнулся в кресло. Взор его был тускл, а руки чуть подрагивали. В этот момент створки часов снова распахнулись, и мертвец двенадцать раз хлопнул крышкой своего гроба. Под конец Люциусу начало мерещиться, будто на крышке выгравировано его собственное имя с напутствием покоиться в мире. Однако постепенно он пришёл в себя и собрался.

Пальцы потянулись к перу, он начертал пару строк, скомкал, бросил на пол, туда же отправилось хрупнувшее перо...

Лицо Малфоя озарилось.

Итак... Первым делом — в расход всю старую команду. Если, конечно, от них ещё кто-то остался в живых — Тёмный Лорд шутить не любил. В любом случае — к чертям этих горе-зельеваров и их охранников. А во-вторых...

Мы давно не виделись, Северус... Не пришло ли время снова потолковать о делах наших скорбных?

Брови чуть сдвинулись.

Однако похищение такой персоны... Он ведь из Хогвартса носа не высовывает... Дело это непростое — чтобы не сказать «невозможное».

Невозможное... невозможное ли?..

* * *

— Мама дорогая... — Гермиона, забыв о приличиях, разинув рот, крутила головой. Гарри и вовсе не мог вымолвить ни слова, а Рон, хотя и силился вести себя так, будто клуб этот — его собственность, точно так же таращил глаза и ахал.

В бильярдной, куда Рон, собственно, и привёл друзей, зная, что близнецы большую часть времени проводят именно в этой части своего крохотного, но удивительного клуба, рокотали по сукну разноцветные шары, а меж столов сновали Фред и Джордж собственными персонами, объясняя правила, причём с особым удовольствием — девушкам, коим они не только сообщали последовательность забивания шаров (сначала красный, а потом любой заявленный цветной), но и учили правильно стоять у стола. Надо сказать, против последнего Анджелина здорово возражала: слишком уж ярко горели глаза её дражайшей половинки, когда та — вернее, тот — нежно нажимал на спину очередной юной красотке, показывая, как нужно правильно прицеливаться.

— О! Кого я вижу... — Джордж поднял голову, увидев замершую в дверях троицу. — Страшно подумать, Ронни, твоя крыша вернулась на место? Иначе как можно объяснить такой эскорт?.. Гарри, Гермиона, моё почтение... Вы опять взяли на поруки нашего великодушного обалдуйчика?

— Да пошёл ты, — беззлобно ухмыльнулся Рон. — Хотя можно и так сказать...

— Привет, Фред, Джордж, — Гарри с удовольствием пожал близнецам руки. Его охватило тёплое чувство — будто он встретился... да, пожалуй, можно и так сказать — со своими старшими братьями.

— Как говорится, у человека всегда есть два объяснения своим поступкам: одно — пристойное, а дру-

гое — настоящее. Какое мы услышим?..

— О, Гермиона, давно не виделись! — Фред тем временем переключился на счастливо сияющую девушку. — Тебя и не узнать! Ты изменилась — стала такой взрослой... спелой... — он улыбнулся ей, бросив взгляд из-под полуприкрытых век, — взгляд, знакомый многим посетительницам «Безумных Братьев». Гарри передёрнулся и машинально взял Гермиону за руку.

— В твоих устах эти слова звучат, как название уголовного дела, — заметила проходящая мимо Анджелина. — Рон, Гарри, Гермиона — рада вас видеть. Не слушайте вы этих обалдуев и лучше отойдите подальше, не то заразитесь идиотизмом...

— Фред... Джордж... Но как же?.. Откуда этот клуб? — Гарри обвёл рукой небольшое помещение, битком набитое старшекурсниками и молодежью. — А магазин приколов?..

— Ха! Кто сказал, что это — вместо? Это — вместе! Гермиона, партейку в бильярд? — Фред вальяжно привалился к ближайшему столу и погладил кий таким жестом, что Гермиона покраснела, а Рон и Гарри вздрогнули.

— Не щекотись, дурак, — буркнул кий. — Кинг сайз.

— Фред, как не стыдно! — рассерженной кошкой фыркнула Анджелина, пытаясь дать ему подзатыльник, от которого тот с ловкостью увернулся.

— Как не стыдно... не стыдно... ах-ах, я тоже сейчас покраснею... — донеслись до друзей тоненькие голоса, источника которых им установить не удалось.

— Свободный шар! — донеслось с соседнего стола, где сошлись в поединке две девушки. С учётом глубоких вырезов и странной манеры игры, когда то одна, то другая ложилась на стол всем телом, желающих поболеть за красоток набралось преизрядное количество.

— Н-ну... я не знаю... я не... — неуверенно пожала плечами Гермиона.

— Не беда, я тебя научу. Давай-ка, снимай мантию... Миленькая кофточка, кстати... Джордж, ты бы показал покамест мальчишкам магазинчик и боулинг, — подмигнул брату Фред.

«Мальчишки», каждый из которых был выше близнецов примерно на голову, возмущённо вздрогнули.

— Эй, ты, полегче! — возмутился Рон. — А то я не посмотрю, что ты мой старший брат...

— Э... Гермиона...

— Ой, боюсь-боюсь, боюсь... — Джордж приобнял Рона и Гарри за плечи и, несмотря на сопротивление последнего, вытолкал их из зала. — И, кстати, вы в курсе, что бояться — это хорошо? Ибо если ты никого не боишься, значит, ты — самый страшный...

Гермиона тупо хлопала глазами им вслед.

— Гарри?.. Рон...

— Miss! — снова донеслось с соседнего стола.

— Да не бойся, ничего с ними не случится, — Фред хлопнул Гермиону по плечу. — Да не дёргайся ты так. Ну, начнём... Смотри: это кий, а это — шары. Тут пятнадцать красных, — лежащие на сукне красные шары возбуждённо завозились и тоненько залопотали «это мы, это мы!»: Гермиона почувствовала, как её брови сами собой лезут на лоб (*так вот кто всё время бормотал!*); Фред произведённым эффектом остался доволен и продолжил говорить со скоростью, будто обращался к огромной аудитории законченных дебилов, — шесть цветных шаров, каждый из которых имеет свою стоимость, и биток.

На середину стола лениво выкатился белый шар.

— После удара я должен коснуться красного или цветного шара — какого объявишь, — чуть гнусаво, будто страдая от насморка, сообщил он. — Иначе — штраф.

— Ну, всё поняла?.. А теперь давай я научу тебя правильно бить. Смотри, надо встать поудобнее, наклониться пониже... — Фред положил ладонь Гермионе между лопаток, начав пригибать её к столу, однако девушка возмущённо затрепыхалась.

— Знаешь, Фред, я как-нибудь сама. А то мне что-то неловко...

— Да прекрати. Ноги поставь пошире, вот так...

— Ну, давай кинем жребий, чей удар первый.

— Как скажешь, — с видимым разочарованием вздохнул юноша. — Стано-о-вись! — зарокотав, шары построились на столе. — Итак, сначала биток должен коснуться красного шара, в противном случае...

— ...налагается штраф... — снова прогнул белый шар.

— Ну, поняла?

— Разберёмся! — отважно кивнула Гермиона.

...Когда Рон и Гарри примерно через час вернулись в бильярдную, Фред рычал и ругался, забыв о том, что играет с дамой.

— Какого чёрта!

— Не жульничай, Фред! Во-первых, шар не остановился до нанесения удара — это раз, во-вторых, ты оторвал обе ноги от пола...

— Не было этого! — бушевал Уизли.

— Ещё как было! — прогудел, присев на две передние ноги, стол.

— А ты вообще на чьей стороне?!

— Потом ты забил в лузу неочередной шар... — ледяным тоном, будто отвечая на уроке, продолжала Гермиона, хотя Гарри сразу заметил, что под напускной строгостью она умирает от смеха.

— А какого чёрта ты мне не сказала, что умеешь играть?!

— А ты меня не спрашивал! И потом, я действительно почти не умею играть — вот мой папа...

— Так, я всё понял, — Фред с подчёркнутым разочарованием отбросил кий и упал на грудь Гарри, заставив того оцепенеть от неожиданности. — Всё. Праздник испорчен, жизнь кончена: в кои-то веки хочешь научить чему-нибудь полезному приятную во всех отношениях девушку, как тут же оказывается, что одному её уже научил папа, а другому — некий подозрительный тип, стоящий сейчас прямо передо мной...

— Та-ак... Это чему ты её тут собирался учить?!

— Гарри, не обращай внимания, — улыбнулась Гермиона. — Ну, как вам боулинг? И... что с вашими руками?! Кто их искушал?!

— Я говорил этим бестолковым болванам: вставлять пальцы только в глазницы и нос, так они всё равно совали руки в рты... — пожал плечами Джордж.

— Кто ж знал, что ваши так называемые «шары» кусаются?! Гермиона, знаешь, чем тут играют в боулинг? Черепами и берцовыми костями! Я чуть не умер,

когда эта штуковина меня цапнула! — Рон продемонстрировал кровоподтёк на большом пальце правой руки.

— А что такого? — пожал плечами Джордж. — Сегодня же Хеллоуин — так что это вполне вписывается в праздничную атмосферу. И... кстати, угощайся, братишка, может, это тебя утешит, — воспользовавшись рассеянностью младшего брата, он подвинул к нему вазу с печеньем и сладостями, едва отведая которые, Рон летучей мышью апельсиновой расцветки затрепыхался в воздухе. — О! Летучий леденец! Повезло. Кстати, ребят, угощайтесь: тут есть Воскресный вампир — можно обзавестись на денёк симпатичными клычками, Кошачья Карамелька... Гермиона, думаю, ушки тебе были бы к лицу, — припомнив опыт превращения в кошку, Гермиона вымученно улыбнулась, — Мертвецкий мармелад...

— Страшно даже подумать, что случится, если его попробовать, — поёжился Гарри.

За соседним столом игра закончилась, забытые кии съжились, шары бормотали, делясь впечатлениями от игры и игроков.

— Какого чёрта, предупреждать надо! — рывкнул вернувшийся человеческий облик Рон.

— О, с возвращением, братишка! Надо сказать, ты был пресимпатичнейшей мышкой...

— Да, расцветка тебе явно к лицу.

— Не сомневаюсь. Посмотрим, насколько повезёт тебе... — Рон быстрым движением затолкал в рот Джорджа первую же взятую конфету. К его большому разочарованию, ничего не произошло.

— Ха-ха. Самый искренний смех — злорадный, мышка Ронни, — Джордж приподнял губы, продемонстрировав удлиняющиеся прямо в глазах клыки. — Итак, вашему вниманию предлагается тянучка Воскресный вампир, рекомендую. Есть с ванильным, апельсиновым и морковным вкусом, а также со вкусом тухлых яиц и — для полноты ощущений — крови...

— Бр, откуда в вас такое пристрастие ко всякой дряни? — передёрнулась Гермиона, и Гарри с ней мысленно согласился. — Неужели это кто-то покупает?

— Ещё как! О... — взгляд Фреда метнулся к дверям, в которые в этот момент входила компания семикурсниц Равенкло. — Позвольте вас покинуть: кажется, прибыл новый отряд учениц. Меня ждут великие дела.

— Неисправим, — покачала головой ему вслед Анджелина.

— Точно-точно, — откликнулись в тон позабытые на сукне бильярдные шары. — Опять будет жульничать и хватать девушек за всё подряд...

Глава четырнадцатая, в которой за очагом в стене обнаруживается потайной ход, кусок мыла прокладывает дорогу к счастью, а газета приносит скорбные вести.

— Рон, я поражаюсь — куда в тебя лезет такое количество еды? — поинтересовалась Джинни у брата по дороге к хеллоуинского пира в гриффиндорскую башню. — Главное — всё совершенно без толку: ешь за троих, а всё равно такой же худой, и мослы торчат во все стороны, сплошной перевод продуктов...

— Ты вообще ничего не понимаешь в потребностях молодого растущего организма, — сыто цыкая зубом, сообщил Рон и нежно похлопал себя по животу. — Как говорится — десерт всегда идёт во второй желудок.

Он обвёл глазами толпу весело переговаривающихся гриффиндорцев и с высоты своего роста с лёгкостью обнаружил аккуратную черноволосую голову Станы: та о чём-то мило беседовала с Деннисом и Колином Криви (за время тренировок охотники вообще здорово сдружились). Рон задумчиво почесал свой длинный нос, кивнул Гарри, Джинни и Гермионе и решительно прибавил шагу:

— Я пойду вперёд, у меня там... дело есть, — не придумав ничего вразумительного, он снова схватился за живот, — что-то у меня желудок прихватило...

Джинни проводила его взглядом, встала на цыпочки и хихикнула:

— То есть я не понимаю потребностей молодого организма. Так-так... Дело у него есть — как же! Надо меньше есть!.. — громко крикнула она, заставив испуганно оглянуться окружающих.

Как ни странно, когда Гарри и Гермиона вошли в гостиную, Рона там не оказалось. С сытым блаженством откинувшись на диване, Гарри прислушался к гулу в усталых ногах и голове (они с Роном тайком угостились в кладовочке близнецов — нет-нет, совсем капельку) и покосился на Гермиону, прикидывая, может ли он её обнять и не воспримет ли она это неправильно; потом невзначай поднял руку, почесав совершенно нечесавшийся лоб, потом положил её на спинку дивана — Гермионе за спину. Сама Гермиона с тоской в глазах взирала на резвящихся младшекурсников: те устроили бои на фальшивых волшебных палочках, швырялись Самострельным Серпантинном, играли в Подрывного Дурака, пили, ели — словом, веселились вовсю: пол хрустел от печенья, под ногами шуршали фантики от леденцов и перечных чёртиков, валились огрызки, меж которых прыгали избежавшие своей участи шоколадные лягушки. Покосившись на подругу, Гарри ни на секунду не усомнился: за буйным весельем

ем та сейчас видела только горы мусора, которые предстоит в ночи убирать бедным домашним эльфам...

Домашним эльфам!

Гарри подбросило на диване, и рука сама собой соскользнула Гермионе на плечо. Она сделала вид, будто ничего странного не случилось, хотя полуприкрытая тугим локоном мочка уха чуть порозовела.

Идиот! Я совсем забыл про Добби!

Снова отодвинулся портрет, в комнату вошла заметно раздражённая Стана. Перед ней с видом, будто за ним кто-то гонится, будто он удирает от преследователя, который не представляет, быть может, непосредственной угрозы, однако от которого намного лучше будет побережиться — на всякий случай — вбежал Косолапсус. Кот приблизился и уставился на Гарри со странным выражением неуверенности на плоской рыжей морде — как будто задавался вопросом: кто это такой, а вернее, что это такое — при этом давая свободу самым смелым догадкам. То ли это нитрат калия, то ли октябрь будущего года, то ли христианство, то ли шахматная головоломка, требующая, возможно, знания одного из вариантов контр-гамбита Фалькбеера? Подойдя вплотную, Косолапсус перестал задавать себе вопросы и повалился Гарри на ботинки, как слон, получивший смертельное ранение от прямого попадания, и скорбно уставился ему прямо в глаза — словно хотел что-то сказать.

— Гермиона... — неуверенным тоном произнёс юноша. Она повернулась к нему — слегка покрасневшая, чем-то смущённая. *Интересно, чем?* — Я хочу... Слушай, я совсем забыл: тут... сегодня... короче... — её чуть приоткрытые губы с полоской влажно поблескивающих зубов сбивали Гарри с мысли. — У Добби... Это... в общем, пойдём — нас звали...

Брови Гермионы сдвинулись, у рта появилась недовольная складочка. Косолапсус, напротив, был весьма доволен: в немигающих глазах кота, уставившихся на Гарри, мелькнуло одобрение — словно конченный тупица и дегенерат наконец-то сумел решить простейшую арифметическую задачку. Подброшенный невидимой пружиной, кот вскочил, гордо воздел в небеса рыжий хвост-метёлку и, постоянно оглядываясь, зашагал в сторону выхода из гостиной.

— Похоже, он нас куда-то зовёт, — предположила Гермиона.

— Р-р-мя, — подтвердил тот, но тут под ним громынула неприцельно брошенная пачка серпантина, подбросив его под самый потолок. — Р-р-мяу! — растопырив все четыре лапы, кот перекувыркнулся в воздухе и приземлился аккурат на голову вошедшего в гостиную Рона.

— Ненавижу! — коротко охарактеризовал гермиониного любимца Рон и запустил его в свободный полёт по высокой орбите под своды гриффиндорской гостиной.

— Рон!!! — возмущение Гермионы не знало предела. — Ты... ты... феодал!

— Он первый начал!!! — Рон сморщился и потёр исцарапанное лицо. — Ну и куда я теперь с такой физиономией? Меня девушки любить не будут...

— Шрамы украшают мужчину, — хихикнул Гарри.

— О! Тебе — верю. Как насчёт партии в шахматы?

— Не хочется, — надутно ответила Гермиона. — Кис-кис... Иди ко мне, маленький, иди, бедняжка... Все тебя обижают... — Косолапсус закатил глаза и томно уронил себя хозяйке на руки.

— Нет, Рон, я тоже пас... Есть кое-какие дела, — шёпотом добавил Гарри с многозначительным лицом.

— Мне можно поучаствовать?... — с интересом приподнял бровь Рон. — Или это... — он перевёл взгляд с Гарри на Гермиону, потом обратно и внезапно покраснел, — или это... э-э... ну, словом... то, что я подумал?..

— Рон!.. — Гермиона тоже покраснела и воинственно подбоченилась.

— Рон... если можно... — опустив глаза, Рон увидел

мнущуюся перед ним второклашку, имени которой он вспомнить не мог при всём желании, хотя лицо её было прекрасно ему знакомо: сложно забыть лицо человека, отвесившего тебе звонкую оплеуху, верно?

— Нельзя! — рявкнул он, заставив Дженнифер покраснеть до слёз.

— Конечно, можно, — Гермиона приветливо улыбнулась: сердясь на грубое обращение со своим любимцем, она сейчас съела бы собственное эссе по Зельям, лишь бы досадить грубияну. — Что ты хочешь, Дженнифер?

— Па...партию в шахматы... — дрожащим шёпотом ответила та. — Но если... если не...

Гарри пихнул Рона в бок. Гермиона одарила убийственным взглядом.

— Пусть лучше мне нашпигуют голову кабачковой икрой, чем я соглашусь! — пробухтел Рон, однако уже куда менее экспрессивно. Снова взглянул на макушку девочки и миролюбиво мотнул головой в сторону ближайшего столика. — Ну, ладно. Но только одну, хорошо?

— Конечно! — слёзы печали в её глазах обратились слезами радости; Гермионе даже показалось, будто над девочкой засияла радуга.

Приветливо помахав Рону, Гермиона следом за Гарри (а тот следом за помятым, но гордым Косолапсусом) направились к выходу.

— Ну-с... мы ленивы и не любим пытки... — скорчив страшную рожу, буркнул Рон и начал расставлять на шахматной доске фигуры. — Твои белые. Давай, ходи...

* * *

Груша на картине нервно хихикнула, и в стене открылся проём, ведущий на кухню. Сколько раз Гарри и Гермионе ни приходилось там бывать, монументальность сего помещения их всегда потрясала. Впрочем, и не удивительно: накормить не одну сотню людей — не самая простая задача, и пространство, равно как и приспособления для этого требовались соответствующие. Огромные сковороды, на которых в аду, должно быть, можно поджарить сразу десяток грешников, вместо кастрюль — громадные чаны, куда бы запросто поместились человек пять — у Гарри всегда возникали inferнальные ассоциации, что и не удивительно: жар, сумрак, разрываемый всполохами пламени в гигантском — во всю стену — очаге, где обычно пылали целые деревья; суетящиеся крошечные домовики, тени которых на стенах казались пугающе огромными и страшными — чем не преисподняя?

Однако сегодня и Гарри, и Гермиона не прошмыгнули на кухню, а замерли прямо в дверях, позабыв про все меры безопасности. Ах, как бы порадовался профессор Гатто, застав студентов Гриффиндора в неполюженное время в столь неполюженном месте! Увы: волею судеб он сейчас находился вне исполнения рабочих обязанностей, а именно предавался маленьким бесплотным радостям с одной из представительниц прекрасной половины призраков Слизерина⁵⁵. Пивз и Филч тоже были заняты (только не надо понимать это превратно): Пивз бесновался в Трофейном Зале, на меткость плясья жвачкой в свежеотполированные таблички, а Филч кряхтел, растирая каким-то вонючим снадобьем истерзанные подагрой суставы. Из продавленного кресла на хозяина сочувственно сверкала глазами Миссис Норрис.

Причина оцепенения Гарри и Гермионы состояла в том, что неожиданно безжизненную и пустынную кухню заливал свет, идущий отнюдь не от очага. Более того — очага сейчас и в помине не было: на этом месте зиял проём, откуда струились призрачные, дрожащие всполохи, будто где-то в глубине плескалось радужное озеро. Но, что самое странное, на обычно гудящей от голосов кухне, где приходилось лавировать между

⁵⁵ Хотя почему «увы»? Вовсе даже не «увы».

носящимися туда-сюда эльфами, уворачиваясь то от огромных кровожадного вида тесаков, так и норовящих снести голову, то от гигантских поварешек, сейчас не было ни одной эльфийской души и царила гробовая тишина, словно весь адский персонал, попрятав инвентарь, дружно взял выходной. А потому не представлялось возможным ни выяснить, что же Гарри делать, ни узнать, куда им с Гермионой идти.

Как будто прочитав их мысли, Косолапсус бросился напрямиком к таинственному проходу и исчез в сияющем мареве. Гарри и Гермиона озадаченно переглянулись, их ладони сами нашли друг друга — они покрепче взялись за руки и приблизились, настороженно глядясь и прислушиваясь.

— Полагаю, нам туда, — неуверенно пробормотал Гарри. — Ну, пойдём?..

Гермиона коротко кивнула.

Едва они сделали шаг в радужное сияние, как кухня за их спинами куда-то исчезла, а перед ними очутилась крутая ведущая куда-то вниз лестница: искрошившиеся от времени ступени терялись в подёрнутой дымкой бесконечности.

— Э...

— А...

— С другой стороны, это ведь просто крестины, — успокаивая сам себя, заметил Гарри, хотя рука невольно потянулась к заткнутой за ремень волшебной палочке. — Пойдём.

Он улыбнулся Гермионе и покрепче сжал её ладошку, машинально отметив, что та за последнее время здорово уменьшилась в размерах. Хотя, может, всё как раз наоборот?..

Проверяя ногой, прежде чем наступить, каждую ступеньку, они спускались всё ниже и ниже. Странное переливающееся сияние, источник которого так и остался неизвестен, — будто светился сам воздух — мерк, туннель становился всё уже, ниже и темнее, и Гарри всерьёз испугался, не предназначен ли он действительно только для домовиков.

Настроившись на бесконечно долгий путь, они несканно удивились, когда уже спустя примерно четверть часа осторожного и небыстрого спуска, последнюю часть которого они проделали почти наощупь, подсвечивая свой путь волшебными палочками, причём Гарри пару раз стукнулся головой о какие-то выступы на всё понижающемся потолке, очутились на странном то ли балконе, то ли галерее без ограждения, откуда оглядели пространство внизу, похожее на площадь, которая закрывалась девятью дверями. На галереях их встретили мерцающие глаза мозаик, которые ещё не облупились от времени. На них смотрели строгие лики древних магов и волшебниц, а рядом и поверх были закреплены кожаные щиты со странными рунами, которые не смогла разобрать даже Гермиона.

Внизу, где-то глубоко мерцали тысячи огоньков, и Гарри вдруг показалось, что он видит ночное небо не снизу, как это обычно бывает, а сверху, как бог.

— Странно... Что это за язык? И где мы находимся? — Гермиона провела ладонью по шершавой поверхности щита, ощутив его равнодушную прохладу, и в тот же миг почувствовала, как что-то почти неощутимо коснулось её ноги чуть ниже колена. С трудом подавив крик, она в ужасе отшатнулась, чудом не свалившись в бездну. Правда, это оказался всего лишь заблудившийся в её ногах Косолапсус, который улучил момент для выражения глубокой привязанности. — Бестолковое животное!!! — Гермионе даже подумалось, не простить ли Рона за былую неучтивость по отношению к дражайшему коту.

— О... Какая честь!.. Не могу поверить своим глазам... Сам Гарри Поттер... — вынырнувший из темноты Добби заломил руки с риском вывихнуть локтевые суставы. — Вы как раз вовремя! Попрошу сюда, — тонкие, как прутья, ручки домовика пихнули их к обрывающемуся во тьме краю галереи. — Смелее... смелее... Спускайтесь.

— Какого чёрта! — Гарри отпихнул упрямо насту-

пающего на него домовика. — Тут высокогато, а крыльев я еще не отрас... ДОББИ!!! — взвыл он, опустив взгляд и обнаружив под ногами вместо каменных плит пронзённую искрами тьму, но, к собственному удивлению, он отнюдь не провалился вниз, а медленно, как на парашюте, опустился — у него даже прядь волос не шелохнулась. Последнее, вероятней всего, оттого, что волосы просто стояли дыбом — будто проволочка. Сзади пискнула Гермиона: задрала голову, Гарри увидел, что она медленно планирует следом, обеими руками придерживая раздувающуюся колоколом юбку. Покраснев, он быстро отвернулся, уставившись под ноги: огни приближались, увеличивались — и вот уже стало видно, что это горящие свечи, которые держали тонкие лапки десятков, сотен домовиков.

Эльфы безмолвно расступились, дав гриффиндорцам посадочную полосу, а через мгновение снова сомкнули ряды, и вот юноша и девушка смущённо жалась в толпе сосредоточенных и важных домовиков — нарядные одеяния, подрагивающие от волнения уши, торжественные выражения на сморщенных личиках, ликование в выпученных глазах. К удивлению, столь странный способ прибытия не вызвал никакого ажиотажа, на них, к радости Гарри, вообще не обратили внимания.

— И что теперь?.. — он покосился в одну сторону, потом в другую, во вспотевшей ладони невесть откуда взялась зажжённая свеча. — Что тут происходит?

Гермиона — даже если и знала — ответить не успела: по толпе домовиков прошёл гул.

— ...и нарекаю тебя именем «Герми», — провозгласил дребезжащий фальцет.

В тот же миг пространство вокруг посветлело, и Гарри увидел чуть дальше, впереди, на возвышении сияющую Терри с крошечным свёртком в руках. Рядом на разболтанном табурете восседал уже виденный им год назад старейшина — бельма вместо глаз, трясущая голова. Роль купели исполняла огромная, промышленных размеров, соусница.

— Ч-что?! Герми?! — задыхнулась Гермиона, вырвав свечку из рук. — К-как это понимать?! Добби! — она возмущённо уставилась на стоящего рядом домовика.

— Небеса наградили Добби с Терри прелестной дочуркой — и в этот миг Добби понял, как может отблагодарить неустрашимую воительницу за права и свободы... — полные счастливых слёз глаза эльфа с благодарностью воззрились на Гермиону.

— Гермиона... Спокойно... — Гарри с трудом сдерживал смех при взгляде на потресканное лицо подруги.

— ...ибо мечтает Добби, чтобы его крошка стала столь же упорна...

— Гермиона... — Гарри тронул Гермиону за локоть — та будто проснулась от прикосновения, и края губ у неё подозрительно задёрнулись. — ...Ничего страшного!

— ...умна...

— Ты же всегда ратовала за равные права, верно?

— ...но уже сейчас она так же прекрасна!.. — патетически закончил Добби и трубно выскочил в край парадного полотенца с гербом Хогварта.

Гарри перевёл взгляд с раскрасневшейся Гермионы на сияющего Добби и нервно хихикнул. Потом ещё раз — трясущиеся губы девушки разъехались в неудержимой улыбке.

— Не обрачай внимания, Добби, я просто смутилась от такой чести... — пробормотала она, прикрывая лицо ладонью. — Герми... бож-ж-же мой... — голос подозрительно сорвался.

— О... это лишь малая доля того, чем Добби может отплатить своим друзьям за всё то, что они для него...

— Надеюсь, следующим у вас будет мальчик, — незаметно для домовика делая Гарри страшные глаза, заметила Гермиона.

— О, да, и тогда имя великого мага Гарри Поттера тоже будет увековечено в семье его скромного слуги...

— Добби! Гермиона! — угрожающе фыркнул Гарри.

Не выдержав, Гермiona захохотала в голос; это не осталось не замеченным: домовики настороженно поводили ушами, всем своим видом показывая, насколько они не одобряют столь вызывающую невоспитанность. Странное действие впереди, меж тем, продолжалось: Терри с дочерью куда-то исчезла, и теперь рядом со старейшиной стояло несколько молодых эльфов, облачённых в цветные наволочки. Пламя свечей в их руках разгоралось всё ярче, наконец, огоньки сорвались с фитилей, взмыли в воздух, заплясали, образуя какие-то письмена. Толпа домовиков сплотилась, они как-то неумовимо изменились, Гермione даже показалось, будто стали выше ростом. Свечи в их руках тоже горели ярче — лишь свечки в руках Гарри и Гермiony остались прежними.

— Добби, что такое?.. — начал Гарри и осёкся, заметив на личике приятеля никогда не виденное прежде выражение. Юноша закрутил головой. Теперь все эльфы казались ему на одно лицо, словно, утратив индивидуальность, они стали малыми частями одного целого — единым организмом.

— Гарри Поттеру и его подруге пора уходить... Сейчас начнётся... — глаза повернувшегося к друзьям эльфа были мутными и — к ужасу Гермiony, не сразу понявшей, в чём дело, оказались лишены зрачков.

— Но, Добби, скажи... — начала Гермiona.

— ...иначе нам придётся стереть им память... — Добби щёлкнул пальцами и медленно попятился к одной из неприметных дверей. Слово привязанные невидимыми нитями, гриффиндорцы двинулись за ним.

Меж тем домовики затаили какую-то ритмичную песню — потом Гарри, как ни силится, не смог вспомнить её слов уже спустя четверть часа, хотя осталось мучительное ощущение какого-то *осознания* — какое бывает по утрам при попытках вспомнить важный, но полностью исчезнувший из памяти сон. Единственное, что он помнил, произнося пароль гриффиндорской гостиной, — многообещающее «спокойной ночи и сладких снов»...

* * *

Время протянулось для Сириуса одной бесконечной лентой, где чёрные полосы полубессонных ночей, когда он вздрагивал и просыпался от её малейшего движения или вздоха, чередовались с серыми полосами тревожных дней. Он даже не мог сказать, сколько точно их прошло. Конец всему настал в тот момент, когда на его руку, потянувшуюся к цинковке на входе в пещеру, легла маленькая и твёрдая ладонь Фелли.

Эти дни, проведённые у пахнущего травами и болью ложа Лиз, они почти не разговаривали, несмотря на то, что практически всё время были рядом, общаясь лишь посредством междометий, жестов и мимики, словно глухонемые. Сириус сам не мог понять причину, но слова не шли у него с губ. Вот и сейчас — Фелли пристально посмотрела ему в глаза и едва заметно мотнула в сторону дымившегося на поляне костра.

— Уходи, — без предисловий сказала она, когда Блэк приблизился и, смахнув с поваленного дерева нанесённую ветром опавшую листву, присел у огня. — С ней всё будет хорошо, так что больше тебе здесь делать нечего.

Сириус промолчал, мысленно усмехнувшись её прощальному красноречию, полной грудью вдохнул горьковатый дымок, смешанный с осенней прохладой, — погребальный запах ушедшего лета, ушедшего счастья. Где-то над головой рассыпался сухой дробью дятел.

Уйти.

Он и сам давно это знал; мало того: едва Лиз — благодаря таинственным манипуляциям и остро пахнущим зельям старшей подруги — начала поправляться и рассказала подробности случившегося, ему приходилось едва ли не силой удерживать себя тут. Он остался только потому, что об этом попросила Лиз.

Сириус взглянул на мерно покачивающийся — будто бы ветра не было вовсе — костёр. Потом медленно повернулся в сторону пещеры, где сейчас спала Лиз.

— Ты скажешь ей?

— Да. Я ей всё объясню. Уходи, — похоже, многословность причиняла сейчас Фелли неудобства: нимфа смотрела в сторону и слова давались ей с заметным трудом. — Ты вообще не должен был здесь оставаться. И уж тем более я не должна тебя сейчас отпускать. Уходи, пока я не передумала. Или пока кто-нибудь не обнаружил тебя здесь.

Сириус поднялся, нерешительно взглянул в сторону пещеры, потом снова на Фелли. Та зябко куталась в шкуру кентавра, наброшенную поверх её как всегда скудного костюма, состоящего из какого-то сена и невесты как доживших до глубокой осени цветов. Она подняла внезапно блеснувший каким-то абстрактным интересом (так, наверное, учёный рассматривал бы в микроскоп что-то неприятное, однако же, довольно любопытное) взгляд:

— Ты отправишься?..

— Да, — с полуслова понял её Блэк. — Коль скоро меня считают мёртвым, грех не порадовать врагов своим воскрешением и не отправить в преисподнюю вместо меня того, кто этого заслуживает больше, — он усмехнулся: *похоже, словоблудие — это заразно...*

— А как насчёт друзей?

Он опустил голову.

— Думаю, этот тот редкий случай, когда первый визит стоит нанести именно врагам...

Нимфа кивнула, интерес погас, она отвернулась к костру, задумчиво пошевелила над пламенем пальцами.

— Ты не сможешь ничего разрушить, пока не научишься строить заново, — туманно произнесла она, обращаясь будто бы к нему, но глядя куда-то в сторону; Блэк даже покосился, не стоит ли там кто — Фелли частенько разговаривала с деревьями и травами, птицами и животными, и те, несомненно, понимали её. Но сейчас в той стороне, куда она оборотилась, в полуоблетевших кустах запутался пугливый осенний ветер — затрясся, затеребил пожухшую листву. Раздался один или два раската грома, затем по небу прошла одна или две судороги, далёкие и слабые, как если бы земля успокаивалась после землетрясения. Сириус удивлённо поднял глаза к темнеющему небу.

— Гроза? В конце октября?

Фелли не шелохнулась, будто не слышала. Неожиданно она подняла руку, щёлкнула пальцами — в ладонь влетел перевязанный травинкой пучок уже знакомых Сириусу листьев.

— Держи, — она бросила их ему. — И ступай.

Он молча поднялся, сунул листья в карман.

— Только... Могу я попросить тебя доставить записку в Хогвартс?

Фелли как-то по-особому сложила ладони и, поднеся их к губам, по-совиному ухнула: в тот же миг раздался шелест крыльев, и к её ногам опустилась небольшая сова.

— Пиши.

Подняв из травы у костра холодный уголёк, Сириус пошарил в карманах, но, не найдя ничего подходящего, просящее посмотрел на Фелли. Та презрительно дёрнула бровями («ничего-то у тебя нет» — так и читалось в её взгляде), отлучилась на минуту-другую и вернулась, неся в руке настоящий пергамент. Отличный, мягкий, прекрасно выделанный пергамент, нарезанный аккуратными листами, в верхнем левом углу которых читалась выдавленная надпись «Хогвартс. 1824».

— Откуда у вас это? — удивлённо спросил Сириус.

— Разжились по случаю, — нимфа усмехнулась так нехорошо, что охота задавать вопросы сразу пропала.

Сириус набросал несколько строк, аккуратно сложил пергамент. Задумался. Развернул, перечитал, но дописывать ничего не стал: опять свернул и прикрепил к подставленной совой лапе.

— Гарри Поттеру, гостиная Гриффиндора. Постарайся никому не попасться на глаза.

Сова не шелохнулась.

— Ты все поняла? — Фелли махнула рукой, и птица, бесшумно распахнув огромные по сравнению с телом крылья, скрылась между деревьев.

Чуть помедлив, Сириус напоследок обвёл поляну взглядом и, обернувшись псом, без колебаний и сомнений нырнул в высокую, уже чуть пожухлую траву.

Фелли вздохнула и снова поднесла руку к огню. Тот, словно живое существо, почуввавшее возможную ласку, вытянулся, лизнул ладонь и покорно свернулся, заколыхавшись над самыми углями

— Доброй охоты...

Обглоданная поросль пролеска кончилась, и пёс утонул в глухом лесу. Ветер стих, теперь было слышно, как каждое дерево молчит на свой особенный лад — так же, как каждое дерево особенно шумит листвою. Тепло и нежность остались у костра, теперь Сириусу было легко и свободно, ведь ему предстояло такое знакомое и такое привычное дело.

Месь.

Блюдо, которое стоит подавать холодным. Как ты хочешь, чтобы тебя похоронили, Малфой, — пьяным или трезвым? Пей и веселись — недолго тебе осталось. Я найду тебя, где б ты ни был. Я вырою тебя из-под земли, чтобы порвать тебе глотку. А потом я вытряхну душу из твоего щенка.

* * *

— Какой ужас!.. — Гермиона оторопело хлопала глазами, взирая на пустынную гостиную Гриффиндора, напоминающую сейчас поле битвы, откуда унесли только трупы, а всё остальное оставили до лучших времён. — Я... я немедленно... я сейчас заставлю их убираться... Это... это просто безобразия!.. Бедные домашние эльфы...

— Гермиона, а ты знаешь, который час? — Гарри ткнул пальцем в циферблат огромных часов, стоящих в дальнем углу. Хотя света от камина была явно недостаточно, на стрелках болтались обрывки серпантина, да, вдобавок, перед ними мельтешили две привязанные в честь праздничка летучие мыши — совершенно ошалевшие, всё же было видно, что уже почти час полуночи.

— Тогда я сама приберусь! — с надрывной жертвенностью провозгласила Гермиона и, присев на корточки, начала руками сгребать мусор.

— Эй, Гермиона... как насчёт этого? — Гарри помахал в воздухе волшебной палочкой. — По-моему, так быстрее и проще. Или ты так долго боролась за права эльфов, что наконец-то получила их для себя?.. Ой, не надо драться! Да что ж ты делаешь? — возмущённо ахнул он, когда разом взъярившаяся Гермиона вместе с мусором и прочими огрызками метнула в него недопитую бутылку со сливочным пивом. — Гермиона!.. Это уже не смешно! — по волосам потекли липкие струйки.

— О-ой... — она торопливо зашарила по карманам в поисках платка и, поняв, что шутка явно перешла границы допустимого, виновато опустила голову. — Прости, я не хотела... Ой, Гарри, прости!..

— Мне надо в душ, — мерзкая липкая жидкость текла по лицу, и Гарри трясло от отвращения. Мысль о том, что пустую гостиную можно было бы использовать с куда большей пользой для дела — в кои-то веки они с Гермионой находились по-настоящему наедине, причём между ними, похоже, начала восстанавливаться прежняя близость (пока только эмоциональная) — настроение только ухудшалось. Не сказав более ни слова, он направился к лестнице и быстро начал подниматься на мужскую половину.

— Гарри... Прости! — спохватившись, Гермиона побежала следом, разом забыв и о домашних эльфах и обо всём мусоре на свете. — Ну, хочешь, я... я...

— Можешь в качестве извинения потерять мне спинку, — не сбавляя темпа, буркнул он и, почувство-

вав её оцепенение, добавил: — Просто пошутил.

Его шаги затихли вдалеке, едва слышно скрипнула дверь спальни шестикурсников, потом ещё раз, снова звук шагов — на этот раз удаляющихся по коридору. Где-то далеко-далеко зашумела вода⁵⁶. Откинув прочь истерические возгласы здравого смысла, Гермиона быстро, чтобы не успеть передумать и остановиться, взбежала вверх по лестнице, на цыпочках прокралась по коридору мимо дверей, ведущих в мужские спальни, и решительно потянула на себя ручку ванной комнаты.

В раздевалке уже никого не было, на скамье кучей валялись вещи Гарри (и только Гарри, — с облегчением подумала Гермиона, которой почему-то не пришло в голову, что в такой час здесь вполне может находиться кто-то ещё), в душевой гулко била в каменный пол вода. Прежде Гермионе не приходилось бывать в столь неподобающем для девушки месте. Нерешительно перетапываясь, она огляделась: здесь всё было совсем не так, как на девичьей половине. И если тамшнюю обстановку всё же можно было назвать жизнерадостной (в отличие от ванной старост, там, конечно, не было ни весёленьких картин, ни пушистых полотенец всех цветов радуги, однако же светлые стены и разноцветные светильники скрашивали лаконичность интерьера), но здесь всё дышало буквально спартанской простотой.

Грубо отёсанные каменные стены, вбитые прямо в них крючки для одежды, выполненные в таком же лаконичном стиле, как и крючья в карцере, до сих пор нежно полируемые Филчем в свободное от работы время. Несколько факелов, слегка запотевшее зеркало, при виде Гермионы ахнувшее, лавки — словом, ничего лишнего.

Гермиона приоткрыла дверь в душевую — шум воды стал значительно громче.

— Гарри... — нерешительно позвала Гермиона, едва ли услышав себя сама. Прокашлялась и звонко крикнула: — Гарри!

Одна из дверок приоткрылась и из-за неё, близко-руко шурясь, выглянул Гарри — по мокрым волосам и лицу стекала вода, на плече — единственной, кроме головы и лица, видимой части тела — пузырилось мыло.

— Гермиона?.. Э... Ты чего? — тупо спросил он.

Взглянув на его совершенно обалдевшее лицо, Гермиона вдруг покраснела с головы до ног: когда она бежала сюда, всё представлялось ей как-то иначе. И вот теперь они смотрели друг на друга, медленно заливаясь краской и не зная, как выпутаться из сложившейся ситуации.

— Я... ну... пришла... — Гермиона с трудом проглотила комок в горле и умоляюще посмотрела на запотевшее зеркало, словно ища у него поддержки.

— Да ты не стесняйся, проходи, однако, — сдавленно хихикнуло оно приятным баритоном. — Только крючочек на дверь накинь, а то может выйти очень неловко, ежели кого в ночи принесёт освежиться, однако: эти мальчишки — такой беспокойный народ, однако...

Гермиона затравленно вздрогнула. В этот момент Гарри в своей кабинке пришёл в себя и осознал, что находится в ловушке: между ним и полотенцем (не говоря уже о брюках) стояла — причём в самом буквальном смысле — Гермиона, и добраться до первых минуя вторую было совершенно невозможно. Волшебная палочка находилась в одной куче со штанами и прочим барахлом, поэтому все Призывающие Заклятья на свете были бесполезны. В то же время в том виде, в каком он сейчас был, Гарри бы скорее умер, нежели показался любимой девушке. Полунамыленный и скользкий, он окинул себя взглядом и съёжился, по-

⁵⁶ Хотя, возможно, Гермионе только показалось, будто зашумела, — даже в такой тишине вряд ли бы она действительно могла услышать шум душа на мужской половине. Наверное, у неё просто кровь загудела в ушах.

крепче вцепившись в дверную ручку.

Последнее оказалось очень кстати, потому что мыло, выскользнувшее из пальцев в тот самый миг, когда ему почудилось, будто он услышал голос Гермионы, подло подползло под ноги, и, поскользнувшись, Гарри едва не выехал на авансцену в весьма экстравагантной позе. По счастью, Гермиона, выполняющая в этот момент наказ зеркала и запирающая дверь (нет-нет, не подумайте ничего плохо, просто ей пришло в голову, что действительно может получиться очень неловко, если её застанут в мужской ванной во втором часу ночи), не заметила этого отчаянного акробатического этюда.

— Ты не передашь мне полотенце? — Гарри прикрыл дверь. Придерживая её одной рукой, второй он начал судорожно смывать с себя мыло. — Я... это... я сейчас.

— Конечно! — Гермиона просияла, схватила полотенце, едва не разбив лежащие рядом очки, и вошла в душевую.

— Только осторожно, тут сыро и сколь...

Договорить Гарри не успел: снаружи донёсся вскрик — раньше, чем юноша успел сообразить, что именно делает, он выскочил и подхватил Гермиону, поскользнувшуюся на продолжившем своё путешествие по душевой подлом куске мыла. Причём подхватил аккуратно в тот момент, когда её голова находилась в считанных дюймах от поросшей пушистой ржавчиной и плесенью трубы, идущей вдоль другой стены.

— Я же сказал — осторожно...

— Спасибо, Гарри, — Гермиона смотрела ему прямо в глаза и, похоже, не собиралась высвободиться из мокрых объятий. — Ты... настоящий ловец, — не выдержав, нервно хихикнула она.

Он, недоумевая, уставился на неё, глаза его чуть-чуть косили — как это бывает у снявших очки близоруких людей. Чёрные волосы облепили голову и лицо, по которому ещё текла вода. Остатки мыльной пенки сползали по груди и руке. Она приснула и засмеялась, не в состоянии остановиться. Он фыркнул — раз, другой — и тоже захохотал.

— Ну, пусти меня... — они встали, и в этот миг Гарри осознал, в каком именно виде он находится.

— Ай!.. — покраснев с головы до ног (Гермиона видела это очень отчётливо), он кинулся обратно в душевую кабинку, но... Кусок мыла резво шмыгнул ему под ноги, и, пару раз по-орлиному взмахнув руками, Гарри всё же успел удачно зацепиться Гермионе за плечо и устоял.

— Осторожней! — она обхватила его обеими руками, и в тот миг, когда он крепко стиснул её плечи, всё вокруг стихло — даже мерный шум воды размазался и куда-то пропал. Мир начал меняться — ниоткуда не доносилось ни звука, исчезла душевая с облупившимися от сырости дверями и ржавыми подтёками на полу; не было больше ничего, кроме смутного предмета вожделения, и ничего, кроме него, больше значения не имело. Зеркало в раздевалке заинтересованно прислушивалось, но шум воды благополучно заглушал звуки поцелуев.

— Пойдём... туда, — не отпуская Гермиону от себя, Гарри начал наступать на неё, подталкивая к выходу в раздевалку. — А то ты вся мокрая...

— Ты тоже...

— С чего бы это?.. — но выдавить из себя улыбку не получилось, его всего трясло.

Стукнула дверь. С шорохом упала на пол сброшенная с лавки одежда. Через минуту туда же последовала одежда Гермионы. Завешенное полотенцем зеркало возмущённо забухтело, пересыпая жалобы на судьбу бесконечными «однако». Впрочем, на него всё равно никто не обращал внимания...

— ...Я могу потерять тебе спинку...

Всё ещё чуть смущённо отводя глаза друг от друга, они добрались до душа.

— Я сегодня тебя никуда не отпущу, — Гарри на-

клонился и положил голову Гермионе на плечо, тут же едва не захлебнувшись под бьющими прямо в лицо струями воды. — Ни сегодня — никогда...

— И не надо... Я сама тебя не отпущу... Мы теперь всё время будем вместе, хорошо?..

Вместе. Точно. А ведь я должен... Один.

Под ложечкой у Гарри засосало.

— Хорошо...

— Знаешь, у меня ощущение, словно так было всегда... — Гермиона робко коснулась его руки.

Гарри закрыл глаза и улыбнулся, прислушиваясь к шуму воды.

— Хотите, чтобы ваши волосы были блестящими, шелковистыми, не секлись и легко расчёсывались? — продекламировал он внезапно. — Чтобы ваша кожа была ровной, упругой и бархатистой? Попробуйте помыться! Может, написать это на кафедре в кабинете Зелий?

— Честное слово, Гарри! — Гермиона беззвучно рассмеялась. Щёлкнула его по носу. — Тебе сколько лет — десять? Всё в голову лезут какие-то глупости...

— Кстати, о глупостях. Вернее, как раз не о них. Я вот всё думаю, что же нам хотел показать Добби... Что-то всё время крутится в голове, а уловить никак не могу...

— Я что-то замёрзла, — Гермиона слишком резко повернула кран, и Гарри, завывая, вылетел из-под струи кипятка.

— Ай!.. Ты меня сейчас сварить!.. Так вот — у меня всё крутится насчёт этой Тайны... — ещё один поворот крана. — Ай-ай! Не может ли такого быть, что домики тоже являются хранителями... — у Гермионы дёрнулась рука, — ай! Так вот — я почему-то думал только об обитателях Запретного Леса, но ведь домики наверняка тоже появились вместе с замком — и значит, вполне могут... Ай-ай! Да прекрати же меня перебивать!

— Прости, — сконфуженно отозвалась Гермиона, оставив попытки добиться от душа нужной температуры. — Я неспециально. То есть ты думаешь...

— ...что часть заклинания вполне может храниться где-то у них. И наверняка это «где-то» тут, в замке...

В глазах Гермионы зажёгся огонёк одержимости.

— Точно! Я пойду в библиотеку, поищу старые планы и чертежи Хогвартса...

— Слушай, ты говоришь это так, словно отправишься туда прямо сейчас, причём прямо в таком виде... Я вообще не хочу, чтобы вы с Роном имели к этому отношение, чтобы вас это касалось, — Гарри потянул её к себе и поцеловал. — Потом, ты забыла — у тебя вся одежда мокрая... И сейчас глухая ночь... — он поцеловал её ещё раз, куда более многозначительно. — М-м?

— Не-а. Тут жарко и сыро. И хочется квакать. Я тебе не лягушка, — Гермиона шуточно пихнула его кулаком под ребро и тут же прильнула всем телом. — Господи, Гарри... КАК я соскучилась... Как я люблю тебя... Какая я счастливая...

...Терри, поджидающая Гарриону в её спальне, радостно приподнялась навстречу отворившейся двери, но едва осознала, кто в неё входит, смущённо пискнула и, так никем не замеченная, растворилась в воздухе.

* * *

«Страсти по Невиллу», кипевшие в начале осени, улеглись; рой записочек и студенток, нетерпеливо поджидающих его под дверями классов или же выскакивающих из-за угла в самый неподходящий момент, иссяк — вместе с окончанием листопада. На партах разных кабинетов, за которыми обычно сидел Лонгботтом, признания в любви потускнели и стёрлись, уступив место традиционным «Кому скучно — нарисуй вагончик» и «Здесь было зверски убито время», а сам Невилл наконец-то перестал вздрагивать от резких

звук, хотя привычка пропускать — по возможности — кого-нибудь вперёд, прежде чем поворачивать за угол или же открывать двери, осталась.

Тем не менее, продолжил существование некий клуб, куда входили самые преданные, хотя и незаметные поклонницы. Верховодила ими семикурсница Хаффлпафа — веснушчатая толстушка, увидевшая воплощение всех своих мечтаний в Лонгботтоме — ещё буквально вчера — толстом увальне, а сегодня — высоким и худом (хотя от этого не менее неуклюжем) герое, полным печали и загадок.

По понятным причинам заслуженные хогвартские красавицы довольно быстро потеряли к нему интерес — едва поняли, что тот не собирается ни на кого набрасываться из-за угла и зубами срывать одежду, как, ахая и округляя глаза, утверждали «очевидцы» давней сцены в девичьей ванной комнате гриффиндорского общежития. Мимолётный роман с Лавендер (состоявшийся исключительно в воображении самого Невилла) развеялся неверным туманом под ледяным дуновением её манер — будто сейчас она скажет, улыбаясь, «ты просто прелесть», тогда как ты калека без рук и ног. Прошёл месяц, потом ещё один — всё постепенно забылось, и Невилл с удовольствием вернулся на своё прежнее незаметное место, однако тут же понял, что в старые меха свежее вино не вольётся: что-то неумовимо изменилось. Вернее, не что-то, а кто-то: он сам. Причина оставалась до конца не ясной: то ли повлияла переэкзаменовка у Снейпа, после которой профессор продолжил грызть бедного гриффиндорца с удвоенным раздражением, однако уже не добивался эффекта «тотального ужаса»; то ли снёс с ног ураган почти латиноамериканских страстей, то ли...

Гарри.

Невилл ни разу не напомнил однокурснику о совместно пережитом в Лесу: он чувствовал запретность темы и догадывался, с чем она связана. Не осталось (да и не было) ни зла, ни обиды за ужас, какой довелось ему испытать у нимф, за боль от ожогов, фантомов которой продолжали терзать его в кошмарах (надо сказать, справедливости ради, — несчастных: спал Невилл, как правило, по-младенчески крепко); он не ждал от Гарри проявлений бесконечной благодарности за спасение из цепких усиков смертоносного цветка, равно как и сам не докучал однокурснику словами признательности (непосредственно в тот момент, когда Гарри с одной из нимф вошли в тёмную пещеру и освободили Невилла от наручников, он был близок к рыданиям в голос, как никогда раньше).

Более того — Лонгботтом испытывал несказанную радость и благодарность за произошедшее. Настолько огромную, что едва ли сам для себя мог это облечь в слова: ведь впервые в жизни он почувствовал себя не пустым местом, не назойливой помехой-неумехой, а кем-то *важным*. Кем-то действительно *стоящим*, кем-то *необходимым*. Тогда, когда они с Гарри вдвоём прорывались сквозь пламя... и потом — когда мчались напролом через чашу на келпи... и ещё раз — в лазарете, когда Гарри обмолвился о чём-то очень важном и тут же замолчал, разом захлопнувшись, словно ракушка...

...Не стоит недооценивать слова, лучше недооценивать ухо, которое их принимает. Ухо, по определению, глупо и пусто, — кажется, так говорил дядюшка Элджи, пытаясь во время летних занятий вбить знания в голову непутёвого племянника. Вот и теперь Невилл, так и эдак крутя увиденное и услышанное, силился сложить всё в единую картину, но какой-то детали не хватало — возможно, самой главной...

Эти размышления, равно, как — разумеется — учёба скрашивали вернувшееся тихое одиночество, и пусть снова про Невилла вспоминали, лишь столкнувшись в коридоре или же случайно налетев взглядом, и пусть Гарри, видимо, виня себя за длинный язык и неосторожные слова, начал едва заметно его сторониться — всё равно: Невилл чувствовал, что уже не будет прежним — забытым и бессловесным объектом намешек для всех, включая собственных однокурсников. Он

с привычной тихой радостью наблюдал со стороны за окружающим миром — примирение бывших друзей, воссоединение влюблённых; он ни на секунду не осмеливался увидеть себя четвёртым в тесной и неразлучной компании Поттера, Уизли и Грейнджер — компании тех людей, рядом с которыми ему действительно хотелось находиться. Стоящих людей.

Может быть... когда-нибудь... я смогу... я сделаю что-нибудь такое... — но он тут же гнал от себя подобные мысли.

Хотя сделать что-то настоящее, пусть даже маленькое, очень хотелось: настолько, что, проснувшись однажды на постели, вздрагивающей от ударов его сердца, Невилл посмотрел в холодное ноябрьское голубое небо, посыпанное птицами, как пряностями, и понял: сегодня. Сегодня он должен сделать первый шаг. Неважно, в каком направлении и с какой ноги: он должен двинуться в путь, в конце которого его ждёт...

Что-то ждёт в конце пути?..

Ответ на вопрос терялся в туманной дали, поэтому Невилл просто вздохнул, встал, поёжившись от утренней прохлады спальни, умылся и отправился на завтрак — как всегда, в одиночестве среди улыбающихся и болтающих о том-сём однокурсников. Впереди маячила рыжая шевелюра Рона. Мимо пробежал Гарри — он тянул за руку до странности заспанную Гермиону, та на ходу приветственно кивнула Невиллу; они нагнали Рона и, как всегда, пошли вместе. Невилл миновал Парвати, шепчущую нечто весьма секретное на ухо Лавендер; та раздумянулась от волнения и постоянно перебивала подругу восклицаниями и междометиями. Галдя и толкаясь, пробежали первоклашки, и он с лёгкой грустью подумал, что незнакомых малышей становится всё больше — и они чувствуют себя в Хогвартсе полноправными хозяевами, тогда как он, шестикурсник, едва ли мог сказать, что полностью освоился в этом огромном замке, призванным на семь лет практически полностью заменить ему дом. Во всяком случае, все исчезающие ступеньки он так и не запомнил.

— Доброе утро, Невилл! — кивнула Джинни.

Идущая рядом с младшей Уизли Стана Браткова сделала вид, будто Лонгботтома в природе просто не существует — памятью о Дырявом Котле, ванной комнате и уроке Зелий, когда он случайно задрал ей юбку при всём честном народе. Невилл поздоровался в ответ и, покосившись на каменное выражение лица болгарки, подавил вздох. Да так — с подавленным вздохом в груди — и замер: конечно! Вот он, первый шаг!

— Браткова! Стана! — но девушка уже скрылась за дверями Большого Зала. Невилл, наступая на ноги и привычно бубня извинения, добрался до гриффиндорского стола и решительно опустился на скамью рядом с ней: — Я хочу тебе кое-что сказать.

Стана неприязненно уставилась на него:

— Ну?

— Я хочу сказать, что очень сожалею о случившемся ранее и надеюсь, что это недоразумение будет благополучно...

Его перебило уханье и шелест крыльев: прибыла утренняя почта. На стол — между кувшинов, блюд, тарелок и прямо в них, расплёскивая молоко, опрокидываемая маслёнки, — посыпались свёртки, газеты, письма. На слизеринский стол, рядом с местом Малфоя (сам староста сегодня изволил почивать до последней минуты, а потому ещё не пожаловал: угол, где обычно он восседал со своей свитой, зиял пустотой) бухнулась посылка, попав аккуратно на край огромного блюда с овсяной кашей — секундой спустя Невилл уже обречённо стряхивал её со своей мантии. Ещё одна сова опустилась Стане на плечо, и Джинни испугалась разом залившей лицо подруги бледности, — ей даже показались, будто та вот-вот упадёт в обморок:

— Стана, что?..

Болгарка дрожащими пальцами отцепила свиток от свиной лапы, развернула и, едва прочитав пару строк, ахнула; расталкивая льющийся навстречу плотный поток студентов, она бросилась к выходу, даже

не заметив, что забытое письмо осталось на столе. Оторвавшись от искоренения со своей мантии слизеринской овсянки и мгновение поколебавшись, Невилл вытянул шею и присмотрелся, но Джинни оказалась проворней: она решительно развернула письмо, покрутила его так и эдак и озадаченно нахмурилась:

— Ничего не понятно: тут по-болгарски... Что же произошло? Что с ней? Может, с роднёй?

Ответ пришёл почти сразу: то там, то здесь шуршали страницы Пророка, раздавалось аханье, шепотки; Джинни выхватила газету практически из рук потянувшейся к ней Гермионы, едва взглянула на первую полосу и молча кинулась следом за подружкой.

«Сегодня ночью в мюнхенском госпитале Целипельницы Клариссы вследствие тяжёлых ранений скончался известный в недавнем прошлом квиддичный игрок, бывший ловец болгарской сборной Виктор Крум...» — успел прочитать Невилл до того, как Пророк вернулся к Гермионе.

— Гарри... Рон... — ахнула староста, — смотрите: Виктор... Виктор... — она прижала ладонь ко рту. — О нет...

Вилки звенькнули об стол, Рон и Гарри сшиблись лбами над газетой, но этого даже не почувствовали. Невилл увидел, как резко изменилось лицо Гарри, увидел, какими взглядами обменялись они с Гермионой. Поняв друг друга с полуслова, троица резко поднялась и почти бегом двинулась к дверям — благо, все тут же принялись обсасывать новость и никто не обратил внимания на их спешный исход.

Когда возбуждение в Большом Зале достигло сво-

его апогея — про завтрак уже никто не вспоминал; пользуясь отсутствием профессоров, студенты галдели, трясая газетами, несколько старшекурсниц, прекрасно помнивших визит в Хогвартс делегации Дурмштранга, рыдали. За столом Равенкло подруги утешали Боряну — размазывая слёзы по лицу, та безуспешно высматривала за столом Гриффиндора старшую сестру.

— Оп-па, вы только гляньте! — нараспев произнёс Малфой, усаживаясь на своё место. Кто-то из его верных малолетних прихлебателей торопливо развернул перед ним газету. — Бывший любовничек Грейнджер отбросил копыта. Что-то и её самой не видать — наверное, утешается в объятиях Поттера...

— Малфой, как у тебя только язык поворачивается! — рявкнула третьекурсница Джейн Бантинг, сжимая кулаки. — Совести у тебя нет!

— У меня нет таких средств, чтобы содержать свою совесть!

Тарелка Дина Томаса упала на пол, Симус и вовсе едва не опрокинул всю лавку с сидящими на ней гриффиндорцами, но Невилл оказался ближе всех: нимало не колеблясь, он поднялся, прошёл к слизеринскому столу (Крэбб и Гойл недоверчиво хлопали глазами, не в силах поверить в происходящее) размахнулся и ребром ладони аккуратно, но сильно ударил Драко по шее. Через миг кулак Гойла, опустившийся ему на темя, погасил перед глазами свет осеннего утра, однако детское недоумение и обида, которые появились в глазах Малфоя, окупили это с лихвой.

...Первый шаг...

Невилл счастливо улыбнулся и осел на пол.

Глава пятнадцатая, в которой мы снова попадаем в Болгарию, а также довольно много общаемся с домовыми эльфами и другими обитателями Хогвартса.

Стана в этот день на уроках не появилась. Не было её и на обеде, и на ужине — как сообщили подружки, Дамблдор велел отправить их с Боряной каретой до Хогсмита, а оттуда они убыли домой — на похороны.

Гермиона тоже чувствовала себя отвратительно. После ужина, за которым она едва ли прикоснулась к тому, что положила в тарелку, она заперлась у себя и проплакала весь вечер, перебирая письма Крума и многочисленные колдографии, — болгарские и ту, самую первую, снятую во время отъезда делегации Дурмштранга из Англии. Сейчас Крум на ней счастливо улыбался, а Гермиона едва заметно упиралась, стараясь от него отстраниться. Воспоминания об этих давних днях чуть стёрлись и потускнели, оказались вытесненными событиями последних месяцев, и Гермиона почувствовала жуткие угрызения совести — действительно, она ведь так ни разу и не написала Виктору после «возвращения». Последний раз они виделись летом, перед его переводом в мюнхенскую клинику — вернее, как раз не виделись: Крум не пожелал предстать перед Гермионой в виде обмотанного бинтами и трубками изувеченного рубубка, и ей дозволили лишь передать коротенькое письмо с пожеланием скорейшего выздоровления и общими жизнеутверждающими фразами, какие обычно пишут смертельно больным людям. Ответа не было: сестра милосердия на словах поблагодарила Гермиону (хотя встретила её так же приветливо, как встречала сборщика налогов в эпоху Римской империи, — видимо, подозревала в этой девушке источник всех бед знаменитого пациента или же никак не желающую угомониться поклонницу) и негостеприимно захлопнула дверь. А потом всё так завертелось... И вот, он, когда-то спасший их с Гарри, пожертвовавший ради этого собой, умер в полной убеждённости, что та единственная и любимая, ради которой он и отдал свою жизнь, позабыла его, обретая счастье в объятиях другого...

Надо было ему написать... Ну почему, почему все добрые дела мы оставляем на потом, вспоминая о них только тогда, когда они уже утрачивают смысл... Ведь про месть и ненависть мы никогда не забываем... Что

мне стоило написать ему... Просто несколько слов... Зачем я тянула до последнего...

Гермиона снова захлопала носом и зашуршала письмами, перебирая их одно за другим. Будучи человеком последовательным и аккуратным от природы, она хранила весь свой архив, начиная от тетрадок за первый курс и заканчивая личной перепиской. А после того, как летом застала в своей спальне мать, оцепенело перечитывающую строки письма Гарри, которые отнюдь не предназначались для посторонних глаз, Гермиона решила увезти всё в Хогвартс. К счастью, отражение не нашло ни писем, ни фотографий — не то непременно бы выбросило. Ну, или бы нашло какой-нибудь иной способ поглумиться над дорогими для Гермионы вещами и воспоминаниями.

В дверь тихонько постучали — Джинни, обеспокоенная тем, что Гермиона исчезла после ужина, пришла проведать. Ей стоило больших трудов объяснить Гарри и Рону, что Гермиону сегодня не стоит трогать, — те так и рвались на девичью половину. Сославшись на усталость и приготовления ко сну, Гермиона дверь открывать не стала, а попросила передать, что с ней всё в порядке и волноваться повода нет.

В последующие дни атмосфера вокруг гриффиндорской старосты заметно сгустилась: на завтраке, едва они с Гарри появились в дверях, все умолкли и развернулись в их сторону, в коридорах кое-кто многозначительно дёргал бровями, а Малфой — хотя и гораздо тише — но всё же отпускал язвительные комментарии. На Нумерологии Гермиона ловила на себе заинтересованные взгляды, которые только раздражали и мешали сосредоточиться, в результате чего, отвечая у доски, напутала в расчётах. Подобного с ней не случилось ни разу за два последних года, и это, разумеется, породило новую волну шепотков за спиной. Даже сама профессор Вектор поинтересовалась, хорошо ли Гермиона себя чувствует и не стоит ли ей заглянуть на всякий случай к мадам Помфри. Смерть Крума служила темой для пересудов ещё целых три дня, а потом кто-то из старшеклассников Хаффлпафа был пойман

в спальне девушек посреди ночи, и про болгарского ловца благополучно забыли, с восхищением обсасывая подробности нового скандалчика.

Забыли все, кроме Гермионы и Гарри. Однако они, в отличие от остальных, не разговаривали об этом, помня, сколько боли и тяжёлых воспоминаний связано с этим человеком у них обоих. Рон тоже довольно быстро сообразил, что к чему, а потому в души друзьям не лез, пытаясь отвлечь и взбодрить их разговорами, шахматами и милыми шутками из области частичной невидимости. Этот раздел Трансфигурации давался ему лучше одноклассников, чем он несказанно гордился и с готовностью демонстрировал при каждом удобном случае (и чем изрядно всех достал). Гарри и Гермиона разговоры поддерживали по большей части междометиями, в шахматы рассеяно путали пешки со слонами, — играя, скорее, из уважения к энтузиазму Рона, нежели действительно по желанию. А с частичной невидимостью и вовсе вышел казус: увидев в полутёмном коридоре парящую в воздухе голову, погружённый в свои мысли Гарри посчитал это дурацкой шуткой Пивза, который по осени всегда терял чувство меры в и без того сомнительных забавах, — а потому юноша просто отмахнулся и прошёл мимо, даже не потрудившись выяснить, чья именно голова перед ним возникла. Гарри потом устал извиняться, а у Рона полчаса шла кровь из разбитого носа. Впрочем, он не обиделся, а Гарри и Гермиона были здорово благодарны ему за поддержку — пусть даже такую неуклюжую.

Любой скорби и печали приходит конец, жизнь цинично продолжает свой бег — и вот, мысли об ушедшем Круме выкристаллизовались в мысли о грядущей встрече с Вольдемортом. День за днём — размышления об увиденном на празднике домовиков и возможная связь этого с тайной Защитника, а так же проза жизни в виде подготовки к матчу со Слизерином, осторожно, но решительно потеснили в мыслях Гарри всё остальное. Гермиона, навязав Гарри свои услуги по поиску информации о хогвартских домовиках на таких условиях, что он был вынужден согласиться, свободное от учёбы и обязанностей старосты время проводила в библиотеке, роаясь в древних фолиантах, — выписывала редкие книги, делала заметки (прикупленная в Зонко бумага оказалась весьма кстати) — однако же пока совершенно безрезультатно: ничего полезного не обнаруживалось. Она робко попросила у мадам Пинс разрешения на работу в Закрытом Архиве, на что получила категорический отказ. Впрочем, неудивительно: по слухам, в Закрытом Архиве веками пылились неразобранные фолианты и манускрипты, и никто не знал, на что там можно напороться. Говорят, среди кип книг и гор свитков там где-то лежал и дневник Саллазара Слизерина, и «Чёрная Магия» Мазелло, и особо опасные проклятые экземпляры, убивающие посмевавшихся прикоснуться к ним, и много чего другого, столь же таинственного и интересного. Гермионе это место виделось настоящим раем. Потерянным раем — потому что само местонахождение этого Закрытого Архива было неведомо: поговаривали, будто найти его временами не может даже библиотекарьша, потому что он сам выбирал, в какое время и в каком месте библиотеки возникнуть.

Гарри и Рон помогали Гермионе очень редко — за две ноябрьские недели они всего пару раз посидели с ней в библиотеке. И то — большей частью из солидарности: после домашних заданий, учёбы и упорных тренировок промозглыми вечерами сил у них оставалось ровно на то, чтобы доползти до кроватей. А потому вся их «работа с первоисточниками» заключалась в пятиминутном пролистывании первых страниц книг, после чего они либо начинали болтать, обсуждая квиддичные тонкости, либо и вовсе засыпали, уронив головы на пожелтевшие страницы. Признаться, Гарри не видел в розысках Гермионы особого смысла, однако боялся сказать это вслух, считая, что тогда её энтузиазм может направиться в куда более опасное русло. Сам же он пока не мог собраться с мыслями, неодно-

кратные попытки найти Добби были безуспешны, а разговор с Хагридом пришлось отложить на неопределённый срок: поняв, что всё зашло слишком далеко, Дамблдор списался с госпиталем Св. Мунго, и отделение Св. Бахуса приняло школьного лесничего с распростёртыми объятиями.

Вобщём, Гарри пока стоял на перепутье, размышляя, куда сделать шаг. Вернее, как раз сейчас он спал. И спать ему оставалось всего несколько секунд:

— Ладно уже, ступайте, сони бесполезные! — Гермиона пером пощекотала ему под носом — он чихнул и проснулся. — Говорю — идите спать, а то мадам Пинс в ваших затылках сейчас дырку взглядом просверлит.

— Вот так всегда: только сядешь поработать, обязательно кто-нибудь разбудит! — Гарри потянулся и пихнул в бок храпящего на весь зал Рона. Тот оборвал особо сложную руладу и открыл осоловевшие глаза. — И правда — пошли. У меня ещё не описан обзор по Гербологии... — он умоляюще посмотрел на Гермиону, но та внима-а-ательнейшим образом изучала какие-то древние чертежи и таблицы, один вид которых повергал Гарри в транс.

— А у меня расчёт по Зельям... — Рон потянулся и вонзил в Гермиону столь же умоляющий взгляд, но и этим разжалобить её не удалось. К тому же, всё впечатление этой безмолвной просьбы испортил широкий — во весь рот — зевок.

— Рон, ты слышал когда-нибудь такое слово, как «этикет»? — Гермиона, не поднимая глаз, перелистнула страницу.

— А то! Этикет — это умение зевать с закрытым ртом, — Рон ещё раз громко зевнул во всю пасть. — То есть не так, как это делаю я. Ну, мы действительно пошли. Чёрт, есть-то как хочется...

— Мы только с ужина... Ну и бездонная у тебя утроба...

— Ничего ты не понимаешь — я ещё расту...

— Куда? Скоро ты будешь защищать кольца, стоя ногами на земле...

— Кстати, о защите: мне как раз сейчас приснилось...

Мальчишки ушли, а Гермиона ещё некоторое время продолжала свои изыскания, однако ничего полезного не обнаружила: в книгах по древнему градостроительству и архитектуре Хогвартс, если и упоминался, то вскользь, и, разумеется, ни о каких подробных чертежах и мечтать не приходилось. По эльфам же информация имелась, но вся она представляла собой на редкость бессистемный набор фактов. И, разумеется, конкретно о хогвартских эльфах ничего не было.

Гермиона перечитала сделанные сегодня заметки, выписала на отдельный лист книги, которые стоило поискать, и задумчиво устала в пространство.

Гарри... Гарри... Он молчит и не жалуется, однако я вижу, как он старается всё успеть. У него опять появились тёмные круги под глазами... Хотя, может, это от недосыпа... — она покраснела. — Нет, я должна ему помочь в поисках — вот только бы знать наверняка, что искать. Может, это какая-то комната... А может, предмет... Или надпись... Или что-нибудь ещё, что мы и представить не можем. И, как назло, все домовики куда-то подевались... — пару вечеров Гермиона засиживалась в гостиной допоздна, однако ни одного эльфа так и не дождалась. А когда она решила найти Добби или Терри на кухне, то встретивший её прямо за натормортом незнакомый домовик молча покачал головой и закрыл дверь прямо у Гермионы перед носом. — Гарри, Гарри...

Она опустила глаза и увидела, что всё это время машинально писала его имя на лежащем перед ней листке. Почему-то выбрасывать это ей показалось кощунством, а потому Гермиона просто засунула его обратно в стопку, сдала книги мадам Пинс и заторопилась в гриффиндорскую башню: сегодня была среда — день, когда она помогала по Трансфигурации всем желающим. Наверняка в гостиной её уже ждала толпа печальных младшеклашек с тетрадками.

Тем временем Рон и Гарри отправились в гриффиндорскую гостиную окольными тропами:

— Хочу жрать, — в третий раз повторил Рон. — Айда к эльфам! Давай сыграем с ними в саранчу!

Гарри согласился: после насыщенного учебной и спортом дня его желудок тоже требовал продолжения банкета. Но их постигла неудача: груша, хихикнув, открыла проход на кухню, однако же появлению там студентов никто не обрадовался. Всегда такие хлебосольные и приветливые, на этот раз при виде Гарри и Рона домовики загудели, сбились в кучу и, размахивая поварёшками, шумовками и ножами, вытеснили их обратно в коридор, даже не потрудившись дать хоть какие-нибудь объяснения.

— Так, я не понял... Что это было? — поинтересовался Рон, глядя на растрескавшийся холст.

— Вот чёрт... Странные они в последнее время, — Гарри ещё раз пощекотал грушу, та пискнула, но в кухню их не пустила: вместо этого в коридоре возник тщедушный домовик в белом поварском колпачке, из специальных прорезей в котором смешно торчали треугольные ушки.

— Домовым эльфам строжайше запрещено общаться со студентами. Во избежание неприятностей и проблем вас настоятельно просят вернуться в вашу факультетскую гостиную, — он почтительно склонился и уже, было, собрался юркнуть обратно в кухню, как Гарри ухватил его за плечо:

— Постой-постой! Что за дурацкий приказ? Я ищущу Добби...

— ...и чего-нибудь пожрать, — Рон с надеждой потянул носом.

Домовик бросил взгляд на факультетскую эмблему, вышитую на мантии Гарри, потом на его лоб и позеленел ещё больше:

— Г-Гарри Поттер... Такая честь... Всем эльфам известна... — он понизил голос и воровато окинул глазами коридор. — Но это ничего не меняет: за ними сле...

— Так-так... *Plaudite, acta est fabula* — *рукоплетите, комедия окончена*. Добрый вечер, мистер Поттер, мистер Уизли... А ты — вон!

— Я только объяснял студентам новые правила...

— Я сказал — ВОН! — голос Гатто сорвался на визг, огромные глаза домовика стали ещё больше, и он с лёгким хлопком растворился в воздухе, торопясь так, что колпачок слетел с головы.

— Вот чёрт, — побурчал Рон, с тоской взирая на сияющую физиономию профессора Гатто. — Вляпались.

— Не могу не согласиться, — медовым голосом вывел глава школьных привидений. — Итак, что вы здесь делаете? Насколько мне известно, студентам категорически запрещён вход в подсобные помещения — не далее, как месяц назад новые правила поведения в школе были развешены на досках объявлений во всех школьных гостиных... Ну-с, я вас слушаю.

— Мы просто хотели попросить печенья или пирожных, — честно глядя Гатто прямо в глаза, ответил Гарри.

— Так-так... Чревоугодие, мои многоуважаемые друзья, есть один из смертных грехов.

Edere oportet, ut vivas, non vivere, ut edas. *Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть.* За нарушение школьных правил я снимаю десять очков с Гриффиндора и накладываю на вас взыскание — завтра в восемь вечера вам необходимо явиться в кабинет мистера Филча.

— Но в это время у нас ужин! — ахнул Рон. — Я же помру от голода!

Гатто тонко улыбнулся и заколыхался в воздухе в приступе беззвучного смеха.

— *Честная смерть лучше позорной жизни*, мистер Уизли: *honestas mors turpi vita potior*. А чтобы вы раз и навсегда запомнили основное правило вежливости — не спорить и не перебивать старших, я снимаю...

Но закончить он не успел: совсем рядом раздался

какой-то подозрительный грохот, потом — радостное улюлюканье, и из-за поворота вылетел Пивз. Полтергейст радостно потирал руки — похоже, очередная проказа удалась. Увидев в коридоре Гарри, Рона и Гатто, он на миг замер, потом на его физиономии засияла улыбка. Гарри привычно пригнулся — и как раз вовремя: водяная бомба просвистела у него прямо над головой и разбилась об стену, окатив их с ног до головы водой. Гатто что-то возмущённо заорал по-итальянски, Пивз показал ему язык и взлетел повыше:

— Ой, худо, худо мне без добра! Побереги-ись! — ещё одна бомба ляпнулась об стену.

— Бежим! — Рон и Гарри воспользовались замешательством и рванули прочь, перескакивая с одной движущейся лестницы на другую, и остановились только в переходе, ведущем непосредственно к гриффиндорской башне. Упёршись руками в колени, они перевели дух.

— Вот ведь... Не успели, можно сказать, выйти в люди, как хочется немедленно вернуться обратно... — задыхаясь, буркнул Рон и потёр правый бок. — Надо будет с обеда что-нибудь стащить, а то помрём завтра с голоду...

— Угу, — кивнул Гарри. — Слушай, что происходит в замке, а? Что такое с эльфами, куда девался Добби? Ничего не понимаю... Я пытался его найти, но передо мной закрывали двери, даже не удосужившись объяснить, почему. Новый приказ, так-так... Подозрительно всё это... Уж слишком вовремя.

— Добби сослан в подземелье, — сообщил тихий голосок, и прямо перед Роном и Гарри — в лучших традициях частичной невидимости — возникли выпученные зелёные глаза. Тихий щелчок, и перед ними материализовался давешний кухонный домовик. — Кто-то донёс Старейшине о присутствии Гарри Поттера на Церемонии Передачи... Да и вообще: человек на празднике — грубейшее нарушение всех существующих устоев... Теперь Добби несёт наказание: ему запрещён подъём выше минус третьего уровня...

Рон и Гарри переглянулись, не в силах найти слов, — Рон, вдобавок, по причине того, что вообще не понял, о чём речь.

— Гарри, какая передача? О чём он? Что ещё за минус уровня?

— А Терри?.. Могу я поговорить с Терри?

— Терри всё свободное время проводит с малюткой Герми, — Рон, собравшийся задать очередной вопрос, поперхнулся, — но мистер Филч загрузил её работой так, что сил хватает только, чтобы доползти до кухни...

— Вот гад, кормящую мать — и в работу! Надо на Филча Гермиону натравить... Права беременных и кормящих эльфов... — Рон почесал в затылке. — Слушай, Гарри, не нравится мне всё это...

— А могу я найти Добби сам? Как попасть на этот... минус третий уровень? — домовик посмотрел на Гарри, как на умалишённого. В это время раздалися шаги — из библиотеки возвращалась Гермиона, которую сопровождала кучка заждавшихся младшекурсников, а потому, так и не ответив, эльф растворился в воздухе.

— Эй, как-там-тебя, постой!.. Вот чёрт!.. Исчез!

— Гарри, Рон, почему вы до сих пор здесь?..

— Лучше не спрашивай, — мрачно ответил Гарри. — Лучше б я так и дальше спал в библиотеке... Хотя...

Они все вместе отправились в сторону гриффиндорской башни и, намеренно замешкавшись у Полной Леди, Гарри оттеснил в сторону Гермиону:

— Слушай, ты ничего не знаешь про какие-то отрицательные уровни в Хогвартсе? Они подземные, да?

Как-то странно посмотрев на него, Гермиона отрицательно замотала головой.

* * *

Утра, дни, вечера и ночи, проведённые «дома», стали для Станы бесконечной, серой дорогой — унылой, скользкой от слёз и дождей — как осыпавшийся

в собственные сумерки ноябрь, как унылый и облезлый дом на окраине небольшого болгарского городка, в котором жили и маги, и магглы (причём, как водится, последние о первых и не подозревали). Такое совместное проживание приносило массу технических неудобств, зато жильё было практически дармовым, а финансовые проблемы сейчас определяли всё.

Стана до мелочей запомнила ночные бдения у гроба, когда она пыталась заставить себя поверить в то, что Виктора больше нет, и то, что от него осталось, — до странности плоское и большое тело, с незнакомым пустым лицом и тусклыми, причёсанными на косой пробор волосами. Завораживающе покачивались свечи, голову кружили церковные запахи...

Она запомнила дорогу на старое кладбище между болотами, которые бороздили отражения прилегающих облаков; стаи цапель, похожие на движущийся по небу пятнистый ковер. В ботинок попал камешек, однако остановиться и вытряхнуть его было нельзя — она не слала портрет Виктора; а потому продолжала идти, и через полсотни шагов вся вселенная уже состояла из маленьких режущих камешков, которыми была выложена петляющая между чужих могил тропа.

Плакать не было ни сил, ни слёз, лицо стало деревянным. Наверное, именно поэтому же она практически не разговаривала, односложно отделяясь от дежурных вопросов собравшихся на похороны и поминки родственников. Да и, по правде говоря, этих вопросов и было-то всего ничего — её равнодушно похлопывали по голове или плечу, вздыхая, замечали, как летит время, как она выросла, — *поди, уже на третьем курсе... Ах, на четвёртом?.. Конечно-конечно... Ну, молодец, — равнодушно отводили глаза, снова ныряя в траурные заботы.*

Это равнодушие не удивляло, однако странное щемящее чувство в груди всё росло и росло — и Стана вдруг осознала, что, вернувшись на родину впервые за долгое время, оказалась лишённой не только дома, но и семьи, — за этот год все обросли собственными проблемами и тревогами, уже незнакомыми ей, но до странности сплотившимися остальных. Даже похудевшая и осунувшаяся мать, кинувшаяся к ней с распростёртыми объятиями, думала сейчас только об очередном приработке — похороны подрубили и без того скудный бюджет вмиг обедневшей семьи. Понимая, как неуместно выглядел бы сейчас рассказ об учёбе, Стана и сама помалкивала в тряпочку, изо всех сил стараясь быть всем полезной, — где-где, а в доме усопшего всем найдётся работа — и Боряне посоветовала следовать своему примеру.

Всё было трагично и обыденно. Чёрные платки. Сухие глаза. Мозолистые руки. Тихие разговоры. Усталость. Даже дети, которых в большой семье Крумов было немало, показались ей не по годам взрослыми и серьёзными. Соратник по детским играм и проказам, Витомир был сосредоточен только на своём грядущем одиннадцатилетии и выборе школы (родители собирались отправить его учиться в Россию — по финансовым соображениям); за время разлуки с сёстрами он здорово изменился, причём, скорее, внутренне, нежели внешне, и сейчас больше походил на маленького мужичка, чем на одиннадцатилетнего мальчишку. Он уже всю помогал отцу, и сетовал, что не нашлось приличной и недорогой школы поближе, чтобы можно было экономить и на транспорте.

Деяна, в этом году закончившая Дурмштранг, и все игнорировала «малышню», Стана пару раз ловила на себе её неприязненные взгляды. Она знала, что в ранней юности у них с Виктором назревало нечто вроде романа... Но потом — его вечные разъезды, его любовь к Гермионе Грейнджер: словом, всё растворилось, так и не обретя отчётливые очертания. Временами даже казалось, будто часть своей ненависти к этой англичанке Деяна перенесла на неё: как будто, отправившись учиться в Хогвартс, Стана стала предательницей...

Она почувствовала себя чужой среди родных, и в тот миг, когда сырые комья земли с сухой щетиной

травы забарабанили по крышке, Стана вдруг поняла: её счастье, её беззаботное детство, вся её прошлая жизнь — всё это хоронят в том же гробу, что и Виктора. Ей показалось, будто всё тело, вся она состоит из лица и груди, а ниже живота уже ничего нет. Пустота.

— Господи... что ж так тяжело-то... — вздохнул рядом кто-то из родни.

И тут Стану прорвало — она закричала, долго и страшно — так, наверное, кричит случайно уцелевший в кораблекрушении человек, умоляя то ли о мгновенной смерти, то ли о спасении из бушующих волн. Крик подхватили похожие на ворон женщины: с забранными под чёрные платки волосами, с усталыми лицами, они сейчас все походили на близнецов. Сёстры по горю.

Дорогу обратно Стана не помнила — ей стало нехорошо, начался жар. Очнувшись она лишь под вечер следующего дня, одна, в крошечной комнатке, отведённой им с Боряней. Из-за двери доносились приглушённые голоса родных и знакомых, звон посуды, торпливые шаги — звуки, которые всегда ассоциировались у неё с семейными праздниками, — они тоже теперь обрели иную окраску.

Стана потянулась к стакану с водой, стоящему на низенькой табуретке у кровати, подняла взгляд, осматривая комнату. Занавешенное какой-то дерюгой зеркало...

Точно. Похороны.

Она вздрогнула и увидела собственные пальцы, побелевшие в мёртвом хвате вокруг тонкого стекла; ещё мгновение — и здесь случится горстка окровавленных осколков.

— Виктор... — шёпотом произнесла она, в отчаянии уставясь на невидимую в полумраке воду. — Почему?

Даже в больнице он оставался последней ниточкой, связывающей её и дом, её и счастливое прошлое. Сначала они переписывались едва ли не ежедневно. Стана изо всех сил старалась подбодрить его, рисовала смешные рожицы на полях писем, вспоминала весёлые истории из их общего прошлого. И плакала над его ответами, написанными дрожащим, почти незнакомым почерком. Потом наступил день, когда сова принесла письмо, открыв которое, она сначала вздрогнула от страшного предчувствия — но нет, Виктор был жив, просто пальцы слушались его всё хуже и хуже, и он стал надиктовывать письма сестре милосердия, дежурившей у его постели. Потом письма от него становились всё короче, зато приписки врачей — длиннее. Они уклончиво намекали на нестабильность состояния и отсутствие реальных шансов на выздоровление. Но Стана всё равно упрямо писала про лето, когда она обязательно вернётся в Болгарию, — «Слышишь, Вик, ты должен к тому времени стоять на ногах! А то я из тебя душу вытрясу!» — про то, что надо верить в свои силы и бороться, про то, что она его ужасно любит и скучает...

И вот — всё.

Она всхлипнула, подавилась водой, закашлялась. Упала обратно в кровать, зарыдала, уткнувшись в подушку.

Почему?! Почему так несправедливо? Ведь ему только-только исполнилось двадцать!.. Вик! Ты обещал научить меня настоящему квиддичу! Обманщик!.. Обманщик!..

Скрипнула дверь, вошла Боряня. Зашипела и вспыхнула лампа на сосланном в угол комнаты кривом столе.

— Ты как? — устало спросила сестра.

— Угу, — Стане стало стыдно: надо же, тут такое горе, а она устроила предстание с лихорадкой и обмороком. Кисейная барышня. *Тьфу*. — Как там? — она мотнула головой в сторону двери.

— Да ничего, с божьей помощью, — по-взрослому обстоятельно вздохнула Боряня и вдруг шёпотом добавила: — Я хочу обратно. Мне тут плохо. Все будто чужие... Наверное, я не должна так говорить, да? Маме не до меня... Я... понимаешь... Я... чувствую себя хлебницей...

Прикусив губу, чтобы не заплакать в голос, Стана смогла только кивнуть. Она распахнула руки, и Боряна кинулась к ней; уткнувшись в плечо, затряслась в рыданиях.

Стана гладила её по голове, шмыгала носом, и поворачивала, словно заведённая:

— Всё будет хорошо... Всё будет хорошо. Мы вернёмся в Хогвартс, и всё будет хорошо... Ты пойми, всякое в жизни бывает... Ничего-ничего, всё наладится.

В ту ночь Виктор приснился ей в первый раз за последнее время: они снова вместе летали над замком, над Янтрой, смеялись... Купались с Боряной и Витомиром, гонялись на лягушках, брызгались...

— Вик, так ты не ушёл? — даже во сне Стана чувствовала некую нереальность происходящего, однако он тряхнул головой и хлопнул её по спине:

— Ты что, племяшка, разве я могу бросить вас на произвол судьбы? Я буду присматривать за вами, ага? Если что — только моргни, — он улыбнулся так знакомо и так забыто...

Стана проснулась в слезах. Стояла глухая ночь. На соседней кровати посапывала Боряна, кто-то из родственников спал на полу. Она обвела глазами смутные очертания чужой комнаты и чужой мебели, уставилась на по-прежнему висящую на зеркале холстину.

— Если что... Конечно. Спасибо, Вик... Я знаю: всё наладится.

* * *

В ноябре у профессоров опять случилось, по словам Рона, «осеннее обострение»: они и так не особенно давали студентам вольготно вздохнуть, а тут и вовсе навалили такие горы домашних заданий, что взвыли даже отличники.

Чтобы Гарри с Роном всё успевали, Гермиона написала их день чуть не по минутам — и всё равно спустя пару недель у них отросли «хвосты». А у Гарри вдобавок накопился жуткий недосып. Причём снилась ему невообразимая каша из Трансфигурации, Прорицаний, тренировок и каких-то незнакомых коридоров, подёрнутых то ли ужасом, то ли паутиной. Видимо, причины крылись в еле вытянутой на «Приемлимо» контрольной по Трансфигурации — раз, несданном Трелани сочинении по гепатоскопии — два, посещении тренировки слизеринцев — три, ну и мыслях об этом проклятушем заклинании, чтоб его...

Старая стрекоза, к невероятному облегчению Гарри, решила сменить объект приложения своего магического дара. То ли Поттер в принципе ей надоел, то ли она исчерпала в отношении него список грядущих несчастий и бед, но новыми козлами отпущения стали Невилл и Рон: уже третье занятие подряд, вздыхая над печенюшкой ещё трепыхающейся курицы, Трелани заламывала руки и скорбно вздыхала:

— Ах, мистер Уизли... Вы должны пройти через боль и тьму, боль и ярость, боль и отчаяние, боль и страх, дабы обрести желаемое... — она выговаривала слова отчётливо, словно в его обязанности входило их считать.

— Что ж она заладила-то «боль» и «боль», — не выдержал наконец Рон, поёживаясь и вспоминая тренировку слизеринцев: Крэбб и Гойл лупили по бладджерам с такой силой, что братья Криви махом утратили весь свой задор и только тихо ойкали, а Малфой, коршунем спикуровав к трибуне, на которой засели гриффиндорцы, проорал: «Видал, Поттер? А ты, Уизли? На матче это будут ваши головы!» — У меня и так на душе... осадочек остался. Мягко говоря.

Видимо, удовлетворённая бледным видом Рона, Трелани переключилась на Невилла.

— Ох, мистер Лонгботтом! — вздохнула она, умудрившись превратить даже короткое замечание в образчик преувеличенно отчётливой дикции. — Многие скорби унесло время, но ещё больше ждёт вас впереди...

Это не могло не действовать на нервы даже самым завзятым оптимистам, что же тогда говорить о Невил-

ле, который на последнем уроке Трансфигурации нервным движением палочки вырастил на строгой шляпе профессора Макгонагалл легкомысленные аютины глазки (что декана Гриффиндора отнюдь не порадовало), а уж их отношения со Снейпом и подавно балансировали на грани катастрофы. Зельевар пытался загнать Лонгботтома обратно в состояние хронического психоза, обвиняя его во всех смертных грехах, однако у того уже давно наступило запредельное торможение, и пробить его обычным способом уже не получилось. Неугомонный профессор не сводил с бедного гриффиндорца одухотворенного взгляда серийного убийцы, а фразы из серии «в семье не без уникала: итак, обратите внимание, господа, на сегодняшнее изобретение Лонгботтома...» носили абсолютно дежурный характер.

Правда, на последнем уроке Снейп поначалу был до странности миролюбив (точнее говоря, просто глупо погружён в свои мысли), но предчувствия никого не обманули, и когда скрипнула дверь, все пригнулись к партам, готовясь к самому худшему. Влетевший в лабораторию чёрный ворон швырнул на кафедру письмо, прочтя которое профессор сначала позеленел, а потом побурел. В этот момент — как нельзя кстати, наконец-то сработала подсунутая Малфоем фальшивая палочка, которую Гарри прикупил в Зонко ещё на Хеллоуин. И в миг, когда мановением руки Драко попытался чуть-чуть усилить пламя под рабочим котлом, раздался лёгкий хлопок...

На истерический вопль Пенси Паркинсон и не менее же истерическое мужское ржанье Снейп оторвал глаза от клочка пергамента, который перечитывал уже раз в третий, и...

— ...с другой стороны, бесплатных пирожных не бывает, — мудро рассудил Рон, пряча от Гермионы, всё ещё возмущённо дующейся на «извращенцев», сияющую улыбку.

— Ну и рожа у него была, а? — фыркнул Гарри.

— Хочешь сказать, лицемерие Малфоя с вытаращенными глазами и этой штукой в руке стоило полусотни очков, да? — сердито процедила Гермиона, изволив, наконец-то, заметить подлаживающихся под её шаг друзей.

— Честно? — с подозрением спросил Рон.

— Ну?..

Рон и Гарри переглянулись и, не сговариваясь, бухнули:

— А то!!!

Им откликнулось эхо, а Гермиона фыркнула и прибавила шагу.

Настроение у неё в последнее время было как-то не очень: поиски так ничего и не дали, её верные помощники — книги — оказались совершенно бесполезны, а к кому ещё можно было обратиться за помощью, она не знала. На пробу она сунулась с вопросом к профессору Биннсу, но тот либо действительно ничего не знал, либо очень умело прикидывался. Пустившись в какие-то многословные и, как всегда, невероятно скучные повествования, он сначала чуть не усыпил Гермиону, а потом и вовсе заблудился в историко-архитектурных дебрях и где-то в них уснул сам. В общем, возвращалась гриффиндорская староста из преподавательского крыла с большой головой и пустыми руками — не в самом лучшем расположении духа: она даже не заметила, как перепутала повороты и оказалась... Сначала ей даже пришло в голову, что невесть каким образом к ней вернулся Хроноворот, закинув её в прошлое: каменный пол пустого коридора заливала хлещущая из женского туалета вода, а из-за дверей доносилось знакомое завывание.

— Миртл! — стараясь выбирать сохранившиеся островки суши, Гермиона пропрыгала внутрь.

Привидение сидело на бачке в дальней кабинке.

— ...бедная я бедная-а-а-а... Никому-то не нужная-а-а-а... — в паузах было слышно, как вода выплёскивается из унитаза. — Ни живая, ни после смерти-и-и... Над могилкой моей птичка гнёздышко выё-от...

Гермиона обвела взглядом весьма знакомое ей помещение: за прошедшие месяцы привлекательней оно не стало: лохмотья краски неопределённого цвета на перекошенных дверцах, пятна плесени на стенах и потолке, лужи, битый кафель...

— Миртл, что такое? — как Гермиона и предполагала, проявленное сочувствие только подхлестнуло процесс — и вот, чтобы на оказаться смывой бурливым потоком, ей пришлось запрыгнуть на покрытую пятнами ржавчины раковину. — И прекрати выть, а то я уйду!

Угрозы действие возымели: привидение рыдать перестало, и вполне внятно поведало ей, что нет повести печальнее на свете, чем повесть о затопленном клозете: профессор Гатто, недовольный её неусердием в делах наушных, сначала припугнул, а потом и вовсе сослал её обратно на вечное поселение:

— Он хотел, чтобы я шпионила и подслушивала разговоры девушек в туалетах и ванны-ых, — всхлипывая по инерции, повествовала Миртл, — и не то, чтобы я даже не хотела: но меня всегда замечали до того, как я успевала услышать что-то дельное... И вот... — она жестом трагической героини, читающей финальный монолог, обвела неказистые стены, спугнула пришедшего послушать её стенания паука и снова набрала в грудь побольше воздуха.

— А что это Гатто как разрезвился в последнее время? — быстро спросила Гермиона, дабы отвлечь её от очередного выплеска эмоций.

— Так ведь Дамблдора сейчас практически не бывает в школе — ну там... — Миртл понизила голос, — строгий секрет. Государственная тайна! И тут Филч... И Гатто... И вот — я... — она завсхлипывала и покосилась на Гермиону, выжимая сочувствие. — Что — совсем меня не жалко, да? Пожила бы ты с моё в этом туалете...

Гермиона отвернулась и принялась разглядывать потускневшую от сырости и времени дверную ручку.

— Так. Про Филча и Гатто — и подробнее, офицерским голосом скомандовала она, сама удивляясь своей жестокости. — Главное, скажи мне, почему домовикам запрещено разговаривать со студентами?

— Гатто говорил, что всё это — вопросы административного плана, но, сдаётся мне, он просто хочет всем тут насолить, — это Гермиона знала и сама, поэтому продолжила расспросы, но больше Миртл ничего не знала. Привидением была она бестолковым, и, побившись с ней ещё несколько минут, Гермиона мысленно согласилось с профессором Гатто: в заброшенном туалете было той самое подходящее место. — Я только знаю, что кто-то из домовиков очень хотел поговорить с Гарри, — порывшись в памяти, Миртл предприняла отчаянную попытку задержать дорогую гостью ещё на секундочку.

— Кто?! — сделала охотничью стойку Гермиона.

Но мозговой штурм исчерпал силы Миртл, и она ответила лишь очередным всплеском эмоций и воды из унитаза.

...Так-так, — размышляла Гермиона по дороге в гриффиндорскую башню, — значит, не всё потеряно, значит, они как-то пытаются нам помочь... Но что нам делать, чтобы принять эту помощь?.. — она заперла дверь в свою комнату и блаженно уселась на кровать. На тумбочке громоздилась кипа книг и, взяв и раскрыв наугад первую попавшуюся, Гермиона, к собственному изумлению, прочла: «Будущее приходит из ночи, а не из дня, а предсказывают сны, а не явь». Ознакомившись с обложкой «Призраки, привидения и другие суеверия в фольклоре британцев. Изд. 2, 1838 г.», Гермиона решила не спорить с автором, Джозефом Торнтоном, наспех умылась прямо в комнате и забралась под одеяло.

Она даже не представляла, насколько познавательная ночь ей предстояла.

* * *

В эту ночь в Хогвартсе не спали многие — Филч,

как всегда, скрипел и маялся от подагры, что не помешало ему в ответ на призыв миссис Норрис вылезти из своего кабинета на поимку заблудившегося в коридоре хаффлапфа, Снейп в сотый раз перечитывал полученное вороньей почтой послание; в слизеринской спальне Блэз Забини с гордостью делилась впечатлениями от посещения Астрономической башни, в гостиной Хаффлапфа Эшли Макферсон самозабвенно целовалась с Захарией Смитом. А вот Рон, Гарри и Дин Томас, не без оснований заподозренные Снейпом в теракте с подбрасыванием фальшивой палочки Малфой, как раз наоборот — дрыхли без задних ног после отработки взыскания в подземелье⁵⁷.

Словом, замок жил привычной жизнью. И его директор — тоже: Дамблдор, глубокой ночью вернувшийся в Хогвартс (об этом пока ещё никто не знал, даже портреты в его кабинете: предшественники сладко спали, попрытавшись за рамы), сидел за столом, подпирая сомкнутыми руками подбородок, и задумчиво глядя в полированную поверхность. Потом поднялся к встрепенувшемуся навстречу фениксу; бормоча под нос нечто вроде «гули-гули», почесал ему шейку. Сверившись с часами, подошёл к камину, в котором буквально спустя уже пару минут пламя изменило цвет, а за решёткой возникло лицо Шизоглаза Хмури (если, конечно, у кого-нибудь повернулся язык вообще назвать это лицом).

— Ага, смотрю, ты уже начеку, Альбус? — хмыкнул он.

— Трижды бдительность, — откликнулся Дамблдор.

— Порадуешь чем-нибудь?

— Вряд ли. Думаю, ты меня — тоже.

— Что ж, первый шанс всё же даю тебе. Итак, что там наша милая книжка со сказками?

— Однако... При всём твоём чувстве юмора не думаю, что книгу Гриндевальда стоит называть именно так. Кое-что мы обнаружили, кое-какие чары сняли, однако, похоже, ничего сиюминутного добыть из неё не удастся — работа может занять не один месяц, если не год. Для начала: да — она шпионила за Гарри, однако, к счастью, тот успел вовремя сообразить, что к чему...

— Мальчишка толковый, хотя его особенность держать язык за зубами даже тогда, когда этого лучше не делать, ещё задаст нам жару, — хмыкнул Хмури. — Ты просмотрел последние страницы?

— Да, заклятье было не самым сложным — всё же Том Риддл живёт на белом свете почти втрое меньше меня. Совместными усилиями нам и с Гриндевальдом в очередной раз удалось справиться. Молодцы ваши ребята из спецлаборатории: сняли кое-какие Скрывающие и Шифровальные Заклятья — видимо, из ранних, потому что подошли не самые сложные ключи... Хотя, конечно, на данном этапе последние страницы были для меня особо привлекательными. И предчувствия нас не обманули: видимо, совершенно уверенный, что Гарри никому ничего не расскажет и желая насадить на крючок наживку пожирнее, Вольдемогарт пару раз позволил прокрасться в текст действительно примечательным сведениям.

— Вот как?

— Во-первых, похоже, он обосновался в одном из своих убежищ Центральной Европы. Я списался с магическими правительствами... Сейчас ведут активные поиски, регион приблизительно известен. Нам обещали оказать поддержку в проведении мероприятий.

— Да, Гильдия уже получила официальных сов. Повезло, что он не сбежал на Ближний Восток, там сейчас такая неразбериха... Ну-ну?..

— Далее: Люциус Малфой жив-здоров и всюду трудится на благо Тёмного Лорда.

— Кто бы сомневался.

⁵⁷ Надрать полторы сотни котлов без всякой магии — при помощи какого-то мерзкого зелья, от которого не было никакой пользы, только отвратительная вонь, — это вам не фунт изюму.

— Именно. Однако сведения, полученные из перчаток, всегда приятнее: есть, на чём базировать обвинение, если дело дойдёт-таки до суда. В-третьих, если я правильно сложил два и два, исчезновение нескольких зельеваров — отнюдь не попытка скрыться, как нам это пытались представить подложными записками с просьбой не искать ни их самих, ни их семьи...

— Ты прав, старина — именно эти вести я тебе и принёс: тела были обнаружены... Это произошло примерно полторы недели назад судя по состоянию трупо. Впрочем, взгляни сам — я уже сыт по горло.

Шизоглаз протянул сквозь пламя какой-то отчёт и, пока Дамблдор, мрачнее на глазах, изучал его, задумчиво выстукивал волшебной палочкой по своему стеклянному глазу мелодию песенки «Пять совят».

— Мда... Знаешь, какой вывод я из этого делаю? — директор перевернул последнюю страницу и мельком взглянул на подшитые к отчёту колдографии. Хмури прекратил постукивать и поднял вопросительный взгляд. — Что в ближайшее время Северусу стоит быть предельно осторожным и без серьёзной надобности Хогвартс не покидать.

— Пожалуй. Они устроили такое представление с похищением этих бедняг, — Хмури принял бумаги из рук Дамблдора, — а ведь Снейпу те и в подмётки не годились... Видимо, им до зарезу не хватает хороших зельеваров. Или же ты имеешь в виду... — Шизоглаз вопросительно приподнял бровь, и его всевидящее око едва не выпало из глазницы.

— Прекрати. Вопрос о прошлом Снейпа давно закрыт.

— Хорошо-хорошо, — неожиданно покладисто кивнул Хмури. — А что мы решим с детьми Пожирателей? Как минимум, пятеро сейчас учатся в Слизерине и двое, если я не ошибаюсь, в Равенкло... Это только те, кого мы знаем. Вершина айсберга, так сказать.

Дамблдор снова нахмурился. Было видно, данный вопрос поднимается не впервые, однако же приятней от этого не становится.

— Дети за родителей не отвечают, — отрезал он.

— Конечно, однако же родители всегда воспитывают детей по своему образу и подобию. Не веришь — взгляни на Малфоя-младшего и его окружение. Тебе не кажется, что ты сам культивируешь в слизеринском подземелье гадюшник, который уже в ближайшее время доставит нам немало головной боли? Выкинуть этого белобрысого хорька к чёртовой матери, а ещё лучше — подловить на чём-нибудь противозаконном и взять под стражу... Ну, ненадолго, — тут же поправился Хмури, увидев, как изменилось лицо Дамблдора, — чтобы папочка завозился. Тут бы мы его и прищучили... А там и на Тёмного Лорда бы вышли...

— Мальчику только шестнадцать лет! Он ещё ребенок!.. Мы не можем использовать его как приманку в охоте за отцом, каким бы конечным негодяем тот ни был... И потом — поставить клеймо подлеца так просто, а, раз поставленное, оно действительно сделает его...

— Я не понял — мы с тобой об одном и том же человеке разговариваем, нет? — перебил Хмури, снова начав выстукивать мелодию на своём глазу — на этот раз «Восемь ведьм». — Ты не забыл, что, по сведениям того же Снейпа, в день своего шестнадцатилетия Малфой-младший стал Пожирателем, пойдя по стопам бабки? Словом, твоя школа, твои ученики — сам с ними разбирайся. В любом случае, получается, что Поттера, значит, можно совать в любое пекло, ставить клеймо спасителя всего сущего без скидок на что-либо? Тебе не кажется, будто это двойной стандарт? То есть не отвечающий за своего подлеца-папашу бедняжка Драко Малфой, которому надо дуть в задницу, чтобы — не дай гоблин — он не почувствовал себя изгоем среди порядочных людей, и вечный изгой Гарри Поттер, которого сначала сослали к магглам в самом полном смысле этого слова, а теперь используют как затычку ко всем бочкам с порохом... Ну-ну...

Дамблдор отвёл взгляд и вдруг заговорил с неожиданной горячностью:

— Аластор, ты не представляешь, сколько раз я себе это повторял! Почему для всех нас — и я не исключение — Гарри не является подростком? Почему мы спрашиваем с него по-крупному? Почему воспринимаем как некоего мессию, спасителя мира? Ведь это просто ужасно! Мы лишили его детства, теперь лишаем нормальной юности — с первой влюбленностью, общением с друзьями, поиском места в жизни, сливочным пивом и танцами до утра... Мы заставляем его взрослеть не по дням, а буквально по минутам — во имя чего? Мы делаем из него бездушное орудие, даже не спрашивая, хочет ли он этого...

— Ну-ну, не надо столько пафоса, Альбус. В конце концов, паренёк сам выбирает свой путь, его ж никто в спину не толкает, верно? И потом, он же с самого начала был не такой, как все — может, именно этот образ жизни для него как раз и является самым естественным? Ипотом, разве во время первой Магической ты просиживал задницу, взвешивая все за и против, прежде чем кинуться в бой с Гриндевальдом?

— Тогда я был уже вполне состоявшимся магом...

— А кто тебе сказал, что Поттер — зелёный юнец? Э, нет, дружище Альбус, не хитри, я тебя насквозь вижу: просто хочешь, чтобы я развеял твои сомнения, ведь ты не хуже меня знаешь, сейчас пути обратно уже нет. Ни для него, ни для нас с тобой, ни для всего магического мира. Колесо уже запущено. Однако же забавно видеть тебя кающимся, Альбус: как говорится, культурный, образованный человек и в дерьмо вступает так, что любо-дорого посмотреть, — Хмури глухо засмеялся, наморщив обрубок носа. У него была удивительная манера смеяться, которая запоминалась навсегда: сначала смех звучал искренне и заразительно, но на последних двух или трёх тактах, когда смех затихал, в нём прорезалось что-то пронзительное, звонко-взвизгивающее и дребезжаще-злое — словно долетало эхо какого-то похожего по тембру, но не имеющего отношения к веселью звука.

Дамблдор, этого замечания, казалось, не услышал: он засунул в карман кончик длинной белой бороды, так и норовивший залезть в камин, и задумчиво посмотрел на пышущий жаром уголёк, который выкатился из-за решётки на каменный пол.

— Я вот думаю, может, мне всё же попробовать как-нибудь ему помочь?..

— Тебе известно, на каком он этапе? Знаешь, чем и как можно ему поспособствовать? Тогда почему же ты всё ещё тут? — за сарказмом Хмури проскользнул живейший интерес.

— У меня очень смутные представления и идеи — я сознательно не вмешиваюсь ни во что, потому что... Потому что... — он вздохнул. — Да, полагаю, какие-то части заклинания у него, скорее всего, уже есть. Какие, сколько и что они из себя представляют, сколько их существует всего и где искать остальные — увы... Но есть у меня кое-какие задумки... — Дамблдор запустил пальцы в бороду.

— Ну, Мерлин тебе в помощь, — Хмури кивнул, — трудись на благо человечества, а я пока буду расчищать дерьмо на улицах, — в голосе его отчётливо прозвучали ядовитые нотки. — Вот сейчас как выскочу, как выпрыгну — кривоногий и хромой — полетят клочки по закоулочкам!.. Кстати, последние рейды оказались вполне удачны: прикрыта очередная база для тренировки Пожирателей.

— Не думаю, чтобы они готовили их всерьёз, — пожал плечами Дамблдор.

— Да, в свете осенних событий, всё это выглядит детскими играми на лужайке... Армия зомби... Думаешь, это без дураков?

— Полагаю, для того им и понадобились зельевары: приготовление зелий и порошков для ритуалов вуду требует высочайшей квалификации и точности... Я так понимаю, дела у них пошли не очень, потому-то

тех бедолаг и... Меня волнует ещё одно: в отчёте об осмотре места происшествия указано, что на теле одного из убитых надены следовые количества рицина.

— И?..

— Сразу видно, активные розыскные мероприятия тебя всегда привлекали больше, чем тихая библиотечная и лабораторная работа, — улыбнулся в бороду Дамблдор. — В противном случае...

— ...в противном случае мои руки, ноги и нос по-прежнему были бы при мне.

— ...в противном случае, ты бы знал, что рицин — один из редких ядов, необходимый для создания физических копий. Двойников, если говорить по-простому. Вудуистские ритуалы — это не просто так... да и летний всплеск активности на тропических островах тоже кое-что значит.

— Вот как... — Хмури заметно помрачнел. — Я, конечно, приказал приставить охрану к знаменитым зельеварам, но ведь — сам понимаешь — это всё... — он присвистнул. — И согласен: Снейп для них — лакомый кусочек. Присматривай за ним... Короче, оставь Поттеру спасение мира — в любом случае, мы с тобой должны делать то, что в наших силах, даже если, по сравнению с ним, это совсем немного, — в этот момент, похоже, его кто-то позвал: Хмури отвернулся от камина, почти исчезнув в языках пламени, что-то разъярённо рявкнул, а потом почти сразу распрощался.

— И тебе всего доброго, Аластор, — кивнул Дамблдор, возвращаясь к столу. — Вот уже действительно, такому не попадайся: у него правая нога левой боится!.. Двойной стандарт... двойной стандарт.. Так-так.. И всё же...

Он подошёл к шкафу, пробежал сухими пальцами по золочёным корешкам:

— Лес... лес...

За распахнувшейся дверью дышала осенняя ночь. Помещённые в уравнение с двумя и тремя неизвестными, звезды мерцали, выполняя свои алгебраические действия вычитания и сложения света. Они взаимно уничтожались в разных концах неба, перемножались и делились, засыпая землю тем, что получалось в остатке, этими неизмеримыми количествами звёздных осколков, заранее отбрасывая неправильные результаты во мрак, который и без того был переполнен, так что ошибки переливались через края ночи и доставались в наследство следующему дню.

Норт, как всегда, был на посту, однако же, оказался ещё менее приветливым, чем в предыдущую встречу.

— Твоё место — не здесь, — сообщил он, даже не повернувшись. — Здесь — не твоё место.

И снова приник к телескопу.

Дамблдор вздохнул и послушно вернулся в тепло и тишину директорского кабинета.

* * *

На игру Слизерина и Хаффлапфа игроки сборной Гриффиндора шли в не самом радостном расположении духа: и скучечервя было понятно, что бедных хаффлапфцев сейчас тонким слоем раскатают по полю. А вот следующими против серо-зелёных предстояло играть именно гриффиндорцам, и мысль об этом отнюдь не грела их в ветреный и холодный ноябрьский день. Равно, как и осознание того, что матч необходимо будет выиграть кровь из носу: в противном случае, школьный кубок по квиддичу запросто можно будет вручить слизеринцам в качестве рождественского подарка.

Гарри рекомендовал всем предельно внимательно отслеживать основные манёвры и особенности игры будущих соперников:

— Зачем мы вообще туда идём всей командой? Мы же видели их тренировки, — бурчал Хупер, над которым висела несданная работа по молекулярной трансформации.

— Тренировка и игра — две большие...

— ...задницы, — Рон, пытаясь разрядить напряжён-

ную атмосферу, перебил Гарри. Но его чувство юмора сегодня оказалось не оценённым: Джинни мрачно фыркнула, а Стана и вовсе скривилась и демонстративно отошла от Рона подалее. Он тут же поник и впредь помалкивал.

Братья Криви отнеслись к поставленной перед ними задаче фиксации всех честных и нечестных слизеринских приёмов крайне серьёзно: всю последнюю неделю Колин возился со своим бесценным фотоаппаратом, и вот — нынешним утром, сияя от счастья и зевая после бессонной ночи, он продемонстрировал усовершенствованную модель, способную теперь выполнять роль кинокамеры, — правда, время съёмки было ограничено.

— Зато я нашёл рецепт особого проявителя, благодаря которому на колдографии можно запечатлеть не пару секунд происходящего, а целую минуту.

— Короче, у нас все ходы будут записаны! — поднял два пальца вверх Денис. — Братец у меня — что надо!

Гарри от всей души пожал братьям Криви руки — что и говорить, молодцы! — помог закрепить камеру на штативе и вместе с Роном направился на самую верхнюю лавку гриффиндорского сектора. В руках они держали купленные два года назад на Кубке Мира омниокли. Причём омниокль Рона вид имел весьма потрёпанный, тогда как у Гарри он выглядел так, будто был только что из магазина. Рон шмыгнул носом:

— Чёрт, холодно...

— То ли ещё будет — нам-то играть почти перед Рождеством, не забыл?

Они уселись в гордом одиночестве — ветер тут так и завывал, норовя залезть под мантии, поэтому все остальные жались в самом низу.

— Слушай, — будто между прочим заметил Рон, крутя колёсико омниокля и обозревая трибуны, — что-то Браткова вернулась из своей Болгарии какая-то странная, не заметил?

— Стана-то? Да нет, я как-то не обратил внимания... В любом случае — неудивительно, — Гарри мрачно пожал плечами, — похороны — они, знаешь ли, не располагают...

В этот миг раздался свисток, и игра началась. С первых же минут матч превзошёл самые худшие ожидания: во-первых, скорость у слизеринцев была просто умопомрачительная; даже Крэбб с Гойлом носились так резво, что Гарри решил, что тут не обошлось без какого-то хитрого колдовства. Или же действительно — усиленной тяги. Лупили по бладджерам они от всей души: когда мяч попал в метлу рванувшегося к кольцам Майкла Корнера, тот слетел с неё, как пушинка, даже дёрнуться не успел. Джинни тут же взвизгнула и ринулась вниз, а Рон поёжился и неприлично выругался. После этого слизеринским отбивалам хватало одного замаха, чтобы игроки противника разлетелись врассыпную — в результате охотники Слизерина чувствовали себя на поле настолько вольготно, что даже перешучивались и рассказывали друг другу анекдоты, лениво перебрасываясь мячом.

Над зелёной трибуной реяли флаги и полосатые шарфы. Порывы резкого ветра с колючками первых снежинок приносили и обрывки хвалебных кричалок, и гулкий барабанный бой — слизеринцы ликовали, начав праздновать победу своих ещё до окончания матча.

Айзек Джексон надрывался на месте комментатора, однако его пыл угас уже через полчаса: сложно подерживать хоть какую-то интригу при разрыве по очкам, растущем с такой скоростью, что он не успевал объявлять счёт.

Драко Малфой рассекал воздух в поисках снитча с таким видом, будто на любимом скакуне объезжает собственное поместье. Пару раз он даже подлетал к своей трибуне и перебрасывался шутками, хотя (Гарри выкрутил колёсико омниокля на максимум, так что мог говорить это со всей ответственностью) это было чистой воды рисовкой: цепкий взгляд Малфоя не переставал обшаривать пространство над полем. Впрочем,

в любом случае, волноваться ему не приходилось: ловец Хаффлпаффа (в этом году им стала Сара Хилл) благоразумно носа не высывала, повиснув где-то в стороне: едва она делала резкое движение, как бладджеры тут же летели в её сторону — похоже, в этом состояла тактика выключения из игры ловца противоборствующей команды.

— Вот уроды...

— Мда... похоже, нам предстоит интересная игра... — Гарри крутил колёсико омниокля, старательно запоминая происходящее. От пронзительного ветра лицо замёрзло настолько, что казалось, будто нижней челюсти как будто нет, даже на ощупь нельзя было с уверенностью сказать, какую именно часть лица трогаешь.

— Да не то слово, — Рон снова ругнулся. — Пожалуй, стоит заказать пару кочеч в лазарете, что думаешь? — в этот момент Дэвид Нотт забросил в кольцо ещё один мяч, а кинувшийся было на перехват защитник Хаффлпаффа получил бладджером в колено. Рон ойкнул и машинально схватился за свою ногу. — Мать их... совсем офонарели. Чур, моя кровать у окна...

— Договорились. Только имей в виду — там дует.

— Гарри, Рон, плёнка кончилась, так что я пошёл, — мрачно сообщил поднявшийся к ним Колин Криви, — делать тут больше нечего. Я лично на это смотреть уже не могу. Впору перед матчем завещание писать.

— Я тоже пойду в замок, — шмыгнул носом стоящий за плечом брата Деннис. Он действительно выглядел бледновато. — Кажется, я простыл — мне холодно.

— Ты не простыл, ты остываешь, — мрачно пошутил Рон и, затаив потуже шарф, буркнул: — Ну, и я тоже, что ли...

— Тогда уж и я, — Гарри поднялся, — эй, Рон, пожди!

Но тот уже резво спускался вниз. Гарри привстал на цыпочки: не одни они покидали гриффиндорскую трибуну — девушка в коричневом пальто и красной шапочке, из-под которой виднелись чёрные косы, уже подходила к выходу.

Понятно-понятно... Это хорошее дело, — Гарри мысленно пожелал Рону удачи и улыбнулся своим мыслям: Гермиона обещала сегодня помочь с работой по Гербологии, и...

Гарри сильно надеялся, что заниматься они будут в тишине и покое комнаты старосты и одной Гербологией дело не обойдётся.

Но, как ни странно, в гостиной Гриффиндора Гермионы не было. В её комнате — тоже. Не долго думая, Гарри резво направился в сторону библиотеки. Он нашёл её на полдороги: Гермиона сидела на подоконнике в длинном переходе под уютно потрескивающим факелом и, не моргая, смотрела в окно. Из тёмно-красной юбки выступали полукругля её колен, как будто кипело варенье. Она настолько утонула в своих мыслях, что, когда Гарри подошёл и тронул её за плечо, заорала от неожиданности.

— Как успехи? — Гарри запрыгнул на подоконник рядом и поцеловал её в щёку⁵⁸.

Гермиона улыбнулась:

— Орешек знания твёрд, но всё же...

— ...ты не привыкла отступать... Знаю-знаю...

— Да... только вот пока безрезультатно. Ну да ничего, я сегодня натолкнулась на упоминание об одной книге... — Гермиона зашуршала бумажками, и Гарри машинально отметил, что купленный в Зонко всего полмесяца назад блокнотик совсем отошал: *это ж сколько томов она перелопатила?* — Кстати, как там матч? — спохватилась она.

— А, не спрашивай... — Гарри тут же помрачнел. — Порвали хаффлпафцев — только клочья над полем

летели. Надо нам будет что-то сочинять... Хотя — до этого ещё долго, сейчас у меня есть дела поважнее, — он придвинулся ещё ближе, но в этот момент в животе заурчало, да так жалобно и громко, что Гермиона прыснула:

— Пойдём-ка на обед... Я тоже умираю от голода.

* * *

Глубокой ночью бригады домовиков занимались привычным делом: быстро и безмолвно, словно тени, они наводили порядок, задрав подбородок к потолку, в позе человека, готовящегося пройти церемониальным маршем. От спальни шестикурсников её отделяла всего пара лестничных пролётов, и вот... Ушки её сразу поникли, она с трудом подавила вопль разочарования и поплелась в общежитие девушки. И тут ей пришла в голову другая идея. Конечно, придётся пойти на нарушение строжайших указаний супруга, но когда речь идёт о спасении мира или чём-то подобном, стоит проявить немного инициативы, верно? Да и второго случая может не представиться: недаром их с Добби всё время держат на виду, не спуская глаз ни на минуту, — это просто чудо, что Терри очутилась у гриффиндорцев, а не в коридорах учебного корпуса, как всё это время! Терри опустила на коленки и принялась старательно мыть пол, переползая в сторону спальни Гермионы.

Терри, которой наконец-то удалось очутиться среди отправленных в гриффиндорскую башню, трудолюбиво чистила потрёпанный ковёр на полу, медленно, но неуклонно двигаясь в сторону ведущей к спальням лестницы. Глаза бригадира метнулись в её сторону, однако Робби занялась уборкой золы из камина, а потому ничего не сказала.

Закончив с ковром, Терри вместе с прочими направилась вверх, к спальням. Сердечко её колотилось так, что она боялась разбудить видящих десятый сон студентов: *неужели? неужели сегодня наконец-то всё получится?!*

— Терри, Донни и Росси будут убираться на женской половине, — внезапно скомандовала Робби, и Терри ошеломлённо замерла, задрав подбородок к потолку, в позе человека, готовящегося пройти церемониальным маршем. От спальни шестикурсников её отделяла всего пара лестничных пролётов, и вот... Ушки её сразу поникли, она с трудом подавила вопль разочарования и поплелась в общежитие девушки. И тут ей пришла в голову другая идея. Конечно, придётся пойти на нарушение строжайших указаний супруга, но когда речь идёт о спасении мира или чём-то подобном, стоит проявить немного инициативы, верно? Да и второго случая может не представиться: недаром их с Добби всё время держат на виду, не спуская глаз ни на минуту, — это просто чудо, что Терри очутилась у гриффиндорцев, а не в коридорах учебного корпуса, как всё это время! Терри опустила на коленки и принялась старательно мыть пол, переползая в сторону спальни Гермионы.

— Давай Терри возьмёт себе комнаты старосты, второго и третьего курса, а Росси с Донни — всё остальное.

Она не поверила своим ушам: свершилось!

— Конечно! — раньше, чем товарки успели сказать что-то ещё, Терри прыгнула сквозь стену в комнату Гермионы.

Та спала. Одеяло съехало на пол, и Терри, тщательно вытерев ручки о передник, осторожно укутала девушку, посетовав на сырость и холод в комнате. Всю тумбочку и пол рядом с кроватью загромождали книги; домовёнка робко протянула руку, взяла одну, другую... Вздрогнула, когда на обложке ей почудилось какое-то странное имя — что-то вроде «Царь Навухогорлоносор».

Уф... померещилось...

Она перебрала лежащие на столе исписанные листочки: одного взгляда хватило, чтобы понять: смыслённая гриффиндорка двигалась в правильном направлении.

...Вот только с таким же успехом можно искать хоть сто лет, — Терри провела над лицом Гермионы ладонью, потом что-то прошептала в кулачок, и девушка заворочалась на постели, вздохнула. Глаза под закрытыми веками задвигались — и ей начал сниться сон.

Странный сон: пульсирующая голубоватая сфера глубоко под землёй, куда вели узкие тёмные коридоры и потайные двери, которые можно было открыть, определённое количество раз коснувшись волшебной палочкой стены. Сон повторился трижды, и даже во сне Гермиона запомнила количество ступенек, которое следовало отсчитать при спуске по лестнице, что по пятницам уходила вниз от площадки с портретом

⁵⁸ Ему постоянно требовались такие вот маленькие доказательства её «реальности»: поцелуи, прикосновения — целенаправленные и случайные.

старика в красной мантии и с мясистым в сизых прожилках носом.

Три пролёта. Коридор, треснувший камень под гербом с гербом Хогвартса, потом узкая винтовая лестница вниз... пятая ступенька — ловушка, надо прыгнуть вниз как можно дальше... потом ещё коридор... — Гермиона послушно повторяла за таинственным лектором путь «туда».

Снова перед глазами появилась сфера. Она переживалась живым голубоватым пламенем, внутри что-то мерцало, и Гермиона поняла: *то самое.*

Глава шестнадцатая, в которой открывается тайна бумаги для записей из Зонко, Крум возвращается, а Гарри чуть не сносят голову.

— Потрясающе!!! — Рон не мог спокойно усидеть на месте и елозил по подоконнику с риском протереть штаны до дыр. — Ну, ты даёшь, Гермиона! Ты у нас, оказывается, и сновидящая впридачу! — в его голосе отчётливо слышалось ехидство. — Да Трелони бы тебе руки целовала, расскажи ты ей нечто подобное на уроке. Мне в жизни и половины не сочинить... Зря, зря ты ушла с Прорицаний...

— Честное слово, была охота время тратить! — фыркнула Гермиона. — И вообще, Рон, хватит дразниться — нам нужно распланировать наши действия.

— Будь другом — помоги с сочинением для этой очкастой стрекозы, а? Надо придумать что-нибудь зверское: сейчас я у неё в любимчиках...

— Рон, прекрати. Итак, вот что я предлагаю...

— Погоди-погоди насчёт действий, — Гарри спрыгнул с растрескавшейся раковины и прошёлся туда-сюда по заброшенному туалету, хрустя осколками битого кафеля, — я согласен: этот сон непроста, слишком уж много всякого полезного ты в нём увидела. И как-то он чересчур вовремя.

— Да, без домовых эльфов тут точно не обошлось, — кивнула Гермиона, — готова поклясться, я слышала во сне голос Терри. Видимо, поняв, что именно мы ищем, они решили нам помочь, и всё, что нам остаётся, — просто найти нужный портрет, а оттуда по потайному ходу...

Гарри замер и резко повернулся к друзьям:

— Во-первых, во-вторых и в-сотых: я не хочу, чтобы вы лезли в это дело.

— НО ПОЧЕМУ?! — рявкнули Рон с Гермионой дуэтом так громко, что Миртл, выставленная в коридор дозорным, дабы заранее предупредить заговорщиков о приближении живых или же мёртвых, испуганно просунула голову сквозь стену.

— Потому что это опасно. ОЧЕНЬ опасно, — с нажимом повторил Гарри и махнул Миртл рукой. Та вздохнула и, напоследок кинув в сторону Гарри полный обожания взгляд, снова исчезла в стене.

— О да, конечно! — ехидно кивнула Гермиона. — Ведь раньше мы баловались сущими пустяками: догонялки с василиском, путешествия с Хроноворотом наперегонки с дементорами...

— ...не говоря уж о том милом паучке с его симпатичной семейкой... — передёрнулся Рон.

— ...и Трёмудрый Турнир, и... и... прошлый год — конечно, это же были просто детские игры! И мы тебе совсем не помогли, только путались под ногами! — на щеках Гермионы появился возмущённый румянец, глаза подозрительно повлажнели.

— Вот-вот, — Рон воинственно скрестил руки на груди и встал с ней плечом к плечу. — Твоя забота мне уже тоже поперёк горла!

— Но послушайте! — Гарри в отчаянии всплеснул руками, несколько теряясь перед напором друзей. — Но я... Но вы... Где гарантия, что это не ловушка? Я пока и сам толком ничего не знаю...

— ...тем больше резонно заниматься этим вместе...

— ...однако того немногого, с чем я столкнулся, мне вполне хватило; вляпываешься даже там, где подвоха не ждёшь... Да хоть эти нимфы — когда я попал

— Терри уже закончила? — сквозь стену в комнату старости заглянула Росси.

— Тут столько книг, такой разгром, — эльфа мгновенно разорвала ментальный контакт и снова нырнула под кровать, — Терри даже и не знает, что лучше — убираться у второклашек с их бесконечными фантиками или выгребать горы рваной бумаги с набросками сочинений и расчётами... Всё-всё, Терри уже бежит...

...Теперь всё в твоих руках, Герми... то есть Гермиона...

им в лапы, я чудом... — брови Гермионы сначала вопросительно приподнялись, а потом многообещающе сдвинулись. Гарри понял, что зашёл слишком далеко, и прикусил язык. — Короче... это опасно, — совершенно неубедительно закончил он, понимая — на самом деле, битва уже проиграна.

— Нимфы, значит... Чудом, значит. Так-так... Скажи мне, Гарри, — Гермиона взяла его за руки и проникновенным голосом спросила, — и когда это ты успел записать их в союзники? Неужели после того случая, когда они пытались забраться тебе в штаны? Однако, странные вы, мужчины...

— Вау! — Рона аж подбросило. — Э, Гарри, ты же мне ничего такого не говорил!!! Друг называется! Что — правда пытались?! И как оно?

— Рон... — тон Гермионы не сулил ничего хорошего.

— Слушай, тогда, когда вы с Невиллом пропали в Запретном лесу на несколько дней, вы часом не...

— Рон!!! — Гарри был близок к тому, чтобы наложить на друга заклятье *Silentium*.

— Та-ак... Значит, на несколько дней, Гарри?.. Можно поподробней, а? Вот именно с этого места, — Гермиона напряжённо улыбалась, постукивая палочкой по ладони, и при виде её лица Плакса Миртл, снова на крик просочившаяся сквозь стену, тут же шарханулась обратно.

— Да нечего рассказывать, — Гарри собрал в кулак всю волю, чтобы не покраснеть под пронзительным взглядом подруги. — Хорошо, что уцелел... Хотели они меня того... — в смысле, убить, — кашлянув, тут же уточнил он, осознав двусмысленность фразы.

— Убить?

— Ужас! Ну, я их...

— Нет-нет, всё в порядке, мы потом всё уладили... Да не смотрите на меня так! — взмолился Гарри, увидев, как вытянулись физиономии друзей. — Гермиона, если хочешь спросить, спрашивай. Не хочешь спрашивать — я сам скажу: у нас ничего не было! Рон, сейчас дам тебе по шее, предупреждаю в последний раз — сделай нормальное лицо!

— А я-то что? Я вообще молчу.

В туалете воцарилась тишина, только потрескивал одинокий факел, притащенный из коридора. Гарри мрачно смотрел в пол, Рон размышлял над услышанным, разрываясь от любопытства и мужской зависти, Гермиона, с удивлением обнаружившая в себе преизрядный запас ревности, пыталась утрамбовать её поплотнее и спрятать подальше.

— Эй, вы ещё помните, зачем мы сюда пришли? — наконец нарушил тишину Гарри.

— Уж точно не для того, чтобы обсуждать этих бесстыжих поганок, — согласилась Гермиона, не удержавшись от последней возможности съязвить.

— Между прочим, они отдали мне... ну, то, что я искал, — Гарри строго взглянул на подругу.

Сначала никто не отреагировал на эти слова, потом до Рона и Гермионы дошло. Они медленно повернулись к Гарри.

— Значит... значит это всё-таки правда?.. — вытаращил глаза Рон.

— Конечно, правда! Слушай, нельзя же быть таким

бестолковым: ради чего бы мы тогда торчали столько времени в библиотеке? — фыркнула Гермиона.

— Ну, одно дело — исследовать, искать неведомо чего, а вот иметь кое-что на руках... Гарри, а что это вообще — ну, предмет там или...

— Рон! — шикнула на него Гермиона, кинув взгляд на разом окаменевшее лицо Гарри.

— Я что — я молчу, молчу...

— Если мыслить логически, получается, часть заклипания — в подземелье, у эльфов, — Гарри задумчиво вцепился зубами в ноготь на большом пальце, — за картиной с каким-то носатым уродом... Пожалуй, пойду сегодня же вечером...

— Ага! Прямо после ужина, — подхватил Рон, снова преисполняясь энтузиазмом. — Для начала обследуем гриффиндорскую башню... Потом возьмёмся за прилегающие коридоры... Учебный корпус запросто можно осматривать даже между уроками...

— Так нам суждено изучать замок до второго пришествия, — покачала головой Гермиона. — Особенно, если будем мотаться по нему все втроём — так уж точно никакого времени не хватит. Нет, я вот что придумала... — она вытащила из портфеля бумагу и карандаш.

— Эй, эй! Вы что — совсем меня не слушали? Я же сказал, что не хочу втягивать вас... — мигмом оторвался от размышлений Гарри.

— Вот что, Гарри. Я думаю, нам стоит закрыть этот вопрос раз и навсегда. Я... мы... — поправились Гермиона, покосившись на Рона — тот утвердительно кивнул в ответ, — мы ценим твою заботу и беспокойство, однако же мы тоже вполне взрослые люди, способные самостоятельно принимать решения. И наш выбор сделан. Или же... или же то, через что нам пришлось пройти, является недостаточным доказательством?

— Гермиона... Рон! — Гарри задохнулся, взглянул на строгие лица друзей — перед его глазами вновь мелькнуло мертвенно-бледное лицо Гермионы, её мокрые от крови волосы, медленно ползущая ему под ноги тёмная лужа... Рон... Маленький мальчик, отчаянно кинувшийся на огромную крысу. — Простите меня. Я не имел в виду... Я не... — Гарри не знал, куда деваться от стыда.

— То, что должен сделать ты и только ты, ты и сделаешь. Но позволь нам помочь тебе там, где это возможно. Где это нам по силам.

— Вот-вот, — поддакнул Рон. — Мы не собираемся покушаться на твои лавры спасителя человечества, — он увернулся от запущенного в его сторону куска отсыревшей штукатурки и взмахом руки отмёл все не успевшие прозвучать возражения, — погоди, дай доскажу! — но что такого в том, чтобы мы вместе обследовали замок?

— Да просто никому не известно, на что мы можем натолкнуться...

— Так мы с таким же успехом можем натолкнуться на это, свернув по ошибке не в тот коридор или же забыв расписание движения лестниц. Не припомнишь ли, как мы познакомились с Пушком? — пожал плечами Гермиона и навела на Гарри свою волшебную палочку. — Словом, договорились?

— Трудно отказаться, — кивнул Гарри, напряжённо глядя на сыплющиеся с кончика палочки красно-золотые искры.

— Вот и славно. Ну, что ж, тогда смотрите, — Гермиона махнула палочкой над листом бумаги, и, к удивлению друзей, по чистой поверхности вдруг побежали разноцветные линии — зелёные, синие, пурпурные.

— Да это же... Погоди-ке... Это план Хогвартса!

— Именно, — не в силах удержать самодовольную улыбку, Гермиона заметила, будто между прочим: — При перерисовке плана я использовала одно любопытное заклятье, нашла его в историко-архитектурном справочнике по магическим сооружениям... Очень удобная вещь. Итак, зелёные линии — то, как Хогвартс выглядел в момент основания...

— Какая любопытная форма, — Рон проснулся между головами друзей и наклонился так низко, что почти закрыл обзор. — Поди, срисовала его из своей настольной книжки?

— Рон, убери голову и не перебивай! — Гермиона всегда злилась, когда кто-то пытался прервать её хорошо подготовленный доклад. — Кстати, в книге «История Хогвартса» есть только внешний вид замка, как ни странно, — я была убеждена, что найду там планы, но увы... Итак, лиловый цвет — средневековые перестройки и реконструкции. Синий — три последних века. Совсем немного, заметьте. И вот так всё выглядит сейчас. Что скажете? — ещё один взмах палочкой, и в туалете Плаксы Миртл раздался потрясённый вздох. Произведённым впечатлением Гермиона была вполне удовлетворена.

— Смотри-ка... — Гарри уткнулся в план, подсвечивая себе волшебной палочкой: света одинокого факела явно не хватало. — Сначала всё было совсем по-другому, кто бы мог подумать! Учебных корпусов, можно сказать, не было почти... И Северной башни...

— Ага, и гадюшника слизеринского — тоже, — Рон ткнул пальцем в план. — Они, оказывается, нарыли себе нор только в шестнадцатом веке...

— Просто сначала все жилые помещения находились вот тут — студентов было не так много и жили они мирно, — пояснила Гермиона. — А вот именно с конца шестнадцатого века на должность директоров четыре раза подряд приходили выпускники Слизерина — между прочим, один из них носил небезызвестную фамилию, — она сделала многозначительную паузу, — и вот именно тогда Слизерину отдали почти половину замка.

— Я полагаю, нас в первую очередь интересует изначальный план, верно? — прервал экскурс в историю Гарри. — Так-так... Сейчас тут находятся... ага, ага... главный корпус, библиотека, учебное крыло и... и... — он проверил раз, другой — точно, ошибки быть не могло.

— Ну, не томи, — поторопил Рон, которого от обилия разноцветных чёточек уже начало мутить.

— ...и подземелье с лабораторией Снейпа.

— О, нет... Вот туда я точно не полезу! — Рон прекрасно помнил свой прошлогодний опыт мародёрства. Даже осознание того, что в кабинет профессора Зельеварения лезть не придётся — нужно будет просто обследовать коридоры — куража не прибавляла.

— А тебе и не нужно. Думаю, нам стоит поделить зоны следующим образом: Гарри, вам с Роном — главный корпус и учебное крыло, мне — библиотеку и снейповы подземелья.

— А почему так? — с подозрением поинтересовались юноши.

— Всё просто: в библиотеке все ко мне настолько привыкли, что, наверное, считают деталью интерьера. И мадам Пинс тоже полностью доверяет — пару раз просила помощи, я как-то подменяла её на выдаче книг, когда Чудовищная Книга о Чудовищах укусила её за ногу, а ещё один раз она брала меня в запасники — о, какие там книги! Надо будет как-нибудь обязательно взять вас с собой, это просто... просто... пир духа!

— Как-то в твоих устах не очень звучит, — фыркнул Гарри, а Рон так вообще откровенно заржал, заставив Гермиону сконфузиться, — давай-ка отложим эту, безусловно, гениальную идею на потом и займёмся портретом нашего носатого незнакомца.

— Носатого незнакомца в красной мантии, — Гермиона во всем любила точность. — И в подземелья тоже лучше пойти мне, потому что если вы подвернетесь Снейпу под руку после того, что вытворили на уроке... Думаю, чисткой котлов дело для вас не закончится.

— А что, если он поймает тебя?

— А ему и не придётся меня ловить: я не буду делать ничего незаконного — профессор Макгонагалл предложила мне помочь ей в одном интересном исследовании на стыке наук. Этапы синтеза... Впрочем, вам это не интересно, — перебила Гермиона сама себя. —

И потом, поверьте: главного корпуса и этого крыла, — она обвела нужный участок на плане карандашом, — вам хватит за глаза.

— Тогда почему мы всё ещё тут? Предлагаю начать прямо сейчас.

— Не, дружище, лучше сразу после ужина, — Рон сверился с часами. — А то от бурчания в моём брюхе не то что Миссис Норрис — Филч оглохнет!

— Рон, ты неисправим, — Гермиона покачала головой и тоже сверилась с аккуратными часиками на левом запястье. — Думаю, я всё же успею до ужина забежать в библиотеку...

— Это он-то неисправим? Вот уж кто бы говорил!

* * *

Ноябрь, сковав напоследок продрогшую землю настоящему зимним морозцем, подкатился к концу. Все с нетерпением ожидали первого снега, способного — словно волшебник, одним взмахом палочки — превратить унылую осеннюю картину в нарядное предпраздничное полотно. Временами небо даже многообещающе набухло низкими тучами, однако же только дразнило — и день за днём всё вокруг оставалось серо-бурым, скучным и тоскливым донельзя. Постепенно дух уныния наполнял замок и его обитателей — портреты всё больше спали, почти полностью утратив интерес к окружающему миру, и даже привидения потускнели, напоминая своими вялыми колыханиями полудохлых медуз.

Впрочем, надо заметить, не все влачили полусонное существование: гриффиндорская троица, напротив, буквально кипела энергией. Их день был расписан едва ли не по минутам: учёба, уроки, тренировки, дополнительные занятия и то, что они обозначали таинственной фразой «а не пойти ли нам прогуляться?».

— Смотрю я на тебя, Гермиона, и поражаюсь, откуда в тебе столько сил? — Лавендер по-кошачьи изящно потянулась в лоснящемся от времени кресле, и это едва заметное движение, тем не менее, вызвало небольшой ажиотаж у мужской части присутствующих в гостинной студентов. — Я бы вот так лежала целый день... никуда бы не вставала, если бы не эта учёба...

— Я бы тоже, — глядя на неё голодным взором, вздохнул семикурсник Вики Фробишер. — Так бы и лежал. Целый день. Лежал бы себе, лежал бы... — он осёкся под взглядом Шона Маккелара, давно положившего на Лавендер глаз и при первом же удобном случае готового наложить лапу. Случай обещал предстать довольно скоро: Лавендер была сейчас слишком ленива даже для того, чтобы отшить назойливого кавалера.

— Надо больше двигаться, — бодро возразила Гермиона, — пойду-ка я прогуляюсь перед ужином, — познлив голос, многозначительно сказала она Рону и Гарри, корпящими над очередными сочинениями.

— Ой, ты не в библиотеку? — встрепенулась сонно следящая за трепетаниями их перьев Парвати. — Сдай за меня книгу, ладно? А то сил просто нет... Я, наверное, до ужина не доживу — так спать хочется...

— Э... Ладно.

Вообще-то Гермиона собиралась вовсе не в библиотеку, но...

Заодно дам энциклопедию Гуили и возьму Папюса.

Гермиона впихнула в сумку протянутую Парвати книгу и направилась к портрету.

А в это самое время Драко Малфой возвращался в замок. Он замёрз. Сильно замёрз. Настолько сильно, что все мысли крутились вокруг горячего — чтобы пар шёл — душа, чашки чая или... да, пожалуй, глоточек, даже парочка, огневиски оказались бы кстати... ужина и тёплого одеяла.

Как немного надо мне для счастья. Опростился до предела, — мрачно хмыкнул он и прибавил шагу.

Вокруг царил непроглядная темнота, впереди маячил огнями вечерний Хогвартс, позади шумел го-

лыми ветвями невидимый Запретный Лес, откуда Драко и держал свой путь. Нет-нет, он не делал ничего противозаконного (точнее, почти ничего — всегда же можно сказать, что зашёл в лес, потому что померещилось нечто подозрительное — на то он и дежурный, чтобы следить за порядком) — Драко возвращался с вечернего обхода: он сам вызвался курировать эту зону школьной территории, оставшуюся без присмотра на время отсутствия Хагрида. При распределении постов составить ему компанию охотников не нашлось — Эрни Мак-Миллан дежурил в учебном корпусе, а Энтони Голдстину достались Северная и Астрономическая башни, где он, судя по всему, неплохо проводил время. Когда спросили, кто готов патрулировать школьную территорию около теплиц, Драко для виду поколебался, но, якобы желая блеснуть своей храбростью, сообщил, что справится в одиночку. На деле Малфой это только радовал: представлялась отличная возможность регулярно общаться с отцом и решать некоторые технические вопросы. Они встречались неподалёку от той поляны, где Драко когда-то обнаружил своего двойника: Малфой-старший появлялся через пару минут после того, как подходил Драко, — бесшумно и всегда внезапно. Юноше ни разу не удалось угадать, когда и откуда выскользнет белый лис, каждый раз он замечал Люциуса, когда тот уже шуршал сухой травой у его ног.

— Тебе стоит быть повнимательней, сын, в противном случае, однажды ты заметишь врага, когда он уже вцепится тебе в горло, — говорил тот вместо приветствия, обретая человеческий облик.

Несколько фраз и вопросов, пакетики с травами или склянки с компонентами для зелий, свитки и книги, полезные советы и отчие наставления — и Драко снова оставался в одиночестве: отец исчезал во тьме, никогда не прощаясь и не назначая времени очередной встречи.

Откуда он знает, когда у меня очередное дежурство? — в который раз удивился Драко и в который же раз пришёл к выводу, что у отца существует ещё какой-то канал информации обо всём происходящем в школе.

Малфой вышел на открытую местность, и резкий ветер тут же заставил его прибавить шагу; вот уже избушка лесника, откуда до замка было рукой подать. Тёмное и заброшенное, с висящей на одной петле ставней, кучей какого-то мусора под окном — жилище Хагрида не могло не порадовать утончённую натуру слизеринского старосты абсолютным соответствием облику его опустившегося обитателя. Каждый раз, проходя мимо, Драко развлекал себя каким-нибудь пустячком — то вдребезги разбивал стоящие на крыльце горшки, то ломал изгородь, то срывал ставни. Сейчас, поразмыслив, Драко взмахнул палочкой и вышиб окно. Жалобно звякнули стёкла, посыпавшись на мёрзлую землю.

Из замка донёсся глухой звук колокола, созывающего на ужин, и слизеринец прибавил шагу: этим вечером его ждало ещё много важных дел, так что совсем не мешало немножечко подкрепиться: на голодный желудок работалось и думалось, плохо, а задачку отец задал преизряднейшую.

— ...Поведай, сын мой, какие у тебя отношения с деканом?

— Ну... сложно сказать. Иногда у меня такое ощущение, будто он следит за мной, — честно признал Драко, припомнив пару случаев, когда он ловил на себе странные — очень странные — взгляды мастера зелий.

— Мда, не удивительно, ведь он знает о твоей инициации... — Люциус досадливо поморщился. — Впрочем, сейчас нам это даже на руку: слежка за кем-либо — лучший способ забыть о собственной безопасности. А ты будешь следить за ним. Интересует всё: его образ жизни, расписание, перемещения по замку и — особенно — отъезды из него. В случае последнего немедленно дай знать, отправив письмо по этому адре-

су, — сам адрес мелькнул перед глазами Драко всего на миг, однако слизеринец на память не жаловался. — Текст может быть любым — напиши что-нибудь минимально связанное на случай, если твоя переписка перлюстрируется.

Вопрос крутился у Драко на языке, однако он отлично усвоил, что любопытство лучше держать при себе.

Сдав повязку дежурного Филчу, поджидавшему у входа в школу, Малфой только собрался поторопиться в сторону слизеринского общежития, чтобы успеть переодеться на ужин, — не иди же в Большой Зал в двух шерстяных мантиях и тёплом шарфе по самые брови, верно? — как с главной лестницы донёсся топот. Драко поднял взгляд и... с ужасом уставился на летящего прямо на него Поттера, следом за которым, прыгая через три ступеньки крядя и что-то крича, мчался Уизли. Не будь Малфой настолько продрогшим и замотанным в сто одежек, он бы успел увернуться, но тёплая одежда сделала его неповоротливым — в последний миг перед столкновением Драко увидел округлившиеся глаза Поттера — в следующее мгновение два злейших врага катились по полу кубарем на радость окружающим.

— Какого чёрта, придурок! Я тебя сейчас... — зашипел Малфой, силясь вытащить из кармана палочку.

— Глаза надо носить при себе, — ответил Гарри; спустя миг слизеринец и гриффиндорец уже отпрыгнули друг от друга, готовые и к защите, и к нападению.

— Гарри, ты продул, я добрался до Зала первым! Так что расчёт по астрономии делаешь ты, — радостно сообщил подбежавший Рон. — А это у нас что за... Ох ты, какая встреча...

— В чём дело? — раздался ледяной голос профессора Макгонагалл, и все трое тут же сделали невинные лица — впрочем, безуспешно: обмануть профессора Трансфигурации ещё не удавалось никому. — Мистер Уизли, мистер Поттер — вы шли на ужин? Ну так потопитесь. Мистер Малфой!..

— Я с дежурства, — раздражённо ответил Драко, не сводя злобного взгляда с гриффиндорцев, — те, нерешительно потоптавшись, всё же развернулись и направились в сторону Большого Зала, периодически косясь в его сторону.

— Так ступайте и приведите себя в порядок.

Чёртова старуха... — Драко, уже заворачивая за угол, напоследок взглянул через плечо: декан ненавистного факультета по-прежнему стояла в коридоре, скрестив руки на груди. Он прибавил темп и почти бегом побежал в сторону слизеринского крыла самой короткой дорогой. Глухой звук шагов. Тёмные коридоры. Лестница, ещё одна. — *Чёртовы гриффиндорцы. Чёртов Поттер. Чёртов Уизли. Чёртова...*

Оп-па!

Малфой замер, будто его пригвоздили к месту: ему навстречу шла... Он потёр глаза, не в силах поверить, что это не тщательно наведённая галлюцинация.

Грейнджер?! Что она тут делает?

Гермиона тоже заметила Малфоя и остановилась. Слизеринец был последним человеком на земле, которого она ожидала встретить в этой части замка. Внезапно её охватил беспричинный страх — такой, что она с трудом сдержала крик: все силы пришлось бросить, чтобы сохранить спокойно-надменное выражение лица, тогда как внутри всё будто окаменело от дурного предчувствия.

Малфой пришёл в себя первым.

— Эй, грязнокровка! Ты что тут делаешь?

— Тебе что за дело?

— Зачем ты тут шляешься? Решила уйти в подполье? И как оно?

— Мгновение назад поняла, что в подполье можно встретить только крыс.

Драко почувствовал, как гнев ударил ему в голову.

— Глядя на тебя, вынужден согласиться. Так что ты тут делала? — Малфой переступил с ноги на ногу, приняв более вызывающую позу. — Кажется, я понял, —

поди, возвращаешься с очередного свидания, да? И с кем, если не секрет? Поттера с Уизли я только что видел наверху — пошли набивать свои ненасытные утробы. А, наверное, опять с Бутом? Или завела кого-нибудь новенького? Ну, и как — нагуляла аппетит? — даже в полумраке Драко увидел, как она покраснела, и окончательно пришёл в себя.

— Заткнись! Иначе... — дрожь в её голосе наполнила его ликованием.

Бойтся... кишки гоблина тебе в глотку — она меня боится!.. Всё, как говорил отец, — пусть она забыла про Зеркало, однако страх и шок куда-то не делись.

— Что «иначе»? — передразнил он. — Снимешь с меня десяток очков?..

Решение пришло озарением свыше, оно выглядело таким логичным и единственно возможным, что у Драко от радостного предвкушения засасало под ложечкой. Конечно: сейчас в коридорах и переходах никого нет, все на ужине — в том числе и её дружки, вряд ли представится другой столь же подходящий случай... А сюда редко кто заглядывает — даже привидения, не говоря о живых людях... Значит, он может посчитаться с ней за всё — и за Кастрирующее проклятье, и за драку в поезде в конце прошлого года, и за позор возвращения домой, и за провал с Зеркалом, и за... За всё.

Он глубоко вздохнул и сделал шаг вперёд — она почувствовала надвигающуюся опасность, вскинула руку с волшебной палочкой, но Драко недаром был отличным ловцом, уступавшим в реакции разве что Гарри:

— *Expelliarmus!* — он намеренно произнёс заклинание так, чтобы чёртову грязнокровку приложило об стену: когда Гермиона поднялась на ноги, Малфой уже был рядом, а всё её оружие составлял набитый учебниками портфель⁵⁹. Гермиона замахнулась, он с лёгкостью увернулся, однако нападать не спешил, будто ждал чего-то... Чего? Она не стала выяснять — какой-то древний инстинкт взял верх до того, как она успела что-либо сообщить, — развернувшись, девушка побежала прочь.

Ты всё понимаешь с полуслова. Сыграем в догонялки.

Дав ей фору, он последовал за ней — обернись Гермиона, она бы увидела на лице Малфоя довольную улыбку: погоня, именно о ней он и мечтал. Эти коридоры были известны Драко, как свои пять пальцев, — собственно, короткий переход, где судьба свела их с Гермионой, он обнаружил, заблудившись на первом курсе и проплутав по тёмным заброшенным коридорам почти полдня. Гриффиндорка же знала эти места только в теории — благодаря планам, которые мигом выветрились у неё из головы, — она очень приблизительно представляла, в какую сторону нужно двигаться и, как ей казалось, бежала именно туда.

Почему я бегу?.. Куда я бегу?

Повороты, лестницы — факелы вспыхивали над головами и гасли, едва девушка и преследующий её юноша сворачивали за угол. С каждым шагом Гермиона понимала всё отчётливей, что сама себя загоняет в капкан.

Что я делаю? Зачем я убегаю?

Она резко остановилась посередине длинной лестницы, и, покрепче сжав ручку сумки с книгами, решительно развернулась — увидев выражение её лица, Драко слегка опешил, но потом всё же приблизился, остановившись пятью ступеньками ниже — вне пределов досягаемости. Он почти не запыхался, у неё же на лбу поблёскивали капли пота, щёки покраснелись.

— Прямо полоса препятствий при полной выкладке, — криво улыбнулся он. — Вверх-вниз... А Поттер тебя неплохо натренировал — думал, ты сдашься раньше, — Драко сделал ещё один шаг вверх.

⁵⁹ Страшное оружие, между нами, — с учётом того, сколько книг обычно она носила с собой.

— Не подходи, — Гермиона качнулась назад, держа перед собой сумку, как щит, и не сводя со слизеринца полных ненависти глаз.

— О, сколько праведного гнева, прямо страшно... Что такое? Боишься не устоять передо мной? — она скривилась от отвращения и промолчала. Драко сделал ещё один шаг, протянула руки — резкий замах, и её сумка наотмашь ударила его по голове. — Ах ты, дрянь! — он схватился одной рукой за щеку, а второй ударил её в живот. Гермиона задохнулась от боли: — Что такое? Желудочная колика? — рука Малфоя ухватила её за шиворот и рывком поставила на ноги. — Не волнуйся, скоро всё пройдёт. Жизнь, Грейнджер, прожить надо так, чтобы мучительно больно и стыдно за бесцельно прожитые годы было уже некому...

— Подонок... — она ткнула его локтём, судя по всему, попав в весьма чувствительную точку: Малфой охнул, его хватка на миг ослабела, Гермиона изо всех сил дёрнулась и вывернулась, напоследок снова огрела его сумкой — та затрещала, но выдержала — рванулась вверх по ступенькам...

Цепкие пальцы ухватили её за лодыжку в тот момент, когда она уже собиралась возликовать; лестница прыгнула в лицо, девушка упала на тут же полыхнувшие ослепительной болью колени и ладони, застонав от ярости, боли и унижения.

— Ну, хватит, поиграли, — он схватил её за шиворот, поставил на ноги и подтолкнул к перилам. Гермиона попробовала сопротивляться, снова махнула сумкой, в которую вцепилась так, будто та была последней надеждой на спасение, но Драко перехватил её руку и резко дёрнул вверх — от боли потемнело в глазах. — Спокойно, спокойно...

Уже через мгновение он перегибал её через перила, наваливаясь и прижимаясь всем телом, — её всю затрясло от страха и отвращения.

— Не прикасайся ко мне! Мерзавец!

— Какие мы недотроги... А я думал, мужское тело тебе нравится — согласишься, у меня оно не худшее... — он хмыкнул и навалился сильнее.

— Подонок... — упрямо трепыхалась Гермиона. — Отвратительный подонок...

— То есть я тебе не понравился... Жаль-жаль... Ну, значит, выбора нет, раз ты сама этого хочешь...

Он чуть приподнял её, слегка толкнул вперёд — и тут Гермиона осознала, что, похоже, неправильно истолковала его намерения.

— Что... что ты задумал?..

— О, так ты решила, будто... — Малфой расхохотался. — Неужели всерьёз думала, что я буду об тебя мараться? Нет. Все проще: трагическая случайность... Ах, какая невосполнимая для Хогвартса потеря! Лучшая ученица школы! Сколько раз ей говорили, не надо столько заниматься, а то крыша съедет, — верно, Грейнджер? И вот — допрыгалась. В самом прямом смысле этого слова, — он навалился сильнее, и Гермиона изо всех сил впиалась пальцами в перила, заранее понимая бессмысленность этого действия: все преимущества сейчас были на стороне слизеринца — он был ловчее, он был сильнее — она не могла ему сопротивляться.

Кажется, в этот раз я действительно... меня действительно... — Гермиона с ужасом смотрела вниз: лестницы уходили в никуда, насколько хватало глаз, царила непроглядная темнота, дышащая могильным холодом. Она сама не поняла, как, но желание жить заставило её качнуться назад и изо всех сил вжаться в Малфоя, от которого она только что с отвращением пыталась отпрянуть.

— Ух ты, сколько страсти... Грейнджер, я впечатлён — кто бы мог представить... Ну, давай ещё разочек, и тогда я подумаю, не изменить ли моё решение... — он снова толкнул её через перила, и снова она отчаянно дёрнулась назад. — О, слушай, это может быть забавно. Ну, давай, а теперь попроси меня... — он ещё раз дёрнул её заломленную руку вверх. Гермионе показалось, будто сустав захрустел. — Ну, умоляй, чтобы я

тебя пощадил... говори, что ты сделаешь всё, что я велю... Ну!

— Я... я тебя... ненавижу! — выплюнула в темноту Гермиона. — Иди к... чёрту!

— Проси, я кому сказал! — от ярости у Драко потемнело в глазах.

Упираешься? Ну, так я тебя заставлю...

— Никогда!

— Ах, ты... Ну, тогда...

— Да пошёл ты! — она вдруг сама рванулась вперёд. Темнота медленно качнулась навстречу, Гермиона почувствовала странную лёгкость во всём теле... Сумка вылетела из разжавшихся пальцев, распахнулась, оттуда посыпались книги, перья, пергаменты — казалось, будто всё происходит словно во сне:

Я падаю. Всё.

— ГАРРИ!!! — истошно вскрикнула она, проваливаясь вниз.

— Не волнуйся, он скоро последует за то...

Гермиона даже не поняла, что именно произошло: её вдруг резко дёрнуло вверх, отшвырнуло куда-то в сторону — она ударилась об ступеньки, застонав от боли, с трудом подняла голову, ещё не веря в своё спасение. Представшая её глазам сцена была такова, что Гермиона тут же позабыла обо всём — и о боли в том числе.

Невесть откуда взявшийся здесь Гарри держал Малфоя за грудки, а слизеринец, бледный от страха и потрясения, только таращил глаза и хватал ртом воздух. Кулак Гарри взлетел вверх — негромкий хруст, голова Драко резко запрокинулась, Гермионе даже показалось, будто она сейчас отделится от тела, — и слизеринец кубарем полетел по ступеням, безжизненно распластавшись на лестничной площадке внизу.

— Гарри... — губы Гермионы задрожали. Цепляясь за перила, она с трудом поднялась на дрожащие ноги. — Гарри!

Шатаясь от боли и шока, шагнула к нему. Он стоял и смотрел на неё — ни слова, ни жеста, ни улыбки, и в тот миг, когда её пальцы уже почти коснулись его плеч, он вдруг дрогнул, и очертания его смазались, начали бледнеть, будто подёргиваясь дымкой... Внезапно с тихим шорохом он и вовсе исчез — пальцы Гермионы безвольно шевельнулись, и в этот миг выпорхнувший из пустоты лист бумаги нежно коснулся их, описал круг и приземлился на ступеньку у самых ног.

Гермиона оцепенело опустила взгляд. Страничка с любовно выведенным её рукой одним только словом. Она присела на корточки и взяла её дрожащими пальцами.

«Гарри».

...Бумага из Зонко. «Исполнение желаний»...

— Гарри?.. Значит, ты... — вечер в библиотеке, когда она, размышляя, машинально писала и обводила его имя. — Гарри, ты...

Щёки разом стали мокрыми, слёзы свернулись капельками на многовековой пыли лестницы, пальцы разжались, и последний волшебный листок, подхваченный потоком воздуха, выпорхнул из них, перелетел через перила и бесшумно растворился во тьме.

— Га...р... — дышать стало тяжело, боль в разбитой спине вернулась, растекалась по всему телу. В голове зазвенело, все звуки куда-то исчезли, будто уши заложены ватой. Каменные плиты перед глазами покачнулись и размазались. Через мгновение мир сменился щиплющими глазами разноцветными искорками.

Собрав последние силы, Гермиона нащупала за спиной перила и устало привалилась к ним.

* * *

О том, что случилось тем вечером, Гарри так и не узнал — ни в тот день, ни позже: ни Гермиона, ни, тем более, Малфой не сказали ему ни полслова⁶⁰.

⁶⁰ Надо заметить, последний и вовсе пребывал в глубокой прострации после встречи с Поттером, когда ждал,

Когда спустя какое-то время Гермиона пришла в себя, лестница уже сменила направление, и теперь, судя по всему, находилась совсем в другом месте — во всяком случае, никакой площадки с поверженным слизеринцем поблизости не наблюдалось. В гриффиндорскую башню староста добралась далеко заполночь, моля лишь об одном: чтобы Гарри и Рон не дожидались её возвращения, в противном случае пришлось бы слишком многое рассказывать и объяснять. Всё тело ныло от боли, в голове же и вовсе стоял такой сумбур, что казалось, будто череп вот-вот взорвётся. Хотя, возможно, это было просто последствием обморока и шока.

Юноши действительно ещё сидели в гостиной — вернее, спали в огромных придвинутых к уже погасшему камину креслах. Рон сполз, перегнувшись через высокую ручку, и его длинные ноги почти упирались в каминную решётку, а Гарри запрокинул голову на лоснящуюся от времени бархатную спинку кресла, трогательно приоткрыв рот. Гермиона на цыпочках прокралась мимо.

...Простите меня... Гарри, прости...

Ни о каком обращении к мадам Помфри и речи быть не могло, она знала, что в этом случае вопросов не оберёшься, поэтому решила справиться своими силами. На устранение синяков и ссадин ушла почти вся ночь — Гермиона упала в постель, когда небо уже начало раздвигать облака, готовясь к хмурому рассвету. Сейчас не имела никакого значения даже мысль о прогуле целого учебного дня: сил не было, двигаться, думать, есть не хотелось. Нечто подобное она чувствовала в тот миг, когда очнулась в лазарете после того странного заклятья. Усталость. Тупое равнодушие. Непонятную обречённость.

Почему я так испугалась? Почему Малfoy пытался меня убить? — она тусклым взглядом посмотрела в потолок и закрыла глаза, тут же провалившись в забытие.

— Да заболела она, заболела, — Джинни многозначительно посмотрела брату в глаза и подёрнула правой бровью. Получилось на редкость забавно. — Ну и тупица же ты, Рон!

— А... о... — Рон покраснел и смущённо поскрёб в затылке. — Ну да...

— Может, тогда мне стоит её проведать?.. — вопросительно приподнялся Гарри. Джинни со вздохом отложила ложку и пристально взглянула на него.

— Ничего серьёзного. Просто оставьте её на сегодня в покое — она сама меня попросила... Ей-богу, будто вы дня друг без друга не можете прожить.

Пауза.

— Нет, с вас просто умереть можно! Если б в ваших головах водились черви-мозгоеды, они бы давно сдохли!

— Почему? — оторопело спросил потрясённый таким поворотом разговора Рон.

— От голода! — безжалостно отрезала Джинни. — Вы меня уже поняли или всё же придётся говорить открытым текстом?

В этот раз покраснел и Гарри.

— А, ну да... — он смущённо уткнулся в тарелку и до конца обеда больше не проронил ни звука.

Впереди ждала История Магии, и в кои-то веки друзья шли на самый скучный в мире предмет, переполняясь энтузиазмом. Устроившись на задней парте, подальше от нудятины Биннса, они старательно отмечали на сделанной Гермионой карте Хогвартса исследованные накануне места и выбирали участок для сегодняшней вылазки.

— Та-ак... Давай сегодня пройдем тот коридор до конца, и посмотрим, что вот здесь...

но так и не дождался ни малейшего намёка на случившееся в подземном переходе. Он потом долго пытался сложить эту головоломку, однако бросил в виду безуспешности попыток.

— Ага... Глянь-ка, похоже, будто в это место существует ещё один проход, и ведёт он... Сейчас... так-так, дай-ка посмотрю... — Рон вытянул пергамент из рук друга и повёл кончиком пера по бесконечным лабиринтам коридоров. — Ведёт он... ведёт он... он ведёт... та-ак... вот сюда... Смотри! В сторону слизеринских подземелий. Тебе не кажется это подозрительным?

— Да у нас тут все коридоры связаны друг с другом, — вяло возразил Гарри, размышляя, имеет ли это смысл или нет. — Рано или поздно, все тропы ведут в слизеринские подвалы. Давай сегодня перед ужином и займёмся этим участком: Флитвику я всё сдал, расчёты сошлись, Макгонагалл спрашивала нас на прошлом уроке — можно денёк и не думать об учёбе.

— Не думать об учёбе... Просто музыка для моих истерзанных ушей.

— Слушайте, сколько можно шуршать и шушукаться! — не выдержал сидящий перед ними Джастин Финч-Флетчли. — Дайте людям спокойно поспать!

— Ночью спать надо, — тут же беззлобно, просто по привычке, огрызнулся Рон.

— Вот ты, Уизли, и спи. Ночь — она для другого... Впрочем, тебе не понять — твоя-то красавица ещё слишком юна для этого, да? — Дин Томас, прячущийся за выстроенной перед ним баррикадой из книг, оторвал голову от парты и многозначительно подмигнул. Потом, душераздирающе зевнув, снова прильнул к пристроенному под щёку Справочнику по гоблинским восстаниям и сомкнул глаза.

Покрасневший, как кумач, Рон не сумел сразу собраться с мыслями: застигнутый врасплох, он бессильно хлопал ртом и глазами.

— Я... т-ты... Кого это ты...

— Проехали, — Гарри усмехнулся, и это не осталось незамеченным: весь гнев тут же обратился на лучшего друга.

— Т-ты... т-ты... — однако слова опять не находились, и Рон просто резко ёрзнул в сторону, спихнув Гарри со скамьи.

Грохот упавшего тела прервал лекцию, Биннс недоумённо уставился на Гарри, словно потрясённый самим фактом того, что в классе, оказывается, кто-то присутствует. От установившейся непривычной тишины студенты один за другим начали присыпаться.

— Извините, у меня перо упало, — сделав головокружительное умственное сальто, выдавил оправдание Гарри и вернулся на место, тут же оплатив Рону чувствительным пинком в лодыжку. Теперь на них уже были обращены сонно-возмущённые взгляды всех присутствующих. Послышался чей-то откровенный зевок, и Биннс, вернувшийся к реальности, снова что-то забубнил. Постепенно дремотное оцепенение вернулось, и головы студентов опять начали клониться ниже и ниже к партам. Дальше Гарри и Рон сидели молча, тоже начав под конец подрёмывать, — в результате очнулись они, когда остальные давно ушли, а в пустом классе уже вольготно растекались ранние зимние сумерки.

— Эй, поднимайся! — Гарри дал Рону ощутимый тычок в бок. Тот взвыл спросонья. — Вставай, говорю, — нас ждут великие дела.

Они прошли по пустынным коридорам — занятия уже закончились, лишь из кабинета Трансфигурации доносился негромкий голос профессора Макгонагалл, отчитывающий какого-то нерадивого ученика, да в пустом классе рядом с классом Заклинаний, судя по несущимся оттуда взрывам истерического смеха, грохоту и периодическим вскрикам, кто-то из младшекурсников отработывал заклятья.

— Никак, Хахачары... — Рон прищелкнул глазом к щёлочке. — Ага, и Призывающее Заклятье... помнишь, как мы занимались?..

Гарри улыбнулся:

— Ага, я ещё немного переборщил — мадам Помфри потом тебя успокоительным отпаивала... Так, — он сверился с картой. — Сейчас по этой движущейся ле-

стнице, потом третий коридор направо.

— Ну, поехали... — Рон перепрыгнул на ступеньки.

Удача караулила их там, где они совсем не ожидали её встретить: им всегда казалось, будто секретные ходы, ведущие к вековым тайнам, начинаются в мрачных и пыльных коридорах, всё освещение которых составляет одинокий факел в ржавой скобе. Или же тайны прячутся под выщербленными лестницами с проломленными перилами. Ничего подобного: искомый портрет (они тут же его узнали, ибо изображённый на нём сердитый старикан действительно являлся обладателем совершенно исключительного носа — и по размеру — мастер зелий бы умер от зависти! — и по цвету) висел на освещённой площадке, от которого спускалась лестница с аккуратной подштопанной цветной дорожкой.

Наверное, Гарри испытал бы подобное чувство, если бы накануне экзамена по Зельям к нему подошёл Снейп и сообщил, что в виду исключительных успехов и особых заслуг на поприще зельеварения, он ставит ему экзамен «автоматом».

— Рон... — не в силах говорить, Гарри просто тыкал пальцем в сторону картины, пока старикан на ней не зашипел что-то насчёт современной молодежи, не имеющей представления о правилах поведения, и не спрятался за богато изукрашенную раму. — Это... Это он...

— Где?

— Только что был тут... И сегодня пятница, а значит...

Они переглянулись и уставились на уходящий вниз бесконечный ряд ступеней.

— Вперёд, — Гарри сжал крепче свою волшебную палочку и сделал решительный шаг.

* * *

Никто не мог понять, что происходит со Станой, да она и сама вряд ли могла это объяснить — окружающие списывали всё на депрессию от потери близкого человека и деликатно не лезли с расспросами и советами. Кроме того, говоря начистоту, юность эгоистична и невнимательна: поглощённые своими сердечными и учебными проблемами одноклассники не обращали на неё пристального внимания, а близкими подругами она так и не обзавелась. С Боряной же она не поделилась бы своей болью ни при каких условиях: ведь как старшая сестра она должна была служить ей опорой... Что касается Рона, то, думаю, вопрос тут неуместен: внимательность и деликатность шестнадцатилетних подростков, ещё до конца не разобравшихся в своих чувствах, испокон веков являлись притчей во языцех. Он, конечно, чувствовал — что-то не так: Стана начала сторониться людей, стала не такой инициативной на тренировках, послушно выполняя указания Гарри — и только; Рон уже не мог припомнить, когда в последний раз видел на её губах улыбку. Его это здорово беспокоило, однако он, скорее, откусил бы себе язык, чем подошёл к ней и напрямик спросил, в чём дело и не может ли он чем-нибудь помочь.

Сама же Стана старалась и вовсе не задумываться о происходящем с ней и вокруг неё — слишком уж странным всё это выглядело. Да, происходило нечто удивительное, наверное, даже где-то неправильное, и устоять перед соблазном, сулящим непременно облегчение её истерзанной душе, оказалось невозможно. Оставалось, очертя голову, кинуться навстречу.

Он был её кумиром, её идеалом, воплощением всех её детских мечтаний — сказочным принцем, вечно путешествующим по далёким краям, но всегда возвращавшимся к ней. Она не слишком хорошо помнила беспросветно-голодное детство, однако день, когда Вики на своих плечах внёс её в замок, ставший большой семье Крумов новым домом, запомнила навсегда: многократно умноженное, солнце трепыхалось в лужах, оставшихся после мимолётного дождя, горячая и влажная земля парила... Почтительно замерший в дверях дворецкий напоминал Кошея Бессмертного, пережи-

вающего кризис среднего возраста. Виктор смеялся... А потом таинственно поманил её пальцем.

— Что это? — не в силах поверить в воплощение мечты, Стана смотрела на свёрток в его руках. Однако очертания не давали усомниться. Новая метла. Пусть детская — но совсем-совсем настоящая — с высотометром, компасом, кожаным седлом, отлично отрегулированная... — Это... мне?

— Виктор! Зачем ты... — подошедшая мать всплеснула руками. — Стана ещё маловата для таких игрушек...

— Ты ничего не понимаешь — у неё талант, я это вижу! — Виктор наклонился к Стане, ободряюще хлопнул её по плечу. — Мы с тобой ещё поиграем в одной команде, племяшка...

Она крепче стиснула древко метлы.

И они играли — на чудесном поле, они вместе летали, он стал её первым учителем, лучшим другом, идеалом... И всё разом кончилось — сначала в то летнее утро, когда в замок шагнули двое англичан. А потом — ноябрьским днём... Кончилось, чтобы тут же начаться снова: Виктор пришёл во сне со словами поддержки и утешения сразу после похорон, ещё в Болгарии. Наутро Стана — впервые за несколько дней — почувствовала облегчение и безучастно убедилась, что рана на душе начала зарубцовываться. Вечером, прикрывая поблёкшие глаза, она снова уснула — не по слабости плоти, но усилием воли. Однако эта ночь оказалась пустой, и рана вновь начала кровоточить. Боль вернулась, усилившись двукратно. И тогда Стана поняла, что нужно, дабы обрести искомое утешение. И она позвала его. Искренне, отчаянно, от всего сердца.

Вначале сны были сумбурными и лишь понемногу обрели связность. Она видела себя посреди круглого амфитеатра, чем-то напоминающего сожженный храм: тысячи людей сидели на скамьях, и лица их были незнакомы — лица последних проступали в бесконечной дали и на высоте звёзд, но рисовались в мельчайших подробностях. Стана знала — Виктор где-то здесь, он ждёт её, он поможет ей снова встать на ноги, он сам жаждет освободиться от бесплотного и призрачного удела, включившись в реальность, он сам ищет душу, способную причастить его к миру.

Ночи успехов и разочарований, пустого бреда и снов, на которых она старалась не задерживаться, — просто бессвязное, мутящее разум вещество — Стана жила от ночи до ночи, по инерции влача существование наяву: ходила на уроки, ела, не чувствуя вкуса, — просто чтобы поддержать силы.

А ночью — *сно-видела*. И с каждым разом Виктор становился всё отчётливее и отчётливее.

Они говорили ночи напролёт, и под утро Стана обретала желаемый покой и почву под ногами, чтобы прожить ещё один день и дотянуть до следующей ночи. Постепенно её эксперименты становились всё опасней. Как-то она попросила его водрузить флаг на видимом из окна её спальни участке крепостной стены. Поутру флаг полыхал над ней. Это стало переломным моментом. Стана поняла: что-то случилось. Что-то странное. Важное. Неправильное? До этого ей дела не было: границы реальности давно сместились, равно как и границы допустимого.

Краткие миги удовлетворения и спокойствия, тем не менее, продолжали перемежаться хандрой — и однажды профессор Макгонагалл, не выдержав, вызвала её к себе: бледный и отсутствующий вид совсем ещё недавно жизнерадостной и подвижной девушки давно вызывали её беспокойство, однако она списывала всё на глубокое потрясение. Но Стана, выслушав тревоги и советы декана, лишь улыбнулась и сослалась на общее недомогание, усталость и стресс, хотя от посещения мадам Помфри не уклонилась. Фельдшерница тоже ничего особенного не нашла, а потому, вздохнув, сказала, что лучшим целителем будет время. И оно шло. Звуки и краски окружающего делались для Станы всё глуше, как будто пришедший в мир Виктор поглощал крупицы её души. И вот как-то ночью, когда она мучительно блуждала во сне, искала его и не находила, её

разбудило лёгкое прикосновение. Стана открыла глаза. Виктор сидел рядом с ней на кровати и улыбался.

Она оцепенела, однако страха не ощутила. Ветер смерти, подувший совсем рядом, временно сделал её смелым человеком — она поняла, что, наверное, боялась не того, чего следовало и, как часто бывает, до следующего испуга перестала бояться чего бы то ни было вообще. Осталось только удивление, которое испытывает ребёнок, осознавший, что Рождество действительно принесло ему исполнение всех, абсолютно всех желаний.

Крум приложил палец к губам и тихонько двинулся к двери, поманив её за собой. Стана слышала едва уловимый, крадущийся звук его шагов. В ту ночь, забравшись под самый купол гриффиндорской башни, где не было ненужных свидетелей ни в виде портретов, ни в виде привидений, не говоря уж о живых людях, они проговорили до утра, и он убедил её, что похороны и всё остальное были лишь необходимой формальностью, дабы вновь с её помощью прийти в мир.

— Значит, ты не привидение? — робко спросила Стана, уже зная ответ.

Он рассмеялся:

— Так-так... И чему только профессор Биннс учит тебя на Истории, племяшка? Разве ты не знаешь основные признаки привидений? Ну-ка, скажи, разве я прозрачен? — он, распахнув руки, встал напротив факела. — А может, бесплотен? — легко стукнул ногой по полу, и каменные плиты откликнулись глухим звуком. — Или же... — он взял её руку, и Стана, поначалу вздрогнув и едва не шарахнувшись в сторону от неожиданности, почувствовала, что руки у него действительно настоящие. Пусть холодные, но такие знакомые — те самые, которыми он впервые усадил её на метлу, которыми он легонько хлопал её по плечу, утешая или подбадривая, которыми он подкидывал её в воздух, возвращаясь после разъездов по миру.

И Стана расплакалась, ткнувшись ему в плечо. От него пахло прохладным и сырým осенним ветром — так пах тот день, когда над ним закрылась крышка гроба. Она не хотела спрашивать, ни кто он, ни что он — она не знала и боялась ответа. Главное — он снова рядом. Значит, она не одна.

— Вики... Ты ведь больше не уйдёшь? Ты не бросишь нас?

— Нет... — он опустил к её затылку странный взгляд. — Я больше не уйду.

* * *

— Триста сорок четыре... триста сорок... Эй, Рон не спеши так! — внезапно Гарри заметил, что ступенька, на которую собрался шагнуть Рон, начала исчезать. — Прыгай, Рон, прыгай!

— Что? — идущий чуть впереди Рон замедлил опускающуюся ногу, но поздно: в миг когда ботинок соприкоснулся с непоколебимой на вид ступенькой, она вдруг исчезла, а следом за ней и та, на которой Рон ещё стоял. Он с воплем рухнул в пустоту, размахивая руками, но Гарри одним прыжком преодолел расстояние между ними и, упав на колени, в последнее мгновение вцепился другу в воротник. Куртка затрещала, но выдержала.

— Держись! Ну, ещё чуть-чуть...

— Уф... Мерлинову мать... — вытирая пот со лба, Рон выругался замысловато и длинно — насколько хватило дыхания.

— Ты бы не лез вперёд... — пробормотал Гарри, впечатляясь глубокими историко-генеалогическими познаниями друга.

— ...поперёк Гарьки в пекло... — нервно хмыкнул Рон. — Чёрт, я просто сбился со счёта и думал, ловушка чуть дальше...

Спустя какое-то время ступени, взявшиеся словно ниоткуда, вновь материализовались перед ними, и юноши двинулись дальше — теперь повнимательней:

на узкой винтовой лестнице Рон уже сам напомнил Гарри про проваливающуюся пятую ступеньку.

...и прыгнуть как можно дальше вперёд...

Это оказалось совсем непросто: как Гарри и Рон ни вглядывались, как ни светили палочками — впереди было темно, хоть глаз коли, и прыгать приходилось на-встречу неизвестности.

— Ну... На счёт «три»! — выдохнул Рон. — Раз, два...

В этой части школы коридоры были совсем другими. Узкие, душные, тёмные — через какое-то время Гарри совершенно взмок. Он снял школьную мантию и перекинул её через плечо. По спине текло, на ресницах висели капли горячего пота. Ещё через несколько минут он расстегнул ворот рубашки и потёр грудь. Начало казаться, что воздуха здесь тоже не хватает.

— Похоже, я ошибся — всё дороги тут ведут не к слизеринцам, а напрямик в ад... — Рон тяжело дышал, рыжие волосы налипли ему на лоб, а рубашка давно была растёгнута до самого низа. — Ты чувствуешь, становится всё жарче... Не нравится мне это...

Гарри промолчал. Его глаза были устремлены вперёд, цепко оцупывая пространство вокруг — неровные стены, пол, теряющийся в темноте над головой потолок — то ли от жары и духоты начало мерещиться, то ли действительно стены едва заметно пульсировали в горячем мареве. Он вытянул в сторону руку и коснулся камней — они излучали странное тепло.

Сверху посыпалась какая-то труха, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении косточками неведомых зверей, и друзья невольно прибавили шаг. Под ногами неприятно захрустело.

— Что-то мне это напоминает... — бормотал себе под нос Рон. — Ты уверен, что мы тут не напоремся на очередного василиска?

— Понятия не имею, — свистящим шёпотом откликнулся Гарри. — Не должны бы... Думаю, домашние эльфы нас бы предупредили, если бы тут было опасно...

— Ха! Судя по Добби, у них довольно странные понятия об опасности и безопасности...

— Ладно, в любом случае... Похоже, мы куда-то пришли.

Коридор упёрся в массивную двустворчатую дверь, испещрённую странными надписями, — нечто подобное Гарри довелось видеть на эльфийском торжестве. Он нерешительно поднял руку и коснулся тёмной от времени поверхности кончиками пальцев. Как ни странно, дверь едва заметно дрогнула и тут же начала открываться, медленно и удивительно бесшумно. На всякий случай шагнув назад и приготовив волшебные палочки, Гарри и Рон замерли в напряжённом ожидании. Наконец между створками появилась щель, сквозь неё тут же выстрелил сноп яркого света — он ударил Гарри в глаза, заставив зажмуриться и охнуть.

— Это ещё что за?..

— Где? — раздался удивлённый голос Рона.

— Разве ты... — пытаясь проморгаться, Гарри повернулся к Рону и замолчал: друг удивлённо крутил головой и, судя по всему, действительно ничего странного вокруг не замечал. — Разве ты...

— Да в чём дело? — напрягся Рон.

Гарри умолк. Всё разом стало понятно. Двери наконец-то замедлили своё бесшумное скольжение и распахнулись настежь. За ними простёрся огромный зал, залитый ярким, переливающимся светом. Неестественно-голубые блики играли на полу и вздымающихся вверх колоннах, созданных, казалось, из воды — Гарри даже машинально напряг слух, ожидая услышать плеск и шум водопада. Однако царила полная тишина — разве что его собственное сердце стучало в ушах, да взволнованно сопел рядом Рон. Гарри повернулся — по лицу друга тоже скользили эти диковинные синесолнечные зайчики. Слово ничего не замечая, Рон недоумённо крутил головой и прищуривался.

— Ты что-нибудь видишь, а? Темно-то как... — он поднял повыше свою волшебную палочку. — Lumos!

Ни зги, не видать, гоблин их подери — на факелах экономят, что ли?.. — Рон двинулся вперёд, но не успел пересечь порог, как, движимый каким-то странным внутренним порывом, Гарри резко шагнул перед ним, загородив дорогу.

— Стой! Дальше я пойду один.

— Какого?..

— Рон, я... я просто так чувствую — тебе нельзя идти вперёд...

— Да почему же? — упорствовал Рон. — Гарри, ты опять за своё? Можешь ты объяснить человеческим языком?! Куда тебя понесёт одного в такую темноту?!

— Там не темнота... понимаешь — там... — сияние в зале стало ярче, будто одобряя решение Гарри.

— Да что там, что?! — Рон нетерпеливо пихнул Гарри в грудь, тот оступился, качнувшись назад — и пересёк порог.

На первый взгляд ничего не изменилось: Рон по-прежнему стоял перед ним, жестикулируя и шевеля губами, вот только Гарри его голоса больше не слышал. Это продолжалось только мгновение: до того мига, как Рон вдруг осознал, что Гарри рядом больше нет; а Гарри увидел, как глаза друга широко распахнулись, Рон безумно закрутил головой, крикнул, потом взмахнул рукой, произнося заклинание, — волшебная палочка в его руках засветилась ярче.

...Lumos! Гарри!!! Гарри!!! — прочиталось по губам. — Гарри, где ты?!

Что такое?

— Эй, Рон, я... — Гарри поднял руку, чтобы тронуть друга за плечо, но пальцы наткнулись на что-то упругое.

Стена?..

...Гарри, ты где?!

Рон рванулся вперёд, но Гарри уже знал — без толку. Натолкнувшись на барьер, Рон повёл ладонями по разделившей их невидимой поверхности, на лице его отразилось недоумение, сменившееся упрямой решимостью. Он снова замахал палочкой — с её конца сорвался снап искр, рассыпавшись странным разноцветным салютом — и Рона отбросило назад.

— Рон, не надо! Это бесполезно! — крикнул Гарри, заранее понимая бессмысленность всяких слов, — как он не слышал происходящего по ту сторону стены, так, наверняка, и Рон сейчас не слышал его. Рон вернулся, снова что-то крикнул — снова вспышка, и Гарри почувствовал, как пол под ногами слегка содрогнулся.

— Рон!.. Прекрати!

Свет за спиной запульсировал, Гарри внезапно ощутил его физически — странное чувство, будто в тело вливалась некая субстанция, согревая его и заставляя светиться изнутри.

...Как тепло... — Гарри взглянул на свои руки — казалось, свечение начало исходить и от них. Он ещё раз взглянул на мечущегося за барьером друга, ещё раз неуверенно тронул разгораживающую их стену и повернулся. — *Всё правильно. Дальше я должен идти один...*

Он нерешительно шагнул вперёд — и в тот же миг зал будто ожил: пространство легонько закачалось вокруг вздрогнувшим на волне кораблём, послышался странный рокот, словно где-то далеко бесновалась гроза. Колонны мрежились как множество деревьев озёрной рощи, вырастающих из воды. Не то базилика, не то аббатская церковь, но стояла она будто вверх ногами, потому что свет, облизывающий капители, сияющие в тени высоких сводов, шёл не сверху, а от мерцающего, будто водяного, пола, отражающего зыбучие переливы. Свет становился всё ярче, однако глаз больше не жёг, обратившись несущим в нужном направлении тёплым послушным потоком. Гарри сделал несколько неуверенных шагов, почувствовал под ногами ступеньку. Ещё одну... Он полу-плыл — полу-

шагал вверх, послушно ведомый к неизвестной цели, и сердце его наполнялось странным чувством — то ли весь мир входил в него, то ли сам он растворялся в мире... Из света вылепилась, качаясь, переливающаяся голубоватым пламенем сфера, и Гарри, словно во сне, медленно поднял руку, коснувшись её поверхности. В тот же миг слова сами собой возникли в его разуму: «Восстань из недр».

— Восстань из недр... — едва слышным шёпотом повторил Гарри. — Пробудись ото сна, восстань из недр...

В тот же миг пространство вокруг снова содрогнулось, на миг Гарри показалось, будто верх и низ поменялись местами; он попытался схватиться за что-нибудь руками, но вокруг был только свет... Свет, который обволакивал, свет, который теперь нёс его вниз, плавно покачивая.

Стена расступилась перед ним, едва Гарри протянул руку.

— ...твою, я всё равно через тебя прорвусь! — услышал он мрачное рычание Рона. — Explosio!

Гарри спасла только хорошая реакция: он успел рухнуть на пол и откатиться в сторону до того, как закливание сорвалось с волшебной палочки. Когда дым рассеялся, а искры погасли, Гарри открыл глаза. На него задумчиво смотрел пустыми глазницами треснувший крысиный череп.

— Получилось! — радостно сообщил Рон, плюхаясь рядом и хлопая Гарри по спине и плечам. — Ей-богу, получилось! Я тебя вытащил!

— Что ты там говорил раньше про матушку Мерлина? — дрожащим голосом поинтересовался Гарри. — Ты ж меня чуть не прикончил, придурок! Каких-нибудь пять дюймов — и ты бы сейчас собирал мои мозги по всему коридору!

— Но эта стена... Она тебя засосала, и я... — Рон посмотрел на Гарри, потом на свою волшебную палочку, поскреб ей в затылке, не замечая, что от этого волосы на голове поменяли цвет на ярко-пурпурный.

— Пойдём обратно, — поднимаясь на ноги и отряхиваясь, произнёс Гарри. — И — умоляю! Заклинаю тебя, Рон! — никакой инициативы! Мерлиновой мамой прошу!

* * *

Шерсть поднялась на загривке белого пса, и он зарчал. Запах... знакомый запах, от которого адреналин вскипал в крови, а раскалённый добела гнев прожигал вены. Он снова ткнулся мордой в едва присыпанную свежим снегом траву и шумно принялся.

...Сутки... или двое... Он был здесь... А вот ещё один след... более старый... Он ходит сюда — часто. Здесь я и буду его ждать... Но он осторожен... он учует меня...

Пёс задрал голову к небу, понюхал воздух, пристально посмотрел на низкие тучи.

К вечеру начнётся снегопад. Это хорошо — следы присыплет... Мне надо найти место для засады...

Стараясь оставлять как можно меньше следов, он обошёл небольшую полянку, попутно выяснив, что враг приходил сюда не просто так: запах человека, следы, идущие со стороны замка.

И ведь не бояться... Впрочем, в чём-чём, а в трусости их упрекнуть нельзя...

Сразу за поляной была небольшая ложбинка. Пёс нырнул в неё, высунул голову, прикидывая, насколько удобна она для того, что он задумал. Внезапно он изо всех сил оттолкнулся от земли и с лёгкостью пересёк поляну одним прыжком.

Отлично. Он не успеет даже дёрнуться, как я вцеплюсь ему в горло. Мы ещё побеседуем по душам, мой старый друг... Братец Лис... Господин Люциус Малfoy.

Глава семнадцатая, в которой мы в очередной раз убеждаемся в недостоверности пророчеств, опять играем в квиддич, а также присутствуем при нескольких похищениях.

— Отлично, мисс Грин, три очка Гриффиндору. А теперь поведайте нам о гаданиях при помощи чисел и об основных предрассудках в отношении оных, — профессор Трелани вынырнула из клуба ароматного дыма и сквозь очки воззрилась на Дженнифер печальными стрекозиными глазами.

Гриффиндорка почувствовала, как у неё засосало под ложечкой: всё, что сейчас крутилось в голове, было связано исключительно с предрассудком относительно числа тринадцать. Для этого страха был даже специальный греческий термин «triskaidekaphobia» — это дикое слово было производным от греческого «тринадцать», но в нём слышалось нечто вроде иррационального страха отравиться треской в привокзальной закуской Хогсмиде. На этом познания в области числовых гаданий заканчивались: вчера вечером вместо того, чтобы учить, она сочиняла очередную оду — признать, больше по привычке: вспомнив, как он целовался с ней, она тут же скомкала пергамент и безжалостной рукой отправила в огонь. Чтобы спустя пару минут начать набело на новом листе...

...Я ничего не могу с собой поделать...

Дженнифер шмыгнула носом и умоляюще покосилась на сидящего рядом Кевина Сторма. Тот уже давно подавал ей знаки: опустив глаза, она увидела наспех набросанные тезисы.

— К основным видам числовых гаданий относятся... — неуверенно начала Дженнифер, с трудом разбирая торопливые каракули Кевина, и без того не отличавшегося каллиграфическим почерком.

Трелани снова погрузилась в прострацию, благоклонно кивая в такт её словам.

— Прелестно, прелестно... — голос становился всё глуше и невнятней: похоже, путешествие в глубины собственного подсознания увлекло её несколько дальше обычного, ибо, когда Дженнифер с грехом пополам всё-таки закончила, профессор Прорицаний даже глазом не моргнула, мысленно бороздя бесконечность вселенной.

— Нормально, — кивнула Треиси, — только в формуле ошиблась, тут надо день недели ставить в первое числовое выражение... А возраст в месяцах подставлять сюда...

— Прелестно! — внезапно встрепенулась Трелани, заставив всех вздрогнуть. — Давайте посмотрим, что ждёт вас сегодня вечером: краткосрочные прогнозы всегда самые достоверные. Итак, повторите формулу...

Дженнифер напряглась: Кевин написал одно, Треиси шептала другое... С грехом пополам, она сумела что-то изобразить.

— Ну-с, прочитайте ваше предсказание... — Трелани закуталась в многослойную шаль, обхватив себя за плечи, словно умирала от холода, хотя в башне было невообразимо жарко — помимо традиционно горящего камина в классе чадиле какие-то жаровни. От этого запаха кружилась голова, и мысли становились тяжёлыми и неповоротливыми, однако Трелани с несвойственной ей категоричностью заявила, что при помощи этих благовоний можно прояснить Внутреннее Око любого, даже самого не чувствительного к тонким материям студента.

Дженнифер открыла методичку, пробежала глазами по строчкам и мучительно покраснела.

— 13-2-46а. Се-сегодня удача на поприще любви будет вашей. Возможно внезапное соприкосновение с объектом ваших воздыханий... Всё в ваших руках — лишь вы в состоянии направить происходящее в интересующее вас русло...

Треиси рядом едва слышно закашляла, пытаясь скрыть неудержимый смех. Дженнифер покраснела ещё больше и умолкла.

— Прелестно, прелестно... — кивнула Трелани, ко-

торая, судя по всему, находилась в благостном расположении духа, ибо восприняла услышанное без обычного раздражения, какое обуревало её в отсутствие зловещих предзнаменований. — Пять очков Гриффиндору...

— Внезапное соприкосновение? — после урока Треиси дала выход неудержимому веселью. — Ну-ну. Кстати, ты в курсе, что у них сегодня после обеда тренировка?

— Я сама тебе об этом и сказала, — буркнула в ответ Дженнифер.

— Только не говори, будто помчишься туда, только потому что так выпало в этом дурацком предсказании, — Кевин взялся невесть откуда и теперь шёл рядом, демонстративно глядя в сторону. — Вот уж глупость-то... К тому же, ты всё равно неправильно подставила числа в формулу.

Дженнифер покраснела и ничего не ответила.

День перевалил за середину. Рон так и не появился на горизонте. Слово между прочим, Дженнифер заглянула в библиотеку — нет-нет, не подумайте плохого, ей действительно нужно было кое-что посмотреть по защите от Тёмных Искусств: Флёр задала преизрядный реферат по Тёмным Проклятьям первого уровня. И точно: рыжая голова Уизли виднелась из-за стопки учебников. Рядом, разумеется, сидели Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер. Дженнифер вздохнула, покосилась на часы — если она всё помнила правильно, то тренировка должна начаться через полчаса, а значит...

Не успела она закончить эту мысль, как Гарри хлопнул учебник и тоже посмотрел на часы:

— Рон, пора собираться, через полчаса нам надо быть на поле, а то придётся заканчивать тренировку в темноте...

— С другой стороны, нам это не мешает, — Рон откинулся на стуле и потянулся. — Один Мерлин знает, как может затянуться игра с этими... — он покосился на Гермиону и проглотил пару слов, — ...слизеринцами. Гермиона, неужели ты как патриотка своего факультета не сможешь мне с расчётом? Ведь я же не в догнялки иду играть, а биться за честь Гриффиндора до последней капли крови...

Дженнифер содрогнулась.

— И не подумаю, — не моргнув глазом, отрезала Гермиона. — На экзамене у тебя никто не будет спрашивать, кто победил в этой игре. Метод параллакса будет интересовать профессора Синистру куда больше, уж поверь... А что касается крови... Думаю, если сильно постараться, то, возможно, Снейп и пойдёт тебе навстречу.

— Но Гермиона... — Гарри просяще сложил руки и Рон, покосившись на друга, повторил его маневр. Лица их были столь скорбны, а позы — столь умоляющи, что Гермионы хватило от силы на пять секунд. Она прыснула.

— Хорошо. Я проверю твои каракули. Но лишь проверю. И не жди, что я буду что-то делать вместо тебя...

— Я тебя обожаю! — с видимой радостью отшвырнув перо, Уизли одним махом свёз чернильницу и книги в потрёпанную в боях сумку и поднялся. Троица покинула библиотеку и прошла мимо — Дженнифер едва успела заскочить за какую-то подходящую статую.

— ...Ещё этот послезавтрашний матч мне спать не даёт!

— Ох, Гарри, лучше б тебе не давала спать мысль о предрождественских тестах! Осталось всего две с половиной недели, а у тебя...

— Гермио-о-она... — провыл Рон, — заканчивай нервы трепать!

— Ничего подобного! Ты же мне обещал, что, если я помогу тебе с хвостами по Заклинаниям и Зельям, то

остальное ты нагонишь сам. И что?

— Вот уж воистину: никогда не оставляй в живых того, кто сделал тебе добро, чтобы ни у кого не быть в долгу, — перебил Рон. — Я нагоню, нагоню — я же тебе человеческим языком сказал! Вот выиграем у слизеринцев и...

— ...и у нас ещё будет почва для размышлений, — многозначительно перебила его Гермиона. — Правда, Гарри?

Они свернули за угол, голоса стихли. Дженнифер вылезла из своего убежища.

«Возможно внезапное соприкосновение с объектом ваших воздыханий».

...Вот ведь, глупость какая! Никуда я не пойду! Все эти прорицания — ерунда от начала до конца, к тому же я, кажется, всё же перепутала коэффициенты... И вообще — это просто унижительно — бегать за парнем, который уже целовался с другой девчонкой!

«Сегодня удача на поприще любви будет вашей...»

...Ну, может, я просто пойду прогуляюсь... Надо ещё почитать учебник по Гербологии... вот и проветрюсь, чтобы на свежую голову всё запомнить...

Дженнифер заскочила в спальню, схватила тёплую мантию, шапку и побежала к выходу.

— Куда это ты собралась? — уличающим тоном поинтересовалась Трейси, лежащая на кровати с книгой в руках.

— Я... я... — пойманная врасплох, Дженнифер залилась краской до корней волос. — Что-то голова болит, пойду воздухом подышу...

— Ну-ну, — хихикнула подруга. — А говоришь, будто не веришь в предсказания...

— Вот ещё! — Дженнифер в сердцах хлопнула дверью и побежала по лестнице.

Когда она вышла из замка, ноги сами собой понесли её в сторону высоких трибун и виднеющихся на фоне неба колец.

«Всё в ваших руках — лишь вы в состоянии направить происходящее в интересующее вас русло...»

...В конце концов, я могу идти, куда хочу, верно? И я просто гуляю — вот и всё... И вообще, я же патриотка своего факультета, правда? Я просто переживаю, как там у них обстоят дела... Могу я взглянуть на их тренировку? Ведь в этом нет ничего недозволенного...

Совесть и гордость оказались сговорчивыми: через четверть часа Дженнифер сидела с краешку на самой нижней трибуне, робко глядя в небо, где по кругу разминалась гриффиндорская команда.

«...Соприкосновение...» В каком смысле, а? — она покраснела. — «Всё в ваших руках»... Вот в этих?.. — она вытянула перед собой руки и недоверчиво взглянула на ладони. И в этот миг... Что-то звонко плюхнулось прямо в них, заставив вскрикнуть от боли и неожиданности. Кваффл.

— Стана, внимательней! — донёсся сверху голос Гарри. — Соберись! Давайте ещё раз!..

— Я за мячом!.. — от звука его голоса второклашка вздрогнула, и спустя мгновение Рон уже висел в воздухе в нескольких метрах перед ней. Дженнифер растерянно переводила взгляд с мяча на его раскрасневшееся лицо и обратно.

— Эй, кидай мяч! Не бойся, кидай сильнее! — подбодрил он Дженнифер, неправильно истолковав её колебания.

...Вот оно! «Лишь вы в состоянии направить происходящее в интересующее вас русло!»

— Хо...хорошо! — зажмурившись, она вложила в бросок всю силу своей неразделённой любви, и была тут же вознаграждена истошным воплем. Открыв глаза, Дженнифер увидела валяющуюся на снегу метлу и корчащегося рядом Рона.

Сверху донёсся хохот, и ей почудилось, будто сами небеса издевательски смеются над ней.

— Ха-а-арошая девочка... Влепила ему прямо по бладджерам... — отбивала Джефф Хупер показал ей сначала большой палец, потом кулак и склонился над завывающим сквозь зубы Роном.

Рядом приземлилась остальная команда. Парни хмыкали и передёргивали плечами, Джинни и Стана смущённо-сочувственно хихикали...

— Боже... Рон... — Стана легонько похлопала его по плечу, и от этого Рон покраснел ещё больше, поспав в сторону по-прежнему стоящей с поднятыми руками Дженнифер такой взгляд, что василиск бы умер от амфибиотрофной асфиксии⁶¹.

Спустя какое-то время он, наконец-то, смог глотнуть воздуха и встать на ноги:

— Эй, ты! У тебя против меня что-то личное, да? Или ты всех парней ненавидишь?!

Дженнифер почувствовала, как у неё подогнулись колени.

В голове закрутились обрывки фраз: «всё в ваших руках»... «соприкосновение с объектом воздыханий»... «направить всё в интересующее вас русло»...

Она всхлипнула и прикусила губу.

— Я же тебе говорил, что ты напутала в формуле, — раздался над ухом голос невесты откуда взявшегося Кевина Сторма. Дженнифер вздрогнула и повернулась. Одноклассник смотрел на неё совершенно непроницаемым взглядом. — Пойдём, я тебе объясню, где ты сделала ошибку.

Прислушиваясь к отрывистым командам, несущимся с неба, и звонким ударам по кваффлу, Дженнифер мысленно ещё раз попросила у Рона прощения и покорно поплелась следом.

* * *

Люциус Малфой задумчиво мыл руки. Он тёр и тёр их, не замечая, что кожа на костяшках уже покраснела; он вообще вряд ли отдавал сейчас отчёт в своих действиях — механически повторял одно и то же движение, глядя в одну точку. Если бы его в эту минуту увидели соратники, они бы сильно изменились в лице, изумившись как диковинному наряду их непосредственного начальника, так и нетипичному для него виду. Всегда безукоризненной одетый — с той лаконичной аристократической простотой, при мысли о стоимости которой захватывает дух; всегда спокойный, предельно собранный и готовый одновременно как к ядовитой усмешке, так и непосредственно к паре капель яда в кубок дорогому сотрапезнику, сейчас он являл полную противоположность самому себе. Растерянный, всклокоченный, с перепачканными зельями пальцами и чумазым лицом, в забрызганном и местами прожжённом рабочем халате — профессор Снейп рядом с ним выглядел бы образцом аккуратности и ухоженности⁶². Но главное — взгляд. Растерянный, остановившийся — абсолютно немалфоевский. Одним словом, увидь его сейчас Пожиратели Смерти, шансы остаться главой оных у Люциуса Малфоя снизились бы, причём весьма значительно.

У него за спиной, на каменном лабораторном столе подсыхала неаппетитно выглядящая жижа — это он в ярости опрокинул котёл, когда тесты показали, что, вместо того, чтобы приблизиться к искомому результату, он ушёл от него ещё дальше, а значит, догадки и предположения опять оказались неверны.

Чёрт!

Однако самым удручающим было даже не это — в конце концов, ошибки и препятствия никогда не могли заставить Малфоев опустить голову или же потерять присутствие духа, напротив, они вызывали хищный задор и желание выгрызть победу с кровью. Причём, желательнее — непосредственно из глотки противника, дабы сладость вожаемой победы усилить пьянящей сладостью вражеской крови. Увы, вся беда состояла

⁶¹ То есть его бы задавила жаба от зависти.

⁶² Разумеется, если не обращать внимания на его причёску. Впрочем, собранные в неопрятный конский хвост белоснежные волосы Люциуса тоже сейчас отнюдь не являли шедевр парикмахерского искусства.

в том, что все возможные пути как к победе, так и к глотке врага уже были прощупаны и проверены. Безрезультатно. Теперь Люциус просто не знал, куда двигаться дальше. Всё, что оставалось — менять стратегию, и начинать всё сначала, а на это уже почти не было времени.

Чёрт! Чёрт!!!

После недвусмысленного приказа Вольдеморта и хеллоуинского подарочка пришлось наследнику древнего рода отстегнуть от рукавов русалочки кружева, снять с ухоженных длинных пальцев драгоценные камешки и спуститься в давно забытую, однако всегда готовую к работе домашнюю лабораторию — даже огонь, зажжённый заботливыми лапками домашних эльфов, едва заметно трепетал рядом с батареей начищенных до солнечного блеска котлов всех размеров и фасонов. Рабочий халат, перчатки, собранные в хвост волосы — искоса глянув на себя в зеркало, Люциус спервоначалу даже ностальгически улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям о старых добрых временах.

Только что созданный Орден Пожирателей, экспериментальные пыточные зелья, Сывортка Боли, Экстракт Страха... *ах, молодость, молодость...*

Однако летели часы, день сменяла ночь, а за ночью снова приходил день — Малфой чётко выполнял последовательность приготовления зелья — о его точности при взвешивании компонентов ходили легенды ещё в школе: рукой он обладал на редкость твёрдой и уверенной. Однако же, как он ни старался, ничего не выходило: рука, никогда не дававшая промаха ни в стенах школьной лаборатории, ни в рабочей атмосфере тёмномагического подземелья — она внезапно подвела его. Ничего не получалось, независимо от того, сколько сил и усердия он вкладывал, прекрасно понимая: на второй чашечке крохотных весов, которыми он отвешивал смертельно ядовитые компоненты, покачивается его собственная жизнь.

И вот — всё. Смысла продолжать бесконечные опыты нет, он понял это ещё вчера, однако сегодня всё равно пришёл сюда — больше по инерции, чем действительно веря во внезапное озарение и успех.

А может... Конечно! Наверняка эти черномазые обезьяны сознательно утаили от меня один из этапов! — Малфой ссутулится над рукомойником и до судорог вцепился пальцами в серебряные бока. — Но тогда... можно даже пустить Имение с молотка и известить все деньги на эксперименты — я не получу никакого результата. Впрочем, — он мрачно усмехнулся, глядя в дно, на котором лениво поблёскивали капли, — я вряд ли доживу до этого душещипательного момента: Лорд шутить не будет...

За спиной, напоследок зашипев, погас под перевёрнутым котлом огонь, и Малфой вздрогнул. От этого невольного движения, тем не менее, мысли несколько поменяли направление.

— Что делать?.. Что делать... — заговорил он вслух, по-прежнему глядя в дно серебряного корыта, и голос от этого обрёл странное металлическое звучание. — Я в тупике. Определённо — у меня не осталось гуманитарных вариантов... Видимо, придётся браться за Северуса вплотную. Оттягивать больше нельзя... Иначе мне так оттянут... — зеркало робко кашлянуло, и дальнейшие размышления он продолжил про себя. — *Похищение. Из Хогвартса. Такое ответственное задание нельзя поручать рядовому и, тем более, нерядовому быдлу — узнай они цену, стоящую на кону, с радостью провалят задание, лишь бы от меня избавиться... Нет. Придётся всё делать самому... А это чертовски небезопасно...* — он озадаченно уставился на своё отражение в висащем над рукомойником зеркале.

— Сэр Люциус, у вас на скуле пятнышко, — механическим голосом отчеканило зеркало, решив не выходить за рамки прямых обязанностей. Такого лица у хозяина оно припомнить не могло, и от страха его поверхность пошла едва заметной рябью.

Малфой машинально потёр лицо, плеснул на лоб

водой, задумчиво поднёс к глазам руку. По ладони стекла блестящая, как комета, капля.

— Самому. Своими руками...

...Что такое?.. Я боюсь за свою шкуру? Отнюдь. Что есть человеческое существование, как не сеанс самогипноза с принудительным выводом из транс?.. К тому же, так или эдак — без этого зелья головы мне не сносить, ибо время уже на исходе, и в отсутствие результатов по истечению оно вручит мне Тёмный Лорд два жетона на экспресс в царство Аида, которые кладут путешественникам на глаза, — Малфой снова посмотрел в зеркало, будто прикидывая, как вышеуказанные предметы будут смотреться на его лице. — Как же это всё некстати...

— Пятнышко, мой господин, — робко повторило зеркало, и Люциус опять потёр рукой лоб. На губах внезапно промелькнула усмешка.

...Всё проще простого: скоро очередное дежурство Драко, — мозг работал чётко, как часы, — с ним пробраться в замок... Главное — сделать это в учебном корпусе — есть там один участочек... глухая зона, где каким-то странным образом сигнализация не видит заклинаний... Если вечером выманить его из лаборатории... Дальше уже задача для первокурсника: заклинание невидимости и левитации... Да, ничего крамольного — если они будут проверять, подумают на практикующихся в заклинаниях студентов. Чем проще план, тем меньше у него шансов провалиться.

Малфой ещё раз посмотрел на свою руку и сжал её в кулак.

— Отлично. Ну-с, друг наш, Северус... не пришла ли пора взять тебя за колбы, а? И покрепче...

— Так точно, сэр Люциус, — пролепетало зеркало, не веря собственным глазам: хозяин вновь обрёл привычное спокойствие и самообладание.

Малфой мрачно усмехнулся и, не повернувшись более к растерзанному столу, стряхнул с плеч рабочий халат. Закутавшись в темноту, как в мантию, вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

* * *

В ночь накануне матча плохо спали почти все участники грядущих спортивных событий. Однако надо заметить, причины на то у всех были разные: Рон, например, нервничал настолько, что, едва закрывал глаза, как ему казалось, будто кровать под ним проваливается и с дикой скоростью падает в бездонную пропасть. Гарри, нервная система которого сейчас напоминала крупнодырчатое сито, постанывал во сне и вертелся — словно не на простынях, а на раскалённой сковороде. Снилось ему... Впрочем, о снах Гарри мы ещё поговорим. Стана нервно дремала в ожидании еженощного прихода Виктора, вздрагивая от каждого шороха и скрипа. Колину снилась игра — он размахивал руками и едва слышно бормотал, требуя от Дениса передачи «на ход». Деннису... нет, пожалуй, сон Дениса мы из скромности опустим: могу только сказать, не вдаваясь в подробности, что спалось ему тоже неважно. Джефф Хупер переел за ужином и теперь маялся животом... Джинни и вовсе не спала, сладко потягиваясь и в сотый раз смакуя подробности свидания с Майклом, который наконец-то признался ей в любви.

Один Эндрю Кирк трубно храпел — и ему вторили нежным дребезжаньем оконные стёкла.

У слизеринцев причин для бессонницы тоже хватало: в этот полуночный час несколько человек ещё сидели в гостиной и о чём-то сосредоточенно шушукались... Услышь их сейчас кто-нибудь из гриффиндорцев, поверьте моему слову — сон бы у них и вовсе отбыло. Разом.

— Где Рон, чёрт бы его побрал?! Где этот Рон?! — Гарри метался по раздевалке, хватаясь то за сердце, то за голову. — До игры осталось пять минут, куда он подевался?!

Остальные члены гриффиндорской команды сидели опутанные, как паутины, сетью льющихся через окно солнечных лучей и чувствовали, как она вместе с ними вздрагивает — будто бы в такт ударам паучьего сердца. Снег искрился на стадионе, и под лазурно-золотым небом трибуны, расписанные в факультетские цвета, выглядели совершенно по-карнавальному. В раздевалке же царило самое похоронное настроение.

— Мы вышли вместе, — не поднимая глаз от пола, ответила Стана, — но потом он вдруг сунул руку в карман, хлопнул себя по лбу, будто что-то вспомнил и сказал, что ему надо на минуточку вернуться.

— Он сегодня с утра такой дёрганый, — покачал головой Деннис, — может, у него живот от волнения прихватило или ещё что...

— Самое время, — пробурчал Хупер, не оставшийся равнодушным к собрату по несчастью. — Сказал бы мне — я бы ему помог: сам промаялся всю ночь и утро, пришлось взять с собой полный карман Противопоносных Пастилок... — Стана уставилась на него круглыми глазами, и Джефф, сообразив, что поделился с общественностью информацией, без которой та вполне могла бы обойтись, выронил биты и смущённо умолк.

— Слизеринцы уже на поле, — тусклым голосом сообщил Колин Криви, без отрыва смотрящий в окно. Для него минуты ползли так мучительно, что за время ожидания уже миновала целая вечность и даже облака по небу пошли по второму разу — они уже проплывали здесь когда-то раньше: словно новых больше не осталось и всё теперь будет повторяться сначала. Он не замечал, что ногти на стиснувших метлу пальцах окаймелись голубыми дугами, а сами пальцы побелели. — Разминаются, гады...

— Ну, что делать будем? — тихо спросила Стана.

— С Роном? — уточнил Гарри, которому разум услужливо подсовывал разнообразные и весьма красочные идеи, однако все они были какие-то кровожадные, и его сердце пацифиста с разумом соглашаться категорически не желало.

— Что делать с ним — как раз понятно, — мрачно перекинул биты из одной руки в другую второй гриффиндорский отбивала.

— Эндрю!.. — всплеснула руками Стана, однако по голосу сложно было понять, хочет ли она избавиться Узли от уготованной ему участи, или же считает оную слишком мягкой.

Гарри сосредоточенно вцепился в ноготь и нахмурился, мысленно прокручивая варианты.

Однозначно: за счёт охотников ворота прикрывать нельзя — каждый дополнительный гол нужен был Гриффиндору, как воздух, без ловца команду оставить тем более нельзя... может, кого-нибудь из отбивал? Но тогда, получается, прикрывать хрупких, хотя и вёртких охотников, придётся либо одному Джеффу, либо одному Эндрю, а что один, что другой были не слишком быстрыми... не говоря уж о том, что придётся отработать полную игру за двоих... нет, всё это невозможно. А значит остаётся только один вариант...

— Ставим на ворота Джинни, — решительно заявил он.

— Ты с ума сошёл, — замотал головой Колин, — слизеринцы сделают из неё отбивную! Ты забыл бросок Нотта? От него даже парни в кольца влетают!

— Джинни очень ловкая, и руки у неё цепкие. Она не рискует понапрасну: под удар не лезет, но и не зевает. И потом, боюсь, выбора у нас нет: тактику на эту игру мы отработали практически без неё, все находки держали в строгом секрете — за пять минут мы не успеем ввести её в курс дела — ставить нового человека на активную позицию нельзя. Стана, сходи за ней!..

В этот момент дверь распахнулась. Сопровождаемый знопом солнечных лучей и клубом белоснежного морозного пара, внутрь ввалился кутающийся в какую-то куцую тряпицу взмыленный и красный, как свёкла, Рон. Не дав остальным и рта раскрыть, он хрипло пробормотал «Извините — проблемы — я мигом!» и, пряча глаза, метнулся в раздевалку. Поднятая единым возмущённым порывом, команда ворвалась следом.

Полуголый, Рон прыгал на одной ноге, натягивая на себя штаны. Представ в таком малособлазнительном виде перед пламенеющими от гнева соратниками, он издал крик лосося во время брачного периода и судорожно прикрылся.

— Ты что — обалдел?! Нашёл время опаздывать! Нам сейчас засчитают поражение за неявку!!!

— Я... простите, я потом всё объясню, — Рон попытался спрятаться за дверцей шкафчика.

Снаружи донёсся свисток.

— Быстро! Выходим! А с тобой, — Гарри послал Рону убийственный взгляд, — я после матча поговорю. — Соберись!

— Хорошо-хорошо, — торопливо закивал Рон.

За командой закрылась дверь. Он на миг замер, судорожно зажмурившись. Потом решительно замотал головой, трясущимися пальцами застегнул протекторы, взял метлу и на негнущихся ногах пошёл на поле.

* * *

Замок почти опустел — все поспешили на стадион едва ли не сразу же после завтрака, стремясь занять лучшие места. Дженнифер задержалась — во-первых, ей не хотелось в очередной раз выслушивать насмешки Кевина и Трейси по поводу и без (они и так вчера раза три предложили ей переночевать на трибуне или во время матча стать почётным караулом у изножья гриффиндорских колец), во-вторых... Во-вторых — если честно, она, робея, ещё утром попросила Гермиону занять, когда та пойдёт на поле, местечко и для неё. Староста внимательно посмотрела на второклассницу и молча кивнула. Дженнифер была ей крайне признательна за отсутствие вопросов, усмешек и многозначительно приподнятых бровей. Гермиона, в отличие от некоторых, девушкой была деликатной и чужие чувства уважала.

До матча оставалось чуть больше четверти часа, и Дженнифер заторопилась на стадион, отправившись не по обычной дороге, а коротким путём — под горку, а потом напролом через кусты, вечно норвящие выцарапать глаза. И...

Сначала она не сообразила, что происходит, — настолько, что едва не подошла и не спросила, в чём дело. Лишь звук глухих ударов, чертыхания и вскрик навели на мысли, что, похоже, на её глазах имеет место быть нечто весьма и весьма странное. А потом... Дженнифер присмотрелась, ахнула и, отпрыгнув в сторону, затаилась за кучей валежника, зажимая себе рот.

Всё было конечно буквально за несколько минут: Рон, пусть даже рослый и ловкий, ничего не мог поделать против внезапно накинущихся на него пятерых или шестерых слизеринцев: успев сунуть им пару раз по зубам и пару раз — под дых, он рухнул в разом покрасневший тёплый снег.

— Отлично, — голос из-под капюшона звучал глухо, а лица Дженнифер из своего убежища разглядеть не могла. Единственное — голос был мужской. — Понесли!

— Зачем нести? — надменный чуть хрипловатый голос несомненно принадлежал девушке. — Иногда мне кажется, что у тебя удельная масса мозга в черепной коробке совпадает с количеством прожитых лет. Удивительно, как ты вообще ухитрился доучиться до седьмого курса... Mobilicorpus! Накиньте ему на голову капюшон и окружите со всех сторон...

— Всё равно в школе никого нет — все на трибунах... — плотная группка людей в мантиях направилась в сторону Хогвартса, сейчас кажущегося ещё более древним на фоне пронзительно-юной небесной лазури. Колыхавшегося в середине Рона можно было принять за спешившего на матч студента, некстати поскользнувшегося и ударившегося головой, которого толпа сердобольных товарищей сопровождала в лазарет. И то, если сильно присмотреться.

Затаив дыхание, Дженнифер выбралась на место преступления. Залитый кровью утопанный снег, вби-

тая в розовое пятно прядь волос, сияющая отчаянной медью в лучах декабрьского солнца. Похолодев от ужаса, девочка присела, сжала их в кулачке и будто обрела от этого решимость. В глазах её вспыхнули отчаянные искорки.

Злоумышленники торопились к школе, а гриффиндорка кралась следом, совершенно не задумываясь о том, что может произойти, если её всё-таки заметят. Сейчас ничего не имело значения кроме одного: её Рона похитили враги! Более того: если откинуть личные мотивы и рассмотреть ситуацию в глобальном масштабе, всё обстоит куда хуже: перед началом матча украл вратаря, обрекая Гриффиндор на неминуемое поражение!

Войдя в замок, похитители бегом направились в сторону учебного крыла.

...Конечно! Сегодня же там никого нет — разве что пара каких-нибудь двоечников, которых преподаватели решили наказать за неусердие. Рона вряд ли найдут до завтрашнего дня! — трепеща от отчаянного страха и не менее отчаянной решимости идти до конца, Дженнифер бесшумно кралась вдоль стены, где тень лежала гуще. — *Что же делать?!*

Ответ пришёл сам собой: для начала — узнать, куда волокут Рона и, главное, — зачем. Это выяснилось довольно быстро: едва спустившись в подземелье, где студенты по будним дням наслаждались дивным общением с профессором Снейпом и его разнообразными зельями, таинственные похитители распахнули чулан, втолкнули туда бесчувственно висящее в воздухе тело и, оставив на часах самого рослого и крепкого, разбежались, так и не сняв капюшонов.

Дженнифер застонала от отчаяния — она-то надеялась... Хотя... Глупо было рассчитывать на лёгкую удачу: слизеринцы — они и в Африке слизеринцы. Теперь предстояло каким-то образом не сорвать матч (она не сомневалась, что Гриффиндору первым делом засчитают поражение за неявку команды, и потом придётся изрядно повозиться, чтобы опротестовать результаты) и вернуть Рона на поле. Она посмотрела на часы и беззвучно застонала.

Что делать?! Что же делать?!

Дженнифер прильнула лбом к холодному камню и изо всех сил зажмурилась, будто это помогло бы ей сосредоточиться. Внезапно внимание привлекли негромкие голоса, доносящиеся из-за двери лаборатории, рядом с которой она и предавалась отчаянию.

— Ну, как? — уныло спросил первый голос.

— Получилось... Ей-богу, получилось! — возликовал второй. — Всё точно по описанию — осталось только испытать. Ну, что, ты в меня или я в тебя?

У Дженнифер от неожиданной постановки вопроса перехватило дыхание, она почувствовала, как заливается краской до самого затылка. Почему-то особенно напрягала мысль, что оба голоса были мужские.

— Я в тебя? Ха-ха, — брюзгливо закашлял первый. — Когда подражаешь золоту, в золото не превращаешься, когда подражаешь нечисти, превращаешься в нечисть. Не хочу.

— Типа — пошутил, — не обиделся второй.

— Больно оно противное, — пробурчал первый голос. — Давай лучше ты в меня... И тогда зачёт по Многосущному зелью, считай, у нас в кармане...

Ноги у Дженнифер подогнулись, она покраснела ещё сильнее и с шёпотом «дура-дура» стукнула себя кулаком в лоб.

— Ну, тогда давай, выдерни-ка у себя пару волос...

— Ай! Больно же!..

Многосущное зелье? Пару... волос?

Дженнифер показала, будто в неё ударила молния. Сердце на миг остановилось, чтобы тут же забиться с утроенной скоростью. Девочка разжала кулак, взглянула на волосы Рона — они казались красно-золотыми даже в полумраке подземелья — не раздумывая, рванула двери лаборатории и влетела внутрь.

За крайним столом над ещё дымящимся котлом

склонились незнакомые ей студенты, судя по цветам виднеющихся из-под рабочих мантий галстуков — хаффлпаффы. Один из них держал в руке стакан с неаппетитно выглядящей и ещё менее аппетитно пахнущей бурой жижой.

— Э-э?... — вопросительно воззрились они на ворвавшуюся в класс девочку с безумными глазами.

Ничего не поясняя, гриффиндорка выхватила стакан и молча кинулась к двери, оставив их растерянно разевать рты.

Дальше всё было просто. Да и, похоже, сама судьба наконец-то смилостивилась, решив вознаградить второкурсницу Гриффиндора Дженнифер Грин за смелость и внезапно обнаруженную способность к нестандартному мышлению: вылетев в холл, Дженнифер наскочила на идущего к выходу Кевина.

— Быстро... несколько человек... подземелья... чулан... Узли... — он едва ли что-нибудь понял по её сбивчивой речи.

— Что? Дженни, что с тобой? — мальчик взглянул на стакан в её руке, потом с подозрением принялся. — Что произошло? Чего ты наелась?

— Кевин. Слизеринцы похитили... Рона Узли...

При звуке этого имени лицо Кевина приняло отсутствующее выражение. Он ещё раз многозначительно посмотрел на стакан в руке одноклассницы, выразительно дёрнул бровями и собрался продолжить свой путь:

— Слушай, ты бы занялась делом каким, что ли... Снимаю сглаз, вешаю на уши — неужели снова увлеклась Прорицанием? Так ты точно скоро свихнёшься от своей любви.

— Кевин! Ты дурак!!! — голос Дженнифер сорвался, вонзившись ему в уши. Он поморщился. — Не веришь — посмотри сам: игра ещё не началась. И не начнётся. Потому что в отсутствие вратаря нам просто засчитают поражение. Рон заперт в чулане — я видела, как на него напали, оглушили и притащили в замок. Третья дверь после малой лаборатории зельеварения. На часах — здоровенный жлоб, так что собери несколько человек...

Кевин посмотрел на Дженнифер. Её потряхивало, лицо было смертельно бледным, будто она только что увидела привидение⁶³. Но в глазах её горел странный огонь — не безумия, нет. Отчаянной решимости. И тут Кевин поверил. Поверил настолько, что даже не стал выходить из замка, чтобы убедиться в правоте её слов.

— А ты? — спросил он.

— А я — на поле. Он, скорее всего, без сознания — приведите его в чувство и волоките на стадион, махнёшь шарфом с холма — команда возьмёт тайм-аут, и мы поменяемся... И помни — у нас есть максимум час! Всё! Побежала!

Она исчезла до того, как Кевин вдумался в смысл фразы «мы поменяемся».

— Чёрт... Неужели эта бешеная девчонка... — он с недоверчивым восхищением покачал головой. Потом, очнувшись, взглянул на часы и со всех ног помчался в сторону библиотеки — уж если кого сейчас и можно было найти в замке, то только там, а уж никак не в гриффиндорской башне: все как один, студенты Гриффиндора отправились болеть за свою команду. — Она сумасшедшая... Она просто чокнутая...

* * *

Наверное, каждому хоть раз в жизни, да снился этот жуткий кошмар — публичное выступление или экзамен: толпа пристально взирающих на тебя людей, гробовая тишина в ожидании твоих слов. И — страшная пустота в голове вкупе с полным непониманием, чего от тебя ждут и что же делать. Хромными улитками пол-

⁶³ Нет, пожалуй, для студентов Хогвартса такое сравнение неуместно: что для них может быть обыденнее встречи с привидением?

зут минуты, люди всё напряжённой ждут, а ты всё молчишь; и вот — тянуть больше нельзя, а сосущий под ложечкой ужас и стыд начинает растекаться по телу, словно яд... Просыпаясь после такого сновидения, испытываешь неизъяснимое блаженство.

Вот и Дженнифер сейчас больше всего на свете хотела проснуться и обнаружить, что и этот кусающий щёки морозный ветер, и доносящий истощный рёв собравшихся на трибунах (ей слышалось нечто вроде бесконечного монотонного «за-а-а-а...»), и мелькающие перед глазами разноцветные мантии игроков — всё это просто ночной кошмар. Который растворится, едва она откроет глаза. Но...

Невесть откуда прямо перед ней вынырнул игрок в зелёной мантии — взмах рукой...

Зажмурившись, она дёрнула метлу, кинувшись под удар — мяч больно ударил в грудь, едва не выбив из неё дух. Кваффл тут же подхватил Деннис и спустя мгновение растворился в прозрачном зимнем воздухе — придя в себя, Дженнифер увидела суету уже у слизеринских колец на противоположной половине поля.

Она вытащила из кармана часы — прошло только десять минут. Десять минут, за которые она пропустила три мяча. Правда, надо заметить, столько же и отбила (последнее — по чистой случайности: не столько она оказывалась на пути кваффла, сколько кваффл летел именно туда, где находилась она). Дженнифер с тоской посмотрела в сторону Хогвартса. Между замком и стадионом раскинулась белоснежная равнина без всяких признаков жизни. Ей захотелось заплакать. Теперь план, казавшийся верхом находчивости, предстал совсем в ином свете.

«За-а-а-а...» стало громче, порыв ветра донёс слова комментатора «...Патрисия Стимсон по правому флангу... бросок...» — Дженнифер так и не поняла, откуда перед ней снова вынырнул слизеринский охотник: короткий замах — она метнулась к правому кольцу, чтобы на подороги понять, что это был всего лишь обманный манёвр: кваффл со свистом пролетел в левое.

— Рон, что с тобой? — Колин сделал над ней вираж и тут же снова умчался.

Слёзы сами собой брызнули из глаз, и Дженнифер вытерла их шершавой кожаной перчаткой: с трибун квиддич казался чем-то удивительно воздушным, лёгким и кружевным; игроки будто исполняли танец, двигаясь по заранее оговоренным траекториям и пересекаясь в условленных точках — они понимали друг друга без слов, словно обладали единым сознанием. И только оказавшись на поле, Дженнифер осознала, какие за этим стояли труд и интуиция. Да что там труд — она просто не успевала следить за происходящим: разноцветными вспышками — вжик! вжик! — игроки Гриффиндора и Слизерина пролетали мимо, доносились глухие удары бит, гул летающих туда-сюда бладджеров, отрывистые крики... Кваффл же обнаружил себя лишь в самый последний момент — уже почти влетая в кольцо. Вот как сейчас — он возник будто из пустоты, махом закрыв собой полнеба...

— Пятьдесят — двадцать!

Снова безумный рёв, ликующая слизеринская трибуна, что-то кричащий ей Гарри Поттер, отчаянно жестикующие братья Криви...

Дженнифер прикусила губу.

Пролетевшая мимо Стана послала убийственный взгляд — будь на месте Дженнифер Рон, он бы немедленно покончил с собой — прямо не уходя с поля. К несчастью или к счастью, Рон в данный момент находился совсем в другом месте...

...Схватка была короткой и победоносной: увидев перед собой многократно превосходящие силы противника, стоящий на часах слизеринец испарился во мгновение ока, продемонстрировав удивительную для своей комплекции скорость и вёрткость. А вот с Роном всё пошло не совсем гладко: приведённый в чувство при помощи заклинания, он не сразу сообразил, что проис-

ходит, а потому Робби Хейману и Стиву Марчбэнксу (друзья Кевина из Равенкло по чудесному стечению обстоятельств сидели в библиотеке — Кевин в паре слов обрисовал им ситуацию, взяв клятву на крови о неразглашении) пришлось несладко: едва открыв глаза, Уизли первым делом взмахнул руками, а потом только начал выяснять, что же тут, мантикраб вас тра-та-та, происходит. Кевин высочил вперёд: увидев смутно знакомое лицо и гриффиндорские цвета, Рон озадаченно замер с уже занесённым в воздух увесистым кулаком.

Короткое объяснение, взгляд на часы...

— Матч!!! Его отменили?! Нас дисквалифицировали?! — Рон сорвался с места и, вновь расшвыряв едва поднявшихся на ноги равенкловцев, рванул к лестнице.

— Игра идёт! — Кевин прикладывал все усилия, чтобы не отстать, что при разнице в росте и длине ног представляло невообразимо сложную задачу: одним шагом Рон преодолевал чуть ли не полдюжины ступеней.

— Кто на воротах?

— Я... я не знаю... — соврал Кевин, с внезапным ужасом подумав о Дженнифер и том, что той сейчас придётся переживать.

Рон выругался так, что у мальчика вспыхнули уши. С грохотом распахнулась тяжёлая дверь — Кевин даже испугался, что Уизли сорвал её с петель — солнце и мороз ударили им в лица. Когда второклассник проморгался, Рон уже спускался с холма.

Кевин остановился и прищурился — в воздухе над стадионом мелькали едва видимые разноцветные точки.

...Только бы Дженнифер... Только бы она... Только бы с ней ничего не... Сумасшедшая девчонка, — ещё раз подумал он. — Просто ненормальная. Неужели она действительно так влюблена в этого рыжего?..

Он добрался до холма и, стянув с шеи полосатый гриффиндорский шарф, принялся им размахивать. Спустя примерно пять минут, когда уже обе руки, запыленные, грозили отвалиться, мельтешение в воздухе прекратилось: гриффиндорцы взяли тайм-аут.

— Рон, какого чёрта?! Где твои глаза?! — щёки Гарри горели то ли от мороза, то ли от гнева. — Что с тобой происходит? Ты заболел?

— Я тебя не узнаю, — Стана тревожно смотрела на Дженнифер, поправляя выбившиеся из-под шапки взмокшие волосы. — Рон?..

— Я сейчас... — едва приземлившись, Дженнифер со всех ног припустила в сторону раздевалки.

Слизеринцы проводили её звонким улюлюканьем.

— Уизли, что — с перепугу полные штаны навалил, да?

— Беги быстрее, а то не донесёшь! — Малфой издевательски присвистнул. Поводов для ликования хватало — ещё и часа игры не прошло, а разрыв составлял уже больше полсотни очков. Поймай они сейчас снитч, о дальнейшей судьбе школьного кубка можно уже было практически не волноваться — даже несмотря на то, что, как ни странно, уловка не сработала, и соперник таки вышел на игру полным составом.

...Я ещё разберусь с этим МакДугалом, — мстительно сплюнул в снег Драко. — Обещал же, что всё пройдёт как по маслу: откуда тогда тут Уизли?! Правда, сегодня этот придурок играет так, что, в принципе...

Едва вбежав в раздевалку, Дженнифер начала судорожно сдирать с себя спортивную амуницию. Рон ввалился почти сразу за ней, едва не выбив дверь. На миг оторопев⁶⁴, он начал молча натягивать подаваемую ею форму. Через две минуты настоящий Рон Уизли стоял у дверей с метлой в руках.

— Счёт? — коротко спросил он.

— Сто — сорок, — мучительно покраснев, ответил, прячась за открытую дверцу шкафчика, его голый двойник.

⁶⁴ И не мудрено: кто угодно лишиться дара речи, увидев за открытой дверью себя самого.

— Ч-чёрт... — Рон болезненно скривился, но тут же, взяв себя в руки, кивнул. — Ничего, вытянем. А ты — молодец. Сам сообразил или подсказал кто?..

— Сам...а... то есть — сам, — голос дрожал, Дженнифер с трудом сдерживала слёзы облегчения, стыда и невероятной усталости.

— Ну, пошёл. Кстату, а ты кто? — уже закрывая дверь, спросил он.

— Я?.. Я — гриффиндорец... Просто гриффиндорец...

Дверь захлопнулась, через мгновение стадион снова загудел — игра продолжилась, но Дженнифер этого уже не слышала: уткнувшись в ладони, она отчаянно рыдала.

* * *

Слизеринские игроки тараканами забились по щелям: Малфой бушевал. Возведя очи горе, слизеринский капитан богохульствовал на неведомом наречии — не иначе, как по-арамейски, — и никто не осмеливался прервать этот поток ругани. Он, вероятно, хотел знать, в чём же столь тяжкое прегрешение его, ежели Царь Небесный и Мерлин Всемогущий послал ему всех своих олухов, из которых игроки — как из дерьма пуля, и матчи с ними можно только проигрывать.

Все помалкивали и прятали глаза, опасаясь, что проклятья из области теории в любой момент могут glavно перейти в практическую сферу, хотя, по правде говоря, вина за сегодняшнее идиотское поражение лежала исключительно на самом капитане: то ли во время тайм-аута гриффиндорцы вправили мозги своему вратарю, то ли ухитрились собраться — одним словом, игра у соперника резко пошла на лад. Во всяком случае, до колец красно-жёлтых слизеринским охотникам больше добраться не удалось — ни разу. И тогда, зная горячий темперамент Уизли, ничуть не уступавший по интенсивности цвету его волос, Драко отправился потрепать ему нервы и заодно провести рекогносцировку.

Перепалка затянулась — гриффиндорский вратарь, как ни странно после такого позорного начала игры, в карман за словом не лез и в тряпочку помалкивать не желал. Драко же, со своей стороны, привык, чтобы последняя фраза всегда оставалась за ним. Словом, когда он спохватился, даже скорость его Нимбуса уже не смогла уберечь Слизерин от поражения; мерзавец-Поттер, применив нечестный приём (Вы видели, видели? Он отпихнул меня ногой, а потом ударил локтём в лицо!!! Куда только смотрела эта курица Хуч!), сцапал снитч.

Дальнейшая перебранка доблести слизеринцам не добавила:

— Купи очки, слепая курица! — не помня себя от злости, проорал Малфой.

— Что?!

— И слуховой аппарат!

Команда серо-зелёных покинула поле под триумфальное улюлюканье трибун — теперь цвета Гриффиндора реяли даже над трибунами Равенкло и Хаффлпафа.

Боль свежего поражения снова вонзилась Малфоем в сердце.

— Нотт!

Слизеринский охотник вскочил, с трудом удержавшись от желанья щёлкнуть каблукками.

— Какого чёрта ты... Крэбб! Гойл! — отбивалы поднялись настолько резко, что опрокинули лавку. Грохот стал последней каплей. — Неуклюжие уроды!!! — не крупный, но сильный кулак Драко просвистел в воздухе, и Крэбб пискнул, зажмурившись. Та же участь постигла Нотта с Гойлом. Семикурсника Майлза Блетчли, играющего на позиции слизеринского вратаря, Драко тронуть не посмел: во-первых, их отцы находились в неплохих отношениях, во-вторых, школьная табель о рангах не позволяла никому, даже самому Малфоему, поднимать руку на старшего по возрасту. Девушки —

Блез Забини и Патриция Стимсон — сжались: о невозможности поднять руку на представительницу прекрасной половины человечества в слизеринском негласном уставе не говорилось ни слова. Однако Драко, похоже, уже выпустил пар. Или, что вероятнее, отбил костяшки о крепкий и твёрдый, как пушечное ядро, череп Гойла.

— Вон! — рявкнул он, пинком открыл дверь в душевую и встал под воду прямо в форме.

В гриффиндорской раздевалке, тем временем, тоже кипели страсти, хотя и по куда более приятному поводу. Все, кто сумел прорваться в это крохотное помещение, выражали свои восторги лично (игроки уже начинали тревожиться за целостность своих рёбер и конечностей), остальные шумно толклись снаружи, размахивая шарфами и знамёнами, галдя и отплясывая на морозце. Что характерно, в рядах ликующих наблюдались не только студенты факультета-победителя, но так же представители Равенкло и Хаффлпафа.

Кстати, о Хаффлпафе...

Оставив своего кавалера чуть в стороне, Эшли неторопливо пробилась через веселящуюся толпу и зашла в раздевалку. Одного взгляда на творящееся там безобразии оказалось вполне достаточно, чтобы она чуть заметно дёрнула бровями: *так-так, понятненько...*

Судя по накалу страстей, Гриффиндор только что стал обладателем, как минимум, кубка Англии. Тесно было настолько, что все сидели и стояли едва ли не друг у друга на руках и головах. От шума закладывало уши и, будто этого не хватало, время от времени кто-нибудь взвизгивал, требуя освободить придавленную мантию или же конечность.

Разрумянившаяся от восторга Джинни поочерёдно целовала в щёки Стану⁶⁵ и брата — не забывая, правда, через каждые три-четыре поцелуя вспоминать начало матча и отвешивать ему очередной подзатыльник. Рон отбрыкивался и от первого, и от второго, вопя, что, дескать, «Кто два раза старое помянет, тому очки не нужны и вообще — реализуй свои страсти на ком-нибудь более подходящем, вон у Колина уже слюнки текут!». Джейн Бантинг ухитрилась как-то ловко заколдовать огромное гриффиндорское знамя — оно реяло под потолком, и гриффиндорский лев на нём меланхолично взрыкивал, правда, сейчас этого почти не было слышно из-за гвалта и галдежа.

Свежепойманный снитч порхал, присаживаясь на плечо то одному, то другому члену команды; сначала его пытались ловить, потом перестали обращать внимание: откуда-то появились Всекусные Орешки, тыквенный сок — празднование такой важной для факультета победы решено было не откладывать в долгий ящик. Гермиона по-быстренькому наколдowała бумажных стаканчиков, зазвучали здравницы, грохнула пробка, завизжали первые облитые сидром... Дин Томас попытался налить Гарри сливочного пива через голову Колина. Номер не удался — демонстрируя финт, который ему пришлось заложить, дабы увернуться от блэдджера, Криви-старший взмахнул руками, выбив бутылку — та полетела, окропляя всех присутствующих сладким пивопадом победы. Снова визг, дерготня — Колин зачертыхался, Симус захохотал, запрокинув голову и ловя капли губами, Парвати спряталась под мантию Невилла, пытаясь уберечь свой бархатный плащ (Невилл отнюдь не возражал), Гарри попробовал прикрыть пыльную причёску Гермионы ладонями, Рон...

Так-так...

Тонко выщипанные бровки Эшли опять сдвинулись: Рон, хохоча, обхватил Стану за плечи и накрыл себя вместе с ней квиддичной мантией. Джинни с поддельным возмущением всплеснула руками, едва не вы-

⁶⁵ Героиню сегодняшнего матча: половина заброшенных мячей была на её счету, что казалось поразительным с учётом того заторможенного состояния, в котором болгарка пребывала всё последнее время.

бив глаз сидящему рядом Невиллу, и звонко дала брату по кумполу. Возня под мантией прекратилась, Эшли увидела — голова Уизли наклонилась к голове болгарки... Резко развернувшись, хаффлпаффка вернулась в сверкающий снегом декабрьский полдень и взмахом руки подозвала переминающегося с ноги на ногу Энтони.

...То есть он с такой лёгкостью променял меня на эту потную девицу? Ну-ну...

Наконец гриффиндорский народ потянулся в замок — подошло время обеда, да и восторги чуть потухли. Заглянувшая поздравить родной факультет Макгонаггалл — в шляпе набекрень и с сияющим от мороза и радости лицом — увела младшекурсников, следом, распевая свежесочинённую «гриффиндорскую застольную», потянулись остальные; в раздевалке остались только члены команды и приближённые.

Стана отправилась в душ. За шумом воды она слышала, как хлопают двери.

Подставив лицо плотным струям, девушка расслабилась и закрыла глаза.

...Я расскажу ему это сегодня... Виктор порадуется — я сделала всё, как он говорил. У меня всё получилось... Может, мы сегодня даже полетаем — я покажу ему, на что способна... Ну, или же завтра...

Когда она, переодевшись, вышла из душа, в раздевалке царил тишина и полнейший разгром — залитый пивом и соком пол, огрызки, фантики, пустые размокшие стаканчики, перевернутые лавки... Откуда-то издалека доносились вскрики, кажется, даже смех — хотя, вполне возможно, это были отзвуки радостной потасовки. В любом случае, её это не волновало: тело было налитое приятным тёплым свинцом, в груди сладко щекоталось ощущение победы и кое-что ещё... Стана прикоснулась кончиками пальцев к виску и чуть покраснела.

Виктор порадуется... — Стана улыбнулась, подошла к зеркалу и привела в порядок влажные после душа волосы. В глаза прыгнул солнечный зайчик, и она отвела взгляд: на лавочке за спиной гордо сиял подарок дяди — солнце присело на полированное древко метлы.

Внезапно скрипнула дверь, и девушка обернулась. В проёме стоял Рон. Глаза его шарили по раздевалке, при этом явно избегая встречаться взглядом со Станой.

— Э... — после напряжённой паузы он первый нарушил тишину. — Я, кажется, наколенник потерял. Правый. Наверное, здесь — по дороге не нашёл. Вот, пришёл проверить.

Фраза своей подробностью сильно напомнила оправдание; осознав это, Рон густо покраснел, однако пойманная врасплох Стана вряд ли обратила внимание — она сама залилась краской до корней волос. Вновь вернулось ощущение горячего дыхания Рона, каким он обжёг ей висок, что-то прошептав на ухо...

— Ты посмотри... я не видела... — она приглашающе махнула рукой, и Рон озадаченно крякнул при виде царящего в раздевалке бардака. — Но могу помочь...

Они нашли наколенник одновременно, одновременно бросились к нему и одновременно схватили с одинаковым победным воплем.

— Вот он!

Стана улыбнулась, повернулась к Рону.

— Стана... — его голубые глаза подёрнулись какой-то странной поволокой, пальцы переползли с наколенника на её запястье, он потянул девушку к себе, второй рукой обхватывая за плечи. В груди Станы образовался странный вакуум, сладкий и шипучий, словно кто-то проковырял дырку, через которую стремительно улетучивались мысли и чувства... Сама не зная почему, в самый последний момент она резко опустила голову, и звонкий поцелуй Рона пришёлся ей в лоб.

— Эй, так нечестно! Опускать голову — это против правил! — потирая подбородок и морщась, обиженно заметил он.

— Э... Вот... — она зачем-то снова помахала у него перед носом наколенником, но Рон даже не взглянул на него, молча отшвырнув в сторону.

— Стана... Я... Ты... ты мне нравишься, — свистящим шёпотом произнёс он. — И я... я хочу... — его глаза закрылись, а губы смешно вытянулись трубочкой. И на этот раз она не стала уворачиваться.

* * *

Сириус зря просидел в засаде и этот, и предыдущие, и, тем паче, последующие дни: будто почуяв смертельную опасность, белый лис так и не появился. А в тот самый миг, когда снегопад превратил затаившегося в ложбинке белого пса в небольшой сугроб, который отличали от прочих лишь мерцающие в темноте глаза, оба Малфоя неторопливо шествовали в Хогвартс. Говоря точнее, в замок направлялся Малфой-младший, неся под мантией свернувшегося клубком Малфоя-старшего.

...А не сделать ли мне папочку своим домашним любимцем? Вот было бы забавно — особенно водить его на поводке под самым носом Дамблдора! Уверен, выживший из ума старикан ничего не заподозрит, — Драко ухмыльнулся; будто поняв причину его веселья, Люциус больно, однако же не до крови, укусил его за запястье.

Слизеринец чертыхнулся сквозь зубы, с трудом подавив в себе желание слегка придушить батюшку.

Прибытие на место прошло без осложнений: сдав повязку и отрапортовав Филчу о том, что «за время дежурства никаких нарушений и странностей обнаружено не было», Драко быстро скатился вниз по лестнице, однако, едва убедившись, что находится в полном одиночестве, тут же свернул в сторону учебного подземелья, где обитал трудолюбивый профессор зельеварения. Однако же в лабораторию слизеринец отнюдь не стремился: *алиби, алиби, господи!* Ясное дело, исчезновение такой крупнокалиберной фигуры (особенно, если брать в расчёт нос, — фыркнул Драко) без расследования, причём полномасштабного, не оставят. Перевернут вверх дном весь замок, допросы все портреты, доспехи — да сами стены, в конце концов! Потому-то он в момент покушения должен находиться в другом месте. И непременно — на людях.

На миг нырнув в тёмную нишу, рядом с которой не наблюдалось никаких потенциальных свидетелей, Драко одним взмахом вытряхнул Люциуса из-под мантии, и на всех парах помчался в сторону слизеринского общежития.

Спустя пять минут он — с фирменной кривой усмешечкой на устах уже выслушивал приветствия Крэбба с Гойлом и милостиво позволял Пенси снять с усталых плеч промёрзшего на декабрьском морозе старосты мантию.

Люциус Малфой бежал, чуть слышно цокая коготками и ведя носом вдоль каменных плит пола. Он с упоением вдыхал чутким носом хищника знакомые запахи Хогвартса — сладкий запах врагов, упоительный запах ненависти, томительный запах юности... Кровь в жилах вскипала, и глаза лиса наливались тревожным и ликующим янтарём — предчувствием схватки. Схватки не на жизнь, а на смерть. Во всяком случае, ежели задуманное не выгорит, ему, Люциусу, можно даже не готовить себе местечко в фамильном склепе: вряд ли после предоставления отчёта Вольдеморту от его брэнного тела останется нечто, достаточное по размерам для помещения в мраморный саркофаг, напёрсток — и тот будет великоват.

Лестница в два прыжка — и вот они, подземелья. Операция перешла в активную фазу: сейчас главное — до поры до времени остаться незамеченным. По счастью, ни доспехов, ни картин здесь не было — ссылка в сырые и холодные подземелья звучала для оных смертным приговором, да и Снейп не являлся знатоком-любителем истории или, скажем, изящных искусств. Но вот наскочить на самого профессора до того, как будет проведена разведка на местности... Нет, Люциус не любил торопливости — всё, особенно месть

или же, говоря возвышенными терминами, возмездие — должно быть доведено до совершенства. Ведь любое неловкое движение способно отравить радость победы. Не говоря уж о горечи поражения.

Снейп был на посту. Чуткие уши лиса уловили бульканье нескольких котлов, бормотание и шаги мастера зелий, шуршание пергаментов... Потом — стеклянное позвякивание химической посуды...

Великолепно.

Малфой белой молнией метнулся дальше — узкая винтовая лестница вела наверх. Её не любили и пользовались только в крайних случаях: в почти полной темноте люди обычно сначала натывались на огромный нескораемый и нескрываемый (проверено!) шкаф, в котором Снейп хранил некоторые ингредиенты, а потом на них падал скелет. Нервные девушки были очень недовольны.

Именно сюда и стремился Люциус Малфой. Возвратное заклинание — и уже спустя мгновение он горделиво потрянул головой, поправил волосы и привел себя в порядок — *да-да, непременно кружева!*

Хорошо выглядеть надо всегда — и в одиночестве, и перед друзьями, и перед врагами. Особенно — перед врагами.

Конечно, можно было использовать Заклятье Невидимости, но Малфой-старший его ещё со школьной скамьи терпеть не мог: после того, как на первом же уроке во время демонстрации он забыл применить его к своему нижнему белью... Конечно, по большому счёту, стыдиться было совершенно нечего — и вообще, может, всё так и задумывалось! — однако вид висящих в воздухе трусов здорово озадачил его самого и сильно повеселил остальных. С тех пор Малфой предпочитал любыми способами избегать напоминаний о давнем фиаско, и даже с врагами предпочитал встречаться лицом к лицу — причём отнюдь не из соображений чести.

Далее план развивался до смешного просто: вышеупомянутый скелет, которому Малфой-старший придал пинком стартовую скорость, с грохотом покатился по лестнице. Люциус замер за шкафом с палочкой наизготовку: отсюда бы не промахнулся даже младенец. Вся тонкость состояла в том, что делать этого было нельзя до того, как Снейп встанет на четвёртую ступеньку — именно там и начиналась «слепая» для сиг-

нализации зона.

Дверь лаборатории заскрипела, раздались стремительные шаги: зельевар шёл выяснять, кто посмел в столь поздний час нарушать тишину учебного крыла. Люциус внимательно следил за отсветом приближающегося огонька — конечно, кто бы мог подумать, будто Снейп даже сейчас забудет в кабинете свою волшебную палочку...

— Кто здесь? — раздался неприятный голос зельевара, и вот, наконец, появился и он сам — подняв палочку выше, Северус Снейп в рабочей мантии мельком бросил взор на валяющийся у подножия лестницы скелет. — Пивз?

Обижаешь, дружок... — улыбнулся Люциус.

— Пивз, не изображай из себя идиота, всё равно у тебя это плохо получается! — дела в лаборатории, похоже, не очень ладились, в противном случае откуда столько раздражения и злости?

Стареешь, приятель... Вот уже начал дёргаться по любому поводу, злость срывать по-старушечьи...

— Я спрашиваю — кто здесь? — с ещё большим раздражением повторил Снейп, и Люциус буквально ощутил, как чёрные глазки-буравчики пытаются пронзить полумрак.

Ну-с, пора и подниматься. Давай, давай...

Будто услышав призыв бывшего соратника, Снейп сделал шаг наверх.

— Кто-то из студентов? Лучше выходите сразу: я всё равно вас поймаю, и взысканием в этом случае вы не отделаетесь.

Ещё шаг. Люциус почувствовал, как губы сами собой растягиваются в усмешке.

Ещё шаг. И...

Вот оно!

— Stupefy! — шёпота оказалось вполне достаточно: Снейп кубарем полетел по лестнице, а палочка, подхваченная Разоружающим Заклятьем, приплыла в ладонь Люциусу. — Ты уж прости меня за моё двумерное чувство юмора, но я не мог отказать себе в этом маленьком развлечении. Ну-с... Побеседуем позже, у нас мало времени, Северус... Надеюсь, ты помыл пробирки и выключил огонь под котлами?.. А то, боюсь, вернуться к ним тебе предстоит нескорую...

Глава восемнадцатая, в которой мы присутствием при поединке людей в чёрном, не слушаем лекцию по Истории Магии вместе с Мародёрами, а также проводим вместе с Роном весьма насыщенную событиями ночь.

Он знал, что из всех видов разрушительного оружия, которые способен придумать человек, самое ужасно и самое сильное — слово. Кинжалы и копия оставляют следы крови, стрелы видны на расстоянии. Яд можно обнаружить, и избежать смерти. Заклятье можно парировать. Слово же разрушает незаметно. И нет его страшнее.

Вольдеморт смотрел на человека перед ним, испытывая давно забытое упоительное чувство. Юркий, как угорь, хитрый, как змея — герб факультета, деканом которого он являлся, — предатель сейчас находился перед ним, беспомощный и пока бессловесный. Ах, как хотелось отправить его выяснять, какого цвета глаза у сатаны, — собственноручно... Хотя, впрочем, можно просто полюбоваться на работу Люциусу — вот уж отменный заплочных дел мастер, смотреть одно удовольствие: ни единого лишнего движения, ни одного лишнего или невнятного заклинания, всё точно рассчитано по времени: медленно доведённая до белого обрыва смертельной муки, жертва не отпускается с миром, а снова и снова низвергается в мир живых — мир боли и страха... Несомненно, Малфой бы с восторгом использовал возможность расквитаться с бывшим сотоварищем на ветхозаветный манер — око за око, зуб за зуб.

А долго ли ты будешь умирать и сильно ли при

этом мучиться — это уж зависит от того, понравится ли старому приятелю... Малфой-старший — человек обстоятельный, не торопыга какой-нибудь. Тебе ли не знать...

Глаза Вольдеморта полыхнули, белые паучьи пальцы впились в подлокотник кресла. На краткое мгновение в голову ударило лютное желание растоптать отступника, дерзнувшего пойти против его воли, дерзнувшего предать, — мало того: осмелившегося переметнуться в клан врагов, да ещё при этом шпионившего под самым его носом!

Но нет.

Куда забавнее, а главное — много полезнее вернуть его в лоно Ордена. Уничтожить беспомощное тело, разорвав на тысячу визжащих от боли клочьев, — проще простого. Однако Снейп был нужен ему, нужен, как воздух: в противном случае, весь план, чётко рассчитанный по времени, летел к чертям — а ради господства над миром, да что над миром — над всей вселенной! — Тёмный Лорд мог кое-чем поступиться. Даже возможностью поупиваться заслуженным возмездием. К тому же теперь оно от него уже никуда не денется — и куда приятней отправить предателя в ад на земле, нежели нарушать мир и покой этого замка предсмертными хрипами, тем паче, что в последнем не было ни-

чего нового.

Кто сказал, что хорошая пытка — та, после которой от жертвы остаётся лишь горстка окровавленных лохмотьев: глаз долой и сердце вон? — безгубый рот растянулся в предвкушении развлечения. — Слово, только слово...

— Малфой!

Люциус вынырнул из темноты кабинета, склонившись у изножья кресла, Тёмному Лорду был виден только покорный затылок и струящиеся по чёрному бархату мантии серебристые волосы.

— Проследи, чтобы лаборатория была готова.

Не разгибаясь и, согласно этикету (а также просто страху получить заклятем промеж лопаток) не поворачиваясь к господину спиной, Люциус быстро зашуршал к двери, но был остановлен ещё одной фразой:

— Я доволен тобой. И твоим сыном.

— Служу Тёмному Лорду, — чуть приподняв голову, формально откликнулся тот, однако Вольдеморт заметил, как щёки его покраснели, — *от удовольствия или гнева? — Впрочем, какая разница.*

Малфой-старший, меж тем, медлил в дверях.

— Друг мой, Люциус... Если хочешь задать мне вопрос — я позволяю тебе, в противном случае, могу воспринять промедление как саботаж...

— Господин, какое из Пыточных заклятий вы планируете применить? — с рвущимся на волю любопытством палача тут же откликнулся Малфой. — Или же просто Принуждающее Проклятье? Чтобы заставить его работать на нас...

— Боль? Насилие? О нет, — Вольдеморт окинул горделивого слугу взглядом, полным снисходительности. Предвкушение невероятной, увлекательнейшей игры сделало его нетипично словоохотливым. — Изощрённый, отточенный ум алхимика, Люциус, — это, видишь ли, величайший дар, тончайший механизм, не чета горсточке мозгов, завалывшихся где-то в черепушках коновалов, которыми ты командуешь: задень одну шестерёнку, и от Снейпа будет не больше пользы, чем от всех остальных. Включая и тебя, — Вольдеморт злобно усмехнулся, с наслаждением видя, как щёки Малфоя, испившего чашу горького, будто хина, унижения, вспыхнули и тут же снова побледнели, став блее обычного. — Не ревнуй — согласись, как зельевар ты ему и в подмётки не годишься, потому-то с ним и приходится возиться — что в прошлый раз, что в этот... Однако у тебя много иных умений и навыков, за что и ценю...

Вольдеморт сделал паузу, во время которой чёрный язык по-змеиному обмахнул губы.

— Он снова придёт ко мне по доброй воле — ибо только по доброй воле можно заставить его работать на совесть, ибо только по доброй воле он сумеет создать то, что нам необходимо... Ибо только по доброй воле можно вынести ту муку, что я ему уготовил. В первый раз его привела ненависть, во второй раз...

Вольдеморт опять взглянул на бесчувственное тело хогвартского профессора и замолчал. Паучьи пальцы снова зашевелились — то ли что-то круша, то ли кого-то душа.

— Во второй... раз?

— Ступай. Всё должно быть готово.

Скрип двери, и теперь двое людей в чёрном остались наедине. Тёмный Лорд ещё раз окинул взглядом Северуса Снейпа. Затем поднялся, взмахом руки призвал из темноты каменную чашу. Несколько движений пальцами, и в ней плеснула густая серебристая жидкость.

— Воспоминания не горят... — он рассмеялся, и этот приглушённый звук напомнил нечто среднее между шипением и кашлем смертельно больного. — Значит, тебе, друг мой Люциус, интересно, что вернёт его ко мне во второй раз? О, это так просто... Раскаяние. Ненависть к самому себе. Отчаяние. Безысходность. Они куда действенней всех Imperio вместе взятых. Это и есть настоящая магия. И тебе Люциус, в ней со мной не тягаться. Да... пожалуй, иногда мне свойственно

чувство небезосновательной самовлюбленности... Правда, Северус? Enervate!

* * *

Переполох, творящийся в школе, было сложно передать словами: как-никак, середь бела дня (хотя, если уж полностью следовать истине, то — ближе к тёмной ночи), не оставив ни записки, ни намёка, ни следа, исчез один из профессоров. Студенты втихаря ликовали, говоря, что сбывлись наконец-то их пожелания, и многоуважаемого зельевара забрали ближайšie родственники — черти. Дополнительную пикантность ситуации придавало то, что на магических выходах из охраняемой территории школы Снейп не показывался, и в Запретном лесу его следов тоже не обнаружили...

Зато обнаружили кое-кого другого.

— Благодарю вас, Минерва. Конечно — анимаг анимага всегда распознает. Особенно такого приметного... Вы ступайте-ступайте, продолжайте поиски. Да-да, и отчёт привидений, если вас не затруднит. Я позже свяжусь с кентаврами и, пожалуй, Аластором. Если я правильно понял причину твоего возвращения, Сириус, — продолжил директор, когда дверь за деканом Гриффиндора затворилась, — у тебя был повод открыть общественности своё воскрешение.

— Да уж... — Блэк хмуро хмыкнул. — Хватит повторять старые ошибки. Пора делать новые.

Он все ещё чуть дрожал от вьезшегося в кости холода — не помогал ни пылающий во всю мощь камин, ни наколдованная на скорую руку тёплая мантия, в которую он кутался, ни огневики, бутылка которого в худой, жилистой руке с обломанными ногтями пустела на глазах. Портреты на стене за директорским креслом перешёптывались, стараясь, чтобы на них не обращали внимания, — им и так в последнее время приходилось подозрительно много спать: не то, чтобы Дамблдор не доверял им, однако «бережёного бог бережёт», мысленно повторял он, накладывая Сонное Заклинание.

— Вот что... — директор улыбнулся, будто не замечая ни лохмотьев, ни седых волос, ни исхудавшего лица, похожего на обтянутый кожей череп, — давненько мы с тобой не пили чаю, не находишь? Да и время ужина уже прошло, а я что-то замешкался...

Взмах палочки — и прямо на директорском столе, потеснив пергаменты, книги и разнообразные магические приборы и приборчики, воздвиглись тарелки: горы сэндвичей, вавилоны куриных ножек, монбланы дымящейся картошки. В горшочках что-то аппетитно булькало.

— Не пора ли нам подкрепиться? — директор приглашающе махнул рукой.

— Да-а... Счастье — есть. И пить — тоже счастье...

Изголодавшегося Блэка два раза просить не требовалось — сахарно хрупнула перекушенная куриная кость; он рвал зубами мясо, голодно и гулко глотая, и крошки падали на седую всклокоченную бороду.

— Спасибо, — неожиданно вспомнил о приличиях, пробубнил он с набитым ртом. — А то я чуть не умер в этом лесу от избытка чувств. И, надо сказать, преобладали чувства голода, холода и жажды, — он мрачно хмыкнул, и у Дамблдора появилось странное ощущение, что Блэк намеренно утрирует ситуацию, однако тот уточнять не стал: словно эти фразы исчерпали последние силы, он замолчал и, почти не жуя, проглотил два бутерброда.

Дамблдор, меланхолично шурша фантиками, не прикоснулся к своей тарелке — лишь дважды пополнял иссякающие припасы. На Блэка он тоже не смотрел, молча о чём-то размышлял, глядя в пространство. Наконец, тот замер, и в потускневших глазах появился знакомый блеск. Он прислушался к себе, сделал еще один глоток из бутылки, передёрнул плечами... Спустя мгновение на Дамблдора взирал прежний Сириус Блэк — быстрый, желчный, решительный, полный энергии и готовый действовать. Он потянулся и цыкнул зубом:

— Надо сказать, когда сыт — кругом очень красиво... Дамблдор снова внимательно взглянул на бывшего аврора поверх очков:

Ёрничает? Определённо — ёрничает, причём куда больше обычного. Бойтся грядущих неприятностей от Хмури? Или же пытается что-то скрыть? Что же с ним произошло за эти полгода?

— Итак, Малфой пойман? — тем временем, Блэк тут же взял быка за рога.

— Ещё нет. Известно, что он в Англии, но где конкретно... Имение дважды безрезультатно досматривали, внезапные рейды тоже ничего не дали. А, собственно, почему ты...

— Люциус ошивался в Запретном лесу. Он незарегистрированный анимаг — белый лис с серым пятном на задней левой. Я хотел сам его изловить, однако видел только следы...

Глаза Брэка помрачнели, и Дамблдору показалось, будто в них полыхнули огненные всполохи отдалённой грозы. Он не стал упрекать или задавать вопросы: нет ничего более бессмысленного, чем упрекать человека в том, за что тот и сам себя казнит.

— Он встречался с Драко?

— Я так полагаю. Уверен, в деле с исчезновением Снейпа не обошлось без парочки этих белобрысых слизняков. Профессор, вы знаете, как я отношусь к старине Северусу, — Блэк невесело усмехнулся, — однако, как ни крути, он спас мне жизнь, и мы теперь с ним связаны... Вот ведь — насмешка судьбы... Полагаю, Маготрибунал и моё вызволение стали последней каплей в чаше терпения Пожирателей — есть у меня подозрение, что ничем хорошим это похищение ему не светит. Да жив ли он вообще...

— Э, нет, Сириус, не думаю, чтобы всё было так просто. Боюсь, за время, э-э... проведённое вдали от людей, — изящным эвфемизмом Дамблдор обошёл любые прямолинейности, — ты немного отстал от жизни. Северус понадобился Вольдеморту отнюдь не для показательных экзекуций: у него сейчас есть дела поважней, и такой умелый зельевар...

— Хотите сказать, Тёмный Лорд жаждет, чтобы Снейп снова с ним сотрудничал? — от протрсаения Блэк забыл о правилах приличия и перебил директора на полуслове. Получив в ответ мрачный кивок, вскочил и заметался по комнате. Портреты зашумелись, но, встретившись с горящим взглядом Блэка, тут же прикинулись спящими. — Нет, это невозможно, положительно невозможно — по доброй воле Снейп, каким бы поганцем он ни был, на это не пойдёт, разве что под Принуждающим или Пыточным проклятьями... Что такое, профессор? — торопливо спросил он, увидев, как Дамблдор покачал головой.

— Вольдемонт прекрасно знает — если применять к Снейпу такие аргументы, долго тот не протянет: думаю, тебе известно, что стало с беднягой Барти Краучем. Потеря трудоспособности, сумасшествие — лишь вопрос времени. Я, конечно, могу только предполагать, и всё же — если Вольдеморту понадобился Снейп как зельевар... Повторяю: ЕСЛИ, ибо, Сириус, ты даже не представляешь, как бы мне хотелось ошибаться, — он сделает всё, чтобы тот приступил к работе исключительно по доброй воле. Вот только добрая воля в исполнении Тёмного Лорда может оказаться куда страшнее десятка Cruciо... — Дамблдор помрачнел настолько, что показалось, будто глаза исчезли с лица, сменившись бездонными тенями. — Однако мне всё же хочется надеяться — профессор просто перетрутился, потерял память и заплутал в замке, хотя твои новости и сводят все эти ожидания на нет...

— Потерял память? Заплутал? Снейп-то? Ха-ха. Кстати, о Малфоях: я не думаю, чтобы сын был в курсе места обитания отца — Люциус не хуже нас знает законы: Малфой-младший уже совершеннолетний и к нему можно применять методы дознания... — в хрипловатом голосе отчётливо прозвучала неутолённая

жажда мести. Жажда настолько сильная, что директору даже показалось, будто над фигурой Сириуса кольхнулась какая-то тёмная тень. Брови Дамблдора едва заметно сдвинулись.

— Согласен. Однако ты знаешь — для не достигших восемнадцати лет подобные методы допустимы только в чрезвычайно ситуации, — заметил он и тут же поменял тему, — я так полагаю, Сириус, ты не планируешь далее скрывать от общественности своё воскрешение?

Блэк сделал большой глоток из бутылки и усмехнулся.

— Думаю, это бестолково: меня видели почти все учителя и куча студентов, не говоря уж о портретах в коридорах. К вечеру об очередном явлении бывшего преступника, бывшего аврора и бывшего покойника будет знать весь магический мир — до последней крысы. Однако это не значит, будто я желаю видеть тут журналюг из Магополиса или Пророка, — торопливо поправился он.

Дамблдор кивнул:

— Не волнуйся, мы постараемся попридержать известия. И вот ещё что: я собираюсь побеседовать с Аластором... Полагаю, так или иначе, тебе всё равно придётся с ним встретиться и ответить на некоторые вопросы...

— Я понимаю, — Блэк по-собачьи недовольно наморщил нос. Почесался. — Лучше, конечно, позже, чем раньше, а ещё лучше — никогда. О — представляю, какую взбучку устроит старина Шизоглаз... — он хрипло хохотнул и смущённо поскрёб в затылке. — Э-эх... Ну, что ж — пусть всегда будь что будет.

— Не стоит всё так драматизировать, — Дамблдор бросил щепоть порошка в камин и чётко произнёс: — Гильдия Авроров, Аластора Хмури.

Источник ночных кошмаров как представителей преступного магического мира, так и нервных и впечатлительных барышень — Шизоглаз Хмури возник в пламени практически мгновенно.

— Новости? — буравя Дамблдора волшебным оком, поинтересовался он.

— Можно и так сказать.

Директор сделал шаг назад, давая возможность оценить картину во всей красе: директорский кабинет и стоящий у стола с бутылкой огневиски в руке Сириус Блэк. Последний приветственно помахал бутылкой. От неожиданности брови заслуженного аврора взлетели вверх настолько высоко, что магический глаз выпал из глазницы. Шизоглаз зачертыхался, куда-то исчез и через некоторое время, всё так же продолжая чертыхаться, снова появился, протирая ярко-голубое око су-конкой.

— Да... вот уж сюрприз так сюрприз, — проворчал он, наконец-то пристроив глаз на место. — Приветствую тебя, Сириус, как дела?

— Постепенно и высоконравственно, — хмыкнул Блэк, приближаясь. — Я так понимаю, пришло время долгих бесед? У меня действительно есть, что поведать вам, — особенно если меня будут рассматривать не как дезертира, а как агента, вернувшегося из долгосрочной командировки.

Ёрничает.

Хмури подёргал обрубком носа, взглянул на Дамблдора. Тот едва заметно кивнул.

— Годится. Однако надеюсь, что сведения, которые ты в командировке раздобыл, вполне это окупят.

— Не сомневайтесь — вам понравится, — Блэк хищно ухмыльнулся. — Профессор, вы позволите мне позаимствовать мантию, а то я как-то пообносился — не думаю, чтобы меня сейчас пустили в таком затрапезном виде в столь приличное место...

Они исчезли в камине, и последнее, что услышал Дамблдор, было переругивание:

— Да отодвинься же ты, Блэк! По мне уже блохи скачут!

— Блохи? Вот только ваших блох мне и не хватало...

* * *

— Enervate!

Снейп, выдернутый из небытия, открыл глаза. Первым его ощущением был ужас: сбился один из самых страшных его ночных кошмаров, сбился во всех подробностях, будто судьба с насмешливой бесчеловечностью все запротоколировала, чтобы теперь вывалить эту лавину на его оцепеневшее сознание.

Глядя на белоснежное лицо Тёмного Лорда с пламенеющими глазами-угольями, напрасно он уверял себя, что страшна сама смерть, а не её конкретные обстоятельства — в эти краткие и бесконечные минуты безмолвия, когда они с Вольдемортом молча взирали друг на друга, Снейп зачем-то перебрал в уме возможные варианты этих обстоятельств и какая-то извращённая логика привела его к мысли, что рисовать себе детали предстоящего — значит не дать им осуществиться. Следуя этой жалкой магии, он измышлял самые жестокие подробности — и в конце концов почувствовал, что начинает бояться, как бы они не оказались пророческими. Усилием воли он отогнал видения.

Вольдемонт, меж тем, не спешил воспользоваться преимуществом, он давал Снейпу трезво оценить свои шансы — вернее, полное их отсутствие, взвесить про и contra и рухнуть в пропасть отчаяния, простившись с друзьями и близкими.

...Друзьями?.. Близкими?.. — Вольдемонт мысленно улыбнулся. — *Мы непременно, непременно коснёмся этого вопроса.*

Снейп осторожно шевельнулся, проверяя, целы ли руки-ноги, и попытался восстановить цепочку событий, закончившуюся для него таким трагическим образом.

Драматическим. Что ж поделаешь, коли я оказалась в такой глубокой... яме, — с кислым оптимизмом тут же поправился он, решительно отгоняя вновь вставшие перед глазами картины прошлого: бесчеловечные пытки, когда жертва была готова на всё уже не ради жизни — ради смерти, истреблённые семьи, битвы, когда люди освежеванными тушами оставались на стерне, чудовищные зелья, в создании которых он принимал самое непосредственное участие... — *Зелья. А не здесь ли порывалась наша собака?*

Будто почувствовав, что противник обретает ключ, а следовательно, и почву под ногами, Вольдемонт поднялся и с усмешкой приблизился к мастеру зелий. С каждым его шагом боль в Знаке Мрака, выжженном почти два десятка лет назад на правом предплечье юного и изнывавшего от ненависти Северуса Снейпа, становилась всё нестерпимей. А когда Тёмный Лорд воздвигся над ним, профессору показалось, будто сознание вот-вот оставит его, и мысль эта не казалась такой уж отвратительной, хотя...

Вот ещё... Снова валяться у него в ногах... — мысленно прокрипел Снейп, пытаясь хоть чем-то себя отвлечь от боли и нарастающего ужаса, — *есть в этом... нечто... да-да: у-ни-зи-тель-но-е...*

От напряжения волосы на затылке встали дыбом.

— С возвращением, Северус, — с лёгкой улыбкой, немедленно подтолкнувшей Снейпа к грани обморока, прошипел Тёмный Лорд. Боль внезапно схлынула, и теперь мир — пусть даже здесь и сейчас — сразу превратился в воплощение мечтаний.

— Вы и имя моё помните... — Снейп с трудом справился со сведённой судорогой челюстью. Встал на четвереньки, потом, по-стариковски упираясь в колени, поднялся. Всё тело болело. *Чем меня шарахнули?* — Несказанно тронут.

Осознание того, что всё кончено, — всё кончено, пусть даже он сам пока ещё жив, вернуло ему прежнюю язвительность, и Вольдемонт снова мысленно позабавился: *всё такой же, что и девятнадцать лет назад... Хищный, мрачный, разъярённый... глупец!*

— Я вообще всегда отличался хорошей памятью — и на людей, и на дела их. Кстати, именно о делах я и хотел с тобой побеседовать, это очень удачно, что ты

заглянул... Не стану ходить вокруг да около, тебе ли, старому доброму Пожирателю Смерти, — Знак Мрака на руке снова вспыхнул болью, — не знать: будь дело только в желании наказать отступника, ты бы давно уже корчился в предсмертных судорогах.

— Опять зелья... — усмехнулся Снейп, поймав себя на том, что испытывает предательское облегчение от возможности выторговать себе ещё кусочек жизни. Впрочем, он тут же проклял себя за это: ему ли не знать, что бывает с теми, от кого Вольдеморту что-либо понадобилось...

— Не стоит торопиться и кричать «нет», — глаза Тёмного Лорда вспыхнули инфернальным весельем, и Снейп с ужасом осознал: много ответа и не ждут — более того, именно «нет» от него и хотят услышать. Мороз пробежал по коже.

Он готов к моему отказу, и это его не пугает. Он что-то замыслил. Пытка? Вряд ли с этого начнут: он понимает, потом я буду уже ни на что не годен, а ему нужны мои руки и голова, хорошая память и здравый рассудок. Что ж он задумал? Соображай, соображай!!! — подхлестнул себя зельевар.

— Ну, что скажешь? — человекоподобное лицо растянулось в чуть заметной иронически-всепонимающей улыбке: так, забравшись в курятник, улыбался, кабы умел, старый лис. Снейп промолчал, скорчив весьма выразительную физиономию. — О... Вот только избавь меня от очередного бреда про «не убий-не укради-не предай-не возжелай». Не утраждай, я наперёд знаю всё, что ты скажешь, до последней запятой. Да-да, и от «уж лучше я умру» — тоже. Не стоит дружище...

Фраза оборвалась шипением, в котором Снейп не без труда, но всё же распознал смех и снова едва удержал себя от нервной дрожи — давно, казалось бы, забытое прошлое, вернулось во всех подробностях — от таинственного замка, способного менять месторасположение в зависимости от воли хозяина, до хриплого смеха и ледяного осознания, что выхода из ловушки нет и единственный, кто в этом виноват, — он сам. Северус Снейп. Собственной персоной.

Однако годы брали своё, и нынешний зельевар всё же куда меньше боялся смерти, чем тот девятнадцатилетний мальчишка, и, пожалуй, даже пыток боялся меньше — наверное, потому что за эти годы ему не раз приходилось заглядывать в глаза смерти, и своей, и чужой. А потому он дёрнул плечом и заговорил, стараясь сохранить в голосе надменные нотки, отлично знакомые студентам Хогвартса.

— Отнюдь. Я и не собирался сотрясать воздух подобными нелепицами. Вопросы морали и общественного мнения волнуют меня меньше всего, особенно сейчас, — желчная усмешка, — а уж коли мне и суждено сложить голову, то уж никак не ради того, чтобы...

— ...чтобы кто-то типа Дамблдора и его прихвостней или... ах да, чуть не забыл! — твоих любимчиков Поттера и Малфоя-младших сказали: «о, да, доблестный профессор Зельеварения пал, как герой...» А потом — памятник Снейпу-освободителю Хогвартса с благодарным Дамблдором на руках где-нибудь в седьмом тупике десятого коридора, латунная мемориальная табличка на дверях кабинета, в которую не будет плевать только ленивый, — «здесь жил и трудился»...

Снова смех.

Снейп собрал всю волю, зажав сердце в кулак и не давая выплеснуться гнев. Вольдемонт откровенно веселился — и тем откровенней, чем сильнее становились раздражение, страх, гнев и смятение Снейпа: тот был готов, к чему угодно, более того — он уже мысленно многократно умер.

К чему угодно. Но почему-то не к этому.

— Конечно-конечно, как я мог так превратно тебя истолковать, ведь мы же с тобой настоящие слизеринцы. Профессора Снейпа интересует мнение исключительного самого профессора Снейпа и никого более, не так ли? Желаете сохранить лицо перед самим собой. Похвально.

Снейп молчал, интуитивно ощущая — любой его

ответ сейчас станет только очередным козырем в хитроумной игре противника. Игре, которую он, как ни силится, пока не мог разгадать — мешали пресловутые гнев, ярость и смятение.

Взять себя в руки... Взять себя в руки... — в груди плеснулась жуть.

— А, собственно, чем так примечателен и хорош Северус Снейп, что его мнение о себе столь ценно? — Вольдеморт чуть склонил голову, будто призадумавшись. Он больше не улыбался, напротив — Снейпу даже показалось, будто сейчас на него смотрят с сожалением и... страшно подумать — с состраданием. Если, конечно, способна сострадать кобра, впрыскивая в жертву свой смертельный яд. Чёрный язык вылез из рта. — Неопрятный душой и телом, давно лишившийся крови и заменивший её прокисшей желчью, презираемый врагами и ненавидимый союзниками — впрочем, и наоборот: презираемый союзниками и ненавидимый врагами — жалкое подобие человека, вызывающее только брезгливость, маленькое и нелепое слизеринское отродье, так и не выбравшее, кого же предать, а кому служить... Не дошедший до своей осины Иуда. ИЗГОИ.

Слово прозвучало, повиснув в гробовой тишине. Снейп ошалело хватал ртом воздух, голова шла кругом — наверное, не обошлось без какого-то дополнительного воздействия, ибо предплечье снова чуть заметно заныло. Впрочем, вряд ли он сейчас мог всё это осознать: слово ударило наотмашь. Рухнула дверь, за которой клубилась крошечная тьма; все мысли и чувства, все страхи, утаиваемые профессором даже не от других — от себя самого — разом вырвались наружу.

— Н-не правда...

— Не убий, не укради, не возжелай... — не останавливаясь, с нажимом продолжил Вольдеморт. — Вот о последнем мне и хотелось бы поговорить отдельно, — теперь он стоял вплотную, и Снейпу — человеку роста не самого маленького, приходилось задираТЬ голову, чтобы смотреть тому в лицо. Он не хотел, не желал этого — однако словно невидимая рука вздернула его подбородок, заставляя не отводить взгляда от узких глаз без зрачков, в которых плясали отблески адского пламени.

— Не припомнишь ли ты, Северус-с-с, какое забавное стечение обстоятельств привело тебя в лоно Ордена?

— Лю...Люциус Малfoy...

— Я знаю, знаю, — перебил его Вольдеморт нетерпеливым взмахом руки, — старина Люциус — отличный вербовщик и мастер вовремя нажимать на нужные кнопки, однако сейчас речь не об этом. Ведь если бы ты не захотел, ты не пошёл бы сюда, верно?.. Ты ведь сам попросил его, не так ли? И придя раз, ты потом вернулся, правильно?

Эти постоянные вопросы, заставляющие Снейпа машинально кивать, невольно увлекали его всё дальше и дальше в смертельный капкан. Судорожно пошвырявшись в дрожащих обрывках памяти, он вдруг осознал, что ничего не помнит, — в воспоминаниях зиял провал, а мысли каким-то загадочным образом снова и снова возвращались к вышеупомянутому Малfoy, но и только.

— Позволь мне рассказать тебе одну любопытную историю, Северус. Рассказать и показать... Смотри внимательно и помни: в любой истории есть смысл. Она становится книгой живых, как труба громогласная, та, которая вздымает из гроба лежавших во прахе многие веки. Давай-ка мы с тобой тоже поднимем мертвецов из могил... Могил нашей памяти, а? Устроим вечер воспоминаний...

Снейп почувствовал, как от слов Вольдеморта по телу прошла судорога ужаса. Тёмный же Лорд говорил всё вкрадчивей и вкрадчивей — профессор мучительно прислушивался, однако шум в ушах и обрывки каких-то незнакомых голосов и видений мешали сосредоточиться.

— Думаю, мы были к тебе несправедливы в прошлом году — и в ответ за великое будущее, к которому я приду не без твоей помощи, я одарю тебя прошлым, которое ты потерял.

Каменная чаша возникла перед Снейпом, и раньше, чем он успел отшатнуться или закрыть глаза, дрожащая в ней ртуть плеснула и прояснилась. В тот же миг профессору показалось, будто он вновь лишился сердца, а вместо него зияет огромная, страшная рана — боль была невыносимой, невыносимой настолько, что он закричал и даже, кажется, упал на колени. Однако от этого картины прошлого, полосующие сейчас стеклянными осколками его сердце, не исчезли.

Голос Вольдеморта журчал сладким ядом, вливаясь прямо в душу.

— Всеми презираемый и никем не любимый, никому не нужный амбициозный слизеринец — может ли быть зрелище печальнее этого?

...смеющиеся лица... тычки в спину... Сопливус... Сопливус Снейп... тебе это подходит куда больше, чуело...

— Может. Если вышеупомянутый слизеринец влюбляется в гриффиндорку. В грязнокровку.

Медь волос в луче падающего из окна солнца. Он был счастлив сдвоенным парам с ненавистным факультетом, потому что мог видеть её — пусть даже платить приходилось двойным количеством чинимых ему мелких пакостей.

— Как там её звали? Ах да, Лили. Лили Эванс. И сохли по ней и руноведы, и вечно чумазные хаффлпаффы, и даже наш юный зельевар посвящал ей свои реакции, не всегда удачные... И будто мало того, что была маленькая ведьма грязнокровкой, — и это безмерно огорчало нашего героя — она ещё осмелилась сдаться на неумные ухаживания его заклятого врага...

Снейп осел на пол. Он всё вспомнил.

* * *

Бессмертный и бессменный Биннс скрипел с кафедры. Они сидели в ряд: ключищ носом Люпин, бледный, с синими кругами под глазами (*ха-ха!* — кажется, я правильно сообразил, в чём тут дело! Надо ещё проверить свои дневниковые записи за прошлый месяц...), скалозуб и задира Блэк, от безделья занимающийся сейчас превращением в пауков заколок на голове своей безмятежно спящей родственницы и однокурсницы Снейпа Беллатрикс Лестрандж, заносчивый ублюдок Джеймс Поттер рядом с тихоней и подпевалой Питером Петтигрю.

Она чуть опоздала, и теперь свободное место осталось только рядом с ними — никто не осмеливался садиться рядом с гриффиндорской четвёркой: балагуря и подзуживая окружающих⁶⁶, они-то всегда ухитрялись отвечать впопад да ещё писать при этом лекции, тогда как бедолага, оказавшийся по соседству, был обречён пол-урока корчиться от смеха, а ещё пол-урока выслушивать нотации от преподавателей за «неподобающее званию волшебника поведение».

Поттер, конечно, тут же сделал стойку, с его лица махом исчезло развязное выражение, он пихнул в бок Петтигрю — тот безмолвно пересел. Дёрнув бровью, она опустила рядом, гриффиндорец воззрился на неё влажными телячьими глазами и испустил прочувствованный и тяжёлый вздох, который явно предназначался далёким потомкам.

Биннс вещал что-то про фараонов, скарабеев и гробницы; погружающийся в сонную дремоту класс тоже всё больше и больше напоминал групповое захоронение. Блэк душераздирающе зевнул:

— Как же, по-египетски выражаясь, остопирамиде-

⁶⁶ «Перефразируя одного маггловского писателя, труд сделал человека — труд может уйти», — Блэк превратил своё перо в змейку и на радость всем запустил её ползать по классу.

ло всё это — не передать... — он рассмеялся собственному каламбуру. Смех был тут же подхвачен свитой в лице Петтигрю. Ха-ха. До чего же остроумно. И прочее. — Эй, Джеймс...

Но тот ничего не слышал — совершенно ошалевший от близости сидящего рядом объекта обожания, Поттер ел Лили глазами и вздыхал, надеясь столь незамысловатым образом привлечь к себе внимание. Вот, убедившись, что такие невербальные послылы не действуют, он по-быстренькому наколдовал коробочку с конфетами и робко, кончиком палочки, подвинул в её сторону. Лили сидела, выпрямившись и не обращая на него ни малейшего внимания: казалось, она была полностью поглощена лекцией. И тогда его правая рука начала медленно двигаться в сторону её левой. Люпин по-прежнему клевал носом. Сириус и Петтигрю из-за плеча Поттера с видимым интересом наблюдали за происходящим.

— Путь человечества к счастью заплёван через левое плечо, верно, Джеймс? Ты б хоть по дереву постукал на всякий случай, а то я не удивлюсь, если наша многоуважаемая и сильнообожаемая мисс Эванс сейчас влепит тебе прямо промеж глаз. И будет права: за твои вечерние фортели...

Люпин пихнул Блэка в бок и снова закрыл глаза.

Снейп сжал кулаки, исподтишка наблюдая за манёвром Поттера. Вот до её руки осталось пять дюймов... Три... Слизеринец скрипнул зубами и пером. Мерзкий звук заставил вздрогнуть тех немногих, кто ещё не спал. И если на полные отвращения взгляды гриффиндорской четвёрки Снейпу было наплевать, то от её неприязненного вздрагивания сердце в груди сжалось. С другой стороны, Поттер отдернул руку — и это было хорошо. Блэк устался на сидящего в соседнем ряду извечного соперника с внезапно вспыхнувшим интересом.

— Жил-был один мальчик, — скрипучим шёпотом, подражая профессору Биннсу, сообщил он в пространство, — и был он очень страшеньким — ну таким страшеньким, что, когда он играл в песочнице, кошки пытались его закопать...

Петтигрю снова закудахтал, однако ни Джеймс, ни Лили даже не улыбнулись: первый мрачным взглядом прожигал Снейпа, испортившего ему такую многоходовую комбинацию, она же сделала вид, будто и вообще ничего не слышала, хотя брови её недовольно сдвинулись. И от этого сердце слизеринского семикурсника снова болезненно сжалось.

Опять пожалела? Или же?..

Снейп всё же промолчал, мысленно насылая самые болезненные проклятья на ненавистных врагов: он предпочитал не дразнить стаю гусей, а душить их поодиночке.

— Что помалкиваешь, Сопливус? Поди, сочинишь гадость позакovskyристей? — словно прочитав его мысли, не унимался Сириус. — С тебя станется: известно же, чтобы стать чище, не обязательно мыться, можно облить соседа дерьмом. Очень даже в твоём стиле. И в стиле вашего факультета.

У Снейпа по лицу заходили желваки, но он опять не проронил ни слова.

— Неужто наш друг так зарос грязью, что даже оглох? — не унимался Блэк, и это стало последней каплей: покраснев, слизеринец молниеносно вскинул палочку, однако у Блэка с реакцией тоже всё было в порядке, недаром о нём ходила слава одного из лучших школьных бретёров. Два проклятья сшиблись в воздухе, засыпав оказавшихся под перекрёстным огнём Лили и Джеймса разноцветными искрами.

Тот рухнул на неё, прикрывая своим телом и мгновенно покрываясь поганками. Лили сначала ахнула, её глаза возмущённо распахнулись, но... Увидев его лицо, она не отпрянула от отвращения и не дала нахалу столь ожидаемой Снейпом пощёчины. Напротив. В её глазах что-то блеснуло, и это «что-то» категорически Снейпу не понравилось.

Биннс, задумчиво зависший у окна, каким-то чудом ничего не заметил — так и продолжал бубнить, впад

в транс, — Лили, прошипев «идиоты!», потянула Поттера за руку к двери, рядом с которой и сидел будущий профессор зельеделания.

— Тебе нужно в лазарет, немедленно! Идиоты, сущие идиоты! — ещё пара неприязненных взглядов в сторону Снейпа и Блэка. — Идти можешь?

— Да могу... Только не вижу ничерта... — отворачиваясь и пряча от девушки изуродованное поганками лицо (*а ничего, в этот раз мне цвет удался гораздо лучше, — между прочим отметил Снейп. — Надо в другой раз попробовать мухоморы. Это нарядней*), ответил Поттер.

— Я провожу тебя... И — спасибо.

Пригибаясь, они проскользнули к дверям — Лили тянула юношу за собой, и вид их соприкасающихся рук вызвал такую боль, такую любовь и такую ненависть — Северусу показалось, что он сейчас задохнётся. Дверь прикрылась неплотно, однако вместо удаляющихся шагов из коридора донеслись совсем другие звуки. Не в силах поверить в услышанное, Снейп заёрзал, подошёл к дверям, осторожно приоткрыл пошире, выглянул и онемел: они... обнимались. Поттер крепко держал её за талию, а она... она... а Лили... — он судорожно сглотнул, — она, держа в ладонях его обезображенное сейчас лицо, целовала его в щёки, лоб, губы; целовала так, что даже Снейп, знающий об отношениях полов исключительно по рассказам в мужских компаниях (Малфой, как всегда, держал первенство — как по цинизму историй, так и по их количеству), сразу понял: они целуются отнюдь не в первый раз.

А значит... значит...

— Дурачок, хорошо — я прощаю, прощаю тебя, — донеслось до него.

— Лили, клянусь — я больше не буду. Никогда-никогда.

— Я не сержусь... Я так тебя люблю... Пойдём...

Снейп не помнил, как сел на своё место; ему было наплевать на насмешливые взгляды Блэка и прочих. Не заметил он тогда и пронзительных серебристых глаз, устремлённые на него с другого конца класса.

Уничтожить. Уничтожить его. Ненавижу!

— Не смейте... не смейте... — сколько раз он простонал это слово, прежде чем осознал, где находится?

Всё тот же зал, только теперь Вольдемоорт восседал в высоком кресле, положив руки на длинные подлокотники, а сам Снейп полулежал на полу, одной рукой держась за грудь, а другой — за лоб, будто боясь, что они сейчас разорвутся. Думотвода не было, куда и когда он исчез, Снейп не заметил.

Но зато совсем рядом, едва ли не на расстоянии вытянутой руки...

...Лили?..

Глаза рыжеволосой юной женщины были полны скорби и немного упрёка.

— Лили! — он хотел подняться, однако тело не слушалось, и тогда, забыв, где и перед кем он находится, Снейп попытался подползти к ней. — Лили...

Дрожащая рука приподнялась, и Лили тоже чуть шевельнула пальцами. Вот их разделяло пять дюймов... три...

— Зачем ты убил меня, Северус Снейп?

Голос.

Живой голос давно мёртвой женщины...

Его рука замерла.

— Я не...

— Зачем...

В тот миг, когда он уже предчувствовал мягкое тепло её ладони, она вдруг вскрикнула и рассыпалась во прах, оставив на каменных плитах обугленную тень, а рука профессора обгадилась кровью.

— НЕ СМЕЙТЕ!!!

— И снова здравствуйте, — теперь в голосе Тёмного Лорда не было ни напускного внимания, ни поддельного сочувствия. Снейп поднял голову, сквозь пелену слёз увидел глаза, и рука тут же произвольно дернулась к горлу — ему показалось, будто он даже услышал

лязганье сомкнувшихся на шее клыков. — Я подумал, что наказание за былое оказалось слишком суровым, а потому решил вернуть то, что по праву тебе принадлежит, слизеринское отродье. Твои драгоценные воспоминания.

— Не смейте... — Снейп сам с трудом разобрал собственный хриплый шёпот, однако Вольдемо́рт его услышал.

— Вот как? Тебе не понравилось, что я назвал тебя слизеринским отродьем? Разве ты этого не заслуживаешь? Или ты не вспомнил, как решил положить жизнь, чтобы уничтожить Поттера? Как твоя ревность, ненависть и неутолённое тщеславие привели тебя сюда? Или ты забыл, что ты — один из тех, кто в итоге и убил эту твою маленькую обожаемую рыжую сучку?..

— Неправда!!! — Снейп взвыл, как раненый зверь.

— Неправда? Ах-ха... — короткие змеиные ноздри на лице Тёмного Лорда задрожали, — так-так... Значит, это не ты приносил мне клятву, в которой говорилось, что отныне мы едины, и дела одного из Ордена — суть дела всего Ордена? И не ты участвовал в изготовлении Следящего Зелья, благодаря которому удалось выйти на Петтигрю и как следует с ним поработать? Или же ты забыл, что над её смертным ложем сиял этот знак?!

Щелчок пальцами — и мантия на правой руке Снейпа с треском разорвалась, а сам он взвыл от боли: на коже раскалённой меткой светился Знак Мрака.

...Зачем ты убил меня, Северус Снейп?

— Неправда... Я... Я... — наверное, он хотел сказать «я не убил её», но губы предали: — Я не любил её...

Скрюченные пальцы мастера зелий заскребли по каменным плитам.

Вольдемо́рт улыбнулся. Поднялся и положил белую ладань на содрогающееся плечо согбенного у его ног хрипящего и давящегося рыданиями человека.

— Ступай, Северус. И тогда, возможно, я пощажу тебя. И сотру тебе память.

* * *

Рон и не ведал, что это может быть так: счастье плавило, захлёстывало, уносило; ничто не могло стереть с его губ глупую улыбку. Разом стало наплевать и на ехидные похмыкивания, и на выразительно поднятые брови Дина Томаса, и на его многозначительные «что девственницы? Они годятся один раз и только для жертвоприношений» — раньше Рон непременно бы полез в драку или же, на худой конец, послал бы не в меру языкастого однокурсника куда Хагрид фестралов не гонял⁶⁷. Однако сейчас он купался в настолько удивительной, ни разу не испытанной доселе радости, что в ответ только довольно краснел и застенчиво скрёб в затылке.

Если б кто-нибудь совсем недавно сказал ему, что наступит миг, когда сплетённых пальцев и неумелых застенчивых поцелуев, бесконечных разговоров и совместных прогулок будет хватать... Что на свиданиях вместо того, чтобы «заниматься делом» он будет с упоением рассказывать сам и слушать её, наслаждаясь смешным акцентом и забавной неправильностью английской речи, — о нет, Рон бы никогда не поверил. И вот — пришёл миг, когда он о большем и не мечтал. Хорошо-хорошо, положила руку на сердце — мечтал, однако прекрасно понимал, что заявлениями такого плана просто-напросто перепугает Стану, если и вовсе её не потеряет. А она была для него куда драгоценней краткого мига удовольствия: Рону казалось, будто он обрёл смысл жизни, — теперь он знал, зачем и ради кого живёт, ему хотелось что-то делать, двигаться вперёд; ему хотелось быть рядом, защищать и оберегать, причём, как он с удивлением понял через какое-то время, — не только её, но и едва ли не весь мир.

Однако уже через неделю счастье пошло на убыль, сменившись странным беспокойством, нарастающим день ото дня. Наконец, наступил день, вернее, вечер, когда Рон уже не почувствовал, а отчётливо осознал — со Станой что-то не так. И это «что-то» очень серьёзно. Откуда взялись эти отстранённость и печаль, почему она бледнеет и прячет глаза? О чём она постоянно думает, на все вопросы отвечая лишь грустной отсутствующей улыбкой? Может, что-то не так с ним самим? Может, он обидел её? Торопливо проанализировав последние встречи, он с ужасом осознал — и без того не такая живая и подвижная, как раньше, в последнее время Стана стремительно меняется, истаявая, будто снег под весенним солнцем.

Вообще-то дело шло к ночи, и Рон уже собирался засыпать, однако сон как рукой сняло. Сев на кровати — будто это могло поспособствовать ясности мысли — он снова задумался, нахмурившись и привычно запустив в рыжую шевелюру пятерню, и уже через миг с остервенением вцепился в волосы, захлебнувшись от ненависти к самому себе: *дебил! Конечно, как же я сразу не понял! Наверняка я надоел ей, и она не знает, как от меня избавиться!*

Рон был близок к тому, чтобы выскочить из кровати и бежать выяснять отношения прямо сейчас.

...Какой же я дурак! Думал только о себе, не считаясь ни с её чувствами, ни с её желаниями... Конечно, как же я мог помыслить, будто она могла... такого, как я... — застонав от бессильного отчаяния, он с силой вlepил себе в лоб кулаком. — *Что же делать?..*

Мысль о сне казалась кошунством — Рон вряд ли бы нашёл в себе силы принять горизонтальное положение. Он сунул ноги в шлёпанцы и замер: может, поделиться с Гарри? Он представил эту картину: близко-руко щурящийся, ничего спросонья не соображающий друг, на которого посреди ночи вываливают очередную историю неразделённой любви... Видимо, угадав его намерения, с соседней кровати, на которой спал Невилл, донёсся умоляющий вздох, кажется, что-то вроде «нет... не надо... нет...».

Рон узрел в этом руку судьбы и глас божий.

...У него и без меня головной боли хватает.

Камин в гриффиндорской гостиной ещё горел, и около него шушукались две семикурсницы — кажется, одной из них была подружка Вики Фробишера. Рон метнул в них мрачный взгляд, потуже закутался в мантию, дабы не демонстрировать смешную пижаму, из которой он уже год, как вырос, и повернул в сторону портрета. Раздражённый пинок — с той стороны донёсся возмущённый вопль Полной Леди — Рон, даже не обернувшись на негодующие причитания, поплёлся наверх: там, между шестым и седьмым этажами, почти под самым выходом на крышу гриффиндорской башни, имелось разбитое окошко. А глоток свежего воздуха сейчас бы оказался весьма кстати. К несчастью, Филч, снадаемый предрождественской хозяйственной лихорадкой, окно перестеклил, лишив отчаявшегося гриффиндорца последней радости в жизни.

Что такое не везёт и как с ним бороться, — Рон почувствовал прилив желания высадить стекло и даже занёс руку. — *Из двух зол выбираем оба. Какая теперь разница?*

И вдруг...

Откуда-то сверху донеслись шаги, потом смех. Потом голоса. Рон наострил уши. Холодный пот крупными каплями выступил у него на лбу: один голос был мужским, а второй... Второй он узнал бы где угодно и когда угодно: Стана. И она... она... — он проглотил комоч, распирающий горло, — она искренне, радостно смеялась, вторя чуть приглушённом баритону.

Сначала Рону захотелось убежать: голоса быстро приближались, и его бросило в жар от мысли, что она может решить, будто он выслеживал её. Но он замер — то ли в порыве какого-то мазохистского любопытства, то ли из желания убедиться, что всё это ему не снится.

⁶⁷ Помнится, во время истории с Эшли всё происходило именно так.

ся... За это время Стана и её спутник приблизились настолько, что Рон уже мог различить слова. Сам того не желая, он прислушался и в очередной раз похолодел: Стана говорила на родном языке.

...С кем она здесь может говорить по-болгарс...

В этот момент мужчина что-то ответил, и торопливое эхо донесло в целости и сохранности до Рона и голоса, и фразу... Ноги подогнулись сразу же:

...Не... может... быть...

Страхнув с себя оцепенение, он прыгнул в густую тень, порадовавшись, что потащился на ночную прогулку не в башмачищах, которыми он бы наверняка перебудил бы живых и мёртвых, а в шлёпанцах⁶⁸.

Стана и Крум рука об руку прошли мимо. Рон поразился выражению безмятежного счастья на её лице и неприкрытому обожанию, с каким она взирала на Виктора. Однако вспыхнувшая в душе ревность исчезла уже через долю секунды, он едва ли даже успел её осознать.

...Ничего не понимаю...

Рон ошалело уставился на Крума и, будто почувствовав чей-то взгляд, тот, проходя мимо, чуть притормозил и начал медленно — словно приносиваясь — поворачиваться. Тёмные глаза буравили тьму, в которой затаился Рон. Без сомнения, Крум если не увидел, то почувствовал его...

Вот только Крум ли это? Может, привидение? Но тогда откуда этот звук шагов и вообще — почему он непрозрачный? Может, наведённая галлюцинация? Однако для подобных штук требуется изрядное мастерство — кто бы стал так возиться ради какой-то студентки? И тогда бы вряд ли его увидел я... А если это...

Перед глазами встали строки конспекта по защите от Тёмных Искусств — благо, зачёт у мадемуазель Делакур состоялся в самом начале этой недели. Рон почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, и кубарем посыпался с лестницы, нашаривая в кармане волшебную палочку, — сейчас ему было наплевать, что все методы борьбы ведомы ему исключительно в теории⁶⁹, — ради неё, ради Станы он бы сейчас вышел даже с голыми руками против любого чудовища. Волна любви, страха и какой-то собственнической ярости против попытавшегося отобрать то, что Рон считал принадлежащим только ему, влекла вниз. Однако ни Станы, ни Крума он не нашёл — ни на лестнице, ни в холле у портрета.

— Стана! Стана! — истошно крикнул Рон, умирая от отчаяния и беспомощности.

Полная Леди в ответ на отчаянный стук по раме снова начала возмущённо бухтеть:

— Фи, какая вопиющая грубость! Я непременно доложу по инстанциям о подобном возмутительнейшем... — пышный бюст в глубоком декольте трепетал.

Рон понял, что насилием тут ничего не решишь.

— Приношу извинения за свои дурные манеры, — произнёс он опасно подрагивающим голосом, — однако не соблаговолите ли вы сообщить мне, не проходила ли здесь случайно черноволосая девушка — Стана Браткова с четвёртого курса. А с ней мог быть... э-э... — он осёкся.

Полная Леди уставилась на гриффиндорца с заново вспыхнувшим интересом:

— Стана Браткова? Уж не та ли, с кем вы, юноша, в последнее время... Хо-хо... Нет, она не возвращалась — как ушла часов в десять... Надо сказать — регулярно нарушает школьные правила! Конечно, я понимаю — молодость, молодость, однако же... Она вас бросила, да? Или водила за нос, встречаясь с другим? —

в голосе зазвенели охотничьи нотки, а кулаки Рона побелели. — Ах, бедняжка... Вот они, эти иностранки — никаких представлений о нормах поведения, полное отсутствие моральных устоев... — Рон скрипнул зубами. — Она ведь каждую ночь бегаёт на какие-то таинственные свидания и ещё ни разу не вернулась раньше трёх часов, — добавила Полная Леди конфиденциальным голосом.

Рон побелел.

— И сколько эти длится?

— Да, почитай, с тех самых пор, как она вернулась из Болгарии. Кажется, она была на похоронах? Ах, бедный мистер Крум... — Полная Леди заломила руки, и Рону стали видны ямочки на её локтях. — Такой был милый юноша... Трагическая судьба... Неразделённая любовь... Ужасная смерть...

...Ужасная смерть?!

Рон пулей вылетел обратно к сплетенью лестниц и коридоров.

Куда?! Туда? Или туда???

От бессилия снова захотелось завывать. Слабо веря в успех, он метнулся в ближайший коридор:

— Здесь не проходила?..

Портреты сонно моргали и пожимали плечами — «не видели, не слышали, не знаем». Рон упрямо метался по коридорам, взбегал вверх «скажите, вы не заметили?» и снова спускался вниз — «вы не видели?», походя лупил кулаком в стенки «чёрт, чёрт, ЧЁРТ!!!», пока...

Юркая старушенция с потемневшей картины у винтовой лестницы, ведущей на крышу гриффиндорской башни, закивала — да так яростно, что Рон даже испугался, как бы та не вывалилась из-за своей перекосившейся рамы:

— Хе-хе... Как же, как же! Такая парочка — такая милая парочка... Да-да, черноглазая... Хе-хе... Именно — с высоким молодым человеком...да-да, явно старше её... Вот только не думаю, юноша, что вам стоит так бежать, — судя по их виду, третий там окажется явно лишним, хе-хе...

Рон со всех ног уже мчался вверх, вознося молитвы всем святым, чтобы успеть вовремя: раз-раз — в два шага пролеты оставались позади. Становилось всё холоднее, сверху сыпалась снежная крупа, но он не замечал — взмыленный и задыхающийся, с налипшими на красное, как помидор, лицо волосами, он босиком мчался наверх — тапки были давно потеряны в одном из безвестных коридоров.

Дверца вяло поскрипывала на сквозняке. Рон, не сбавляя темпа, шарахнул по ней ногой и вылетел на крышу — зубчатые стены, узкие бойницы с подушечками снега, заснеженные каменные плиты, пересечённые цепочками шагов и... Дыхание занялось. Тонкая фигурка, раскинув руки, замерла на парапете — едва Рон увидел её, как всё остальное разом исчезло из его сознания, остались только запрокинутая голова, раскинутые руки-крылья... И парящий рядом тёмный силуэт. Широкие, чуть опущенные вперёд плечи. Сомнений не было — это Крум. Равно как и не оставалось простора для толкования его намерений: сам уже сделавший шаг в бездонную ночную пропасть, он держал балансирующую на самом краю Стану за руку.

— Стана! — взвизгнул Рон и тут же зажал себе рот, увидев, как дрогнули её плечи и девушка опасно качнулась, удержав равновесие в самый последний момент. Рону показалось, будто Крум метнул в него полный ненависти взгляд и что-то быстро произнёс по-болгарски. Во всяком случае, Рон не понял ни слова.

Времени на раздумья не оставалось — одним прыжком гриффиндорец перемахнул разделяющее их расстояние — и вот пальцы железно сомкнулись на запястье девушки — аккуратно в тот самый миг, когда наява потянула её за собой вниз.

— Стана, что ты делаешь?! — теперь, когда он буквально повис на её руке, Рон наконец-то позволил себе заорать.

Не тут-то было: наява с меньшим упорством тянула её на себя.

⁶⁸ В шлёпанцах с по-восточному загнутыми носами.

Джинни клялась, будто привезла их для любимого братца непосредственно из Египта, однако Гермiona видела точь-в-точь такие же на Малой Эльфийской.

⁶⁹ Как профессор Делакур ни грозила, притащить в школу настоящую наяву и Лик Страха ей никто не дозволил.

— Ну же, Стана!!! — подхлестнул Рон оцепеневшую подружку, и, видимо услышав, та начала медленно поворачиваться. И уже по одному этому движению, по его сосредоточенной плавности и какой-то даже торжественности Рон вдруг осознал, что душа её, похоже, уже сделала шаг через границу, разделяющую тот и этот миры.

— Стана! Очни... — слова присохли к небу — бледное лицо, с синими от мороза (от одного ли мороза?) губами и широко распахнутыми глазами, выдающими сейчас нечто недоступное остальным. — Очнись!!! Ну же...

— Я... Я пойду туда, — строгим голосом, полностью лишённым узнаваемых ноток, сообщила Стана. — Я устала. Я одна. Мне некуда идти. Мне некуда возвращаться. Меня здесь никто не ждёт.

— Дура! Прекрати! — снова сорвавшийся на истощенный крик, Рон отчаянно задёргал её, однако Стана была непоколебима, будто изваяние. — Ты не одна! Ведь... Ведь я же с тобой!

На мгновение ему показалось, будто ладонь чуть потеплела. Но только на мгновение: наява колыхнулась в воздухе, что-то прошептала — и вот Рон снова сжимал в руке кусок льда.

— Я совсем одна, — механически твердила девушка. — Здесь. Я. Одна. Он ждёт меня. Он скучает. Ему плохо. Раньше он всегда был со мной. Всегда выручал. Пришла моя очередь помочь ему.

— Ему не нужна помощь! Он вообще уже не человек! Это наваждение! И ты тут не одна! — отчаянно взывал Рон, пытаясь заглушить нашёптывания Крума, бросающего на него полные лютой ненависти взгляды. — Я не отдам ему тебя! Ни за что! Никогда! Я люблю тебя, слышишь? Хочу, чтобы ты жила! Чтобы ты была счастлива! Чтобы мы были счастливы! Не уходи! Я всё для этого сделаю! Не знаю, нужен ли я тебе, но, Стана, — если ты хоть что-то ко мне чувствуешь... если тебе не наплевать на то, что чувствую я... умоляю — вернись к нам, ко мне!

Ударил морозный ветер, взметнув снег с макушки ближайшего сугроба и швырнув Рону в лицо. Гриффиндорец закашлялся, однако ещё крепче сжал ледяное запястье и дёрнул девушку на себя. Он бы не удивился, если б вовсе оторвал сейчас ей руку, — однако Стана как-то на удивление легко подалась, и оба они рухнули в снег. Наява сгинула.

— Рон? — её бледно-синие губа едва шевелились, словно вместо слова она уронила камень. — Зачем ты пришёл за мной?

Рон лежал под ней, прижимая к груди изо всех сил. Он сам не мог понять, хочется ему сейчас плакать или смеяться.

— Потому что ты — бестолковая дурёха и с тебя глаз нельзя спускать, — в сердцах ответил он. — И поэтому я о тебе беспокоился.

— А то, что ты сейчас сказал... Это... правда?

Наверное, всё же смеяться...

— Правда-правда, — сварливо откликнулся он, осознав, что сегодняшняя часть неприятностей, кажется, уже позади. Тут же возникло неодолимое желание взять розгу и в лучших традициях миссис Уизли всыпать кое-кому, как следует. — И могу повторить для чокнутых эгоисток: я люблю тебя и буду тебя защищать, чего бы мне это ни стоило.

Белый снег сверху и снизу, белый снег вокруг делал лицо Станы ещё блее. Рон смотрел на неё, не в силах оторвать глаз и внезапно осознав, что важнее этого мига у него ничего не было. И что всё только начинается.

— Я не эгоистка, — упрямо возразила она, и он мысленно перевёл дух: раз к ней вернулась вечная жажда противоречить, значит, всё в порядке.

— Да ну? А ты подумала о других — о родителях, друзьях, обо мне?

— Прости, — она виновато отвела глаза, опустила голову ему на грудь, и даже сквозь ткань он почувст-

вовал, какой ледяной была её щека, — понимаешь, это так странно — когда он звал меня, когда приходил... я словно переставала осознавать реальность, снова возвращаясь в детство, когда всё было просто, когда я чувствовала себя такой защищённой и не сомневалась, что впереди ждут только счастливые дни... Он выслушивал меня, он всё понимал, он жалел меня, рассказывал, как ему плохо там... Вот я и подумала, что надо найти в себе мужество разом покончить с болью и одиночеством — и его, и моим...

— Бред какой! — с чувством фыркнул Рон. — Настоящее мужество — продолжать жить несмотря ни на что, ясно? Малодушно сбежать может любой — невелика премудрость размазать свои мозги по камням или сигануть в озеро... И вообще — о каком одиночестве идёт речь, если ты и я... Если мы с тобой...

Стана подняла голову. Рон тут же покраснел, осознав внезапно близость и хрупкость её тела, которое он сжимал в объятиях.

— Э... Короче — не могла бы ты с меня слезть, а то мне, типа, холодно. И вообще, сколько можно тут валяться.

Стана поднялась, Рон следом за ней выбрался из сугроба, и тут-то всё и ощутил: и ледяной огонь жгущего босые ноги снега, и холодную сырость промокшей, прилипающей к обледеневшей спине пижамы, и пронизывающие вздохи морозного ветра... Нижняя челюсть тут же заходила ходуном, и он звонко щёлкнул зубами.

— Па-па-пайдём внутрь...

Крепко держа Стану за запястье, Рон, вздымая за собой снежный бурун, рванул к дверям, на негнувшихся ногах пересёк заснеженную крышу, слетел с лестницы, перескакивая через ступеньки, ворвался в пустую гриффиндорскую гостиную, где едва брезжил камин, — и всё это не разжимая руки. Не последнюю роль, признаться, сыграло то, что очкоуевшие пальцы просто не разгибались. Пихнув девушку на диван у камина, Рон с трудом произнёс заклинание и замер, трясясь всем телом. Какое-то время тишину нарушало только дружное клацанье зубов. Оценив состояние Станы, Рон с трудом шевельнулся и под её вопрошительным взглядом направился к лестнице. Спальня шестикурсников встретила его мирным и мерным дыханием. Рукой, ледяной от въевшегося в самые кости холода, Рон сдёрнул одеяло с Дина Томаса и как следует приятеля потряхнул. Ноль эмоций — только короткое, но чёткое указание конечного пункта, куда Рону следует немедленно отправиться.

— Lumos! — Рон задрал однокурснику веко и направил свет волшебной палочки прямо в глаз. — А ну, говори, где огневики!

Кулак просвистел прямо над левым ухом. Дин рывком сел на кровати.

— Ты что — совсем рехнулся?! Какое тебе, мантикраб тебя тра-та-та, огневики?! Который час?!

— Последний раз...

— Э... понял-понял, — глаза привыкли к темноте, и Томас различил выражение лица одноклассника. Ничего хорошего оно не сулило: Рон явно не собирался повторять свою просьбу в третий раз. Гриффиндорец три раза стукнул волшебной палочкой по тумбочке. — Трубы горят... Ночь на дворе... Держи... — бухтел он себе под нос.

Хлопнула дверь.

Дин сидел на кровати, задумчиво прислушался. Справа похрапывал Симус. У окна — что-то лопотал Невилл. Полог кровати Гарри был задёрнут — тот тоже спал.

— И с кем он собрался напиться? — ни к кому конкретно не обращаясь, поинтересовался Дин. Зевнул. Посмотрел на портрет Парвати — та сладко спала, причмокивая во сне. Он улыбнулся: кто-кто, а он-то знал: у настоящей Парвати Патил имелась та же привычка. — Алкоголь в малых дозах безвреден в любом ко-

личестве, — назидательно изрёк он и плюхнулся обратно на подушку. Мысли оставили ненормального Уизли, решившего в одиночку выпить посреди ночи, и потекли в куда более приятном направлении. Под их нежное покачивание он и уснул.

Когда Рон вернулся в гостиную, он не сразу сообразил, куда девалась Стана, — та с головой завернулась в прикрывающее протёртую обшивку дивана огромное покрывало. Только глаза тревожно и виновато поблескивали в темноте. Рон выдернул зубами пробку, понюхал, сделал пробный глоток, тут же закашлявшись до слёз. Зато живительное тепло сразу же плеснулось в желудке, а оттуда растеклось по телу.

— Держи, — он сделал ещё глоток, украдкой вытер глаза и сунул бутылку в руку Стане. Пальцы девушки были по-прежнему холодны, как сосульки. — Пей давай. Сделай пару глотков. Небольших, — тут же уточнил он.

Девушка покорно поднесла бутылку к губам и задохнулась от одного только запаха.

— Пей-пей, — настаивал Рон. — Конечно, кашлем насморк не испортишь, однако у нас с тобой есть все шансы завтра загреться к мадам... А-апчи! — неожиданно для себя самого закончил он.

Стана зажмурилась, словно перед прыжком, выдохнула и мужественно запрокинула голову, тут же закашлявшись так, что Рон даже испугался. Зато уже через пару минут она выползла из-под покрывала, и на её щеках заиграл слабый румянец. Далее всё происходило в полной тишине — словно все слова уже были сказаны, дрожащие юноша и девушка сидели у камина: бутылка вернулась к Рону, потом снова переключе-

вала к Стане, опять к Рону — и вот он уже почувствовал свои ноги, пальцы тоже начали слушаться, да и руки Станы заметно потеплели.

...А губы? — почему-то подумал он и тут же мысленно дал себе по голове.

Неожиданно девушка судорожно зевнула и прикрыла глаза. Рон тронул её за плечо, однако вместо того, чтобы проснуться, она вдруг покачнулась и рухнула ему на колени.

...Разбудить? Да никогда...

Рон улыбнулся, снова прикрыл Стану покрывалом, подсунул руку ей под щеку, чтобы было удобней лежать.

— Стана... — прошептал юноша. Улыбнулся и откинулся на спинку, прислушавшись к странным, неведомым доселе ощущениям. Тепло доверчиво прильнувшего к нему тела. Едва слышное дыхание. Прилипшая ко лбу чёрная прядка. Он осторожно поправил её, погладил спящую девушку по волосам. Наклонился и зачем-то понюхал их, всё ещё хранящих свежесть морозной ночи, едва не ставшей для неё последней.

...Стана...

Рон уставился в огонь. Языки пламени плясали за решёткой, двоясь и троясь, синие огоньки перепрыгивали с полена на полено. Расфокусировавшиеся глаза снова вернулись к спящей на коленях девушке. Рон зевнул и наклонился к её уху:

— Ты не одна... И я не один... — глаза закрылись, он кнулся лбом ей в плечо. — И мы справимся. Отвечаю...

Бутылка тихонько стукнулась об ковёр, Рон крепче обхватил свернувшуюся под покрывалом Стану. Подстерегавшие его сны казались тёмными омутами, где можно было утонуть.

Глава девятнадцатая, в которой чуть-чуть играют в шахматы, немного беседуют и довольно успешно машут кулаками.

Вопреки уверенности Дина Томаса, Гарри отнюдь не спал. Он в последнее время вообще засыпал с большим трудом — чтобы расслабиться и отогнать от себя постоянное напряжение, приходилось прикладывать усилия, кроме того, вот уже несколько дней шрам вновь напоминал о себе лёгкой, однако весьма неприятной пульсирующей болью, заставляя снова и снова возвращаться к событиям последних недель. Вот и сейчас — вместо того, чтобы безмятежно посапывать в постели по примеру, скажем, Невилла или Симуса, Гарри снова так и эдак крутил в голове легенду о Защитнике, пытаясь приставить друг к другу имеющиеся части заклинания и прикидывая, как могут звучать две остальные и где их искать. Нельзя сказать, чтобы он полностью рассчитывал на собственные силы или же на озарение свыше, когда бы Волею Божией ему бы внезапно открылись все тайны бытия, включая и эту, — просто подобный ритуал занял место вечерней молитвы, после которой он, полностью опустошённый, с грехом пополам засыпал.

...Иногда мне кажется, что однажды моя голова щёлкнет, и я свихнусь...

Не стоит считать, будто Гарри всё пустил на самотёк, не думая о ближайших действиях: во-первых, он хотел встретиться с кентаврами, вернее, с Нортом, и, ежели тот соизволит побеседовать и не ограничится своими традиционным «темна вода в облацах», может, появятся ещё какие зацепки. Потом имелись некие соображения насчёт русалок, однако визит к ним, — ветер за окном опрокинул снежную шапку с карниза, и Гарри передёрнулся от одной только мысли, — стоит всё же перенести на более тёплое время года.

...По возможности, конечно, — вздохнул он, припомнив Тремудрый Турнир, когда пришлось лезть в воду отнюдь не в купальный сезон.

Кроме того, по школе блуждали слухи, будто Хагрид поправил здоровье и с нового семестра приступит к исполнению своих обязанностей, — а уж он-то наверняка знает все местные тайны. Вот только вопрос: захочет ли поделиться? Гарри весьма прагматично

прикинул, каким способом можно извлечь информацию из временами чересчур болтливого и непосредственного, а временами словно язык проглатывающего лесничего. Способов обнаружилось довольно много, однако ни один не оставил у Гарри ощущения беспроектного.

Может, Гермиона подскажет...

Он чуть расслабился — как всегда, когда вспоминал про неё. Мысли тут же приняли приятное направление. Очень приятное. Настолько приятное, что сон упорхнул, а пижама стала на редкость неудобной.

Если у Гарри сейчас и были какие-то пожелания в плане их с Гермионой отношений, то это вообще с ней не расставаться: она стала его тёплой и приветливой гаванью, где всегда ему были рады, где не лезли в душу и не доставали назойливыми расспросами, где он всегда мог просто посидеть рядом, следя за торопливо летающим по пергаменту пером, и рассеяно покивать в ответ на сетования о неуспеваемости М. и плохом поведении N., проблемах с дополнительным заданием по Трансфигурации и курсовой по Нумерологии...

— ...Ты меня совсем не слушаешь! — в притворном раздражении она трянула копной каштановых волос и хлопнула пером Гарри по лбу.

— Ничего подобного! — он встрепенулся, возвращаясь к реальности.

Они сидели у неё в комнате. Всё как обычно: завалянная пергаментами и учебниками кровать, коробки с книгами у стола и склонившаяся над длинным, почти до самого пола, свитком Гермиона. Сосредоточенное лицо, чернильное пятнышко на скуле, чуть сдвинутые брови, усталые глаза, сейчас устремлённые прямо на Гарри.

— Тогда повтори, что я сейчас сказала.

— Да запросто! Муха крупная летала... — автоматически бухнул он и тут же замер, осознав абсурдность фразы. — Какая муха?

— Какая муха? — захлопав глазами, Гермиона вдруг звонко расхохоталась, тени усталости сошли с её лица. Запрокинув голову, она смеялась, и Гарри наслаждался звуком её голоса. — Я спросила «где здесь

круглые лекала» — я черчу схему по Нумерологии... — слова снова утонули в смехе.

— Прости, я задумался, — просмеявшись, признался Гарри. — Знаешь, я тут обнаружил, что первые отношения с кентаврами пытался наладить ещё Салазар Слизерин... Да уж типчик был ещё тот, я тебе скажу... Вообще, забавно выявлять неизвестные грани исторических личностей: выясняется, что на каждой грани — фунт дряни. Короче, то ли он что-то им пообещал, а потом не сдержал слова, то ли...

— Не совсем так, — тут же знакомым менторским тоном перебила Гермиона, отложив в сторону Нумерологию. Гладкий ноготок постучал по книге, которая за просто перебила бы хребет половозрелому горному троллю, — в 1052 году был заключён договор от имени людей и кентавров, в котором были чётко указаны границы...

— Ладно-ладно, — Гарри, поняв, что его ждёт очередная лекция по магической истории, замахал руками, — в любом случае, понятно, почему они с тех пор не доверяют людям...

— Да уж, с интуицией и провидческим даром у кентавров всё в порядке, не то, что у нашей Трелани...

— ...но Норт, вроде бы, неплохо ко мне относится, поэтому я хочу к нему сходить, — если он сам не знает, может, хотя бы подскажет, куда и к кому ещё ткнуться, хотя... — Гарри задумчиво вцепился зубами в ноготь большого пальца, — честно говоря, он всегда плетёт нечто настолько мутно-величественное, что совершенно непонятно, толкает ли он тебя вперёд или же советует немедленно отступить. Но мне кажется, с учётом древности, кентавры могут что-то знать о Защитнике. Нет, — тряхнул он головой, — уверен: знают наверняка.

— Я пойду с тобой.

Слова прозвучали настолько безапелляционно, что юноша вскинул голову: Гермиона, отложив перо, серьёзно смотрела на него карими в рыжую искорку глазами. Пляшущий над фитильком свечи огонёк, словно понимая важность момента, торжественно замер, заморозив на миг их танцующие по стенам тени.

— Но...

Она положила свою ладонь поверх его руки и сдвинула брови.

Взять Гермиону к кентавру?

Идея ему категорически не нравилась: как знать, что скажет Норт? Захочет ли в её присутствии говорить вообще? Не напугает ли? А если окажется, что Гарри нужно немедленно двигаться вперёд, как уже случилось, — не брать же её с собой: истории с увязавшимся следом Невиллом ему хватило с лихвой. С другой стороны — если б не Невилл, пошёл бы он на корм тому растительному чудовищу...

О, нет. После всего, что она перенесла, я не имею права рисковать её жизнью. Но уйти одному — значит смертельно обидеть, ведь я и так постоянно от неё ухожу. Она имеет право знать... Она имеет право... Могут ли ей всё рассказать? Должен ли? — Гарри завозился под одеялом и натянул его до подбородка. — Понять не могу: что она нашла в таком, как я? Вечно вляпываюсь во всякую ерунду, от меня одни неприятности, я постоянно подставляю её под удар. И её, и Рона... Не, женская душа — потёмки, ничерта я в ней не понимаю. Надо бы у Рона спросить, что ли... Интересно, куда его понесло посреди ночи?.. Наверное, живот прихватило...

Гарри прикрыл глаза. Перед внутренним взором замельтешили картинки — Рон, Гермиона, Хагрид, Норт с телескопом в обнимку... Дамблдор в тапочках с загнутыми носами... Реюший над котлом огромной летучей мышью Снейп, с длинными патлами и длинным же крючковатым носом, так и норовящим превратиться в клюв...

Кыш-кыш!..

Зельевар хрипло каркнул и исчез.

А может, ещё раз поговорить с Сортировочной

Шляпой? Может, она ещё что-нибудь вспомнила... Просто подойти к Дамблдору и попросить...

...И, кстати, очень даже неплохо, если Снейп не вернётся до среды: тогда я успею оформить все работы... Интересно, куда он подевался?.. А если и до пятницы не появится... — зевок, — то и эссе... я то...же...

Гарри уснул.

* * *

Гермиону ничто не могло остановить: ни глубокий снег, ни ударивший накануне мороз, ни длинная дорога, ни категорическое нежелание Гарри брать её с собой — положим, он молчал, но молчал весьма красноречиво. Однако он был упрям, а она, как говорится, ещё упрямее: когда рано-рано утром (или же, с учётом времени года, даже ночью) он спустился на цыпочках в гостиную, она уже ждала его в кресле, закутанная в тёплую мантию, с шерстяными варежками в руках. Увидев Гарри, она вскочила, точно ею выстрелили из пращи, и он заметил, как её чуть-чуть потряхивает от волнения и недосыпа.

Они надеялись выскользнуть незамеченными и вернуться до того, как их хватятся (впрочем, в любом случае — отношения этой гриффиндорской парочки уже перестали занимать умы общественности), однако в замке, несмотря на ранний час, уже кипела жизнь: привидения патрулировали коридоры, доспехи распевались, пробуя чуть охрипшие после холодной коридорной ночи голоса, а Филч всю шаркал по замку, меняя свечи в рождественских венках. Делал он это с таким лицом, будто, как минимум, готовился к собственному отпеванию. Миссис Норрис вилась у него под ногами, зябко передёргивала костлявой спиной.

Гарри и Гермиона бесшумно задвинулись в ближайший закуток и затаились. Филч бубнил себе под нос, поминая недобрым словом всех, включая Основателей, и — особенно — многострадальную мерлинову матушку. Прислушавшись, Гарри понял, что столь глубокий генеалогический экскурс не обошёлся без Пивза: проказливый полтергейст ночью сменил все праздничные надписи в Хогвартсе на нечто весьма оскорбительное по содержанию.

— Будь проклят тот день, когда я... — старческая рука в переплетениях вздувшихся вен тряслась, Филч никак не мог попасть по фитилю свечи. Внезапно Гарри испытал нечто вроде всплеска жалости к этому человеку — всеми отчаянно ненавидимому и на эту ненависть отвечающему горячей взаимностью. Гриффиндорец порывисто поднял палочку и тщательно прицелился.

— Ох, ты! — свечка ярко вспыхнула: завхоз дрогнул, отступил, едва не перебив хребет собственной кощёнке. Миссис Норрис с диким взмахом удрала в коридор. Недоумённо покрутив головой, он поплёлся за ней, шаркая ногами и по-прежнему что-то бухтя.

— Гарри, зачем ты это сделал? А если бы он нас заметил? — негодуящим шёпотом поинтересовалась Гермиона.

— А если б он тут ещё час проторчал? — вопросом на вопрос ответил Гарри. — Миссис Норрис наверняка бы нас учуяла. А то б ещё принесло Пивза или гада Гатто — вот было б весело... — он крепко взял её за руку. — Пошли.

Низкий месяц вспахивал землю. На небе там и сям крапинками сверкали звезды. Щёки и носы щипало; прихваченный морозом снег сахарно хрустел под ногами, когда они быстро, почти бегом, пересекли открытое пространство, сбавив темп только в Запретном Лесу, — тот, насколько хватало взгляда, замкнулся в молчании ночи, не шевелилась ни одна ветка. Гарри шёл впереди, протаптывая дорогу, — он специально шагал не так размашисто, чтобы Гермионе было удобно идти по его следам. Она сначала предложила воспользоваться магией, но он тут же отнёс её предложение:

— Мы тут гости, причём незваные. И чем меньше будем привлекать к себе внимания, тем безопасней.

Но палочку держи наготове — всякое может быть...

Они шли и шли, временами проваливаясь по колено, временами надолго застревая у заснеженных завалов. Но по мере приближения к сердцу Леса сугробы становились всё ниже, пока земля не стала напоминать чуть припорошенный сахарной пудрой зачерствевший корж. Идти стало намного легче, хотя из-за отсутствия снега сумрак вокруг сгустился. Гарри время от времени казалось, будто темнота отнюдь не подразумевает пустоту; он скорее ощущал, чем видел их, — почти бесплотные тени таинственных существ, передающих друг другу ночных визитёров, словно по эстафете. Он взял Гермиону за руку, однако тишину не нарушил. Она тоже не решилась заговорить — шла, крепко сжимая палочку и взволнованно глядя по сторонам.

Тропинка взяла вверх, деревья стали реже; всё так же крепко держась за руки, юноша и девушка поднялись на холм с плоской, будто срезанной ножом, вершиной. Несмотря на открытое пространство, снега тут не наблюдалось вовсе, да и воздух был заметно теплее. Гермиона сняла рукавички и размотала шарф. Гарри, казалось, не замечал потепления, как раньше не замечал и мороза: его глаза тут же вонзились в одинокую фигуру, которая замерла у громадного старинного телескопа, устремлённого в предрассветное небо. В темноте кентавр и телескоп казались безумной химерой, триединым монстром — порождением фантазии сошедшего с ума средневекового мага.

Гарри подошёл ближе, и картинка изменилась, чудовище распалось на составляющие: привычно хмурясь в небо, которое в сумерках опускалось всё ниже, и если взглянуть вверх, казалось даже, что длинная труба телескопа подпирает тяжелые тёмные тучи, Норт полировал латунные рычаги и пластины. Неторопливо, вдумчиво, будто от этого зависели сами судьбы рассеянных в бесконечности, спрятанных сейчас за рваной серой пеной звёзд. Поверх звёздных карт и свитков с расчётами лежала потрёпанная шахматная доска, по клеточкам которой уныло ползал отблеск неяркого светильника: керосинка? — кажется, нечто подобное валялось в дурслевском пыльном чулане, где проползли первые годы жизни Гарри.

Гриффиндорец, не сбавляя темпа, направился к хозяину холма, а Гермиона, повинувшись безмолвной просьбе, сначала замерла в отдалении, не сводя глаз с огромного получеловека-полуконя: но, переполняясь любопытством и боясь пропустить хоть слово, всё же невольно сделала шаг вперёд, потом ещё и ещё один.

Чувственное лицо в сеточке морщин — следствие жизни бурной и полной страдания, пронзительные глаза из-под нависших бровей, чёрные космы, спадающие на плечи. В этот момент Норт повернул какое-то колёсико: телескоп натужно скрипнул, и звук этот, кладбищенским карканьем рассёкший ночную хмарь, заставил её вздрогнуть и качнуться назад.

Гриффиндорец почтиительно замер в нескольких шагах от Норта, ожидая, когда тот изволит обратиться на гостей своё высочайшее внимание. Сегодня на это потребовалось довольно много времени: закончив полировать телескоп, кентавр до ужаса неторопливо принял листать трактат по космографии, недовольно хмурясь и поминутно подкручивая фитилёк лампы, — Гермиона подумала, что даже при помощи светильника вряд ли можно было что-либо разобрать в ещё только собирающемся с силами рассвете, — а потом зачем-то обратился к шахматной доске. Та скрипнула под ногтём, Гарри вздрогнул, и, будто только что заметив гостей, Норт обернулся.

Как всегда — никаких приветствий, никакого удивления. Никаких эмоций вообще. Равнодушный взгляд, ровный голос — чуть хриловато-простуженный и негромкий; Гермионе пришлось как следует наострить уши.

— Гарри Поттер... Так-так... — Норт взглянул в какую-то таблицу, потом демонстративно сверился с часами, свешивающимися на длинной цепочке до самой земли. — Ты вовремя. Вовремя сегодня и — совершен-

но невовремя вообще, ибо нет ничего глупее, чем пытаться подогнать время и искать цветы на обледенелой тропе. Не торопи звёзды, и да не опустится их тяжёлая длань, обращая тебя во прах и тлен. Избравший путь да удержится на нём.

Чёрт, я так и знал... — Гарри со вздохом посмотрел в сторону замершей в предутреннем сумраке Гермионы. Она чуть склонила голову, и ему не удалось разобрать выражения её лица. — Началось...

— Тебе удалось свершить то, о чём не могли мечтать сонмы шедших перед тобой, однако послушай совета звёзд и замри... Остановись, ибо нет ничего более предосудительного пред лицом вечности, чем суета. Очисти свои помыслы, вознесись и осмысли пройденный путь, дабы суметь вовремя остановиться и вовремя сделать ход...

Внезапно Норт распахнул доску, фигуры посыпались на мёрзлую землю. Гарри, было, дёрнулся, чтобы собрать их, однако кентавр остановил его движением бровей — и вдруг пешки, кони и ферзи сами собой взмыли на доску, заняли положенные рангу места и задвигались, разыгрывая хорошо им знакомую, судя по всему, партию. Бесшумно падали и исчезали поверженные фигуры, белые волны накатывались, затем отступали под напором чёрных, снова шли вперёд, на этот раз с оглядкой. И в тот миг, когда они собрались нанести решающий удар и уже ликовали, Норт вдруг взмахом руки смёл на землю уцелевшие фигуры. Доска опустела.

Кто же выиграл? — Гарри, невнимательно следивший за игрой, почувствовал странное разочарование, что исход остался ему неведом.

Норт наклонился, поднял с земли коня, прищурившись, взглянул ему в глаза.

— Иногда мне кажется, что дни и ночи располагаются в прошлом не в том порядке, в каком они приходят к нам. Все прошлые ночи сливаются в памяти со всеми другими прошлыми ночами, а все дни соединяются с днями, как если посмотреть на шахматную доску наискось и соединить все чёрные поля с чёрными, а белые с белыми, — снова скрипнул по клеткам ноготь.

Гарри заметил, как вздрогнула стоящая поодаль Гермиона. Рассветало, и теперь он видел её лицо, неестественно бледное и испуганное в тусклом зимнем рассвете. Ему немедленно захотелось подбежать и обнять её за плечи, такой уязвимой она вдруг ему показалась. Кентавр же, тем временем, продолжал:

— Наверное, можно увидеть прошлое только с точки зрения королевы или слона: соединив наискось дни или ночи в тот или иной ряд. Настоящее же с его последовательностью дней и ночей видится из перспективы короля, ладьи и пешек, — фигуры сами собой взлетали и ложились ему на ладонь. — Причем король, ладья и пешка не видят ничего, кроме настоящего. Королева же видит и настоящее, и прошлое, она фигура с двойным зрением. А будущее видит только конь, он способен видеть настоящее на две трети, а будущее — на одну треть своего кругозора. К сожалению, мы не кони, — внезапно Норт усмехнулся и звонко ударил копытами. — Однако же...

Он повернулся к Гермионе, и под его пронзительным взором она затрепетала.

— Мы не кони, — повторил кентавр с лёгкой усмешкой, будто пробуя на вкус и звук это смешное слово. — А вы — тем более. Подойди же сюда, — он внезапно отбросил улыбку.

Гарри послушно шевельнулся, однако кентавр мотнул косматой головой и указал мозолистым пальцем на Гермиону — так резко и неожиданно, что девушка вздрогнула.

— Я?... — она приложила ладонь к груди, будто это могло придать ей уверенности, и сделала несколько шагов, встав вровень с Гарри.

— Вы пойдёте со мной. Однажды. Когда именно — небеса вразумят меня, и тогда я дам вам знать. Я жду знамения. Только не стоит думать, будто мы, кентав-

ры, — Норт горделиво тряхнул головой, — решили встроить в мелкие людские дразги. Нет, дело не в этом...

— Тогда в чём? — не выдержал Гарри, чувствуя необъяснимое раздражение от пренебрежительного жеста по отношению к Гермионе, сейчас трепещущей от старательно скрываемых страха и тревоги. В голосе его зазвенел сарказм. — Ты же сам сто раз мне повторял о тщете человеческих порывов, твердил про песчинки в багровом приливе Вселенной! Почему же вы решили снизить до нас, песчинок?..

Кентавр вздохнул. На холме воцарилась напряжённая тишина. Покосившись на Гарри, Гермиона вздрогнула: его зелёные глаза горели, да что глаза — всё его лицо, оно стало совсем другим... Таким же, как в тот миг, когда он в здании Маготрибунала швырнул Сириусу палочку, таким же, как в ту наполненную бесконечным счастьем и беспросветным ужасом ночь, когда он поддерживал вокруг неё Защитную Сферу.

— Ну же!

— Гарри... — прошептала она и тут же осознала, что он не слышит её, что он сейчас весь там...

Норт пожал плечами.

— Подчас одна песчинка способна привести в движение бархан, а следом за ним — всю Вселенную: тебе ли это не ведомо — он вознёс палец к небесам. — Однако помни: избранность — тяжёлое бремя, которое по силам далеко не каждому, причём не только самому избранному, но и идущим или же пытающимся идти рядом с ним. Звёзды сообщили мне, что я тоже избран, — избран стать твоим проводником туда, откуда не возвращаются вовсе или же возвращаются иными, — пальцы Гермионы стиснули ладонь Гарри так сильно, что он охнул и вновь осознал её присутствие. — Ты многого добился, многое свершил — преграды против Зла, демоны, Внутренние Сердца... Существа, от одних названий которых стынет кровь даже у меня, а я — поверь — кое-что видел за свои пару веков... Ты сумел отвоевать самое ценное, что существует в нашем светлом людском мире. Однако по силам ли тебе окажется собственная душа и собственное Внутреннее Сердце? Достанет ли у тебя смелости и мужества заглянуть туда однажды и хватит ли сил вернуться? Сумеешь ли ты вернуться от тяжёлой руки судьбы, сумеешь ли устоять? Сумеешь ли вынести тяжкое бремя, решить задачу, которая — как знать — может и не иметь на тот момент ни одного верного решения?..

— Какую задачу? — не сдержалась Гермиона, услышав знакомое слово. Встрепенулась и разом прижухла, съёжилась под почти осуждающим взглядом Норты.

Тот переступил копытами, внезапно принявшись созерцать светлеющее зимнее небо, которое проглянуло сквозь прорезь туч на горизонте.

— Не спешите — и да не потороплены будете тогда, — сообщил он в пространство привычным занудно-пророческим тоном, по которому Гарри понял, что время аудиенции подходит к концу. — Я уведомя вас, когда небо подаст мне знак, ибо только оно лишено торопливости и суеты, спеси и тщеславия, избавлено от застывших истину эмоций и очерняющего все порывы эгоизма, коим переполнен род людской... Я должен дождаться знамения. Вы тоже должны научиться ждать. И пусть пойдёт разлука вам на пользу... — внезапно добавил он, и Гермионе показалось, будто она услышала в его тоне ехидные нотки.

— Разлука?

На этот раз дёрнулся Гарри — его рука крепко сжала её холодные пальчики в несмываемых чернильных пятнах. словно это показалось недостаточным, его ладонь скользнула вверх и легла Гермионе на плечо. Она благодарно улыбнулась.

Норт ничего не ответил. По мановению его неспешной руки шахматы вновь выстроились на доске — только в этот раз, дабы двинуть фигуру вперёд, он брал её рукой.

Белые. Чёрные. Снова белые.

Тихое постукивание в рассветной тишине.

Словно шаги судьбы... — от внезапной мысли у Гермионы засосало под ложечкой. — *Тихие и неумолимые шаги судьбы.*

Тук. Тук. Тук.

Гарри какое-то время следил за игрой, потом отвлекся, вновь перебирая в мыслях сказанное Нортом, — он знал, что тот ни слова не бросает на ветер, а потому следует всё как следует запомнить и обдумать.

Не спешить. Ждать. Сколько? Какое знамение нужно Норту?

Партия, меж тем, продолжалась: кентавр двигал фигуры сам, будто те были не магическими, а самыми обычными.

— Шахматы. Есть в них нечто от Руки Господней — одним взмахом ты творишь новую вселенную... — очередной ход, — зажигаешь новую звезду, — снова ход, и одна из чёрных пешек глухо стукнулась о землю, — ...или же уничтожаешь её, едва дав родиться. Подумаешь же — способен ли ты зажечь новую звезду в себе, в своём сердце. Ибо только она способна провести тебя сквозь тьму. Найди же единственно верный путь. Сделай свой ход.

* * *

Слухи по поводу обнаружения в гостиной Гриффиндора спящих чуть ли не в обнимку шестикурсника Рона Уизли и четверокурсницы Станы Братковой стали предметом горячих школьных пересудов практически до самого Рождества. Причём обсуждавшие в процессе обсуждения испытывали самые разнообразные чувства — можно сказать, использовалась вся эмоциональная палитра. Однако, пожалуй, наиболее сильно окрашенными оказались чувства друзей Рона и немногочисленных подруг Станы (*по понятным причинам*), его заклятых врагов (*тоже по резонам вполне объяснимым*), а так же — пятикурсницы Хаффлпаффа Эшли Макферсон⁷⁰, причём у последней эмоциональный всплеск был связан, помимо всего прочего, с парой едких замечаний, вовремя и к месту отпущенных Драко Малфоем, — и признанная сердцеда, внезапно усомнившаяся в своих чарах, почувствовала себя оскорблённой: *надо же, какой-то рыжий замухрышка... Ладно, пусть не замухрышка, однако...*

Поди, так целоваться и не научился, — она фыркнула, припомнив, причём, не без удовольствия, знаменитый уизливский темперамент, весьма ярко проявлявшийся и в этой жизненной сфере. — *Однако у него, как ни крути, имеются некоторые достоинства... мда... есть что-то в этой физкультуре*, — по губам скользнула кошачья улыбка при воспоминании о гибком и сильном теле, впрочем, не только его — о гибких, сильных телах и других школьных квиддичных игроков. — *И потом — что-то я не припомню, чтобы я отпускала его от себя к этой... Да она наверняка и не умеет ничего — готова биться об заклад на пару десятков галеонов, что она ни разу в жизни не видела*⁷¹...

Разумно прикинув, что впереди каникулы, а значит, действовать надо незамедлительно, хаффлпаффка развернула наступление, и солнце бы завистливо померкло при виде блеска её глаз в тот миг, когда накануне каникул она поджидала Рона в продуваемом всеми ветрами коридоре, потолок которого был заткан пыльной паутиной.

Рон на мгновение замер, чтобы поправить ремень внезапно сорвавшейся с плеча сумки, и в тот же миг мягкие ладони подкрававшейся девушки закрыли ему глаза. Он улыбнулся.

— Стана?

⁷⁰ Признаться, затрудняюсь, к какой категории её отнести. Ну, уж явно не к друзьям.

⁷¹ Дальнейшие рассуждения Эшли я из скромности опушу.

Развернувшись, перехватил её за талию и онемел: он сжимал в объятиях Эшли.

— Т-ты?! — попытка отстраниться успехом не увенчалась: не для того смыслённая пятикурсница провела столько времени на сквозняке, не для того сочиняла ловкую комбинацию, благодаря которой Грейнджер вцепилась в очередную книгу, а Поттер, естественно, остался торчать в библиотеке рядом. — Пусти! Слышишь?

— Э-эй... — вкрадчиво пропела она и тут же мысленно улыбнулась всплеску удовлетворённого самолюбия: он вздрогнул от звука её голоса и сразу пошёл на попятный, а значит...

Конечно: чем его могла осчастливить эта малолетка...

— Что же ты как шарахаешься от меня, Ро-он, — она выдохнула имя ему почти в шею, и почувствовала, как руки, пытающиеся оттолкнуть её, тут же обмякли, — или же ты сделался женоненавистником? Печально...

Тонкий пальчик с аккуратно наманикюренным ноготком нежно скользнул по его длинному веснушчатому носу. Рот влажно приоткрылся и показавшийся из-за ровных мелких зубов розовый язычок неторопливо облизнул губы. У Рона между лопаток пробежали мурашки. Он не хотел на это смотреть, но ничего не мог с собой поделать: стоял и молча пожирал её глазами.

— Только не чавкай, — насмешливо попросила она и продолжила — так многообещающе-тихо, что он, сам того не осознавая, наклонился чуть ниже, ведомый волшебной флейтой её полушёпота-полувздоха, — к самой своей гибели. — Однако... Всё... Легко... Поправить...

Руки крыльями бабочки порхнули по его растрёпанному волосам, усыпанным веснушками скулам, спустились к плечам, груди... Рону показалось, будто по позвоночнику, как по водопроводной трубе, запустили кипяток — его пробил пот, и тут, очнувшись, он всё же отпихнул её от себя:

— Да что ты... — задыхаясь от сумасшедшего коктейля чувств, принялся заталкивать рубашку обратно под ремень, лихорадочно соображая, когда Эшли успела её оттуда вытащить. Сумка грянула об пол — Рон поднял её, снова уронил, опять поднял, едва слышно чертыхаясь и пряча глаза.

Ну уж нет...

Эшли протянула руку и быстрым движениемправила лямку на его плече; через миг пальцы уже была у его подбородка, снова развернули Рона лицом к ней.

— Ну же, Ро-онни... — Эшли склонила голову, повела круглым плечом, — и в неярком вечернем свете, перевитом со светом факелов, ему примерещилась травинка, скользнувшая из одного уголка её рта в другой, в тот, в первый их раз... Рон судорожно заморгал, отогняя наваждение, отвёл глаза, уставился в пол, — каменный пол, расчерченный факелами и превращённый ими в призрачную лестницу, уходящую во тьму. — Приходи завтра... в пять часов... В галерею... Одиноким ведьмы...

Подняв на девушку полубезумные глаза, гриффиндорец молча шарахнулся прочь и со всех ног помчался в факультетскую башню, едва ли осознавая, как пламенеют щёки и больно бьётся сердце в груди. Его не оставляло ощущение, будто он сделал что-то недозволенное, будто он не оттолкнул её от себя, а наоборот — пал в её горячие, отравленные объятия...

Глядя ему вслед, Эшли рассеянно прислушалась к дробн удаляющихся шагов и улыбнулась: она отнюдь не восприняла случившееся как фиаско, напротив, считала полной и безоговорочной победой.

...Придёт, куда он денется. Осталось только придумать, как приволоочь в нужный час в нужное место Браткову, и тогда можно будет повеселиться, — спокойно подумала она. — Даже не придёт: прибежит. В конце концов, он просто парень, а всем им нужно только одно.

Она подмигнула ближайшим доспехам, которые тут же встрепенулись и громко, хотя и не слишком раз-

борчиво забубнили о «звезде путеводной, озаряющей путь страждущим»... или «жаждущим» — Эшли не была сильна в библейских сказаниях, а доспехи хорошей дикцией не отличались. Впрочем, какая разница... — победоносно тряхнув волосами, она гордо направилась в сторону хаффлаффского крыла.

Он бросит тебя, чучело, и ты убедишься в этом собственными глазами — и как он приползёт ко мне, и как будет умолять, лепетать всякую ерунду — поди, он и тебя пытался уломать, верно? А потом я выкину его вон. И всё равно он будет прибегать ко мне по первому моему знаку, потому что я, в отличие от тебя, потная малолетка с метлой наперевес, знаю, как обращаться с мужчинами, — эхо её звонких каблучков ещё долго звучало в коридорах.

* * *

Следующее утро, вопреки грядущему Рождеству, началось отнюдь не празднично. Впрочем, о каком празднике вообще могла идти речь, если...

Хлопанье совиных крыльев, уханье, клёкот заполнили Большой Зал; на столы, лавки и в руки студентов посыпались письма и газеты. Гарри сунул почтовой сове кнат в кожаный кошелёчек на лапе. Откусив тёплой булки, развернул Ежедневный Пророк и...

...звякнул об пол разбитый стакан, однако юноше показалось, будто это мир, рассыпавшись на тысячу осколков, рушится вокруг, оглушая бесконечным, всё нарастающим звоном.

...Ты этого ждал, да, Норт? Ты ЭТОГО ЖДАЛ?!

Корреспонденту Тому Уотсону, специализирующемуся на скандальных журналистских расследованиях и таинственных даже для магического мира происшествиях, стало известно НЕЧТО. Нечто такое, что он просто физически не мог удержать в себе, и оно рвалось наружу, ликующе брызгало слюной из каждой строчки, будто речь шла не о произошедшем нынче ночью жутком нашествии зомби на маленькую шотландскую деревушку и о столь же таинственном их исчезновении, после чего в живых остался только мальчишка, чудом уцелевший под трупами; не об ещё одной стёртой с лица земли деревушке теперь уже на южном побережье Англии, не о таинственно попавшем ему в руки весьма странном документе, в котором едва ли не впрямую указывалась связь между Тем-Кого-Нельзя-Называть и последними событиями, не об опасности, в полный рост воздвигшейся перед всем волшебным миром, а, скажем, об очередном постельном скандале в маг-поп-бизнесе.

«...По сведениям из достоверных источников, представители Гильдии Авроров, примчавшиеся на место спустя полчаса после инцидента, хотела скрыть случившееся от общественности. Доколе мы будем позволять нечто подобное?!»

Большой Зал оцепенел: преподавательский стол мигом опустел, хотя зоркие глаза сразу бы заметили, что и до почты за ним сидела от силы треть, ежели не четверть преподавательского состава, причем все находились в крайне подавленном состоянии. Не было ни деканов (одного, правда, совсем по иным причинам), ни, разумеется, директора — Дамблдора ещё ночью вызвали в Министерство, где сейчас кипела работа: расследование обстоятельств случившегося шло полным ходом.

«...Судя по нашим сведениям, последователи Того-Кого-Нельзя-Называть не были, как то утверждалось, рассеяны по всему миру, а, напротив, сомкнули и укрепили свои ряды. Несомненно, летние события, столь шапкозакидательски принятые за банальный вандализм, являлись подготовкой...»

Портреты пустовали: Основатели сегодня утром даже не появились, дабы, как обычно, поприветствовать учеников, привидения же были настолько взволнованы, что летели напролом, — то тут, то там, раздавались вскрики тех, кому «посчастливилось» повстре-

чаться с ними на узкой дорожке. Даже неугомонный Пивз притих, правда, надо сказать, не сразу: едва он собрался поджечь газету, которую держал в руках профессор Флитвик, как был немедленно отправлен последним в коридор, откуда потом довольно долго несло возмущённое кудахтанье, а следующие студенты входили в Большой Зал мокрые с головы до ног. Школьный полтергейст выместил своё недовольство, однако резвость, тем не менее, поунял.

Впрочем, Гарри сейчас едва ли что-либо видел или слышал. Чувствуя нарастающую пустоту в груди и животе, такую болезненно-резкую, что его даже затоснило, он всё читал и читал, с кровью прорываясь сквозь строчки и колдографии.

«Говорят, будто нападавшие оставили список ближайших целей, в котором — опять же, если верить слухам, — нет стратегически важных для магического правительства пунктов — ни зданий министерств или ведомств, ни опорных транспортных развязок. Перечисляются небольшие селения и городки, как маггловские, так и магические; судя по всему, основной их задачей является всеобщая паника, после чего, вероятно, Тёмный Лорд планирует нанести решающий удар...»

По спине потёк холодный пот.

Не может быть... Неужели началось?.. Неужели я не успел?.. Неужели?.. Защитник...

— Не может быть...

Мир вернулся, обретя звук и цвет.

— Не может быть, — шёпотом повторил Невилл, озвучив его мысли. — Неужели...

За окном мягко громыхнуло.

...Гроза в декабре?..

— Не может быть...

С колдографии, будто пытаясь доказать, что теперь возможно всё, на него полными отчаяния и ужаса глазами взирал израненный мальчик лет десяти, которого держал на руках сотрудник Гильдии Авроров. Позади них чернел залитый кровью снег, из сугробов торчали то ли обугленные ветви, то ли конечности — Гарри не хотелось об этом думать.

Он сжал кулаки. Ярость ударила в голову.

Норт! Ты знал, что это произойдёт? Не этого ли знака небес ты ждал?!

За окном снова раздался раскат грома — на этот раз как будто даже ближе, и цветные витражи мягко содрогнулись. Невилл дёрнулся, невольно повернулся к Гарри и, будто по команде, Лавендер, Парвати, Дин, братья Криви, Лиза Джейн — почти все гриффиндорцы установились на Гарри. Не в силах вынести полных отчаяния и страха взглядов, тот завозился, отвернулся — только чтобы столкнуться с такими же полными недоумения и ужаса глазами, устремлёнными на него со всех остальных столов.

— Гарри...

До странности пустые глаза Гермионы поверх выпуска «Магического вестника».

— Гарри...

Боковым зрением он заметил руку Рона: на стол бесшумно опустился стиснутый кулак. Костяшки пальцев были совершенно белыми.

— Ты думаешь...

Гарри ещё раз оглядел Зал и вздрогнул: из-за стола Слизерина блеснула... да, никакой ошибки — впрочем, Гарри ни на миг не сомневался: ничего другого от Драко Малфоя и его прихвостней ждать не приходится.

Одобрительно оттопыренный большой палец. Кивки. Улыбки.

...Ты... ты ведь всё знаешь!

Он вспомнил начало сентября. Многозначительную усмешку Малфоя... Его удивительно загорелое лицо...

...Отдыхал на островах. Не всем же киснуть под дождём среди грядок с гнилыми кабачками! — зазвучал в ушах протяжный голос.

Зомби... Острова... Загар... Какой же я непроходимый идиот!

Ярость в груди разгорелась ярче, стала больше, теперь ей не хватало места. Гарри внезапно ощутил невероятное желание причинить Малфоя боль — настоящую, невыносимую боль... может быть даже...

Даже...

— Малфой! — рявкнул он. — Малфой, ты... Ты... Это ведь...

...Стоящий на вершине холма кентавр вздрогнул и, не веря собственным глазам, уставился в исписанный закорючками пергамент. По лбу, расчерченному морщинами, сползла капля пота.

...В глубине безымянной древней пещеры дохнуло ледяное пламя, странные тени мелькнули по стене, тут же растворившись во мраке.

...У огромного зеркала, скрестив руки на груди, стоял неведомый наблюдатель, а в серебряных глубинах плавились камни и нежного цвета небеса смеркались от дыма сжигаемых огнём деревьев. Мелькнуло лицо человека — из раны щедро сочилась кровь, заливая ему рот и нос, которые он время от времени утирал тылом ладони, чтобы видеть и левым глазом тоже. Потом он вскинул руку, распахнул ладонь, и всё вокруг осветилось призрачным зеленоватым светом, настолько ярким, что сам он буквально растворился в нём.

— Гарри! — Рон и Гермиона с двух сторон повисли у него на руках, не давая возможности вытащить палочку.

— Мистер Поттер? — быстро подошедшая профессор Макгонагалл положила на плечо ладонь и чуть нажала, принуждая опуститься на место. Не тут-то было. — Прощу вас...

— Присядь, проклятьем заклеимённый, — пропел Малфой, едва декан Гриффиндора отошла на приличное расстояние. Однако сделал это он предусмотрительно тихо, дабы слышали только свои: одного взгляда на лицо Поттера хватило, чтобы понять — все рвущиеся из груди шуточки и комментарии стоит оставить при себе. Как говорится, во избежание. А потому скрив недоумевающе-скорбную мину, Малфой зашуршал газетой.

Впрочем, Гарри это не убедило, и участь слизеринца в этот миг была предрешена: лишь тёплая рука Гермионы и крепкая ладонь Рона удержали от немедленного приведения приговора в исполнение.

Гарри пошевелился, хватка друзей тут же ужесточилась.

— Рон, какого чёрта! — не в силах сдержаться, сквозь зубы прошипел он.

— Я тебя умоляю, — уголком губ ответил тот. — Или ты хочешь лишить меня удовольствия размяться перед праздниками? Не забудь, у меня ещё не закрыт счёт за квиддич, не говоря о прочем...

Гарри выдохнул, кивнул, однако облегчения не пришло. Гермиона тревожно перехватила его под локоть, молча кусая губы.

Пол Большого Зала мягко содрогнулся. Впрочем, возможно, Гарри это просто показалось: он отчаянно стиснул кулаки и до искр зажмурился, чтобы не видеть, не видеть...

Усилием воли и неизбежностью кары изгнав из разума физиономию слизеринца, он снова вернулся к статье, старательно игнорируя шепотки одноклассников, не сводящих с него переполненных страхом и тревогой глаз. Правда, читать всё равно не получилось, поток самообвинений вперемешку с яростью сейчас застил разум и зрение. Гарри таранился в одну точку, сжимая и разжимая кулаки.

Я не успел? Неужели не успел? Нет. Спокойно. Я не должен отчаиваться. Наверняка это какой-то грязный трюк, чтобы выбить меня из колеи, чтобы я потерял присутствие духа и всё бросил. Не дождейся, — Гарри метнул в сторону слизеринского стола полный ярости взгляд. — Я на полути к третьей части Заключения, вот вы и задёрнулись. Значит, я не ошибся,

и дело действительно в кентаврах, значит, отгадка где-то рядом... Я всё сделаю...

Тем временем про инцидент уже забыли: шуршали газеты, голоса начинали звучать громче и громче:

— «...кто мог говорить о банальном маггловском хулиганстве, если не слепцы, не способные узреть глобальность проблемы!»

— Это он о Магополисе, — беспомощно заметила Гермиона, не сводя с Гарри осторожного взгляда. Он повернулся к ней и вздрогнул, увидев выражение лица подруги. — Они летом пытались всё свалить на магглов.

— Почём ты знаешь? — он протянул чуть подрагивающую от сдерживаемого напряжения руку к кувшину с тыквенным соком и едва не снёс со стола молочник.

Ч-чёрт... Спокойно.

Она вздрогнула, и Гарри вдруг осознал, что задал вопрос слишком резким тоном, какого он никогда не допускал по отношению к ней.

— Извини.

Чёрт. Ещё немного, и я начну кидаться на людей, — не способные найти выход, ярость и желание действовать немедленно обернулись против него самого. — Придурак. Возьми себя в руки, немедленно!.. Я не должен... не имею права. Но какого чёрта все на меня усталились?.. Я и без вас знаю!..

— Я... — она испуганно взглянула на него, пытаясь понять, что с ним происходит, — летом в Италии... Я покупала все газеты...

— Гильдия Авроров должна была предусмотреть подобный исход! Смотрите, тут написано, что данный вопрос изучался на самом высоком уровне... — Дин Томас, сидящий напротив троицы, смял газету в кулаке. — Рон, твой отец работает в Министерстве, он ничего не рассказывал об этом дома? Рон! Эй, Рон!

Раза с третьего услышав своё имя, тот вздрогнул.

— Д-да... — невнятно пробурчал он, едва ли, судя по лицу, осознавая, о чём идёт речь. — То есть... Нет, не рассказывал...

— Рон, надо поговорить, — Гарри поднялся.

Гермиона приподнялась следом, но Гарри остановил её, и одного взгляда на его лицо хватило, чтобы покорно плюхнуться обратно на лавку.

* * *

Малфой проводил взглядом вышедших из Зала гриффиндорцев и налил себе ещё один стакан сока.

...Что, сопляки, обделались лёгким испугом, а? Однако хорошие вести повышают аппетит. Даже тыквенный сок сегодня кажется особенным. Удивительно вкусным, — он усмехнулся и залпом ополовинил стакан. — То ли ещё будет, Поттер... то ли ещё будет. Тебе никогда не вызвать этого дурацкого Защитника. А с такой силой, как зомби, мир ляжет к нашим ногам по первому же знаку. Можешь дрыгаться, сколько угодно. И помни, это только начало.

Он снова усмехнулся и принялся аккуратными дольками нарезать бекон. Сегодня аппетит не портили даже похрюкивающие рядом Крэбб и Гойл: впереди ждало Рождество и уверенность в том, что у кого-то кого, а у Поттера ни оно, ни грядущий год счастливыми не будут.

Быстрее бы уж заканчивался этот дурацкий год. Никто не спорит, были в нём и приятные моменты... — Драко вспомнил доблестное вступление в ряды Пожирателей и, главное, хотя он никогда в жизни не признался бы в этом, — уважительный взгляд отца, каким тот окинул его после церемонии; потом в голову почему-то полезла всякая ерунда про Запретный Лес и нимф...

Так не дыши...

Сердце неожиданно сжалось, слизеринец тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение — безжизненное тело, заломленные руки... В результате едва не выколол себе глаз вилкой.

Нет, к чёрту, к гоблину. Всё забыть, перелист-

нуть — вместе с Поттером и его доблестной командой. Погодите, я с вами ещё почитаюсь... отец уже пообещал мне возможность разобраться и с Уизли... — эта мысль особого энтузиазма у Малфоя не вызвала — подумаешь, растоптать гадину! — И с Грейнджер. С Грейнджер...

Драко не заметил, что нож уже давно прорезал кусок бекона, и лишь скрежет металла по фарфору привёл его в чувство.

Грейнджер...

Этой маленькой живучей сучке придётся ответить за двоих — и за себя, и за своего дражайшего Поттера — увы, Малфой-старший сразу предупредил, что в жизни, вернее, в смерти последнего кровно заинтересован сам Тёмный Лорд, а потому положить конец существованию Поттера он собирается собственной рукой.

Я с тобой почитаюсь. Только дожись меня. И за дуэль. И за татуировку. И за то, что ты меня осматривала и лечила. И за Зеркало, и за Зелье Правды, и за Кастрирующее проклятье — за весь мой позор! И за то, что ты не дала себя убить, и за то, что отказалась меня поцеловать... — последняя фраза пришла в голову настолько неожиданно, что Драко даже перепугался, не произнёс ли он её вслух.

Уф...

Судя по благодушным лицам окружающих (ежели так можно было назвать морды Крэбба и Гойла), никто ничего не слышал. Телохранители возились рядом, жадно чавкая и толкаясь.

— Что ты тянешься через весь стол рукой? — Крэбб навис своей мощной тушей над тарелкой Гойла, едва не кувыркнув молочник. — У тебя что — языка нет?

— Есть. Но рукой я достаю дальшек, — в финальном броске дотянувшись до сладких булочек, Крэбб не взял штучку-другую, как полагалось, а поставил всё блюдо перед собой.

Драко брезгливо поморщился.

С другой стороны, эти тупоголовые обезьяны неплохо оттеняли его аристократическую красоту и отлично справлялись с обязанностями телохранителей⁷². В последнее время Драко всегда был начеку и, не полагаясь на грубую силу, на всякий случай обзавёлся ещё парой хитростей.

Малфой перелистнул страницу — после бряцающей негодованием статьи безвестного журналистши шли комментарии официальных лиц. Как всегда, ни к чему не обязывающее бляение.

О! Дамблдор.

Ну-ну...

Драко пробежал глазами текст — с каждым следующим словом глаза его прищуривались ещё больше. К счастью, в этот момент из-за стола Равенкло донеслось истерическое рыдание, ставшее спусковым крючком: все забегали, загалдели... Малфой оторвался от прессы и усталился вверх, где за плавающими в воздухе искусственными снежинками и трубящими ангелами серел зачарованный потолок.

Осталось недолго...

Вопреки грядущему снегопаду, настроение стало приподнятым. Малфой отложил салфетку, потянулся к заварному пирожному, но на полпути передумал и поднялся, бросив напоследок ещё один взгляд на колдографию в Пророке: втопанная в снег и пепел деревенька и какое-то выжившее быдло на руках у «добрестного аврора».

Всем вам недолго осталось.

Драко отправился на учёбу, Крэбб и Гойл, замешкались, пальцами утрамбовывая во рту последние кусочки бутербродов и булок и захлёбываясь молоком. Провившись сквозь толпу студентов, мечущихся в дверях, Малфой напрямик направился на Трансфигурацию. Надо заметить, путь его оказался неожиданно коротким: мгновение назад он, прикидывая планы на ближайшее

⁷² Чтоб ты сглазил.

будущее, поднимался по лестнице на третий этаж, и вот уже с заломленными за спину руками крепко-накрепко зажат между плечами Поттера и Уизли, выскочивших буквально ниоткуда. А ещё через миг трио, чем-то напоминающее пародийную цепочку «маленьких лебедей», шустро перебирало ногами в сторону не первое десятилетие стоящего под ремонтом крыла.

— Какого...

— Поори ещё, — слева меж рёбер больно вонзилась волшебная палочка Поттера. Справа Уизли без разговоров шарахнул локтём в печень. Малфой поперхнулся.

— Давно об этом мечтал. С тех самых пор, как твои прихвостни заперли меня перед матчем в чулане. Хотя вру. Раньше.

Голова Драко заработала, как часы: ему уже доводилось встречаться с чёртовыми гриффиндорцами в честном и не слишком честном бою. Пусть заканчивалось всё относительно благополучно, сейчас, похоже... — он покосился налево, на Поттера... направо — на Уизли... — да, похоже, сейчас его не ждало ничего хорошего.

Чёртов Крэбб! Чёртов Гойл! Раззявы, мантикора вам в штаны! Да я и сам хорош — расслабился на радостях...

Оставалось только уповать на собственную хитрость, а так же на гриффиндорский идиотизм и специфическое понятие «чести». Впрочем, чтобы Малфой — да не имел джокера в рукаве, особенно с учётом надвигающихся событий...

Именно в рукаве...

В экспериментальном порядке подёргавшись и получив ещё раз локтём в бок — на этот раз по селезёнке, со стороны Поттера, Малфой покорно позволил себя отвести в пустой и пыльный класс. Огромная карта под прямым углом переходила со стены на стену и висела сразу на двух гвоздях, так что паутина в углу на прямую связывала расположенные на карте города и реки. По это паутине можно было попасть из Хей-Ривера в Лондон в три раза быстрее. Вытащив палочку из кармана малфоевской мантии, гриффиндорцы пихнули его на ближайший стул.

Поттер держал Драко на прицеле, тогда как Рон, пошарив в карманах, вытащил оттуда какой-то небольшой магический прибор, в котором слизеринец совсем даже без удовольствия признал туфтометр.

Похоже, времени терять нельзя: допрос — не то, что мне нужно в данном положении.

Однако Гарри внимательно следил за Малфоем, и едва тот шевельнулся, как тело пронзила резкая боль. Если б Малфой разбирался в маггловских изобретениях, он бы узнал лёгкий электрический разряд. На лице Поттера ничего не отразилось, и это спокойствие совсем даже Малфоем не понравилось — когда гриффиндорец бесился, его было куда легче предсказать.

— Сиди смирно, ублюдок слизеринский, — посоветовал Уизли. Что-то подкрутив в туфтометре, он протянул его на вытянутой руке в сторону Драко. — Так, готово.

— Отлично, — кивнул Гарри. — А теперь быстро отвечай: эти ночные зомби — ваших рук дело?

— Давай-ка разберёмся в терминологии, — с лёгкой улыбкой на тонких губах начал Драко, лихо-радочно прикидывая свои шансы и обдумывая тактику. — Если ты подразумеваешь под «нашими руками» руки мои или отцовские, то я отвечаю — нет. Более того, могу заверить, что даже руки Тёмного Лорда не имеют никакого отношения к событиям этой ночи... Ай!

Ещё один взмах палочки, и Малфой скрючился на стуле от очередного удара током. Правда, благодаря этому ему удалось продвинуть столь нужный ему сейчас предмет, спрятанный в рукаве мантии, почти до запястья. Оставалось дюйма три-четыре...

— Да или нет? — холодно спросил Поттер.

— Да, — сговорчиво кивнул Малфой.

— Не врёт, — сообщил не сводящий с туфтометра взгляда Рон.

— Вольдеморт знает о пророчестве?

— Конечно, — пожал плечами слизеринец, этим движением продвинув в рукаве волшебную палочку ещё на дюйм.

— Не врёт.

— Он ищет заклинание?

— Да.

— Не врёт.

— Он хочет помешать мне?

— Поттер, ты тупой или прики... Ай! Да, хочет помешать, — ещё дюйм.

— Не врёт.

— Зеркало Гермионы твоих рук дело?

Драко взглянул в глаза Гарри — они казались осколками зелёного льда — и в этот раз действительно почувствовал страх.

Кажется, он перешёл к самому главному... Похоже, стоит поторопиться: что-то мне подсказывает, что наша беседа подходит к концу...

— Тут опять хочется расставить точки над... Ай!!! — в очередной раз дёрнувшись от боли, слизеринец быстро потрянул рукой, и волшебная палочка — настоящая, а не фальшивая, — скользнула ему в ладонь. — Expelliarmus!

Волшебная палочка Поттера и туфтометр Уизли мгновенно оказались у него в руках, и гриффиндорцев отшвырнуло к стене.

— Что за!..

— У него ещё одна палочка! — Гарри выхватил ту, что они отобрали при обыске, махнул ею... Через миг удачно сработанный макет в натуральный размер со всеми положенными причиндалами полетел в угол. Класс наполнили отборные чертыхания.

— А ты, оказывается, горазд сквернословить, Поттер. Кто бы мог подумать — а на вид такой приличный молодой человек, гордость школы... Я понимаю ещё — Уизли... — Рон дёрнулся, и тут же снова плюхнулся на пол, силясь освободиться от Связывающего Заклятья. — Впрочем, что ещё ждать от выроodka вроде тебя... — Малфой не сводил взгляда с сидящих у стены гриффиндорцев, а потому успел отскочить от прицельного броска Уизли в ноги. Впрочем, этого оказалось достаточно, чтобы следом за Роном на него прыгнул Гарри: пусть даже сразу получил по голове Дубинным Заклятьем (Малфой не рискнул использовать ни Барьерное проклятье, ни Сногшибатель — на таком расстоянии можно было заодно с врагом осчастливить и себя), за это время Уизли успел-таки добраться до своей палочки, освободиться и вскочить на ноги.

Теперь они с Малфоем держали друг друга на прицеле, примериваясь и готовясь сцепиться в любой момент.

Оглушённый, Гарри хлопал глазами, пытаясь сфокусировать мир: в настоящий момент два Уизли и два Малфоя, чуть присев, беззвучно и медленно кружили по классу, не сводя друг с друга волшебных палочек и глаз.

Малфои попробовали какое-то заклинание (Гарри не услышал слов, в голове гудело так, будто он засунул её во все колокола мира), однако Роны оказались начеку: они поставили блок и с завидной ловкостью отпрыгнули в сторону. Заклятье рассыпалось яркими искрами, заставив Гарри зажмуриться и застонать от вспышки резкой боли в голове — словно фейерверк случился непосредственно в мозгах. Когда через некоторое время он сумел открыть глаза, Роны и Малфоев по-прежнему было по двое, однако стояли они теперь ближе друг к другу. При этом Роны с трудом держали головы вертикально — в результате применённого Малфоями Распухающего Проклятья левые уши у них разрастались буквально на глазах: мочки уже достигли плеч. Малфоям тоже досталось — взглянув на топорщащиеся у них на лбу отростки, Гарри против собственной воли усмехнулся: Рон был достойным братом Фре-

да и Джорджа, как ни крути. Продолжая есть друг друга глазами, враги примеривались в поисках уязвимой точки в обороне. Роны переступали с ноги на ногу, Малфои стояли, как влитые, вцепившись в покосившийся стул. Внезапно у Гарри перед глазами что-то щёлкнуло, и участники поединка перестали двоиться.

Похоже, я очухиваюсь... — Гарри пошевелился, мир покачнувшись, на мгновение померк, однако всё же сохранил вертикальное положение. Прищурившись, Гарри обнаружил свою палочку: она валялась под одной из парт.

Тем временем, магический поединок продолжился: с каждым разом заклятия становились всё серьёзнее, магические щиты помогали не всегда⁷³, проклятья звучали всё более опасные, и до Сногшибателей и Парализаторов оставались считанные секунды. Все трое — и Гарри, и Рон, и Малфой — прекрасно понимали, что тогда игра пойдёт по-настоящему: шанс оказаться на большой койке покажется счастьем.

Поймав-таки слизеринца врасплох, Рон тоже метнул Распухающее Проклятье, и вот тут Гарри понял, зачем Малфой так цеплялся за стул: будто почуяв, что сейчас случится, он вскинул его, использовав вместо щита. Дерево треснуло, посыпались щепки, в этот миг Малфой вскинул палочку:

— *Stupefy!*

Началось...

— Ах ты, скотина! — забыв обо всём, Гарри рванулся вперёд, однако явно переоценил свои силы: одного удара Драко хватило, чтобы ещё на подлёте отшвырнуть его в сторону. К счастью, в ту, где валялась его волшебная палочка. Пытаясь сфокусироваться на цели, Гарри медленно поднялся на четвереньки. Он шатался, будто пьяный, он был близок к тому, чтобы взвыть от бешенства и осознания собственного бессилия.

Рон лежал на куче снесённых ударом стульев — Сногшибатель ударил ему не в тело, а только в правую ногу, однако же довольно сильно: судя по всему, она была вывихнута. Но палочку он держал крепко.

— *Diffindo!*

Малфой схватился за горло, захлебнувшись рвотой. И всё же... То ли Рон произнёс заклинание недостаточно звучно (что и неудивительно, с учётом его состояния), то ли прицелился неважно, но почти сразу прозвучало булькающее малфоевское «*Finite Incantatum*» и следом...

— *Nex!* — лишённый возможности двигаться, Рон не успел увернуться, Режущее Заклятье ударило его по рукам и груди. Тёмная мантия сразу сделалась чёрной и лаковой. — *Stupefy!*

Грохот рухнувших парт, разлетевшиеся в разные стороны щепки и мусор... Острый подбородок, запрокинутая голова.

Свернувшиеся в пыли рябиновые бусины крови.

И тут в Гарри что-то переключилось. Будто сдерживаемые все эти месяцы боль с напряжением и выросшая из них ярость внезапно накрыли его девятым валом, вздёрнув на ноги и вдохнув силы, — он сам не понял, ни каким образом оказался за спиной Малфоя, ни когда успел зажать голову слизеринца локтём: мир перед глазами сузился до тёмного тоннеля, в конце которого был серебристый затылок, и спустя миг он уже чувствовал твёрдость малфоевского кадыка, слышал захлёбывающийся хрип...

И испытывал невообразимое, невероятное облегчение.

Однако слизеринец сдаваться отнюдь не собирался. Резкий удар по ногам, потом под дых — у Гарри потемнело в глазах, он на миг ослабил хватку, тут же по-

лучив кулаком в челюсть, — и отлетел в сторону, только чтобы увидеть нацеленное на себя оружие.

...чтобы увидеть волшебную палочку и, не задумываясь, безоружным кинуться на слизеринца снова. Пространство и время изменились: сколько времени обычно требуется, чтобы растегнуть и выдернуть из брюк ремень? В любом случае, в следующий миг он уже был у Гарри в руках, а ещё через полсекунды, одновременно со вторым слогом произносимого Малфоем Парализующего Проклятья, пряжка ударила тому по руке — вскрик, палочка взлетела под потолок, и в тот миг, когда она бесшумно упала в густую и мягкую пыль, враги уже сошлись в рукопашную.

В этой драке не было ни мальчишеской удали, ни задора, ни слепой злости прошлого года: ледяная, лютая, «взрослая» ненависть двигала обоими — они не уклонялись от ударов соперника; не чувствуя боли, они кидались друг на друга, как два сошедшихся в смертельной схватке зверя.

Всё, что сейчас видел Гарри, — колдографии сожжённой деревни, полные смертельного ужаса глаза выжившего мальчишки, разметававшиеся в багровой луже волосы Гермионы, бусинами сворачивающуюся в пушистой пыли кровь Рона.

Отомстить.

Всё, о чём думал Малфой, — бесконечный ряд унижений, через которые протасил его этот гриффиндорский выродок, который отнял у него веру в правильность и единственно верный способ существования мира, отнял незыблемость и простоту ведущей в будущее дороги.

Отомстить.

Хрип, удар, вскрик, опять удар — на этот раз встречный, захват, бросок, вытарщенные, чуть на выскальзывающиеся из орбит светло-серые глаза; рука, дрожащая от нечеловеческого напряжения, — удар в лицо — хруст и мгновенная темнота, хриплое дыхание.

Справа.

Мир снова прояснился — как раз вовремя: бросок в ноги, клубок тел. Удар в лицо, ответный — еле увернулся. Прямой в челюсть. Стук затылка по полу.

Всё?

А, ч-чёрт!

Пальцы на горле. Хрип. Мокрое лицо. Солёный вкус во рту. Боль в щеке.

Получай.

Хруст, вскрик. Удар по затылку. Локоть поперёк горла. Зелёные искры перед глазами.

— Стойте!!! — истошный крик от дверей прорвал пелену. — Немедленно прекратите!!!

Хриплое дыхание. Отчаянный грохот сердца в ушах.

Слева. Двигается.

Нырок в сторону, встречный удар. Кулак вошёл во что-то мягкое. Малфой булькнул и обмяк.

— *Impedimenta! Impedimenta!*

Гарри показалось, будто воздух вокруг сгустился, превратившись в желе. Как он ни дёргался, шелохнуться не мог — тело оцепенело. Впрочем, это уже не имело никакого значения: боль, которой он не чувствовал ещё мгновение назад, накрыла его, полностью лишив интереса к миру.

Что там кричал профессор Флитвик, о чём, заламывая руки, вещала Макгонагалл, из-за чего размазывала слёзы по лицу Гермиона, — уже не имело значения.

Godrick'у за боевые подробности слова благодарности от Stasy и мрачные проклятья от Гарри, Рона, Драко и мадам Помфри.

⁷³ Тут-то Рон пожалел, что столь легкомысленно относился к Теории Магической Защиты — как ни силился мистер Слинкард, юноши больше интересовались падением, а не обороной. Не думаю, чтобы Рон сильно порадовался, однако Драко жалел о том же самом.

Глава двадцатая, в которой Рон проверяет свои фехтовальные навыки, а Гермиона и Гарри портят отношения с мадам Помфри, зато налаживают общение с кентаврами.

Рон икал. Икал давно — с того самого момента, как за мадам Помфри с грохотом захлопнулась дверь лазарета. Что он только ни испробовал — пил воду, задерживал дыхание, поворачивался набок, морщась, — не столько даже от боли, сколько от тугих бинтов, перетянувших грудь, — ничего не помогало. Он даже подумывал, не попросить ли Гарри как следует его напугать, однако посмотрел на отстранённое лицо друга, лежащего на соседней кровати, и передумал. Прошли мучительные полчаса, показавшиеся Рону целой вечностью, — от икоты искромсанная Режущим Заклятием грудь начала гореть, как в огне.

— Слышь, Гарри-ик! Как думаешь, это — побочное действие Ухоукорачивающего Зелья или меня кто-то вспоминает тихим незлым словом?

Гарри молчал, глядя в потолок. По лазарету, как и во всём замке, плавали тёплые и пушистые снежинки, в углу перемигивались лампочками рождественская ёлка. На спинку кровати присел крошечный ангелочек со слюдяными крылышками, чем-то напоминающий наряженную в серебристое платье стрекозу. Гарри недобро покосился на него, заставив испуганно шархануться прочь.

— А, ну ладно... — Рон привык к немногословности приятеля, особенно в непростые минуты, а потому просто заговорил вслух, начав, как говорится, «из-за такта»: — И-ик! Говорят, надо угадать, кто тебя вспоминает, и тогда все прекрати-ик!-ся. Чёрт... — он прижал руку к груди. — Наверняка Малфой, — Рон сделал паузу и настороженно прислушался к своим ощущениям. — ИК! Чтоб ему обжечься... Может, его родственники? Хорошо, не угадал, поехали дальше... Макгонагалл? ИК! Мама? ИК! Стана?.. — воцарилась пауза, во время которой Гарри, привлечённый бормотанием с соседней кровати, начал машинально прислушиваться. — Неужели Ста...ик!..на! Не угадал...

Имена посыпались быстрее и быстрее, причём подбор их вызывал у Гарри живое удивление:

— Гермиона? Ик! Безголовый Ник! Джинни? Сестрица, это ты? Ик! Ясно... Флитвик! Снейп? — пауза.

— Да зачем ты Снейпу сдался? — не выдержал Гарри, испытывая уже нечто вроде спортивного интереса.

— Кто его, гада зна-ик! Господи, да сколько это мучение будет длиться?!

— Может, Фред или Джордж? — с готовностью предложил Гарри.

— Думаешь? Ик! Не они, поехали дальше. Крэббик!

— Угу, с Гойликом вместе — страдают, что не уберегли своего дражайшего Малфоя, — в глазах Гарри вновь полыхнули злые искры.

— Ик-кашма-ар... — измученно простонал Рон. — Мерлиновой мамой клянусь, я этой пытки больше не вынесу...

Он обречённо собрался в ожидании следующего приступа. Секунды шли, но икота не возвращалась. Минута... Ещё одна...

— Мерлинова мама? — робко повторил Рон, не в силах поверить в произошедшее. — Надо же... Ха! А ведь помогло. Неужели Мерлинова мама?

— Ты веришь в эту ерунду? — Гарри утратил интерес к происходящему, снова вытянулся на постели и уставился в потолок.

— С другой стороны... Думаю, Ты-Знаешь-Кто, — Рон по-прежнему старался называть Вольдеморта именно так, — частенько тебя вспоминает: ты бы, наверное, уже давно задохнулся от икоты, будь эта примета правдой, а я что-то не припомню, чтобы ты икал...

Гарри промолчал, однако про себя подумал про боль в шраме, так или иначе не дающей ему покоя все последние годы. Меж тем мысли обоих юношей разом вернулись к сегодняшним событиям: Рону даже с соседней кровати было видно, как губы Гарри дёрнулись и у уголков рта появились жёсткие складки. А глаза...

Опять...

Рон передёрнулся, вспомнив мрачную одержимость, с которой, будто не на жизнь, а на смерть сошлись заклятые враги.

— Слышь, Гарри... Я даже не понял, что это было, но... Д-да, не хотел бы я с тобой встретиться на узкой дорожке: чистая работа: бац — и ты уже среди херувимов. Раз-раз... И опа, — он взмахнул руками — в результате ахнул от боли сам и заставил вздрогнуть Гарри.

— Не надо, — тот нахмурился, поморщился от боли в свежезащитой щеке. — Давай потом, а?

— Как скажешь. Кстати, ты в курсе, что по Малфоеву ж-ж-ж... ихняя матушка-с, когда узнала о произошедшем, прислала экипаж-ж-ж. Жаль, не судьба нам с ним снова поболеть по соседству. На этот раз он бы у меня татуировочкой не отделался... Я не злопамятный, сам знаешь, — Гарри хмыкнул, и Рон мысленно улыбнулся, надеясь, что сумел отвлечь друга от серьёзных размышлений, которые — он не сомневался (хватило и одного взгляда на странное выражение лица друга) — сейчас были совсем некстати, — но он бы у меня за всё ответил — и за Режущее Проклятье тоже. С-сволочь... — Рон прислушался к боли в груди и не удержался, его снова понесло: — И ведь наплёл, гад, про самооборону — и дрались-то мы двое на одного, и наскочили из-за угла — подхватили под белые ручки, пытались жизни лишиться... — внезапно он осознал, что именно так всё, по большому счёту, и происходило, и умолк, озадаченно почёсывая заклеенный тривиальным пластырем нос. Когда Уизли снова заговорил, прежней уверенности в голосе не звучало. — С другой стороны, ты ему крепко ввалил — и р-раз, и д-два... А потом он тебе ка-ак...

Гарри мученически закатил глаза, но не успел в очередной раз попросить Рона оставить слишком актуальную тему⁷⁴: снаружи послышалась возня, недовольный голос мадам Помфри («...надо лучше следить за своими кавалерами, тогда не придётся им передачи носить!»), потом умоляющий девичий дуэт — наконец, двери распахнулись, и в лазарет ворвались Гермиона и Стана, тут же кинувшись к постелям, на которых лежали гриффиндорцы.

Гарри взглянул на отчаянно вздёрнутые брови, закусенную губу, разве что не заломленные в трагическом порыве руки подруги и обречённо вздохнул.

— Гарри! Гарри, ты как? — она торопливо ознакомилась с причинённым Малфоем ущербом, и губы у неё снова затряслись: — Гарри... ну сколько же...

Гермиона почти упала на колени рядом с кроватью, кончиками пальцев невесомо коснулась его покрытой ссадинами скулы, скользнула вдоль подбородка. Гарри чуть отодвинулся — не от боли, а от ожидания её. Однако, по большому счёту, он ждал не только и не столько боли — к ней он уже привык — он чувствовал себя ужасно усталым, а потому больше всего на свете сейчас не хотел сурово нахмуренных бровей, слов упрёка, строгих сентенций о долге перед родным факультетом, увещеваний и вызываний к совести, однако...

Молчание.

Тогда он настороженно покосился в сторону подруги, и глаза широко распахнулись: прижимая ладонь к губам, будто пытаясь таким образом удержать рвущиеся из груди всхлипы, Гермиона смотрела на него — и даже в празднично-разноцветном сумраке больничной палаты Гарри мог увидеть печальные слёзы в её глазах. Переливающиеся красно-зелёными искорками слёзы, сами сейчас напоминающие рождественскую

⁷⁴ В голове фоном для размышлений ещё звенел напряжённый шёпот профессора Макгонагалл, а от снятия полусотни баллов Гриффиндор спасти не смогло ничто: случись драка хотя бы после обеда, когда семестр считался бы законченным...

гирлянду. Девушка протянула дрожащую руку, осторожно коснулась его волос, запустила в них трясущиеся пальцы... Слёзы стали крупнее, и Гарри с каким-то нежным удивлением наблюдал, как, не удержавшись на ресницах, одна из них сорвалась, скользнула по щеке, оставляя за собой мокрую дорожку и становясь всё меньше и медленнее; вот, будто устав по дороге, она замерла на щеке... За первой слезой поспешила вторая, Гермiona оторвала руку от дрожащих губ, торопливо вытерла лицо — но зато не смогла удержать предательский всхлип. Ладонь опять дёрнулась ко рту, меж бровей появилась складочка, и слёзы из глаз полились ручьем — она проиграла битву: поняв это, ткнулась лицом в подушку Гарри и затряслась в беззвучных рыданиях. Её дрожащая рука поднялась, обхватила его поперёк груди. Пальцы робко погладили крахмально-жесткую пижаму, судорожно вцепились в пуговицу — он подсунул руку ей под шею, обнял, прижался щекой к пушистым волосам. Закрыв глаза. Пусть всё тело ныло — почему-то на душе сразу стало удивительно спокойно. Мелькающие в голове мысли выстроились в связную картину — он всё понял. Он знал, что делать. И был уверен в своей правоте. И ещё — он был уверен, что она теперь тоже всё понимает.

Завтра же, — Гарри осторожно шевельнулся, прислушался к себе. — В крайнем случае, послезавтра. Нет, все же — завтра.

Тем временем дверь лазарета снова скрипнула. Рон, лежащий на соседней кровати, и Стана на табуретке рядом застыли: к ним неторопливой походкой не сомневающегося в своих силах хищника шествовала хаффлаффка Эшли Макферсон. Не обратив никакого внимания на остолбеневшую Стану, она присела на кровать рядом с Роном, очень по-свойски подоткнув ему одеяло.

— Ты не пришёл, как мы договорились... — глаза Рона полезли на лоб, потом испуганно метнулись к разом побледневшей Стане и снова вернулись к Эшли; он открыл рот, однако аккуратный пальчик коснулся его губ в жесте молчания, — тш-ш, мадам Помфри сказала, тебе не стоит перенапрягаться. Зная тебя, я была уверена, что воспрепятствовать нашему свиданию могло только что-то серьёзное... Я не ошиблась...

Пятикурсница говорила так, будто Станы рядом и в помине не было, она даже бровью не повела в сторону оцепеневшей девушки, однако видела каждое изменение лица нахалки-соперницы — остолбенение... недоверие... осознание... и снова — остолбенение, но, как говорится, *на качественно новом уровне*. Равно как не ускользали от внимания и изменения в выражении лица начавшего приходить в себя Рона, и оторопелые взгляды наконец-то оторвавшихся друг от друга Поттера и Грейнджер.

И эти лица ничего хорошего не сулили.

Пора...

— Счастливого Рождества, Ронни, увидимся в Новом году... — она оторвала палец от его губ, приложила к своим и снова к его. — Всем пока, — общих взмах рукой, даже не оборачиваясь. Быстрый цокот каблучков, поворот в дверях:

— Грейнджер, меньше, чем через час подадут экипажи. Поторопись, в противном случае тебе придётся идти в Лондон пешком.

Щелчок захлопнувшейся двери привёл всех в чувство.

Гарри и Гермiona молча переглянулись и, не сговариваясь, устались на Рона. У них было ощущение, будто только что на их глазах произошло нечто на редкость странное и... до жути неправильное.

— Стана, погоди... — севшим голосом произнёс Рон, протянул руку. Тишину лазарета взорвал громкий шлепок — перепугавшиеся ангелочки вспорхнули вверх, сбились в шуршащую слюдяными крыльями стайку, предусмотрительно переместились к стоящей у входа ёлке. Рон потряс в воздухе зудящей от удара Станы ладонью. — Послушай... — беспомощно начал он, одна-

ко бесполезно: с совершенно каменным лицом⁷⁵ болгарка, опрокинув табурет, вскочила и быстро пошла к двери.

Рон дёрнулся следом, но, похоже, переоценил свои силы — от резкого движения на бинтах под распахнутой пижамой проступила кровь. Зашипев, он со стоном, полным бессильной ярости, рухнул обратно на подушки и всё же через миг снова упрямо сел, держась за грудь, медленно развернулся и спустил ноги с кровати: — Ста...

Дверь грохнула, и Рону показалось, будто он получил удар в лоб, — он даже оторопело замер на миг. И, словно решив его добить, в этот миг вернулась мстительно затаившаяся икота.

— Стана! Ик! Чё-о-орт-ик! — даже не пытаясь нашарить тапочки, он кинулся босиком по каменному полу, побежал — если, конечно, можно бегать со свежевывихнутой ногой, — хромая и морщась, икая и хватаясь за никелированные шарики на спинках больничных кроватей.

Снова грохот дверей.

— Вот это стерва... — с восхищенной ненавистью выдохнула Гермiona. — Вот это дрянь... Причём она ведь прекрасно понимает, что делает...

Гарри перевёл потрясённый взгляд на подругу:

— Зачем ей это нужно? На кой ей Рон? Разве она не видит, что у него уже есть...

— В том-то и дело! Да как ты не понимаешь... — Гермiona обречённо махнула рукой, — просто она смирится не может, что кто-то ушёл от неё по собственной воле... За ней же парни — что за Хагридом гиппогрифы — целым табуном бегают, кланяются, с рук едят; и вот, на тебе: кто-то осмелился её бросить. Уверена, Рон ей и даром не нужен, всё делается только для того, чтобы потом иметь возможность бросить и унижить его публично... — она говорила и говорила, радуясь, что внезапно возникла возможность поговорить на отвлечённые темы, оставив на потом самое главное — то, что их на самом деле волновало, а Гарри, прекрасно всё поняв, слушал её с благодарностью и возрастающим недоверием. Под конец, взглянув на его потрясённо полукрытый рот и уехавшие глубоко под чёлку брови, Гермiona не выдержала — невзирая на трагичность обстановки, прыснула. — Гарри, что с твоим лицом?..

— Рехнуться можно... И что — это и есть так называемое женское коварство, да? Пожалуй, я бы предпочёл ещё раз подраться с Малфоем, чем... — он взглянул на сдвинувшиеся брови подруги: — Будем надеяться, они разберутся. Если, конечно, Рону икота позволит. Не надо на меня так смотреть, я просто пошутил.

— Зато я не шучу, — к Гермione мгновенно вернулась серьёзность. — Гарри.

— Собираешься мне сказать, чтобы я не смел лезть на рожон, не связывался с Малфоем, помалкивал в тряпочку, всегда семь раз думал, прежде чем махать палочкой, держал в уме все потерянные по моей вине Гриффиндором баллы, м-мф-ф... — ладонь Гермiony легла ему на губы, заставив умолкнуть.

— Нет. Просто береги себя. Ради меня. Ладно?

Молчание показалось им обоим бесконечным. Потом Гарри молча провёл рукой по её щеке, скользнул пальцами за шею и, подтянув к себе, поцеловал. Солёные щёки, мокрые солёные ресницы, солёные губы — однажды отведав, он навсегда возненавидел этот вкус, вкус её печали, вкус боли и отчаяния.

— Гермiona...

Вот теперь всё правильно...

Наверное, отчаяние имеет порог, печаль — вес, а боль — границу: один шаг — и всё исчезает, мир сгорает, чтобы возродиться заново, — иным, в новых красках и звуках, новых чувствах и словах... И в безжалостном огне меняются местами недозванное и дозволенное, там не существует слова «нельзя», там нет

⁷⁵ Ей самой сейчас казалось, будто все мышцы заморозило, она даже не могла лишний раз моргнуть.

запретов, как нет и пути назад, — есть только мгновение. Оно же — вечность.

Секунда или час прошёл, они сами не поняли, — как не поняли, что же произошло, и почему Гермиона уже барахтается под одеялом, путаясь ногами в юбке, а Гарри проталкивает пуговицы своей пижамы сквозь тугие накрахмаленные петли. Ангелочки в смятении заметались под потолком, один из них дунул в свою трубу — испуганно всплеснула, чтобы тут же затихнуть, рождественская мелодия...

Мигала ёлка — освещаемые ею листья падуба и омелы становились то красными, то жёлтыми, то зелёными, словно стремительно менялись времена года. И капельки пота на лицах, и слёзы — они тоже переливались; слезинка, стёкшая по щеке Гермионы успела прожить три сезона прежде, чем Гарри снял её губами.

Иступление любви и отчаяния, спешка предчувствия и неизбежной разлуки, пережитый страх и ярость — они свели с ума, заставили наплевать на условности и позабыть обо всём: одеяло давно сползло на пол, ангелы суетливой мошкаркой вились вокруг ёлки, время от времени начиная наигрывать нечто испуганно-торжественное, но Гарри и Гермиона ничего не замечали.

...Пока он не опустил голову, упёршись своим взмокшим лбом в её лоб, облепленный мокрыми волосами.

— Гермиона...

Она открыла глаза, задев своими ресницами его, — лёгкое прикосновение, поцелуй бабочек.

— Друзья мои, не хотела бы показаться навязчивой, но мадам Помфри уже обо всём известили, через минуту она будет тут, — сообщил со стены деликатный голос, обладательница которого по едва заметному грассированию была, без сомнения, француженкой. — Вы уж простите, что предупреждаю только сейчас, — полагаю, всё равно вы бы меня вряд ли раньше услышали. Это было... хм... очень мило, — голос хихикнул и умолк. — Весьма э-э... динамично.

Едва ли сейчас это-либо соображающая Гермиона машинально пошарила рукой в поисках одеяла — и не нашла. Через миг и до неё, и до Гарри дошёл смысл услышанных слов, в мгновение ока их — уже воспламенившихся яростным румянцем, с вытарашенными глазами — сдуло с кровати; когда пышущая праведным гневом мадам Помфри, трясая седыми кудельками под белоснежной наколкой, разъярённой эринией влетела в лазарет, Гарри в застёгнутой на все пуговицы пижаме лежал, по-больничному чинно сложив руки поверх прикрывающего его до пояса одеяла, а рядом столь же чинно сидела Гермиона. Она как раз наливала воду в стакан и, услышав угрожающее топанье, подняла удивлённый взгляд к раздувающейся от негодования фельдшернице.

— Простите нас, пожалуйста, — брови девушки приподнялись виноватым домиком, и мадам Помфри воодушевилась: *ага, значит, всё же это безобразие имело место!* — ...но Рон выскочил и убежал так внезапно, что мы не успели его удержать: Гарри снова плохо чувствует, а я не могла его оставить... — Гермиона обратила чуть взволнованный взор к лежащему перед ней юноше и подала ему воду. Тот принял стакан с выражением глубочайшей благодарности на лице.

— Мистер Поттер, вам хуже?.. — профессиональная тревога тут же подавила всё прочее, что не помешало мадам Помфри напоследок пронзить взглядом сидяще-лежащую перед ней с самым невинным видом парочку.

Гермиона зябко поёжилась и поджала ноги. Взгляд мадам Помфри стал пронзительней, и Гарри, всерьёз испугавшись индуцированного этим взором воспаления, надрывно вздохнул.

— Мистер Поттер? — мадам Помфри моментально забыла обо всём остальном. — Вам плохо? Болит?

— Да не так, чтобы очень... — Гарри умирающе улыбнулся. Мадам Помфри отвернулась, чтобы взмахом палочки сделать свет в лазарете поярче, и он метнул

укоряющий взгляд в Гермиону.

— Я вас сейчас осмотрую... — мадам Помфри направилась к огромному двухстворчатому шкафу за инструментами, — а вам, мисс Грейнджер, стоит поторопиться — вот-вот начнется посадка в экипажи до Хогсмиды...

— Да-да, — откликнулась Гермиона у неё за спиной, — я, пожалуй, пойду... Счастливого рождества, Гарри...

Если б фельдшерница сейчас обернулась, то сильно бы удивилась разыгрывающемуся у неё за спиной представлению: Гарри судорожно дёргался под одеялом, натягивая вытасщенные из-под кровати пижамные штаны, а Гермиона потуже заворачивалась в мантию, надеясь, что никто не заметит её надетых на босу ногу туфель.

* * *

Стана бежала по коридорам, послушно следуя их поворотам, не глядя, да и не желая смотреть, куда её несут ноги; напротив, она мечтала сейчас заблудиться — заблудиться по-настоящему, чтобы её никто никогда не нашёл в этом богом или же самим дьяволом проклятом замке, чтобы её плоть истлела в каком-нибудь сто сорок восьмом исчезающем коридоре, а кости растащили по своим норам крысы и прочие мерзкие местные твари.

Всё равно никто не будет меня искать. Никому я не...

Она налетела на Виктора, с разбегу ткнувшись в него лбом, — с перепугу шараянулась, отскочила к каменной стене, едва не заорав от боли в разбитом локте, но... взглянула в его приветливые, усталые глаза — и всё поняла. Лицо девушки просветлело, она покорно подошла и встала рядом, подперев спиной стенку, запрокинула голову к незнакомому потолку. Слёзы забултыхались в глазах, наполнили их до краёв и выплеснулись на щёки — всё вокруг поплыло, смазалось, будто на акварельный рисунок вылили стакан воды.

— Я знал, что ты вернёшься ко мне, — он устало съехал по стене, опустившись на корточки. Он всегда так делал в детстве, разговаривая с ней, — специально, чтоб их глаза находились на одном уровне и она не чувствовала себя маленькой и глупой, как тогда, когда приходилось запрокидывать голову к матери и тёткам. Правда, теперь она уже выросла...

Стана присела рядом, положив голову ему на плечо.

— Я больше не могу, — слёзы текли по её лицу без всяких усилий — дождём по стеклу.

— Я знаю, — он серьёзно посмотрел на неё. Сжал руку.

— Я смогу там отдохнуть?

— Наверное. Я не смог. Может, вместе нам будет легче.

— Вместе... — её губы дрогнули, изогнулись в улыбке — сначала саркастической, но тут же ставшей жалобной. — Ви-и-ик... — Стана захлопала носом, — мне так плохо... так одиноко... так больно — тут... — она приложила руку к груди.

— Я знаю... — он кивнул. — Со мной было то же. Но боль уходит. Вдвоём мы обязательно справимся. Ну, пойдём?..

— А ты будешь рядом? — совсем по-детски заглянула она ему в глаза, ища в них — и находя — давно забытое тепло, поддержку, надежду на лучшее.

— Конечно, — как в детстве, он легонько щёлкнул её пальцами по носу и встал, потянув за руку следом.

Они в полной тишине поднимались по лестницам — сначала широким, с высокими каменными перилами; но с каждым этажом пролёты становились всё длиннее и круче, ступени — всё уже и выше, вот каменные сменились деревянными, причём шли не подряд — Круму и Стане уже дважды приходилось перескакивать через торчащие обломки зубов щепки. Он крепко держал племянницу за запястье, и прикосновение его про-

хладной руки было таким успокаивающим... Тревога и боль уходили из груди, сменяясь — как и в тот день, когда она впервые позвал её за собой, — усталым спокойствием. Стана сама не поняла, когда начала улыбаться.

— Не бойся, — не оборачиваясь, произнёс Крум, когда они двинулись по тёмному коридору. По ногам сквозило, а перед дверью, замаячившей в свете тусклого масляного светильника, намело целый сугроб, — мы с тобой просто полетим. Как в детстве. И тогда и ты, и я обретём покой.

Покой...

— Ты ведь хочешь покоя?

— Хочу. Я устала...

— Ты ведь больше не хочешь, чтобы тебя обманывали?

— Не хочу, — перед глазами мелькнуло и тут же погасло лицо Рона.

— Ты ведь больше не хочешь быть одна?

— Не хочу.

— Ты ведь сильная и смелая, ты ведь сможешь?

— Смогу.

— Тогда...

Он протянул руку к двери, коснулся пальцами медной ручки, потянул на себя. Дверь открылась со злоеющим скрипом.

— В путь? — он сделал шаг в сторону, давая ей дорогу.

...в последний путь...

Стана подняла голову. Высоко в небе парили рождественские звёзды. Она вспомнила сказки, которые в детстве ей рассказывала мать, — про добрых ангелов, присматривающих за людьми сквозь дырки в небесном куполе, — и улыбнулась. Спешить было некуда, Стана прислонилась к косяку двери. Он был холодным, кованым — как и сама дверь. За порогом зияла ночная пустота — и где-то далеко внизу (впрочем, может ей это мерещилось) белел снег. Узкая дверца распахивалась в никуда — не было ни балкона, ни перил, ничего. Крум стоял за спиной, по-прежнему держась за витую ручку, смотрел на неё, чуть улыбаясь.

Стана вздохнула полной грудью — морозный воздух обжёг лёгкие, она закашлялась, тряхнула головой, теряя равновесие, в последний миг успела схватить Виктора за руку. И тут...

Сплетя свои пальцы с её, он не удержал, а последовал за ней, делая шаг в ночь и увлекая следом. Ветер ударил в лицо, и внезапно ночь исчезла, сменившись сумасшедшим калейдоскопом картинок, — купы деревьев и проблеск Янтры, улыбка матери и играющий на осколке витража солнечный зайчик; приближающееся облако в миг, когда она взмыла вверх; рука Виктора, когда он протянул ей первую метлу...

— Для чего ты привёл меня на вершину?

— Чтобы ты увидела долину, город, другие горы, скалы и облака. Чтобы ты увидела ночь... И день... С вершины горы лучше видно, как незначительно всё, что внизу. Наши победы и наши печали уже не так важны. То, чего мы добились или потеряли, лежит там, внизу. С высоты горы ты видишь, как необъятен мир и как широки горизонты. Теперь ты понимаешь, что самое главное?

— Понимаю... Лететь... — она отпустила его руку, и прохладные пальцы исчезли, сменившись бьющимся под ладонями резким морозным воздухом. Стана закрыла глаза навстречу надвигающейся земле и раскинула руки, будто собираясь кого-то крепко-накрепко обнять.

— ...leviosa! Ик! — донёсся откуда-то сверху истощенный вопль, и земля остановилась, судя по всему, передував кидаться ей на грудь.

Рон и не думал, что будет так тяжело: наява от каждого взмаха палочки взрывалась тёмным сгустком — так взрывается дурманящими спорами перезревший гриб-дождевик, и каждый сгусток обволакивал чёрными невесомыми щупальцами, пытался дотянуться

до лица, задушить, опьянить — чтоб не было сил поднять палочку, чтобы не было сил сопротивляться. А сил у Рона и без того не хватало — при каждом выпаде пронзительная боль в искромсанной груди вышибала дух, вывихнутая нога сделала его неуклюжим и неповоротливым, но, морщась от боли, задыхаясь, спотыкаясь и хромая, он упрямо махал палочкой, потому что знал: на кону её жизнь, жизнь той, кто стала ему дороже всего на свете.

— Я не буду с тобой сражаться, — наява с ненавистью и разочарованием смотрела на хрипящего юношу, не имеющего сейчас сил даже на то, чтобы броситься на неё: успев прервать последний полёт Станы за секунду до того, как он действительно стал последним, Рон упал на пол. Он сейчас даже не мог просто дышать — он кричал, дыша, ему казалось, будто у него сейчас горлом пойдёт кровь, а грудь лопнет, взорвавшись кровавым фонтаном.

— Б-будешь... — прошипел он в промежутке между двумя всхрипами и, качаясь, поднялся. — Я тебе её не отдам...

— Она сама ко мне пришла, из-за тебя, между прочим, — насмешливо заметила наява, продолжая настойственно следить за кончиком волшебной палочки Рона.

— За...заткнись...

— Ты думаешь, будто ты её сейчас спас? Она вернётся ко мне — тем, у кого нет стержня внутри, жить не суждено... Она сама хочет уйти...

— Размечтался!

Наява даже не поняла, как это случилось: едва живой мальчишка, только что сидящий на полу, мгновением позже оказался рядом, она почувствовала резкий укол, опустила глаза — из почти незаметного прокола в груди вилась чёрный дымок. Когда она в ярости взмахнула руками и вытолкнула ядовитый клуб, враг уже был далеко: хрипя и держась левой рукой за грудь, сквозь бинты на которой проступили свежие пятна крови, Рон тяжело дышал, не сводя с тёмного создания сияющих во тьме голубых глаз, полных ненависти и готовности идти до самого конца.

...Вот как? Ты так любишь её, что готов на всё? Тем лучше: тогда я заберу вас обоих. Мне не составит труда убить тебя, а она прибежит ко мне сама, её некому будет останавливать, да она и сама не захочет.

Рон чувствовал, что надолго его не хватит: по периферии зрения уже царила темнота, периодически то белые, то чёрные мухи начинали летать перед глазами, а звуки доносились, будто сквозь помехи Магической Волны: он уже трижды попал в облако наявы, и в последний раз едва не вывалился из по-прежнему распахнутой в ночь дверцы. Пелена рассеялась в самый последний момент, когда Рон уже заносил ногу, чтобы сделать шаг в пропасть, считая при этом, что он как раз отходит от неё.

Сейчас осталось только полностью довериться инстинктам и своему израненному, однако всё же неплохо тренированному благодаря квиддичу телу. Да и уроки Флёр не прошли даром: пусть медленнее, чем обычно, он делал всё именно так, как на зачёте, когда ему пришлось демонстрировать то же самое на движущемся макете: фланконада... — очередной вой наявы, чёрный клуб, значит, попал — Рон отпрыгнул назад, скрипя зубами от боли к ноге:

— Fusum!

...поворот направо и удар вперёд...

— Fusum!

...не успел затаить дыхание, задохнувшись от боли, хватанул отравленного чада...

Перед глазами потемнело.

Рон очнулся от холода: шею леденил ветер, а сам он стоял в раскрытом проёме, спиной к пропасти. Крум — блёклый и какой-то квёлый, похожий сейчас на плохо надутый воздушный шар, насмешливо смотрел на него, поднимая руку для последнего толчка.

...если я сейчас проиграю, то она проиграет тоже. Если я умру, она тоже умрёт. Я не имею права проигрывать, я не имею права умирать! Не ради себя, ради

неё!

— Не дождёшься! — Рон вцепился пальцами в покрытый наледью косяк, взмахнул второй рукой, и волшебная палочка с хрустом вонзилась в глаз наяве — та истошно завывала, схватилась за лицо, сквозь пальцы заструилась чёрная жижа, во все стороны полетели чёрные ядовитые брызги, тут же превращающиеся в отравленный чад.

— Fusum! Fusum! Fusum! — монотонно, как мантру, повторял Рон, и с каждым заклинанием наява выла всё тоньше, становилась всё меньше, пока с тихим писком на занесённый снегом каменный пол не опустилась чулком пустая кожа в коконе одежды.

Рон на всякий случай произнёс заклинание ещё раз — на этот раз никакого эффекта. Он посмотрел на похожие на парик чёрные волосы, сдувшиеся глазные яблоки, плоскую голову...

Неужели всё?

Приступ отвращения и боли оказался так силен и внезапен, что он не смог с собой совладать. Рона вырвало, боль в истерзанной груди от этого стала вовсе непереносимой.

Застонав, он прислонился к стене, надеясь, что врывающийся в коридор зимний ветер отрезвит и не даст ему потерять сознание.

...Надо спуститься... А то Стана... простудится...

Подволакивая ногу, шатаясь, будто пьяный, периодически опускаясь на корточки, Рон поковылял вниз. Порыв ветра захлопнул тяжёлую дверь, и через миг она исчезла, словно никогда и не существовала, — на каменной стене даже трещины не осталось. Масляный светильник потух, мрак в маленьком таинственном коридоре более ничто не нарушало. Намётанный ветром снег и лежащие на нём останки наявы становились всё прозрачнее, пока не растаяли, не оставив после себя и следа.

* * *

Гермиона со всех ног мчалась по пустым коридорам в сторону Главного Входа.

— Только бы не опоздать, только бы не опоздать, — в отчаянии бормотала она.

Коридоры уже обезлюдели: те студенты, кто отправлялся на каникулы домой, в этот миг уже рассаживались в запряжённые фестралами кареты, те же, кто оставался в Хогвартсе, предпочитали не бродить по продуваемому зимними ветрами замку, а сидеть в тёплых и уютных гостиных, слушая треск каминов и любуясь — да-да, вопреки всем печалям мира, именно любуясь горячим плеском огня и рождественским убранством; предвкушая праздник, подарки, а ещё — ожидая, что добрые и сильные руки взрослых, как в сказке, развеют все печали и невзгоды. Ведь сегодня Рождество, верно?

Гермиона вылетела к входным дверям, чтобы увидеть запирающего их Филча: завхоз, обмотанный по самые подмышки битым мольтю клетчатым пледом, бряцал огромной связкой ключей.

Гермиона в отчаянии всплеснула руками: опоздала! Все уехали!

Мимо прошли две хаффлпафки — судя по эмблеме на мантиях.

— Давно отправились экипажи? — сама не зная, зачем, спросила Гермиона. Словно это могло что-то изменить.

— Нет, минут пять, — с уважением покосившись на её значок старосты, ответила девочка повыше.

— Ну, честное слово!.. — гриффиндорка в отчаянии притопнула ногой и присела на ступени Главной Лестницы.

...Что ж мне теперь делать?..

— Гермиона... — чья-то рука тронула за плечо; подняв голову, она увидела Невилла Лонгботтома.

— Невилл? Ты разве не уехал?

— Нет. Там сейчас не очень спокойно... Бабушка

попросила остаться на каникулы в школе, она нервничает... — Невилл мог бы добавить, что сам он тоже нервничает, боясь даже представить, чему и, главное, какими методами решит поучить его в свете чрезвычайной ситуации неугомонный дядюшка Элджи, однако промолчал. — И потом, Макгонагалл сказала, что на время каникул Гильдия Авроров присылает сюда одного из своих специалистов, нас будут учить всяким оборонительным заклинаниям... В качестве факультатива. Бабушка посчитала, что это может мне пригодиться. Если честно, я как-то не очень... — Невилл неловко улынулся и развёл руками, — ну, не слишком верю в свои силы. Кстати, я твои вещи отнёс в гостиную, — без всякого перехода закончил он.

— Что?! — дёрнулась Гермиона, краем уха слышавшая его сбивчивые слова и параллельно размышляющая, что сделают с ней родители: в последнем письме мать недвусмысленно намекнула, что, посмей дочь послушаться и не вернуться домой на праздники, о Хогвартсе можно будет и вовсе позабыть. Она, конечно, понимала, что всё это ради красного словца, однако ссоры с родителями — совсем не то, чему бы ей хотелось посвящать свободное время.

...И, как назло, в качестве издевательского рождественского подарка она получит мои сундуки... Боже мой... Будто мало мне проблем, честное слово...

— Что ты сказал, Невилл?!

— Но ведь ты же... Ты ведь не собиралась уезжать, верно? Я подумал, что, наверное, тебя неправильно поняли, и отнёс твои чемоданы из кареты обратно.

— Невилл... — Гермиона засияла. — Ты правда это сделал?! Я тебя обожаю! Спасибо! А то я думала, что все каникулы мне придётся не снимать школьную форму!

Она порывисто вскочила, зачем-то схватила Невилла за руку, затрясла с угрозой вывихнуть ему кисть, и тут же вприпрыжку понеслась в сторону гостиной Гриффиндора.

— Я только кота не нашёл! — вслед ей крикнул Невилл.

— Это ничего! — уже через лестничный пролёт откликнулась Гермиона. — Он у меня умница: наверняка вообще из башни не выходи-и-ил! Спаси-и-ибо!

...И пусть пойдёт разлука вам на пользу, говоришь? Ничего подобного. Я не позволю звёздам управлять моей судьбой!

* * *

Портреты в лазарете, пропустившие, по словам мадемуазель Жюли, Совершенно Сногшибательную Сцену (она так и произносила это — с заглавных букв), теперь не покидали своих рам даже на миг: мадам Помфри сказала, Поттера можно выписывать хоть сейчас, но пока он ещё находился в лазарете, равно как Уизли, чьё состояние теперь было даже хуже, чем когда его доставили сюда после драки, и Браткова. Последняя, правда, вторые сутки находилась без сознания, но... чем чёрт не шутит. Когда же у постели Гарри появлялась Гермиона (а она проводила тут почти всё время, за вычетом, конечно, библиотечных часов), то обитатели картин и вовсе боялись лишней раз шевельнуться — и их можно понять: лазарет являлся последним местом в замке, где можно было ожидать развлечений, поэтому обитатели портретов тут откровенно скучали. И вдруг — такие совершенно неанглийские страсти («Чика-бум-бум!» — пропел из-под повязок раненый с картины про жертвы англо-бурской войны и глумливо хмыкнул. Сидящая у его постели сестра милосердия сердито покраснела: *где он только нахватался этой гадости!* — однако всё же покосилась на происходящее в лазарете).

К их глубокому сожалению, во время визитов мисс Грейнджер ничего не происходило — мадемуазель Жюли даже упрекнули во лжи, зависти, извращённой фантазии и желании выдать желаемое за действительное,

на что та ответила, что собственными глазами видела, как, преисполненная подозрений, мадам Помфри со словами «бережёного бог бережёт» подмешивала в микстуру для юношей зелье Спи-Гормон. Ажиотаж после этого известия слегка упал, и тем не менее, портреты стойко надеялись на лучшее.

И, кажется, на третий день после Рождества удача им улыбнулась: во всяком случае, посещение Гермионной больничной палаты началось с того, что они с Гарри пошушукались, а потом придвинули его кровать к кровати Рона. За резными рамами началось несказанное оживление — раздумывавшиеся сёстры милосердия, тут же побросали раненых и умирающих, принявшись строить невероятные предположения, да и сами умирающие, позабыв про то, что статусу им положено стенать и корчиться в агонии, тоже с надеждой оставили смертные одры.

— Чика-бум-бум! Хоть перед смертью порадуясь!

Уже через миг по лазарету пронёсся вздох разочарования. Вытащив из сумки стопку газет, Гермиона ткнула их юношам, присела на краешек кровати Гарри, и гриффиндорская тройка сначала погрузилась в почти безмолвное чтение, а потом начала о чём-то шушукаться, поминутно оглядываясь по сторонам. Говорили они предельно тихо — чтобы понять, в чём дело, портретам пришлось растолкать матушку Эверетт, спящую на заднем плане картины Яна Моленара. Старуха была слепой, однако отличалась редким по остроте слухом. А когда подводил и он, в ход шёл диковинный слуховой аппарат — её собственное изобретение⁷⁶.

— ...для создания зомби нужно Колдовское зелье, а оно является крайне сложным...

— Я знаю, — перебил Гермиону Гарри. — Я ещё осенью слышал разговор Снейпа и... про всё остальное...

— Чего ж ты молчал-то?! — громко буркнул Рон. Он читал свежий выпуск Пророка, морщась от с трудом проходящей боли в груди: яд наявы каким-то хитрым образом вступил во взаимодействие с Режущим Заклятием, наложенным Малфоем, в результате раны на груди затягивались вдвое медленнее положенного. — Слушайте: «...по наведённым мною справкам в сферах, близким к алхимии, весьма ограниченное число колдунов способно изготовить его в таком количестве столь качественно. Конечно, если говорить об официально работающих магах. Однако...» — он многозначительно посмотрел на друзей. — Вот-вот, — кивнула Гермиона и сделала большие глаза. — Ты думаешь о том же человеке, что и я?..

— И, похоже, не только мы — намёк более чем очевиден, не находите?

— Не может... быть... — Рон поманил друзей пальцем и начал говорить ещё тише — теперь даже матушка Эверетт с трудом разбирала его шёпот. — ...конечно, гад, однако это... другое... не может... на Того-Кого-Нельзя-Называть... неужели похищение...

Друзья переглянулись, однако только ради того, чтобы взглянуть в глаза неопровержимой истине.

Гарри налил стакан воды, но, так и не выпив, поставил рядом на тумбочку. Лёг на подушки, снова сел — весь его вид выражал крайнее нетерпение.

— Гарри?.. — робко спросила Гермиона. — Ты что надумал?

— Мадам Помфри пообещала завтра меня выписать, и тогда сразу же...

Головы заговорщиков снова сдвинулись, и снова старуха Эверетт лишь недовольно морщилась и жевала губами — ничего не было слышно.

— И я! — наконец, строго сказал Гермиона.

— А я? — обиженно надул Рон.

— Тебе надо привести себя в порядок, — в голосе Гермионы зазвучали учительские нотки. — И потом, тебе сейчас есть за кого отвечать, — она кивнула в сто-

рону ширмы, отгораживающей ещё одну кровать: там лежала Стана.

Рон с нежностью и тревогой оглянулся. Медленно кивнул.

— Угу. Но, думаю, к концу недели я всяко вернусь в гриффиндорскую башню — и тогда вы от меня точно не отвяжетесь.

— А мы и не собираемся, — пожал плечами Гарри. — Говорят, сегодня вечером придёт аврор, который будет учить нас всяким полезным штукам — магическая самооборона и всё такое. Лучше б нападению поучили. Интересно, кого пришлют?.. Кстати, о нападении: надо бы подумать, что делать с Малфоем... Я не в этом смысле, — он мотнул головой, увидев, как сжались кулаки Рона и Гермионы, у каждого из которых имелся свой собственный список претензий к слизеринцу. Впрочем, опустив глаза, Гарри увидел, что и его собственные костяшки побелели. — Этот гад точно многое знает, как бы нам из него это... — жест, каким Гарри сопроводил это замечание, не сулил Малфюю ни лёгкой жизни, ни безболезненной смерти.

— Есть у меня идея... — после паузы призналась Гермиона.

— О... — в голосе Рона зазвучало предвкушение, — зная тебя, могу нашему белокрытому другу только посочувствовать: в лучшем случае он останется без...

— ...Рон!

— ...я имел в виду — без головы, а ты о чём подумала? Хотя, судя по Кастрирующему Проклятию, у тебя к нему явно что-то личное, — лица Гарри и Гермионы вытянулись, но Рон, не замечая этого, захохотал над собственной шуткой.

— Резвый паренёк, — заметила мадемуазель Жюли, продолжая щипать корпию. Уши её чуть-чуть порозовели. — Похоже, даже если мистера Поттера сегодня-завтра выпишут, нам не придётся тут сильно скучать. — Ежели не ошибаюсь, он брат...

— О, да... близнецов Уизли... — хором подхватили обитатели прочих больничных картин. — Да-а-а...

Все погрузились в яркие воспоминания.

Тем временем, едва начав смеяться, Рон скривился от боли в груди и снова откинулся на подушки.

— Чёрт... Болит-то как...

— Вообще, это странно, Рон, — Гермиона устремила на него полный подозрений взгляд и в который раз попробовала поднять интересующую её тему — вернее, не столько даже поднять, сколько увести разговор в нужную сторону: — Что там у вас произошло с Братковой?! Как же вы так выяснили отношения, что оба еле живые оказались на койках? Вы что — искалечить друг друга пытались?! Она, конечно, девушка решительная, однако... Ты бы ей объяснил, что всё дело в...

— Я ж тебе уже раз сто говорил, — нудно забубнил Рон, которому такой поворот разговора был крайне неприятен, — она побежала на улицу, в чём была; пока я за ней гонялся — с моей-то ногой — видно, что-то себе повредил, а она в темноте поскользнулась и ушиблась головой...

— ...да-да, потеряла сознание, получила воспаление лёгких, — от того, что слышала это уже раз сто, Гермиона не стала верить словам Рона больше: слишком уж подозрительно тот выглядел.

Врёт, ой, врёт... Хотя... наверное, это его право. Расскажет, когда захочет, не исповедовать же его силком, честное слово!..

— Мадам Помфри сказала, что она пошла на поправку...

Рон молча кивнул, опустил глаза, начал старательно разглаживать одеяло. Похоже, эту тему он развивать не собирался.

— Вот что, — вмешался Гарри, — тогда решено: завтра мы с Гермионой... — они опять перешли на драматический шёпот, — ...и если нас не будет до... откроешь — там будет план, как добраться... ..только не один, это может быть опасно...

Они пошушукались ещё минут пять, создав у незримо присутствующих свидетелей впечатление чего-то

⁷⁶ На мой непросвещенный взгляд напоминающее гибридный фонендоскоп с эхолотом. Впрочем, чёрт его знает, может, и не с эхолотом.

весьма опасного и крайне противозаконного, как вдруг из-за ширмы, отгораживающей кровать Станы, донёсся негромкий стон. Рон встрепнулся, беспомощно посмотрел на двери и те, будто по команде, распахнулись — к девушке, демонстративно не глядя в сторону гриффиндорцев, заторопилась мадам Помфри. Зазвонили кольца занавески.

Рон прикусил губу, тут же позабыв обо всём, — как пару месяцев назад Гарри лихорадочно прислушивался к осмотру Гермионы, так сейчас Рон едва ли не выпрыгивал из собственной кровати, силясь понять, что со Станой. Зрелище было совершенно невыносимым: кровь то прилиwała, то отливала от его веснушчатых щёк, он сжимал-разжимал кулаки, кусал губу — Гермиона, сжалившись, поднялась.

— Мадам Помфри... — она осторожно отодвинула занавеску, заглянула внутрь. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Полагаю, я в состоянии справиться, — брюзгливо откликнулась фельдшерница, чьё доброе отношение к мисс Грейнджер оказалось сильно подорвано недавним происшествием, свидетельницей которого она, правда, не стала. *С другой стороны*, — она метнула взгляд в гриффиндорскую шестикурсницу и смягчилась, — *местные обитатели — те ещё болтуны, наверняка же придумали, чего и не было: не может такого быть, чтобы столь вдумчивая и воспитанная девушка...* — Будьте любезны, тёплую воду.

— Сию секунду! — просветлела Гермиона и побежала за серебряным тазом, на ходу ободряюще подмигнув белому, как простыня, на которой он лежал, Рону. Тот снова поменял цвет, мгновенно став пунцовым.

— Халат наденьте, мисс Грейнджер, — крикнула вслед мадам Помфри. — И захватите из шкафа пару полотенец, — голос ещё звучал ворчливо, однако, похоже, гроза миновала.

Тем не менее, на начавшемся выздоровлении Станы хорошие новости закончились: состояние Рона осталось без изменений, выписка Гарри тоже отложилась на день — а значит, помимо всего прочего, ещё на день откладывался визит к кентаврам. Из-за всех этих изменений на ужин в Большой Зал Гермиона шла не в самом лучшем расположении духа: она любила всё планировать заранее, и любое нарушение её планов всегда вызывало беспокойство. Здоровье Рона и его неуклюжее враньё тоже давали пищу для размышлений.

У них точно произошло что-то серьёзное. Гарри слышал — мадам Помфри говорила о магическом отравлении... Кто кого травил?.. Ужас... И Рон был тоже сам на себя не похож — белый, как покойник... Гарри перепугался до смерти... Так выяснили они отношения или нет? Пожалуй, мне стоит самой поговорить с Братковой — во всём, что касается любви, мальчишки такие бестолковые, честное слово! Из-за какой-то стервы... ну, эта дрянь у меня ещё поплатится⁷⁷...

На это Рождество студентов в Хогвартсе осталось довольно много: родители разумно рассудили, что школа — одно из немногих безопасных мест в Англии, а потому будет куда спокойнее, если за детьми будут приглядывать лучшие маги и колдуны. Факультетские столы не убрали, а просто укоротили. Из старшекурсников Гриффиндора кроме неразлучной тройцы и Невилла домой не поехали только семикурсники Шон Маккелар и Дафна Гринграсс, а самое большое представительство сейчас имели хаффлпаффы, которых осталась чуть не половина. Слизеринцев же, напротив, почти не было — только младший брат Чу Чанг и три каких-то испуганных первокурсницы.

Погружённая в свои мысли, Гермиона села за стол и потянулась к вилке с ножом, как все вокруг вдруг взволнованно загудели и завозились. Она подняла гла-

за: перед преподавательским столом стоял только что вошедший в Зал директор Хогвартса Альбус Дамблдор. Одного взгляда хватило, чтобы понять, какой непростой стала рождественская неделя для великого волшебника: Гермионе даже в голову не приходило, что можно ещё сильнее постареть.

— Добрый вечер, — Дамблдор обвёл Зал утомлённым взглядом. Даже голос его звучал на редкость устало и печально. Он вздохнул и оперся на свой жезл. — Мне очень жаль, что я не смог поздравить всех вас с Рождеством вовремя, но... — он опять вздохнул, удивительно тяжко, словно вынырнул из-под воды, и продолжил, — в свете нынешних событий это простительно. Думаю, никаких разночтений в происходящем не существует: Лорд Вольдеморт, — все вздрогнули, — перешёл в наступление. И случившееся несколько дней назад — только пробный шар, как ни жестоко прозвучат мои слова по отношению к тем невинным погибшим. Что ждёт волшебный мир — никто не питает иллюзий, верно? Помнится, не так давно всерьёз велись разговоры о сильной руке, способной навести порядок...

Дамблдор чуть прищурился, и внезапно лицо его обрело величественную мощь — Гермиона, не сводящая с директора глаз, даже вздрогнула: ей показалось, будто рядом беззвучно ударила молния. Но глаза директора за очками-полумесяцами тут же стали мягкими; он воззрился на замерших за столами студентов внимательным взглядом, подолгу останавливаясь на каждом. Когда очередь дошла до Гермионы, ей показалось, будто невидимая рука коснулась её сердца, и почему-то от этого стало на редкость покойно — словно у шаткого мостика через бездонную пропасть появились перила.

— Ещё год назад я говорил, что все мы должны искать силу внутри себя, что мы должны найти и обрести её — тогда сможем стать непобедимыми. Я повторю эти слова и сейчас, с одной лишь поговоркой: времени на вдумчивые и неторопливые поиски у нас не осталось: пришла беда, и мы можем уповать только на себя и вверенное нам волшебство. Говоря о волшебстве, я имею в виду не только это, — он взмахнул рукой, и с пальцев сорвалась огненная вспышка, — но и на это, — рука директора легла ему на грудь. Все затаили дыхание, ожидая... а чего, собственно ожидая? Громы, молний? Ничего не происходило: Дамблдор молчал, положив ладонь на сердце и пылливо глядя в Зал. Позади него с каменными лицами сидели учителя, одинаково собранные и мрачные, даже красавица Флёр, закутанная до самого подбородка в жемчужно-серую мантию, казалась сейчас много старше своего возраста. Дамблдор прошёл вдоль преподавательского стола, тяжело опираясь на посох и чуть пришаркивая.

...будто на ногах у него шлёпанцы, — почему-то подумала Гермиона.

— Что есть магия? Наверное, этот вопрос покажется вам забавным: чему, если не магии, мы учим вас здесь, верно? Однако взмахи палочкой, — Флитвик завозился на своём высоком стуле и согласно закивал головой, — выученные и чётко произнесённые заклинания, приготовленные в соответствии с рецептурой зелья — ещё не всё. Вернее, совсем даже не всё. Это не сама магия, это пустая оболочка, которую надо ещё наполнить...

— Золотые слова, — услышала восхищённый вздох Гермиона. Она обернулась: Почти-Безголовый-Ник с благоговением внимал словам директора, полувынырнув из стола и теперь высовываясь из блюда с дымящимся молодым картофелем.

Прочие бестелесные обитатели замка также не оставались безучастны — собрались все... ну, или почти все призраки: у слизеринского стола, мрачно стиснув эфес шпаги, завис Кровавый Барон, рядом с ним роились незнакомые Гермионе привидения, из которых в глаза бросилась зубастая старуха с клюкой и безголовый всадник на оскалившемся коне. Едва Гермиона успела увидеть, что голова всадника — в лучших тра-

⁷⁷ Похоже, Гермионе со Станой будет что обсудить и помимо отношений последней с Роном.

дициях кошмаров — приторочена к седлу, как почувствовала холодное дуновение и обернулась: позади полупрозрачной завесой колыхались привидения Гриффиндора — все, как на подбор, с собранными, суровыми лицами... Да что привидения, коли даже Пивз не пакостил, как положено, а тихо присел на раму портрета Ровены Равенкло. Основательница поприветствовала полтергейста величественным кивком — тот вежливо приподнял в ответ шутовской колпак.

Дамблдор, меж тем, продолжал:

— Нам, волшебникам, дарована огромная мощь, и в наших силах разнести этот мир в клочья или сделать его лучше. Хаос и созидание — эти две составляющих есть в душе каждого из нас, именно они толкают нас вперёд, и от того, что доминирует, во многом зависят наши поступки. Вы не можете ничего разрушать, пока не научитесь строить заново...

Замерший у дверей в Большой Зал человек оцепенел, услышав эти слова, откликнувшись эхом в его памяти, — только тогда их произносил иной голос.

...Ты не сможешь ничего разрушить, пока не научишься строить заново, — вместо хвойной прохлады рождественского замка вокруг запахло костром, прелой листвой, сухой травой...

Рука человека скользнула за пазуху, в потайной карман — кончики пальцев коснулись сухих листьев. Это успокоило. Мелькнувшее в глазах страдание вновь сменилось спокойной решимостью. Он снова прильнул ухом к двери.

— ...Паника, отчаяние, гнев, страх — у хаоса много способов лишить нас возможности двигаться. Но и у созидания есть своё оружие — и оно куда сильнее... — Дамблдор умолк и снова медленно посмотрел на затаивших дыхание студентов, заглядывая каждому в душу.

— Какое же оружие у созидания? — донёсся испуганный полушёпот со стороны хаффлаффского стола.

— Какое? Какое? — подхватили с разных сторон взволнованные голоса.

— А вот его каждый должен обрести сам, — Дамблдор назидательно поднял палец. По залу пронёсся разочарованный вздох, и брови директора сдвинулись. На этот раз Гермione не показалось: взгляд из-под белоснежных бровей напомнил разряд зимней молнии, вырвавшейся из плена снежных туч. Тут же воцарилась тишина.

— Самостоятельно обрести и самостоятельно почувствовать его силу, ибо оружие, вручённое чужой рукой и не находящее отклика в собственном сердце, совершенно бессмысленно и в нападении, и в обороне. Как бессмысленны бездумные, хотя и выполненные по правильной траектории взмахи палочкой, как бесполезно и равнодушное бормотанье над котлом... — все невольно посмотрели на пустое место за столом, на котором обычно восседал профессор Зельеварения. — Более того — это предельно опасно, как опасно любое пустое подчинение, душевная леность, равнодушное выполнение приказов — ибо они тоже орудия тьмы. Она вообще любит простые пути... Обрести оружие, найти главный вопрос и суметь ответить на него — вот то, что всем нам предстоит сделать...

В воцарившейся за загадочными словами Дамблдора тишине скрипнула дверь и раздались чеканные шаги.

— И всё же, — этот резкий голос Гермione не могла перепутать ни с каким другим. Потрясённая, она вскинула голову, чтобы узреть идущего к преподавательскому столу Сириуса Блэка, — взмахи палочкой иногда весьма своевременны, верно? Простите, что перебиваю вас, профессор Дамблдор.

Раздавшиеся в Зале ахи и охи по громкости перешли уровень допустимого вежливого удивления, но Блэк принял их совершенно спокойно: гвалт в Гильдии Авроров в тот миг, когда они с Хмури вывалились из камина, мог быть сравним только с гвалтом на Центральном вокзале в миг прибытия Южноамериканского Экстренного.

Дамблдор спрятал улыбку в бороде: *неиспра-*

вим! — и приглашающе взмахнул рукой.

Выдержав положенную паузу и дождавшись, когда все убедятся, что он не галлюцинация и не призрак, а также выскажут предположения по поводу резкого изменения цвета его волос, Блэк продолжил:

— С разрешения господина директора я представляюсь и сообщу о цели моего присутствия здесь. Кто не знает — меня зовут...

— ...Сириус Блэк! — перебил его гриффиндорский хор.

— ...хотя фамилия «Уайт» сейчас подошла бы больше... — пробормотал Почти-Безголовый Ник. Он с состраданием окинул осунувшееся лицо давнего гриффиндорского выпускника, его белоснежную шевелюру, способную посоперничать с белизной бороды профессора Дамблдора. — Упаси Мерлин пережить нечто подобное... Поразительно, что он вообще остался в здравом уме и твёрдой... — призрак просочился обратно в стол.

— Как вы можете видеть, слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены, а потому Гильдия Авроров откомандировала меня сюда, — Сириус метнул в гриффиндорцев задорный взгляд, — чтобы научить вас всяким полезным штукам, которые вы можете делать при помощи ваших палочек. Я, конечно, знаю, что вы, студенты — народ энергичный только до тех пор, пока вас не попросишь чего-нибудь сделать, однако, думаю, мы с вами отлично поработаем в каникулы. По-наполняем ваши пустые оболочки, — он подмигнул и многозначительно постучал себя согнутым пальцем по лбу.

* * *

Профессору Снейпу было невыносимо жарко. Он обтёр рукой мокрый лоб, бессознательно удивившись тому, что ладонь холодна, как лёд. Глубоко вздохнул. Открыл глаза, надеясь, что пейзаж вокруг изменился, но ничего подобного — вокруг простиралась всё та же сверкающая пустыня. Повсюду из-под пронзительно сверкающего песка торчали выбеленные ветром и временем кости. Снейп оперся ладонью, чтобы подняться, почувствовал под пальцами что-то гладкое — свод черепа. Песок зашуршал, когда из глазницы выползла змея и медленно перестроилась в провал на месте носа, чтобы снова высунуться живым воплощением Знака Мрака изо рта.

— Довольно... прошептал профессор. — Право, довольно уже... Я устал...

Он уронил голову на грудь.

...Значит, я снова здесь...

Приближающийся хруст шагов заставил его поднять голову: на горе черепов и костей апокалиптически вознёсся Вольдеморт, глядя на Снейпа с плохо скрытым торжеством в сияющих красных глазах.

— Вы пришли за мной? — равнодушно спросил Снейп. — Вам ещё что-то нужно?

Вольдеморт промолчал. Он стоял, скрестив руки на груди. Змея, только что шуршавшая рядом со Снейпом в мгновение ока оказалась у ног Тёмного Лорда, а ещё через миг взлетела в протянутую ей руку, нежно вплетаясь между длинными белоснежными пальцами. Не дождавшись, да и не дожидаясь ответа на свой вопрос, Зельевар отвернулся, а когда снова взглянул в ту сторону, Тёмного Лорда уже не было, вместо него на горе костей и черепов сидел, что-то внимательно расклёвывая, огромный ворон. Птица сверкнула на замершего внизу человека злым взглядом и вернулась к своему занятию.

— Как я устал...

Профессору Снейпу было невыносимо жарко. Он обтёр рукой мокрый лоб, бессознательно удивившись тому, что ладонь была холодна, как лёд. Глубоко вздохнул. Открыл глаза, уставясь на танцующее под огромным котлом пламя. Руки работали будто сами по себе — чётко отмеряя, насыпая, смешивая. Зелье забурило и запузирилось, сменило цвет согласно указанному. Прикрыв лицо специальной повязкой — дабы,

не дай бог, не вдохнуть ядовитого порошка — Снейп досыпал его в котёл, потом принялся отсчитывать капли желчи:

— Пять... шесть...

...Ворон что-то методично долбил, и звук этот колокол отдалвался в голове профессора:

— Семь... восемь...

Перед ним мелькали лица тех, кто благодаря ему лишился или же ещё только лишится жизни. Улыбающиеся лица, во мгновение ока искажающиеся предсмертным оскалом, а ещё через миг становящиеся очередными выбеленными солнцем и ветром черепами.

— Девять...

Зельевар взял серебряную ложку и начал медленно размешивать зелье по часовой стрелке.

— Как я устал...

* * *

Несмотря на обещание начать занятия по магической самообороне едва ли ни немедленно, они не состоялись ни в тот же день, на следующий. Оставшиеся в замке студенты от нетерпения почти что ржали, как рысаки перед забегом. Ещё бы: заниматься — ни больше ни меньше — у самого Сириуса Блэка! Легендарного беглеца, дуэлянта, преступника, ухитрявшегося сбегать из-под носа дементоров и даже слывшего погибшим! Внезапное его появление да ещё мистическое изменение цвета волос мгновенно породило массу слухов как среди живых обитателей Хогвартса, так и среди мёртвых. Девушки многозначительно шушукались, юноши мечтательно предвкушали невообразимые секреты магических поединков, которые непременно откроются им под чутким руководством, — *трепещи, Тёмный Лорд, забивайтесь по щелям, презренные Пожиратели Смерти!*

Надо сказать, и сам Гарри, вырвавшийся поутру из цепких рук мадам Помфри, сгорал от желания повидаться с наконец-то вышедшим из подполья крёстным.

Увы. Перебросившись накануне после ужина парой слов с Дамблдором и Флитвиком, Блэк как сквозь землю провалился. Попытка добиться связного ответа у Макгонагалл ни к чему не привела: холодно ответив, что «Гильдия Авроров не отчитывается за свои действия не только перед студентами, но и перед преподавателями», декан почему-то пожелала Гарри счастливого Нового Года (до которого оставалось ещё два дня) и, окинув юношу напоследок пристальным взглядом, торопливо ушла.

Ну, тем лучше. Не будем терять время...

Норт ждал их, нетерпеливо переступая копытами. На его суровом, будто высеченном топором лице застыло весьма недовольное выражение, причину которого Гарри и Гермиона поняли почти сразу: увидев их, поднимающихся на холм, кентавр отложил свои книги и трактаты и опустился на землю, подогнув ноги.

— Н-Норт? — обвинительные речи, кипевшие и вынашиваемые все эти дни, мигом вылетели из головы. Гарри замер, на всякий случай придерживая Гермиону позади себя.

— Садитесь, — с отвращением пробурчал кентавр. — Мне велено встретить и доставить вас.

— Куда? — настороженно уточнил Гарри, не двигаясь с места.

— Куда велено, — брюзгливо откликнулся кентавр.

Гарри мгновенно просчитал возможные варианты и со спокойной улыбкой (во всяком случае, ему так казалось) обернулся к встревожено замершей за спиной подруге.

— Вот что, Гермиона, ты возвращайся, а я...

— Ничего подобного, — голос Норта сейчас казался незнакомым, столько в нём было неприязни и раздражения. — Она идёт с тобой.

— Но...

— Садитесь!

Гарри в отчаянии взглянул на Норта, пышущего негодованием от унижительной коленопреклонённой по-

зы, потом на ошеломлённую Гермиону; он разрывался между необходимостью оберегать её и долгом, который велел ему следовать указаниям. Будто почувствовав его смятение, Гермиона шагнула вперёд, решительно уселась верхом на кентавра и протянула Гарри руку.

— Поехали.

Его губы тронула благодарная улыбка, едва заметная даже Гермионе, которой показалось, что это просто игра света и тени.

Гарри устроился впереди, накрепко вцепившись кентавру в спутанную гриву, а Гермиона прильнула к его спине щекой, обхватив руками поперёк талии. Кентавр резко поднялся, брезгливо передёрнул спиной, едва не стряхнув гриффиндорцев наземь, и помчался сквозь лес, меняющийся прямо на глазах: знакомые деревья и кустарники исчезали, на их место пришли какие-то странные представители флоры с бархатистой, изрезанной глубокими морщинами корой и серебристыми листьями незнакомой ни Гарри, ни Гермионе формы. На ветвях, то исчезая, то появляясь, мелькали странные многоглазые существа; они не вызывали страха — лишь интерес. Через некоторое время, освоившись с тряской поступью кентавра, Гарри обернулся к Гермионе:

— Кто это?

— Наверное, духи леса, — заморожено откликнулась она, — никогда и не думала, что увижу нечто подобное... Взгляни, там, в вышине...

Девушка запрокинула голову, и у Гарри защемило сердце от этого странного контраста: её вдохновлённое лицо, чуть раздурманившееся от волнения щёки, сияющие глаза и... та неизвестность, куда их несло — что-то ждало впереди?..

Любопытные духи леса, пощёлкивая, перетекали следом, однако, едва Норт, раздражённо пофыркивая, пересёк вброд какой-то не замёрзший вопреки зиме ручей, они исчезли, и остаток пути прошёл в зимней тишине и одиночестве.

Чуть заметная тропа привела в лесной тупик: лес вокруг обратился непролазным буреломом, тем не менее, Норт двинулся вперёд. Гарри накрепко вцепился в гриву, зажмурился, крикнул Гермионе, чтобы спряталась за его спиной и держалась, — он был уверен, что огромные упругие ветви сейчас сшибут их наземь. Однако деревья расступились, раскрылись узким туннелем, с потолка и стен которого свисали длинные моховые борода. Внутри было влажно и пахло древесным грибом и прелой листвой.

Гарри почувствовал, что объятия Гермионы стали крепче; изловчившись, он развернулся и поцеловал её куда-то в висок.

— Не бойся.

Последнее не осталось без внимания Норта:

— Я попрошу... — брезгливо процедил он, — это вам не увеселительная прогулка...

И в этот момент путешествие закончилось: на залитой зеленоватым светом поляне, со всех сторон, словно высоченными стенами, окруженной деревьями, стояли кентавры, похожие на величественные древние изваяния. Сколько их было — десять, двадцать, сто? — Гарри не понял, настолько оказался потрясён тем, кто шагнул ему навстречу.

Огромный, едва ли не вдвое крупнее остальных, слепой от старости, с гривой белоснежных волос и абсолютно белой шкурой, главный кентавр приветственно кивнул головой, но ни в голосе, ни в позе, ни в лице его не было ни капли приветливости: лишь холодное отрешение.

Норт вдруг резко передёрнул спиной; как Гарри ни пытался удержаться, они с Гермионой двумя перезрелыми грушами рухнули на землю, хотя и не ушиблись, упав в густой и мягкий, как перина, мох. Гарри немедленно вскочил, помог подняться подруге, сердито косясь в сторону склонившегося перед правителем Норта, — выполнив несколько странных и сложных па, поочередно сгибая и выпрямляя ноги и тряся головой,

тот вдруг вытянул губы трубочкой и басовито то ли заржал, то ли запел. Правитель выслушал его, фыркнул — и Норт попятившись, исчез в сумрачном тоннеле, через которой только что вошёл. Кентавры медленно приблизились, не сводя с людей настороженных, пристальных, ищущих взглядов. Гарри стало не по себе. Он неуверенно пошарил в кармане в поисках палочки, второй рукой задвигая Гермиону за себя.

— Не нужно, — звучным голосом вдруг произнёс повелитель кентавров. Он говорил с каким-то странным акцентом, чуть «окая» и растягивая гласные. — Опустите руки.

Когда Гарри не подчинился, взгляды свиты стали жёстче — не у одного и не у двух вздёрнулась верхняя губа, демонстрируя дикий оскал. Не выдержав, один из кентавров, что помоложе, — серый в яблоках, с малфоевски-серебристыми волосами и хвостом⁷⁸ рванулся вперёд, однако был остановлен решительной рукой

вожака. Закрытые бельмами глаза даже не моргнули, как не изменилось и выражение лица, — просто предупреждаясь вскинула рука, и юнец остановился, буд-то вкопанный. Попятился назад.

Вожак шумно принюхался. Гарри замер, готовый к любому продолжению. Рука в кармане сама собой стиснула палочку.

— Не нужно, — снова слово прозвучало как «нужно-о-о». — Ты ведь пришёл сюда за заклинанием, верно? Так побереги силы. О-они тебе ещё пригодятся.

Заклинание?

Гарри похолодел и, едва ли понимая, что делает, рванулся вперёд:

— Так вы знаете, где оно?

И в тот же самый миг он услышал позади себя крик, а обернувшись, дико вытарашил глаза — Гермиона исчезла, а сам он стоял в плотном кольце кентавров, лица которых отнюдь не выражали дружелюбия.

Глава двадцать первая, в которой мы многократно лицезрим кентавров, а также Люциуса Малфоя, стирающего память своему сыну.

Огромные тела, пахнущие потом и ещё чем-то резким (*мускусом*, — подумала Гермиона и почему-то задрожала ещё сильнее) — кентавры оттеснили её от Гарри в мгновение ока, она сама не осознала, как и когда это произошло. Буквально только что она стояла, утопая по щиколотку в упругом белёсом мху, и Гарри прикрывал её собой от недружелюбных взглядов, вот он опрометчиво шагнул вперёд, и в тот же миг Гермиона почувствовала руки. Огромные руки — одна зажала рот, а вторая, обхватив поперёк тела, дёрнула назад. Что-то жёсткое ударило под дых, когда её, будто мешок с картошкой, перебросили через плечо; Гермиона и пикнуть не успела, как превратилась в нечто совершенно беспомощное и неспособное даже подать сигнал бедствия. Тут же возник порыв укунуть мерзкую руку, зажавшую ей рот, и истошно заорать, однако идею пришлось оставить: во-первых, было ужасно противно от одной только мысли, что придётся кусать что-то вонючее и, наверняка, грязное, во-вторых, рука была на редкость мозолистой — прокусить её смог бы разве что как следует наточивший зубы василиск, в-третьих, лицо сдавило настолько крепко, что Гермиона едва дышала, — о том, чтобы открыть рот, и речи не шло. Ещё через миг девушка осознала следующий пугающий факт: она ничего не видела, хотя, судя по ощущениям, глаза ей никто не завязывал. Похолодев и выдохнув родившийся в груди вопль ужаса в шершавую лапищу кентавра, — *чистый наждак!* — она поморгала, повила туда-сюда глазами и отчаянно затрепыхалась. Хватка сразу стала твёрже — ей даже показалось, что рёбра вот-вот лопнут.

Свет вокруг появился так же внезапно, как за некоторое время до этого исчез, заставив подумать о каком-то хитром колдовстве, чтобы она не запомнила дорогу; Гермиону швырнули вперёд: — *В-вы! Что вы себе позволяете?!* — хотела заорать она, вытянула руки и приземлилась носом в мягкий и пушистый мох, сквозь который выбирались на волю унылые цветы, раскрытые, будто в ожидании сумерек. Девушка вскочила, давась негодованием, развернулась к похитителю: перед ней стоял огромный кентавр средних лет⁷⁹. Скрепив руки на поросшей густой шерстью груди, он со спокойной насмешкой взирал на неё настолько сверху вниз, что Гермиона мгновенно почувствовала себя разгневанной блохой, прикидывающей, как лучше обляпать собаку. От возникшей перед внутренним взором красочной картинке чувство собственного достоинства ощутило себя ущемлённым вдвойне, а потому Гермио-

на, окончательно забывшись, выхватила палочку.

— *Petrificus...*

За считанные секунды она увидела, как дерево, у которого стоял кентавр, перегнулось, будто подпленное под комель, и низринулось, поднимая облако пыли, ключев мха и коры. Падая, оно задело стоящее рядом изваяние — грубо вытесанная из камня фигура покачнулась: на куски раскололось тело, в двух шагах от Гермионы в мох бесшумно грянулась голова. Потрясённо взирая на плоды своих рук, гриффиндорка даже не дёрнулась, когда сильные лапищи вновь обхватили её поперёк, аккуратно вывернули из пальцев волшебную палочку и предупреждаясь жали — ей показало, что её сейчас выжмут, будто тюбик с зубной пастой.

— Здесь не стоит пользоваться вашей магией, — хриплое, пахнущее табаком дыхание обожгло ухо, и, покосившись, она в ужасе увидела — близко-близко — лицо ещё одного кентавра. Оно показалось ей едва ли не вдвое крупнее человеческого лица — огромный янтарно-коричневый глаз, переполненный брезгливым раздражением, длинные жёсткие ресницы, крючкова-тый нос... Гермиона дёрнулась, но кентавр сам отпустил её — скорее, даже, отшвырнул от себя, она чуть было вновь не рухнула на четвереньки. — Людская магия здесь едва ли причинит вред нам, разве что разозлит... — кентавр многозначительно умолк, окидывая взглядом учинённую Гермионой разруху: зависшее на собственных ветвях расщеплённое дерево, разбитое изваяние, фыркающий в каменной крошке кентавр-похититель. — Законы магии на нашей земле действуют иначе, и реакция может оказаться отнюдь не такой, как ты ожидаешь...

...*Вот оно что — знаменитые искажения волшебных полей...* — Гермиона едва не ахнула, но тут же упрямо нахмурилась. Она бы сейчас скорее съела собственный гриффиндорский галстук, чем показала удивление или, что совсем позорно, страх.

— Не стоит трусить — мы ничего тебе не сделаем, — глядя на её реакцию, понимающе приподнял брови молодой кентавр. Гермиона сейчас в придачу к галстуку съела бы ещё и шарф, если в его голосе не звучало отчётливое сожаление.

— А я и не трушу! — тут же вскинулась она и добавила мысленно: — *И только попробуйте меня тронуть. Плевать я хотела на все ваши искажения. И поля.*

Молодой кентавр разглядывал её с любопытством. Потянул носом, принюхиваясь.

— Значит, вы и есть те самые, о которых пророчествовали звёзды, а ты — та, которой суждено...

Кентавр постарше предупреждаясь поднял руку, заставив говорившего умолкнуть.

— Кто? Когда? — тут же ухватилась за неосмотрительно брошенную ниточку Гермиона.

— Тебе всё объяснят. В своё время, — высокомерно

⁷⁸ Он сразу же вызывал у Гарри резкое неприятие.

⁷⁹ Хотя юной Гермионе он показался глубоким стариком — она, как и многие юные девушки её возраста, пребывала в заблуждении, что лет около сорока жизнь заканчивается.

усмехнулся молодой, уязвлённый тем, что его, будто мальчишку, заткнули перед не просто «человеком», а низшей его разновидностью — женщиной. Он нервно закрутил в пальцах отнятую у Гермियोны палочку, увидел её устремлённый на его руку весьма и весьма неприятный взгляд и... Вращение замедлилось: пальцы кентавра напряглись, а палочка чуть прогнулась.

...*Он пытается её сломать!* — поняла Гермियोны.

Видимо, на её лице проявился такой ужас, что, довольный произведённым впечатлением, кентавр отшвырнул палочку в сторону. Гермियोны кинулась следом.

— Прекрати, Бертран, — холодно произнёс молчавший до сих пор кентавр, принёсший Гермियोны на эту поляну. — Оставь её. Пойдём.

Он зашагал обратно в деревья, и второй, поименованный Бертраном, чуть помедлив, последовал за ним. Напоследок он обернулся через плечо, чтобы послать Гермियोны ещё один взгляд. Она отчётливо увидела там пренебрежение и... плохо спрятанное под ним затаённое любопытство — *что?!* — не поверила собственным глазам, оторопело присмотрелась, в этот миг сплетённые ветви сами собой раздвинулись, и кентавры расстарились в лесу.

...*О чём он там говорил?.. Мне чего-то суждено?* — под ложечкой засосало, Гермियोны огляделась. Поляна, высланная всё тем же упругим мхом и окружённая непроходимым буреломом: она даже подивилась, как смогла с такой лёгкостью пройти через него кентавры, — без кровавых ошметков вперемешку с клочьями шерсти на затянувших пространство меж деревьями зарослях ежевики и можжевельника обойтись, по её представлениям, было никак нельзя.

Очередное местное волшебство?

Гриффиндорка осталась одна, но мысль о побеге даже не промелькнула в голове, и дело было не в том, что она совершенно не представляла, куда бежать, да и как вырваться из этой лесной тюрьмы, — просто Гарри был где-то тут, совсем рядом, и удирать одной, бросив его...

Ни за что.

Что делать, правда, она пока не знала, однако предупреждение насчёт искажения волшебных полей решила принять к сведению и пока больше не экспериментировать, а потому поступила в лучших традициях всех заплутавших в лесу крошек-Мэри: Гермियोны неуверенно откашлялась и позвала — сначала негромко, а потом, осмелев, во весь голос:

— Гарри!.. ГАРРИ!!!

Крик запутался в густом сплетении ветвей и стволов и погас, даже не покинув поляны.

Она попробовала ещё и ещё раз, заметалась по поляне, даже не пытаясь продрасть сквозь заросли устращающе-колючей ежевики, крича то в одну, то в другую сторону, пока не охрипла, и голос не сорвался:

— Гар..!

Из чащи донеслись звуки: кто-то явно пробирался к ней, и Гермियोны воспряла духом, но из-за кустов шагнул вовсе не Гарри; топорщащиеся колючками и шипами ветви расступились, будто по волшебству, и кентавры, которых теперь было куда больше, вышли на полянку, встав полукругом. Гермियोны похолодела.

...*Кажется, это и называется «накликать на свою го-голову»?* — даже внутренний голос сейчас заикался.

Держась рукой за надсаженное горло, она ловила на себе странные взгляды огромных, диких существ, причём всех, как она с ужасом отметила, — сплошь мужского полу, и ей совершенно не хотелось думать, чем всё может закончиться. Глаза невольно скользнули по их могучим обнажённым торсам, поросшим разноманной — в тон хвостам и волосам — шерстью, по бугристым плечам, по рукам, по могучим жилистым шеям, по лицам — в неё вонзился десяток пар глаз совершенно диковинных цветов: помимо вполне человеческих оттенков, яростно поблёскивали янтарные, пурпурные, фиалковые... Гермियोны сглотнула новость откуда взявшийся ком, он медленно пополз по горлу

вниз, и саднящая боль вспыхнула с новой силой — *больно...* Кентавры звучно пофыркивали, хмыкали, хрюкали... Гермियोны с каждой секундой нравилось это всё меньше; с учётом того, что ей это **СОВСЕМ** не нравилось изначально, можно представить, что она чувствовала через пару минут многозначительного обоюдного — можно даже сказать, *обоюдоострого* молчания.

...*Живой не дамся,* — мысленно пискнула она и добавила для смелости имя: — *Гарри,* — в этот момент, заставив её подскочить от внезапности движения, кентавры расступились, давая дорогу старейшине.

Слепой и седой, как лунь, он подошёл к ней. Гермियोны смотрела на расчерченное морщинами лицо, на перламутр подёрнутых бельмами глаз — она не знала, чего ждать, и почему-то ужасно боялась ответов, которые могла бы услышать, рискни она задать самые важные сейчас вопросы.

— ...*склонись, склонись,* — взволнованно зашептала свита, и Гермियोны не успела удивиться, зачем нужно склоняться перед слепым, — *ведь он же всё равно не увидит, честное слово!* — как уже присела в кривобок испуганном реверансе.

— *Како-ое право ты имела прийти сюда?* — спокойным голосом спросил старейшина, снова напевно «окая», — это придавало звучанию некую покойную, домашнюю неторопливость.

Она опешила.

...*Здрасьте пожалста...*

— *Постойте. Но вы... вы же сами меня сюда...* — по-прежнему, не разгибаясь до конца, Гермियोны приподняла голову и на всякий случай сделала шаг назад. А ещё покрепче сжала палочку — *чёрт с ними, искажениями полей!* — Мы просто пришли к Нурту, а он...

— Придя сюда, понимала ли ты, что делаешь? vedo-ома ли тебе мера ответственности за твой поступок? — судя по всему, не желая выслушивать её сбивчивое бормотанье, вновь заговорил слепец, растягивая даже безударные «о», из-за чего сбивая с толку и перепуганная Гермियोны с трудом улавливала смысл.

На всякий случай она решила не отвечать на столь очевидные риторические вопросы: её слова тут всё равно никого не интересовали — с таким же пафосом и надеждой на ответ вожак мог бы звать к небесам. Впрочем, это отнюдь не мешало Гермियोны вести с ними мысленный диалог — так она чувствовала себя чуть бодрее.

...*Ответственность? Ну, в общем и целом. Если это то, о чём я думаю...* Я вообще привыкла отдавать себе отчёт в том, что я делаю и зачем, — я боялась отпустить Гарри одного, потому и пошла с ним. Если, конечно, речь об этом.

— Понимаешь ли ты, что своими руками го-онишь его навстречу смерти?

Тут онемел даже внутренний голос Гермियोны, и дальше старейшина вещал в полной тишине — ментальной в том числе.

— О люди, человеки, вам имя — безрассудство-о... Долгие века, на которые мы лишили вас нашей мудрости, не вложили разума в ваши го-оловы — Троица Разума была последней, кто обладал сим даро-ом, и лишь верность данной много веков назад клятве заставляет нас снова вступать в контакт со-о столь безнадёжными, бездумными существами, мно-огократно доказавшими свою беспомощность перед лицом внешних врагов, времени и, главное, — себя самих.

...*Безнадёжными, бездумными существами?* — Гермियोны чуть наклонила голову, чтоб тень упала на глаза, скрыв гневные искорки. Нет, она сама могла при случае посетовать на всё вышеперечисленное, но сейчас, перед лицом высокомерно взирающих на неё кентавров, ощутила острую обиду за человечество.

— Звёзды поведали о великой Тьме, по-олзущей по вашему миру, поведали о приходе защитника и о том, что настал наш час передать в его руки доверенное нам много веков назад о-оружие. Если конечно, — бельма вожака недобро блеснули, — о-он сможет его удержать...

У Гермियोны в груди оборвалось сердце.

— Что вы хотите сказать — «сможет»?..

— Сила его и его слабо-ость, вернее — сила его ИЛИ его слабость, вот что сейчас о-определяет будущее вашего мира. И он должен идти только-о вперёд, становясь с каждым шагом всё безжалостнее и собраннее, его не должны снестать со-омнения и страхи, ибо в битве, ждущей его-о впереди, малейшее колебание может стоить жизни не только ему, но и миру. Он не только-о погибнет сам, но станет причиной мучительной агонии всего сущего.

Лес пошатнулся, земля качнулась, норовя броситься Гермियोны в лицо, — ей потребовалась вся её поддержка, чтобы устоять на ногах. Она пошевелила губами, но с них не слетело ни звука, слова превратились в примороженные к ним камни. Тяжёлые, примороженные к губам камни. Очень тяжёлые.

— Ты, женщина, по-ошла за ним — зачем? Думаешь, будто тво-оя любовь даёт ему силы? Напротив. Я чувю, что тобой двигают лишь слабость, лишь вина, недо-оверие и страх, ибо ты винишь себя в чём-то, заставляя чувствовать себя виноватым его, ибо ты боишься за него и этот страх многократно отражается, умножаясь в его-о сердце, заставляя бояться за тебя, — и значит за себя самого. Спосо-обен ли он защитить мир, боясь за себя самого? Спосо-обен ли он защитить самого себя?

Вожак умолк. В тишине было слышно, как тяжко вздыхает упругий мох под копытами остальных кентавров. Но Гермियोны сейчас ничего не видела, она вовсе забыла об их существовании.

...Гарри. Он всегда стремился уйти один — за философским камнем, в лондонские катакомбы, к василиску, спасти Сириуса, даже сейчас — за заклинанием... Он действительно всегда испытывал облегчение, когда мы оставались позади, действительно сердился, когда в напряжённый момент я или Рон оказывались рядом. И это вовсе не значит, что он не нуждался в помощи, — ещё как нуждался... Но он боялся за нас, как мы боялись за него, — боялся, что не сможет защитить, что станет причиной наших страданий... Он всегда всё пытался взвалить на свои плечи... А я? Что могла я? Чем могла поддержать его, как могла уберечь? Обманывая, не рассказывая, скрывая — я так его берегла? Но разве это действительно то, что ему нужно? Неужели мы ни на что не способны? Неужели мы всего лишь...

— Вы всего-о лишь его слабые места, — подхватил кентавр. — А ты — его главная слабо-ость. Самый большой его страх, постоянно заставляющий о-оглядываться назад. Он хочет спрятать тебя любой ценой, хочет укрыть тебя от внешнего мира, чтобы ничто-о и никто-о, даже по касательной, тебя не задел, — и именно потому и постоянно-о терпит неудачи.

Слова откликнулись слабой болью под грудью — там, где розовел шрам, и Гермियोны непроизвольно прижала поверх руку, ощутив, как отчаянно колотится под ладонью сердце.

— Это замкнутый круг, из которого нет выхода: с каждым днём опасность всё серьёзней, и ты всё больше боишься за него, заставляя всё бо-ольше опастись за тебя и за себя самого, а потому он и не делает резких движений — именно-о таких, какие и необходимы в решающей битве. Но и это не всё, — безжалостно продолжил вожак, — ты пытаешься своей любовью не закалить, а размягчить его-о сердце, ты пытаешься — осознанно, нет ли — привязать его-о к себе, влезть в его дела и помыслы, ты пытаешься надеть на него узду, — последнее слово он буквально выплюнул, передёрнувшись от отвращения, и замершие за его спиной кентавры тоже возмущённо заперешёптывались. Их устремлённые на Гермियोны взгляды стали ещё более недоброжелательными, как будто она собралась загнать под седло всех собравшихся здесь. — Ты с каждым слово-ом и каждым днём уносишь его уверенность, — сердце его слабеет, и когда придёт миг принять самое важное решение для всех — и для нашего мира в том числе, как бы мы ни пытались

это о-отрицать, — он сло-омается, и не вернётся, потому что разум его не будет чист, а душа — сво-о-одна.

— Н-не вернётся? В ре-решающей битве? — заикаясь, выдавила из себя Гермियोны. Голос не слушался — хрипел и снова норовил сорваться. — Разве ему придётся сражаться? А как же заклинание? Этот за...заклинание? Разве он не...

Старейшина хрипло рассмеялся.

— Во-от она — сущность людская, — он ткнул в девушку пальцем с триумфальным видом прокурора, добившегося от преступника чистосердечного признания. — Переложить на плечи другого и самоустраниться...

— Неправда! — брызнула слезами Гермियोны, потрясая сжатыми кулаками. Горло свело, и от этого оно ещё больше саднило — каждое слово вырывалось будто с кровью. — Я не хочу самоустраняться! И Гарри — он никогда, он тоже...

Что «тоже» — Гермियोны сама не знала, а потому замолчала, кусая губы, однако не совладала разрывающимися её чувствами и пошло разрыдалась, понимая, что тем самым подписывается под всеми предъявленными ей обвинениями. Слепой вожак хрипло засмеялся донёсшемуся до него хлюпанью, и кентавры поддержали его презрительным полусмехом-полуржанием. Гермियोны захотелось удавиться от унижения: слезы предательски текли сквозь пальцы, а плечи тряслись, как бы она ни пыталась держаться.

...Что ж они... ржут, как кони... Честное слово...

Вожак оборвал смех свиты и вновь обвиняюще ткнул в трепещущую Гермियोны пальцем:

— Ты — его слабо-ость. Или стань его силой, или исчезни. Не бо-ойся за него — страдания закаляют сердце, свобода исцеляет душу, ясность поставленной цели очищает разум, а всё вместе позволяет прозреть и о-осознать истину. И тогда не дрогнет рука, и врученное ему оружие сумеет отразить натиск тьмы. Впрочем, то-олько при условии, если сейчас он сумеет доказать своё право на жизнь. И на владение этим оружием.

И снова земля покачнулась. Для того чтобы вздохнуть, Гермियोны понадобилось невероятным усилием разорвать стянувшие грудь невидимые цепи.

— Что... вы... сделали... с Гарри?.. — шёпотом спросила она, не чувствуя, что её пышные волосы на глазах встают дыбом, образуя вокруг головы каштановое гало. Кентавр не ответил. Он стоял, склонив голову и обратив к Гермियोны поблескивающие бельма; если бы он был зряч, можно было бы сказать, будто он рассматривает обезумевшую от негодования, ярости, страха и гнева, трепещущую перед ним тоненькую девушку. Но он был слеп, а потому просто принюхивался к её выплёскивающимся эмоциям. Похоже, результат его удовлетворил: он дёрнул ноздрями, чихнул и, развернувшись, собрался удалиться, когда Гермियोны, забыв обо всём на свете, набросилась на него с кулаками — вцепилась в роскошный белоснежный хвост, пнула по задним ногам, впила ногтями в кожу. Свита на мгновение оторопела и тут же негодующе взревела, собираясь затоптать, — но старейшина, на губах которого внезапно мелькнула чуть удивлённая улыбка, вновь задержал их одним движением бровей. Развернувшись, он «смотрел» на Гермियोны, которая месила кулаками его грубую кожу, повторяя при каждом взмахе:

— Что! Вы! Сделали! С Гарри! Отвечайте!!!

...Люди... Они совсем не изменились. Такие же опрометчивые, непоследовательные, бездумные и порывистые. Не смотрящие ни на звёзды, ни даже себе под ноги. Только им, горячим, безрассудным, любящим, не думающим о вечном, и подвластно изменить мир... Эта девочка... Сможет она найти ответ? Сможет ли стать щитом ему? Всё зависит от того, поймёт ли она. Поймёт ли он — ибо тогда обретёт он и меч, и щит, не дрогнет ли его рука, хотя, на самом деле, не рука определит исход битвы, а сердце...

* * *

За спиной Гарри закричала, медленно, но неминуемо закрываясь, высоченная дверь — верх её терялся в тускнеющем на глазах зеленоватом сумраке где-то над головой. Клик-кляц — и воцарилась темнота. Гарри поднялся, разминая ноющие от хватки кентавров плечи; ощупью двинулся вперёд, походя нашаривая и вытаскивая палочку из кармана, но тут внезапно оступился на чём-то хрустком и выронил её в непроглядный мрак.

— Ч-чёрт! — присел на корточки, зашарил руками в той стороне, где она клацнула об землю, и то, что попало под пальцы, ему совсем даже не понравилось. — *Lumos!* — заорал он, слабо надеясь, что палочка окажется рядом и заклинание сработает.

Действительно — полыхнул свет, причём настолько яркий, что Гарри на миг даже ослеп, а когда проморгался, то увидел: палочка лежала у правого ботинка, прямо на темечке не по-человечески крупного черепа. Вообще, кости и черепа валялись повсюду — человеческие, крысиные вперемешку со скелетами кентавров, однако тлением не пахло: века выбелили их давным-давно. Гарри медленно вдохнул, потом резко выдохнул, попытался унять сердце, пустившееся в груди наутёк, поднял палочку повыше.

...Под ноги больше не смотрим...

Перед ним уходил во тьму странный тоннель, за пределами которого, по словам кентавров, и ждала его Гермиона. Целая и невредимая.

Недавняя кратковременная стычка закончилась быстрой победой количества и грубой силы. Когда Гарри пришёл в себя, *бельмастый предводитель табуна* объяснил, что к чему, и спустя ещё какое-то время, бросив попытки вновь кинуться на него с кулаками и волшебной палочкой наголо (кентавры крепко держали его за заломленные назад руки), Гарри все же выслушал и подчинился, что не помешало по дороге к пещере пожелать всем присутствующим множество интересных приключений на разные части тела (ассортимент был велик — помог опыт общения с Роном), а также пообещать в случае — не дай Мерлин! — хоть каких-то неприятностей у Гермионы такого, что один из волочащих Гарри кентавров не выдержал и снова дал ему по голове. Несильно, но почему-то способность говорить и ругаться Гарри на время утратил.

— Чёрт... — Гарри ещё раз покосился назад, на мертво захлопнувшуюся дверь, потом, забыв про только что данное себе обещание, уставился на костяные россыпи повсюду. — Замуровали, демоны...

Аккуратные белые горки громоздились то тут, то там — гриффиндорец передёрнулся и пошёл вперёд, поглядывая себе под ноги сильно вскользь и стараясь не задумываться об источнике хруста под ботинками. Под светом палочки темнота отступала, чтобы вновь сомкнуться за спиной, с каждым шагом становилось всё холоднее и холоднее; когда дверь скрылась во мраке, дыхание уже начало срываться с губ пушистыми клубами; ещё несколько метров и два жутких ругательства, когда один из скелетов буквально вывалился на него из-за поворота, — и заломило кончики сжимающих волшебную палочку пальцев, потом заледенел кончик носа и начало щипать ноги в ботинках...

— Заморозить меня решили, да? — вслух, чтобы немного подбодрить себя, спросил Гарри.

— ...да... да... — откликнулось от покрытых наледью стен эхо.

Эхо ли?

Голосов было явно два, причём совершенно другого тембра, нежели у Гарри. Он на всякий случай, тут же поскользнувшись на очередном обледенелом остоле, мгновенно отпрыгнул к стене — было абсолютно непонятно, с какой стороны находятся обладатели этих голосов — оглянувшись: коридор позади был пуст. Гарри сделал несколько осторожных шагов вперёд, по-

минутно оглядываясь и держа ослепительно горящую палочку повыше: *пусть меня видят, зато я тоже их увижу — когда что-то выскакивает прямо на тебя, это как-то совсем уж... неприятно.*

Ни с того ни с сего совсем близко — футах в десяти — забрезжил *ледяной* свет. Во всяком случае, именно так и показалось Гарри, ибо вместе с лёгким зеленоватым сиянием, окружившим две замершие посреди тоннеля фигуры, его накрыла настолько морозная волна, что не только кровь в жилах — мысли в голове замёрзли. Волшебная палочка, будто устыдившись конкуренции, потускнела, а этот момент одна из нечётких фигур шевельнулась, приподняла руку — и она вовсе погасла. Гарри растерянно посмотрел на палочку, потом снова на незнакомцев, которых по-прежнему скорее угадывал во тьме, нежели действительно видел, но зелёное сияние вмиг вспыхнуло ярким солнцем, залив коридор.

Гарри задохнулся.

О да, тут было, чему удивиться: высоченные стены и сводчатый потолок переливались разноцветными ледяными искрами, от ослепительных бликов, играющих на сколах, резало глаза. Огромные сосульки стекали с потолка и поднимались навстречу с пола — проход злобно ощерился сотней хищно блистающих клыков. А между этими зубьями... Два огромных кентавра — куда больше, чем те, которые недавно оказали такое негостеприимство Гарри и Гермионе, — мрачно взирали на незваного гостя. За плечами одного виднелся лук, на боку другого висел здоровенный меч. Вкупе с предельно недружелюбными взглядами и загороженным могучими телами проходом Гарри совсем не вдохновился — его прошиб пот, тут же превратившийся в тысячу крошечных иголочек, впившихся в кожу. Поколебавшись, Гарри всё же сделал шаг вперёд и, судя по всему, пересёк невидимую границу, ибо в тот же миг раздался оглушительный хруст: здоровенная сосулька оторвалась от потолка и свёрзлась вниз, чуть не стесав ему висок, — квиддичный инстинкт сработал даже раньше, чем Гарри успел осознать опасность. Уворачиваясь, он сделал ещё шаг вперёд, боковым зрением засёк какое-то движение аборигенов — и точно: оглянувшись, он увидел уже прогнувшийся от напряжения лук... В следующий миг раздался свист: к нему неслись прозрачные стрелы, наконечники которых внезапно обернулись оскаленными звериными мордами. Мгновение промедления дорогого ему стоило:

— *Servoinvolucrum!*

Но одна стрела всё же успела впиться в левое плечо: ледяные зубы пронзили мантию, словно в масло, вошли в тело — рука тут же онемела, Гарри показалось, будто по венам вместо крови пустили воду с осмётками льда. Через минуту он уже не чувствовал не только руку, но и весь левый бок.

...Какой я идиот...

Он зачем-то подумал, что, несомненно, Гермиона бы мгновенно выбрала правильное заклинание, а он вечно всё постигает методом научного тыка... Ледяные стрелы, меж тем, подтачивали радужные бока Защитной Сферы, их становилось всё больше и больше — кентавр неустанно натягивал тетиву — видимо, колчан за его спиной был бездонный. Ледяные зубы вгрызались всё глубже и глубже, холод растекался по телу, теперь онемела и левая щека, Гарри в отчаянии смотрел на торчащую из плеча стрелу, не в силах ничего поделывать: второй рукой он удерживал вокруг себя Защитную Сферу.

...Ещё немного, и я вообще не смогу произнести ни одного заклинания...

Одно из всех сил сосредоточился, абстрагировавшись от мучительного ощущения, будто левый бок сейчас взорвётся ледяными осколками, резко дёрнул палочкой, отшвыривая защиту:

— *Incendio! Incendio!* — ледяная смерть не успела обрушиться на Гарри, как он уже стоял, окружённый огненным вихрем, в котором исчезли не только стрелы,

но и несколько огромных сосулек по соседству. — Какого чёрта! — воспользовавшись секундной передышкой, заорал он кентаврам. — Я пришёл сюда не со злым умыслом и не по собственной воле! Меня послал сюда ваш вожак, он сказал, что я должен пройти...

Закончить ему было не суждено:

— Не имеет значения, что тебе сказали. Не имеет значения, что говоришь ты сам, — странным образом человеческий голос не будил эха в этой длинной пещере, тогда как глас кентавра десятикратно отзывался на разные лады и голоса.

Кентавр с луком вновь потянулся к колчану за спиной.

— Стойте! Дайте я скажу! — Гарри показалось, что движения лучника чуть замедлились⁸⁰. — Я вас очень прошу — пропустите меня! Это очень важно! Я не пытаюсь что-либо похитить у вас, у меня нет злых намерений! — кентавр неторопливо взялся за тетиву, и Гарри зачастил с пятого на десятое, держа палочку наизготовку и пытаюсь не упустить мига, когда от слов придётся переходить к делу: — Погодите! Выслушайте меня! Весь мир... Армия Вольдеморта... Наступление тьмы... Да погодите же! Ваш вожак сказал мне...

— Наш вожак умер много веков назад... — свистнула стрела, потом, почти сразу — ещё одна.

— Incendio! Чтоб вас... — Гарри прикрыл рукой глаза от пламени, пожравшего огненные стрелы. — Уймись же, чёрт подери! — разъярившись не на шутку, заорал он. — Дайте мне сказать, болваны четвероногие! — последнее замечание явно было лишним: посыпался очередной град стрел, и Гарри понял, что пришла пора принимать более решительные меры: — Expelliarmus!

К его ваянию изумлению, Разрушающее заклятие не произвело на кентавра никакого эффекта: лук по-прежнему был в его руках, а колчан — за спиной. Гарри решил, что промахнулся — чего давненько с ним не случалось: отточенные в прошлом году навыки до сих пор позволяли выбивать максимальное количество очков на тренировочном поле, куда он по привычке изредка заглядывал.

— Expelliarmus!

Теперь он знал наверняка, что не промазал: заклинивание попало точно в грудь кентавру и... прошло насквозь, со стеклянным звоном расколовшись о стену. Ледяной панцирь растрескался, зазвенел, засыпав всё вокруг, поток ледяных осколков, которые — Гарри видел это точно — прошли кентавров насквозь, не причинив им ни малейшего вреда.

...Какого... Погодите... Неужели они...

— Stupefy! Impedimenta!

— Бесплезно, — второй кентавр подал признаки жизни, хотя насчёт последнего Гарри уже сильно сомневался. — Да, ты прав: мы мертвы. Мертвы уже много веков.

Гарри скрипнул зубами, чтобы не помянуть вслух жоака, ни слова не сказавшего про охраняющих заклинивание и пещеру призраков.

— Мне нужно пройти. Нижайше прошу пропустить меня... — он попробовал зайти с другой стороны: *как знать, может, этим полуконям-призракам нужно какое-нибудь доброе слово? Какое-нибудь древнее вежливое слово?* С древними словами у Гарри был явный напруг: — Паки, паки... — брякнул он раньше, чем успел себя остановить, и тут же виновато развёл руками.

Похоже, что без доброго слова кентавры вполне могли прожить: мало того, что первый не опускал лук, теперь и второй многозначительно занёс ладонь над эфесом меча. Гарри решил играть ва-банк:

— Я пришёл за тем, что принадлежит нам, людям, хотя много веков назад и было вверено на хранение вашему племени. Знамена и звёзды, древние книги и ваши же соплеменники, — *может, хоть это их про-*

мёт? — Сортировочная Шляпа, свитки и пророчества — всё указывает на то, что настало время вновь собрать части Защитника воедино, чтобы он пришёл и очистил мир от Тьмы... — Гарри вещал вдохновенно и искренне, однако его слова произвели отнюдь не такой эффект, какого он ожидал: вновь запела тетива, и к нему понеслись стрелы, отразить которые в этот раз не составило труда, но теперь в второй хранитель не остался в стороне. Меч будто сам вылетел из ножен, лёг в ладонь, раздался свист рассёкшего воздух клинка, и кентавр преобразился. В нём будто полыхнул дикий пламень, отблески которого адскими искрами заплясали в янтарных глазах, ноздри раздулись, он поднялся на дыбы и...

От рёва, вырвавшегося из его глотки, зазвенели и пошли трещинами стены, с отвратительным хрустом ломающихся костей посыпались с потолка огромные сосульки, кроша и обращая во прах обледенелые остовы, брызнули колючие осколки, меч разрядом молнии блеснул, ослепил, ударная волна сшибла с ног...

Когда Гарри пришёл в себя, он лежал на спине, а вокруг — сверху, снизу, с боков — везде был лёд. Стеклопрозрачный ледяной панцирь, сквозь который виднелся и залитый всё тем же таинственным зелёным светом тоннель, и голые каменные стены с потолком — не осталось ни единой сосульки, и склонившиеся кентавры. Кажется, последние насмешливо ухмылялись.

Гарри попробовал шевельнуться — и не смог. Ещё, потом ещё раз... Ухмылки кентавров стали шире.

— Бесплезно, — голос кентавра-лучника зазвучал непосредственно в голове — во всяком случае, губы его точно не шевельнулись. — Ты найдёшь свою смерть в этом ледяном гробу, и станешь очередным безымянным остовом.

Странно — тело не чувствовало холода. *Уже не чувствовало?* Кажется, кончика пальца касалась волшебная палочка, — *может быть... Пожалуйста!..*

Он зажмурился, собрав все силы до последней унции, попробовал дотянуться...

Кентавры рассмеялись.

— И это тот, кто пришёл доказать своё право на владение доверенной нам тысячу лет назад тайной? Сейчас ты не в силах не только добраться до неё, но и просто шевельнуться — ты сейчас беспомощен, как младенец, вот только выйти из чрева тебе не суждено...

Гарри увидел, как сверху на прозрачную крышку его гроба опустилась ладонь хранителя.

— Если б ты не упомянул Защитника, ты бы умер быстро и безболезненно. Теперь же твоя смерть будет мучительной и отвратительной. Ты умрёшь от удушья.

Дышать становилось всё тяжелее, в голове временами мутилось, с каждой минутой требовалось всё больше усилий, чтобы бороться с накачивающей паникой, болью в груди, отчаянием.

...Если я сейчас потеряю контроль над собой... Я погиб...

— Ты погиб в любом случае: ещё никому не удавалось вырваться отсюда.

...Я не могу погибнуть сейчас... только не сейчас...

Свет начал меркнуть. Перед глазами замелькали картинки: обрывки виденных снов, заголовки безымянных газет, среди прочих пару раз мелькнула недавняя колдография из Пророка — засыпанный пеплом снег, обугленные руки, полные ужаса глаза мальчишки — потом бледное лицо Рона и, наконец, — испуганная Гермиона.

Гарри показалось, будто стало теплее.

...Или я уже начинаю отключаться?

Гермиона из видения поправила прядь волос, встревожено взглянула — вернее, заглянула прямо в душу.

— Докажи право на жизнь. Тогда ты докажешь, что достоин держать в руках ту силу, о которой имел наглость упомянуть.

...Право... на жизнь...

Гарри закрыл глаза — он сам не понял, зачем:

⁸⁰ Второй, с мечом, стоял настолько неподвижно, что походил на ледяное изваяние.

то ли чтобы сосредоточиться, то ли действительно начинало клонить в сон.

...Я... я должен доказать... Я должен выжить.

— Я... — губы не слушались, и тогда Гарри ответил мысленно: — Я не могу умереть...

— Вот как? — рассмеялся мечник, тоже вступая в ментальный диалог. — Интересное знать, почему? Или же вы, люди, обрели секрет Философского Камня, за которым гонялся ещё Салазар Слизерин? — судя по тому, каким тоном было произнесено имя Основателя, упомянутая в исторических книгах неприязнь между людьми и кентаврами точно была на его совести.

Дышать становилось всё труднее, Гарри казалось, будто всё утолщающийся лёд начинает давить, не давая вздохнуть полной грудью. Хотелось хватать воздух ртом. Бороться с паникой становилось всё труднее.

...Я не имею права умирать... Мир?... Нет... Я не могу спасти весь мир. Мне и не нужен весь мир, я должен спасти... хотя бы тех, кого люблю... Я не хочу умирать. Я не могу умереть! Я не имею права умереть! Я должен жить, ведь только от меня зависит... — перед глазами снова мелькнул Рон, Гермиона...

— Я не могу умереть. Я не имею права умирать... — Гарри сам не заметил, что заговорил вслух и с каждым словом голос его становился всё громче. — Я не имею права умереть! Они... Друзья ждут меня. Они надеются на меня!

Он по-прежнему лежал с зажмуренными глазами, а потому не увидел, что окруживший его лёд пошёл трещинами. Кентавры замерли, не в силах поверить в происходящее. Гарри прикусил губу.

Рон... Гермиона...

— Я не имею права умереть!!!

Раздался оглушительный грохот, и ему в лицо ударил Воздух. Да, именно так — с большой буквы: холодный, вкусный, пьянящий — *пусть убьют, хоть надышусь перед смертью...*

Однако когда Гарри поднялся на ноги, собираясь подороже продать свою жизнь, кентавров перед ним не было. Совсем. Он отчаянно завертел головой, с трудом соображая, где они затаились и откуда ждать следующей атаки, — никого. Совершенно пустой тоннель, похожий сейчас на филиал Антарктики — битый, раскрошенный, громоздящийся повсюду лёд, лёд, лёд...

Стоп.

Сначала Гарри подумал, будто ему показалось, но нет: действительно становилось теплее, и лёд начал оплавляться, маслянисто поблёскивая в зеленоватом свете; вот ударили первые капли, вот капель забарабанила громче...

— Сту...пай... впе...рэд... — услышал он в её перезвоне. — Там... обре...тёшь ты... что ищешь...

Кентавры?

— Эй! Вы где? — гриффиндорец закрутился ужом.

— Мы отправляемся... туда, где... нам и положено быть... Наша миссия завершена... Прощай...

Зелёное сияние начало гаснуть, но на смену ему откуда-то из недр пришёл тёплый, переливающийся свет и... Гарри прислушался... — *точно, журчание!* — будто где-то впереди шумел водопад.

Он решительно зашагал, звонко шлёпая по воде.

* * *

Люциус Малфой многократно проверил целостность защитных заклинаний на предмет возможной перлюстрации, а так же более невинных вещей — вроде заклятия позловредней или отравления. Последнее, кстати, имело особый смысл: на губах Люциуса мелькнула тень улыбки. Совсем недавно Арчи Сноу, один из высокопоставленных авроров, занемог. Люциус не сомневался — он едва ли сопоставил внезапное и уже в ближайшем будущем смертельное заболевание с принёсенным адьютантом служебным письмом, которое было рассеяно распечатано и, за отсутствием в нём серьёзных сведений, отправлено в мусорную корзину.

Удостоверившись, что всё чисто, Малфой-старший надел перчатки, распечатал письмо взмахом волшебной палочки, хотя оно и было от многократно проверенной-перепроверенной персоны: бережёного, как известно...

Одному Мерлину на том свете, а также самому Малфойу на этом было ведомо, как же достала эта необходимость всё семикратно перепроверять, прятаться, путать, будто последнему воришке, следы; вздрагивать от каждого стука ставень и звука за дверями; от регулярного приёма Многосущного Зелья он мучился несварением, а волосы утратили привычный блеск, боляла подвёрнутая во время неудачного приземления лодыжка⁸¹. В заключение несчастий и неприятностей тайна доверенной его предку части заклинания Защитника сдаваться отказывалась, в руках Люциуса по-прежнему имела только одна часть заклинания, и — будто всего вышеперечисленного судьбе-злодейке показалось недостаточно, единственный отпрыск явился на Рождественские каникулы весь в бинтах, пластырях и бешенстве...

...Чёртов Поттер. Навалиться всем миром, придавить гадину — и дело с концом. Так нет ведь... В общем, год заканчивается менее приятно, нежели начинался, — подумал Люциус, припомнив свое недолгое директорство в Хогвартсе. — Какое милое было время... Какие лучезарные планы... Будем, надеяться, будущее с лихвой компенсирует мне... — в животе опять заурчало, и Малфой, передёрнувшись, вернулся к конверту.

Однако новости оказались неутешительными. Он прочёл послание, приписку и в приступе раздражения отшвырнул пергамент к камину. Пять положенных секунд — яркая вспышка да горка белёсого пепла, неподвластного никаким восстановительным заклинаниям.

Утомлённо вздохнув, Люциус потянулся к свежему выпуску Infernal News — одной из многочисленных газетёнок, продаваемых в переулках типа Лютного или Староканавинского: третья страница, колонка объявлений, третья снизу: «Даю уроки подлости по книге Кейла Дарнеги „Как предать друга, не обидев его“. Завтра и ежедневно, чистокровным магам скидка. Первые три клиента получают в подарок новинку: приворотное зелье, перед которым не устоит даже ваш злейший враг».

Итак, если свести воедино эту закодированную информацию с полученной от лазутчика в Министерстве (который и являлся автором письма), то...

...завтрашний день сулит некоторые эм-м⁸²... неудобства.

Надо отметить, *некоторые неудобства* — это сказано ещё слабо, ибо Люциуса с тревогой извещали, что: первое — завтра состоятся рейды по домам магов, подозреваемых в связях с Тёмным Лордом, второе — Хмури-таки добился разрешения на допрос Драко с использованием мягких спецсредств, третье — Сириус Блэк снова в строю, в Хогвартсе, причём основная его миссия не только подучить студентов вразумительно махать палочкой, но и принять участие в расследовании похищения Снейпа (все попытки спустить на тормозах которое пока проваливались, хотя и ощутимых успехов Гильдия пока не достигла). «Эта чёртова ищейка наверняка что-нибудь сумеет разнюхать, к тому же, за время отсутствия он свихнулся окончательно. Нужно предпринять меры предосторожности по отношению к Драко...»

Люциус припомнил последнюю встречу с Блэком в Маготрибунале и сглотнул невесть откуда взявшийся комок в горле.

⁸¹ Из-за контроля за магическими полями с аппарированием возникли серьёзные сложности, и приходилось пользоваться таким утилитарным транспортным средством, как метла. Люциус просто рвал и метал.

⁸² Люциус не любил слово «неприятности», ведь настоящего мага ничто не должно нервировать и выбивать из колеи.

...Да уж, Драко стоит поберечься: этому психу правила нарушить — что чихнуть. Да и мне тоже... Ничего иного...

Глаза обратились к секретному сейфу, где хранилась величайшая драгоценность, в некотором смысле, ключ в бессмертие. Флакон с зельем для создания его, Люциуса Малфоя, двойников. Пусть Снейпу он и в подметки не годился, по меткому замечанию Тёмного Лорда (Люциус снова поморщился, почувствовав приступ изжоги), однако терпение и труд всё перетрут: случаются и в нашем доме празднички.

...Сейчас следует, выражаясь библейским языком, подумать о хлебе насущном для завтрашнего дня...

Он хлопнул в ладоши, и материализовавшиеся перед ним домовики, припав к самому полу, выслушали команды. Ничего особенно — так, мелочи: подчистить, прибрать, нейтрализовать следовую магию. В Имени ничто не должно указывать на его недавнее присутствие. Ясное дело, что завтра, когда сюда под покровом Невидимых Чар придёт Бригада Мусорщиков из Гильдии Авроров (Люциус брезгливо скривил губы), его самого тут не будет — под видом кривобокой ведьмы, вдовы, недавно похоронившей третьего мужа, он будет попивать брэнди где-нибудь на континенте (от мысли о Многосущном зелье живот снова закрутило, к горлу подкатила тошнота), но вот о чрезмерно ретивом сыне стоит побеспокоиться, пока это не сделали за него Хмури с Блэком.

...Кто бы мог подумать, что Шизоглазу удастся пробить несокрушимую позицию Дамблдора! — Малфой раздосадовано потянулся к красующемуся на столе антикварному чернильному прибору и с аппетитным хрустом сломал первое перо. — Я был уверен, что наш выживший из ума старикан будет стоять насмерть за своих, с позволения сказать, детишек. Песталоцци в колпаке, Мерлин его бабушку...

Малфой сломал второе перо, подумав, добавил ещё пару ёмких выражений, явно имеющих действенный магический эффект: во всяком случае, колдун с портрета над его столом пошёл красными пятнами и смущённо заикался в бороду, а сам Дамблдор, в это время писавший очередное протестующее послание Хмури по вышеупомянутому поводу ни с того ни с сего расчихался и поставил на пергамент сочную кляксу.

Малфой, морщась от боли в подвёрнутой ноге, поднялся из кресла и подошёл к камину. Кинул в смиренно качающееся пламя щепоть порошка из серебристой с малахитом коробочки.

— Паркинсон!

Несмотря на весьма поздний час, Фрэнсис Паркинсон возник за решёткой почти сразу же — потный и всклокоченный, с расстёгнутой рубашкой (и виднеющейся за взмокшей шеей лоснящейся изнанкой воротничка), он, похоже, тоже не спал в эту ночь, торопливо подчищая хвосты.

— Меня интересует запланированные на завтра мероприятия, — не тратя время на приветствия, заявил Люциус. — И что это за чертовщина с допросом Драко в Гильдии?

Паркинсон, как всегда судорожно задёргал губами, обтёр лоб переброшенным через плечо галстуком. Судя по бегающим глазкам, которые были не в состоянии смотреть в одну точку больше пары секунд, он находился в слабовменяемом состоянии.

— Ве-вечер добрый, господин Малфой. Боюсь даже сказать вслух... Плохи дела наши скорбные, как бы наши люди не вылетели из Министерства, будто... — Паркинсон оттопырил губы и издал непристойный звук, заставивший Люциуса передёрнуться от отвращения и шарахнуться от камина в страхе быть оплётанным. Разумеется, при этом он снова ступил на большую ногу и мысленно пожелал младшему соратнику такого, после чего миссис Паркинсон можно навсегда забыть о Противозачаточных Чарах.

Поняв, что перешёл границу дозволенного, Паркинсон взмок ещё больше, глазки его забегали с удвоенной скоростью — Малфой буквально сразу же почув-

ствовал приступ морской болезни.

— Они решили подвергнуть всех подозрительных в Министерстве, как бы это сказать, остраки... острой клизме, — зачастил Пожиратель. — Не знаю, господин Малфой, сумел ли объяснить толком.

Малфой мысленно закатил глаза: когда Паркинсон впадал в истерику, разговаривать с ним было совершенно невозможно.

Идиот. Клинический. Только и горазд, что планировать всякую жуть — видимо, таким образом он лечится от собственных страхов...

— ...они не ждут теперь помощи Министерства и явно собираются действовать не под его... так сказать... э-э... эгидрой, а сами, на свой, как это говорится, трах и вдрызг. Ну, да, страх и риск. Виноват, обмолвился. Завтра будут рейды... Прошу прощения... секундочку... — он зверски завращал глазами, давая кому-то безмолвное указание, и спустил миг в его пальцах заблел клочок бумаги: — Запланировано три рейда — к вашему покорному слуге, в дом Эйвери и, с позволения сказать, в ваше Имение... Все будет построено на внезапности и заблаговременной блокировке домов: уже в пять утра на все точки будут наложены Следящие Чары, и никто из дома не сможет ускользнуть непомеченным. Виноват — незамеченным. Помимо обыска они хотят забрать с собой Драко для опроса со сладострастьем... вернее сказать — допроса с пристрастьем. Министерство и Дамблдор заявили по поводу последнего ноту протеста, однако Гильдия ведёт себя так, будто совершенно агрономна.

— Ты хочешь сказать, автономна.

— Так точно, так точно, — Паркинсон втянул голову в плечи и зашмыгал коротким носом, превращавшим его обрюзгшее лицо в подобие бульдожьей морды. — И ещё, ежели позволите...

— Ну-ну, — Малфой приглашающе махнул рукой, полностью погрузившись в свои мысли и прикидывая, от каких воспоминаний придётся извать дражайшего отпрыска, дабы не вызвать никаких вопросов по поводу вмешательства в его память и не навлечь ни на него, ни на себя дополнительных подозрений.

— Господин Малфой... — Паркинсон снова потянулся дрожащей рукой к галстуку на шее, с каждой минутой всё больше напоминающему удавку. — Надо бы Снейпа того... В смысле — поднажать. Охрана говорит, что с каждым днём он работает всё медленней... производительность, так сказать, снижается... С зельем 14/2, говорят, проблемы... Не подскажите ли... Пытать строжайше...

— Разбирайся с ним сам, — фыркнул Малфой, мысленно позлопыхав: *о, да... Это зелье — всем зельям зелье...* Полный любви взгляд снова оборотился в сторону сейфа. — Моё дело было — доставить. Следить, чтобы птичка в клетке не сдохла и вовремя чирикала, — твоя задача.

— Да он, в общем-то, чирикает...

— Вот и не жалуйся мне тут на своё счастье. Прощай, — взмах палочкой, и лицо за каминной решёткой исчезло.

...Люди в Министерстве, — Люциус пришёлкнул языком, недовольно нахмурился. — Сколько ушло времени, денег, сколько доводов сотрясли воздух, не говоря о заклинаниях. Конечно, есть ещё «спящие» кадры, которые можно активировать в любой миг...

Малфой рассеянным взором обвёл кабинет, задержавшись на секунду на висящем над столом gobелене, где красовался вытканый герб Малфоев. Пусть время не пощадило его — краски подвыцвели, змеи и драконы шевелились уже не так резво, как, по слухам, ещё пару-тройку веков назад, но всё же... Понизу вился стяг с серебром⁸³ вытканым девизом, тут же обратившим мысли Малфоя-старшего к Малфоя-младшему.

— Сына ко мне! — чуть повысив голос,скомандовал он, и едва слышный топоток сообщил ему, что приказ услышан и немедленно принят к исполнению.

⁸³ Естессно!

Если честно, сегодня Люциусу никого не хотелось видеть. Включая и собственного сына. Все поступки обсуждены и осуждены, приказы уточнены и отданы (*Тёмный Лорд велел не спускать с Поттера глаз, особенно после неких событий, о которых будет сообщено дополнительно*, — Люциус продемонстрировал сыну конверт из тёмно-серой кожи, запечатанный лично Вольдемортом: сургучный Знак Мрака по шву) — о чём ещё говорить, право слово?

Прихрамывая чуть сильнее, чем раньше (*Паркинсон, гиппогриф тебе в дышло!*), Малфой достал из шкафчика рабочий думотвод. Сколько раз он уже проводил эту процедуру? — он давно сбился со счёта. Самая приятная была со Снейпом: смотреть, как тот едва не корчится в конвульсиях, трясясь над своей тайной любовью, как изо всех сил пытается держать себя в руках...

Вежливый стук, потом шорох практически бесшумно распахнувшейся двери известили, что сын прибыл и ждёт указаний. Несмотря на глубокую ночь, Драко был при полной выкладке: чёрный бархат, серебро, белая пена кружев. Идеальная причёска. Хотя по едва заметному отпечатку подушки на щеке Люциус мгновенно понял, что тот спал. Он оценил и приветливо улыбнулся сыну — в конце концов, тот имеет право на подбадривание в свете не слишком большого удовольствия, ждущего его в ближайшие полчаса.

— Сын мой, у меня неважные вести: боюсь, завтра тебе придётся держать ответ перед представителями Гильдии Авроров... — он сделал паузу, но юноша не задал ожидаемого вопроса, хотя и чуть заметно побледнел — правда, Люциус и заметил-то это только потому, что пристально вглядывался в его лицо. Он снова почувствовал лёгкий прилив гордости. *Вон она, фамильная выдержка Малфоев!* — Их будешь интересовать даже не ты сам, а, скорее, я.

Кивком головы он теперь дозволил заговорить сыну.

— Отец, но я же не видел вас с момента вашего исчезновения в начале лета, о вашем местонахождении и планах мне также ничего неизвестно.

— Конечно. Я и не сомневаюсь, что ты будешь придерживаться нашей версии. Однако, боюсь, если ты не захочешь делиться с ними интересующими их сведениями, они тебе помогут.

От этих слов фамильная выдержка Малфоев дала ощутимую трещину: лицо Драко пошло красными пятнами, руки непроизвольно сжались в кулаки:

— Что это значит, отец? Меня будут... пытаться?

— А ты боишься пытки? — Малфой-старший разочарованно посмотрел на отпрыска и вновь поднял глаза к фамильному гербу: боже, пусть в тот миг, когда Драко сменит меня за этим столом, он станет настоящим Малфоем не только благодаря бирюлькам (взгляд — на этот раз раздражанный — скользнул по идеальной причёске, чёрному бархату, серебру и пене кружев), но и внутренне. — Нет, по закону, пытки — вернее, то, что считаю пытками я, запрещены. Насколько мне известно, ничего серьезнее, чем простое сканирование памяти. Но для нас и это может оказаться опасным, а потому мы с тобой сейчас кое-что подправим.

— Но разве они не заметят следов вмешательства?

Люциус Малфой самодовольно хмыкнул:

— Сын мой, видимо, ты забываешь, с кем имеешь дело: среди Пожирателей Смерти я по праву считаюсь одним из лучших «памятчиков». Гриндилоу носа не подточит. Однако процедура будет не из приятных и требует от тебя сотрудничества — если ты, конечно, хочешь, чтобы она прошла как можно быстрее и проще.

Драко гулко сглотнул и кивнул.

— Слушаюсь, отец.

— Вот и отлично. Умеешь этим пользоваться? — Малфой-старший кивнул в сторону стола.

— Думотвод? Думаю, да.

— Тогда, будь любезен, сгрузи туда все воспоминания, начиная с конца прошлого учебного года. Осо-

бенно сакцентрируйся на островах и всём, что с ними связано — ну, ты понимаешь, зомби, двойники, именно это их и интересует больше всего, конечно, если не брать в расчёт моё месторасположение, вспомни до малейших подробностей наш с тобой визит к нимфам, а так же осеннюю историю с Грейнджер. Не хватало, чтобы история с Зеркалом вылезла на поверхность.

...Если б только она... — Драко прикусил губу, вспомнив свою попытку сбросить грязнокровку с лестницы. Ему очень не хотелось, чтобы отец об этом узнал.

Тот правильно истолковал колебания сына.

— Я могу добиться от тебя воспоминания по-плохому. Не испытывай моё терпение.

Кивнув, Драко взял в одну руку думотвод, а палочкой, крепко сжатой в другой, коснулся виска.

* * *

Вода шумела всё громче, её становилось всё больше — Гарри шёл то по колено, то проваливался по пояс. Почему-то было не холодно — то ли в пещере действительно резко потеплело, то ли душа настолько надорвалась за последние несколько часов...

Он брёл вперед, волоча тяжёлые башмачища. Осталась где-то позади намокшая и совершенно никчёмная теперь мантия, тёплый свитер, шарф; рассеяно глядя по сторонам, Гарри — *опс, опять по пояс!* — испытывал впервые за много месяцев странный покой и умиротворение.

Всё стало удивительно просто и легко, и ему больше не нужны были ни вразумления Сортировочной Шляпы, ни впечатляющие демонстрации Дамблдора. У него есть друг и есть любимая. Он должен их защитить. И всё. И для этого он должен сейчас идти вперёд, а потом снова и снова искать, находить и прорываться.

...Я прорвусь, — он с чуть удивлённой улыбкой опустил глаза к своим рукам, ещё хранящим это странное чувство, когда он вдруг ощутил, что сковавший тело лёд не прочнее яичной скорлупы. Он просто захотел выйти на свет, он захотел жить — не ради абстрактного МИРА, не ради ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ, а ради чуть наморщенного в раздумьях носика Гермионы и широкой ухмылки Рона. — Я обязательно прорвусь.

С каждой минутой шум воды становился всё оглушительней, Гарри чувствовал, что течение убыстряется, увлекая его за собой, приходилось прикладывать усилия, чтобы удержаться на ногах, и вот...

Коридор упирался в высоченный водопад; тугая лента воды была прямо из стены, брызги разлетались в разные стороны — Гарри пришлось даже прикрыть очки рукой. Он закрутил головой, пытаясь понять, что же ему делать дальше, но тут, будто отвечая на его немую мольбу, стоящая вокруг водопада завеса брызг обрела структуру: слово, потом ещё одно...

Гарри судорожно протёр очки — низвергающийся из-под потолка поток вдруг остановил свой громовой бег, превратившись в сияющий шёлк, и на этом шёлке отчётливо проступили буквы.

Слово. Ещё одно.

— «Очисти землю»...

Голос Гарри заставил стены завибрировать, как при землетрясении, — он испуганно вздрогнул, пригнулся, инстинктивно защищая голову рукой, однако ничего ужасного не произошло, напротив: водопад раздвинулся театральным занавесом, открыв выход.

Шаг, ещё один — и Гарри рванул к нему со всех ног, сам не веря своему счастью.

Ночная дымка расстилалась ровной пеленой, сквозь неё был виден узкий полумесяц, похожий на шрам от звериного когтя. Под деревом на поляне сидела Гермиона. Сидела и, не моргая, смотрела в небо. Заслышав странный шум, она повернула голову.

— Гарри...

* * *

— Так... — Люциус Малфой ковырялся волшебной палочкой в думотводе. — Хм... Это тебе вообще ни к чему... — взмах, и над каменной чашей закурился, тут же рассеявшись, дымом. — Так-так... Это отложим до времени — можно вернуть воспоминания, когда всё утихнет, понял, сын?

Ответа не последовало. Люциус повернул голову: Драко по-прежнему едва мог держать себя в вертикальном положении: смертельно бледный, он сидел за отцовским столом, уронив подбородок на сомкнутые руки. Взгляд был расфокусированный.

...Ничего удивительного. Я бы предпочёл прятаться от Министерства, чем подвергнуться «потрошению», — так Люциус называл про себя процедуру, во время которой из человека извлекали не только его воспоминания, но и все связанные с ними чувства и эмоции. — Мальчишка ещё неплохо держится...

Малфой-старший взмахом палочки призвал бутылку огневиски. Та по команде выплнула в воздух пробку и плеснула в фужер пару пальцев огненной — в полном соответствии с названием — жидкости.

— Выпей. Сейчас я кое-что подчищу и верну тебе обратно все твои дражайшие воспоминания о...

Люциус осёкся. Под ложечкой у Драко, и без того чувствующего себя отвратительно, засосало.

...Я так и думал...

В кабинете повисла угрожающая пауза.

— Значит, ты хотел её убить?.. И что прикажешь с этим делать? Где гарантия, что об этом не известно Поттеру и даже Дамблдору? О! Ты посмотри! — продолжил он, наблюдая за происходящим в Думотводе. — А вот и сам Поттер! — в Драко вонзился такой негодующий взгляд, что тот поперхнулся огневиски и закашлялся, давась обжигающим жаром и слезами. А что, если они устроят тебе очную ставку? И выяснится, что ты ничерта не помнишь?! Тогда и последний лонгботом сообразит, что в твоей памяти ковырялись.

— П-простит-те отец, — зубы Драко выстукивали чечётку по стеклу бокала.

— Идиот! — поджал губы Малфой. — Я не могу стереть это... Но ведь должна быть у тебя мотивация... Иначе они как следует возьмутся за Грейнджер — и одной мерлиновой бабушке известно, что там они невытаскивают из её памяти...

Глава двадцать вторая, в которой происходят допросы и обыски, а Флёр впервые в жизни даёт от ворот поворот.

— Итак... — Шизоглаз Хмури озадачено переглянулся с Сириусом Блэком, после чего оба не менее озадачено воззрились на Аугустуса Гарнери — министерского специалиста по вопросам памяти и воздействия на оную. — В общем и целом всё понятно, однако же, хотелось бы иметь официальное заключение.

В голосе Хмури звучало смешанное с удивлением разочарование — надо сказать, все присутствующие в этом кабинете сейчас испытывали те же самые чувства, равно как и только что покинувшие её Драко и Нарцисса Малфой.

— Да сколько угодно, — Гарнери стёр со лба пот, хотя в кабинете было по-казенному довольно прохладно, призвал взмахом палочки пергамент с самопишущим пером и принялся неторопливо вещать: — Итак, второго января в одиннадцать часов двадцать семь минут было проведено дознание мистера Драко Малфоя. При процедуре присутствовали: сотрудники Гильдии Авроров Аластор Хмури и Сириус Блэк, представитель Министерства Магии Альбус Дамблдор, — директор Хогвартса, всё время простоявший у окна, со сцепленными за спиной руками, вздрогнул, услышав своё имя, — интересы допрашиваемого представляли мать — Нарцисса Малфой и адвокат семьи Малфоев — Алан Криз, — оставшийся для подписания протокола

— Но ведь до сих пор она ничего не вспомнила...

— Надо отличать реальность от действительности, — отрезал Малфой, продолжая буравить сына взглядом. — Ты даже не представляешь, на каком волоске мы висели, когда эта идиотка провалила задание, — он отвернулся. Подумав, аккуратно взмахнул палочкой над чашей. — Конечно, теперь практически невозможно, чтобы она вернула себе память о Зазеркалье: та намертво заперта в её подсознании, однако чем чёрт не шутит... Коли Хмури сумел уговорить Дамблдора на твой допрос... О времена, о нравы...

Люциус почти закончил — никаких островов, боков, зеркал и прочих компрометирующих фактов в памяти сына не осталось.

...Теперь необходимо решить, что делать с этой бессмыслицей...

Внезапно ему пришла в голову идея, от которой, правда, тут же захотелось взвыть в голос: дело-делом, но как же честь Малфоев?! Через минуту рассуждений голос разума сообщил ему, что честь Малфоев при умном и правильном подходе не пострадает, а дело сейчас куда важнее.

...Всё спишет на подростковые гормоны и ревность.

— Вот что, сын мой, — холодно произнёс Люциус, хотя в глубине души испытывал сейчас даже какое-то любопытство и предвкушение того, какое выражение лица будет у Драко. — Мне придётся оставить это в твоей памяти, но мотивацию я поменяю, и чтобы всё выглядело достоверно, тебе придётся какое-то время делать вид, будто твоя ненависть к Грейнджер — лишь ширма страстной влюблённости.

Да, зрелище стоило того, чтобы его ждаты: Драко побелел, покраснел, открыл рот, потом закрыл... Бокал покатился по ковру, стул полетел на пол...

— Н-но... отец?! ОТЕЦ!!! — голос сорвался.

— Думать надо было раньше. Сейчас ты — часть организации. И обязан выполнять любые приказы. Считаю, это приказ. Однако же он вовсе не обязывает тебя действительно влюбляться в неё, так что к чему все эти прыжки и подскоки?

Люциус снова склонился над чашей, пряча улыбку.

Если б он сейчас взглянул на фамильный герб, под которым ошеломлённо застыл его отпрыск, то не без удивления увидел бы, что два слова из девиза внезапно стали удивительно чёткими, словно чья-то невидимая рука стряхнула с них пыль тысячелетия...

адвокат чуть кивнул в ответ, всем своим видом демонстрируя, что потребует соблюдения всех возможных и невозможных формальностей. — На момент допроса Драко Малфой, полных шестнадцати лет, находился в удовлетворительном состоянии, о чём имеется свидетельство колдомедика госпиталя Святого Мунго...

Гарнери говорил спокойно и монотонно, и Сириус следом за Дамблдором тоже уставился в окно: кому-кому, а ему, чтобы делать соответствующие выводы, официальные заключения были не нужны: *итак, Малфой ничерта не знал про тёмные делишки папаши. Ни про зомби, ни про Снейпа, сожри его гоблины, ни про готовящиеся или же произошедшие события — ах, бедного дитя, сама невинность! Не видел и не слышал палочку с весны... Ну-ну... И ведь пожертвовал красотой — явился весь в пластырях, — Сириус фыркнул, — покажушки чёртовы, эту пару царяпин можно было убрать простейшим заклинанием! А уж сколько скорби и недоумения в белёсых глазёнках! А сколько смятения и ужаса, когда... Ч-чёрт...*

Блэк снова сжал кулаки, едва сдержав очередной потрясённый вздох, — как в миг, когда на висящем посреди кабинета экранчик вдруг появилось перекошенное от ужаса лицо Гермионы — распахнутые глаза, открытый в безмолвном крике рот, копна волос, уже

опрокинувшаяся в чёрную пропасть за её спиной...

— Господи... — Нарцисса Малфой схватилась за сердце, а адвокат рядом с полулежащим в специальном кресле Драко недовольно нахмурился и, покачав головой, пришёл к языком:

— Ах, как некстати... Что ж вы, мистер Малфой...

— Я не хотел... Всё потому, что я... я... Я её...

— Профессор... — тихо произнёс Блэк, стараясь не мешать всё ещё продолжающему диктовать заключение Гарнери.

— ...признаков постороннего вмешательства в память вышеуказанного Драко Малфоя не обнаружено... Регулярных контактов с отцом, находящимся во всеобщем розыске, не установлено, тем не менее, выявлено наличие двух писем, датированных июлем и октябрём текущего года...

— С учётом чрезвычайности ситуации, этого достаточно для проведения обыска, — тут же сообщил Хмури.

— Заявляю протест, — встрепенулся адвокат. — Показания Драко Малфоя не могут являться...

— Могут-могут, — перебил Хмури, плотоядно потирая руки.

Завязалась перепалка, кишащая юридическими терминами. Сириус равнодушно отвернулся и снова посмотрел на Дамблдора, по-прежнему ожидающего его вопроса.

— Профессор Дамблдор, что будем с этим делать? Ведь он же опасен... Надо как-то остановить... У меня просто в голове не укладывается...

— Мне кажется, ты уже кое-что сделал, Сириус, — сверкнул в его сторону прозрачными и пронзительными, как осколки стекла, глазами Дамблдор. — Или я неправильно истолковал твой жест?

Блэк поперхнулся и густо покраснел: порыв оказался так внезапен, а страх за Гарри и Гермиону — настолько всеобъемлющ, что он ничего не смог с собой поделаться: укравшись за широкой спиной доктора из Госпиталя Св. Мунго, он быстро метнул в распахнутую перед присутствующими память и душу Малфоя заклинание, не позволяющее отныне тому даже помыслить о причинении вреда Гермионе. Блэка будто замкнуло, стало наплевать и на возможный скандал, заметь это кто из «пострадавшей стороны» (как именовала себя и сына бледная, комкающая в длинных пальцах кружевной платок с монограммой Нарцисса), — ему стало трижды наплевать и на все существующие законы и правила, и на то, как отреагирует на заклятье сам Малфой, и на вероятные побочные явления — не даром же подобную коррекцию дозволялось проводить только в психиатрических клиниках, только высококлассным специалистами и только в отношении преступников, когда прочие меры показали свою неэффективность...

Но Сириус наплевал на всё. Полные ужаса глаза девушки, разорванный предсмертным криком рот, мысль о том, что почувствовал бы Гарри, опоздай он хоть на миг — Сириус видел, он уже где-то видел это — возможно, в кошмарах, регулярно навещающих его по ночам.

— Вы поняли меня правильно, профессор, — Блэк упрямо тряхнул белыми волосами и чуть слышно добавил: — Скажите спасибо, что я его вообще на месте не прибил. Собираетесь сообщить о нарушении всех допустимых правил представителям Министерства? — тут же вызывающе поинтересовался он, демонстративно вытягивая вперёд руки, будто подставляясь под наручники.

— Я сам представитель Министерства, — грустно улыбнулся в бороду Дамблдор, не сводя глаз с пейзажа за окном, и внезапно поинтересовался: — Кстати, почему ты не запретил ему причинять вред Гарри?..

— Честно, профессор? Не успел. Чёртов колдомедик отошёл, и мне не за кого стало прятаться. Разве что залезть за бруствер и, наплевав на всех и вся, обстреливать Малфоя-младшего проклятиями... Боюсь,

тогда старине Аугустусу пришлось бы изрядно потрудиться, корректируя память всем присутствующим. Я, конечно, человек тщеславный и всю жизнь мечтаю попасть в историю, но только вот хотелось бы именно попасть, а не влипнуть. Хотя выходит всё больше наоборот... Но, согласитесь, — вот это мотивчик для попытки убийства! Он, видите ли, ревновал её к Поттеру и потерял над собой контроль!

— Как раз в мотиве-то нет ничего удивительного, — тихо откликнулся Дамблдор. Не моргая, он смотрел вдаль, на медно-красное вечернее светило, что совершенно не вязалось с указываемым часами временем. — Самые страшные поступки совершают движимые исключительно благородными и прекрасными чувствами, — любовью, желанием спасти, защитить...

— Бедная девочка... Интересные дела творятся в Хогвартсе, профессор, — Сириус вздёрнул бровь. — Пожалуй, в наши времена было поспокойней — оборотень, десяток дуэлей, нападение вампиров... Но — за метьте! — никаких африканских страстей.

Дамблдор печально и виновато вздохнул.

— Мне нечем оправдаться... Мне вверили жизни и здоровье детей, однако я раз за разом убеждаюсь в собственной некомпетентности...

Дамблдор снова подумал о Гарри, о вестях, пришедших из Запретного Леса... Сухая, как пергамент, но по-прежнему полная мощи рука стиснула посох.

— Думаю, не появившись там Гарри собственной персоной, исход был бы неизбежен... — Сириус задумчиво почесал аккуратно подстриженную бородку. — Я вообще не понимаю — почему Малфой ещё жив после всего, что было?.. Я б на месте Гарри давным-давно его... — он хрустнул кулаком.

Директор молчал. Густые седые брови сошлись на переносице, взгляд заледенел — и по оконному стеклу начала медленно подниматься плёнка инея, превращая багряный солнечный круг в искрящиеся алым игольчатые рисунки.

...Сегодня же... Плевать на все заключённые договоры: если они не вернутся сегодня, я отправлюсь к Пратту сам. Он хочет конфронтации? Он её получит...

— ...статья двести одиннадцатая, часть третья — попытка нанесения тяжких телесных повреждений в состоянии аффекта... — продолжал неторопливо вещать Гарнери. Тихо скрипело самопишущее перо, Хмури и мистер Криз — всё с тем же выражением сердитого недовольства на лицах — внимали, меряя друг друга взглядами противников перед смертельной схваткой.

— Не думаю, что стоит его спрашивать, — как знать, не наведёт ли это его на мысль, ведь ты являешься для него авторитетом — и можешь подтолкнуть...

— О чём вы, директор?

— Видишь ли, Сириус... — Дамблдор поднял руку к заиндевевшему стеклу, и там, где поверхности коснулись его пальцы, иней сразу поплыл — тонкие лучики заходящего солнца медной проволокой просочились в кабинет. — Насилие в принципе не в натуре Гарри, однако он настолько совестлив и исполнен чувства ответственности за других, особенно сейчас... убедил бы его в необходимости насилия и убийств ради людского блага... Сириус, почувствуй разницу между подростковым запальчивым «я его убью!» и...

— Я понял.

Дамблдор повернулся к Блэку — того тут же обожгло ледяным пламенем этих сияющих голубых глаз, он почувствовал, как сам начинает покрываться холодным потом:

— Получи он серьёзные доказательства необходимости этого, и он сможет убить — пусть даже это стоит ему жизни. А ему это будет стоить именно жизни, ибо ни одна душа не протянет долго, если рвать её на части...

— Но разве с Тёмным Лордом ему не предстоит... — и Сириус испуганно осёкся, поняв, что попал в самую большую точку: Дамблдор побелел под цвет собствен-

ной бороды. — Профессор, с вами всё в порядке?..

Он тронул директора за рукав, судорожно оглянувшись — чего там положено-то... Воды?..

— Попрошу заметить, что недонесение у нас, хвала Мерлину, не является преступлением, — ехидно вещал мистер Криз, тыча пальцем в Хмури. — Вы не можете вменить в вину мистру Малфоя, что он не донёс органам о письмах отца, — тем паче, что обратного адреса на них всё равно не было...

— Чёрта-с-два! — громыхнул в ответ Хмури. — Поправка 113-бис от апреля 1944 года...

— В любом случае, под неё мистер Малфой не подходит по возрасту, — победоносно улыбнулся адвокат, — ибо она применима только к магам старше семнадцати лет. — Если бы дело происходило весной, после дня рождения мистера Малфоя, — милости прошу, но сейчас...

— Воды! — очнулся Блэк, но Дамблдор положил руку ему на плечо, и, оглянувшись, он встретился взглядом с пронзительными и печальными глазами.

— Нет-нет, Сириус, ты явно меня недооцениваешь. Однако ты прав — мысль о том, что нужно только вызвать Защитника, и дальше он всё сделает сам...

— Вы в этом уверены?

Ответом ему стал печальный взгляд поверх знаменитых очков-половинок.

— ...исходя из этого, комната мистера Малфоя в школе чародейства и волшебства будет досмотрена в соответствии с...

— Я протестую...

— Да сколько угодно!

...Ни одна душа не протянет долго, если рвать её на части... ни одна душа не потянет долго, если рвать её на части... — в сотый раз повторял Сириус, нога за ногу бредя по коридорам Хогвартса.

Слова директора прозвучали неожиданной индугенцией, и больше всего на свете ему захотелось распахнуть и дать волю своей боли, ненависти и усталости: схватить и спрятать куда-нибудь Гарри, прибить Малфоя — а еще лучше обоих — старшенького и младшенького разом, броситься в Запретный Лес... Бежать знакомой до каждого дерева, до каждой веточки тропинкой... обернуться псом, чтобы снег жёг лапы, чтобы хватать пастью колючий мороз... Ткнуться носом в прохладные, пахнущие травой ладони... А потом, насладившись её радостью — *ведь ты же обрадуешься мне, верно, Лиэ?* — опять стать человеком... Рвать руками и зубами её наряд, опрокинуть её, унести — чтобы не знать больше боли разлуки и ужаса неизвестности... И тогда, напившись счастья и утолив все свои печали, идти вперёд рядом с Гарри, помогая ему во всём, оберегая его — в память о Джеймсе, о Лили, о себе самом — давно умершем и пытающемся возродиться...

...Просто идти вперёд — сколько смогу: десять шагов, сто, год или секунду, а потом рухнуть где-нибудь на стерне с заклятьем промеж глаз, и пусть остальные идут дальше, отдавая мне последнюю честь, — отворачиваясь, чтобы ненароком не встретиться взглядом с моими глазами...

Картина оказалась настолько явственной, что он будто бы даже почуял запах спелого осеннего поля. Сердце ёкнуло в груди.

— Да что со мной? — стряхивая наваждение, спросил себя Блэк.

— Разговоры с самим собой считаются дурным симптомом даже в магическом мире, — с нежнейшей интонацией пропел голос над головой, заставив Блэка передёрнуться от неожиданности и глубокого отвращения.

Обернувшись, он узрел за спиной Гатто: рука об руку с каким-то привидением женского полу, профессор плыл по коридору, время от времени с важным видом отдавая приказания портретам.

— Отвали, — чуть слышно буркнул Блэк и посторонился. В кои-то веки ему не хотелось ни огрызаться, ни пикироваться: душу наполнила тихая, изматываю-

щая тоска.

— И вы тоже берегите себя, мистер Блэк, — недобро сверкнув в его сторону взглядом, ответил италянец, отличавшийся как при жизни, так и, видимо, после смерти, отличным слухом.

Блэк устало привалился к каменной стене, не чувствуя просачивающегося сквозь неё зимнего холода.

...Нет, я не могу навлекать на неё опасность, снова беречь её раны, снова заставляя её изменять своему племени... И потом — нимфы народ легкомысленный, поди, она уже давно и думать про меня забыла... — от чувства, будто этими словами он совершил предательство, ему разом стало ещё противней. — Прости Лиэ. Я не хотел... Словом, прости меня. И забудь... Я должен защитить Гарри, я должен научить его тому, что умею сам, — пусть немногому, но всё же... Я должен защитить тех, за кого в ответе...

— А разве за неё ты не в ответе? — заговорил внезапно внутренний голос. Почему-то принадлежал он Фелли. — Ты лишил её права входить в наш клан, ты отнял у неё уверенность в цельности мира и единственно возможном пути... Ты научил её человеческой любви... Но ты не сделал её человеком.

Сириус окаменел, но тут же оттолкнулся от стены и решительно затопал по коридору.

— К чёрту, к дьяволу! Для чего я вообще сюда приехал?!

— Действительно, мистер Блэк...

В своём растрёпанном внутреннем состоянии не сразу сообразив, кому на этот раз принадлежат прозвучавшие прямо над ухом слова, он едва не ответил коротким и ёмким проклятьем, в своё время заставившим краснеть даже Джеймса с Ремусом, однако повернулся... — и слова засохли на губах.

За колонной, увитой оставшимися с Рождества омелой и остролистом, прямо под истекающими жаром и воском свечами, стоял профессор по защите от Тёмных Искусств. *Нет... Вернее...* — Сириус проглотил невесть откуда взявшийся комок в горле, — *стояла вейла... красавица...*

Стояла и призывно смотрела на него.

— Мистер Блэк?..

Сириус облизнул почему-то мигом пересохшие губы. — К вам или ко мне? — просто, слишком просто спросила она.

— К вам... — выдохнул он, сам не понимая, что делает и что говорит.

* * *

Часы медленно и неумолимо ползли к десяти вечера: рубежу, который сам для себя установил Дамблдор. Половина.

Часы ударили один раз, и директор содрогнулся, хотя обычно едва ли вообще их замечал. Он зачем-то в очередной раз переложил бумаги на своём столе, подровняв все корешки, ещё раз перечёл постановление об обыске комнаты Драко Малфоя, «имеющее место быть сегодня в полночь», однако мысли, даже не цепляясь за слова и буквы, уносились в совершенно ином направлении. Не в силах усидеть на месте, он подошёл к книжному шкафу, открыл створки, потянулся к одному из томов с золотым тиснением по корешку, снова оглянулся на часы... Ленивая стрелка переползла с римской семёрки на восьмёрку.

— Всё ждётся? — поинтересовался ехидный голос из темноты, и откуда-то сверху спланировал, рассеиваясь на лету, клуб пыли. Сортировочная Шляпа прокашлялась, потом начала чихать, будто заводная.

— Будь здорова, — машинально откликнулся Дамблдор.

— Благодарствую, — она шмыгнула фетровым носом. — Ну, всё ждётся, говорю, всё высчитываешь, гадаешь... А Гарри с Гермионой, меж тем, у кентавров. Тебе ли не знать, какого поля они ягодки...

— Но Норт прислал известие, что они целы и невредимы, и их не тронут... — совершенно неуверенным

тоном возразил Дамблдор, пытаясь, скорее, переубедить себя самого, нежели собеседника.

— А ты кентавров не знаешь, — фыркнула Шляпа сверху, — у них с вами разные понятия о...

В чем принципиальная разница в менталитете людей и кентавров по представлению Шляпы, Дамблдор так и не узнал ни в тот вечер, ни потом: огонь в камине сменил цвет, и за решёткой появилась крайне озабоченная физиономия Хмури.

— Аластор, ты что-то рановато — обыск назначен на полночь, — чуть раздосадовано заметил Дамблдор.

— К чёрту обыск. До полуночи ещё дожить надо. Передаю возню в малфоевской келье в ваши с Блэкмор руки. Ну, для кворума захватите ещё парочку преподавателей — кого-нибудь побеспристрастней, да я вам пришлю своего человечка поопытней. В качестве сопровождения этому... — Шизоглаз с отвращением перекосился, от чего его лицо, с учётом уже имеющейся в нём асимметрии, приняло совершенно неопишное выражение, — адвокатишке. Вот ведь — самого дьявола отмоет так, что впору подвинуться апостолу Петру... У нас чрезвычайная ситуация.

— Что случилось? — напрягся Дамблдор. — Опять нападения?

— Пока неясно, но, похоже, ничего хорошего ждать не приходится. Взгляни-ка... — Шизоглаз сквозь пламя протянул директору какой-то многократно сложенный пергамент, тот осторожно зацепил его каминными щипцами, отошёл к столу, расстелил и, взмахом палочки засветив все имеющиеся в кабинете свечи, склонился над ним.

— Рабочая аврорская карта? — чуть удивлённо спросил Дамблдор спустя миг. — А в чём, собственно, дело?

— Взгляни на сектор 13-f, — велел Хмури, деловито вытряхивая глаз в стаканчик с ярко-голубой жидкостью и трудолюбиво бултыхая его там. — Должен быть во всеоружии, — пояснил он на безмолвный вопрос Дамблдора.

Директор машинально кивнул и послушно стукнул по карте палочкой:

— Тринадцать-эф. Ну и? Тут ничего нет. Лес. Болото. Торфяник. Пять красных колпаков. Два гриндилоу и леший — из перевоспитанных. В чём, собственно...

— Из перевоспитанных. Ну-ну. То-то и оно, что пусто. А теперь попробуй взять то же место за, скажем, двухнедельной давностью, — Хмури говорил, не поднимая глаз, попутно проверяя, быстро ли вскальзывает в ладонь спрятанная в рукаве запасная палочка и что-то подкручивая в своей искусственной руке для лучшего, выражаясь его словами, «сцепления».

Дамблдор с заинтересованной тревогой стукнул по карте ещё раз, и на его лице проявилось недоумение, тут же сменившееся ужасом.

— Постой. Но тут же была деревня... И довольно большая.

— Вот именно. А теперь я зачту тебе записку, пришедшую сегодня с обычной почтовой совой. Отследить адресата, как мы ни старались, не удалось. «Пока вы изучаете карты, мы меняем рельеф местности вручную». Вот так-то... Что скажешь?..

Дамблдор ошеломлённо уставился в огонь, только сейчас осознав, что на Хмури не обычная, а форменная мантия — с нашивками, звёздочками и прочими аврорскими причудами.

— Хочешь сказать, они переняли тактику вымораживания земель?

— Пока ничего не хочу сказать — может, просто карта испортилась, однако симптом более чем знаком... Мы отправляемся в проверочный рейд. Главное, туда даже аппарировать невозможно — только на мётлах, а это чёрт знает сколько часов лёту, да по такому-то морозу... Ладно, буду держать тебя в курсе, но подготовиться советую к худшему, — пламя снова стало оранжевым, и в тот же миг, будто по команде, часы начали бить десять раз.

Сбросив оцепенение, Дамблдор метнулся к шкафу, распахнул чуть выдвинутую в ожидании книгу, быстро перелистнул несколько страниц и открыл дверь, ведущую обычно из кабинета, сейчас же распахнувшуюся в тихую ночь.

Под зимним небом было не по-зимнему тепло, из сумрачной глубины леса лился аромат прелой листвы и запах сырой земли. По временам издали слышался крик какой-то сонной птицы. Дамблдор сделал шаг вперёд, и в тот же миг по краю поляны вспыхнули факелы, высветив держащих их в руках рослых кентавров: качающееся пламя вылепливало из темноты могучие торсы, всклокоченные шевелюры, недружелюбные лица... Порыв невесть откуда пронёсшегося ветра колыхнул огонь — качнулась и отпрыгнула назад тень вековых деревьев.

— Приветствую вас, — Дамблдор склонил седовласую голову. — Приношу извинения за мой поздний и внезапный визит, однако мне нужен Старейшина Пратт...

— Для нас не существует ничего внезапно-ого, — из темноты навстречу старому магу шагнул седой и слепой кентавр. Огонь подкрасил его бельма багрянцем, придав вожаку inferнальный вид.

— Я пришёл за детьми, Пратт. Где они?

— Здесь, — кивнул вожак, однако не сделал ни уточнения, ни жеста, способного пояснить, что значит «здесь».

— И?..

— Они живы. О-оба. Более того — могу сказать, что-о даже целы и невредимы. Ты по-онимаешь, что это значит?

Дамблдор замер на миг, испытывая одновременно совершенно несопоставимые чувства — облегчение и... ужас.

— Значит...

— Значит, о-они прошли испытание, — вожак сделал несколько шагов вперёд, взмахом руки остановив попытавшуюся последовать за ним охрану, которая мерила высокого старика в тёмно-синей, исшитой золотыми звёздами мантии, недоверчивыми и даже враждебными взглядами.

— Они... — Дамблдор понизил голос. — Хорошо, я могу понять — пусть Гарри избранный, но девочка... За что вы протащили через испытание девочку?..

— О-она — часть его, а значит, отныне ваш мир зависит не только от его силы, но и о-от её тоже. От её силы и от её слабо-ости, от силы её... любви... — столь презираемое кентаврами слово прозвучало в устах вожака удивительно застенчиво, и Дамблдор потрясённо взглянул на слепого кентавра. — У неё было-о своё испытание, и она с ним справилась, — слепец повернулся к ближайшему факелу, и лицо его приняло задумчивое выражение, будто он любовался яростной борьбой огня и мрака. — Самая сильная любовь — та, которая не боится проявить слабость... — задумчиво продекларировал он. — И тогда слабость перестаёт быть таковой, ибо дарит силу...

— Где дети? — уже мягче повторил Дамблдор. — Я пришёл за ними...

— Там, — кентавр махнул рукой в сторону дерева на отшибе, Дамблдор прищурился, и повинаясь команде вожака, туда направилась пара кентавра с факелами. Пламя выхватило из темноты две неподвижные фигурки, в обнимку привалившиеся к столу.

— Что с ними? — не слушая ответ, Дамблдор уже рванул вперёд, спотыкаясь о корни.

— Не бойся, они просто спят. Испытание заняло почти двое суток, хотя они и вряд ли это осознали... С ними всё будет хорошо, — кивнул кентавр, провозжая пустым перламутровым взглядом старого мага. Вдохнув, кентавр продолжал себе под нос: — И, знаешь, Альбус, эти дети... Возможно, они когда-нибудь сумеют вернуть веру в людей — и не только нашу...

* * *

Сириус шёл за Флёр в каком-то пьяном угаре. Он сейчас видел только лёгкое колыхание серебристого водопада её волос меж лопаток, поверх светлой мантии, слышал только её дыхание да цокот каблучков по многовековым камням, лестницам, переходам.

Куда он шёл, зачем он шёл?

Сейчас ничего не имело значения. Она была средоточием его мира, смыслом его существования, он жадно ловил каждый направленный в его сторону знак — будь то брошенная через плечо многообещающая улыбка, лёгкий взмах руки, блеснувшие в свете факелов браслетами обнажённые запястья. С каждой секундой разум оставлял Сириуса: ему уже несколько раз хотелось упасть на четвереньки и побежать за ней верным псом, и останавливала его от этого опрометчивого поступка лишь мысль, что в таком виде он будет выглядеть менее мужественно.

...Да что ж я делаю?

Но в этот миг Флёр чуть замедлила свой стремительный шаг и обернулась к нему, окатив сверкающим серебром взора. И он понял, что такое «ослепительная красота» — та, от которой действительно слепнут, причём не только глаза, но и душа...

— Нам стоит поторопиться, mon ami... — чуть хриловато произнесла она, и у Сириуса прошёл мороз по коже, губы сами собой приподнялись в зверином оскале, когда он ощутил идущую от неё призывную волну.

Ему с трудом удалось взять себя в руки, и только сейчас он осознал, что еле плетётся следом, хотя в своём воображении летел, будто на крыльях.

— Pardon, — с трудом выдавил он из себя единственное оставшееся в памяти французское слово: голова была пустой. И звенела.

Она рассыпалась серебристым смехом.

— Я оценила вашу учтивость, mon cher collegue, но, признаться... — она призывно протянула к нему руку — до двери в её комнату оставалось всего несколько шагов — и удивленно замерла... насторожилась... нахмурилась.

Блэк стоял, не сводя глаз с висящего на стене пейзажа: резвящиеся на берегу лесного ручья обнажённые нимфы и подглядывающий за ними сатир.

— Немного фривольно, n'est-ce pas? — Флёр напряжённо улыбнулась, не сводя с него пронзительного взгляда. — Но я люблю такое... — она понизила голос и снова подпустила в него волну хрипотцы. — И ты — я знаю — тоже. Я чувствую это... Ну же, пойдём...

— Да... я тоже люблю... Очень люблю... — Сириус стоял, не сводя взгляда с полотна, и, почувствовав его пристальный взгляд, одна из нимф кокетливо помахала ему ручкой. Он пропихнул комок в горле и хрипло заговорил: — Я так понял, мы уже пришли, мадемуазель Делакур?

— Да, — Флёр повернула ручку, и из раскрытой двери в коридор потёк нежный аромат.

— Приятно было повидаться. Спокойной вам ночи, — Сириус по-военному щёлкнул каблучками, резко развернулся и быстро зашагал по коридору, оставив Флёр хлопать глазами и хватать воздух ртом.

Внезапно её лицо перекосила гримаса, вмиг сдущая и обаяние, и красоту: нос скривился хищным птичьим клювом, глаза сдвинулись к вискам, изменив цвет... Но уже секундой позже прежняя — прекрасная, хотя и сильно расстроенная, профессор Делакур с силой хлопнула дверь, в бешенстве забарабанив в неё кулаками.

* * *

Вода мелодично зазвенела о дно стакана, потом мадам Помфри произнесла что-то весьма ободряющее по тону, и в ответ ей... прозвучал негромкий голос Станы. Рон подскочил, будто от удара, и сам не заметил,

как начал идиотски-счастливо улыбаться. Звякнули кольца занавески, он встрепенулся, рванулся с кровати, с надеждой вытягивая шею; судьба оказалась к нему милостива: мелькнул... — Рон сглотнул, пропихнув сердце из горла обратно в грудь, — смуглый на фоне сахарной белизны простыней профиль — упрямый подбородок, аккуратный носик, тёмный глаз, печально смотрящий в потолок из-под чёлки...

— Стана!

Она вздрогнула, начала поворачиваться, глаза широко распахнулись... Увы, большего ему увидеть не удалось: метнув в гриффиндорца смертоубийственный взгляд, мадам Помфри призвала к себе какое-то снадобье и резко дёрнула занавеску, отгородившись с пациенткой от всего мира. Теперь ему остались только голоса — кажется, Стана на чём-то негромко настаивала, мадам Помфри возражала. Рон сел на кровати, встал, сделал робкий шаг. В этот момент мадам Помфри чем-то звякнула, и от металлически-хищного звука у Рона, немного слабоватого в коленках в отношении крови и всяких кровопускательных желез, разом подогнулись ноги. Он снова плюхнулся на кровать, наострив уши.

Наконец, занавеска вновь отодвинулась, и, трясая седыми кудряшками, фельдшерница направилась по проходу в сторону вскинувшегося в надежде Рона. Гриффиндорец буравил её глазами; устремлённым в ответ взглядом мадам Помфри запросто можно было вымораживать из людей душу. Надо сказать, эта безмолвная конфронтация началась в день выписки из лазарета Гарри, отношения с которым — Рон заметил это даже в своём тогдашнем слабоадекватном состоянии — у хогвартского колдомедика испортились сильно, если не сказать «совсем». О причинах Рон мог только догадываться — во всяком случае, кое-какие идеи пришли ему на ум, когда он заикнулся о желании подежурить у постели по-прежнему лежащей в беспамятстве Станы. В ответ он узнал много нового не только про себя, но и про совершенно потерявшую стыд и представления о границах дозволенного молодежь вообще, причём высказано это было в настолько нетипичной для фельдшерницы резкой манере, что потом Рон даже побоялся принимать лекарство — а ну как там яд?!

Между нами говоря, яда там не было, однако лёгкая, с позволения сказать, сонливость, которую Рон испытывал следующие пару дней, тоже не взялась ниоткуда...

Словом, путь к Стане оказался ему заказан: четыре раза в день после осмотра и процедур, во время которых Рон, «иммобилизованный» (по научному выражению мадам Помфри) на своей кровати, прислушивался к плеску воды в стакане, шороху обёрток от порошков, — вокруг кровати Станы устанавливались Барьерные Чары, причём делалось это с многозначительными взглядами в сторону гриффиндорца. Рон, надо сказать, плевать на это хотел: вытягивая шею, он пытался увидеть девушку хотя бы мельком. И пару раз ему это удалось, но от увиденного сердце буквально надрывалось: бледное лицо, закрытые глаза, вытянутые поверх одеяла руки...

Тебли невыносимо неторопливые часы, день сменил день — второй, третий. Четвёртый, а Стана никак не приходила в себя. На вопрос измученного Рона мадам Помфри строго ответила, что девушке нужен покой — как минимум ещё одни сутки...

И вот, эти проклятушки двадцать четыре часа истекли. Он услышал её голос.

...Итак, фельдшерница шла по лазарету в его сторону, и, как с трепетом в сердце заметил Рон, сегодня все обстояло иначе, чем обычно: во-первых, никаких Барьерных Чар (сердце, переполняясь радостным предчувствием, затрепыхалось в горле), во-вторых, его сегодня не ели взглядом, будто какую-нибудь смертоносную бациллу, — нынче он ощутил себя чем-то не зловредней палочки Коха.

— Мистер Уизли, мисс Браткова хочет вас видеть... — процедила мадам Помфри, и — не успела она

закончить — Рон уже вскочил; чуть прихрамывая (что характерно, не на больную ногу, а на здоровую, — ибо от волнения всё перепутал), помчался к кровати в дальнем углу. Звон металлических колец занавески, едва не сорванной его торопливой рукой, фырканье хогвартской медсестры за спиной — и он увидел чёрные, как спелые вишни — удивлённые спелые вишни — глаза Станы. Все слова вылетели у Рона из головы: так и не выпуская занавески из рук, он просто стоял и смотрел на её лицо с нежным румянцем, на выступающие поверх воротника ключицы с трогательной ямкой между ними, на нервно сжатые руки — смотрел и сердился, что приходится постоянно переводить взгляд, что невозможно увидеть её сразу и целиком. Всю.

— Стана... Прости...

Последнее слово почему-то прозвучало в два голоса, Рон озадаченно прислушался к стихающему под сводом лазарета эху:

— Прости, — ещё раз повторил он, и снова извинения прозвучали двухголосно, но на этот раз он понял, почему: умоляюще глядя на него, Стана тоже извинялась.

— Прости... Рон...

— Стана... Я так рад, что всё уже... — не зная, куда деть руки, он держался за занавеску, как за спасательный круг.

Пятна румянца на смуглых щеках разгорались всё ярче.

— Прости, прости меня, Рон, я... я такая ужасная дура.

Чувствуя, как губы расползаются в глупой улыбке, он отчаянно замотал головой:

— Ничего-ничего! Ведь сейчас всё уже... — он наконец-то взял её за руку — за самые кончики пальцев, волнуясь, согласится ли она на его прикосновение, — но Стана руки не отдернула: напротив, сама благодарно схлала пальцы Рона.

— Спасибо тебе. Ты меня спас, ты — настоящий друг... — видимо, от этого слова на лице «настоящего друга» появилось такой отчаянный вопрос, тут же сменившийся разочарованным недоумением и затаённой надеждой, что она улыбнулась — виновато и, в то же самое время, задорно. — Да, — ответила она на непрозвучавшие слова и, будто этого могло оказаться недостаточно, торопливо закивала. — Да, да-да...

Рон просиял и медленно, дабы, если что, Стана успела бы его остановить, начал клониться к ней. Вытянутые трубочкой губы, полужакрытые глаза...

Звеньк!

Металлическая утка спикировала ему прямо в голову и грохнулась на пол рядом с кроватью.

— Ой! — Рон взвыл, схватился за затылок, закрутил головой и похолодел: над ним возвышалось огнедышащее нечто, в котором он ни при каких условиях не сумел бы признать негромкую заботливую фельдшерницу.

— МИСТЕР УИЗЛИ...

— Ма...ма...

— Что... вы... себе... позволяете... — судя по всему, ничего хорошего Рона не ждало. Он затрепетал. Стана подле него онемела, вытаращив глаза. — Ни на секунду невозможно оставить — сразу же... Вон из лазарета... — голос мадам Помфри был тих, однако от него по спине Рона внезапно потёк пот. — ВОН!

— Но я же ещё не выписан... — сам не зная, зачем — видимо, всколыхнулось фирменное уизливское упрямство — возразил он.

— ВЫПИСАН!!!

Взмах палочкой, и Рона вынесло из палаты прямо в пижаме. Он приземлился на холодный каменный пол, а сверху на голову приземлилась куча одежды, причём ботинки мстительно клюнули его прямо в макушку.

— Нифига себе... — ошеломлённо пробормотал он, стаскивая брюки с головы и потирая набухающую на затылке шишку. — Уткой... Железной... В темя... А если б там был глаз?!

* * *

— И теперь?.. — слово, словно длинная капля, скопившаяся на краю крыши, одинокое и безрадостное, сорвалось с губ Рона. Гермиона молча смотрела на Гарри — она уже несколько раз слышала историю про кентавров за эти четыре дня, прошедшие с их возвращения из Леса: подробностей не прибавлялось, видимо, Гарри действительно рассказал всё, что произошло.

...Или же всё, что считал нужным, — мысленно добавила она.

Ибо сама поведала Гарри не всё. Вернее, всё, просто упустила кое-какие подробности беседы со слепым вожаком, тут же начав испытывать по этому поводу угрызения совести: нужно было это сделать или нет? Неужели она опять, опять начинает умалчивать, скрытничать? Ведь поклялась же больше этого не делать! Хорошо — пусть всё бывшее быльём порастёт: рассказ про, скажем, осеннее нападение на неё Малфоя закончится, несомненно, очередной дракой, а с учётом того, что стычки со слизеринцем, и раньше не отличавшиеся милосердием сторон, становились всё более жестокими, можно было с уверенностью утверждать, что это станет в буквальном смысле слова смертоубийством. Нет. Это Гермиона отменяла раз и навсегда.

Однако, решив справиться с проблемой самостоятельно, она, как ни прикидывала, как ни крутила в голове, ничего умнее «держаться от него подальше» сочинить не могла. Ну, разумеется наготове всегда имела парочка заклятий, однако жить в состоянии войны Гермионе совершенно не хотелось. Особенно сейчас. Значит, надо было измыслить нечто надёжное, что бы навеки отвадило от неё Малфоя⁸⁴.

Параллельно она не переставала думать об услышанном от кентавров, слова крутились у неё в голове и день, и ночь, возвращаясь в снах, просясь на бумагу, пока она рассеянно водила пером в библиотеке: «Ты — его слабость...» — твердила она себе и цепенела от ужаса.

Вот и сейчас: «ты его слабость...» — краем уха слушая разговор Гарри и Рона под хруст снега, она снова погрузилась в невесёлые мысли.

...Неужели действительно только слабость? Но что же мне тогда делать? Уйти? Оставить его? Но разве я сделаю это этим сильнее?.. Разве он не станет от этого как раз более уязвимым? Ведь именно это и пытались с нами сделать **они**! Так неужели ему необходимо одиночество и пустота?! Неужели только со свободной душой он и способен... Нет! Душа, сердце — они не должны быть свободны ни от любви, ни от страха за любимых, ведь это гарантия того, что сердце вообще имеется... Ведь так, нет? — она отчаянно замотала головой, оступившись с заснеженной тропинки. В последний миг Гермионе удалось уцепиться за какой-то развесистый куст, засыпав Гарри и Рона снегом с головы до ног.

— ...не знаю, может, поговорить с Хагридом — Сириус сказал, что завтра он вернётся... Гермиона, осторожней! Гермиона?

Гарри подхватил её за талию, из-за его плеча выглядывая Рон, на вязаной шапке которого красовался аккуратный сугробик.

— Что с тобой? — Гарри заглянул ей в лицо.

— Хагрид возвращается? Правда? — она усилием воли взяла себя в руки и виновато улыбнулась.

— Гермиона...

— Я просто задумалась, Гарри, ничего страшного...

Его лицо просветлело, он улыбнулся, и у Гермионы кольнуло в груди от усталости, скользнувшей в этой улыбке.

⁸⁴ Мысли, приходившие ей в голову по этому поводу, я озвучить не рискну. Люциус бы точно взволновался, ибо на его наследнике род Малфоев мог бы и закончиться.

Когда после возвращения от кентавров она проснулась в своей кровати — причём как там оказалась, она понятия не имела, — Гермiona тут же кинулась искать его, обмирая от страха — *а ну, как...*

Она обнаружила Гарри в спальне шестикурсников. Он спал. Невилл, едва увидев Гермionу, вышел — она даже не сообразила его поблагодарить за деликатность, даже не кивнула: услышав, как щёлкнул замок закрывшейся за ним двери, она села рядом с Гарри и задёрнула полог, мечтая отгородиться с ним от всего мира. Сначала ей хотелось разбудить его — рассказать, расспросить и, как знать, она ещё не решила — даже поплакать у него на груди. Но потом Гермiona передумала. Подперев щеку ладонью, она сидела и смотрела на его спящее лицо, едва видимое в пробиравшемся сквозь прорехи в пологе свете. Она вообще любила так его рассматривать, хотя удавалось ей это нечасто: немногими совместными ночами она обычно засыпала раньше; и последнее, что она видела перед провалом в сон, были его глаза. И, хотя она первая же и просыпалась, Гарри, видимо всем телом и душой настроенный на неё, открывал глаза едва ли не через секунду следом.

Сейчас же он был настолько вымотан, что не почувствовал её, — продолжал тихо, ровно дышать; он не шелохнулся — ни когда она присела рядом, ни когда осторожно прилегла, вытянувшись вдоль него, ни когда укутала их обоих одеялом. Подперев голову ладонью, она смотрела, смотрела... впитывала его облик, впитывала идущее от него тепло, усталость, спокойствие, решимость. Он снова изменился, возмужал — даже сейчас лицо его омрачала печать взрослой озабоченности: чуть сведённые брови, складочка между ними, напряжённо поджатые губы — будто даже в глубоком сне он продолжал размышлять. Гермione ужасно захотелось его поцеловать — разглядить, сцеловать эти складочки, но она удержалась, боясь потревожить, — пусть отдохнёт, ведь одним этим чёртовым кентаврам ведомо, через что ему довелось пройти.

Увидев его ночью на поляне, она чуть не умерла от радости и страха: мокрый, полураздетый, совершенно ошалевший, весь в каких-то мелких порезах, он вышел, почти вывалился из развернувшейся скалы, замер — шатаясь и едва ли понимая, где находится, — чтобы увидеть её, кинуться навстречу и со словами «Гермiona, ты... ты цела — слава богу...» осесть ей — рыдающей — в руки.

...Или стань его силой, или исчезни... — Гермiona лежала рядом, постепенно понимая, какой смысл хотел вложить старый кентавр в эти слова. И ей почему-то стало очень страшно. — *...Но смогу ли я... Хватит ли сил у меня...*

— ...да, Сириус сказал, что Хагрид совершенно вылечился, и значит...

— И значит, — подхватил Рон, — со следующего семестра нам предстоит снова кормить с руки его «малыпусенек», которые вечно норовят оттяпать самое ценное...

— Ро-он... — укоризненно покачала головой, вступая в беседу, Гермiona — ничего нового не придумывается, а Гарри, и без того поминутно косящийся в её сторону, того и гляди, разволнуется. — Порадоваться надо! Человек вылечился наконец!

— А я что — я радуюсь... Просто проголодался на свежем воздухе. Сейчас поем и сразу стану милым.

— Честное слово, ты неисправим...

— ...так вот, — продолжил Гарри, — и значит, можно будет разузнать у него про прочих местных обитателей. Может, в Запретном лесу живёт ещё кто, про кого он нам не рассказывал.

— Да Хагрид нам и про нимф не рассказывал, — хмыкнул Рон. — Видно, не считал их заслуживающими нашего внимания: не кусаются, не царапаются, живьём никого не едят — только мф-мф-ф! — рот ему заткнул прицельно пущенный рукой Гарри снежок. — Согласен, что русалок надо оставить на весну, — продолжил он,

проплывавшись. — Мне тоже как-то не сильно покатило купаться тогда, в феврале. Кстати, надеюсь, по поводу моего сопровождения возражений не намечается? Я ведь там уже был...

— Во-первых, я тоже была, — тут же встряла Гермiona, мгновенно осёкшись: она снова разом вспомнила о Круме и последовавшими за Тремудрым Турниром событиями, закончившимися форменным ужасом.

— Гермiona, я думаю, со мной действительно лучше пойти Рону. Русалки не показались мне самыми дружелюбными существами даже тогда.

— Хорошо, — кивнула она после паузы. — Но, в любом случае, это будет только весной. Сейчас же нам стоит подумать вот о чём... Мне вот внезапно пришло в голову — помните песню Шляпы? Мы тогда как-то не стали докапываться до сути её слов, а я тут подумала... — она пошарила в кармане, вытащив аккумуляторный листочек, и процитировала: — «Если сквозь пламя он пройдёт, растопит сердцем лёд, коль знаки тайные прочтёт, то мир земле вернёт». Мы почему-то не подумали о самом простом — может быть, есть какая-то подсказка...

— ...в самом стихотворении... — ошеломлённо подхватил Гарри и встал посреди дорожки, как вкопанный. — Конечно... Я сначала как-то об этом думал, а потом всё закрутилось — у меня и из головы вон. Пламя... Лёд... Всё это уже было! Пламя у эльфов, лёд — у кентавров... Знаки — знаки были у нимф... Что ж тогда остаётся... Может быть...

Друзья внимали ему, раскрыв рты. Заметив это, Гарри умолк на полуслове. Потом, поколебавшись, будто принимая невыразимо сложное для него решение, вновь заговорил:

— Знаете... Я вот всё думаю — наверное, стоит как-нибудь записать и спрятать уже известные мне части заклинания, — увидев, как в немом ужасе распахнулись глаза Гермiony, он тут же поправился: — Только не надо воспринимать это как моё завещание. Просто человеческая память — штука ненадёжная. Вдруг что случится? Да хоть тот же Невилл случайно промахнётся, отработывая какое-нибудь заклятье! Хорошо ещё, если отделаюсь просто потерей памяти...

— Знаешь, Гарри, мне эта идея что-то не по душе, — тяжело вздохнув, признал Рон. — Что написано одним, запросто может быть прочитано другим. И не факт, что тем, кому это предназначено.

— Я могу зашифровать послание, — возразила Гермiona. — И заколдовать свиток так, чтобы любой посторонний, коснувшийся его, был проклят...

— Гермiona...

— Да ты что — не представляешь, какие силы задействованы в этих делах?! — возмутился Рон. — Кто ты такая против Того-Кого-Нельзя-Называть с его Пожирателями? Шестикурсница против тёмных магов! Да им твоё проклятье — тьфу на палочке!

— Что-о?!

— Я сам напишу известные мне слова на пергаменте. А ты как-нибудь понадежней заколдуешь, — не обращая внимания на готовых сойтись в очередной рукопашной друзей, заговорил, размышляя вслух, Гарри. — Только вы не должны знать их — во всяком случае, пока я... пока я... — он замялся и вдруг решил. — Пока я жив. Да! — резко развернулся он к ахнувшему Рону и следом — к побелевшей, как окружающий их снег, Гермione. — Я... Я многое понял, я много думал — хочу сказать всё начистоту, потому что устал. Устал от ложной жалости, с какой мы относимся друг к другу, устал от обмана, от бесконечной игры и притворства. Ведь себе-то мы не врём, верно? И вы не хуже меня знаете, что я могу и не собрать заклинание, могу и не добратся до конца, — Рон прав, тут задействованы такие силы... Если они для демонстрации своих возможностей стирают с лица целые деревни... Удивительно, как я вообще до сих пор жив. И вы — тоже, — жёстко добавил он. — Они пытались убить нас поодиночке, но им это не удалось. Значит, им тем более не убить нас, когда мы вместе. Потому что мы БУДЕМ вместе, ведь мне

нужны вы оба — нужны настолько же сильно, насколько вы сами хотите мне помочь. Мне нужны ваши сила и ум, ваша решительность, любовь и дружба. Мне трудно. Да, мне очень трудно. Я устал. Жутко устал от ответственности, от этой бесконечной гонки наперегонки со смертью, когда каждую минуту ждёшь удара. Я устал от этого мира, который мне постоянно приходится защищать. Нет... — внезапно мотнул головой Гарри, перебивая сам себя. — Не «приходится», нет... Я сам хочу его защищать — мой мир. Тебя, Рон. И тебя, Гермиона, — он обернулся к ней, сжал руку. — Я не знаю, что я могу, но знаю, что я должен. И знаю, что вы мне в этом сумеете помочь. Вот так вот.

Как всегда после долгих речей, Гарри умолк и покраснел, однако продолжал в упор смотреть на друзей.

— Ясное дело, приятель, — хлопнул его по плечу Рон. — Давно пора было завязать с этими недомолвками, — он метнул многозначительный взгляд в сторону разом поникшей Гермионы. — И потом, теперь мне тоже есть кого защищать, и я... — он ещё раз похлопал Гарри — на этот раз по спине и с такой силой, будто собирался выбить из него душу. — Я сделаю всё, что должен. Ради вас. И ради неё. Ради... — Рон замаялся, на его и без того раскрасневшихся от мороза щеках выступил смущённый румянец. — Ради Станы. А ты Гермиона?

— Конечно! — взвилась она настолько возмущённо, будто самым вопросом Рон смертельно её оскорбил.

— Тогда дай слово, что больше не будешь ничего предпринимать в одиночку, — Рон подозрительно прищурился, ткнув пальцем ей прямо в нос. — И перестанешь строить из себя везунка, выставляя нас клиническими идиотами, которых даже в Тяжёлое Мозговое Отделение Святого Мунго не возьмут!

Гермиона фыркнула:

— Ну, знаешь! Не хочешь быть идиотом — не будь им!

— Что?! Значит, получается, я — дурак?! — Рон принялся старательно раздуваться от поддельного гнева, но мгновенно посерьёзнев, тут же обернулся к Гарри. — Стоять!

Гарри замер с поднятой ногой, испытывая неизвестно откуда взявшееся желание заодно и руки поднять. — Сейчас кое-кто даст нам слово, что, коль скоро мы теперь заодно, он перестанет всё взваливать на свои плечи.

Гарри молчал.

Гермиона и Рон, затаив дыхание, смотрели на него, понимая, что очень многое — если не всё — зависит от этого ответа. Словно осознавая ответственность ситуации, всё вокруг тоже затихло, царил зимнее сонное безмолвие — день вообще выдался погожий, светлый и ласковый, когда воздух холоден, зато неяркое солнце согревает человеческую душу.

А Гарри всё молчал.

Гермиона почувствовала, что от напряжения у неё начинают дёргаться пальцы на левой руке. По лицу Рона поползли пятна нервного румянца.

Где-то неподалёку хрустнул сучок.

И вдруг Гарри улыбнулся и кивнул.

— Хорошо.

И чуть потише добавил:

— Спасибо вам...

* * *

В Хогсмиде на первый взгляд всё было по-прежнему, будто мир вокруг оставался безмятежным и праздничным: сновали волшебники, мелодично поскрипывали на ветру вывески лавочек и магазинчиков, перемигивались гирлянды, повсюду ещё висели рождественские венки — однако праздничное убранство уже потихоньку начинало исчезать, конец прошлого года отнюдь не располагал к веселью.

Первым делом друзья отправились на почту, где Гермиона накупила такую кучу конвертов, марок и официальных бланков, что даже Гарри поддался этому

психозу и тоже зачем-то приобрёл десяток конвертов (запаса хватило бы на целый год — с учётом того, что писать Гарри было особо некому, разве что Рону с Гермионой, но как раз они-то и стояли рядом, недоумённо глядя, как он расплачивается). На почте же им повстречался продюргий Невилл, зашедший, чтобы тоже купить конвертов: пачка, оставленная накануне вечером в гриффиндорской гостиной, была сладострастно изодрана в мелкие клочья одуревшим от скуки и тишины Косолапсусом. Лонгботтом кивнул троице, улыбнулся, почему-то смущённо покраснел и заторопился, сгребая с прилавка и, конечно же, тут же роняя сдачу на пол.

Гарри и Рон переглянулись. Рон вопросительно чуть приподнял брови, Гарри едва заметно кивнул. Гермиона их пантомимы не видела: она чуть в стороне изучала толстый каталог магических библиотек и архивов.

— Слушай, Невилл, не суетись, — вдумчиво сказал воздвигшийся над Лонгботтомом Рон, не делая, тем не менее, ни единого жеста, чтобы помочь однокурснику собрать раскатившиеся по всему полу монетки. — Ты не спешишь? Как насчёт того, чтобы составить нам компанию?

— Компанию? — переспросил, не доверяя собственному слуху, Невилл. Он настороженно поднял голову и уставился Рону в лицо: конечно, Уизли был не из тех парней, что склонны шутить шутки, но...

— Точно, пойдём, Невилл! — поддержал Рона Гарри, внезапно испытав укол вины: действительно — за время каникул они едва ли разговаривали, хотя и спали все в одной комнате. *Иногда*, — он покраснел и покосился на замершую у конторки Гермиону.

Для убедительности Гарри едва не добавил «а то, что ты всё время один да один...», но вовремя сообразил, насколько унижительно это может прозвучать по отношению к Невиллу и захлопнул рот, клацнув второпях зубами. Звук сильно заинтересовал и Лонгботтома, и Уизли: они насторожились, но Гарри лишь невинно хлопал глазами в ответ и развернулся к подруге:

— Гермиона, ты всё? А то Фред с Джорджем, поди, заждались.

— Вот-вот. Они жаждут реванша за проигранную партию в бильярд, — хихикнул Рон и добавил, тут же посуровев: — А я — за обкусанные пальцы! Уж я им зубья-то пообломаю!

— А куда это вы собрались? — мгновенно насторожился Невилл.

— К «Безумным Братьям», — беззаботно улыбнулся Рон. — Хочу лично передать им рождественские подарки.

Повисла пауза — и Гарри, и Рон помрачнели, вспомнив о событиях, не позволивших им встретить Рождество как положено. Невилл прикинул, что может таиться за столь странным названием и совсем, было, уже хотел отказаться, но... Мысль о весёлом, тёплом и уютном местечке (а в том, что заведение близнецов именно такое, он, зная их, не сомневался) оказалась настолько соблазнительней одинокого сидения в заведении мадам Розмерты и столь же одинокого возвращения в пустую школу, что он кивнул.

— С удовольствием, если я вам не помешаю, конечно...

— Вот и замечательно! — просиял Рон.

Гарри отошёл к полностью выпавшей из реальности Гермионе и положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, испуганно вскинула глаза, тут же просветлевшие.

— Нашла, что искала?..

Она улыбнулась, молча кивнула, снова приняв чуть грустноватую улыбку в ответ. Он взял её за руку, потянул к выходу, где поджидали, переговариваясь, Невилл с Роном — судя по потрясённому выражению лица первого, ему как раз живописали подробности близнецовых развлечений — но она замерла.

— Гарри... — он повернулся. — Я хочу сказать тебе одну вещь... — Гермиона сама не поняла, почему заговорила об этом именно сейчас — когда ещё едва ли

могла уложить свои ощущения и мысли в слова. — Я тебя люблю, — сказала она и улыбнулась — просто улыбнулась, чуть покраснев, будто произнося это в первый раз, и сплела его пальцы со своими — крепко-крепко, вложив в это пожатие всё свое тепло, все свои чувства; мысленно пожелав, чтобы они смыли усталость с его души, сердца и лица.

...Гермиона... — Гарри вдохнул морозный аромат, затаившийся в её волосах, сжал её пальцы в ответ. — *Хочу быть с тобой... Хочу жить... Так хочу...*

— Знаешь, нам, наверное, будет непросто в ближайшее время...

— Знаю. Пусть. Ведь мы же вместе...

— Гермиона, Гарри, что вы там застряли! — махнул рукой Рон. — Ну, быстрее!

На то, чтобы усесться за самым дальним и уединённым столиком Трёх метел, куда их на обратном пути затащила Гермиона (заявив, что традиции надо блюсти, она буквально силком затолкала разбредавшихся в стороны друзей в двери кабака), имелись весомые причины. Первая и главная — в таком виде в школу было возвращаться никак нельзя.

А всё началось с того, что, пока Гермиона за бильярдным столом отбивалась от Фреда — «чуть не сгоревшего от желания видеть её, дабы, не подумай ничего плохого, Гарри, взять реванш», Джордж увёл Гарри, Рона и Невилла в недра «Безумных Братьев», откуда те вернулись с сияющими глазами и пламенеющими физиономиями. На её возмущённый вопль Невилл покраснел ещё больше, Гарри и Рон невинно захлопали глазами, а Джордж, подмигивая, заявил, что должен был отметить с друзьями помолвку родного братца. На недоумённо поднятые брови Гермионы он хлопнул по спине довольно улыбающегося Фреда.

— Фред!!! — ахнула она. — И всё время, пока мы играли, ты мне ничего не сказал?!

— Не хотел, чтобы ты воспринимала меня как почти женатого мужчину, — с многозначительным придыханием сообщил тот. — А теперь стоит это отметить ещё разок.

Они отметили разок — по настоянию Гермионы исключительно сливочным пивом. Потом ещё и ещё разок. Потом Рон начал хихикать над собственными анекдотами, Фред с Анджелиной — не совсем прилично дурачиться (вернее, дурачился исключительно Фред, Анджелина же рычала и отбивалась от него всем, чем могла), Джордж — демонстративно рвать на себе волосы от зависти. Гермиона сама не поняла, как вдруг такое случилось и почему она уже сидит у Гарри на коленях, а на её месте устроилась какая-то незнакомка, напропалую кокетничая с Невиллом.

С НЕВИЛЛОМ!

Впрочем, поудивляться она не успела, потому что Гарри взял её руку и поцеловал в ладонь — украдкой, пока все отвлеклись на вышедший на крошечную эстрадку ансамбль.

— Мои друзья, — с гордостью отрекомендовал Фред и ущипнул Анджелину за бочок. — Будут играть на нашей свадьбе.

— В таком случае, тебе стоит подыскать другую невесту, — отрезала Анджелина, в очередной раз отвешивая будущему супругу затрещину. — Я тебе уже говорила: под такую музыку я даже в гроб не лягу...

— В гроб? О! Мисс знает толк в извращениях, — хохотнул Джордж и увернулся от затрещины, на этот раз адресованной уже ему.

Рявкнула музыка. Фред перекинул через плечо брыкающуюся и колотящую его кулаками по спине Анджелину и вслед за прочими немногочисленными, однако же молодыми, шумными и развесёлыми посетителями отправился плясать. Кокетничавшая с Невиллом незнакомка подхватила его, совершенно ошалевшего, под руку и потащила следом, Джордж попытался пригласить Гермиону, но, получив в ответ решительное «нет» от Гарри, поспешил к каким-то юным особам за соседним столиком, Рон лениво потягивал сливочное пиво.

Гермиона и Гарри, воспользовавшись сумраком и всеобщим весельем, украдкой целовались. Зажмурившись, она обхватила его за шею и вжалась в него изо всех сил. Если бы такое было возможно, она бы влилась в него, стала его частью, чтобы всегда согревать, всегда утешать, всегда помогать, всегда поддерживать...

...стань его силой...

...Потом все снова галдели, смеялись... Обменивались запоздалыми подарками. Близнецы одарили всех своим новым изобретением: движущимися модельками знаменитых магов современности: трехдюмовый Альбус Дамблдор, натасканный на поиски сладкого в радиусе ближайших пяти футов (едва выпущенный Невиллом из коробочки, он тут же внедрился в гору сладостей на ближайшей тарелке), Северус Снейп, расправляющий мантию и с неприятным чавкающим звуком превращающийся в летучую мышь и обратно. Рону достался набор «Собери Хмури сам»:

— Включает: глаза — две штуки, цвет разный, размер нестандартный, ноги — две штуки, при отсутствии в наборе деревянной ноги использовать по усмотрению любую подручную деревяшку, челюсть вставная, уши накладные, половинка носа, вторую половинку потеряли еще на комбинате, — на память продекламировал аннотацию Джордж. — Так что тебе будет, чем занять свои непослушные ручонки в тоскливые зимние и — не побоюсь этого слова — томительные весенние вечера, крошка Ронни. Или же я опоздал, а? Слышал я, ты наконец-то обзавёлся подружкой, а?

— Как, даже у нас было слышно? — с поддельным ужасом закатил глаза Фред. — Силён, братец...

— Я вас сейчас..!

— Слушай, да ты совсем нервный стал! Чего сразу кидаешься-то? Тебе это... успокоиться надо. Может тебе съездить куда-нибудь? В челюсть, например, — услужливо предложил Фред.

Дальнейший диалог полностью выпал из внимания Гермионы, в этот момент развернувшей свой презент. Спустила миг она, полыхая, как маков цвет, уже яростно замахивалась на Джорджа, однако, готовый к чему-то подобному, тот увернулся, и затрещина досталась его близнецу.

— Спасите-помогите! Убивают!

— Гермиона, в чём дело? Что такое? Ты чего?!

— Они... они... Они мне подарили... — волосы у Гермионы натурально стояли дыбом, она покраснела так, что Гарри не удивился бы, если бы от неё пошёл пар.

— Ой, да ладно тебе, — хихикнула Анджелина, прикрыв ладошкой рот и чуть зарумянившись. — Это просто шутка.

— Шу...шутка?!

— Да что ж такое-то? — заинтригованно закрутил головой Рон. — Дай посмотреть!..

— Никогда!!! — покраснев ещё сильнее, Гермиона засунула коробочку за пазуху.

Рон принялся настаивать и даже предпринял попытку выкрасть столь заинтересовавшую его вещь, за что был бит дважды — сначала Гермионой, потом Гарри...

Все хохотали, дурачились, снова и снова чокались сливочным пивом... И, глядя на них, ни Фреду, ни Джорджу, ни Анджелине не пришла в голову мысль, что над весёлыми и беззаботными друзьями распахнула свой покров смертельная опасность. А Невилл... Невилл бы наверняка что-то заподозрил, не будь он так занят своей дамой: ничуть не смущаясь его смятённым молчанием, она щебетала, о чём-то рассказывала и всё норовила снова утащить его танцевать. Полные бутылки сливочного пива появлялись, словно по волшебству, пустые — тоже по волшебству, не иначе, — исчезали.

Под конец Гермиона чувствовала непроходящую сладость во рту и лёгкое головокружение.

Итак, возвращаясь к началу: появляться в школе в таком виде было явно нельзя, а потому они сидели в самом дальнем углу Трёх метел, прячась от всего честного народа за развесистыми ёлочными лапами. Это ужасно напомнило Гарри один из первых визитов в Хогсмид, когда под первую кружку сливочного пива

ему довелось услышать совершенно убийственные сведения о смерти своих родителей и якобы причастности к ней крёстного.

Сейчас ни о каком сливочном пиве и речи не было: бросив только взгляд на подозрительно румяную и сияющую компанию, мадам Розмерта, понимающе улыбнувшись, принесла им дымящиеся кружки с каким-то травяным напитком. Едва они сделали по глотку, как лица приобрели нормальный оттенок, а мысли в голове разом прояснились.

— Прикольная вещь, — одобрительно кивнул Рон и сделал большой глоток. — Похоже на... кофе, сок и капустный рассол одновременно.

— Ничего подобного! — возразила Гермиона. — Это зелёный чай с молоком и мёдом. И с солёным огурчиком, — добавила она, подумав. — А у вас?

— Тыквенный сок с молочным коктейлем и селёдкой, — застенчиво признался Гарри.

Невилл молчал, машинально хлебая из своей кружки. Он пребывал в таком состоянии аккурат с того момента, как при прощании Люси (именно так звали девушку, чьим кавалером ему пришлось быть нынче вечером) звонко поцеловала его в щёку и потрепала по волосам — «милашка!».

— А у тебя, Невилл? Эй, Невилл!

— ...смешать, но не взбалтывать, — внезапно заказал хриплый голос из-за развесистой ели, за которой они прятались. — А ты что будешь, Бродди?

— А мне грог. Промёрз до костей, — собеседник шмыгнул носом.

После паузы, дождавшись, видимо, ухода мадам Розмерты, собеседники продолжили беседу на пониженных тонах:

— Согласен, термин «вымораживание» подходит как нельзя лучше. Пожалуй, я его и использую в статье. Могу я при этом сослаться на Хмури?

— Да сколько угодно, — обладающий хриплым голосом шумно вдохнул, столь же шумно выдохнул, и сквозь еловые лапы пополз запах табачного дыма. У Гермионы тут же зачесалось в носу. — Две деревни исчезли с карты, а когда мы туда прибыли, нас встретили более чем неласково: похоже, людей запугали до смерти — они чуть не в атаку на нас пошли. Потом выяснилось, что из каждой семьи были взяты заложники... Вот ведь гниды... — снова шумный вдох-выдох, и новая порция дыма. — Пытаются уничтожить людей их же собственными руками. Главное, мы ничерта не можем сделать: в каждую деревню по отряду авроров не поставишь, а контролировать людей проще всего через страх и насилие... Со всех сторон, они наступают со всех сторон...

— ...и насилие... Я могу использовать эту фразу в своей статье?

— Конечно. И вот я что ещё тебе скажу — не для печати, чтобы панику не сеять. Всё только начинается. Они примериваются — как отнесутся власти, как будут реагировать сами люди. Они уже показали, что могут сделать — умирать буду, а жуть эту не забуду... Чёрные руки из чёрного снега... Пацанчик этот... Я подал документы — хочу взять его себе, у него вся семья погибла...

Пых-пых.

Гарри почувствовал, как на лбу крупными каплями выступает пот. Ему стало жутко жарко. Или жутко холодно. Словом — он не понял, как именно, но однозначно — жутко. Не моргая, он смотрел в свою кружку. В ушах от напряжения начало звенеть. Прочие чувствовали себя примерно так же.

Простучали каблук мадам Розмерты, на стол, судя по звуку, опустился заказанный грог. Что-то зазвенело и забулькало.

— Спасибо, спасибо... Всё хорошеешь, а? — обладатель хриплого голоса хохотнул.

— Скажешь тоже, Роджер. От такой-то жизни — не поседеть бы раньше срока...

Снова пых-пых, и Гермиона зажала нос рукой, чувствуя, что вот-вот чихнёт.

— Это точно... — согласился хриплоголосый. — Поторишь через четверть часа?

— Конечно.

Мадам Розмерта отошла, и диалог, вернее, монолог продолжился.

— То ли ещё будет... Шизоглаз готов отдать не то, что зуб, а оба своих глаза, что в ближайшее время нас ожидает ещё парочка нападений зомби. Оно и понятно — против этих тварей одной левой не управишься, да и появляются они где угодно по воле своих повелителей — удобная штука...

— Я знаю, — внезапно перебил второй — видимо, журналист. — Том Уотсон мне рассказывал, он ведь у нас спец по зомби, — судя по голосу, усмешка, от которой по спинам затаившихся гриффиндорцев потёк пот. — Он всё возится со своим расследованием, как ваши ни сопротивляются. Говорит, что какой-то знатный зельевар теперь работает на Того-Кого-Нельзю-Называть.

— Знатнее не придумаешь.

— Неужто Снейп?

Студенты содрогнулись и переглянулись, едва сдержав нервный вскрик при виде друг друга: выпученные глаза, белые, как бумага, лица. Рыжие волосы Рона стояли дыбом, и теперь вечно лохматая голова Гарри напоминала рядом с приятелем образчик цирюльного мастерства. Невилл стиснул глиняную кружку с такой силой, будто это была последняя ниточка, удерживающая его на этом свете.

По ту сторону зарослей повисла длинная пауза. Там кто-то гулко глотал.

— Шизоглаз... э-э... То есть Аластор Хмури готов отдать не то, что зуб и оба своих глаза, но и костяную ногу впридачу, что это его рука. Что Снейп опять взялся за старое. Дамблдор, конечно, говорит — дескать, не по своей воле и всё такое... Но вот что я тебе скажу — довелось мне лет эдак... — пых-пых, и в носу у Гермионы зашипало так, что слезы брызнули из глаз. — семнадцать... да, где-то около того, — иметь дело с мистером Снейпом. Не-ет... Не из тех он людей, которых на страхе можно держать, как на поводке. И тут я согласен с Шизо... в смысле — с Хмури. Наш дружище сам работает на Тёмного Лорда. По своей воле.

Пых-пых.

— Но кабы только это. Тут мы попытались отследить источник, откуда этим кошмаром управляют. Не поверишь: он где-то...

— А...а...а...АПЧХИ!!! — не выдержала Гермиона, и от внезапности Рон шарахнулся так, что опрокинул лавку, Невилл выронил кружку, а Гарри вскочил, сшибив головой себе на шею роскошный рождественский венок.

Еловые лапы мгновенно раздвинулись, и между ними возникло исчерченное морщинами и шрамами лицо.

— Та-ак... — новоприбывший хрипло откашлялся. — А вы тут что делаете?! Подслушиваете? — из ели просунулись рука, одновременно сжимающая коротенькую глиняную трубочку и волшебную палочку.

Рядом с первым лицом появилась второе — бледное, с насморочно-красным носом.

— Н-никак нет, — пролепетал Гарри, машинально поправляя венки на шее и осторожно задвигая за себя снова набирающую в грудь воздуха Гермиону. — Мы тут это... это...

— ...чайком балуемся... — поднялся с пола Рон и в качестве доказательства продемонстрировал свою пустую кружку.

Пронзительные глаза волшебника изучали бледную на вид компанию. Он отметил гриффиндорские шарфы, форменные мантии, прищурился на шевелюру Рона и тут же развернулся к Гарри, уставясь ему точно в лоб.

Рука Гарри автоматически взлетела вверх, начесав на шрам чёлку.

— Так-так... — хрипло хмыкнул маг. — Значит, Гарри Поттер. А это, не иначе... Узли-младший. Вы? — он ткнул рукой с палочкой и трубкой в Невилла.

— Не-невилл Лонгботтом, — он инстинктивно пригнулся.

— А вы, мисс?..

— А-апчхи! — представилась Гермиона: дым от трубки заполнил весь закуток, где пристроилась гриффиндорская компания, глаза слезились, нос щипало — теперь она не могла и двух слов связать.

— Приятно познакомиться. Значит, Гарри Поттер... Д-да, говаривал мне, старина Блэк, что крестничек его вечно оказывается в нужном месте в нужное время, однако кто бы мог подумать, что настолько...

— М-мы, собственно, ничего не слышали, — не очень убедительно соврал Гарри.

— Хочешь, чтобы я проверил? — волшебник поднял палочку и указал ей Гарри на губы. Тот тут же прикрыл их ладонью. — То-то и оно. Сами понимаете, что начнётся, если по школе поползут слухи про... — он понизил голос, — ну, вы поняли. Но... — он выразительно приподнял бровь.

— Мы никому ничего не расскажем! Честное сло-

во! — закивал, мгновенно сообразив Гарри.

— Никому! Никому! Апчхи! — торопливо затрясли головами остальные, не сводя взглядов с кончика волшебной палочки.

— Нда?.. — хриплоголосый сунул трубочку в рот и запыхал.

Гермионе показалось, что она сейчас упадёт в обморок.

— Да ладно тебе, шила в мешке всё равно не утаишь, — насморочно прогнусавил второй, видимо, Бродди. — Оставь детей в покое, правда рано или поздно выйдет наружу. Да и Блэк тебе не простит, если ты подотрёшь его крестнику память...

— Тоже верно...

Пых-пых.

И ноги Гермионы подогнулись.

— Но вы всё равно помалкивайте. И это... — взгляд опять оборотился ко лбу Гарри. — Держитесь от этих дел подальше, ясно? Целее будете.

Ответом ему стало гробовое молчание.

Глава двадцать третья, в которой, пусть по мелочам, но злодеи всё же получают по заслугам, а у гриффиндорцев опускаются руки.

Драко Малфоя, вернувшегося после каникул в родную слизеринскую обитель, ждали многочисленные и весьма разнообразные потрясения и открытия.

К ожидаемо приятным, как ни парадоксально, относились явные следы обыска в его комнате: выдвинутые ящики, аккуратно перебранная постель — белье отдельно, матрас отдельно, одеяло отдельно, подушка тоже отдельно; свернутый ковер, отсутствие пыли на гобелене и прикроватном пологе — видимо, перетряхивали даже их.

Выпотрошенный тайник в полу вызвал нежнейшую улыбку: улов представителей органов власти составили лежащие сейчас на тумбочке пригоршня золотых монет, кружевной лифчик (*хо-хо!* — Драко тут же взмахом палочки разжёг камин и отправил тряпку в огонь), страстная записка от Пенси Паркинсон⁸⁵. А так же — главная приманка: два письма от отца. Этим полных скорби, туманных намёков, «полезных» сведений и отеческих наставлений посланий министерские стервятники, перевернувшие его комнату вверх дном, конечно же, не оставили (ну да для того они и писаны были) — в отличие от золота, оно-то как раз лежало в целости и сохранности, всё, до последней монетки. Драко даже чуть-чуть погоревал, пересчитывая: вот было бы забавно подловить их на банальной краже. Не вышло.

Он разочарованно прищёлкнул языком.

А вот главный тайник с кучей полезных вещей им, естественно, обнаружить не удалось, и не мудрено: недаром же несколько поколений Малфоев Хитроумных из века в век занимались усовершенствованием наложенных на него защитных заклинаний... Драко проделал положенные манипуляции, и потайная дверка открылась. Действительно — всё в целости и сохранности: пергаменты с заклинаниями, опечатанные свитки с пометками вроде «перед прочтением сжечь» или «распечатать в случае смертельной опасности второй степени». Малфой задумчиво опустился на корточки, пересчитал флаконы и коробочки с зельями. Стояла такая тишина, что можно было слышать потрескивание пламени в жаровне, и воздух в комнате был напоен запахом холодного камня и предчувствием зла.

На письменном столе белели две бумажки — по-

становление и протокол обыска с описью всего обнаруженного — да-да, вот и «предмет женского нижнего белья, шёлковый, розового цвета»... — Драко отшвырнул их всё в тот же камин, даже не читая, ибо ему и без того было известно содержание.

Вызванная Малфоем бригада дежурных домовиков в мгновение ока привела комнату в порядок; и вот чёрный бархатный полог с серебристыми кистями уже покачивался вокруг идеально застеленной кровати, шкафчики, полочки и ящички заняли свои места, багаж устроился в изножии кровати...

...Противно, конечно, но делать нечего...

С другой стороны, грела мысль, что удалось помалфоевски изящно провести этих близоруких идиотов.

В камине с грохотом обрушилось прогоревшее полено.

Засыпал Драко с чуть озабоченной улыбкой: всё вроде бы шло по плану, однако его не оставляло странное чувство, будто рядом, совсем-совсем рядом затаились неприятности, и стоит ему только завернуть за угол, как они тут же набросятся...

Предчувствия его не обманули: первым человеком, которого Малфой повстречал с утра пораньше, направляясь в Большой Зал на завтрак, был невесть откуда взявшийся здесь Сириус Блэк, чья физиономия произвела на дурно почивавшего Драко куда более угнетающее впечатление, чем все вместе взятые заспанные лица однокурсников вкупе с ещё более распухшими на домашних рождественских харчах рожами Крэбба и Гойла: Драко прямо-таки чуть с лестницы не скovyрнул от неожиданности. К его чести надо отметить, что — в отличие от встречи с Блэком на допросе в Министерстве — вопль ужаса слизеринцу всё же удалось удержаться, хотя по спине мурашки побежали при воспоминании о полном ярости взгляде пронзительных чёрных глаз, столь дико выглядящих на лице, обрамлёнными неестественно-белыми волосами.

Обменявшись приветственными салютами ненависти, аврор и юный слизеринец разошлись, переполненные абсолютно идентичными мыслями друг о друге.

Следующий удар по нервной системе Малфой получил, войдя в Большой Зал и бросив беглый взгляд на преподавательский стол. Место Снейпа по-прежнему пустовало, более того, убрали даже его весьма приметный стул с высокой спинкой, в своей лаконичной простоте чем-то напоминающий средневековое орудие пытки. Факт отсутствия декана не вызывал особого огорчения у факультетского старосты, он скользнул взглядом по чинно трапезничающим профессорам и... Через мгновение лёгкого столбняка Драко понял, что Хагрида в горохового цвета костюме и безумной рас-

⁸⁵ На прошлый День Святого Валентина, перебрав весящей жидкости, они устроили соревнование на самое разнузданное послание. Победила Пенси. С большим отрывом. Записка каким-то чудом завалилась в кармане брюк — Драко хотел шутки ради подсунуть её кому-нибудь... Да хоть тому же Поттеру! Забыл. А записка-то пригодилась.

цветки галстук любит ещё меньше, чем Хагрида в вонючей кротовьей накидке. Вернувшийся с принудительного лечения, лесничий застенчиво сиял, обводя Зал полными радостных слёз глазами, а перед ним... — слизеринец почувствовал привычный сердцу всплеск раздражения и ярко выраженной неприязни — топталась ликующая гриффиндорская тройца: долговязый идиот Уизли, Поттер, лохматый и заспанный, будто из постели он выбраться смог, а вот проснуться позабыл, а с ними, как всегда...

Драко снова замер, и в этот миг на него налетел не успевший вовремя притормозить Крэбб, и во второй раз за только что начавшееся утро Малфой споткнулся, едва не упав. Лавина проклятий и увесистая оплеуха обрушилась на крепкую и упрямую, как кирпич, голову телохранителя, но смятения в душе слизеринца только прибавилось, едва, наконец-то воцарившись во главе слизеринского стола, он метнул смущённый взгляд на соседний стол, где рассаживались гриффиндорцы.

Она видела?

Видела.

И если Поттер с Уизли переглянулись с угрожающе-довольными ухмылочками, то Грейнджер брезгливо дёрнула бровями, уткнулась в какую-то тетрадку и наощупь потянулась к горе булочек на ближайшей тарелке. Почему-то глядя на её осторожно движущуюся по столу руку, Драко ощутил болезненный укол — горячий и прямо в сердце. Ему не приходилось ранее испытывать ничего настолько тоскливого, сладкого, болезненного и непонятного. И это была не неприязнь. Не ненависть. Не мстительное предвкушение. Не любовь — Драко знал, что такое любовь: в детстве у него была ручная гиена, он обожал с ней возиться. И это был не страх. Хотя нет — какой-то элемент страха в этом новом, незнакомом Драко чувстве, тем не менее, присутствовал.

Что со мной?..

Он в ужасе зажмурился, силясь вернуть в сознание нечто важное, но по недомыслию позабытое. Перед глазами мелькнули какие-то обрывочные воспоминания — лицо отца... какие-то слова о том, что думать надо было раньше...

Грейнджер за соседним столом добыла булочку и теперь наливая в высокий стакан белоснежное молоко.

С каждым мгновением Малфою становилось всё хуже и хуже. Он сжал ладонями виски.

Отец! Что ты сделал со мной?!

* * *

Глядя на сидящего за соседним столом слизеринца, со страдальчески-картинной гримаской потирающего виски, Гарри и Рон наслаждались томительными чувствами хищников, перед мордами которых помахали аппетитным куском мяса, положив его затем на недостижимом расстоянии.

Воспоминания о горячей предрождественской встрече еще зывали о возмездии в их сердцах, варианты отмщения за каникулы были поэтапно продуманы и тщательно просмакованы, однако приведённые Сириусом доводы оказались сильнее любых юношеских порывов. Вернее, как раз не хотели оказываться, однако Блэк, сцепив зубы и мысленно проклиная обстоятельства, заставляющие отговаривать других совершить то, в чём он с удовольствием поучаствовал бы сам, изложил сухие факты и следующие из оных выводы, и юношам пришлось смириться.

Не доказано.

Не обнаружено.

Не участвовал.

Не замечен.

Под наблюдением.

— Блин, убил бы на месте гада... — шипел Рон, а Гарри, после нескудной ночи испытывающий упадок сил и дикий голод, с ним соглашался — мысленно, ибо, дорвавшись, наконец, до еды, сидел с набитым до отказа ртом — в лучших традициях Уизли. — Наверняка,

ну, наверняка же этот гад подготовился к допросу в Министерстве... Я не верю, что он чистенький... Не верю...

— А что делать, — мрачно пробормотала, прихлёбывая молоко, Гермиона.

Все её мысли сейчас целиком и полностью были заняты слизеринцем: сколько она ни таращилась в конспекты по Рунам — не понимала ни слова, лишь снова и снова поглядывала на него поверх тетрадки.

Она ведь не сомневалась, почти не сомневалась — к осенним событиям именно он приложил свою ловкую ручонку, — в противном случае, откуда взялся этот панический страх, с которым она никак не могла совладать? И как тогда объяснить то нападение, когда лишь случайность спасла ей жизнь?

Она снова вспомнила, каким чудом ей удалось остановить Сириуса, едва не бухнувшего при Роне и Гарри про попытку покушения, и ее пробил холодный пот от мысли, чем бы это могло закончиться, не успей она его заткнуть.

...У Гарри и без того головной боли хватает...

Гермиона искоса посмотрела на Гарри, мысленно улыбулась жадности, с какой он заталкивал в себя еду. И тут же покраснела до ушей, вспомнив о причине.

...Какой он стал... Совсем другой... — он стал совершенно неутолим: словно хотел спрятаться в ее теле и — в то же самое время — закрыть её собой.

Накрыть и закрыть...

Она покраснела ещё больше, и сидящий рядом Рон приумолк, насторожившись, однако обсуждаемый предмет сейчас занимал все его мысли:

— У него ж на роже крупными буквами написано, что он во всём этом замешан! — продолжал он. — Думаете, у них мало в окружении народу, которые могут что-нибудь... что-нибудь... — не подобрав слова, он сделал замысловатый жест руками, едва не выплеснув тыквенный сок Гермионе на голову.

— Гм-мбр... — попытался озвучить своё согласие Гарри, подкладывая добавки.

— Ну-ка, харя, громче тресни! — прокомментировал его действия Рон. — Заканчивай жрать. Так вот: где гарантия, что он...

— Увы, Рон, — с сожалением покачала головой Гермиона, пытаясь холодным молоком унять некстати разгулявшуюся память, — на первый взгляд, действительно хочется усомниться, однако в Министерстве специалисты такого класса... Сириус же сказал: с Малфоем работал один из лучших... Не самый, конечно, шестиклассник всё же не велика шишка — но... И ничего крамольного не обнаружили. Видимо, он и злодеем-то больше прикидывается, чем является на самом деле... Хвостун и пустозвон, — она в открытую оторвалась от лекций по Рунам и метнула на сторону вышеозначенного пустозвона настороженный взгляд.

Гарри снова что-то попытался сказать — на этот раз в стакан с молоком, и наконец-то подавился. Рон с энтузиазмом, наводящим на мысли о садизме, поступал ему по спине, едва не отправив к праотцам.

— Р-рон! — занесла карающую длань Гермиона.

— Д-дурень! Душу выбьешь!.. — прохрипел Гарри, возвращая на нос из тарелки сидящей напротив Лавендер свои очки. — Идиот!..

— Идиот! — возмущённо согласилась Лавендер, оставшаяся без завтрака.

— Между прочим, я помочь хотел. Можно сказать, спасал в твоём лице всё человечество. И за свою же доброту... — в поисках тепла и сочувствия Рон повернулся к Гермионе, но в её свинцовых сейчас глазах тепла нашлось не больше, чем в норвежском фьорде в три часа поутру. — Как славно почувствовать себя всеми любимым, — огрызнулся он с напускной досадой и отчаянием в голосе и тут же продолжил, понизив голос (последнее, впрочем, было сейчас совершенно излишним: гвалт в Большой Зале стоял такой, что Гарри мог бы безо всякого риска скандировать известные ему

части заклинания, встав для пущего эффекта на стол: ему всё равно вряд ли уделили бы внимание): — Где гарантия, что Малфой не подготовился загодя к подобному исходу?

Троица призадумалась.

— Наверное, вероятность всё же есть...

— Умг! — Гарри вновь набил рот.

— ...но кто мог провести подобную операцию? — многозначительно взглянул на друзей Рон.

— Только...

— М-м-м!..

— А значит, он где-то рядом...

— И, тогда, думается мне... — взгляд Гермионы скользнул в сторону преподавательского стола. Она мимолётно улыбнулась лучшему и принимающему поздравления и приветствия Хагриду и устала на то место, где не так давно восседал крючконосый профессор Зелий, а теперь робко присаживалась выходящая на свет божий Трелани, — что исчезновение профессора Снейпа тоже...

— Мерлиновой мамой клянусь.

— Но...

...но Сириус сказал, что с ним работали всерьёз... — она тряхнула головой, отгоняя сомнения. — Не может быть, чтобы авроры такого уровня не смогли найти не единой ниточки. Пустозвон. Получается, Малфой просто мелкий, гадкий пустозвон. Ой ли?..

— А может, мы его просто излишне демонизируем, а? — Гермиона с надеждой посмотрела на друзей. — Может, он просто...

Она не поняла — показалось ей или же Малфой, по-прежнему сжимающий ладонями виски, действительно скривился ещё больше и покраснел вдвойне.

— Я, конечно, знал, что он личность многогранная — гад, сволочь и паразит одновременно, — бухтел Рон, — но что, до кучи, это одно сплошное очковительство... — Гарри снова поперхнулся, — ничего личного, Гарри.

— Самое главное, — стараясь звучать как можно уверенней, продолжила Гермиона, — Сириус пообещал, что больше никаких препонов со стороны Малфоя тебе чиниться не будет... И вообще — он обещал приглядывать за ним, коль скоро всё равно тут, так что можно вплотную заняться делом. Разве это не замечательно? Я сегодня ещё раз поговорю с Макгонагалл, она обещала похлопотать перед мадам Пинс о доступе в Запретный Архив...

— Тебе в только по библиотеке шариться, никак не уймё...

Рон осёкся на полуслове, покраснел, расплылся в счастливой улыбке и, свежая полый мантии с тарелки остатки яичницы — Гарри еле успел отодвинуться, а то получил бы их себе прямо в колени — рванулся навстречу счастливо просиявшей в ответ Стане. Лишь в самый последний момент он вспомнил, что теперь они находятся не в опустевшей гриффиндорской гостиной, а в битком набитом Большом Зале, где, силами самого же Рона, рыжеголовым ледоколом прущего навстречу потоку студентов, — двое отлетели в сторону, ещё пятеро успели отпрыгнуть — на них устремилась не одна пара любопытных глаз. Очнувшись в самый последний момент, он успел спрятать распостёртые для объятий руки за спину и ограничился кивком и сияющим «привет». Тем не менее, шёпот, словно шлепест камыша, прошёл по залу.

Судя по всему, Стана была изрядно чем-то озабочена с самого утра: поулыбавшись Рону положенное количество секунд — ровно столько, чтобы он не почувствовал себя брошенным, однако чтобы и окружающие не заподозрили ничего лишнего — она медленно развернулась в сторону стола Хаффлапфа. Чёрные глаза под угрожающе сдвинутыми бровями быстро скользнули вдоль длинного ряда студентов, одетых в одинаковые школьные мантии с жёлто-коричневыми нашавками, а потому кажущихся сейчас на одно лицо, и... польхнули ярким огнём при виде аккуратной стрижечки и нежной улыбочки, в этот момент адре-

сующейся какому-то хаффлапфскому старшекурснику. Улыбочка мгновенно, впрочем, тут же превратилась в хищный, не сулящий ничего хорошего оскальчик, едва Эшли, обернувшись, заметила замершую руку об руку с Уизли в центре Зала болгарку.

Взгляды девушек скрестились. Над залом пронеслись тучи, сверкнула молния, оглушающе громыхнул гром. В воздухе отчётливо запахло озоном.

Но Рон ничего не замечал и, продолжая нести какой-то радостный бред, повлёк подругу за стол, где, усадив чуть не силком рядом с Гарри и Гермионой, принялся накладывать ей в тарелку гору еды, от которой несварение желудка случилось бы даже у средних размеров бегемота.

— Я не голодна, Рон, — Стана обменялась приветственными улыбками с сидящими рядом Гарри, Гермионой, Лавендер и Дином Томасом, который при виде хлопочущего над девушкой Рона выразительно зажёг бровями и заухмылялся настолько многозначительно, что дать ему по голове захотелось даже сдержанному, однако же всегда уважавшему чувства других людей Гарри. — Ну, может, сэндвич с сыром...

В тот же миг перед ней зависло блюдо с горой бутербродов, а Невилл так и остался протягивать руку в пустоту и недоумённо хлопать глазами.

— Рон, ещё секунда, и я сниму с факультета очки за использование магии вне учебных классов. Семестр уже начался. Быстро поставь тарелку на место, — сообщила, сверкнув глазами, Гермиона. — И прекрати кудахтать, как наседка, — добавила она шёпотом. — На тебя уже ползала смотрит.

И верно: кто с не донесенной до рта вилкой, кто с надкушенным яблоком, кто со стаканом — гриффиндорцы озадаченно взирали на разыгрывающуюся за столом трубадурскую сцену. Лавендер многозначительно подняла брови и хихикнула. Дин Томас раздул ноздри и попытался протрубить по-оленьи. Получилось плохо, однако благодарной публики тут же прибавилось. Рон смутился, плюхнулся на лавку рядом со Станой, торопливо засовывая волшебную палочку в карман мантии. Чуть покрасневшая, девушка благодарно улыбнулась Гермионе и, аккуратно взяв с тарелки самый маленький бутербродик, передала её Невиллу.

Неловкое напряжение очень удачно рассеяло появление профессора Макгонагалл, начавшей раздавать расписание занятий на этот семестр. Рон едва ли не впервые в жизни испытал искреннюю радость по этому поводу — все тут же позабыли про его дурацкое поведение, в ужасе уставясь на бесконечные колонки с уроками, у него же сейчас не вызвали возражений даже оставшиеся в расписании сдвоенные Зелья со Слизерином.

— Вам бы поторопиться, — заглянув в расписание Гарри, посоветовала Гермиона. — Первый уроком Прорицания, а до класса ещё добраться надо.

Гарри, дожёвывая на ходу, поднялся. Взят за шиворот Рона, который, не сводя глаз, наслаждался упоительной картиной — всё ещё смущённая, Стана, не отрываясь от своего расписания, поочерёдно щипала кусочки хлеба и сыра и отправляла их в рот.

— Айда.

— Да погоди ты! — яростный взмах и тут же — нежнейшее: — Стана, а может, я тебя прово...

— Рон!.. — прошипела Гермиона. — Держи себя в руках. Ты так её можешь сильно скомпрометировать!..

— Ух ты, какие сложности, — рассмеялся Гарри и, приобняв её одной рукой за плечи, коснулся лёгким поцелуем виска. — Но мне-то будет позволено скомпрометировать тебя, а?

В тот же самый миг его накрыла волна странного холода. Автоматически чуть сдвинувшись и закрывая Гермиону собой, он обернулся: мимо в окружении свиты и вереницы малолетних прихлебателей шествовал Драко Малфой. Гарри весь подобрался: теперь, когда враг находился так рядом, все доводы Сириуса поблекли и потеряли смысл: *одно движение... только одно движение...* Он ждал традиционной гадости почти

с трепетом, он буквально молился, чтобы слизеринец сейчас его спровоцировал... однако Малфой даже не замедлил шага, лишь метнул в его сторону полный брезгливой ненависти взгляд. Что характерно, в сторону Гермионы он даже не взглянул, будто её и не было, хотя, как правило, ей полагалась примерно такая же порция неприязни.

Гарри продолжал смотреть вслед удаляющимся слизеринцам с острым чувством разочарования.

— Беги, — нежное прикосновение подруги вернуло его к действительности. — Увидимся на Трансфигурации...

Проводив взглядом заторопившихся на уроки друзей, она присела рядом со Станой. Четверокурсница подняла к ней чуть застенчивый, но задорный взгляд.

— Вот так-то, — многозначительно произнесла Гермиона понятную только им фразу, и девушки рассмеялись. — Я на Руны. А у тебя что?

— Астрономия.

— Нам по пути.

— Конечно, я сейчас... — Стана, начав засовывать расписание в сумку, неудачно дернула клапан — перья, чернильница, какие-то скрепки, бумажки — всё разлетелось по полу. — Ой, какая же я криворукая! Я немного задержусь, ты иди.

— Я могу помочь...

— Нет-нет, я сама...

Тем не менее, Гермиона присела рядом.

Стана не смотрела на нее — чуть покраснев от недовольства, она торопливо выгребала рассыпавшиеся вещи из-под лавки и стола. Девушки находились совсем рядом, и Гермиона снова испытала уже знакомое ей желание — сказать те слова... Извинения буквально рвались с её губ, хотя она сама не вполне понимала, за что и почему ей так хочется извиниться. Ведь за то извиниться невозможно. Да и нужно ли?.. И тем не менее, Гермиона порывалась это сделать все каникулы, когда они вчетвером коротали последние деньки в тихой пока ещё гриффиндорской гостиной, но Рон буквально ни на секунду не выпускал подружку из виду, источая обаяние и пытаясь утопить всех присутствующих в своём весьма специфическом юморе⁸⁶, да и правильные слова всё никак не подбирались.

— Стана... — внезапно почти шёпотом произнесла она. *Да что ж я делаю-то?* Рука болгарки замерла над узким рулончиком пергамента, перетянутого кожаным шнурком. — Я давно хотела тебе это сказать... Словом... прости меня...

— Не надо. Ты ни в чём не виновата. Так вышло...

От странного умиротворения, прозвучавшего в голосе, и от тени, промелькнувшей по опущенному в пол лицу девушки, у Гермионы мурашки побежали между лопаток. Захотелось ещё что-нибудь сказать, но слова растерялись окончательно, а потому она просто неловко сунула Стане в ладонь горсть собранной канцелярской мелочёвки и поднялась.

— Я... ну, я пойду тогда.

— Угу.

Гермиона заторопилась к выходу следом за группой Равенкло, с которой она посещала Руноведение. Она уже сожалела о своём внезапном порыве, ей почудилось, будто теперь между ними снова появилась стена лёгкого отчуждения — стена, которую она всё время силилась сломать... Мелькнула мысль, не вернуться ли, но Гермиона тут же её отвергла: глупо приносить извинения за то, что принесла извинения.

Окончательно запутавшись, гриффиндорка помотала головой и решила целиком и полностью сосредоточиться на рунах.

* * *

Вольдемо́рт замер на пороге широководной залы, где все предметы лучились бликами и курились паром.

В котлах кипели какие-то варева, везде стояли реторты и алембики. Чёткое позвякивание металлической ложки о стенку котла крепкими стежками прошивало и негромкое бульканье зелья, и монотонный, лишённый любых оттенков голос:

— Сто двадцать пять... — в левой руке сверкнула фляжка, откуда в котёл полилась напоминающая простую воду жидкость. Снейп снова начал считать, помещая ложкой разом загустевшее зелье. — Один, два...

— Мне нравится твоя собранность, Северус, — усмехнулся себе под нос Вольдемо́рт, следя за механически-точными движениями зельевара. Тот даже не моргал, он сосредоточенно смотрел вперёд невидящими глазами под белыми, будто сожженными кислотой, веками. — Пожалуй, стоит проявить величайшее доверие и испытать его на тебе. Что скажешь? В этом есть свой плюс: находиться у меня в рабстве станет твоим единственным желанием, и тогда я смогу стереть тебе память, избавив от страданий и вытащив из ада наяву. Ты станешь счастлив. Наверное, — Тёмный Лорд задумчиво почесал безволосую бровь. — Хм, а согласишься, это действительно высшее проявление веры в твои умения как зельевара: создать такое зелье ещё не удавалось никому. Ты смог это. Почти смог, — тут же поправился он. — За это тебе должно принадлежать право первым его отведа́ть. Что скажешь?..

Снейп ничего не слышал — в тот самый момент, когда ложка в его руках заканчивая свой тринадцатый оборот в котле, сам он делал тринадцатый шаг вверх по бесконечной высоте бархану. Он знал — там его ждёт нечто... нечто важное. Впрочем, если бы даже не ждало, — всё равно нужно было брести, дабы не возвратиться в безвольную куклу и не сдохнуть от палящего солнца. Ноги налились свинцом, во рту давно пересохло, было невыносимо жарко, однако он медленно карабкался наверх.

...Двадцать три... Двадцать четыре...

Сколько осталось позади этих песчаных гребней — какой в десяток шагов, какой — в полтысячи. Кругом кости и черепа, повсюду вороны, скорпионы и пресмыкающиеся гады, созданные, не иначе как ненавидящим всё живое безумцем, — они провожали его голодными взглядами, следовали какое-то время рядом в надежде на поживу, но человек не сдавался, и они рано или поздно не выдерживали адского пекла: словно прибитое к небу, солнце не желало заходить за горизонт.

Наконец Снейп взобрался на гребень. И оцепенел, потрясённый отнюдь не тем, что вокруг — куда ни брось взгляд — застыло всё то же вздыбившееся песчаными волнами ослепительное море.

Перед ним на склоне замерла юная женщина. Она стояла против света, солнце пряталось у неё за спиной и заливая яростной медью волосы на макушке и висках.

Она подняла на затрепетавшего Снейпа глаза цвета свежесмытого винограда, почти прозрачные. Не в силах вынести этого взгляда, он опустил свой, уставился на её сжатые в скорбную ниточку губы. И почему-то именно эта едва заметная на её лице линия и потрясла мастера зелий больше всего: ему доводилось видеть Лили Эванс разной — сердитой и смеющейся, разгневанной и равнодушной, однако никогда — такой. Скорбное осуждение и потусторонняя печаль в её глазах и губах обожгли его куда сильнее безжалостного солнца над головой. Он зажмурился — не помогло: солнце скользнуло по её плечам и золотым туманом окутало его, лик возник перед внутренним взором, и скрючившиеся пальцы профессора дернулись к лицу, он захотел выцарапать себе глаза, чтобы больше никогда... никогда...

— Зачем ты... убил меня?..

Лили смотрела на него — в её глазах остались только текучая зелень и свет, и Северус Снейп взревел от ужаса, боли и отчаяния — голос его не походил на человеческий, но был рёвом зверя, у которого кровь капает с клыков. Замерший в дверях лабораторий Вольдемо́рт недовольно скривился — опять... А он-то,

⁸⁶ «Гарри, где ты был? — За пирожками бегал. — И как — догнал?»

было, понадеялся...

Рука Снейпа задрожала, сначала едва заметно, потом всё сильнее, сильнее — вот уже и котёл заходил ходуном, зелье в нём лизнуло бок, заколыхалось, плеснуло через край.

Дверь лаборатории хлопнула и тут же, скрипнув, чуть приоткрылась, из подземного коридора донеслись решительные удаляющиеся шаги; замки или засовы были не нужны: запертый в темнице собственного отчаяния человек, скорчившийся сейчас на полу, не мог убежать. С выпученными налитыми кровью глазами, слёзы в которых выжгло палящее солнце, он походил на одержимого, казалось, сейчас на губах появится пена. Рука, вцепившаяся скобу лабораторного стола, была обжигающе горячей — и едва ли причиной тому было стекающее с пальцев кипящее зелье.

— Я не... я не любил тебя...

Северус Снейп лежал у подножия холма. Раскалённый солнцем песок сыпался ему на лицо, руки, не давал ни дышать, ни открыть глаза. Он с трудом поднялся на подкашивающиеся ноги и упрямо пополз вверх: ему нужно увидеть её ещё раз. Во что бы то ни стало.

Он обязан был сказать ей правду.

* * *

Эшли, покачивая бёдрами в такт какой-то глупой, но ужасно привязчивой песенке, который день не дававшей ей покоя, направлялась в общежитие Хаффлпаффа. Вообще-то, согласно расписанию, ей сейчас полагалось разучивать Призывающие и Отбрасывающие Чары, однако, пожаловавшись Флитвику на нестерпимую мигрень (это было сделано с застенчивой улыбкой, полной с трудом сдерживаемой боли), она отпросилась в лазарет — простодушный профессор не смог устоять перед полуопущенными глазами и нервно комкающими влажными платочек пальцами. В лазарете, правда, дела пошли не так успешно. Эшли давно подозревала, что не нравится строгой фельдшернице, сейчас же она в своих подозрениях только укрепились: дав ей стакан какой-то ужасно горькой и противной настойки, от которой возникло ощущение, будто содержимое головы старательно почистили колючим ёршиком, мадам Помфри без долгих разговоров выпроводила хаффлпаффку за дверь, велев немедленно отправляться на уроки.

Рассудив, что на Заклинаниях всё равно можно не появляться, а до Зелий ещё есть время, Эшли решила заглянуть к себе в комнату, однако добраться до хаффлпаффского общежития ей было не суждено: даже не успев выйти из больничного крыла, она столкнулась в узком коридорчике с гриффиндоркой Станой Братковой⁸⁷.

Увидев друг друга, девушки застыли в гробовой тишине, нарушаемой лишь негромким потрескиванием факелов да доносящимся из-за открытой в соседнем коридоре двери чуть слышным бульканьем и позвякиванием: мадам Помфри готовила Противопростудное Зелье. Взгляды соперниц скрестились, воздух между ними вновь тревожно заискрился. По спине Эшли пробежал холодок: в глазах гриффиндорки она увидела несвойственные гриффиндорцам намерения и мгновенно припомнила, откуда, собственно явилась Браткова в Хогвартс. Да и вообще, достаточно было взглянуть на subtilную хаффлпаффку и сравнить её с гибкой, но крепкой и высокой Станой, чтобы понять, на чьей стороне окажется, сойдись они в рукопашной, физическое преимущество. Положим, Эшли ещё могла бы встретиться с ней на людях, желательно — прячась за крепким мужским плечом: поунижать, поглумиться, продемонстрировать превосходство своего интеллекта и женского естества... Однако один на один, в тёмном

коридоре — о, нет, увольте: тут гриффиндорская помешанница с её мозолистыми кулаками находилась в выигрышном положении, что же касается заклинаний, то в них Эшли тоже никогда особенно не блистала, полагаясь на помощь поклонников и снисходительность Флитвика, который всегда таял от её робких заискивающих улыбок...

Словом, столкнувшись с мрачным, не сулящим ничего хорошего взглядом болгарки, устремлённым, что характерно, даже не прямо на неё, а куда-то в дальний конец коридора, Эшли Макферсон, пятикурсница из Хаффлпаффа, крепко струсила. Однако Третье Правило её внутреннего Кодекса гласило: «Сохраняй хорошую мину при плохой игре — не можешь обмануть себя, попробуй обмануть противника, и да пусть тебе повезёт», а потому, натянув на лицо высокомерную улыбочку, Эшли в темпе, свидетельствовавшем о крайней занятости, а отнюдь не о поспешном бегстве, попробовала обойти соперницу. Стана, словно маятник, качнулась в сторону, закрыв проход. Эшли фыркнула и попыталась миновать уставившуюся куда-то в пространство болгарку с другого бока. Безуспешно: Стана, по-прежнему глядя вдали, сделала шаг влево.

...Какого чёрта? — Эшли дрожащими пальцами мигром взмокнувшей руки нащупала в кармане палочку, параллельно размышляя, не стоит ли просто позвать на помощь мадам Помфри. С другой стороны, соперница, по большому счёту не предпринимала никаких агрессивных действий, а значит, подняв крик, она выставит себя полной дурой. О, нет, кем-кем, а полной дурой мисс Макферсон себя не считала. Однако намерения гриффиндорки по-прежнему оставались для неё загадкой, хотя, на самом деле, всё обстояло предельно просто: Стана, раздраемая противоречиями, никак не могла принять решение.

Самым сильным было желание вцепиться в эту противную ухоженную рожу. Можно прямо ногтями. За безарность это предложение было немедленно отменено.

Следующий порыв — высказать ей в лицо всё, что о ней думает.

Но она здраво рассудила, что не обладает необходимым английским лексическим запасом, тогда как хаффлпаффка, в свою очередь, вряд ли сможет оценить всю глубину и речевое богатство болгарского.

В груди с надеждой встрепенулось тщательно закопанное Дурмштрангское прошлое.

Заклятье Взрывных Угрей.

Поточные Сопли.

Чесоточные Чирьи.

Заголовное Проклятье, открытое Станой уже здесь, в Хогвартсе.

Она прикинула, как это будет смотреться на Эшли. В комплексе. Картина вышла дивная.

Рука сама собой потянулась к палочке, но перед внутренним взором возникло лицо Рона... Что скажет он, узнав, что его Стана — нежная, обожаемая, импульсивная, застенчивая, весёлая — словом, такая, какой он считал её, подралась в коридоре на почве ревности, как последняя рыночная торговка? Он наверняка разочаруется в ней, наверняка расстроится...

Следом за лицом Рона появились лица Гермионы и Гарри — её новых друзей и, что было не менее, если не более, важно, — лучших друзей Рона. Она не могла обмануть их доверие, опустившись до банального, пусть даже такого соблазнительного мордобоя...

Нет. Они бы никогда так не поступили. Не по такому поводу, — Стана стояла, как вкопанная, не зная, что делать. Однако одно она знала точно: отпустить просто так надменно дёргающую бровками и поджимающую губки хаффлпаффку она не могла, это уже было выше её сил. Тем временем, каким-то животным нюхом почувствовав в сопернице неуверенность, Эшли возликовала:

— Что встала посреди дороги, — и добавила, чуть-чуть подумав, дабы подчёркнутой грубостью окончательно деморализовать соперницу, — чучело гриффиндорское?

⁸⁷ Та показалась бледноватой профессору Синистре и, памятуя о её серьёзной болезни в каникулы, астрономичка потребовала письменного разрешения доктора на посещение занятий.

Стана молчала, по-прежнему глядя куда-то вдаль и, к вящему удивлению Эшли, на лице болгарки вместо ожидаемой обиды, ненависти, растерянности, на худой конец... ну, или чего-то в том же роде, появилась слабая улыбка, оттенок которой по причине плохого освещения Эшли разобрать не могла. Она на миг оторопела, но тут же возликовала:

...Проглотила! Эта чернявая дура проглотила оскорбление! Как и в лазарете!.. Она струсила! Конечно! Она же знает, что, моргни я, — и ей, и её доблестному рыцарю так достанется!..

Расслабившись, хаффлпаффка, будто невзначай, вытащила из кармана свою волшебную палочку и небрежно хлопнула ею по ладошке.

— Думаешь, ты больно ему нужна? Как же! Да я махну рукой — он на брюхе ко мне приползёт!

Стана опустила голову, продолжая улыбаться. Кулаки её, мозолистые от метлы, крепко сжались в карманах мантии. И, будто случайно, в одном из этих кулаков оказалась волшебная палочка.

Ах, если б только Эшли догадалась наклониться и заглянуть в лицо поносимой ею сейчас неприятельнице. Увы — ощущая полную безнаказанность и вдохновлённая присутствием поблизости мадам Помфри, пятикурсница самодовольно продолжала:

— И запомни, милочка: существование любовного треугольника возможно только в том случае, если один из его углов — тупой! Так что можешь попользоваться своим любимым Уизли, пока я позволяю, но имей в виду...

Когда Стана подняла голову, свет факелов померк рядом с сиянием её взгляда и блеском улыбки на губах. Она смотрела на раздувающуюся от спесивого превосходства соперницу, с трудом удерживая смех, и Эшли, привыкшая всегда брать верх, осеклась и оторопела.

...Что такое?! Эта потная девица, только и умеющая, что вовремя прыгать на метлу, обнаглела настолько, что смеётся прямо в лицо?! — она взорвалась такой яростью, что с губ её вместе со словами полетели брызги слюны:

— Ах ты, дрянь! Ну, я тебя... — насылая на соперницу Конъюнктивитное Косоглазие, хаффлпаффка тоже смеялась, смеялась по-особенному, сквозь зубы — это был злой, холодный и наглый смех, который обычно надолго зависает в воздухе и рассеивается нередко лишь после того, как смеявшийся покинул комнату.

Теперь про возможную реакцию Рона, Гарри и Гермионы Стане больше думать не хотелось — с лёгкостью блокировав проклятье, она взмахнула рукой, вложив в увесистую пощёчину и последовавшее за ней заклинание (старшеклассницы Синего Факультета Дурмштранга почувствовали бы законную гордость за бывшую студентку) все свои чувства, испытал даже нечто вроде угрызений совести от того удовольствия, которое при этом получила.

Мечущийся Рон, собственное унижение в лазарете, пережитые ей потрясения, ревность, страдание, отчаяние в глазах Рона, его извиняющийся лепет... — всё было отомщено.

Брезгливо вытерев об мантию ушибленную руку, Стана сунула волшебную палочку в карман и сверху вниз посмотрела на Эшли, совсем неизящно растопырившуюся на полу:

— А теперь можешь и дальше продолжать одаривать всех своей невинностью, — она неторопливо двинулась в сторону лазарета, но, едва слышав шевеленье за спиной, мгновенно развернулась, указав волшебной палочкой Эшли точно в нос. — И вот ещё что: больше приближаться ко мне или Рону не советую. В противном случае, ты не только забудешь, как рот открывать, но и вовсе побоишься на люди высовываться. Стерва, — добавила она, смакуя английское слово, к которому, не удержавшись присовокупила несколько крепких болгарских выражений — пусть эта перекосившаяся от злости кикимора и не могла их оценить, без них картина выглядела неполной.

Эшли хлопала глазами и ртом, проводящая полным бешенства взглядом мерзкую девицу, не в силах осознать и уж — тем более — смириться с произошедшим. В слезах и ярости кинулась она из лазарета, моля небеса о возмездии, — причём, желательно, чужими руками и немедленно, пока Браткова в лазарете, а Уизли и вся его компания — на уроках. И милостивые, хотя и не лишённые, как позже выяснилось, своеобразного чувства юмора небеса услышали её призывы: Захария Смит направлялся в библиотеку, когда Эшли, рыдая с видом оскорблённой и растоптанной невинности, пала ему на грудь — он от неожиданности аж позабыл про методички, за которыми был послан профессором Эберкомби, временно принявшим по просьбе Дамблдора бремя осиротевшего Зельеварения.

— Эшли, что такое?.. — он с радостью принял девушку в свои объятия, ибо давно уже к ней примеривался: а тут такая удача — можно сказать, сама прыгнула ему в руки...

— Захария... — хлюп-хлюп, пожалобней, главное — скрыть перехлёстывающую через край злость, — ах, помоги же мне... Скорее... Умоляю... Она меня... она... она такая... Я хочу, чтобы ты... — а вот дальше речь у хаффлпаффки не задалась: с губ её внезапно сорвался на редкость выразительный стон, отнюдь не приличествующий такому серьёзному заведению, как школа. Особенно — такому, как школа.

Смит заинтересованно оцепенел.

— Это... Эшли... — в голосе зазвучали напряжённые нотки, он как можно незаметней огляделся в поисках подходящей ниши, — как-как ты сказала? Что, говоришь, я должен сделать?

Она стояла, прижав руку ко рту и вытаращив глаза. Потом, прислушиваясь к себе, осторожно шевельнула губами:

— Я говорю... — ничего странного не произошло, и Эшли продолжила чуть смелее: — Я сейчас была в лазарете... — пауза. *Ф-фух...* — У меня с утра случилась дикая мигрень...

— Ах, бедняжка, — с поддельным сочувствием кивнул головой Захария, не сводя глаз с её губ и тихонько тесня её в сторону замершей в углу статуи Бенджамина Бородатого, за которой залегала глубокая и очень привлекательная тень. *Блин, что это было?! — Ну-ну...*

— И я там... — от очередного страстного стога Захария позабыл и про Зелья, и про все методички на свете, и про профессора Эберкомби, который в этот момент нервно перетапывался на кафедре, пытаясь разобрать сделанные аккуратным готическим шрифтом записи Снейпа⁸⁸, однако — лучше поздно, чем никогда, — Захария Смит — растрёпанный, с болтающимся через плечо галстуком и навеки прилипшей к лицу блаженной улыбкой пинком открыл дверь и ввалился в класс. Не говоря ни слова, бухнул на кафедру стопку учебных пособий по Гербологии и, так и не изменившись в лице, плюхнулся на своё место.

Жалобно обзрев представленный ему дополнительный материал, имеющий к Зельям такое же родственное отношение, как, скажем, история гоблинских восстаний, профессор робко кашлянул, пытаясь привлечь внимание к себе. Тщетно: он вздохнул, грустно обзревая затылки и профили развернувшихся в сторону Смита учеников.

— Господа... Г-господа студенты... — он нарушил гробовую тишину деликатным постукиванием карандашика по колбе. Ноль эмоций. — Не соблаговолит ли кто-нибудь из многоуважаемых учеников... Мистер Смит, видимо, неправильно меня понял или, точнее говоря, — тут же смешался он, — недостаточно точно объяснил, что нужно принести... Прошу меня простить, но не мог бы кто-нибудь взять в библиотеке полторы дюжины экземпляров задачника по зельям на основе...

⁸⁸ Забегая вперёд — бедняге пришлось ждать довольно долго. Подозрительно долго.

Договорить он не успел: услышав волшебное слово «библиотека», вся мужская часть класса единым порывом вылетела за дверь.

* * *

Скандал с Эшли ещё долго бушевал в недрах Хогвартса, и если кое-кто из юношей вслух или же втихаря и грустил по поводу экстренного перевода в другую школу известной своими достаточно лёгкими взглядами на отношения полов хаффлаффки, то девушки откровенно ликовали. У Гермионы имелись кое-какие соображения по поводу причин столь внезапного решения, она прекрасно помнила взгляды, какими обменялись соперницы едва ли не в первый учебный день, а потому при первом же удобном случае вскользь поинтересовалась у Станы про вредоносные заклятья, кои применяли студенты в Дурмштранге, и, терпеливо выслушав долгое перечисление, между прочим уточнила:

— А как насчёт заклятья Спонтанных Страстных Стонов?

— Понятия не имею, — равнодушно пожала плечами Стана — она закончила вечернее умывание и теперь тщательно вытирала лицо пушистым белым полотенцем с изображением снитча в веселом рождественском колпачке — не иначе, подарком Рона. — Может, кто из старшекурсников его и применял, но я ведь отучилась там всего два года, так что всего не знаю...

Стана отняла полотенце от лица и уставилась на своё отражение. Девушки переглянулись через зеркало, поняв всё без слов. Гермиона спрятала улыбку.

— Надо же, как интересно...

— И не говори.

— С другой стороны — скатертью ей дорога.

— Точно, — искренне согласилась Стана, собирая свои туалетные принадлежности.

— Было б интересно узнать, что это за заклинание...

— Если хочешь, могу написать моим бывшим однокурсницам, — услужливо улыбнулась болгарка уже из дверей. — Спокойной ночи.

Рон так вообще заметил исчезновение Эшли не сразу, до него, конечно, дошли кое-какие известия, однако он, как и многие другие, ничего, кроме облегчения, не испытал: не самая приятная страница его жизни оказалась перевёрнута рукой судьбы — и слава Мерлину с его мамой за компанию. Что касается Гарри, то ему было не до этого: он и раньше сторонился всяких слухов, а сплетнями так и вовсе брезговал, сейчас же все его силы, свободное время и мысли занимало заклинание. Он пристально, как никогда раньше, следил за событиями в стране, изучая Ежедневный Пророк от корки до корки, вместе с Гермионой сидел в библиотеке, то листая исторические книги, а то просто уставясь в пространство невидящим взглядом и шевеля губами — что-то прикидывая, высчитывая, сообщая. Периодически он куда-то исчезал, и Гермиона очень обеспокоилась, не собрался ли Гарри опять тайком улизнуть, пока Рон не сказал, что тот попросил Сириуса преподавать ему пару уроков аврорского мастерства в дополнение к тем, что проходили у старшекурсников дважды в неделю. Через какое-то время к Гарри присоединился Рон, здраво рассудивший, что знание секретов профессиональной обороны и нападения ему тоже пригодятся.

Сначала они занимались в пустых классах, потом, когда обучение начало сопровождаться грохотом, воплями, взрывами, а также порчей школьного имущества, что вызывало яростные протесты со стороны Филча, они перебрались на полигон, куда уже на следующий же день подтянулись и другие студенты. Сириус не отказал никому: твердя, что «лучше перебдеть, чем недобдеть», он снова и снова повторял, показывая, обучал — под его чутким внимательным оком студенты кидались на него и друг на друга с воплями, коих хватало бы и для оживления умерших; заклинания и контрзаклинания так и свистели, синяки, шишки, кровь и даже лёгкие увечья никого не удивляли и не пугали, и уже

за первую неделю успехи стали видны невооружённым глазом, и Сириус возликовал. Временами даже смотреть на него было жутковато: глаза горели и вращались на худом лице, и этим сверкающим взором будто освещались борода и длинные седые космы. А впадая в раж, он начинал говорить так, будто обращался к распятому, повешенному истекать кровью в двух пядях от его лица — он заражал своим фанатизмом, и каждый раз, берясь за палочку, Гарри, Рон, Невилл, Энтони Голдстин, Луна Лавгуд (единственная девушка, продолжавшая регулярно посещать занятия), Шон Маккеллар, Роджер Дэвис, Терри Бут... — словом, почти все юноши-старшекурсники Хаффлаффа, Гриффиндора и Равенкло — чувствовали себя всё уверенней и непобедимей.

Спустя неделю на занятии внезапно появился Малфой со свитой. Скрипнув зубами с таким лицом, будто только что хватанул стакан зменой желчи, Блэк ничего не сказал — приглашающе махнул рукой, и слизеринец не поведя даже бровью, вынул волшебную палочку.

Правда, это было последнее, что он успел сделать перед тем, как поставленный в паре против него Дин Томас весьма удачно симитировал удар Режущим Проклятьем по ногам — слизеринец корчился на земле минут пять под укоризненное цоканье языком: «как же так, мистер Малфой, надо быть внимательней, внимательней...», а потом, бормоча под нос проклятья, удалился.

— Отличный удар, — похвалил, пряча улыбку, Сириус, Рон же с Гарри позеленели от зависти: как они хотели, как они молились, чтобы против Малфоя дозволили выйти кому-нибудь из них. Уж они бы его...

Тем временем, Гермиона всюду трудилась над созданием специального шифра и охранных заклятий для имеющихся частей заклинания. Первая дюжина попыток оказалась безуспешной, ибо даже у Рона, с готовностью принявшего на себя бремя тестера-испытателя (Гермиона дала честное слово, что, в самом худшем случае, он отделается расстройством желудка), получилось прочитать зашифрованный на пробу кусок «Апокрифов» Еноха. Но Гермиона не была бы Гермионой, если б не добилась своего: потратив остаток каникул и первую неделю нового семестра (благо, уроков пока задавали немного) на новые и новые попытки, весьма хитро проконсультировавшись у Флитвика и Макгонагалл — те даже не сообразили, что между разговорами о дополнительных занятиях и учебно-исследовательской работе ответили на вопросы пытливого студентки, она с гордостью продемонстрировала Рону и Гарри результат своей работы: смятый листок пергамента, замаскированный под список дополнительной литературы по Трансфигурации.

— Семь степеней защиты от Стандартных Выявляющих Заклинаний и две степени — от Тёмной магии. Больше не получилось, — извиняющимся тоном добавила она.

— Можно подумать, это мне что-то говорит, — фыркнул Рон, настроение у которого упало, едва он углубился в перечень книг, которые необходимо было прочитать в начавшемся семестре только по этому предмету.

— На Карте Мародёров, — теперь в голосе Гермионы звучала тщательно скрываемая гордость, — стояли только Стандартные Защитные Чары второго уровня. И тем не менее, с наскоку её так и не удалось расшифровать никому из посторонних.

— Ух ты... — вопреки всему, в глазах Гарри отнюдь не читалось радости. При всей логичности и предсказательности, предложение Гермионы с каждым днём нравилось ему всё меньше.

— Мы можем заняться переносом заклинания немедленно — процесс довольно долгий, несколько этапов — сама зашифровка, потом определение времени, условий, при каких нам станут известны части, — это должен провести ты сам, я помогу с установкой Защитных Чар...

— Давай перенесём все на вечер — сегодня нас ждёт Хагрид, — напомнил Гарри, сам не зная, почему,

всеми силами пытаюсь оттянуть эту процедуру.

— Хагрид?..

Гермиона захлопала глазами: за учёбой, исследованиями и прочим она совершенно позабыла, что ещё в самый первый день, после радостных приветствий и расспросов, лесничий отклонил предложение гриффиндорской тройцы о визите и помощи по восстановлению хозяйства, сказав, что не может приглашать друзей в тот хлев, каким стала избушка за время его отсутствия. Припомнив, на что походило жилище Хагрида даже в лучшие дни, гриффиндорцы передёрнулись, однако настаивать не стали: лесничий действительно мог управиться самостоятельно — в две своих немаленьких руки, вооружённых розовым зонтиком, им же и имеющихся хлопот вполне хватало.

И вот, после Зелий, на которых профессор Эберкомби совершенно очаровал всех вкрадчивым голосом и деликатностью подхода вкупе с умением донести до студентов именно то, что он, прошу меня простить... и хотел донести, гриффиндорская тройца напрямик отправилась в сторону Запретного Леса.

Зима, достигшая своего пика, окутала всё вокруг свежим снегом, пошедшим с самого утра. Вся земля будто надела пухлые зимние одежды — всё было овеяно влажными крупными хлопьями снега, и от этой круговерти кружилась голова. Ни ветерка — только мягкие белые цветы зимы непрерывно сыпались с тёмного неба, и сквозь них в уютном молчании друзья направлялись к сторожке. Едва выйдя за ворота, Гермиона вдруг хлопнула себя по лбу и бегом кинулась обратно. Появилась она спустя примерно четверть часа — Гарри уже начал беспокоиться — причём её школьная сумка заметно раздулась.

— Куда бегала? — с подозрением приподнял бровь Рон. — Поди, в библиотеку?

— За угощением, — Гермиона с благодарностью улыбулась Гарри, принявшему у неё тяжёлую ношу.

— И как, догнала? — Рон с интересом потянулся к замку сумки, однако получил по рукам.

— Рон, не пора ли освежить набор шуточек? Мы же в гости идём! Хагрид наверняка напёк своих зубодробительных плюшек...

Дела обстояли ещё хуже: судя по горе мусора у дверей — инструменты, какое-то рваньё, битая посуда — процесс уборки находился самом разгаре. Из-за дверей доносились странные звуки — не иначе, как парочка сердитых слонов решила выяснить отношения в посудной лавке.

— Похоже, недели Хагриду не хватило, — буркнул Рон, — а я, было понадеялся на уютные плюшевые кресла и чашку горячего чая...

— ...с зубодробительными булочками, — подхватил Гарри, в последний момент перепрыгивая через присыпанный снегом гостеприимно распахнутый капкан.

В этот самый момент дверь распахнулась и на крыльцо, у которого замерли друзья, вышла очередная гора хлама — такая огромная, что самого Хагрида за ней видно не было. Вывалив всё в снег — Гарри едва успел увернуться от летевшего в его сторону проржавевшего багра — лесничий окинул гостей сияющим взглядом, но тут же посмурнел:

— Ох ты, батюшки... Я ведь самую малость не успел... Ну, проходите-проходите... Сейчас я вам чайку... А сам по-быстренькому...

Покраснев от удовольствия и смущения, он пропустил Гарри, Рона и Гермиону в дом, где те снова оцепенели, силясь скрыть ужас от представшей их глазам картины.

Запах плесени ударил в нос. Паутина свисала со стен и потолка, как праздничные гирлянды. Отсыревшие занавески трепетали в оконном проеме. Уже не тряпки, а жалкие ошметки тряпок бились о раму при малейшем движении воздуха. По центру комнаты висела куча совершенно немислимых по сочетаемости предметов — от битых чашек до жутковатого вида ловушек на каких-то диковинных (и, судя по всему)

страшно агрессивных зверей. Уборка, видимо, состояла в том, что Хагрид произвольно выдёргивал предмет, оценивал его со всех сторон с точки зрения пригодности и отправлял либо в угол, либо в шкаф, либо кидал к дверям.

— Вы уж присаживайтесь... куда-нибудь... — лесничий стянул гору тряпья на пол — под ней обнаружился стул, на который Гермиона не села бы, даже если б от этого зависела судьба всего Хогвартса. — Я сейчас чайку соображу...

— Хагрид...

Из всей тройцы лишь Рон не проявил особого потрясения: придирчиво взглянув на предложенный стул, он с удовольствием плюхнулся на него и пояснил шарахнувшимся от него, ровно от прокажённого, Гарри и Гермионе:

— А что такого? Вы не представляете, что раньше устраивали в Норе Фред с Джорджем... Мама однажды решила прибраться у них в комнате. Уложились в неделю. Причём у них всё это, — он кивнул в сторону мусора, — ещё взрывалось, кусалось и визжало.

— Я сейчас чайку... Секундочку...

Хагрид смущённо рылся в куче сваленного посреди избушки барахла, силясь отыскать чайник и одновременно — выгрести из камина кучу предназначенного для сожжения мусора.

— Вот что, — мрачно скомандовала Гермиона, — так дело не пойдёт. А ну, давайте-ка все вместе.

Она сняла мантию, искала глазами место, куда ту можно было бы пристроить на время уборки, не нашла и снова надела.

— А вы что стоите, мальчишки? Засучивайте рукава...

— Ну вот... — забухтел Рон, — даже уже и в гости по-человечески нельзя сходить...

Гарри молчал, однако особой радости тоже не высказывал. Увидев разброд и шатание в стройных рядах, Гермиона нахмурилась.

— Значит, так. Рон, на тебе — мусор, точнее, — смущённо кашлянула она, — вещи. Ты, Гарри — займись окнами и стенами.

— А ты? — с подозрением дёрнулся Рон, заподозривший её в желании увильнуть от работы.

— А я приведу в порядок посуду и полы. И почищу мебель. Начали!

— ...И кстати, Хагрид, — румяный от горячего чая и пылающего в камине огня, Гарри раскинулся в старом, однако же чистом и даже починенном кресле, — мы управились со всем за два часа. Что ты делал целую неделю?

— Ну... Если честно... — спрятав смущённую улыбку в бороде, Хагрид потянулся в третьей по счёту булочке, которой при достаточно метком броске можно было бы запросто прибить лошадь. — Я первым делом к зверушкам моим побежал. Как там они без меня — гиппогрифы, соплохвосты, фестралы...

— Хагрид, не надо! Я ем! — взмолился Рон, который давился кипятком каждый раз, когда Хагрид с нежнейшей любовью в голосе произносил название очередного чудовища.

— И потом, друзей надо было навестить...

Гарри прищурился и, правильно поняв его подозрения, Хагрид отчаянно замаха руками, едва не сбросив со стола кувшин с молоком:

— Нет-нет! Я завязал! Больше — ни капли. Никогда. Уф, такого насмотрелся в этом отделении Святого Бахуса... Кентавры с белой горячкой... Белые. Совсем белые... И горячие — чистая жуть. А уж сколько чертей скачет по стенам — и не перечать... — он поблелел и набожно перекрестился, несказанно поразив друзей, торопливо закивавших в знак веры и глубочайшего одобрения. — До чего ж хорошо дома-то... Здешние места все на мне — перепись народонаселения, учёт... Не все ж сознательные, как кентавры или русалки... — Гарри и Рон обменялись быстрыми, словно выстрелы взглядами, а на лице Гермионы появилось настолько под-

чёркнуто-спокойное выражение, что не насторожился бы только слепой от рождения идиот. По счастью, Хагрид сейчас занимался тем, что наливал себе очередную порция чая. — Пока меня не было, у нимф проблемы были... Циклопы между собой снова разругались... Сирены устроили очередной вокальный турнир — в результе в соседней деревне пропало трое мужчин. Говорят, ушли в лес и не вернулись... Пока нашёл, пока в чувство привёл, пока то, пока сё... Постучи-ка ему по спине, Рон! Или дай я... — Хагрид занёс похожую на совковую лопату ладонь над спиной подавившегося и теперь заходящегося в судорожном кашле Гарри.

— Н-не надо! Я как-нибудь сам! — Гарри с трудом сглотнул. Натянул на лицо жизнерадостную улыбку и поинтересовался дрожащим голосом: — А скажи, Хагрид, кто тут ещё в округе водится?

— Да, почитай, больше и никого: только нимфы да сатиры, русалки да водяные, кентавры да циклопы, сирены... Ну, не считая леших и трёх кикимор, переселившихся с Северного острова по осени — как начались все эти дела... А что это вы как побледнели, а?

— Ци...ци...циклопы?

— Си...си...сирены?..

— М-мы... м-мы... — жалобно заблеяла Гермиона, когда Гарри вовсе утратил дар речи, — м-мы просто...

Раздавшийся стук в дверь и залихватистый лай спасли положение: распахнулась дверь и в сторожку, влоча за собой вцепившегося в ошейник Диофана, сквернословящего, как последний портовый гоблин, влетел Клык.

— ...и мерлинова батюшку, туды его в качель, — тоже! — завершил сатир сложную сентенцию и наконец-то сумел разжать намертво стиснувшие собачий ошейник пальцы. — Приветствую вас, мои юные друзья и прекрасная дева, — в его глазах, едва он увидел Гермиону, блеснули рыжие искорки, и он машинально пригладил курчавую шерсть на бёдрах. — Ну и ты, Хагрид, будь здоров, что ли.

Гарри волей-неволей пришлось прийти в себя — словно между делом, он опустил руку на плечо Гермионе, волосы которой при виде запыхавшегося Диофана, представшего перед ней во всей своей неиспорченной цивилизацией красе, встали дыбом.

— Прикрылся б, охальник, — отрываясь от лобзаний заходящегося в восторгах Клыка, беззлобно заметил Хагрид. — Не видишь, разве — тут женщины. И дети.

— Да уж, вид обнажённого тела не всегда возбуждает. Особенно такого косматого, кривоногого и хромого, — пробурчал Рон.

— Но-но-но! Положим, ежели б я знал, что у тебя сегодня приём, принарядился б по всей форме... — сатир повязал вокруг чресл подвернувшийся под руку клеёнчатый фартук, тут же превратившись в невесту каким ветром сюда занесённого жизнерадостного адского прислужника. — Давненько не виделись, — он расположился на колченогом табурете, подмигнув Гермионе, принял у лесничего кружку дымящегося чая и каменную булочку, тут же с аппетитом ею захрустев. — Псину твою кормили, как положено. Вон, смотри, какой красавец стал, а? — действительно, Клык имел хоть и чуть диковатый, однако откормленный вид. — Еле уберёг его — сожрать хотели односельчане... Ну, надобно отметить возвращение...

— Ни за что! — хором взвыли Гарри, Рон, Гермиона и сам Хагрид. — Я завязал. Ох, Диофан, видел бы ты... Нет. Ни капли больше.

— Да упаси меня Мерлин! — сатир замахал руками. — Я сам — ни-ни. Меня такой радикулит по осени прихватил — я света белого не видел, разогнуться не мог... А ты сам знаешь, это не самая подходящая в нашем лесу болезнь — народ у нас ушлый, зевать нельзя, так и норовят...

— Диофан! — смущённо рявкнул Хагрид. Клык пугливо прижался к полу.

— ...э-э... ну, вот я и говорю: радикулит... — сму-

щённо поскрёб пятерней за рогом сатир. — Да и жена чуть со свету не сжила...

— Жена? — удивлённо вытаращил глаза Гарри.

— А что такого? — голос Диофана зазвучал уязвлённо. — Или ты думаешь, что у меня и жены быть не может?..

— Я просто думал — нимфы... и всё такое...

— Не-ет... — теперь Диофан вздохнул с тоской, хотя и польщённо. — нимфы... Это всё предрассудки. У нас жёны как жёны... С рогами и копытами, как положено... Ну, будем здоровы! — он звонко чокнулся с Хагридом бочком пузатой кружки с чаем.

— Надо же, как интересно, — после паузы, во время которой все задумчиво отдувались, прихлебывая обжигающий чай, с чрезмерно жизнерадостным любопытством подхватила наконец-то пришедшая в себя Гермиона. — Вас так много в лесу... Все такие разные... Как вы между собой ладите?.. Кто тут ещё живёт?

Сатир метнул в неё пристальный взгляд из-под кустистых бровей, потом быстро посмотрел на Гарри и надолго умолк: потягивая чай, в два укуса сгрыз плюшку Хагрида, потянулся к оставшимся на подносе пирожным и булочкам, принесённым гриффиндорцами, и отдал им должное. Потом сыто цыкая зубом, подошёл к камину и прикурил свою коротенькую трубочку от уголька.

Хагрид тоже молчал. Переглянувшись с Диофаном, пожал плечами и отвернулся к стене с развешанными на ней косами, арбалетами, капканами, сетями, фонарями и прочими незаменимыми в хозяйстве предметами. Когда молчание затянулось настолько, что гриффиндорцев начал пробивать нервный смех, Гарри вздохнул и покорно вывернул карманы.

— Это всё.

Изучив представленный скудный ассортимент, Диофан брезгливо хмыкнул и сделал очередную затяжку. Рон и Гермиона переглянулись и обречённо последовали примеру Гарри. В карманах Рона помимо дешурной фальшивой волшебной палочки обнаружили только коробочки от шоколадных лягушек — две пустых и одна полная, да какая-то записка. У Гермионы и вовсе ничего не было кроме чистого носового платка, при виде которого глаза Диофана полыхнули чистым золотом — возможно, правда, дело было в том, что как раз в этот миг в камине обрушилось, переломившись, полено. Одна из искорок попала Диофану на мохнатую ляжку. Он зачertyхался. В комнатке запахло палятиной.

— Ладно, будем считать, уговорили, — сатир аккуратно сгрёб все предложенные предметы в фартук — только платочек Гермионы, понюхав и блаженно зажмурившись (Гарри прищурился, однако промолчал, подчиняясь предостерегающему взгляду подруги), заложил за ухо. — Вас ведь интересует народ из тех, что испокон веков тут живёт, верно? Лет примерно с тысячу, я угадал? — он многозначительно подмигнул. — Иных уж нет, а те — далеко: так вот, помимо людей, кентавров и нимф, искони тут обитали только русалки...

Гермиона вытащила из сумки пергамент и самопишущее перо, аккуратно подвинув заварочный чайник, устроила всё это на столе. Гарри вздохнул.

— Я так и знал...

— Радуйся ещё, что не циклопы, — процедил сквозь зубы Рон.

— Тихо вы! — цыкнула Гермиона. — Слушайте внимательно!

* * *

С первого взгляда Люциус понял: хозяин в неважном расположении духа, а потому говорить стоило как можно меньше, а голову держать как можно ниже — тогда оставался шанс уползти целым и невредимым. Он напряг своё животное чутьё, дабы суметь угадать нужные слова и мысленно помолился владыкам небес. И преисподней — на всякий случай.

— Как только Снейп приготовит зелье, твой сын примет его, — сразу заявил Вольдемоорт.

— Слушаюсь, — кивнул Люциус, прикидывая, о каком зелье может идти речь, однако посчитав за лучшее лишних вопросов не задавать: ежели хозяин посчитает возможным, он сам скажет.

— Тебя даже не интересует, чем я собираюсь попотчевать твоего дражайшего отпрыска? — выдержав паузу в ожидании вопроса, но так его и не дождавшись, спросил Тёмный Лорд.

— Наши жизни в ваших руках, господин. Вы и только вы распоряжаетесь ими, — вывернулся Малфой.

...Опять не угодил.

— Ты прав, — как ни странно, ответ явно повысил настроению хмурому властелину тьмы. — Это особое зелье, которое напрямую свяжет наши разумы и воли — мою и твоего сына. И он станет посланцем, несущим мою волю.

— Это великая честь для рода Малфоев, — Люциус подмёл серебристыми волосами каменные плиты, задумчиво уставился на ту, что находилась у него под ногами: какая-то особо неопрятная казнь, при которой внутренности разбухали, змеями вываливались изо рта и разрывали приговоренного на части.

...Значит, нечто типа Порабощающего Зелья. Интересно, а чем тебе не угодили двойники? Почему ты сам не можешь сделать то, что хочешь возложить на моего сына?.. И что именно ты хочешь...

— Можешь разогнуться, — милостиво разрешил Вольдемогт. — Подойди сюда.

Повинуясь жесту неприятной руки цвета сырого теста, Малфой проследовал к столу, на котором с археологической тщательностью были разложены рукописи и книги, одну из которых он немедленно узнал: легендарный Delomelison, автором девяти гравюр в которой считался сам Люцифер. От прикосновения к чему-то настолько сакральному у Люциуса по спине пробежали мурашки, он сам не заметил, как дрогнули руки, мечтающие прикоснуться, как прищурились глаза, жаждущие прочесть.

Книга захлопнулась со звуком выстрела. Стоящий рядом Вольдемогт насмешливо ухмылялся, довольный произведённым эффектом.

— Ты совершенно прав. Один из, как гласят слухи, двух сохранившихся экземпляров Книги о девяти вратах в Царство Теней и силах, что способны провести туда.

Глава двадцать четвёртая, в которой звучат Смертельные Проклятья, Плакса Миртл находит своё счастье, а Гриффиндор выигрывает самый короткий в истории школы квиддичный матч.

Снейп карабкался по дыбистому укусу. Песок предательски вытекал из-под сведённых судорогой пальцев, выскальзывал из-под ног аккуратно в тот момент, когда ему казалось, что можно делать следующий шаг; песок забился под ногти, песок скрипел на зубах, песок жёг глаза — будто не хватало безжалостного солнца — и, тем не менее, Снейп всё же ухитрился добраться до самого верха и встать на ноги, чтобы ещё раз встретиться с текучей прозрачностью её глаз.

Хвала господу, она не ушла... — если человек может испытывать счастье в аду, то Снейп испытал именно его.

В глазах стоящей на песчаном гребне Лили Поттер... нет — Лили Эванс — таилась прежняя бесконечная скорбь, и мастер зелий понял, что, если продолжит смотреть в них, то так и не заставит себя открыть рот. А он должен был открыть его — чтобы сказать ей, сказать... Пусть даже это будут последние слова в его жизни.

— Северус Снейп... — начала меж тем Лили всё тем же полным механической печали голосом. — Зачем...

Сейчас...

Он опустил взгляд к тонкой линии её изогнутых книзу губ.

— Я... я...

Воцарилась тишина — она умолкла. Наверное, сей-

...и плате...

— Твоему сыну суждено своей рукой распахнуть ворота в новый мир, возглавить моё войско...

— Это великая честь, господин, — Люциус снова склонился в поклоне, однако быстрые серебристые глаза в этот момент не взирали в пол, а торопливо скользили по рукописям и корешкам книг, сиюсь угадать, что замыслил Вольдемогт, что он желает выяснить. Увы — большинство книг были написаны либо на древних языках, либо с использованием какого-то хитрого шифра — с наскоку Люциус ничего не разобрал, и оптимизма по поводу будущего Драко это ему не прибавило.

Вольдемогт молчал.

— Мне поступило донесение, — осторожно начал Люциус. — По поводу Поттера. Похоже, очередная часть заклинания находилась у кентавров.

— Вот, значит, как... Значит, наследники Гриффиндора доверили свою часть именно этим существам...

Люциус насторожился: похоже, Вольдемогту было ведомо куда больше, чем он думал.

— Гриффиндора?

— Да, думаю, именно они... — Вольдемогт нежно, словно лучшего друга, похлопал ладонью по одной из книг в мягком кожаном переплёте. — Тут собраны разные перемешанные с былью и историческими фактами легенды — жаль только, что отделить зёрна от плевел можно только постфактум. Огненные Хранители, Ледяные Хранители...

— Хранители?

— Именно, друг мой Люциус... Хранители, не имеющие тел, с которыми не могу бороться даже я, против которых даже моя сила бесполезна, ибо защищены они древним заклинанием... А Поттер сумел преодолеть их... Сейчас самое главное — чтобы он не остановился, чтобы шёл вперёд... И чтобы твой сын всегда был рядом, дабы не пропустить момент и принять из рук Поттера...

...и, значит, передать это тебе?.. А почему, собственно, именно тебе?..

Звериное чутьё никогда не обманывало Люциуса. Покинув кабинет Вольдемогта, он неторопливо зашагал в сторону своих покоев. Однако, убедившись в отсутствии лишних глаз и ушей, опрометью кинулся вниз. В сторону алхимической лаборатории.

час она смотрела вопрошающе... ожидающе... или даже удивлённо: он не знал, он не отрывал взгляда от её печального рта.

Ветер пересыпал песок с бесконечных, уходящих за горизонт барханов за её спиной, ветер с вальяжностью ленивого любовника танцевал с её волосами, но Снейп не видел этого — только скорбную ниточку губ.

— Я... я любил тебя... — беспомощно пролепетал он.

И вдруг...

Ветер ударил ему в лицо, но на этот раз он не нёс иссушающего жара — напоённый морской свежестью, он заставил профессора охнуть, вздрогнуть, вскинуть голову и — взглянуть на неё. Сначала мастер Зелий решил, будто ему показалось, и, разбуянившись, ветер решил теперь заморочить его до смерти. Но нет. Сколько он ни моргал, сколько ни тёр рукой слезящиеся глаза — ничего не менялось.

Лили Эванс действительно улыбалась.

Тихо и... Прощающе?

Рыжеволосая девушка медленно отвела с лица спутанные волосы, чуть склонила голову.

Улыбка стала чётче.

Снейп пошатнулся. Глазам внезапно стало горячо.

— Лили... — он был счастлив впервые в жизни произнести вслух её имя. Даже не произнести — жадно выдохнуть. Наверное, столь же жадно хватается губами

сладкий воздух вырвавшийся из-под волны утопающий. — Лили, я любил тебя... Лили... — имя звенело колокольчиком, изгоняя боль из тела и души, и он твердил его снова и снова: — Лили, Лили, Лили...

Его дрожащие пальцы потянулись к ней — Снейп сам не знал, зачем он это делает: он не ждал прикосновения, он просто не имел на него права — и по мере приближения его пальцев к её руке облик зеленоглазой девушки с рыжими, как вечерняя медь, волосами, начал бледнеть, растворяясь в жарком мареве.

— Ли...ли...

Горечь и счастье взорвали грудь — давно забытый, что можно ощущать что-то кроме тупой боли в истерзанной душе, Северус Снейп едва не задохнулся; зажмурившись, он рухнул на колени, к своему собственному удивлению не ощутив ни раскалённого песка под ладонями, ни жгущего плечи и затылок солнца над головой, не слыша более унылого завывания ветра.

Тишина.

Прохлада.

Он осторожно открыл глаза. Поднял голову.

Он сидел на полу у стола в залитой ярким светом лаборатории; руки сами собой, аккуратно, дабы не порезаться, собирали осколки только что разбитого флакона.

Остолбеневший от произошедшего, Снейп посчитал за лучшее не совершать резких движений — сначала нужно было понять, где он, как сюда попал и что, чёрт побери, тут делает.

Ответ на все вопросы он получил, едва встал и бережно ссыпал осколки на стол. Картина была предельно ясна: кипящий на огне котёл, ступки, пестики, флаконы, фляги — предельно аккуратно подписанные его готическим почерком. Хватило одного взгляда на рабочий журнал, чтобы глаза зельевара расширились от ужаса.

...Рабское Зелье?.. Я сам его изобрёл?.. — пергамент был весь исцёркан: заменялись компоненты, их количество и объём, последовательность приготовления... И вот — окончательный результат. — *Идеальное... Идеальное зелье...*

Он испытал нечто вроде благоговения перед собственным чудовищным созданием, тут же сменившееся всплеском горечи. Горечи, но не отчаяния.

Рука потянулась к торчащему в чернильнице вороньему перу.

Профессор зачем-то запрокинул голову, зажмурил глаза, улыбнулся — будто подставил лицо лучам ласкового весеннего солнца — совсем как в тот день, когда, много-много лет назад, хогвартским выпускником увидел её на берегу озера.

...Голубой купол с вплетенными в него тончайшими белыми нитями упирался вдалеке в охряную полосу. По смолистой сосне бежали муравьи. Искрылось озеро. Её лицо вновь выплыло из мысленной тьмы. Она улыбалась, запрокинув голову, и продолжала улыбаться, обернувшись к нему...

Профессор Снейп поднёс перо к пергаменту и аккуратно изменил несколько цифр. Подумал, внёс ещё пару исправлений. Теперь на воссоздание правильного состава, не говоря о приготовлении, уйдёт не один год. В лучшем случае.

Он огляделся на предмет подходящего оружия. Нож для нарезки корневищ сгодится — тут, скорее всего, стоят детекторы волшебства, а потому нужен самый простой и действенный способ... Он любовно улыбнулся, будто увидел старинного приятеля, встреча с которым сулила крайне приятное времяпровождение. Пальцы пробежали вдоль резной рукояти — *кость саблезубого тигра...* — нежно коснулись остро отточенного лезвия.

С лёгким вздохом профессор отложил нож на край стола и развернулся к котлам.

...Сначала нужно всё закончить тут...

Он перелил готовое зелье в чашу, дочиста отмыл котёл, аккуратно запрятав его среди сотоварищей разного размера, замер, прикидывая, в какой последовательности лучше всё выполнять, как...

Дверь за спиной скрипнула, и Снейп окаменел. *Не успел?..*

Он медленно развернулся, стараясь придать лицу как можно более безразличное выражение, хотя прекрасно понимал, что при пронизательности Вольдеморта вряд ли выгадает этим даже лишнюю секунду жизни, но всё же...

К его ваящему потрясению, в дверях замер никто иной, как Люциус Малfoy собственной персоной. Притом — крайне взволнованный. Несколько загадочных пассов волшебной палочкой — и предводитель Пожирателей Смерти ступил внутрь.

— Приветствую тебя, друг мой Северус, давно не виделись, — извечная гладкость слов сегодня контрастировала с тревожно бегающими глазами и нетипичной даже для Малфоя бледностью. — Если позволишь, я без лишних экивоков — сразу к делу, ибо имеется у меня предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Не меняя выражения лица, Снейп качнулся вбок, загрохавшая собой лабораторный стол. Он по достоинству оценил взвинченность Люциуса: тот даже не заметил, как зельевар за спиной осторожно нащупал корбочку с порошком болиголова и быстро кинул щепот в готовое зелье. Раздалось едва слышное шипение.

Теперь медленный кивок в качестве согласия — Снейп сейчас не был уверен, что голос не подведёт. К тому же, судя по сухости и онемению во рту, ему едва ли приходилось разговаривать несколько последних дней.

Или недель?

— Меняю твою свободу на это, — Малfoy по-хозяйски мотнул головой в сторону записей и котлов. — Полагаю, ты согласен, — фраза не прозвучала вопросом.

Ещё один сдержанный кивок. Глаза в пол, дабы не дать понять, что он едва не подавился собственным сердцем, невесть каким образом оказавшемся в горле.

— Вот и отлично. Тогда пошли.

Люциус быстро перелил зелье в чистый флакон, который, словно величайшую драгоценность, спрятал в складках мантии. Туда же последовал пергамент.

Снейп не шевелился, по-прежнему глядя в пол. Пальцы стиснули волшебную палочку; только через какое-то время он осознал, что не чувствует руки уже до самого плеча.

Что я должен делать?

На всякий случай он быстро поставил мыслезавесу — запустил шумы и помехи: нудное перечисление компонентов Сонного и Болеутоляющего зелья, методика приготовления Колдовского Порошка — что угодно. Он не знал наверняка, умеет ли читать мысли Люциус, однако время для проверки этих его способностей было самое неподходящее.

Перед выходом из лаборатории Малfoy с видимым удовольствием взмахнул палочкой, и Снейпу стоило большого труда не пригнуться от полетевших в разные стороны осколков. Один из них оцарапал скулу, тут же вспыхнувшую горячей болью.

— А теперь быстрее! — скомандовал Малfoy.

Несколько пассов палочкой — и вот они уже мчались по коридору. Лестница, другая — все, как на подбор, узкие, тёмные. Под ногами похрустывали то ли щепки, то ли кости, то ли каменная крошка. Снейп старался бежать размеренно, контролируя каждый свой шаг, каждый жест — он не должен дать понять Люциусу, что в нём что-то изменилось. Впрочем, похоже, Малфоя это совершенно не заботило.

Наконец, они подлетели к полукруглой дверце.

— Там выход на крышу, — чуть задыхаясь от пробежки, сообщил Малfoy, однако по свежему дуновению сквозняка Снейп и сам об этом догадался. — Аппарирую.

...Ловушка, — Снейп знал это наверняка, однако выбора не оставалось: он сжал палочку в рукаве мантии и потянул дверь на себя.

— Антиаппарционной защиты нет — её видно на магических картах, — чуть насмешливо сообщил ему

в спину Малфой. — На поверхности никакой магии, так что аппарируй отсюда. Аппарируй.

...если сможешь, конечно, — добавил он мысленно, отпрыгивая подальше от двери, едва Снейп сшиб хлипкий замок и шагнул навстречу зимней ночи.

Профессор Зельдедия в первый момент даже не понял, сколько их кинулось к нему, сколько разноцветных заклинаний полетело в его сторону — благодаря неплохо сохранившимся рефлексам и отчаянной жажде жизни, сменившей решимость умереть, он успел парировать одно и блокировать два других, развернув их в сторону охраны, однако всё равно ему оставалось жить считанные секунды.

Она улыбнулась...

Профессор развернулся к нападающим. Он знал, что делать.

— *Avada Kedavra!*

Смертельное проклятье вспыхнуло в ночи — будто Лили Эванс распахнула глаза, чтобы взглянуть на него ещё раз.

* * *

Профессор Гатто, скорее, умер бы ещё один раз, откусив себе язык, нежели признался в своей связи с... тс-с-с... Плаксой Миртл. Сначала — ну, сами понимаете: Рождественский Бал привидений, жуткое во всех отношениях веселье, то, сё... — словом, любвеобильный призрак, к стыду своему, так и не понял, когда и при каких обстоятельствах он очутился в неработающем женском туалете. Однако результат превзошёл все его ожидания: нерастраченные запасы любви и нежности, бережно хранимые в душе невзрачного и не слишком умного гриффиндорского привидения, впечатлили его настолько, что он, будто невзначай, заглянул в столь не ассоциирующееся с романтикой заведение и на следующий вечер — исключительно дабы извиниться за то, что, открыв поутру глаза и обнаружив себя на крышке унитаза с подслеповато подмаргивающей Миртл на руках, отшвырнул её и с диким воплем вылетел сквозь стену. Заглянул-то, может, и на секундоочку, однако же опять остался на всю ночь. И на следующую... И на следующую.

Плакса Миртл ликовала, захлёбываясь от счастья, сам же профессор недоумевал: как он мог раньше не замечать эту самую прелестную малышку? Особенно, если закрыть глаза — хотя даже ко внешности он начал привыкать. Например, если не смотреть на нее больше десяти секунд подряд... но этим дело не кончилось: неделю спустя он и вовсе начал находить в ней даже хм... какое-то очарование. Что же тогда говорить о восторге, с каким она взирала на него, застенчиво мерцая с бачка для унитаза в своей кабинке... На радостях она даже дважды затопила этаж, однако, получив от возлюбленного нагоняй (а он, в свою очередь, схлопотал взбучку от Филча), поклялась никогда («НИКОГ-ДА!» — с придыханием произнесла она, преданно глядя ему в глаза), — этого больше не делать.

И всё же профессор Гатто не был бы собой, ежели б не оценил и далеко идущие перспективы: как-никак, Миртл стала первым гриффиндорским призраком, с которым удалось наладить столь... гм... тесный контакт. Упаси боже, в других столь же тесных контактах он отнюдь не нуждался, поскольку с помощью влюблённой, как кошка, Миртл он сумел-таки — *не таской, так лаской* — добраться до закрытого сообщества категорически не желающих сотрудничать гриффиндорцев. И тут же узнал массу новых, хотя и весьма разрозненных сведений: Миртл рассказывала к случаю, бестолково, периодически обрываясь на полуслове, дабы в очередной раз кинуться возлюбленному на шею. Уточнять подробности Гатто не желал: а вдруг как она подумает, будто нужна ему только в качестве информатора?

Нынешним холодным зимним вечером воссоединение любящих сердец прошло особенно нежно, ибо по сте-

чению обстоятельств они не виделись почти неделю: сначала Гатто был с утра до ночи занят у Филча — старика просквозило на холоде, и в первые выходные нового семестра отрабатывать взыскания всем проштрафившимся студентам пришлось под придирчивым оком главы хогвартских призраков. Потом случилась внеплановая отлучка по привиденческим делам в соседний замок — сотая годовщина смертенин, на которых достопочтенный сеньор Гатто как официальное лицо представлял Хогвартс; далее пришлось улаживать кое-какие деловые вопросы с внезапно вышедшим из повиновения хаффлаффским призраком (*ревнивец чёртов*), затем... Словом дел было много, все важные — и Гатто даже испытал нечто вроде сладкой радости, направляясь с песенкой на устах, по обыкновению, на свидание к своей самой нежной и покорной на свете Миртл.

Сначала он вполуха слушал её обычные жалобы на одиночество и тоску по своему возлюбленному, однако, едва услышав имя Гарри Поттера, насторожился.

— ...я так страдала, что даже не вышла с ним поздороваться, как обычно, — Миртл застенчиво накручивала на пальчик пышную растительность на груди возлюбленного, — и потом, я же понимаю: теперь, когда я вся твоя, мой Карло, мне уже не дозволено общаться с другими мужчинами.

Она кокетливо вздохнула. Воцарилась пауза, заполненная беззвучными поцелуями.

Из дальнейших обрывочных фраз, перемежаемых столь же бурными ласками, у профессора Гатто в сухом остатке получилось следующее: три неугомонных гриффиндорца продолжали свои активные действия в известном всем живым и мёртвым направлении. Более того, похоже, опасаясь за свою жизнь, Поттер решил подстраховаться — если, конечно, тоскующая Миртл всё расслышала и рассмотрела верно. С другой стороны, этого вполне следовало ожидать в соответствии с логикой: когда против жизни какого-то шестнадцатилетнего сопляка стоит такая вещь, как мировое господство, вряд ли этому сопляку стоит предаваться невинным подростковым радостям и спокойно спать по ночам, наслаждаясь безмятежными грёзами.

Как знать — быть может, профессор и пустил бы всё на самотёк — тем паче, что имелось масса куда более насущных дел, нежели очередное прищучивание надоедливых шестикурсников, против которых он, кроме своего вредного характера, ничего не имел, разве что...

Ах, мисс Грейнджер, мисс Грейнджер... — очи сеньора Гатто подёрнулись поволокой при воспоминании о воде, стекающей с гладкого бесстыжего тела. — *Знал бы мистер Поттер, на какие проказы вы горазды...*

...однако Миртл, здраво рассудив, что горошинка перчика — суть капелька ревности — только освежит их отношения, вздумала в присутствии горячего итальянца попеть дифирамбы таинственному юноше с зелёными глазами, полными тайны и печали.

Профессор Гатто к собственному удивлению почувствовал себя крайне уязвлённым.

...Мистер Поттер, мистер Поттер... Значит, вы уже и в мою личную загробную жизнь лезете... Что ж... чем бы вы там ни занимались, думаю, мистер Малфой крайне заинтересуется вашими туалетными изысканиями...

* * *

Профессор Гатто не ошибался: по многим причинам Драко бы действительно весьма заинтересовался таинственными манипуляциями Поттера. Ибо он, Драко, помимо выполнения задания, возложенного на него Тёмным Лордом, в результате коего вышеуказанный Поттер должен быть окончательно и бесповоротно истреблён и стёрт как с лица земли, так и из памяти людей и нелюдей, отчаянно нуждался в чём-то, чем можно было бы занять себя, поскольку мучительная пытка, на которую обрёк его отец, — пусть даже ради его же собственной безопасности — с каждым днём станови-

лась всё невыносимей.

Его бросало попеременно в жар и холод, весь мир сузился до мелькавшей то там, то здесь девушки с густыми каштановыми локонами, он едва ли что-то слышал на уроках, а во время трапез — как только она появлялась в Большом Зале — забывал про не донесённую до рта вилку; кусок не лез ему в горло и начинало подташнивать от волнения. Временами его доводило невыносимое по силе и абсурдности желание подойти к ней, сказать какие-нибудь слова — всё равно какие, лишь бы она взглянула на него, увидела его... Зачем? Он сам не знал, и это мучило ещё больше: привыкнув во всём искать логические звенья, ведущие к определённой цели, он сходил с ума от сладкого, мистического ужаса, ибо не понимал, что это и — главное — к чему. Вернее, «к чему» с прагматической точки, он догадывался, однако зачем, зачем это людям? Почему они считают счастьем бесконечный кошмар, не дающий продыху ни днём, ни ночью? Зачем его постоянно тянет к ней, почему вопреки всей логике он хочет её видеть, хочет говорить с ней, находится рядом?!

За первые две недели учёбы он так и не смог вплотную свою бредовую идею, ибо около неё вечно вертелись Поттер и Уизли; и при виде руки Поттера, лежащей на её плече, руки Поттера, обнимающей её за талию, руки Поттера, скользящей под партой по её колену, Малфоя становилось настолько дурно, что настоятельно хотелось кого-нибудь убить. Желательно — Поттера. К удивлению Малфоя, от самой мысли о причинении боли ей его начинало колотить, как в лихорадке.

Когда он видел её — это было сущей пыткой, однако же, если он её не видел — пытка становилась стократ хуже, особенно, если Поттер тоже исчезал из поля зрения⁸⁹, потому что воображение тут же красочно живописало монументальные панно, после которых Драко был близок к тому, чтобы разорвать ненавистного похотливого гриффиндорца голыми руками.

Мучительные дни сменялись ещё более мучительными ночами, когда он ворочался, сбивая под собой простыни и роняя на пол одеяло, и даже проверенное средство от бессонницы — чтение — не помогало, ибо Драко едва замечал, правильно ли он держит книгу или же вверх ногами.

Малфой сначала довольно долго не мог понять, что с ним. Ещё дольше не мог принять, однако пришла бессонная ночь, когда он, мрачно таращась в бархатный полог над своей кроватью и прислушиваясь к крикам то ли какой-то безутешной птицы, то ли ополоумевшего от зимней тоски Пивза, понял: он влюблён. Пусть только волею заколдовавшего его отца, однако же, искусственно вызванная, сама-то любовь была самой настоящей, наполненной тоской ожидания, пыткой вождения, счастьем едва заметного прикосновения («Куда прёшь, Грейнджер!»).

Забыв обо всех мерах предосторожности — настолько он был измучен болью в груди, Драко написал отцу. Ему было так плохо, что он позабыл о гордости. Всё, что он знал, — лучше ещё раз пережить ослепительную муку Инициации, лучше быть подозреваемым во всех смертных и бессмертных грехах всеми Дамблдором и Блэками (кои не спускали с него глаз), нежели постоянно терпеть исполненное надежды отчаяние, охватывавшее его, едва она появлялась в поле зрения.

Кажется, он когда-то ненавидел её?

Драко мрачно усмехнулся.

Ненавидел и всё равно не спускал глаз... Или — потому и ненавидел, что не мог оторвать глаз?..

Кажется, он когда-то хотел унижить её? Заставить её... заставить её...

...а теперь поцелуй меня, Грейнджер...

Воспоминание вечера в пустом отцовском кабинете

и фантазии о том, как всё могло бы сложиться, — в другом мире, другой жизни, другой вселенной⁹⁰... — кинули его в жар.

Значит, вот такая она — любовь? То самое чувство, которое, если верить всем этим слюнвявым проповедникам добра, и движет людьми? То, что, по словам выжившего из ума Дамблдора, и должно править миром? Да любая мука Тёмного Лорда стократ легче, чем то, на что эти безумцы готовы облечь себя по собственному желанию! Не-ет... Я... я должен освободить мир от этой болезни! Я обязан уничтожить зараженных ею безумцев, и должен исцелиться сам... Но я не могу исцелиться сам...

Отец!

Избавь меня от неё!

Немедленно!

— Мистер Малфой... — он похолодел от раздавшегося над ухом вкрадчивого голоса.

* * *

Гарри с Роном возвращались с Прорицаний — как всегда, высказывая свои нелюбимые по отношению к Трелани соображения по поводу услышанного. Теперь они начинали понимать Гермину — то, что раньше казалось им необременительным времяпровождением, теперь выглядело бездарно убитым временем. Прикидывая, что можно было успеть прочесть и чему научиться за время, когда они тарасились друг на друга и пытались предсказать будущее по расположению родинок, морщинок и прыщиков, они едва не взвыли в голос. Мало того — их будущее в очередной раз предстало в самых пугающих и мрачных тонах. Хуже всего пришлось Рону, у которого было непонятно, где веснушки, а где родинки, и Симусу, который по причине переходного возраста чистой кожей не отличался, — в результате обоих в ближайшее время ждало нечто совершенно невообразимое. Рона так и вовсе — опасность быть... съеденным, — Гарри поскрёб в затылке и решительно захлопнул учебник, сообщив вполголоса, что больше этой ерундой заниматься не намерен.

Трелани сделала вид, будто ничего не услышала, и всё же, провоя студента с урока, крайне занудно заметила:

— И если я ночью разбужу вас и спрошу, что значит светло-коричневая родинка на правом верхнем веке, вы должны будете ответить! В противном случае, экзамен вам не сдать!

— Пардон, а почему это Вы должны НОЧЬЮ меня разбудить?! — вполне закономерно фыркнул Дин Томас.

Трелани ошеломлённо захлопала глазами и удалилась, звеня своими многочисленными браслетами в очевидном смущении.

— Во-во, — гоготнул Симус. — Если, открыв глаза посреди ночи, я увижу ее стрекозину физиономию, я уже в жизни ничего и никогда не смогу сказать.

Гарри и Рон, вопреки обычному, всеобщего веселья не разделяли.

— Надо бы узнать у Макгонагалл — может, мы лучше будем брать у Сириуса дополнительные уроки по аврорским навыкам, а? — гриффиндорцы неторопливо ехали на меняющей направление лестнице: они потратили четверть часа, чтобы дождаться этого, ибо таким образом можно было избавиться от получасовой беготни по промозглым переходам.

— Почему нет, — с энтузиазмом кивнул Рон. — В конце концов, это такой же предмет, как и остальные, и уж куда более важный в нынешних условиях и нашем с тобой положении! Надо будет попросить, чтобы нам разрешили заниматься с ним вместо того, чтобы киснуть у Спинкарда... Думаю, Сириус тоже не откажется потренировать нас лишний час в неделю...

— А вот это вряд ли, — Блэк, по-мальчишески усевшись на подоконник, поджидал их на дальних под-

⁸⁹ А это, как вы понимаете, случалось довольно часто, с учётом того, что наши герои всё же учились на разных, причём крайне недружественных факультетах.

⁹⁰ Другом фанфике, Драко! Окстись!

ступак к гриффиндорской башне.

— Почему? Привет, Сириус...

— Потому что я уезжаю из Хогвартса, — Блэк пытался вести себя, как ни в чём не бывало, но по едва заметной суетливости, напряжённости — будь крёстный сейчас в собачьем облике, наверное, нервно постукивал бы хвостом по полу — Гарри понял: произошло нечто очень важное. — Уезжаю немедленно, — уточнил он, предвзяв их с Роном вопросы.

— Но как же мы... наша подготовка... и вообще...

— Могут сказать, ребята, вы изрядно поднаторели — я вами горжусь... *Что вовсе не значит, будто я стал меньше за вас опасаться*, — мысленно добавил он, глядя на Гарри. — Сами понимаете — сейчас снаружи, за этими стенами, непросто, и всякие служебные надобности вновь требуют моего присутствия. Тем паче, тут моя миссия на настоящий момент выполнена. Будем надеяться, мы расстаёмся ненадолго, — в голосе слышалась настолько очевидная неуверенность, что он звучал даже где-то виновато. — Как только я смогу, я сразу же...

— А что случилось?..

Со двора донёлся резкий свист, и Сириус с явным облегчением пожал юношам руки:

— Пора, мне пора... Рон, Гарри... — крёстный снова взял руку гриффиндорца в свои ладони. — Словом... Удачи тебе. И... В общем... Думаю — нет, не думаю, я уверен, Джеймс гордился бы таким сыном. И я тобой тоже горжусь. Спасибо тебе... За всё спасибо, — он резко развернулся — седые длинные волосы взлетели в воздух, когда он почти побегал по коридору. Рон и Гарри проводили его недоумевающими взглядами, потом машинально прислушались к затихающим и, наконец-то, затихшим под каменными сводами шагам.

— Думаешь, что-то серьёзное?..

Гарри пожал плечами. Ему хотелось надеяться, что нет.

Сириус покидал Хогвартс с тяжёлым сердцем: одного взгляда в глаза Гарри хватало, чтобы понять — не существует силы, способной остановить его. Но вот сколько продлятся поиски, и что подстерегает на пути к заветному заклинанию?..

Сириус покидал Хогвартс с лёгким сердцем: он смертельно устал от происков Флёр с её оскорблённой гордостью не просто женщины, но вейлы. Он устал постоянно быть начеку:

— Mon cher colleague, вы слышали про яд, используемый семейством Борджиа?

— Естественно.

— Конечно... Как вам нравится это печенье? Я добавила туда немного.

— Какое совпадение, — непринуждённая улыбка, хотя ему уже хотелось скрипеть зубами, — чай тоже отравлен.

И вот — всё наконец-то закончилось.

Блэк уезжал.

Замерев на подножке экипажа, он напоследок бросил взгляд на стену Запретного Леса, в глубине которой жила несомненно забывшая его Лиэ — ведь нимфам не свойственно хранить свои чувства к кому-либо, тем паче — к человеку...

...Кого ты хочешь обмануть, Блэк? — с укориной поинтересовался он у себя: наведя через десятые руки лесных обитателей справки о жителях Обители, он услышал то, что хотел и чего так боялся услышать: Лиэ ждёт его, ибо её частенько видят на том самом месте, где она нашла его, умирающего, прошлой весной.

Рука снова привычно потянулась к потайному карману — как и каждый раз, когда он думал о ней. Но сухих листьев, способных вернуть жизнь тому, кто уже заглянул за порог смерти, там больше там не было — они перекочевали в маленькую коробочку, хранящуюся в комнате Гермiony. Сириус знал: рано или поздно, они понадобятся. Увы — понадобятся.

Фестрал громко фыркнул, и Блэк очнулся. Хлопнула дверца, экипаж мерно тронулся. Зашуршал под по-

лозями снег, а Сириус, припав к припорошенному игольчатый инеем окну, с тоской смотрел на растворяющийся в зимних сумерках Лес, где прошли самые ужасные и прекрасные недели его жизни.

* * *

После его отъезда дни для Гарри и Рона побежали одинаковые, монотонные в своей встревоженной серости. Уроки, тренировки, о необходимости начала котрых Гарри, к его капитанскому стыду, напомнила команда, домашние задания, упражнения на полигоне, изыскания в области магической истории... Гермiony подбросила идею о том, что неплохо бы совместить приятное с полезным: буквально через неделю по результатам представленных Биннсу эссе триоца — единственные со всего курса — получила первые «Исключительно» в переводной табель и была освобождена от посещения лекций до конца года.

Конец января и первые деньки февраля порадовали не по-зимнему мягкой погодой: снег начинал проседать, и даже после снегопадов тут же таял, не успевая блеснуть своей голубизной. Однако, вопреки приближающейся весне, атмосфера в школе царила довольно мрачная, а потому все оказались потрясены до самых, по выражению Колина Криви, «печёнок», когда на завтрак утром четвертого февраля Дамблдор вдруг поднялся и, привлекая внимание, постучал волшебной палочкой по своему кубку:

— Многоуважаемые друзья! Мне бы хотелось сделать пару объявлений — надеюсь, приятного характера. Как вы все знаете, в ближайшие выходные состоится первый матч второго тура школьного квиддичного турнира — Гриффиндор сыграет с Хаффлпаффом.

За столом Гриффиндора загудели, взгляды однокурсников тут же обратились к Гарри и членам команды. Рон победно вскинул кулак в воздух, а сам Гарри едва не поперхнулся:

— Так скоро?!

— ...следующий матч — Равенкло против Хаффлпаффа ждёт нас через две недели, а между этими весьма важными школьными событиями мы отметим чудесный праздник... — Дамблдор сделал паузу и повторил: — Именно отметим. Тем паче, что, к нашему сожалению, до конца года походы в Хогсмид в связи с беспокойной обстановкой придётся отменить.

— Помнится, профессор Локхарт как-то уже пытался что-то отметить, — фыркнула Джинни, чуть-чуть краснея и искоса поглядывая на Гарри: такого стыда, как в момент, когда гном распевал во весь голос её оду прекрасному зеленоглазому рыцарю, она не испытывала никогда в жизни.

Однако не все разделяли её скептицизм — большую часть возликовавших составляли, разумеется, девушки. Тем временем, за преподавательским столом, покраснев, поднялась профессор Спраут.

— Госпиталь Святого Мунго дал мне заказ на выращивание наперстянки и красавки, — начала она своим негромким голосом и покраснела ещё больше, — помимо того, что это лекарственные растения, обладающие огромным магическим и немагическим потенциалом, они так же обладают и очень красивыми цветами. Думаю, можно было бы устроить праздник цветов — скажем, студенты могли бы преподнести букетики объекту своей симпатии... — под конец голос профессора Гербологии уже был едва слышен: даже ее подшефный Хаффлпафф едва ли пришёл в восторг от этой затеи. Что тогда говорить про другие факультеты.

— Ну, сердечки и амурчики — это ещё туда-сюда, но получить в подарок белладонну?! — презрительно вздёрнула губку Лавендер.

— Вы б еще предложили подарить баночки с касторкой! — донеслось из-за стола Равенкло, и по залу разнеслись смешки и свист.

— Вот-вот, — подхватила Джейн Бантинг, мысленно уже прикидывающая, можно ли привнести в идею

с букетами свежую нотку: скажем, скажем, сделать цветы плюючимися или же ветки — кусающимися. — Или рвотный корень...

— Отличная идея, — вскинул большой палец вверх Дин Томас. — Дабы никто не чувствовал себя обделенным, можно продумать все оттенки чувств — от, скажем, кактуса лофофора — «Дорогая, я пьян от тебя!» — он закатил глаза и припал к плечу сидящей рядом Парвати, — до... хм...

— Идиотизм, — подал из-за слизеринского стола голос Малфой.

— Точно! — метнув в него взгляд, Дин почувствовал новый приступ вдохновения: — Тебе, Малфой, — язвенник многолистный. Убей, не помню, лечит он что-нибудь или нет, однако название в самый раз!

— Чертополох!

— Лопух!

— Бодяк полевой!

Студентов понесло кто во что горазд, пока Дамблдор не положил конец галдежу, звонко хлопнув по столу рукой:

— Признаться, я в силу своего преклонного возраста сторонник чего-то более традиционного — думаю, наперстянка или же клещевина — растения, конечно, весьма полезные, однако они всё же больше подходят Святому Мунго, нежели Святому Валентину, — в глазах директора сверкнули искорки, — а вот розы, как мне кажется, будут вполне уместны. С утра каждый студент получит по розе и подарит её тому, кому пожелает.

— ...получит по розе и потом — по роже, — не изящно скаламбурил Симус.

По Большому Залу вновь пронёсся гул: девушки в своём большинстве выражали разные степени бурного одобрения, юноши же столь же выразительно демонстрировали отвращение.

— И по количеству полученных цветов можно будет определить самых популярных девушку и юношу школы, — практично подметила Лавендер, поправляя свои роскошные белокурые локоны. Она сделала до миллисекунды просчитанную паузу и испустила томный вздох, после чего к ней обратились плотоядные взоры близсидящих старшекурсников: похоже, по поводу самой популярной девушки школы двух мнений быть не могло.

— Глупость какая, — фыркнул Рон. — Цветочки дарить. Да ещё и получать. Не понимаю. Ну, там — шоколад или что-нибудь в этом роде — ещё туда-сюда. Это можно хотя бы съесть, но цветы?.. Тем более — устраивать праздники в нынешнее время...

— Братец, ты полный идиот, — сидящая напротив Джинни попыталась пнуть его по ноге, однако не дотянулась. — Тебе бы только жрать...

— Стана, — тем временем повернулся к сидящей рядом подруге Рон, — неужели тебе бы действительно понравилось, если б я подарил тебе цветы?

— Да, — кивнула она, немало озадачив Рона сочетанием застенчивого румянца и яростного взгляда.

— Надо же... Слышь, Гермиона, а ты...

— Хочешь узнать, понравилось бы мне получить от Гарри в подарок на День Святого Валентина розу или бы я предпочла ей какую-нибудь полезную книгу о магических заклинаниях древнеегипетских жрецов додинастического периода?

— Н-ну...

— Конечно ж, я бы предпочла цветы, идиот! — Гермиона показала Рону язык и, перелистнув страницу лежащего между тарелками учебника, вернулась к чтению.

— Женщины... До чего ж вы банальны... — Рон вздохнул и обменялся с Гарри многозначительными взглядами.

— Вы, мужчины, тоже не блещете оригинальностью, — с этим метким замечанием Лавендер тема была исчерпана, и все вернулись к завтраку.

Вернее, почти все, ибо Драко Малфой, и до того едва ли замечавший, что конкретно он накладывает себе в тарелку, теперь едва ли видел, куда тыкал вилок. Он тупо смотрел в сторону гриффиндорского стола, и почему-то отчётливо видел свою руку, протяги-

вающую цветок. И принимающие этот цветок пальцы, испачканные чернилами.

— Ой! Драко, ты мне руку уколел! — взвизгнула Пенси, придвинувшаяся вплотную к объекту своего обожания, едва речь зашла о Дне Всех Влюблённых.

— Извини, я думал, это мой кусок окорока... — Драко оторвал глаза от гриффиндорского стола и уткнулся в тарелку с яичницей и беконом. — Идиотизм. Бред. Только сумасшедший Дамблдор мог в такое время придумать нечто подобное...

— ...лишь наш сумасшедший Дамблдор мог придумать такое, — вторил ему, направляясь на вечернюю тренировку, Рон. Он повторял это раз десятый, однако с каждым разом голос звучал все менее убеждённо. — Война на носу — самое время цветочки друг другу дарить, вот ведь бред-то...

— Ты только при Стане не разоряйся во весь голос, — фыркнул Гарри, — а то...

— Нет, ты скажи, — донимал его Рон, — ты тоже считаешь это глупостью, верно?

— Да я не вижу в этом ничего плохого: ну, подарим мы друг другу с Гермионой цветы... ну, вы со Станой сделаете то же самое — а что до остальных... какая разница-то! Они и сами разберутся... Разве плохо — сделать подарок любимой девушке?.. — Рон покраснел и подумал, что Гарри в последнее время на редкость легко даются слова, которые ему приходится буквально выдирает из себя. — Так я не понял: тебя что конкретно не устраивает? — они наконец-то добрались до поля, Гарри оседлал метлу, а Рон вытащил коробочку со снитчем — Гарри попросил проассистировать ему в тренировке, ибо матч с Хаффлаффом был уже на носу, а за прочими заботами квиддич как-то слегка потерялся.

— Даже и не знаю, — Рон натянул поглубже на уши шапочку и следом за другом оттолкнулся от земли, — наверное, мысль о том, каким идиотом я буду выглядеть, бегая по Хогвартсу с розочкой.

— А ты подари её с утра пораньше, никто ж не просит тебя носить полдня по школе, правда? — крикнул Гарри. — Ну, выпускай!

Рон раскрыл коробочку, снитч выпорхнул, растворившись в сумерках и, выждав обговоренные пять секунд, друзья наперегонки кинулись следом.

* * *

Матч между Гриффиндором и Хаффлаффом по продолжительности оказался много короче той вечерней тренировки, ибо продлился от силы минуту: охотники, перепасовывая друг другу мяч, даже не успели добраться до ворот, как уже прозвучал финальный свисток: запущенный мадам Хуч снитч завис в каких-то дюймах от колена занявшего позицию ловца Гарри, и всё, что ему осталось, — протянуть за ним руку. Никто сначала даже не понял, что произошло: нарушения вроде бы не было, кваффл ещё ни раз не нырнул в кольцо...

— Сто пятьдесят — ноль, победа Гриффиндора! — оповестила мадам Хуч, приземляясь.

Команда возвращалась в раздевалку несколько даже разочарованная длительностью игры: всем хотелось попробовать себя в деле после зимних каникул, тем более — в последнем в этом году для Гриффиндора матче.

— С другой стороны: победа — это всегда победа, и от того, что матч продлился минуту, а не полдня, она менее ценной не становится, — в голосе Эндрю Кирка прозвучала такая отчаянная тоска, что Стана, не выдержав, подошла и похлопала ему по плечу: как ни крути, для него и для Джеффа Хупера это была последняя игра в составе команды: в этом году они оба заканчивали Хогвартс.

— Две победы и одно поражение, — калькулировал, стягивая через голову свитер, Денис Криви, — Равенкло однозначно надерёт Хаффлафф, значит, всё будет решаться в матче между Равенкло и Слизерином:

если змеюки проиграют, то кубок будет наш, а если выиграют, то будем подсчитывать очки и заниматься прочим геморроем...

— В любом случае — мы все сделали всё от нас зависящее: все молодцы, ребята. И девчонки, — повысив голос, крикнул Гарри, чтобы Стана в раздевалке девушка тоже могла его слышать. — Надо это отметить...

— Да уж, как ни крути — окончание сезона. Хотя, признаться, на моей памяти — впервые в феврале...

День Святого Валентина встретил запахом роз, смешанным с наполнившим замок свежестью выпавшего ночью снега. Едва все расселись на завтрак, как в Большой Зал ворвался Пивз и нарушил едва начавшую складываться романтическую атмосферу распеванием неприличных куплетов и разбрасыванием отвратительно пахнущих сердечек мерзкого розового цвета. На проветривание Зала магическим образом потребовались почти четверть часа и усилия самого Дамблдора и Макгонагалл, тогда как профессора Флитвик и Эберкомби занимались отловом и изгнанием из Зала вдохновившегося на проказы полтергейста.

Когда суета улеглась, каждый обнаружил у своей тарелки по цветку — юноши по красному, девушки — белому. Самое удивительно, что преподавательский стол не стал исключением, и первым пример подал именно Дамблдор: поднявшись, директор преподнёс розу профессору Макгонагалл, старомодно приложившись к ручке зардевшегося декана Гриффиндора.

— Вы позволите, Миневра?..

Поступок директора встретили смешками и аплодисментами, и уже через пару минут, осмелев, Дин Томас дурашливо припал к стопам Парвати, получив от неё в ответ розу, поцелуй и подзатыльник, вернее, дабы чётко соблюдать последовательность событий, — подзатыльник, розу и поцелуй. Далее глаза гриффиндорцев выжидательно обратились к Гарри и Гермионе — второй официальной паре факультета.

— Честное слово, — покраснев, всплеснула руками староста, — мы же не в цирке, верно? Что вы на нас так устави...

Договорить она не успела: совершенно спокойно, не моргнув глазом (хотя сидящий по другую сторону Рон заметил, что смуглые скулы приятеля слегка зарделись), Гарри притянул к себе подругу, молча забрал у неё белый цветок, вложил в пальцы красный и поцеловал в щёку.

— Концерт окончен, — сообщил он, придвигая к себе тарелку и окидывая взглядом стол на предмет позавтракать.

Гермиона, лишившись дара речи и способности двигаться, сидела рядом. Она испытала странную смесь взаимоисключающих чувств: в одной стороны, Гарри впервые на людях повёл себя по отношению к ней настолько демонстративно, он сейчас будто бы... *будто бы...* Её растерянный взгляд скользнул по стене — а именно, по гобелену, на котором Годрик Гриффиндор победно втыкал рогатину в огромного — чуть ли не с медведя размером — кабана. По лицу Основателя путешествовала одинокая моль, однако, если отрешиться от этой лишней детали, то и ассоциация с животным миром оказалась как никогда кстати: ей показалось, будто бы сейчас, перед всеми Гарри «пометил» её, и теперь она от него никуда и никуда... Гермиона сглотнула комок в горле, опустила глаза к зажатой его рукой в её ладони розе. Покраснела от удовольствия.

С другой стороны — сколько раз она представляла себе нечто подобное, но ни в одном из вариантов её грёз и фантазий это ни разу не происходило словно бы между прочим, — за завтраком, между яичницей и булкой с молоком.

Староста чуть нахмурилась.

Видимо, почувствовав смятение подруги, Гарри взял её тарелку, шлёпнул туда несколько ложек овсянки и, возвращая её Гермионе, везнул на ужо:

— Извини... Если тебе было неприятно... Я дурак.

— Нет-нет... — она выдавила улыбку и, не поднимая головы, неуклюже добавила: — Спасибо...

Повисла неловкая пауза, во время которой Гермиона старательно утаптывала ногами рвущееся наружу раздражение, а Гарри раздавал себе мысленные тумаки за идиотское поведение: наверное, надо было сделать это в более романтической ключке.

— Может, мы... — он поднёс к губам ложку с кашей и теперь говорил едва слышно. Искося взглянув на него, Гермиона увидела ставшие пунцовыми скулы. — После завтрака пойдём к тебе — ну... свитки посмотрим... и... вообще... Или поищем этот... как его... Запретный Архив?..

Она, тоже покраснев, как кумач, кивнула — не сразу, а хорошенько всё взвесив и рассудив, что сердиться глупо. Гарри никогда не был мастером романтических нюансов: в такого она влюбилась, такого любила, а потому глупо было бы ожидать от него чего-то, ему несвойственного. И ещё глупее — пытаться его переделать.

Гермиона едва заметно кивнула и, боясь что однокурсники заинтересуются их шушуканьем, сосредоточенно углубилась в завтрак. Впрочем, об этом можно было не волноваться: внимание окружающих уже переклucилось.

— Рон, а ты что притих? — Симус Финниган выразительно подёргал бровью. — Женщины любят смелых, так что...

— Отвянь. Хочешь выпендриться — вперёд, — беззлобно огрызнулся Рон, сверля взглядом дырку в сидящей через Невилла, Джинни и братьев Криви Стане. Почувствовав его взгляд, она едва заметно улыбнулась и, прикоснувшись кончиками пальцев к своему цветку, ответила выразительной улыбкой. Рон тут же порозовел от удовольствия и расслабился, с мужским превосходством рассматривая однокурсников.

Студенты, тем временем, смелели и всё активней проявляли свои симпатии: вот, семикурсник Шон Маккелар подавился копчёной сельдью, узрев протянутую ему руку Дафны Гринграсс, вот Майкл Корнер, поднявшись из-за стола Хаффлпаффа, галантно заложил свой цветок за ухо Джинни, тут же взвывая, когда она заткнула ему в ответ розу за ремень, — видимо, не очень аккуратно; а вот уже и Симус Финниган застенчиво перетапывался у чужого стола, вручая своё признание симпатичной охотнице Равенкло Мэрилин Вэнс... Через несколько минут Большой Зал наполнился шумом шагов, смехом, весёлыми и трогательными поздравлениями... К преподавательскому столу, за которым сегодня царил Флёр, выстроилась целая очередь. Ещё одна — поменьше — выстроилась к Лавендер, и тщеславная гриффиндорская красавица вела точный подсчёт очков в их негласном соревновании с «этой французской фифой». Пока, к её прискорбию, Флёр лидировала с отрывом в два букета.

Однако отнюдь не все радовались празднику: кто-то робел, кто-то демонстративно завтракал, не обращая внимания на суету вокруг, кто-то и вовсе брезгливо морщился... как, скажем, Драко Малфой, гадливо строя свой свой цветок со стола и с хрустом придавивший его ногой. Попытка Пенси Паркисон осчастливить кумира признанием в любви наткнулась на такое выражение лица, что она охнула, уколовшись до крови, и шарахнулась в объятия тупо взиравших друга на друга Крэба и Гойла.

— Не вздумайте только подарить их друг другу! — прошипел Драко. И тут же, увидев, что телохранители, как по команде, развернулись к нему, рявкнул, закашлявшись тыквенным соком: — И тем более — не мне, дебилы!

— И не мне! — злобно огрызнулась Пенси, всеми силами пытаясь удержать в глазах слёзы.

С мрачной физиономией она последовала примеру Драко и принялась завтракать — раскрошила в молчаливой злости булочку и превратила изюм из неё в тараканов.

Сказать, что у Драко было плохое настроение по-

сле того, что он лицезрел в семи футах от себя, — не сказать ничего. Поттер, по-хозяйски закидывающий на неё руку, целующий её прилюдно — с тем самым собственническим спокойствием и уверенностью, от которой пальцы Драко свело судорогой: *уничтожить... растоптать... превратить в навозного жука и раздавить... с размаху... чтобы брызги полетели...* — он опустил стакан на стол с такой силой, что тот расколотся.

К Невиллу подошла полноватая семикурсница, повергнув его в такой транс, что он, как замороженный, в ответ сунул ей свой цветок и со словами «и вас тоже с днём рождения» поклонился, даже не запомнив её имени и не взглянув на эмблему факультета.

Вдохновлённый тычком Гарри, поднялся и пошёл к Стане Рон, узрев рядом с её тарелкой уже две красных розы⁹¹. Стана, улыбаясь, поднялась навстречу, но тут же оторопела: ей показалось, что из ушей и ноздрей Уизли сейчас повалит пар, настолько он покраснел.

— Р-рон?..

— ЭТО... ЧТО... ТАКОЕ... — закипающим чайником просвистел он, указывая на оставленные на месте преступления улики.

— Это... цветы... — растерянно пробормотала Стана.

— Это мои цветы, — по-хозяйски подвинула их к себе Джинни, с готовностью прикрывая подругу грудью. — Братец, у тебя какие-то претензии?

— А с тобой я потом поговорю, — пытаюсь сохранить суровый вид, за которым читалось явственное облегчение, сообщил сестре Рон. — Куда только твой Майкл смотрит!

— На меня. И не устраивает дурацких сцен ревности по пустякам, — с нажимом заметила Джинни.

— Рон... — виновато протянула ему белую розу Стана, попутно кидая в Джинни исполненный всей благодарности мира взгляд. — С праздником и... вот...

— И тебя...

Он покраснел ещё пуще прежнего и под глумливое хихиканье младшей сестрицы, с которой он мысленно пообещал потом посчитаться, вручил свою розу Стане, в тот же миг услышав за спиной разочарованный вздох. Недоумевая, юноша оглянулся: в паре шагов от него, глядя в сторону, стояла... как её... *Точно! Дженнифер с первого курса*⁹²!

...ах, если б Рон знал, как долго она набиралась смелости, чтобы просто подойти, протянуть ему цветок, развернуться и уйти, не ожидая ничего взамен...

...ах, если б Рон знал, сколько клятв она дала себе, что сегодня, в этот день, скажет ему о своих чувствах, — просто чтобы облегчить душу и жить себе дальше, ибо прекрасно понимала: рассчитывать ей не на что...

...ах, если б Рон знал, как спешила она успеть к нему раньше, чем он подойдёт к своей Стане...

Если б Рон всё это знал, он бы, несомненно, посидел бы на месте ещё чуть-чуть — просто из уважения к чужим чувствам.

Но Рон ничего этого не знал, поэтому равнодушно отвернулся от напряжённо смотрящей в сторону девочки с косичками.

Я опоздала... Рон...

Она побрела к выходу, наступая на ноги и расталкивая суетящиеся счастливые парочки. Неожиданно она налетела на непреодолимое препятствие — судя по ботинкам — оно было некрупным представителем мужского пола и тогда, исполнившись какого-от отчаяния, второклассница резко подняла голову и, не глядя, сунула руку с цветком вперёд:

— Держи! Это тебе!

— Дже...нифер... — перед ней, заливаясь на глазах

румянцем до самых ушей, стоял Кевин. — А это... тебе... — он протянул ей цветок. — Т-ты... ты мне давно нравишься, — сказал он деревянным голосом. — Давай дружить.

— Давай, — тупо согласилась Дженнифер, подсознательно поражаясь абсурдности ситуации: они ведь с Кевином и так друзья, разве нет?..

...Или... нет?

Из-за спины Кевина улыбалась и строила страшные глаза подруге Трейси.

...Кевин?..

* * *

Тёмный Лорд рвал и метал, рвал и метал. Всё живое в пределах досягаемости было истреблено самым негуманным образом в первые полчаса после обнаружения побега Снейпа; стража, упустившая зельевара, словно разожравшиеся на хозяйских харчах ленивые собаки, провела последние минуты в напряжённом молчании, давая собственными кишками и захлёбываясь в собственной крови. Люциус Малfoy — синяк во всё лицо, прожжённая сзади мантия (слава Мерлину, хоть задница цела осталась!) и молитвы всем демонам преисподней о том, чтобы барский нюх не учуял, чья же кошка съела мясо, — склонив среброволосую главу, с содроганием внимал зловещему шипению господина, обещавшего, как только он изловит шпиона, лично оторвать ему все отростки, какие только у того растут из тела.

Надо сказать, для самого Люциуса побег Снейпа тоже оказался, мягко говоря, весьма непредвиденным событием: он совершенно не сомневался, что достойный зельевар в своём нынешнем слабовеянном состоянии, едва ступив на крышу, мгновенно падёт от рук стражи, а разнесённая лаборатория довершит картину окончательного помешательства и попытки побега (ибо только ненормальный рискнет бежать из рук Тёмного Лорда). Но ночной дозор Пожирателей обратился ночным позором, в результате чего облажавшийся начальник охраны замка (вдумайтесь!) Самого Властелина Тьмы был скормлен по частям, начиная с пальцев ног, упырям (живьём, разумеется), Пожиратели Смерти, оказавшиеся поблизости, были понижены в должности и лишились некоторых частей тела, сам же Люциус Малfoy отделался достаточно легко: что такое пара увесистых пинков и бег с препятствиями под аккомпанемент проклятий по сравнению, скажем, даже с таким, прости Мерлин, пустяком, как глаз, коего лишился Френсис Паркинсон, сразу превратившись в пародию на адмирала Нельсона? Своими глазами, равно как и прочими частями тела, Люциус Малfoy весьма дорожил, что, тем не менее, не смог удержать его язык, когда, Вольдеморт снова принялся метать и рвать, рвать и метать:

— Скажи мне, друг Люциус, — вкрадчиво вещал Тёмный Лорд, и этот тихий голос звучал страшнее, чем рёв развращающейся преисподней, — за каким Мерлином тогда все эти толпы идиотов, гордо именующих себя Пожирателями Смерти?.. Какого черта ты вообще тут делаешь, ежели даже не смог воспрепятствовать побегу Снейпа? — проклятье, запущенное специально таким образом, чтобы вернуться от него можно было только в легкоатлетическом тройном прыжке.

— Господин... — зная, что лучшая защита — это нападение, однако же пытаюсь точно рассчитать границу, до которой ему будет позволено дойти, дабы, помимо всего прочего, не навлечь подозрения на себя, Люциус Малfoy был, как никогда, близок к тому, чтобы пожертвовать какую-нибудь не самую важную часть тела ради торжества истины (главное — не выплыла бы правда). — Смею вас заверить, если б вы доверили его охрану вашему покорному слуге, ничего подобного бы никогда не произошло... — ещё один прыжок. — Кто бы мог подумать, что этот дамблдоровский выкормыш окажется настолько стойким, чтобы избавиться от ваших — ВАШИХ!!!! — чар! Да и охрана оказалась нерас-

⁹¹ Мораг МакДугал и Стивен Глоув даже не подозревали, как вовремя они ретировались: во всяком случае, вылитой на голову бутылкой сливочного пива, как когда-то в Хогсмиде, последний бы точно не отделался.

⁹² Рон, со второго! — прим. авт. — Да какая, к Мерлину, разница! — прим. Рона.

торопной, — сейчас в голосе Люциуса звучала искренняя досада: они настолько не ожидали появления кого-то на крыше, что пары секунд Снейпу хватило, чтобы удрать — причём с промежуточными приземлениями, так что посланный следом отряд до него не добрался.

— Сколькерых он положил? — Вольдеморт понимал обоснованность прозвучавшего в словах Люциуса намёка: не он ли сам недооценил противника, посчитав, что сумеет запереть его в капкане самоуничтожения и вины безо всякой магии. Не запер... Невнимательно выпустив в сторону Малфоя ещё пару проклятий и секунду полюбовавшись видом корчащегося на каменном полу приспешника, Вольдеморт уселся в стоящее на возвышении кресло. — Итак?.. Да что ж ты... Finite Incantatem!..

— Трое пали от Смертельного проклятья... — стирая с подбородка текущую из прокушенной губы кровь, сообщил Люциус.

— Нужно вернуть его — любой ценой, — Вольдеморт стиснул паучьи пальцы в бессильной ярости, и полыхнул глазами так, что Люциус был близок к тому, чтобы проститься с жизнью. — Он не сделал того, для чего предназначался...

— Однако — Колдовской порошок... — невинно хлопал глазами Малфой. *Главное — не переиграть...* — Теперь у нас его достаточно, чтобы обратить в руины всю Англию... Мой сын, как мне кажется, уже показал свои способности управлять зомби на расстоянии...

— Твой сын до сих пор не добрался до всех имеющих у Поттера частей заклинания... — Вольдеморт снова чуть нахмурился, и Малфой на всякий случай похолодел.

— Господин — только прикажите: он сделает зомби из Поттера, и тот сам выложит ему все имеющиеся у него сведения и выполнит всё, что он... вернее — вы прикажете, — с готовностью выпалил Малфой, и тут же прикусил язык.

— В этом нет никакого смысла... — ничего не объясняя, Вольдеморт нахмурил гладкий лоб. — Есть ещё один риск... За пользование магическими силами такого уровня человек обычно платит...

— ...дорогую цену? Господин, вы полагаете, что Поттер, догадавшись об этом, решил побережёт собственную шкуру и, имея на руках все части заклинания, сознательно тянет с его использованием?

— Все части? — прошипел Тёмный Лорд. — Хочешь сказать, этому сопляку удалось добраться даже до той, что, по твоим словам, хранится где-то у вас?..

Только хорошая реакция спасла Люциуса. Он увернулся и тут же пал хозяину в ноги, с содроганием прислушиваясь к треску догорающего на дальней стене гобелена.

— Господин, я не могу утверждать этого наверняка — равно, как и отрицать: я делаю всё от меня зависящее... — Малфой вцепился в сапог драконьей кожи в одной только надежде: Вольдеморт побоится использовать какое-нибудь очередное гадкое заклятье, чтобы не попасть под него самому. Отсутствие магических воздействий компенсировалось воздействием немагическим: с каждым последующим словом глава Пожирателей получал увесистый тычок.

— Идиот!..

— Да, господин!

— Тупица!..

— Так точно!

— Пустоголовый выродок!

— ...

Малфой скрипнул зубами и закрыл глаза: выслушивать такие слова и сносить оскорбления от человека с нечистой волшебной кровью, пусть он будет даже трижды властелином мира...

— ...и сын твой такой же безмозглый слизень!

— Именно так, господин, — в точности мой портрет! Если вы мне позволите... Мы можем заставить Поттера зашевелиться: как мне сообщил Драко, подозрения с него полностью сняты: Блэк убит из Хогвартса, теперь у нас снова развязаны руки.

— Так заставьте его зашевелиться! — впервые повысив голос, рявкнул Тёмный Лорд.

Спеша исполнить приказание, Люциус, проклиная всё на свете — с собственным хозяином во главе — заячьи петляя, кинулся к выходу, успев захлопнуть за собой дверь ровно за полсекунды до того, как в неё врезалось очередное проклятье.

Вольдеморт проводил его слепым от клокочущей в груди ярости взглядом. Мысли снова вернулись к Снейпу, и он шарахнул кулаком по ладони.

— Ненавижу!.. Когда я доберусь до тебя, ты сваришь у меня Рабское зелье на собственной крови!..

Снейп, в этот момент кутающийся в прожжённую рабочую мантию, чихнул и поёжился, неприязненно покосившись на сугробы и голые мрачные деревья вокруг.

...С другой стороны, если я отделаюсь просто насморком... — профессор зельеварения криво усмехнулся и замер. Ждать ему пришлось долго.

Глава двадцать пятая, в которой Дин Томас обзаводится пятачком, Драко обретает долгожданную свободу, а на магический мир надвигается беда.

Вошедшая в класс профессор Макгонагалл лучилась, будто и на неё оказала воздействие неторопливо подступающая к Хогвартсу весна.

...Впрочем, — подумала Гермиона, отвлекаясь от печальных мыслей (кои, кстати, она ни с кем не делилась) по поводу очередного письма из дома, в пользу более насущных дел, — *учитывая её анимагическую сущность, наверняка так оно и есть.*

Ещё она подумала, что, наверное, в кошачьем облике профессору должно быть довольно тоскливо, ибо вряд ли их отношения с миссис Норрис были дружескими.

С другой стороны — Косолапус...

Гермиона покраснела и мысленно дала себе по голове.

Декан замерла у кафедры. Обвела класс внимательным взглядом и торжественно сообщила чуть подрагивающим от волнения голосом:

— Итак, многоуважаемые господа, я счастлива сообщить, что ваша группа признана достаточно успевающей для перехода к изучению того, что называется настоящей трансфигурацией. Высшей Трансфигурацией, — она произнесла эти слова с придыханием.

— Будто бы раньше мы дурака валяли, — пробурчал, впрочем, весьма заинтересованно, Симус Финниган, превращая своё перышко в бабочку и — едва та взмахивала крыльями, собираясь взлететь, — обратно.

— С учётом того, что средний балл по классу оказался достаточно высок, — в голосе профессора отчётливо прозвучало «на удивление высок», и Невилл с Роном заёрзали, втягивая головы в плечи, Гермиона, напротив, горделиво повела плечами: трём её «Исключительно» на последних проверочных работах удалось компенсировать шумный во всех отношениях провал одноклассников, — мы переходим к постижению сложнейших магических превращений. Прежде чем мы начнём сегодняшнюю тему, наиважнейшую тему, которой у нас отводится почти весь весенний семестр, я попрошу вас ответить на один вопрос, имеющий непосредственное к ней отношение: что такое анимагия и кто такие анимаги?

В воздух взметнулся лес рук, глаза студентов вспыхнули, зазвучали потрясённые шепотки «неужели?!», «с ума сойти!», «а-абал-деть!!!». К огорчению Гермионы, она уступила пальму первенства по скорост-

ному поднятию руки Парвати, впрочем, профессор Макгонагалл, судя по всему, рассматривала данный вопрос в качестве риторического, потому что кивнула с улыбкой:

— Отлично. Я вижу, вы все имеете кое-какие представления в этой области. А кто-нибудь может мне сказать, чем отличается анимагическое превращение от магической трансформации?

На этот раз добровольцев не оказалось, в классе повисла заинтересованная тишина, в которой Гермиона неуверенно подняла руку.

— Мисс Грейнджер, прошу.

— Я так полагаю, анимагические способности являются врождёнными, а способность на время приобретать облик того или иного животного — качество приобретённое, достигаемое в процессе обучения, — не очень уверенно сообщила она.

— Не совсем так, однако вы мыслите в правильном направлении, — поощрительно кивнула декан Гриффиндора. — И тому, и другому вполне можно обучиться: анимагические способности присутствуют у всех волшебников, они просто развиты в разной степени — как, скажем, музыкальный слух или склонность к рисованию, а потому кто-то является анимагом от рождения, другому же это даётся потом и кровью, либо, увы, не даётся вовсе. Кроме того, анимагическая ипостась у каждого волшебника одна — скажем, кошка, собака или, например, олень, — Гарри вскинул глаза, однако профессор смотрела совершенно в другую сторону. — И те, кто лично видел анимагическое превращение, наверняка с лёгкостью скажут нам основное отличие его от любых других волшебных манипуляций. Мистер Поттер!

Гарри подскочил от неожиданности:

— Оно... — он вспомнил все превращения, которые видел: Сириус, Питер... — Оно производится без палочки.

— Отлично, мистер Поттер, три очка Гриффиндору. Совершенно верно: анимагическое превращение происходит исключительно за счёт собственных умений и волшебных сил мага, тогда как на магию при помощи палочки способен каждый из вас. Или почти каждый, — вырвалось у неё, едва она встретилась взглядом с Невиллом. Тот немедленно покраснел. Профессор, мысленно кляня себя за бестактность, — тоже. — Словом, для магической трансформации вы можете выбирать облик животного и то время, на который его обретёте. Для начала — демонстрация.

Профессор положила свою волшебную палочку, и... через миг, изучая присутствующих строгим взором, на кафедре статуйкой восседала кошка, рисунок на морде у которой до боли напоминал очки. Этот фокус все уже видели пару раз, тем не менее, по классу пронёсся восхищённый шепоток, даже Гарри не удалось удержаться от аханья: всё-таки одно дело, когда нечто подобное делает Сириус, известный своей безбашенностью, и совсем другое — когда перед тобой нервно подёргивает кончиком хвоста декан твоего факультета.

Не дав студентам досыта насладиться своим четвероногим обликом, профессор Трансфигурации снова верела человеческий вид и подняла волшебную палочку.

— А теперь попрошу внимания, ибо мы в ближайшем семестре будем заниматься именно тем, что я вам сейчас и продемонстрирую, превратившись на полторы минуты... *Transmutatio juvenca!*

Раздался тихий хлопок, как при аппарировании. В следующее мгновение глаза присутствующих полезли на лоб: рядом с кафедрой, меланхолично пожевывая губами, стояла симпатичная тёлочка с ярко выраженной кошачьей полосатостью.

— Эт-то ещё что?! — не выдержав, прыснул в кулак Рон.

Через миг к нему присоединился Дин Томас, следом — Симус Финниган. Хихикнула Парвати. И вот — смеялись почти все. Коровьи печальные глаза обвели заходевшихся студентов, хвост дёрнулся, гулко щёлкнув по деревянному боку кафедры и вызвав очередную

приступ истерического смеха. Даже Гермиона кривила губы, не в силах удержать улыбку; наконец, время истекло, и профессор Макгонагалл, заметно раздражённая и, судя по лёгкому румянцу на щеках, — немного смущённая, грозно уставилась на студентов. При виде сведённых в линию бровей все смешки и всхлипы в классе тут же умерли. Выдержав многозначительную паузу, дабы каждый прочувствовал всю глубину своей невоспитанности, она сухо сообщила:

— Пару слов о моём выборе объекта, который вызвал у вас столь нездоровую реакцию. Конечно же, настоящий маг, полностью овладевший данным разделом науки превращений, способен обрести любой облик, становясь существом как многократно превосходящим его по весу и размеру, так и наоборот.

— Типа — из мухи в слона, — прокомментировал вытирающий глаза Рон. — Или из блохи в корову.

— Именно, мистер Уизли, — кивнула никогда не жаловавшаяся на слух Макгонагалл. — Но для трансформации со значительным изменением массы вам пока не хватит ни сил, ни умений, а потому сегодня начнём с простого и остановимся на животных, близких по массе к человеку. Полагаю, — её глаза блеснули, когда она окинула Уизли оценивающим взглядом, — осёл будет как нельзя более подходящим для вас.

— Что-о?! — глаза Рона снова полезли на лоб, он покраснел, как кумач, даже показалось, будто кожа на его щеках вот-вот лопнет. — Мне стать ослом?!

Гермиона взглянула на приятеля страшными глазами. Губы её снова начали дёргаться. Сидящий рядом с ней Гарри тоже изо всех сил старался сохранить серьёзное лицо, но выходило у него плохо. Дин Томас так и вовсе лег на парту, и теперь его плечи беззвучно содрогались.

— Кабан, волк, олень, — профессор Макгонагалл по очереди указывала на юношей, и те благоразумно помалкивали, подозревая, что взамен можно заполучить кого-нибудь куда хуже — скажем, барана или, страшно подумать, козла.

— Только, пожалуйста, в поросычем обличье веди себя пристойно, — многозначительно шепнула Парвати.

— Не могу ручаться за себя, дорогая, — Дин блеснул в ответ недоброй улыбкой и наклонился к ней поближе, — особенно, если рядом будет очаровательная свинка... ах! — закончил он с чувствительным тычком под рёбра.

— Выбор животного для трансформации я оставляю на усмотрение девушек, однако хочу вас предупредить: стоит трезво оценить как свои физические, так и магические данные, в противном случае трудно будет ручаться за последствия. Настоятельно советую вам остановиться на домашних животных, — профессор пожевала губами и усмехнулась, видимо, что-то вспомнив. — А теперь перейдём к аналитической части.

По мановению волшебной палочки на столе перед каждым бухнулись, взметнув клубы пыли, растрёпанные справочники: пособия по пересчёту массы и энергии, толстые тома с трансфигурационными таблицами и всеобразные зоологические энциклопедии.

Тшину на кафедре нарушал теперь только скрип перьев, шуршание страниц, шепотки и редкие смешки. Тихо постукивал по доске мел, выводя под присмотром Макгонагалл основной алгоритм расчётов и траекторию движения волшебной палочки.

— Как думаешь, мне пойдут чёрно-белые полоски? — озабоченно поинтересовалась Лавендер. Потом, вспомнив, что сегодня её соседом по парте оказался Невилл, нахмурилась и перелистнула страницу, изучая изображение ламы. — Или... может, попробовать что-нибудь более экзотичное?

— Тогда валяй сразу в кенгуру, — шёпотом подсказал Рон, с отвращением просматривая животноводческий справочник. Он сейчас люто завидовал всем остальным, даже обречённому на превращение в кабана Дину: *все звери как звери, а я... — осёл!*

Лавендер посвертела его спину недобырым взглядом. — Возможно, тебе стоит попробовать что-нибудь

попроще? — услужливо предложил Невилл. — Скажем, собаку или козу? Сколько в тебе весу? Килограммов пятьдесят? Может, тогда овца окажется в самый раз?

Лавендер медленно перевела взгляд на соседа по парте. В глазах её вспыхнуло пламя. Если б Невилл имел представление об огнестрельном оружии, наверняка бы услышал лязг орудийного затвора. Так или иначе, ему хватило: Лонгботтом зажмурился и втянул голову в плечи...

Заслышав за спиной возню, Макгонагалл обернулась: — Мистер Лонгботтом, куда вы так торопитесь? Не спешите...

— ...как говорится, семь раз об стол, один раз об дверь, — оторвавшись от своего пергамента, подмигнул ему Дин Томас. — Тебе, кстати, идёт.

— ...и потом, вы должны целиком обратиться в оленя. Рога вам, несомненно, удались, однако...

— Н-но я н-не...

— Ещё одно слово или совет, и рога у тебя будут в избытке, — сухо предупредила продолжающая листать зоологическую энциклопедию Лавендер.

— Я понял. Просто помочь хотел.

— Я оценила. В противном случае, одними рогами ты бы не отделался. О! Какие чудные пятнышки! И цвет мой! — просияла она, узрев изображение снежного барса.

Заполнив свою таблицу, Гарри обернулся к хмурым Гермионе.

— Ну, ты в кого будешь превращаться? — с интересом спросил он, пытаясь заглянуть в её пергамент.

— Не знаю, — она инстинктивно дёрнулась, будто пытаясь прикрыть писанину и тут же, вздохнула: — Наверное, в козу, — едва заметно покраснела и опустила голову, пряча глаза. — Наверное, звучит просто ужасно, да? Но я и по весу подхожу, да и превращение в домашних животных, как написано в параграфе шестом, рекомендуется для начинающих... Осталось немного досчитать... — зашуршала перевёрнутая страница и, улыбнувшись, Гермиона вновь вернулась к таблицам.

Гарри посмотрел на неё долгим взглядом.

...Как много всего случилось, как сильно все они — все мы — изменились, — внезапно понял он. — Ещё совсем недавно Гермиона наверняка бы выбрала самое сложное животное и из кожи вон выскочила, чтобы продемонстрировать себе и окружающим собственные способности и умения...

Он перевёл взгляд на Рона: друг, перестав бухтеть, старательно обводил волшебной палочкой светящуюся перед ним в воздухе траекторию.

— Осёл... блин. Ну, осёл — так осёл... Тэк-с...

Гарри опустил взгляд к своей таблице.

Значит, волк...

— *Transmutatio lupus...*

— ...Да не убивайся же так, — неубедительно утешала подругу Парвати. — Это же не экзамен, верно? Наверное, ты с коэффициентом по массе просчиталась — видимо, снежный барс весит побольше, чем ты...

— Всяко побольше, — кивнул с трудом сдерживающий смех Дин Томас, идущий в благообразном отдалении от девушек. — И вообще, даже если не считать этот розовый цвет похабный, он же не совместим с жизнью, барс твой! Ног пять, на пятой — кисточка, хвоста нет... Зато вымя... — он снова прыснул и резко сбавил шаг, увидев, как напряглась спина идущей впереди Лавендер. — Я, конечно, понимаю, у тебя в человеческом обличье всё на месте, всё как положено, но почему у барса вдруг оказалось вымя?!

Когда Лавендер и Парвати развернулись к нему, он увидел их лица... глаза... ему показалось, будто груди изнутри коснулась маленькая когтистая лапка. Синхронно, как по команде, подруги вскинули палочки.

В следующее мгновение Дин в ужасе ошупывал красующийся вместо носа поросычий пятачок, а сквозь штаны у него торчал зазорный свиной хвостик — да какой: Дадли бы оценил...

* * *

...принимать каждый день по семь капель в полночь. И ждать указаний...

Драко успел перечитать последнюю строку отцовского послания трижды, прежде чем оно, вспыхнув, привычно рассыпалось бесцветным, тут же истаявшим в воздухе пеплом.

Он поднёс к глазам флакон, качнул туда-сюда: за стеклянной стенкой по-масляному медленно и лениво бултыхнулась тёмная жидкость. Он не знал, что это, да особо и не испытывал желания узнать: если отец велел что-то сделать, лишние вопросы вызовут только лишние проблемы, сейчас же Драко проблем и без того хватало с головой. Он почему-то подумал, что, решив отец отравить его, наверное, он бы тоже узнал об этом позже, уже в другой жизни... Он усмехнулся, хотя эта мысль не вызвала у него особого веселья. Огорчения, впрочем, тоже.

Мысли вновь вернулись к крохотному пакетику, спрятанному в кармане — нагрудном кармане с вышивкой в виде дракона — элемента Малфоевского герба. Содержимое сего пакетика, судя по всему, и должно стать ключом, отпирающим дверцу, за которой и затаились утраченные воспоминания... Содержимое которого избавит его...

Избавит...

Драко нервно зевнул. Он жутко вымотался сегодня — чёртова Макгонагалл заставила его трижды превращаться в сенбернара, пока на краткий миг у него не вышло нечто, отдалённо, но всё же напоминающее собаку, хотя Энтони Голдстин, староста Равенкло, и хихикал, обзывая его «псиглавцем» и думая, что он не слышит. Потом ещё Флитвик замучил теорией аппарирования... Посреди моря усталости сегодняшнего дня на краткий миг мелькнул островок удовлетворения: аппарирование — это первый шаг ко многим полезным вещам. Очень полезным. И вот, с теорией он разобрался и, похоже, завтра на практическом занятии не ударит в грязь лицом. Но всё это будет завтра, сегодня же...

Слово «грязь» вызвало у него ряд ассоциаций, итогом которых стали размышления о Грейнджер. Впрочем, о чём бы ни думал в последнее время Малfoy, всё всегда заканчивалось мыслями о ней. Невыносимыми мыслями, не дающими нормально есть, спать, учиться, существовать — не дающими жить. Драко никогда бы ни с кем не поделился, однако он уже опустился до того, что начал принимать зелье для сна без сновидений, ибо, даже если удавалось уснуть, гриффиндорская грязнокровка беспощадно и бесстыдно прокрадывалась в его сны, заставляя его...

...заставляя...

Он сглотнул.

...чувств-во-вать это... Это ужасное. Отвратительное.

Бессмысленное...

Рука дёрнулась к сердцу, будто пытаясь предотвратить привычный болезненный укол, потом — к карману, судорожно проверила пакетик. На месте. А значит — сейчас со всем этим будет покончено, сейчас он примет порошок, и всё закончится: вернётся память, вера в правильность того, что делаешь, осознание незыблемости постулатов, кои отец вкладывал в него с самого детства.

Боль уйдёт. Безумие оставит его. Вернётся покой.

Свобода.

Как ни странно, он не испытал ликования, хотя так долго ждал, так долго молил об избавлении; хотя до сих пор устал жить с ощущением, будто подсматривает из тёмного переулочка за чьим-то безумным, разудалым карнавалом, у него лично не вызывающим ничего, кроме боли, раздражения, разочарования, отчаяния.

Любовь — слащавое словцо, придуманное, чтобы не платить за такую физиологическую потребность, как секс.

Он печально усмехнулся. Заблуждался ли он тогда, был ли прав, — какая теперь разница... Так или иначе, меньше чем за пять минут всё будет кончено.

Стараясь сохранять достойную фамилии Малфоев несуетливость движений, Драко выставил оповещалки у поворота в коридоре, ведущего к его комнате, потом заперся на две антиалохоморы и лишь тогда нажал на секретный механизм, приводящий в движение алтарь.

Тот начал медленно выезжать — одна за другой зажигались свечи, заливая тёплым дрожащим светом его слизеринскую келью, и всё это время серебристо-волосый юноша, сложив на груди руки, сосредоточенно смотрел на пламя. Соскучившаяся змея приветственно высунула голову, в воздухе мелькнул раздвоенный язык, но, почуввав рассеянность и напряжение хозяина, она нырнула обратно в алтарный камень — пе.

Драко сунул влажную от волнения руку в карман. В который раз за последние несколько минут крепко сжал плотно свёрнутый пакетик. Вынул его и, помедлив едва уловимое мгновение, решительно раскрыл ладонь.

Всё просто. Я хочу освободиться. Я хочу освободиться... Хочу ли я освободиться?..

Кувшин с водой подплыл к нему, опустился на тумбочку у кровати, Драко высыпал порошок и взял стакан в руки. Взболтал, посмотрел на свет — тот слегка опалесцировал — глубоко вздохнул.

...Сейчас всё кончится, сейчас всё кончится, раз — и всё. Ни боли, ни смятения, ничего — всё сразу станет, как было. Хорошо и спокойно. Понятно. Правильно.

Внезапно он осознал, что, кажется, пытается себя в чём-то убедить. Эта мысль вызвала приступ гнева — и Драко осушил стакан залпом.

В первый миг ничего не произошло. И вдруг...

Будто в голове кто-то распахнул дверцу чулана, доверху забитого давно забытыми вещами, — и те обрадованной лавиной обрушились, погребли под собой. Разрезанная белозубыми улыбками чёрная тропическая ночь, свечи на разбитых надгробиях, разом потускневшие глаза взглянувшей в зеркальце девушки... И тут же — снова эти карие в рыжую искорку глаза, только захлёстываемые ужасом, когда она, перевалившись через перила, падала в чёрную бездну... Свечи, свечи, алтарь, бесконечные едва ли не еженощно отпавляемые ритуалы... Запах свежей свиной крови, порошки и зелья — проводники к тонкой грани, по ту сторону которой роились полчища жаждущих живой плоти мертвецов... Бег наперегонки с Поттером — во имя чего, куда?.. Конечно! Заклинание. Ветви плюща. Драка...

Отец...

«Ты — часть организации. И обязан выполнять любые приказы. Считай, это приказ.»

Конечно. Вот откуда эта боль в груди...

А образы всё сыпались и сыпались, и юноша, пошатнувшись, рухнул на колени перед алтарём, оперся на него двумя руками, не слыша стрёкота опалённых пламенем свечи волос, не чувствуя противного запаха: ему казалось, что глаза вот-вот лопнут от ярких вспышек, от мельтешенья знакомых и незнакомых лиц, что разорвётся голова, что он оглохнет, что утонет, что задохнётся... Его затошнило.

Шли минуты, и круговерть начала замедляться; и вот — последним всплеском воспоминаний на травяной подстилке выгнулось под ним смуглое тело.

Он ещё успел подумать: «ах, если б это была она — та, другая...» — снова мелькнули карие глаза... и все кончилось.

Свобода.

Драко Малфой отёр лицо. По-стариковски тяжело опершись на пе, с трудом встал на дрожащие, словно прокишший пудинг, колени, добрёл до висящего над рукой зеркала, откуда на него уставился бледный и взъерошенный, с налипшими на щеки и лоб белёсыми волосами подросток. Взгляд, ещё мгновение назад большой и затравленный, становился надменным. Критическим взгляд омокинув беспорядок в костюме —

разодранный в минуту внезапного удущья ворот рубашки, перекинувшийся за спину галстук — он плеснул на лицо ледяной воды, зачесал мокрыми руками назад волосы.

Потом, осмотрев себя с ног до головы, отряхнул колени.

Звякнули часы на прикроватной тумбочке: до полуночи оставалась четверть часа.

...Успею, — улыбка тронула узкие губы слизеринца. Жирно блеснула в свете свечей густая кровь. Под сводами в очередной раз зазвучали странные слова:

— Эсса банда и ди Кимбанда, эсса банда лье шаму... — не глядя, он протянул руку к пузырьку с маслянистой тёмной жидкостью.

...Сидящий в своём кресле Люциус Малфой нервно барабанил кончиками пальцев по подлокотнику и по минутно поглядывал на часы. Он бы никому и никогда не признался, что временами испытывает некоторые сомнения в состоятельности собственного сына, и тем не менее, когда ставки так высоки, нельзя поручиться даже за самого себя...

Наконец, пробило полночь, и в тот же миг он ощутил ЭТО: странное чувство пронзило его с головы до ног, кабинет вокруг на миг поплёк, смазался... мелькнули каменные стены... чёрный бархатный прикроватный полог с серебряными кистями... Свечи... И замерший перед алтарём в трансе юноша.

Получилось.

Ай да Северус, ай да сукин сын!

— Вот оно! — не сдержавшись, во весь голос взревел Малфой-старший.

Запрокинув голову, истерически захохотал, шарая кулаками по столу — раз, другой — не замечая, что в кровь сбивает костяшки пальцев. Домашние эльфы испуганно высунулись из своих убежищ, готовясь понести очередное незаслуженное наказание... или же просто — устранить последствия хозяйского буйства.

— ВОТ ОНО!!! — ревел Люциус, летя по коридору с такой скоростью, что бархатная мантия рвалась с плеч. — Вперёд же, сын! Приведи на вершину мира Малфоев! Вознеси на престол меня!

* * *

В гриффиндорской гостиной царил привычная воскресная атмосфера — студенты читали, занимались уроками, просто сладко бездельничали. Меньшая против обычной многолюдность объяснялась очень просто: во-первых, последние дни февраля наконец-то осястелили чудесной погодой — вовсе пригревало солнце, за окном по металлическому карнизу барабанила звонкая капель, и с дерева ей откликалась круглая, как шар, радостная весенняя синица. Сидеть в такой денёк заперти могли либо лентяи, либо ипохондрики, либо заучки. Во-вторых, шёл второй час игры между Равенкло и Хаффлаффом, от которого в какой-то мере зависела судьба уже закончивших сезон гриффиндорцев, и большая часть студентов надрывалась на трибунах.

Как ни странно для таких завязанных игроков и болельщиков, Гарри и Рон, не будучи ни ипохондриками, ни заучками, ни лентяями, торчали сейчас в общежитии: сидели в дальнем углу гостиной под раскидистым канделябром, отгородившись от мира горой книг и свитков. Гермियोны с ними, вопреки обычному, не было; более того, исчезнув после завтрака в неизвестном направлении, она не появилась до сих пор, и Гарри уже начинал чувствовать приливы беспокойства, здорово отвлекавшие его как от разговора с Роном, так и от фолиантов, в которые они сейчас вгрызались.

Только не надо думать, будто они учили уроки: громоздящиеся на переднем плане завалы учебников являлись чистой воды маскировкой — на самом же деле непосредственно перед Гарри сейчас лежал Расширенный Справочник по Гербологии, Рон же рылся в Сборнике Бесплезных и Курьёзных Заклинаний. А уж обсуждаемая тема и вовсе лежала в стороне и от Зельеварения, и от Трансфигурации, не говоря уж

о Прорицании, по которым, кстати, оба приятеля отраслили изрядные хвосты.

За соседним столом корпел над исследовательской работой по Гербологии Невилл, у камина вполголоса болтали две секикурсницы, кто-то из мелюзги играл в плюй-камни, и за исключением треска камина, смешков и воплей проигравших в гостинной было довольно тихо, а потому нашим героям приходилось тщательно контролировать свои голоса. Это, с учётом звонкости их баритонов, было не так-то просто: во всяком случае, Лонгботтом уже неоднократно косился в их сторону.

— Рон, да тише же, чёрт тебя бери, — в очередной раз прошипел Гарри, отбрасывая невинное выражение лица, едва Невилл отвёл взгляд.

— ...так я и говорю, — продолжил Рон драматическим шёпотом, — раз Дамблдор тогда закинул нас под воду, значит, существует какое-то заклинание, дающее возможность дышать и там.

— Ясное дело существует, но уж всяко оно не тут, — Гарри кивнул в сторону Курьёзных Заклинаний, раскрытых сейчас на главе «Музыкальные Ветрогонные Заклятья». — Дышат-то, насколько я знаю, вроде другим местом — или тенденции изменились?.. И потом, вас же погрузили в глубокий сон; в нашем случае вряд ли в летаргическом состоянии будет толк. К тому же, помнится, ваше пребывание под водой строго ограничивалось по времени: пара часов от силы. Нет, наверное, всё же больше, немного больше, — продолжил он после некоторого раздумья.

— А может, попробуем трансфигурироваться во что-нибудь водоплавающее — типа тюленя или моржа? Крум же, говоришь, отстранил себе акулю башку... — неуверенно предположил Рон и мгновенно взвился, услышав тихий смешок: — Чего опять?!

— Ничего. Просто опять вспомнил, какой из тебя вышел осёл. И потом, — уже серьёзно продолжил Гарри, — Крум был выпускником Дурмштранга. Лучшим выпускником.

— Дался вам мой осёл! Ты бы себя видел, — надулся Рон. — Если это волк, то я... я...

— ...осёл.

— Ладно, ты прав, — с явной неохотой прозвучало после паузы, — сейчас мы этого не умеем, но через пару месяцев...

— ...через пару месяцев Вольдеморт может оставить от мира мокрое место, нам надо отправляться к русалкам поскорее, — перебил Гарри снова чуть громче, чем ему бы стоило, и Невилл опять напрягся. — И потом: а если последняя часть заклинания хранится не у русалок? Если мы рассчитали неправильно? Кто знает, куда ещё придётся отправиться... Нужно думать о времени.

— Тогда почему б нам сразу не припереться к друзьям-циклопам? И... какая там ещё гадость водится в этом лесу?

— Сирены, например.

— О! Это мне нравится гораздо больше. А то как по дамам, так ты всё норовишь один, а если со мной — то только ко всяким чудовищам вроде бр! — пауков... Или вон — к русалкам...

— Русалки — тоже, в некотором смысле, дамы, — многозначительно приподнял брови Гарри.

— Угу. Но — КАК?!

Следующую минуту из-за книжных завалов раздавалось хрюканье и сдавленные смешки, и Невилл снова тревожно завозился.

— ...потому что я не знаю, где искать этих чёртовых циклопов и сирен, Хагрид, даже если знает, наверняка не скажет, а русалки у нас под самым боком.

— Под боком-то под боком... Только ведь прохладненько для глубоководных прогулок, не находишь?

— Если добудем жаброводоросли — в самый раз. Холодно только в первую минуту.

— Ага, а потом остываешь и уже ничего не чувствуешь, а я ещё так молод... — Рон, которому akurat сегодня стукнуло семнадцать лет, с сомнением наморщил длинный нос, потом, взглянув на упрямое лицо

Гарри, вздохнул: — Значит, думаешь, за час мы всяко не устроимся...

В этот момент отодвинулся входной портрет, и вошли раздумывавшиеся с мороза Дин Томас и Парвати. На вопрос Гарри, не видели ли они где Гермионы, шестикурсники пожали плечами и, снимая на ходу перчатки, заторопились вверх. Было в их лицах что-то такое, что Гарри тут же напрягся:

— Эй, вы ж с матча, верно?

— Погода просто сказочная, охота вам в такой день зубрить... — Дин смотрел в сторону.

— Только не говорите, будто... — Рон приподнялся и снова плюхнулся на сиденье.

— Угу, продули.

— ...и мерлинову маму тоже, — заковыристо выругался Рон. У Лонгботтома покраснели уши. — Значит, все решится в игре между Слизерином и Равенкло. Нас выручит только разгром этих гадов... А это практически...

— ...и теоретически тоже... Ч-чёрт! — Гарри шарахнул кулаком по столу, и Рон втянул голову в плечи: он прекрасно помнил миг, когда Гриффиндор упустил — как знать — победу в чемпионате школы. Когда его собственные руки прислушивались не к хозяину, а к тонкому голосочку в голове, нашёптывающему всякие... гадости...

Снова зашуршал портрет — в гостиную начали возвращаться гриффиндорцы, и Рон с Гарри сползли на стульях пониже — чтобы никто не вздумал делиться подробностями, подсыпая соли в открытую рану.

— Ладно, не грузись, — с усилием выдавил Гарри и снова вернулся к книге. — Интересно, — проворчал он себе под нос, едва ли осознавая, что говорит вслух, — куда ж девалась Гермиона... — и снова тревожно заёрзал.

— Минуты без своей Гермионы провести не можешь, — с радостью уцепился за возможность сменить тему разговора Рон. Ему было стыдно. Очень стыдно. — Всё с ней в порядке, перестань дёргаться. Торчит, поди, в библиотеке. Будто ты её не знаешь. Помни моё слово, первой вещью в вашей спальне будет не супружеская кровать, а здоровенный книжный шкаф.

— Чего?! — Гарри покраснел, как свёкла, и Рон захихикал в кулак, довольный достигнутым эффектом: смена темы разговора была проведена неуклюже, зато цели своей он добился.

— Просто пошутил. Я временами вообще сомневаюсь, что в вашей спальне будет кровать, — добавил он, выдержав точную паузу, чтобы приятель слегка отпых. — Будете спать прямо на полке, рядом с её возлюбленными книжечками.

Гарри подскокил.

— Дурак, — с чувством сообщил он, снова яростно краснея.

— Очень приятно познакомиться. А меня зовут Уизли. Рон Уизли, — шутовски поклонился Рон. — Ладно тебе, кончай злиться — что я такого сказал. Будто ты никогда об этом не думал.

Рон был прав: Гарри думал. Он думал о Гермионе очень часто. Не в смысле — о женитьбе сразу после школы или же в ближайшие несколько лет, нет — ему ещё не было семнадцати, а подобные мысли юношам этого возраста едва ли свойственны. Но жизни без Гермионы он себе не представлял совершенно, а потому...

...когда-нибудь... наверное... Если доживу.

— Гермиона хотела узнать, нельзя ли заказать жаброводоросли по почте, но в единственном магазине, где ими торгуют, заломили несусветную цену да ещё сказали, что заказ будет доставлен в течение полутора месяцев — дескать, товар редкий, спросом не пользующийся, а потому его на складе не держат...

— Значит, опять полезем к Снейпу? Думаешь, у него есть жаброводоросли? — передёрнулся Рон. — Говорю... — тут же продолжил он высоким фальшивым голосом, ибо встретился взглядом с уставившимся на него в упор Невиллом, брови которого уже подбились к линии волос на лбу. — Снейпу до Эберкомби

ещё расти и расти: чтобы у меня зелья получались с первого раза... Да у него скорее жабры вырастут, чем... ну...

Он окончательно запутался и умолк, а Невилл робко кашлянул и перевёл ищущий взгляд на Гарри. Покрылся, дёрнулся было, чтобы встать, но потом, похоже, передумал и снова уткнулся в свою писанину.

— Рон, чтоб тебя!!! — шёпотом взвыл Гарри, пиная Рона под столом в лодыжку. — Держи свою иерихонскую трубу при себе — что ты как орёшь-то?!

— А что я, что я-то!

Следующие несколько минут тишина за их столом нарушалась лишь яростным шелестом страниц. Гарри, правда, делал это больше по инерции: перед заданием Трёмудрого Турнира он в ударном темпе перевернул всю возможную литературу, но так ничего и не обнаружил. Тогда он посчитал, что ему просто не хватило времени, но, похоже, дело действительно было в отсутствии необходимой информации.

— У меня ничего нету по дыхательным заклинаниям, — Рон бухнул том в сторону и пробежал пальцем по корешкам громоздящейся перед ним стопки книг. — О! «Первая волшебная помощь и способы её оказания». Может, тут вдруг завалялось что-нибудь подходящее... Я вот ещё что думаю, Гарри, — продолжил он, веером перелистывая страницы, — почему эти чёртovsky русалки считаются настолько опасными? Не гиппогрифы же — разумные существа...

— Вот именно поэтому-то...

— Чёрт, как бы к ним ещё добраться... «Восстановление дыхания после утопления». С картинками. У-у... какая недобрая книжечка...

— Гарри... — робко перебил их диалог Невилл, окончательно перестав делать вид, будто всецело поглощён выполнением домашнего задания. — Я тут... словом... — он глубоко вздохнул, будто собираясь с силами, и зачастил: — В конце ноября профессор Спраут предложила поэкспериментировать в области...

— Чего надо, Лонгботтом? — крайне невежливо перебил Рон. — Не видишь, мы заняты — у нас серьёзный разговор... То есть я имел в виду — уроки мы учим. И не Гербологию, к твоему сведению.

— Гарри... — не обращая внимания на его тираду, Невилл смотрел однокласснику в глаза. — Я просто подумал — а вдруг вам пригодится... Я сделал тут...

— Не-вилл, — брызгливо протянул Рон, — да я из твоих рук даже смертельный яд не приму: наверняка окажется слабительным или мочегонным...

— погоди, Рон, — резко перебил пошедшего вразнос друга Гарри. В глазах Лонгботтома он сейчас увидел упорство и даже какое-то отчаяние — уже знакомые ему по давнему осеннему дню, когда они вдвоём спасались от смертоносного Цветка Иллюзий и прорывались сквозь пламя... — Невилл?

Невилл отложил перо. Поколебавшись, поднялся и неуверенно подошёл к друзьям.

— Просто профессор Спраут предложила поэкспериментировать влияние различных физических и магических факторов на основные магические свойства некоторых растений, — заикаясь от волнения, начал он с того же места.

Рон тут же демонстративно зевнул, подхватил с высоченной книжной стопки конспект по аппарированию и плюхнулся в кресло поближе к камину:

— Короче, позовёшь, когда вы закончите.

— ...и у меня получились жаброводоросли пролонгированного действия: если срок действия обычных, как правило, час, то мне удалось добиться увеличения этого времени втрое. Правда, мы ещё не смотрели побочные эффекты, да и проверяли действие только на крысах, — добавил он едва слышно. — Но можно предположить, что... Вернее, я надеюсь, что...

Он замаялся, подыскивая слова. Не нашёл и опять покраснел до самых корней волос.

— Спасибо, Невилл. Я... я подумаю. Действительно — спасибо, — Гарри зачем-то поднялся и пожал однокласснику руку.

— Д-да... Обращайся... если что, — тот ответил на рукопожатие. — Я... ну, словом, пожалуйста.

— Непременно. Спасибо.

Невилл ещё раз переступил с ноги на ногу, осторожно вытянул свою ладонь из крепких пальцев Гарри и попятился на своё место.

К Гарри немедленно подскочил Рон.

— Что это у вас тут были за китайские церемонии? Судя по лицу, я ждал, что ты сейчас будешь целовать землю.

— У Невилла есть жаброводоросли, которые действуют дольше обычных, — об экспериментальном образце Гарри предусмотрительно умолчал.

— Обалдеть! — ахнул Рон. — Блин, я всегда подозревал — наш Лонгботтом на самом деле просто прикидывается идиотом...

— Сомнительный комплимент, — хмыкнул Гарри, глядя, как приятель отчаянно жестикулирует Невиллу, поднимая оба больших пальца вверх.

— Ну, если этот вопрос решён, я пойду проветрюсь... — Рон бросил взгляд на ведущую в сторону спален лестницу. — Где-то сейчас Стана... Эх, умел бы я аппарировать... Как там Флитвик говорил — сконцентрироваться, представить исходные и конечные пункты, провести между ними мысленную прямую и направить по ней всю свою магическую си...

Внезапно раздался лёгкий характерный хлопок и... Рон исчез.

Гарри от неожиданности моргнул — раз, другой. Когда он моргнул в третий раз и уже собрался протереть глаза или же ущипнуть себя, дабы убедиться что всё произошло на самом деле, из недр женского общежития донёсся истошный визг, потом где-то далеко хлопнула дверь, и через несколько секунд, Рон, держась за левую щёку, на которой проступал отчётливый отпечаток пятерни, кубарем слетел по лестнице.

— Вы видели, видели!? — ликующе завопил он. — У меня получилось, мерлиновой мамой клянусь! — и тут же, едва заслышав торопливые приближающиеся шаги, запрыгнул за ближайшее кресло, а на лестнице возникла Лавендер, одной рукой сжимающая палочку, а другой придерживающая распахивающийся на груди халатик.

— О... хотел бы я знать, в какой конечный пункт ты метил, — невольно хмыкнул Гарри, а Невилл пискнул и вжался в кресло — когда ему довелось видеть подобное выражение лица в прошлый раз, он обзавёлся крепкими и не желающими сходить оленьими рогами. Рон отчаянно жестикулировал за креслом: «не выдавайте!!!».

— ГДЕ ОН?! — грозно спросила гриффиндорка. — Где Уизли? Где этот мерзкий извращенец?!

Она уставилась на Гарри и Невилла с таким видом, будто само существование в подлунном мире вышеупомянутого недостойного представителя рода человеческого лежало целиком и полностью на их совести. Юноши синхронно развели руками, а младшеклассники благоразумно сделали вид, будто и вовсе ничего не заметили, и снова уткнулись в книжки и плюй-камни.

— Лавендер, а что хоть случилось-то? — осторожно спросил Гарри, на всякий случай подбываясь всем телом, чтобы, в случае необходимости, успеть отпрыгнуть в сторону.

— Этот... этот... ОСЁЛ, — нашла подходящее слово Лавендер, припомнив диковинного зверя, от вида которого покраснела даже повидавшая всякого на своём долгом магическом веку профессор Макгонагалл⁹³ — в прямом смысле слова свалился в нашу спальню, когда я... я... — она судорожно стиснула расходящийся на тугой груди халатик, окинула взглядом благоговейно внимающую ей аудиторию и яростно затопала обротно.

— Всегда знал, что ты — тайный извращенец, — с ядом в голосе сообщил Гарри выбирающемуся из-за кресла Рону.

⁹³ Покраснела от смеха, попрошу заметить! Не подумайте ничего плохого.

— Ой, да ладно! Она так заорала, будто я её голую застучал. Она была в белье и этом самом халате. В чёрном белье, кстати.

— Мне сообщить эти подробности Стане? Или Гермione? — приподнял бровь Гарри, махом расплачиваясь с приятелем за недавние пассажи про книжные полки.

— Не надо, — быстро ответил Рон, и что-то мелькнувшее в выражении его лица подсказало Гарри, что у Рона есть причины опасаться взрывного характера Станы⁹⁴.

Паузу очень удачно разрядил звон разбившегося стекла. В искристом водопаде сверкающих на солнце осколков в гостиную ввалилась похожая на большую пыльную тряпку сова.

— Стрелка!

Птица плюхнулась в вовремя подставленные руки, и Рон, отцепив от её лапы письмо, тут же уткнулся в чтение.

— ...ты прикинь, Гарри! — взревел он уже через секунду. — Фред женится! Наконец-то назначили дату — в пасхальные каникулы, так что мы попадаем! Вы с Гермионой, разумеется, тоже приглашены. Думаю, вас это наведёт на определённые мысли, — ухмыльнувшись, добавил он и показал Гарри язык.

— Ты меня достал, — пряча улыбку, Гарри угрожающе потянулся к своей волшебной палочке. — Как говоришь, звучит заклинание превращения в осла?

— Мальчишки! Честное слово, как вам не стыдно! — за перепалкой они не заметили бесшумно вернувшуюся в гостиную Гермionу. — Невозможно и на минуту оставить вас без присмотра, чтобы вы не наделали глупостей. Рон, тебя это касается в первую очередь — как не стыдно, тебе же уже СЕМНАДЦАТЬ лет!!! — она произнесла это слово так, будто Рон, как минимум, разменяло третью сотню. — *Perago!* — окно вернулось на место.

Она опустила на подлокотник кресла, и Гарри немедленно обнял подругу за бёдра — невинно на первый взгляд, и, в то же время, как-то настолько чувственно, что Рон внутренне передёрнулся и почувствовал желание немедленно найти и посадить себе на колени Стану.

...Хотя, наверное, это плохая идея...

— Новости есть? — поинтересовалась Гермionа, нежным жестом поправляя на Гарри очки.

— Есть, — он запрокинул голову и чуть прикрыл глаза, подставляя её пальцам. — Хаффлпафф выиграл у Равенкло. И значит, все будет решаться по очкам и результату последней встречи... То есть шансы на выигрыш у нас, конечно, остаются, но не слишком могучие... И, самое ужасное, от нас уже ничего не зависит...

— В любом случае, они есть, — взмахом руки отменяла жалобы Гермionа. — А ещё хорошие новости есть? — шёпотом продолжила она, и блеск её глаз подсказал Гарри с Роном, что у неё-то эти самые хорошие новости точно имеются.

— Есть. Я научился аппарировать! — с гордостью выпятил грудь Уизли.

— Молодец, — она одобритительно кивнула и, окинув его пристальным взглядом, заметила ещё не сошедший отпечаток пятерни на щеке. — А это, похоже, медаль за первый удачный полёт. И куда тебя занесло, если не секрет?

— В вашу спальню, — хихикнул Гарри.

— О... это ещё не худший вариант, — она заметно помрачнела. — Парвати вот вчера саппарировала в какой-то чулан с крысами. А у меня так вообще ничего не получается... И ты, Гарри?

— А я ещё не пробовал, — честно признался он в ответ на пытливые взгляды друзей.

— Только, когда будешь пробовать, конечный

пункт выбирай аккуратнее, — многозначительно заметил Рон. — А то, зная нашу Гермionу, могу сказать, что оплеухой ты можешь не отделаться.

— Но я в кои-то веки спрашивала не об учебных делах, — после хорошо выдержанной паузы, улыбнулась она. — Есть новости о... сами-знаете-чём?

— Невилл пообещал добыть для нас экспериментальных жаброводорослей, которые действуют несколько часов, — зашептал Гарри. — И тогда мы сразу же...

— Стоп. Никто не говорил, что они экспериментальные, — Рон махом напрягся. — Уж если даже Лонгботтом признаёт их экспериментальными... — кстати, уж не он ли сам с ними экспериментировал? — пронизательно поинтересовался он, — то мне даже подумать страшно, чем это для нас может закончиться!

— Есть идеи получше? Думаешь, русалок убедят твои Музыкальные Ветрогонные Заклятья?

Гермиона и Рон прыснули.

— Не волнуйся, если что, я верну вам нормальный облик, — пообещала Гермionа. — Молодцы. Значит, если не найдём ничего более подходящего... А теперь поглядите-ка, чего добыла я...

И она триумфально махнула перед их носом пергаментом, где за подписью профессора Макгонагалл красовалось разрешение на работу в Запретном Архиве.

* * *

Два аврора стояли перед виселицей, на которой едва заметно покачивались три до неузнаваемости изуродованных человеческих тела. Деревня вокруг казалась полностью вымершей — запертые ставни, гробовая тишина. Ни дымка из трубы, ни единой живой души на улице — просевшие ноздреватые сугробы и полная безлюдность, не считая разве что взвращающих на трупы Сириуса Блэка, пыхающего трубкой уже знакомого нам Роджера Крэйга и ещё четырёх авроров рангом ниже — команды, посланной сюда для выяснения обстоятельств исчезновения очередного населённого пункта с магических карт.

— Закончили? — Блэк обернулся к аврору, проводившему сканирование территории на предмет остаточной магии.

— Да. Сейчас в деревне всё чисто, — хмуро кивнул повывавший на своём веку всякого старый аврор, становясь к трупам спиной, дабы случайно не запомнить этого кошмара. — Последний всплеск тёмномагической активности, судя по всему произошёл вчера не ранее девяти утра и не позже двух дня. Это были Заклятья...

— ...пыточные заклатья по отношению к этим людям, — тоже не поднимая глаза к трупам, кивнул Сириус.

Даже со всем своим опытом он едва ли мог лишней раз взглянуть выше окровавленных лодыжек — ему хватило осмотра и составления протокола, чтобы не сомневаться: кошмарами он на ближайшую пару недель обеспечен.

— Можно снимать тела. Надо бы передать их родным, — Крэйг закончил очередную короткую записку и, достав из клетки у его ног сову — восьмую или девятую, Сириус уже сбился со счёта, отправил её с донесением.

— Наконец-то, — Блэк поднял палочку.

— СТОЙТЕ!

Авроры вздрогнули и обернулись, машинально хватаясь за оружие. Деревня оказалась не столь пустынной, как они считали всего несколько минут назад: у ближайшего к месту казни дома столпилось человек пятнадцать людей, вид и взгляды которых являлись крайне недружелюбными. Быстро перегруппировавшись в позицию, удобную как для обороны, так и для нападения, авроры крепче сжали свои волшебные палочки, однако решительных действий предпринимать пока не спешили.

— Кто вы? — Блэк, старший в группе, шагнул вперёд.

⁹⁴ Причины действительно были, ибо она всё же повинилась ему в своей маленькой женской мести.

— А кто вы? — вопросом на вопрос ответил сделавший шаг навстречу ему лысый и низенький, напоминающий коренастого паука старик. Следом за ним двинулись двое молодых и весьма крепких на вид мужчин — видимо, его сыновья.

— Представители Гильдии Авроров. Прибыли для выяснения обстановки и осмотра места происшествия. У нас есть к вам вопросы... — начал Сириус, испытывая некоторое облегчение: ясное дело, после того кошмара, который, похоже, тут разыгрался накануне, люди стали подозрительны по отношению к чужакам.

...Хорошо ещё, что они вообще стали с нами разговаривать — могли без лишних слов шарахнуть Сногшибателями, а потом уже переходить к формальностям...

— Это ваши односельчане? — он снова поднял палочку и жестом приказал одному из помощников встать внизу, чтобы принять покойников.

— Не смейте спускать трупы.

Сначала Сириусу показалось, будто он ослышался. Видимо, не ему одному, потому что Крэйг поперхнулся дымом и теперь, отчаянно покраснев и вытаращив глаза, кашлял, а молодые авроры стояли, натурально потыкая рты.

— Прошу прощения?.. — пальцы сами собой сжали палочку крепче некуда, и Блэк, испытывая чувство, будто шерсть по всему телу у него встаёт дыбом, развернулся к жителям деревеньки. — Как-как вы сказали?

— Я сказал — не смейте снимать тела. Если вы делаете это, наши дома и вовсе сотрут с лица земли. Мы не хотим, чтобы мистер Лестрандж разгневался. А без его разрешения мы не смеем снимать трупы.

— Погодите... — позабыв про субординацию, заговорил юный Сэм Чиффон, для которого этот выезд стал первым делом и первым шоком. — Это же ваши товарищи! Ваши односельчане!..

— Неповиновение мистру Лестранджу означает смерть, — не сводя с авроров полного тусклой ненависти взгляда, возразил старейшина. — Подчинение — жизнь.

— Я что-то не понимаю... кха, — наконец-то пришёл в себя Роджер Крэйг. — Кто здесь власть — преступник, находящийся в розыске Пожиратель Смерти или же мы, представители Гильдии Авроров и Министрства Магии? Что за бред!

Он успел сделать всего один решительный шаг к слегка покачивающимся искромсанным окровавленным телам, как на него уже было наведено полтора десятка волшебных палочек. В ответ авроры вскинули своё оружие.

— Стойте! — Сириус одним прыжком оказался между готовыми сойтись в схватке сторонами. Они со стариком сейчас смотрели друг другу в глаза, и Блэк с трудом сдерживал желание обернуться псом и, ухватив этого старого пердуна за глотку, слегка придушить... или пару раз шарахнуть об землю, чтобы мозги вернулись из задницы в башку.

— Это вы стойте, — продолжил старик, единственный из толпы не имевший в руках палочки. — Вы здесь чужаки. Вся ваша хваленая власть — только громкие слова и единичные рейды. Вы появились три часа назад, и через три часа вас здесь уже не будет. И тогда снова вернутся они.

— Не вернутся. Мы оставим тут дозор и пришлём людей, которые будут нести охрану.

— И долго они будут её нести? День? Два? Три?

— Сколько потребуется, — в голосе Блэка уже не звучало прежней уверенности.

— Почему же они ушли из Драмнадрохита? — воцарилась тишина, во время которой Сириус мучительно прислушивался к едва слышному поскрипыванию — ветер раскачивал тело, и верёвка тёрлась о деревянную перекладину.

— Но ведь... тогда поступил срочный вызов, — снова дёрнулся, с готовностью приходя начальству на помощь, юный Чиффон.

— Именно. А вы знаете, что было потом?

Блэк молчал. Он знал.

Крэйг тоже не раскрывал рта.

— Мистер Блэк, если я не ошибаюсь, — старейшина наконец-то вспомнил, где он видел это желчное лицо: на плакатах «Разыскивается», коими несколько лет назад были увешены все столбы. — Ради нас, жителей деревни — ступайте восвояси. Мы умоляем вас об этом.

Он мотнул головой, и волшебные палочки мгновенно исчезли из пальцев стоящих за его спиной мужчин, однако лица менее угрожающими от этого не стали.

— Да как вы сме... — рванулся на них с кулаками Чиффон, но был остановлен держащей трубочку рукой Крэйга.

— Выдохни, мальчик. Мда... Кто бы мог подумать, что я доживу это этих благословенных... кха-кха... времён, когда людям ради сохранения чести и совести приходится жертвовать своими жизнями. Видимо, эти люди были... — он едва заметно качнул головой в сторону трупов.

— Эти люди были идиотами! — раздался визгливый голос, от которого с ближайшей сосны сорвалась, каркая, ворона и перебралась поближе к вождельной добыче. А из-за топпы, подпирая руками бока, шагнула тощая и злая, как отравленная спица, женщина. — Не раскрывали бы ртов — и сами бы уцелели, и нас под монастырь бы не подвели! И мистер Лестрандж бы не разгневался! Будь они прокляты! — он пошлёпала губами и со вкусом плюнула в снег.

— ...эти люди, — словно не замечая, продолжил Крэйг, хотя на лбу его вздулась и запульсировала вена, а Блэк сам не понял, когда опять успел поднять свою волшебную палочку, — пытались сохранить свою честь и достоинство. И остаться... кха-кха... людьми даже перед лицом смерти. Те же, кто единственной целью ставит выживание, — неважно как и где — не более, чем... кха!.. животные.

— Тебе легко говорить! Да кто ты такой! — взорвалась толпа. Как по команде, к ней начали подтягиваться ещё и ещё люди: мужчины всех возрастов, бледные женщины с цепляющимися за мантии детьми, которые, судя по лицам, давно разучились улыбаться. — Кто вы все такие! Чужаки! Столичные крысы! Вы уйдёте, выполнив то, что называете своим долгом, а нас потом заживо разрежут на куски! Из нашей деревни взяли заложников! В Драмнадрохите грозились убить каждого третьего! Убирайтесь! Убирайтесь прочь, пока мы вас отпускаем подобру-поздорову!

Старик нетерпеливо взмахнул рукой, и толпа умолкла, давая ему слово. Он снова заговорил — негромко, с вежливым поклоном:

— В любом случае, мы не можем дозволить снять эти тела. Если вы закончили вашу работу здесь, просим оставить нас в покое. Мы решим наши проблемы сами, коли государство не в состоянии нас защитить.

Скрипнул под сапогом мокрый снег.

— Блэк!

Он перерезал верёвки одним взмахом палочки до того, как замершие в потрясении и селяне, и авроры успели даже шелохнуться.

— Да как ты!.. Ты хоть понимаешь, что ты наде...

Толпа рванулась вперёд, но замерла, будто налетев на невидимую стену, едва Блэк повернул голову. Было в этом взгляде через плечо нечто настолько яростно-звериное, что стало понятно: даже все волшебные палочки этой деревни против его одной сейчас не помогут. Заскрипел снег, в толпе прошуршали злобные и трусливые, как крысы, шепотки «убийцы!», «если нашу деревню разрушат, виноваты в этом будете только вы!», захлопали двери — через несколько минут у опустевшей виселицы с разочарованной вороной на перекладине стоял только немногочисленный аврорский отряд.

— Вот, значит, как... — Роджер Крэйг сделал глубокую затыжку и закашлялся: трубка погасла.

— Мистер Блэк... мистер Крэйг... что нам делать? — робко приблизился к ним растерянный Чиффон. Остальные молчали, но, судя по их лицам, тоже хотели бы знать ответ. — Ведь мы... ведь они... — юноша

повернулся к лежащим на земле телам, невольно зажмурился и снова взглянул на соратников. Потом обвёл дрожащей рукой деревню: — И ведь эти люди тоже... Может, нам действительно стоило... — он подавился собственными словами, встретившись глазами с Блэком.

— Нам нужно похоронить тела, — хриплым не терпящим возражений голосом приказал он. — Насколько я видел, кладбище там. Mobilicorpus!

Голодная ворона на виселице разочарованно каркнула, когда, вздёрнутые в воздух невидимыми нитями, три изуродованных тела зависли в нескольких дюймах над землёй и уплыли сквозь почти весеннюю погоду прочь из-под самого её клюва.

— Запомни, Сэм, — Блэк внезапно развернулся, и юный аврор оцепенел. Однако в лице мужчины больше не было ярости — только боль и усталость. — Человека легко контролировать через страх и насилие. Если не применять активные меры, если потакать этому, то же будет со всей Англией. И потом — со всем миром... Мы должны это остановить.

— Но сможем ли мы? — глядя в небо, поинтересовался Крэйг. Он шёл, проваливаясь в рыхлый снег и помахивая своей волшебной палочкой, как пастух. Разве что вместо овечек перед ним послушно двигался вперёд труп.

— Не знаю. Но должны, — Блэк упрямо тряхнул белоснежными волосами и повторил по слогам, обнажив острые, как у животного, зубы: — Должны. Мы на месте. За дело, ребята.

* * *

В тайне удержать очередное чрезвычайное происшествие не могли, да и не пытались: словно снежный ком, лавина накатывалась на многострадальную страну. Деревни исчезали и возвращались на карты одна за другой, вот только возвращение каждый раз сопровождалось отчаянной конфронтацией с местными жителями. Последнее потрясло больше всего: ни единой встречи или стычки непосредственно с Пожирателями — но сами пострадавшие шли против представителей власти. Нападения на авроров перестали быть редкостью, день за днём меры личной безопасности становились всё серьёзней, не раз и не два в ход шли магические щиты и отражатели — что популярности властям отнюдь не добавляло.

— Разумные доводы и красивые слова, Альбус, хороши, когда, сидя у камелька в тихой стране и мягких шлёпанцах, желаешь согражданам весёлого Рождества; когда же по всей стране творится такая чертовщина, нужно не языком трепать, а предпринимать решительные действия.

Дамблдор уронил голову на скрещенные руки. Плечи его поникли, будто придавленные невыносимой ношей.

— Аластор, я не могу ввести в стране военное положение. Я не могу объявить всеобщую мобилизацию. Не могу.

— Но почему?!

Спор этот продолжался не первый час — да что там час: не первый день, и каждая из сторон уже исчерпала все возможные аргументы как за, так и против, а потому просто переливала из пустого в порожнее по десятому разу, делая это, скорее, от отчаяния.

— Потому что мы должны найти решение проблемы сами, не перекаладывая на плечи населения!

— А что, чёрт побери, происходит тогда сейчас?! Мы не можем послать по отряду авроров в каждую деревню, мы не можем спалить все кладбища, мы не знаем, откуда придёт следующее известие! Двадцать человек сейчас следят за крупномасштабной картой страны, ведя сверху каждые четверть часа, ещё двадцать человек заступили на боевое дежурство — сколько может продолжаться этот бред?!

— Ты хочешь поставить в строй всю страну?! — Дамблдор вскинул голову, и вонзился взглядом в глаза реющего за пламенем руководителя Гильдии Авроров.

— Да! — рывкнул тот, перекосившись ещё больше, отчего его лицо утратило остатки симметрии и превратилось в нечто, достойное кисти художника-кубиста.

Снейп, замерший в глубине директорского кабинета, про кубистов, конечно, и слыхом не слыхивал, обстановку считал более чем нервной, а вопрос — серьёзной некуда, и тем не менее, при взгляде на физиономию Хмури губы его изогнулись в вялой пародии на улыбку.

— Каждую ночь мы ждём очередного кошмара. Да что мы — чёрт с нами! — люди потеряли покой! Нужно придать ситуации официальный статус, вызвать на помощь войска! Потребовать помощь от дружественных государств, чёрт возьми! Может, кто-нибудь из африканских стран уже сталкивался с чем-то подобным, ведь зомби-то — их выкрутасы!

— Аластор, вы сами понимаете, какую нелепицу несёте, — встрял Снейп, который, уже не первую неделю проживая в окрестностях директорского кабинета, был сыт этими препирательствами по горло. — Войска против зомби?.. Вы, не причинив врагу ни малейшего ущерба... — ведь нельзя же убить того, кто уже мёртв, верно? — положите и войска. А дальше что?

— А вас, дражайший Северус, я вообще в упор не вижу, — голубой магический глаз Шизоглаза уставился, судя по всему, в недра аврорского черепа. — В противном случае, я должен немедленно вас арестовать и, как минимум, отправить в Азкабан.

— Тогда, если вам удобно, считайте меня не в меру разговорчивым привидением, — сухо предложил временно не участвующий в учебном процессе профессор. Правое веко у него нервно дёрнулось.

— А вы считайте меня не в меру щедрым человеком, который — благодарите профессора Дамблдора — преподнёс вам, хотя и с некоторым опозданием, весьма дорогой рождественский подарочек. В противном случае...

— Я не люблю подарков, — хмуро буркнул Снейп и пояснил в ответ на вопросительный взгляд аврора: — Было дело, кое-кто принял в дар деревянного коня. На этикетке стояло: ахейская ручная работа. Те идиоты и обрадовались.

— И что, диссидентов не нашлось?

Хмури получал заметное удовольствие от препирательства: похоже, последние пару недель явно пошли бедолаге на пользу, во всяком случае, прежняя слизеринская язвительность уже вернулась. Припомнив срочный вызов Дамблдора в ту зимнюю ночь и замёрзшего Снейпа, напоминающего хорошо замороженный живой труп, вернее, уже полуживой труп, Шизоглаз снова нахмурился.

— ...только один — со своими детьми. Но из моря повылазили какие-то твари, и получилась великолепная скульптурная группа. Если я правильно помню, эллинистическая. Родосская школа. В ту пору боги были слишком пристрастны.

— Да и сейчас боги не особо дружелюбны. Достаточно на вас посмотреть... — хотя раны, магические и самые что ни на есть обычные, уже зажили, вид у Снейпа всё равно был не очень: даже Хмури нет-нет, да передёргивался.

— Кто бы говорил, — огрызнулся зельевар. — Не воспримите мои слова как простое выражение лояльности моему непосредственному начальнику, но я согласен с профессором Дамблдором: задействование войск не принесёт никаких результатов, а введение в стране военного положения мало того, что окажется совершенно бессмысленным с учётом сил, с которыми мы столкнулись, но вызовет только массовую панику и хаос. За мирное время люди расслабились — слишком расслабились, — подчёркнуто повторил мастер зелий, и сварливые нотки в его голосе дали присутствующим понять, что профессор Снейп — гроза всех студентов — вот-вот вернётся. — Это с одной стороны. С другой — прошло не так много времени, чтобы страх перед... перед... В-Вольдемортом, — с усилием выговорил он,

опять дёрнув веком, — стёрся. Вспомните, какой был шок в обществе, когда официально подтвердили факт его возвращения.

— Мистер Дамблдор... — пожилая директриса с портрета, висящего у книжного шкафа, робко кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание.

Бесполезно. Дамблдор устало смотрел в огонь, слушая диалог коллег и о чём-то размышляя.

— Верно, Северус... Они были готовы упечь Гарри в Отделение Мозговых Травм... да куда угодно! — но не признать правду. Сообщите мы сейчас, что происходящее — дело рук Пожирателей Смерти и... зомби, в стране начнётся натуральное безумие. Начнут раскапывать кладбища, сжигать и расчленять трупы... Эпидемии, которых в этом случае не миновать, сделают хаос необратимым. Всколыхнутся самые низменные и затаённые страхи, снова вернётся в дома бытовая Тёмная Магия и шаманство... Пожиратели именно этого и добиваются, — усталым голосом в сотый раз повторил директор. — Нам нужно прикладывать все усилия, чтобы предотвратить подобные происшествия и срочно искать способ покончить с этим раз и навсегда. Сейчас же мы можем только бороться с последствиями. То, что предлагаешь ты, Аластор, — заведомо проигрышный ход, первый шаг к катастрофе — пусть даже выглядящей сейчас единственно логичным и возможным.

— Кстати... О Гарри Поттере... — снова робко вклинилась директриса с портрета.

— Хоть здесь меня от него избавьте, — сварливо цыкнул Снейп, и она нахмурила брови: надо же, какой-то живой юнец! В её собственном кабинете! В присутствии её непосредственного начальника!

Хам. И грязнуля.

— Нужно ввести военное положение, — с готовностью припечатал Хмури, едва не вывалившись из камина.

— Нужно уничтожить Вольдеморта, — хмуро буркнул Снейп.

— Ага, — саркастически улыбнулся Шизоглаз, обнажив в этой улыбке десну до самых что ни на есть коренных зубов. — А так же слегка замедлить вращение Земли, растянуть сутки на пару дополнительных часов и развернуть все реки Шотландии в одну сторону. Увольте меня от ваших прожэктов, дражайший призрак, коего я в упор не вижу. Давайте будем ставить перед собой реальные задачи.

— Г-господин директор! — в голосе портрета за спиной мастера Зелий зазвучали прямо-таки умоляющие нотки. — Гарри Поттер... он...

Не глядя, Дамблдор махнул на неё палочкой, и обитательница портрета тут же начала выводить носом сонные рулады, продолжая, тем не менее, бормотать имя гриффиндорца во сне.

— Гарри Поттер, Гарри Поттер... — задумчиво вздохнул директор.

— Вот только не говорите мне, будто считаете этого бездельника способным...

— ...вот только не говорите о том, в чём не разбираетесь, многоуважаемое «не в меру говорливое привидение», — столь же сварливым тоном перебил Снейпа Хмури, и зельевар опять раздражённо задёргал веком. — Я верю в этого мальчишку. Зуб даю — он сумеет сделать то, на что не способны ни те, кто горазд плести словеса, ни рубаки вроде меня и моих парней...

— Давать зуб с учётом вашего внешнего вида — это весьма щедро, — с вежливой язвительностью отметил Снейп.

— Гарри делает всё, что может, и даже больше, — покачал головой Дамблдор. — Я со своей стороны могу лишь помогать ему в том немногом, что зависит от меня.

— Потому-то вы и выписали пропуск в Запретный Архив мисс Грейнджер? — в голосе Снейпа зазвучали ревнивые нотки. — Помните, я запрашивал его в течение трёх лет, и каждый раз у вас находились причины для отказа.

— Правда? — удивление в глазах Дамблдора выглядело настолько искренним, что даже Хмури едва не купился.

— Попомните мои слова: однажды эта троица не оставит от Хогвартса камня на камне.

— Волнуетесь? — голубой глаз Хмури в камине безумно сверкал.

— Представьте себе.

— Пейте липовый чай — помогает.

— ...или спасёт мир, — чуть слышно выдохнул Дамблдор.

— Что?

Повторить профессору было не суждено: дверь кабинета внезапно распахнулась, и Гарри Поттер собственной персоной ввалился внутрь. Тишина разом сгустилась в кабинете.

— Помяни Поттера... — Снейп почесал свежий шрам на скуле.

— Прошу заметить — я пыталась предупредить... — в гробовой тишине просопела, не открывая глаз, директриса с портрета. — А вы меня... спать...

Меж тем, Гарри лежал на ковре, по-настоящему боясь поднять голову. То, что он — волею случая — услышал, то, кого он тут увидел... — словом, что-то подсказывало ему: так просто он на этот раз не отделается.

— И как же вам, мистер Поттер удалось на этот раз попасть в мой кабинет?

Дамблдор пытался звучать как можно более гневно, однако глаза за очками-половинками смеялись. Да что смеялись — хохотали. Он победоносно взглянул на Хмури — старый аврор в ответ перекосялся в сардонической улыбке. Снейп фыркнул, как нанюхавшийся молотого перца кот, и отступил в полумрак. Конечно же — он с самого начала знал: чем-то подобным всё и должно было закончиться.

Поттер. Вечно этот Поттер.

— Я случайно, — обращаясь к коврику, признался Гарри, и Снейп снова демонстративно фыркнул.

Гарри покосился на профессора Зельеварения, потом на реющего за каминной решёткой Хмури, рядом с которым сейчас сам дьявол, наверное, смотрелся бы писаным красавцем, и все заготовленные вопросы махом вылетели у него из головы. — Я шёл-шёл... шёл-шёл...

— ...и пришёл, — снова осклабил Шизоглаз.

— Добрый вечер, мистер Хмури, здравствуйте, профессор Снейп... — передёрнулся Гарри. — Я хотел поговорить с вами, профессор Дамблдор, но не знал пароля...

— И тем не менее, вы здесь, — холодное замечание Снейпа и невольный взгляд на его физиономию снова сбили Гарри с мысли.

— Я случайно... угадал...

— Случайно. Ну-ну...

— Э-э... понимаете... когда горгулья не захотела меня пропускать, я пожелал ей... провалиться сквозь землю со всеми финиками и урюком на свете... И тут... — Гарри покраснел, как нашкодивший третьекуртник. — Я не виноват... Оно само...

— Альбус, — совершенно серьёзно посмотрел на смущённого директора Хмури. — Завязывай со сладким. Или я за себя не отвечаю.

* * *

Огород Хагрида полностью очистился от снега — уж никак не без помощи магии, хотя — как знать? Ведь солнце в первый мартовский денёк припекало совсем по-весеннему, и по рыхлому чернозёму, спокойно, уверенно и по-хозяйски неторопливо, будто колорадский жук, шествовал сам Хагрид.

Земля чуть парила — солнышко на глазах пожирало проседающие под его напором сугробы. Однако уже после обеда с юга начинали наползать тучи, и буквально за несколько минут по мере приближения Гарри, Рона, Гермионы и Станы к избушке лесника всё вокруг посерело, словно затянулось туманом, а горизонт

и вовсе превратился в черную полосу, что было особенно заметно по сравнению с заклатом.

— Кажется, дождь начинается, — мечтательно протянул Рон. Сегодня ничто не могло испортить ему настроения — ни дождь, ни осуждающие взгляды друзей, когда он заявил, что к Хагриду Стана пойдёт с ними.

— Мы не на прогулку собрались, — ледяным шёпотом напомнила Гермиона, посылая в адрес перетапывающейся у кресла и теребящей свои косички Станы самую лучезарную улыбку.

— А мне всё равно, — отважно тряхнул рыжими патлами Рон. — Что — я даже свой день рождения не могу провести с любимой девушкой?

Крыть оказалось нечем, а потому, взяв с Рона клятву лишнего не болтать и не забывать о главном, троица, на глазах становящаяся четвёркой, отправилась праздновать, ибо именно под этим соусом заговорщицы решили извлечь из Хагрида нужную им информацию, коль скоро рейд к Дамблдору потерпел сокрушительное фиаско. Гарри до сих пор бледнел, вспоминая эту картину: лестница подкидывает его прямо к дверям, он припадает к ним ухом, дабы удостовериться, что не превратит никакие серьёзные переговоры... Ну... потом...

— ...я сам не понял, сколько так простоял, слушая, о чём они говорили, и тут — ба-бах! перила мне как поддадут — и...

— ...и приходи, кума, любуйся, — заржал Рон. — Блин, я хотел бы этот видеть...

— Думаю, Снейпу вряд ли... Больно! — сдавленно взвыл Гарри и тут же притих под укоряющими взглядами Гермионы и Рона.

Я идиот.

— И кто тут говорил про не болтать?! — подёргал рыжими бровями Рон, убирая свой каблук с ноги Гарри. — Хей, Стана! Айда! Пошли!

Идти пришлось дольше, чем ожидалось: пространство между главными воротами Хогвартса и избушкой лесничего, ещё совсем недавно представлявшее собой один сплошной сугроб, сейчас больше напоминало болото, девушки постоянно увязали, а мальчишки пыхтели под огромными пакетами с гостинцами — не желая riskовать своими зубами и желудками, они совершили набег на кухню, где оказались экзотически встречены Добби с его семейством⁹⁵. По правде говоря, и Гарри, и Рон запросто могли бы просто аппарировать (Гарри, к его собственному удивлению, сегодня научился с первого раза — у него вышло всё так естественно, будто он только этим всю жизнь и занимался), однако покидать дам на этой бурой размазне выглядело отнюдь не рыцарским поступком, а потому они покорно пыхтели, не жалуясь и не брюзжа. К тому моменту, когда гриффиндорцы добрались до крыльца, украшенного аккуратными пёстрыми половичками, поднялся ветер и брызнули первые капли дождя.

— Гарри! Гермиона! Рон! — восхищённо взревел Хагрид и тут же осёкся, увидев незнакомое, вернее, смутно знакомое лицо. — И...

— Это Стана, — краснея, шагнул вперёд Рон.

— Кхе. Кха, — Хагрид спрятал улыбку в косматой бороде. — Очень приятно, — пробасил он, галантно пропуская девушек вперёд.

Гермиона — привычная к внутреннему убранству обители профессора по Уходу за Магическими Существами, тут же устроилась в своём любимом кресле, а Стана замерла в дверях. Рон, топчущийся за её спиной, внезапно словно впервые увидел дом Хагрида и залился краской до пальцев ног:

...О-о... дурак я, дурак... Наверное, Стана придёт в ужас...

Он вспомнил свой шок, когда впервые перешагнул порог избушки, рядом с которой Нора в свои не лучшие деньки напоминало идеально убранную комнатушку

одиноким старой девы. Так и сейчас: в клетках у стены копошилось нечто многоглазое и многоногое, разномастные стулья, кресла и табуретки поджидали своих седоков вокруг стола с разноцветными чашками, огромный донельзя закопчённый чайник грел бока в камине. На использующейся вместо покрывала шкуре неизвестного науке большеухого зверя спал, пуская слюны, Клык. В углу горой лежали какие-то жутковатые охотничьи принадлежности, а у дверей красовался взведённый арбалет.

— Как тут... — задохнулась Стана, и Рон невольно зажмурился. — Как тут... замечательно!!! Просто чудесно!

— Спасибо... — Хагрид топтался позади мальчишек, подталкивая их вперёд. — Ну, проходите и... в общем...

Дождь лил с библейской неукротимостью. Уже давно стемнело, но лесничий пообещал проводить друзей до замка — он ужасно соскучился, а виделись они сейчас только на уроках: проблем хватало и у гриффиндорцев, и у самого Хагрида. За год, на который он, фактически, выпал из жизни, дом с огородом пришли в запустение, и трудолюбивый лесничий сейчас посвящал восстановлению оных всё свободное от чудовищ и студентов время. Компанию ему частенько составлял Диофан: заглядывал на огонёк, садился на пенёчке поблизости, покуривал свою зловонную трубочку и развлекал Хагрида глубокомысленными советами: «...и чтобы кролики не сожрали всю морковь, её — суть морковь — нужно выращивать на открытой, хорошо простреливаемой местности»...

— ...а скажи-ка, Хагрид, русалки ведь тоже одни из самых древних местных существ, да? — подставляя чашку под струю крутого кипятка, между прочим поинтересовалась Гермиона.

Похожие на чёрных жуков глаза внимательно посмотрели на неё из-под кустистых бровей. Внезапно лесничий отставил чайник и уселся в своё кресло.

— Ясно, — покачал он головой. В задумчивости отправил в рот штук пять эклеров с огромного погрызенного временем блюда. Снова покачал головой и обернулся к Гарри: — Вы собрались к...

— Тш-ш!!! — хорошо отрепетированным хором шикнула на него троица и страшными глазами указала на Стану.

По счастью, болгарка ничего не слышала: она чесала за ухом сладострастно дёргающего задней лапой Клыка и была готова плакать от счастья — этот тесный, безумно хаотичный, но при том ужасно уютный домик, эта тёплая атмосфера напомнила ей детство — ещё до того момента, когда они перебрались в купленный Виктором замок. Хагрид понятиливо кивнул и начал едва слышным шёпотом — слова прямо-таки запутывались у него в бороде:

— На вашем месте не шёл бы я туда, ох, не шёл. Русалки — они очень опасны, у них свои законы... Впрочем, — вздохнул он, увидев понимающе приподнявшуюся бровь Гарри, — как и у всех местных обитателей. Короче, надо помнить главное правило: из их рук ничего не есть и не пить и вообще держаться от них подальше...

— Ну, с пить — это ты загрубил, — фыркнул Рон. — Или ты забыл, где они живут? Не думаю, чтобы мы там умерли от жажды.

— Ну да... Главное — ни куска. А то... у-у...

— У-у... — с готовностью откликнулся ему с кровати Клык, и Стана расхохоталась.

Рон обернулся к ней, и Гарри поразился нежности, которая плеснулась в голубых глазах друга.

— Рон, он просто чудо! — воскликнула девушка, теребя здоровенную псину за уши и пытаясь завязать их бантом.

— Не то слово... — Рон посмотрел на лужу слюней, растекающуюся по мохнатому покрывалу, и передёрнулся от отвращения. — Так что — значит, есть у них ничего нельзя... А ещё что мы должны помнить?

— Главное — это не забыть, — строго поднял закорюзлый от сельхозработ палец Хагрид. — А всё ос-

⁹⁵ Малютка Герми оправдали все худшие подозрения Гарри: её глаза действительно походили на прибитые к крошечному личику зелёные теннисные мячики.

тальное — ну, гриндилоу там... Это пустяки, это я за вас не боюсь... А кстати, — вдруг спохватился он, — а как вы вообще собираетесь туда отправиться? Опять при помощи жаброводорослей? Но ведь они... насколько я знаю, действуют очень недолго...

— Мы...

В этот момент Стана вернулась за стол, и Рон подал ей очередную бутылку со сливочным пивом:

— Теперь твоя очередь поздравлять меня с днём рождения!

Она покраснела, однако бутылку приняла:

— Я... Рон. Нет... не так... Дорогой Рон, — Гарри,

не выдержав, прыснул: слишком серьезное и вдохновенное у неё было лицо, слишком ответственно она пыталась подобрать самые правильные английские слова. — Нет... В общем...

— С днём рождения! — хором гаркнули остальные, сдвигая бутылки⁹⁶.

— ...вот что, Гарри: я дам вам лодку и провожу, — сквозь зубы прошипел Хагрид на ухо Гарри и тот благодарно кивнул. — И замолвлю за вас словечко перед Королевой... Вот только послушает ли она меня...

— Спасибо...

— Гип-гип... Ур-ра!

Глава двадцать шестая, в которой Гермиона занимается библиотечными изысканиями, гриффиндорцы погружаются в глубины, а Драко Малфой спасает жизнь Гарри Поттеру и Рону Уизли.

Пришла весна, унылая и неприветливая: серая вуаль опустилась на мир, и холодный дождь с утра до вечера и ночи напролёт вот уже третью неделю барабанил в окна, хлестал по стенам, пузырился на камнях школьного двора, траурно ударял по водам озера. Всё вокруг раскисло и отсырело, от ветра вибрировали стёкла — он завывал в рамках, соперничая по тоскливости с самыми печальными привидениями на свете. Несмотря на переваливший за середину март, лазарет переполнялся чихающими и кашляющими студентами, словно в самый в разгар зимы. Никто и носа не высывал наружу, даже занятия по Уходу перенесли из избышки лесника в замок, чем были крайне недовольны как сам Хагрид, тоскующий, что ничего интересенького ему сюда приносить не дозволено, так и Филч с Миссис Норрис, коим и банальных скучечервей с развесёлыми соплохвостами за глаза хватало. Особенно Миссис Норрис. Обуюнная весенним томлением, она жалобно стенала под дверью гриффиндорской гостиной, поджидая Косолапсуса, который в истерике прятался от неё под кроватью в комнате хозяйки.

В самом замке атмосфера царила столь же жизне-радостная, как и снаружи: Дамблдор мрачнел день ото дня, прочих учителей тоже снедали мысли явно далёкие от учебных проблем — ибо как, в противном случае, можно объяснить то, что Макгонагалл зачла Гарри превращение в барсука, хотя барсук этот больше походил на раскрашенного во все цвета радуги дикобраза. Даже Флёр поскучнела, разом утратив половину своего обаяния; она постоянно зябла и дрожала. Поговаривали, будто она даже подала Дамблдору прошение об отставке. А вот Трелани напротив — оживилась. Снизойдя до простых смертных, она теперь на всех углах торжественно вещала о близящемся конце света — «разверзлись хляби небесные... скоро земная твердь распахнётся под ногами, и всё сущее пожрёт геенна огненная!»...

— Что это за «огненная гиена»? — заинтересовался Рон, и в очередной раз оказался заклеимён званием «идиота» — на этот раз собственной сестрой.

Не унывал только привычно пакостящий студентам Пивз да Плакса Мирт со своим возлюбленным; ей было ровным счётом всё равно, что происходит вокруг: счастливые часы не наблюдают, даже если они уже покойники.

Хуже всех сейчас приходилось, ясное дело, Гарри и Рону — жаброводоросли уже были у них в кармане, и юноши рвались на волю, но первая же попытка вырваться из замка привела к тому, что оба гриффиндорца самым позорным образом по уши увязли в грязи, едва успев сделать и пару шагов в направлении озера. Вообще, грязь вокруг Хогвартса, видимо, тоже являлась непостоянной, коль скоро она категорически не желала выпускать добычу, наводя на мысли, что на неё тоже наложено какое-нибудь зловерное заклятье.

Мётлы, как ни прискорбно, отменялись: во-первых, слишком приметно, а во-вторых, после несчастного случая на тренировке команды Слизерина и гневного письма в адрес руководства школы от родителей пострадавшего (с намёком на саботаж и сведение счетов с идейными противниками посредством невинных детей) все полёты временно запретили, а на мётлы наложили Замковые Чары, и теперь ими можно было пользоваться разве что по прямому назначению. То есть подметать полы.

Рону давно не доводилось слышать, чтобы Гарри ТАК ругался.

А уж после того, как кто-то из первоклассников едва не утоп в море разлитом, образовавшемся вокруг Хогвартса, замок и вовсе заперли; единственной дорогой жизни, связывающий его с окружающим миром, стал директорский камин, доступный, как вы понимаете, немногим.

Рон и Гарри всеми силами пытались вырваться из капкана, в который неожиданно превратилась школа, они неустанно исследовали многочисленные закоулки: пользуясь картой Гермионы, проверяли законченные и скрытые за портьерами окна, чёрные ходы, подземные туннели; они задёрнули Добби, измучили вопросами Хагрида, однако по-прежнему, едва добиралась до очередной ведущей наружу двери, из стоящих рядом доспехов раздавалось металлическое «Ваше имя» и, едва юноши назывались, как им сообщали, что разрешения на выход из замка у них нет, а потому...

В один из разов отчаявшегося Рона внезапно осенило, и он, решив проявить инициативу, объявил себя профессором Дамблдором. О том, что последовало за этим, он не любил вспоминать, однако потом всё же поделился, что в лазарете, где очнулся, находились ещё, как минимум, двое рискнувших сделать нечто подобное... Борода у него сошла только через три дня, и в это время Гарри продолжал свои изыскания один. Безуспешно.

Гермиона пыталась утешить друзей, во всем искала положительные моменты: «ничего, что дни идут, зато я смогу найти какую-нибудь полезную информацию — как знать, может, вам и вовсе к русалкам идти не придётся!», хотя и она день ото дня начинала терять свойственный ей оптимизм, ибо книги... нет, не так: КНИГИ, её лучше друзья, вдруг отказались делиться необходимой информацией.

И какие книги!!!

«Девятое врата» с иллюстрациями, как гласила надпись, самого Люцифера! Да все эти Гуили и Мазелло рядом с ней становились чем-то не серьёзней сказок братьев Grimm. А «Исповеди Тёмных Властелинов»? А «Хроники сошествия во Ад»? А «Салазар Слизерин: сто неудавшихся шагов к бессмертию»? А «Три Ключа К Высшей Магии?!» А «Продвинутые Эротические Заклятья Для Знающих Толк В Извращениях?!» О. Стоп. Это уже из совсем другой сказки...

Книги в чугунных веригах, книги, цепями приковывающие к себе читателя на веки вечные; книги, заколдованные таким образом, что, начав их читать, уже

⁹⁶ Хочу обратить внимание читателей — Хагрид чокался кружкой с чаем.

не можешь оторваться, пока не умрёшь от голода и жажды; книги, источающие яд; книги, за каждую прочитанную страницу в которых расплачиваешься годом жизни, а то и собственной душой... Словом, просто чудо, как здорово!

К сожалению, пропуск у Гермионы имелся только на первый уровень, а для того, чтобы хотя бы прикоснуться к вышеперечисленным сокровищам необходим был аж триста тринадцатый. Мадам Пинс произнесла это с таким благоговейным выражением лица — Гермиона заподозрила, что подобным допуском обладает только Дамблдор, хотя... кто ж его знает, может, даже он...

Гриффиндорка задумчиво почесала испачканными чернилами пальцами кончик испачканного чернилами носа и продолжила освоение Библиотечной Магии. Она познакомилась с ней всего-то несколько дней назад, но жизнь сразу стала прекрасней. Воистину: человек мгновенно привыкает к хорошему, теперь девушка и помыслить не могла, что совсем недавно всю информацию приходилось искать, собственноручно роаясь в толстенных каталогах и древних фолиантах, верхолазничая под потолком, чихая от пыли, портя глаза, засыпая над страницами, разбирая выцветшие буквы... Нынче, сотворив очередную «искалку» с соответствующим уровнем доступа, она запустила её в книжные развалы, сама же сидела за столом, в свете свечи листовая подплывающие к ней книги с закладками уже на нужных страницах.

А спустя ещё неделю ей казалось, будто она всю жизнь провела в Запретном Архиве: Гермиона сосредоточенно работала, давным-давно позабыв близкое к умопомрачению состояние, охватившее её в первый день, когда, сверившись с картой, мадам Пинс недовольно поджала губы и проводила её к дверце чулана, где Филч обычно хранил метлы. Нынче же за ней оказалось огромное пространство, заваленное книгами, свитками, загромождённое шкафами и висящими прямо в воздухе полками. Книги, книги, книги. Они были везде — шуршали под ногами, падали откуда-то сверху, норовя тукнуть по темечку коварным кованым углом, плавали по воздуху, выныривали из ниоткуда прямо перед тобой и через мгновение исчезая в никуда. Они рычали, пищали, угромо завывали; некоторые разговаривали на разные голоса, другие кричали так, как, наверное, взывают к милосердию грешники в аду. Гермионе показалось, что она вот-вот свалится в обморок. От счастья.

И вот, с того самого дня она после уроков получала от строгой библиотекарши очередную записку с местом дислокации Запретного Архива, куда и отправлялась.

Поиски информации по Защитнику пока шли безуспешно — видимо, она сформулировала запрос как-то уж слишком «в общем», и теперь оказалась буквально завалена фолиантами по Боевой Магии, каким-то менестрельскими описаниями и выпусками Сельхозмагии Чернокнижника. Да-с, тайна сия действительно была погребена во глубине веков, и труды предстояли нешуточные...

Вдохнув, Гермиона решила не тратить время попусту. Удивившись, почему это не пришло ей в голову раньше, она написала на клочке пергамента «Русалки. История. Опасности. Заклинания» и взмахнула палочкой. Через миг похожая на бумажного кузнечика искалка прыгала по книжным шкафам, и совсем скоро на стол перед Гермионой опустился первый том.

— Так-так... Ну, внешний вид — это мы пропустим... Ага... угу... это уже интереснее... Щекочутся. Ох ты... Бедный Гарри, бедный Рон... «Русалки живут триста лет. Умирая, обращаются в морскую пену, однако легенды утверждают, будто ими открыта тайна бессмертия, кою строжайше охраняет королевская семья. По слухам, связано это с неким кровавым ритуалом...» Вот только кровавых ритуалов нам и не хватало, — она раздражённо хлопнула по книге ладонью.

Взметнулся клуб пыли. Гермиона расчихалась, а когда снова открыла глаза, перед ней лежало ещё

несколько книг — средневековые бытописания, какие-то хроники, сборники заклинаний.

С последних она и начала, и именно там её постигло первое разочарование: заклинание по частичной перестройке своего тела из млекопитающего в представителя другого типа почему-то оказалось куда сложнее банального обращения в какую-нибудь зверушку целиком, и требовало серьёзных, никак не школьных навыков.

...Значит, жабры отпадают. А что насчёт защитных воздушных капсул?

Эта мысль понравилась ей куда больше. Смущало одно: для долгих погружений требовался изрядный запас воздуха, который необходимо было при занывании брать с собой. А сколько могло потребоваться воздуха на многочасовое погружение, Гермиона не знала. Да и рекомендовались подобные капсулы для тихих прогулок, потому что при любом вмешательстве извне они норовили оторваться от хозяина.

Существовали, естественно, и зелья. С побочными эффектами.

Бр-р!

Чем дальше она листала книгу, тем привлекательней казалась мысль о жаброводорослях Невилла. Пусть даже экспериментальных.

Чем проще, тем лучше. От добра добра не ищут.

Она захлопнула книгу и отодвинула в сторону, потянувшись к фолианту в обложке из чешуи, напоминающей рыбу, только заметно крупнее — каждая чешуйка была размером с сикль. На обложке красовались какие-то странные символы, под ними — готическая надпись серебром.

— «Русалочьи Хроники», — заинтересованно прочитала Гермиона.

Она погладила обложку кончиком большого пальца. Чешуя на ощупь была прохладной и чуть влажноватой. Глубоко вздохнув и чувствуя лёгкое покалывание в плечах — следствие новости откуда взявшегося странного беспокойства — Гермиона осторожно открыла книгу и... разочарованно вздохнула: страницы были сплошь покрыты ровными рядами значков, напоминающих то клинопись, то иероглифы. Она торопливо пролистнула страницу, другую, потом — веером перекинула книгу от начала до конца. Увы. Та была написана на русалочьем языке.

— Ничего-ничего, тут у нас ещё есть, — тома и свитки продолжали медленно опускаться перед ней, и Гермиона трудолюбиво углубилась в работу.

Через час она откинулась на спинку стула с озадаченным выражением лица: что-то не так. Определённо: что-то не так. Источники слишком противоречат друг другу, а с учётом грядущего визита Гарри и Рона в русалочье королевство, на сердце заскребли крупные и очень тревожные кошки.

Что-то явно не так...

Тем временем, на стол перед ней тяжело плюхнулась последняя книга — «Легенды и сказания о русалках». Невнимательно окинув взглядом оглавление — «Русалочка» Андерсена, «Русалочий Лес — новеллы», невеста как сюда затесавшиеся «Демографические проблемы обитателей глубин», гриффиндорка вернулась к подозрительному тому, переплетённому в рыбу (да в рыбу ли?) чешую. Снова замороженно пролистана несколько страниц и со странным чувством обречённости подняла волшебную палочку...

— Ассю словарь!

— Ненавижу! — прорычала Гермиона спустя полтора часа.

Если б она работала с таким же воодушевлением во время уроков, то освоила бы семилетнюю программу Хогвартса за полгода. Ну, в крайнем случае, — за год. А результат?! Пропыхтеть над этой дурацкой книгой с этим дурацким словарём, чтобы узнать, что «русалки появились во времена незапамятные и что им будет рано или поздно дарована власть над всем миром»?! Причём «будет» или «была» — она так и не разобра-

лась досконально, поскольку, как гласил словарь, «в русалочьем языке отсутствует будущее время, они обходятся настоящим и прошедшим, ибо знают великую тайну бессмертия, коя не будет (или не была?) дарована более никому, а потому будущее для них — просто один из возможных вариантов настоящего».

— Ненавижу, — уже спокойней повторила Гермиона и отпихнула от себя глупую книжку. Даже если она когда-нибудь и осилит это странный язык, на это потребуются месяцы, если не годы.

Хотя итоги у этого дня, тем не менее, имелись: в первых, люди и русалки довольно давно знали друг друга, однако же в близкие контакты не вступали, заключив нечто вроде пакта о разделении интересов. Русалки никогда не вмешивались в дела людей и наоборот. Тем не менее, в некоторых источниках проскакивали душераздирающие истории о похищенных младенцах, юношах и прекрасных девах, чьи выбеленные водой кости потом находили на мелководье. Русалки за собой вины не признавали, однако же и отрещивались довольно вяло, оставляя простор для толкований. Во-вторых: похоже, им действительно была ведома тайна бессмертия, иначе как объяснить тот факт, что в нескольких книгах говорилось, будто «водные люди могут жить вечно, однако, ежели жизнь более не приносит им радости, то сами назначают время своего ухода, обращаясь по собственному желанию в пену морскую»...

А ещё между строк проскальзывали намёки, будто они... они были... — Гермиона сглотнула, — каннибалы. То есть — ели себе подобных. Нет, не может быть. Дикость какая. Может, они ещё и людоеды?

Она осторожно отодвинула русалочью книгу в сторону и уставилась на неподвижное пламя несгораемой свечи.

...Дикость какая... И всё же...

Боль в затёкшей спине и плечах накрыла её внезапно. Потягиваясь, гриффиндорка машинально взглянула на часы и... опретью кинулась в факультетскую башню. Полная Леди, ворча, открыла один глаз:

— Мисс Грейнджер, да что вы себе позволяе...

Гермиона, не желая выслушивать морали, рывкнула паролем. Помедлив чуть-чуть, осторожно просунула голову в гостиную — тихо. Темно, только розовеют под золой угли в камине.

...Хвала небесам, Гарри тут нет — значит отправилась спать...

Гермиона поднялась на половину девочек, зашла к себе в комнату, устало привалилась к дверям, не глядя, махнула в сторону стола палочкой, зажигая свечу. И тут же взвизгнула от неожиданности: на кровати, скрестив руки на груди, сидел Гарри. Он поморгал, привыкая к свету, потом вперил мрачный взгляд в Гермиону.

— Который час? — к её удивлению, голос его прозвучал не сердито, а, скорее, устало. Гермиону мгновенно угрызла доселе сидевшая смиренно совесть.

— Половина третьего.

— Очень хорошо. Значит, ты по-прежнему различаешь цифры. Мои поздравления.

Он поднялся и, больше не глядя в сторону подруги, пошёл к дверям.

— Гарри...

— Ужин на столе. Поешь. У тебя, поди, с обеда маковой росинки во рту не было, — тихо откликнулся он, замедлив у самых дверей, но по-прежнему не поворачиваясь.

Гермиона мельком глянула на стол — на тарелке действительно что-то аппетитно дымилось, видимо, Гарри использовал Подогревающее Заклятье.

— Прости, я увлеклась и не уследила за временем... — она посмотрела на его усталую линию плеч, поникшую голову. Повинуясь внезапному порыву, обхватила его руками поперёк груди, уткнувшись лицом между лопаток. — Прости...

Он как-то сразу обмяк, она услышала глубокий вздох. Однако разворачиваться юноша по-прежнему не спешил.

...Сердится...

Её ладони скользнули дальше, она нежно погладила его по груди, пришла к себе ещё сильнее.

— Гарри... Не уходи сегодня, а?

— И что?.. — вопреки всем его усилиям сохранить спокойствие в голосе, она услышала и знакомую сипловатую хрипотцу, и скрытый вызов, и надежду, и желание.

— И... узнаешь... — её пальцы справились с давно послушными им пуговицами.

Рубашка зашуршала с плеч, и эти слова она выдохнула Гарри в голую шею. Юноша вздрогнул, и она почувствовала, как тоненькие волоски под её губами встали дыбом, как покрылись «гусиной кожей» плечи, как участилось сердцебиение прямо под её левой ладонью, продолжающей поглаживать его торс. Гарри молча развернулся и, демонстративно сложив руки за спиной, привалился к двери. Вызывающе уставился на Гермиону в упор. Из-под упавшей чёлки она не видела его глаз — только тускло поблёскивали в свете свечи очки.

Помедлив мгновение — *ах, так ты даже меня не обнимешь, да?..* — Гермиона недобро прищурилась. — *Вот, значит, как? Ну, что ж...*

— Ге...Гермиона!.. Ч-что ты делаешь?.. А-ах...

Но она не ответила — она была слишком занята.

— Гермиона, ты не видела Гарри?! Он сегодня не ночевал...

Рон осёкся на полуслове и издал звук, напоминающий поросёный всхрюк: перед ним за полураспахнутым пологом безмятежно дрых сам без вести пропавший, а у него на плече покоилась голова крепко спящей Гермионы. Съехавшее одеяло не оставляло простора для толкований по поводу наличия, вернее, отсутствия на них какой-либо одежды. По всей комнате валялись перемешанные в одну кучу её и его вещи, с дверной ручки свешивался носок Гарри с застенчиво помахаивающим крылышками снитчем. Унылый стук дождевых капель по решетчатому навесу за окном аккомпанировал этой немислимой сцене.

За спиной Рона раздался шаг — кто-то из девушек шёл по коридору в ванную комнату, а потому ему ничего не осталось, как, покраснев до кончиков ногтей, причём на ногах тоже, быстро вскользнуть в дверь и прикрыть её за собой.

— Мерлинова мама, туды её в качель, — мгновенно разворачиваясь спиной к друзьям, пробухтел Рон. В голосе звучала неприкрытая зависть. — Я чуть с ума не сошёл — думал, этот придурок, никого не предупредив, опять намылился куда-то один... Блин — у нас тут, понимаете, конец света близится... А они... они...

Он потянулся к дверной ручке, брезгливо сдёрнул на пол носок и прислушался, однако голоса в коридоре не смолкали — напротив, становились громче и громче. Рон разобрал голос Джинни и... сердце дёрнулось в груди... Станы. Девушки о чём-то щебетали, стоя akurat под дверью гермиониной комнаты Первая мысль выйти им навстречу была Роном немедленно отменена: ему хватило воображения представить язвительные комментарии сестрицы. О том, что могло прийти в голову Стане, увидев она Рона, выходящего в столь ранний час из неприбранной комнаты факультетской старосты, даже думать не хотелось.

...Нашли место, где трепаться... — подумал он раздражённо, но, едва до него донеслось собственное имя, как, не в состоянии справиться с любопытством, юноша приник ухом к двери.

— ...я его знаю. Смотри, если будет к тебе приставать и хватать за всякое, ты сразу...

...Ну, сестрица, ну, поганка!!! — задохнулся от негодования Рон, испытывая неудержимое желание выйти и дать Джинни несколько полезных рекомендаций по поводу длины носа и места, где ей стоит впредь держать свои советы.

Однако судьба-злодейка только начала коварную игру: с кровати за спиной донёсся вздох, тихая возня,

шепоток, потом — звук влажного, сочного поцелуя... Обмирая от ужаса, Рон медленно повернул голову и тут же зажмурился с ощущением, будто его сунули в крутой кипяток.

...Мерлинова ма-ать... Что ж делать-то?! Не могу же я сейчас вежливым покашливанием дать им знать о своём присутствии?! Блин, они б хоть глаза открыли для начала! А-а-а!!! — Рон зажмурился. — *К чёрту дьяволу! Точно! Аппарировать отсюда!!!*

Ах, нет, не зря профессор Флитвик на факультативе по аппарированию делал особый упор на концентрацию внимания и магических сил. Не зря. К несчастью, смятение Рона оказалось слишком велико, а потому вместо того, чтобы с мягким хлопком исчезнуть тут и в тот же миг появиться, скажем, в гриффиндорской гостиной, он благополучно располовинился. Ещё через миг Гарри и Гермиона, оторвавшись друг от друга, сонно усталились на Рона и, взглянув в распахнутые глаза поднимающегося с кровати друга, Уизли заподозрил, что его неприятности только-только начинаются...

— Я ш-шлучайно... на ш-шекундш-очку заглянул, — с трудом забормотал он видимой Гарри половинкой рта, в то время, как другой части Рона в этот самый момент кровожадно улыбался мистер Филч.

— Я всегда, всегда говорил, что обучение аппарированию во время семестра — натуральное сумасшествие. Сегодня Уизли, вчера — Голдстин с Боунс разнесли Трофейный Зал, на той неделе Паркинсон застряла между слизеринским подземельем и Астрономической Башней... В резервацию, в резервацию их согнать — пусть там упражняются! — сообщил он Миссис Норрис.

Будто понимая, о чём идёт речь, кошка окинула скорбным взором своих глазниц-фонарей разгром на лестнице, учиненный неудачным приземлением Рона: опрокинутое ведро и стекающую по ступеням реку Универсального Чистящего Средства.

— Чтоб были сегодня в полвосьмого у меня в кабинете. Я вам покажу, как располовиниваться в неполюженном месте!

Завхоз зашаркал прочь, продолжая что-то бормотать о безумных студентах, безумных преподавателях, безумной школе, безумной жизни — «господи, ну когда же я помру и наконец-то обрету покой?!». Рон отчаянно вращал глазами ему вслед, зажмуривая в этот момент второй при виде занесённой для оплеухи руки Гермионы.

Вторая её звонкая оплеуха досталась корчащемуся от хохота на полу Гарри.

* * *

Люциус Малфой запахнул чёрный бархатный халат и медленно принялся завязывать пояс. В душе царили мир и покой вопреки напряжённости последних недель — всем сейчас приходилось трудиться дни и ночи, на сон оставалось едва ли пара часов в сутки: приготовления подходили к концу, и они должны были находиться в полнейшей боевой готовности, дабы выступить в любой момент.

Хозяин приказал.

Люциус усмехнулся, сразу став похожим на хитрого старого лиса. Потянувшись, откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, впитывая идущее от камина приятное тепло, наслаждаясь мягкостью бархата, льнущего к телу, и обжигающим ароматом огневиски. Однако куда больше камина и огневиски его грела мысль о грядущих событиях.

В тайнике, местоположение которого было ведомо только ему, хранился ключик к неузвимости и будущим свершениям. Вернее, целых три ключика, и даже немало повидавший на своём веку Пожиратель Смерти испытывал странный дискомфорт, вглядываясь в лишённые малейшей искры жизни лица своих двойников.

...Как видеть себя лежащим в гробу, — осознал он.

Рядом находились тела светловолосого юноши. Как ни странно, при взгляде в лицо собственного сына —

безмятежное и пустое, каким оно бывает только у покойников, Люциус никаких особых чувств не испытал, разве что лёгкое, едва уловимое раздражение: ему, всегда и во всём привыкшему полагаться на собственные силу, ум, изворотливость и находчивость, было очень неприятно признавать, что в самом главном деле его жизни первую скрипку будет играть отнюдь не он, а сопливый мальчишка. А так же Рабское Зелье, созданное гениальным Северусом Снейпом. С другой стороны, какая разница, коли в конце концов главный приз достанется ему, Люциусу Малфю?

...Северус, Северус... Где же тебя сейчас носят наши с тобой родственнички черти? Попадись ты в руки недавних союзников, все газеты бы уже трубили о поимке дважды предателя, экс-Пожирателя, в овечьей шкуре прокравшегося в Хогвартс и скрывавшегося там под маской скромного преподавателя зелий. Кто-то, а Шизоглаз не склонен ни к сантиментам, ни к выслушиванию доводов оппонентов. Как говорится — «посмертно оправдан»...

Малфой ухмыльнулся и сделал ещё глоток огневиски. Вкус вроде бы не изменился, однако прежнего удовольствия уже не было: неприметная мыслишка зашвербила в мозгу. Не открывая глаз, он потянулся за палочкой.

— Паркинсона мне, — негромко скомандовал Люциус, махнув ею в направлении камина. Даже с закрытыми глазами он ощутил, что пламя изменило цвет.

— Кха-кха... — чуть хрипловатое и очень деликатное покашливание оповестило, что приказ выполнен незамедлительно.

Воображение тут же нарисовало рыхлое лицо с обвисшими щеками — будто бы кроил их плохой портной, и теперь собственное тело оказалось владельцу не впору. Местами.

— Вот что, Френсис... — ещё один глоток огневиски. Вростяжечку. Люциус мог поклясться, что за гудением огня услышал, как Паркинсон гулко проглотил комок в горле. Ясное дело: достаточно взглянуть на пыльную бутылку и год разлива, чтобы изойти слюной от зависти. *Тебе, друг мой, Френсис, никогда такого даже не нюхнуть...* — Скажи-ка мне, как продвигаются дела по поиску нашего друга-зельевара?

— Эт-та...

...Наверняка сейчас оттирает пот и поправляет повязку. Кутузов, — скривился Люциус.

Паркинсон тем временем собирался с мыслями, дабы опять не сбиться на традиционную околесицу.

— К настоящему моменту продолжается проверка всех гостиниц и постоялых дворов, а так же магических клиник, — на одном дыхании затараторил он. — Как нам достоверно известно, границы Снейп не пересекал. Около его дома засада, однако он там тоже не показывался и, судя по поведению прислуги, знать о себе не давал, — голос упал до едва различимого шёпота.

Паркинсон зажмурился и склонил голову, ожидая заслуженного проклятья. Но Малфой сделал ещё глоток огневиски, прислушался к мерному тиканью часов и... внезапно смягчился.

— Подсуетитесь, — посоветовал он, мысленно усмехнувшись: да *впрочем, какая теперь разница: совсем скоро я... только я...* — Ступай.

Прошальные слова, вздох облегчения из-за каминной решётки. Паркинсон не поверил собственным ушам, а потому исчез практически мгновенно, и тогда Люциус наконец-то открыл глаза. Покачав огненную жидкость в бокале, среброволосый маг задумчиво взглянул сквозь неё на пламя.

...И всё-таки капельку неприятно. Ведь как чувствовал же: надо, надо было убить его собственными руками. Определённо — от гуманизма сплошные проблемы.

Часы в углу принялись отбивать полночь, и от вальяжной расслабленности не осталось и следа: Малфой резко выпрямился и подобрался, словно хищник перед броском.

...Драко?

...Да, отец.

...Ну-с, слушаю тебя.

...Они продолжают попытки выбраться из замка. Вдвоём — Поттер и Уизли. Пока безуспешно, однако как только вы дадите мне знать...

...Полагаю, в течение пары дней основные приготовления будут завершены, и тогда мы нижежайше попросим Поттера сообщить нам имеющиеся у него части заклинания. Коли тебе самому их заполучить не удалось. Надо заметить, отличный шанс реабилитироваться, сын мой. Только будь порасторопней: ты должен находиться в нужном месте в нужное время.

...Непременно. А как ваши дела, отец мой? — в тон откликнулся Драко, и даже в его ментальном голосе зазвучал хорошо закамуфлированный сарказм. — Что с последней частью?

...Я работаю над этим, — сухо, без уточнения, что все усилия пока не увенчались успехом, откликнулся Люциус. — Твоя задача — получить от Поттера уже собранные части: возможно, в них таится ключ к последней. Полагаю, ты готов к серьёзной проверке твоих умений? Это ведь посерьёзней, чем затискивать грязнокровку в моём кабинете...

В слизеринском подземелье Драко дёрнулся и покраснел: отец теперь знал о нём всё и время от времени колким замечанием с удовольствием ввергал в пропасть мучительного стыда.

...Да, отец. Едва Поттер окажется в моих руках...

...не сомневаюсь — ты не упустишь его. Я верю в тебя, сын. И тогда...

...Да, отец?

...Нет, ничего. Прощай.

...Прощайте, отец. До завтра.

...И тогда весь мир ляжет к моим ногам, мальчик мой. Ты вознесёшь меня на трон своими собственными руками.

Люциус Малfoy сделал ещё один глоток. Блаженно улыбнулся. Удивлению его не было бы предела, скажи ему кто-нибудь, что его сын сейчас тоже улыбается. Насмешливо и презрительно.

* * *

— Мантикраба тебе в штаны!

Рон повторял это после каждого удара головой об низкий потолок — уже, наверное, раз в сотый, чередуя чертыхания по поводу тёмного и низкого тоннеля, по которому они пробирались следом за Плаксой Миртл, с сетованиями по поводу их с Гарри недогадливости:

— Надо было давно к ней обратиться! *Бац!* Мантикраба тебе в штаны!

Гарри сам удивлялся, почему это не пришло ему в голову; наверное, причина состояла в том, что Плаксы Миртл сейчас было не слышно и не видно — она не показывалась в замке, не затапливала коридоры, не стенала, не страдала, не... Да и, по правде говоря, она всегда была несколько бестолковой, так что ожидать от неё чего-то подобного... А тут туалетное привидение, проявив активность и настойчивость, само разыскало отчаявшихся гриффиндорцев и — надо же! — с готовностью предложило помощь. Юноши сначала насторожились, подозревая, что отправиться в озеро им предстоит, не иначе как просочившись через канализацию, однако после долгих блужданий по коридорам, когда они уже начинали терять терпение, Миртл показала им скобу факела, за которую надо дёрнуть, — в стене открылся узкий, тёмный, уходящий резко вниз проход, по которому они сейчас и пробирались. Миртл серебрилась впереди. Была она на редкость немногословна и — Гарри мог поклясться — безмерно счастлива.

— Ну, мальчики, дальше я с вами не пойду, — внешне запно сообщила она, косясь на Рона, который с остервенением тёр очередную шишку на голове, и махнула прозрачной рукой куда-то вперёд. — Можете

зажечь палочки, тут уже нет детекторов магии. Дальше, в тупичке, увидите такую же скобу с факелом, как на входе: её надо будет повернуть. Удачи.

— А что это за запах странный? — принюхавшись, осведомился Гарри.

— Где запах, какой запах? — Рон перестал чертыхаться. Так и не отняв руку от головы, зашмыгал простуженным носом, но безуспешно: отработка взыскания у Филча в компании отсыревших картин, заплесневелых гобеленов и какого-то вонючего раствора, которым ему пришлось всё это великолепие обрабатывать, отбила у него всякое обоняние — за обедом он, развлекая окружающих, ел жареную рыбу вперемешку с ванильными булочками: «что так, что эдак — разможенный картон».

— Вроде... Тухлятиной несёт.

Рон тут же перестал принюхиваться.

— Ах, ты об этом... — беспечно махнула рукой Миртл, — так озеро жардом. Может, кто утоп. Или помер. Или какая русалка выбросилась на берег, решив с собой покончить...

И без того тусклый свет в коридоре, идущий от покрытых светящейся плесенью стен, разом померк в глазах гриффиндорцев.

— Русалки — они вообще... странные. Если что — вы не теряйтесь: по сусалам их, по сусалам, — Миртл сделала неожиданно воинственный жест. — Гарри... — её щёки застенчиво засеребрились, — и, кстати... моё предложение остаётся в силе: если умрёте, можете поселиться в моём туалете: места на всех хватит.

— Да пошла ты!.. — рывкнул Рон, волосы на голове которого стояли дыбом. — Ох, не нравится мне всё это, — пробурчал он так, что его слышал только Гарри, — уж если кого-то называет странным Плакса Миртл — добра не жди...

Одарив Рона уничижительным взглядом, Миртл послала Гарри улыбку, которую искренне мнила кокетливой (от неё обоих ребят бросило в холодный пот), и серебристым облачком зашепила обратно; а Гарри и Рон, чуть поколебавшись, двинулись дальше — тем паче, что пути обратно всё равно не было: их проводница упорхнула, сами они блуждали бы по этим тёмным лабиринтам до скончания века.

За потайным выходом, который оказался именно там, где и обещала Миртл, раскинулось, куда хватало глаз, озеро. Поднялся ветер — вдобавок к дождю мелкая зыбь пробежала и рассыпалась по свинцовой поверхности. Гарри и Рон обменялись взглядами и, не сговариваясь, передёрнулись: выбраться наружу страшно не хотелось, не говоря уж о купании. Гарри так и вовсе ощутил малодушное желание вернуться обратно в замок — как было бы хорошо сейчас очутиться в тёплой гриффиндорской гостиной... и чтобы Гермиона со своими книгами притулилась рядом... Судя по несчастной физиономии Рона, того снадали приблизительно такие же мысли. Они стояли и молча смотрели. Меж тем, порывистый ветер, всё усиливаясь, стал штормовым, ударил в лица, занырнул под мантии; по озеру заходили тёмные волны, и дождь начал лупить по воде с неистовой яростью. Буря всегда порождает особое ощущение нереальности, вот и сейчас низкие тучи давили к земле, и через несколько минут безмолвного созерцания озеро уже стонало, словно одержимое, а тёмная, мутная вода вздымалась, пенясь, и билась о берег с диким ожесточением. На бурлящей воде у берега, среди мёртвого неприятно качающегося тростника, как два листочка, подпрыгивали две связанные верёвкой лодки.

Гарри с совершенно обречённым видом расстегнул мантию и аккуратно уложил её у самого выхода из подземного хода. Потом, сопровождаемый изумлённым взглядом Рона, снял рубашку, стянул через голову майку, разулся и — в довершение — снял носки. Волшебную палочку он засунул себе за ремень, в очередной раз припомнив предостережение Хмури, ибо сейчас речь шла даже не о корме, а, если так можно выразиться, о драгоценной носовой части.

— А тут хоть сухое будет, — пожал Гарри тут же посиневшими плечами в ответ на незаданный вопрос друга.

Заранее задрожав, Рон последовал его примеру, и уже через пару минут друзья, стуча зубами, обменивались взглядами, в которых смешалось недоверие, напряжение и какое-то странное, безумное веселье: и правда, ежели рассудить — «только настоящие гриффиндорцы решаются открыть купальный сезон в такое время года и в таких погодных условиях», — выдавил, придерживая рукой прыгающую от холода челюсть, Гарри. С перекошенными в сардонических улыбках лицами юноши шагнули под бьющие наотмашь плети дождя. Рон чертыхался сначала вполголоса, но по мере приближения к воде ругательства становились всё громче и заковыристей; Гарри не без основания предполагал, что таким образом приятель вдохновляет себя на подвиги. Наконец, с победной точкой в генеалогических изысканиях основных волшебных семейств, которую Рон поставил, крича уже во весь голос, они достигли воды, отвязали ближайшую лодку и впрыгнули внутрь.

— Т-ты грести умеешь? — Рон кивнул в ответ. Хрустнул под веслом сухой тростник. — Нам бы просто немного отойти от берега...

Посиневшие губы почти не слушались, челюсть свело — в пору руками двигать, и Гарри всерьёз засомневался, смогут ли они разжевать упругие, как резиновые щупальца, жаброводоросли, резко пахнущие йодом, неаппетитно выглядящую бурю массу которых он вытащил из кармана. Озеро бесновалось, перехлёстывая через нос и бока, лодку швыряло из стороны в сторону; передавая Рону водоросли, Гарри едва не кувыркнулся в воду — вцепился в борта в самый последний момент. То, что ждало их в ближайшее время, вызывало у него всё меньше энтузиазма и добрых предчувствий: всякий, осмелившийся взглянуть в глубины озера, содрогнулся бы при виде жуткой массы тёмных водорослей, сплетающихся, скручивающихся и трущихся друг об друга, как женские волосы. Одинокая птица, подталкиваемая ветром, промчалась наискосок над озером, точно дух. А далеко внизу ждал угрюмый, холодный, неприветливый и опасный мир водных людей.

...Будем надеяться, Гермиона собрала всю возможную информацию.

...Будем надеяться, чёртов Лонгботтом не облажался с Гербологией.

Рон с явным усилием жевал, прикусывая собственный язык и даже этого не ощущая.

— С-слушай, — крик был такой же дрожащий и словно бы даже пупырчатый, как и он сам. — Я сейчас концы отдам. Отвечаю.

— С-скоро будет полегче, — с затаённой надеждой невнятно откликнулся Гарри сквозь набитый рот.

— Кстати, на кой мы п-попёрлись в штанах? Уж если п-потом переодеться в сухое, так целиком... Там же в-всё равно сплошные дамы, может, если мы слегка разденемся, они будут поговорчивей и, поражённые нашими... нашей... э-э... мощностью, без разговоров дадут нам всё, что надо. В с-смысле — скажут заклинание, — если Рон надеялся, что шутка хоть чуть-чуть развеет атмосферу, он жестоко просчитался.

— Нашей мощью? Ты хотел сказать — нашими мощами? И потом почему же — только дамы? У русалок есть мужья — тритоны. Кстати говоря, в прошлый раз они не показались мне слишком дружелюбными — боюсь, в ответ на нашу мощь у них тоже кое-что найдётся. Хотя, конечно, волшебники из них, как из гигантского кальмара.

Вырвавшееся у Рона ругательство перекрыло шум дождя и отчаянный скрип грозящей вот-вот разломиться на части лодки.

— ...!!! Тритоны?! А почему я об этом узнаю только сейчас?! — комок жаброводорослей мгновенно пролетел Рону в глотку.

— Так ты раньше не спрашивал, — Гарри тоже проглотил жаброводоросли и с тревогой ожидал последствий.

— А о чем я ещё не спрашивал, мантикраб тебе за пазуху?! А?! А что если эти трито...

Рон не договорил: вытаращив глаза, он подавился словами, захлебнувшись воздухом, перекопился от боли; пальцы с появившимися между ними перепонками вцепились в горло с таким ожесточением, словно Рон силился отодрать от себя лапы душащего его чудовища.

— Рон!

Лицо друга синело буквально на глазах и в считанные секунды сравнялось по цвету с губами. Он умоляюще простёр к Гарри одну руку, отчаянно скребя себя по груди второй, будто пытаясь разодрать грудную клетку. На шее зияли узкие прорезы.

Жабры.

— Ныряй же, Рон! Быстрее...

Гарри договорить тоже не удалось: он резко задохнулся, лёгкие обожгло, как кипятком, на шее за ушами что-то лопнуло — отчаянно больно, как бритвой полоснули. Пинком скинув ошалевшего Рона через борт в ледяную воду, он плюхнулся следом.

* * *

Драко Малфой задумчиво мыл руки в туалете и параллельно изучал себя в зеркале. Увиденное совсем не нравало: бледная кожа, в тусклом освещении и вообще какая-то покойницкая, синие тени под глазами, бескровные губы, залёгшие под скулами впадины — мда, не тот вид, который полагается будущему Властелину Вселенной. Ещё немного, и мадам Помфри заклинанием привяжет его к больничной кровати и будет пичкать всякой дрянью.

...А Властелин Вселенной не должен ассоциироваться у подданных с микстурой, градусником во рту и клизмой в... Э-э... И с клизмой.

В последнее время Драко здорово измучили недосыпание вкупе с бессонницей и кошмарами, во время которых его снова и снова окружали мертвецы. Они тянули к нему руки, то ли о чём-то умоляя, то ли чего-то требуя... И каждый раз ему приходилось отчаянно размахивать палочкой, повергая их во прах, — десятки, сотни, тысячи, сонмы... Но они снова обретали плоть — вернее, клочья осклизлой плоти на бурых костях. Клацали зубастые рты, из провалившихся глазниц безумно тарачились лишённые век глаза; иссохшие пальцы с длинными растрескавшимися ногтями тянулись, силась вонзиться в живую плоть. Драко выкрикивал заклинания, бормотал заговоры, творил заклятья... чтобы, мокрым с головы до ног и с отчаянно колотящимся сердцем, очнуться на полу в коконе обвернувшихся вокруг тела простыней.

— Как я устал, — задумчиво сообщил он своему отражению.

Приподняв лицо к свету, с неудовольствием отметил едва заметный прыщик под губой. Свёл его косметическим заклинанием. Зеркало деликатно молчало: оно слишком хорошо разбиралось в этикетке, чтобы понять — наследнику фамилии Малфоев сейчас не нужны собеседники.

...Ничего, потерпим, — продолжал слизеринец уже мысленно. — Игра явно стоит свеч. Тёмный Лорд думает, что он играет со всем миром, батюшка полагает, будто он играет с Вольдемортом... И никто не подозревает, что теперь все ниточки у меня в руках. Все они хотят загребать жар моими руками — как бы не так! У меня тоже имеются кое-какие виды на эту планетку...

Драко усмехнулся, опустил взгляд к узкой ладони с длинными пальцами и сжал их в крепкий кулак. Потом закрыл воду, вытер руки бумажным полотенцем, небрежно швырнув его на пол (где оно мгновенно исчезло, подхваченное заботливыми руками домовиков) и вышел в коридор. По длинной каменной трубе вольготно разливали сквозняки, играя в прятки за тяжёлыми гобеленами с гербами древних волшебных

семейств. Герб Малфоев, естественно, тоже имелся — обвившая шею дракона змея находилась после МакДуггалов с их указующим в небеса отрубленным перстом. Сейчас, чуть раскачиваясь, она даже казалась живой — как и дракон, пускающий из носа клубы дыма. Но Драко было не до геральдики: не намереваясь более терять ни секунды, он заторопился в сторону слизеринского подземелья — стоит безотлучно находиться на месте, ведь в любое мгновение...

— Мистер Малфо-ой! — от сладкого голоса профессора Гатто Драко дёрнулся, словно от удара в спину; сердце кузнечным молотом забухало в груди, а ладони взмокли так, что волшебная палочка (которую Драко теперь не выпускал из рук даже в собственной комнате) за малым не выпала из пальцев.

Помяни чёртика... Надо б успокоительного попринимать...

— Я тут вас ищу, ищу... У меня новости, — сочная пауза, во время которой привидение с подчёркнутым вниманием крутило головой, проверяя, не подслушивают ли их, хотя и прекрасно знало, что ни единой мёртвой ли, живой ли души поблизости нет. — Нервничаете? — окинув слизеринца вдумчивым взглядом, итальянец приподнял густую бровь и понимающе заухмылялся, отчего у Драко снова неприятно засосало под ложечкой. — Понимаю, понимаю: медвежья болезнь перед такими делами — вещь совершенно обычная, вам нечего стесняться, с кем не бывает: маги и постарше, и могущественнее вас временами маялись животом... — в глазах поблёскивала неприкрытая издёвка.

Драко хрустнул зубами, но, зная норы нового школьного привидения, промолчал.

— А я вас ищу, ищу, — повторил Гатто, наслаждаясь собственной безнаказанностью, — пока вы тут, с позволения сказать, в клозете... э-э... размышляете о вечном... Не подумайте, я не собираюсь ставить сие в вину, не так много счастья на этом свете, надо ловить минуты радости: *hoc est vivere bis, vita posse priore frui* — суть «уметь наслаждаться прожитой жизнью — значит жить дважды»... К чему же я?.. — Драко уже заметно трясло, и Гатто эффектно закончил: — Ах, да! Поттер-то с Уизли — фьють, — лёгкое шевеление указательным и средним пальцами в воздухе, — упорхнул из замка.

— Когда?! — заорал Драко, махом забыв обо всём. — Когда?! — он кинулся на Гатто, пытаясь схватить привидение за грудки и выбить из него всю правду, но только провалился сквозь ледяное облако.

— Да, наверное, с час уже, — задумчиво почесал бровь Гатто, оборачиваясь и любясь, как слизеринец, кипя от белоснежного бешенства, поднимается с пола. — Моя малышка... э-э... Плакса Миртл как раз провозжала их к оговоренному месту, когда я кинулся вас искать, — как мы и условились. Но вы, видите ли...

Живот у Драко свело так, что ему показалось, будто он сейчас подавится собственными кишками. С воплем, полным отчаяния и боли, он рванулся по коридору к уже известному нам подземному ходу.

Профессор Гатто с ехидной улыбкой смотрел ему вслед:

— Что, мистер Малфой, думаете, вы такой хитрый и ловкий? Дескать, всё предусмотрели, осталось только вовремя дёргать за ниточки? Как бы не так — ниточки-то ниточкам рознь. Там чуть припоздали, тут — поторопились, глядишь — вроде всё сделали, а удача из ладошек — порх! — снова быстрое шевеление пальцами. — Ещё никому не удавалось диктовать Карло свои условия — ни при жизни, ни после смерти, — привидение приосанилось — *Eripitur persona, manet res. Человек гибнет, дело остаётся. И не надо сбрасывать меня со счетов — я ещё постою над всеми вами!*

* * *

Драко не тратил времени даже на мысленные ругательства — он нёсся по подземному ходу, следуя известным ему меткам. Мозг был ясен и холоден, как не-

бо в жестокий мороз: ему не хуже Гатто было известно, что время упущено, и к тому моменту, когда он выскочит к озеру, Поттер и Уизли, скорее всего, уже окажутся вне пределов досягаемости. А значит, хрупкий и столь бережно сплетённый им план, в результате которого гриффиндорская парочка должна была намертво запутаться в расставленных силках, а он, Драко Малфой, исполняя роль заправского паука, — вытащить из них всё, что им известно о Защитнике, с треском провалился.

Ярость слепила, фамильный темперамент брал своё: Драко безумно жалел, что под рукой нет домовика, которого можно было хотя бы придушить: кулаки сжимались-разжимались, мечтая о жертве.

Вдруг он остановился как вкопанный — а, собственно, смысл бежать, если исход предрешен?

Суетливость не к лицу будущему...

Малфой запрокинул голову, стукнувшись затылком о какой-то склизкий выступ, и позволил себе смачно, со вкусом выругаться. Потом сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, восстанавливая дыхание.

...Что ж... Если не получилось до, будем поджидать их по возвращении. Вряд ли их хватятся в самое ближайшее время. Да и снаружи искать уж точно не будут — тупица Дамблдор убеждён, что все ходы-выходы из замка перекрыты... Так что перехватим наших друзей на обратном пути. Если, конечно... — Драко суммировал все известные ему сведения о русалках, и былая уверенность чуть поколебалась, — если, конечно, они вообще вернутся.

Однако об этом ему думать совершенно не хотелось: чтобы планы насчёт покорения мира рухнули из-за каких-то хвостатых тварей? Слизеринец, козырьком приставив к бровям руку, дабы предохранить глаза от ветра и дождя, покрутил головой в поисках подходящего места, откуда бы выходящий к Хогвартсу берег озера был виден как на ладони, и цепляясь за полусгнившую прошлогоднюю траву и чахлый кустарник, начал вскарабкиваться по глинистому обрыву.

Погода полностью отвечала его настроению.

* * *

Если Рон и хотел обменяться с Гарри впечатлениями по поводу великолепия королевского дворца — особенно по сравнению с убогими жилищами прочих водных жителей, то сделать он этого никак не мог: изо рта вместо слов вырывались пузыри воздуха. Русалки же говорили вполне внятно — внятно по форме, однако не по содержанию: эти чихательные созвучия не несли для Гарри и Рона никакого смысла, они даже не понимали — ругаются те или же просто разговаривают.

Сначала визит не сулил ничего хорошего: очутившись на окраине придонной деревни, гриффиндорцы оказались атакованы злыми рукастыми гриндилоу, потом появились весьма негостеприимные тритоны. В первом случае здорово помогло заклинание, выстреливающее из волшебной палочки струёй кипятка, а во втором — небольшая демонстрация силы. Осознав, что копыя — едва ли серьёзное оружие против двух совершеннолетних волшебников, тритоны уволокли с площади ошпаренных и начали совещание, затаившись в густых водорослях. Оно долго не продлилось: буквально через четверть часа туда нырнул морской конёк, на хвосте которого что-то болталось — *записка*? — Гарри не успел рассмотреть, — и почти сразу же, повиная хвостами согласно этикету — два коротких гребка вправо, один длинный влево, тритоны угрюмо склонились перед, с позволения сказать, «дорогими гостями», приглашая знаками следовать за собой.

Когда они проплывали мимо памятника на главной площади, Гарри пихнул Рона в бок: именно здесь и были привязаны пленники во время второго задания Трёмудрого Турнира. Сразу вспомнилось, как он освобождал друга, как потом поджидал остальных, боясь, что те не успеют...

...Успеет ли мы?..

Он взглянул на тускло мерцающие на запястье часы: по обещаниям Лонгботтома, у них в запасе имелось полных три с половиной часа.

— Возможно, чуть больше, но за три с половиной я ручаюсь, — как всегда, чуть виновато улыбнулся Невилл, передавая Гарри пакетик.

Вторая порция жаброводорослей сейчас лежала у Гарри в заднем кармане штанов, поэтому он чувствовал себя в относительной безопасности. По крайней мере, в ближайшее время.

...А там видно будет.

Настороженные тритоны, кольцом окружившие гриффиндорцев, плыли в некотором отдалении. Время от времени они кричали какие-то странные слова, видимо, имеющие отношение к направлению, «атира!», «котира!» и махали рукой. Наконец, перед ними возник подводный сад явно рукотворного происхождения: разноцветные, прихотливо рассаженные водоросли, способные по богатству и яркости раскраски поспорить с земными цветами, светящиеся рыбки исполняли роль фонарей, успокаивающе покачиваясь над головами, под ногами белели выложенные мелкими ракушками дорожки между клумбами, и везде — буквально куда ни кинь взгляд — торчали статуи венценосных тритонов и русалок с трезубцами в руках — видимо, коронованных особ.

— Коко, — с явным облегчением сообщили провожатые, когда процессия достигла огромных ворот, уходящих высоко вверх, в тёмную толщу воды над головой. Пока Гарри с Роном растерянно переглядывались, ища что-нибудь типа дверного молотка или звонка, тритоны исчезли, но, видимо, королевской семье уже было доложено, ибо почти сразу ворота распахнулись.

От изумления перед великолепием, представшим их взорам, мальчишки только рты разевали да время от времени тыкали друг друга локтями в бок — под конец Гарри даже не сомневался, что синяк ему обеспечен, уж больно косяком оказался локоть Рона.

— Арэ ва дарэ дес ка? — внезапно хрипло прогрохотало над ними.

Дёрнувшись от неожиданности, Гарри и Рон узрели Короля и Королеву — восседая на тронах (по совместительству — колясках, влекомых взнузданными разноцветными рыбами, каждая размером с некрупную собаку), те внимательнейшим образом изучали вновьприбывших.

— Что он говорит? — прочитал Гарри по губам друга.

— Может, спрашивает, кто мы? — пожал плечами, он задрал голову к коронованному особам, попытался как можно вежливее поклониться: — Гарри Поттер и Рон Уизли. Студенты Хогвартса, — вместо внятных фраз с губ сорвалась очередная цепочка пузырьков, и Гарри всерьёз озабочился, удасться ли ему донести таким способом суть миссии, вынудившей их спуститься в подводные глубины. Но, похоже, водным людям это не мешало.

— Что вам нужно? — произнёс главный тритон уже на человеческом языке.

— М-мы... — бульк! — вот чёрт... — буль-буль... — Мы ищем закливание Защитника, — принялся булькать Гарри. Судя по перекосившемуся лицу Рона, вид при этом он имел довольно жалкий. — И хотим спросить нет ли у вас...

Повелительный жест велел ему умолкнуть.

Тритон тронул вожжи, что-то хрипло рывкнул, и рыбы послушно спустились пониже. Экипаж королевы последовал за экипажем короля, теперь Гарри мог разглядеть их обоих поподробней. Увиденное ему категорически не понравилось: ну, во-первых, серые лица с зелёными спутанными волосами сами по себе выглядели довольно неприятно. А уж от вонзившихся в них пронзительных, очень недобрых взглядов сразу же засосало под ложечкой. Рядом колыхнулась вода. Повернув голову, Гарри с ужасом увидел, что Рон уже поднял свою волшебную палочку.

— Дурак, что ли! — он хлопнул его по руке.

— Берегись, Гарри! — пробублькал Рон. Судя по пузырям, он, наверное, кричал.

— Спокойно, Рон, — тем не менее, Гарри покрепче сжал перепончатую лапу со своим оружием.

— Ты на их рожи, на рожи взгляни...

— Котира! — внезапно скомандовала Королева, и сразу стало понятно, что последнее слово здесь принадлежит ей. Видя замешательство людей, она повторила: — Сюда, — и для верности проиллюстрировала свои слова жестом, махнув рукой в сторону широкого овального прохода, занавешенного колышущимся в вейании подводного течения занавесом из разноцветных водорослей.

Хлопнули по спинам рыб вожжи, и коляски рванулись с места, указывая дорогу. Гарри и Рону ничего не осталось, как последовать за ними.

* * *

Русалка сопротивлялась недолго: удар копы, клуб плеснувшей из раны крови, и хвост её, трепыхнувшись напоследок, бессильно обвис. Два мрачных тритона подняли её на разделочный стол и принялись за работу. Чешуя, как искры, разлеталась в разные стороны.

— Мне впервые приходится делать нечто подобное, — нарезая тонкими, почти полупрозрачными полосками бело-розовое мясо, внезапно сообщил тот, что помоложе, — его борода была много короче и ярче тускло-зелёной бороды напарника, у которого она была такой длинной, что ему даже приходилось подвязывать её специальной тесёмочкой.

— Мне тоже, — откликнулся он через некоторое время, продолжая ритмично работать остро заточенной ракушкой, выполняющей роль ножа. — Говорят, такого уже много веков не случалось. Но моему деду рассказывал его дед, что давным-давно сюда уже являлись живые люди. Их накормили русалочьим мясом, а потом забили и приготовили кушанье для Короля и Королевы.

— Что ж это за кушанье-то? — удивлённо спросил поварёнок.

— Ты лучше спроси, что это за Король с Королевой, — многозначительно приподнял лохматые зелёные брови второй.

— И что?

— Те же самые... — наклонившись к уху товарища, прошептал тритон.

Какое-то время поварёнок продолжал по инерции резать мясо и друг, осознав, ахнул, замешкался — и острая, как бритва, ракушка полоснула его по пальцу. Он взвыл и сунул палец в рот, высасывая кровь.

— Да не может быть... — наконец прошептал он. — То есть...

— ...то есть это — тот самый секрет, что охраняется, как зеница ока...

— Вот, значит, почему все так задёргались, когда прибыли люди... Значит...

— Когда я стал главным королевским поваром, от меня потребовали, чтобы я перечислил ингредиенты и порядок изготовления ритуального блюда «Глоток вечности». Теперь я понимаю, из чего оно готовится... — пожилой тритон закончил нарезать мясо и теперь макал его в вязкую массу из икры каракатицы и перетёртых бурых водорослей.

Молодой тритон молчал, продолжая посасывать порезанный палец. На его лице появилось задумчивое выражение.

— А ты видел их?

— Людей-то? — демонстрируя завидную проницательность, уточнил повар.

— Угу.

— Видел. Много раз. У нас тут пару лет назад целое нашествие случилось, или ты не помнишь?

— Нет, я тогда себе хвост сломал, и гребка из дома сделать не мог.

— Ну, они поменьше тебя будут. Вроде как, говорят, один из них в тот раз сам сюда приплыл, а второго

Дамблдор заслал... Если я всё правильно помню, они некрупные и довольно... суховаты, — очень гастрономически оценил Гарри и Рона старый тритон.

— А как думаешь... ведь готовить-то тоже придётся тебе... Верно?.. — хриплым шёпотом, придвинувшись поближе к напарнику, начал поварёнок. — Если мы попробуем... — нет-нет, исключительно, чтобы убедиться, что всё сделано правильно и получилось вкусно! — тут же поправился он под строгим взглядом, — этого... никто не заметит?

* * *

— Не нравится мне это, не нравится...

Гарри мог бы поклясться, что Рон бормочет себе под нос именно эту фразу. Во всяком случае, он сам готов был под ней подписаться: происходящее тоже не сильно ему нравилось, однако, наученный богатим опытом, он знал, что за так никто никакое заклинание ему не отдаст. А потому, стоя спина к спине, готовые как кинуться в атаку, так её и отразить, гриффиндорцы просто ждали. Именно ожидание было самым утомительным — *уж быстрее бы напали, что ли!* — поймал себя на мысли Гарри.

В том, что грядёт нечто в этом роде он не сомневался, перехватив взгляды, которыми, оставляя их в этом зале, напоследок обменялись Король с Королевой. Однако пока всё выглядело предельно мирно: под потолком плавали осветительные рыбки и медузы, величественно колыхались разноцветные занавеси из водорослей, за которыми поблёскивали глаза любопытствующих, откуда-то доносилась протяжная песня, выводимая женскими голосами:

— Вага сэго га.

Курубэки ей нари...

...Надо же, — подумал Гарри, — когда разговаривают, кажется, будто ругаются насмерть, а как запели, то очень даже ничего себе выходит...

Песня убаякивала, и Гарри поймал себя на том, что ужасно хочется присесть в одно из уютных зелёных кресел — точнее, на один из обёрнутых водорослями валунов, к которому в качестве подлокотников было приставлено ещё два. Рон зевнул — из его рта выпорхнул огромный клуб воздуха и медленно поплыл вверх.

— Сасагани-но

Кумо-но фурумаи...

Песня оборвалась неожиданным визгом, причина которого влетела в зал верхом на гигантском морском коньке: маленькая русалочка воинственно размахивала игрушечным копьём, гонясь за рыбкой, на плавнике которой болтался бант.

— Маттэ!!! — орала русалочка, однако рыбка со всех плавников устремилась вверх и исчезла в одной из многочисленных пещерок, отходящих от зала.

Впрочем, обнаружив новый объект для изучения, юная подводная обитательница не стала горевать, она подплыла к гриффиндорцам и начала бесцеремонно их разглядывать, словно те являлись неодушевлёнными предметами: Рону так и вовсе показалось, будто его вот-вот начнут тыкать пальцем.

Занавеси снова заколыхались, и в зал вплыла целая процессия русалок с блюдами в руках. Судя по ожерельям из одинаковых ракушек, уложенным в замысловатые причёски зелёным волосам и одинаковым браслетам на шеях они прислуживали при дворе. К ужасу Гарри и Рона, они поголовно были толпы, так что гриффиндорцы сначала вытаращили глаза, а потом немедленно развернулись к ним спиной. Причина подобной реакции крылась не только в том, что были не готовы к подобному зрелищу... хотя, позвольте! — как раз именно потому, что не были готовы, что *это* вместо упругого, розового, нежного и такого... *такого*⁹⁷... может оказаться морщинистым, дряблым и серозеленым. Рон пускал судорожные пузыри, Гарри чувст-

вовал, что волосы сами собой распрямляются во всю длину.

Сзади раздалось многозначительно покашливание. Юноши обречённо оглянулись — к счастью, развратные русалки уже уплыли, и теперь перед ними стояла королева. Стояла и приглашающе указывала рукой сервированный стол.

— Прошу, — не по-женски хриплым голосом произнесла она.

Гриффиндорцы переглянулись. Есть им совершенно не хотелось, тем более — неизвестно что, однако взгляд королевы был твёрд, как камень, и Гарри понял, что до тех пор, пока они не исполнят положенные формальности, ни о каких делах речи не будет.

Он сделал гребок и подплыл к столику, протянул руку...

— Иие! — внезапно истошно заорала маленькая русалочка, и крик её, словно бритва, резанул по ушам. — Кими! — развернувшись к Рону, она ткнула пальцем в него и, не успев почерневшая от ужаса и гнева королева вмешаться, продолжила на чистом человеческом языке. — Ешь ты, я приказываю. А потом я буду есть тебя. И обрету вечную жизнь. А ты, — она развернулась к Гарри, — слишком худой. И жёсткий. Я тебя не хочу.

Потрясенная тишина продлилась доли секунды — ровно столько потребовалось, чтобы пришедшие в себя Гарри и Рон рванулись прочь, а королева русалок, раздувая щёки, затрубила в огромную ракушку, созывая стражу.

* * *

Если бы Гарри приходилось выкрикивать заклятие *Relashio* в полный голос, он бы наверняка охрип. Рон — с его-то темпераментом — охрип бы ещё раньше. Выше и выше — отпिनываясь от гриндилоу, уворачиваясь от копий и посылая в ответ заклятья, рвались гриффиндорцы к поверхности; вот толща воды над головой начала светлеть, вот она стала мутной из-за плавающих осмётков разорванных водорослей, а русалки с тритонами всё не отставали. Пусть они не являлись волшебниками, зато их было много. Они то выныривали из-за густых зарослей водорослей, то роняли беглецам на голову тяжёлые топляки; не раз и не два Гарри и Рон замечали летящее в них копье в самый последний момент, а применять серьёзные заклятия в водной среде они побаивались: а ну как в ответ на какой-нибудь *Expelliarmus* превратишься в утыканное копьями подобие ежа?!

Показались знакомые густые заросли водорослей — до поверхности оставались считанные футы, и тут Гарри пронзила жуткая мысль: а что они с Роном, собственно, будут делать на поверхности с жабрами?! Он в ужасе оглянулся на друга и получил в ответ совершенно дикий взгляд: вытаращив глаза, тот снова держался за горло и протягивал руку — на этот раз вверх, к воздуху, и Гарри заметил, что перепонки между пальцем друга исчезли. А значит...

И точно: спустя секунду на грудь будто уронили каменную плиту — воздуха! воздуха! — истошно заорал организм; в последнем рывке хватив Рона за руку, Гарри, зажмурившись, будто это помогло бы с сэкономить глоточки жизни, толкнул его вверх и сам рванул следом, но запутался в водорослях. В ужасе замолотив руками и ногами, он дёрнулся раз, другой — не помогло: плотные, сулящие смерть петли обвили вокруг щиколоток, а снизу уже подплывали исполненные мрачного ликования тритоны. Последним всплеском сознания Гарри поднял палочку и окатил их кипятком, отбросив назад... в тот же миг воздух в лёгких кончился, перед глазами потемнело... рука в прощальном жесте вяло махнула вверх, прощаясь с небом, землёй... и в этот момент крепкие пальцы Рона схватили за запястье и резко дёрнули.

Оба кашляли так, что не удивились бы, если бы выкашляли все свои внутренности. Но расслабляться было некогда: тритоны и русалки не собирались ждать,

⁹⁷ Уймись, Гарри!

когда полуживые мальчишки соберутся с силами и дадут им отпор: уже через мгновение Гарри снова почувствовал хватку на щиколотке — на этот раз это уже были не водоросли, а цепкие пальцы. Изловчившись, он лягнул неосмотрительно подплывшего к нему тритона в лицо, отметив, как что-то подало под босой ногой — *наверное, нос ему сломал...* В тот же миг вскинул руки и на миг ушёл под воду Рон, а вынырнул он с перекошенным в гримасе боли лицом. Вокруг него расплывалось багровое пятно: копьё тритона попало в бедро.

— Если... мы... не доберемся... до берега... — выдохнул он между заклятьями, — нам кранты. Лодку... Надо лодку...

Гарри знал это не хуже: сколько бы они пробарахтались в ставшей, едва кончилось действие жаброводорослей, ледяной воде, пусть даже буря уже утихла? Отсчёт шёл на минуты. Он попытался поднять палочку, но тут же по самые брови ушёл под ледяную воду.

Ч-чёрт!

И тут...

Он не поверил своим глазам: будто ведомая чьей-то волей к ним по волнам скользила лодка — та самая лодка, с которой они нырнули несколько часов назад. Гарри собрался последние силы и, стиснув зубы с такой силой, что те захрустели, рванулс я вверх из воды:

— Ассио! Рон, гребн сюда! Давай руку!!!

...Драко Малfoy опустил свою волшебную палочку и проморгался. Глаза болели — не мудрено: чтобы точно прицелиться и попасть в лодку с такого расстояния, ему пришлось попытеть. Но глазомер и точная рука взяли своё: не без радости, не без гордости за себя и стойких гриффиндорских парней и, как ни странно,

с удивительным чувством облегчения смотрел он, как те с трудом переваливаются через борта кренящейся лодки. Кажется, из воды к ним тянулись чьи-то руки?

Ну-ну...

Драко Малfoy усмехнулся — и не зря. Он не знал, какое конкретно проклятьё применил Поттер, однако вода вокруг лодки взбурлила, будто озеро превратилось в стоящий на огне котёл, и на этом все подводные поползновения закончились.

Удостоверившись, что опасность действительно миновала, оба гриффиндорца внезапно исчезли из поля зрения — Драко даже заволновался, не случилось ли чего... Как знать — может, их отравили напоследок...

Надо же: кто бы мог подумать, что я когда-то буду спасать самых ненавистных мне людей? Шёл-то я сюда как раз с противоположными намерениями. Вот уж действительно — у судьбы своеобразное чувство юмора...

Он уже собирался подманить лодку к берегу Призывающим Заклятьем, как рыжая голова Уизли снова возникла над бортом. Потом появился и Поттер, отпихнул приятеля и отобрал у него... *что там?... Ах, весло...*

Вот придурки. Можно ведь было воспользоваться магией. Ну, ладно, какая теперь разница — пора организовать вам горячую встречу...

Драко Малfoy сделал осторожный шаг по глинистому склону — нога в заляпанном грязью щёгольском ботинке зацепилась за корень, подвернулась... Слизеринец кубарем покатился вниз, и удар о твёрдое, словно гранит, корневище, оказалось роковым: без сознания, уставя в небо разбитое, облепленное сосновой хвоей и прошлогодней листвою лицо, он замер в прибрежном кустарнике.

Глава двадцать седьмая, в которой Драко Малfoy и Рон Уизли обмениваются любезностями, Люциус открывает тайну Защитника, а Гарри спасает чистая случайность.

Ещё не открыв глаз, первым делом он прислушался к своим ощущениям.

Руки-ноги-голова...

Судя по всему, Драко Малfoy до сих представлял из себя одно целое, что не могло не порадовать и даже где-то удивить, ибо после невятного окончания озёрного приключения ожидать можно было чего угодно. Он помнил треск, боль в ноге, потом земля, будто взбесившись, вырвалась из-под ног, изо всех сил ударила в лицо... Или это была не земля? Так или иначе, события, пролётшие между тем самым мигом и настоящим моментом, покрывал полнейший мрак: кто его нашёл, кто сюда (кстати говоря, куда?) принёс. Драко поморщился при воспоминании о том, как что-то неприятно хрустнуло за миг до того, как мир погас. И, кажется, это был нос. Дрожжущими от волнения пальцами Малfoy ощупал лицо. К его облегчению, нос оказался идеально ровным, как и раньше. Других увечий тоже не обнаружилось.

Фух.

...Властелин мира не может быть... — тут он вспомнил вольдемортов лик и усомнился: — Или может? Нет, лично я предпочитаю, чтобы все трепетали от благоговения перед моей красотой и могуществом, нежели от отвращения.

Раздалось негромкое шипение, и вдалеке один раз пробили часы — то ли оповещающая о том, что уже минул час после полуночи, то ли отбивая очередные полчаса. Как Малfoy и подозревал, он находился в лазарете, ибо только там они настолько мерзко блямкали — будто стучались друг об друга пузырьки с какими-нибудь Рвотным и Слабительным Зельями. Слизеринец провёл ладонью по бедру, чтобы определить, в штанах он или нет, и не определил. В тот же миг произошло нечто такое, что прочие вопросы мгновенно утратили остроту.

До него донёсся чей-то вздох. Вернее, всхрап.

А если...

Драко сел. Ему мгновенно стало настолько жарко,

что прикосновение босых ног к ледяному каменному полу показалось божьим благословением.

...Не может быть... не может быть... — перед глазами промелькнуло воспоминание об отчаянно барахтающихся в свинцовых водах озера Поттере и Уизли. — А вдруг они тоже тут... Ведь если меня нашли, значит, и их тоже...

Он нерешительно поднялся. В комнатке неподалёку от лазарета тихонько звякнул маленький серебряный колокольчик, однако утомлённая дневной суетой обитательница комнаты его не услышала.

Малfoy отодвинул занавеску вокруг своей кровати — сумрак рассеивал неяркий ночник над дверью, тем не менее, его света хватало, чтобы разглядеть белеющие в темноте ширмы, которые разгораживали друг от друга обитателей школьной больницы. Он прекрался на цыпочках к ближайшей. Бережно, почти нежно отодвинул занавеску и... едва не заорал от ужаса: под одеялом вместо ожидаемого⁹⁸ им Поттера сладко похрапывала Миллисент Булстроуд.

— Ма...мама... — не удержавшись, пискнул Драко и тут же дал себе мысленную затрещину: точно, ведь пару дней назад эта корова-переросток, втрескавшаяся, как гласила людская молва, в семикурсника и квиддичного капитана Равенкло, красавца Роджера Дэйвиса, решила слегка сбросить вес и воспользовалась для этого «многократно проверенным и железно работающим» заклинанием, почерпнутым из самого надёжного источника: девичьих сплетен.

Точно-точно.

Кажется, Пенси что-то хихикала пару дней назад за завтраком, но Драко давным-давно пропускал мимо ушей её назойливую трескотню, хотя уворачиваться

⁹⁸ Кстати, а почему, собственно, Драко ожидал его увидеть именно на соседней кровати?! Подозрительно это...

от цепких ручонок, пощипывающих его колени под столом, удавалось не всегда.

Говоря о попытках Миллисент, надо признать, что те увенчались феноменальным успехом: вес она действительно сбросила. Причём полностью. Однако габариты остались такими же впечатляющими — Филч потом багром вылавливал из-под потолка витающую там воздушными шаром-мутантом главную слизеринскую толстую. Миллисент вопила дурным голосом, доведя до экстаза Пивза, — он трижды сдёргивал барышню «с крючка» в самый последний момент, снова увлекая её под самый потолок и устраивая там какие-то дикие пляски под распевание очередных неприличных куплетов, в сочинении которых он не уставал практиковаться. Лишь вмешательство профессора Флитвика спасло несчастную слизеринку от полного позора и насмерть разбитого сердца, ибо её успели отбуксировать со сцены за минуту до того, как в коридоре появился сам Роджер Дэйвис, да ещё и под руку с Чоу.

Похоже, все усилия мадам Помфри результата до сих пор не дали, ибо поверх одеял Миллисент пристёгивали к кровати широкие кожаные ремни, а её напоминающие сардельки пальцы меланхолично покачивались от каждого колебания воздуха.

Беззвучно сплунув на пол, Драко продолжил ночной обход.

Какой-то малолетка с пучками розовой шерсти, торчащими из ноздрей и левого уха, — не иначе, упразднялся в Заклинаниях.

Ба! Знакомые всё лица: ещё одна его однокурсница Патрисия Стимсон.

В груди Малфоя начало нарастать раздражение, но судьба, вознаграждающая только терпеливых, просто готовила ему сюрприз за следующей ширмой: сладко похрапывая, на кровати раскинулся никто иной, как вратарь гриффиндорцев Рон Уизли. У Драко засосало под ложечкой и, всё ещё не в силах поверить в собственную счастливую звезду, он едва ли не с мольбой развернулся к соседней кровати и даже скрестил ладони пальцы.

Колокольчик в комнатке мадам Помфри зазвонил чуть погромче, однако фельдшерница лишь вздохнула во сне:

— ...Перцовое Зелье в третьем шкафу справа... Дозировать согласно этикетке... И касторки, касторки всем...

Малфой стиснул кулаки.

...Если он там, я поверю в бога... в сатану — в кого угодно! Только пусть он будет там!

И он был там: свесив руку до полу, Поттер хмурился, будто и во сне тревоги о судьбах мира не оставляли его неутомимое гриффиндорское сердце.

Поттер!!! Отлично!

От следующей мысли Драко похолодел: а что, если вещи обыскали и нашли... *нашли?* Да что обыскали — просто убрали в какую-нибудь кладовку до выписки, ведь тогда... Тогда всё совершенно бессмысленно...

Дробной рысью он вернулся к собственной кровати, дабы в очередной раз убедиться, что действительно избран небесами: мантия, рубашка, брюки — трудами домовых эльфов уже чистые — аккуратно висели на стуле. Дрожащими руками Драко зашарил по карманам, и едва не заплакал, ничего не обнаружив. А ещё через миг он снова сквозь зубы чертыхался, ибо выяснилось, что в темноте просто влез не в тот карман — на самом деле пакет с Колдовским Порошком был на месте.

Поттер безмятежно почивал — чтобы ему, да и всем прочим, спалось ещё крепче и ещё безмятежней, Драко махнул палочкой: теперь лазарет наполнился сладкими вздохами — сонные чары убаюкали даже портреты, ибо никакие свидетели Драко Малфоя в задуманном предприятии отнюдь не требовались. Сжимая влажными ладонями заветный пакетик с порошком, он вернулся к гриффиндорскому углу.

...Через четверть часа... Через четверть часа я всё буду знать. А потом только и останется, что придавить палочку и показать, кто тут босс, Тёмному Лорду... Ведь с Защитником я всё смогу. Всё.

Драко перевёл дрожащее дыхание и неуверенно посмотрел на зелье в руке.

...Почему же я медлю? Я боюсь? Чего же я боюсь?

Он высыпал на ладонь порошок и поднёс его к лицу Поттера. Снова замер.

Странное чувство — враг сейчас находится в полной его власти, так близко — можно взять за горло и всего лишь чуть-чуть сильнее сжать пальцы — вон там, где сонная артерия...

Колокольчик в комнате фельдшерницы отчаянно трезвонил, прыгая по туалетному столику на тоненьких ножках. Поняв, что толку в этом нет, он с разбегу перескочил на подушку, подребезжал рядом с одним ухом, потом рядом с другим и, наконец, откашлявшись, произнёс хорошо поставленным голосом профессора Снейпа:

— Крыс! Крыс травить вашим зельем, многоуважаемая!

Ещё даже не открыв глаз, мадам Помфри резко, будто её подбросило, села на кровати, с трудом подняла веки, невидящим взором уставясь на мир из-под многоярусных кружев ночного чепца. Обрадованный колокольчик вновь заскакал по подушке, оглашая комнату уже звоном, — и через миг разом очнувшаяся фельдшерница уже натягивала поверх старомодной ночной рубашки с кокетливыми бантиками клетчатый тёплый халат. Ещё через мгновение она со всех ног мчалась в лазарет.

Склонившись к Поттеру, Малфой решительно сдул порошок ему в лицо. Гриффиндорец дёрнул носом, втягивая роковое снадобье, чихнул — раз, другой, третий... Тело его оцепенело, выгнулось дугой, рот распался в беззвучном крике, глаза отчаянно завращались под веками, будто ему тут же начал сниться самый ужасный из всех возможных кошмаров...

...Ну, вот и всё... — Драко кинул усталый взгляд на часы. — Через семь минут ты примешь вторую порцию, и твоя душа будет принадлежать мне...

Теперь, когда всё свершилось, ему неожиданно стало скучно. Малфой ожидал чего угодно: радости, ликования, торжества — ведь, подумать только! — мир в лице оцепеневшего перед ним на кровати юноши отныне и навсегда находится в его власти... Но вместо этого он почувствовал лишь усталость и скуку. И ещё — выяснилось, что пол очень холодный: замёрзли босые ноги.

Ещё раз взглянув на часы, он решил сходить за тапочками. Плетясь мимо кровати Рона Уизли, по-прежнему валяющегося, как снулая рыба, брюхом кверху⁹⁹, Драко загнулся за колёсико, и всё скопившееся разочарование и раздражение мигом всколыхнулись в душе, пробив себе русло и обретя направление.

Губы Малфоя искривила недобрая ухмылка. Про тапочки он позабыл, зато в руках снова появилась волшебная палочка.

— Так-так, Уизли, — будто тот мог сейчас услышать его шёпот, фыркнул слизеринец, подходя к залятому врагу номер два поближе, — помнится, ты увлекался татуировками... Посмотрим, как тебе понравится эта. Времени у меня не слишком много, так что извини за лаконичность.

Поглощенный своим невероятно увлекательным занятием, Драко услышал шаги в самый последний миг и провалился в небытие, даже не успев издать скорбного вопля по поводу несостоявшегося захвата вселенной.

* * *

Люциус Малфой вытер пот со лба. Пальцы, держащие старинный свиток, уже знакомый нам — не говоря уж о нём самом, изучившем его до последней буквы и кляксы, дня не проводившем, чтобы не поломать голову над древней загадкой (каких только заклинаний

⁹⁹ Кстати, для него кровать пришлось удлинить — ноги не помещались и постоянно застревали в решетчатой спинке.

он ни использовал, что только ни пробовал — всё без толку), бессильно разжались — он приложил их ко лбу, отметив, насколько холодны руки по сравнению с горячей будто в адском пламени головой. Плечи затряслись. Он рухнул грудью на стол и зашёл в беззвучном хохоте.

— Как там... «Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит»... — размазывая по лицу слёзы, выдохнул он и снова схватился за заболевшую от смеха грудь. — Конечно... Идиот... Как же я раньше не догадался...

Он поднял пергамент подрагивающими на этот раз уже от благоговения пальцами и взглянул сквозь него на свет — яркое сияние весеннего утра, льющего сквозь витраж, рассыпалось разноцветной мозаикой на полу. Это сияние сейчас воплотило для Люциуса Божественный Свет Небес, ибо лишь минуту назад, в отчаянии дёрнув рукой, он случайно заметил мелькнувшие на просвет какие-то знаки. Или... рисунок? Какое заклятье из сонма применённых вызвало его появление? Какая теперь, к Мерлину, разница...

Малфой поднёс свиток к глазам, прищурился, хотя всегда отличался отличным — *хищным* зрением — и... тайна Защитника открылась перед ним во всём своём величии и насмешливой простоте. С этого мига единственное, что отделяло его от завоевания мира, — шестнадцатилетний гриффиндорец, коему были известны неведомые Люциусу части заклинания. Впрочем, даже Поттера можно сейчас было сбросить со счетов, ведь тот был вверен в руки покорного Люциусу телом и душой сына — *спасибо, друг мой Северус, царство тебе... какое-нибудь, не волнуйся, уж я-то о тебе непременно позабочусь...* — а значит, нужно просто отдать приказ, и весь этот мир... и даже этот идиот Том, возомнивший себя преемником Люцифера...

Все на свете.

Всё на свете.

Люциус подошёл к окну и распахнул створку, пьянея от сладкой весенней сырости и свежести, потёкшей в комнату. Всюду на горах, на горбах и в долинах воздух стоял прозрачный, как промытый, и только над простирившейся пред Именем равниной пространство кое-где отуманивалось мокрыми парами, клубами сероватого цвета; они порой встречаются на пути и обволакивают идущего, и он совсем ничего не видит, а потом они кончаются, и путник выныривает из этих полос — и будто их вовсе не бывало. Вот и Малфой сейчас показалось, будто он вынырнул из марева, и всё вокруг разом обрело чёткость...

Он взглянул на пергамент, его вновь обуял припадок истерического смеха: как всё просто, как элегантно... Только истинный слизеринец, только истинный Малфой сделал бы так... Так изящно... Радость была настолько всеобъемлюща, что Люциус даже не рассердился на себя, не посетовал за потраченное время: какая разница, коль скоро впереди его ждут Вечность и Вселенная?

— Как там... «пробудись от сна?» — он развернулся, кидая триумфальный взгляд на гобелен с гербом Малфоев — серебристый стяг с вытканым девизом — и снова захохотал. — Ну-ну... любопытно будет взглянуть на это собственным глазами...

Совершенно неподобающе подпрыгивая от нетерпения и радости¹⁰⁰, глава рода и нынешний владелец Имения Малфоев резво полдетел к тайнику — один секретный замок, другой... — *ах нет, что со мной? Надо ж так ошибиться...* — лишние пол-оборота, и на него посыпались старые мантии, заботливо пересыпанные эльфами от моли какой-то невыносимо вонючей дрянью...

— Прибью! — Люциус, может, и хотел бы, чтобы слова прозвучали угрожающе, однако вместо этого

снова нервно хихикнул и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, принялся заново крутить маленькие серебряные ручки.

Наконец, всё получилось.

Он вошёл в тёмный чуланчик, на миг притормозил в дверях: система безопасности должна распознать хозяина: любой чужак, посмеивший ступить сюда, в мгновение ока оказался бы разорванным на части и раскидан по ближайшим окрестностям на радость оголодавшим за зиму диким зверям. Вспыхнул свет — сигнал, что можно двигаться дальше, и Малфой-старший окинул взглядом предмет своей гордости — тем паче, что создано всё было его собственными руками: тела двойников — его и Драко — покорно висели вдоль стен. Люциусы — вдоль одной, Драко — вдоль другой, словно замурованные в одном склепе братья-близнецы.

— Взглянуть на это собственными глазами — дело, конечно, хорошее, однако стоит и о собственной шкуре позаботиться...

Выбрав пару тел, которые он создавал последними, а потому-то за качество мог поручиться головой — в буквальном смысле, вручая им самое ценное, что имел, — свою жизнь, свою *м-м... душу (какое смешное слово, не находите?* — прим. Малфоя), Люциус взмахом палочки отправил их в кабинет.

...Итак, можно двигаться вперёд. Сцену стоит декорировать поярче: люблю эффектные выходы. Под бой барабанов и фонтаны крови — что-нибудь красочное... Однако для начала... — он подошёл к зеркалу и усилием воли стёр излишнее ликование со своего лица. — *Вот так. Нет, подобострастнее... Да, пожалуй, годится. Чуть склонить голову...*

— Да, мой господин... Слушаюсь, мой Лорд... Как скажете, мой Лорд... Ваш покорный слуга и вечный раб, мой господин... Немедленно приму к исполнению... — с каждой фразой Малфой склонялся всё ниже и ниже, пока его серебристые волосы, переливающиеся в витражном свете всеми цветами радуги, не стекли на пол. Тут он замер: — Но прежде... Не соблаговолите ли вы, мой дражайший Тёмный Лорд, отправиться в преисподнюю, где вам самое место?

Распрямявшись, Люциус захохотал во всё горло, и оцепеневшие от безумных слов хозяина домовики начали со слезами на глазах прощаться друг с другом, предчувствуя скорую и, видимо, весьма мучительную кончину. Меж тем Люциус, просмеявшись, вытер слёзы и натянул на лицо маску аккуратного торжества.

Очистить разум... А то почует. Вот так...

Взмах палочкой:

— Передайте Господину, что у меня для него срочное сообщение.

* * *

Когда Драко вновь открыл глаза, небо ещё алело. Ветви деревьев, оплетавшие окно, туманно дымилась — это теснилась на них душистая молодая листва. Упившаяся влагой земля буквально в два дня взорвалась весной, решив не дожидаться апреля, и теперь в стёкла лазарета деревья стучали не голыми ветвями, а набухшими на них, а кое-где — уже и лопнувшими почками.

Драко подёргался и прикусил губу. Как он и предполагал, ему не удалось сдвинуться даже на какой-то распроклятый дюйм. Горячие слёзы обожгли глаза, когда он осознал, насколько постыдно и глупо провалилась его затея.

...Но как, как она узнала? Откуда взялась эта чёртова курица?! Что её приволокло в палату посреди ночи?! Почему она не могла обождать ещё хотя бы пять минут?!

И вот результат: *иммобилизованный* в лучшем смысле этого слова, Малфой лежал на кровати, только и способный, что вращать глазами да (он проверил, тихонько пискнув) издавать голос. Немедленно захоте-

¹⁰⁰ Домовые эльфы затрепетали: им впервые пришлось видеть хозяина в столь глубоком помутнении рассудка, а потому они абсолютно не представляли, каких кар и наказаний стоит ожидать.

лось взвять во всю глотку и яростным тигром рвануться из оков: привязать к кровати самого... Драко подёргался ещё раз, да только ссадил себе запястье, стянутое невидимым ремнём.

Ненавижу!

Горечь провала едва ли скрашивала даже мысль о том, через какой ад довелось пройти Поттеру нынче ночью: собственные воспоминания Драко о кошмаре, в который он окунулся, нанюхавшись на том кладбище Колдовского порошка, были свежи в памяти вопреки прошедшим месяцам. Опирающийся на костыль белобородый старик с черепом и гробом... Грохот опускаемой над головой крышки... Могильная тьма... Голоса, зовущие за собой. Вождедеющие свежей крови и плоти проклятые души, так и не обретшие покоя.

Следующая мысль кинула Малфоя напрямиком на адскую сковороду: но если Поттер выжил... а он, судя по всему, выжил — никаких признаков паники из-за ширмы не доносилось: обычные тихие разговоры, смешки... Ни беготни, ни криков, ни стонаний о потере символа освобождения всего магического мира — ничего кроме обычных разговоров, возни, негромких шагов... Вот что-то неразборчиво прорычал своим басом Уизли, тут же жеребьячи заржав над собственной шуткой...

Драко ужом на раскалённой сковороде вился на своей кровати. Руки, ноги — бесполезно.

...Если он выжил, значит, теперь он тоже может ими повелевать? Или нет? Дано ли это только избранным вроде меня? Или же любой отмеченный судьбой ублюдок способен на это, коли достанет сил не отбросить со страху копыта?!

Кровать под рвущимся из пут Драко отчаянно скрипела, и это не осталось без внимания: негромко бренькнули колечки, и между занавесками ширмы просунулся длинный веснушчатый нос, любознательного обладателя которого угадать было совсем несложно.

Драко, ещё совсем недавно полагававший, что хуже быть уже не может, немедленно осознал глубину своего заблуждения.

— Ага!.. Вы только гляньте, кто тут у нас проснулся! — негромко, чтобы не привлекать ничьего внимания, пропел Рон. — А у меня как раз накопилась к тебе пара вопросиков... — он скользнул внутрь, аккуратно задёрнув за собой белую занавеску, и откинул со лба начёсанные до самых бровей волосы. Драко не смог удержать ухмылку даже с учётом собственного невыигрышного положения: что-то, а каллиграфия ему всегда удавалась. — Твоя работа, хорёк?

Уизли сейчас был красный, как помидор, вид его не сулил ничего хорошего, но Драко строил самое надменное лицо, хотя и понимал, насколько смешно оно контрастирует с его совершенно беспомощной позой — морской звездой растопыренный на кровати, слизеринец даже шевельнуться не мог под своим одеялом.

— Что молчишь, слизняк белобрысый? — Рон покраснел ещё сильнее — будто говорил не полушёпотом, а орал во всё горло. Веснушки на его лице угрожающе потемнели. — Это ты меня так разукрасил? Конечно, кому б ещё в голову пришло... Ну я тебя сейчас...

К его удивлению, Драко так и не отразил летящий ему в лоб кулак, а потому оторопевший Уизли всё же ухитрился в последний миг отвести руку, с силой влевив в подушку рядом со щекой слизеринца.

— Ты чего? — недоумённо приподнял он рыжую бровь. Часть волос снова упала на глаза, и от неприличного слова, почти написанного Драко на бледном уизливском лбу, сейчас виднелись только две буквы. Впрочем, весьма говорящие. — А... Да неужели... — Рон затрясся от смеха и, дабы проверить свои предположения слегка толкнул Драко в плечо, подёргал за руку. — Тебя привязали! Блин, мерлиновой мамой клянусь — Малфоя примотали к койке! Раз в сезоне и только за деньги: готовый к потрошению хорёк! Так-так... — лицо гриффиндорца от уха до уха разрежала многообещающая ухмылка. — Значит, ты только при свете дня по закланиям, а вот в ночи всё больше татуировоч-

ками развлекаешься... Ну а я так предпочитаю делать это в светлое время суток. Кстати, что-то меня как раз вдохновение посетило, не хочешь ли ознакомиться? Я за палочкой, — он исчез за ширмой, но буквально сразу появился снова: — Приношу прощение за вынужденное ожидание, мистер Малфой...

Орать, зовя на помощь, когда в лазарете были только гриффиндорцы, младшеклассники и однокурсницы? Нет — слизеринский староста бы скорее умер, чем показался в таком беспомощном виде перед прочими студентами. Те минуты, пока Уизли ходил за своей волшебной палочкой, он диким зверем отчаянно рвался из своих невидимых пут, мысленно взывая ко всем святым, всем демонам преисподней и даже к собственному батюшке — но, похоже, Малфой-старший был сейчас сильно занят, коли так и не услышал истошного зова отпрыска.

Но едва зашваркали приближающиеся шаги, Драко тут же замер.

— Ну-с, начнём, — Рон засучил рукава полосатой больничной пижамы. — Значит, ты считаешь, будто я... это самое слово? — он убрал волосы, тыча себя пальцем в лоб, и опять покраснел от злости. — Ну, а я так полагаю, что тебе оно подходит куда больше...

Рон успел вывести на лбу Драко только первую букву: — МИСТЕР УИЗЛИ!!! Что я вижу?! Что вы делаете с мистером Малфоем?! — на разгневанную мадам Помфри было страшно смотреть.

Рон интуитивно прикрыл Драко широкой спиной: — Я... н-ничего... и вообще — он первый начал!

— Глазам, глазам своим не верю! — фельдшерница решительно отодвинула гриффиндорца в сторону и, кинув быстрый взгляд на лоб молча смотрящего в потолок Драко, развернулась снова — с таким видом, что сердце Рона упрыгало в пятку, продолбило там дырку и резво поскакало по полу в ближайшее укрытие. — Я немедленно... слышите — НЕМЕДЛЕННО доложу о вашем возмутительном поведении директору. Полагаю, ваших родителей тоже стоит уведомить.

— Но... — подал протестующий голос Малфой, который полагал, что даже смертная казнь через повешение на толстой струне от рояля сейчас будет слишком гуманна.

— И о вашем, мистер Малфой, тоже! — развернулась к нему фельдшерница. — Будто бы вы ночью занимались чем-то иным! Право слово, вы временами стоите друг друга!

— Я знал!!! Я так и знал! Ах ты, козёл! — взвыл Рон и попытался кинуться на заклятого врага, наплевав и на мадам Помфри, и на собравшихся на шум прочих обитателей лазарета.

— Мистер Уизли! Держите себя в ру... Да что ж вы делаете-то... Мистер Поттер! Помогите!

— Ах, хорёк!

— Рон!

— К чёрту! Пусти!

Драко Малфой меланхолично смотрел в потолок, не желая становиться частью этой базарной комедии. Одно он знал точно: когда мир ляжет к его ногам, Рон Уизли умрёт первым. Причём самой медленной и болезненной смертью.

* * *

Люциус не сомневался, что до полуночи не доживёт, скончавшись от эмоционального истощения, не говоря уже о физическом: после его триумфального доклада Вольдеморту в стане Пожирателей Смерти закрутилась безумная карусель, и теперь совы с рапортами в буквальном смысле этого слова вышибали окна в замке, а с каминной сыпались изразцы — так его распирало от посетителей. Находящиеся в подчинении Малфоя Пожиратели торопились донести о своей готовности к началу военных действий и успешно выполнению заданий. По мере приближения ночи новости обретали всё более выраженную боевую направленность: уже всюю шло нанесение точечных ударов, и

если раньше это происходило исключительно в качестве акций устрашения, то сейчас горстка-другая перепуганных селян уже никого не интересовала: ужас, тотальный ужас — беспощадность, массивность, согласованность и молниеносность атак, — вещал, безумно вращая одиноким глазом, Френсис Паркинсон.

Даже сам Малфой-старший не сумел удержаться: боевая молодость, наполненная кровавым угаром, пьянящая сердце, кружащая голову вседозволенностью, — она протрубила подъём. Остаться в стороне от настоящей жизни, не поучаствовать в вечере, не причаститься свежей кровью? Нет, он не мог позволить себе ничего подобного. Сменив тело, Люциус аппарировал в самое сердце одной из схваток — ему было физически необходимо взбодрить себя терпким эликсиром смерти.

Уже через мгновение он дышал сладким весенним воздухом, напоённым несущими жизнь влагами — водой и кровью, воздухом, переполненным гарью, яростью и ненавистью. Болью и ликованием. Справа и слева одно за другим вырастали лица, словно в зеркале появлялись отражения их собственных лиц с ослепительными зубами. А дальше... Дальше представление о времени исчезло... Люциус до странности ясно осознал, как качалась, словно от порывов ветра, высокая сухая трава, а над её прошлогодними метёлками висело медно-красное солнце. Но долго ли продолжалась схватка и что в какой последовательности произошло — это он едва ли мог сказать; он что-то громко крикивал, как безумный, без оглядки размахивал палочкой... Вдруг ему показалось, что палочка стала красной — хотя, наверное, это случилось только в его воображении. Потом рукоять сделалась скользкой от пота. И в это же время удивительно сохло во рту. Тут внезапно перед ним вынырнуло искаженное лицо какого-то безвестного молоденького аврора с вытаращенными, чуть не выскальзывающимися из орбит глазами и широко раскрытым ртом — он умер, так и не закончив своего вопля, безымянным, оставив у Люциуса упойтельное воспоминание о входящем в живую плоть заклятьи, о хрусте надломившегося и невидимой рукой разорванного пополам тела...

Медно-красное солнце отбрасывало равнодушный алый свет на прошлогоднюю траву, с метёлок которой стекала багровая густая жидкость.

Досыта напившись смерти на этом пиру, он исчез с закатного поля так же внезапно, как и появился, и уже через миг, сбросив тело двойника, — залитое кровью, пахнущее болью и смертью — чужой кровью, чужой болью, чужой смертью, — Малфой-старший в собственном Имени наливал себе огневиски в пузатый хрустальный бокал. Смерть, власть, торжество, радостное осознание того, что невозможного в этом мире для него отныне не существует, да ещё вот эта золотая маслянистая жидкость, плещущаяся в ладонях, — он всегда любил такое сочетание. Будто и не было двух десятков лет, будто юность вернулась...

До чего же хорошо...

Он сделал глоток и по-кошачьи потянулся, наслаждаясь враз помолодевшим телом — лёгким, ловким, сильным телом, никогда его не подводившим раньше и снова доказавшем свою состоятельность. Качнул в ладонях бокал и искоса взглянул в молчаливое зеркало на стене.

Полагаю, такой облик подходит Властелину Мира куда больше, нежели белая безгубая и безбровая морда с красными глазами...

Ещё один глоток обжигающей жидкости — Люциусу казалось, что от рук до сих пор исходит запах свежей крови, хотя и понимал, что это просто иллюзия...

Хорошо...

Стрелка напольных часов неуклонно ползла к полуночи, и когда до наступления нового дня оставалось только пять минут, Малфой отставил бокал в сторону и приказал в ближайшие четверть часа его не беспокоить. Ну, разве что по вопросам вселенского масштаба. Или если кто пожелает лицезреть Господина.

А сейчас самое главное: Драко уже наверняка знает о начавшемся в стране перевороте, пора разъяснить ему план действий...

...Ты слышишь меня, сын мой?

...Да, отец.

...Итак, что ты думаешь по поводу происходящего?

Последовавшая за этим вопросом пауза Люциусу совершенно не понравилась.

...Драко, меня интересует твоё мнение...

...По какому поводу, отец?

Люциус мог поклясться, что в ментальном голосе сына зазвучали раздражённые нотки, и это ему не понравилось ещё больше.

...В стране государственный переворот. Идёт массивное наступление... полагаю, ты понимаешь, о чём я. Или ты не читал сегодняшнюю прессу?

...Видишь ли, отец, я нахожусь в лазарете, а сюда газеты не доставляют.

...В лазарете? А что произошло? — ах, как некстати, — разочарованно фыркнул Люциус. Адреналин ещё кипел в его жилах, и ему захотелось немедленно сделать что-нибудь... что-нибудь, что помогло бы сбросить внезапно всколыхнувшееся в душе бешенство. Он швырнул в каминную решётку бокал — огневиски потекло по раскалённому металлу, полыхнуло пламенем, голубоватым облачком поползло по ковру... Выскочивший по тревоге домовый эльф взвизгнул, подкинутый в воздух сапогом хозяина.

...Я... э-э... ушибся головой.

...Итак, — Люциус оставил ответ сына без комментариев, хотя и отступил при этом упадок сил: *да, всё вырождается в этом мире, коль скоро вырождаются даже Малфои... — Хочу тебе сказать, сын мой, что пришло время занять подобающее нам место: думаю, ты, как и я, устал стоять перед Тёмным Лордом на коленях...*

...О... Я и не знал, отец, что у вас с ним такие отношения... — Драко не успел закончить сорвавшуюся с губ фразу, как взвизгнул от боли, пронзившей грудь.

...Похоже, ты довольно сильно ушибся головой, коли осмеливаешься дерзить отцу. Итак, слушай меня внимательно, — продолжал Малфой-старший, справедливо посчитав, что сейчас не самое подходящее время для воспитательного момента, — **совсем скоро вас всех, скорее всего, эвакуируют в специальное место в Запретном Лесу. Не думаю, что ваше сопровождение будет действительно серьёзным, уж мы-то об этом побеспокоимся, так что Поттер окажется в твоих руках. Любым способом ты должен добыть у него две части заклинания. Любым. Это твой последний шанс, сын мой, поставь меня... нас с тобой у руля этого мира. Если нужно будет убить — убей. Его подружку, всех вокруг — сделай это у него на глазах, не испытывай колебаний. Любой ценой ты должен вырвать из него эти слова. Понял меня?**

...Да, отец, — покладисто откликнулся Драко.

...Есть вопросы? — по чуть заметной неуверенности в голосе догадался Люциус.

...Да, отец, если позволишь. А если... если что-то не будет складываться, можно мне использовать их?

...Конечно. Более того — тебе нужно их использовать, раскидать по всей стране, чтобы отвлечь внимание от вашей чёртовой школы. Конкретные места оставляю на твоё усмотрение. Кстати, можешь не мелочиться — встряхни хорошенько этих идиотов, пусть подёргаются. Да — когда будете в Лесу, по возможности используй Следящие Чары, чтобы я знал, где вы находитесь.

...Слушаюсь. А... Мало ли... Если что — они сумеют пройти через Запретный Лес? Ведь барьеры...

...Это барьеры для живых, не для мёртвых.

...Отец... — даже мысленный голос Малфоя-младшего вибрировал от напряжения.

...Да, сын мой?

...Вы... вы ведь нашли последнюю часть?..

Люциус сделал паузу, во время которой призвал бокал вместо разбитого, плеснул туда на полпальца огневиски и теперь блаженно любовался медленным кольханием густого янтаря. Потом он сделал ещё глоток, зажмурился и запрокинул лицо к потолку, позволяя маслянистой жидкости окутать своим жгучим ароматом нёбо. В камине стрекотало пламя.

...Отец?..

Он прислушался к неровному дыханию сына и улыбнулся.

...Да. И совсем скоро ты узнаешь её тоже.

* * *

Гарри никак не мог привыкнуть к мысли, что всё происходит на самом деле, а не является продолжением приснившегося накануне безумного кошмара. Время от времени даже казалось, будто каким-то непонятным способом он сам сделал этот ужас явью: ещё минуту назад всё было как обычно, как вдруг, впервые за многие-многие десятилетия, Хогвартс огласила сирена Единого Призывающего Заклятья, во мгновение ока собирая всех преподавателей и учащихся в Большом Зале.

Они слетелись туда, кто в чём и кто откуда: Гарри с Роном и прочими обитатели лазарета — в полосатых пижамах (причём Малfoy и Миллисент пожаловали прямо на кроватях, а сам Гарри — босиком, потому что даже не успел сунуть ноги в тапки, когда его куда-то поволокло), другие — из учебных классов, ещё кто-то — из общежитий, а Гермиона — напрямиком из библиотеки (за ухом у неё торчало перо. Она, как ребёнка, отчаянно прижимала к груди какие-то размахившиеся от времени свитки). Кому-то не повезло значительно больше: так, например, Невилл в момент тревоги намывивал голову, а потому какое-то время ещё стоял, зажмурясь и мурлыча себе под нос. Он даже не сразу сообразил, что же такое произошло, — просто вдруг услышал голоса, сменившие шум воды, ощутил прохладу вместо влажного тепла душевой... — зашарил мыльными руками в поисках вентилей... Дин Томас не удержался и пихнул ему в скользкие объятия остолбеневавшего Лавендера. Когда, одной рукой держа за распухающую от удара щеку, Невилл второй всё же протёр глаза и узрел вокруг заходящихся от хохота однокурсников, а также однокурсниц (с вытаращенными глазами и стоящими дыбом волосами), то, бедолага, даже не сразу сообразил, что нужно сделать в первую очередь — бежать, прикрыться или применить к себе заклятье частичной невидимости (правда, последнее в исполнении Лонгботтома могло выйти тем ещё боком). Спас положение опять же Дин Томас — уважительно пошвыстывая и не переставая глумливо подмигивать стирающей с себя мыльную пену Лавендер, он сдёрнул скатерть с гриффиндорского стола и в римском стиле обернул её вокруг по-прежнему стоящего с поднятыми к голове руками — будто бы сдающегося на милость судьбы-злодейки — Невилла. Видимо, не повезло не только Невиллу — от стола Равенкло тоже несясь девицей визг вперемешку со смачными оплеухами, однако тут появились преподаватели, один мрачнее другого, и Дамблдор зачитал официальное сообщение, как рукой снявшее нездоровое веселье.

Уже спустя четверть часа студенты в гробовом молчании подходили к опушке Запретного Леса, имея при себе только самые необходимые пожитки и запас пропитания на случай непредвиденных обстоятельств. Волшебные палочки велели убрать, пользоваться ими почему-то запретили — только в случае смертельной опасности. Вёл всех Хагрид, а сопровождали Трелани и Синистра из преподавателей Хогвартса, Филч да Флёр, отправленная в безопасное место по дипломатическим соображениям: как француженка ни сопротивлялась, как ни размахивала кулаками, как ни топала своей изящной ножкой, крича, что тоже «способна с'гажаться и п'гиносить пользу», — всё без толку. Дамблдор был

неумолим: окинув буянящую преподавательницу ледяным взглядом вверх очков, он попросил не отнимать драгоценное время, когда каждая секунда истерики может стоить кому-то жизни. Никогда не видевшая у директора Хогвартса столь сурового выражения лица¹⁰¹, Флёр слегка оторопела. В этот момент распахнулась дверь и, усугубив её смятение, в кабинет влетел глядящийся во всемагаическом розыске по подозрению в государственной измене профессор Снейп. Его маленькие глаза-буравчики вонзились в профессора Защиты от Тёмных искусств полным неприязни взглядом.

— Мадмуазель, а что вы тут делаете? — холодно поинтересовался он, передавая Дамблдору какой-то пакет, — дети уже внизу, отбывают в укрытие. Профессор... — он обернулся к директору и понизил голос — слов стало не разобрать.

— Я не ребёнок! — тут же взвилась Флёр, оскорблённая уже тем, что он намеренно опустил и её фамилию, и должность, обращаясь к ней не как к равной по статусу, а как к какой-нибудь студентке-младшекласснице. — Я преподаю в этой школе...

— ...вот и ступайте к студентам, — Снейп даже не повернулся, продолжая подставляя прожигающему взгляду вейлы спину.

— Я... я... — Флёр попыталась апеллировать к Дамблдору, но тот уже склонился у камина. Судя по отблескам пламени, он с кем-то разговаривал, однако с кем — Флёр не видела, ибо директор потрудился загородить своего собеседника.

— Вы ещё здесь? — Снейп сделал шаг, тесня её к двери. В этот момент та снова открылась, и — почему-то не из коридора, а напрямиком из Запретного Леса, Флёр могла поклясться, что никакой ведущей к кабинету директора самодвижущейся лестницы она не увидела, — в кабинет вошёл Блэк. Поприветствовав её коротким кивком головы, он больше не обращал на неё внимания — не больше, чем на книжную полку или канделябр.

— Господин верховный главнокомандующий, разрешите обратиться? — по-военному вытянулся Сириус позади выслушивающего очередной доклад Дамблдора. Фраза звучала на вкус Флёр как-то уж слишком бойко, однако в глазах Блэка не было ни капли веселья, и тут ей стало по-настоящему жутко.

— Минутку, — Дамблдор оторвался от камина, махнул рукой в сторону ряда покачивающихся в воздухе перьев (те тут же что-то застрочили на пергаментках) и снова повернулся к хлопающей глазами француженке. — Мадмуазель Делакур, немедленно отправляйтесь к студентам. Это приказ.

— Есть, — шепотом пробормотала Флёр и, с трудом удерживаясь, чтобы не чеканить шаг, быстро пошла к выходу.

Снейп фыркнул ей вслед.

— Разрешите доложить обстановку, господин верховный главнокомандующий, — снова вытянулся во фронт Блэк. — Щит в Запретном Лесу установлен...

Снейп снова фыркнул, получив в ответ яростный взгляд Блэка.

— Оставь чины, Сириус. Докладывай, — голос Дамблдора был тихим и немного усталым, однако это никого не могло обмануть: и Сириус, и Снейп прекрасно понимали — перед ними облокотился на спинку кресла величайший маг всех времён и народов, и если кто и может спасти страну и весь мир — так это именно он.

Вот только сам Дамблдор в этом крепко сомневался.

* * *

— Ч-чёрт, — Рон споткнулся впотмах и покрепче подхватил под руку Стану, — осторожно, тут коряга, что ли...

¹⁰¹ Она, как, впрочем, многие, пребывала в заблуждении, что он просто милейший, чуть выживший из ума стагичок.

Она благодарно кивнула. Идущая по другую сторону от сестры Боряна ойкнула: попытаясь обойти опасное место, девочка влезла в какие-то колючие кусты, оставив на них, судя по треску рвущейся материи, изрядный кусок мантии.

Сначала студенты шли, придерживаясь своих факультетов, но постепенно перемешались — рядом с Джинни появился хаффлпафец Майкл Корнер, Парвати Патил вцепилась в руку своей сестры-близняшки, студентки Равенкло, а вот Симуса Финнигана Гарри, напротив, как ни силится, не мог заметить поблизости, хотя ещё совсем недавно тот шёл позади них с Гермионой. Только слизеринцы продолжали держаться особняком. Впереди, неся яркий фонарь, плёлся и судорожно шурился во мрак самый высокий — Майлз Блетчли, вратарь факультетской сборной. За ним шествовал Драко Малфой — как всегда, в окружении свиты и, как всегда, выглядящий так, будто не пробирался по Запретному Лесу, а неспешно обходил собственные владения. Гарри не без удовольствия припомнил перекошенную ужасом физиономию слизеринца, когда на первом курсе им довелось в здешних краях вместе отрабатывать взыскание под руководством Хагрида.

...Поди, тогда тебе было не до выпендрёжа...

Терзаемый смутными подозрениями, он всё время старался не выпускать Малфоя из вида; не было никаких сомнений в том, что тот каким-либо образом попытается передать сведения об их местонахождении Пожирателям Смерти, начавшим сегодня днём массивную операцию по захвату страны, в результате которой ещё совсем недавно хорошо отлаженная, хотя уже дряхлая государственная машина не выдержала удара безжалостных кликов. Гарри ничуть не сомневался — после разобращения всех государственных служб следующей целью Волдеморта должен стать Хогвартс и его обитатели, а потому удивлялся беззаботности Хагрида и сопровождающих студентов школьных преподавателей:

...Ведь он же всяко попробует использовать какие-нибудь метки... или Следящие Чары... Наверняка ведь наплевал на строжайший запрет пользоваться во время перехода магией и...

В этот момент идущая рядом Гермиона снова споткнулась и чуть слышно чертыхнулась, что было на неё совсем не похоже. Мысли Гарри тут же отвлеклись от козней Малфоя: он поднял повыше фонарь, врученный ему Хагридом, и с тревогой заглянул в лицо подруге. Та продолжала идти, крепко сжав губы и упрямо глядя вперёд, хотя по складочке между бровей и кругам под глазами, особенно хорошо заметным сейчас, в тусклом свете, он осознал, насколько она устала. Вернее, устали все, даже сам Гарри — что же тогда говорить о Гермионе, свободное от уроков время у которой занимал отнюдь не спорт и не физические тренировки, а всё та же учёба. В довершении всего плечо ей сейчас оттягивала сумка с возмущённым Косолапсусом, который воспринял посягательство на личную свободу как кровное оскорбление — время от времени кот начинал басовито подвывать и рваться на волю; а к груди гриффиндорская староста прижимала объемистый пакет всё с теми же свитками, с которыми она прибыла по сигналу тревоги в Большой Зал — сколько Гарри ни предлагал свою помощь, она лишь мотала головой.

— Гермиона...

— Всё хорошо, Гарри, — она устало улыбнулась и потёрла глаза. Косолапсус услышал голос хозяйки и снова хрипло заорал. — Долго ещё?

— Почти час, — сверившись с часами, ответил Гарри. — Ну, или чуть меньше, — торопливо поправился он, увидев мелькнувшее в глазах девушки отчаяние. — Да отдай мне, наконец, сумку, — она только в очередной раз устало улыбнулась и покачала головой. — Ты ведь уже еле идёшь, — настаивал Гарри. — Отдай мне этого чёртового кота, он ведь, наверное, целую тонну весит!

— Ему сейчас и так плохо, а если я буду рядом, Косолапсусик не будет бояться.

— Бояться? — Гарри с сомнением посмотрел на плоскую рыжую морду со встопорщенными, будто у моржа, усами. Морда была преисполнена крайнего раздражения. Всякие прочие лапы — «во избежание» — были плотно заперты в сумке. — Да ты шутишь — он же сто раз бывал в Запретном Лесу! Выпусти зверя — и он мучиться не будет, и тебе станет легче.

Гермиона поколебалась, однако усталость взяла своё. Едва почувствовав свободу, кот с триумфальным рывком сиганул в темноту, в угадываемые по краям тропинки кусты — шорох, и только его и видели.

— Не волнуйся, — виновато зачастил Гарри, отвечая на полный укоризны взгляд подруги, — он тут все тропы знает, сам нас найдёт без всяких проблем, это ж волшебный кот... К тому же, скоро будет привал. Ты отдохнёшь, выспишься...

— Дашь мне фонарь? — от неожиданности он подавился словами и забыл, что хотел сказать. — Мне нужно кое-что посмотреть, я как раз нашла очень интересный... — Гермиона нервно вздрогнула от слабого дуновения воздуха, задевшего волосы на шее, и понизила голос: — ...очень интересный свиток, очень древний, о... сам-знаешь-чём. И тут, как назло, нас всех вызвали, — Гарри не понравилось, что в её голосе мелькнула досада, будто начавшийся в стране переворот стал не более чем помехой в исследовательском процессе. — И, представляешь, просто чудо какое-то — то ли охранная система не сработала, то ли ещё что, но я смогла его вынести...

— Гермиона, прекрати, — не терпящим возражений шёпотом остановил её Гарри. — Приди в себя — какие свитки! Мы в Лесу, Хогвартс, возможно, уже в осаде, по всей стране невесть что творится... Нам ещё завтра целый день идти, не говоря уже о том, что... что... — от ощущения собственной беспомощности перехватило горло.

— Гарри...

Он почувствовал во тьме прикосновение мягкой и тёплой руки и мотнул головой:

— Не надо.

— Не угрыжайся, ты ни в чём не виноват.

— Неправда. Я ничего не смог сделать, чтобы это предотвратить. У меня был почти год.

— Меньше.

— Хорошо — пусть меньше, но всё равно... А я ничего не смог. И в том, что происходит сейчас, только моя вина: догадайся я, собери его...

— Ты сделал всё, что мог, ты почти нашёл его...

— Почти — не в счёт. А теперь и вовсе бегу отсюда, где хоть чем-то могу помочь... Я чувствую себя бесполезным трусом. Слабаком. Надо было хотя бы сказать то, что мне известно, Дамблдору, — может, он бы сумел... — Гарри обернулся и в отчаянии посмотрел во тьму. Где-то там за высокими деревьями остался Хогвартс. — Надо было поговорить со Шляпой... С нимфами, русалками — с кем угодно! Может, им хоть что-то известно! Гермиона... Я... мне...

— Привал! — разнёсся над головами рык Хагрида. — Всем подойти к ответственным по факультетам за спальными мешками и провизией. Хаффлпафф — к мистеру Филчу, Равенкло — к профессору Синистре, Слизерин — к профессору Трелани. Гриффиндорцы, подходите ко мне... Из лагеря выбраться не пытайтесь — вам это всё равно не удастся. И с кустов ничего не ешьте, — очень вовремя шлёпнул он по ладони какую-то изголодавшуюся младшеклассницу, — это вам не сад-палисад: Запретный Лес одарит в угощение такими ягодами, что будет вам вместо прокорма полный морок и муть в голове. Ясно?

Ноги Гермионы подогнулись, она сползла в мягкий мох у ближайшего дерева и безвольно откинулась на узловатое корневище. Гарри сгнул около неё сумку и бегом кинулся к лесничему, к которому уже выстроилась очередь. Через миг рядом появился Рон. Вид

у него был усталый: Стана подвернула-таки в темноте ногу, и последние четверть часа ему пришлось нести не только свои и её вещи, но и практически тащить её саму. Будь обстоятельства несколько иными, Рон бы получил от этого процесса куда больше удовольствия.

Совсем скоро измученные студенты, поужинав так же сытно и вкусно, как если бы сделали это в Большом Зале, вытянулись на земле в тёплых и мягких спальных мешках. Ни разговорчиков, ни шепотков — все устали настолько сильно, что, вопреки обстоятельствам, заснули почти сразу. Вернее, почти все: Гермиона-таки вымолила у Гарри пять минут чтения при свете фонаря, Рон сидел около постанывающей в полусне Станы, массируя ей больную ногу, а Гарри даже не стал себя обманывать: он и в спальный мешок не полез, прекрасно понимая, что вряд ли заснёт.

Над головой шуршали невидимые птицы, где-то вдалеке ухала сова. Гарри прислушался и не поверил своим ушам, различив в уханье человеческие слова:

— Кто ты?.. Где ты?.. Ступай же за мной... Скорее — за мной... Дорогой лесной... Дорогой лесной...

У него аж дыхание занялось. Взглянув на Гермиону, он понял, что это не плод его измученного воображения: та тоже оторвалась от ветхого пергамента, в который буквально тыкалась носом, и сейчас во все глаза смотрела в темноту. Рон, нашептывающий Стане какие-то ласковые слова под соседним кустом, ничего не заметил.

— Я, пожалуй, пойду проверю, — неуверенно поднялся на ноги Гарри.

— Ты куда? — резко вскинул голову Рон.

— Дойду до Хагрида, что ли...

— Я с тобой, — Рон осторожно переложил больную ногу задремавшей Станы на землю.

— ...за мной... — ухала вдалеке сова, — дорóгой лесной...

— Это ещё что за?..

— Рон, — начал Гарри, едва они отошли на пару шагов. — Мне нужно возвращаться.

— Я понимаю, — Гарри не видел в темноте выражения лица друга, но, судя по спокойному шёпоту, тот воспринял эту новость совершенно адекватно. — Полагаю, ты не будешь вести себя будто конченый кретин и говорить, что непременно должен сделать это один? Потому что в противном случае я сделаю из тебя отбивную и понесу в Хогвартс в заплочном мешке.

Вопреки серьёзности ситуации Гарри фыркнул.

— Не буду.

— Короче, запомни одну вещь, — продолжил Рон, и Гарри почувствовал, как при этих словах пальцы друга крепко вцепились в предплечье. — Что бы ни произошло, что бы ни случилось, я сам это решил. А потому... словом, если что — не смей себя винить. Это моё решение. Понял?

— Да, — Гарри не без труда отковырял пальцы Рона от своей руки и крепко пожал его широкую ладонь. — Спасибо. Ну... Наверное, тебе надо взять палочку и... попрощаться?

— Палочку? Да ты шутишь, я её и не убирал. Вот только не говори, будто ты послушался приказа и упаковал свою в сумку.

Гарри, повторив жест Рона, с невесёлым смешком вытащил свою палочку из заднего кармана брюк.

— А вот попрощаться... — Рон вздохнул. — Она только что уснула...

— Рон, она тебе не простит, если ты уйдёшь, даже не сказав ей «до свидания»...

— Думаешь, ей будет легче, если я скажу ей это в лицо?

— Нет, не будет. Но так честнее...

Наверху послышался мягкий шорох крыльев:

— ...за мной, за мной... — проухала сова. — Лесной, лесной...

— Это ещё что за гадость? — Рон прищурился, рука его невольно вновь потянулась к заднему карману брюк за палочкой.

— Не знаю. В любом случае, надо найти Хагрида и сообщить ему, что мы... Встретимся здесь же.

Со вздохом Рон вернулся к маячащему в ночи огоньку. Чуть поколебавшись и повглядываясь в темноту, Гарри последовал за ним. Снова заухала сова, мягко перелетела на соседнее дерево. Ветка прогнулась под её тяжестью, треснула, и в кустах кто-то зашуршал. Сова замерла, однако, кто бы это ни был, он не предпринял попытки улизнуть из лагеря, а потому она продолжила облёт.

Гермиона уже не читала: она сидела, по-матерински прижимая свиток к груди и вглядываясь в темноту, куда ушли друзья. Когда она увидела их, то сначала с облегчением улыбнулась, потом же, всмотревшись в лица, беззвучно ахнула и прижала ладонь к губам: ей уже доводилось видеть подобное выражение в глазах, и она знала, что будет следующим: Гарри подойдёт, присядет рядом с ней, взглянет в глаза — упрямо и чуть виновато, и, взяв её лицо в ладони, тихо произнесёт «Гермиона»...

— Гермиона...

— Я пойду с вами.

Он покачал головой:

— Ты устала.

— Я справлюсь.

— Это опасно.

— Я знаю.

— Мне нужно, чтобы ты меня ждала.

— Что? — Гермиона взглянула ему в лицо — такое усталое, такое упрямое, такое любимое...

— Если ты будешь ждать меня, я непременно вернусь. Обещаешь?

Снова вдалеке заухала сова, под ногами невесть откуда возник Косолапус с прилипшими к морде перьями и тут же начал отчаянно тереться о колени Гарри. Юноша поднялся, Гермиона встала следом — теперь они замерли лицом друг к другу. Вдруг Гарри качнулся вперёд, и девушка задохнулась в крепком до боли объятии: уронив голову ей на плечо, он сжимал руки всё сильнее — под конец Гермионе казалось, будто она вот-вот услышит треск собственных ребёр.

Он отпустил её так же внезапно, как и обнял, — ни прощального поцелуя, ни слова больше; унося с собой драгоценное воспоминание о её нежности, её хрупкости, о трепетании под его ладонями тела, ведомого ему до последней родинки, о биении сердца, о неровном дыхании, о всхлипе, вырвавшемся из её груди, когда он шагнул в темноту.

Рон минут пять сидел над Станой, не в силах нарушить её сон и — что греха таить — боясь того, с чем ему суждено столкнуться, едва он сообщит о своём уходе. Раза два он вставал, собираясь малодушно уйти, но каждый раз снова опускался на корточки. Наконец, он решился.

— Стана... Слышишь, Стана...

— Что?.. Уже пора?

— Нет, но...

— Я спать хочу, — по-детски пролепетала девушка, с трудом шевеля сонными губами.

Рон наклонился к самому её уху.

— Стана... Я ухожу.

— Не надо... — она высвободила руки из спального мешка, обняла Рона за шею, притянула к себе — он не удержал равновесия и упал на четвереньки в мягкий белёсый мох.

— Стана... Я тебя очень люблю... — беспомощно выдохнул, зажмуриваясь, чтобы не чувствовать дурацкого покалывания в глазах — ещё не хватало разнотиться, словно какая-то кисейная барышня.

Она мгновенно проснулась и села, даже не поморщившись от боли в ноге.

— Куда ты?

Вместо ответа он виновато улыбнулся.

Зашуршал спальный мешок, теперь Стана стояла на коленях перед Роном, вцепившись обеими руками ему в плечи. А ещё через миг уже прильнула к нему всем телом, уткнулась лицом в грудь.

— Э-эй... — выдавил смешок Рон. Он понимал, что надо отстраниться, но это было выше его сил. Руки так и норовили лечь Стане чуть ниже спины, и ему стоило изрядных трудов похлопать девушку по плечу на дружеский манер. — Ещё пара минут, и я уже никуда не пойду. Не смогу, понимаешь ли.

— Что?..

— Мне объяснить?

Вдохновлённое её непонимающим взглядом тело само собой дёрнулось навстречу ей, и по щекам Станы разлился видимый даже в ночном мраке румянец.

— Дурак, — всхлипнула она ему в грудь. — Дурак! — повторила уже громче, сопроводив звонкой, однако совершенно безвредной затрещиной. — Только посмей не вернуться, только посмей — я тебя... я тебя...

— Не бойся, я обязательно приду, мне ещё есть что тебе сказать. Не говоря о прочем, — шёпотом добавил он то, что никогда не смел облечь при ней в слова, и легонько сдавил в объятиях. Вернее, легонько — так показалось Рону, запунцовевшая же от его слов Стана ойкнула и задёргалась:

— Больно же! Дурак... Рон...

— Всё-всё, прости. Ну... — он искал какое-нибудь враньё посимпатичней и неуверенно закончил: — Завтра, когда ты проснёшься, я уже буду тут.

— Обещаешь?

— Конечно. Ну, в крайнем случае, вернусь к завтраку.

— Обещаешь...

Раздался шорох: Гарри надоело в одиночестве торчать в условленном месте, и он отправился искать Рона, едва не наступив на них со Станой. Она взвизгнула от неожиданности — вернее, взвизгнула бы, не приглуши её Рон своим ртом. И раньше чем она даже успела поцеловать его в ответ, юноши уже растворились в темноте.

* * *

Драко, не доверяя ночи, воспользовался заклинанием частичной невидимости (пусть это стоило ему невероятной концентрации всех магических и физических сил) — таким образом он мог контролировать почти каждое перемещение гриффиндорцев. Он специально устроился на ночёвку подальше от однокурсников, мотивируя это тем, что храп и чавканье Крэбба и Гойла, поджигающих в темноте последние крохи неприкосновенного запаса, не дадут ему уснуть. Едва только возня в стане слизеринцев закончилась, выскользнул из спальника и беззвучно прокрался к огонькам в дальней части поляны, где, как он приметил, расположились студенты Гриффиндора.

После судьбоносного разговора Поттера и Уизли он с трудом мог удержать ликование в душе — просто чудо, как услужливы эти друзья-гриффиндорцы, теперь даже не надо ломать голову, как оттащить Поттера подальше от остальных, чтобы без помех вытянуть интересующие его, Малфоя, сведения. Конечно, Уизли будет путаться под ногами... Но этот вопрос тоже вполне решаем.

Глава двадцать восьмая, в которой мы встречаем кентавров и нимф, знакомимся с супругой Диофана, а так же вместе с неугомонной пятёркой не в добрый час возвращаемся в Хогвартс.

Несмотря на самое раннее утро, нежного цвета небеса смеркались от дыма деревьев, снедаемых огнём. Двойное кольцо осады вокруг Хогвартса сжималось, одна за одной рвались ниточки, соединяющие его с внешним миром. Отказала свиная почта — сначала птицы ещё прилетали, хотя и с опозданием, изрядно потрёпанные, а потом и вовсе начали исчезать; забрахла и отключилась Каминная сеть, оставив обороняющихся наедине с многократно превосходящим их противником. И в довершение — уж точно не без вме-

настроение Драко повысилось дальше некуда. Он даже без отвращения наблюдал за мелодраматическим расставанием этих идиотов со своими девками, разве что желал, чтобы всё закончилось побыстрее (*к делу, к делу!*) — из занятого Драко укрытия обе парочки были у него как на ладони. Правда, радость оказалась чуть подпорчена странной невозможностью связаться с отцом: как Драко ни взывал к нему — бесполезно, как ни колдовал тихонечко, оставляя метки на деревьях, — те исчезали гораздо быстрее положенного. Малфой проверил свои подозрения: и точно, даже простейшие заклятия выходили с большим трудом, будто бы вокруг действовало магоподавляющее поле.

...С другой стороны — *Запретный Лес. Черт его знает, что тут творится...*

Ещё Драко интересовало, как гриффиндорцы собирались вернуться: когда он на пробу чуть подотстал от своих и, решив разобраться что к чему, пошёл в обратном направлении, как налетел то ли на упругую стену, то ли на что подобное. Над головой закружила невесть откуда взявшаяся сова, заухала, замахала огромными крыльями:

— Следуй за мной... — и как Драко ни силился, продвинуться в противоположном направлении он не смог ни на фут: охранные заклинания были сработаны на совесть.

...*Чёртово чучело...*

Сейчас он напряжённо следил за действиями Поттера и Уизли: вот они подошли к сидящему у костра Хагриду, начали говорить... жестикулировать... Поттер вытащил палочку, крича что-то яростным шёпотом... — *ха-ха, хотел бы я видеть, что у него выйдет... Неужели сейчас приложит этого косматого?*

К удивлению Малфоя, швыряться в лесничего сногшибателями или применять Заклятье Подвластия гриффиндорец не стал. Показывая то на себя, то на Рона, то на палочку, то в небо, будто призывая в свидетели самого Создателя, Поттер снова что-то яростно зашептал — ах, Малфой бы сейчас не поспешил, чтобы услышать это собственными ушами, однако подходить ближе он не рискнул, даже в почти невидимом состоянии: кто знает, может, кто-нибудь да заметит в траве одинокую босую ступню.

В конце концов Хагрид похоронно кивнул и помянул мальчишек за собой. Здоровенный арбалет, к большой тревоге Малфоя-младшего, не остался у костра, а перекочевал с земли на плечо лесничему. Что случится, реши этот *косматый идиот* выстрелить «на звук», Драко думать не хотел. Но медлить было нельзя.

Хагрид свистнул, и огромная сова опустилась ему на плечо. Он что-то сказал ей, показывая на замерших с вытаращенными глазами гриффиндорцев, и птица, мягко распахнув огромные бурые крылья, сделала над поляной круг, прежде чем неторопливо направилась в непроглядную ночную темень. Этого времени Драко аккуратнохватило, чтобы подобраться к Поттеру и Уизли вплотную. А уж дальше...

...*Будьте уверены — я от вас не отстану.*

шательства Люциуса Малфоя, вызвавшего в бытность директором все ходы и выходы, — нападающие попробовали воспользоваться тайными подземными лазами, а когда это не вышло, просто обрушили их, захлопнув капкан. Впрочем, последнее выглядело совершенно излишним, ибо отступать всё равно никто не собирался. Горстка преподавателей и немногочисленная группа авроров, успевших попасть в замок до того, как замкнулось кольцо блокады, готовы были стоять тут, если потребуется, насмерть.

А перспективы светили нерадужные. Защитные барьеры, много веков назад воздвигнутые вокруг Хогвартса, ещё держались, однако это никого не могло обмануть: при столь интенсивном натиске армии Пожирателей и отсутствии подкрепления (а ждать его было неоткуда: волшебный мир трещал по всем швам, коль скоро и магглы начали подозревать что-то нечистое) сдерживать невероятный напор магии им оставалось считанные часы — Люциус знал слабые места, где и концентрировал удар.

Даже Запретный Лес сдавал позиции. На западной окраине кое-где дымились деревья: все поджоги погасить не удавалось, ибо рядом с местами возгораний таились проклятия-ловушки. И тогда, чтобы хоть на час, хоть на миг предотвратить неотвратимое, пожар просто загнали под землю, где он до поры — до времени затаился в торфяниках. Лесные жители в большинстве своём бежали из тех краёв, обуянные паникой; отнюдь не многие решили остаться, чтобы защитить свои дома, ещё меньше вызвались помогать людям, ставшим — в очередной раз — первопричиной и вестниками беды.

Накануне, отправив учеников в укрытие, Дамблдор принял все доклады, раздал указания и, чуть помедлив, всё же подошёл к книжной полке, зашарил усталыми пальцами в поисках Книги.

— Запретный Лес...

Из груди директора вырвался тяжёлый вздох. Он знал — переговоры предстоят непростые.

На холме со срезанной вершиной его уже ждали. Вопреки щедрости звёздной ночи, рассыпавшей по небосклону пригоршни звёзд, сегодня там не стоял телескоп, как не было видно и его хозяина. Хотя, возможно, Норт просто затерялся в толпе угрюмых кентавров — те замерли на почтительном расстоянии вокруг большого зеркала на треноге и седого вожака подле него.

— Значит, первым делом-ом ты кинулся именно к нам, Альбус.

— Полагаю, тебе ведомо, почему, Пратт.

— Вedo-омо... Полагаю, ты тоже достато-очно проныцателен, чтобы предсказать мо-ой ответ.

— Он окончателен? — брови директора сдвинулись, а пальцы чуть сильнее обхватили массивную рукоять посоха; тем не менее, этого хватило, чтобы кентавры, почуяв витающую в воздухе угрозу, шагнули вперёд.

— Да, — короткое слово, резко вскинута рука, и ретивые охранники отхлынули, повинуясь вожаку. — Не впутывайте нас в ваши дела, в ваши СМЕРТНЫЕ дела, — с нажимом уточнил старейшина. — В силу кратковременности вашей жизни не спосо-обны вы, люди, подняться и о-обозреть свои ошибки с высоты. А потому, пытаюсь исправить что-то о-одно, просто умножаеете их, утягивая в про-опассть следом за собой весь мир.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А не ты ли — единственный, кто и вино-оват в явлении этого самого Тёмно-ого Лорда? Не ты ли, прекрасно-о осознавая затаившееся в нём зло-о и имея представление о тьме, которую это-о зло может породить, не растоптал гадину в заро-одыше? Не ты ли позволил змеёнышу выпо-олзти из гнезда?

— Тогда он был просто ребёнком. Испорченным ребёнком. И всё же у него был шанс...

— Не было-о! Просто ты, в силу скудности своего-о опыта и знаний — ведь для нас ты и сам едва ли не дитя, — не мог это-ого осознать. Тьма и Свет — они не смешиваются и никогда не перехо-одят друг в друга. Рождённому под тёмной звездой не суждено-о слушать свету, и то, что ты предположил подо-обную нелепицу, в очередной раз по-одтверждает вашу неспособность осознать законы, движущие вселенно-ой. И вот — результат. Взгляни, ты то-олько взгляни, что творится! Какую цену прихо-одится платить всем вам, всем нам за тво-оё заблуждение!

Пратт топнул копытом, и гигантское зеркало за его спиной мягко засеребрилось во мраке в тот самый миг,

когда у какого-то безымянного — непонятно, аврора или же Пожирателя Смерти — вырвало палочку, да не из рук, а вместе с рукой, мёртвой хваткой вцепившейся в рукоять, а сам он уставился на обрубок, как бы ожидая объяснения таким странностям. Его хотели подхватить, чтобы не упал, да не успели — он рухнул на колени, не сводя глаз с кровотокающей культуры, и в тот же миг оказался затоптан соратниками, в ужасе метнувшимися прочь от врага, который как раз ринулся в наступление.

— Что-о скажешь? — холодно поинтересовался Пратт.

Отблески беззвучной битвы вспыхивали на его перламутровых бельмах.

— Я лишь повторю свой вопрос, — ровным голосом, будто не замечая творящихся в зеркале ужасов, ответил Дамблдор.

— То-о есть ты хо-очешь знать, гото-овы ли мы, кентавры, помо-очь вам, смертным, и о-освободить ваш мир о-от порождённого вами же чудовища? — от волнения Пратт начал окать ещё заметней.

— Не ваш — *наш* мир. Вы в нём тоже живёте, — в глазах директора запылали ярко-синие молнии, и кентавры вновь зароптали.

Похоже, спор возник далеко не в первый раз, коль старейшина, не рассердившись и уж, тем паче, нимало не испугавшись, просто скрестил на груди руки. Некоторое время он молчал, двигая кустистыми седыми бровями и будто напряжённо о чём-то размышляя. Наконец, на его лице появилось утомлённое выражение.

— Истинно-ое освобождение спосо-обна принести лишь независимая от чьих-либо сиюминутных желаний и намерений сила. Мне очевидно твой расчёт: ты хо-очешь впутать нас в ваши мелкие политические дрязги, ибо прекрасно-о понимаешь — мы достаточно мо-огущественны, чтобы одарить победой ту сторо-ону, на которой выступим. Однако-о волею звёзд и самой миссией нашей запрещено-о нам вмешиваться в пред-сказанный ход вещей.

— Предсказанный? Кем же, хочу я знать, он пред-сказан? Кто сказал, что, однажды созданное должно до скончания веков оставаться в неприкосновенности? Не мы ли собственными руками делаем мир таким, какой он есть, не мы ли изменяем его, создавая снова и снова? Ведь именно в движении таится суть жизни! Получается, ты, Пратт, обладая великой силой, готов самоустраниться? Сложить руки и равнодушно наблюдать? Спокойно смотреть на смерть людей, на смерть мира?!

Трепеща от с трудом скрываемого негодования, Дамблдор кивнул на зеркало, где сейчас кипело сражение на окраине какого-то городка: отряд авроров налетел на засаду и сошёл в рукопашную с полусотней Пожирателей Смерти — чумазных, красноглазых от страха и злости дьяволов, которые, судя по разъявленным ртам, вопили при этом, как бесами обуянные.

— Ты говоришь так, будто это кровопролитие и крушение миров исключительно моя вина, — заметил старый кентавр. Хвост его нервно подёргивался из стороны в сторону, однако больше ничто не выдавало волнения.

— Невмешательство — суть потакание силам тьмы. Даже просто позволяя злу вторгаться в мир, ты уже выступаешь его союзником. То, что ты называешь невмешательством, на самом деле просто лукавство. Ведь ты не хуже меня знаешь, что жить в мире и быть свободным от него невозможно. Это худший из самообманов.

Звук, с которым лопнуло терпение старого вожака, был практически слышим. Отголоском его громыхнул в груди кентавра утробный рык, он внезапно встал на дыбы и обрушился на землю с такой яростью, что холм под ногами Дамблдора гулко дрогнул.

— А, так ты хо-очешь, чтобы мы вмешались?! После того, как заварили всю эту кашу именно вы? Именно ты! И после этого ты смеешь взывать к нашей совести?!

Старый директор даже не поморщился. Вздёрнув голову — синие молнии в его глазах более не казались

отблесками идущей в зазеркалье битвы — он легко шагнул и оказался перед Праттом до того, как кто-то из кентавров-охранников успел и копыто поднять. Воздух между старейшиной магов и главой магических существ наэлектризовался, время остановилось.

— Ты хо-очешь... — Пратт понизил голос, и очнувшаяся свита рванулась вперёд, но тут же приторმოзила от его повелительного жеста; неуверенно заперетаптываввшись, кентавры попятилась обратно. Над холмом зазвучало недовольное ворчание и приглушённый перестук копыт, — ...что-обы мы взяли на себя ответственность за все совершенные тобой глупости? Что-обы мы за вас, людей, исправили ваши о-ошибки, даровав вам шанс надеть но-овых?

Дамблдор был почти на голову ниже старейшины, однако казалось, будто всё обстоит как раз наоборот — перед седым длиннородым волшебником в синей мантии и усыпанном звёздами колпаке слепой кентавр словно съежился. Почувяв волну хлынувшей от мага силы, он шагнул назад, задев крупом Зеркало — то пошатнулось, устояв в самый последний момент благодаря стараниям выскочившего Норта. Не глядя на директора Хогвартса, звездочёт поправил магический прибор и снова шмыгнул обратно в толпу.

Дамблдор усмехнулся.

— Ответственность? Так вот чего вы боитесь? Что звёзды неправильно поймут ваш порыв и беспощадно покарают отступников? А может, вы просто боитесь сделать ошибку? Опасаетесь, что горделиво именуемая словом «сила» — не сила вовсе? И на деле вы ничего, ничего не можете изменить: могущество, коим вы кичились веками, не способно спасти даже одну-единственную душу самого распоследнего, самого никчёмного в глазах вечности и вселенной человечка?

— Да как ты... — но слепой кентавр тут же взял себя в руки. — Вмешаться? Одну душу? Думаешь, это что-то изменит? Не хо-очешь ли узнать, что совсем скоро ждёт ваш мир... твой драгоценный Хо-огвартс... лично тебя?..

Он хлопнул в ладоши, и картина в Зеркале изменилась. Теперь Дамблдор видел там самого себя. Вот только колпака на голове не было, опалённая заклятьем борода укоротилась едва ли не на треть, а из раны на лбу щедро сочилась кровь, заливая ему рот и нос, которые он время от времени утирал тылом ладони, чтобы видеть и левым глазом тоже.

— Вот оно что... — Дамблдор сделал ещё один шаг вперёд и теперь с интересом смотрел на обрамляющую зеркало раму. Взмах посохом, и среди богатого орнамента проступили и тут же исчезли какие-то буквы. — Значит, уцелело ещё одно зеркало — Акор... Получается, все эти века оно хранилось у вас. Астрономия... Таблицы... Так вот где на самом деле таится корень вашей мрачной прозорливости... Древнее Зеркало, плод колдовства великого мага, ставшее его последним творением, ибо, узрев в нём собственную трагическую кончину, предпочёл он избежать грядущего...

— Таким о-образом ты намекаешь, что желаешь взглянуть на со-обственный смертный час?

— Нет, — равнодушно пожал плечами Дамблдор. — Я достаточно пожил на свете, чтобы многократно подготовиться к столь увлекательному путешествию, какими бы ни оказались сопутствующие обстоятельства.

— Это делает тебе, смертно-ому, честь. Однако-о есть нечто куда страшнее смерти...

Глаза Дамблдора расширились: теперь в зеркале был Хогвартс. Вернее, было то, что когда-то являлось Хогвартсом: раскуроченная, вздыбленная земля, осколками зубов торчащие деревья, глинистый обрыв — в недавнем прошлом зелёный склон, ведущий к озеру...

— Вот что ждёт твой замок в ближайшие часы! — кентавр сверкнул в темноте бельмами и снова занёс руку. — А весь ваш мир...

— Постой. Я хочу задать ему один вопрос... — директор махнул на серебристую поверхность посохом, та на миг помутнела, будто от вздоха, а потом снова

прояснилась, представив взорам всё тот же апокалиптический пейзаж.

Как ни странно, лицо Дамблдора просветлело.

— Вот, значит, как... Ну, что ж... — старец развернулся. — Передай звёздам, — яркая вспышка синих глаз, пронзительный взгляд, брошенный через плечо вместо слов прощания, — что мы, смертные, ещё потрепыхаемся. И посмотрим, чья возьмёт. Вы же можете отсиживаться в вашей чаще... ждать, когда найдётся кто-то, не боящийся ошибиться. И замараться. Пусть в наших руках нет великой силы, пусть до последнего мига мы не знаем, зачем мы живём и чего стоит наша короткая и столь никчёмная, на ваш взгляд, жизнь...

— Стой! Зачем тебе это-о? — старейшина, позабыв о том, как этот порыв может выглядеть в глазах прочих, кинулся следом, почти умоляюще простирая руки. — Альбус, о-объясни! Ты стоял на поро-оге бесмертия, ты мог испить из чаши вечно-ой жизни, навсегда избавившись от суеты! Ты мог со-овершенствовать своё мастерство, мог целую вечность по-остигать величайшую магию, став равным богу, — так по-очему же ты отказался?! Зачем, зачем тебе они — эти люди, эти песчинки пред ликом мироздания?! Ведь ты мог стать самым могущественным! Мо-огущественнее их, даже могущественнее нас!..

Кентавр почти выкрикнул эти слова.

— Потому что они живые.

Замершие в недоумённом безмолвии лесные существа смотрели вслед уходящему старику. Они уже знали, что видят его в последний раз — впрочем, об этом был прекрасно осведомлён и он сам. Однако ни тоски, ни страха это ни у кого не вызывало — кентавры провожали его с равнодушным вечности, чуть встревоженной светлым трепетанием мотылька. Дамблдор же слишком спешил: очень уж немного оставалось времени и очень уж многое нужно было успеть.

* * *

Двое мужчин — один чёрный, будто ворон, второй — с выбеленными сединами волосами, столь контрастирующими с ещё довольно молодым и явно разбойничьим лицом, таращились друг на друга с нескрываемой антипатией.

— Заканчивай идиотское позёрство и отправляйся в свои подземелья. Там безопасней.

Последнюю фразу Блэк произнёс, потакая рвущейся наружу многолетней неприязни. Он знал, какотреагирует Снейп, ибо представлял, в каких выражениях ответил бы сам на нечто подобное. Особенно, прозвучи оно из уст недруга. А потому совсем не удивился, когда ноздри выдающегося носа профессора Зельеварения угрожающе встрепенулись.

— Я сказал, что вернусь, — и вернусь.

Блэк скрестил руки на груди, и давние неприятели снова впились друг в друга взглядами, преисполненными такой упоительной ненависти, что, казалось, вот-вот воспламенится паутина, мягкой бахромой затянувшая потолок полуобрушившегося коридора. Именно по нему действующий аврор и хогвартский профессор недавно пришли с передовой и по нему же возвращались обратно. Вид у обоих был помятый. Мантия Блэка справа превратилась в лохмотья, демонстрируя продранные на голени окровавленные штаны: Сириус не успел увернуться от покрытой струпами лапы, вынырнувшей из-под земли и намеревавшейся увлечь его следом за собой в преисподнюю. По счастью, кто-то из команды успел прицельно метнуть Испепеляющее заклятие. Северуса же слегка контузило блуждающим ступефом. Помимо неприятных последствий, и то, и другое было плохим знаком: значит, магический щит где-то дал очередную трещину.

— Я же человеческим языком сказал — тебя велено никуда не пускать. Ступай в свою лабораторию да навари нам побольше веселящего зелья — и сами усмёмся, и врага насмерть уморим.

— Можно подумать, тут такой переизбыток численного состава, что мои боевые навыки вам не понадобятся, — пропуская мимо ушей претензию на шутку, отрезал Снейп.

Блэк припомнил, как одним взмахом палочки слизеринский декан залатал найденную брешь в защитном куполе, сквозь которую уже пытались пробраться нечто многочисленное и весьма неприятное на вид, а потому мысленно согласился с упрямо поджавшим губы Снейпом. Однако он скорее бы отгрыз себе язык, нежели признал это вслух. А потому Сириус состроил независимо-упрямое выражение лица — дескать, *говори, что хочешь, я своё дело знаю: никуда ты не пойдёшь!* — и закатил глаза, в душе проклиная себя за неизжитый детский идиотизм, вечно берущий верх над всем остальным, едва на жизненном пути мелькает желчная и мерзкая рожа достопочтенного зельевара.

— Дело не в навыках, — терпеливо и внятно, едва ли не по слогам, будто беседа с малолетним дауном или впавшим в маразм стариком, начал Блэк, сверля взглядом потолок. — Просто нас в худшем раскладе ждёт смерть той или иной степени болезненности... Да, полагаю, в силу спешки наших достопочтенных оппонентов, мантикора им в задницу, — довольно безболезненная и быстрая, как говорится, «по Аваде Кедавре и спать». А вот ежели ты попадёшь в руки твоих дражайших... — лицо Снейпа окаменело, рука с зажатой в ней палочкой нервно дёрнулась, и Сириус тут же прикусил язык, — ...врагов, то через пару часов будешь молить о смерти как о величайшей милости. И, боюсь, в этом тебе будет отказано: уж больно на тебя зла вся эта пожирательская братия. Не могу сказать, что я настолько озабочен продолжением твоего земного существования, и тем не менее...

— Ты всё сказал? — холодно уточнил Снейп.

— Да.

— В таком случае, я возвращаюсь на позицию: слишком дорого может обойтись нам твоя эгоистичная трепотня.

Снейп развернулся и исчез за завалом раньше, чем ошалевший Сириус успел закрыть рот.

— Э...эгоистичная трепотня?!

Придя в себя, Блэк покосился в ближайшее окно. Сквозь разбитые стёкла тянуло весенней сыростью и гарью. Снаружи было обманчиво тихо.

— Бросаешь вызов судьбе, Северус Снейп? Ну-ну... Смотри — она ведь может его и принять... — вопреки всем усилиям, в голосе за насмешкой звенело уважение.

...Смерть? Пытки? Думаешь, мысли о них останавливают меня? Я слишком виноват перед ней, и мысль, что я могу не успеть искупить свои ошибки, страшит меня гораздо сильнее.

* * *

Гарри и Рону было не до разговоров: чёртова птица, похоже, не понимала разницу в способностях тех, у кого крылья есть, и тех, у кого их нету. Не говоря уже про ночное зрение и маневренность. Приняв буквально приказ Хагрида довести гриффиндорцев самой короткой дорогой и немедленно возвращаться обратно, она шпарила напрямик — через завалы и буераки, ручьи и дебри непролазные.

В результате всё закончилось, как и должно было закончиться: когда Гарри и Рон, чертыхаясь, выбрались из канавы, куда свалились впотьмах, совы уже и след простыл. Какое-то время они ещё слышали ухающие причитания про «дорогу лесную» и старались ориентироваться по ним, но звук становился всё глуше, вдобавок, в игру вступило лукавое эхо... А потом всё стихло: видимо, никаких дополнительных указаний — подождать или же вести более приспособленной к людским ногам дорогой — Хагрид дать не додумался. В очередной раз помянув недалёковидного лесничего коротким ёмким выражением (Рон — вслух, Гарри — мысленно), друзья уставились друг на друга.

Ситуация была глупее не придумать: себегать из лагеря навстречу невесте чему, чтобы заблудиться и ока-

заться невесте где, однако совсем не в том «невесте где», куда они намеревались попасть. Да ещё и темно было так, что даже при зажжённой в полную мощь волшебной палочке видимость составляла от силы три-четыре фута. В кустах что-то хрустнуло, и Рон истерически дёрнулся.

— Га-га-гарри...

Упрекнуть друга в трусости у Гарри не повернулся язык: пусть со времён вояжа к паукам прошло уже четыре года, пусть сам Гарри арахнофобией не страдал — есть впечатления, которые со временем не блекнут. И потом, сейчас он тоже испугался, что не помещало ему поднять палочку повыше и подобраться к кустам поближе. Рон дальновидно прикрывал тылы.

— Мышь. Наверное, — после детального обследования кустов резюмировал Гарри¹⁰². — И вообще, заканчивай дёргаться. Толку от этого никакого — нам надо собраться и придумать, как найти дорогу к Хогвартсу, а то в Запретном Лесу можно годами блуждать...

— Знать бы ещё, где мы находимся... — Рон старался стоять к Лесу передом, к Гарри боком, потому что от угрожающе дышащей в затылок темноты прямо-таки чувствовал, как встают дыбом волосы. — Кабы кто из местных подсказал.

— Угу. Не позвать ли Арагога?.. — не удержался Гарри, тут же получив затрещину.

— Не нервируй меня! — Рон затряс отбитой о крепкий затылок друга ладонью. — Я ничего не могу с собой поделывать! Когда я вижу паука, я теряю над собой контроль! И потом, кажется, у тебя тут закадычные подружки обитают — твои сексуальные нимфочки...

— Диофан! — ахнул, хлопая себя по лбу, Гарри.

— С-сексуальный Диофан? — опешил Рон, от неожиданности поперхнувшись воздухом. — Н-ну... Признаться, н-не могу всецело разделить твоё мнение... Гарри... А ты это... вроде головой ушибся, когда мы там с обрыва наворачнулись, да? Ну-ка, сколько у меня пальцев на руке, а?

Гарри угрюмо посмотрел на растопыренную пятерню.

— Нашёл время дурака валять. Диофан наверняка подскажет нам дорогу. Если только я... если только... Я же брал... точно помню... — забормотал он, хлопая по груди и бёдрам. Рон, всё ещё не очень убеждённый во вменяемости друга, с опасением смотрел на загадочные манипуляции. — Есть!

В руках появился потемневший свисток. Ночную тишину разорвала нежная мелодия, при звуках которой Рон шарахнулся от Гарри так, будто тот на его глазах только что превратился в обуюнного весенней страстью соловьёвца.

...Совсем, похоже, плох... Что же делать, что же... О!

Рон взмахнул палочкой, и на Гарри из ниоткуда обрушился целый водопад. Мелодия стихла.

— Ты что, совсем обалдел?! — отплёвываясь, заорал Гарри. — Да я тебя... Да за такие шуточки...

— Так-так... — раздался смехок, потом знакомый перхающий кашель, и из-за дерева появился Диофан. — Смотрю, сберёг мой подарок, вспомнил про него в чёрный день... Эт' хорошо, хорошо... Вот только хотел бы я знать, — пронзительный фиалковый взор окинул двух почти сцепившихся в рукопашной гриффиндорцев, — что делают в такое беспокойное время в таком опасном месте студенты Хогвартса, которые, если моя память ни с кем мне не изменяет, должны сейчас сладко спать в убежище под присмотром Хагрида?

— Диофан!.. — едва ли сейчас был на свете кто другой, кому бы Гарри обрадовался больше. — Накопец-то!

Позабыв обо всём, он распахнул руки и кинулся к сатиру: тот вопросительно приподнял бровь и сделал

¹⁰² Драко Малфой в этот миг стоял, зажимая себе рот рукой, чтобы, не дай бог, Поттер не услышал его сбивчивого после кросса по пересечённой местности дыхания. Он был согласен, чтобы его считали кем угодно. Пусть даже мышью.

неуловимое движение вбок — так что Гарри со всего маху мокро влипился в ствол ближайшего дерева.

— Э, нет, дружище, я не из тех, кто любит обниматься с парнями. Я, знаешь, всё больше по женскому полу... — Диофан хлопнул в ладоши, и крохотную полянку осветил тусклый свет гнилушек.

— Я так и знала!

Оторопелое сопенье Рона, стоны Гарри, трущего шишку на лбу, и глумливое перханье сатира перекрыл ещё один голос. Женский. Диофан тут же умолк и перекосился, будто у него свело челюсть.

— Так-таки я и знала! Дескать, друзья он на выручку пошёл! Известно, что у тебя за друзья! Говорила мне матушка... Нет, вы гляньте, гляньте!

Уперев руки в боки, ещё одна обитательница Запретного Леса закрутила головой, будто призывая весь окружающий мир в свидетели. Причём сделала она это на редкость убедительно: три преступника, пойманные с поличным, сжались в ожидании гула обвиняющих голосов. Надо отметить, вид у Рона и Гарри сейчас действительно был не самый представительный — оба с каким-то лесным мусором в волосах, грязные, а Гарри вдобавок ещё и мокрый. В не очень-то тихой ночной тишине снова что-то захрустело, высоко в ветвях заматалась вспугнутая пронзительным голосом птица — но и только.

— Ну?! — запальчиво продолжала стрекотать новоявленная особа. — Такие же оболтусы, как и ты сам! Куда, куда намылился посреди ночи, а?! В лесу чёрте-что творится, того и гляди — не зомби порвёт, так Пожиратели пришибут. А не пришибут Пожиратели... — она угрожающе подняла вверх правую руку, и Гарри увидел в ней женское оружие всех времён и народов: увесистую скалку.

— Фотида, душечка!.. — наконец-то откликнулся сатир, утративший пред суровым ликом супруги всю своюнисходительную ехидность. Сейчас он трепетал едва ли не больше, чем оцепеневшие Гарри и Рон, для которых явление вышеназванной Фотиды, похоже, исчерпало оставшиеся запасы удивления. Надо отметить, посмотреть было на что: такая же козлоногая и кучерявая, как и её муж, с обвязанным вокруг чресл неким подобием фартука, с покрытыми застенчивыми кудряшками двумя парами грудей и аккуратными рожками, торчащими из спутанной копны присыпанных мукой рыжих волос, она по общему впечатлению и боевому задору неуловимо напомнила Гарри э-э...

...миссис Уизли... — Гарри покосился на забывшего, как моргать, Рона и залился краской стыда.

— Я тебе покажу, душечка! — предупреждающий взмах скалки. — Ах, говорила же мне матушка... А ну, куда намылились, я вас человеческим языком спрашиваю! — последний вопрос был адресован уже гриффиндорцам.

— М-ма... м-мы... — зачистил Рон, и Гарри испытал облегчение: похоже, не у одного него возникли столь крамольные ассоциации. — М-мы... Н-нам в Хогвартс... С-срочно...

Выражение лица Фотиды мгновенно изменилось: теперя она смотрела на друзей с состраданием.

— Болезные вы мои, куда ж вас понесло-то, а? Там же вот-вот камня на камне не останется! Пожиратели пол-леса уже порешили, Дамблдор-то еле-еле вас, студентиков бедных, успел вывести!.. Чего ж вы на собственные похороны спешите?

— Что?! — ахнул Гарри, кидаясь к Фотиде и тут же отскакивая от неё, будто ошпаренный: при ближайшем рассмотрении сатириха была какая-то уж слишком... э-э... *натуралистичная*. — Хогвартс в осаде?! Рон! Нам нужно спешить! Иначе будет поздно, даже если мы узнаем заклинание до конца!

— Сто-оять! — кавалерийским воплем, наверняка способным остановить мчащийся табун, рывкнула диофанова супруга. — Куда, куда вас несёт? Вы ж и не дойдёте — не зомби порвут, так Пожиратели пришибут, не пришибут Пожиратели, так...

— ...дорогая, ты повторяешься, — с нежной хрипотцой в голосе проблеял очнувшийся Диофан, невзначай подбираясь к своей прекрасной половине и обвивая её обширную талию крепкой рукой.

Фотида встрепенулась, обернулась к супругу, и тот обжёг её взглядом чуть светящихся в темноте фиолетовых очей. Куда только девался её грозный вид, её гнев и горластость — сатириха мгновенно сдулась.

— Диофан?.. — робким шёпотом спросила она, подобострастно косясь на мужа снизу вверх.

Он промолчал в ответ, не отрывая от неё глаз, и если бы кто-нибудь присмотрелся повнимательней, он бы заметил почти неуловимые, быстрые, словно рябь на воде, изменения выражений их лиц.

Вопрос. Недовольство. Упрямство. Отказ. Снова вопрос. Настойчивость. Рассудительность. Согласие.

— Полагаю, одного раза достаточно, чтобы исключить теорию сглаза?

— Достаточно, чтобы исключить теорию рока, — вздохнула она. — Значит, говоришь, помочь друзьям... — повторила Фотида ещё одну уже звучавшую на этой поляне фразу.

Диофан улыбнулся. К нему вернулась прежняя самоуверенная насмешливость; незаметно для Фотиды он подмигнул недоумевающим в сторонке гриффиндорцам (а так же, хотя он об этом не подозревал, не менее недоумевающему в дальних кустах у них за спиной Малфоем), вытащил коротенькую трубочку и раскурил её, щёлкнув пальцами. Ноздри Гарри и Рона зашекетал вонючий дымок, почему-то заставив Гарри подумать о Гермионе и о том, как она вечно начинала кашлять и чихать в присутствии курильщиков... Перед глазами, как наяву, появилось любимое лицо — наморщенный носик, зажмуренные глаза... Кажется, она вот-вот...

— А-апчи! — заставил его подпрыгнуть зверски сотрясший воздух Рон.

— Нам пора, — словно проснувшись, деревянным голосом сообщил Гарри и развернулся на деревянных же ногах. — Диофан, куда идти, чтобы попасть в Хогвартс?

— Да я уж вас провожу, — хмыкнул сатир и тут же похлопал Гарри по плечу мохнатой лапой. — Бесплатно. Так сказать, подарок от фирмы, — подмигнул он и тут же посерьёзнул. — Только запомните: хотите добраться туда живыми и невредимыми: ни шагу от меня, ни звука, ни слова. И выполнять все мои приказы, какими бы странными они вам не казались, ясно?

— Ясно, — с тихим трепетом откликнулись проникнувшиеся строгостью тона гриффиндорцы.

Диофан удовлетворённо кивнул.

— Лежа-ать! — внезапно рывкнул он совершенно по-армейски.

Гарри и Рон ничком рухнули в мох, зажмурились в ожидании виста и всполохов проклятий, рёва врагов...

В темноте захихикала Фотида.

— Всё б тебе шалить, баловник...

— Т-ты! — покраснев как рак, Рон вскочил на ноги. — Я тебя сейчас... я тебе покажу, как издеваться над гриффиндорцами!

— Стоп-стоп-стоп, — сатир предостерегающе выставил вперёд мозолистую ладонь, а его жена снова извлекла из-за спины проверенную в боях скалку. — Я же должен был проверить!

— Я т-те! — взвыл Рон, однако был остановлен накрепко вцепившимся в мантию Гарри.

— Спокойно. Все правильно. Веди нас, Диофан.

— Так-то лучше, — сатир последний раз пыхнул трубочкой. Сочно сплюнув в ладонь, вытряхнул туда зашипевший и погасший уголёк. Взмах руки, и гнилушки медленно-медленно погасли — так тускнеют огни в кинозале перед началом сеанса, погружая всё вокруг в многообещающий мрак. — Давайте-ка, гасите палочки. Ну, пошли.

В дальних кустах Драко Малфой мысленно зачертыхался: предстояла ещё одна пробежка. При этом уши

у Диофана были, не в пример гриффиндорским, чуткие, глаза — острые, а ноги — быстрые.

...Ты слышишь меня, отец?

* * *

Идущий от фонаря свет всё тускнел, у Гермионы слипались глаза, а строчки ветхого пергамента прыгали и плыли перед глазами. Слова рассыпались и снова складывались в уже лишённые всякого смысла буквосочетания. Она мужественно боролась с дремой, встряхивала головой и продолжала разбирать витиеватые, потускневшие от времени буквы. Почему-то казалось, что, усни она сейчас, с Гарри непременно что-то случится — что-то ужасное, непоправимое, а потому Гермиона героически терпела: тёрла глаза и уши, щипала себя за щёки, изредка с завистью и укоризной поглядывая на всё ещё всхлипывающую и, тем не менее, — сладко спящую Стану.

...О, юность, юность, как ты жестока и бессердечна временами...

Устремлённый в пространство рассеянный взор подёрнулся дымкой, веки сами собой сомкнулись... Какое-то время Гермиона ещё сохраняла вертикальное положение, потом голова безвольно свесилась, а ещё через миг гриффиндорская староста завалилась набок, проснувшись, правда, в полёте. Она яростно растёрла ладошками уши и недовольно уставилась на соскользнувший с колен и развернувшийся свиток.

И тут-то увидела это.

Гермиона прочитала, перечитала, потом ущипнула себя за руку — так сильно, что наверняка бы взвизгнула, кабы ужас, захолонувший сердце, не перекрыл с лихвой все болевые ощущения.

«...неужели вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что нечто, извне входящее в человека, требует от него равного по ценности исходящего? Обретая нечто бесценное, столь же бесценное для себя отдаёшь взамен. „Ничто не берётся ниоткуда“. Сие есть закон сохранности, целостности мира и магии главный постулат. И дерзецы, забывавшие об этом...»

— ...дерзецы, забывавшие об этом... — взволнованным шёпотом выдохнула девушка и облизнула враз ставшие сухими губы. Голос задрожал; сама того не замечая, она начала заикаться: — ...л-лишались собственных тел, становясь душами неприкаемыми, что обречены блуждать по свету до Суда Господня... или п-превращались в чудовищ ужаснейших, лишённых даже права вкусить смерти...

Внезапно стало жарко. Так жарко, что по спине вдоль позвоночника поползла струйка пота.

...Гарри!

Взяв в себя в руки, Гермиона быстро пробежала дальнейший текст.

— Господи-господи-господи... Вот оно! «...и пред ликом небес не имеет значения, спасение или же смерть в геенне огненной несёт миру обрётённая им магия; не имеет значения, является ли дерзец темнокнижником, заключившим сговор с нечистыми силами, или защитником Света...» К-как так — не имеет значения?! — гриффиндорка оторопело уставилась на пергамент, будто требуя от него ответа.

Перед глазами запрыгали названия: Заклинание Кары... Заклинание Защиты... Абсолютное Заклинание Власти... Главное Запретное Заклинание... Великая Жертва...

От одних названий волосы вставали дыбом. Гермиона машинально вытерла мокрый от пота лоб и продолжила едва заметно шевелить губами, вторя безжалостным строкам старого свитка:

«А ежели не способен был совладать маг с дарующейся ему рукой Господа ли, Сатаны ли Великой Силой, то мстила она стократно, делая его послушным рабом своим, и после ужаснейших терзаний телесных и духовных погибал он в невыносимых муках — испуская пену, и целена, и скрежеща зубами. Лишившись первоначала тела, а потом и души, по убийнии ввер-

гался он в вечный ад, где огонь не угасает и червь не умирает»...

Пергамент выпал из разжавшихся пальцев. Гермиона ткнулась лицом в колени. На какой-то миг ей ужасно захотелось превратиться во что-то маленькое и, желательно, безмозглое... в улитку: забраться глубоко-глубоко в свой домик, закатиться в самую непролазную глушь самого дремучего леса, чтобы не знать, не думать, не слышать. Она прижала ко лбу холодные ладони, силясь хоть чуть-чуть охладить голову, не дать ей взорваться. Горло сводило — так бывает, когда во время прогулки по лесной полянке случайно обнаруживаешь, что на самом деле забрался в топку трясину, из которой нет спасения. На глаза навернулись слёзы от ощущения величайшей несправедливости и осознания того, что изменить ничего нельзя: получается, найдёт Гарри Защитника или нет, справится ли он с явившейся на его зов Силой, или же нет, спасёт ли он мир или нет — шансов выжить у него практически... практически...

Не смей! — Гермиона изо всех сил ударила себя костяшками пальцев по лбу. — *Не смей его хоронить! Он сильный, он справится, он что-нибудь придумает — я должна верить в него!*

Тело, вспомнившее отчаянное прощальное объятие, откликнулось эхом сладкой боли. Гермиона зажмурилась, давясь слезами, и вновь увидела растворяющихся в ночи друзей, увидела уходящего во мрак Гарри — ни прощального взмаха рукой, ни поворота головы, ни ободряющей улыбки — ничего. Будто всё, что мог, Гарри унёс с собой, будто сделал всё, что наметил завершить перед расставанием.

Дороги назад нет. И я верю в него. Но я должна его предупредить. Должна. Ну же, соберись!

Мозг заработал как часы, паника исчезла, задвинутая логикой и разумом на самые задворки сознания. В свете того, что ждало Гарри, любая истерика выглядела неподозволительной слабостью, если не сказать низостью. А Гермиона была кем угодно, только не безвольной истеричкой.

Она поднялась. В школьном лагере царил ночное безмолвие: ошеломлённые новостями и вымотанные длинным переходом студенты спали под защитным куполом — ворочаясь от беспокойных сновидений или безмятежно посапывая в беззвёздное небо, свернувшись клубочком или раскидав выпростанные из спального мешка руки.

...Дети... Какие все вы ещё дети...

Взгляд старосты переметнулся к Стане. Поколевшись, Гермиона подошла к спящей девушке и присела рядом. В неярком свете фонаря были видны опухшие глаза, белеющие на щеках дорожки высохших слёз. Нижняя губа ещё судорожно подрагивала от полувсхлипов-полувздохов. Гермиона занесла сомневающуюся руку, но в последний момент всё же передумала.

Спи... И верь в него. Во всех нас.

Оставалось выяснить, как выбраться из-под раскинутого над поляной защитного шатра. Судя по выражению лица гриффиндорской старосты и решительно стиснутой волшебной палочке, Хагриду, вздумай он воспротивиться её желанию кинуться следом за Гарри, не поздоровилось бы. К счастью, никакие крайние меры не понадобились. Едва направившись в сторону маячившего за деревьями преподавательского костра, Гермиона наступила на Косолапсуса, но не получила от него, как ни странно, ни дежурного укуса в лодыжку, ни истошного, на пол-леса, взяв «помогите-люди-добрые-убивают». Кот с укоризной взглянул на неё и призывно дёрнул хвостом, разворачиваясь в ту сторону, куда пару часов назад ушли Гарри и Рон.

— Кис-кис? — неуверенным шёпотом уточнила Гермиона.

В темноте ей показалось, будто плоская косматая морда растянулась в ободряющей улыбке. Хвост колыхался рыжим жезлом тамбур-мажора, когда Косолапсус, периодически поглядывая на всё более уверенно следующую за ним хозяйку, пересекал лагерь, стара-

ясь держать мест, где темноту не тревожили ни одинокие догорающие фонари, ни беспокойные огоньки костров. Гермионе маневрирование далось практически без жертв и разрушений. Ну, если, конечно не считать Дина Томаса, которому она впотьмах наступила на руку, и чудом уцелевшего Майкла Корнера, через которого перепрыгнула в самый последний момент. Кстати, Корнер свернулся подле Джинни: одну руку подsunул под голову и как-то очень уж похозяйски обхватив второй.

...Рону бы это точно не понравилось, — истерично усмехнулся внутренний голос. — Просто чудо, что мальчишки не налетели на эту идиллию — валяться бы сейчас Корнеру в ближайших кустах...

Усмехаться, правда, Гермионе довелось недолго, ибо совсем скоро кот остановился как вкопанный, и она, выткнув вперёд руки, поняла, почему. Перед ними в воздухе находилось невидимое плотное нечто — какая-то упругая стена, напомнившая те, что закрывали тайные коридоры лондонских катакомб. Косолапус покосился на хозяйку и принялся яростно копать, кляча мха так и полетели в разные стороны. Чуть поклебавшись, Гермиона последовала его примеру, и едва погрузила пальцы в мягкую лесную подстилку, как почувствовала слабое прохладное дуновение.

...Сквозняк? — ошарашено подумала Гермиона. — Но откуда сквозняк в лесу? Тем более — под землёй?

Косолапус, меж тем, нырнул в прокопанную выемку и начал извиваться — через миг, подтвердив народную мудрость, что кошка пролезет там, где пролезет её голова, он уже отряхивался по ту сторону защитного купола. Расширив свой подкоп, Гермиона осторожно просунула туда руку. Снаружи было значительно холоднее. Косолапус хрипло мякнул и призывно укусил хозяйку за палец. Она заработала руками в два раза быстрее и через некоторое время решила опробовать результат. Голова прошла легко, плечи сначала чуть застряли, Гермиона отчаянно забрыкала ногами, сясь найти хоть какую-нибудь точку опоры. Внезапно под туфлю попало что-то твёрдое — камень или же бревно, Гермиона не стала задумываться о происхождении: просто изо всех сил оттолкнулась...

И очутилась на свободе.

Не тратя время даже на то, чтобы отряхнуться, она кинулась вперёд.

— Эй, а как же я?!

Голос за спиной заставил похолодеть. Медленно, не веря в действительность происходящего, Гермиона развернулась, зажгла палочку...

С земли на неё умоляюще смотрел застрявший в лучших традициях Винни-Пуха Невилл Лонгботтом.

— Невилл?! Что ты тут делаешь?

— Я пойду с тобой. Ведь ты же отправляешься следом за Гарри и Роном, верно?

— Откуда ты зна... — ахнула она. — И зачем тебе это?

— Я больше не могу бояться. Вот выйду отсюда и покончу с этой мукой. Всякий раз, слыша очередные шепотки и сплетни, я представляю себе, каково мне будет, когда придёт наш час: ведь весь этот щит, под который можно сделать подкоп, всё это укрытие — всё это временно, ты же знаешь это не хуже меня. Нам неоткуда ждать помощи, а значит надо перестать убегать. Пока мы сидели здесь взаперти, я уже сотни раз умер, а мог бы умереть всего однажды. Раз уж не носить мне моей bestолковой головы, пусть это случится как можно быстрее. А если я ещё смогу хоть чем-нибудь вам помочь... Даже просто проводить тебя — ведь девушка не должна бегать по ночному лесу одна, верно?

Он жалобно улыбнулся, и вопреки трагизму ситуации и отчаянию Гермиона улыбнулась в ответ.

— Верно. Давай руку...

— Не могу, они у меня там... по ту сторону застряли. Только не это! — зажмурился Невилл, едва Гермиона подняла палочку для Призывающего Заклятья. — У меня от них побочные явления, — зачем-то пояснил он и густо покраснел.

— Ладно. Тэк-с... — Гермиона присела и очень по-медицински оглядела находящиеся в пределах прямого доступа части Лонгботтома. — Ухо... горло... нос. Если тянуть, то только за уши. У тебя их всё равно... — она нервно хихикнула, — ...два.

— Не надо! — Невилл закрутился в узком лазе с отчаянием насаженного на крючок червяка. — Я лучше сам... Я сейчас...

Возмущённый неуместной неторопливостью, Косолапус протиснулся меж ног хозяйки и хватил гриффиндорского винни-пуха когтистой лапой по щеке. Это стало последней каплей: Невилл дёрнулся и пулей выскочил Гермионе под ноги.

— Бегом, — не терпящим возражений шепотом приказала девушка. — Пока нас не хватились. И палочку держи наготове — шутки кончились.

* * *

Люциус Малфой даже представить не мог, что последние мгновения перед триумфом могут оказаться настолько мучительными. И, как ни парадоксально, упоительными, ибо переполнялись сладким чувством близящегося торжества. Всё развивалось именно так, как было спланировано: запущенный механизм исправно работал, всё шло своим чередом, оставались буквально считанные часы.

Ему же, как всегда, досталось самое сложное. Организация в начале, а сейчас, в конце, — ожидание.

Ждать, впрочем, оставалось недолго.

Чудак Поттер сам облегчил его сыну задачу, сбегав из-под учительского надзора, где извлечь из него необходимую информацию было бы намного труднее с учётом... хм... специфических методов, кои, надо думать, понадобятся: этот Поттер такой упрямец, просто копия собственного папаши!

Подготовленные на скорую руку Пожиратели и зомби под руководством послушного воле отца Драко полностью деморализовали волшебную нацию и раздёртали в разные стороны военные силы правительства: право слово, до школы ли, когда под угрозой Министерство Магии с его бесконечными секретными и Гринготтс — главный волшебный банк страны, на котором зиждется финансовая безопасность государства! Государство лихорадило так, что о каком-то там Хогвартсе в ближайшее время едва ли бы кто вспомнил, а потому Малфой — вернее, Тёмный Лорд при помощи Малфоя — смог самым пристальнейшим образом занять главным.

...Хогвартс. Где-то там сокрыт ключ к бесконечному могуществу, который руками Драко сегодня вознесёт меня на поистине божественные высоты... Ещё до заката солнца... — надо думать, Малфой и Вольдеморт крайне поразились бы удивительному единомыслию — ибо размышления их мало того что облеклись в одни и те же слова, но и прозвучали примерно в одно и то же время.

Люциус, размяв суставы, привалился к стволу ближайшего дерева и закрыл глаза. Тонкий запах дыма, смешанный с сочным запахом весны, щекотал ноздри, адреналин приятно покалывал вены. Настроение близилось к отметке «взволнованное и крайне лирическое»¹⁰³. Солнце робко пыталось коснуться земли сквозь толстую пелену облаков, время от времени золотая верхушка деревьев: в самом лесу царил вечный сумрак. Нежный, влажный сумрак, пахнущий кровью, гарью, весной и грандиозными, как и всегда по весне, переменами.

...Глупый, смешной мирок, слабые людишки, суетливо пытающиеся спасти свои жизни... Раздувшийся от осознания собственной значимости Тёмный Лорд — по сути, ничем от них не отличающийся... Живите, радуйтесь, суетитесь. Я — Люциус Малфой — позволяю вам... Пока.

¹⁰³ Да-с, ничто человеческое, на свой лад, Малфоям не чуждо. Правда.

Он усмехнулся.

Приоткрыл один глаз. По коре навстречу друг другу трудолюбиво текли две тоненькие чёрные струйки муравьёв.

Благосклонно кивнув подсунувшей ему нужную ассоциацию реальности, властелин мира в ожидании инаугурации снова запрокинул лицо вверх, задумчиво глядя на сходящиеся где-то высоко-высоко деревья, чуть подёрнутые неясной зеленовато-золотистой дымкой.

Внезапно захотелось подвести некий итог прожитым годам. Губы Люциуса тронула лёгкая улыбка. Он нетерпеливо взмахнул рукой, давая и сметая муравьёв на землю: стоит оставить мемуары на потом, когда мир будет трепетать у его ног. Судя по сведениям, совсем скоро появится Драко и...

Чуткое ухо уловило приближающиеся шаги.

— Господин главнокомандующий... — и, не получив ответа — ещё через миг, неуверенной: — Мистер Малфой...

Люциус тряхнул кистью, и палочка послушно выскользнула из рукава в ладонь. Как можно упустить подобную возможность: наконец-то встретиться в настоящем бою со всеми своими злейшими врагами, волею providения собранными в одной мышеловке, в одном капкане, где он их и прикончит. Глотнуть горячей крови и вознестись на вершину пирамиды, оттолкнувшись от бездыханных трупов...

Сильнейший. Властелин мира.

Кончики пальцев закололо от возбуждения.

— Значит, всё готово? Вы прорвали барьер?

Ответная тишина ему не понравилась. Открыв глаза, Люциус вопросительно воззрился на Френсиса Паркинсона. Приспешник нервно поправлял чёрную повязку, его единственный глаз метался по сторонам, глядя куда угодно, только не в лицо своего непосредственного начальника. За спиной в благоразумном отдалении подчёркнуто рассеянно поглядывали по сторонам Чарльз Эйвери, старший сын Линтона, и, судя по бегмотоподобности и тупому выражению лица, кто-то из необъятного клана Крэббов.

— Никак нет...

— Что значит — «никак нет»? — нехорошим голосом переспросил Малфой. — Там от силы дюжина старых пердунов да десяток авроров, затаившихся, как крысы, за дырявым барьером, все ключи к которому я вам отдал — так почему же вы не...

Паркинсон с мольбой в глазах обернулся к соратникам. Эйвери демонстративно вытирал кровь с, похоже, сей момент собственноручно разодранной щеки. Крэббообразное стояло навытяжку, вперив пустые глаза в пространство. Помощи ждать было неоткуда. Слова махом разбежались, а случайно застрявшие в голове сплелись во что-то нечленораздельное.

— Доложите обстановку, — по-военному скомандовал Люциус.

— Ударные группы сконденсировались в указанных вами сферах, — залопотал Паркинсон, и Эйвери, предчувствуя недоброе, встал так, чтобы это грузное тело отгородило его от Малфоя. Так, на всякий случай: в последнее время его здорово беспокоили странные перепады настроения главнокомандующего, а под горячую руку попадать совсем не хотелось. Все люди, конечно, братья, но большей частью — двоюродные. — ...только небольшой проход, можно было вдвинуться лишь колонной по одному — тут-то на них авроры и накиннулись, будто гурии какие-то.

— Ты, наверно, хочешь сказать, фурии?

Крэббообразное за спиной Паркинсона хмыкнуло и снова предусмотрительно погасило свет разума в глазах.

— Ну да, — торопливо закивал Паркинсон, надеясь, что сумел нечаянным каламбуром отвлечь Малфоя от опасных мыслей. — Гурии или фурии — в общем, от них осталось мокрое место: оборону держали человека два... вроде бы узнали в них Блэка и... — он судорожно вздохнул и понизил голос: — И Снейпа... Ну, так мне докладывали, но... — он снова сморщился, не зная, как истолковать полыхнувший в глазах Люциуса огонь радостного бешенства, и подыскивая слово, которое бы

наилучшим образом передало смысл происходящего. — Говорят, дрались они, ровно дьяволы какие-то. Химерическое было зрелище.

— Химерическое?

— Именно так, господин главнокомандующий. Химер — так ведь звали того одноглазого генерала, который взял Трою? А потом описал это в длинной поэме...

Паркинсон продолжал говорить, шлёбая толстыми дрожащими от страха губами, но Малфой уже не слушал. Сначала он просто почувствовал это, как чувствует приближающееся землетрясение животное. А потом...

— Господин главнокомандующий! Пришло сообщение из зоны С! Задание выполнено: им удалось утоньшить барьер и...

Дослушивать Малфой не стал — отшвырнул с дороги Паркинсона, который проклинал себя за нетерпеливость: каких-то пара минут, и он бы принёс хорошие вести...

— ...Чёрт! — взревел Сириус. — Опять началось!! На этот раз, похоже, всерьёз! Ты! Быстро возвращайся в замок, сейчас здесь будет жарковато!

Снейп, к которому была обращена последняя реплика, даже не моргнул. Дыра разрасталась буквально на глазах, радужно переливаясь в воздухе. Теперь речь шла не о бреши, которую можно залатать: магическая защита ползла по швам, распаясь предрасветным ночным туманом. В образовавшуюся прореху кто-то неуверенно сунулся.

— Stupefy! — находящийся с ними в одной группе аврор слегка не рассчитал силу, и ударной волной первого смельчака отшвырнуло на ближайшее дерево. Судя по хрусту и выгнувшемуся под странным углом телу, позвоночник был перебит.

— Береги силы, — посоветовал Блэк. — Ещё пара таких воплей, и ты даже поднять волшебную палочку не сможешь. А нам тут ещё... Вот чёрт, поёрли, как тараканы... Stupefy!

— Impedimenta! — вторил ему мастер Зелий. Ещё двое завязли в Барьерном Проклятье — обезоружить и оглушить их не составило труда.

Однако количество и размеры дыр росли на глазах: воздух вокруг буквально заискрился от заклинивших, вонзающихся в магический купол.

— Чёрт! — сногшибатель пронёсся в чудесных дюймах от правого плеча Сириуса. — Они сзади! Дрейк, туда! Я остаюсь тут, Снейп, чёрт тебя побери, быстро за подмогой! В замок... Или к соседям... Где-то там должен быть Флитвик... Да хоть куда!

— В замке сейчас никого нет! А по последним сведениям от Флитвика, их там тоже осталось только двое! — прицельный взмах — ещё один атакующий выронил палочку и схватился за горло, захлебнувшись рвотой. Крошечной паузы до появления следующего противника хватило, чтобы зельевар яростно взглянул на давнего недруга, ставшего волею судьбы товарищем по оружию. — И если ты скажешь мне ещё хоть слово в том же роде, я затолкаю его тебе обратно в глотку вместе с языком!

— Как угодно, — с неожиданной лёгкостью пожал плечами Блэк, мановением палочки навеки лишая ещё одного представителя тёмной стороны способности перемещаться самостоятельно. — Я просто хотел спасти тебе жизнь, хотя, по мне, она и ломаного кната не стоит. Дело хозяйское. Но помни — старший в группе всё же я, так что...

— ...так что заткнись и делай своё дело, — прорычал зельевар, по-быстрому латая очередную дыру в защите.

Блэк успел безжалостно отсечь постороннюю руку, попытавшуюся этому воспрепятствовать. Хлестнула кровь, трава под ногами стала красной и блестящей.

— Они прорвались слева! — донёсся истошный вопль оттуда, куда отправился на разведку Дрейк.

— Отходи! — гаркнул, не поворачиваясь, Сириус, — там ловушка, они сейчас своими ногами отпра-

вятся на тот свет. Блокируй зону справа, она уже пошла пузырями, вот-вот лопнет... И экономя силы: помощи ждать не от кого... — перед глазами почему-то мелькнуло обрамлённое светлыми волосами лицо... Переплетённые плющом косы. Он тряхнул головой, отгоняя неуместное видение. — Это всех касается.

Они снова затаились, ожидая следующего удара. Некоторое время было довольно тихо, лишь искрила от вонзающихся проклятий находящаяся перед ними невидимая стена да доносились из-за неё отрывистые неразборчивые команды; потом истощный булькающий звук из-за деревьев дал понять, что расчёт оказался верен: обрадовавшись отсутствию сопротивления, Пожиратели гурьбой ринулись вперёд, и теперь напоследок трепыхались на толстых, в руку, шипах рухнувшей на них платформы.

— Извините, ребята, ничего личного. Дрейк, прибери.

Аврор смёл изрешеченные тела на землю, и ловушка снова растворилась в воздухе.

— Справа!

— Expelliarmus... — Пожиратель посмекалистей так и не успел закончить.

— Impedimenta! Stupefy!

Снейп упрямо укладывал своих разоружённых и связанных противников штабелем у подножия векового вяза.

— Тебе не кажется, что это лишнее, а? Это же просто какие-то недоумки, вчера научившиеся держать в руках палочку и правильно выговаривать Взрывающее Проклятье! Можно не так кроваво... — он брезгливо покосился направо, где земля, трава, мох и даже стволы деревьев жирно лоснились.

Блэк оскалился:

— Не чистоплюйствуй, — взмах палочки, и ещё кто-то захрипел по ту сторону барьера. — Я, в отличие от тебя, не собираюсь считать трофеи, — Снейп в ответ перекосялся и прорычал под нос проклятье, — просто делаю свою работу. Пусть даже мне приходится пачкаться. Некогда возиться с жизнями врагов, если... — он умолк и по-звериному насторожился.

Наступило внезапное затишье: то ли штурмующий их отряд действительно иссяк, то ли решил переменить тактику. В любом случае, ничего хорошего ждать не приходилось.

...Кто-то приближается... Кто-то действительно очень сильный...

Подозрения оправдались: ослепительный взрыв разнёс держащуюся на честном слове защиту, будто она была бумажной, расшвыряв всех в разные стороны, кроша деревья и выдирая их с корнями. Полуослепший, оглушённый, Снейп смог открыть глаза лишь спустя, как ему показалось, целую вечность, — открыть только для того, чтобы констатировать свою полную беспомощность. В лучших традициях подготовленного к препарированию земноводного его перегнуло через огромный выпирающий из земли корень, а сверху придавило тяжелой сломанной веткой, едва дававшей дышать. Хотя, возможно, причиной удушья служили сломанные рёбра.

...Как минимум пара, — сквозь нестерпимую боль прислушался к себе Снейп.

В кармане мантии осталась бесполезная сейчас аптечка — пусть в ней были костесращивающие и кровеостанавливающие зелья, но добраться до кармана он никак не мог: каждый вздох причинял такую боль, что мерк свет в глазах. О том, чтобы шевельнуть руками (кстати, а есть ли они?) и подумать было страшно. Снейп осторожно повернул голову, пытаясь понять, где находится сам и что случилось с остальными. В следующую секунду он забыл о боли.

На него одним глазом удивлённо таращилась оторванная голова Дрейка — того самого Дрейка, который ещё совсем недавно прикрывал по указанию Сириуса правый фланг. На месте второго глаза торчала ветка с налившимися на неё окровавленными лохмотьями. Тела рядом видно не было, зато в избытке хватало разбро-

санных, перемешанных с землёй кусков и конечностей, принадлежащих, по-видимому, пленённым им Пожирателям.

Снейп, превозмогая боль, снова попробовал шевельнуться. И опять лишь смог повернуть голову в другую сторону, откуда доносились шум и голоса.

— Блэк... — позвал он, но с губ слетел только шёпот пополам с кровавой пеной. — Чёрт...

— Итак, не пришла ли пора решить наш давний, но оч-чень актуальный спор?

В груди образовался тугий ком. Беспомощный, полностью дезориентированный, зельевар даже не сразу понял, что обращается обладатель этого до ненависти знакомого голоса не к нему. В очередной раз усилием воли выдернув мир из чёрного марева боли и сведя его в фокус, он увидел: сквозь заросли сосредоточенной трусцой пробирается дюжина людей в чёрных мантиях, а чуть ближе к нему над сияющим поднятаться с земли Блэком насмешливо ухмыляется Малфой. От одежды Блэка остались опалённые лохмотья, на обожжённой щеке пузырилась кровь, судя по кровавым подтёкам из ушей, барабанная перепонка лопнула от взрыва. Огрызок волшебной палочки в несколько дюймов длиной выпал из сломанных пальцев и валялся под ногами.

— Подонок...

— Ты уж извини, — ударом под дых снова роняя почти вставшего Блэка на землю, Малфой с силой наступил ему каблуком на кисть. Снейп мог поклясться, что сквозь вскрик боли услышал хруст ломающихся костей. От этого металлический вкус во рту стал отчётливей, и мир закачался ещё сильнее. — Я слегка спешу — надо ещё отыскать моего приятеля Северуса, ведь вы ж теперь с ним друзья-товарищи, как мне сказали... Да и Дамблдору башку тоже не мешало бы снести — зажился наш старикан на свете, не находишь?.. Так что...

Волшебная палочка указала на задыхающегося Блэка.

Снейп знал, что сейчас последует. Взгляд отчаянно заметался и — *господи ты боже мой!!!* — уцепился за спасение в виде зашвырнутой сюда взрывом чьей-то надломленной, но всё же — наверняка функционирующей волшебной палочки. Мастер зелий резко выдохнул и задёргался в своём капкане — вернее, смог дёрнуться всего лишь раз, ибо тут же окончательно изнемог. Мир погас, но через миг, смилостившись, снова возник — правда, уже без звука. Скрипя зубами от осознания своего бессилия, Снейп поднял голову, готовясь встретить собственную и, наверняка, — оч-чень мучительную смерть. Как выяснилось, он поторопился: держась искалеченной рукой за грудь, Блэк — пока ещё живой — покачивался на коленях в очередной попытке встать. Белоснежные когда-то, а сейчас свисающие кровавыми сосульками волосы закрывали лицо.

Судя по шевелящимся губам, воздвигшийся над ним Малфой снова что-то вещал.

Снейп собрал последние силы, сконцентрировался на валяющейся в трёх шагах от него палочке, зажмурился и задёргался. В бархатной темноте перед ним мелькнуло улыбающееся лицо рыжеволосой девушки.

— О, предпочитаешь встретить смерть по-гриффиндорски? — донеслось сквозь стихший на миг шум в голове. — Стоя? Что ж, разве что в качестве последнего одолжения... Только поднимайся поскорее. Я тороплюсь.

— Я тоже тороплюсь... — Сириус кроваво сплюнул в траву выбитый зуб. — Тороплюсь... отправить тебя на тот свет!

С яростным рычанием багрово-белый пёс кинулся вперёд и сомкнул свои клыки на держащей палочку руке Малфоя. Раздался отвратительный хруст, но Снейп его не услышал: он рванулся, отчётливо чувствуя разрывающие внутренности осколки рёбер. Пальцы сомкнулись на рукояти палочки, и тут сознание наконец-то покинуло его. Опустившаяся со всех сторон благословенная тьма закрыла от боли, страха, ненависти, унеся его далеко-далеко от творящегося вокруг кошмара.

* * *

Сириус знал, что силы неравны, но был этому рад: в конце концов, избирая когда-то путь аврора, ежедневно и ежеминутно рискующего жизнью, он был совершенно уверен, что едва ли проживёт долго.

Умереть в бою. Отлично.

Как хорошо, что, посчитав его полутрупом, Пожиратели ушли вперёд... Есть шанс утащить в ад следом за собой и эту тварь...

...волшебная палочка выпорхнула из пальцев ошеломлённого Малфоя.

Рывок вверх...

Есть!

Хруст дерева на зубах, горькая слюна наполома с кровью.

Приземление, толчок, ещё один бросок — на этот раз в горло.

Запах страха.

Отлично!

И тут же — всплеск адской боли — кинжал проскрипел по лопатке и вонзился в тело меж ребёр.

Перед глазами сразу поплыло: отравлен?

К чёрту!

Пёс передёрнул шкурой и, поджимая разбитую переднюю лапу, снова кинулся на обомлевшего от такой отчаянной живучести человека. Люциус понял — в человеческом обличье ему не устоять. В зверином, учитывая разницу в размерах, — тоже едва ли, но зато есть шанс увернуться. Убежать.

Яд должен подействовать совсем скоро, Блэк не догонит...

Окровавленные клыки белого пса щёлкнули в воздухе: белый лис, ловко приземлившись на все четыре лапы, юркнул ему под брюхом, но удрать не успел. Вывернувшись в последний миг, ведомый осознанием того, что это его последний шанс — между деревьев замелькали чёрные мантии очередного отряда Пожирателей, а силы иссякали с каждой секундой... *не упусти... не упусти...* — Блэк клацнул зубами, намертво ухватив Люциуса за хвост.

Мгновенный разворот гибкого и быстрого, как серебряная молния, тела. Укус, ещё один — *ах, чёрт, в нос! Знает, куда кусать, сволочь!*

Блэк держал намертво.

Сдохну, но не пущу. Отгрызай себе хвост, если хочешь выжить!

Острые быстрые зубы вонзились в шею — Люциус предпочитал перегрызть врагу артерию.

Сквозь тускнеющее сознание мелькнуло невнятное: *если поймать его на противоходе и, выпустив хвост, успеть вцепиться в горло первым... Чтобы он сам насадился на мои клыки... Хватит ли быстроты... Смогу ли?..*

На миг всё померкло, но, по счастью, Блэк очнулся до того, как лис успел вывернуться из ослабевшей пасти. Неподалёку зашуршали шаги.

— Где-то тут! Эй, тут какие-то звери...

Они же не знают... — в отчаянии осознал Малфой-старший. — *Прибьют сейчас... В человека, надо возвращать себе человеческий облик! И позвать на по...*

Он в отчаянии обернулся, дёрнулся напоследок — к его ужасу разверстая окровавленная пасть распахнулась навстречу, однако увернуться от полуслеплого и полуживого противника не составило труда...

Не составило БЫ труда.

Малфю показалось, будто по нему только что ударили чем-то тяжёлым. С размаху. Плашмя. В голове загудело, из лёгких махом вышибло весь воздух, и гибкое серебристое тело надломилось в воздухе.

Блэк сам удивился ощущению тёплой крови и мягкой плоти в пасти — но удивился вяло. Горячая жидкость хлестнула в горло — он ещё хотел посильнее сжать челюсти, чтобы уж наверняка... чтобы задавить гадину... Но...

Глаза закрылись.

Белый лис лежал на траве.

Кровь толчками хлестала из продранной глотки. Малфой устало зажмурился. Было больно. Очень больно. Притупились чувства, осталось только желание, чтобы — всё равно как, но это побыстрее кончилось.

Как глупо...

Снова удар чего-то невидимого:

Говори!!!

...Драко... но почему... И... КАК?!

Кровь последний раз булькнула на шее, судорожно дрыгнулись задние лапы.

— Это же... Это же... — человек в чёрной мантии осторожно приблизился, не сводя волшебной палочки с растянувшихся на траве белого пса и белого лиса. К его ужасу, буквально на глазах белый лис начал увеличиваться с размерах, обретая человеческий облик. — М-мистер... м-мист...ер...

Глаза полезли на лоб, воздух разорвал истошный вопль: вместо шеи у лежащего на земле главнокомандующего было сплошное кровавое месиво.

— Enevera...

— Приказ остаётся приказом — вперёд! Ты не видишь — это уже просто падаль, — сверкнула улыбка, и Найджел Лестрандж стряхнул с головы капюшон. — Если я не ошибаюсь, это... — он прищурился на белого пса и снова осклабился, с удовольствием втягивая носом запах свежей крови, — ...мистер Сириус Блэк. Дражайший мой родственничек. Думаю, его чучело украсит мой каминный зал... Жаль, Люц попортил шкуру... Ничего, я сейчас его аккуратненько...

Смертельное Проклятье не успело прозвучать под пологом Запретного Леса: раздался шелестящий звук, словно ветер заиграл в кустах, и зелёная масса плюща на соседнем дубе мелко задрожала, её листья затрепетали туда-сюда, как будто от ветра, но никакого ветра и в помине не было. А дальше, сразу за дубом, в чаще, двигалась какая-то тень. Но Найджел Лестрандж не сомневался, что в этой части леса, кроме него и его сотоварищей, сейчас сгрудившихся вокруг, нет ни души. На большом кусте папоротника, растущего рядом с тропой, один из стеблей вдруг оторвался, издав резкий звук, и полетел, завертевшись, будто лист, подхваченный бурей, двигаясь рывками, в ту сторону, где и возникло пятно.

Между деревьями поплыла мелодия, а потом навстречу оцепеневшим Пожирателям шагнул и сам музыкант.

Сейчас в Диофане не было ничего от насмешливого и ехидного пройдохи. Колченогий и косматый лесной обитатель казался воплощением ярости природы, чудилось, будто сама смерть движет им: глаза светились, свирель в руках визжала всё громче, и от звуков её игольчатый страх зазвенел в венах людей, оборачиваясь ужасом, заставляя тела изгибаться на волнах невыносимой боли.

— Зажму...ртесь.. за..ткните... у...ши... — запоздало прохрипел Лестрандж, но было уже поздно.

Завывая по-звериному, придерживая руками лезущие от боли на лоб глаза, стискивая взрывающиеся головы, один за другим обрушивались Пожиратели на колени, корчились в агонии. Сам он цеплялся за жизнь дольше всех, а потому до последней унции прочувствовал боль крошащегося черепа и обращавшегося в студень мозга.

Лестрандж ткнулся лицом в сладкую весеннюю землю последним. Аккурат рядом с бездыханным телом Люциуса Малфоя.

* * *

Диофан замер и резко обернулся к гриффин-дорцам.

— Впереди опасность.

Он принялся (Рон попробовал последовать его примеру, но не учуял ничего кроме кисловатого запаха дыма и пота, идущего от косматой шкуры сатира), потом резко вскинул вверх ладонь, повёл ею туда-сюда.

— Вот ведь напасть: осталось недалеко, но тут не пройти. Ступайте этой тропой. Крюк, конечно, но он

невелик, и путь чист. Хогвартс почти пал, защиты больше нет, так что доберётесь до замка без хлопот.

Почти пал?!

Рон ахнул.

— А ты? — настоженно спросил Гарри, проследив за указующим перстом сатира. Между кустами и папоротником едва угадывалась тропка.

— Я вперёд. Там сейчас жарковато, так что детям, — в серьёзных глазах Диофана сверкнули последние искорки, и они помрачнели уже окончательно, — там не место. Хотя едва ли я могу назвать детьми вас... Да и то, что ждёт вас впереди... Как знать — может, умереть в бою было бы за счастье.

— В бою? Там бой?

— Бой везде. Так что если хотите что-нибудь изменить, — торопитесь, иначе смерть их будет лишена всякого смысла...

Смерть...

— Эй, — зачем-то окликнул Гарри в кучерявую спину, — ты же когда-то сказал, что наши пути расходятся... А теперь...

— Знаешь, иногда не стоит так уж слепо следовать судьбе: как знать, может, она сама ждёт от тебя, что ты нарушишь её закон, — подмигнул сатир. — Будьте осторожны. Опасность везде. Да хранит вас Лес.

У губ Диофана возникла, как по волшебству, свирель, пальцы пробежали по потемневшему дереву — быстрый наигрыш, и юноши почувствовали прилив сил, как если бы не было позади бессонной ночи и бесконечного перехода.

Сатир исчез между деревьев, словно растворился.

— Быстрее, что ли! — сварливо буркнул Рон. — Надо уж разобраться, вызвать этого Защитника и закончить всю эту бодягу... Ведь всё закончится, верно, Гарри?.. Ведь мы сможем?

— Наверное... Бежим!

Рыжий ком метнулся им под ноги, и вместо того, чтобы рвануться вперёд, Рон вверх тормашками полетел в кусты, подсёкая Гарри.

Началось?

— Косо...лапсус?! — от следующих реплик, услышь от их, покраснел бы даже Диофан. — Какого чёрта?!

— Герми...она...

Глава двадцать девятая, в которой Гарри проходит сквозь Врата, Малфой теряет рассудок, а Гермиона пытается укротить Зверя.

Будь у него шанс обдумать, откуда взялось это внутреннее спокойствие, он бы осознал, что вместе с отцовской волей на его сторону перешло и отцовское хладнокровие. Происходящее забавляло несказанно:

— Сколько раз нужно повторять, чтобы до тебя дошло, Поттер? Ты не хочешь по-хорошему? Или просто тупой? Тогда давай попробую объяснить доступней...

Глаза Гарри едва не выскочили на лоб, когда губы Малфоя растянулись в высокомерной, не предвещающей ничего, совершенно ничего хорошего улыбке. Быстрая отмашка палочкой, шепоток... *ах!* — и в траву у самых ног Гермионы вонзилось Режущее Проклятье. Комья земли, клочья мха брызнули в разные стороны. Гермиона зажмурилась.

— Я к нему питаю слабость, — подмигнул слизеринец. — Убедительно выглядит, согласись? — обращённый к пленнице взгляд потемнел. — Так долго мне ещё ждать от твоего приятеля двух необходимых мне частей заклинания, а, Грейнджер?

— Двух?.. Только двух?! — произвольно ахнула Гермиона, но её никто не услышал: Малфоя прекрасно удалось заклятье *Silentium*, и она лишь могла по-рыбьи беззвучно открывать и закрывать рот.

— Я ведь могу и расстроиться от такой непростительной тормозности... Дрогнет рука, и в следующий раз я попаду...

Гарри молчал. Скрипя зубами и сам же с отвращением передёргиваясь от этого звука, он медленно поднял-

Сидящий в папоротнике Гарри протёр глаза. Когда это не помогло, протёр их ещё раз. Но Гермиона была не иллюзией, не плодом его перегретого разума: самая настоящая — красная от бега, с налипшими на лоб волосами, задыхающаяся, готовая вот-вот зарыдать от ужаса и облегчения, что всё же успела, догнала его — она кинулась, вцепилась руками ему в плечи.

— Н-нель...зя...

Снова затрещали кусты, и на полянке появился ещё один человек.

— ...мерлинову мать! Извини, Гермиона, — Рон нервно заржал. — Лонгботтом, а ты что тут делаешь?

— Я... м-мы... Ф-фух...

— Гарри... нель...зя... — Гермиона с трудом вытала кивала слипшиеся слюги из пересохшего горла. Всё ещё не веря в реальность происходящего, он повторил её жест, тоже неуверенно положив руки ей на плечи, зачем-то поправил упавшую на глаза мокрую прядь. — Те...бе нельзя... нельзя вызы...вать его! Это ничего... не... изме... Защи...тник... он тебя... уничто...

— *Expelliarmus! Expelliarmus! Stupefy!*

Видимо, даже в Обезоруживающее Заклятье проинзённый его вложил всю душу, ибо палочки вырвало из рук едва ли не с пальцами. Что тогда говорить о Сногшибателе: Рона и Невилла подкинуло в воздух и расшвыряло в разные стороны, и если потерявший сознание Уизли угодил в какие-то кусты, то Лонгботтому, как всегда, повезло, меньше. Его с силой приложило об ствол огромной, в три обхвата, сосны, по которому он и сполз. Голова безвольно свесилась на грудь, по светлой, мокрой от пота рубашке неторопливо забарабанила багровая капель.

— Герми...она... — Гарри с трудом поднялся на четвереньки, едва ли понимая, где небо, где земля. — Р-рон... Не-невилл...

— Не время, не время заботиться о других...

Гарри обернулся, из-за закружившейся головы едва снова не плюхнувшись на землю плашмя. Хотя, даже не будь он контужен, хватало бы и одного взгляда, чтобы подогнулись ноги: обхватив одной рукой связанную волшебными путами Гермиону и приставив к её шее волшебную палочку, перед ним стоял Драко Малфой.

— Так что там у нас с заклинанием Защитника, Поттер?

ся с земли, поправил на носу треснувшие очки, силясь осознать, какое же единственно правильное решение должен он сейчас принять — да существует оно вообще?

Если б он был один, всё было бы так просто — предельно просто. Ах, если б он только был один...

Малфой будто прочитал его мысли: снова заулыбался, и его ладонь медленно двинулась вдоль бока Гермионы от талии вверх. Давясь воплем протеста, она приложила все усилия, чтобы не дать волю истерическому страху — не хотела, чтобы Гарри стало ещё хуже.

Хотя может ли быть хуже?

Гермиона взглянула в его глаза и поняла: они снова в той самой спальне и снова задыхаются от ужаса, следя за неуклонно приближающимися золотыми стрелами, грозящими разорвать её на части...

Кажется, Гарри думал о том же: пальцы его судорожно сжимались, будто пытались нащупать в воздухе хоть какое-нибудь оружие. Неуверенный шаг вперёд, однако Малфой зацокал языком, и кончик волшебной палочки ткнулся Гермионе в горло с такой силой, что она закашлялась. Гарри тут же замер.

— Я уже стою, не трогай её, Малфой.

Его первые слова. Едва слышный хрип.

Она вскинула на него испуганный взгляд.

Страх? Слабость? Нет. Гнев. Даже ярость.

...Не бойся за меня... Со мной всё... в порядке... Успокойся и... подумай... Пожалуйста... придумай... Хоть что-нибудь...

Она не знала, уяснил ли он её мольбу, но что-то в его лице неумолимо изменилось. Это заметил и Малфой, хотя истолковал и не совсем верно.

— Поттер, судя по твоим вытаращенным глазам, ты и не предполагал, что я тоже кое-что знаю, верно? — слизеринец пощекотал волшебной палочкой Гермиону под подбородком, потом чуть потянул её голову назад. Теперь она чувствовала его дыхание на своём виске, и оно показалось ей ледяным дуновением смерти. — Да, представь себе: одна из частей заклинания Защитника хранилась в нашей семье, я уже знаю её... — слукавил он, дабы слова звучали повесомей.

Гарри не слушал: как за движением ядовитой змеи, он следил за перемещением руки слизеринца, и чем выше та поднималась, тем громче становился шум в голове, тем меньше тряслись колени — боль и шок, первоначально сбившие его с ног в прямом и переносном смысле, теперь стали союзниками. Гарри почти физически ощущал, как наполняются адреналином и ненавистью вены, как грохот сердца в ушах становится барабанным боем, зовущим в атаку.

...Если подсесть справа... Удар по руке... Перебросить... Тогда, даже если он успеет, проклятье уйдёт вбок... Пусть треплет языком... Отвлекается... Вырвать палочку и тут же оглушить...

И снова, как если бы услышав его мысли, Малфой отреагировал: невзначай шагнул за Гермиону, прикрывшись ей. Теперь — даже если б у Гарри не кружилась голова и не подрагивали предательски ноги — добраться до него в один прыжок было невозможно.

...Будь ты проклят...

— Ну-ну, не надо таких глаз, Поттер... Это тебе не квиддич. Говоря спортивными терминами, сейчас снитч в моей руке, но игра только начинается, — он чуть наклонился, задев заложницу подбородком. Гермиона резко дёрнула головой: прикосновение Малфоя к виску жгло, как раскалённое железо, вытерпеть это было просто-таки невыносимо. — Кстати, который раз мы уже собираемся такой тесной компанией, а? Стоять, Поттер, я сказал. Резких движений делать не советую. Я давно мечтал отправить эту стерву на тот свет, а уж насколько болезненным путём сие произойдёт — только тебе решать.

Не прекращая своё движение вверх пальцы Малфоя добрались до левой груди Гермионы и резко сжали. Девушка беззвучно взвизгнула, и Гарри сорвался с места:

— Не смей!

— У, какие мы ревнивые, — Драко взмахнул палочкой, и гриффиндорцу пришлось очень быстро подпрыгнуть, чтобы остаться целым: заклятье прошло низом. — Не дёргайся, а то, раз ты такой резвый, следующим взмахом палочки я отрежу что-нибудь ей... — Малфой оценивающе окинул Гермиону, подрагивающую от унижения и ненависти, взглядом поверх её плеча, — что-нибудь полезное. Хотя... — хриплый смешок, — к чёрту, всё равно совсем скоро все вы сдохнете... И значит, я... — глаза вспыхнули, он просиял так, будто на ум только что пришло нечто крайне занятное, крайне запретное, — я могу делать с вами что угодно... Верно! Что угодно... Чёрт!!! Что угодно! Могу порезать Уизли и Лонгботтома на ленточки... А могу... — он задохнулся, — могу расстелить твою девку и... прямо у тебя на глазах...

Чужое дыхание на лице стало сильнее и теплее, потом Гермиона почувствовала мокрое прикосновение. Сквозь ужас пришло осознание, что Малфой только что медленно лизнул её щёку.

...А теперь — поцелуй меня... В губы...

За осознанием последовало отвращение. В горле булькнула тошнота. Она закашлялась, задёргалась в магических путях, пытаясь прижать ладонь к губам. Когда это не удалось, замотала головой, встретившись со взглядом слизеринца: за сияющими там ненавистью, за ликованием, за подступающим из глубин подсознания чёрным безумием мелькнуло что-то... боль? Обида? В любом случае, это длилось только мгновение: хлад-

нокровие дало сбой — белым огнём вскипела и выжгла остальное ярость. Малфой усмехнулся и медленно, позмеинному, повернулся в сторону трепещущего натянутой струной противника:

— И ты не посмеешь двинуться Поттер, не посмеешь закрыть глаза, потому что тогда я сразу перережу ей глотку...

— Ты сошёл с ума, Малфой... — Гарри был белый, как мел. — Остановись... Ты же сошёл с ума!!!

— ДА! — глаза Драко распахнулись, он истерически захохотал, запрокинув лицо в небо. — Я сошёл с ума! Мы всё сошли с ума! Весь мир — сплошной Святой Мунго! Никаких запретов! Осуществи свою самую дикую фантазию! Ведь ты сейчас мне всё расскажешь, и я стану единовластным хозяином великой силы! И тогда только я буду решать, что дозволено, а что — нет, только я смогу судить, кто прав, а кто виноват, где добро, а где зло! Я буду устанавливать законы этого мира!

— Ни за что...

— Ты расскажешь, — даже не взглянув на него, почти беспечно взмахнул рукой Малфой, и Гарри дёрнулся в ожидании очередного проклятья, — ты всё расскажешь. Да не прыгай ты... А за это я так и быть — награжу всех твоих друзей мгновенной смертью. Вы даже не почувствуете боли...

И тут Гарри понял, что случится дальше, будто когда-то уже переживал это — возможно, видел во сне. Усталая покорность накрыла волной, повлекла за собой. Но за этой покорностью таилось нечто тёмное, неуправляемое, нечто такое, чего боялся он сам.

...Багровые бусины на траве. Бездыханный Рон, по остекленевшему глазу которого лениво ползла первая весенняя муха. Окровавленная девушка, уткнувшаяся лицом в землю.

— Гриффиндорский тупица! Ты, поди, думал, что я буду сидеть, сложа руки, наблюдая за тем, как ты рвёшься к мировому владычеству? Да я шёл за тобой по пятам, я не спускал с тебя глаз — даже тогда, когда вас, идиотов, понесло к русалкам! — Малфой говорил быстрее и быстрее, как если бы боялся не успеть, глаза его разгорались, с поддёргивающихся губ слетала слюна, попадая на щеку Гермионе и заставляя её всё сильнее трястись от гадливости. — Ведь это я, это я вытащил вас с Уизли из воды, это я послал вам лодку, хотя мог утопить, как слепых котят! Мы всё знали, мы следили, рукоплеща твоей нетипичной, надо признать, для гриффиндорца находчивости и трудолюбию, мне даже велено поблагодарить тебя за отлично проделанную работу — ты сделал всё, что должен. Пришло время передать дела мне.

— Неправда... — побелевшими губами прошептал Гарри, глядя не на Малфоя, а в ставшее от ужаса прозрачным лицо подруги. — Мной никто не манипу... манипули... — губы не слушались, и сложное слово отказалось выговариваться. — Я сам принимал решения... я сам шёл вперёд...

Малфой прыснул раз, другой, потом не выдержал — захохотал так, что на глазах выступили слёзы.

— П-поттер, — выдохнул он наконец, — ты действительно редкостный баран. Неужели ты и правда подумал, будто бы тебе дозволили сделать лишний вздох, кабы этот вздох не понадобился Тёмному Лорду? Ты конченный идиот, удивительно — что ты вообще сумел пробраться так далеко... Грейнджер, — взгляд его переметнулся к трепещущей в его руках девушке, — как ты могла втрескаться в такого кретина? С твоими мозгами... — он зачем-то проскользил взглядом по её шее, по плечу, груди. Рука многозначительно-медленно съехала вниз и теперь покоилась на изгибе её бедра. — Ты ведь могла найти себе кого-нибудь получше... У тебя был шанс... Я давал его тебе... — продолжил он шёпотом, почти касаясь щеки горячими трясущимися губами, — и не раз...

На Гарри было страшно смотреть. Да Гермиона и не смотрела: боднув слизеринца в скулу и отпихнув подальше от себя эту рожу, она исполненными бешенства глазами норвила прожечь дыру во лбу — в пот-

ном, мерзком, как и всё в нём, лбу, покрытом налипшими белёсыми волосёчками. Внезапно от ближайшего дерева отломилась огромная ветка и с грохотом рухнула на землю в шаге от Малфоя. Лицо Драко мгновенно посерьёзнело. Палочка опять вдавилась Гермионе в шею. Ей почему-то подумалось, что завтра там непременно будет синяк, который все наверняка примут за засос. Она дала себе мысленную затрецину — да какую! Если б ментальные подзатыльники звучали, то находящийся в непосредственной близости Малфой точно бы оглох.

...Какое завтра?! Какие «все»?! Господи, какой засос?!

И почему-то странный факт, что этот злосчастный синяк может не появиться, дал ей всецело осознать близящийся конец мира.

— Вот как? Думаешь, придавишь меня — получишь подружку и мир в придачу? Размечтался. Давай-ка побеседуем по-серьёзному.

Малфой резким движением отшвырнул Гермиону прочь, она задохнулась в предчувствии неминуемого удара о землю, но никакого удара не последовало. Не последовало к её ужасу, ибо у самой земли её подхватили вынырнувшие прямо из мха покрытые струпами руки.

...Дементо?.. — не успела даже додумать первую мысль, как явилась вторая, и Гермиона осознала, кому они принадлежат.

— Довольно тянуть время. «Пробудись ото сна» — ведь тебе это сообщили чокнутые лесные девки, верно? Ну, говори, говори, что там осталось!

Земля покачнулась у Гарри под ногами. Малфой озадаченно прислушался к донёсшемуся откуда-то издалека раскату то ли грома, то ли особо мощного взрывного проклятья. В овраге неподалёку зашуршал оползень, и перекосившееся дерево на самом обрыве накренилось ещё больше.

— У меня нет времени. Поттер, я считаю до трёх, — от гримасы буйнопомешанного не осталось и следа, теперь лицо слизеринца снова стало маниакально-спокойным и строгим. — И на счёт три они начнут рвать её на части. — Раз...

...Единственный шанс...

— Пробудись ото сна... — прошептал Гарри.

— Не слышу! — капризно повёл плечом Малфой, и Гермиона почувствовала, что костлявые пальцы, держащие её за волосы и за горло, сжались сильнее. — Не порти мне впечатление от триумфа. Два...

— Пробудись ото сна! — рявкнул Гарри во всё горло.

...Не надо, Гарри!..

— Пробудись ото сна! — повторил Малфой, вскинув руки к небесам.

Земля снова содрогнулась. Зашаталось и с утомлённым скрипом обрушилось в овраг скоסобочившееся дерево, вознесло вверх спутанные корни.

Хранилось в семье Малфоев...

Взгляд Гарри вонзился в Драко в поисках хоть какой-нибудь подсказки.

— Восстань из недр, — отчётливо выговаривали губы, и слизеринец вторил, срываясь на звенящий истерический фальцет.

По земле прокатилась волна, дохнуло жаром. Малфой с трудом устоял на ногах, Гарри так и вовсе сел на траву. Вязы и сосны вокруг закачались и вдруг повалились, подломившись сухим тростником. Вместо свежей древесины на сломах дымилась раскалённая угли, будто изнутри лес пожрало пламя.

— Началось! — от предвкушения у Малфоя свело горло, он подавился, закашлялся, и, видимо, приняв это в качестве команды действовать, зомби погрузили серые зубы Гермионе в руку. Боль и ужас оказались настолько велики, что проклятье, запечатавшее ей уста, не выдержало.

— Не говори ему!!!

— Заткнись, Грейнджер! А ты продолжай, иначе...

...Отец?

Отвратительная пасть жевала предплечье; рука,

пахнущая землёй и сыростью, покрытая гнилью рывком запрокинула ей голову, за пронзительной болью девушка ощутила прикосновение — пока только прикосновение — к шее ещё одного голодного рта.

...Отец, ну где же вы?!

Бережно, стараясь не спугнуть, Драко ментально потянулся к Люциусу. Тот молчал.

— Поттер, продолжай!

...Отец! Услышь меня! Ну, говори, говори же!

Но Малфой-старший, слишком занятый поединком с Сириусом Блэком, не откликнулся.

— Поттер!

Взгляд Гарри отчаянно метался — рубашка с гербом Малфоев, поверх — школьный пиджак с хогвартским гербом, серебряный дракон, обхвативший указательный палец, ремень с пряжкой в виде двух пожирающих друг друга змей...

Хранилось в семье Малфоев...

— Очисти землю...

...Я приказываю! Говори!

Удар по сознанию Люциуса оказался настолько силен, что даже сам Драко испугался. И неспроста: именно в тот самый миг глава Пожирателей Смерти, правая рука Вольдеморта, оцепенел, и клыки полуживого Блэка сомкнулись на шее белого лиса, свергнув его в кровавое море агонии.

...Драко... но почему... И... КАК?!

Мгновением спустя ниточка оборвалась. Совсем. Как Драко ни шарил, как ни хлестал отца всё новыми и новыми приказами, ответом было мёртвое молчание.

Он не мог поверить. Просто не мог — мозг отказывался. Внезапно в голове щёлкнуло, грудь переполнилась чем-то плотным — чтобы не взорваться, Драко закричал, завыл по-звериному, рухнул на колени, хватаясь то за голову, то за шею, скребя себя скрюченными пальцами по телу в попытке вырвать оттуда пламенеющие нечеловеческой болью внутренности. Завизжала Гермиона — обернувшись, Гарри увидел её полные предсмертного ужаса глаза и ныряющую к горлу девушки отвратительную голову, покрытую слипшими от земли волосами и серыми ошмётками плоти.

— Останови их!!! Ты обещал!!!

— Я?! — Малфой иступлённо захохотал, захлёбываясь пеной. — Не... смеши... меня...

...Какой смысл спасать мир, если не можешь сохранить жизнь одному-единственному человеку?

Он вскинул волшебную палочку ещё до того, как Гарри успел шаг шагнуть — проклятья, одно другого смертоноснее и мучительнее, срывались с неё ослепительным фейерверком, бессмысленно разлетались в разные стороны.

— Сдохнете!!! — угадывалось в первобытном вое. — Все вы сдохнете! Ненавижу!!!

Время для Гарри будто остановилось.

Рубашка с гербом Малфоев. Хогвартский герб и девиз. Кольцо.

Всё стало просто.

Пробудись ото сна, восстань из недр, очисти землю...

Вскинув руки к содрогающимся небесам, Гарри закончил:

— Спящий дракон!!!

* * *

Дамблдор стёр со лба кровь¹⁰⁴. Он бы дорого отдал, чтобы одновременно стереть с души усталость и скорбь. Мальчишки... да, именно — мальчишки и девочки, вчерашние студенты, а никакие не безликие Пожиратели Смерти — они шли на него с оружием в руках, шли, задыхаясь от страха и злобы, шли, целя проклятьями в своего учителя, недавнего наставника...

...Несчастливые дети... Сколько ненависти, сколько ярости... сколько горечи в их сердцах. Элис Лест-

¹⁰⁴ Знание о ранении отнюдь не освобождает от его получения.

рандж... Вся в матушку, вскормлена злобой и ненавистью — до чего же тяжело жить с таким грузом... Сэмюэл Парпис. Ему никогда не удавались сложные заклинания, не хватало концентрации — как и сейчас. Маркус Тауэл? Надо же, значит, слизеринская солидарность значила для него больше, чем мне казалось, когда он заканчивал школу... Где же я ошибся? Когда же, как подтолкнул их в объятия тьмы?

Если первые Пожиратели Смерти, налетая на своего бывшего директора и самого Министра Магии, цепенели на месте, сдаваясь буквально без боя, то посланный на подмогу спецотряд уже не церемонился ни с Дамблдором, ни с профессором Макгонагалл. Да-да, преподаватель Трансфигурации сейчас стояла рядом с видом, будто принимала выпускной экзамен у на редкость недалёких студентов. Поджав тонкие губы, она отточенными взмахами палочки укладывала нападающих в аккуратную поленицу.

— Минерва, я уважаю твоё чувство юмора, — собрав очередной урожай атакующих, директор покачал головой и взмахом посоха закрыл бреши в последней линии обороны вокруг замка, — но всё же — возвращайся в школу. Стены выдержат ещё какое-то время. И потом, надо помочь Поппи с ранеными...

— Даже не подумая, — сухо отрезала она. Убедившись, что опасность на время миновала, поправила седую прядь, которая выбилась из-под остроконечной шляпы, несколько игриво съехавшей на один глаз. — Поппи прекрасно справляется — она терпеть не может, когда кто-то вмешивается в её священнодействие, а здесь я нужней. И потом — ты, знаешь ли, тоже в своём репертуаре, — Макгонагалл указала взглядом на гору мягких игрушек, смотрящуюся на фоне опалённой проклятьями, взрытой земли куда более дико, чем выглядели бы оторванные головы.

Дамблдор устало развёл руками.

— Потом разошлю их совами по домам. Бедные бестолковые дети...

Она не успела возразить по поводу «потом»: равнина дёрнулась под ногами живым существом, и пришедшая невеста откуда сильнейшая магическая волна во мгновение ока смела защиту вокруг замка — та радужными осколками брызнула в разные стороны, и из земли посевами смерти тут же полезли сизые пальцы... следом — руки, головы.

— Минерва! Берегись!

Дамблдор ударил посохом — посыпались искры, почва всколыхнулась, и плоть мертвецов рассыпалась серым прахом, однако на смену первой волне пришла вторая, за ней третья — и вот, он уже был не в состоянии отражать их, и затрещала под длинными и острыми ногтями его синяя в золотых звёздах мантия и бархатная, опалённая заклятьями мантия профессора Трансфигурации, тоже не успевающей одновременно повергать зомби и сдерживать напор хлынувших из леса Пожирателей. Директор развернулся на помощь, и тут же зомби запрыгнули со спины, вцепляясь руками, вгрызаясь зубами... Повсюду зазвучали негромкие хлопки: Хогвартс более ничто не защищало от аппарирования, и возликовавшие Пожиратели Смерти ринулись в последнюю атаку. Правда, за ликованием пряталось нечто вроде недоумения: теперь, когда приказ главнокомандующего (кстати, а где он сам?) был выполнен, и защитные чары взломаны, они плохо представляли, что нужно делать дальше. Идти на приступ? Устраивать осаду? Но это смешно — школа пуста. А что делать с немногочисленными обороняющимися? Брать в плен или убивать, ибо сдаваться в плен живыми они отнюдь не собирались?

Земля вновь содрогнулась, будто от мощного взрыва. Настолько мощного, что — Дамблдор был уверен, глаза его не обманули — башни Хогвартса и правда покачнулись. Он вспомнил обещанную Зеркалом Рока картину.

Совсем скоро...

Странное предчувствие сгустило кровь в венах. Воздух превратился в вязкую, горячую, готовую вот-

вот закипеть жидкость, идущий от земли жар становился невыносимым и для живых, и для мёртвых: вместо того, чтобы нападать на врагов, ожившие мертвецы бессмысленно шарили руками, хватая и круша всё, что подворачивалось под их костлявые лапы, — деревья, визжащих от ужаса и неожиданности Пожирателей, других зомби; то ли огненное дыхание обрезало ниточки, связывающие их с разумом кукловода смерти, то ли тот действительно внезапно стёк в пучину безумия, а они лишь послушно следовали за ним и туда.

Ещё один удар. От грохота заложило уши. В груди словно разверзлась рана, и неведомый жадный рот принялся высасывать из тела магию вместе с силами.

...Начинается... Значит... — он обвёл глазами пространство вокруг, неосознанно ища фигуру высокого худого юноши... Но вокруг был только дым, да разлеталась взрытая проклятьями земля. — Гарри где-то рядом... Да поможет тебе небо, мальчик мой... Теперь только ты... Только ты сам... Как всегда...

Почти сразу же всё вокруг заходило ходуном, и на этот раз куда сильнее — кто-то из Пожирателей, не удержавшись на ногах, скovyрнулся, завертелся ужом на дышащей смертоносным жаром земле, да и сам директор с трудом устоял, в последний миг опершись на спасительный посох. Зомби чёрно-красными угольями дотлевали поверх обугленной травы, они так и не успели выбраться на волю.

Даже когда всё затихло, какое-то время казалось, будто мир вокруг качается.

Старый маг собрался с последними силами. Усталость и возраст брали своё: как ни силён лев, но подчас и крысы, если они молодые и их много, способны взять над ним верх.

— Альбус... — профессор Макгонагалл — уже без шляпы и с причёской, больше напоминающей копну сена, в которой порезвились корнуэльские пикси, смотрела на него с тревогой. — Ты...

— Expelliarmus!

Заклятье, направленное в сторону Джорджа Эджкомба, решившего воспользоваться их минутным замешательством и неосмотрительно подсунувшегося слишком близко, сбило того с ног, разорвавшись магическим фейерверком: через мгновение волшебные палочки растерявшихся сторонников Вольдеморта аккуратной горкой ссыпались директору под ноги. Но на смену обезоруженной дюжине, не спешащей, кстати говоря, праздновать труса, явилось три дюжины на редкость свежего подкрепления, и теперь приходилось прикладывать массу усилий, чтобы остаться целым и, по возможности, невредимым, не пропустить противника к замку, а также — что являлось самым сложным — не причинить атакующим никакого серьёзного вреда.

Враги — не эти вчерашние мальчишки. И даже не их родители, сознательно или же бессознательно подтолкнувшие их в объятия Вольдеморта. Я не могу сказать, что они уж совсем ни в чём не виноваты, однако недопустимо, чтобы всё бремя ответственности и боли легло именно на них.

— Минерва!

Взмах посохом, круг огня на земле, яркая вспышка в воздухе — и пара плюшевых мишек и длинноухих зайчиков, бессмысленно хлопая глазами, посыпались под ноги профессора Трансфигурации.

— Благодарю, — с достоинством кивнула она.

— И всё же настаиваю...

— Я никуда не пойду! — взмахом палочки профессор Макгонагалл превратила ближайшую к ней троицу в ворон, с карканьем растворившихся в дымном сером небе. Ещё один замысловатый взмах, и в руках её появился новый магический щит взамен треснувшего: — В конце концов, в своё время в Дуэльном Клубе я смогла одолеть Лайзу Кент! А она-то, поверь, управлялась с палочкой получше, чем... чем вы, мистер Булстроуд! — закончила она, превращая в глиняного болванчика ещё одного Пожирателя.

— Да что вы возитесь! Бейте насмерть!

Макнейр.

Взгляд Дамблдора мгновенно стал ледяным.

— Бейте!

Бывший министерский экзекутор подал пример: сразу несколько проклятых красными и жёлтыми молниями понеслись к директору — два удалось остановить на подлёте, остальные кружили, словно осы, то замирая, то снова набирая скорость и мгновенно меняя направление. Собственное давно уже не молодое тело предало Дамблдора: Режущие Проклятья рубанули по пальцам, держащим посох — тот не выпал только потому, что был намертво прилеплен к ладони заклятьем; ударили по ногам, лишь частично самортизированные волшебной мантией. Слепляющий шар взорвался над головой, разом погасив белый свет перед глазами.

Отсчёт шёл на минуты, и Дамблдор это понимал: Миневра Макгонагалл была отличной ведьмой, однако...

...Что ж он медлит? Гарри... Неужели с ним что-то случилось? И почему, почему не спешат они?!

Падение щита вокруг школы наконец-то заметили и правительственные силы: с тихими хлопками вокруг Дамблдора и Макгонагалл аппарировало несколько авроров. Судя по измочаленному виду, они тоже прибыли отнюдь не из казарм.

— Господин министр, профессор, уходите в замок, — не терпящим возражений голосом приказал старший, помогая подняться хлопаящему глазами и стирающему кровь с лица и опалённой бороды директору, тогда как ещё двое выводили из-под перекрёстного огня даму. — Мы сейчас сами здесь разберёмся.

Макнейр и его соратники не стали тратить силы и время на произнесение финальных монологов злодеев, за них заговорили волшебные палочки. В ответ полетели разноцветные проклятья со стороны правительственных сил. Перестрелка продлилась недолго: землетрясение на этот раз снесло всех — пожиратели и авроры попадали, будто кегли, а рядом — тоже кеглями, но куда более устрашающими, валились вековые деревья, брызжа в небо горячей, дымящейся землёй. К рёву ветра, грохоту и гулу раздираемой земной тверди примешался чей-то истощный ор, и, обернувшись, профессор Макгонагалл едва не присоединилась к зашедшему от ужаса человеку — уже непонятно, стороннику или же противнику Тёмного Лорда: мантии на всех сейчас были одинаково грязные и рваные, а лица — окровавленные и перекошенные от ужаса.

Хогвартса, стоящего посреди равнины, как и самой равнины, превратившейся в жерло готового вот-вот извергнуться вулкана, более не существовало: ещё напоминая замок зубчатыми очертаниями, на его месте открывал жёлтые глаза, дышал смертоносным пламенем огромный проснувшийся дракон.

* * *

Кажется, небеса и земля поменялись местами? Гермиона едва ли это осознала, как не сразу поняла, что свободна не только от лап зомби, ставших сухими отшмётками плоти, но и от Связывающего Заклятья Малфоя. Горячий вихрь стал новыми оковами: завывая над неглубокой ложбинкой, куда её снесло, он вдавливал в землю, не позволяя двинуться, не давая даже поднять голову — палящее дыхание жгло лицо. Казалось, кожа вот-вот полопаётся кожей перезрелого граната. Вокруг всё гудело и трещало, будто разом взрывались десятки петард, проносились щепки и ветки, царапая руки и цепляясь за мантию.

Рядом на пожухшей траве скорчился Малфой — свернувшись на боку, словно эмбрион, он обхватил себя руками вокруг колен и ритмично тряс головой, шевеля губами — видимо, что-то бормоча. Рона поблизости видно не было, а о местонахождении Невилла свидетельствовала нога, торчащая под странным углом из-под огромной кучи застрявшего между поваленными стволами валежника.

Гарри. А где Гарри?!

Она подняла голову, тут же зажмурившись и забыв, как дышать: ветер хлестнул по лицу, высушил горло и попытался испепелить лёгкие. Гермиона упрямо прикрыла ладонью рот и нос и рывком встала на колени — ей нужна было всего лишь секунда, хотя бы секунда!

Вокруг расстился если не ад, то наверняка его преддверие: раскуроченная чёрно-серая земля... вернее, не земля, а то ли песок, то ли зола; эта выжженная пыль тут же забила под ладони, ужалила глаза, забила рот и нос. Вихрь ударил в грудь, сошвырнул обратно в овражек. Но девушка снова поползла наверх. Серые слёзы боли и отчаяния мгновенно высохли на сером лице.

Пейзаж постоянно менялся, пространство текло вокруг: гнулись вывернутые корнями вверх деревья, мимо проносились ветки, сучья, какие-то коряги. Одна из них хлестнула по плечу, соскользнула в овраг, ударила по лицу рыдающего и одновременно хохочущего Малфоя — до крови разбила ему губы, нос. Но он этого не заметил, продолжая мотать головой в своём разгорчивом помрачении рассудка, всё продолжая жаловаться и молить провидение о возмездии. Две кровавые дорожки потекли из носа по его лицу, но высохли багровой каплей, так и не успевшей упасть в пепел под щекой.

И тут Гермиона увидела:

— Гар..!

Раскалённый ветер забил крик прямо в желудок с такой силой, что её чуть не вывернуло наизнанку.

Он распротёр руки в стороны, как если бы хотел объять небеса. Ни бушующий вокруг ураган, что играл деревьями, будто травинками, ни жар, ни землетрясение не имели над ним власти; он висел в воздухе, едва касаясь ногами земли, висел, защищённый со всех сторон невидимым панцирем — даже волосы на его голове были взъерошены не больше, чем обычно.

...Гарри... Умоляю!!!

Судороги земной тверди стали настолько сильны, что Гермиона решила — всё, конец... Все резоны и страхи исчезли, сменившись одним-единственным всеобъемлющим желанием: коли пришёл последний час, она хотела быть с ним... рядом с ним — вместе взглянуть в лицо смерти.

Хотя бы... хотя бы успеть проститься.

Но она не могла шевельнуться.

Видимо, уже протрубили Страшный Суд ангелы, и мёртвые готовились вновь открыть глаза, потому что с каждым мигмом землетрясение всё усиливалось, а рёв урагана напоминал вой живого существа. Апокалипсис вернул в мир живых Рона: цепляясь руками за огромное поваленное дерево, он вылез из-под присыпанной его земли — обожжённый, грязный. Он что-то кричал; пригибаясь под ветром, силился добраться до вцепившейся в край овражка Гермионы, но тут особенно хлесткий порыв сдёрнул её вниз, прямо к нему в объятия, и — уже вместе, намертво сцепившихся — поволок по земле. Он ладонью прикрыл её лицо — их кувалкой, везло по острым обломанным ветвям, они хрипели, давась мгновенно набившейся в рот горячей пылью.

Как Рон ни цеплялся — одной рукой никак не мог удержать их обоих, земля сухой золой рассыпалась под пальцами, а об деревья и камни он лишь обламывал ноги. Следом неодошвенно перекатывался Малфой, за ним — гора валежника, из-под которой торчал ботинок Невилла. Приоткрыв один глаз и оторвавшись от груди Рона, куда её буквально вцепило, Гермиона осознала, что дело даже не в ветре: просто их всех вместе с полянкой, которой ещё совсем недавно был этот раскуроченный клочок земли, волокло вниз. Пробежала трещина, почва разломилась, словно краюха хлеба. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее, подгоняемые ветром они начали опускаться. Вот мимо мелькнуло окровавленное бессмысленное лицо Малфоя — ещё чуть-чуть, и он бы напоролся на ос-

трую, как обломанный клык, ветку, и раньше чем даже успела подумать, Гермiona вывернулась из-под Рона, дёрнула слизеринца к себе, загородила рукой. Драко едва ли заметил, продолжив бормотать, плакать и смеяться ей в предплечье.

— Гермiona! Берегись... — кубарем они все вместе покатились куда-то... куда-то...

Ни Рон, ни Гермiona не удивились бы, оказавшись в аду. Запрокинув голову к кувыркающемуся в небо обрыву, она бросила отчаянный взгляд на Гарри, по-прежнему неподвижно висящего над пропастью. В этот момент вой ветра стал закладывающим уши грохотом, к нему примешался свист — облака разверзлись, и с небес рухнул, зависнув над Гарри, огромный Дракон.

По-настоящему огромный — огромный, как дом, как замок... как...

Гарри закричал — так истошно, словно его резали на части живьём, этот нечеловеческий вопль достиг ушей Гермiony и Рона сквозь беснование урагана. Жилы на его шее вздулись, когда он попытался развернуть голову к съезжающим в бездну друзьям, но те были уже слишком далеко, а потому так и не увидели ни его лезущих из орбит глаз, ни покрасневших от нереальных усилий щёк, не услышали ни его крика, ни его вдоха...

— Рон... Герм...о...о...

Гермiona закричала, зажмурилась, а когда снова открыла глаза, силуэт Гарри уже подёрнулся странным маревом. Через миг он исчез: на месте гриффиндорца раскинул крылья и воспарил в небеса дракон.

* * *

Наверное, именно так рождаются и умирают вселенные: сначала его сжало до хруста, а потом боль разом исчезла, всё тело стало лёгким, как пёрышко... вернее, нет, даже не лёгким — тело просто исчезло, превратившись в ничто... А может, наоборот — во всё? А может, и не исчезнув вовсе, а растворившись и растворив всё в себе?

Но Гарри даже не пришло в голову анализировать: радость взорвалась внутри, он засмеялся, легко оттолкнулся от земли, где его больше ничего не держало, — рванулся ввысь. Всё стало удивительно просто, но в этой простоте не было ничего плохого, как нет ничего плохого в ликовании ребёнка, только что научившегося ходить или радости впервые взмывшего в небо птенца. Мир вокруг перестал быть агрессивным и угрожающим, страхи исчезли, исчезли обязательства — СВОБОДА.

Вся планета обратилась маленьким и смешным мячиком, послушно следующим взмаху руки.

Сила.

Могущество.

Мир.

Мир для меня.

...Что я могу?

...Всё.

...Кто ты?

...Ты.

...Кто я?

...Я.

Откликающийся голос был удивительно умиротворяющим.

...Ты мечтал обрести силу? Ты получил её! Вперёд!

Где-то внизу поднимал на своих плечах магический щит Дамблдор, рушились деревья, давя и калеча людей и животных — те, крохотные, смешные, падали.

Оловянные солдатики, которыми он играл в детстве...

Гарри счастливо рассмеялся.

Разноцветный мячик взлетел в небо.

Дракон бесчинствовал над лесом. Он то взмывал над сизыми тучами, проносясь над ними огромной изрыгающей огненные всполохи тенью, то с диким рёвом

припадал к земле. Для него не существовало разницы между живым и неживым: звери и птицы, люди и не-люди, земля и камень — всё на его пути обращалось бессловесным пеплом. Уцелевшие не знали, где укрыться: ведь даже если ускользнешь от клыков летящего дракона, вихрь вокруг его крыльев парализует тебя, а когти разорвут в клочья...

Недавние противники, защитники замка и атакующие, перед лицом смерти все они стали просто людьми — сбились под хлипким защитным куполом, с трудом удерживаемым Дамблдором, аврорами и профессором Макгонагалл, — кто-то помогал, кто-то плакал, кто-то молился, кто-то хмуро ждал конца, кто-то упрямо перевязывая свои и чужие раны, кто-то замер, распятый собственным страхом.

— Я не могу умереть... — монотонно подскуливал у ног профессора Трансфигурации совсем ещё мальчишка с разбитым ртом, вымазанным кровью подбородком и окровавленными руками, которыми он, видимо, подбородок вытирал, — не сейчас... Ведь я же... Только месяц назад... Она ждёт меня... Мы обручились...

— Да заткнись ты! Иначе я тебя собственными руками приблю! — истерически взвизгнул, пиная его ногой, второй — судя по едва различимому на обожжённом предплечье Знаку Мрака, тоже из сторонников Тёмного Лорда. Руки его были заняты: он помогал поддерживать мифическую надежду на спасение — хлипкий магический щит, способный прикрыть разве что от жара горящего леса да завывающего ветра. — Как-го чёрта ты сюда полёрся...

— Мне сказали, что убьют её, если... — слова оборвались беспомощным всхлипом, когда тёмная тень в очередной раз пронеслась над облаками и купол опасно завибрировал.

— Профессор, отдохните.

Придерживая рукой кровоточащий от магического ранения бок, к Дамблдору, пригнувшись, подошёл один из уцелевших авроров, и встал рядом со всё ещё брызжащим Пожирателем. Директор молча сдал вахту: сейчас было не до красивых поз и слов, не было ни противников, ни друзей, сейчас все они были заодно против общего врага — смерти.

— Минерва...

Профессор Макгонагалл в изнеможении опустилась на землю. Её место занял кто-то из Пожирателей, подставив руки и спину тяжелеющему с каждой минутой щиту.

Земля затряслась, дракон огромной тучей пронёсся над ними, пламя выжгло остатки леса. Разворот, взмах крыльев, всплеск хвоста — и тяжесть обрушилась на плечи, вогнав их в землю почти до колен. Под куполом стало тихо, лишь кто-то громко помянул матушку Мерлина. Под облаками ликовал Зверь.

Дамблдор очень устал. Он знал, что для усмирения вырвавшейся на волю силы потребуется время. Да — это просто вопрос времени, ведь Гарри справится, он **обязательно справится!** А до той поры задача — спасти тех, кто рядом, прикрыть их и — что куда важнее и сложнее — помочь остаться людьми. Живыми. И — людьми. А ещё он знал: если не обработать специальным зельем причинённые проклятьями Макнейра раны, то часы его сочтены. Но как раз этого он и не боялся.

Сейчас всё и все — и весь волшебный мир, и эти два десятка людей рядом — зависели не от их собственной воли, а от юного гриффиндорца, освободившего силу, которой было совершенно всё равно, кто и за чем её освободил.

...Неужели всё так и кончится? И чтобы уничтожить чудовищное зло, нужно создать не менее чудовищное добро, готовое испепелить всё на своём пути? Не может быть. Гарри... Он должен справиться. Он усмирит его... Я верю.

* * *

Белоснежное море баюкало на своих волнах, то подкидывая вверх, то проваливая глубоко вниз, но

каждый раз бережно лоя в пуховую мягкость. Гарри казалось, будто он мчится напрямик в рай, в свой личный рай, где сбудутся все мечты.

Мечты? — эта мысль вдруг обеспокоила его. Обеспокоила несильно — совсем капельку, ведь рядом со всеобъемлющим счастьем не было места сомнениям и тревогам. — *А разве я чего-нибудь хочу? Ведь я же обрёл всё, что хотел.*

Конечно, — прошептала белизна. — *У тебя есть тело, у меня — сила. Если мы сольёмся, то...*

Гарри отмахнулся, расхохотался, снова взмыл вверх. Ему сейчас было слишком хорошо, чтобы о чём-то думать.

Чёрная точка появилась из ниоткуда, и мгновением спустя стала огромными распахнутыми Вратами. Они приветливо подмигивали многоглазой темнотой, манили внутрь, и Гарри знал: нужно просто войти и уснуть, и тогда его миссия завершится. В чём состояла его миссия и чем она должна была завершиться, он не ведал. Да и не хотел уже узнавать: свобода кружила голову, радость опьяняла, что-то влекло вперёд, бережно подталкивало в спину. Он сделал ещё шаг, и крохотные чёрные ручки вынырнули из Темноты, глазки замигали, приглашающие улыбки разрезали пространство.

Гермиона выбралась из-под кучи валежника. Тело болело, будто набитое стеклом. Ни Рона, ни Невилла рядом не было — видимо, оползень унёс их вниз. Откуда-то поблизости доносилось тихое завывание — *наверное, Малфой...* Пейзаж вокруг соответствовал: не иначе, армия демонов промчалась по этим местам, уничтожая и сжигая всё за собой.

«А ежели не способен был совладать маг с дарующейся ему рукой Господа ли, Сатаны ли Великой Силой, то мстила она стократно, делая его послушным рабом своим, и после ужаснейших терзаний телесных и духовных погибал он в невыносимых муках — испуская пену, и цепenea, и скрежеща зубами. Лишившись спервоначала тела, а потом и души, по убиении ввергался он в вечный ад, где огонь не угасает и червь не умирает»...

Она вздохнула. Набрала полную грудь...

— Гарри!

Воздух ударил в лицо — ей показалось, что она налетела с размаху на каменную стену. Носом пошла кровь — правда, она не поняла этого, просто подбородок стал на миг мокрым и тут же высох от огненного дыхания беснующегося над лесом чудовища. Впрочем, это тоже не имело значения, как не имела значения боль в разодранной ноге и разбитом теле. Теперь больше ничего не имело значения.

— ГАРРИ!!!

Дракон, раскрывший пасть, чтобы одним вздохом обратить её в пепел, замер.

— Остановись, Гарри! Вернись, Гарри!

Жёлтые глаза — яркие, блестящие глаза Зверя. Они взирали из-под облаков, следили жадным взглядом хищника.

Гермиона зажмурилась и, неосознанно повторяя недавний жест Гарри, раскинула руки в сторону, подняв к небу лицо.

— Гарри!!!

Удар чего-то невероятного тяжёлого о землю был настолько силён, что она упала. Дракон надвигался на неё, пуская дым из ноздрей. Первой реакцией стала слепая паника, её затошнило от страха и осознания необратимости собственной смерти. И всё же она устояла.

Он был огромен, многократно превосходя по размерам самое крупное из чудовищ Трёмудрого Турнира — те перед ним были что воробьи перед орлом. Зверь склонил голову, то ли собираясь сожрать заживо, то ли испелить огненным вздохом.

Гермиона зажмурилась.

...Гарри... Там внутри — Гарри, — твердила она, словно молитву, цепляясь за любимое имя — имя любимого,

го, — как за тоненькую ниточку, отделяющую безумную явь от безумия, которое ожидает всех, если, если...

— Гарри, останови...

Руки что-то коснулось. Обожгло так, что тело чуть не парализовало от боли, сил не осталось даже на крик, и всё же она не отёрнулась, она знала, что должна вытерпеть это — это её единственный шанс помочь, стать его силой. Или оказаться слабостью.

Она прикоснулась к чешуе. Погладила. Собравшись с силами, взглянула в огромный глаз, наблюдающий за ней с ледяным равнодушием.

— Гарри, — прошептала она. — Я люблю тебя. Пожалуйста. Ты только... не умирай. Остановись. Не слушай его. Стань снова собой. Спаси нас. Спасись сам. Вернись. Вернись ко мне.

Порыв ветра отшвырнул, девушка покатила по растрескавшейся земле. Взмах крыльев, ещё, ещё один — чудовище поднималось в небеса, и каждый порыв ветра, рождаемый гигантскими крыльями, сносил её всё ближе и ближе к очередному обрыву. Но она больше не сопротивлялась. Закрыв глаза, она продолжала говорить и говорить. Только теперь он отвечал ей. А потому — какая бы ни ждала её участь, она приняла бы её с радостью.

Дракон плеснул крыльями в очередной раз и вдруг с истошным воем изогнулся, выпившись клыками в собственный хвост.

* * *

— Гарри!!!

Цепкие ручки держали крепко и прямо-таки дождались момента, когда очнувшийся человек рванётся назад. Гибкие, прочные, они, словно хоботки каких-то странных насекомых, вгрызались в тело.

Крик Гермионы повторился, Гарри рванул из всех сил, разрывая тоненькие ниточки, как те ни сопротивлялись, не желая отпустить, и белизна вокруг расколослась, явив затаившийся под её пологом ад: пожары и пепелища, вздыбленную, исковерканную землю, пустынную равнину, посреди которой умоляюще вознесла в небеса руки окровавленная растрёпанная девушка.

...Остановись! Вернись!

За ужасом пришло осознание, что пути назад нет.

Это всё — моих рук дело. Что я натворил... Что я наделал... Но ведь я... Ведь я должен был...

Дракон истошно заревел.

Вернись!

— Я не могу. Теперь уже не могу — мне нужно туда войти. Мне обещали, что если я соглашусь...

...Не верь! Это ложь. Не слушайся силы, она обманет... уже обманула тебя.

Врата за спиной распахнулись ещё шире, темнота выжидаяще кипела, тоненькие усики тянулись к нему снова.

— Но...

...Ничто не берётся ниоткуда и, обретая нечто бесценное, столь же бесценное для себя отдаёшь взамен! Если ты окажешься слаб, эта сила обречёт тебя на вечные муки, сделает тебя своим рабом и уничтожит.

— Но как иначе? Ведь я должен это сделать. Я должен войти туда. Для того я и вызвал Защитника — ведь я живу, чтобы спасти мир. Тебя... Рона... всех остальных — я должен...

...неправда! Ты просто — живёшь! Живёшь, чтобы быть счастливым и делать счастливыми тех, кто рядом! А если ты станешь частью этой силы, то просто уничтожишь всех нас! И себя!

Конечно. Это я во всём виноват. Это я убил всех. Это я всё съёл.

Будь я проклят!!!

...Нет!!! Только не отчаяние! Не будь слабым, не хорони себя заживо! Если так необходимо войти туда — иди, но будь сильным, не сдавайся и не поддавайся — и тогда останешься собой... Помни: я люблю тебя... Я жду тебя...

Жду тебя.

...Только отдавая что-то, можешь что-то получить взамен. Но не отдавай себя... Никогда...

— Гарри!!! — там, наяву, она плакала, кричала, не замечая что давно сорвала голос, что пересохшие и растрескавшиеся до крови губы уже не шевелятся. — Тебе придётся заплатить... заплатить равную цену... Но только умоляю — останься собой... Я люблю тебя! Я жду тебя...

Спасти мир — ведь я этого хочу. Значит, я должен войти туда, и тогда Защитник исполнит моё желание... Я готов отдать что угодно.

— Гермиона, я должен идти. Я... я постараюсь вернуться... Нет! Я обязательно — слышишь — обязательно вернусь к тебе.

...Только не сдавайся ей, — белизна наступала, он едва ли мог видеть Гермиону, слышать её голос: — Ведь тогда ты...

— ...перестанешь быть собой, — голос Гермионы исчез, теперь говорил мужчина, и Гарри резко развернулся к своему новому собеседнику. — Ты не мессия, Гарри... Ты приведён нами в мир не для того, чтобы страдать и в результате принести себя в жертву ради всеобщего счастья...

Теперь он вспомнил этот голос — пусть слышал его только раз, в жутких видениях во время обучения Заклинанию Патронуса.

Отец.

— Мы хотели, чтобы ты просто жил. Не становился легендой волшебного мира... — всхлинула и шагнула из ниоткуда рыжеволосая зеленоглазая женщина. — Жил и был счастлив, Гарри... Был собой.

Ма...ма...

— Но как же... Если не я, то кто?.. Я должен это сделать. Ведь иначе Вольдеморт... Ведь иначе этот дракон... Он всех их... Мама... папа... простите, но я...

— Спасти мир и сделать счастливым одного-единственного человека одинаково сложно. И никем не сказано, что мир важнее тех, кому ты presently нужен.

— Но что мне делать? Папа! Мама! Что мне тогда делать?! — Гарри в панике рванулся прочь от Врат, куда его тихонько затачивали, воспользовавшись смятением, тонкие чёрные ручки.

— Пройти по краю жизни и смерти, не споткнувшись. Отдать всего себя, сумев себя сохранить.

Голос растаял: белый туман скрыл мужчину и рыдающую на его плече молодую женщину.

Я в ответе за всех. Я должен пройти и вернуться.

Гарри снова развернулся лицом к Вратам и сделал первый шаг.

— Вернись... Только вернись... — молила Гермиона, следя за восторженным драконом.

Пройти по краю жизни и смерти, не споткнувшись. Обмен... Я готов на любой обмен, лишь бы уничтожить его. Я должен убить. Убить его — любой ценой. И тогда всё закончится. И все будут счастливы.

Опустив голову, Гарри ждал, когда улыбка и глаза темнота оплетёт его целиком. Наконец, он понял — договор заключён, и теперь он может сделать это.

— Я хочу... я хочу убить. Убить его.

— Значит, ты готов к честной игре? Но это... может быть больно.

— Я согласен.

Темнота кивнула.

— Ты знаешь: всё строится на эквивалентном обмене. За смерть ты должен заплатить смертью.

...Прости, Гермиона. Папа... мама... простите.

— Я согласен умереть, — голос не сорвался, хотя ему было очень страшно.

— Как жаль, что ты не сказал просто «согласен», — улыбки стали оскалами, окружившими его со всех сторон. — Не ты. За смерть своего злейшего врага ты заплатишь смертью тех, кто дорог тебе больше всего. Итак — ты готов?

Муха на слепом глазу Рона. Окровавленные каштановые локоны.

Нет.

— Нет! Нет, нет, НЕТ!!!

Врата сомкнулись, Гарри влекло вперёд, и он осознал — пути назад нет. Нет шанса на ошибку.

— Но как же раньше?! Ведь — я знаю — ты уничтожил воплощение зла в прошлый раз!

— Конечно.

Темнота не расступилась, она по-прежнему перемигивалась вокруг, когда Гарри увидел склонившихся подле друг друга колдуна и волшебницу. Её рука влепила ладонь мужчины, он поднял к ней тёмные от боли глаза, переполняющиеся отчаянием. Она — видимо, отвечая на неслышимый для Гарри вопрос, — кивнула, что-то закричала ему в лицо, а потом, снова крикнула, на этот раз обратившись в небеса.

Яркая вспышка.

— Нет, не смерть! Тогда... запечатайте — запечатайте его, запечатайте Вольдеморта, чтобы он не смог вырваться! Я отдам... отдам... я готов отдать...

— Хорошо, — покладисто заморгали сосредоточенные глазки.

Следуя беззвучным приказам, Гарри зажмурился, безропотно подставляя чёрным ручкам душу. Словно мокрой тряпкой по доске, провели по его памяти, в один миг стерев оттуда всё, связанное с Вольдемортом: мать, отца, дом...

...Я должен остаться собой. Вернуться. Но куда? Ведь я же...

Он вспомнил огромную яму на горе, где когда-то возвышался Хогвартс, испепелённый Лес, растрескавшийся от жара, спёкшийся пепел, когда-то бывший зелёной равниной.

— И пусть всё станет... как раньше. Верни всё, как было.

Ещё один взмах мокрой тряпки.

Вернуться... зачем? К кому? Куда? Кто я?..

* * *

Гермиона не могла поверить своим глазам: во мгновение ока всё вокруг стало прежним. Поднялся лес, зазеленела молодая трава; тучи, ещё недавно такие низкие, что наверняка бы цеплялись за деревья, кабы эти деревья не сожрало беспощадное пламя, растворились безмятежными облачками. Болело всё: лицо стало ссохшейся маской из грязи, пепла и крови, сквозь коросты и ожоги на руках и ногах сочилась кровь.

Рядом раздался стон.

— Гермиона...

Она обернулась.

— Больно. Мать вашу, как больно!

— Рон... ты подожди, — неверным голосом выдохнула она в каком-то полусне. — Я... я сейчас. Я просто должна... Подожди. Только не двигайся. Я...

— Куда тебя понесло? — простонал он сквозь зубы. — Ты же еле ходишь! погоди!

Припадая на ногу, в которую безжалостно вгрызались острые клыки боли, цепляясь за деревья, она побрела — а собственно, куда? Она сама не знала: просто вдруг поняла, что должна быть ТАМ. Там — вон за этими деревьями, вон на той опушке... вот здесь, под подёрнутым зелёным пушком кустом орешника, где...

...где...

— Гарри...

Даже не крича, она в одно мгновение ока оказалась рядом, схватила за щеки — *тёплые!* — запрокинула голову, счастливо заревела в синее небо, одной рукой размазывая по серому разбитому лицу горькие от дыма и боли слёзы, а второй прижимая его голову к груди с такой силой, что он застонал и открыл глаза.

— Гарри, Гарри, Гарри... — монотонно твердила она, не чувствуя крови на рассохшихся губах. — Ты вернулся ко мне... Ты всё же вернулся...

— Я вернулся... вернулся? Но...

Она замерла: он смотрел на неё, чуть шурясь, удивлённым, совершенно ЧУЖИМ взглядом. По лицу промелькнуло недоумение, сменившись тревогой и смятением.

— Гарри?.. — не веря, но уже зная ответ, прошептала она. *Гарри, не надо...* — Гарри, ты шутишь, правда? Он робко высвободился из её рук, покосился по сторонам, пытаясь убедиться, что обращаются к не-

му. Удостоверившись, что на поляне действительно никого кроме них двоих нет, кашлянул, прочищая горло: — Простите... Кто вы?

Глава тридцатая, в которой мы прощаемся с Альбусом Дамблдором, Сириусом Блэком и Люциусом Малфоем, а у Гарри, Рона и Гермионы всё начинается сначала.

Профессор Макгонагалл не могла оторвать потрясённого взгляда от мадам Помфри: кто бы мог заподозрить в хрупкой и уже немолодой школьной фельдшернице такие запасы сил. Шло время, вот уже и утомлённое солнце начало цеплять опущенные молодой листвой кроны деревьев, а она всё с тем же выражением лица, не снижая темпа, продолжала осматривать, перевязывать, обезболивать, останавливать кровь, срывать кости, вправлять вывихи, исцелять ожоги, приводить в сознание... Способные хоть чем-то помочь трудились рядом, и всё же рабочих рук не доставало — лишь два аврора из тех, кто не требовал срочной помощи, а мог оказать её сам, в достаточном объёме владели медицинскими навыками, однако в творящемся совсем недавно безумии они, как и многие, лишились своих волшебных палочек, и толку от их действий было чуть. Разве что разносить зелья да оказывать — вернее, пытаться оказывать — первую психологическую помощь находящимся в шоке подросткам.

На поляне, где спонтанно организовался временный лазарет (в школу никого не пускали, ожидая прибытия спецотряда), дрожали, стонали и плакали вокруг разожжённых Хагридом костров студенты, молча смотрели в небо раненые представители Гильдии Авроров и, чуть поодаль, сжигаемые полными ненавистью взглядами, поёживались Пожиратели Смерти. Теперь, когда всё закончилось, они ничем не отличались от прочих — такие же покалёченные, окровавленные, перепуганные до самых печёнок.

Минул час, другой, третий, вот уже начало смеркаться, а работы не убавлялось: бесновавшийся над лесом дракон играючи разрушил хлипкий защитный купол, было просто уму непостижимо, как все ухитрились остаться только пострадавшими, не превратившись в жертв... Хотя всё ещё могло измениться: многих так и не нашли с тех самых пор, как в панике и ужасе они разбежались по полыхнувшему настоящей преисподней Запретному Лесу.

Страшно даже подумать, какая нешуточная работа предстояла с уцелевшими, ведь раны телесные исцелить куда проще, нежели душевные, а последствия психологического шока вполне могут сравниться по тяжести с самыми серьёзными магическими травмами... Должно пройти много, очень много времени, чтобы поблекли кошмарные воспоминания и исчез ужас из глаз, чтобы эти дети не просыпались, истощно крича, по ночам, чтобы огни пожарищ и зелёные всполохи смерти перестали преследовать во сне и наяву.

...Хотя для этого иногда мало целой жизни...

Профессор Макгонагалл проклонила собственную беспомощность — смотреть на покалёченных, плачущих, перепуганных детей было невыносимо, однако она ничего не могла сделать, разве что обносить всех по очереди Успокоительным и Ранозаживляющим зельями. Признаться, малоэффективными в данных условиях: одно дело — заклинания, и совсем другое — неведомо сильный магический удар огромного дракона, его испепеляющее дыхание...

Близняшки Патил... Близняшки в недавнем прошлом — правая половина лица Парвати сейчас представляет один сплошной пузырящийся ожог (*Мерлин всеблагод, только бы колдомедики столицы смогли что-то с этим сделать!*). Накаченная протившоковым зельем, она в глубоком оцепенении сидит у дерева — и слава богу, что бедная девочка не осознаёт своего состояния и не чувствует боли! — а рядом, неуклюже обхватив подружку за плечи окровавленной левой рукой, укачи-

вает на коленях сломанную в нескольких местах правую гриффиндорский художник Дин Томас...

Луна Лавгуд... Совершенно спокойная, вопреки обстоятельствам и собственным ранам, что-то тихо вещает зареванным малышам: и своим однокурсникам, и гриффиндорцам, и ученикам Слизерина — ведь страх и горе не знают межфакультетской розни, верно? — улыбаются, утешает, поглаживая трясущуюся, заплакавшую все глаза Дженнифер Грин. Девочка всё порываётся убежать куда-то, сама не зная, куда, — куда-то в лес, искать пропавших Кевина и Треиси. Профессор Трансфигурации присмотрелась повнимательней — а ведь действительно, сейчас все факультеты перемешались: вот Пенси Паркинсон, приспособив в качестве костыля здоровенную ветку, ковыляет между кострами, разнося воду, вот гриффиндорская семикурсница Дафна Гринграсс, одна из немногих ухитрившихся не лишиться своей волшебной палочки, аккуратно залечивает ссадины на лице Крэбба, следом за которым ожидает своей очереди целая толпа студентов всех факультетов: синяки, ссадины, ожоги, вывихи — словом, всё то, до чего не доходят руки мадам Помфри, вытаскивающей с того света тяжелораненых...

Грегори Гойл вместе с Симусом Финниганом волокут из леса охапку хвороста...

Великий Мерлин, ну почему, чтобы забыть о дрязгах и противоречиях, нужно нечто настолько ужасное? Неужели нет другого способа заставить людей вспомнить о том, что они люди?.. Неужели человечность пропадает в нас только тогда, когда мы лицом к лицу сталкиваемся с бесчеловечностью?

В стороне на расстеленной прямо на земле кротовой шубе Хагрида лежал Дамблдор, погружённый в магический сон решительной рукой мадам Помфри. Много взгляда на директора хватало, чтобы понять — если не вмешаются колдомедики высшего разряда, жить профессору остаётся считанные часы: силы оставляли его прямо на глазах, он будто усыхал, съеживался, становясь похожим на мумию. Состояние его ухудшалось, равно как ухудшалось и состояние нескольких сотен подростков. Любая искорка, любой вскрик мог вызвать выплеск неконтролируемой паники, а так же, что куда более опасно, — остаточной агрессии, когда люди, не в состоянии выйти из шока, начинают в помрачении крушить всё вокруг, окончательно теряя человеческий облик...

Нет, только не это...

Меж тем, время шло, никакой помощи — да что помощи! — даже ответа на посланных сов не было. Один из авроров аппарировал, однако пропал без вести, то ли располовинившись по дороге, то ли и вовсе не добравшись до места.

Как выяснилось позже, до места он-таки добрался, однако департаменты Министерства Магии сейчас представляли собой буйное отделение сумасшедшего дома. Ошалевшие от событий последних суток чиновники, кто перепугавшись до смерти, кто силясь спасти своё седалище, кто — просто не в состоянии справиться с обрушившейся на голову тысячей проблем, кто — раненый, кто — не спавший уже которые сутки, а потому с трудом реагирующий на слова — лишь отмахивались от окровавленного, едва волочащего ноги человека: «лазарет на минус третьем уровне, поторопитесь, а то до завтра не попадёте... Да-да, конечно — мы свяжемся со школой... Дамблдор, говорите? Не волнуйтесь всё под контролем... Ступайте-ступайте, лазарет на минус третьем этаже... Вы очень плохо выглядите...»

В стане Пожирателей наметилась какая-то возня, и профессор Макгонагалл, с трудом передвигая ноги — она отказалась от своей доли зелий в пользу наконец-то уснувшего Денниса Криви, — направилась туда.

— Что-нибудь нужно?

Она сознательно предложила взять на себя пристрахоту за врагами, в противном случае кто-нибудь из студентов или тот же Хагрид, бросающий в ту сторону полные чёрного огня взгляды, наверняка бы по-своему с ними потолковали.

— Он исчез...

Рыжий паренёк, которого она смутно помнила по Хогвартсу — кажется, из какой-то ирландской полу-маггловской семьи, чуть не в нос ткнул ей рукой, она даже не сразу поняла, что именно он хочет сказать.

— Я кровь на рукаве увидел, решил перевязать — смотрю, а его нету...

Зашуршала ткань.

— И у меня...

— У меня тоже...

Знак Мрака исчез.

— Поппи, я должна, должна сказать ему! — умоляюще повторяла профессор Трансфигурации. — Всё равно — помощь уже идёт, сейчас его перевезут в госпиталь Святого Мунго, и никакой опасности для жизни не будет — так пусть же он отправится туда с лёгким сердцем! Он заслужил!..

— Поговоришь с ним в больничной палате...

— Поппи!

...Он может не дожить...

Они в молчании уставились друг на друга.

— Ну хорошо, хорошо, — фельдшерница недовольно покачала головой, однако всё же развернулась к истаивающему на глазах Дамблдору. — Всё равно действие заклинания уже заканчивается... — пробубнила она себе под нос в оправдание и взмахнула палочкой, снимая чары.

— Альбус! Альбус! — профессор Трансфигурации не замечала, что, заламывая руки, вот-вот вывихнет себе пальцы. — Ты слышишь? Он справился! Гарри справился! Он... Он уничтожил его!

— ...где... он...

— Что? — она наклонилась, чтобы слышать слова.

— Где... Гарри... — не в силах даже повысить голос, едва слышным шёпотом повторил старый маг.

— Он... — эйфория спала, и профессор Трансфигурации с внезапным испугом поняла, что не знает, как ответить на это вопрос: «он ещё не подошёл»? «Скоро будет»? — Он... э-э... он скоро придёт... — пробормотала она.

Тем временем Дамблдор замер — Макгонагалл с мадам Помфри даже показалось, будто он перестал дышать. Фельдшерница дёрнулась, выхватывая из кармана волшебную палочку...

— Не надо, Поппи... Он... он жив...

— ...как дети?... как другие дети?..

Не услышав ответа, директор медленно поднял веки. И это малейшее движение отняло у него все силы, он даже не сразу посмотрел туда, где в прозрачных, упоительно-сиреневых весенних сумерках дрожали и всхлипывали израненные студенты, преподаватели, авроры, и плечом к плечу с ними — те, кто совсем недавно являлись их противниками. Одного взгляда хватило, чтобы лицо его ещё больше осунулось, а щёки запали — однако уже миг спустя Дамблдор не лежал, а сидел.

— Профессор! — ахнула мадам Помфри. — Вам нельзя!!! Вы же... — она осеклась: ледяной взгляд голубых глаз обрубил хлынувший из неё поток возражений.

— Как вы посмели... держать меня... когда тут...

— Но Альбус...

Он медленно поднял руку. Медленно закрыл глаза.

— Профессор...

Минерва Макгонагалл молчала, не отводя взгляда от директора и человека, всю жизнь бывшего её на-

ставником. Она уже догадывалась, что сейчас случится, равно как и осознавала — иного от него и ждать не приходится.

А значит...

...Прощайте, профессор... Спасибо вам... за всё... От всех нас...

— Не надо — лягте, поберегите силы, — едва слышно умоляла мадам Помфри. По её щекам лились слёзы, скатываясь на давным-давно утратившую белый цвет врачебную мантию.

В миг, когда Дамблдор поднял руку вверх и закрыл глаза, чтобы уже больше никогда их не открыть, с его ладони потекло золотистое сияние. Лёгкое, искрящееся, оно мерцало в воздухе, тончайшим покрывалом обволакивая всех, кто находился на поляне, и ныряло дальше, в лес — туда, где задышался под завалом Кевин Сторм, где над растерянным, близоруко шурящимся черноволосым юношей голосила Гермиона; туда, где уже сипло продолжал истерически хохотать Драко Малfoy, где, чертыхаясь, Рон вытаскивал из-под кучи валежника Невилла Лонгботтома...

Раны поджили на глазах, порезы затянулись, не оставив следов, исчезли ожоги, срослись переломы... Ушла боль, сгинул страх, оставив, впрочем, в сердцах раны, которым было суждено затянуться очень нескоро. Вернулись силы.

И надежда.

Кто-то радостно рассмеялся, кто-то зарыдал — не от ужаса или страданий, а от облегчения, от избытка чувств, а сияние начало незаметно меркнуть — вот от него осталась лишь поблескивающая в воздухе то там, то тут золотистая пыльца. Спустил миг и она рассеялась во влажных сумерках.

Будьте добрее друг к другу... и живите... Живите — ради будущего... ради самой жизни...

Иссохшая, как у мумии, рука упала на мантию.

Профессор Макгонагалл закрыла лицо ладонями и беззвучно зарыдала. Рядом с ней у раскинувшейся по земле прожжённой синей мантии плакала, тряся седыми кудельками, школьная фельдшерница.

Они не знали, сколько прошло времени, слёзы не кончались и не кончались, словно копились всю их строгую жизнь именно ради этого вечера, но тут кто-то звонко воскликнул:

— Смотрите! Вон они!

Из зарослей, волоча через плечо подвывающего от смеха Драко Малfoя, выплелся Рон, следом — бережно, словно вдову на похоронах, поддерживая под локоть оцепеневшую Гермиону, — появился Невилл. И последним, испуганно озираясь, и явно не понимая, где он очутился и что происходит вокруг, вышел Гарри Поттер.

* * *

Он сидел на трухлявой коряге, безотрывно глядя в бурлящий поток. Мутная вода несла щепки, обломанные ветви, не поддающиеся идентификации клочья — словом, напоминала Северусу Снейпу его собственную жизнь. Он поёжился, разминая затёкшее тело. Поднял вверх руку и наморщился в ожидании тупой ноющей боли в боку, однако, к собственному удивлению, её не почувствовал: зелье этих действительно помогало, а ведь состояло, судя по вкусу (а вкус у профессора Зельеварения был тонкий — профессиональный, можно сказать) только из каких-то местных травок и корешков, никаких тебе яичников летучей мыши, глаз водяного и прочих деликатесов.

...Надо же, какое удивительное ранозаживляющее действие. И без побочных эффектов — лёгкая утренняя тошнота ни в счёт. Выведать бы рецептик...

Но обмануть себя размышлениями о привычных вещах не удалось, странная пустота никуда не уходила. Конечно, нельзя сказать, чтобы нечто подобное случалось впервые, и впервые в жизни он не знал, что делать, куда идти, как жить дальше... Даже этот особенный страх — тупой и ноющий, как недавняя боль

в сломанных рёбрах — он тоже был давним знакомцем многоуважаемого мастера зелий. Поселившийся где-то под ложечкой, страх изматывал душу, вгоняя в странное, равнодушное оцепенение. И вот уже который день почти всё светлое время суток Северус Снейп проводил здесь — у журчащего неподалёку от Обители ручья, ставшего этой дождливой, беспокойной весной настоящим бурливым потоком.

Зельевар сидел на трухлявой колоде и смотрел в воду.

Бремя прошлых грехов давило на плечи, при мыслях о покаянии начинало колоть в груди.

Слева. Сильно.

Раньше обитать в этой пустоте почему-то было куда проще — может, потому что он был юн, зол, полон сил и ярости, которой настолько не хватало места в душе, что эта пустота в каком-то смысле даже отчаянно приветствовала — её можно было заполнить доверху любовно выпестованной ненавистью?.. Или же потому, что впереди ждала целая жизнь — долгие-предолгие годы минус работа над ошибками, смешная по продолжительности с точки зрения двадцати прожитых лет — ну, год-два, ну, пять?

Сейчас же всё иначе. Начать с чистого листа в сорок сложно даже волшебнику, а смотреть в глаза людям — и подавно нет сил...

Дважды предатель...

Иуда...

Изгой...

Хотя все личные проблемы меркли по сравнению со случайно услышанным сегодня разговором между Блэком и одной из этих...

...А может, я просто трушу?

Сзади, перекрывая плеск воды, послышались шаги — даже не поворачиваясь, Снейп мог сказать, что это он — Сириус Блэк, ибо нимфы перемещались совершенно бесшумно, а более никто из тварей живых, знающий свирепый норв лесных красавиц, приблизиться к Обители не рисковал. Он не повернулся, не спросил, за чем явился Блэк, лишь покосился украдкой, убедившись, что соперник ухитрился его ущипнуть даже в мелочах: в отличие от Снейпа, обряженного в какие-то пёстрые звериные шкуры, на Блэке сейчас красовалась починенная заботливыми руками аврорская мантия. Привычное же одеяние досточтимого профессора после боя, когда его подобрала Лиэ, прочёсывающая Запретный Лес в поисках Сириуса, представляла собой невозможные лохмотья — едва ли даже магия могла помочь в этом случае, не говоря уж о руках, вооружённых только самодельной иглой. Да, впрочем, обладательницы этих рук отнеслись к угрюмому раненому человеку весьма равнодушно и помощи даже не предложили. Не напоминай им Блэк, за эту неделю Снейпу едва ли и еды какой-нибудь перепало.

Поддёрнув мантию, Блэк присел рядом. Покосился в сторону своего извечного врага. Тот молчал, готовясь к традиционному обмену любезностями.

— В таком виде ты наверняка произведёшь фурор в обществе, — Блэк с поддельным восхищением потянулся к шкуре, брошенной Снейпу на плечи. — Шанхайские барсы? Или мексиканский тушкан? — шутка за сегодняшний день звучала уже во второй раз, и Снейп не счёл нужным опускаться до повторения ответа. — Фелли на рассвете ходила на Пустошь, — уже серьёзно продолжил Блэк, уставясь в мутные воды несущегося в далёко-далеко ручья. — И узнала...

— Я слышал, — перебил Снейп. — Дамблдор... И когда?

— В тот же день, когда всё и случилось. Подмога пришла только к ночи — тогда всё уже было кончено.

— А как... Поттер? — с усилием выдавил Снейп. Блэк молчал, глядя вдаль. — Он жив?

— Да. Жив.

Они помолчали.

Мимо, цепляясь за глинистый бережок, прокувыркалась коряга. Снейп взглянул на её безудержное и

бессмысленное вращение, и страх в груди уступил место скорби и отчаянию перед лицом неизбежного.

...Кем бы ты ни был... Кто бы ты ни был... Итог всегда один. Дай мне Мерлин хотя бы уйти с честью, коли не удалось прожить с честью... Учитель...

Повинуясь какому-то внезапному порыву, он поднялся и замер. Сириус вскочил следом с такой поспешностью, будто хотел доказать, что эта мысль пришла первой именно ему. Они стояли и смотрели: Снейп — по-прежнему в воду, Блэк же задрал голову, уставясь в проглядывающее сквозь проплешины облаков исплётно-синее небо. Двое немолодых мужчин, которым довелось много чего пережить, два врага и соратника — они стояли, отдавая последнюю почесть своему наставнику.

— Я хочу вернуться, — к собственному удивлению сообщил Снейп. — Когда они нас отпустят?

— Да хоть сейчас, тебя тут никто и не держал, — пожал плечами Блэк и тут же добавил в ответ на возмущённо-раздражённый взгляд: — Ну, хорошо — держал. Но сейчас Фелли отпускает нас. При одном условии...

— Только не говори, что прежде мы должны с этими существами...

От ярости, блеснувшей в мгновенно прищурившихся глазах Блэка, он осёкся.

...Сколько раз я тебе повторял...

...Твои отношения с твоей девицей меня не волнуют — для меня они всё равно не люди!

Мужчины смотрели друг на друга. Наконец Сириус разжал кулаки:

— Нам больше нельзя сюда возвращаться. Никогда. В противном случае нас ждёт смерть.

— Готов подписаться под каждым словом.

Снейп поплёлся к пещере, а Блэк замер на невысоком осклизлом берегу.

...Они действительно передвигались совершенно бесшумно, и всё же он всегда чувствовал её приближение.

— Сириус... — пахнувшие лесом и водой руки обвились вокруг него, тонкие перевитые травой пальцы скользнули вверх, прикоснулись к щекам. — Опять пришла пора... Ступай — я сама тебя найду. Жди меня... нас. Я обязательно тебя найду.

— Расставание — не всегда прощание, верно? — он, не поворачиваясь, погладил её руки. — Я буду ждать. Всегда буду ждать тебя.

* * *

В эту крохотную шотландскую деревушку давным-давно никто не заглядывал. Даже весна, похоже, обходила её стороной, коли, вопреки солншку, в оврагах и ложбинках ещё серел угрюмый ноздреватый снег. Пожилой фермер распахнул ворота сарая и в неярком свете электрической лампочки как раз обозревал своё хозяйство — мотоблок, бороны, плуги и прочие чудеса сельхозтехники, когда истеричным лаем зашёл сторожевой пёс.

У ворот стоял незнакомец, выглядящий так, будто сбежал с фестиваля исторических костюмов. Однако насколько было известно старому Сэму Хопкинсу из материалов местной газеты, которую ему с опозданием в несколько дней (зато бесплатно) заносил приятель-почтальон, никакого фестиваля поблизости не было. Во всяком случае, в последнюю неделю.

Слава богу — и без того хватало происшествий...

Вытирая промасленной ветошью руки, Сэм, прищурившись, изучал лицо странного незнакомца — усталое и грязное, однако же до удивления аристократичное: тонкие черты, по-барски слегка вздёрнутая губа, брызгливо наморщенный нос — словно тот шагнул на раскисшую просёлочную дорогу напрямик из эпохи короля Георга, а он, Сэм Хопкинс, был ленивым и небрежным вассалом, коего сейчас собираются тягать по двору за волосыя.

Это ощущение старику не понравилось.

А может, кино где поблизости снимают?.. Наверняка кино — вон, несколько дней назад всё тряслось, ровно как при землетрясении и зарницы так и полыхали... Как там их — спецэффекты, поди...

— Э-э... л-любезнейший! — явно затрудняясь с тем, как обратиться к старику, неуверенно взмахнул рукой человек.

При этом капюшон его диковинного плаща окончательно свалился с головы, и глазам Сэма предстали волосы такого странного цвета и необычной для конца двадцатого века длины, что он окончательно уверовал, что перед ним кто-то из массовки, отбившийся от съёмочной группы и заплутавший на шотландских просторах.

— Э... не соблаговолит ли, л-любезнейший... — продолжил незнакомец с заметным усилием выдавив последнее слово, — подать мне воды?

— Конечно.

Сэм закончил вытирать руки, цыкнул на захлёбающегося лаем пса и мотнул головой, приглашая мужчину зайти во двор. Тем не менее, когда он вышел из дома с кружкой горячего чая, странный человек в мантии (да-да, именно в мантии — пока в электрическом чайнике грелась вода, старик сообразил, что это название подходит одеянию незнакомца больше всего) не сделал и шагу вперёд.

— Держите.

Тот принял кружку и с каким-то странным выражением лица — словно бы испытывая одновременно невероятную жажду и столь же невероятную брезгливость — начал хлебать дымящийся чай.

— От группы, что ль, отстали?

Человек поперхнулся. Глаза его нервно метнулись по сторонам, и Сэм внезапно усомнился в том, что этот человек — актёр.

Может, маньяк-убийца?

— Да-да... Что-то вроде того, — неопределённо шевельнул пальцами незнакомец. На безымянном тускло сверкнуло кольцо, привлекая внимание Сэма.

Не, наверное, актёр. Они все с прибабахом. Вон, любую газету открой — чего только они не вытворяют, ироды. Совсем стыд потеряли. Поди, нанюхался какой-нибудь дряни да потерялся, а его и не хватились, бросили. Видать, того же поля ягодки.

— Не подскажешь ли, любезнейший, — видимо, определившись с формой обращения, продолжил мужчина, возвращая пустую кружку, — куда ведёт эта дорога?

— На север, в город, — пожал плечами фермер, который выбирался туда настолько редко, что даже не нуждался в названии — просто «город» — и всё. — Только пешком вы не пройдёте — дороги размыло, да и путь неблизкий... Автобус будет только завтра вечером. Я бы вас на тракторе подобрал, но разве что с утра...

— Нет-нет, не извольте беспокоиться...

Незнакомец суетливо запахнул в эту свою э-э... мантию, накинул капюшон и зашагал по дороге, острожно обходя лужи. Какое-то время Сэм ещё смотрел ему вслед, потом пожал плечами и вернулся к сараю.

...Актёршко, поди. Но всё равно — спрошу-ка потом у сержанта Хайнтса, вдруг всё же маньяк... Может, сбежал с каторги... Или из сумасшедшего дома... О. Точно — псих.

— Значит, на север, — бормотал, поглядывая себе под ноги, чтобы не вляпаться в сочную деревенскую грязь, Люциус Малфой. — Что ж, нынешнее лето обещает быть жарким, так что север мне очень даже подойдёт...

* * *

— Я сказал — пустите меня в Отделение Мозговых Травм! — бушевал у дверей Рон Уизли. — Быстро! А то я за себя не ручаюсь!

Он пошарил в кармане больничной пижамы, котоя, как всегда и везде, была ему не впору — и угро-

жающе вскинул зажатую в кулаке волшебную палочку. — Пустите меня!

— Наконец-то крошка Ронни понял, где ему самое подходящее место, — хихикнул за спиной знакомый мужской голос.

— Джордж! — укоризненно перебил молодой женский. — Перестань!

— Мужем своим командуй, — не промедлил мужской.

— А по шее? — подхватил второй мужской голос, ничем не отличающийся от первого.

— Дети!

— Фред, Джордж, ведите себя прилично, не компрометируйте отца!

Рон стоял, по-прежнему глядя в запертые двери, его губы сами собой растягивались в дурацкой, во всё лицо, если не шире, улыбке.

...Мама... Фред... Джордж... Анджелина... Перси...

Он обернулся, сияющим взором окинул почти полный состав семейства Уизли — за исключением Билла и ещё не вернувшегося из Китая Чарли — однако вместо того, чтобы кинуться к ним с распростёртыми объятиями (как-никак, почти полторы недели лазарета, во время которых к нему никого не пускали и даже весточки передавали нерегулярно — следствие до сих пор устранимого бардака во всех отраслях магического мира), снова развернулся и заколотил в дверь с утроенной силой:

— А ну, отпирайте немедленно временно исполняющему обязанности заместителя министра Магии!

На этот раз дверь оказалась куда стоворчивей: сначала приоткрылось окошечко (Рон предусмотрительно пригнулся), внимательные глаза изучили смущённо покашливающего в ладонь Артура Уизли, и, наконец, врата в Отделение Мозговых Травм госпиталя им. Св. Мунго приветливо распахнулась, пропуская внутрь всю рыжеволосую (за единственным исключением) делегацию.

Только когда они миновали первый коридор, очутившись в менее людном месте, нежели приёмная, где на них смотрели во все глаза, Рон дал волю своим чувствам. Размазывая по щекам слёзы радости, он кинулся обнимать всех по очереди, до сих пор не в силах поверить, что все живы и здоровы — да что там греха таить: что сам он действительно уцелел в том кошмаре, и теперь семья опять в сборе.

Вместе...

— Мама... Папа... Джордж... Фред, придурок, щекотно же! Джинни... Анджелина...

— Лапы прочь от моей жены!

— Жены? Погодите, а когда... а разве вы...

За спиной Джинни Джордж многозначительно вытаращил глаза и сделал вид, будто держит у живота что-то огромное и жутко тяжёлое. Заметившая эту пантомиму Анджелина отчаянно покраснела, взмахнула рукой, и относительную — с учётом количества скопившихся тут Уизли — тишину большого коридора нарушила звонкая затрещина.

— Ронни, мальчик мой, — тем временем рыдала миссис Уизли, уткнувшись младшему сыну куда-то в район полосатой больничной подмышки, — слава Мерлину Всеблагому, ты цел... А ну-ка... — она взяла сына за щёки и изучила его лицо: — Господи, а круги-то под глазами... а щёки-то как ввалились... Да как ты отощал...

— Какое отощал! Он просто вымахал ещё сильнее, — с плохо скрываемой завистью фыркнул Фред. — Наш молокосос Ронни решил компенсировать недостаток ума избытком роста...

Рон не мог найти в себе сил даже шутливо огрызнуться — уткнувшись матери в волосы, он с трудом сдерживал счастливые всхлипывания: всё кончилось, он снова не один, снова вокруг семья и друзья...

Друзья. Точно!

У дверей палаты за номером семь все застыли. Неуверенно переглянулись, не в силах признаться себе в том, что по-настоящему боятся ожидающего их по ту сторону дверей зрелища.

— Рон? — мистер Уизли вопросительно посмотрел на сына и сделал шаг вперёд. — Может быть, я...

Но Рон лишь возмущённо мотнул головой — как посмели его заподозрить в трусости! — положил разом повлажневшую ладонь на дверную ручку, сделал глубокий вдох, вымалывая у времени ещё секундочку... — и решительно повернул. Эта палата ничем не отличалась от той, где последнюю неделю провалялся он сам: небольшое помещение на пару человек, разгороженных веселенькими — в разноцветный горошек — занавесками. Взгляды всех новоприбывших немедленно устремились в левый угол.

Там, на стуле, вплотную придвинутом к кровати, замерла девушка в белом медицинском халате и шапочке; а на самой кровати, положив своей сиделке голову на колени и для верности — словно боясь, будто она может в любой момент исчезнуть, — обхватив её вокруг бёдер руками, спал юноша. Гермиона — а это, конечно же, была она — обернулась на шум, и Рон едва удержал потрясённый вздох: он не сразу узнал свою подругу в этой удивлённой... нет — уже радостной, но такой усталой и истрадавшей молодой женщине. И её взгляд... Он стал настолько иным, что Рону даже сначала показалось, будто глаза Гермионы поменяли цвет.

— Рон! Миссис Уизли! — ахнула девушка, тут же испуганно покосившись на вздрогнувшего, но так, к счастью, и не проснувшегося Гарри.

Жестом попросив всех выйти обратно в коридор, она приспособила волшебную палочку в качестве закладки огромного тома, который читала, и выскочила следом, на ходу размазывая подступившие к глазам слёзы. Полчаса миновали в обоюдных объятиях, вздохах, всхлипах, расспросах о чём угодно, но не о главном — все боялись задать тот-самый-вопрос. Наконец, когда Гермиона по восьмому кругу начала поздравлять Анджелину с замужеством, причём, что характерно, называла её мужем то Фреда, то Джорджа, а миссис Уизли с подчёркнутой жизнерадостностью в очередной раз вздохнула, что «теперь всё-всё будет хорошо», Рон не выдержал:

— Гермиона... — все затихли, поняв по его лицу, что настал час икс. — Как... он?..

Она поникла, и глаза вновь потемнели.

— Он ничего не помнит. Совсем. Все эти шесть лет... магия, школа, волшебство — до самого последнего мига, когда я нашла его под орешником... Колдодики говорят, что это вытравлено из его памяти. Без возможности восстановления.

— То есть... — выдохнула Джинни, — он совсем-совсем ничего не помнит?

— Почему же, — Гермиона печально улыбнулась. — Он помнит, что его имя Гарри Поттер. Что живёт он на Приват-драйв у дяди и тёти, потому что его родители, которых он никогда не знал, погибли много-много лет назад в автокатастрофе...

Мистер и миссис Уизли с ужасом переглянулись, потом миссис Уизли сделала попытку приобнять Гермиону, однако девушка упрямо тряхнула головой и чуть заметно отстранилась.

— Всё, что связано с... с... Вольдемортом, Гарри забыл. Всё — эти шесть лет вычеркнуты из его памяти, он убеждён, что тоже попал в какую-то аварию и оказался в коме... Хогвартс, магия, родители, Тёмный Лорд и даже...

— ...и даже?... — эхом подхватил Рон.

— Даже мы с тобой, — по чуть запунцовевшим щекам Гермионы стало понятно, что сначала она хотела сказать нечто иное. — Доктора не велели его тревожить: он убеждён, что находится в частной клинике, но мне кажется... — она снова сдвинула брови, и Рон уже в который раз за столь непродолжительное время был поражён этим странным, новым для Гермионы взглядом, — мне кажется, его не нужно обманывать, мы должны ему сказать... Не знаю, почему — может быть, он действительно что-то помнит... — но он доверяет

мне, — она снова покраснела. — Доверяет и никуда от себя не отпускает... — шёпотом закончила она и вдруг опустила голову. — Он сейчас такой... несчастный... совершенно дезориентированный... беспомощный... Это невыносимо...

Она хлопнула носом, слёзы закапали на пол, однако, едва миссис Уизли снова потянулась с жестом утешения, Гермиона резко отстранилась — белая шапочка съехала набок, и на плечи хлынула лавина каштановых кудрей.

— Ничего-ничего... — шёпотом, и тут же — уже уверенней и громче: — Ничего. Мы обязательно справимся.

— Ясное дело, — Рон хлопнул подругу по плечу так, что она чуть не села на пол. — Ты главное это... — не кисни.

Гермиона благодарно улыбнулась и обвела взглядом стоящих вокруг неё людей: всхлипывающую в платочек миссис Уизли, Джинни — гриффиндорка смотрела на свою старшую подругу во все глаза, Анджелину и Фреда (или Джорджа? — ах, право слово, сейчас Гермионе было не до того), Артура Уизли, который взирал на неё не с жалостью, не с состраданием — с невероятным уважением.

Даже Перси Уизли, похоже, был впечатлён. Впрочем, последний тут же нырнул обратно в свою раковину:

— Отец, полагаю, тебе стоит переговорить с лечащим колдомедиком и использовать всё своё нынешнее влияние, чтобы в распоряжении Гарри были лучшие врачи и...

Договорить он не успел: из палаты донёсся металлический скрип пружин, испуганный вздох и грохот.

— Гарри! — глаза Гермионы обезумели — и это выражение позволило Рону понять всё: и пережитый ею ужас утраты любимого, и страх за него, и боль, и скорбь, и заново рождающееся счастье — такое горькое и такое... драгоценное... — Гарри!

Через мгновение она уже была в палате.

— Что тут?

Они застыли на месте: Гермиона в дверях, позади неё — Рон, следом — близнецы с мистером Уизли и пытающейся оттолкнуть их миссис Уизли, через плечо матери заглядывала внутрь Джинни, а позади приподнялась на цыпочки бережно прикрывающая ещё даже не округлившийся живот Анджелина — они застыли, затаив дыхание.

Видимо, Гарри проснулся и, не увидев рядом Гермионы, запаниковал, попытался встать и сослепу смахнул на пол фолиант, который она читала, дежуря подле него. Сейчас он, свесив ноги, сидел на кровати, держа в одной руке книгу, а в другой — волшебную палочку. На оную палочку он и взирал со странным выражением лица.

— Гарри... — Гермиона очнулась первой и сделала осторожный шаг.

— Гермиона... Ты куда ушла? — почти жалобно спросил он, поднимая к ней озадаченный взгляд.

— Я выходила на минуточку... К тебе пришли друзья... — она махнула рукой на толпящуюся за её спиной рыжеволосую команду.

— Друзья?... — на лице Гарри появилось отчаянно-растерянное выражение, от которого захотелось разрыдаться всем присутствующим, включая (хотя они б откусили себе языки, нежели б признались в этом) даже близнецов. — Простите... но... я... я не знаю этих людей...

— Значит, узнаешь, — отодвинул Гермиону в сторону Рон. — Я Рон. Рон Уизли.

— Гарри. Гарри Поттер. А почему ты... смеёшься?

— Да так, — шмыгнул длинным веснушчатым носом Рон. — Просто у меня такое ощущение, что всё это когда-то уже было, — он шагнул вперёд, выставив вперёд широкую ладонь.

Гарри протянул руку, забыв, что держит палочку, и от резкого движения из неё вдруг вырвался сноп красных-золотых искр. Все оцепенели.

— Что это... Что это было?.. — он поднял голову и растерянно посмотрел на Гермиону. — Как это... Фейерверк?

Он снова тряхнул рукой, и Рону пришлось отскочить в сторону, хотя, похоже, сделал он это не слишком своевременно: раздался тихий шелест, и шевелюра Уизли-младшего поменяла цвет с рыжего на застенчиво-розовый.

— Гермиона...

Гарри потрясённо смотрел на неё, для него кроме них сейчас в комнате никого не было.

— Видишь ли, дорогой Гарри, — кашлянув, выступил вперёд Перси, — боюсь, для того, чтобы воспринять произошедшее с правильной точки зрения, тебе необходимо... — Фред дал ему в бок локтем, Перси пискнул и умолк.

— Гарри... — она подошла к нему и осторожно потянула палочку из его пальцев. — Видишь ли, Гарри... Как бы тебе объяснить... Просто ты... — она глубоко вздохнула, словно перед прыжком с вышки, и выпалила: — Понимаешь, ты — волшебник. Вот и всё.

— Волшебник?.. — он зачем-то посмотрел на свои руки и снова поднял вопросительный взгляд.

— Ясное дело, волшебник, ты глянь-ка, как сумел Ронни изукрасить, — фыркнул Джордж. — Сразу видно — наш человек. Короче, что время терять! Я Джордж, это — Фред, это — Джинни...

— Гарри, деточка, — очнувшись, всплеснула руками миссис Уизли, — ну, хвала небесам — ты не утратил своего дара! А с остальным мы как-нибудь управимся.

— Дара? — растерянно переспросил Гарри, пытаясь удостовериться, что все вокруг действительно говорят по-английски.

— Я... Я тебе обязательно всё объясню, Гарри. Обязательно, — Гермиона успокаивающе коснулась его руки.

— Защибиться можно, — констатировал Джордж. — Нет, вы видели, а? Мне ещё ни разу не доводилось присутствовать при такой душеспитательной сцене. Фред, дай платок, мне нужно срочно утереть скучную мужскую слезу.

— Не паясничай! — в отличие от Джорджа, Анджелина действительно комкала в руках платочек, а губы её подозрительно тряслись.

— Гарри...

— Что вы как раскричались... — донёсся капризный голос из-за полога, огораживающего соседнюю кровать. — Мисс Грейнджер...

Эпилог

Та же больничная палата, битком набитая людьми, привидениями, духами, портретами и т.д. Судя по звукам и запахам — где-то поблизости Хагрид со своими соплохвостами и прочей ароматной живностью, а так же — профессор Снейп с котлами, в которых варится нечто малоаппетитное (по секрету — мастер Зеллий всё тщится воссоздать восстанавливающее варево нимф). На двух кроватях, придавленные друзьями и недругами, сжались Гарри Поттер и Драко Малфой. Первый выглядит потрясённо-непонимающе, второй — непонимающе-потрясённо. Малфой периодически начинает хихикать.

Оба не отрывают глаз от Гермионы.

На тумбочке у кровати Гарри, поджав ноги, сидит Stasy, в её руках — большой серебряный поднос, коим она, судя по выщербинам и пятнам, отражала заклятья чрезмерно недовольных или же чрезмерно нетерпеливых.

Гермиона (волосы разлохмачены, голос напоминает шипение ядовитой змеи). Что... ты... сделала... с Гарри?

Stasy (сжимается в комок, зажмуривается). А что сразу я-то? И ничего я с ним не сделала — обрати внимание: жив и здоров (поднимает руку Гарри, трясёт ею в воздухе, отпускает. Рука безвольно падает на одеяло). А ведь мог бы и...

На свет появилась холёная белая рука, отёрнула занавеску...

В гробовой тишине Драко Малфой обвёл оцепеневшую компанию сумрачным взглядом и снова по-телячьи уставился на Гермиону:

— Откуда взялись эти люди, да ещё в таком количестве?.. Мисс Грейнджер, будьте любезны, подайте мне стакан воды...

Тишине, воцарившейся в палате, могло позавидовать брошенное кладбище. Глаза Джинни полезли на лоб, рот Рона распахнулся настолько широко, словно его обладатель собрался целиком заглотнуть арбуз средних размеров, из горла миссис Уизли вырвался странный кудахчущий звук. Остальные выглядели не лучше — даже Фред с Джорджем не смогли найти слов, чтобы коротко и ёмко, в свойственной им манере, выразить своё отношение к происходящему.

Гермиона же спокойно подошла к медицинскому столику, разболтала в воде порошок и, словно происходящее было чем-то само собой разумеющимся, пошла к Драко Малфой:

— Да-да, вам как раз нужно принять лекарство, мистер Малфой. Держите.

Рон готов был поклясться, что Малфой специально принял у неё стакан так, чтобы коснуться её пальцев. Он покосился на Гарри: тот наблюдал за происходящим весьма напряжённо.

— Эт-то ещё что за цирк...

— Это не цирк, а Отделение Мозговых Травм, — многозначительно шевельнув бровями, Гермиона уставилась на него в упор. — И мистер Малфой — ещё один пациент, вверенный моим заботам за возможность находиться рядом с Гарри.

Судя по сдвинутым бровям, самого Гарри подобные условия не слишком-то радовали.

— Та-ак... — Рон взъерошил розовые патлы, — получается, Малфой как психом был, так психом и остался... Однако... Что-то мне это не больно нравится...

— Рон... — Гермиона предупреждая стрельнула в друга взглядом и вернулась к заметно помрачневшему Гарри, евшему взглядом соседа по палате. Провела рукой по его волосам. Вздохнула. — Всё только начинается. Только начинается.

Гарри неуверенно улыбнулся, снова взглянул на свои руки.

Значит, волшебник?..

Свист заклятья, Stasy резвенько пригибается, и сидящий за ней Невилл Лонгботтом обретает четвёртую пару рогов.

Гарри (жалобно). Гермиона...

Гермиона (нежно гладит его по руке). Гарри...

Малфой (ревниво). А меня потрогать?..

Рон (с готовностью). Ща я тебе как потрогаю...

Колин Криви (вскидывает фотоаппарат). Давай-давай, а я это запечатлю для истории.

Крэбб и Гойл (хором). Мы тебе ща как запечатлим...

Дух Дамблдора. Ну-ну, не ссорьтесь, дети мои, ибо, если тратить силы на распри и раздоры, никогда не сможете обрести вы мир и истинную радость...

Все зевают с риском для жизни.

Stasy (осторожно-примирительно). Вот-вот. Давайте не будем ссориться. И вообще — всё хорошо закончилось: все живы и здоровы...

Гермиона поднимает руку — грохот, и рога Невилла начинают густо ветвиться.

Stasy (из-под подноса, отчаянно). А вы вообще — чего хотели? Чтобы Гарри положил Вольдеморта и, счастливый, пал в объятия любимой, да?

Все (заинтересованно). Положил Вольдеморта?

Вольдеморт (из ниоткуда, не менее заинтересованно). Поттер меня положил?

Stasy (краснея). Я в хорошем смысле слова! Убил — то есть.

Все, включая Вольдеморту (разочарованно). А-а...

Гермиона (мстительно). Чтобы в третьей книге вернула ему память, понятно?

Stasy (не менее мстительно). Станешь мне угрожать, я вообще её писать не буду.

Волосы Гермионы встают дыбом. Она поднимает палочку, Stasy прячется под поднос, Невилл обречённо зажмуривается.

Гарри (трогает её за руку, испуганно). Гермиона?..

Гермиона (нежно). Гарри...

Малфой (ревниво). А мне потрогать?..

Рон (с готовностью). Ща я тебе как потрогаю...

Перси Уизли (негодую). Нет, я всё же не понял — куда девался Тот-Кого-Нельзя-Называть?

Вольдеморту (из ниоткуда). Вот-вот. Я тоже что-то не понял...

Перси Уизли (негодующе продолжает). ...и вообще, чем всё закончилось? Вы, многоуважаемая, даже не позволили мне мало-мальски появиться на сцене, хотя мои последние достижения в разделе «Транспортировка магических отходов» были одобрены таможей Гондураса и жителями острова Пасхи...

Гермиона взмахивает палочкой, и Перси затыкается.

Stasy. А что тут говорить — Гарри не мог его убить, а потому запечатал от мира. И теперь тот будет сидеть там, пока...

Вольдеморту (из ниоткуда, заинтересованно). Пока?..

Все (наводят на Stasy волшебные палочки, при виде чего сидящий за ней Невилл, гремя рогами, валится в обморок). Молчать!

Stasy. Всё-всё. Уже молчу.

Пенси Паркинсон (льнет к Драко). А что будет с ним?..

Stasy (равнодушно). Да ничего. Похихикает чуть-чуть. А потом — пара лоботомий, и будет как новенький.

Пенси Паркинсон. А можно мне пока им чуть-чуть попользоваться?

Stasy (равнодушно). Да сколько угодно. Только до смерти не запользуй. Он нам ещё пригодится.

Снейп (отрывается от своих котлов). А кто, кстати, будет преподавателем по защите от Тёмных Искусств на будущий год?

От автора

Я от всей души хочу поблагодарить тех, кто прошёл со мной и героями очередную длинную дорогу. Спасибо **Free Spirit** и **Сохатому**, моим главным помощникам и советчикам, спасибо всем читателям, кто хвалил и ругал, одобрял и критиковал, прощал мои вечные опечатки, спасибо **Странице**, регулярно присылавшей их список; спасибо всем, кто переживал вместе с героями и за них, спасибо **Viss**, подарившей героям облик, а всем нам — замечательные иллюстрации.

Спасибо.

А ещё — спасибо Гарри и его команде, ибо благодаря им у меня появилось невероятное количество друзей!

Надеюсь, что однажды я дозрею, и тогда диалогия станет трилогией, обретя последнюю часть — «Охотника».

Stasy (задумчиво). Н-ну...

Снейп преданно смотрит ей в глаза.

Дух Дамблдора. Северус, прежде чем нести свет в детские души, ты должен обрести его сам, ибо пока ты не в ладах с самим собой...

Все зевают с риском для жизни.

Гермиона (обвиняюще). То есть не вернёшь ему память.

Stasy (обречённо пригибается). Нет.

Гермиона. И как же мы теперь?

Stasy. Заново. Шаг за шагом, слово за словом... ну, и всё такое (подмигивает).

Гермиона краснеет.

Гарри (заинтересованно). Гермиона?.. О чём это она?

Гермиона (шёпотом). Я тебе потом объясню.

Малфой (ревниво). А мне?

Рон (с готовностью). Я тебе ща как объясню...

Анджелина. А кто у меня родится?

Stasy (не поворачиваясь). Двойня.

Фред (в ужасе). Что?!

Stasy (равнодушно). Тогда тройня.

Грохот падающих тел. Многозначительная тишина.

Stasy (осмелев). Ну, ещё вопросы есть?

Малфой (капризно). Да. Я хочу узнать, почему тут завтрак сервируют без батистовых салфеток и почему Поттеру всегда дают красненькое лекарство, а мне противное зелёное!

Рон (с готовностью). Я тебе ща отвечу...

Stasy. Ну, что ж, если вопросов нет — всем спасибо, все свободны.

Бормоча — кто довольно, кто негодующе — все исчезают.

В палате остаются только Гарри, Гермиона и Драко Малфой.

Весна. Вечер. Просёлочная дорога. Сквозь кусты кто-то пробирается.

Люциус Малфой (жизнерадостно). А мы пойдём на север...

Как всегда — небольшой список использованной литературы. Так сказать, цитатничек.

- Р. Акутагава Новеллы
- У. Эко Баудолино
- Х. Л. Борхес Рассказы
- В. Пелевин ДПП
- А. Ким Сбор грибов под музыку Баха
- М. и С. Дяченко Ведьмин век
- М. и С. Дяченко Магам можно все
- А. Перес-Реверте Территория команчей
- А. Перес-Реверте Тень орла
- А. Перес-Реверте Клуб Дюма или Тень Ришелье
- Е. Ардов Юмористические рассказы
- Н. Клюев Между двух стульев
- А. Дюма Двадцать лет спустя
- Т. Янссон Сказки о муми-троллях
- А. и Б. Стругацкие Понедельник начинается в субботу
- П. Козьмо Пятая гора
- П. Козьмо Одиннадцать минут
- Э. Кингсли Лесовик
- М. Павич Вывернутая перчатка
- С. Довлатов Компромисс
- С. Ёкомидзо Клан Инугами